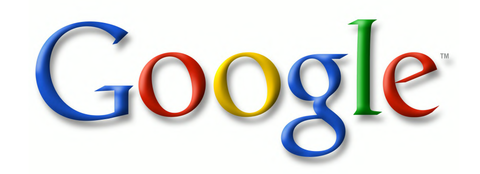





VE RI
TAS

Годъ XI-й. № 9-й.

# МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

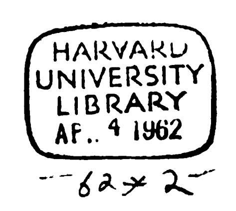
СЕНТЯБРЬ

1902 г.





С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1902.




Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28-го августа 1902 года.

# СОДЕРЖАНІЕ.

## ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.



## ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

---

## ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.



---

# СОВРЕМЕННЫЯ СУДЬБЫ ЖЕНЩИНЫ ВЪ СВЯЗИ СЪ ПРОБЛЕМАМИ ВОСПИТАНІЯ.

*(Обзоръ новѣйшей иностранной литературы по женскому вопросу).*

*«Liebe und Liebesleben im XIX Jahrhundert»*, von D-r Ernst Gystrow. (Berlin, 1902, Verlag «Aufklärung»).—*«Geistiges Proletariat und Frauenfrage»*, von Clara Zetkin (Berlin, 1902, Verlag Th. Glocke).—*«Das Weib und der Intellectualismus»*, von Oda Olberg (Berlin, 1902. Akademischer Verlag für sociale Wissenschaften).

Подобно тому, какъ Сократы и Фаусты, по мѣрѣ ихъ все болѣе глубокаго погруженія въ загадки человѣческаго міра и знанія, приходили къ печальному заключенію, что «все, что они знаютъ, есть лишь то, что они ничего не знаютъ»,—такъ и всѣ тѣ, которые mit heissem Bemüh'n слѣдили за литературой по такъ называемому женскому вопросу, за всѣми произведеніями послѣднихъ двухъ-трехъ десятилѣтій, трактовавшими за и противъ женской «эмансипаціи», должны были, при искреннемъ отношеніи къ дѣлу, придти, въ концѣ концовъ, къ тому же заключенію и сказать себѣ, подобно Фаусту:

Da steh'ich nun, ich armer Thor!
Und bin so klug, als wie zuvor...

Лишь въ самые послѣдніе годы обнаружился поворотъ въ теоретическомъ отношеніи къ женскому вопросу и, вмѣсто болѣе или менѣе звонкихъ фразъ, неубѣдительныхъ аргументовъ à-priori и предвзятыхъ точекъ зрѣнія, стали появляться безпристрастныя изслѣдованія, опирающіяся на твердый фундаментъ объективныхъ данныхъ и научныхъ методовъ. Казавшіеся раньше столь простыми, столь несложными вопросы женскаго внѣсемейнаго труда, женскаго образованія и т. п., по мѣрѣ все болѣе и болѣе разносторонняго и глубокаго ихъ разсмотрѣнія, оказались необычайно трудными проблемами, затрогивающими не только насущные интересы женской личности, но и судьбы какъ подрастающихъ поколѣній, такъ и всего общества. Эпоха апріорнаго рѣшенія женскаго вопроса, господство методовъ à la Дж.-Ст. Милль, апеллированіе къ справедливости и свободѣ на одной сторонѣ, къ «законамъ природы» и «здравому смыслу» на другой уступаютъ свое мѣсто болѣе убѣдительной аргументаціи статистики, біологіи и другихъ положительныхъ знаній. Друзья женской эмансипаціи поняли,

наконецъ, что красивыми и даже благородными фразами не рѣшить столь сложной проблемы, и отложивъ на второй планъ—поскольку это, конечно, возможно—свои идеалы, они принялись за азбуку. Благодаря такому счастливому повороту въ современной теоріи женскаго вопроса, послѣдніе годы подарили намъ цѣлый рядъ выдающихся изслѣдованій, бросающихъ совершенно новый свѣтъ на старую уже, въ сущности, тему и затрогивающихъ, въ связи съ женскимъ движеніемъ, много другихъ, весьма близкихъ къ нему вопросовъ, остававшихся до сихъ поръ въ болѣе или менѣе полномъ пренебреженіи. Въ теоріи женскаго вопроса, по выраженію одной изъ новѣйшихъ поборницъ женскихъ правъ, Оды Ольбергъ, оказался вдругъ цѣлый непочатый уголъ «неизвѣстныхъ величинъ», отъ того или иного опредѣленія которыхъ будетъ зависѣть все наше принципіальное отношеніе къ женскому движенію. Неудивительно, если на опредѣленіе такихъ «иксовъ» и «игрековъ» набросились въ послѣдніе два—три года самыя свѣжія и наиболѣе выдающіяся силы современнаго женскаго движенія на Западѣ, рѣшившіяся исправить крайности и ошибки, а также пополнить пробѣлы всей «женской» литературы второй половины XIX-го вѣка. Ближайшее знакомство съ этой новой литературой по женскому вопросу представляетъ, поэтому, глубокій интересъ, ибо въ ней затрогиваются, со всей подобающей имъ серьезностью и осторожностью, самые близкіе, такъ сказать, и *интимные* вопросы нашей повседневной жизни—вопросы семьи и воспитанія. Какъ рѣшаетъ эти вопросы новая литература? что думаютъ сами женщины, стремящіяся къ внѣсемейному труду, о конфликтѣ материнскихъ и общественныхъ задачъ, о ближайшихъ судьбахъ воспитанія? въ какомъ смыслѣ надо понимать глубокій кризисъ современной семейной жизни и чѣмъ онъ обѣщаетъ разрѣшиться? Такіе и подобные имъ вопросы поставлены теперь ребромъ самой жизнью, и ихъ приходится рѣшать уже не легкомысленными фразами и не партійною полемикой, а, какъ и всякую другую соціальную проблему, позитивнымъ методомъ, во всеоружіи современныхъ знаній. Наши субъективныя желанія, симпатіи и антипатіи должны отойти на задній планъ. На первомъ мѣстѣ мы должны поставить не то, куда намъ *хотѣлось бы* направить современную дѣйствительность, а то, куда она направляется сама собой, безъ вмѣшательства нашихъ сознательныхъ стремленій, чтобы затѣмъ въ эволюціи этой дѣйствительности отыскать ея цѣль и смыслъ. Такая *первая ступень* изслѣдованія дастъ намъ положительныя данныя и познакомитъ съ законами развитія той соціальной среды, часть которой составляетъ коллективная жизнь женщины и семьи. Въ связи съ изученіемъ соціальной среды, какъ фактора первичнаго и опредѣляющаго, должны быть затѣмъ разсмотрѣны факторы индивидуальные, психологическіе, такъ называемая «природа женской личности», а также, наконецъ, и наши идеалы, задачи семьи и воспитанія. Въ такомъ духѣ, по крайней мѣрѣ,

составлены труды извѣстнѣйшихъ новѣйшихъ авторовъ, посвятившихъ свои силы болѣе глубокому изслѣдованію «иксовъ» и «игрековъ» современнаго женскаго вопроса. Въ числѣ этихъ трудовъ первое, безспорно, мѣсто занимаютъ опубликованныя въ прошломъ году и разсмотрѣнныя уже нами въ другомъ мѣстѣ *) работы Лили Гижицкой-Браунъ, Адели Гергартъ и Елены Симонъ, а также вышедшія недавно сочиненія Клары Цеткинъ и Оды Ольбергъ—все представительницъ германскаго женскаго движенія. Сочиненія этихъ двухъ послѣднихъ авторовъ, равно какъ краткій историческій обзоръ Эрнста Гистрова, посвященный судьбамъ «любви въ девятнадцатомъ столѣтіи» и имѣющій близкое отношеніе къ нашей темѣ, являются послѣдними наиболѣе интересными «новинками» иностранной литературы по женскому вопросу. Въ частности, историческій этюдъ Эрнста Гистрова затрогиваетъ наиболѣе интимную сторону этого вопроса, а именно *эволюцію любви въ девятнадцатомъ столѣтіи*, тѣ ея колебанія и пертурбаціи, которыя служатъ, по мнѣнію автора, знаменіемъ предстоящихъ важныхъ перемѣнъ въ отношеніяхъ половъ другъ къ другу. Понять характеръ и направленіе этой эволюціи, сознается авторъ, необычайно трудно, такъ какъ тутъ приходится имѣть дѣло съ цѣлымъ рядомъ крайне перепутанныхъ между собою факторовъ, не только чисто экономическихъ и соціальныхъ, но и духовныхъ, вліяющихъ самымъ различнымъ образомъ какъ на семейную, такъ и досемейную жизнь всѣхъ членовъ общества. Но чѣмъ труднѣе тема, тѣмъ интереснѣе ея развитіе, въ особенности если, приступая къ ней, авторъ будетъ строго придерживаться фактовъ и не подтасовывать ихъ подъ тѣ или иные моральные или неморальные рецепты. «Задача, которую я себѣ поставилъ,—говоритъ Гистровъ,—заключается не въ томъ, чтобы изобразить любовь (Liebesleben), ка ковою она *должна быть* или *могла бы* когда-либо быть, а въ томъ, чтобы показать, какія формы она за послѣднія сто лѣтъ приняла и въ какомъ общемъ направленіи она развивается въ настоящую минуту». При всемъ томъ, нашъ авторъ имѣетъ въ виду лишь западно-европейскія государства, главнымъ образомъ, Германію и, отчасти, Францію, вообще тѣ страны, гдѣ кризисъ семьи и традиціонныхъ началъ морали принялъ особенно острый характеръ.

Идеалы любви и семейной жизни имѣютъ свою исторію, какъ и всѣ вообще идеалы. Въ Германіи первой четверти XIX-го вѣка, т.-е. въ «романтическій» періодъ ея исторіи, идеалы любви и семейной жизни складывались подъ вліяніемъ, главнымъ образомъ, двухъ факторовъ: 1) національнаго движенія студенческой молодежи и 2) зарожденія классового самосознанія въ средѣ крѣпнущей буржуазіи. Учащаяся молодежь носилась въ то время съ идеями «свободной и единой Германіи», т.-е. національной независимости и государственнаго объ-

*) См. «Вѣстникъ Воспитанія», 1901 г., ноябрь.



единенія. Политическіе идеалы и общественныя стремленія подчинили себѣ молодыя сердца въ такой степени, что моральному легкомыслію не было тутъ болѣе мѣста. Веселіе и попойки уступили мѣсто политическимъ дебатамъ; стали возникать повсюду гимнастическія общества, причемъ гимнастика была не только средствомъ физическаго укрѣпленія молодыхъ силъ, но и факторомъ нравственнаго развитія. Гимнастическія упражненія, по идеѣ того времени, должны были служить «великой нравственной цѣли» подготовлять къ борьбѣ за національное освобожденіе отъ наполеоновской гегемоніи, пріучать молодежь къ мужеству, самообладанію, дисциплинѣ и т. п. На всемъ этомъ лежала печать аскетизма, принявшая вполнѣ опредѣленный характеръ еще подъ вліяніемъ философскихъ идей того времени—провозглашеннаго Кантомъ категорическаго императива «*Du sollst!*» и моральнаго абсолютизма Готлиба Фихте. Безнравственный образъ жизни придворныхъ и аристократическихъ круговъ—прежде во Франціи, а затѣмъ, по подражанію, и въ Германіи—возбуждалъ въ демократически настроенной молодежи чувства моральнаго отвращенія, питалъ ея аскетическія тенденціи. Не послѣднюю роль играло также то обстоятельство, что большинство университетскихъ центровъ тогдашней Германіи носило чисто провинціальный, мелко-буржуазный характеръ, въ силу чего студенчество поневолѣ принуждено было вести строгій и трезвый образъ жизни. Въ Іенѣ, напримѣръ, главномъ очагѣ національно-демократическаго движенія, господствовали въ то время, во всей своей неприкосновенности, старые, патріархальные нравы. Всѣ эти моменты настраивали молодежь на аскетическій ладъ и привели къ соотвѣтственнымъ идеаламъ любви и семейной жизни. На вартбургскомъ торжествѣ, устроенномъ буршеншафтами, студенты торжественно сжигаютъ корсетъ, какъ символъ вырожденія французской женщины. Послѣдней былъ противопоставленъ образъ нѣмецкой женщины, какъ идеалъ: образъ нѣмецкой бюргерской дѣвушки и нѣмецкой домохозяйки (Hausfrau). Подобное настроеніе питалось еще соотвѣтственнымъ образомъ германской классической литературой: Эмилія Лессинга, типы Гретхенъ, Ифигеніи и Доротеи въ произведе- Гете, типъ шиллеровскій «домохозяйки» въ «Пѣснѣ о колоколѣ», всѣ эти поэтическія фигуры не мало содѣйствовали укрѣпленію цѣломудренныхъ идеаловъ въ сердцахъ передовой молодежи. Идеаломъ женщины для самаго радикальнѣйшаго студента того времени была Гретхенъ; самыя смѣлыя мечты его дальше этого типа не простирались.

Параллельно этимъ идеальнымъ моментамъ въ жизни наиболѣе передовой части тогдашняго германскаго общества совершался другой важный процессъ—*зарожденіе и ростъ классового самосознанія* въ бюргерскихъ слояхъ этого общества. Буржуазія проникалась сознаніемъ своихъ классовыхъ интересовъ, своей принадлежности къ одной солидарной группѣ. Каждый «бюргеръ» сталъ инстинктивно чувствовать ве-

ликую классовую отвѣтственность своихъ индивидуальныхъ поступковъ, и студентъ, покусившійся на честь бюргерской дѣвушки, тѣмъ самымъ бросалъ нравственное пятно на честь своего класса, а слѣдовательно, и на свою собственную. Отъ дѣвушки требовалось лишь одно—цѣломудріе, отъ жены—вѣрность. Супружеская жизнь не строилась на почвѣ «родственныхъ взглядовъ», общихъ идеаловъ: обо всемъ этомъ не было рѣчи ни до, ни послѣ замужества. Мужчины были заняты въ своихъ лабораторіяхъ, банкахъ, женщины—въ своихъ кухняхъ, спальняхъ, дѣтскихъ. Всякое нарушеніе этого строя жизни каралось коллективнымъ презрѣніемъ, насмѣшками, изгнаніемъ изъ среды. «Падшей» бюргерской дѣвушкѣ нечего было искать сострадания,—ея жизнь отравлена, ея будущее погублено. Воспитаніе дѣтей носило такой же патріархальный характеръ. Идиллическое спокойствіе тогдашней семейной жизни, ея равномѣрное теченіе, строгій режимъ труда не могли не отразиться самымъ благопріятнымъ образомъ на дѣтяхъ въ ихъ первый, младенческій періодъ развитія, когда чисто физическое воспитаніе значительно еще перевѣшиваетъ надъ умственнымъ и моральнымъ. Что касается дѣтей болѣе старшаго возраста, то ихъ духовный ростъ много страдалъ отъ узости семейныхъ интересовъ и отъ невѣжества матери. Ни взаимныя бесѣды родителей, вертѣвшіяся лишь вокругъ матеріальныхъ заботъ и мелочей жизни, ни непосредственное вліяніе матери не способны были пробудить у дѣтей новые запросы, заронить въ нихъ мысль о существованіи иной жизни, болѣе широкихъ стремленій и идеаловъ.

Казалось, такъ должно было продолжаться «до скончанія вѣковъ» и ничто, повидимому, не могло поколебать твердыню филистерскаго, мелко-буржуазнаго существованія. Въ семьяхъ царили миръ и спокойствіе, нарушенные лишь было временно къ концу сороковыхъ годовъ, когда идеологи третьяго сословія выступили на историческую сцену. Политическій конфликтъ отразился и на семейной жизни: жены, сестры и матери отнеслись безучастно и даже враждебно къ «вздорнымъ идеямъ», взбаламутившимъ головы ихъ мужей, братьевъ и сыновей. Близкіе по крови люди стали вдругъ говорить на разныхъ языкахъ; гармонія замѣнилась взаимнымъ непониманіемъ и домашнимъ раздоромъ. Но такъ продолжалось не долго. Волна идеалистическихъ увлеченій смѣнилась вскорѣ реакціонной прозой; въ семьяхъ вновь послышались обычные разговоры, болѣе доступные пониманію добродѣтельныхъ и прилежныхъ домохозяекъ. Буря прошла, и все успокоилось. Но не надолго. Новая и далеко уже болѣе серьезная опасность стала грозить сложившимся отношеніямъ, и на сей разъ уже не со стороны какихъ-либо идей, а отъ естественнаго развитія самой общественной, въ особенности—экономической жизни. Обострившаяся борьба за существованіе, съ одной стороны, съ другой—болѣе строгія требованія, предъявляемыя внѣшней жизнью къ умственному и профессіональному

развитію личности, стали вліять на сокращеніе числа браковъ. Въ то же время самое вступленіе въ бракъ стало пріурочиваться ко все болѣе позднему возрасту. *Любовь* вступила въ періодъ самаго остраго кризиса; внутренніе конфликты стали расшатывать семейные устои. Аскетическіе идеалы учащейся молодежи стали подвергаться тяжкому испытанію; практика цѣломудрія въ добрачный возрастъ, дѣлавшійся все болѣе продолжительнымъ, стала уже невозможной. Потребность въ добрачной любви, спросъ на нецѣломудренныхъ женщинъ стали усиливаться въ небывалой еще до сихъ поръ степени. Параллельно этому росли кадры проституціи, участились внѣбрачныя связи. Идеальный типъ Гретхенъ сталъ блѣднѣть, спросъ на него сталъ падать. Идеаломъ французскаго студента стала «гризетка», идеаломъ нѣмецкаго—«Verkäuferin», вообще—дѣвушка, зарабатывающая свой хлѣбъ какимъ-либо внѣсемейнымъ трудомъ. Имя же такимъ дѣвушкамъ теперь—легіонъ. Надежды на замужество—единственную карьеру прежнихъ дѣвушекъ—стали теперь сомнительными; строить на нихъ свое будущее уже есть верхъ безумія. И вотъ цѣлые десятки и сотни тысячъ хрупкихъ молодыхъ существъ появляются на огромный рынокъ общественнаго труда въ поискахъ заработка. Найти работу, хотя бы самую неприглядую и скудно оплачиваемую, теперь уже счастье. Прежде Гретхенъ не выходила одна за порогъ своего дома, теперь *современная* Гретхенъ работаетъ цѣлый день въ конторѣ, въ магазинѣ, среди цѣлой массы чуждыхъ ей личностей, и не отдаетъ никому отчета въ своемъ поведеніи. Удастся ли еще выйти замужъ, кто знаетъ? сколько лѣтъ придется еще ждать замужества, опять-таки кто знаетъ? губить же свои лучшіе годы въ тяжкомъ трудѣ, убѣгая отъ свѣта и радости—не безразсудно ли?

Такъ складываются стихійно, непрочно, провизорно любовныя отношенія среди молодежи. «Дѣти»—обоего пола—устраиваются, какъ могутъ, какъ выпадетъ случай, а случай, какъ извѣстно, почти всегда безжалостенъ и суровъ, почти всегда чреватъ гибельными послѣдствіями. Много въ этомъ мутномъ стихійномъ потокѣ пропадаетъ силы, свѣжести, чистоты, много развивается легкомыслія, цинизма, грубости. Но спрашивается: гдѣ выходъ?

Кризисъ любви охватилъ собою не только подрастающія поколѣнія. Грѣшатъ и страдаютъ не только дѣти, но и родители. Лишь только наступаетъ пора (и возможность!) брачной жизни, мы говоримъ здѣсь спеціально о средѣ зажиточныхъ классовъ, въ особенности—буржуазіи, мотивы корысти, разсчета играютъ рѣшающую роль. Отъ женщины, если она богата или имѣетъ связи, не требуется даже добродѣтели. О любви тутъ не можетъ быть никакой рѣчи, такъ какъ и возрастъ уже для этого неподходящій (теперь вступаютъ въ бракъ въ 35—45 лѣтъ), да и сладостями ея уже пересыщены обѣ стороны. Въ семьяхъ, образованныхъ такимъ образомъ, мы не замѣчаемъ особенно острыхъ кон-

фликтовъ; въ большинствѣ случаевъ, въ нихъ царятъ миръ и взаимное пониманіе, несмотря на «грѣхи» прошлаго. Но само собою разумѣется, что такіе браки не могутъ служить ни образцомъ для молодежи, ни средствомъ разрѣшенія поставленной нами выше загадки: *гдѣ выходъ изъ царящаго нынѣ кризиса любви и семейной жизни*? Болѣе или менѣе сознательно этотъ вопросъ ставила и ставитъ передъ собою каждая современная личность, все равно женщина или мужчина, ибо нѣтъ въ современномъ обществѣ человѣка, который бы не страдалъ—хотя бы кратковременно—отъ невозможности его удовлетворительнаго разрѣшенія. Какъ любить, когда жизнь такъ безпощадно сурова къ этому чувству? какъ дать волю своимъ самымъ законнымъ потребностямъ, не оскорбляя своихъ лучшихъ чувствъ и не попирая ногами свою и женскую личность?

Эти и другіе, родственные имъ, вопросы не оставались до сихъ поръ безъ отвѣта. Надъ загадкой, поставленной самой жизнью, ломали свои головы выдающіеся мыслители современности; практически разрѣшить ее пытались, въ послѣднее время, цѣлыя группы и теченія въ обществѣ. И спрашивается: каковы результаты? Не продолжаетъ ли *сфинксъ любви* попрежнему стоять передъ духовнымъ взоромъ современной человѣческой личности, съ неумолимой своей угрозой: разгадай меня или гибни!? Не продолжаютъ ли современные романисты (вспомнимъ хотя бы «Плодородіе» Эмиля Золя) раскрывать передъ нами дикія сцены полнаго вырожденія материнскихъ инстинктовъ, страданія дѣтей, разврата, болѣзней?

Нѣтъ, проповѣди и совѣты нашихъ лучшихъ людей не привели ни къ чему, не дали никакихъ результатовъ. И по одной весьма важной причинѣ: они не считались съ законами и тенденціями самой жизни, они оставались слѣпы къ ея знаменіямъ и урокамъ. Что совѣтовалъ намъ Левъ Толстой? что говорилъ намъ Бьенстьерне-Бьернсонъ? Проповѣдь Льва Толстого велась въ духѣ старыхъ аскетическихъ идеаловъ, въ корнѣ противорѣчащихъ всѣмъ лучшимъ теченіямъ современности. Аскетизмомъ не заманишь современныя поколѣнія, тѣмъ болѣе поколѣнія грядущія. Считать половую любовь *вообще зломъ* значитъ отрицать жизнь и ея самые святые законы. Будущее же принадлежитъ утвержденію жизни во всѣхъ ея естественныхъ проявленіяхъ.—«Нѣтъ, не воздерживайтесь, а *плодитесь*», говорилъ Эмиль Золя въ противоположность Толстому, и какъ ни баналенъ этотъ совѣтъ, въ основѣ его лежитъ міросозерцаніе, гораздо ближе стоящее къ будущему, чѣмъ ученье Толстого. Половая любовь, въ ея естественномъ проявленіи, есть одно изъ величайшихъ жизненныхъ благъ, котораго, однако, лишено современное человѣчество. Противъ этого, по существу, ничего не хочетъ возразить Бьернсонъ, но онъ требуетъ отъ молодежи полнаго воздержанія *до брака*, поучая ее, что не должно быть *двоякой морали* для мужчины и женщины, и что цѣломуд-

ріе, обязательное для послѣдней, должно быть также обязательнымъ для мужчинъ. Тутъ мы уже ближе къ правдѣ, и, какъ извѣстно, Бьернсонъ нашелъ въ своей странѣ на первыхъ порахъ не мало адептовъ, особенно среди женщинъ. Въ умахъ молодыхъ дѣвушекъ возникла уже было рѣшимость требовать отъ своихъ будущихъ мужей такого же строгаго цѣломудрія, какое требовалось до сихъ поръ отъ нихъ. Казалось уже, что нравственное сознаніе нашло выходъ изъ сложнаго лабиринта современныхъ половыхъ отношеній, что идеалъ былъ уже найденъ, и оставалось лишь осуществить его въ жизни. Но тутъ-то и оказалось, что великій норвежскій драматургъ и его послѣдователи рѣшали вопросъ черезчуръ ужъ идеологически, совершенно не считаясь съ дѣйствительностью, даже не зная ея. Они проглядѣли то обстоятельство, что на Западѣ, въ силу указанныхъ уже нами выше причинъ, какъ «дѣти», такъ и «отцы» рѣдко когда рѣшаются нынѣ предъявлять къ дамамъ своего сердца наивное требованіе цѣломудрія. Въ жизни и тѣхъ и другихъ, дѣтей и отцовъ, этотъ пресловутый моментъ пересталъ играть прежнюю, первостепенную роль; на Западѣ теперь рѣдко кто спрашиваетъ объ этомъ. И чѣмъ болѣе прямоты и деликатности въ отношеніяхъ, тѣмъ менѣе затрогивается эта тема. Не наивно ли, при подобныхъ условіяхъ, вести цѣлую широкую пропаганду среди молодежи, рекомендуя невѣстамъ требовать цѣломудрія отъ жениховъ въ то самое время, когда послѣдніе сплошь и рядомъ «забываютъ» требовать того же самаго отъ невѣстъ,—забываютъ не только по деликатности, но и въ силу необходимости, такъ какъ въ противномъ случаѣ число браковъ на Западѣ сократилось бы вдвое, за отсутствіемъ дѣвицъ, которыя могли бы удовлетворить этому требованію. Все это «бьернсоновцы» игнорировали и постановили свою, въ сущности, здоровую пропаганду на ложную почву. Но и помимо того, какъ рѣшиться требовать цѣломудрія у мужчинъ въ добрачный періодъ, если этотъ періодъ становится все болѣе продолжительнымъ и переходитъ все болѣе за черту 30-ти лѣтъ? Не предоставить ли ужъ тогда лучше наслаждаться любовью однимъ старикамъ? И *естественный* ли былъ бы фактъ—существованіе тридцатилѣтнихъ мужчинъ (да и женщинъ), свято хранящихъ свое цѣломудріе въ ожиданіи грядущаго брака?

Все это вопросы слишкомъ ужъ сложные, чтобы можно было рѣшить ихъ однимъ лишь чтеніемъ морали да дѣвичьими угрозами провинившимся женихамъ. Ни голосъ, раздавшійся съ сѣвера, съ норвежскихъ фіордовъ, ни лозунгъ, проникшій на Западъ съ востока, изъ «Ясной Поляны», не помогли европейскому обществу найти выходъ изъ одолѣвающаго его кризиса любви и семейныхъ устоевъ. На смѣну этимъ апостоламъ цѣломудрія появились другіе. Въ большихъ городахъ континента все громче стала раздаваться религіозная проповѣдь «аггресивнаго христіанства»; солдаты и офицера *арміи спасенія*,

молодыя дѣвушки и мужчины, съ неимовѣрнымъ самоотверженіемъ, подъ градомъ насмѣшекъ и бранныхъ словъ, проникали въ самыя зачумленныя морально трущобы городскихъ центровъ, призывая людей къ *нравственному усилію,* къ *покаянію.* Были такіе, что «каялись», особенно среди падшихъ дѣвушекъ, находившихъ не только моральную, но и матеріальную поддержку среди «салютистовъ». Но авторитетомъ послѣдніе пользуются лишь среди «нищихъ духомъ», измученныхъ жизнью. Рабочій классъ, интеллигенція и другіе общественные слои относятся къ этому движенію съ ироніей и презрѣніемъ. Въ Германіи нѣкоторое время энергично работало въ томъ же направленіи такъ называемое общество «Бѣлаго креста», въ составъ котораго вошли «христіанскіе ферейны молодыхъ людей», «евангелическіе ферейны юношей», «христіанско-конфессіональные студенческіе кружки»—все организаціи, преслѣдующія цѣли національно-религіозно-монархическаго воспитанія молодежи. «Бѣлый крестъ» присоединилъ сюда еще задачу моральнаго самовоспитанія. Былъ моментъ—первая половина 90-хъ годовъ, когда казалось, что наступилъ серьезный поворотъ въ нравственной жизни современной молодежи. Миссія «Бѣлаго креста» встрѣтила поддержку въ средѣ ученыхъ. И здѣсь первый починъ сдѣлала Норвегія. Университетъ въ Христіаніи отъ имени своего медицинскаго факультета торжественно провозгласилъ всему міру, что полное воздержаніе не только возможно, но и не вредно. Крафтъ-Эбингъ, Фарель, Рубнеръ, а также выдающіеся спеціалисты по половымъ болѣзнямъ стали высказываться въ подобномъ же смыслѣ. Такъ, въ частности, Рубнеръ писалъ въ своемъ учебникѣ гигіены, что половая жизнь должна быть начинаема только въ бракѣ, но что она вовсе не есть conditio sine qua non человѣческаго здоровья и счастья. Профессора-спеціалисты по половымъ болѣзнямъ стали читать публичныя лекціи, студентамъ раздавались листки, съ подписями тридцати первостепенныхъ медицинскихъ авторитетовъ, гдѣ убѣдительно и краснорѣчиво разсказывалось объ опасностяхъ венерическихъ заболѣваній и т. д. Можно было думать, что начинается дѣйствительно нѣчто новое, великое, *жизненное*... Но дѣйствительность и на сей разъ горько посмѣялась надъ апостолами воздержанія. Послѣ мимолетнаго увлеченія, «Бѣлый крестъ» сталъ быстро терять своихъ членовъ, а также свои упованія на моральное возрожденіе общества. На порогѣ двадцатаго вѣка голоса, призывавшіе еще недавно молодежь къ цѣломудрію, затихли, и движеніе, начатое съ такимъ блескомъ и шумомъ, изсякло. Дѣйствительная жизнь, непознанная и неразгаданная, продолжаетъ свой путь въ прежнемъ, все томъ же направленіи, опрокидывая безъ жалости картонные барьеры, воздвигаемые передъ ней учеными, но узкими, талантливыми, но односторонними проповѣдниками нравственности. И сбылось предсказаніе Георга Брандеса, иронизировавшаго надъ Бьернсономъ, «вздумавшимъ моралью исправить мораль». Дѣй-

ствительность слишкомъ сложна, чтобы можно было ее осуждать безъ разбора, не отдѣляя дѣйствительно разлагающіеся, гнилые элементы ея отъ другихъ, быть можетъ и мутныхъ пока, но обѣщающихъ вылиться въ новыя и здоровыя формы. Къ числу гнилыхъ элементовъ современной дѣйствительности слѣдуетъ отнести, напримѣръ, проституцію. Общество, заставляющее молодыхъ дѣвушекъ искать внѣсемейнаго заработка и не дающее имъ соотвѣтственнаго честнаго труда, жестоко карается въ самыхъ своихъ жизненныхъ функціяхъ. Прежде чѣмъ призывать мужчинъ къ высшей ступени нравственнаго развитія и читать имъ проповѣди о цѣломудріи, не слѣдовало ли бы лучше искать средствъ для защиты элементарнаго «цѣломудрія» цѣлыхъ милліоновъ молодыхъ *женщинъ*, дать имъ возможность честной и естественной жизни. Уничтожьте, прежде всего, продажу любви, помогите женщинѣ стать самостоятельно на ноги, не прибѣгая къ самымъ крайнимъ и сомнительнымъ средствамъ, и уже однимъ этимъ вы спасете мужчину отъ физическаго и нравственнаго вырожденія. Проблема мужского «цѣломудрія» есть, прежде всего, проблема *женскаго труда*. Эта послѣдняя проблема рѣшаетъ вопросы какъ мужской, такъ и женской морали наиболѣе разумнымъ и рѣшительнымъ образомъ. Затѣмъ, улучшеніе условій и *мужского* труда способно значительно повліять на пониженіе брачнаго возраста, увеличеніе числа браковъ и оздоровленіе семейной жизни. Если присоединить сюда еще разумное *физическое воспитаніе* подрастающихъ поколѣній, то загадочный сфинксъ современной любви уже наполовину разгаданъ. Какъ станутъ устраиваться грядущія поколѣнія въ своихъ интимныхъ сношеніяхъ, разгадать трудно; но какъ бы они ни устроились, пятно продажности, насилія, принужденія исчезнетъ изъ міра любви. А это-то и есть самое важное въ проблемѣ цѣломудрія...

Къ такимъ заключеніямъ приходимъ, по крайней мѣрѣ, мы лично, при чтеніи интересной штудіи д-ра Эрнста Гистрова. Что же касается заключеній этого послѣдняго, формулированныхъ имъ въ послѣдней главѣ: «Das sexual-ethische Vermächtnis des XIX Jahrhunderts», то они нѣсколько отличаются отъ нашихъ. Гистрова интересуютъ здѣсь, главнымъ образомъ, не реформы, какими можно пособить горю, а тѣ пути, по какимъ современная дѣйствительность обѣщаетъ двигаться въ ближайшемъ будущемъ, т.-е. тѣ формы любви и семейной жизни, къ какимъ придется—волей или неволей—приспособляться ближайшимъ поколѣніямъ. Прежде всего, говоритъ онъ, можно считать достовѣрнымъ, что, поскольку мы въ состояніи прозрѣть будущее, брачный возрастъ останется на прежней высотѣ. Браки будутъ заключаться поздно. Всѣ попытки побудить молодежь къ цѣломудренной жизни до брака потерпѣли крушеніе и будутъ терпѣть его всякій разъ, если суждено имъ возобновиться. Добрачная половая любовь является, такимъ образомъ, фактомъ, съ которымъ слѣдуетъ серьезно и разумно считаться. Кому?

Прежде всего, тѣмъ моралистамъ, которые ожидаютъ спасенія отъ нравственнаго усилія человѣчества, отъ этической пропаганды. Затѣмъ, всѣмъ педагогамъ, вліяющимъ на нравственное воспитаніе молодежи. «Сексуальная педагогика (die Sexualpädagogik),—говоритъ Гистровъ,— поступитъ разумнѣе всего, если станетъ заранѣе подготовлять молодыхъ людей къ неизбѣжной для нихъ добрачной любви». Наконецъ... всѣмъ врачамъ, которымъ придется позаботиться о томъ, чтобы такая любовь не приводила къ естественнымъ результатамъ: въ этомъ будетъ состоять одна изъ важнѣйшихъ (авторъ говоритъ даже: eine der vornehmsten!) общественныхъ задачъ, которую придется выполнить врачебному сословію. Нашъ авторъ, увлеченный своимъ объективнымъ методомъ изслѣдованія, заходитъ даже такъ далеко, что въ такомъ искусственномъ регламентированіи половой жизни не усматриваетъ ничего неестественнаго, шокирующаго естественное чувство здороваго человѣка. Въ сложномъ лабиринтѣ современной половой жизни нашъ авторъ теряется, въ концѣ концевъ, до того, что рекомендуетъ человѣчеству подобный исходъ *какъ идеалъ*: съ одной стороны добрачная любовь съ практичными совѣтами врачей, съ другой—позднее вступленіе въ бракъ, но уже безъ врачей, въ цѣляхъ рожденія и воспитанія потомства. Этимъ «идеаломъ» онъ такъ восхищенъ, что посвящаетъ ему въ концѣ своего труда не мало прекрасныхъ словъ, не мало заманчивыхъ указаній, производящихъ все же, даже при самомъ строгомъ объективизмѣ читателя, отталкивающее впечатлѣніе. Что любовь въ настоящее время принимаетъ сплошь и рядомъ тѣ формы, какія рекомендуетъ намъ д-ръ Эрнстъ Гистровъ, это внѣ всякаго сомнѣнія, равно какъ и то, что, по скольку можно разгадать ближайшее будущее, эти формы любви получатъ еще большую распространенность. Но въ то же время Гистровъ не замѣчаетъ, что современная сложная дѣйствительность не исчерпывается одной этой тенденціей, что въ современныхъ нравахъ обнаруживается противъ нея глубокая реакція, теперь пока еще слабая, но въ болѣе или менѣе далекомъ будущемъ обѣщающая привести насъ къ болѣе свѣтлымъ и къ болѣе естественнымъ формамъ любви, чѣмъ тѣ, о какихъ мечтаетъ нашъ авторъ. При всей своей симпатіи къ добрачной любви съ дружескими совѣтами докторовъ, авторъ не можетъ не отдать дани «глубочайшаго уваженія» тому мужчинѣ, который рѣшился бы свято хранить свое цѣломудріе до брака. Ахъ, если бы это было возможно, повидимому, хочетъ сказать онъ, какъ бы это было хорошо!.. Итакъ, возводя дѣйствительность въ идеалъ, онъ самъ все же невольно вздыхаетъ о нравственной красотѣ иной жизни, иныхъ, болѣе цѣломудренныхъ отношеній.

Неудивительно, если бокъ-о-бокъ съ нимъ существуютъ цѣлыя массы личностей, для которыхъ этотъ послѣдній идеалъ еще ближе, еще дороже. Даже вступая, по необходимости, въ компромиссы съ современною дѣйствительностью, они все же свято хранятъ въ глубинѣ души

преданность этому идеалу и мечтают о лучшемъ будущемъ. Меньше всего мы имѣемъ, при этомъ, въ виду тѣхъ апостоловъ цѣломудрія, о которыхъ было говорено выше. Эти люди апеллируютъ исключительно къ нравственному усилію и, оставляя насъ въ той же житейской обстановкѣ, требуютъ отъ насъ невозможнаго. Въ этомъ—утопизмъ ихъ пропаганды. Но рядомъ съ этимъ, замирающимъ уже, теченіемъ, сыгравшимъ скорѣе роль «знаменія», симптома, чѣмъ фактора общественнаго возрожденія, мы замѣчаемъ другое, обѣщающее дать болѣе осязательные результаты и оздоровить нравственную атмосферу обществъ. Это—такъ называемое *женское движеніе*. Никто другой не страдаетъ такъ глубоко, такъ обидно въ дикомъ хаосѣ современныхъ половыхъ отношеній, какъ именно женская человѣческая личность. И страдаетъ она одинаково какъ мать, какъ жена и какъ дѣвушка. Существующія отношенія и условія жизни топчутъ безъ жалости самыя святыя чувства женщины, ея самые глубокіе инстинкты. Неудивительно, поэтому, если современное женское движеніе имѣетъ, прежде всего, въ виду не требованіе цѣломудрія у мужчинъ, какъ это рекомендовалъ норвежскій писатель, а прежде всего—измѣненіе положенія самой женщины въ современномъ обществѣ, обезпеченіе ея матеріальнаго существованія и предоставленіе ей болѣе широкаго вліянія на теченіе общественной жизни. Въ этомъ движеніи усматривали до сихъ поръ угрозу семейной жизни; боялись, какъ бы не потерпѣли отъ него наши нравы, какъ бы не пострадала сама женская личность. Противъ этого движенія выступили, между прочимъ, тѣ самые моралисты и ученые, которые такъ ревностно заботились о нравственности учащейся молодежи, и тѣмъ лишь доказали, какъ далеки они отъ истиннаго пониманія проблемъ современной дѣйствительности.

Непосредственная цѣль женскаго движенія—улучшеніе матеріальнаго и общественнаго положенія женщины; его конечная цѣль и естественные результаты—оздоровленіе семьи, поднятіе нравовъ мужчины и подрастающихъ поколѣній. Развитію этого тезиса посвященъ новѣйшій трудъ одной изъ наиболѣе выдающихся представительницъ германскаго женскаго движенія, Клары Цеткинъ, озаглавленный: «Умственный пролетаріатъ и женскій вопросъ». Разсмотрѣвъ въ первой главѣ этого труда «важнѣйшіе экономическіе причины разложенія современной семьи», гдѣ мы не узнаемъ въ сущности ничего новаго, она во второй главѣ переходитъ къ разсмотрѣнію «этико-психической стороны» современнаго женскаго движенія. Съ этико-психологической точки зрѣнія,—говоритъ она,—женское движеніе есть внѣшнее выраженіе внутренняго стремленія женщины къ всестороннему развитію и упражненію своихъ силъ, къ полному расцвѣту своей личности. Въ своихъ начаткахъ это стремленіе выразилось въ смыслѣ протеста противъ семьи и возлагаемыхъ ею обязанностей, т.-е. носило характеръ чисто-индивидуалистическій. На первомъ мѣстѣ новая женщина поставила свое *я*,

его духовно-нравственные интересы. Типъ этой женщины въ такой первый періодъ ея сознательнаго существованія есть *Нора*. Въ этотъ періодъ, крайности обѣихъ сторонъ—сторонниковъ и противниковъ «эмансипаціи»—были неизбѣжны. Защитники старины отказывали женщинѣ во всякой дѣятельности, которая не связана такъ или иначе съ ея «естественнымъ назначеніемъ», т.-е. съ функціей матери. Материнской функціей исчерпывалось, по ихъ мнѣнію, все назначеніе женщины. Противъ такой «Nichts als-Weibchen» новѣйшая литература стала было выставлять другой типъ, другую крайность, «Nur-Mensch», т.-е. женщину, какъ «лишь-человѣка», подавившую въ себѣ свою специфически-женскую индивидуальность. Эти послѣднія крайности послужили въ значительной степени виною тому, что новую женщину стали изображать въ каррикатурномъ видѣ, какъ мужеподобное, безполое существо, и ошибки признали за сущность. Цѣльный типъ новой женщины, по мнѣнію Клары Цеткинъ, не дала намъ до сихъ поръ ни одна литература, и по той простой причинѣ, что такой женщины еще нѣтъ, такъ какъ нѣтъ еще соотвѣтственныхъ условій. Дѣйствительная жизнь показываетъ намъ этотъ типъ не въ его законченности, а лишь въ процессѣ его образованія: отсюда его несовершенство, угловатость, подчасъ—курьезность. Наиболѣе близки къ идеалу тѣ типы новой женщины, какіе намъ дала русская литература, говоритъ Цеткинъ, но, къ сожалѣнію, не даетъ намъ ключа къ уразумѣнію этого явленія, т.-е. того удивительнаго факта, что русской женщинѣ удалось опередить своихъ товарокъ изъ самыхъ передовыхъ странъ Европы и Америки. Правда, нашъ авторъ ссылается на «взаимодѣйствіе различныхъ историческихъ условій», позволившихъ русской женщинѣ наиболѣе полно и всесторонне развить свою индивидуальность, но подробнѣе на этомъ обстоятельствѣ она не останавливается. И неудивительно: мы сами, русскіе, не объяснили себѣ достаточно даннаго явленія...

Протестъ противъ женскаго движенія въ западно-европейскихъ странахъ, особенно въ Германіи, вызванъ былъ не столько его крайностями, сколько болѣе глубокими соображеніями, съ которыми, по мнѣнію автора, слѣдуетъ считаться болѣе серьезно, чѣмъ это дѣлалось до сего времени. Если взять, напримѣръ, тѣ формы «der Frauenbewegung», которыя сложились въ Германіи, то нельзя не признать, что есть вопросы, есть сомнѣнія, на которыя это движеніе и до сихъ поръ не дало вразумительнаго отвѣта. Такъ, германскія «Frauenrechtlerinnen» стремятся къ допущенію женщины къ общественнымъ должностямъ и усматриваютъ въ этомъ конечную цѣль всего движенія. Но спрашивается: не усилитъ ли женскій внѣ семейный трудъ и безъ того уже тяжкую конкуренцію? не обостритъ ли онъ и безъ того уже трудную борьбу за существованіе, оставляющую многихъ безъ хлѣба и заработка? Взять, напримѣръ, хотя бы ту же Германію. Въ этой странѣ имѣется уже цѣлая армія интеллигентнаго мужского пролета-

ріата, не имѣющаго, несмотря на свое высокое образованіе, никакого опредѣленнаго заработка. Пять съ половиною процентовъ берлинскихъ дипломныхъ врачей не имѣютъ практики. Не меньшая нужда царитъ и среди юристовъ. Моментъ полученія диплома является началомъ суровой и обидной борьбы за самое скудное существованіе. Допущеніе женщинъ къ общественнымъ функціямъ не приведетъ ли къ острому экономическому конфликту? не ухудшатся ли отъ этого еще болѣе взаимныя отношенія мужчины и женщины? не пострадаютъ ли семейныя связи?

Но есть еще и другія соображенія, во имя которыхъ раздается протестъ противъ новѣйшихъ женскихъ стремленій: совмѣстимы ли они съ обязанностями женщины, какъ матери и жены? Вѣдь это движеніе имѣетъ своей цѣлью не призрѣніе старыхъ дѣвъ, оставшихся за штатомъ семейнаго счастья, какъ это полагалъ, напр., Эдуардъ Гартманъ, сказавшій, что женскій вопросъ есть «Alte-Jungfernfrage». Дѣйствительность намъ показываетъ, что къ общественной и, вообще, внѣсемейной дѣятельности стремятся теперь не однѣ «незамужницы», но и замужнія женщины, и матери многоголовыхъ семействъ. Въ рабочемъ классѣ это уже давно стало общимъ правиломъ; но и въ средѣ такъ называемой интеллигенціи стремленіе женъ и матерей къ внѣсемейному заработку все болѣе входитъ въ обычай. Побуждаетъ ихъ къ этому не одинъ только голодъ, но и стремленіе къ болѣе разностороннему развитію своей личности. Такимъ образомъ, женскій вопросъ не есть лишь вопросъ незамужнихъ, бездѣтныхъ и вдовъ, а есть вопросъ *женской личности вообще*, рѣшившей быть *еще кое-чѣмъ*, а не только матерью и женой. Въ этомъ-то и должно заключаться, главнымъ образомъ, равноправіе женщины съ мужчиной, который вѣдь тоже является въ жизни не только отцомъ и мужемъ, но еще представителемъ той или иной соціальной профессіи. И вотъ тутъ-то возникаетъ новый вопросъ: *можно ли гармонически сочетать естественныя обязанности матери и жены съ ея новыми, общественными задачами?* Если мы спросимъ объ этомъ дѣйствительность, то получимъ отвѣтъ отрицательный: жизнь полна самыхъ трагичныхъ конфликтовъ между этими двумя сферами женской дѣятельности, отражающихся самымъ тяжкимъ образомъ какъ на судьбѣ самой женщины, такъ и на подростающихъ поколѣніяхъ. Сердце и умъ женщины разрываются на двѣ части, и вся жизнь ея носитъ характеръ вѣчной раздвоенности и борьбы. Это ли является идеаломъ нѣмецкихъ поборницъ женскихъ правъ, спрашиваетъ Клара Цеткинъ,—и если нѣтъ, не это, то какъ онѣ думаютъ разрѣшить настоящій конфликтъ? «Das ist die Frage...»

Но этотъ вопросъ оказывается еще сложнѣе, если поближе вникнуть въ самый характеръ современной женской внѣсемейной работы. «Какое горькое разочарованіе!—восклицаетъ нашъ авторъ.—Не ради одного только хлѣба насущнаго и матеріальной самостоятельности хватается

современная женщина за профессіональный трудъ. Нѣтъ, она ищетъ въ немъ болѣе глубокаго, болѣе богатаго содержанія для своей жизни. Но въ настоящее время она находитъ въ немъ лишь новую односторонность на мѣсто стараго ограниченія. Была она раньше ничѣмъ инымъ, какъ лишь домохозяйкой (Nichts-als-Hausfrau),—теперь она дѣлается ничѣмъ, какъ лишь профессіональной работницей (Nichts-als-Berufsarbeiterin)». И почему такъ? Да потому, что въ нашемъ обществѣ не работа служитъ человѣку, а человѣкъ работѣ, все равно возьмемъ ли мы черный, физическій трудъ или сферу такъ называемыхъ либеральныхъ профессій. Вездѣ мы встрѣчаемъ людей, какъ бы насильно прикованныхъ къ свою дѣлу, не находящихъ въ нихъ никакого нравственнаго удовлетворенія. Общественный трудъ, физическій или умственный, всюду имѣетъ тенденцію обратить человѣка въ машину, или, вѣрнѣе, въ маленькій винтикъ машины, съузить его умъ, изсушить его сердце. И вотъ въ эту сферу вступаетъ новая женщина съ цѣлью расширить свой горизонтъ, развить свои общечеловѣческія способности! Не иллюзія ли это? не самообманъ ли? «Если сравнить,—читаемъ мы далѣе у того же самаго автора,—прежнюю дѣятельность «домохозяйки» съ какой-либо современной внѣсемейной женской работой, то по своей узости первая едва ли превосходитъ послѣднюю. Домохозяйка добраго стараго времени вращалась, правда, въ довольно ограниченной сферѣ одной только семейной жизни, но зато въ этой ужъ сферѣ ея дѣятельность была самой разносторонней. Въ то время, когда семья представляла еще собой особую экономически-производительную единицу, женщина была въ ней универсальнымъ мастеровымъ (Universalhandwerker), на ней лежали многочисленнѣйшія обязанности. Различныя ея способности упражнялись полнѣе, разностороннѣе, чѣмъ, положимъ, у современной фабричной работницы или телеграфистки». Но въ тѣхъ случаяхъ даже, когда женщина находитъ работу, доставляющую ей нравственное удовлетвореніе, когда она начинаетъ чувствовать нѣкоторый подъемъ своей личности благодаря исполняемой ею извѣстной общественной функціи, сплошь и рядомъ заглушается въ ней параллельно другая значительная часть ея существа, а именно ея женская личность, ея *специфически-женскія* черты, инстинкты, стремленія. Находитъ она время быть «гражданиномъ»,—не хватаетъ ей времени быть матерью и супругой, или, если хватаетъ, то лишь «мимоходомъ», in Nebenamt, поскольку это позволяетъ «дѣйствительная служба».

Таковъ конфликтъ, котораго не уничтожить изъ современнаго общества никакими обходами и экивоками. Слѣдуетъ ли отсюда, что женское движеніе утопично, что цѣли его недостижимы и вызываемые имъ конфликты неустранимы при всякихъ условіяхъ? Нашъ авторъ этого, конечно, не думаетъ. Всѣ его возраженія имѣютъ въ виду, во-первыхъ, указать на необыкновенную сложность «женской проблемы» и, во-вторыхъ, подчеркнуть тѣ моменты послѣдней, которые не нашли

еще удовлетворительнаго рѣшенія въ соотвѣтственной литературѣ Германіи. Удары Клары Цеткинъ направляются лишь на то узкое направленіе въ современномъ женскомъ движеніи, къ которому она пріурочиваетъ эпитетъ «seichte Frauenrechtelei», и которое въ уравненіи женскихъ правъ съ мужскими усматриваетъ свой высшій идеалъ. Доля мужчины въ современномъ обществѣ кажется представительницамъ этого теченія столь завидной, что онѣ не хотятъ замѣчать всѣхъ темныхъ сторонъ этой доли и наивно думаютъ, что лишь бы добиться мужскихъ правъ, а тамъ ужъ все остальное устроится. Противъ подобныхъ воззрѣній нашъ авторъ выдвигаетъ ту точку зрѣнія, что женскій вопросъ есть лишь *часть* современной соціальной проблемы и что лишь въ связи съ этой послѣдней онъ можетъ быть рѣшенъ надлежащимъ образомъ. Солидарно-кооперативныя начала общежитія должны устранить конкуренцію между женщиной и мужчиной и сдѣлать ихъ въ сферѣ общественнаго труда *товарищами*, а не соперниками. Съ другой стороны, улучшеніе условій труда дастъ какъ женщинамъ, такъ и мужчинамъ болѣе свободнаго времени, чтобы быть не только работникомъ, но и членомъ семейства. Наконецъ, общій прогрессъ соціальной жизни сдѣлаетъ каждый трудъ менѣе механическимъ, болѣе осмысленнымъ, болѣе способнымъ дать нравственное удовлетвореніе трудящимся. Такимъ образомъ, болѣе широкая, а именно общественная точка зрѣнія даетъ намъ ключъ къ разрѣшенію упомянутыхъ выше конфликтовъ. Искать этого рѣшенія въ движеніи вспять, въ изгнаніи женщины изъ сферы общественнаго труда было бы безразсудно, да и не возможно. *Невозможно* по той причинѣ, что общественная жизнь имѣетъ свои непреложные законы, противъ которыхъ напрасно было бы бороться нашей индивидуальной волѣ: большинство женщинъ противъ ихъ воли, подъ давленіемъ необходимости, выбрасывается на общественный рынокъ труда; что касается меньшинства, то ихъ гонитъ туда же внутреннее, *тоже непобѣдимое* стремленіе къ разностороннему и свободному развитію своей индивидуальности. *Безразсудно*, такъ какъ отъ такого движенія вспять пострадали бы прежде всего высшіе интересы самихъ мужчинъ. Этотъ послѣдній моментъ превосходно освѣщаетъ нашъ авторъ. Никто, говоритъ онъ, не страдаетъ такъ глубоко отъ отсталости и узости женщины, какъ современный мужчина. Чѣмъ болѣе художникъ, ученый, вообще интеллигентъ развили въ себѣ эту современную, легко-вибрирующую, многотонную, сложную личность, тѣмъ многочисленнѣе тѣ преграды, которыя препятствуютъ полному проявленію (Ausleben) его индивидуальности въ общественной жизни; тѣмъ глубже и мучительнѣе его потребность въ собственномъ очагѣ, гдѣ онъ могъ бы вполнѣ быть самимъ собою, но не въ горделивомъ уединеніи, а въ интимномъ идеальнымъ общеніи съ женщиной и ребенкомъ. Богатая, глубоко дифференцированная личность современнаго интеллигентнаго человѣка предъявляетъ къ любви и семейной жизни цѣлый

рядъ такихъ требованій, которыхъ никогда не удовлетворить женщинѣ, воспитавшейся въ старой, патріархальной обстановкѣ. Этимъ обстоятельствомъ объясняется отчасти тотъ фактъ, что наибольшій процентъ бракоразводныхъ дѣлъ приходится на художниковъ и ученыхъ. Чѣмъ менѣе духовно-нравственнаго родства между женою и мужемъ, тѣмъ гибельнѣе ихъ сожительство для послѣдняго: жена дѣлается препятствіемъ его собственнаго духовнаго роста и парализуетъ всякій взмахъ его ума и сердца. «Кто изъ насъ,—говоритъ Клара Цеткинъ,—не имѣлъ дорогого друга, который въ своемъ стремленіи къ солнцу хотѣлъ было подняться орлинымъ полетомъ на самыя высокія вершины? Но вотъ онъ соединился съ какой-либо гусыней (mit einer Gans), и, послѣ быстраго превращенія, гордый орелъ сдѣлался трусливымъ гусакомъ, не рѣшающимся переступить порогъ родного двора и успокоившимся въ безмятежной сферѣ доходнаго мѣста»... Сущность такой жизни «вдвоемъ» превосходно опредѣлена ѣдкой критикой Фридриха Ницше, который по адресу подобныхъ, «слишкомъ многихъ», сожительствъ писалъ:

«Ach, diese Armuth der Seele zu Zweien! Ach, dieser Schmutz der Seele zu Zweien! Ach, diese erbärmliche Behagen zu Zweien!» *) (Also sprach Zarathustra).

Но отсталость женщины губитъ не только мужчину, но и ребенка. «Какая вопіющая нелогичность! Призваніе матери провозглашается величайшимъ и труднѣйшимъ изъ всѣхъ призваній, и въ то же время зрѣлымъ для такого призванія и способнымъ къ нему оказывается каждая «Gänschen» (гусыня), вчера еще игравшая въ куклы,—зрѣлой и достойной призванія—*создавать и формировать человѣка*!». Къ счастью, современная женщина-мать начинаетъ уже сознавать великую отвѣтственность такого призванія. Не няней и служанкой своему ребенку она хочетъ теперь быть, а истинной *воспитательницей*. Она стремится выработать изъ себя свободную, сильную, критически-мыслящую индивидуальность, для того, чтобы умѣть формировать подобныя же индивидуальности изъ своихъ дѣтей. «Она хочетъ учиться, жить и работать, какъ дома, такъ и на широкомъ поприщѣ общественной жизни, чтобы быть затѣмъ въ состояніи воспитывать не только сильныя и здоровыя *личности*, но и великодушныхъ, сознательныхъ *гражданъ*». Лишь въ томъ случаѣ, когда любовь связываетъ двѣ развитыя и сильныя личности, мы находимъ одно изъ первыхъ условій нормальнаго воспитанія ребенка; лишь такой союзъ будетъ истинно-нравственнымъ, ибо и мать, и отецъ захотятъ сдѣлать изъ своего ре-

*) Въ переводѣ это мѣсто, какъ, впрочемъ, и большинство стилистическихъ «перловъ» Ницше, значительно теряетъ. Дословный его смыслъ таковъ: «Ахъ, эта бѣдность души вдвоемъ! Ахъ, эта грязь души вдвоемъ! Ахъ, это жалкое довольство вдвоемъ!» («Такъ говорилъ Заратустра»).

бенка не *равнаго* имъ, а *высшаго*, чѣмъ они, или—какъ это превосходно выразилъ Ницше—ихъ бракъ «wird zu dem Willen zu Zweien das Eine zu schaffen das mehr ist, als die es schufen...» *)

Противъ такого воззрѣнія выступили въ послѣднее время два новыхъ выдающихся противника женскаго движенія: профессоръ Moebius, написавшій книгу о «Физіологическомъ слабоуміи женщины», и Laura Marholm, авторъ извѣстнаго труда о «Психологіи женщины». Оба они затронули интересный вопросъ *о физіологическомъ значеніи духовнаго развитія женщины для ея материнства*. Теперь уже прошло время, когда противники женскаго движенія старались доказать *неспособность* женщины къ умственному труду, ея болѣе низкое интеллектуальное развитіе. Въ послѣднее время пытаются уже доказать иное, а именно, что интеллектуальный трудъ женщины вредно отражается на ея физіологическихъ и психологическихъ особенностяхъ, а слѣдовательно, и на материнствѣ. Противъ такихъ доводовъ, представленныхъ съ особенной настойчивостью въ трудахъ Moebius'а и Лауры Маргольмъ, и направлена, главнымъ образомъ, книга Оды Ольбергъ: «Das Weib und der Intellectualismus». Тутъ мы тоже встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ новыхъ моментовъ, представляющихъ для женскаго вопроса и грядущихъ судебъ женщины первостепенный интересъ.

Какіе аргументы выдвигаетъ проф. Moebius противъ женскаго движенія? Прежде всего онъ указываетъ на умственную переутомленность современныхъ поколѣній и вытекающее отсюда физическое вырожденіе. Единственный противовѣсъ такому вырожденію служила до сихъ поръ умственная, такъ сказать, нетронутость женщины. Чрезмѣрная умственная культура мужской половины человѣческаго рода должна быть уравновѣшиваема «естественностью» женщины, въ противномъ случаѣ человѣчеству грозитъ вымираніе. Прогрессирующая цивилизація «подкапывается подъ самые источники жизни»; интенсивная умственная дѣятельность ведетъ къ безплодію. Чѣмъ лучше женскія школы, тѣмъ хуже женскія болѣзни, труднѣе роды, слабѣе выдѣленіе молока... «Ученыя дамы плохія родильницы и дрянныя матери; ихъ дѣти слабы, и имъ не достаетъ молока». Въ подобномъ же смыслѣ высказывается и Лаура Маргольмъ—женщина, возстающая противъ женскаго движенія. Современная женщина стремится къ разностороннему развитію своей индивидуальности; она хочетъ быть не только женщиной, но и человѣкомъ, интересующимся всѣми явленіями окружающаго его міра, хочетъ стоять au courant современныхъ знаній и идти шагъ за шагомъ съ современнымъ обществомъ. Дешево все это не обходится,

---

*) «Also sprach Zarathustra». Впрочемъ, въ другихъ мѣстахъ своихъ сочиненій Фр. Ницше высказывался въ менѣе возвышенномъ смыслѣ. Такъ, напримѣръ, стремленіе нѣкоторыхъ женщинъ къ высшему образованію онъ приписывалъ ихъ половой ненормальности: «Wenn ein Weib gelehrte Neigungen hat, so ist gewöhnlich etwas an seiner Geschlechtlichkeit nicht in Ordnung...»



говоритъ Лаура Маргольмъ: много силъ теряетъ женщина на этомъ новомъ своемъ пути въ ущербъ здоровью потомства. Не эгоизмъ ли это отымать у своихъ дѣтей силы для преслѣдованія своихъ чисто личныхъ цѣлей? Не эгоизмъ ли заботиться о своемъ *я* въ ущербъ интересамъ *вида*? О дѣвушкахъ, стремящихся къ умственному усовершенствованію, Лаура Маргольмъ пишетъ: «Онѣ пускаютъ въ оборотъ свой собственный капиталъ и проживаютъ его одновременно. Когда же приходитъ моментъ ихъ полной зрѣлости и материнства, то много ли дремлющихъ дарованій, много ли нетронутаго капитала въ состояніи онѣ дать своимъ дѣтямъ? Нѣтъ, все уже использовано, пущено въ обращеніе, обмѣнено на звонкую монету». Вся бѣда въ томъ-де и состоитъ, что «женщина желаетъ теперь сама пользоваться и наслаждаться тѣмъ, что раньше она охотно передавала своему потомству».

Такія и подобныя имъ рѣчи находятъ въ наше время охотныхъ и благодарныхъ слушателей, такъ какъ вѣдь въ самомъ дѣлѣ: что представляетъ собою, въ этомъ отношеніи, современная дѣйствительность? Не видимъ ли мы теперь на каждомъ шагу тощихъ, малокровныхъ, слабогрудыхъ дѣвушекъ, надрывающихъ остатокъ своихъ силъ въ школахъ, надъ книгами, въ библіотекахъ, наконецъ, въ редакціяхъ, ученыхъ и литературныхъ обществахъ и т. д.? Много ли нетронутыхъ, здоровыхъ силъ передадутъ эти женщины своему потомству? Не страшно ли подумать, въ самомъ дѣлѣ, объ участи, предстоящей грядущимъ поколѣніямъ, если «истощеніе женщины умственнымъ трудомъ и несоотвѣтствующими ей стремленіями» будетъ не только продолжаться, но еще и усиливаться въ будущемъ, по мѣрѣ роста женскаго движенія?

Таковы сомнѣнія, таковы вопросы... Что отвѣчаетъ на нихъ Ода Ольбергъ?

Она указываетъ, прежде всего, справедливо на то обстоятельство, что какъ проф. Moebius, такъ и Лаура Маргольмъ не постарались достаточно показать намъ необходимую связь между умственнымъ трудомъ и физическимъ ухудшеніемъ породы. Не виноваты ли въ такомъ ухудшеніи другіе факторы, помимо умственной культуры? Слѣдуя аргументаціи этихъ авторовъ, мы должны были бы признать, что и физическій трудъ ведетъ къ вырожденію расы, ибо женщины и дѣти въ рабочемъ классѣ страдаютъ тѣлесно не менѣе, чѣмъ въ средѣ интеллигенціи. Post hoc non est propter hoc, гласитъ логическая аксіома, съ которой недостаточно считались наши авторы. Не логичнѣе ли было бы заключить, что подобно тому, какъ физическое переутомленіе родителей тяжко отражается на здоровьѣ нисходящихъ, такъ и эксцессы интеллектуальнаго труда приводятъ къ безплодію и вырожденію? Теперь уже, къ счастью, наступило время, когда здоровые глаза цѣнятся дороже, чѣмъ хорошо выдержанный экзаменъ, и когда съ каждымъ днемъ растетъ сознаніе нашей отвѣтственности передъ

грядущими поколѣніями. Все это здоровая реакція противъ вчерашняго школьнаго фанатизма. Но спрашивается: чему мы обязаны этой реакціей какъ не растущему общественному сознанію, какъ не прогрессу нашихъ знаній? Проф. Moebius усматриваетъ въ умственной культурѣ факторъ человѣческаго вырожденія, мы же, говоритъ Ода Ольбергъ, видимъ въ ней неистощимый источникъ самыхъ полезныхъ указаній въ видахъ человѣческаго возрожденія. Необходимо лишь, чтобы мы исцѣлились отъ соціальной близорукости и воспользовались разумно благотворными уроками двухъ важнѣйшихъ дисциплинъ: 1) соціальной политики и 2) педагогики. «Реформа жилищъ, дѣтскія площадки для игръ, общественные сады, дѣтскія колоніи на берегу моря, въ горахъ и другія столь же тривіально-практическія мѣропріятія заключаютъ въ себѣ безконечно болѣе оздоровительной силы, чѣмъ въ сентиментальныхъ призывахъ «назадъ», къ тѣмъ культурнымъ условіямъ, куда возвратиться мы уже не въ состояніи». Лозунгъ «*назадъ къ природѣ*» есть только пустая болтовня, словесное выраженіе нервнаго истощенія, интеллектуальной отсталости, тогда какъ въ формулѣ «*впередъ къ гигіенѣ*» (vorwärts zur Hygiene) скрывается цѣлая программа.

Но мало того, не странно ли звучитъ требованіе отъ женщины умственнаго воздержанія по той лишь причинѣ, что мужчины изволятъ предаваться интеллектуальнымъ эксцессамъ? Женщина, говорятъ наши противники, должна въ интересахъ потомства своей «естественностью» или «интеллектуальной невинностью» возстановлять равновѣсіе, нарушаемое мозговымъ истощеніемъ мужчинъ. Какъ исключительный случай, возражаетъ на это Ольбергъ, такой «искусственный подборъ» какого-либо ученаго съ дурой могъ бы, пожалуй, имѣть до извѣстной степени свой raison d'être. Но какъ общее правило это требованіе заключаетъ въ себѣ вопіющую несправедливость. Потому лишь, что мужчины образованныхъ классовъ, предаваясь интеллектуальнымъ эксцессамъ, истощаютъ свою нервную организацію, требовать отъ женщинъ отказа отъ умственнаго самосовершенствованія и обрекать ихъ на вѣчную ограниченность, значило бы жертвовать вполнѣ законные интересы одного пола, а именно женщинъ, въ пользу крайне ненормальнаго образа жизни другого пола, т.-е. мужчинъ. Не разумнѣе ли прибѣгнуть къ посредничеству гигіены и, освободивъ мужчинъ отъ мозгового переутомленія, дать тѣмъ самымъ возможность женщинамъ преслѣдовать свои умственные интересы? Кромѣ того, требовать отъ женщинъ интеллектуальнаго цѣломудрія при условіи постояннаго прогресса мужчинъ, не значитъ ли все болѣе расширять духовную пропасть между первыми и вторыми и усиливать ихъ взаимное непониманіе? Не привело ли бы это къ тому, что въ концѣ концовъ, жены не понимали бы своихъ мужей и, наоборотъ, мужья своихъ женъ,—не «понимали» бы не въ смыслѣ *идейномъ* этого слова, а въ смыслѣ прямо-таки *грамма-*

*тическомъ*? Не слѣдовало ли бы, наконецъ,—также въ интересахъ потомства,—установить для брачущихся такое общее правило, что чѣмъ умнѣе, «интеллигентнѣе» мужъ, тѣмъ «наивнѣе» должна быть жена, такъ что самые геніальные мужи принуждены были бы сочетаться ужъ прямо-таки съ готтентотками—для возстановленія равновѣсія?..

Къ такимъ явнымъ несообразностямъ, въ своихъ логическихъ послѣдствіяхъ, приводитъ насъ аргументація противниковъ умственной культуры женщины. Но проф. Moebius и Лаура Маргольмъ это—принципіальные враги современнаго женскаго движенія, ожидающіе отъ него всякихъ золъ и бѣдствій. Кромѣ нихъ, критикѣ приходится считаться еще съ лозунгами и взглядами, стоящими, повидимому, близко къ современному міросозерцанію, но въ своей сущности скорѣе вредными, чѣмъ полезными женскому движенію. Такова напримѣръ, цѣлая соціальная программа Эмиля Золя, гласящая: «Плодородіе» и усматривающая свой идеалъ въ *женщинѣ-родильницѣ*. Для Золя женщина тѣмъ выше, чѣмъ болѣе дѣтей она произвела на свѣтъ, и по отношенію къ писателю-французу, страдающему вырожденіемъ своей родины, такой взглядъ кажется вполнѣ естественнымъ и законнымъ. По своему же существу, говоритъ Ода Ольбергъ, этотъ взглядъ *реакціоненъ*. Въ наиболѣе оригинальной и интересной главѣ своего труда, озаглавленной «Fruchtbarkeit und Kultur», эта писательница подробно развиваетъ два основныхъ положенія, относящихся къ данному вопросу, а именно: 1) съ прогрессомъ культуры уменьшается плодовитость и 2) между индивидуальнымъ развитіемъ и плодовитостью существуетъ антагонизмъ. Въ подтвержденіе своего перваго положенія она ссылается на «Принципы біологіи» Герберта Спенсера, опредѣляющіе общіе законы размноженія живыхъ существъ. Чѣмъ ниже стоитъ индивидъ на ступени животнаго царства, чѣмъ примитивнѣе условія его жизни, чѣмъ жесточе борьба за существованіе, тѣмъ выше его плодовитость. И наоборотъ. Природа автоматически возмѣщаетъ большіе уроны усиленнымъ дѣторожденіемъ, въ цѣляхъ сохраненія вида. Чѣмъ менѣе данному виду угрожаетъ опасность, тѣмъ болѣе падаетъ его плодовитость. Такимъ образомъ, даже въ предѣлахъ одного и того же вида плодовитость усиливается или слабѣетъ смотря по условіямъ его жизни. То же самое мы встрѣчаемъ и въ человѣческой жизни. Не только въ разныя эпохи культуры человѣческая плодовитость бываетъ различна, но даже въ одинъ и тотъ же періодъ она не во всѣхъ классахъ общества бываетъ одинакова. *Чѣмъ культурнѣе условія жизни какого-либо класса, тѣмъ менѣе его смертность и тѣмъ слабѣе его плодовитость.* Ода Ольбергъ приводитъ интереснѣйшія данныя изъ статистическаго изслѣдованія извѣстнаго Бертиліона («La natalité selon le degré d'aisance»), показывающія, между прочимъ, что въ европейскихъ столицахъ существуетъ огромная разница между плодовитостью бѣдныхъ и зажиточныхъ кварталовъ. Въ Берлинѣ, напр., на тысячу женщинъ

въ возрастѣ отъ 15 до 50 лѣтъ приходилось рожденій въ наиболѣе бѣдныхъ частяхъ города 157, въ наиболѣе богатыхъ всего 47. Строгая закономѣрность этого явленія ярче всего освѣщается слѣдующей схемой того же Бертиллона, опредѣляющей число рожденій въ четырехъ важнѣйшихъ европейскихъ городахъ соотвѣтственно различной степени благосостоянія:

| | Берлинъ. | Парижъ. | Вѣна. | Лондонъ. |
|---|---|---|---|---|
| Во всемъ городѣ (средняя цифра) | 102 | 79 | 153 | 109 |
| » самыхъ бѣдныхъ кварталахъ | 157 | 108 | 200 | 147 |
| » бѣдныхъ кварталахъ | 129 | 95 | 167 | 140 |
| » зажиточныхъ | 114 | 72 | 155 | 107 |
| » еще болѣе зажиточныхъ | 96 | 65 | 153 | 107 |
| » богатыхъ | 63 | 53 | 107 | 87 |
| » очень богатыхъ | 47 | 34 | 77 | 64. |

Такимъ образомъ, очевидно, что въ дѣйствительности господствуетъ тотъ всеобщій законъ (допускающій, конечно, единичныя исключенія), по которому *чѣмъ выше культурное положеніе женщины, тѣмъ ниже ея плодовитость, и наоборотъ.* «Всеобщій культурный прогрессъ,—говоритъ Ода Ольбергъ,—ослабляющій постепенно факторы разрушенія и смертности, тѣмъ самымъ освобождаетъ женщину отъ бремени постояннаго рожанія и вскармливанія потомства», т.-е. даетъ ей въ то же время болѣе досуга для заботъ о собственномъ развитіи. Таковъ законъ культурнаго прогресса, стоящій въ полномъ противорѣчіи съ идеаломъ того писателя, который хотѣлъ бы превратить женщину въ одно рождающее тѣло, въ идеальную родильницу, едва успѣвающую вскармливать своихъ птенцовъ...

Но спрашивается: не ведетъ ли такое систематическое сокращеніе плодовитости, въ концѣ концовъ, къ вымиранію? не правы ли тѣ, кто въ безграничномъ прогрессѣ культуры усматриваютъ угрозу самому существованію человѣчества?

Нѣтъ, не правы, ибо они забываютъ, что въ приведенныхъ выше данныхъ мы имѣемъ дѣло не съ упадкомъ плодовитости вообще, *а съ ея приспособленіемъ къ смертности.* Природа зорко слѣдитъ за равновѣсіемъ между этими двумя основными моментами органической жизни, въ интересахъ сохраненія даннаго вида, и приспособляетъ приходъ къ расходу. Соотвѣтственно этому и культура, въ своемъ нормальномъ развитіи, ведетъ насъ не къ вымиранію, а къ равновѣсію между жизнью и смертью, между смертностью и плодовитостью. Въ строгомъ смыслѣ мы даже не можемъ сказать, что культура есть врагъ плодовитости: она превращаетъ лишь физическую плодовитость въ духовную. Материнство надо цѣнить не по числу рожденныхъ, а по числу *разумно взрощенныхъ* дѣтей. Культура дѣлаетъ мать болѣе плодовитой въ этомъ, нравственномъ, смыслѣ слова, она удѣляетъ ей высокое мѣсто въ величайшей отрасли творчества—въ формированіи людей и гражданъ. Между такой, нравственной, плодовитостью и физическимъ «плодоро-

діемъ» существуетъ, однако, непримиримый антагонизмъ. Силы женщины ограничены, и чѣмъ болѣе у нея дѣтей, тѣмъ менѣе она въ состояніи позаботиться о развитіи ихъ индивидуальности. Она сама съ каждымъ днемъ все болѣе отстаетъ отъ жизни окружающаго ее общества, ея кругозоръ съуживается, сердце бѣднѣетъ. Можетъ ли она, при такихъ условіяхъ, быть истинной воспитательницей своихъ дѣтей, подготовлять ихъ къ все болѣе усложняющимся жизненнымъ проблемамъ, формировать ихъ нравственно и духовно? Выиграютъ ли отъ такого «плодородія» дѣти, выиграетъ ли общество? Во всякомъ случаѣ, проигрываетъ много *сама мать*. Ея самочувствіе и ея гордость продолжаются, обыкновенно, лишь до того времени, когда дѣти находятся подъ ея исключительнымъ вліяніемъ, когда они не стали еще самостоятельно думать и разбираться въ мірѣ. Съ дальнѣйшимъ ихъ ростомъ теряется духовная связь между матерью и дѣтьми. Въ ихъ взаимныя отношенія вкрадывается непониманіе, неискренность, дисгармонія. Мать все болѣе проникается чувствомъ невольной обиды, сиротской отчужденности. Зачѣмъ всѣ ея муки, заботы, лишенія? гдѣ награда за безсонныя ночи, безпокойства, тревоги? Не успѣли подрасти дѣти, и женщина-мать чувствуетъ уже себя какъ бы за штатомъ, безъ цѣли жизни, безъ дѣла. Общественныхъ теченій и треволненій своего времени она не понимаетъ: замкнутая семейная жизнь, продолжавшаяся долгіе годы, убила въ ней всякіе высшіе интересы, сдѣлала ее «невѣжей» въ буквальномъ смыслѣ этого слова. И вотъ пустота существованія по необходимости заполняется всякимъ вздоромъ, сплетнями, интригами, дрязгами, «мелочами, тягучими, липкими мелочами, опутывающими всю жизнь». Обидное, жалкое существованіе...

Единственное спасеніе отъ него—въ умственномъ и соціальномъ прогрессѣ женщины. Другого выхода наша цивилизація не даетъ. Возвращенье вспять невозможно. Остается, значитъ, лишь подумать о томъ, чтобы облегчить муки и конфликты настоящаго переходнаго времени, тяжко отражающіеся на всей нашей жизни,—на жизни женщинъ и *мужчинъ* одинаково.

Евг. Лозинскій.

---



## I.

Мнѣ наскучили книги людей—
Я читаю одну только сказку природы,
На родномъ языкѣ красоты и свободы—
Сказку солнца, цвѣтовъ и вѣтвей...

* * *

Нѣтъ конца этой книги живой,
Все въ ней просто, велико и ясно...
Даже смерть въ ней нужна и прекрасна,
Какъ эпиграфъ надъ новой главой.

## II.

Какая-то неясная печаль
Въ душѣ моей отъ вешнихъ дней осталась:
Какъ будто я чего-то не дождалась,
Какъ будто мнѣ чего-то страстно жаль...

* * *

Зной первыхъ лѣтнихъ дней меня ужъ утомилъ,
И жаль деревьевъ мнѣ съ ихъ юной красотою—
Съ полупрозрачною, трепещущей листвою,
Съ разцвѣтомъ радости и новыхъ свѣжихъ силъ...

* * *

Нѣтъ ландышей давно—и нѣтъ мечты моей...
Осыпалась она съ черемухой отцвѣтшей,
И спитъ глубокимъ сномъ, и о веснѣ прошедшей
Поетъ, грустя надъ ней, послѣдній соловей...

**Галина.**

---

# ДУРАКЪ.

(Повѣсть).

(*Продолженіе* *).

## V.

Домой Петръ Любарцевъ пошелъ пѣшкомъ. Сегодня онъ и такъ слишкомъ много истратилъ на извозчика. А вѣдь надо экономить, экономить.

Онъ пришелъ домой съ необыкновенно радостнымъ лицомъ. Къ его удивленію онъ засталъ Владиміра дома. Двоюродный братъ его сидѣлъ за маленькимъ столикомъ, страшно согнувшись надъ нимъ и что-то торопливо писалъ. Локоть его руки висѣлъ на воздухѣ и ему очевидно было очень неудобно. На столикѣ были разбросаны размашисто исписанные листы. Онъ даже не замѣтилъ, что въ комнату вошелъ Петръ.

— Какъ? Ты не рыскаешь? — воскликнулъ Петръ насмѣшливо-удивленнымъ тономъ и, вытерши рукавомъ свой цилиндръ на манеръ того, какъ вытиралъ его швейцаръ въ домѣ родственницы, бережно уложилъ его въ картонку. Потомъ началъ столь же бережно и осторожно снимать пальто.

— А визитеръ! — промолвилъ Владиміръ, положивъ перо и обернувшись къ нему.—Какъ видишь, нисколько не рыскаю.

— Это удивительно. Какая же причина? Ты развѣ изучилъ всѣ примѣчательности столицы?

— Ихъ никогда нельзя изучить, мой другъ. Въ этомъ городѣ все примѣчательно. Сколько ни изучай, все будетъ новое.

— А я нахожу, что и изучать нечего. Все такое же, какъ и въ другихъ мѣстахъ. Право, я не нашелъ ничего такого, что меня удивило бы.

— А видѣлъ ты на Казанской площади памятникъ Барклаю-де-Толли?

---

*) См. «Міръ Божій», № 8, августъ 1902 г.

— Да, видѣлъ какіе-то памятники... Развѣ онъ чѣмъ-нибудь замѣчателенъ?

— Нѣтъ, ничѣмъ. Плохой памятникъ. Но замѣтилъ ты, какое у него лицо: бронзовое, братъ! И оно всегда одинаковое, оно никогда ничему не удивляется: вотъ совершенно такъ, какъ ты. Ну, какъ же твой визитъ? Произвелъ ты столь желанное хорошее впечатлѣніе?

— Конечно, произвелъ.

— То-есть не ты, а твой сюртукъ?

— Разумѣется, и сюртукъ. Въ такомъ сюртукѣ, какъ у тебя, понятно, ничего бы не вышло... Родственница приняла меня очень любезно. Да кстати, замѣть пожалуйста, что она намъ не тетка, а кузина... И мужъ ея былъ,—очень важный господинъ. Только онъ былъ не въ духѣ. Вообрази, онъ недоволенъ, что какой-то чиновникъ Валежневъ, котораго ему рекомендовала жена, оказался слишкомъ уменъ. Онъ говоритъ, что чиновникъ не долженъ быть уменъ...

— А, значитъ у тебя большіе шансы... Ну, что-жъ, тебя приглашали посѣщать ихъ гостиную?

— А какъ же! Не только меня, но... впрочемъ, ты надъ этимъ конечно посмѣешься... и тебя звали.

— Меня? Да зачѣмъ же я имъ? Развѣ ты такъ хорошо обо мнѣ отозвался?

— Я тебя не бранилъ. Но я, разумѣется, сказалъ, что ты не придешь, потому что ты...

— Неосновательный и несолидный? Да?

— Да. И къ тому же еще странный... И вообрази, когда я это сказалъ, кузина вдругъ оживилась и заявила: „Ради Бога, приведите его, я обожаю неосновательность и странность“.

— Вотъ какъ! Ну, а что жъ изъ себя представляетъ кузина?

— Женщина, какъ и всѣ. Ничего особеннаго... Маленькая, худенькая, блѣдная.

— И больше ничего?

— Что-жъ еще? Разумѣется, больше ничего.

— Ну, я тебѣ не вѣрю, и чтобъ удостовѣриться, приму приглашеніе и пойду къ ней.

— Ты пойдешь туда?

— А почему же нѣтъ? Вѣдь ты же говоришь, что она звала меня.

— Да, но... Но я никакъ не думалъ, что ты... Зачѣмъ же тебѣ туда идти?

— Какъ зачѣмъ? Я изучаю жизнь. Я все изучаю, меня все интересуетъ. А я такихъ людей, какъ они, еще не видалъ.

— Но послушай, въ чемъ же ты пойдешь туда? У тебя нѣтъ подходящей одежды.

— Какъ? Развѣ сюртукъ тамъ считается неприличной одеждой?

— Конечно нѣтъ, но... Но ты его носишь всегда, онъ у тебя несвѣжій...

— Послушай, Петръ... Да неужели тамъ всѣ такіе свѣжіе?

— О, да. Ужъ это-то навѣрно. Но во всякомъ случаѣ тамъ тебя примутъ, конечно, любезно...

— Мерси.

— А что это ты пишешь? Неужели такое длинное письмо отцу?

— Нѣтъ, это не письмо, а статья для печати.

— Какъ? Ты хочешь сдѣлаться писателемъ?

— Ну, нѣтъ, это слишкомъ много. Чтобъ сдѣлаться писателемъ, надо еще много учиться... А это просто небольшая статейка для газеты.

— Почему же ты думаешь, что ее напечатаютъ?

— Почему же ее не напечатать? Она не глупая. Я пишу о фактахъ, которые знаю и которые могутъ интересовать общество. Я надѣюсь, что напечатаютъ. А если нѣтъ, напишу другую, третью... буду добиваться. Вотъ сейчасъ и снесу въ редакцію.

И Владиміръ началъ собирать листы и складывать ихъ по порядку.

— О чемъ же ты пишешь? — спросилъ его Петръ, съ видомъ священнодѣйствія стягивавшій съ себя сюртукъ, жилетъ и другія принадлежности туалета.

— А пишу я, милый мой кузенъ, о провинціальныхъ чиновникахъ. Объ ихъ формализмѣ и мертвечинѣ, которая царитъ въ провинціальныхъ канцеляріяхъ. Пишу о томъ, что, благодаря имъ, провинціальная жизнь отстала отъ столичной на пятьдесятъ лѣтъ...

— Вотъ какъ! Откуда же ты все это знаешь?

— Какъ откуда? Я очень близко видѣлъ такихъ маленькихъ чиновниковъ, какъ ты, и такихъ выдающихся представителей провинціальныхъ канцелярій—какъ дядя.

— Мой отецъ?

— Ну, да. У меня только одинъ дядя.

— Какъ? Такъ ты рѣшаешься писать о моемъ отцѣ?—воскликнулъ Петръ, застывшій въ положеніи человѣка, снявшаго съ себя только одну половину брюкъ.

— Не о немъ лично, а о томъ типѣ чиновника, какой онъ изъ себя представляетъ...

— Но вѣдь это все равно: ты значитъ порицаешь такой типъ.

— Порицаю, конечно.



— Какъ же ты на это рѣшаешься?

— Но не могу же я, мой другъ, хвалить формализмъ и мертвечину.

— Но, однако... Какъ же такъ? Мы родственники и ты вдругъ...

— Но я вовсе не родственникъ съ типомъ провинціальнаго чиновника. Я родственникъ съ дядей, но я говорю не о дядѣ, а о типѣ...

— Да, но порицая типъ, ты можешь повредить и ему...

— Весьма вѣроятно. Но это ужъ неизбѣжно.

— Ну, знаешь, Владиміръ, я отъ тебя этого не ожидалъ...

— Я думаю, ты вообще отъ меня ничего не ожидалъ, Петръ. Ты ожидалъ и ожидаешь отъ петербургской родственницы, что она тебя устроитъ на какомъ-нибудь хорошемъ мѣстѣ; а я же не могу тебя устроить. Ну, такъ когда же ты возьмешь меня съ собой къ великосвѣтской кузинѣ?

— Ну, нѣтъ ужъ, ты самъ иди... Я тебя не возьму на свою отвѣтственность. Ты тамъ Богъ знаетъ чего наговоришь...

— А я все-таки уцѣплюсь за тебя. Вотъ увидишь... А пока прощай. Понесу статью; авось и вывезетъ...

Владиміръ, конечно, не собирался во что бы то ни стало „уцѣпиться“ за двоюроднаго брата. Онъ только хотѣлъ слегка разстроить его: очень ужъ раздражало его безконечно удовлетворенное лицо, съ какимъ онъ вернулся отъ родственницы. Но посѣщеніе родственницы все-таки входило въ его програму.

Тотъ міръ, который Петръ называлъ „высшимъ свѣтомъ“, хотя и едва ли былъ высшимъ, но все же ему невѣдомъ, а все невѣдомое страшно манило его къ себѣ. Это былъ молодой человѣкъ, исполненный глубокаго интереса къ жизни. У него было стремленіе, доходившее почти до болѣзненности, все знать, что дѣлается на свѣтѣ. Не было такой вещи, которая разъ сдѣлалась бы предметомъ его вниманія, хотя бы и случайно, была бы пропущена имъ мимо себя.

И одно только мучило его, это то, что міръ такъ огроменъ и у него не хватитъ жизни и силъ, чтобы познакомиться съ нимъ. Поэтому онъ, конечно, не могъ оставить внѣ своей программы петербургскую родственницу. Это былъ такой удобный пунктъ для созерцанія совершенно новаго для него уголка жизни. Но онъ не думалъ дѣлать это сейчасъ же. У него были въ Петербургѣ болѣе яркія точки, привлекавшія его вниманіе.

Вчера вечеромъ онъ былъ у одного стараго знакомаго его отца и попалъ какъ разъ на маленькую вечеринку. Здѣсь онъ встрѣтилъ интересное общество, слышалъ живые разговоры и самъ нечаянно втянулся въ споръ, которому можетъ быть суждено было сыграть важную роль въ его жизни.

Разговоръ шелъ о провинціи, о земствѣ, о чиновникахъ. Владиміръ сперва внимательно слушалъ. Но у него былъ свой взглядъ и онъ счелъ долгомъ высказать его. Ему возразили, онъ не простилъ и втянулся въ споръ, который былъ прерванъ ужиномъ.

За ужиномъ онъ оказался сосѣдомъ какого-то благообразнаго и молчаливаго старика. Старикъ не принималъ участія въ спорахъ, но Владиміръ видѣлъ, что къ нему всѣ относились съ уваженіемъ.

Старикъ заговорилъ съ нимъ и оказалось, что онъ далеко не лишенъ дара слова. Онъ разспрашивалъ Владиміра о провинціи и даже какъ бы выпытывалъ у него его взгляды. Потомъ онъ перешелъ на споръ о чиновникахъ, объявилъ его взглядъ интереснымъ и оригинальнымъ и наконецъ сказалъ:

— А отчего вы не напишите объ этомъ?

— Какъ? Гдѣ?—спросилъ Владиміръ.

— Ну, какъ же гдѣ? Гдѣ угодно! Напримѣръ, въ газетѣ. Статья съ такимъ взглядомъ, тѣмъ болѣе, что у васъ есть факты, могла бы заинтересовать общество... Теперь какъ разъ въ высшихъ сферахъ поговариваютъ о реформѣ канцеляріи и чиновничества...

— Но я никогда не писалъ... то-есть,—поправился Владиміръ,—не печаталъ...

— Ага, вотъ вы и поймались... Вы не печатали! Это понятно, вы еще очень молоды; но вы писали... и навѣрно писали, потому что у васъ есть писательскій духъ, это я вижу по вашимъ глазамъ.

— Да, это правда,—сказалъ Владиміръ, у котораго дѣйствительно не мало времени и бумаги было потрачено на писаніе.

— Ну, такъ вы и напишите... А я посмотрю. Выйдетъ что, возьму съ удовольствіемъ. Не выйдетъ—въ другой разъ... Вамъ некуда торопиться. А я вѣдь редакторъ газеты...

И онъ назвалъ газету, писать въ которой Владиміръ всегда считалъ для себя честью.

И вотъ подъ впечатлѣніемъ этого разговора Владиміръ все утро обдумывалъ свою тему, а потомъ сѣлъ и залпомъ написалъ статью.

Теперь онъ, забравъ исписанные листы и уложивъ ихъ въ карманъ, пошелъ къ вчерашнему знакомому редактору. Быстро идя по улицѣ, онъ не замѣчалъ, какая была погода и на этотъ разъ уже не останавливался ни передъ какими памятниками и сооруженіями. Онъ испытывалъ ту легкую лихорадку, какою сопровождается приготовленіе ко всякому дебюту.

Когда онъ былъ въ гимназіи, то почти всѣ свободные часы

занимался тѣмъ, что исписывалъ клочья бумаги. Случалось ему заниматься этимъ и на урокахъ и даже вступать въ борьбу съ учителями, когда они замѣчали это. Товарищи называли это бумагомараніемъ, а онъ самъ былъ почти такого же мнѣнія. На этихъ клочьяхъ онъ излагалъ свои взгляды на то, что происходило въ окружающей его жизни, но такъ какъ никакихъ взглядовъ въ сущности тогда у него не было, то ничего дѣльнаго и не выходило.

Огромное самолюбіе заставляло его скрывать свои исписанные клочки отъ всѣхъ и онъ тогда былъ страшно одинокъ и до окончанія гимназіи онъ не зналъ, есть ли какой-нибудь смыслъ въ его писаньи.

Когда онъ сдѣлался студентомъ, нашлись товарищи, которымъ онъ могъ довѣриться. Кое-что было прочитано и безпощадно забраковано. Тутъ у него стали вырабатываться взгляды на жизнь и на людей, и всѣ прежнія его работы теперь показались ему дѣтскимъ бредомъ. Но это не охладило его. Старые листы были уничтожены, но на мѣстѣ ихъ стали появляться новые, уже толстыя тетради, сохранившіяся у него и донынѣ.

То, что было въ этихъ тетрадяхъ, столь же мало годилось для печати, какъ и прежніе клочки, но работа эта не пропала даромъ. Онъ научился выражать свои мысли на бумагѣ и выработалъ себѣ стиль, нѣсколько странный—грубоватый и рѣзкій, но это былъ его собственный стиль.

Сегодня, сѣвъ за работу, онъ вдругъ убѣдился, что ему дается это легко, что мысли, которыя онъ вчера высказалъ въ спорѣ, облекаются въ красивую ясную форму, и съ каждой новой строкой чувствовалъ, что это ему удается. И отъ всего этого его била лихорадка.

Онъ ѣхалъ въ Петербургъ съ неясными планами. Одно только твердо онъ зналъ, что служить нигдѣ не будетъ. Противъ обязательной службы протестовалъ весь его душевный складъ. Карьера писателя казалась ему слишкомъ отвѣтственной и трудной и онъ не смѣлъ называть ее своей ближайшей цѣлью. Но въ то же время въ душѣ его жило неясно сознанное высокое мнѣніе о своихъ способностяхъ и онъ рѣшилъ, что будетъ стремиться и добиваться.

И теперь, когда онъ встрѣтился съ редакторомъ, онъ видѣлъ, что ему этотъ путь значительно облегчается. Будетъ ли успѣхъ сегодняшней его работы или нѣтъ, все равно, ужъ ему теперь не придется ждать по недѣлямъ и мѣсяцамъ и получать обратно статьи съ сомнѣніемъ въ томъ, что ихъ прочитали.

Онъ отыскалъ четырехъ-этажный домъ и вошелъ въ подъѣздъ. Въ нижнемъ этажѣ была редакція, но онъ поднялся выше и

позвонилъ въ квартиру редактора. На мѣдной дощечкѣ было написано: Григорій Никифоровичъ Бронниковъ. Это и было имя редактора.

Его провели въ кабинетъ, заваленный книгами, газетами, корректурами и рукописями, и самъ Григорій Никифоровичъ, сидѣвшій за столомъ, поднялся и, прищуря глаза, присматривался къ вошедшему молодому человѣку. Повидимому, въ первую минуту онъ не узналъ его, но потомъ вдругъ вспомнилъ вчерашнее знакомство и принялъ его привѣтливо.

— Ну, что-жъ, работаете?—спросилъ онъ Владиміра Любарцева, усадивъ его на диванѣ.

— Не только работаю, а уже сработалъ... Написалъ статью и принесъ вамъ,—отвѣтилъ Любарцевъ, запуская руку въ боковой карманъ сюртука и вытаскивая оттуда статью.

— Да что вы? Такъ уже скоро? — недовѣрчиво спросилъ Бронниковъ.

— А развѣ скоро нельзя?

— Запрещенья нѣтъ. Но это всегда вредитъ качеству... Однако, давайте, давайте... Вчера вы заинтересовали меня. Охъ, въ какомъ она у васъ видѣ...

— Я прямо начисто писалъ, Григорій Никифоровичъ.

— Писали начисто, а вышло грязно... Но вы прежде всего скажите мнѣ по чистой совѣсти,—говорилъ Бронниковъ,—вы такъ стремительно взялись за это потому, что вамъ нужны деньги и скорѣе хочется получить гонораръ, или...

— Нѣтъ, Григорій Никифоровичъ, деньги мнѣ сейчасъ не нужны, у меня еще есть небольшой запасъ...

— А! Значитъ, васъ потянуло... Кипѣло въ васъ...

— Да, кипитъ и тянетъ, Григорій Никифоровичъ.

— Ну, это васъ извиняетъ... Что-жъ, давайте сейчасъ и прочитаемъ.

Редакторъ переселился къ письменному столу, сѣлъ въ кресло и вооружился очками.

— Можетъ быть, вы позволите, чтобы я прочиталъ вамъ?— предложилъ Любарцевъ.

— Это будетъ безполезно... ничего не пойму. За двадцать пять лѣтъ редакторской дѣятельности привыкъ воспринимать статьи про себя; ужъ вы поскучайте полчасика... Вотъ вамъ сегодняшній номеръ газеты, почитайте; навѣрное были такъ заняты вашей статьей, что ничего не читали?

Владиміръ взялъ предложенную газету, помѣстился на краюшкѣ дивана, развернулъ ее передъ собой и началъ слѣдить глазами за строчками первой попавшейся статьи. Но онъ не читалъ. Каждую минуту онъ подымалъ глаза на редактора и взглядывалъ на его лицо.

Но лицо редактора было безстрастно. Иногда онъ подымалъ руку съ толстымъ краснымъ карандашемъ и ставилъ черту на поляхъ, и у Владиміра тогда было такое ощущеніе, какъ будто эту черту онъ проводилъ острымъ ножомъ по его спинѣ. Это были довольно мучительные полчаса, такъ какъ въ теченіе ихъ въ сущности вѣдь рѣшался вопросъ о годности его для литературной карьеры.

Редакторъ кончилъ, отложилъ статью и снялъ очки.

— Ну, вотъ что я вамъ скажу: если бы вы писали не такъ стремительно, то статья была бы лучше. Но тѣмъ не менѣе это все-таки хорошая статья; она свѣжая и можетъ захватить.

— Неужели вамъ понравилась?—съ живостью воскликнулъ Владиміръ.

— А вамъ развѣ не нравится?—спросилъ редакторъ и разсмѣялся.—Вотъ только просмотрите мѣста, которыя я отмѣтилъ краснымъ карандашомъ. Это повторенія или ненужныя рѣзкости. Такъ мнѣ показалось. Но если вы со мной не согласитесь, то я ихъ, разумѣется, оставлю. Словомъ, вы ее прокорректируйте теперь, уже съ новой точки зрѣнія: какъ статью одобренную и принятую... О, это совсѣмъ, совсѣмъ новая точка зрѣнія.

Владиміръ сѣлъ по другую сторону стола, вооружился тѣмъ самымъ толстымъ карандашемъ, которымъ пять минутъ тому назадъ редакторъ проводилъ кровавыя черты по его спинѣ и началъ читать свою статью съ новой точки зрѣнія.

Да, въ самомъ дѣлѣ, и статья и самъ онъ казались ему теперь иными. Тогда, дома, онъ дорожилъ каждой фразой, боясь, что недостаточно ясно выразилъ свои мысли. Тогда онъ не былъ увѣренъ въ доказательности своихъ доводовъ и потому старался привести ихъ какъ можно больше. Теперь у него явилась увѣренность и оттого рельефно выступали передъ нимъ главное и важное, а лишнее и ненужное тотчасъ блѣднѣло и само себя уничтожало. И онъ смѣло зачеркивалъ слабыя мѣста, не всегда однако, сходясь съ отмѣтками редактора, испещрялъ поля вставками и все это дѣлалъ съ увлеченіемъ, страстно, и это чувство отражалось въ его глазахъ.

Вронниковъ смотрѣлъ на него и думалъ: „Вотъ, кажется, случай натолкнулъ меня на настоящаго журналиста. Давно я не видѣлъ у моихъ сотрудниковъ этой страстности, которая придаетъ газетнымъ строкамъ жизнь".

Онъ просмотрѣлъ исправленную Владиміромъ статью и съ выраженіемъ искренняго одобренія сказалъ:

— Benissimo! Еще не смѣю сказать съ увѣренностью, но подозрѣваю, молодой человѣкъ, что вы родились журналистомъ. У васъ хорошій слогъ, вамъ легко дается форма и есть страст-

ность. Первыя двѣ вещи останутся вамъ навсегда, а вотъ третью надо беречь и не растрачивать ее на пустяки. Позвольте же вамъ дать совѣтъ человѣка, умудреннаго журнальнымъ опытомъ. У васъ молодая голова и потому вы на каждомъ шагу будете встрѣчать явленія, побуждающія васъ къ статьямъ. Но не хватайтесь за все. Не растрачивайте вашей энергіи на что попало. Останавливайтесь только на важномъ. Наши журналисты оттого и потеряли три четверти своего вліянія, которое могли бы имѣть, что они съ одинаковымъ жаромъ занимаются важнымъ и ничтожнымъ. Свободный талантъ поступаетъ на добровольную службу ежедневности. Онъ долженъ во что бы то ни стало въ каждый номеръ дать столько то строкъ, и такъ какъ значительныя явленія въ жизни обыкновенно родятся на каждый день, то ему приходится браться за все,—что попало. И публика, читая горячія статьи о пустякахъ, привыкаетъ къ ихъ жару. Пишите только важное, а повседневное оставьте тѣмъ, кому Богъ не далъ огня. Пусть они жуютъ эту обязательную и неизбѣжную жвачку. Погодите, погодите... вы хотите сказать, что тогда матеріальной обезпеченностью будутъ пользоваться только „жующіе жвачку“; а обладатели божественнаго огня будутъ питаться колбасой и чаемъ?..

— Нѣтъ, я этого вовсе не собирался говорить,—горячо возразилъ Владиміръ.

— Ну, можетъ быть, и не собирались, только это по молодости, но все равно это возраженіе было бы правильно. Да вотъ во избѣжаніе-то колбасы съ чаемъ, обладатели божественнаго огня и поступаютъ на службу ежедневности. Но я все-таки стараюсь отводить отъ нихъ эту чашу. Вѣдь они такъ рѣдко попадаются, что не приходится особенно ломать голову. Вотъ у меня въ газетѣ, напримѣръ, есть свободный отдѣлъ, правда маленькій и совсѣмъ не отвѣтственный, но вамъ еще рано гоняться за большимъ. Отдѣлъ „мелочей“. Онъ называется: „Смѣсь“. Тутъ печатаются разныя курьезныя извѣстія, случаи, какіе попадаются въ русскихъ и заграничныхъ изданіяхъ. Вы языки знаете?

— Нѣмецкій знаю хорошо, а по-французски только читаю.

— Ну, этого вполнѣ достаточно, хотя въ англійскихъ бываетъ много интереснаго.

— Я уже далъ себѣ слово выучиться и англійскому.

— Ну, вотъ видите. Такъ этотъ отдѣлъ я вамъ и поручу. Вы будете приходить въ редакцію часа на два, пробѣгать газеты и журналы, кое-что вырѣзывать и переводить, эдакъ строкъ тридцать-сорокъ-пятьдесятъ... За это вы будете получать семьдесятъ пять рублей въ мѣсяцъ. Для перваго времени отличная плата... Вы довольны?

— О, даже слишкомъ. Ужъ это мнѣ черезчуръ везетъ.

— Это правда. Вамъ повезло. Иные, съ бо́льшимъ талантомъ и съ бо́льшими свѣдѣніями, чѣмъ у васъ, по мѣсяцамъ ищутъ работы и не всегда находятъ. Ну, а за хорошія статьи, вотъ за такія, какъ эта, буду платить вамъ особо. А теперь пойдемте въ столовую пить чай. Въ этотъ часъ ко мнѣ подымаются изъ редакціи нѣкоторые сотрудники, вотъ я васъ и познакомлю съ ними.

Это былъ блистательный день въ жизни Владиміра Любарцева, сразу опредѣлившій его карьеру. Въ столовой за чаемъ семейство редактора не появилось. Владиміръ такъ и не узналъ, есть ли у него семейство. Но явилось нѣсколько сотрудниковъ газеты, съ которыми редакторъ познакомилъ его. О статьѣ Владиміра онъ ничего пока не сказалъ, а представилъ его только какъ новаго завѣдующаго отдѣломъ „смѣси".

Владиміръ пришелъ домой въ дико восторженномъ настроеніи и, увидѣвъ своего кузена, сидѣвшаго безъ сюртука, за столомъ, надъ почтовой бумагой, на которой онъ ровными основательными красивыми буквами выводилъ письмо къ родителямъ— единственный родъ литературы, который былъ ему доступенъ,— началъ неистово трясти его за плечи.

— О, кузенъ Петръ, кузенъ Петръ! Брось свои сыновнія изліянія и смотри во всѣ глаза на самаго счастливаго человѣка во всемъ Петербургѣ.

— Ахъ, да ну... оставь!.. Ты меня всего разломаешь... Всячески отбивался отъ него Петръ Любарцевъ.—Ты перебилъ меня на самомъ интересномъ мѣстѣ: я описывалъ салонъ петербургской родственницы. Отчего же это ты такъ счастливъ?

— А вотъ видишь, пока ты тамъ еще будешь обивать пороги разныхъ салоновъ, я уже—писатель...

— Какой такой писатель?

— Ну, какой? Разумѣется, не тотъ, который пишетъ письма къ родителямъ... Писатель, настоящій писатель, статья котораго будетъ напечатана въ газетѣ, да еще въ какой вліятельной газетѣ,—которую всѣ читаютъ.

Глубокое разочарованіе выразилось на лицѣ Петра Любарцева.

— Ну, вотъ! Я думалъ, въ самомъ дѣлѣ что-нибудь порядочное!—лѣниво промолвилъ онъ и повернулся лицомъ къ столу съ намѣреніемъ продолжать посланіе къ родителямъ.

— Но развѣ же это не интересно? Ты подумай: завтра мои мысли, которыя до сихъ поръ жили только въ моей головѣ, вылетятъ изъ-подъ типографской машины въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ и разлетятся по всей Россіи, залетятъ даже въ Европу... Я ихъ разомъ выскажу сотнѣ тысячъ людей, и сотня

тысячъ людей восприметъ ихъ и многіе раздѣлятъ ихъ... Неужели же ты не чувствуешь, какъ это интересно?

— Ничего я тутъ не чувствую... Какое тебѣ дѣло до этихъ сотенъ тысячъ?

— Что за деревянная голова у тебя, Петръ! Знаешь, это даже *въ тебѣ* удивительно.

— Не мѣшай мнѣ писать письмо.

— Не могу не мѣшать, потому что я твое письмо презираю...

— Ну, да, потому что у тебя нѣтъ никакихъ чувствъ родственныхъ. Ты и въ статьѣ этой пишешь противъ родныхъ.

— Да, да, да! Для писателя въ тотъ моментъ, когда онъ пишетъ, не должно быть ни друзей, ни родныхъ, а только одна правда, чистая правда... Ну, что ты тамъ пишешь? Описываешь салонъ петербургской тетушки?..

— Я тебѣ уже сказалъ, что она не тетушка, а троюродная кузина.

— Ну, все равно... Да кому это нужно? Эхъ, ну... Наконецъ, знаешь, что я тебѣ скажу? Вотъ ужъ это, навѣрное, тронетъ тебя: мнѣ поручили завѣдывать отдѣломъ и назначили окладъ—семьдесятъ пять рублей въ мѣсяцъ.

— Окладъ?—и Петръ Любарцевъ мгновенно опять всей своей особой повернулся къ нему.

— А, вотъ чѣмъ тебя можно было пронять...

— Да, если окладъ... ну да,—тогда, конечно, это совсѣмъ другое дѣло... Какъ же такъ вдругъ окладъ? За что же тебѣ окладъ?

— Да за то, что я буду работать... Оказалось, что я годенъ для извѣстной работы. Ну, а за работу платятъ. И такъ, видишь, я счастливѣе тебя. Ты тамъ еще будешь долго поклоны бить у кузины, у ея супруга и другихъ тому подобныхъ... А я безъ всякихъ поклоновъ имѣю хлѣбъ и вино.

Петръ задумался, и по мѣрѣ того, какъ онъ обсуждалъ положеніе, лицо его утрачивало недавнюю живость.

— Да, но вѣдь это же не служба...—сказалъ онъ.

— Слава Богу, что не служба; значитъ, я могу во всякое время, когда мнѣ надоѣстъ или не понравится, бросить...

— Да, но тутъ не можетъ быть никакой карьеры, никакого движенія... Какъ же ты не понимаешь,—заговорилъ вдругъ Петръ поучительнымъ тономъ, и въ голосѣ его опять послышалось даже нѣкоторое увлеченіе,—какъ же ты не понимаешь, какая тутъ глубокая разница?—Вотъ мы оба кончили университетъ, положимъ, я раньше, ну тебѣ повезло, и мы получаемъ одинаково по семьдесятъ пять рублей въ мѣсяцъ. Но ты будешь десять лѣтъ получать эти семьдесятъ пять рублей, потомъ еще десять и еще хоть сто. Ну, положимъ, даже тебѣ прибавятъ; но, все равно, ты

останешься тѣмъ же, чѣмъ былъ, тогда какъ я за это время получу чины, займу видное мѣсто и выслужу пенсію, которая дастъ мнѣ возможность спокойно и пріятно проводить старость. Неужели же ты не видишь разницы?

— Вижу, только не ту, которую видишь ты, а другую, именно: я всю жизнь буду заниматься тѣмъ, что люблю и чѣмъ хочу, а ты будешь корпѣть надъ работой, до которой тебѣ нѣтъ никакого дѣла. Я всю жизнь буду свободнымъ—настолько, разумѣется, насколько это допускается законами Россійской имперіи, а ты будешь подчиненъ рѣшительно всякому, у кого чинъ старше твоего. И, наконецъ, я принесу какую-нибудь пользу людямъ, а ты только напрасно потратишь нѣсколько пудовъ бумаги, бутылокъ чернилъ и сотенъ перьевъ и умрешь безслѣдно, какъ червякъ.

— Ну, все это глупости, которыхъ я даже не понимаю.

— Ну, ладно. Пиши письмо къ родителямъ и поклонись имъ отъ меня.

— Ну, ужъ это извини. Ты пишешь статьи противъ моего отца...

— Боже мой! ты съ каждой минутой глупѣешь... Скажи пожалуйста, неужели такая голова, какъ твоя, можетъ заслужить какіе-то чины, оклады и повышенія? Нѣтъ, въ слѣдующей статьѣ я займусь тобой.

— Это будетъ уже подлость.

— Ну, и что-жъ: я сдѣлаю эту подлость! Вѣдь для литератора нѣтъ ничего святого...

— Я тебя не слушаю,—сказалъ Петръ Любарцевъ, углубляясь въ свое писаніе.

— А мнѣ невыносимъ видъ твоего затылка, и я удаляюсь.

— Самое лучшее, что ты можешь сдѣлать...

— Прощай!

Владиміръ Любарцевъ въ самомъ дѣлѣ опять одѣлся и пошелъ на улицу. Ему не сидѣлось, въ особенности въ обществѣ кузена, который никакъ не могъ понять и раздѣлить его торжественное настроеніе.

Онъ вышелъ и принялся бродить по городу безъ всякой цѣли. Была у него мысль зайти на телеграфъ и послать отцу извѣстіе о своей побѣдѣ. Но онъ удержался. Лучше онъ пошлетъ ему статью, когда она выйдетъ.

Теперь онъ весь превратился въ ожиданіе того дня, когда появится его статья.

## VI.

Такъ какъ Петръ Любарцевъ дорожилъ временемъ въ Петербургѣ, то онъ пропустилъ только нѣсколько дней и то собственно ради хорошаго тона. Но на этотъ разъ онъ отправился къ родственникамъ не утромъ, а часа въ четыре, разсчитывая, что, на правахъ родственника, онъ получитъ приглашеніе обѣдать.

„За обѣдомъ люди сближаются", рѣшилъ онъ мысленно.

Опять нарядился онъ въ свой парадный сюртукъ и пошелъ на Конногвардейскій бульваръ. На этотъ разъ швейцаръ сразу призналъ его, и Петръ, оставивъ ему пальто, взлетѣлъ наверхъ съ увѣреннымъ видомъ своего человѣка.

— А, кузенъ!—съ чуть замѣтной усмѣшкой произнесла, увидѣвъ его, родственница.

Петръ подошелъ къ ней, поцѣловалъ у нея руку и только тогда разглядѣлъ, что въ будуарѣ родственницы было нѣсколько мужчинъ и двѣ дамы, что у всѣхъ въ рукахъ и на маленькихъ столикахъ около нихъ были чашки съ чаемъ.

— Познакомьтесь, господа! Это Петръ Николаевичъ Любарцевъ, мой кузенъ изъ провинціи,—промолвила Анна Михайловна.

Петръ Любарцевъ пожалъ руки четыремъ мужчинамъ, изъ которыхъ каждый назвалъ свою фамилію, но такъ невнятно, что онъ ни одной не разслышалъ, и поклонился дамамъ.

Дамы обратили на себя его вниманіе. Это, очевидно, были мать и дочь или, по крайней мѣрѣ, хоть тетка съ племянницей. Онѣ очень походили другъ на друга, обѣ чрезвычайно длинныя,—по крайней мѣрѣ, по сравненію съ хозяйкой онѣ казались великанами,—худощавыя и какія-то костлявыя. Узкія и длинныя лица ихъ напоминали отраженіе въ неправильномъ зеркалѣ, точно ихъ нарочно вытянули и сплюснули по бокамъ. Головы ихъ были украшены необыкновенными шевелюрами черныхъ волосъ, надъ которыми, должно быть, очень долго возилась рука горничной или парикмахера. И эти двѣ некрасивыя головы были водружены на высокихъ кружевныхъ пьедесталахъ, потому что обѣ дамы были точно окутаны кружевами, должно быть очень драгоцѣнными, какъ мысленно рѣшилъ Петръ Любарцевъ. Поверхъ волосъ у младшей торчала пышная шляпа съ перьями, а у старшей маленькій, точно игрушечный, токъ. На шеѣ, на груди, на пальцахъ у нихъ всюду играли самоцвѣтные камни, крупные и въ большомъ количествѣ. Все это заставило Петра Любарцева, послѣ того, какъ онъ сѣлъ, внимательно разсмотрѣть ихъ и вообще не выпускать ихъ изъ виду.

Петръ помѣстился на свободномъ креслѣ, получивъ отъ лакея

чашку чаю, и началъ присматриваться къ обществу и прислушиваться къ разговору. Мужчины ничѣмъ особеннымъ не отличались отъ обыкновенныхъ приличныхъ мужчинъ. Трое были въ партикулярныхъ одеждахъ и имѣли видъ людей не занятыхъ и никуда не спѣшащихъ. Но одинъ — высокій, тяжеловѣсный, съ лицомъ упитаннымъ и начисто выбритымъ, былъ въ вицъ-мундирѣ, каждую минуту смотрѣлъ на часы и все говорилъ: „Ахъ, мнѣ пора; ахъ меня ждутъ!“ и потомъ прибавлялъ по-французски: „Ah, c'est embêtant comme tout...“

Страннымъ показалось Петру Любарцеву, что всѣ мужчины. хотя были разныхъ возрастовъ, одинъ даже совсѣмъ молодой—лѣтъ двадцати пяти—были лысы, и лысины всѣхъ ихъ не только не портили, а даже какъ бы украшали. У нихъ и лица были такія, къ которымъ требовалась лысина и если бы у кого-нибудь изъ нихъ было много волосъ на головѣ, то это вышло бы грубо и некрасиво.

Слушая же ихъ разговоръ, Петръ Любарцевъ рѣшительно никакъ не могъ уловить, въ чемъ тутъ дѣло. Они говорили по-русски, но постоянно употребляли такія слова, которыхъ онъ не понималъ, слыша ихъ въ первый разъ, а между тѣмъ, этимъ словамъ никто изъ нихъ не удивлялся.

— Онъ все еще упорствуетъ въ своемъ лючинизмѣ,—съ шутливымъ укоромъ говорилъ высокій и плечистый обладатель лысины, указывая на обладателя лысины коренастаго, съ одутловатыми щеками.

— Неужели?—какъ-то глядя поверхъ ихъ обоихъ, воскликнула хозяйка съ выраженіемъ лица, которое говорило, что она принимаетъ участіе въ этомъ разговорѣ какъ бы только по обязанности любезной хозяйки.—Но вѣдь это такъ смѣло съ его стороны...

— Смѣло! Вы правы! потому что я рискую, потому что я почти одинокъ!—съ горячностью заявилъ коренастый, очевидно касаясь какого-то священнаго предмета, такъ какъ глаза его при этомъ метали молніи, и голосъ прерывался.—Они всѣ помѣшались на этихъ кордонеліевскихъ фуетэ... Но позвольте, развѣ это искусство? Всѣ эти ваши фуетэ — не болѣе, какъ гимнастическіе фокусы, которымъ можно научить любую обезьяну!..

— А позвольте освѣдомиться, что̀ же по вашему искусство?—скромно вмѣшался молодой обладатель лысины, вообще вступавшій въ разговоръ съ разными почтительными оговорками.

— Искусство, это—красота, пластика, художественная мѣра во всѣхъ подробностяхъ...

— Ха-ха-ха!—саркастически разсмѣялся высокій:—художественная мѣра... А у нея ноги коротки...

— И шеи вовсе нѣтъ...

— Нѣтъ, господа, главный недостатокъ ея, это—слишкомъ широкія плечи.

„Они говорятъ о какой-нибудь знаменитой лошади", подумалъ Петръ Любарцевъ.

Въ это время господинъ въ вицъ-мундирѣ нервнымъ движеніемъ руки вынулъ въ сотый разъ часы, взглянулъ на нихъ и сказалъ:

— Если бы меня не ждали въ канцеляріи,—о, проклятье!—я доказалъ бы вамъ, что у вашей Лючини колѣнки висятъ, какъ у аиста...

— Это недостатокъ школы,—возразилъ лючинистъ;—у всѣхъ итальянокъ висятъ колѣнки. У вашей Кордонели не только висятъ, а выступаютъ, какъ два нарыва...

— О, Боже!—съ брезгливой миной воскликнула хозяйка.

„Нѣтъ, не о лошади. Тутъ что-то совсѣмъ другое", рѣшилъ Петръ Любарцевъ.

— А вы, m-r Любарцевъ,—вдругъ обратилась къ нему длинная дама, которая была старше,—вы лючинистъ или кордонелистъ?

Петръ взглянулъ на нее, на хозяйку и на всѣхъ остальныхъ и на лицѣ его выразилось глубокое замѣшательство. Я, право... я еще...—началъ онъ растерянно, но за него заступилась хозяйка.

— Кузенъ только что пріѣхалъ изъ провинціи и еще не успѣлъ испортиться, господа,—замѣтила она. Онъ еще—дѣвственная почва...

— А, это интересно!.. Вами надо заняться, m-r Любарцевъ... Васъ надо испортить!—сказала старшая дама.

— Я къ вашимъ услугамъ,—отвѣтилъ Петръ и наклонилъ голову въ сторону длинной дамы, которая послѣ этого поднялась и заявила, что ей пора. То же сдѣлали и обладатели лысинъ, всѣ вдругъ начавъ прощаться.

Петръ тоже поднялся и не зналъ, что ему дѣлать: неужели тоже попрощаться? А онъ сегодня разсчитывалъ пообѣдать у родственниковъ.... И, должно быть, это было написано у него на лицѣ, потому что, когда онъ подошелъ, чтобы поцѣловать руку хозяйкѣ, она сказала ему:

— Вы, кузенъ, останетесь обѣдать, не правда ли?—и онъ остался.

Длинныя дамы протянули ему руки.

— Помните же, m-r Любарцевъ,—сказала ему старшая съ очаровательной улыбкой, которая обнаружила всѣ ея неровные, страшно перепутанные зубы,—помните, что я взялась испортить васъ... Только пожалуйста,—прибавила она,—запросто,—мы обѣдаемъ въ семь часовъ...

Пётръ благодарно наклонилъ голову. Гости всѣ исчезли, и онъ остался вдвоемъ съ хозяйкой. Анна Михайловна поднялась съ своего мѣста и проводила гостей до портьеры, сквозь которую они безшумно проскользнули, и Петръ внимательно осмотрѣлъ ее, такъ какъ въ первый разъ видѣлъ ее не сидящей.

Она теперь уже не казалась ему такой маленькой. Она была сложена удивительно стройно. Походка у нея была легкая, безшумная, движенія мягкія и красивыя.

— Ну, вотъ, кузенъ, можно поздравить васъ съ успѣхомъ у дамъ...—сказала Анна Михайловна, возвращаясь отъ дверей къ своей софѣ.—Впрочемъ, не заблуждайтесь: у нихъ имѣетъ успѣхъ всякій мужчина, котораго онѣ подозрѣваютъ въ томъ, что онъ еще не женатъ.

— А кто эти дамы?—спросилъ Петръ.

— Вермутовы. Мать и дочь. Онѣ очень богаты, кузенъ; вы можете жениться на дочери и сдѣлаться тоже богатымъ.

— Она вдова, эта госпожа Вермутова?

— Не совсѣмъ. Мужъ ея очень важный чиновникъ, женился на ней ради ея большого состоянія. Ея состояніе помогло ему сдѣлать карьеру; послѣ этого онъ сошелся съ другой женщиной. Но она не даетъ ему развода, и потому онъ принужденъ жить съ нею въ одномъ домѣ, ненавидя ее.

— Значитъ, ея состояніе уже ему не нужно?—допытывался Петръ.

— Да, теперь уже у него есть свое...

„Непремѣнно пойду обѣдать къ этимъ Вермутовымъ“, мысленно рѣшилъ Любарцевъ.

— А кто эти господа, которые были у васъ?—спросилъ онъ.

— Разные. Но у нихъ есть общее званіе: они балетоманы.

— Развѣ есть такое званіе?

— Да, кузенъ, оказывается, что есть. Они всѣ состоятъ при театрѣ—только безъ жалованья. Но все равно, большинство изъ нихъ получаетъ казенное жалованье на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ служатъ.

— Что же это за званіе?—продолжалъ любопытствовать Петръ Любарцевъ.

— Они постоянно посѣщаютъ балетъ, апплодируютъ танцующимъ, а иногда шикаютъ имъ; встрѣчаютъ ихъ на вокзалѣ, когда они пріѣзжаютъ, провожаютъ ихъ, когда они уѣзжаютъ; подносятъ имъ подарки въ дни бенефисовъ, платятъ за торжественные ужины.

— Такъ это совсѣмъ невыгодно...—замѣтилъ Петръ Любарцевъ.

— Но, должно быть, это пріятно. Притомъ же это даетъ положеніе въ обществѣ.

— Какое же это положеніе?

— А какъ же? Положимъ, вы чиновникъ, биржевикъ или что-нибудь въ такомъ родѣ... Ну что такое чиновникъ? Ихъ страшно много въ Россіи. Чиновникъ можетъ быть большой, а можетъ быть и ничтожный, а все равно чиновникъ. То же и биржевики... Есть львы, а есть и маленькіе зайчики, — а все биржевики. А какъ только онъ дѣлается балетоманомъ, сейчасъ это выдвигаетъ: онъ близокъ къ искусству, это придаетъ ему особое благородство и вѣсъ. Прежде, когда спрашивали—кто это? отвѣчали: ну, одинъ тамъ чиновникъ или биржевикъ... А теперь отвѣчаютъ: а вы не знаете? это извѣстный балетоманъ. А извѣстный потому, что они всѣ извѣстны.

— Значитъ, они всѣ богаты?

— Отчего вы такъ думаете, кузенъ?

— Да вѣдь за ужины надо платить дорого.

— Ну, не думаю, чтобъ дорого... А впрочемъ, многіе дѣлаютъ это въ долгъ!

— Какъ? Ужины въ долгъ?

— Да, кузенъ, въ долгъ ужины, въ долгъ фракъ у моднаго портного, даже въ долгъ собственныя лошади...

— Вотъ этого я никакъ не предполагалъ.

— А я вамъ совѣтую поближе познакомиться съ ними. Если вы сдѣлаетесь балетоманомъ...

— А развѣ это всякій можетъ?

— Ну, тамъ у нихъ есть какія-то стадіи, вотъ какъ бываетъ въ мастерской у ремесленниковъ: сперва ученикъ, котораго посылаютъ за кипяткомъ въ трактиръ и бьютъ, потомъ подмастерье и мастеръ,—такъ и у нихъ. Но это, говорятъ, помогаетъ по службѣ... Вѣдь они всѣ другъ друга знаютъ и другъ другу помогаютъ...

„Непремѣнно сдѣлаюсь балетоманомъ“, мысленно рѣшилъ Петръ Любарцевъ.

— А что же вы не привели вашего интереснаго кузена?— спросила Анна Михайловна послѣ довольно продолжительнаго молчанія.

— Я передалъ ему, что вы... что вы его приглашали...

— Ну и что же? Онъ съ презрѣніемъ отвергъ?

— Нѣтъ, онъ сказалъ, что ему интересно...

— А, merci...

— Но привести его я не рѣшился!—замѣтилъ Петръ.

— Почему же?

— Ахъ, онъ такой странный... Вы знаете, онъ человѣкъ не дурной, и я даже его люблю, но... у него не подходящіе взгляды...



— Они не подходятъ къ вашимъ?—съ тонкой усмѣшкой спросила Анна Михайловна.

— И къ моимъ и вообще... вообще къ принятымъ...

— Что же именно?

— Вотъ, напримѣръ: онъ моему отцу родной племянникъ, и отецъ мой очень хорошо къ нему относится, а онъ отплатилъ ему зломъ...

— Да что вы?

— Да, онъ написалъ статью и напечаталъ ее въ газетѣ...

— Какъ? Онъ пишетъ въ газетахъ?

— Онъ только первую статью напечаталъ... только вчера вышла въ газетѣ „Сѣверная Труба“.

— И въ этой-то статьѣ онъ отплатилъ зломъ вашему отцу?

— Да. Я не читалъ статьи, но онъ самъ мнѣ объяснилъ, что въ ней онъ пишетъ противъ провинціальныхъ чиновниковъ. А такъ какъ мой отецъ занимаетъ въ провинціи видное мѣсто, то значитъ онъ и противъ него пишетъ...

— А, вотъ что!—какъ-то странно протянула Анна Михайловна и прислушалась. Изъ отдаленной передней послышался два раза повторенный звонъ.

— Это звонокъ мужа,—сказала она.

И дѣйствительно черезъ минуту въ комнату быстро, даже какъ-то стремительно вошелъ Константинъ Александровичъ Коромысловъ. Онъ прошелъ прямо къ женѣ, поцѣловалъ у нея руку и, замѣтивъ Любарцева, сразу обратился къ нему:

— А, вотъ какъ кстати! Скажите, это вы написали статью въ „Сѣверной Трубѣ“?

— Какъ ты оживленъ сегодня!—съ оттѣнкомъ удивленія произнесла Анна Михайловна.

— Да вотъ благодаря этой статьѣ я и оживленъ. Скажите, это ваша статья?

— Нѣтъ, я... право, я... не пишу статей!—отвѣтилъ Петръ, сильно запинаясь, такъ какъ ему показалось, что его обвиняютъ.

— Нѣтъ? Не ваша? А чья же? Тамъ подписанъ Любарцевъ.

— Это другой кузенъ...—отвѣтила за него Анна Михайловна.—Тотъ... неосновательный...

— Да, это мой двоюродный братъ написалъ,—съ выраженіемъ сожалѣнія и горечи сказалъ Петръ Любарцевъ.

— А что—и статья тоже неосновательная?—иронически спросила Анна Михайловна.

— Статья замѣчательная... замѣчательная статья! Прямо въ точку! Прямо въ цѣль... Статья ходитъ по рукамъ, во всѣхъ департаментахъ ее читаютъ... Скажите, онъ очень молодъ вашъ кузенъ?

— Онъ совсѣмъ молодой: ему двадцать три года!—отвѣтилъ Петръ Любарцевъ и смотрѣлъ на Коромыслова и на Анну Михайловну съ глубокимъ непониманіемъ. Онъ до сихъ поръ еще не постигъ, въ какомъ смыслѣ надо понимать отзывы чиновнаго родственника о статьѣ Владиміра, въ хорошемъ или въ дурномъ. По смыслу его выраженій, кажется, въ хорошемъ; а между тѣмъ, самъ онъ никакъ не могъ допустить мысли, чтобы статья противъ чиновниковъ могла понравиться чиновнику. И всѣ департаменты читаютъ.

— Удивительно мѣтко для такихъ лѣтъ. Онъ очень способный—вашъ двоюродный братъ, и мнѣ хотѣлось бы съ нимъ познакомиться,—говорилъ Коромысловъ.—Ты понимаешь, Анна, онъ пишетъ именно то, что я думалъ. Я всегда говорилъ, что чиновникъ, помимо исполненія обязанностей казенной службы, долженъ еще выполнять въ провинціи культурныя задачи. Онъ, такъ сказать, представитель государственнаго начала; а истинная культура должна входить въ массы подъ эгидой государственности...

— Онъ это пишетъ?—съ нѣкоторымъ выраженіемъ удивленія, расширивъ глаза, спросила Анна Михайловна.

— Онъ пишетъ не это, но его факты могли бы подтвердить этотъ взглядъ... Надѣюсь, Петръ Николаевичъ, вы доставите мнѣ возможность познакомиться съ вашимъ двоюроднымъ братомъ... Да, да, намъ нужны люди со взглядами...

— Но, мой другъ, ты еще на-дняхъ забраковалъ Валежнева...

— Ну, твой Валежневъ имѣетъ взгляды на все, кромѣ своего дѣла... а этотъ молодой человѣкъ именно въ курсѣ дѣла... Теперь этотъ вопросъ стоитъ на очереди, понимаешь ли, и намъ нужны люди со взглядами именно на этотъ вопросъ. Пожалуйста, пожалуйста приведите его къ намъ... Ну, а пока я голоденъ,—прибавилъ Коромысловъ,—меня накормятъ, что ли? У меня въ семь съ половиной коммиссія, гдѣ я предсѣдательствую...

— Я думаю, что обѣдъ готовъ.

Анна Михайловна надавила пуговку звонка. Пришелъ лакей и доложилъ, что обѣдъ готовъ. За обѣдомъ Коромысловъ, который ѣлъ торопливо, такъ какъ въ самомъ дѣлѣ ему надо было поспѣть въ коммиссію, все время говорилъ о статьѣ Владиміра. Очевидно, эта статья задѣла всѣхъ за живое.

Петръ Любарцевъ недоумѣвалъ. Такой оборотъ дѣла спуталъ всѣ его понятія, бывшія до этого времени твердыми. Онъ совершенно искренно считалъ, что статья противъ чиновниковъ должна быть не одобряема чиновниками. И вдругъ оказывается, что весьма чиновный Коромысловъ находитъ ее замѣчательной, во всѣхъ департаментахъ ее читаютъ; оказывается, что Владиміръ попалъ въ какую-то точку, и что самъ Коромысловъ выражаетъ желаніе

съ нимъ познакомиться. Ничего изъ всего этого не понималъ Петръ Любарцевъ, и все это производило глубокое смущеніе въ его душѣ.

Послѣ обѣда Коромысловъ тотчасъ уѣхалъ, а черезъ пять минутъ послѣ этого, когда Любарцевъ совсѣмъ было собрался благодарить хозяйку и уходить, доложили о приходѣ господина Валежнева.

„А, это тотъ самый, котораго Коромысловъ нашелъ слишкомъ умнымъ для чиновника", мысленно сказалъ самъ себѣ Петръ Любарцевъ. „Надо остаться и посмотрѣть, что это за умная такая птица"... И онъ не сталъ благодарить и прощаться.

Иванъ Сергѣевичъ Валежневъ по внѣшности совсѣмъ не походилъ на четырехъ обладателей лысинъ, съ которыми Петръ познакомился три часа тому назадъ. У него на головѣ были волосы и много волосъ—густыхъ, свѣтло-русыхъ. Весь онъ былъ въ свѣтломъ тонѣ. Отъ его лица съ неправильными простоватыми чертами, съ недлинной круглой бородой, съ сѣрыми глазами, вѣяло чѣмъ-то свѣжимъ и веселымъ. Но въ умныхъ глазахъ его не было простоты, напротивъ, сейчасъ же было видно, что этотъ человѣкъ себѣ на умѣ, что онъ постоянно наблюдаетъ, и хотя говоритъ много и легко, но ничего не говоритъ зря. На видъ ему было лѣтъ за тридцать. Хорошаго средняго роста, довольно стройный, онъ, какъ казалось, началъ уже чуточку полнѣть, что отражалось главнымъ образомъ на его щекахъ, пріобрѣтавшихъ уже нѣкоторую припухлость.

— Какъ странно, замѣтила ему Анна Михайловна, — мужъ уѣхалъ въ экстренную коммиссію, а вы здѣсь. Вы, кажется, секретарствуете во всѣхъ коммиссіяхъ, гдѣ Константинъ Александровичъ предсѣдательствуетъ, это ваша спеціальность.

— Ахъ, это для меня уже стало потеряннымъ раемъ...—сказалъ Валежневъ.—Увы, я чѣмъ-то провинился передъ Константиномъ Александровичемъ... А кстати, можетъ быть, вы знаете, чѣмъ?

— Я, слава Богу, въ департаментскія дѣла еще не вмѣшиваюсь. Но, можетъ быть, я догадываюсь...

— Да? Такъ пожалуйста откройте эту, для меня роковую, тайну. Я вовсе не желаю утрачивать лестное для меня расположеніе Константина Александровича.

— Мнѣ кажется, что вы *проявляетесь* нѣсколько больше, чѣмъ слѣдуетъ.

— Неужели? Представьте, мнѣ самому такъ начало казаться... Да, да... я теперь вижу, что сдѣлалъ ошибку. Въ первое время мнѣ показалось, что иниціатива должна цѣниться именно потому, что она у насъ вездѣ отсутствуетъ. Но вообразите, въ одномъ

засѣданіи нѣкоторой коммиссіи, когда я замѣтилъ, что одинъ изъ членовъ говоритъ непозволительныя глупости и всѣ его слушаютъ внимательно и даже его мнѣніе, въ виду его чиновничьяго вѣса, должно восторжествовать, я позволилъ себѣ обратиться къ предсѣдательствовавшему Константину Александровичу, конечно, въ самой скромной и почтительнѣйшей формѣ, съ замѣчаніемъ—даже не съ замѣчаніемъ, а, такъ сказать, съ предположеніемъ, что такое мнѣніе и такое рѣшеніе будетъ находиться въ противорѣчіи съ основной задачей самой коммиссіи. Мнѣ казалось, что я выручалъ предсѣдателя. И что же? Константинъ Александровичъ изволилъ окатить меня однимъ изъ самыхъ суровыхъ взглядовъ, какіе когда-либо появлялись въ глазахъ сановника и сухо замѣтить, что обязанности секретаря, молъ, заключаются въ точномъ констатированіи того, что происходитъ въ засѣданіи, не болѣе. Съ этого момента началось мое паденіе. Съ тѣхъ поръ—а прошло уже мѣсяца полтора—меня уже больше не назначаютъ секретарствовать въ коммиссіяхъ.

— И вы скучаете?

— Психологически, разумѣется, нисколько, но, такъ сказать, чиновнически—да, потому что это можетъ отодвинуть меня на задній планъ и порядочно замедлить мое служебное шествіе.

— Ну, вы съ вашими эластическими способностями очень скоро приспособите себя къ...

— Къ выяснившемуся положенію? О, да, надѣюсь. Но надо, чтобы мнѣ дали возможность показать себя съ этой новой стороны.

— Значитъ, Иванъ Сергѣевичъ, вы рѣшили на всѣхъ парахъ дѣлать карьеру?

— Гм... на всѣхъ парахъ!.. Это гораздо болѣе относится къ моимъ желаніямъ, чѣмъ къ возможности.

— Почему же? При вашихъ большихъ способностяхъ, при вашемъ умѣ...

— Не смѣю отрицать ни способностей, ни ума, но это только одна четверть того, что нужно для путешествія „на всѣхъ парахъ“.

— А что же еще нужно?

— Да вѣдь я человѣкъ низкаго происхожденія. Мой отецъ былъ простымъ канцелярскимъ вольнонаемнымъ писцомъ... И если онъ умудрился при этомъ оплачивать мое образованіе, такъ это ужъ его тайна...

— Но вы отлично кончили курсъ, вы кандидатъ...

— Даже магистрантъ...

— Это что же?

— А это значитъ, что мнѣ остается только написать и защитить диссертацію, чтобы сдѣлаться магистромъ...

— Ну, вотъ видите...

— Да, вижу и вижу именно то, что мнѣ не достаетъ съ одной стороны происхожденія, чтобы имѣть право придти къ какому-нибудь властному лицу и сказать: я племянникъ, двоюродный или даже троюродный братъ такого-то—какой-нибудь звонкій имяревъ, —а потому дайте мнѣ такую-то позицію, съ которой я пошелъ бы на крутую служебную гору, какъ бы на фюникюлерѣ... А съ другой стороны, нѣтъ достаточныхъ средствъ, чтобы поступить... ну, хотя бы въ балетоманы...

— Поступить? Вотъ какъ? Значитъ, это что то уже въ родѣ особой коллегіи...

— Коллегія и есть. Да вотъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ за моимъ столомъ появился, нельзя сказать, что бы очень скромный юноша,—по мѣсту службы совсѣмъ на задворкахъ, а теперь онъ уже грозитъ не только съѣсть меня, но и опередить... Смотрю я на него и думаю: отъ какихъ это такихъ причинъ? Фамилія его: Заставкинъ, значитъ никоимъ образомъ не знатная и по справкамъ оказалось, что онъ сынъ какого-то бывшаго подрядчика... Но деньги у него есть, завтракаетъ онъ каждый день въ модномъ ресторанѣ за однимъ столомъ со столпами балетоманства. Ну, завтракалъ онъ, затракалъ съ ними да мало-по-малу и посвятился...

— Такъ это въ самомъ дѣлѣ помогаетъ?—вдругъ не вытерпѣлъ и спросилъ Петръ Любарцевъ, сидѣвшій въ отдаленіи и такъ тихо державшій себя, что хозяйка о немъ забыла.

— Ахъ, позвольте васъ, господа, познакомить: Валежневъ, Иванъ Сергѣевичъ, и Любарцевъ, мой кузенъ изъ провинціи, спохватившись воскликнула хозяйка.

— М-г Любарцевъ? Вы Любарцевъ, тотъ самый... авторъ...

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ,—звонко разсмѣявшись, возразила Анна Михайловна,—не тотъ самый... Вы, конечно, говорите о статьѣ, которую сегодня читаютъ во всѣхъ департаментахъ?..

— И сегодня, и вчера... Эта статья взбудоражила весь чиновничій муравейникъ. Она, положимъ, касается провинціи, но рикошетомъ задѣваетъ и столичныхъ чиновниковъ.

— Вы ее, конечно, читали?—спросила хозяйка.

— Еще бы не читалъ!..

— Ну, скажите же, въ самомъ дѣлѣ эта статья интересна?

— Какъ вамъ сказать? матеріалъ зеленый и односторонній. Но взглядъ свѣжій и главное—жару, жару много...

— Такъ что вы позавидовали ея автору?

— Нѣтъ, знаете ли, люди съ такими способностями и съ такими взглядами... Да, ихъ приглашаютъ на службу, за ними даже ухаживаютъ... Но ихъ карьера эфемерна. Ихъ назначаютъ

на какія-нибудь исключительныя мѣста: ну, чиновниками особыхъ порученій, сажаютъ ихъ за какія-нибудь статистическія изслѣдованія, посылаютъ дѣлать какія-нибудь спеціальныя работы на мѣстѣ, поручаютъ имъ ревизіи... и съ перваго взгляда кажется, что они шагаютъ гигантски и, того и гляди, попадутъ въ министры... Но проходитъ мода на вопросъ, его сдаютъ въ коммиссію на вѣчныя времена и о свѣтильникѣ, изъ котораго изошелъ свѣтъ, болѣе не нужный,—забываютъ. Такъ онъ и остается на своемъ блестящемъ перепутьи. Это въ чиновничьей карьерѣ—кустари... А статья занимательная! Этого отъ нея никакъ нельзя отнять...

Изъ портьеры вдругъ безшумно вынырнулъ лакей и доложилъ:—Карету прикажете въ девяти часамъ, ваше превосходительство?

— Ахъ, да... я совсѣмъ, совсѣмъ забыла... Мнѣ сегодня надо скучать на благотворительномъ базарѣ... Да, къ девяти. Я должна передъ вами извиниться, господа, мнѣ нужно одѣться.

Оба гостя поднялись и начали прощаться.

— Смотрите же, непремѣнно приведите вашего кузена,—сказала Анна Михайловна Петру Любарцеву на прощанье.

Любарцевъ и Валежневъ вышли вмѣстѣ и имъ пришлось до Исаакіевскаго собора идти по одному пути.

— Вотъ вы тогда не отвѣтили на мой вопросъ,—сказалъ Любарцевъ.—Это вотъ... поступленія въ эти... въ балетоманы... Въ самомъ дѣлѣ помогаетъ двигаться по службѣ?

— Да вѣдь какъ вамъ сказать,—отвѣтилъ Валежневъ:—въ этомъ дѣлѣ собственно все помогаетъ, ежели кто съумѣетъ воспользоваться... Ну, пожалуй, балетоманство въ особенности.

— Почему же это въ особенности?

— А вотъ видите ли... представьте себѣ семью: отецъ очень вліятельный человѣкъ, братъ его тоже... и вырастаетъ сынъ, кончаетъ университетъ, получаетъ дипломъ... все какъ слѣдуетъ. Вѣдь если онъ поступитъ на службу, то отецъ и дядя будутъ всячески помогать ему выдвинуться и постараются предоставить ему наилучшія мѣста... А почему? потому что они одна семья, у нихъ общіе интересы. Ну, а балетоманы тоже представляютъ собою одну семью, связанную одними интересами. Такъ естественно, что они членамъ своей семьи покровительствуютъ.

„Непремѣнно, во что бы то ни стало поступлю въ эти самые... балетоманы", рѣшительно объявилъ самому себѣ Петръ Любарцевъ, и тутъ, около Исаакіевскаго собора, они простились и разошлись въ разныя стороны.



## VII.

Владиміръ Любарцёвъ теперь каждый день посѣщалъ редакцію, но оставался въ ней не часъ-два, а половину дня. Это происходило, какъ объяснялъ Бронниковъ, отъ молодости и неопытности. Глаза его еще не сдѣлали привычки на лету схватывать то, что могло быть ему полезно.

Но самъ Владиміръ объяснялъ это совсѣмъ иначе. Въ его распоряженіи никогда не бывало такой кучи печатнаго матеріала, сообщавшаго ему извѣстія со всѣхъ концовъ міра. Онъ, правда, на первомъ планѣ ставилъ свои обязанности относительно „смѣси", но онъ не могъ отказывать въ своемъ вниманіи и всему остальному. И такъ какъ его интересовало рѣшительно все, что относилось до жизни людей, то онъ не могъ оторваться отъ чтенія, дѣлаясь попеременно политикомъ, экономистомъ, финансистомъ и такъ далѣе. Онъ съ жадностью проглатывалъ цѣлыя кипы газетъ и журналовъ, изумляя всѣхъ своей усидчивостью. За глаза надъ нимъ даже подсмѣивались, замѣчая, что онъ употребляетъ слишкомъ большія усилія для такого пустячнаго дѣла, какъ „смѣсь".

— Вы, молодой человѣкъ, черезчуръ уже надрываетесь,—сказалъ ему Бронниковъ.—Я этого отъ васъ не требую.

— Да я, признаться, не для васъ это дѣлаю, а для себя,—отвѣтилъ Владиміръ.—Меня все интересуетъ.

— А, это другое дѣло,—сказалъ Бронниковъ и подумалъ: „онъ прирожденный журналистъ".

Когда Петръ Любарцевъ вернулся отъ родственницы часовъ въ девять вечера, Владиміра еще не было дома, но онъ пришелъ черезъ нѣсколько минутъ.

— Неужели ты до сихъ поръ работалъ въ своей редакціи? спросилъ Петръ.

— Да и кое-что заработалъ. А ты?

— Я не зарабатываю. Я только пообѣдалъ.

— Что-жъ, это тоже чистый барышъ. Ну, что-жъ, въ полномъ ли здоровьи наша очаровательная родственница?

— Да. И я долженъ передать тебѣ кое-что пріятное и... необыкновенное.

— А, значитъ, все,-таки бываетъ на свѣтѣ необыкновенное? А ты до сихъ поръ ни въ чемъ не находилъ ничего особеннаго.

— Нѣтъ, это въ самомъ дѣлѣ необыкновенно. Во-первыхъ, его превосходительство...

— Это кто же такой?

— Мужъ кузины, Константинъ Александровичъ Коромысловъ...

Да, такъ онъ принялъ меня за автора статьи, которую ты написалъ...

— Ха-ха! Ну, дѣйствительно, оно наивно, это его превосходительство. Это значитъ, что онъ не достаточно вглядѣлся въ твое лицо...

— Что же такого особеннаго въ моемъ лицѣ?

— Особеннаго ничего. Но на немъ ясно начертано, что ты никогда во всю жизнь не произведешь не только никакой статьи, а даже одной строчки, за исключеніемъ писемъ къ родителямъ... Ну, и такъ, его превосходительство, мужъ кузины...

— Представь себѣ, къ моему изумленію, твоя статья произвела на него сильное впечатлѣніе.

— Неужели? Что же, онъ находитъ, что за статью меня слѣдуетъ выслать изъ Петербурга въ двадцать четыре часа? Это всегда бываетъ, когда въ высшихъ сферахъ статья производитъ сильное впечатлѣніе.

— Совсѣмъ напротивъ. Онъ сказалъ, что статья твоя замѣчательная.

— Ой!

— Да, да... Что ты попалъ въ какую-то точку...

— Ой-ой!

— Что статья твоя ходитъ по рукамъ и читается во всѣхъ департаментахъ.

— Караулъ!

— И это подтвердилъ нѣкій Валежневъ, тотъ самый, котораго Коромысловъ нашелъ слишкомъ умнымъ для чиновника.

— Ну, дальше, дальше. Ты не можешь себѣ представить, какъ мнѣ все это пріятно слышать.

— А дальше вотъ что: онъ просилъ меня непремѣнно познакомить тебя съ нимъ, иными словами,—чтобы ты пришелъ къ нимъ, и я обѣщалъ.

— Обѣщать этого ты не имѣлъ права; но тѣмъ не менѣе ты сдержишь слово. Все это меня чрезвычайно интересуетъ, и я пойду. Вѣдь ты знаешь, что я собираюсь также писать о столичныхъ чиновникахъ,—такъ повидать ихъ поближе очень интересно.

— Но, послушай, Владиміръ, неужели ты будешь такъ неостороженъ, что станешь писать противъ Коромыслова? Вѣдь ты уже тутъ напортишь не только себѣ, но и мнѣ.

— Успокойся, бѣдный человѣкъ, я ничего тебѣ не испорчу. Ты, вѣроятно, будешь, уже по крайней мѣрѣ коллежскимъ совѣтникомъ, когда я напишу эту свою статью; для этого мнѣ нужно еще слишкомъ много видѣть. Ну, такъ когда же ты поведешь меня къ ея и его превосходительствамъ?

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Только знаешь, Владиміръ, ты бы отдалъ портному твой сюртукъ, пусть бы онъ его почистилъ и выгладилъ...

— Да неужели же онъ такъ ужъ плохъ?

— Очень плохъ, увѣряю тебя.

— Но почему же до сихъ поръ меня ниоткуда, гдѣ я былъ въ немъ, не выгнали? Я и въ гости ходилъ, и въ редакцію.

— Ну, то совсѣмъ другое дѣло. А тутъ всѣ такъ чисто одѣваются... Однимъ словомъ, пожалуйста; ты вотъ что: я самъ это сдѣлаю за тебя. Ты только позволь.

— Хорошо, позволяю. Такъ какъ ты, очевидно, чувствуешь на себѣ отвѣтственность за мою благопристойность, то это—твое право. Если хочешь, можешь даже собственноручно вымыть мнѣ голову, шею, напомадить меня и причесать.

— Теперь никто не помадится,—очень серьезно замѣтилъ Петръ.

— Неужели? И тамъ? Такъ чѣмъ же отличаются свѣтскіе люди отъ простыхъ смертныхъ? Ну такъ когда же?

— Хоть завтра. Кстати, завтра воскресенье, значитъ ты не идешь въ редакцію, а Коромысловъ не ѣдетъ въ канцелярію. Мы пойдемъ къ нимъ часовъ въ двѣнадцать и останемся завтракать.

— Отлично! Экономія.

— А сюртукъ ты сейчасъ сними, и я теперь же отнесу къ портному. Завтра утромъ онъ будетъ готовъ.

И Петръ съ необыкновеннымъ стараніемъ принялся снаряжать двоюроднаго брата „въ свѣтъ". Онъ стянулъ съ него сюртукъ, отнесъ къ портному. Осмотрѣлъ его воротнички и манжеты и отобралъ на завтра самые эффектные; позаботился даже о носовомъ платкѣ, а горничной приказалъ, чтобы сапоги Владиміра были на завтра вычищены до послѣдней степени блеска.

Въ душѣ его произошелъ уже явный переворотъ. Насколько раньше онъ пренебрегалъ кузеномъ, какъ человѣкомъ неосновательнымъ, настолько теперь, послѣ того, какъ имъ заинтересовался Коромысловъ, онъ почти гордился имъ.

Въ двѣнадцать часовъ они лежали уже въ постеляхъ. Владиміръ собрался уже погасить свѣчу, когда Петръ сказалъ:

— А знаешь ли ты, что я рѣшилъ?

— Разумѣется, не знаю.

— Нѣтъ, ты догадайся!

— Я догадался: ты рѣшилъ тоже написать статью.

— Ну, вотъ глупости. Ты очень хорошо знаешь, что я не умѣю писать статей. Нѣтъ, я рѣшилъ поступить въ балетоманы.

— Что?



— Ну, да, поступить въ балетоманы...

— Что же ты не предупредилъ меня?.. я бы раньше загасилъ свѣчу!

— Это зачѣмъ же?

— Да вѣдь подобныя дикости можно говорить только въ темнотѣ.

— Ну, тамъ дикости или нѣтъ, а я все-таки поступлю, потому что оказывается, что это помогаетъ по службѣ... И потомъ я сдѣлалъ новое знакомство: у кузины были мать и дочь Вермутовы, очень богатыя. И я произвелъ на нихъ впечатлѣніе; онѣ звали меня обѣдать.

— Свѣтскія красавицы?

— Нѣтъ, этого не могу сказать. Скорѣе рожи. Но очень богатыя. Знаешь, я думаю, что мнѣ везетъ.

— Ну, что-жъ вчера мнѣ повезло, а сегодня тебѣ. Спокойной ночи.

На другой день Владиміръ не пошелъ въ редакцію. Бронниковъ еще раньше заявилъ ему, что воскресенья у него свободны. Для „смѣси" же на понедѣльникъ брался матеріалъ изъ запаса, накопившагося за недѣлю.

Петръ продолжалъ смотрѣть на него, какъ на своего опекаемаго, и потому не переставалъ заботиться о немъ. Въ девять часовъ соскочилъ онъ съ постели и побѣжалъ къ портному. Сюртукъ Владиміра, который онъ принесъ оттуда, разумѣется, не измѣнилъ своей неуклюжей и невазистой формы, но дѣйствительно сталъ чище и приличнѣе.

Затѣмъ онъ заставилъ Владиміра встать и, когда тотъ одѣвался, онъ строго слѣдилъ за его туалетомъ, чтобы все было такъ, какъ слѣдуетъ. Онъ собственноручно повязалъ ему галстухъ, а когда они часовъ въ одиннадцать вышли на улицу, онъ настоялъ, чтобы Владиміръ зашелъ къ парикмахеру и привелъ въ порядокъ свои волосы. Владиміръ былъ великолѣпно настроенъ и комически во всемъ повиновался ему. Онъ только возмутился, когда парикмахеръ вздумалъ, было, уснащать его волосы чѣмъ-то пахучимъ, и отказался отъ этого.

Черезъ полчаса они были на Конногвардейскомъ бульварѣ. Швейцаръ, по случаю праздника, несмотря на ранній часъ, былъ уже въ ливреѣ. Принимая весьма неудовлетворительное пальто Владиміра, онъ съ нѣкоторымъ недружелюбіемъ и даже недовѣріемъ посмотрѣлъ на Петра. Самого-то его онъ уже призналъ и причислилъ къ лику порядочныхъ господъ, но не могъ одобрить его за то, что онъ приводитъ „Богъ знаетъ кого".

Лакею Петръ сказалъ:

— Доложите, что я пришелъ съ кузеномъ Владиміромъ Ивановичемъ!



Но имъ пришлось съ четверть часа подождать въ гостиной, такъ какъ Анна Михайловна была еще не одѣта, а Константину Александровичу даже не докладывали о ихъ приходѣ.

Наконецъ, она вышла, по обыкновенію въ изящномъ капотѣ, утопающая въ кружевахъ, съ блѣдными щеками, съ грустнымъ выраженіемъ большихъ прекрасныхъ глазъ.

— Вотъ мой кузенъ, Владиміръ,—сказалъ Петръ, цѣлуя ея руку.

— Наконецъ-то вы рѣшились быть любезнымъ. Владиміръ Ивановичъ!—замѣтила ему Анна Михайловна, протягивая руку.

Онъ взялъ ея руку и только теперь у него явился вопросъ, какъ быть ему съ этой рукой? Кузенъ поцѣловалъ ее, а онъ еще никогда въ жизни не цѣловалъ руки женщины, кромѣ руки своей матери. Что это принято въ извѣстномъ кругу, онъ зналъ, но до сихъ поръ сопротивлялся этому обыкновенію.

Съ секунду поколебавшись, онъ вдругъ неожиданно для самого себя наклонилъ голову и поцѣловалъ руку хозяйки и въ эту минуту почувствовалъ, что его обычная самоувѣренность, никогда не покидавшая его, куда-то исчезла. У него даже не явилось въ головѣ сколько-нибудь приличной фразы, чтобы отвѣтить на реплику Анны Михайловны и онъ просто сказалъ:

— Я не считалъ себя въ правѣ безпокоить васъ своей особой. Я считалъ, что довольно съ васъ и одного кузена...

— Ну, вашъ кузенъ Петръ Николаевичъ милѣе!—замѣтила хозяйка.

— Мой кузенъ вообще милъ. Это его призваніе!—сказалъ Владиміръ, и на губахъ его появилась та усмѣшка, которая всегда сопровождала всѣ его мысли и слова по поводу кузена Петра.

— Во всякомъ случаѣ, я рада, что это, наконецъ, случилось, тѣмъ больше, что вы являетесь сюда въ сопровожденіи успѣха...

— Покамѣстъ только въ канцеляріяхъ...

— Но это очень много, если взять во вниманіе, что Петербургъ наполовину состоитъ изъ канцелярій... Ну, пойдемте ко мнѣ, господа, я чувствую себя хорошо только въ моей комнатѣ, на моей софѣ.

Она повела ихъ по знакомому для Петра пути, черезъ рядъ комнатъ, въ будуаръ. Здѣсь она заняла свое обычное мѣсто, усадила Владиміра поближе, а Петру сказала:

— А вы садитесь, гдѣ хотите, и дѣлайте, что вамъ угодно. Мы будемъ знакомиться съ вашимъ кузеномъ.

Потомъ она позвала лакея и сказала ему:

— Доложите Константину Александровичу, что у меня оба Любарцевы. Я вашей статьи не читала, Владиміръ Ивановичъ,—

прибавила она,—но такъ какъ она спеціальная и чиновничья, то, я думаю, вы мнѣ это простите.

— Она не такъ спеціальна, какъ вы думаете,—замѣтилъ Владиміръ,—и я, признаться, жалѣю, что вы ее не видѣли.

— Жалѣете?

— Да, потому что, еслибъ вы съ нею познакомились, то познакомились бы отчасти и со мной, и я въ эту минуту уже былъ бы вамъ нѣсколько извѣстенъ.

— А, въ такомъ случаѣ я ее прочитаю. Но вы и такъ уже мнѣ отчасти извѣстны... Напримѣръ, я знаю, что вы человѣкъ странный, хотя пока не вижу этого...

— Это съ точки зрѣнія моего кузена. Но онъ считаетъ страннымъ все, что не похоже на него самого и на его родителей.

— Потомъ что вы неосновательный...

— Это правда. Но мнѣ только двадцать три года. Мнѣ не на чемъ было основаться. И я это еще успѣю сдѣлать.

— Однако, вашъ кузенъ не старше васъ, а уже основательный.

— Кузенъ взялъ на вѣру готовыя основанія, преподанныя ему моимъ дядей, его отцомъ, а я ничего не хочу брать на вѣру.

— Вы сами хотите для себя выработать?

— Все самъ. Это занимательнѣе.

— Какъ же вы проводите время въ Петербургѣ? Про Петра Николаевича я знаю... онъ бываетъ у насъ... а вы?

— А онъ рыскаетъ по Петербургу,—отвѣтилъ за него Петръ.

— Да, я знакомлюсь съ городомъ. Кузенъ Петръ уже заранѣе знакомъ со всякимъ мѣстомъ, куда бы онъ ни пріѣхалъ, потому что у него существуетъ убѣжденіе, что всѣ вещи одинаковы и нигдѣ ни въ чемъ нѣтъ ничего особеннаго. Я же наоборотъ—рѣшительно во всемъ нахожу какую-нибудь особенность... и меня интересуетъ все, рѣшительно все.

— И вы постоянно изучаете?

— Постоянно. Мнѣ кажется, что вообще всѣ сколько-нибудь живые люди постоянно изучаютъ, хотя, можетъ быть, не всегда сознательно.

— Значитъ, съ вами надо принимать мѣры осторожности?..

— Зачѣмъ же? Напротивъ, надо облегчать мнѣ возможность изучать. Чѣмъ больше люди знаютъ другъ друга, тѣмъ ближе они становятся другъ къ другу...

— Ну, не всегда. Иногда знаніе отталкиваетъ...

— Что-жъ, и это услуга съ его стороны.

Владиміръ уже вполнѣ овладѣлъ собой, больше не стѣснялся и не запинался. Они сразу заинтересовали другъ друга, и разговоръ у нихъ не смолкалъ.

Петръ сидѣлъ въ отдаленіи у горѣвшаго камина и удивлялся тому, какъ это Владиміръ сразу заговорилъ съ родственницей такъ, какъ будто уже много лѣтъ знакомъ съ нею. И о чемъ они говорятъ? О вопросѣ, который для него не существуетъ.

Вотъ сейчасъ, напримѣръ, у нихъ поднялся уже настоящій споръ. У Владиміра горятъ глаза, а у Анны Михайловны щеки разрумянились, и голосъ ея, обыкновенно слабый, сдержанный, лѣнивый, звенитъ, какъ серебряный колокольчикъ. Спорятъ они о какомъ музеѣ, о какихъ-то двухъ картинахъ какого то художника, помѣщенныхъ въ этомъ музеѣ. Художника зовутъ Коноплянкинымъ. И фамилія какая-то ничтожная. Коноплянкинъ! Что такое Коноплянкинъ? Для него, для Петра Любарцева, это пустой звукъ. Человѣкъ, обладающій такой фамиліей, не можетъ представлять изъ себя что-нибудь интересное. А они оба чуть не становятся на дыбы.

Петръ слѣдилъ за движеніемъ ихъ спора. Сперва Анна Михайловна объявила себя поклонницей Коноплянкина. Владиміръ выслушалъ всѣ ея похвалы съ тонкой иронической усмѣшкой и затѣмъ вдругъ объявилъ, что онъ послѣднія произведенія Коноплянкина считаетъ мазней, обманомъ публики.

— Какъ обманъ? Какой обманъ?—вскипѣла Анна Михайловна.

— Чистый обманъ, потому что этотъ Коноплянкинъ пишетъ не съ натуры, а съ фотографіи.

— Какъ съ фотографіи?

— Очень просто,—развѣ не знаете? Онъ разсаживаетъ натурщиковъ въ позахъ, снимаетъ ихъ и потомъ пишетъ по этой карточкѣ...

— Но почемъ вы знаете? Это голословно...

— Какъ почемъ я знаю? Стоитъ только приглядѣться къ этимъ картинамъ, такъ вы сейчасъ же увидите, что они писаны съ фотографіи. Такія позы, такое выраженіе лицъ могутъ быть только на фотографіи.

И Владиміръ началъ перебирать всѣ детали тѣхъ картинъ, какъ будто онѣ были тутъ, передъ нимъ. А она понимала его, очевидно тоже зная наизусть все это. И такъ убѣдительно доказывалъ Владиміръ свое „обвиненіе“, что не только для Анны Михайловны, но даже для Петра становилось ясно, что онъ правъ. Анна Михайловна сдавалась. Уже она не отрицала того, что Коноплянкинъ прибѣгаетъ къ фотографіи, она теперь только слабо защищала его.

— Но онъ прибѣгаетъ къ фотографіи, только какъ къ пособію; это ему помогаетъ, облегчаетъ...

— Безъ сомнѣнія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ низводитъ его работу на степень ремесла. Позвольте! Представьте себѣ, что писатель,

положимъ, поэтъ, беллетристъ, держался бы такого способа: просилъ бы своихъ знакомыхъ сидѣть и ходить въ тѣхъ позахъ, какія ему нужно описать, далъ бы имъ тему для разговора и заставилъ бы ихъ разсуждать въ извѣстномъ направленіи, записалъ бы это слово въ слово, а потомъ только отдѣлалъ бы, разставилъ лучше слова и пустилъ бы въ свѣтъ. Вы назвали бы это творчествомъ?

— Конечно, нѣтъ.

— Нѣтъ. Потому что творчество не выноситъ никакихъ пособій и облегченій, потому что творчество—настоящее, не ремесленное, — все идетъ изъ меня, изъ человѣка, изъ его головы. Матеріалъ въ видѣ впечатлѣній входитъ раньше незамѣтно, Богъ знаетъ когда и какъ, а образы цѣликомъ создаются въ душѣ и такими выливаются на полотнѣ, въ книгѣ, на нотной бумагѣ, на сценѣ... Я вотъ теперь бѣгаю по музеямъ и выставкамъ и вижу: прежніе наши художники писали куда слабѣе, а между тѣмъ творчества у нихъ куда больше, чѣмъ у нынѣшнихъ. А почему? Потому что у трехъ четвертей нынѣшнихъ фотографія выглядываетъ своими деревянными формами изъ-за каждаго мазка. Все для облегченія, все въ видѣ пособія. Да зачѣмъ же облегчать? Если тебѣ тяжело творить, не въ моготу, займись другимъ дѣломъ. По моему, художникъ, прибѣгающій къ фотографіи, уже не художникъ, а маляръ, ему вывѣски писать. По моему истинный художникъ долженъ за сто верстъ обходить фотографическій аппаратъ, онъ не долженъ прикасаться къ нему, а долженъ бояться его, какъ зачумленнаго. Его негативъ—въ душѣ. То, что тамъ запечатлѣлось, его матеріалъ, его пособіе. Если что нужно для памяти, онъ записываетъ въ своемъ альбомѣ, но только своей рукой, а не камерой-обскурой...

Въ это время въ комнату вошелъ и остановился на порогѣ съ выраженіемъ удивленія на лицѣ Константинъ Александровичъ. Онъ никогда еще не слышалъ въ будуарѣ своей жены такихъ горячихъ рѣчей; а когда онъ взглянулъ на Анну Михайловну, то еще больше удивился: онъ давно не видѣлъ ее такой оживленной и взволнованной.

— Мы здѣсь чуть не деремся съ Владиміромъ Ивановичемъ,— сказала Анна Михайловна. А Владиміръ, догадавшись, что это и есть самъ Коромысловъ, поднялся.

— Какъ? Уже съ первой встрѣчи?—воскликнулъ Коромысловъ, безъ всякаго представленія подавая ему руку.

— Такая тема попалась,—отвѣтилъ Владиміръ,—ну, мы и поспорили.

Коромысловъ поздоровался съ Петромъ, затѣмъ присѣлъ поближе къ софѣ и сразу началъ расхваливать статью Владиміра о

чиновникахъ. Но разговоръ этотъ былъ прерванъ докладомъ о поданномъ завтракѣ, и всѣ перешли въ столовую.

Здѣсь къ статьѣ не вернулись, а заговорили о родственникахъ. Коромысловъ спрашивалъ Владиміра о его отцѣ и выразилъ сожалѣніе о томъ, что старикъ за цѣлую жизнь не создалъ себѣ ничего прочнаго для старости.

— А представьте себѣ,—воскликнулъ Владиміръ,—что это-то и составляетъ его счастье.

— Въ чемъ же тутъ счастье?—скептически возразилъ Коромысловъ.

— Я не могу доподлинно объяснить это, такъ какъ это его личное ощущеніе. Но, сколько мнѣ удалось уловить, счастье тутъ въ томъ, что онъ всю жизнь чувствовалъ себя свободно дѣйствующимъ человѣкомъ и теперь, въ старости, чувствуетъ себя также. Я это понимаю. Люди, обезпеченные какой-нибудь рентой или пенсіей, совершенно увѣрены за завтрашній день. Они знаютъ, что ихъ завтрашній день гарантированъ чѣмъ-то внѣшнимъ, отъ нихъ не зависящимъ. Если они просидятъ весь день сложа руки, все равно для нихъ все готово. Онъ же сознаетъ, что завтрашній день зависитъ только отъ него самого, отъ его усилій, работы, способностей, энергіи.

— Это хорошо въ вашемъ возрастѣ, когда силы кипятъ. Но въ семьдесятъ лѣтъ это мучительно,—замѣтилъ Коромысловъ.

— Представьте, нѣтъ. Онъ этого никогда не говорилъ мнѣ. Ему тяжело, физически тяжело. Онъ утомляется; но внутренняя радость, происходящая отъ сознанія, что вотъ, молъ, онъ и старъ, и слабъ, а все-таки отъ себя самого зависитъ, даетъ ему силы и способность переносить тяжесть... Впрочемъ, это мои умозаключенія, а достовѣрно знаю только, что отецъ мой никогда не жаловался и всегда, даже во время неудачъ, считалъ себя счастливымъ. Онъ говоритъ такъ: но, мой другъ, если бы не было неудачъ, если бы все шло всегда хорошо, то не о чемъ было бы безпокоиться; тогда не было бы нужно душевныхъ силъ, которыхъ Господь Богъ отпустилъ мнѣ довольно. Тогда я разжирѣлъ бы и изъ человѣка превратился бы въ животное.

— Вашъ отецъ чрезвычайно цѣльный типъ,—замѣтилъ Коромысловъ, все болѣе и болѣе заинтересовываясь молодымъ человѣкомъ и его отцомъ.

Только когда подали кофе и было разрѣшено закурить папиросы, Коромысловъ вернулся къ статьѣ и, еще разъ расхваливъ ее, сказалъ:

— Что же, вы думаете посвятить себя журнальной работѣ или не прочь и послужить?

— Нѣтъ, Константинъ Александровичъ, я хочу прожить жизнь безъ службы,—отвѣтилъ Владиміръ.

— Но, можетъ быть, хорошо было бы совмѣстить и то, и другое?

— Да зачѣмъ же совмѣщать? Я началъ журнальную дѣятельность довольно удачно, вы сами находите. Такъ ужъ въ этомъ направленіи и буду работать. Отъ совмѣщенія только проиграли бы и то, и другое.

— Это не совсѣмъ такъ,—замѣтилъ Коромысловъ, и въ его, обыкновенно прямомъ, тонѣ послышалась вкрадчивость. Онъ какъ бы старался тихонько подойти къ душѣ молодого человѣка.— Это не совсѣмъ такъ. Дѣятельность журналиста или вообще писателя должна тѣсно соприкасаться съ жизнью. А у насъ въ Россіи, что тамъ ни говорите, казенные департаменты держатъ и еще долго будутъ держать въ своихъ шкафахъ нити всѣхъ основныхъ жизненныхъ дѣятельностей страны. Значитъ, вамъ, какъ журналисту, надо бы поближе стать къ этимъ шкафамъ.

— Я предпочитаю противъ этого бороться,—сказалъ Владиміръ.

— Я самъ не сторонникъ такого сосредоточенія въ шкафахъ... Но и бороться легче, когда врагъ подъ бокомъ...

— Не совсѣмъ это такъ,—съ своей стороны замѣтилъ Владиміръ.—Когда врагъ лицомъ къ лицу, конечно съ нимъ легче бороться, но только если это прямой и равносильный врагъ, который идетъ на тебя съ такимъ же мечомъ, какъ и твой. А тутъ врагъ особенный. Этотъ врагъ будетъ выдавать мнѣ ежемѣсячное содержаніе, награды повышенія, и, значитъ, я долженъ буду умилостивлять его. А такая борьба, согласитесь, едва ли можетъ доставить побѣду...

— Какой вы, однако, сильный діалектикъ! — промолвилъ Коромысловъ.

— Это не діалектика, а убѣжденіе.

— О, полноте. Вамъ только двадцать три года. Въ эти годы не можетъ быть еще убѣжденія. Убѣжденіе выколачивается долгими годами...

— Но иногда его получаютъ по наслѣдству.

— А, это другое дѣло... Да, вашъ отецъ имѣлъ на васъ сильное вліяніе.

— Хотя никогда не вліялъ: просто онъ съумѣлъ внушить мнѣ уваженіе къ нему своей жизнью.

— Все это жаль, это очень жаль... Люди съ такими взглядами и съ такими... ну, прямо скажу, съ такими способностями очень нужны на службѣ.

— Но зачѣмъ? Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ? Для разработки тѣхъ же вопросовъ, какими



вы занимаетесь... Напримѣръ, этотъ вопросъ о нравственномъ подъемѣ провинціальной бюрократіи теперь какъ разъ интересуетъ наши сферы. Онъ на очереди.

— Простите меня, Константинъ Александровичъ, я вамъ замѣчу на это вотъ что: моя статья—я основываюсь только на вашихъ словахъ — моя статья произвела у васъ впечатлѣніе. Можетъ быть, нѣкоторые факты и соображенія, высказанные въ ней, будутъ приняты во вниманіе, ну, помогутъ въ вашей работѣ... Развѣ это не такое же сотрудничество съ вами, какъ если бы я служилъ у васъ? Я скажу даже, что это сотрудничество лучше для васъ, потому что въ журнальной статьѣ я могу высказаться свободнѣе и ширѣ...

— Почему же такъ?

— Потому что я за нее отъ васъ не получаю жалованья и не питаю никакихъ надеждъ... О, что ни говорите, а жалованье и надежды даже самаго добросовѣстнаго человѣка способны сдѣлать осторожнымъ... А осторожность тутъ только можетъ повредить. То, что у меня слишкомъ рѣзко, вы сами смягчите; то, что преждевременно, какъ плодъ моего увлеченія, вы сами отбросите, а все же останется свободно высказанная мысль.

— Такъ что вы рѣшительно отказываетесь поступить на службу, если бы я, напримѣръ, сдѣлалъ вамъ даже чрезвычайно выгодное предложеніе?—уже прямо задалъ Коромысловъ, очевидно, тотъ самый вопросъ, къ которому онъ до сихъ поръ подходилъ.

— Благодарю и отказываюсь безусловно,—твердо отвѣтилъ Владиміръ.

Петръ посмотрѣлъ на все это большими вытаращенными глазами. Онъ видѣлъ своего кузена въ разныхъ положеніяхъ, тысячу разъ выслушивалъ его взгляды на службу, но все считалъ, что это были разговоры, которые никому не возбраняются.

Но у него существовало глубокое убѣжденіе, что если бы Владиміру дѣйствительно представился случай сдѣлать хорошую служебную карьеру, то онъ ухватился бы за это обѣими руками, то-есть сдѣлалъ бы такъ, какъ поступилъ бы въ такомъ случаѣ самъ онъ, Петръ.

Иначе онъ не могъ думать, онъ, мечты котораго всѣ сосредоточивались на этой карьерѣ, внѣ которой онъ не представлялъ себѣ сколько-нибудь приличной жизни. И когда Владиміръ такъ просто отказался отъ выгоднаго предложенія со стороны Коромыслова, Петръ, до сихъ поръ молчавшій, не выдержалъ. У него, почти непроизвольно, вырвалось восклицаніе:

— Ахъ, какую же ты дѣлаешь глупость, кузенъ!..

И Коромысловъ, и Анна Михайловна, и Владиміръ разомъ повернули къ нему головы и взглянули на него, и всѣмъ стало

ясно, до какой степени различны эти два провинціальные родственника. И никто не сдѣлалъ никакого замѣчанія на это восклицаніе.

Послѣ этого разговора Коромысловъ былъ любезенъ съ Владиміромъ, но въ его обращеніи теперь замѣчалась нѣкоторая сухость. Сказать правду, онъ уже переговорилъ кое-гдѣ о Владимірѣ Любарцевѣ и пообѣщалъ сотрудничество автора надѣлавшей въ чиновничьемъ мірѣ шума статьи въ коммиссіи, которой предстояло заняться этимъ вопросомъ.

Послѣ завтрака онъ скоро уѣхалъ.

## VIII.

Прошло не болѣе двухъ съ половиною мѣсяцевъ со времени пріѣзда молодыхъ людей въ Петербургъ, а въ губернскомъ городѣ, въ обѣихъ семьяхъ Любарцевыхъ, были получены отъ нихъ извѣстія, радовавшія каждое семейство въ отдѣльности. Дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Сергѣевичъ Любарцевъ получилъ отъ своего сына письмо слѣдующаго содержанія:

„Наконецъ-то,—писалъ Петръ Любарцевъ послѣ обычныхъ сыновьихъ привѣтствій,—я могу сообщить вамъ пріятную новость.

„Вы уже знаете, что я мѣсяцъ тому назадъ былъ зачисленъ по департаменту, но безъ жалованья, съ обѣщаніемъ, однако-жъ, что жалованье мнѣ будетъ назначено тотчасъ по освобожденіи оклада. И вотъ теперь это совершилось. Должность, на которую я опредѣленъ, незначительная, но, при помощи любезной нашей родственницы, Анны Михайловны Коромысловой, и ея достойнаго мужа Константина Александровича, я надѣюсь долго не засидѣться на ней и скоро выдвинуться впередъ.

„Впрочемъ, какъ вы знаете, служу я не въ томъ вѣдомствѣ, гдѣ такую важную роль играетъ Коромысловъ. Это, какъ объяснила мнѣ Анна Михайловна, Константинъ Александровичъ сдѣлалъ потому, что у него репутація безпристрастнаго человѣка и онъ, дорожа ею, зависящаго отъ него родственника не только не можетъ выдвигать, но, напротивъ, долженъ даже нѣсколько задерживать его по службѣ. Когда же буду служить въ другомъ вѣдомствѣ, то начальство, зная, что я прихожусь Коромыслову родственникомъ и желая сдѣлать ему удовольствіе, будетъ относиться ко мнѣ съ бо̀льшимъ вниманіемъ.

„Однако-жъ, такъ какъ я по сыновнему долгу обязанъ сказать вамъ всю правду, то прибавлю, что моему зачисленію на штатное мѣсто съ жалованьемъ тысячу двѣсти рублей въ годъ способствовало еще и другое обстоятельство и чуть ли не самое важное.

„Дѣло въ томъ, что у родственницы нашей, Анны Михайловны,



я познакомился съ семействомъ очень важнаго чиновника Вермутова, съ женою его и дочерью. Они очень богаты и я съ первой же встрѣчи произвелъ на нихъ глубокое впечатлѣніе, такъ что они пригласили меня бывать у нихъ. Я, разумѣется, воспользовался этимъ успѣхомъ и сталъ ходить къ нимъ.

„Это очень почтенные, хотя и странные люди. Меня они какъ-то ужъ черезчуръ обласкали безъ всякихъ заслугъ съ моей стороны; можно подумать, что я у нихъ первый человѣкъ. И когда я заикнулся у нихъ о своемъ желаніи служить въ Петербургѣ, онѣ обѣ тотчасъ вызвались устроить меня въ канцеляріи, гдѣ начальствуетъ ихъ мужъ и отецъ, то-есть Вермутовъ. И, разумѣется, устроили.

„Итакъ, дорогіе мои папа и мама, вы видите, что я въ Петербургѣ времени даромъ не терялъ. За эти два съ половиною мѣсяца я устроилъ себѣ такіе шансы, о которыхъ вы даже понятія не имѣете, и я просто затрудняюсь, какъ вамъ объяснить это. Но такъ какъ я считаю своимъ первымъ сыновнимъ долгомъ обо всемъ, что случается въ моей жизни, сообщать вамъ, дабы непрестанно пользоваться вашими совѣтами и руководствомъ, то я постараюсь объяснить вамъ и это.

„Въ Петербургѣ есть особый родъ людей, какихъ въ провинціи совсѣмъ нѣтъ. Они называются балетоманами. Вы не подумайте, что эти люди танцуютъ въ балетѣ, Боже сохрани! Они совсѣмъ не танцуютъ и даже не умѣютъ танцовать, и возрастъ у нихъ по большей части такой почтенный, что при одномъ взглядѣ на нихъ ихъ нельзя было бы даже заподозрить въ этомъ. Не думайте также, что это мужья, братья, отцы или вообще родственники танцоровъ и танцоровъ. Совсѣмъ нѣтъ. Люди эти, всѣ принадлежа къ лучшему обществу столицы, занимаются самыми разнообразными дѣлами, какъ-то: служатъ въ департаментахъ въ должностяхъ большею частью не ниже пятаго класса, въ очень рѣдкихъ случаяхъ спускаются до шестого. Управляютъ собственными банкирскими конторами, или просто играютъ на биржѣ.

„Но всѣ они сходятся въ любви къ балету и въ покровительствѣ всему, что относится до этого изящнаго искусства. Они не пропускаютъ ни одного балетнаго представленія и до такой степени изучили языкъ ногъ, что когда танцовщица выдѣлываетъ на сценѣ свои трудныя штуки, они, несмотря на то, что ноги ея обуты въ чулки и туфли, чувствуютъ и понимаютъ движеніе каждаго пальца на ея ногѣ. Впрочемъ, это только относится до танцовщицъ. Движенія же ногъ танцовщиковъ они не понимаютъ.

„Привыкши имѣть дѣло съ ногами, они и сами подъ конецъ своей служебной карьеры начинаютъ уже думать не головой, а,

такъ сказать, ногами. И когда выбираютъ себѣ чиновниковъ, то смотрятъ не на лицо ихъ, а на ноги. Про одного очень извѣстнаго и вліятельнаго балетомана здѣсь разсказываютъ, что онъ, достигнувъ уже старости и вмѣстѣ съ нею должности третьяго класса, вступая на новую должность, уволилъ четырехъ чиновниковъ за то, что у нихъ „колѣнки висѣли".

„Съ нѣкоторыми изъ балетомановъ я познакомился у нашей любезной родственницы, Анны Михайловны. Какъ только я узналъ, что балетоманы такіе вліятельные люди и что они покровительствуютъ своимъ, то-есть балетоманамъ же, я, конечно, сейчасъ же выразилъ желаніе сдѣлаться балетоманомъ, хотя, какъ вы знаете, ни разу въ жизни не видалъ еще балета.

„Всю предстоящую зиму я посвящу изученію этого искусства, а пока я познакомился уже съ нѣкоторыми словами, которыя знаютъ и понимаютъ, какъ слѣдуетъ, только одни балетоманы. Я, напримѣръ, теперь уже знаю, что такое „фуетэ" и чѣмъ отличается партія лючинистовъ отъ кардонелистовъ. Партіи эти въ театрѣ враждуютъ и готовы другъ друга уничтожить. Но вечеромъ они ужинаютъ вмѣстѣ и на Новый годъ и Пасху дѣлаютъ другъ другу визиты, какъ полагается.

„Я долженъ вамъ сказать, что важный чиновникъ Вермутовъ, покровительствующій мнѣ начальникъ, тоже оказался балетоманомъ, и это отчасти способствовало моему быстрому назначенію.

„Но относительно Вермутова я это сообщаю вамъ по секрету и прошу васъ при случаѣ не разглашать. Дѣло въ томъ, что Вермутовъ хотя и балетоманъ, но не такой, какъ другіе. Онъ — тайный балетоманъ, тогда какъ другіе — явные. Тайный балетоманъ, это нѣчто особенное. Въ то время, какъ явный балетоманъ занимаетъ мѣсто въ партерѣ и громко апплодируетъ танцовщицамъ, если же танцовщица принадлежитъ къ партіи противной его убѣжденіямъ—то шикаетъ и даже въ экстренныхъ случаяхъ свищетъ; въ то время, какъ явные балетоманы собираются цѣлымъ обществомъ на вокзалѣ, чтобы встрѣтить пріѣхавшую изъ Европы звѣзду или проводить мѣстную звѣзду, когда она отправляется въ Европу; въ то время, какъ явные балетоманы собираются хотя и въ отдѣльномъ кабинетѣ, но обширномъ и общедоступномъ, въ большомъ числѣ, чтобы чествовать какую-нибудь знаменитость ужиномъ и платятъ за ужинъ общими силами, въ складчину; въ то время, какъ явные балетоманы, въ случаѣ какого-нибудь юбилейнаго бенефиса танцовщицы, покупаютъ ей подарокъ на общій счетъ по подпискѣ и подносятъ ей отъ имени всѣхъ,—тайный балетоманъ мѣсто занимаетъ въ ложѣ, гдѣ можно сидѣть въ слабо освѣщенномъ уголкѣ и не быть замѣченнымъ;

если онъ ужинаетъ со звѣздой, то въ маленькомъ отдѣльномъ кабинетѣ и только вдвоемъ, при чемъ доступъ туда разрѣшается только татарину; чествуя юбиляршу, тайный балетоманъ не принимаетъ участія въ подпискѣ, а подноситъ подарокъ одинъ, оплачивая его полностью на свой счетъ.

„Для полноты описанія я рѣшусь прибавить, что тайный балетоманъ, если находится въ любовныхъ отношеніяхъ съ какой-нибудь звѣздой, то также точно одинъ оплачиваетъ для нея квартиру, обстановку, лошадей, счета портнихи и модистки, тогда какъ явные балетоманы иногда для этой цѣли соединяются въ небольшія группы.

„Къ такимъ-то тайнымъ балетоманамъ принадлежитъ мой начальникъ Вермутовъ. Тѣмъ не менѣе, все относящееся къ балету пользуется его сочувствіемъ, и какъ только онъ замѣтилъ во мнѣ склонность къ этому искусству, онъ сейчасъ же сдѣлался ко мнѣ благосклоннымъ. Такимъ образомъ, допуская каламбуръ, моя склонность повела къ его благосклонности. Каламбуръ этотъ, впрочемъ, принадлежитъ не мнѣ, а кузену Владиміру, о которомъ я ниже скажу нѣсколько словъ.

„Изъ предыдущаго вы можете видѣть, что, если я начну усердно посѣщать балетъ, то мое быстрое движеніе по службѣ сдѣлается неизбѣжнымъ. Есть еще нѣкоторое обстоятельство, которое тоже сыграло важную роль въ моей карьерѣ. Но оно еще не выяснилось и потому я не смѣю занимать имъ ваше вниманіе, мои дорогіе родители! Объясню его вамъ тотчасъ, какъ только оно сдѣлается яснымъ. Но, во всякомъ случаѣ, вы можете быть твердо увѣрены, что я, благодаря усвоеннымъ мною драгоцѣннымъ правиламъ, которыхъ вы при моемъ воспитаніи не жалѣли, не сдѣлаю ложнаго шага.

„Теперь, чтобы кончить, я скажу вамъ нѣсколько словъ о нашемъ родственникѣ. Я разумѣю кузена Владиміра. Если я до сихъ поръ считалъ его только чудакомъ, то теперь долженъ признать его сумасшедшимъ, хотя это и больно для моего родственнаго чувства. По крайней мѣрѣ, онъ ведетъ себя, какъ сумасшедшій.

„Вы уже знаете, что онъ отличился на газетномъ поприщѣ. Онъ написалъ нѣсколько статей о провинціальныхъ чиновникахъ. Статьи эти вы читали и, конечно, не одобрили ихъ. Но въ здѣшнихъ сферахъ онѣ произвели впечатлѣніе. И вотъ Коромысловъ, мужъ Анны Михайловны, сдѣлалъ ему, Владиміру, блестящее предложеніе. Онъ пригласилъ его на службу въ коммиссію, которая занимается вопросомъ о реформѣ чиновничества.

„Всякій благоразумный человѣкъ посмотрѣлъ бы на это, какъ на блестящее начало для карьеры, и, конечно, обѣими руками

ухватился бы за предложеніе. Но Владиміръ отказался и какъ отказался: наотрѣзъ! Онъ предпочелъ свою газетную работу за семьдесятъ пять рублей въ мѣсяцъ и объясняетъ это какъ-то туманно, непонятно. А какъ могъ бы онъ двинуться быстро, если бы не былъ глупъ! Къ нему благорасположена сама Анна Михайловна (признаюсь, этого расположенія я не понимаю!)—Она любитъ проводить съ нимъ время, и иногда они вдвоемъ просиживаютъ цѣлые вечера.

„Онъ глупъ, нашъ Владиміръ; это только такъ кажется, что онъ уменъ. Онъ, можетъ быть, и уменъ, но этотъ умъ ни на что не годится.

„Мнѣ остается прибавить, что я всегда помню наши наставленія и веду себя во всѣхъ отношеніяхъ хорошо. Обнимаю васъ и цѣлую ваши ручки. Любящій васъ сынъ Петръ Любарцевъ.

„P. S. Хотя я не имѣю права разсчитывать на вашъ кошелекъ, но если бы вамъ было не трудно удѣлить мнѣ какихъ-нибудь двѣ сотни, я былъ бы вамъ очень благодаренъ. Наступаетъ театральный сезонъ, я долженъ озаботиться посѣщеніемъ балетныхъ представленій. Жалованья же моего, несмотря на мою извѣстную вамъ аккуратность, едва хватаетъ на покрытіе самыхъ необходимыхъ нуждъ“.

Это письмо было получено Николаемъ Сергѣевичемъ Любарцевымъ и произвело на него самое благопріятное впечатлѣніе. Николай Сергѣевичъ и прежде думалъ, что Петръ, не смотря на свой весьма необширный умъ, который не даетъ ему возможности хватать звѣзды съ неба, съумѣетъ устроиться. Теперь же онъ окончательно увѣрился, что Петръ не только не пропадетъ, но еще сдѣлаетъ хорошую карьеру. При томъ же, если онъ и не умѣетъ хватать звѣздъ съ неба, то оказывается, что тамъ, въ Петербургѣ, есть какія-то земныя звѣзды...

И онъ тотчасъ же исполнилъ его скромную просьбу и послалъ ему двѣсти рублей.

Одновременно съ этимъ было получено письмо и въ семействѣ Ивана Сергѣевича Любарцева и тоже изъ Петербурга. Но Владиміръ писалъ кратко.

„Дорогой отецъ, я уже писалъ тебѣ, что мнѣ повезло и я устроился въ газетѣ, которая даетъ мнѣ совершенно достаточно для корма. Ты уже знаешь о моемъ странномъ успѣхѣ въ департаментскихъ сферахъ. Я только ничего не писалъ тебѣ о предложеніи со стороны господина Коромыслова, добраго генія семейства Любарцевыхъ. Онъ предложилъ мнѣ службу въ коммиссіи о реформѣ чиновничества. Но какъ ты знаешь, я безъ службы чувствую себя отлично. Сей хитроумный генералъ просто-на-просто хотѣлъ заткнуть мнѣ ротъ хорошимъ жалованьемъ. Я же пред-

почитаю имѣть свой ротъ свободнымъ, чтобы мой языкъ могъ двигаться въ немъ безпрепятственно. Думаю, что ты, мой великолѣпный старикъ, одобришь это, какъ и моя славная старушка. Обоихъ васъ я цѣлую безмѣрно и предупреждаю, что, если вы ожидаете увидѣть вашего сына когда-нибудь генераломъ, то жестоко ошибаетесь. Лучше и не ожидайте.

„Вотъ нашъ дурандасъ, Петръ Любарцевъ, тотъ, пожалуй, будетъ генераломъ, хотя и неполнымъ. Глупость до извѣстнаго предѣла способствуетъ движенію по службѣ, но все же есть граница, дальше которой она вести не можетъ.

„Въ настоящее же время объявляю вамъ обоимъ, что я доволенъ своимъ положеніемъ и впредь разсчитываю быть еще больше доволенъ. Скажу вамъ по секрету, что немного я запутался, такъ сказать, въ душевной области. Подробностей не изъясняю, ибо ни къ чему это. Все равно, такъ или иначе распутаюсь. Какая интересная и какая славная личность—наша родственница Анна Михайловна Коромыслова!

„Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ посылаю тебѣ маленькій чекъ—на сорокъ рублей. Немного, но все же отъ трудовъ моихъ. Недавно помѣстилъ статью и получилъ особый гонораръ. Половину его посылаю тебѣ „за ненадобностью"—сказалъ бы—на орѣхи, если бы у тебя были зубы, но за отсутствіемъ таковыхъ — на табакъ. Покури за мое здоровье. Обнимаю тебя и мать. Владиміръ Любарцевъ".

По полученіи этихъ писемъ, братья встрѣтились, и у обоихъ были чрезвычайно довольныя лица.

— Получилъ письмо отъ сына! — весело промолвилъ чиновный Любарцевъ:—мой Петръ преуспѣваетъ!

— Получилъ и я,—отозвался Иванъ Любарцевъ,—мой Владиміръ тоже преуспѣваетъ.

Чиновный братъ посмотрѣлъ на неудачника и, вспомнивъ то, что писалъ Петръ о Владимірѣ, пожалѣлъ его, но сожалѣнія своего не высказалъ. Объ этомъ предметѣ у нихъ уже было много разговоровъ, и оба убѣдились, что никогда не сойдутся.

## IX.

Зимній сезонъ уже былъ въ полномъ разгарѣ. Въ холодный декабрьскій день на Невскомъ проспектѣ, около одиннадцати часовъ дня, неподалеку отъ публичной библіотеки, встрѣтились два молодыхъ человѣка.

Одного легко было узнать, такъ какъ его ватное пальто было лишено мѣхового воротника и потому лицо его было открыто. Это былъ Владиміръ Любарцевъ.

У другого видны были только носъ и глаза. Остальное лицо было закрыто бобровымъ воротникомъ и надвинутой на лобъ мѣховой шапкой. Владиміръ и не узналъ бы его, если тотъ самъ не остановился и не окликнулъ его.

— Владиміръ! Куда ты?

Владиміръ вглядѣлся въ глубь воротника и узналъ спокойные, ничего не выражающіе глаза Петра Любарцева.

Они уже давно жили на разныхъ квартирахъ. Владиміръ снималъ комнату на Надеждинской, неподалеку отъ своей редакціи, а Петръ поселился на Малой Морской, въ фешенебельныхъ меблированныхъ комнатахъ.

— Мы съ тобой сто лѣтъ не видались!—сказалъ Петръ, откинувъ воротникъ и обнаруживая на лицѣ своемъ радость.—Что же ты подѣлываешь?

— Да все то же: работаю въ редакціи, хожу въ публичную библіотеку, гдѣ, какъ ты, можетъ быть, слышалъ, есть умныя книги...

— И все читаешь, читаешь?.. Ой-ой-ой! Куда это тебѣ все? Ну, я живу совсѣмъ иначе... Послушай, — прибавилъ Петръ, взявъ его за рукавъ пальто.—Я ужасно радъ тебя видѣть... Хотя ты и другого склада человѣкъ, а все же ты мнѣ родственникъ... Забѣжимъ куда-нибудь на полчасика, поболтаемъ... Ну, хоть къ Доминику?

— Да вѣдь ты, дожно быть, на службу идешь? Какъ же ты не боишься опоздать?

— О, пустое! У насъ всѣ опаздываютъ... То-есть, разумѣется, не всѣ, а, такъ сказать, избранные... Я обыкновенно прихожу на службу въ половинѣ двѣнадцатаго, а около часу уже ухожу къ Кюба завтракать. Къ двумъ возвращаюсь на службу. Нашъ начальникъ пріѣзжаетъ только въ половинѣ третьяго... А ты, должно быть, сюда? въ это мрачное зданіе, которое всегда наводитъ на меня холодный трепетъ.

Петръ указалъ глазами на публичную библіотеку.

— Да, я хотѣлъ зайти.

— Ну, ты успѣешь потомъ. Забѣжимъ къ Доминику. Я разскажу тебѣ о многихъ перемѣнахъ въ моей жизни.

Владиміръ свободно располагалъ своимъ временемъ. Къ тому же ему было интересно услышать о перемѣнахъ въ жизни кузена. И онъ согласился.

Они прошли рядомъ по Невскому и зашли въ ресторанъ. Тутъ было еще немного народу. Они повернули направо, прошли въ глубину комнаты и заняли столикъ. Лакей почтительно снялъ шубу съ Петра и предоставилъ Владиміру разоблачиться самому.

Петръ, какъ знающій мѣстные порядки, скомандовалъ по кулебякѣ и по чашкѣ кофе. Все это принесли имъ.

— Ну, какъ же ты теперь поживаешь?—спросилъ Петръ,—съ хорошимъ аппетитомъ принимаясь за кулебяку.

— Обо мнѣ говорить не стоитъ, — отвѣтилъ Владиміръ.—У меня вѣдь нѣтъ никакихъ перемѣнъ. А вотъ ты обѣщалъ мнѣ разсказать о своихъ перемѣнахъ.

— Ну, все же что-нибудь же и у тебя есть... Не можетъ же быть все одно и то же. Напримѣръ, квартира. Неужели ты все тамъ же, на Надеждинской?

— А развѣ хорошій тонъ предписываетъ мѣнять квартиру каждые два мѣсяца?

— Нисколько. Но она у тебя такая неказистая. Я вѣдь былъ у тебя однажды. Меня встрѣтила финка, отъ которой такъ несло чухонскимъ масломъ...

— Ну, такъ что-жъ?.. чухонское масло считается самымъ лучшимъ... это ничего. А финка моя добрая и аккуратная.

— Значитъ, все по старому? И семьдесятъ пять рублей въ мѣсяцъ, и все?

— Но вѣдь ты тоже, надѣюсь, не получилъ уже шеститысячный окладъ и аренду... Должно быть, попрежнему получаешь сто рублей въ мѣсяцъ?

— Ну, да, конечно... Такъ вѣдь это же жалованье... Развѣ въ этомъ дѣло? Развѣ на жалованье можно прожить порядочному человѣку?

— Значитъ, у тебя есть еще другіе доходы?

— Гм... Доходы?... Нѣтъ, это нельзя назвать доходами... Это скорѣе можно назвать гражданскими оборотами...

— Вотъ какъ! Разскажи, разскажи. Это любопытно...

— Да видишь ли, у меня большія потребности. Во-первыхъ, въ моемъ положеніи нельзя жить у финки, которая пахнетъ чухонскимъ масломъ. Вѣдь ты платишь за комнату пятнадцать рублей, а я долженъ платить семьдесятъ пять...

— Семьдесятъ пять изъ ста?

— Да, это изъ ста. Это я дѣйствительно плачу изъ жалованья. Какъ только получу жалованье, тотчасъ плачу въ бюро нашихъ меблированныхъ комнатъ.

— Ну, а затѣмъ?

— А затѣмъ, разумѣется, остальныхъ двадцати пяти на жизнь не можетъ хватить. Мнѣ завтракъ каждый день обходится около двухъ рублей. То-есть собственно завтракъ стоитъ рубль, но иногда возьмешь полъ-бутылки вина (я это дѣлаю рѣдко, всего раза два въ недѣлю) да на чай татарину и швейцарамъ... Всего на кругъ выходитъ два рубля въ день. Вотъ тебѣ уже шестьдесятъ рублей въ мѣсяцъ.

— А обѣдъ стоитъ еще дороже?

— Обѣдъ, положимъ, почти ничего не стоитъ. Обѣдаю я въ

ресторанѣ три-четыре раза въ мѣсяцъ, остальные дни у знакомыхъ.

— У тебя такъ много знакомыхъ?

— Да, у меня ихъ очень много. Во-первыхъ, всѣ балетоманы, но это не тѣ, у которыхъ я обѣдаю. Балетоманы большею частью обѣдаютъ въ ресторанѣ. Впрочемъ, многіе изъ нихъ, какъ и я, стараются обѣдать у знакомыхъ. А обѣдаю я почти всегда у Вермутовыхъ.

— Ахъ, да, да, я слышалъ, что ты тамъ очень принятъ...

— Ты слышалъ? Отъ кого? Развѣ объ этомъ уже говорятъ?

— На улицѣ не говорятъ. Но я слышалъ отъ Анны Михайловны.

— А... Да. Это возможно. А кстати: почему это я тебя никогда не встрѣчаю у Коромысловыхъ?.. Я у нихъ бываю аккуратно каждое воскресенье. Развѣ ты у нихъ уже не бываешь? Мнѣ казалось, что ты сблизился съ нею...

— То, что тебѣ казалось, совершенно справедливо. Я въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ Анной Михайловной.

— Но не бываешь?

— Напротивъ, очень даже бываю, но, очевидно, не въ тѣ дни и часы, когда ты бываешь. Вѣдь ты стараешься бывать на людяхъ, по воскресеньямъ, когда у нея пріемъ. У тебя свои цѣли. А я вѣдь только хожу, чтобъ проводить время съ Анной Михайловной. Притомъ же я терпѣть не могу ея мужа.

— Отчего? Онъ любезный.

— Даже слишкомъ... Но, кромѣ того, онъ негодяй...

— Тсс... Владиміръ... Это могутъ услышать...

— Да вѣдь я не служу и потому могу свободно выражать свое мнѣніе. Я говорю, что этотъ Коромысловъ негодяй, потому что сдѣлалъ карьеру, благодаря состоянію, вліянію, уму и наружности своей жены и, какъ только достигъ прочнаго положенія, тотчасъ отвернулся отъ нея и завелъ себѣ какую-то тамъ иностранку.

— Такъ что-жъ изъ этого? Такъ дѣлаютъ рѣшительно всѣ... Чтобъ судить о порядочномъ человѣкѣ изъ общества, мой другъ, докторальнымъ тономъ замѣтилъ Петръ,—не слѣдуетъ заглядывать въ его домашнюю интимную жизнь.

— Это твое мнѣніе?

— Конечно, это мнѣніе всѣхъ благоразумныхъ людей.

— Ну, хорошо, продолжай.

— Погоди, ты меня спуталъ... Я вѣдь сбиваюсь... О чемъ я говорилъ?

— О гражданскихъ оборотахъ.

— А, да, да... Видишь ли,—продолжалъ Петръ тономъ человѣка, который нашелъ, наконецъ, другого, кому можетъ довѣрить важную тайну:—видишь ли, тутъ цѣлая махинація... Я уже ска-

залъ тебѣ, что я хорошо познакомился съ семействомъ Вермутовыхъ. Они очень, очень богаты... Даже, я думаю, богаче Коромысловыхъ. Коромысловы, говорятъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда онъ еще дѣлалъ карьеру, чуть не каждую недѣлю задавали балы, которые обходились имъ десятки тысячъ каждый. Это, видишь ли, для того, чтобы завоевать вниманіе общества. Ну, они этого достигли, но растрясли свое состояніе. А Вермутовы состояніе сохранили. Ну, слѣдовательно, для нихъ ссуда доброму знакомому, въ какихъ-нибудь сотняхъ или даже тысячахъ, ровно ничего не стоитъ.

— Ссуда? Да кто же тебѣ даетъ эти ссуды? Самъ Вермутовъ, твой начальникъ?

— О, что ты! Это было бы крайне неудобно. Съ Вермутовымъ у меня отношенія почти оффиціальныя... Онъ вѣдь рѣдко бываетъ дома. Нѣтъ это дѣлаетъ мадамъ Вермутова, Ольга Арсеньевна... Я, разумѣется, позволяю себѣ это очень рѣдко, но ты пожалуйста не думай, что я, напримѣръ, прошу или даже намекаю... Боже сохрани! Она сама предлагаетъ мнѣ.

— Но почему же, почему? Съ какой стати?

На лицѣ Петра появилась въ высшей степени двусмысленная усмѣшка и видно было, что въ мозгу у него шевелится что-то юмористическое.

— Да, видишь ли, женщины, когда онѣ уже въ возрастѣ и неравнодушны, бываютъ очень щедры...—промолвилъ онъ, наконецъ, послѣ продолжительной выдержки своей тайны.

— А... вотъ что! Значитъ, она къ тебѣ неравнодушна?

— Я полагаю... Знаешь, въ департаментѣ даже говорятъ о моей связи съ нею...

— Конечно, говорятъ безъ основанія?

— А почему ты думаешь, что безъ основанія?—какъ-то молодецки покручивая свой усъ, промолвилъ Петръ.

— Да потому, что еслибъ это была правда, то ты не позволилъ бы себѣ брать у нея деньги.

— Ну, положимъ, это еще не доказано—не предразсудокъ ли это? Но, во всякомъ случаѣ, я ничего не утверждаю. По моему, порядочный человѣкъ не долженъ играть именемъ женщины, которая... которая ему довѣряетъ...

— Это правда.

— Напримѣръ, я скажу такъ, что если мадамъ Вермутова, Ольга Арсеньевна, иногда заѣзжаетъ ко мнѣ на Морскую, такъ вѣдь добрые знакомые вообще бываютъ другъ у друга... тутъ ничего нѣтъ такого...

— Но деньги ты долженъ же когда-нибудь отдать?—промолвилъ Владиміръ.—Изъ какихъ же суммъ ты это сдѣлаешь?

— Ха-ха! У насъ въ департаментѣ всѣ увѣрены, что рано

или поздно я женюсь на дочери Вермутова и получу въ приданое цѣлое состояніе. Ха-ха!

— Какъ? Тѣ самые люди, которые говорятъ о твоей связи съ мадамъ Вермутовой, говорятъ также и о твоей женитьбѣ на ея дочери?

— Тѣ самые...

— И при этомъ они не презираютъ тебя и продолжаютъ тебѣ протягивать руку?

— Владиміръ... Но кто же посмѣлъ бы? Всѣ отлично знаютъ, что я свой человѣкъ у Вермутовыхъ и родственникъ Коромысловыхъ... Кто посмѣлъ бы?

— Послушай,—вдругъ обратился Владиміръ къ лакею и при этомъ рѣшительнымъ движеніемъ отодвинулся отъ стола вмѣстѣ со стуломъ.—Я съѣлъ кулебяку и выпилъ чашку кофе. Вотъ моя плата!

— Но, Вольдемаръ, оставь... Вѣдь я же пригласилъ тебя... Это я заплачу!—запротестовалъ Петръ. А тѣмъ временемъ лакей забралъ деньги и быстро побѣжалъ къ другому столу.

— Нѣтъ, избавь... Я не хочу завтракать на счетъ неизвѣстной мнѣ госпожи Вермутовой. Да и пора мнѣ.

Онъ поднялся и взялъ свою шапку.

— Но куда же ты? Я тебѣ еще многаго не разсказалъ... Богъ знаетъ, когда еще мы сь тобой встрѣтимся.

— Все равно, все равно...

Владиміръ уже стоялъ у вѣшалки и надѣвалъ свое пальто.

— Это странно!.. Это такъ внезапно! Ты даже не попрощался.

— Ну, прощай...—бросилъ ему Владиміръ на ходу и не подавъ ему руки, быстро вышелъ изъ ресторана.

„Вотъ психопатъ!.. настоящій психопатъ!.. Какъ былъ, такъ и остался“, подумалъ Петръ и, подозвавъ лакея, съ достоинствомъ расплатился.

— Сколько тебѣ далъ на чай мой товарищъ?—спросилъ онъ лакея.

— Всего пятачокъ-съ вышелъ-съ...—съ жалобной миной отвѣтилъ лакей.

— Ну, это онъ торопился, оттого... Вотъ получи это отъ меня и отъ него.

Хотя Владиміръ и обидѣлъ его, все же онъ считалъ своимъ долгомъ возстановить въ глазахъ лакея его репутацію.

Неторопливо поднялся онъ съ мѣста. Лакей почтительно подалъ ему пальто съ мѣховымъ воротникомъ и мѣховую шапку. Спокойно, разсудительно застегнулъ онъ каждую пуговицу пальто, наполовину поднялъ воротникъ и вышелъ, сопровождаемый исполненными уваженія поклонами лакея.

И. Потапенко.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).



# О ВРАЧАХЪ.

(По поводу «Записокъ врача» *В. Вересаева*).

*Памяти «истиннаго учителя и врача» Вячеслава Авксентьевича Манассеина.*

(*Окончаніе* *).

## XII.

Въ общемъ положеніе врача напоминаетъ положеніе любого интеллигентнаго работника, но есть цѣлый рядъ особенностей, на нихъ мы и остановимся.

Прежде всего чаще и чаще раздаются голоса о *перепроизводствѣ* и плохомъ матеріальномъ положеніи врачей. Странно слышать о перепроизводствѣ врачей, когда на Западѣ въ разныхъ государствахъ 1 врачъ приходится на 500—1.000 человѣкъ, а у насъ въ среднемъ по всей Россіи 1 врачъ на 6.000; есть впрочемъ, города, гдѣ и у насъ на врача приходится 1.000 жителей, но часто въ деревняхъ врачъ имѣетъ въ своемъ завѣдываніи 15.000—50.000 человѣкъ. Стало быть, вопросъ не въ перепроизводствѣ, а въ *неправильномъ распредѣленіи* врачей и въ условіяхъ вознагражденія за врачебный трудъ. На Пироговскомъ съѣздѣ въ Кіевѣ, когда обсуждался докладъ о бытѣ врачей, одинъ ораторъ буквально началъ свою рѣчь съ перефразировки извѣстнаго стихотворенія Некрасова: «Выдь на Волгу, чей стонъ раздается? То стонъ врачей бѣдняковъ!»

Матеріальное положеніе врачей въ общемъ не хуже остальныхъ интеллигентныхъ работниковъ; если жалованье служащихъ врачей и уступаетъ часто окладамъ другихъ служащихъ лицъ, то это дѣлается въ виду возможности частной практики, которая считается законной не только самимъ врачомъ, но, къ сожалѣнію, и всѣми учрежденіями, приглашающими врачей. Это положеніе—остатокъ допотопной старины, и учрежденія до сихъ поръ не убѣдились еще въ томъ, что нельзя служить двумъ богамъ, и что служба и частная практика не только не совмѣстимы, но по своимъ интересамъ прямо противоположны другъ

---

*) См. «М. Б.» августъ. 1902 г.,

другу. На основанiи всѣхъ фактовъ и наблюденiй можно категорически заявить, что ни одинъ служащiй врачъ, занимающiйся въ то же время и частной практикой, *не можетъ выполнять*, какъ слѣдуетъ, своихъ служебныхъ обязанностей, если не считать выполненiемъ шаблонное отсиживанье нѣсколькихъ часовъ на указанномъ служебномъ мѣстѣ.

Простое соображенiе указываетъ, что не можетъ человѣкъ направить всѣ свои силы и время на одну службу, если постоянно тянутъ его совершенно въ другую сторону иные интересы и дѣла, требующiе много времени, совершенно иной сноровки, особаго умѣнья. Такой человѣкъ не будетъ идти впередъ и двигать своего дѣла: ему въ пору исполнить шаблонно свои внѣшнiя обязанности, а о душѣ—внутреннемъ содержанiи нечего и говорить.

Кромѣ частной практики, многiе служащiе врачи увеличиваютъ свои доходы *совмѣстительствомъ*, т.-е., кромѣ своей основной службы, они набираютъ еще нѣсколько другихъ платныхъ врачебныхъ и даже совершенно постороннихъ должностей. Совмѣстительство, кажется, ни въ одной профессiи не развито такъ, какъ у врачей, формы и размѣры его крайне разнообразны. Въ 1888 г. *) мнѣ удалось собрать свѣдѣнiя о 73 совмѣстителяхъ разныхъ городовъ для представленiя доклада Пироговскому съѣзду. Сообщимъ нѣкоторыя данныя, которыя и до сихъ поръ не утратили своего значенiя и доказываютъ, какъ *приспособленные* врачи не стѣсняются заѣдать хлѣбъ у своихъ товарищей. Эти 73 врача занимали 209 должностей, отъ двухъ до 7 мѣстъ на каждаго. Мѣста эти были крайне разнообразныя: военный и земскiй, профессоръ и больничный, профессоръ и желѣзнодорожный, правительственный и фабричный, больничный и желѣзнодорожный и пр., и пр. Одинъ видный врачъ въ Петербургѣ занималъ 4 мѣста, изъ нихъ два при больницахъ (какъ же онъ успѣваетъ бывать утромъ въ обѣихъ?) и въ обѣихъ больницахъ имѣлъ квартиры, изъ которыхъ одну сдавалъ за приличное вознагражденiе. До какой скаредности и мелочности могъ дойти этотъ богатый врачъ! Профессора служатъ ординаторами и старшими врачами въ больницахъ. Есть уѣздные врачи, служащiе фабричными врачами при 11 фабрикахъ въ разныхъ частяхъ уѣзда. Врачъ, имѣющiй полмиллiонное состоянiе, служитъ при губернской больницѣ, женскомъ институтѣ и фабрикѣ, и въ этомъ же городѣ 30 врачей сидятъ безъ всякихъ должностей.

Жалованье за побочныя должности колеблется отъ 60 до 2.400 р., а именно въ 97 мѣстахъ отъ 60 до 600 руб., въ 18 отъ 600 до 900 руб. и въ 15 мѣстахъ отъ 1.000 до 2.400 руб. И, кромѣ того, всѣ эти врачи имѣютъ частную практику. Положительно не знаешь, кого больше жалѣть: этихъ ли *несчастненькихъ* врачей, не знающихъ ни ми-

*) «Врачъ» 1889 г., № 1.



нуты покоя изъ-за неукротимой любви къ страждущему человѣчеству, или этихъ страждущихъ, которые весьма рѣдко видятъ своихъ измученныхъ излишней любовью врачей. На фабрикѣ несчастный случай, требующій немедленной помощи, а врачъ живетъ за 50 верстъ; роженица мучается, исходитъ кровью, а врачъ уѣхалъ за сотню верстъ навѣщать желѣзнодорожныхъ больныхъ; коечные и амбулаторные больные ждутъ въ больницѣ, а врачъ-профессоръ читаетъ лекцію, или студенты и больные ждутъ, а профессоръ ординаторствуетъ въ больницѣ. Въ дѣйствительности, дѣятельность совмѣстителей часто сводится къ тому, что побочныя ихъ обязанности выполняются или фельдшерами, или никѣмъ не выполняются. Остается только удивляться, какъ у совмѣстителей-врачей достаетъ храбрости являться во всѣ занимаемыя ими мѣста за получкой жалованья... вознагражденія за тотъ *громадный вредъ*, который они приносятъ больнымъ, отказывая имъ въ надлежащей помощи, и всему учрежденію—фабрикѣ, училищу и пр., за санитарнымъ состояніемъ котораго у нихъ не хватаетъ времени наблюдать?

Какъ великъ *заработокъ отъ частной практики?* Усчитать его, конечно, очень трудно, тѣмъ болѣе, что многіе врачи скрываютъ его даже отъ хорошихъ знакомыхъ и всегда склонны показать меньше. Вотъ нѣсколько крупныхъ примѣровъ. Про Захарьина говорили, что онъ зарабатывалъ гораздо болѣе 100.000 руб. въ годъ; наши профессора получаютъ также десятки тысячъ; извѣстные англійскіе врачи зарабатывали въ годъ: *) Radcliffe 350.000, Mead 200.000, Baillie 450.000, Harford 550.000, а Brodie даже 850.000 руб. Одинъ американскій хирургъ составилъ отъ практики состояніе въ 5.000.000 долл. Д-ръ Shelton въ Нью-Іоркѣ за леченіе одного милліонера получилъ 87.000 долл., а другой извѣстный американскій практикъ къ наслѣдникамъ умершаго предъявилъ искъ въ 191.864 р. за 2.200 посѣщеній, по 87 руб. за каждый визитъ. Нечего и говорить, что такіе невѣроятно громадные гонорары развращаютъ не только зарабатывающихъ и ихъ окружающихъ, но и остальныхъ врачей, развивая у нихъ зависть и страсть къ подобной же быстрой наживѣ. Русскіе обычные врачи, по даннымъ д-ра Гребенщикова, зарабатываютъ мало, а именно 77% изъ нихъ получаютъ менѣе 1.000 руб. отъ частной практики. Венгерскіе врачи въ городахъ, гдѣ ихъ приходится по одному на 750 жителей, зарабатываютъ больше: только 22% менѣе 4.000 кронъ (1.000 р.), 53% отъ 4.000 до 8.000 кр. и 25% болѣе 8.000 кронъ. Американскіе врачи, ихъ приходится по одному на 600 жителей, еще счастливѣе, въ среднемъ они зарабатываютъ въ большихъ городахъ 2.000 долл., въ среднихъ—1.500 и въ деревняхъ—1.200 долл.

---

*) «Врачъ», 1884, № 39; 1889, № 25; 1888, № 30; 1891, № 20; 1884 № 9; 1885, № 18; 1900, № 10; 1900, № 23.



При этомъ нужно замѣтить, что какъ у насъ, такъ и за границей на врачебный гонораръ смотрятъ совершенно особо, не такъ, какъ на вознагражденіе другимъ спеціалистамъ: многіе вовсе не считаютъ нужнымъ его платить, и врачамъ приходится начинать иски съ своихъ паціентовъ. Русскіе врачи въ подобныхъ случаяхъ чаще всего машутъ рукой, считаютъ начинаніе этихъ дѣлъ неприличнымъ, и потому у насъ подобные иски еще очень рѣдки и не вошли въ обычай, а на Западѣ они—обычное явленіе, что, между прочимъ, видно изъ отчета за 1883 г. ведущаго такія дѣла берлинскаго союза для защиты правъ врачей: отъ 1882 года осталось исковъ 1.516 на 35.928 мар., въ 1883 г. вновь поступило 6.073 иска на сумму 108.635 мар., изъ нихъ прощено 645 исковъ, по 3.941 получено 71.103 мар. и пр. Многіе иски приходится прекращать по бѣдности паціентовъ, что еще разъ подтверждаетъ всю ненормальность постановки врачебнаго дѣла за границей, гдѣ общественной медицины нѣтъ, а врачамъ приходится расплачиваться за все общество—работать безплатно. Мало того, подобныя дѣла отнимаютъ много времени и доставляютъ массу непріятностей, различныхъ излишнихъ разоблаченій для обѣихъ сторонъ, *) роняютъ врача въ глазахъ публики и вообще все дѣло помощи страдающимъ ставятъ на промышленную почву. Врачъ, вмѣсто друга дома и больного, является врагомъ, котораго стремятся всячески обмануть не только въ уплатѣ вознагражденія, но и въ сообщеніи своихъ тайнъ и пр., необходимыхъ для правильнаго діагноза и леченія: нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, довѣрять человѣку, на котораго смотрятъ только какъ на ремесленника, и съ которымъ завтра будутъ тягаться въ судѣ. И дѣйствительно, теперь врачи и публика становятся все болѣе двумя враждебными лагерями, и потому à la guerre comme à la guerre...

Страданіе больного и трудъ врача нельзя выносить на рынокъ и дѣлать ихъ предметами спроса и предложенія, гонораръ, частная практика и вообще всѣ коммерческія сдѣлки между больнымъ и врачомъ должны быть уничтожены, врачебная помощь должна быть безплатной и дѣломъ съ общественной организаціей. Конечно, заранѣе можно сказать, что не только крупные практики, но и средніе врачи отнесутся къ такому предложенію съ презрѣніемъ: въ нихъ такъ въѣлась привычка получать, ощущать послѣ каждаго визита «нѣчто» въ своей рукѣ, что отказаться отъ этого очень трудно, а къ тому же мы недалеко ушли по взглядамъ на вознагражденіе отъ неразвитой части публики, напр., отъ прислуги, которая не такъ дорожитъ своимъ жалованьемъ и правильными прибавками къ нему, какъ всякими наградами, подарками и случайными поступленіями. Такъ и служащіе врачи: при-

*) Замѣтимъ для курьеза, что самоубійцы, вылеченные и возвращенные къ жизни врачами, обыкновенно отказываются платить гонораръ врачамъ за непрошенныя услуги...



бавьте имъ жалованье до необходимой нормы, вызываемой обычными потребностями,—что и наблюдалось не разъ,—и все-таки они не откажутся отъ частной практики, пока не уничтожена будетъ самая возможность ея.

## XIII.

В. Вересаевъ мало коснулся вопроса о практикѣ, но, какъ художникъ, онъ далъ двѣ яркихъ картинки указывающихъ на ненормальность существующей системы платы. Получаемые за визитъ къ умершей женѣ чиновника три рубля жгли его карманъ. «Какимъ грубымъ и рѣзкимъ диссонансомъ они ворвались въ ихъ горе! Мнѣ представлялось, что такъ у меня на глазахъ умерла моя жена,—и въ это время искать какіе-то три рубля, чтобы заплатить врачу! Да будь всѣ врачи ангелами,—одно это оплачиваніе ихъ помощи въ то время, когда кажется, что весь міръ долженъ замереть отъ горя,—одно это способно внушить къ нимъ брезгливое и враждебное чувство». «О, эта плата! Какъ много времени должно было пройти, чтобы сколько-нибудь свыкнуться съ нею! Каждый твой шагъ отмѣчается рублемъ, звонъ этого рубля непрерывно стоитъ между тобою и страдающимъ человѣкомъ. Сколько осложненій онъ вызываетъ въ отношеніяхъ, какъ часто мѣшаетъ дѣлу и связываетъ руки...» Далѣе авторъ говоритъ, что вначалѣ всякая плата страшно тяготила его, принижала въ собственныхъ глазахъ, грязнымъ пятномъ ложилась на его дѣло; «плата—это лишь печальная необходимость, и чѣмъ меньше она будетъ замѣшиваться въ отношенія между врачомъ и больнымъ, тѣмъ лучше; она дѣлаетъ эти отношенія неестественными и напряженными и часто положительно связываетъ руки».

Послѣ такихъ горячихъ и глубоко справедливыхъ словъ, естественно было ожидать, что В. Вересаевъ выскажется за уничтоженіе частной практики и видоизмѣненіе способа вознагражденія врачей, но онъ ограничивается только остроумными жалобами на ненормальное положеніе врачей, которые *только одни* обязаны оказывать безплатную помощь другимъ, и заканчиваетъ такими успокоительнымъ словами для врачей: «Да, за свой трудъ, какъ всякій работникъ, врачъ имѣетъ право получать вознагражденіе, и ему нечего стыдиться этого; ему нечего принимать плату тайно и конфузливо, какъ какую-то позорную, не законную взятку».

Этъ *не рѣшеніе* и *не успокоеніе*, а полное противорѣчіе всему сказанному имъ о платѣ: пускай остаются тѣ же неестественныя отношенія, пускай врачъ продолжаетъ поддерживать къ себѣ брезгливое и презрительное отношеніе публики, пускай плата ложится грязнымъ пятномъ на врачебное дѣло и принижаетъ врача въ его собственныхъ глазахъ, пускай эта плата настолько развратитъ врача, что онъ на-

чинаетъ видѣть вмѣсто больныхъ гонорары, пускай, наконецъ, гуманное дѣло леченія больныхъ обращается въ дѣло наживы, которое не останавливается ни передъ какими способами извлеченія денегъ изъ людскихъ страданій! Повторяемъ, это не рѣшеніе вопроса, и уже одинъ тотъ фактъ, что плата врачу и дается и принимается «тайно и конфузливо», указываетъ, что этотъ способъ вознагражденія врачей ненормаленъ: вѣдь всѣ ремесленники и всѣ служащіе, въ томъ числѣ и врачи, получаютъ свое вознагражденіе и жалованье открыто и безъ всякаго стѣсненія. Въ чемъ-же тутъ разница? Когда покупается какая-либо вещь или даже трудъ, реализированный въ формѣ опредѣленной видимой работы, всякій покупатель видитъ и оцѣниваетъ то и другое, рѣшаетъ сознательно, соотвѣтствуетъ-ли покупаемое его желаніямъ и запросамъ. При покупкѣ-же врачебнаго труда, публика не знаетъ, *за что* она платитъ, такъ какъ пріѣздъ и потраченное врачомъ время составляютъ самую неважную часть въ его работѣ,—вся суть въ леченіи, а какъ ведется это леченіе, правильно или нѣтъ, старательно или халатно, ни больной, ни окружающіе оцѣнить не могутъ, и имъ приходится платить врачу даже и въ томъ случаѣ, когда больной умеръ, а вѣдь не платимъ же мы, соображаетъ публика, и даже взыскиваемъ съ портного, когда онъ испортитъ отданную ему для шитья матерію. Другое различіе еще важнѣе: болѣзнь есть несчастіе, и въ этомъ несчастьи больной часто вовсе не виноватъ, а виноваты или явленія природы, съ которыми мы еще не можемъ справиться, или чаще всего все общество, создавшее такую ненормальную обстановку, что массѣ людей приходится жить и работать при вредныхъ болѣзнетворныхъ условіяхъ. Если *болѣзнь каждаго* является такъ или иначе *виной всѣхъ*, то вполнѣ естественно, что всѣ и должны отвѣчать за одного, т.-е. все санитарное и лечебное дѣло должно быть повинностью общей. Безъ общественныхъ врачей *никогда не могутъ быть правильно урегулированы* отношенія врачей и больныхъ; всякія принудительныя законы и проекты о таксѣ за врачебный трудъ не принесутъ пользы ни больнымъ, ни врачамъ, и всегда легко могутъ быть обойдены обѣими сторонами.

Разсмотримъ подробнѣе, какъ отражается частная практика на врачахъ и обществѣ. Мы выше уже отмѣчали, что ненормальность отношеній публики къ врачамъ и всему врачебному дѣлу обусловливается двумя главными причинами—неточностью и несовершенствомъ медицинской науки и недостаткомъ знаній и опытности у нѣкоторыхъ и особенно у начинающихъ врачей; не менѣе этихъ двухъ причинъ виновата и третья—денежные расчеты больныхъ съ врачами въ такъ называемой *частной практикѣ*.

Каковы настроеніе и интересы врача-практика? Человѣкъ долженъ жить на получаемые непосредственно отъ больныхъ рубли и копейки и, чтобы не умереть съ голоду, долженъ желать, чтобы были больные,

было много больныхъ, и чтобы они предпочитали его другимъ врачамъ, однимъ словомъ—торговля съ ея спросомъ и предложеніемъ. Сразу создается нездоровая, нежелательная обстановка—*строить свое благополучіе на несчастьи и болѣзни другихъ.*

Могутъ возразить, что врачу нечего этого желать, и безъ его злорадства будутъ больные. Это не такъ: больныхъ, конечно, много, но это—бѣдняки, отъ которыхъ врачу-практику только одни хлопоты, а нужно, чтобы болѣли состоятельные, могущіе платить много. Помню, какъ загорѣлись глаза отъ плохо скрываемаго удовольствія у врача-практика, когда только-что пришедшій товарищъ сообщилъ ему, что его сегодня ночью пригласятъ на консиліумъ къ дочери важнаго и богатаго лица, и какъ пасмуревъ онъ былъ на другой день, когда его помощь оказалась не нужна. Среди городскихъ врачей-практиковъ нерѣдко слышатся жалобы на «глухое время». Публика прекрасно это понимаетъ и, приравнивая частную практику къ всякой торговлѣ, обвиняетъ врачей въ обманахъ и серьезно возводитъ на нихъ весьма распространенныя небылицы, что врачи нарочно затягиваютъ болѣзнь, и это заставляетъ и больныхъ, и окружающихъ относиться къ врачу съ недовѣріемъ и подозрѣніемъ,—развѣ такое отношеніе желательно и полезно для здоровья больного? А какой вредъ наносятъ себѣ больные, когда, изъ-за боязни расходовъ, обращаются къ врачу не въ самомъ началѣ болѣзни и прекращаютъ посѣщенія врача раньше полнаго выздоровленія! А какъ должны оскорблять врачей подозрѣнія въ томъ, что ихъ можно подкупить, умилостивить хорошей платой,—отсюда постоянныя просьбы поскорѣе и получше полечить, особенно характерныя въ устахъ простолюдиновъ: «Ужъ, ты батюшка, разстарайся, а мы ничего не пожалѣемъ, заложимъ послѣднее, да заплатимъ». Наконецъ, какой разладъ между публикой и врачами вносятъ вышеупомянутыя тяжебныя дѣла изъ-за гонорара!

Эпидеміи публика прямо называетъ «сѣнокосомъ для врачей»; этотъ же взглядъ былъ одной изъ причинъ, почему въ былое время народъ обвинялъ врачей въ вызываніи эпидемій путемъ отравленія колодцевъ и пр. и избивалъ ихъ за это...

Могутъ возразить, что напрасно все сваливать на деньги и забывать о самолюбіи и честолюбіи практиковъ; конечно, имѣютъ значеніе и эти чувства, но они часто побочны и зависимы отъ перваго фактора—денегъ, и почти всѣ честолюбцы въ то же время и корыстолюбцы.

В. Вересаевъ совершенно вѣрно говоритъ, что гонораръ связываетъ руки; благодаря платѣ, врачъ не можетъ быть вполнѣ откровеннымъ и искреннимъ съ больнымъ, плата стоитъ стѣной между ними, и часто обращаетъ ихъ въ два враждебныхъ лагеря, гдѣ царствуетъ обоюдный обманъ. Какое огромное и нездоровое вліяніе оказываетъ практика даже на выдающихся людей, доказываетъ слѣ-

дующій отрывокъ изъ письма С. П. Боткина къ д-ру Бѣлоголовому: «Три недѣли, какъ начались лекціи; изъ всей моей дѣятельности—это единственное, что меня занимаетъ и живитъ, остальное тянешь, какъ лямку, прописывая массу почти ни къ чему не ведущихъ лекарствъ. Это не фраза и даетъ тебѣ понять, почему практическая дѣятельность въ моей поликлиникѣ такъ тяготитъ меня. Имѣя громаднѣйшій матеріалъ хрониковъ, я начинаю вырабатывать грустное убѣжденіе о безсиліи нашихъ терапевтическихъ средствъ. Рѣдкая поликлиника пройдетъ мимо безъ горькой мысли, за что я взялъ съ большей половины народа деньги, да заставилъ ее потратиться на одно изъ нашихъ аптечныхъ средствъ, которое, давши облегченіе на 24 часа, ничего существенно не измѣнитъ. Прости меня за хандру, но нынче у меня былъ домашній пріемъ, и я еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этого безплоднаго труда».

Если уже Боткинъ не могъ освободиться отъ засасывающаго вліянія практики и, сознавая всю ея ложь, не могъ освободиться отъ нея, то какъ же она должна вліять на остальныхъ *), которые вовсе не замѣчаютъ всей ненормальности положенія врачебнаго дѣла? Еще два слова о вредномъ вліяніи частной практики на врачей. Врачи, получающіе опредѣленное жалованье, сообразно съ нимъ и устраиваютъ свою жизнь, ограничивая свои аппетиты; у врачей-практиковъ бюджетъ неопредѣленъ и неограниченъ въ то же время, и вся ихъ жизнь напоминаетъ лоттерею, въ которой можно выиграть и много, и мало, отсюда надежды на случайность, развитіе аппетитовъ и желаніе получить все больше и больше. Примѣры практиковъ-генераловъ разжигаютъ постоянно зависть и страсть къ наживѣ, которая дѣлаетъ изъ практика игрока, видящаго только рубль и одинъ рубль. Посмотримъ же, какъ врачъ-практикъ устраиваетъ свою судьбу—*приспособляется,* и до чего онъ доходитъ въ погонѣ за наживой.

Желаніе врача-практика, чтобы больные обращались именно къ нему, а не къ другимъ, создаетъ погоню за больными и невозможную атмосферу кругомъ практикующаго врача. Становясь предметомъ спроса-товаромъ, врачъ долженъ позаботиться о томъ, чтобы «показать товаръ лицомъ», и въ результатѣ являются на сцену различныя средства, какъ и въ торговлѣ,—т. е. *реклама.*

Прежде всего рекламируютъ родственники, знакомые, больные, ста-

*) Бѣлоголовый также не избѣгъ противорѣчія. Онъ хвалитъ Боткина за то, что онъ отдавалъ академіи свои лучшія силы съ такимъ рвеніемъ и съ такой безкорыстной любовью, какія весьма рѣдки въ современныхъ клиницистахъ, всегда отвлекаемыхъ отъ преподавательскаго дѣла частною практикою. А въ другомъ мѣстѣ, говоря о возрастаніи у Боткина частной практики, Бѣлоголовый называетъ это дѣло не столь привлекательнымъ, «тѣмъ не менѣе неизбѣжно связаннымъ съ его долгомъ и спеціальностью». Какъ это невѣрно, Боткинъ самъ доказываетъ это своимъ письмомъ.



рые практики своихъ «послушниковъ»; затѣмъ просятъ *) о томъ же акушерокъ, аптекарей, учителей, ветеринаровъ, хозяевъ гостиницъ, а менѣе брезгливые спускаются до половыхъ и прислуги; услуги этихъ лицъ или безплатныя, или оплачиваются условной суммой за каждаго больнаго. Болѣе назойливые заграничные врачи являются сами на желѣзныя дороги и въ гостиницы съ предложеніемъ своихъ услугъ. Нанимаются особые глашатаи: въ венгерскомъ городкѣ городовой врачъ по условію долженъ былъ лечить дѣтей безплатно; тогда поселившіеся въ этомъ городѣ два новыхъ врача объявили черезъ особое лицо, ходящее по городу съ барабаномъ, что они также будутъ лечить дѣтей безплатно, а взрослыхъ гораздо дешевле городового врача. То же въ одномъ городѣ въ Арканзасѣ: у 12-ти практикующихъ врачей есть глашатаи, по 1—11 на врача, которые ходятъ по улицамъ съ барабаномъ и зазываютъ паціентовъ въ лавочки своихъ патроновъ; они имѣютъ особую бляху и разрѣшеніе на это занятіе. Медицинское общество пробовало бороться съ этимъ зломъ, но, повидимому, безуспѣшно.

А затѣмъ является къ услугамъ врачей печать, общая и медицинская, и различныя афиши; послѣднія у насъ въ Россіи употребляются рѣдко, а за границей обычное явленіе. По врачебной этикѣ объявленія въ газетахъ у насъ не приняты, но это обходится путемъ якобы необходимыхъ извѣщеній: переѣхалъ на новую квартиру, уѣхалъ за границу, вернулся съ курсовъ, изъ-за границы и пр. Но храбрые не стѣсняются и открыто заявляютъ о себѣ въ общихъ газетахъ: докторъ заграничнаго университета, ординаторъ извѣстнаго профессора, проѣздомъ на нѣсколько дней профессоръ остановился и принимаетъ больныхъ, опытный спеціалистъ, мастеръ такихъ-то операцій (точь-въ-точь: «портной изъ Москвы», «сапожникъ изъ Петербурга»); часто многіе титулы оказываются ложными и у врачей, и у ремесленниковъ. За границей прибѣгаютъ и къ курьезамъ: одинъ нѣмецкій врачъ публикуетъ, что конюшня теперь около самой его квартиры, такъ что онъ по каждому приглашенію можетъ явиться сейчасъ же. Спеціалисты же мочеполовыхъ и секретныхъ болѣзней и владѣльцы врачи разныхъ кабинетовъ совершенно заполонили первыя страницы большихъ газетъ, зная, что подобные больные изъ-за стыда ищутъ врачей не черезъ знакомыхъ, а по газетамъ. Эти господа доходятъ до того, что вѣнская коллегія врачей выразила сожалѣніе, что врачи, лечащіе половыя болѣзни, печатаютъ о себѣ такія объявленія, которыя вызываютъ негодованіе среди врачей и публики и роняютъ достоинство врачебнаго сословія. Французскіе врачи пошли еще дальше

*) «Врачъ», 1884 г., № 24; 1886 г., № 30; 1890 г., № 8; 1891 г., № 40; 1901 г., № 50; 1900 г., № 36; 1885 г., № 42; 1886 г., № 14; 1885 г., № 30; 1884 г., № 4; 1890 г., № 14; 1885 г., № 24; 1900 г., № 15; 1900 г., № 25; 1900 г., № 51; 1900 г., № 27; 1898 г., № 5; 1885 г., № 13; 1886 г., № 52; 1890 г., № 14.

и заклеили своими объявленіями внутреннія стѣны многочисленныхъ парижскихъ писсуаровъ.

Кромѣ объявленій реклама ведется и другимъ путемъ: въ общихъ газетахъ помѣщаются *хвалебныя статьи* о профессорахъ и врачахъ въ видѣ благодарности имъ, описанія сдѣланныхъ ими операцій, напечатанныхъ работъ, списка докладовъ, ихъ благотворительной дѣятельности и пр., пр. Наконецъ, въ послѣднее время многіе профессора и врачи, у насъ и за границей, прибѣгаютъ къ «интервьюверамъ», которые потомъ и расхваливаютъ посѣщеннаго подъ тѣмъ или другимъ соусомъ. Нѣкоторыя русскія врачебныя общества протестуютъ противъ подобныхъ восхваленій и саморекламъ, но съ страстью къ наживѣ не такъ легко справиться безъ сочувствія всѣхъ или большинства врачей.

## XIV.

Привычка собирать болѣе или менѣе обильную жатву съ паціентовъ развиваетъ аппетиты, — l'appetit vient en mangeant, — и заставляетъ нѣкоторыхъ врачей не довольствоваться гонораромъ, а прибѣгать и къ другимъ способамъ увеличенія своихъ доходовъ на счетъ больныхъ. Нѣкоторые изъ этихъ способовъ прямо преступные — участіе въ выкидышахъ; другіе же такъ общепризнаны и распространены, что ни со стороны публики и больныхъ, ни даже со стороны лучшихъ представителей медицины не встрѣчаютъ никакого отпора: такъ общество привыкло къ общей лжи и взаимному обману, что считаетъ эти способы только результатомъ свободной конкуренціи, забывая, что болѣзнь и несчастье должны бы стоять внѣ всякаго соперничества. Нужно заранѣе оговориться, что *русскіе врачи пока меньше иностранныхъ практикуютъ наиболѣе вредные способы наживы*; объясняется это, главнымъ образомъ, тѣмъ, что конкуренція и борьба за существованіе въ Россіи далеко не достигли той степени, какъ на Западѣ.

Начнемъ нашъ обзоръ съ *промышленныхъ экскурсій*, которыя совершаются профессорами, врачами городскихъ и, къ прискорбію, даже земскихъ губернскихъ больницъ; впрочемъ, эти больницы вообще составляютъ наростъ на земскомъ тѣлѣ и земскими общественными принципами мало руководятся. Эти экскурсіи бываютъ трехъ родовъ: временныя, по вызову отдѣльныхъ больныхъ, объѣзды цѣлаго ряда городовъ съ соотвѣтственной публикаціей въ газетахъ или даже путемъ афишъ «о пріѣздѣ на нѣсколько дней знаменитаго профессора» и, наконецъ, гастроли на различныхъ курортахъ. Всѣ эти поѣздки, кромѣ вреднаго вліянія—разжиганія страсти къ наживѣ и презрѣнія у богачей къ профессорамъ, бросающимъ ради денегъ свое дѣло, имѣютъ и болѣе существенныя невыгодныя стороны: больницы и клиники съ



ихъ массой больныхъ остаются безъ достаточнаго надзора, а лекціи и преподаваніе совсѣмъ прекращаются. На то единственное возраженіе, что нельзя же оставить безъ помощи извѣстныхъ спеціалистовъ и жителя какой-нибудь Тмутаракани, приходится отвѣтить, что этотъ больной, хотя бы и богатый *(къ бѣднякамъ никто не поѣдетъ)*, стоитъ все-таки гораздо дешевле оставленныхъ сотенъ больныхъ и каѳедры.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ; къ сожалѣнію, всѣ такъ привыкли къ экскурсіямъ профессоровъ, что объ этомъ и не пишутъ — дѣло обычное и достойное,—а больничные врачи ѣздятъ обыкновенно въ тихомолку. Проф. Билльротъ [1]) ѣздилъ въ Александрію къ банкиру за 25.000 фр., проф. Neumann [2]) въ Португалію къ королю за 24.337 р. золотомъ, проф. Склифасовскій [3]) изъ Москвы въ Одессу для операціи у Ралли за 11.000 руб., проф. Грубе [4]) изъ Харькова въ Астрахань къ рыбопромышленнику за 5.000 р., онъ же [5]) въ Курскъ (сумма не обозначена), Бергманнъ [6]) въ Петербургъ къ Боголѣпову, Шарко въ Москву и Петербургъ, берлинскій проф. Sonnenburg [7]) пріѣзжалъ въ Одессу дѣлать операцію врачу, и оттуда поѣхалъ къ больнымъ въ Варшаву, Бухарестъ и Константинополь, проф. Шервинскій [8]) ѣздилъ въ Метеру къ богатому фабриканту и отказался заѣхать къ больному земскому врачу, хотя проѣзжалъ мимо самаго дома этого больного (ясно, что не любовь къ заброшеннымъ больнымъ влечетъ отхожихъ промышленниковъ!); проф. Leyden пріѣзжалъ въ Харьковъ къ заболѣвшему воспаленіемъ легкихъ богатому купцу Гладкому [9]). Нѣкоторые изъ пріѣзжавшихъ на съѣздъ въ Москву иностранныхъ профессоровъ устроили буквально лавочки. Наконецъ, промышленныя поѣздки проф. Захарьина сдѣлались «притчей во языцѣхъ». Приведенные примѣры достаточно указываютъ, какъ оплачивается любовь профессоровъ къ *заброшеннымъ* (особенно живущимъ въ университетскихъ городахъ!) больнымъ, какія разстоянія они продѣлываютъ ради этой любви, и сколько времени университеты остаются безъ учителей. Больничные врачи довольствуются десятками и сотнями рублей и тоже ради любви къ больнымъ заѣзжаютъ въ другія губерніи и бросаютъ больницы на нѣсколько дней.

Второй способъ наживы—профессора и больничные врачи или открываютъ свои *частныя больницы*, или, что лучше и безопаснѣе, принимаютъ активное участіе въ больницахъ, открытыхъ на чужое имя. Это явленіе очень распространено и считается такимъ невиннымъ и позволительнымъ, что покойный московскій профессоръ С. С. Корсаковъ, считающійся всѣми идеальнымъ учителемъ, участвовалъ очень дѣятельно въ подобной больницѣ: ни ему, ни его окружающимъ и въ голову не при-

---

[1]) «Врачъ», 1886 г., № 12. [2]) «Врачъ». 1889 г. [3]) «Врачъ», 1890 г., № 17. [4]) «Врачъ», 1891 г., № 6. [5]) «Врачъ», 1891 г., № 9. [6]) «Врачъ», 1901 г., № 8. [7]) «Врачъ», 1899 г., № 30. [8]) «Врачъ», 1890 г., № 14. [9]) «Врачъ», 1898 г., № 44.



ходило, что нельзя успѣть быть въ двухъ мѣстахъ, и что профессура слишкомъ важное и отвѣтственное дѣло, исключающее коммерческія предпріятія. Не ради упрека С. С. Корсакову *), котораго я глубоко уважалъ, привожу я этотъ фактъ (какъ и вышеупомянутое письмо С. П. Боткина), а какъ доказательство громаднаго непреодолимаго вреда отъ ложной системы—частной практики, отъ вліянія которой не могутъ ускользнуть даже лучшіе наши учителя,—что же остается дѣлать обычнымъ врачамъ? Вотъ, напр., что пишетъ екатеринославскій хирургъ **) на обвиненіе, что онъ бралъ за операціи въ больницѣ деньги и принималъ въ больницу за плату своихъ частныхъ больныхъ: «Обвиненіе же возникло на основаніи того, что нѣкоторые мои частные больные, которыхъ я, за неимѣніемъ своей лечебницы и ради соблюденія хирургической асептики, оперировалъ въ земской больницѣ, послѣ выписки изъ больницы продолжали пользоваться у меня на дому или я ихъ посѣщалъ у нихъ на дому, иногда довольно продолжительное время, и въ такихъ случаяхъ я не отказывался отъ гонорара, который они мнѣ предлагали за мой трудъ». Вполнѣ вѣря автору, что плата за операціи въ больницѣ не входила въ гонораръ, получаемый только за посѣщеніе на дому, мы не можемъ согласиться съ его мнѣніемъ о возможности одновременно съ службой имѣть еще свою частную лечебницу: больничные врачи такъ всегда жалуются на утомленіе отъ занятій въ больницѣ, что остается удивляться, какъ они находятъ и время, и силы работать еще въ частной лечебницѣ. Я зналъ два состава врачей въ одной больницѣ, которые работали въ ней съ 9—10 час. утра до 4—5 часовъ пополудни и ни времени, ни силъ и желанія работать въ частныхъ лечебницахъ или заниматься частной практикой у нихъ не было.

Больные, лечащіеся въ больницахъ, также не ускользаютъ отъ аппетита врачей; въ Парижѣ ***) обычное явленіе, что они платятъ врачамъ и за операціи, и за леченіе. У насъ ****) началъ было продѣлывать то же самое казанскій проф. Кузьминъ, но протестъ студентовъ, поддержанный профессорами, прекратилъ эту эксплуатацію больныхъ; продѣлывалось ли то же и въ другихъ университетахъ, мы не знаемъ,

*) И вообще въ своей статьѣ я имѣлъ въ виду изслѣдованіе общихъ условій врачебной жизни и дѣятельности, а не обличеніе отдѣльныхъ лицъ, почему факты приводилъ я въ подтвержденіе моихъ положеній, а фамиліи русскихъ врачей сообщалъ только тамъ, гдѣ это было безусловно необходимо. Конечно, одни врачи виновнѣе другихъ, но не въ одномъ исправленіи ихъ,—что также очень важно,—суть дѣла, а въ коренномъ измѣненіи общей системы, дѣлающей уродливыя явленія обычными и заставляющей и всѣхъ остальныхъ, какъ смотрящихъ черезъ призму этой ложной системы, удаляться болѣе или менѣе далеко отъ требованій науки и справедливости.

**) «Врачъ», 1902 г., №№ 4 и 12.

***) «Врачъ», 1899 г., № 19.

****) «Врачъ», 1896 г., № 24.

но былъ изданъ министерствомъ циркуляръ, запрещающій профессорамъ брать вознагражденіе съ больныхъ въ клиникахъ. Къ чему приводитъ практика и страсть къ наживѣ: больницы и даже клиники обращаются въ лавочки!

Особенно сильна конкурренція врачей и борьба изъ-за паціентовъ на всевозможныхъ *курортахъ*; сюда съѣзжаются все богатые больные, почва для наживы подходящая, и большіе практики увозятъ отсюда за 2—3 мѣсяца тысячи и даже десятки тысячъ руб.,—есть отчего глазамъ разбѣжаться. Во всѣ лучшіе курорты во время сезона являются десятки профессоровъ, ассистентовъ и мелкихъ практиковъ, и начинается охота, которая хорошо извѣстна всѣмъ бывавшимъ на водахъ и потому ограничимся нѣсколькими примѣрами *). «Новое Время» сообщало, что на русскихъ курортахъ врачи прибѣгаютъ къ наемнымъ хвалителямъ, подкупаютъ служителей и пр.; въ одномъ подобномъ городѣ 7 врачей добились того, что городской голова расклеилъ объявленія по городу и рекомендовалъ въ нихъ только этихъ семерыхъ изъ 60 бывшихъ въ городѣ. Одинъ бывшій на кавказскихъ водахъ врачъ писалъ, что въ гостинницахъ продаются списки практикующихъ врачей съ подчеркиваніемъ «лучшихъ» изъ нихъ.

Правительственный купальный врачъ въ Гапсалѣ распорядился, что всѣ больные должны были являться къ нему и представлять предписанія другихъ врачей съ обозначеніемъ болѣзни и способа леченія, онъ безъ всякой нужды осматривалъ этихъ больныхъ, за осмотръ бралъ деньги и давалъ разрѣшеніе на своей частной карточкѣ, рекламирующей его кабинетъ. То же было и на курьинскихъ водахъ, гдѣ нельзя было купить въ аптекѣ даже кастороваго масла безъ рецепта завѣдующаго водами врача. За границей дѣло ведется проще и открытѣе. Въ Америкѣ на теплыхъ водахъ въ Арканзасѣ 40 врачей содержатъ особыхъ глашатаевъ, которые на желѣзныхъ дорогахъ, въ гостинницахъ расхваливаютъ искусство и пр. своихъ патроновъ; на плату глашатаямъ уходитъ около половины врачебнаго заработка. Городское управленіе, желая уничтожить эту позорную профессію, обложило зазывателей налогомъ и думало,что они не явятся, но ошиблось: явилось 21 человѣкъ за разрѣшеніемъ. Французскія медицинскія газеты удостовѣряютъ, что эти зазыватели есть и во Франціи, а «Врачъ» прибавляетъ, что у насъ на Кавказскихъ водахъ творится тоже самое: явились особые «корреспонденты», хвалящіе однихъ и ругающіе другихъ врачей.

## XV.

Взаимныя отношенія врачей составляютъ любопытную страницу изъ жизни интеллигенціи и еще разъ подтверждаютъ неправильность

*) «Врачъ», 1886 г., № 27, 1886 г., № 34, 1889 г., №№ 25 и 29; 1890 г., № 33.

существующей формы вознагражденія—частной практики. Начать съ того, что по внѣшности отношенія врачей наиболѣе близки и дружественны, разговоръ врачей такъ и уснащенъ ласкающими слухъ «товарищъ», «коллега», но въ дѣйствительности эти слова звучатъ насмѣшкой, и настоящая коллегіальность, если и сохраняется гдѣ-либо, то между не занимающимися практикой служащими и особенно земскими врачами, которымъ не приходится дѣлить рубля. Между прочимъ, вражда многихъ мужчинъ-врачей къ женщинамъ-врачамъ также основана на боязни конкуренціи и притомъ въ самой доходной области—гинекологіи. Вражда врачей-практиковъ и ихъ личныя отношенія другъ къ другу такъ хорошо извѣстны и сдѣлались такой «притчей во языцѣхъ», что много распространяться объ этомъ не стоитъ. Крупные практики и, къ сожалѣнію, даже профессора *) у насъ и на Западѣ нисколько не стѣсняются дѣлать презрительные жесты и мины при больныхъ относительно лечившихъ ихъ провинціальныхъ врачей; затѣмъ многіе и обычные врачи считаютъ возможнымъ болѣе или менѣе рѣзко порицать при больныхъ ранѣе лечившихъ ихъ врачей; менѣе сдержанные прямо-таки поносятъ всѣхъ безъ исключенія бывшихъ до нихъ врачей и въ то же время находятъ возможность продолжать съ ними знакомство, но, что всего страннѣе, и ругаемые жмутъ охотно руку поносителя. Рознь врачей не можетъ удержаться скрытно и прорывается всякими дрязгами и крупными скандалами, главныя причины которыхъ: «не подѣлили практику». Чтобы погубить противника, коллеги не стѣсняются прибѣгать ко всякой клеветѣ въ неправильномъ леченіи и даже отравленіи больныхъ **); болѣе пылкіе ***) не удерживаются и доходятъ до избіеній (записанъ даже случай убійства изъ-за практики), суда чести или общаго суда. Медицинскій журналъ ежегодно сообщаетъ о десяткахъ подобныхъ случаяхъ, а сколько «сору» остается еще дома! На Западѣ борьба врачей принимаетъ еще болѣе острый характеръ; такъ, напр., судья присудилъ къ штрафу двухъ венгерскихъ врачей за постоянныя препирательства и скандалы изъ-за практики и запретилъ имъ поджидать у вокзала для зазыванія къ себѣ больныхъ. Вѣдь это уже совсѣмъ публичная торговля собой и даже со скандалами!

«Коллегіальность» врачей характеризуется еще двумя фактами. По установившемуся изстари обычаю, врачи другъ друга лечатъ безплатно, но въ послѣднее время крупные спеціалисты и профессора все чаще и чаще стали подъ разными предлогами уклоняться отъ этого обычая: лечить безплатно не хочется, а деньги взять стыдно, такъ

*) «Врачъ», 1885 № 8. 1886. № 35. 1899. № 5. 1900. № 16 и 26 1900. № 39. 1900. № 36. 1889. № 32. 1884. № 46. 1884. № 31. 1900. № 6.

**) ***) «Врачъ», 1885. № 8. 1886. № 35. 1899. № 5. 1900. № 16 и 26. 1900. № 39. 1900. № 36. 1889. № 32. 1884. № 46. 1884. № 31. 1900. № 6.



что поднимаются уже голоса въ медицинскихъ журналахъ о полномъ уничтоженіи этого обычая, такъ какъ больнымъ врачамъ изъ-за него приходится оставаться безъ леченія. Другой фактъ: наши вспомогательная касса и благотворительные капиталы, въ силу малаго числа участниковъ, влачатъ жалкое существованіе, такъ что бѣдные западные рабочіе и то лучше поддерживаютъ своими кассами нуждающихся! Что враждебныя отношенія между врачами преимущественно обусловливаются борьбой изъ-за практики, доказывается также слѣдующими двумя противоположными явленіями. Враждуютъ обыкновенно причастные къ охотѣ за больными профессора и городскіе врачи, а земскіе участковые врачи живутъ обыкновенно очень дружно. Особенно рѣзко сказывается это на Пироговскихъ съѣздахъ, гдѣ собравшіеся земскіе врачи дѣйствуютъ согласно между собой, и хотя ихъ бываетъ на съѣздѣ только 10—20% всѣхъ членовъ, всѣ вопросы и выборы рѣшаются обыкновенно по ихъ усмотрѣнію. Большинство же членовъ съѣзда, состоящее изъ профессоровъ, городскихъ и вольнопрактикующихъ врачей, выходитъ изъ себя отъ такого вліянія земскихъ врачей, но никакъ не можетъ спѣться между собой, разъединяемое всякими личными счетами и вопросами конкуренціи. Второй фактъ иного рода: врачи-практики, обыкновенно разныхъ спеціальностей, иногда объединяются между собой... и опять-таки для совмѣстной практики. Къ нашему позору, эти сдѣлки разныхъ спеціалистовъ принимаютъ иногда возмутительный характеръ.

На это указывалъ въ 1889 г. проф. Le-Fort. Разбирая причины, почему нѣкоторые современные хирурги прибѣгаютъ къ операціямъ чаще, чѣмъ слѣдовало бы, этотъ авторъ указываетъ на одну причину, существующую во Франціи и справедливо признаваемую имъ позоромъ для врачебнаго сословія: «Торговыя привычки, допустимыя и логическія въ профессіяхъ, законная и признанная цѣль которыхъ заключается въ добычѣ денегъ, проникли и въ медицину. Хирургъ платитъ извѣстный % терапевту, доставляющему ему случай произвести операцію или даже просто быть приглашеннымъ на совѣтъ. Такимъ образомъ терапевтъ получаетъ $1/4$—$1/3$ и даже $1/2$ того гонорара, который хирургъ имѣлъ бы право получить для себя. Изобрѣтено для этого даже и новое слово—дихотомическое дѣленіе. Вслѣдствіе этого, терапевтъ ищетъ уже не того хирурга, который могъ бы дать ему наилучшій совѣтъ, предложить и примѣнить наилучшее леченіе, а того, который сдѣлаетъ ему наибольшую скидку. Но такъ какъ операція оплачивается гораздо дороже, чѣмъ неоперативное леченіе, какъ бы хорошъ ни былъ результатъ послѣдняго, то и терапевтъ, и хирургъ заинтересованы сообща въ томъ, чтобы предложить и убѣдить больного принять операцію, безъ которой, быть можетъ, и можно было бы обойтись. Изъ такихъ печальныхъ сдѣлокъ естественно вытекаетъ подчасъ невѣроятное повышеніе гонораровъ хирурга». Дальше приба-

вляетъ авторъ, «это зло сдѣлалось настолько гласнымъ, что торговцы цинически предлагаютъ намъ особыми циркулярами скидку съ приборовъ, машинъ и пр., которые мы назначаемъ больнымъ» *). «Новое Время» (1902, № 85) указываетъ, что и русскіе хирурги очень часто стали прибѣгать къ операціямъ, назначая за нихъ большіе гонорары отъ 500 до 2.000 руб. самой «знаменитости» и 50—60% съ этой суммы ассистенту и на другіе расходы. Газета полагаетъ, что для обузданія хирурговъ необходимо ввести такой порядокъ, что въ случаѣ печальнаго исхода операціи гонораръ долженъ возвращаться родственникамъ или идти на благотворительныя дѣла. Всѣ подобныя предложенія не приведутъ ни къ чему, пока между врачомъ и больнымъ существуютъ денежные разсчеты.

Повидимому, то же практикуется и въ Америкѣ **). Здѣсь слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ соглашеніи врачей, практикующемся за границей, особенно во Франціи ***); городскіе и деревенскіе вольнопрактикующіе врачи, переѣзжая въ другое мѣсто, продаютъ практику въ первомъ кому-либо изъ молодыхъ товарищей; какъ относится населеніе къ такой продажѣ несуществующихъ правъ на ихъ леченіе, намъ не пришлось встрѣтить указаній, но, во всякомъ случаѣ, для населенія это едва ли желательный обычай.

Мнѣніе публики о *сдѣлкахъ врачей съ аптекарями* имѣетъ свое основаніе: хотя и вступаютъ въ такія сдѣлки немногіе врачи, но они создаютъ этимъ славу и для остальныхъ. Сдѣлка обыкновенно состоитъ въ томъ, что врачъ направляетъ свои рецепты только въ извѣстную аптеку, пишетъ часто свои рецепты условными знаками, понятными только для этой аптеки, безъ нужды прописываетъ болѣе дорогія средства, а аптекарь въ свою очередь расхваливаетъ этого врача и выплачиваетъ ему $^1/_4$—$^1/_3$ стоимости прописанныхъ рецептовъ. Въ просмотрѣнныхъ №№ «Врача» ****) мы нашли подобныя указанія на канадскихъ врачей, французскихъ, берлинскихъ, московскихъ и петербургскихъ. Что не безъ изъяна въ этомъ отношеніи и въ другихъ мѣстахъ, доказываютъ протесты врачебныхъ обществъ противъ такихъ сдѣлокъ. Въ Берлинѣ заняты вопросомъ о мѣрахъ, которыми можно было-бы предотвратить эти сдѣлки; выступило противъ нихъ и медицинское общество въ Калифорніи. Въ Австріи была даже внесена въ новый проектъ уголовныхъ законовъ статья, присуждающая къ штрафу и врача, берущаго подарки отъ аптекъ, и аптекаря, дающаго эти подарки.

Еще болѣе распространена, или по крайней мѣрѣ объ ней болѣе

---

*) «Врачъ», 1889. № 25.

**) «Врачъ», 1900. № 13.

***) «Врачъ», 1885. № 42.

****) «Врачъ» 1889 г. №№ 47 и 51; 1889, № 14; 1889, № 32; 1889, № 47; 1890, № 15; 1886, № 10; 1891, № 26; 1889, № 45.



извѣстно, дѣятельность врачей по обиранію публики путемъ *патентованныхъ и тайныхъ средствъ*. Нѣкоторые врачи берутъ патенты на изобрѣтенные имъ приборы, лекарства и даже тайныя средства. Особенно характерно, что вещи, входящія въ составъ этихъ средствъ, стоятъ гроши, а изобрѣтатели берутъ за нихъ въ 10—100 и болѣе разъ дороже; это уже одно должно бы указать публикѣ на главную цѣль этихъ изобрѣтеній, но страдающая публика неудержимо покупаетъ ихъ и расходуетъ на нихъ громадныя средства: въ Англіи доходъ государства отъ налога на патентованныя средства съ 1890 г. былъ 1.423.270 руб. *), а сколько милліоновъ переплатила за нихъ публика! Изобрѣтатели, конечно, не гнушаются никакими рекламами и средствами для обмана публики и сбыта своихъ продуктовъ; чтобы уловить болѣе легковѣрныхъ больныхъ, изобрѣтаютъ главнымъ образомъ средства противъ длительныхъ и неизлечимыхъ болѣзней: чахотки, рака и особенно противъ секретныхъ болѣзней. Въ настоящее время въ нѣкоторыхъ медицинскихъ газетахъ и еще болѣе въ общей прессѣ **) появляется масса объявленій о патентованныхъ, вновь открываемыхъ и иныхъ средствахъ; разсылается также масса всевозможныхъ объявленій и брошюръ главнымъ образомъ отъ заграничныхъ изобрѣтателей и аптекарскихъ фирмъ, причемъ онѣ, для лучшаго успѣха, содержатъ не рѣдко восторженные отзывы профессоровъ и врачей: обоюдное одолженіе—реклама средства, реклама и профессора. Французская врачебная печать пошла еще дальше, и яркія рекламы о всякихъ средствахъ помѣщаетъ подъ видомъ научныхъ статей. Не безъ того и въ Германіи, такъ какъ нѣмецкій съѣздъ естествоиспытателей и врачей въ 1900 г. высказался опредѣленно противъ рекламированія новыхъ средствъ, и дѣйствительно пора давно начать борьбу съ этимъ зломъ. Нѣсколько примѣровъ. На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить сильно нашумѣвшихъ въ свое время Феррана, Коха и Адамкевича. Въ 1885 г. испанскій врачъ Ферранъ во время холеры въ Испаніи изобрѣлъ тайное средство противъ холеры и, пользуясь огромнымъ бѣдствіемъ населенія, заработалъ большія деньги. Цѣль своего изобрѣтенія и скрыванія его въ секретѣ Ферранъ высказывалъ открыто, когда къ нему явилась французская коммиссія изъ профессоровъ, онъ прямо заявилъ имъ, что не ознакомитъ ихъ съ своимъ «секретомъ, могущимъ принести ему хорошія деньги. «Если-бы меня наградили такъ, какъ въ Германіи Коха, а во Франціи Пастера, то я описалъ бы свое открытіе, ибо никакая слава въ мірѣ не въ состояніи обезпечить безбѣднаго существованія моимъ дѣтямъ». У всѣхъ еще въ па-

---

*) «Врачъ» 1891 г. № 30.

**) «Врачъ» 1885 г. № 27 и др. 1899, № 11; 1899, № 12; 1891, № 9; 1889, № 29; 1889, № 32; 1899, № 33; 1890, № 18; 1890, № 8; 1891, № 32; 1891, № 36; 1884, № 40; 1886, № 28; 1886, № 30; 1899, № 29; 1900, № 37; 1900, № 39; 1898, № 12.

мяти не менѣе прискорбная исторія Koch'а съ его пресловутымъ туберкулиномъ, принесшимъ такъ много вреда больнымъ и такъ много дохода изобрѣтателю и его присным. Менѣе нашумѣлъ Вѣнскій проф. Адамкевичъ съ своимъ тайнымъ средствомъ противъ рака, и, несомнѣнно, что, не смотря на свой провалъ, онъ также остался не въ убыткѣ. Но что особенно печально для первыхъ двухъ исторій, что не только публика и больные, хватающіеся за всякую соломинку, но многіе представители науки, профессора и врачи также легкомысленно увлеклись этими открытіями и во очію доказали всю шаткость нашей науки и недостаточность нашихъ познаній по леченію больныхъ: паломничества профессоровъ и разныхъ коммиссій изъ всѣхъ странъ въ Испанію и Берлинъ, къ Феррану и Коху, широкіе опыты надъ больными и проклятія всѣхъ протестующихъ противъ увлеченія этими пуфами. Не можемъ не вспомнить здѣсь, какъ справедливо и научно относился къ этимъ тайнымъ открытіямъ великій знатокъ науки и врачей, Вячеславъ Авксентьевичъ Манассеинъ, подвергавшійся за это насмѣшкамъ и ругательствамъ со стороны многихъ профессоровъ и печати! Нѣсколько мелкихъ примѣровъ изъ многихъ сотенъ эксплуатированія публики: парижскій проф. Potain прописываетъ патентованыя средства, дублинскій врачъ взялъ патентъ на новое обеззараживающее средство, американскій врачъ на приборъ леченія чахотки горячимъ воздухомъ, проф. Тарханъ-Моуравовъ на препараты изъ тота-бѣлка, два врача въ Бельфастѣ на приборъ для остановки кровотеченій послѣ родовъ, два Берлинскихъ врача продаютъ свое имя торговцамъ всякими тайными и патентованными средствами, вѣнскій врачъ Schaffer въ врачебной газетѣ расхваливаетъ тайное средство, лондонскій врачъ Roberts лечилъ больныхъ пресловутымъ средствомъ Mattei, а у насъ, по словамъ «Врача», этимъ средствомъ лечили, съ согласія врача, ректора одного университета и т. д. и т. д. безъ конца.

Какими путями распространяются эти средства? Обычнымъ путемъ уступокъ и гонорара. Французскій врачъ предлагаетъ товарищамъ распространять его патентованыя средства за 25% уступки въ пользу рекомендующихъ. Германскій врачъ Oidtmann свое патентованное слабительное разсылаетъ въ гостинницы, предлагая хозяевамъ 25% уступки за распространеніе ихъ среди путешественниковъ. Но дальше всѣхъ пошелъ одинъ французскій врачъ, который предлагаетъ католическому духовенству распространять среди города три патентованныхъ средства, за что 30% съ выручки будетъ отдаваться на открытіе католической школы среди протестантскаго населенія,—для большаго успѣха игра на почвѣ религіозной нетерпимости, гдѣ же граница для духа наживы и обмана публики?

Раздаются и протесты, хотя довольно рѣдко. Англійская врачебная газета находитъ несовмѣстимымъ съ достоинствомъ врача брать патенты. Нью-іоркское медицинское общество исключило одного врача

за распространеніе своего патентованнаго средства, «а у насъ въ Россіи,—говоритъ «Врачъ»,—честные люди не гнушаются пожимать руки берущимъ патенты на свои изобрѣтенія! Мало того: по добродушію даже подписываютъ свои фамиліи подъ ихъ рекламами!» Дѣйствительно, мы такъ опутаны сѣтью всякой наживы она такъ пропитываетъ всѣ наши отношенія, а духъ ласково такъ овладѣваетъ всѣми, что безъ строгаго наблюденія за своими поступками очень легко попасть въ просакъ!

Остается сказать еще объ одномъ наиболѣе позорномъ способѣ обиранія публики—*о соглашеніи врачей съ шарлатанами* и *самозванными лечителями*. Безсиліе во многихъ случаяхъ медицины, малое развитіе не только народа, но и культурнаго общества, установившіяся на почвѣ частной практики, неправильныя отношенія врачей къ больнымъ и публикѣ заставляютъ многихъ больныхъ, не только неизлечимыхъ, но и вполнѣ излечимыхъ лечиться помимо врачей у всевозможныхъ *благодѣтелей*, имъ же нѣсть числа. Лечится у знахарей и бабокъ не только нашъ русскій народъ—ему это простительно, но представители нашего высшаго общества и интеллигенція,—вспомнимъ Гачковскаго, Вревскаго, Кузьмича, Mattei, Кнейппа и др., и что еще страшнѣе, Западъ въ этомъ отношеніи нисколько не уступаетъ намъ и ведетъ даже счетъ своимъ шарлатанамъ *). Въ Саксоніи въ 1900 г. было 1.578 шарлатановъ, почти столько же, сколько и врачей; по даннымъ д-ра Alexander'а, въ Германіи насчитывается 12.000 шарлатановъ, изъ нихъ въ Шлезіи 412, въ Саксоніи 950, въ Баваріи 1.168, въ одномъ Берлинѣ 476, причемъ въ этомъ городѣ за послѣднія 20 лѣтъ населеніе увеличилось на 61%, а число шарлатановъ на 1.600%, слѣдовательно, съ развитіемъ народа число этихъ лечителей не уменьшается, а возрастаетъ. Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить важное благотворное вліяніе нашей безплатной земской медицины, незнакомой Западу: по общимъ наблюденіямъ, число знахарей у насъ въ народѣ значительно уменьшилось и они сдѣлались менѣе вредоносны, а на Западѣ шарлатанство увеличивается. Вредъ отъ этихъ шарлатановъ, по даннымъ того же Alexander'а, очень великъ: за семь лѣтъ въ прусскихъ судахъ разбиралось 177 дѣлъ и въ Шлезіи 164 дѣла о смерти и поврежденіяхъ, причиненныхъ леченіемъ шарлатановъ; въ Пруссіи въ послѣднее время поднятъ даже вопросъ о необходимости законодательной борьбы съ возрастающимъ шарлатанствомъ.

Борьба борьбой, а прежде всего слѣдуетъ обезпечить всему населенію безплатную медицинскую помощь, безъ которой всякая борьба будетъ безплодна. Успѣхъ шарлатановъ обусловливается, между про-

*) «Врачъ», 1902 г., № 11; 1901 г., № 17; 1902 г., № 4; 1899 г. № 2; 1896 г. №№ 1 и 7; 1891 г., № 19; 1899 г., № 25; 1899 г., № 46; 1886 г., № 10; 1886 г. №№ 30 и 52; 1900 г., № 13; 1898 г., № 22; 1898 г., № 15; 1899 г., № 1.



чимъ, и массой выпускаемыхъ ими объявленій, рекламъ съ приношеніемъ благодарностей отъ всевозможныхъ и иногда не маленькихъ по положенію лицъ; за границей эти рекламы и брошюры расходятся десятками и сотнями тысячъ, да и у насъ о кузьмичевой травѣ разошлись, вѣроятно, многія тысячи рекламъ. Хотя шарлатанство и практикуется вездѣ болѣе или менѣе свободно, но во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, суда и для вящей рекламы нѣкоторые шарлатаны считаютъ необходимымъ держать при себѣ... настоящихъ врачей, а эти врачи не считаютъ для себя позорнымъ прикрывать этихъ знахарей и еще болѣе ронять въ глазахъ публики значеніе медицины. Формы этихъ соглашеній разнообразны; приведемъ нѣсколько примѣровъ. Во Франціи профессоръ и врачи прикрываютъ своимъ именемъ ортопедическій институтъ, гдѣ въ дѣйствительности лечатъ хозяева этого заведенія: аббатъ и его сестра. Гипнотизеру Фельдману сотрудничаютъ врачи, а въ Москвѣ и другихъ городахъ его даже приглашаютъ сами врачи къ больнымъ. Въ Парижѣ одна сомнабулистка лечила валомъ валившую къ ней публику, врачъ былъ при ней помощникомъ и получалъ по 2 фр. за часъ; то же продѣлывалъ одинъ врачъ въ Вѣнѣ. Въ Берлинѣ у шарлатана Becker'а, лечившаго черезъ письма, на жалованьи было три врача, подписывавшихъ его рецепты и получавшихъ по 6.000 мар. въ годъ. Въ одной изъ южныхъ русскихъ газетъ одинъ врачъ расхваливалъ какого-то Кондораки, какъ знаменитаго окулиста, вылечивающаго даже такихъ больныхъ, отъ которыхъ отказались извѣстные спеціалисты. Въ Кіевѣ другой врачъ лечилъ вмѣстѣ съ знахаремъ Немировымъ, но рецептъ подписывалъ не своей фамиліей. У всякихъ Кнейпповъ, Mattei и пр. есть также на содержаніи врачи. Конечно, врачей, продающихъ себя знахарямъ, еще немного, но важенъ самый фактъ такой самопродажи. Какое же право имѣютъ врачи порицать публику за леченіе у знахарей, когда къ нимъ на службу идутъ врачи? и когда сами врачи совѣтуютъ больнымъ обратиться къ тому или другому самозванному лечителю? А развѣ вышеописанныя исторіи Коха и Феррана и торговля врачей патентованными и тайными средствами тоже не шарлатанство?

И вотъ пока между больными и врачами будутъ непосредственныя денежныя отношенія, до тѣхъ поръ нечего и думать о настоящей борьбѣ со всѣми видами рекламы и шарлатанства и о побѣдѣ науки. Всякая торговля собой, будь то тѣломъ или головой, неизбѣжно ведетъ за собой всякія извращенія и злоупотребленія.

## XVI.

Покончивъ съ «практикой» и вызываемыми ею вредными условіями для врачей, больныхъ и всего общества, посмотримъ на другую форму врачебнаго дѣла, форму, существующую только въ Россіи, которая въ

этомъ отношеніи, благодаря земству, превзошла Западъ. Русскихъ врачей нужно строго раздѣлять на двѣ группы: *врачей общественныхъ* и *врачей-практиковъ*; къ послѣднимъ нужно отнести также большинство больничныхъ и, къ сожалѣнію, очень, очень многихъ профессоровъ; между этими двумя группами есть переходныя ступени; вторая группа пока гораздо больше первой, знакомѣе городскому населенію, и потому когда говорятъ о врачахъ, то имѣютъ въ виду врачей-практиковъ.

Говорить много объ общественныхъ врачахъ мы не думаемъ, имъ слѣдуетъ посвятить особую статью, а здѣсь постараемся только указать на особенности, отличающія ихъ отъ врачей-практиковъ. Общественная медицина дѣло недавняго времени, она явилась съ основаніемъ земства т.-е. менѣе 40 лѣтъ; земство впервые сознало необходимость общей врачебной помощи, основанной на принципѣ взаимнаго страхованія позже устроено это дѣло, по образцу земскаго, въ неземскихъ губерніяхъ, и только въ послѣднее время послѣдовали этому же примѣру города, пока еще очень немногіе. Итакъ, не считая фабричныхъ и заводскихъ врачей, въ настоящее время группу общественныхъ врачей составляютъ земскіе, сельскіе и думскіе. *Сельскіе* врачи въ неземскихъ губерніяхъ составляютъ сколокъ съ земскихъ врачей, но ихъ дѣятельность пока не можетъ развиться вполнѣ въ виду строго опредѣленныхъ штатовъ, отсутствія гласности, критики и общей организаціи; сельская медицина сравняется по своему значенію съ земской только при учрежденіи земства, какъ общественнаго начала, дѣйствующаго сообразно съ мѣстными нуждами, а не съ однообразными административными указаніями. *Думская* медицина также есть подражаніе земской, но она пока еще не есть вполнѣ общественная медицина, такъ какъ большинство думскихъ врачей, прежде всего, практики, а потомъ уже общественные врачи; вынуждаютъ ихъ заниматься практикой вѣковыя традиціи, недостаточное вознагражденіе и зараза отъ остальныхъ городскихъ товарищей, собирающихъ большіе гонорары. Наши думы на столько недальновидны и такъ убѣждены въ необходимости для каждаго врача частной практики, что назначаютъ своимъ врачамъ небольшое жалованье, предоставляя все остальное добирать погоней за практикой, которая, въ концѣ концовъ, становятся погоней за таковой и главнымъ дѣломъ, а думская работа отходитъ на второй планъ, какъ досадная необходимость, мало занимающая врача. Между тѣмъ санитарная служба совершенно несовмѣстима съ практикой, ибо санитарный врачъ долженъ быть независимъ и вести борьбу съ фабрикантами, домовладѣльцами и пр., а можетъ ли это дѣлать врачъ, жаждущій, чтобы эти состоятельныя лица лечились у него, и тутъ трудно разобрать, гдѣ кончается гонораръ и начинается взятка. Думскіе же санитарные врачи часто практики; одинъ примѣръ: въ одномъ крупномъ и требующемъ массы санитарной работы городѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ санитарный врачъ, который, несмотря на вполнѣ доста-

точное жалованье въ 2.000 или 2.400 руб., ухитрился быть врачомъ большого учебнаго заведенія, имѣющаго больницу, преподавалъ гигіену въ одномъ или двухъ учрежденіяхъ и былъ однимъ изъ крупныхъ практиковъ города. И когда дума, вѣроятно, желая избавить его отъ такой чрезмѣрной изнурительной работы, уволила этого врача, то онъ былъ очень обиженъ, а другіе врачи и нѣкоторые изъ общества сочли его невинно пострадавшимъ,—таковъ городской взглядъ на задачи общественнаго и къ тому санитарнаго, а не лечащаго врача.

Поэтому настоящими общественными врачами пока являются только *земскіе врачи* и изъ нихъ преимущественно санитарные и участковые, живущіе въ деревняхъ; больничныхъ же въ уѣздныхъ, о губернскихъ больницахъ мы уже и не говоримъ,—также нерѣдко заѣдаетъ практика, въ участкахъ же она очень незначительна и составляетъ неизбѣжное зло, отъ котораго настоящіе земскіе врачи всячески отбиваются, стараясь и состоятельныхъ жителей своего участка обратить въ обычныхъ безплатныхъ паціентовъ, т.-е. чтобы они посѣщали земскія амбулаторіи и не требовали выѣздовъ къ себѣ, кромѣ экстренныхъ случаевъ. Есть, конечно, практики pur sang и среди земскихъ участковыхъ врачей, но это печальное исключеніе.

Что же такое общественный врачъ, вылившійся въ лицѣ земскаго врача? Земскій врачъ явился на Руси тогда, когда среди народа и для народа не было интеллигентныхъ работниковъ; народъ, кромѣ полиціи и помѣщиковъ, видѣлъ и зналъ только уѣздныхъ врачей, пріѣзжавшихъ «потрошить мертвыя тѣла»; *земскій врачъ сталъ первымъ народнымъ работникомъ, живущимъ среди народа.* Не будучи связанъ съ отдѣльными лицами какими-либо разсчетами и являясь представителемъ принципа взаимопомощи или общаго страхованія, единственно цѣлесообразнаго и раціональнаго во всякихъ бѣдствіяхъ, земскій врачъ съ первыхъ шаговъ взглянулъ совершенно правильно на свои задачи, что онъ врачъ не отдѣльныхъ больныхъ, а врачъ всего общества своего участка, и что онъ долженъ не только лечить отдѣльныхъ больныхъ, но, главнымъ образомъ, бороться со всѣми условіями, вызывающими болѣзни. Дореформенная Россія была крайне невѣжественна и полна предразсудковъ, и земскіе врачи обратили особое вниманіе на просвѣщеніе народа, устройство школъ, народныя чтенія, бесѣды, распространеніе гигіеническихъ свѣдѣній черезъ амбулаторіи и больницы. Самые первые врачи доказывали необходимость близкаго общенія съ народомъ, участія въ сходахъ, гдѣ врачъ долженъ былъ разъяснять значеніе санитарныхъ мѣръ, правильнаго отношенія къ больнымъ, эпидеміямъ, вредъ отъ знахарства и всевозможныхъ предразсудковъ и т. д. Также широко и справедливо смотрѣлъ на дѣло нашъ великій учитель Н. И. Пироговъ, сказавшій при учрежденіи земской медицины такія пророческія слова: «Земской медицинѣ придется бороться съ невѣжествомъ народныхъ массъ и видоизмѣнить цѣлое ихъ міровоззрѣніе!» Мало того:

земство въ началѣ своей дѣятельности крайне затруднялось, какъ поставить и вести земское дѣло; земскіе врачи явились самыми дѣятельными помощниками, а иногда и учителями земцевъ не только относительно выработки основъ и устройства врачебной, но и другихъ отраслей земскаго дѣла. Между прочимъ, это высказалъ на смоленскомъ губернскомъ земскомъ собраніи гласный, бывшій предсѣдатель Новгородской губернской управы А. Н. Поповъ, искренне благодарившій врачей за это содѣйствіе и порицавшій нѣкоторыхъ изъ нихъ за то, что они злоупотребляютъ своимъ вліяніемъ и заботятся только объ улучшеніи своего врачебнаго дѣла, забывая о другихъ земскихъ нуждахъ. Если это и справедливо, то только относительно нѣкоторыхъ земскихъ врачей и опять-таки, главнымъ образомъ, служащихъ въ уѣздныхъ и губернскихъ больницахъ, которые, искусившись практикой, видятъ все только въ лечебной медицинѣ. Большинство земскихъ врачей до сихъ поръ не забываетъ, что они не только лечители, но и проводники санитаріи и земскіе люди, обязанные заботиться о просвѣщеніи и благосостояніи народа, безъ которыхъ не можетъ идти хорошо и врачебное дѣло. Возьмите любые протоколы съѣздовъ земскихъ врачей, чуть ли не вся крестьянская жизнь развертывается передъ вами: школьное дѣло съ чтеніями, бесѣдами и продажей книгъ, ясли, эпидеміи, сифилисъ, оспопрививаніе, водоснабженіе, врачебно-продовольственное дѣло, санитарное состояніе фабрикъ и заводовъ, изслѣдованіе и описаніе селеній, тѣлесныя наказанія, движеніе народонаселенія, заболѣваемость, рабочій день, отхожіе заработки, питомническій промыселъ и пр. Все, что составляетъ деревенскую жизнь и отъ чего зависитъ здоровье населенія, близко врачу, и онъ по мѣрѣ своихъ силъ борется съ окружающимъ его зломъ.

И не одними словами и рѣчами на съѣздахъ ограничиваются земскіе врачи; они во всемъ перечисленномъ принимаютъ самое активное участіе, отдаютъ свое время, здоровье и часто свои небольшія средства на школы, волшебные фонари и книги, ясли, помощь голодающимъ. Если пока сдѣлано мало, то и работниковъ-то на всю Россію немного, да и зло слишкомъ велико, чтобы справиться съ нимъ въ теченіе 30 лѣтъ, но важно то, что земскіе врачи стоятъ на правильномъ пути. Не упускаютъ они и лечебной части,—это доказывается переполненіемъ земскихъ больницъ, успѣхами земской хирургіи и тысячами больныхъ являющихся въ амбулаторіи, а вѣдь еще 30 лѣтъ назадъ крестьянинъ боялся врача и видѣлъ въ немъ чиновника и «потрошителя». Вотъ въ немногихъ штрихахъ типъ земскаго врача—онъ общественный дѣятель въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, видитъ зло не въ болѣзни отдѣльнаго лица, а во всей окружающей болѣзнетворной обстановкѣ, съ устраненіемъ которой и ведетъ борьбу; его интересы и въ личномъ отношеніи тѣсно связаны съ интересами населенія: получая опредѣленное жалованье (часто весьма недостаточное),

онъ не долженъ ничего выжимать изъ больныхъ; его работа будетъ тѣмъ меньше и плодотворнѣе, чѣмъ здоровѣе будетъ населеніе и лучше его обстановка. У земскаго врача нѣтъ ни повышеній, ни наградъ, ни погремушекъ, которыми полна жизнь многихъ служащихъ, поэтому всѣ его помыслы и надежды направлены на его дѣятельность и работу; въ развитіи дѣла и успѣхѣ дѣятельности—его высшая и единственная награда. Большинство городскихъ служащихъ и чиновниковъ обыкновенно недовольны своей службой, она для нихъ только *средство* для жизни, а занятіе земскаго врача составляетъ для него *цѣль*; не стѣсненный рамками и не увлекаемый внѣшностями, земскій врачъ влагаетъ въ дѣло свою душу, не ограничиваетъ своей работы часами и всѣ свои силы прилагаетъ для развитія своего дѣла. Чиновнику не нужно бороться, онъ плыветъ по разъ установленному руслу, а земскій врачъ есть инииціаторъ и борецъ, онъ долженъ расчищать дорогу и бороться съ массой всякихъ препятствій. Земскій врачъ есть истинный другъ деревни и населенія, чѣмъ должны быть и всѣ врачи; многіе земскіе врачи пользуются искренней любовью населенія, каковая рѣдко достается на долю практиковъ и только тѣхъ изъ нихъ, которые по духу врачи общественные, врачи бѣдняковъ.

## XVII.

Статья кончена. Не на все въ ней отвѣчено В. Вересаеву, и далеко не исчерпано все, что интересно публикѣ и что слѣдовало бы сказать ей о врачахъ и врачебномъ дѣлѣ. Въ нашей статьѣ приведено несравненно больше отрицательнаго, чѣмъ положительнаго о врачахъ, и читатели могутъ подумать, что врачебное сословіе, дѣйствительно, наихудшая часть по своей дѣятельности и убѣжденіямъ изъ всего остального интеллигентнаго общества. Но этотъ выводъ положительно невѣренъ. «Записки врача» и во многомъ дополняющая ихъ наша статья съ очевидностью указываютъ, что *говорить о врачебномъ дѣлѣ значитъ говорить вообще о нашей жизни*, такъ какъ намъ неизбѣжно приходится касаться чуть ли не всѣхъ сторонъ общественной и личной жизни. Связь, зависимость и взаимодѣйствіе между всей жизнью и ея отраслью—врачебнымъ дѣломъ несомнѣнны во всѣхъ отношеніяхъ; врачи живутъ не внѣ общей жизни, не на необитаемомъ островѣ, и потому все, что есть ложнаго, грязнаго, несправедливаго, жестокаго, сомнительнаго и противорѣчиваго во врачебной жизни, составляетъ *непосредственный отпечатокъ общей лжи всей нашей жизни.*

Врачи едва ли въ чемъ либо виновнѣе остальныхъ, только, можетъ быть, ихъ недостатки виднѣе и ощутительнѣе для всѣхъ. Если же о врачахъ говорятъ и пишутъ больше, чѣмъ о другихъ, то это вполнѣ понятно: медицина близко касается всѣхъ, и едва ли кому-либо удается избѣжать тѣхъ или другихъ сношеній съ врачами, а сношеній съ дру-

гами специалистами—инженерами, архитекторами, судейскими, военными, акцизными очень многіе не имѣютъ во всю свою жизнь; съ врачами въ этомъ отношеніи могутъ сравняться только педагоги, но они народъ служилый и защищены твердой броней цензуры, а врачи люди свободной профессіи и подлежатъ свободной критикѣ. Врачи у всѣхъ всегда на виду, къ нимъ всегда обращаются въ лучшихъ и худшихъ событіяхъ нашей жизни, съ ними устанавливаются болѣе интимныя отношенія, имъ повѣряютъ всѣ свои тайны болѣе, чѣмъ кому-либо, отъ нихъ ждутъ помощи въ самыхъ отчаянныхъ случаяхъ, врачи не гости, а хозяева дома, и отъ ихъ совѣта часто зависитъ перемѣна всей жизни,—отсюда понятно, что *врачей и благословляютъ, и еще чаще проклинаютъ болѣе, чѣмъ другихъ*. Затѣмъ врачи на съѣздахъ, въ печати свободно говорятъ и пишутъ о недостаткахъ своей науки и изъянахъ своей профессіи, а представители остальныхъ профессій крайне рѣдко обнажаютъ своя сокровенная. Врачъ ближе, знакомѣе всѣмъ, отъ него зависитъ самое дорогое—здоровье и жизнь,—какъ же не благословлять или не ругать его! Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ особенномъ, имъ только свойственномъ, виноваты врачи?

Повторимъ главныя прегрѣшенія ихъ. Преступные опыты, а развѣ опыты, продѣлываемые педагогами надъ дѣтьми, менѣе вредны, развѣ они не коверкаютъ часто всю жизнь людей и даже не во имя науки, а совершенно для постороннихъ цѣлей? Участіе въ смертной казни и тѣлесныхъ наказаніяхъ, а развѣ не судьи и администраторы назначаютъ и исполняютъ эти позорные остатки старины? Преступные выкидыши, новомальтузіанство, а развѣ не ложь всей нашей соціальной и половой жизни вызываетъ эти выкидыши, и неизвѣстно даже, врачамъ ли принадлежитъ честь первыхъ шаговъ въ этомъ дѣлѣ? Несоблюденіе врачами правилъ гигіены, а развѣ духовенство и многіе другіе проповѣдники слѣдуютъ своимъ проповѣдямъ и даютъ должные примѣры примѣнимости ихъ къ жизни? Совмѣстительство и кусочничество, а развѣ профессора, юристы и другіе не совмѣщаютъ должностей директоровъ банковъ и другихъ должностей, совершенно не идущихъ къ наукѣ, но приносящихъ большіе куши, чѣмъ кусочничество врачей? Торговля собой, а развѣ не то же дѣлаютъ адвокаты и другіе представители свободныхъ профессій, и если ради успѣха и практики создано особое врачебное «кокетство», то еще болѣе и открытѣе «позируютъ» съ этой цѣлью адвокаты. Полученіе генералами отъ медицины большихъ кушей, а развѣ не то же дѣлаютъ генералы отъ литературы, и особенно отъ адвокатуры и инженерныхъ искусствъ, а также разные артисты Фигнеры, Шаляпины, Патти, Мазини и другіе представители изящныхъ искусствъ? Черствость, безсердечіе, а развѣ судьи и прокуроры, постоянно отправляющіе въ тюрьму и каторгу, адвокаты, защищающіе и всѣхъ и вся, всевозможные предприниматели, эксплуатирующіе до нельзя своихъ рабочихъ и служащихъ,

болѣе отзывчивы? Притворство, разыгрываніе роли авгуровъ, а развѣ не то же продѣлывается всѣми поголовно, и развѣ не сами больные требуютъ лжи отъ врачей?

Наконецъ, безсиліе медицины, но въ этомъ врачи такъ же виноваты, какъ инженеры въ томъ, что мы не летаемъ, метеорологи въ томъ, что мы не знаемъ завтрашней погоды, химики въ томъ, что изъ азота воздуха не могутъ приготовить пищи. Мы перебрали, кажется, все и, можетъ быть, только въ торговлѣ собой, врачи превосходятъ другихъ. Бросающимъ камни во врачей слѣдуетъ оглянуться на самихъ себя: ложь жизни, пронизывающая врачей, всецѣло охватила и всѣхъ остальныхъ отъ мала до велика; нужно призывать къ самоисправленію врачей, но не менѣе это необходимо и для остальныхъ интеллигентныхъ профессій. Повторяемъ, всѣ мы должны работать для измѣненія всѣхъ общихъ ненормальныхъ условій нашей жизни, но должны прежде всего помнить объ исправленіи самихъ себя; интеллигенція, считающая себя *свѣтомъ* для народа, должна устранить свои *пятна*, ибо получается совсѣмъ неправильное *освѣщеніе*.

Врачи имѣютъ *большой плюсъ* передъ многими другими спеціалистами: они постоянно идутъ на борьбу съ заразными болѣзнями, являются авангардомъ и главнымъ войскомъ въ этой жестокой безпощадной войнѣ, часто заражаются и нерѣдко гибнутъ или дѣлаются калѣками (низшій медицинскій персоналъ страдаетъ отъ этого еще больше); наконецъ, никто не оказываетъ такой массы *безплатной помощи*, не тратитъ такъ много времени и силъ на облегченіе страданій бѣдныхъ больныхъ. Имѣются ли у насъ безплатныя булочныя и столовыя, безплатныя учрежденія для подачи совѣтовъ по постройкамъ, по юриспруденціи *), обученію, много ли *личныхъ* безплатныхъ школъ, а безплатныя амбулаторіи есть почти во всѣхъ городахъ, и въ нихъ врачи работаютъ безъ всякой мзды отъ кого бы то ни было. А отдѣльные врачи, развѣ мало тратятъ они времени и средствъ на пріемъ безплатныхъ больныхъ (говорятъ, даже Захарьинъ изрѣдка давалъ безплатные совѣты), но всю эту колоссальную работу нельзя учесть: много незамѣтныхъ врачей—истинныхъ благотворителей—работаетъ въ уголкахъ нашего отечества, и узнаютъ объ ихъ дѣятельности—и то не всегда—только изъ некролога. Могутъ возразить, что безплатная практика многимъ нужна для рекламы, но другіе-то и для рекламы не дѣлаютъ этого. Не нужно также забывать, что *только одни врачи имѣютъ привилегію*, установленную закономъ,—оказывать безплатную помощь и *никогда* не отказывать въ помощи другимъ, подвергаясь въ противномъ случаѣ взысканіямъ.

Наконецъ, мы уже не разъ указывали, что спеціальность врача, заставляющая его вѣчно имѣть дѣло съ людскими страданіями, го-

*) Кажется, таковыя безплатныя консультаціи есть только въ столицахъ?



ремъ и смертью, вноситъ много безрадостнаго, мрачнаго въ жизнь врача. Къ тому же существуютъ спеціальные медицинскіе «Дамокловы мечи», которые могутъ опуститься ежеминутно надъ всѣми, даже самыми опытными и знаменитыми врачами, потому что наша наука не знаетъ еще многаго и не можетъ предусмотрѣть самыхъ печальныхъ случайностей: смерть при хлороформированіи, смерть отъ обычнаго, хорошо испытаннаго и сравнительно безобиднаго средства (вслѣдствіе такъ называемой идіосинкразіи), смерть подъ ножомъ хирурга отъ не могущей быть предусмотренной анатомической аномаліи. Все это бываетъ въ практикѣ самыхъ знаменитыхъ врачей. Оставляя уже въ сторонѣ осужденія публики, гамъ и крикъ газетъ, эти несчастные *неизбѣжные* случаи производятъ удручающее впечатлѣніе на врача, и нерѣдки случаи, что этотъ несчастный врачъ кончаетъ съ собой самоубійствомъ. Вѣроятно, у всѣхъ еще въ памяти случай проф. Коломнина; онъ впрыснулъ больной признанную опытомъ дозу кокаина, и она умерла. Несчастный профессоръ не перенесъ этого несчастья и покончилъ съ собой, и подобныя жертвы *безсилія науки* производятъ буквально оглушающее впечатлѣніе и на остальныхъ врачей. Еще болѣе ужасны случаи, когда врачу приходится терять больныхъ изъ-за своего *личнаго* безсилія и неумѣнья сдѣлать ту или другую операцію, буквально спасающую жизнь больному! Такія ужасныя минуты безсилія приходится переживать особенно деревенскимъ врачамъ, отъ которыхъ ближайшій товарищъ находится въ 30—60-ти и болѣе верстахъ. Я зналъ одного земскаго врача, желавшаго всю жизнь посвятить деревнѣ; онъ заболѣлъ нервной формой, и въ результатѣ явилась кровебоязнь, полная невозможность дѣлать операціи. Хотя хирургическіе случаи въ той мѣстности были довольно рѣдки, но онъ все-таки потерялъ нѣсколькихъ больныхъ; эти случаи такъ угнетали его и отравляли всю жизнь... у каждаго привезеннаго тяжелаго больного ему мерещилась брызжущая кровь... и онъ, промаявшись недолго съ своей кровебоязнью, бѣжалъ изъ деревни, а между тѣмъ, населеніе его очень любило и упрашивало остаться. Представителямъ другихъ профессій не приходится переживать подобныхъ тяжелыхъ минутъ, не приходится испытывать безсильной тоски, убивающей всякую жизнерадостность, какъ это вылилось въ слѣдующиуъ удачныхъ строкахъ В. Вересаева, описывающаго состояніе врача послѣ опустившагося надъ нимъ Дамоклова меча: «Я ѣхалъ назадъ. Надъ росистыми полями лежало тихое, радостное утро, небо звенѣло трелями жаворонковъ, въ нѣжно-зеленой тѣни рощи бѣлѣли стволы березъ,—такіе чистые и спокойные... Неужели мнѣ нигдѣ и никогда не суждено уже испытывать этотъ радостный, ничѣмъ не смущаемый покой?»

Вся тяжесть профессіи врача отзывается, конечно, тяжело на здоровьи и продолжительности жизни врачей. О частомъ самоубійствѣ среди русскихъ врачей и особенно земскихъ сообщено В. Вересае-

вымъ; дополнимъ это статистическими данными объ англійскихъ врачахъ: по Ogle («Врачъ», 1886 г., № 5) въ Англіи изъ 1.000 духовныхъ умираетъ ежегодно 15,9, ученыхъ вообще 19,9, юристовъ 20,2 и изъ врачей 25,5, слишкомъ въ 1½ раза больше, чѣмъ изъ духовныхъ. Ясно, что врачамъ въ общемъ живется не легко.

Нѣтъ, *врачи не хуже другихъ.*

Но *правы и тѣ,* которые недовольны настоящими врачами: *кому много дано, съ того много и спросится.* Врачамъ же дано больше другихъ; уже тотъ одинъ фактъ, что только для однихъ врачей существуютъ обязательныя статьи закона, доказываетъ, какъ высоко цѣнится значеніе врачей и безотлагательной помощи отъ нихъ. Затѣмъ. ничья дѣятельность не обставлена большей свободой, чѣмъ у врачей; они одни работаютъ *почти безконтрольно*; они держатъ въ своихъ рукахъ самое дорогое для людей: здоровье и жизнь; ихъ участіе неизбѣжно въ многихъ сторонахъ общественной жизни и во всѣхъ сторонахъ частной жизни отъ А до Z. Наконецъ, врачи должны считаться и съ тѣмъ, что ихъ профессія, не какъ нѣкоторыя другія, никогда не можетъ исчезнуть, какъ бы ни измѣнились условія всей нашей жизни; наоборотъ, участіе врачей въ устройствѣ правильной жизни будетъ становиться все болѣе и болѣе необходимымъ и желательнымъ, причемъ выдвинется, главнымъ образомъ, санитарная дѣятельность. Все это создаетъ *огромное вліяніе* врачебнаго дѣла и врачей, вліяніе на отдѣльныхъ людей и почти на всѣ стороны общественной и частной жизни. Но для того, чтобы имѣть это вліяніе и пользоваться имъ, врачи должны стоять на высотѣ своего призванія, свято выполнять гуманныя задачи своей науки и не пользоваться своимъ вліяніемъ для личныхъ и своекорыстныхъ цѣлей, быть «рыцарями безъ страха и упрека».

Это возможно только тогда, когда въ основѣ отношеній врачей къ публикѣ не будутъ лежать корыстные интересы, когда врачамъ не нужно будетъ *желать* больныхъ и *торговать собой,*—для этого всѣ врачи должны быть *общественными*—земскими, сельскими, городскими, групповыми, у которыхъ не должно быть никакихъ разсчетовъ съ отдѣльными больными. Только общественный врачъ можетъ быть истиннымъ блюстителемъ здоровья своего участка, такъ какъ *его интересы будутъ всецѣло совпадать, а не противорѣчить интересамъ населенія.* Вотъ только этотъ путь и даетъ тотъ выходъ, о которомъ мечтаетъ В. Вересаевъ, только у общественнаго врача можетъ явиться сознаніе, что мы, врачи, «лишь небольшая часть одного громаднаго, неразъединимаго цѣлаго, что исключительно лишь въ судьбѣ и успѣхахъ этого цѣлаго мы можемъ видѣть и свою личную судьбу и успѣхъ».

Врачъ Д. Жбанковъ.

---





# ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

## Марксъ.

(*Продолженіе* *).

Приступая къ критикѣ экономической теоріи Маркса, мы должны, прежде всего, остановиться на его своеобразной теоріи цѣнности. Какъ мы уже указывали, своеобразіе послѣдней заключается въ томъ, что цѣнность для Маркса есть не абстрактная основа конкретнаго явленія цѣны, а нѣчто совершенно иное—человѣческій трудъ, овеществленный въ товарѣ. Именно этотъ центральный пунктъ теоріи цѣнности Маркса и долженъ, прежде всего, привлечь наше вниманіе.

Быть можетъ, нововведеніе Маркса только терминологическаго свойства? Другіе экономисты именуютъ цѣнностью одну экономическую категорію, авторъ «Капитала»—другую. Всякій ученый свободенъ въ выборѣ терминологіи—во всякомъ случаѣ, при оцѣнкѣ терминологіи можетъ быть рѣчь о ея большей или меньшей цѣлесообразности, но отнюдь не объ ея объективной истинности или ложности.

Нѣтъ, дѣло тутъ совсѣмъ не въ терминологіи. Положивъ въ основу своей теоріи цѣнности совершенно иную категорію—трудовой стоимости—Марксъ сдѣлалъ чрезвычайно важный и многозначительный шагъ въ построеніи своей научной системы. Именно это принципіальное отожествленіе двухъ различныхъ экономическихъ категорій—цѣнности и стоимости—есть первородный грѣхъ экономической системы марксизма.

Чтобы понять ошибку Маркса, нужно, прежде всего, уяснить себѣ содержаніе и смыслъ экономической категоріи стоимости. Для русскаго читателя это тѣмъ необходимѣе, что, благодаря крайне неудачной экономической терминологіи перваго русскаго перевода «Капитала», въ нашей литературѣ прочно воцарилась совершенная путаница понятій цѣнности и стоимости. Многіе русскіе экономисты видятъ въ обоихъ терминахъ просто синонимы. На самомъ же дѣлѣ это не синонимы, а совершенно различныя и даже, въ извѣстномъ смыслѣ, противоположныя экономи-

*) См. «Міръ Божій», № 8, августъ, 1902 г.

ческія понятія, столь же противоположныя, какъ понятія получки и затраты, дохода и расхода.

Подъ *стоимостью* какого-либо хозяйственнаго предмета слѣдуетъ разумѣть *хозяйственную затрату*, совершонную для пріобрѣтенія этого предмета. Подъ *трудовой стоимостью* нужно понимать *трудъ*, затраченный на производство хозяйственнаго предмета. Напротивъ, *цѣнностью* мы называемъ *хозяйственное значеніе* даннаго предмета. Понятіе *мѣновой цѣнности* совершенно совпадаетъ съ понятіемъ *покупательной силы*. Оно обозначаетъ собой возможность пріобрѣсть, въ обмѣнъ на данный предметъ, то или иное количество другихъ хозяйственныхъ предметовъ. Мѣновая цѣнность есть абстрактное понятіе, конкретнымъ выраженіемъ котораго является *цѣна* предмета—конкретное количество предметовъ опредѣленнаго рода, отдаваемое въ обмѣнъ на данный предметъ. Цѣна обыкновенно выражается въ деньгахъ, такъ какъ въ денежномъ хозяйствѣ деньги являются орудіемъ обмѣна.

Хозяйственная дѣятельность человѣка стремится къ возможно полному удовлетворенію его потребностей. Но наши ощущенія распадаются на два класса—пріятныя и непріятныя ощущенія, ощущенія наслажденія и страданія. Страданіе и наслажденіе являются двумя противоположными полюсами человѣческой жизни. Хозяйственная дѣятельность всецѣло заключена между этими двумя полюсами—ея задача состоитъ въ томъ, чтобы довести до максимума наслажденіе и до минимума страданіе.

Элементъ наслажденія пріурочивается въ хозяйственной жизни къ предметамъ потребленія, создаваемымъ нами для удовлетворенія нашихъ потребностей. Именно въ силу этого, предметы хозяйства пріобрѣтаютъ для насъ *цѣнность*. Какъ мы видѣли въ одномъ изъ предшествовавшихъ «очерковъ» (при разборѣ ученій австрійской школы), цѣнность хозяйственнаго предмета устанавливается не чѣмъ инымъ, какъ предѣльной полезностью послѣдняго. Но наслажденіе, вытекающее изъ потребленія, не исчерпываетъ собой всей задачи хозяйства,—это только одна половина ея. Другая половина задачи состоитъ въ уменьшеніи страданія, сопутствующаго человѣческой дѣятельности, въ экономизированіи самого человѣка. Хозяйственный трудъ, какъ и всякій другой трудъ, отнюдь не всегда доставляетъ непріятныя ощущенія работнику, не всегда есть страданіе. Но не подлежитъ сомнѣнію, что всякій трудъ, какъ бы онъ ни былъ пріятенъ, становится страданіемъ, если продолжается дольше извѣстнаго срока. Быть можетъ, слѣдуетъ согласиться съ Джевонсомъ, что трудъ, какъ общее правило, требуетъ въ первыя минуты послѣ начала работы извѣстнаго болѣе или менѣе непріятнаго усилія съ нашей стороны для приведенія нашихъ органовъ въ дѣятельное состояніе; затѣмъ наступаетъ моментъ, когда трудъ можетъ доставлять положительное удовольствіе; но чѣмъ продолжительнѣе работа, тѣмъ меньше удовольствія получаемъ мы отъ нея. Наконецъ,

*

за извѣстнымъ пунктомъ, трудъ становится тягостнымъ и непріятнымъ, и его тягостность, при дальнѣйшемъ увеличенія продолжительности работы, возрастаетъ чрезвычайно быстро. Первыя минуты физическаго труда обыкновенно непріятны, затѣмъ часъ, другой работы можетъ доставлять удовольствіе, но шестой или восьмой часъ работы не бываютъ уже пріятны, а 12-й или 14-й часъ причиняютъ положительное страданіе *).

Теперь спрашивается, на какомъ пунктѣ долженъ останавливаться хозяйственный трудъ человѣка, т.-е. долженъ ли онъ переходить за границу, за которой пріятная работа превращается въ тягостную и непріятную, или же нѣтъ? Вопросъ этотъ превосходно разъясненъ Джевонсомъ, который иллюстрируетъ его въ своей замѣчательной книгѣ «Theory of Political Economy» графически, изображая на схематическомъ рисункѣ кривую труда. Горизонтальная ось отдѣляетъ лежащую внизу область страданія отъ вышележащей области наслажденія. Кривая начинается внизу въ области страданія, затѣмъ переходитъ на нѣкоторое время выше, въ область наслажденія, но затѣмъ опять возвращается внизъ, въ область страданія. Гдѣ же долженъ остановиться хозяйственный трудъ?

Простое соображеніе показываетъ, что прекратить хозяйственный трудъ до того момента, когда онъ становится непріятнымъ, несогласно съ хозяйственнымъ разсчетомъ. Результатомъ хозяйственнаго труда является созданіе полезныхъ предметовъ, увеличивающихъ наше благополучіе; пока и трудъ, самъ по себѣ, остается пріятнымъ и полезнымъ упражненіемъ нашихъ силъ, до тѣхъ поръ, очевидно, нелѣпо его прекращать, ибо, благодаря ему, мы выигрываемъ вдвойнѣ—создаемъ полезные для насъ предметы и заняты пріятной дѣятельностью. Остановить трудъ на томъ пунктѣ, гдѣ онъ безразличенъ, не доставляетъ намъ ни пріятнаго, ни непріятнаго ощущенія, было бы также неразумно, такъ какъ, если трудъ безразличенъ и въ то же время создаетъ полезные продукты,—значитъ, наше благополучіе въ результатѣ труда возрастаетъ. Мы должны, очевидно, продолжить трудъ въ область непріятныхъ ощущеній, и притомъ должны тѣмъ болѣе углубиться въ эту область, чѣмъ выше полезность продуктовъ труда. Полезность послѣднихъ, согласно основному закону предѣльной полезности, должна падать по мѣрѣ увеличенія ихъ количества—иначе говоря, продолжительности труда; страданіе же отъ чрезмѣрнаго труда должно соотвѣтственно возрастать. На извѣстномъ пунктѣ полезность продуктовъ труда

*) Дѣло здѣсь, разумѣется, не только въ тѣхъ непосредственныхъ ощущеніяхъ, которыми сопровождается процессъ работы, но и въ общемъ вліяніи труда на наше здоровье и состояніе организма. Чрезмѣрный умственный трудъ можетъ непосредственно доставлять огромное наслажденіе; но если такая форсированная работа разстраиваетъ наши силы и здоровье, то она, въ окончательномъ итогѣ, причиняетъ намъ страданіе.



должна сравняться съ непріятными ощущеніями, получаемыми нами отъ труда. Именно здѣсь мы должны прекратить трудъ: если бы мы прекратили его раньше этого пункта, то мы потеряли бы нѣкоторый избытокъ наслажденія, получающійся отъ превышенія пріятныхъ ощущеній, доставляемыхъ продуктами труда, сравнительно съ непріятными ощущеніями самого труда; наоборотъ, если бы мы продолжили трудъ далѣе этого пункта, то непріятныя ощущенія или вредъ самого труда перевѣсили бы пользу отъ продуктовъ послѣдняго. Слѣдовательно, хозяйственный принципъ требуетъ пріостановить трудъ на томъ самомъ пунктѣ, не раньше и не позже, гдѣ непріятныя ощущенія процесса работы (или ущербъ для нашего организма отъ самой работы) какъ разъ равны пріятнымъ ощущеніямъ отъ трудового продукта (или пользѣ отъ послѣдняго для нашего организма).

При капиталистическомъ способѣ производства дѣло, однако, значительно усложняется и указанный хозяйственный принципъ не можетъ получить осуществленія. Въ приведенномъ анализѣ Джевонсъ исходитъ изъ предположенія, что продуктъ труда принадлежитъ тому же, на комъ лежитъ и трудъ производства. Но въ капиталистическомъ хозяйствѣ рабочему нѣтъ дѣла до полезности продукта, ибо продуктъ труда принадлежитъ капиталисту, а не рабочему—капиталисту же нѣтъ дѣла до утомительности труда, ибо трудъ падаетъ на рабочаго, а не на капиталиста. Затѣмъ, при крупномъ производствѣ продолжительность труда каждаго отдѣльнаго рабочаго не можетъ измѣняться въ зависимости отъ индивидуальныхъ соображеній участниковъ производства, а должна быть, по техническимъ условіямъ, одна и та же для обширныхъ группъ рабочихъ. Всѣ рабочіе на данной фабрикѣ должны работать, напр., 10 или 12 часовъ,—этого требуетъ техника фрабричнаго производства. Быть можетъ, многіе рабочіе согласились бы пожертвовать значительной долей своего заработка, лишь бы сократить продолжительность рабочаго дня; но и они принуждены подчиниться господствующему на данной фабрикѣ распредѣленію работы, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, фабрикантъ совсѣмъ не станетъ ихъ держать. Въ каждомъ индивидуальномъ рабочемъ договорѣ продолжительность рабочаго дня является для отдѣльнаго рабочаго фиксированной величиной и рабочему предоставляется на его усмотрѣніе—совсѣмъ отказаться отъ работы или же работать столько времени, сколько принято на данной фабрикѣ. А такъ какъ отказаться отъ работы рабочій обыкновенно не можетъ (ибо неимѣніе работы было бы для него равносильнымъ голодной смерти), то продолжительность рабочаго дня можетъ достигать, при капиталистическомъ способѣ производства, крайнихъ предѣловъ работоспособности рабочаго. Рабочій прекрасно сознаетъ губительность для своего организма чрезмѣрнаго труда, но онъ не обладаетъ силой для защиты своихъ интересовъ. Для капиталиста же утомительность чрезмѣрнаго труда рабочаго такъ же мало ощутима,

какъ и работа лошади. Поэтому, тенденція къ удлиненію рабочаго дня далеко за его нормальные предѣлы, устанавливаемые вышеуказаннымъ хозяйственнымъ принципомъ, заложена въ самомъ существѣ капиталистическаго способа производства.

Рабочій день въ капиталистическомъ хозяйствѣ углубляется въ область страданія несравненно больше, чѣмъ этого требуетъ хозяйственный принципъ. Вотъ почему борьба за сокращеніе рабочаго дня играетъ такую выдающуюся роль въ современномъ рабочемъ движеніи всего міра. Весьма часто рабочіе охотно соглашаются на уменьшеніе своего скуднаго заработка, лишь бы ограничить продолжительность чрезмѣрнаго труда, не только до крайности утомляющаго и изнуряющаго рабочаго физически, но и уродующаго его организмъ, притупляющаго рабочаго умственно, препятствующаго участію рабочаго класса въ политической и общественной жизни страны, разрушающаго семейный очагъ рабочаго, дѣлающаго изъ рабочаго въ полномъ смыслѣ слова рабочую машину, существующую для тягостнаго и безсмысленнаго труда въ пользу капиталиста, и непригодную не для чего, кромѣ этого труда. Однако, самъ рабочій никакъ не можетъ стать на эту точку зрѣнія и признать себя за такую машину: онъ чувствуетъ себя человѣкомъ, который работаетъ, чтобы жить, а не живетъ, чтобы работать. Отсюда вытекаютъ соціальные конфликты нашего времени и, прежде всего, борьба за освобожденіе рабочаго отъ тягостей чрезмѣрнаго труда. Главнымъ содержаніемъ соціальнаго законодательства капиталистической эпохи являются разнаго рода законодательныя нормы, ограничивающія и регулирующія продолжительность рабочаго дня. Но не подлежитъ сомнѣнію, что предѣлъ сокращенія рабочаго дня еще далеко не достигнутъ, и что рабочій день, господствующій даже въ передовыхъ странахъ капиталистическаго міра, далеко переходитъ нормальныя границы, устанавливаемыя вышеуказаннымъ хозяйственнымъ принципомъ, почему сокращеніе рабочаго дня продолжаетъ, съ полнымъ основаніемъ, занимать первое мѣсто въ ряду требованій рабочаго класса.

Итакъ, хозяйственный трудъ даже при самыхъ идеальныхъ условіяхъ долженъ переходить за черту непосредственнаго удовольствія отъ процесса работы и не пріостанавливаться до тѣхъ поръ, пока онъ не станетъ болѣе или менѣе тягостнымъ. Хозяйство—не игра и не забава, а тяжелое бремя, лежащее на человѣкѣ. Что же касается докапиталистическаго способа производства, то при этомъ строѣ хозяйства чрезмѣрная продолжительность рабочаго дня становится огромнымъ, подавляющимъ соціальнымъ зломъ, съ которымъ борятся какъ сами рабочіе, такъ и государство.

Во всякомъ случаѣ, ясно, что хозяйственная дѣятельность человѣка есть процессъ, заключенный между двумя полюсами—наслажденіемъ и страданіемъ. Положительнымъ полюсомъ хозяйственнаго процесса

является наслажденіе и польза, доставляемыя намъ потребленіемъ хозяйственныхъ продуктовъ, отрицательнымъ—страданіе и затрата силъ нашего организма, неизбѣжно сопровождающія хозяйственный трудъ. Экономическая категорія цѣнности располагается на первомъ, положительномъ, полюсѣ, экономическая категорія стоимости—на второмъ, отрицательномъ, полюсѣ.

Соотвѣтственно этому, основной хозяйственный принципъ требуетъ не только возможнаго увеличенія наслажденія, но и возможнаго уменьшенія страданія—достиженія наибольшаго удовлетворенія нашихъ потребностей съ наименьшей затратой силъ.

Въ чемъ же заключается эта затрата силъ, къ уменьшенію которой до минимума стремится хозяйство? Если мы будемъ разсматривать хозяйственный процессъ абстрактно, независимо отъ его исторической формы, то единственнымъ абсолютнымъ элементомъ затраты мы должны будемъ признать хозяйственный трудъ.

Родбертусъ былъ безусловно правъ, утверждая, что «всѣ блага стоятъ труда и только труда». Но понятіе стоимости было недостаточно выработано у этого геніальнаго экономиста, благодаря чему въ дальнѣйшемъ развитіи своихъ идей онъ самъ уклонился отъ истиннаго пути и оказался не въ силахъ построить законченную теорію стоимости и цѣнности, какъ двухъ самостоятельныхъ экономическихъ категорій. Рѣшеніемъ именно этой задачи мы и заняты въ настоящее время.

Мы видѣли, что хозяйственный процессъ заключенъ между двумя полюсами—наслажденіемъ и страданіемъ. Хозяйственный принципъ требуетъ какъ увеличенія наслажденія, такъ и уменьшенія страданія. Наше благополучіе зависитъ въ равной мѣрѣ отъ обоихъ этихъ моментовъ. По справедливому замѣчанію остроумнаго, хотя и неглубокаго Эффертца «человѣкъ, принужденный работать 18 часовъ въ сутки, такъ же несчастенъ, какъ и человѣкъ, которому нечего ѣсть, какимъ бы богатствомъ ни обладалъ первый и сколько бы свободнаго времени ни было въ распоряженіи второго» («Arbeit und Boden», 1897. B. I, S. 64). Категорія *цѣнности* является показателемъ нашего благополучія, поскольку послѣднее зависитъ отъ предметовъ нашего хозяйства, которыми мы владѣемъ. Какая же экономическая категорія располагается на противоположномъ, отрицательномъ, полюсѣ хозяйства? Категорія *стоимости*.

Къ предметамъ, имѣющимъ цѣнность, мы стремимся, стоимости же мы избѣгаемъ. Если называть цѣнностью положительные элементы хозяйства, а стоимостью—отрицательные, то единственной абсолютной стоимостью можно будетъ признавать человѣческій трудъ, ибо только въ трудѣ заложенъ въ хозяйственной жизни элементъ страданія, которое хозяйство стремится свести къ минимуму. «Только человѣкъ можетъ что-либо стоить». Работа лошади такъ же необходима для земледѣльца, какъ и его собственный трудъ. Почему же не призна-

вать стоимостью также и лошадиную работу? Потому, что субъектомъ хозяйства въ человѣческомъ хозяйствѣ является человѣкъ, а не лошадь—наша собственная работа есть трата силъ нашего организма, затрата насъ самихъ, свою работу мы чувствуемъ, какъ усиліе или даже положительное страданіе, а работа лошади не есть затрата нашего организма и столь же мало ощущается нами, какъ и паденіе воды, двигающей мельничныя колеса. Въ обществѣ лошадей единственной стоимостью была бы работа лошадей, а человѣческій трудъ не былъ бы стоимостью. Точно также въ обществѣ людей единственной абсолютной стоимостью можно считать человѣческій трудъ—и ничего больше.

Противъ этой точки зрѣнія можно сдѣлать слѣдующее возраженіе. Человѣкъ долженъ относиться хозяйственнымъ образомъ не только къ своему труду и къ продуктамъ своего труда, но и ко многимъ предметамъ, которые не стоили ему никакого труда. Возьмемъ, напр., землю, тамъ, гдѣ ея мало. Земля можетъ пріобрѣтать въ этомъ случаѣ очень высокую цѣну, и хозяинъ принужденъ очень бережливо расходовать естественныя производительныя силы земли, хотя бы въ созданіи ихъ его трудъ не принималъ ровно никакого участія. Или, напр., возьмемъ дико растущій лѣсъ. Развѣ при пользованіе имъ (если лѣса мало) человѣкъ не соблюдаетъ такой же экономіи, какъ и при пользованіи лѣсомъ, выращеннымъ его собственнымъ трудомъ? Родбертусъ признаетъ «хозяйственными благами» только блага, созданныя человѣческимъ трудомъ *). Но развѣ дикій лѣсъ въ нашемъ примѣрѣ не есть хозяйственное благо (т.-е. благо, къ которому мы относимся хозяйственнымъ образомъ) совершенно въ такой же мѣрѣ, какъ и лѣсъ, искусственно разведенный?

Да, конечно, Родбертусъ неправъ, и къ числу хозяйственныхъ благъ относятся далеко не одни продукты нашего труда. Но это возраженіе относится къ Родбертусу, а не къ намъ; развиваемая нами здѣсь теорія *стоимости* отнюдь не совпадаетъ съ теоріей *цѣнности* Родбертуса. Для автора «Соціальныхъ писемъ» трудъ есть единственная субстанція не только *стоимости*, но и *цѣнности*. Именно поэтому Родбертусъ не могъ признавать *хозяйственными* благами (т.-е. благами, имѣющими цѣнность — оцѣнка блага есть выраженіе хозяйственнаго отношенія къ нему) предметы, не созданные человѣческимъ трудомъ. Мы же категорически отрицаемъ, чтобы трудъ былъ субстанціей *цѣнности*; но тѣмъ рѣшительнѣе мы настаиваемъ, что единственной субстанціей *стоимости* въ ея абсолютной формѣ является человѣческій трудъ.

Отсюда ясно, что приведенное возраженіе, уничтожающее для теоріи

---

*) «Только блага, стоющія труда, суть хозяйственныя блага». Rodbertus. «Zur Erkenntniss unserer staatswirtschaftlichen Zustände», 1842, S. 6.



Родбертуса (какъ и Маркса), совершенно не затрогиваетъ нашей теоріи. Мы признаемъ, что объектомъ хозяйственнаго отношенія съ нашей стороны являются какъ продукты нашего труда, такъ и многія естественныя блага природы (если запасъ ихъ въ нашемъ распоряженіи ограниченъ). Мы далеки отъ мысли отождествлять *хозяйственныя* блага съ продуктами человѣческаго труда. Первое понятіе шире второго — хозяйственныя блага суть, во-первыхъ, естественныя блага природы, количество которыхъ въ нашемъ распоряженіи недостаточно для покрытія нашихъ потребностей въ нихъ, и, во-вторыхъ, продукты нашего труда. Но, несомнѣнно, только трудовые продукты требуютъ для своего возникновенія извѣстной жертвы, лишенія со стороны человѣка. Предметы, не созданные человѣческимъ трудомъ—естественныя блага природы—суть, съ человѣческой точки зрѣнія, *даровыя блага*.

Противъ этого трудно возражать. Очевидно, между метеоритомъ, упавшимъ изъ небесныхъ пространствъ на наше поле, и желѣзной рудой, добытой трудомъ человѣка изъ рудника, существуетъ, съ экономической точки зрѣнія, глубокое и принципіальное различіе. Оба предмета могутъ имѣть совершенно одинаковую *цѣнность* — оба они могутъ быть одинаково пригодны для добыванія желѣза, но *стоимость* ихъ глубоко различна.

Метеоритъ есть въ полномъ смыслѣ слова даровое благо природы—его стоимость равна нулю. Желѣзная же руда стоила труда человѣка—она обладаетъ абсолютной трудовой стоимостью. Метеоритъ только съ одной стороны входитъ въ составъ нашего хозяйства—онъ есть хозяйственное благо и, слѣдовательно, увеличиваетъ сумму хозяйственныхъ предметовъ въ нашемъ распоряженіи, увеличиваетъ сумму пользы, извлекаемой нами изъ хозяйства. Желѣзная же руда, кромѣ этого, входитъ въ составъ нашего хозяйства и съ совершенно иной стороны: она выражаетъ собой извѣстное лишеніе, пожертвованіе своими силами, своимъ благосостояніемъ и досугомъ, которое требуется отъ работника для того, чтобы своимъ трудомъ добыть изъ рудника руду. Метеоритъ обладаетъ только цѣнностью, а желѣзная руда какъ цѣнностью, такъ и стоимостью. Точно также дѣвственная почва обладаетъ только цѣнностью, а хлѣбъ — кромѣ того, и стоимостью.

Итакъ, мы видимъ, что хозяйственныя (цѣнныя) блага распадаются по двѣ группы: блага, имѣющія стоимость (продукты человѣческаго труда) и не имѣющія ея, даровыя блага (предметы, не произведенные трудомъ человѣка). Ошибка Родбертуса заключалась въ томъ, что онъ отожествилъ понятіе даровыхъ благъ съ понятіемъ нехозяйственныхъ благъ; на самомъ же дѣлѣ даровыя блага могутъ обладать цѣнностью и требовать къ себѣ хозяйственнаго отношенія съ нашей стороны.

Человѣческій трудъ является, такимъ образомъ, единственной субстанціей абсолютной стоимости. Но отъ этой абсолютной стоимости нужно отличать относительную стоимость. *Абсолютная* стоимость есть экономическая категорія, противоположная цѣнности, подобно тому, какъ страданіе противоположно наслажденію. Напротивъ, *относительной* стоимостью является всякая цѣнность, разсматриваемая не какъ цѣль, а какъ средство для пріобрѣтенія другой цѣнности. Возьмемъ, напр., процессъ производства; въ чемъ заключается для общества абсолютная стоимость произведеннаго продукта (т.-е. какого абсолютнаго пожертвованія производство требуетъ отъ общества)? Изъ предыдущаго видно, что только затраченный на производство общественный трудъ образуетъ искомую абсолютную стоимость продукта. Но относительная стоимость продукта можетъ выражаться также и въ матеріалахъ, затраченныхъ при изготовленіи продуктовъ. Такъ мы можемъ разсчитывать (и, дѣйствительно, разсчитываемъ), сколько пудовъ руды, каменнаго угля, вспомогательныхъ матеріаловъ необходимо затратить для выплавки одного пуда желѣза. Стоимость пуда желѣза можетъ быть выражена въ пудахъ руды, каменнаго угля и пр. Но, очевидно, категорія стоимости имѣетъ въ этомъ случаѣ совершенно иной смыслъ, чѣмъ тогда, когда она выражаетъ собой затрату рабочей силы человѣка. Затрата труда есть абсолютное пожертвованіе силами человѣческаго организма; человѣческая работа—это расходованіе самого человѣка, т.-е. субъекта хозяйства. Напротивъ, расходованіе руды, каменнаго угля и пр. отнюдь не составляетъ расходованіе человѣческихъ силъ. Каменный уголь или руда—это объекты, а не субъектъ хозяйства. Правда, уголь и руда обладаютъ цѣнностью, и, слѣдовательно, непроизводительное уничтоженіе этихъ предметовъ должно уменьшить благосостояніе общества. Именно по этой причинѣ мы относимся бережливо къ объективнымъ средствамъ производства, стараемся утилизировать ихъ возможно полнѣе. Но все же средства производства не представляютъ собой части человѣка, и, расходуя ихъ, человѣкъ не расходуетъ самого себя.

Мы выражаемъ стоимость продукта въ средствахъ производства лишь постольку, поскольку послѣднія обладаютъ *цѣнностью*. Вода или воздухъ не обладаютъ цѣнностью, и потому они игнорируются при разсчетѣ стоимости продукта. Отсюда видно, что когда мы выражаемъ стоимость одного продукта въ другихъ продуктахъ, то понятіе стоимости разсматривается нами не какъ самостоятельная экономическая категорія, противоположная категоріи цѣнности, а какъ производная категорія цѣнности. Относительная стоимость (т.-е. стоимость, выражаемая въ продуктахъ, а не въ человѣческой рабочей силѣ) есть, слѣдовательно, не что иное, какъ та же категорія цѣнности, разсматриваемой не какъ цѣль, а какъ средство.

Напротивъ, при выраженіи стоимости продукта въ трудѣ, мы со

вершенно отвлекаемся отъ категоріи цѣнности. Продуктъ труда можетъ не имѣть никакой цѣнности—напр., вода, добытая путемъ химическаго синтеза изъ водорода и кислорода—но трудовую стоимость онъ все же будетъ имѣть, онъ *стоилъ* намъ труда и усилій, фактъ трудовой затраты остается. Многіе научные опыты требуютъ огромныхъ хозяйственныхъ затратъ; хотя бы они и не приводили къ созданію какихъ-либо хозяйственныхъ цѣнностей, мы разсчитываемъ хозяйственную *стоимость* этихъ опытовъ. Мы цѣнимъ свой трудъ не потому, (или не только потому), что при его помощи мы можемъ пріобрѣсти хозяйственные предметы. Нѣтъ, нашъ трудъ—это мы сами, наша бережливость по отношенію къ своему труду имѣетъ такой же первичный, а не производный характеръ, какъ и наша бережливость по отношенію къ предметамъ нашего удовольствія и удобства. Трудовая стоимость есть такой же важный и самостоятельный моментъ нашего хозяйства, какъ и цѣнность.

Поэтому, необходимо строго различать абсолютную (трудовую) стоимость отъ относительной стоимости (выраженія стоимости одного цѣннаго предмета въ цѣнности другихъ цѣнныхъ предметовъ). Различіе этихъ обѣихъ категорій выступаетъ особенно ярко въ современномъ мѣновомъ хозяйствѣ. При господствѣ обмѣна всякая цѣнность можетъ быть средствомъ для пріобрѣтенія другой цѣнности. На деньги можно все купить; и мы видимъ, что въ современномъ хозяйствѣ стоимость любого предмета обычно выражается въ деньгахъ, которыя расходуются при покупкѣ этого предмета.

Дико растущій лѣсъ или дѣвственная почва не заключаютъ въ себѣ ни атома человѣческаго труда. Человѣчество и то, и другое получаетъ отъ природы даромъ. Но и земля и лѣсъ могутъ имѣть цѣнность—слѣдовательно, могутъ быть и проданы за опредѣленную цѣну. Для лица, купившаго лѣсъ или землю, эти цѣнные объекты отнюдь не являются даровыми благами природы: онъ заплатилъ за нихъ деньги, пожертвовалъ для ихъ пріобрѣтенія вполнѣ реальными цѣнностями. Денежная сумма, заплаченная за землю, есть *стоимость* послѣдней въ глазахъ пріобрѣтателя земли. Такимъ образомъ, съ частно-хозяйственной точки зрѣнія, даровыя блага пріобрѣтаютъ въ мѣновомъ оборотѣ, стоимость, подобно благамъ, созданнымъ человѣческимъ трудомъ. Но эта стоимость есть относительная, частно-хозяйственная, а не абсолютная, общественная, стоимость, такъ какъ она имѣетъ условное значеніе и производный характеръ, представляя собой лишь иное выраженіе категоріи цѣнности. Съ точки зрѣнія всего общества, земля остается и въ мѣновомъ хозяйствѣ даровымъ благомъ, лишеннымъ стоимости, ибо общество, какъ цѣлое, ничего не затратило для пріобрѣтенія земли. И только съ частно-хозяйственной точки зрѣнія можно приписывать стоимость землѣ, подобно тому, какъ только съ частно-хозяйственной точки зрѣнія долговой документъ есть богатство.

Характерная для капиталистическаго строя категорія «издержекъ производства» есть одна изъ формъ выраженія относительной стоимости. «Истинная стоимость товара (т.-е., по нашей терминологіи, абсолютная стоимость. *М. Т—Б.*) измѣряется затратой труда, капиталистическая же стоимость—затратой капитала». («Die kapitalistische Kost der Waare misst sich an der Ausgabe in Kapital, die wirkliche Kost der Waare an der Ausgabe in Arbeit». «Das Kapital» III[1] S. 2).

Издержки производства представляють собой капиталистическій способъ опредѣлять относительную стоимость товара. Такъ какъ самъ капиталистъ не принимаетъ участія въ трудѣ производства, то, понятно, абсолютная, трудовая стоимость его нисколько не интересуетъ. Для капиталиста совсѣмъ не важно знать, сколько труда заключено въ товарѣ, такъ какъ этотъ заключенный въ товарѣ трудъ есть не его, капиталиста, а чужой трудъ. Съ точки зрѣнія капиталиста, трудъ рабочаго ничѣмъ не отличается отъ работы лошади или машины.

Англичане очень мѣтко и характерно называютъ нѣкоторые способы капиталистической эксплуатаціи рабочаго sweating system—системой выжиманія пота. Тѣ отрасли промышленности, въ которыхъ господствуетъ эта система, (преимущественно, домашнее производство разныхъ мелкихъ издѣлій по заказамъ капиталистовъ-торговцевъ) поставляютъ весьма дешевые продукты, дешевизна которыхъ основывается на крайне низкой оплатѣ труда. Въ продуктахъ этихъ содержится чудовищное количество человѣческаго пота. Рабочій день при господствѣ sweating system необычайно продолжителенъ и переходитъ всѣ нормальныя границы, но, несмотря на огромную трудовую стоимость продуктовъ sweating system, капиталистъ можетъ продавать ихъ по ничтожной цѣнѣ, такъ какъ цѣна, заплаченная имъ самимъ за трудъ производства, еще ниже. Понятно, что свои собственныя усилія, свой собственный потъ, капиталистъ, какъ и всякій другой человѣкъ, не могъ бы цѣнить низко. Но вѣдь это потъ и усилія рабочаго, столь же мало ощущаемыя капиталистическимъ заказчикомъ, какъ и усилія лошади, которую гонятъ, чтобы она бѣжала скорѣе. Единственное, что близко знакомо капиталисту и что ему важно знать—это затрата капитала, которой потребовало производство, затрата, исходя изъ которой нашъ капиталистъ устанавливаетъ продажную цѣну товара. Категорія трудовой стоимости совершенно отсутствуетъ въ сознаніи капиталистическаго предпринимателя и подмѣняется въ этомъ сознаніи иной категоріей—издержекъ производства.

Остановимся на этой своеобразной категоріи капиталистическаго способа производства. Ея характерная особенность заключается въ томъ, что она совершенно скрываетъ основное и глубочайшее хозяйственное различіе — различіе субъекта и объекта хозяйства — человѣка и предметовъ его дѣятельности. Въ издержкахъ производства фигурируютъ рядомъ и безъ всякаго различія, какъ моменты оди-

наковаго порядка, стоимость рабочей силы (заработная плата) и стоимость сырого матеріала, инструментовъ, построекъ и прочихъ объективныхъ средствъ производства. Это приравниваніе человѣка вещи вытекаетъ изъ самаго существа капиталистическаго способа производства—изъ работы по найму. Трудъ (рабочая сила) въ капиталистическомъ хозяйствѣ такой же товаръ, какъ и всѣ остальные; поэтому, при подсчетѣ стоимости производства, капиталистическій предприниматель не имѣетъ никакого основанія проводить различіе между человѣкомъ и орудіемъ труда—субъективными и объективными факторами производства. Для капиталиста рабочій есть такой же хозяйственный объектъ, какъ и машина. Выраженіемъ этого является столь ирраціональная, съ точки зрѣнія общества, категорія издержекъ производства, въ которой трудящійся человѣкъ фигурируетъ наравнѣ съ машиной и каменнымъ углемъ, въ которой координируются субъектъ и объектъ хозяйства.

Издержки производства представляютъ собой присущую капиталистическому сознанію форму стоимости производства. Именно по этой причинѣ современная экономическая мысль такъ отвращается отъ идеи, что только трудъ есть стоимость въ своей абсолютной формѣ. Но трудъ остается единственной абсолютной стоимостью и въ капиталистическомъ хозяйствѣ, какъ и во всякомъ иномъ, ибо капиталистическое хозяйство есть все же человѣческое хозяйство. Отвлечемся отъ интересовъ частнаго хозяина-капиталиста и посмотримъ на дѣло съ точки зрѣнія всего общества въ его цѣломъ. Въ чемъ состоитъ затрата общества въ процессѣ общественнаго производства? Очевидно, она состоитъ не въ «издержкахъ производства»—не въ суммахъ, уплачиваемыхъ одними членами общества другимъ членамъ того же общества за тѣ или иныя полезныя дѣйствія или за тѣ или иные товары. Вѣдь то, что есть для одного уплата, есть для другого получка—то, что составляетъ расходъ для однихъ, есть приходъ для другихъ. Вся сумма, образующая собой «издержки производства» и израсходованная нашимъ предпринимателемъ, вошла въ чей-либо валовой или чистый приходъ. Слѣдовательно, издержки производства отнюдь не представляютъ собой чистой затраты общества.

Изъ чего же слагается эта затрата? Быть можетъ, изъ матеріальныхъ предметовъ, уничтоженныхъ въ процессѣ производства—изъ сожженныхъ дровъ, каменнаго угля, израсходованнаго сырья, потребленныхъ машинъ, инструментовъ, вспомогательныхъ матеріаловъ, производительныхъ силъ земли и пр.? Опять-таки нѣтъ—потребленіе всѣхъ этихъ элементовъ богатства не есть расходованіе общественныхъ силъ. По мнѣнію Эффертца, стоимость производства слагается изъ затратъ двоякаго рода—затратъ самого человѣка и затратъ матеріальныхъ вещей, иначе говоря, затраты труда и затраты земли. Но мы уже говорили, что «затрата земли» (Bodenkosten) есть нѣчто совершено иное, чемъ затрата трудa

Земля и въ капиталистическомъ хозяйствѣ остается, съ общественной точки зрѣнія, въ полномъ смыслѣ слова даровымъ благомъ. Земля ничего не стоила обществу—не обладая стоимостью, она не можетъ быть, съ общественной точки зрѣнія, и элементомъ стоимости, не можетъ входить въ составъ стоимости затраты. Правда, земля обладаетъ для всего общества, какъ и для частнаго лица, цѣнностью. Но вѣдь цѣнность не есть стоимость. Даровое благо, войдя въ составъ другого блага, все же остается даровымъ благомъ. Если дико растущій лѣсъ не обладаетъ никакой стоимостью, то нѣтъ основанія приписывать этому даровому матеріалу стоимость въ томъ случаѣ, если онъ пошелъ на постройку дома. Такимъ образомъ, мы должны придти къ заключенію, что единственной чистой затратой общества въ процессѣ общественнаго производства (будетъ ли это капиталистическое производство или какое-либо иное) является затраченный на производство общественный трудъ. Лишь въ относительномъ смыслѣ слова можно говорить о стоимости земли, какъ и другихъ предметовъ внѣшняго міра, не созданныхъ человѣкомъ. Но абсолютной стоимостью является только самъ человѣкъ, а слѣдовательно, и его трудъ, безъ котораго мы не можемъ себѣ представить хозяйства.

Итакъ, и при капиталистическомъ способѣ производства трудовая затрата есть единственная стоимость въ абсолютномъ смыслѣ. Эта абсолютная (трудовая) стоимость скрывается, однако, отъ капиталистическаго сознанія подъ совершенно иной специфически-капиталистической категоріей—издержекъ производства. Трудовая затрата столь же реальна въ капиталистическомъ обществѣ, какъ и во всякомъ иномъ: и при господствѣ капиталистическаго способа производства общество принуждено затрачивать трудъ для поддержанія своей жизни. Но, благодаря тому, что часть общества—капиталисты, ведетъ хозяйство не своимъ, а чужимъ трудомъ, абсолютная трудовая стоимость теряетъ для этой части общества всякое значеніе и замѣняется въ сознаніи капиталистовъ категоріей издержекъ производства. Если бы все общество состояло только изъ капиталистовъ, въ такомъ случаѣ капиталистическая точка зрѣнія была бы и общественной точкой зрѣнія. Но въ составъ общества входятъ, кромѣ капиталистовъ, также и рабочіе. Съ точки зрѣнія всего общества, какъ цѣлаго, рабочіе суть такіе же полноправные субъекты хозяйства, какъ и капиталисты. И съ этой общественной точки зрѣнія, человѣческій трудъ остается, при господствѣ капиталистическаго способа производства, какъ и при всякой другой формѣ хозяйства, единственной абсолютной формой стоимости.

Какая же изъ двухъ названныхъ категорій—абсолютная (трудовая) стоимость или же капиталистическая стоимость (затрата капитала—издержки производства) должна регулировать въ капиталистическомъ хозяйствѣ товарную цѣну? Изъ вышесказаннаго ясно, что трудовая

стоимость есть фактъ, стоящій внѣ капиталистическаго сознанія и, съ капиталистической точки зрѣнія, совершенно безразличный; а такъ какъ цѣны устанавливаются на основѣ сознательныхъ хозяйственныхъ разсчетовъ лицъ, руководящихъ производствомъ, въ данномъ случаѣ капиталистовъ, то, очевидно, трудовая стоимость не можетъ быть регуляторомъ товарныхъ цѣнъ. Такимъ регуляторомъ является въ капиталистическомъ хозяйствѣ капиталистическая стоимость—издержки производства.

Мы приводили выше остроумныя соображенія Джевонса, доказывающія, что хозяйственный принципъ требуетъ отъ рабочаго пріостанавливать хозяйственный трудъ на томъ самомъ пунктѣ, гдѣ непріятныя ощущенія отъ процесса работы какъ разъ равны предѣльной полезности трудового продукта. Иными словами, трудовая стоимость продукта должна регулировать его предѣльную полезность, а слѣдовательно и цѣнность. Продукты съ одинаковой трудовой стоимостью должны имѣть и одинаковую цѣнность—этого требуетъ хозяйственный принципъ. Но все это вѣрно только при одномъ предположеніи, которое лежитъ въ основаніи всѣхъ разсужденій подобнаго рода—при предположеніи, что продуктъ труда принадлежитъ трудящемуся. Если трудящійся человѣкъ свободно располагаетъ своимъ трудомъ и своимъ трудовымъ продуктомъ, то, будучи человѣкомъ разумнымъ, онъ долженъ прекратить трудъ на томъ пунктѣ, на которомъ цѣнность (предѣльная полезность) продукта сравняется съ трудовой стоимостью послѣдняго. Но пусть руководитъ производствомъ не самъ трудящійся, а третье лицо, отъ котораго зависитъ продолжить или сократить трудъ рабочаго и которому принадлежитъ производимый продуктъ. Трудовая стоимость совершенно потеряетъ въ этомъ случаѣ свою роль регулятора цѣнности, ибо это третье лицо участія въ трудѣ не принимаетъ, а, слѣдовательно, исчезнетъ и необходимость для совпаденія цѣнности съ трудовой стоимостью продукта. Поэтому трудовая цѣнность (т.-е. цѣнность, устанавливаемая на основѣ трудовой затраты) есть не что иное, какъ хозяйственный идеалъ, для осуществленія котораго требуется упраздненіе капиталистическаго способа производства. Когда человѣкъ перестанетъ быть *средствомъ* въ рукахъ другого человѣка, а будетъ *цѣлью* самъ по себѣ, тогда абсолютная стоимость (т.-е. затрата человѣческаго труда) должна стать верховнымъ регуляторомъ и цѣнности. Но при капиталистическомъ способѣ производства, при которомъ руководителемъ производства является не трудящійся, а собственникъ капитала, цѣнность регулируется затратой капитала, а не затратой труда.

Итакъ, не подлежитъ сомнѣнію, что затрата капитала управляетъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ товарной цѣной. Цѣна же есть господствующій моментъ въ жизни товарнаго хозяйства. Все вертится въ этомъ мірѣ вокругъ цѣны—цѣна устанавливаетъ размѣръ обществен-

наго производства, регулируетъ потребленіе, господствуетъ въ обмѣнѣ и опредѣляетъ участіе каждаго общественнаго класса и каждаго отдѣльнаго члена послѣдняго въ общемъ національномъ продуктѣ.

Одинъ остроумный представитель классической политической экономіи предлагалъ даже назвать эту науку «каталлактикой» — наукой объ обмѣнѣ. Все, что стоитъ внѣ непосредственной связи съ товарной цѣной, кажется для капиталистическаго сознанія стоящимъ и внѣ хозяйства. Вотъ почему буржуазная политическая экономія, установивъ категорію издержекъ производства, могла совершенно оставить безъ вниманія категорію трудовой стоимости. Эта послѣдняя категорія совсѣмъ не видна на поверхности капиталистическаго міра; она не вліяетъ непосредственно на цѣну и не входитъ въ сознаніе капиталистическаго предпринимателя. Она совершенно непригодна для изслѣдованія и объясненія вопросовъ товарнаго обращенія, которые являются главнѣйшимъ предметомъ изученія буржуазныхъ экономистовъ.

Это объясняетъ намъ, почему категорія трудовой стоимости до настоящаго времени игнорируется экономической наукой. Тѣмъ не менѣе, категорія эта столь же реальна, какъ и всѣмъ знакомая категорія цѣны (цѣнности). Но въ то время, какъ цѣнность, благодаря товарному фетишизму, природа котораго такъ геніально раскрыта Марксомъ, объективируется въ товарѣ—истинномъ предметѣ изученія господствующей политической экономіи—трудовая стоимость не находитъ себѣ объективнаго выраженія въ мірѣ товаровъ и потому ускользаетъ отъ вниманія огромнаго большинства экономистовъ. Чтобы увидѣть эту послѣднюю категорію и уяснить себѣ ея великое значеніе для пониманія жизни общества, нужно оставить шумный, хотя и лишенный жизни міръ товаровъ и вернуться къ тому, кто создаетъ товары—человѣку, рабочему. Для рабочаго категорія трудовой стоимости выражается, прежде всего въ продолжительности труда, который рабочій долженъ затрачивать на производство единицы продукта. Продолжительность рабочаго дня находится въ непосредственномъ соотношеніи съ трудовой стоимостью продуктовъ, вырабатываемыхъ рабочимъ; ибо чѣмъ ниже производительность труда (чѣмъ больше трудовая стоимость единицы продукта), чѣмъ больше времени долженъ работать рабочій для изготовленія даннаго количества продуктовъ, тѣмъ продолжительнѣе, при прочихъ равныхъ условіяхъ (т.-е. при равенствѣ реальной платы и уровня прибавочнаго труда) долженъ быть рабочій день.

Затѣмъ, производительность труда непосредственно вліяетъ и на высоту заработной платы. Чѣмъ меньше продуктовъ производитъ рабочій въ единицу времени, тѣмъ ниже должна быть, при прочихъ равныхъ условіяхъ (т.-е. при одинаковой продолжительности рабочаго дня и равенствѣ уровня прибавочнаго труда) его заработная плата. Категорія трудовой стоимости является, такимъ образомъ, ключемъ къ пониманію экономическихъ условій жизни работающаго человѣка.



Исключительное значеніе категоріи трудовой стоимости для пониманія соціальной жизни въ ея совокупности основывается на томъ, что въ трудовой стоимости выражается отношеніе обоихъ основныхъ моментовъ хозяйства—субъекта и объекта хозяйства—человѣка и внѣшняго предмета его дѣятельности. Разсматриваемая категорія непосредственно характеризуетъ успѣшность хозяйственной дѣятельности человѣка. Она имѣетъ болѣе основной характеръ, чѣмъ категорія мѣновой цѣнности. Трудовая стоимость отнюдь не есть переходящая, историческая категорія хозяйства. Какъ хозяйство немыслимо безъ труда, такъ оно немыслимо и безъ трудовой стоимости. Среди всѣхъ экономическихъ категорій, трудовая стоимость есть соціальная категорія по преимуществу, такъ какъ въ ней наиболѣе ярко и непосредственно выражается участіе въ хозяйственной жизни *человѣка*. Въ этой категоріи присутствуетъ какъ бы самъ человѣкъ, со своимъ трудомъ, а слѣдовательно, и со своими страданіями, своей борьбой съ природой, своими соціальными отношеніями, возникающими на фонѣ этой борьбы. Напротивъ, мѣновая цѣнность есть историческая категорія, свойственная только одной исторической формѣ хозяйства—мѣновому хозяйству. Она есть вещная, товарная категорія, ей присущъ фетишистическій характеръ, она скрываетъ отношенія людей надъ обманчивой оболочкой отношеній *товаровъ*. За цѣной товара товаропроизводителя совсѣмъ не видать, не видать того рабочаго, который билъ тяжелымъ молотомъ раскаленную сталь, напряженно слѣдилъ за жужжаніемъ безчисленныхъ веретенъ, рубилъ топоромъ крѣпкій дубъ, подбрасывалъ уголь въ горячую печь паровой машины, обливался потомъ и напрягалъ всѣ силы своего организма, чтобы произвести этотъ самый безмолвный и мертвый товаръ.

Вотъ почему не цѣнность, а стоимость въ ея абсолютной формѣ, трудовая стоимость, должна быть исходнымъ пунктомъ экономической науки, освободившейся отъ товарнаго фетишизма и изучающей общественныя отношенія людей, прикрытыя отношеніями товаровъ. Напротивъ, политической экономіи, находящейся во власти товарнаго фетишизма, категорія трудовой стоимости должна казаться безполезной фикціей, ибо цѣны товаровъ, дѣйствительно, управляются не трудомъ. Теорія абсолютной трудовой стоимости раздѣлила экономистовъ на два лагеря. Буржуазная политическая экономія игнорируетъ трудовую стоимость, но зато противоположное экономическое направленіе съ тѣмъ большимъ упорствомъ стремится уже многіе десятки лѣтъ построить экономическую науку на базисѣ трудовой стоимости.

Быть можетъ, слѣдующій гипотетическій примѣръ поможетъ намъ понять значеніе категоріи трудовой стоимости для соціальнаго изученія хозяйства. Допустимъ, что, по той или иной причинѣ, производительность труда во всѣхъ отдѣлахъ общественнаго хозяйства значительно возросла—трудовая стоимость всѣхъ продуктовъ значительно

понизилась. Эта перемѣна можетъ совершенно не отразиться на товарныхъ цѣнахъ. Она можетъ первоначально мало повліять и на сумму общественнаго богатства, если повышеніе производительности труда сопровождалось соотвѣтствующимъ сокращеніемъ продолжительности рабочаго дня. Такимъ образомъ, политическая экономія, игнорирующая категорію трудовой стоимости, можетъ совершенно не замѣтить происшедшей перемѣны. Между тѣмъ, эта перемѣна, и съ экономической и съ соціальной точки зрѣнія, громадна, и богата неисчислимыми соціально-экономическими послѣдствіями первенствующей важности. Болѣе короткій рабочій день знаменуетъ собой всесторонній подъемъ рабочаго класса, увеличеніе его благосостоянія и досуга, повышеніе образовательнаго уровня рабочихъ, ростъ политическаго вліянія рабочаго класса и пр., и пр. Весь соціальный, а слѣдовательно, и экономическій строй страны можетъ, въ результатѣ, претерпѣть глубокое измѣненіе, благодаря экономической причинѣ, совершенно не захватываемой категоріей цѣнности. А такъ какъ повышеніе производительности труда составляетъ собой въ исторіи человѣчества одну изъ главныхъ движущихъ силъ соціальнаго прогресса, то, слѣдовательно, и соціальное изученіе хозяйства не можетъ не основываться на категоріи трудовой стоимости.

Марксизмъ представляетъ собой геніальнѣйшую и, безъ сомнѣнія, далеко вліятельнѣйшую изъ попытокъ соціальнаго изученія хозяйства. Послѣ всего сказаннаго выше, намъ не трудно видѣть, въ чемъ заключается сила и слабость марксизма, какъ теоріи капиталистическаго хозяйства. Его сила въ томъ что, избравъ своимъ исходнымъ пунктомъ понятіе трудовой стоимости, марксизмъ бросилъ ослѣпительно-яркій свѣтъ на соціальное содержаніе капиталистическаго способа производства. Его слабость въ совершенно неправильномъ отожествленіи двухъ принципіально различныхъ экономическихъ категорій—цѣнности и стоимости; благодаря этому, вся экономическая конструкція системы страдаетъ кореннымъ порокомъ. Критика буржуазныхъ экономистовъ до такой степени расшатала крайне непрочные экономическіе лѣса, которыя потребовались Марксу для его стройнаго соціологическаго зданія, что эти лѣса давно бы рухнули, если бы опорой имъ не служило само зданіе. Но такъ какъ зданіе заключаетъ въ себѣ нѣкоторые элементы, не боящіеся никакихъ ударовъ, то и расшатанные лѣса продолжаютъ стоять, хотя имъ давно пора рухнуть.

Мы уже говорили, что ошибка Маркса не терминологическаго свойства—она заключается не въ томъ, что Марксъ неправильно называетъ *цѣнностью* стоимость. Въ концѣ концовъ, все равно, какъ бы ни называть то или иное научное понятіе—лишь бы самое понятіе было правильно образовано. Но неудачная терминологія Маркса есть только послѣдствіе непониманія авторомъ «Капитала» глубокаго и принципіальнаго различія двухъ основныхъ экономическихъ категорій—цѣнности и

стоимости. Отожествивъ стоимость съ цѣнностью, Марксъ долженъ былъ безсознательно для самого себя включить въ понятіе стоимости чуждые послѣднему элементы цѣнности, что должно было внести и, дѣйствительно, внесло неразрѣшимую путаницу во все экономическое ученіе «Капитала».

Этимъ объясняются безчисленныя и всѣмъ извѣстныя противорѣчія абстрактной теоріи «Капитала». Обладая блестящимъ діалектическимъ искусствомъ, Марксъ сдѣлалъ все возможное, чтобы соединить несоединимое—построить теорію цѣнности на базисѣ категоріи стоимости Получился «въ высшей степени искусно задуманный, выстроенный съ удивительной силой къ комбинированію, съ безчисленными этажами мысли, поддерживавшійся при помощи вызывающей изумленіе силы интеллекта—карточный домъ» (Бёмъ-Баверкъ. «Теорія Карла Маркса и ея критика», стр. 127). Несмотря на свою неустойчивость, карточный домъ марксизма все еще держится. Правда, окончательное паденіе близко, но оно еще не совершилось. Причина этой долговѣчности экономической теоріи Маркса, которая по произвольности своего основного тезиса и по остроумію дальнѣйшихъ выводовъ ближе всего напоминаетъ систему физіократовъ, коренится въ двухъ обстоятельствахъ: во-первыхъ, въ томъ, что въ неудачной экономической оболочкѣ этой теоріи содержится здоровое и жизнеспособное соціальное ядро, и, во-вторыхъ, въ отсутствіи, до настоящаго времени, иной законченной соціально-экономической системы, которая, представляя тѣ же соціальные интересы, какъ и марксизмъ, давала бы болѣе правильное, въ смыслѣ объективной истины, и болѣе логическое стройное объясненіе соціально-экономическимъ фактамъ капиталистическаго хозяйства, чѣмъ это въ силахъ сдѣлать отживающій марксизмъ. Построеніе такой системы есть величайшая задача соціальной мысли нашего времени, и мы уже не далеки отъ ея рѣшенія. Но пока новая экономическая система не приметъ наслѣдства отъ устарѣлаго марксизма, до тѣхъ поръ марксизмъ будетъ пользоваться сочувствіемъ того огромнаго большинства, которое предпочитаетъ завѣдомо плохое, но систематическое объясненіе фактовъ отсутствію всякаго систематическаго объясненія послѣднихъ.

Итакъ, въ корнѣ теоріи цѣнности Маркса лежитъ основной порокъ—смѣшенія понятія стоимости съ понятіемъ цѣнности. Отожествивъ стоимость съ цѣнностью, Марксъ очутился передъ вопросомъ—каково отношеніе того, что онъ назвалъ цѣнностью, къ цѣнѣ. Авторъ «Капитала» былъ слишкомъ хорошимъ экономистомъ, чтобы не понимать невозможности совпаденія товарныхъ цѣнъ (какъ рыночныхъ, такъ и среднихъ) съ трудовыми стоимостями товаровъ. Оставалось, слѣдовательно, признать, что мѣновая цѣнность не есть центръ тяготѣнія цѣнъ товаровъ. Но если цѣна независима отъ мѣновой цѣнности—то

что же такое мѣновая цѣнность? Какой смыслъ имѣетъ мѣновая цѣнность, не выражающаяся въ цѣнѣ? *)

Сознавая нелѣпость понятія *мѣновой* цѣнности, не находящей себѣ выраженія въ *обмѣнѣ*, Марксъ въ то же время не могъ признать мѣновой цѣнности абстрактной основой мѣноваго отношенія, цѣны. Передъ нимъ стояла слѣдующая дилемма: или цѣны управляются мѣновой цѣнностью— въ такомъ случаѣ трудовая затрата, овеществленная въ товарѣ, не можетъ быть мѣновой цѣнностью, такъ какъ не трудовыя затраты, а затраты капитала (издержки производства) управляютъ цѣнами; или же цѣны не управляются мѣновой цѣнностью—въ такомъ случаѣ понятіе мѣновой цѣнности утрачиваетъ опредѣленный смыслъ, лишается связи съ товарнымъ обращеніемъ и мѣновымъ хозяйствомъ, перестаетъ быть специфической категоріей товаро-хозяйственнаго строя. Цѣнность внѣ связи съ цѣной также мало пригодна для объясненія явленій товарнаго обращенія, какъ цѣнность внѣ связи съ трудовой затратой не пригодна для объясненія соціальныхъ отношеній капиталистическаго общества. А задача Маркса состояла въ томъ, чтобы объяснить, во взаимной связи, и то и другое—объяснить соціальныя отношенія капитализма на основѣ законовъ товарнаго обращенія Для этой, по существу, двойственной задачи нужно было найти исходный пунктъ, и Марксъ призналъ этимъ пунктомъ трудовую теорію цѣнности. Но вышеуказанная дилемма неразрѣшима,—теорія цѣнности должна или перестать быть трудовой теоріей (въ абсолютной формѣ) или же перестать быть теоріей цѣнности.

Марксъ не понялъ этой дилеммы и отождествилъ цѣнность съ трудовой стоимостью, овеществленной въ товарѣ. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого явились внутреннія противорѣчія, характеризующія экономическую теорію «Капитала». Отсюда возникло и представленіе многихъ критиковъ Маркса, будто III томъ «Капитала» противорѣчитъ первому. Представленіе это, по существу, неправильно— ибо и въ первомъ томѣ «Капитала» содержится то же логически противорѣчивое ученіе о цѣнности, которое мы находимъ и въ III томѣ. Тѣмъ не менѣе, мнѣніе о противорѣчіи I и III тома «Капитала» возникло совершенно естественно: читатели перваго тома предполагали, что Марксъ понимаетъ подъ цѣнностью то же, что понимаютъ и всѣ остальные экономисты—абстрактную основу цѣны; исходя изъ этого, тѣ же читатели истолковали теорію абсолютной трудовой цѣнности Маркса въ томъ смыслѣ, что только трудъ регулируетъ среднія цѣны товаровъ. Найдя въ III томѣ отрицаніе этого послѣдняго положенія, они заключили, что ученіе о цѣнности I тома противорѣчитъ

*) Понятіе *цѣнности* и *мѣновой цѣнности* Марксъ обыкновенно употребляетъ, какъ синонимы, хотя въ чисто логическомъ смыслѣ онъ и устанавливаетъ нѣкоторое тонкое различіе между ними, которое для насъ въ данномъ случаѣ значенія не имѣетъ.



ученію о цѣнности III тома. На самомъ же дѣлѣ, уже и въ первомъ томѣ Марксъ поставилъ себѣ ту же неразрѣшимую задачу—объединить однимъ понятіемъ два совершенно независимыхъ и, въ извѣстномъ смыслѣ, противоположныхъ понятія—цѣнности и стоимости.

Теорія цѣнности должна, по мысли Маркса, служить основаніемъ для объясненія какъ соціальныхъ отношеній участниковъ капиталистическаго хозяйства, такъ и процессовъ товарнаго обращенія въ капиталистическомъ хозяйствѣ. Но мы постарались показать, что капиталистическое хозяйство, какъ и всякое иное хозяйство, можетъ и должно быть изучаемо съ двухъ противоположныхъ точекъ зрѣнія—стоимости и цѣнности. Теорія стоимости также недостаточна для объясненія всѣхъ явленій капиталистическаго хозяйства, какъ и теорія цѣнности. Теорія цѣнности (какъ основы цѣны) не объясняетъ намъ общественнаго производства и распредѣленія труда между различными классами общества—она не пригодна для изслѣдованія соціальныхъ отношеній капитализма; теорія же стоимости не пригодна для объясненія явленій товарнаго обращенія, а слѣдовательно, и распредѣленія между общественными классами *народнаго дохода*. Ибо это послѣднее распредѣленіе совершается всецѣло при посредствѣ *цѣны*, которая отнюдь не совпадаетъ, и не можетъ совпадать, со стоимостью.

Между тѣмъ, Марксъ попытался построить законченную теорію распредѣленія народнаго дохода, исходя изъ понятія абсолютной трудовой стоимости. Авторъ «Капитала» не могъ не понимать, что *цѣна* есть основной агентъ распредѣленія богатства въ мѣновомъ хозяйствѣ. Весь капиталистическій міръ, все обращеніе товаровъ, въ цѣломъ и частностяхъ, вертится вокругъ товарной цѣны. Если бы цѣны были лишены закономѣрности, то нельзя было бы найти закономѣрности и во всемъ капиталистическомъ хозяйствѣ. Но теорія цѣны показываетъ, что кажущаяся непонятность движенія товарныхъ цѣнъ исчезаетъ при научномъ анализѣ явленій цѣны, и что, несмотря на огромныя колебанія рыночныхъ цѣнъ, существуютъ центры тяготѣнія цѣнъ. Эти центры тяготѣній товарныхъ цѣнъ устанавливаются мѣновыми цѣнностями товаровъ. Распредѣленіе народнаго дохода совершается при посредствѣ цѣны и мѣновой цѣнности (понимая подъ мѣновой цѣнностью центръ тяготѣнія цѣнъ—иначе говоря, абстрактную основу цѣны), но отнюдь не при посредствѣ абсолютной стоимости—трудовой затраты.

Всего этого, повторяемъ, не могъ не видѣть Марксъ. Между тѣмъ, въ основу своей экономической системы онъ положилъ не теорію цѣнности, а теорію стоимости, овеществленной въ товарѣ. Изъ этой основы онъ долженъ былъ исходить при объясненіи явленій распредѣленія народнаго дохода. При такомъ положеніи дѣла, Марксу оставалось одно— разсматривать стоимость, какъ абстрактную основу цѣны, къ чему онъ и пришелъ. И это было для Маркса тѣмъ легче, что онъ имѣлъ въ

этомъ отношенія великаго предшественника—Рикардо. Послѣдній также призналъ цѣнность пропорціональной труду и на этой основѣ развилъ свою геніальную теорію распредѣленія.

Но, при ближайшемъ разсмотрѣніи, сходство между методологическимъ пріемомъ Рикардо и Маркса оказывается только поверхностнымъ и, по существу, совершенно мнимымъ. Великій англійскій экономистъ былъ всего менѣе доктринеромъ; обладая могучей силой абстрактнаго мышленія, онъ въ то же время былъ одаренъ удивительнымъ практическимъ смысломъ и ясностью пониманія живой дѣйствительности. Доказавъ на опытѣ свои блестящія коммерческія способности, Рикардо былъ всего менѣе склоненъ игнорировать реальные факторы, управляющіе рыночной цѣной. Мы уже указывали раньше, что Рикардо былъ совершенно чуждъ мысли, будто трудъ есть единственная субстанція цѣнности. Принимая цѣнность пропорціональной трудовой стоимости, Рикардо дѣлалъ методологическое допущеніе, условное значеніе котораго ему было вполнѣ ясно. Въ своихъ позднѣйшихъ письмахъ къ Макъ-Куллоху онъ сомнѣвался въ цѣлесообразности даже и этого допущенія и находилъ болѣе правильнымъ разсматривать цѣнность, какъ производный моментъ не только труда, но и капитала.

Поэтому, Рикардо никогда не согласился бы, что въ созданіи прибыли капиталиста средства производства и рабочая сила человѣка играютъ различную роль, что единственнымъ реальнымъ источникомъ капиталистической прибыли является неоплаченный трудъ рабочаго. Методологическое сближеніе цѣнности и трудовой стоимости, къ которому прибѣгнулъ Рикардо, отнюдь не привело его къ отрицанію возможности возникновенія цѣнности изъ иныхъ элементовъ, кромѣ труда. То, что мы назвали абсолютной трудовой теоріей цѣнности, было совершенно чуждо ясному и практическому уму великаго экономиста. Абсолютная трудовая теорія цѣнности, замѣчательнѣйшими представителями которой являются Родбертусъ и Марксъ, тѣмъ отличается отъ теоріи Рикардо, что для послѣдняго трудъ есть одинъ изъ нѣсколькихъ моментовъ цѣнности, методологически и условно принимаемый за единственный моментъ, между тѣмъ какъ для творцовъ такъ называемаго научнаго соціализма трудъ есть самая субстанція цѣнности.

Мы видѣли, что абсолютная трудовая теорія цѣнности сыграла злую шутку съ Родбертусомъ приведши его къ экономическому абсурду—къ его знаменитой теоріи земельной ренты. Этотъ экономическій абсурдъ былъ неизбѣжнымъ логическимъ слѣдствіемъ признанія труда субстанціей цѣнности. Марксъ былъ менѣе послѣдователенъ и прямолинеенъ, нежели Родбертусъ; поэтому онъ избѣжалъ тѣхъ явно несостоятельныхъ экономическихъ построеній, къ которымъ былъ приведенъ его великій

предшественникъ. Но избѣгнуть явнаго абсурда онъ могъ только пожертвованіемъ логической стройности своихъ взглядовъ.

На всемъ протяженіи трехъ томовъ «Капитала» Марксъ колеблется между двумя взаимноисключающими точками зрѣнія: между признаніемъ и отрицаніемъ способности труда регулировать мѣновыя отношенія товаровъ. Смотря по потребностямъ аргументаціи авторъ «Капитала» становится то на ту, то на другую точку зрѣнія. Онъ опредѣляетъ цѣнность, какъ общественно необходимый трудъ, овеществленный въ товарѣ. Уже въ этомъ опредѣленіи коренится зародышъ двойственности, которая необходима Марксу, чтобы, съ одной стороны, не слишкомъ грубо разойтись съ фактами, а съ другой не пожертвовать теоретическими основами своей системы. Общественно необходимый трудъ производства продукта образуетъ собой общественную трудовую стоимость послѣдняго. Понятіе это вполнѣ ясно. Но оно не имѣетъ никакого отношенія къ обмѣну. И вотъ Марксъ вводитъ въ свое опредѣленіе цѣнности чрезвычайно важное добавленіе: общественно необходимый трудъ, *овеществленный въ товарѣ*. Товаръ же есть продуктъ, предназначенный для обмѣна и участвующій въ немъ. Цѣнность есть, такимъ образомъ, не просто трудъ, но трудъ, обнаруживающійся какимъ-то, пока еще неяснымъ, образомъ въ процессѣ обмѣна. Оказывается, что обмѣнъ представляетъ собой специфически свойственный товарному производству способъ измѣрять потраченное на производство продукта общественно необходимое рабочее время не непосредственно, въ единицахъ рабочаго времени, а посредственно, путемъ приравниванія одного трудового продукта другому трудовому продукту.

Вмѣсто того, чтобы опредѣлять рабочимъ временемъ общественный трудъ, заключенный въ аршинѣ сукна, мы опредѣляемъ этотъ трудъ, выражая цѣну сукна въ другомъ товарѣ, служащимъ для измѣренія цѣнности. Приравнивая сукно золоту, мы приравниваемый трудъ, заключенный въ суккѣ, труду заключенному въ золотѣ, опредѣляемъ трудовую стоимость сукна, выражая ее въ вѣсовыхъ единицахъ золота.

На этомъ базисѣ Марксъ строитъ свое геніальное ученіе о товарѣ фетишѣ. Ученіе это мы считаемъ истиннымъ шедевромъ Маркса, глубочайшей философіей товарнаго хозяйства, какую только знаетъ исторія экономической мысли. Какъ смѣло и оригинально задумано это ученіе и какъ блестяще, какъ ярко и образно оно изложено! Въ ученіи о товарномъ фетишизмѣ Марксъ достигъ высшей точки своего научнаго творчества, той точки, гдѣ могучій полетъ философской мысли и сила научнаго воображенія пріобрѣтаютъ прямо художественную красоту. Для многихъ это великое ученіе непонятно. Находились критики, не боявшіеся заявлять объ этомъ печатно. Такихъ критиковъ остается только пожалѣть, такъ какъ они не поняли того, что есть самаго цѣннаго въ экономической теоріи «Капитала».

Однако, и ученіе о товарномъ фетишизмѣ пострадало отъ коренной ошибки Маркса—смѣшенія цѣнности со стоимостью. Цѣнность есть, по словамъ Маркса, только особенный, свойственный товарному хозяйству, косвенный способъ выражать общественно необходимое время, заключенное въ трудовомъ продуктѣ. Обмѣнивая одинъ трудовой продуктъ на другой трудовой продуктъ, мы приравниваемъ трудъ, заключенный въ одномъ продуктѣ, труду, заключенному въ другомъ продуктѣ. Таково центральное положеніе теоріи цѣнности Маркса. Но не ясно ли, что это положеніе находится въ неустранимомъ противорѣчіи съ признаніемъ самого Маркса, что мѣновыя отношенія товаровъ не соотвѣтствуютъ относительнымъ количествамъ труда, заключеннымъ въ каждомъ товарѣ. Вѣдь обмѣнивая одинъ товаръ на другой, мы обмѣниваемъ *не равныя, а различныя количества труда*, какъ это съ полной ясностью, не допускающей никакихъ сомнѣній, и съ полной категоричностью, не допускающей никакихъ колебаній, признано Марксомъ въ III томѣ «Капитала».

Если же такъ, то какимъ образомъ можно утверждать, что обмѣнъ есть косвенный способъ опредѣлять количество *труда*, заключеннаго въ товарѣ? Капиталистическому обмѣну нѣтъ никакого дѣла до трудовой стоимости товара; въ капиталистическомъ обмѣнѣ, дѣйствительно, происходитъ приравниваніе, но не труда, а *капитала*, потребнаго для производства товара. Капиталистическій обмѣнъ, по разъясненію самого Маркса, *не можетъ* происходить на основѣ равной трудовой стоимости; слѣдовательно, *не трудъ* есть то неизвѣстное, которое опредѣляется мѣновымъ уравненіемъ.

Отсюда ясно, что ученіе Маркса о цѣнности, какъ общественно-необходимомъ трудѣ, *овеществленномъ* въ товарѣ, заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе, ибо трудъ отнюдь не овеществляется въ товарной цѣнѣ, а, кромѣ своей цѣны, товаръ не обладаетъ никакимъ свойствомъ, объективирующемъ общественныя отношенія. Средняя цѣна товара не даетъ никакого указанія относительно количества труда, заключеннаго въ товарѣ; но она, дѣйствительно, является, по отношенію ко всѣмъ свободно воспроизводимымъ продуктамъ, довольно точнымъ показателемъ того, какая затрата *капитала* требуется для производства товара, какъ велики издержки производства этого товара. Слѣдовательно, въ средней цѣнѣ свободно воспроизводимыхъ товаровъ овеществляется не трудъ, а сложныя общественныя отношенія, выраженіемъ которыхъ является капиталъ, отношенія, отнюдь не сводимыя къ простой затратѣ общественнаго труда.

Итакъ, попытка Маркса придти къ цѣнности, исходя изъ трудовой стоимости, неудачна въ самомъ корнѣ. Смѣшеніе цѣнности со стоимостью исказило и глубокое ученіе о товарѣ-фетишѣ. Искаженіе заключается въ томъ, что въ основѣ товарнаго фетишизма лежитъ не то, что называетъ цѣнностью Марксъ—овеществленіе въ товарѣ труда (ибо

такого овеществленія не происходитъ въ дѣйствительности), а то, что называютъ цѣнностью остальные экономисты—овеществленіе въ товарѣ общественныхъ отношеній обмѣнивающихся людей. Цѣна земли есть такая же категорія, ведущая къ фетишизму, какъ и цѣна любого трудового продукта. Въ цѣнѣ земли, какъ и въ цѣнахъ другихъ товаровъ, подъ матеріальной оболочкой отношенія двухъ вещей—земли и денегъ,—скрыто опредѣленное общественное отношеніе. Въ категоріи цѣнности обнаруживаются не только отношенія общественнаго труда, но и отношенія соціальнаго господства и зависимости. Цѣна земли не есть мнимое выраженіе, каковымъ ее признаетъ Марксъ, а вполнѣ реальное вещное выраженіе соціальнаго могущества землевладѣльческаго класса. Поэтому, цѣнность, какъ основа цѣны, какъ вещное выраженіе общественныхъ отношеній участвующихъ въ обмѣнѣ лицъ, а не цѣнность, какъ овеществленный въ товарѣ трудъ, есть основная категорія товарнаго фетишизма.

Если *мѣновой цѣнности* присущъ характеръ фетиша, то *трудовая стоимость* совершенно чужда этого характера. Какъ мы уже указывали выше, стоимость и цѣнность въ этомъ отношеніи вполнѣ противоположны другъ другу. Въ трудовой стоимости человѣкъ фигурируетъ безъ всякаго вещнаго покрывала, въ мѣновой цѣнности же за вещнымъ покрываломъ не видно человѣка. Поэтому, положить въ основу ученія о товарномъ фетишизмѣ преобразованную категорію стоимости было глубокой ошибкой со стороны Маркса.

Логическія противорѣчія, лежащія въ основѣ теоріи цѣнности Маркса, проходятъ красной нитью сквозь всю его экономическую систему. Мы уже видѣли, какой мостъ сооружаетъ Марксъ, чтобы соединить въ одно цѣлое стоимость и цѣнность. Этимъ мостомъ является тезисъ, будто стоимость овеществляется въ мѣновыхъ отношеніяхъ товаровъ, въ то время, какъ, по признанію самого Маркса, мѣновыя отношенія товаровъ не управляются стоимостью. Хотя мостъ этотъ есть, такимъ образомъ, только мнимая связь двухъ несоединимыхъ категорій, Марксъ благополучно перебирается по нему отъ стоимости къ цѣнности и исходитъ въ своей теоріи распредѣленія народнаго дохода изъ понятія стоимости, какъ будто оно тожественно съ цѣнностью. На этой совершенно несостоятельной основѣ творецъ «Капитала» строитъ свою знаменитую теорію прибавочной цѣнности.

Въ своей полемической книгѣ противъ Дюринга Энгельсъ объявилъ эту теорію однимъ изъ двухъ великихъ открытій, которыми мы обязаны Марксу (другимъ великимъ открытіемъ Маркса Энгельсъ называлъ матеріалистическое пониманіе исторіи. «Anti-Dühring», S. 13). Утвержденіе это, однако, такъ расходилось съ истиной, что самъ Энгельсъ долженъ былъ взять его обратно. Послѣ появленія въ печати писемъ Родбертуса, въ которыхъ послѣдній обвинялъ Маркса въ плагіатѣ, въ виду полнаго тожества, въ основной идеи, теоріи при-

бавочной цѣнности «Капитала» и теоріи ренты, развитой въ болѣе раннихъ работахъ Родбертуса, Энгельсъ рѣзко перемѣнилъ фронтъ и въ предисловіи ко второму изданію «Das Elend der Philosophie» заявилъ, что идея прибавочной цѣнности, задолго до Родбертуса и Маркса, была высказана англійскими соціалистами двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ. Это послѣднее утвержденіе Энгельса гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ первое—теорія прибавочной цѣнности можетъ считаться оригинальнымъ созданіемъ Маркса въ еще гораздо меньшей степени, чѣмъ матеріалистическое пониманіе исторіи. Если искать, кто первый «открылъ» прибавочную цѣнность, то честь этого открытія (если вообще тутъ есть открытіе) слѣдуетъ, повидимому, приписать, скорѣе всего, ученику Оуэна Вилліаму Томпсону. Мы вполнѣ согласны съ Антономъ Менгеромъ, что, «если отвлечься отъ математическихъ формулъ, которыя вводитъ въ свое изложеніе Марксъ, и которыя больше затемняютъ, чѣмъ поясняютъ суть дѣла, то вся теорія прибавочной цѣнности—понятіе прибавочной цѣнности, ея наименованіе, взгляды относительно высоты прибавочной цѣнности—окажется заимствованной въ своихъ существенныхъ чертахъ изъ работы Томпсона», а именно, изъ главнаго сочиненія послѣдняго: «An inquiry into the principles of the distribution of Wealth most conductive to human happiness» вышедшемъ въ 1824 г. и выдержавшемъ три изданія. Та же идея развивалась до Томпсона, хотя въ очень неясной формѣ, англійскими соціалистами Годвиномъ и Голлемъ и, послѣ него, цѣлымъ рядомъ писателей, въ томъ числѣ сенъ-симонистами и Прудономъ. Въ виду всего этого, не можетъ быть и рѣчи объ авторскихъ правахъ Маркса на идею прибавочной цѣнности. Но не подлежитъ сомнѣнію, что Марксъ много сдѣлалъ для систематическаго развитія ея и ея превращенія въ стройную научную теорію.

Теорія прибавочной цѣнности цѣликомъ покоится на абсолютной трудовой теоріи цѣнности, которую мы признали ложной. Она столь же ложна, какъ ложна, напр., теорія физіократовъ, объяснявшая «чистый доходъ» общества производительной силой земли. Прибыль капиталиста (на которой преимущественно останавливается Марксъ) есть моментъ, соотносительный съ цѣной товара, а такъ какъ товарная цѣна регулируется отнюдь не трудомъ, а капиталомъ, то, слѣдовательно, и прибыль создается не только той частью капитала, которая затрачивается на заработную плату, но и той частью капитала, которая выражается въ средствахъ производства; однимъ словомъ, прибыль создается всѣмъ капиталомъ въ совокупности. Не существуетъ постояннаго и перемѣннаго капитала, не существуетъ той противоположности рабочей силы и средствъ производства, въ дѣлѣ созданія цѣнности изъ предположенія которой исходитъ Марксъ. Вся утомительная схоластика трехъ толстыхъ томовъ «Капитала», имѣющая цѣлью привести теорію прибавочной цѣнности въ хотя бы отдаленное соотвѣтствіе съ реальными фактами

капиталистическаго хозяйства, ни къ чему не нужна и должна быть выброшена наукой за бортъ, ибо сама теорія, въ самомъ своемъ основаніи, не вѣрна.

Несостоятельность теоріи прибавочной цѣнности чувствуется уже изъ необыкновенной запутанности и сложности ея конструкціи при объясненіи фактовъ дѣйствительной жизни. Ежедневный опытъ говоритъ, что прибыль, получаемая каждымъ индивидуальнымъ капиталистическимъ предпріятіемъ, а также и каждымъ родомъ капиталистической промышленности (напр., хлопчатобумажной, земледѣльческой, чугуноплавильной, керамической и пр., и пр.) не находится ни въ какомъ соотношеніи съ распредѣленіемъ капитала на заработную плату и средства производства. Въ нѣкоторыхъ родахъ капиталистическаго производства въ затратахъ капитала преобладаютъ средства производства, въ другихъ—заработная плата. Въ разнообразныхъ видахъ капиталистической кустарной промышленности затрата капитала выражается преимущественно въ заработной платѣ, въ то время, какъ въ крупныхъ машиностроительныхъ заводахъ средства производства играютъ главную роль. Несмотря на это, отнюдь нельзя сказать, чтобы прибыль въ кустарной промышленности была выше, чѣмъ въ машиностроительной. Для объясненія этого факта Марксъ прибѣгаетъ къ слѣдующей фикціи: прибавочная цѣнность, создаваемая всей капиталистической промышленностью, образуетъ собой, по его объясненію, какъ бы общій резервуаръ, изъ котораго прибыль распредѣляется между отдѣльными капиталистическими предпріятіями пропорціонально не перемѣнному капиталу (заработной платѣ), а всему капиталу, какъ перемѣнному, такъ и постоянному, занятому въ производствѣ.

Объясненіе это было бы прекрасно, если бы оно не страдало однимъ, но очень существеннымъ недостаткомъ: оно совершенно произвольно выдумано Марксомъ и не имѣетъ подъ собой ни тѣни реальнаго основанія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ III тома «Капитала» Марксъ изображаетъ слѣдующимъ образомъ процессъ выравниванія капиталистической прибыли. Первоначально отрасли промышленности, въ которыхъ преобладаетъ перемѣнный капиталъ, даютъ болѣе высокій процентъ прибыли, чѣмъ тѣ, въ которыхъ постоянный капиталъ играетъ бо̀льшую роль. Неравенство процента прибыли вызываетъ приливъ капиталовъ въ болѣе доходныя предпріятія перваго рода и отливъ капиталовъ изъ вторыхъ, менѣе доходныхъ предпріятій. Это передвиженіе капиталовъ не можетъ остаться безъ вліянія на цѣны соотвѣтствующихъ продуктовъ. Цѣны товаровъ перваго рода, благодаря увеличенію ихъ предложенія, падаютъ, цѣны товаровъ второго рода, по обратной причинѣ, возрастаютъ, вслѣдствіе чего процентъ прибыли въ первыхъ отрасляхъ промышленности понижается, во вторыхъ повышается, и въ результатѣ получается и въ тѣхъ и въ другихъ отрасляхъ про-

мышленности приблизительное равенство средняго процента прибыли и соотвѣтствіе его затратѣ капитала.

Нужно ли говорить, что ничего подобнаго въ дѣйствительности не наблюдается? Весь этотъ процессъ отлива капитала изъ отраслей промышленности съ преобладаніемъ постояннаго капитала и прилива его въ отрасли промышленности съ преобладаніемъ перемѣннаго капитала измышленъ Марксомъ ad hoc—для того, чтобы какъ-нибудь затушевать противорѣчіе своей теоріи прибыли съ всѣмъ извѣстными фактами. Реальная, а не воображаемая, исторія хозяйства показываетъ совершенно обратное. Среди крупныхъ отдѣловъ общественнаго производства земледѣліе характеризуется особеннымъ преобладаніемъ перемѣннаго капитала; несмотря на это, именно земледѣліе всего менѣе привлекаетъ къ себѣ капиталы и потому сохраняетъ до настоящаго времени, среди другихъ отраслей общественнаго производства, наименѣе капиталистическій характеръ. Капиталъ отливаетъ изъ странъ старой капиталистической культуры и направляется въ болѣе молодыя страны. Въ какія же отрасли производства направляется этотъ потокъ капитала—въ тѣ ли, гдѣ преобладаетъ перемѣнный капиталъ, или же въ производства съ обратнымъ строеніемъ капитала? Опытъ показываетъ, что именно отрасли промышленности съ преобладаніемъ постояннаго капитала (желѣзныя дороги, металлургическіе заводы, крупныя фабрики и пр.) особенно притягиваютъ къ себѣ капиталы. Металлургическое производство юга Россіи, характеризующееся чрезвычайно высокими затратами на техническое оборудованіе заводовъ, развилось у насъ на глазахъ. По теоріи Маркса, процентъ прибыли въ нашей южной металлургической промышленности долженъ бы быть вначалѣ низкимъ, а затѣмъ постепенно повышаться и сравняться, наконецъ, со среднимъ процентомъ прибыли для Россіи. Дѣйствительность дала совершенно обратную картину: металлургическіе заводы, пользуясь своимъ монопольнымъ положеніемъ, давали вначалѣ огромные дивиденды, которые затѣмъ, по мѣрѣ роста промышленности, значительно понизились.

Впрочемъ, для опроверженія измышленій Маркса можно и не прибѣгать къ фактамъ. Измышленія эти опровергаются его собственной теоріей цѣны. Онъ самъ призналъ, въ другихъ частяхъ своего труда, что цѣны товаровъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ не имѣютъ тяготѣнія къ трудовымъ стоимостямъ и регулируются издержками производства, а не трудомъ. То, что Марксъ называетъ органическимъ строеніемъ капитала, т.-е. распредѣленіе его на постоянную и перемѣнную часть, не оказываетъ никакого вліянія на товарную цѣну. Даже предметы, которые совсѣмъ не имѣютъ трудовой стоимости, какъ, напр., земля, могутъ имѣть цѣну. Слѣдовательно, ни о какомъ тяготѣніи цѣнъ къ трудовымъ затратамъ не можетъ быть и рѣчи. А если такъ, то для всей этой длинной исторіи—прилива капитала въ отрасли промышленности съ преобладаніемъ постояннаго капитала и



отлива ихъ изъ производствъ съ противоположнымъ органическимъ строеніемъ—нѣтъ рѣшительно никакого повода: цѣны въ среднемъ и такъ соотвѣтствуютъ относительнымъ затратамъ капитала, и процентъ прибыли (опять-таки въ среднемъ) и такъ приблизительно одинаковъ для отраслей промышленности съ самымъ различнымъ строеніемъ капитала. Все это сложное построеніе было придумано Марксомъ для того, чтобы спасти свою теорію прибавочной цѣнности; но оно находится въ основномъ противорѣчіи съ *теоріей цѣны* того же Маркса, теоріей, вполнѣ совпадающей съ общепринятой въ экономической наукѣ. Чтобы избавить теорію абсолютной трудовой цѣнности отъ очевиднаго противорѣчія съ фактами, Марксъ разорвалъ ея связь съ теоріей цѣны. Теорія цѣны «Капитала» вполнѣ реалистична, теорія цѣнности до послѣдней степени фантастична. При такомъ положеніи дѣла, неудивительно, что всѣ крайне искусственныя и замысловатыя построенія Маркса, измышленныя имъ въ интересахъ согласованія съ фактами своей теоріи цѣнности (вмѣстѣ съ вытекающей изъ послѣдней теоріей прибавочной цѣнности), расходятся съ его собственной теоріей цѣны.

По ученію Маркса, прибыль *всего класса* капиталистовъ опредѣляется поступающей въ ихъ распоряженіе долей прибавочной цѣнности, выкачиваемой ими изъ рабочихъ; но прибыль каждаго *отдѣльнаго* капиталиста не находится ни въ какомъ соотношеніи съ присваиваемой имъ долей прибавочной цѣнности. Прибавочная цѣнность изъ всѣхъ отдѣльныхъ капиталистическихъ предпріятій сливается какъ бы въ общій резервуаръ, чтобы затѣмъ опять распредѣлиться, по инымъ основаніямъ, между отдѣльными предпріятіями. Ученіе это нѣсколько напоминаетъ, по своей конструкціи, пресловутое ученіе объ общемъ фондѣ заработной платы. Послѣднее ученіе было оставлено наукой въ виду того, что самое представленіе объ общемъ фондѣ, изъ котораго каждый рабочій черпаетъ свою плату, оказалось фикціей. То же слѣдуетъ сказать и объ общемъ резервуарѣ прибавочной цѣнности, который предполагается Марксомъ. Никакого общаго резервуара прибавочной цѣнности не существуетъ—прибыль отдѣльнаго капиталиста не есть частное, происходящее отъ дѣленія общей суммы прибыли капиталистическаго класса на число единицъ капитала, а, наоборотъ, общая прибыль капиталистическаго класса есть величина производная, есть результатъ сложенія прибылей всѣхъ отдѣльныхъ капиталистическихъ предпріятій.

Какъ прибыль отдѣльнаго капиталиста не находится ни въ какомъ соотношеніи съ тѣмъ, что Марксъ называетъ прибавочной цѣнностью даннаго предпріятія, такъ и прибыль всего капиталистическаго класса отнюдь не опредѣляется поступающей въ его распоряженіе долей общей суммы прибавочной цѣнности. Прибыль какъ отдѣльнаго капиталиста, такъ и всѣхъ капиталистовъ въ совокупности, есть моментъ, соотносительный *цѣнѣ*, а не трудовой стоимости.



Марксъ часто говоритъ о ненасытной жаждѣ прибавочной цѣнности, которой объятъ капиталъ. Но къ какой же цѣнности стремится капиталистъ, къ цѣнности, какъ къ воплощенію человѣческаго труда (цѣнность въ смыслѣ Маркса), или же къ цѣнности, какъ къ абстрактной основѣ цѣны (цѣнность въ общепринятомъ смыслѣ)? Никакого сомнѣнія на этотъ счетъ быть не можетъ. Капиталисту совершенно безразлична трудовая стоимость продукта, но крайне важна цѣна послѣдняго. Если предпріятіе даетъ много прибавочной стоимости, но немного прибыли, то капиталистъ никогда не признаетъ этого предпріятія выгоднымъ.

Такъ, напр., въ домашней промышленности, при господствѣ системы «выжиманія пота», капиталистъ выкачиваетъ изъ рабочаго огромное количество прибавочнаго труда—значительно большее количество, при равныхъ затратахъ капитала, чѣмъ въ другихъ отросляхъ капиталистической промышленности. Но такъ какъ продукты этого рода промышленности продаются по очень низкимъ цѣнамъ, то нѣтъ основанія думать, что прибыль капиталиста именно въ этихъ отросляхъ производства всего выше и потому нельзя сказать, чтобы капиталъ съ особенной энергіей притекалъ именно въ домашнюю промышленность. Капиталисту вообще нѣтъ дѣла до уровня прибавочнаго труда, если этотъ уровень расходится съ уровнемъ прибыли; капиталистъ выжимаетъ потъ изъ рабочаго вовсе не изъ жестокосердія и не изъ вражды къ рабочему, а ради полученія прибыли, которая, въ свою очередь, зависитъ отъ разницы цѣны выручки и затраты капиталиста. Если, по тѣмъ или инымъ рыночнымъ условіямъ, высокій процентъ прибыли совпадаетъ съ низкимъ уровнемъ прибавочнаго труда (а возможность такого совпаденія отнюдь не отрицается Марксомъ), то капиталистъ найдетъ данное предпріятіе выгоднымъ и охотно помѣститъ въ него свои капиталы. Наоборотъ, если въ томъ или иномъ предпріятіи выжимается огромное количество прибавочнаго труда, но процентъ прибыли остается низкимъ, то капиталистъ не будетъ ни минуты колебаться, выгодно это предпріятіе или нѣтъ. Отсюда ясно, что не цѣнность (въ смыслѣ Маркса), а цѣна есть истинный нервъ капиталистическаго производства. Не стремленіе къ прибавочному труду, а стремленіе къ прибавочной цѣнѣ, къ возможному превышенію цѣны выручки сравнительно съ цѣной затраты—вотъ что управляетъ движеніями капитала.

Если же такъ, то къ чему нужна вся теорія прибавочной цѣнности, вмѣстѣ со своей основой—абсолютной трудовой теоріей цѣнности? Мѣновыя отношенія товаровъ не управляются трудовыми затратами, прибыльность отдѣльныхъ капиталистическихъ предпріятій не находится ни въ какомъ соотношеніи съ выкачиваемой въ каждомъ предпріятіи прибавочной цѣнностью. Правда, Марксъ утверждаетъ, что хотя цѣна каждаго отдѣльнаго товара и не совпадаетъ съ его



трудовой стоимостью, зато для всего общества «сумма цѣнъ изготовленныхъ товаровъ равняется суммѣ ихъ (трудовыхъ) цѣнностей» («Das Kapital» III[1], S. 138), и что если прибыль индивидуальнаго капиталиста не совпадаетъ съ извлекаемой имъ долей прибавочной цѣнности, за то общая прибыль всего класса капиталистовъ какъ разъ равна присваиваемой ими долѣ прибавочной цѣнности. Но легко понять безнадежность этой послѣдней попытки Маркса спасти свою теорію. Понятіе суммы цѣнъ всѣхъ товаровъ (включая сюда и деньги) есть понятіе логически нелѣпое*). Цѣна есть выраженіе мѣноваго *отношенія*, отношенія въ обмѣнѣ одного товара къ другому товару. Сумма членовъ этихъ отношеній ничего не выражаетъ, ибо понятіе отношенія предполагаетъ два члена, а отношеніе съ однимъ членомъ, отношеніе, ни къ чему не относящееся, есть абсурдъ. Цѣна показываетъ, что одинъ товаръ въ извѣстномъ отношеніи обмѣнивается на другой товаръ; если же мы возьмемъ всѣ товары въ совокупности (т. е. включая сюда и деньги) и спросимъ себя, каково ихъ мѣновое отношеніе, какова ихъ общая цѣна, то единственно возможный на это отвѣтъ долженъ быть слѣдующій: вся совокупность товаровъ, какъ цѣлое, ни на что не обмѣнивается (обмѣнъ происходитъ внутри этой совокупности) и, слѣдовательно, никакой цѣны не имѣетъ.

Поэтому, ни о какой *цѣнѣ* всей общественной суммы товаровъ (включая сюда и деньги) не можетъ быть и рѣчи. Но, разумѣется, ничего нѣтъ нелѣпаго въ понятіи трудовой стоимости общественнаго продукта. Нелѣпость утвержденія Маркса заключается, слѣдовательно, не въ томъ, что Марксъ признаетъ возможнымъ выразить стоимость всего общественнаго продукта въ трудовыхъ единицахъ; а въ томъ, что онъ пытается установить равенство между трудовой стоимостью общественнаго продукта и цѣной (мѣновымъ отношеніемъ) послѣдняго.

Такимъ образомъ, абсолютная трудовая теорія цѣнности не можетъ быть спасена разсмотрѣніемъ всего общественнаго хозяйства въ совокупности. То же слѣдуетъ сказать и о частномъ выводѣ изъ трудовой теоріи цѣнности—теоріи прибавочной цѣнности. Мы всего менѣе склонны отрицать или ослаблять значеніе факта прибавочнаго труда. Теорію прибавочнаго труда и прибавочной (трудовой) стоимости мы не только не считаемъ ложной, но полагаемъ, что эта теорія есть одинъ изъ очевиднѣйшихъ выводовъ экономическаго мышленія, не подпадающаго иллюзіи товарнаго фетишизма и не ослѣпленнаго капиталистическими классовыми интересами. Но вѣдь прибавочный трудъ и прибавочная цѣнность далеко не одно и то же. Отожествленіе двухъ этихъ понятій было бы возможно лишь въ томъ случаѣ, если бы трудовая стоимость совпадала съ мѣновой цѣнностью. А такъ какъ этого на самомъ дѣлѣ

*) Ср. разсужденія г. Франка въ его интересной книгѣ «Теорія цѣнности Маркса». Стр. 66.



нѣтъ, то и никакое суммированіе прибыли капиталистовъ не можетъ повести къ совпаденію присваиваемой капиталистами прибавочной стоимости съ прибылью.

Будемъ разсматривать весь классъ капиталистовъ, съ одной стороны, и весь классъ рабочихъ—съ другой. Наблюдается ли въ этомъ случаѣ соотвѣтствіе между присваиваемой капиталистами трудовой стоимостью и прибылью? Отнюдь нѣтъ, и по слѣдующей причинѣ. Органическое строеніе всего общественнаго капитала иное, чѣмъ строеніе капитала, занятаго въ производствѣ элементовъ самого капитала—средствъ производства и предметовъ потребленія рабочаго класса. Отсюда слѣдуетъ, что отношеніе трудовой стоимости капитала (средствъ производства и заработной платы) къ трудовой стоимости всего общественнаго продукта отнюдь не должно совпадать съ отношеніемъ денежной цѣны капитала къ денежной цѣнѣ общественнаго продукта. Капиталъ можетъ, напр., равняться по своей трудовой стоимости $^{6}/_{7}$ всего общественнаго продукта, а по своей денежной цѣнѣ составлять лишь $^{5}/_{6}$ послѣдняго. Доля капиталистовъ можетъ равняться по своей трудовой стоимости $^{1}/_{7}$ всего общественнаго продукта, а по денежной цѣнѣ—$^{1}/_{6}$ Такъ какъ процентъ прибыли устанавливается цѣной, а не трудовой стоимостью, то, слѣдовательно, реальная прибыль всего класса капиталистовъ составитъ, при данныхъ условіяхъ, значительно большую долю всего общественнаго продукта, чѣмъ прибавочная цѣнность (прибавочная стоимость), поступающая въ пользу капиталистическаго класса. Капиталисты въ нашемъ примѣрѣ получаютъ, при разсчетѣ по труду, $^{1}/_{7}$ долю стоимости общественнаго продукта, а при разсчетѣ по денежной цѣнѣ, $^{1}/_{6}$ часть цѣны общественнаго продукта. По теоріи прибавочной цѣнности, капиталисты (предполагая, для простоты анализа, что все общество слагается лишь изъ двухъ классовъ—капиталистовъ и рабочихъ) должны были бы въ этомъ случаѣ получать $16^{2}/_{3}\%$ прибыли на затраченный капиталъ ($^{1}/_{7}$: $^{6}/_{7}$), а въ дѣйствительности они получатъ $20\%$ прибыли на тотъ же капиталъ ($^{1}/_{6}$: $^{5}/_{6}$). Слѣдовательно, безусловно невѣрно, будто прибыль всего класса капиталистовъ устанавливается на основѣ прибавочной цѣнности; это столь же невѣрно по отношенію ко всему классу капиталистовъ, какъ и по отношенію къ отдѣльному капиталисту. Прибавочная цѣнность только въ томъ случаѣ могла бы устанавливать реальную прибыль, если бы органическое строеніе капитала во всѣхъ отдѣлахъ общественнаго производства было одинаковымъ. А такъ какъ это предположеніе противорѣчитъ дѣйствительности, то и вся теорія прибавочной цѣнности, какой бы смыслъ ей ни придавать, разсматривать ли ее, какъ теорію прибыли отдѣльнаго капиталиста или какъ теорію дохода всего класса капиталистовъ, класса землевладѣльцевъ и пр.—противорѣчитъ дѣйствительности.

Признавъ, что среднія цѣны товаровъ не совпадаютъ съ трудовыми стоимостями, Марксъ нанесъ смертельный ударъ своей теоріи цѣн-



ности, а слѣдовательно, и теоріи прибавочной цѣнности. Обѣ теоріи превратились въ совершенно ненужный и крайне сложный научный аппаратъ, ничего не объясняющій въ фактахъ дѣйствительной жизни и только затемняющій ихъ. Разорвавъ связь цѣнности съ цѣной, Марксъ лишилъ содержанія свое понятіе цѣнности. Дѣйствительно, что это за странная *мѣновая* цѣнность, которая никогда не проявляется въ обмѣнѣ! Въ чемъ же она, въ такомъ случаѣ, проявляется? Опредѣленнаго отвѣта на этотъ, самый естественный, казалось бы, вопросъ мы напрасно стали бы искать у Маркса.

Экономическія построенія «Капитала» относятся къ какому-то фантастическому міру, не имѣющему ничего общаго съ реальнымъ міромъ. Категорически заявляя, что цѣна товара *не тяготѣетъ* къ трудовой затратѣ, Марксъ съ неутомимымъ усердіемъ нанизываетъ одну формулу на другую, вводитъ новыя и новыя усложненія въ свою систему, строитъ одну запутанную теорему на другой, дѣлаетъ все болѣе темной свою хитроумную и крайне искусственную теоретическую конструкцію, въ основѣ которой лежитъ молчаливое допущеніе, что... цѣны *тяготѣютъ* къ трудовымъ затратамъ! Весь II томъ «Капитала» (кромѣ III отдѣла) представляетъ собой удивительнѣйшій образчикъ экономичекой схоластики, въ которой чисто словесныя построенія разрастаются до чудовищныхъ размѣровъ; понятіе трудовой цѣнности переворачивается Марксомъ на всѣ лады, изъ него извлекаются самые замысловатые выводы, а изслѣдованіе объективныхъ фактовъ не подвигается ни на шагъ *). Мысль вращается все время въ кругу понятій, заключающихъ въ себѣ внутреннія противорѣчія. И вся эта схоластика — въ родѣ глубокомысленныхъ разсужденій, создаетъ ли прибавочную цѣнность рабочій, занятый въ торговомъ предпріятіи—или бухгалтеръ и кассиръ — покоится на тезисѣ, который опровергается самимъ авторомъ! Реальныя явленія—въ родѣ цѣны земли—объявляются «мнимыми», «иррациональными», а мнимыя понятія—въ родѣ таинственной мѣновой цѣнности, не проявляющейся въ обмѣнѣ — признаются единственной реальностью. Марксъ, конечно, геніаленъ, и многія его мысли войдутъ навсегда въ сокровищницу человѣческаго знанія; но достигая предѣловъ глубины пониманія, авторъ «Капитала» достигалъ и предѣловъ логической безвкусицы, отъ которой такъ пострадало его великое твореніе.

Послѣ всего сказаннаго, намъ не трудно понять, въ чемъ заключается правда и ложь теоріи абсолютной трудовой цѣнности. Ея правда въ томъ, что трудовая стоимость есть, дѣйствительно, основная категорія экономическаго мышленія, не останавливающагося на поверхности товарнаго міра, но проникающаго въ его глубины; ея

*) На схоластичность построеній «Капитала» уже давно справедливо указалъ въ своей критикѣ Маркса г. Слонимскій.

ложь въ отожествленіи трудовой стоимости съ цѣнностью. Разсматриваемая теорія безусловно несостоятельна, какъ теорія цѣнности, го она содержитъ въ себѣ элементы, безъ которыхъ соціологическое пониманіе капиталистическаго общественнаго строя было бы невозможно. Поэтому, и друзья, и враги этой теоріи одинаково правы и неправы—теорія абсолютной трудовой цѣнности не есть полная истина, но она не есть и полная ложь. Оффиціальная экономическая наука имѣла основаніе игнорировать эту теорію, такъ какъ для всей группы явленій, связанныхъ съ категоріей цѣнности и цѣны (а именно эти явленія изучаются господствующей политической экономіей), названная теорія совершенно безполезна; но не менѣе правъ и Марксъ, болѣе инстинктивно, чѣмъ сознательно, понявшій, что только категорія трудовой стоимости можетъ быть исходнымъ пунктомъ соціальной науки, изслѣдующей общественныя отношенія капиталистическаго строя съ точки зрѣнія интересовъ работающаго человѣка.

О теоріи прибавочной цѣнности нужно сказать то же, что и о теоріи абсолютной трудовой цѣнности, съ которой она составляетъ неразрывное цѣлое. Въ ней также скрыта подъ оболочкой ложной теоріи прибыли и нетрудового дохода вообще нѣкоторая глубокая истина—признаніе наличности прибавочнаго труда, какъ основы капиталистическаго, какъ и всякаго иного классоваго общественнаго строя. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что прибыль капиталиста, вопреки теоріи Маркса, *не есть* неоплоченный трудъ рабочаго. Только въ этическомъ смыслѣ, исходя изъ этически-правового принципа права рабочаго на весь продуктъ производства, можно поддерживать этотъ основной тезисъ Маркса. Конечно, капиталистъ получаетъ свою прибыль безъ соотвѣтствующаго трудоваго эквивалента съ своей стороны. Рабочій работаетъ въ пользу капиталиста болѣе продолжительное время, чѣмъ то, которое требуется для воспроизведенія получаемой рабочимъ платы. Отрицать это значило бы отрицать, что рабочій извлекаетъ свой доходъ изъ своего труда, а капиталистъ изъ своего капитала, т.-е., что рабочій есть рабочій, а капиталистъ есть капиталистъ. Но прибавочный трудъ не есть прибавочная цѣнность, не есть, слѣдовательно, и прибыль. Признавъ фактъ прибавочнаго труда, мы еще далеко не объяснили, откуда берется прибыль капиталиста.

Проблема прибыли есть проблема нетрудового дохода вообще. Объяснивъ происхожденіе прибыли, мы легко поймемъ происхожденіе и всѣхъ другихъ видовъ нетрудового дохода. Итакъ, откуда берется прибыль капиталиста?

Чтобы дать вполнѣ точный отвѣтъ на этотъ вопросъ, нужно его подраздѣлить на два подвопроса. Проблема прибыли (какъ и другихъ видовъ нетрудового дохода) есть, одновременно, проблема производства и распредѣленія. Чтобы капиталистъ получалъ прибыль, для этого требуется, во-1-хъ, чтобы соотвѣтствующая цѣнность производилась въ хозяйствѣ и, во-2-хъ, чтобы эта цѣнность, въ силу тѣхъ или иныхъ

условій, поступала въ полное распоряженіе капиталиста. Первый вопросъ относится къ области производства цѣнностей, второй—къ области ихъ распредѣленія.

Что касается до перваго вопроса—о возникновеніи цѣнности, составляющей прибыль капиталиста, то отвѣтить на него не трудно. Прибыль есть такая же цѣнность, какъ и всякая другая. Возникаетъ она такимъ же образомъ, какъ и другія цѣнности. Что же требуется для того, чтобы возникла цѣнность? Цѣнностью обладаютъ предметы, удовлетворяющіе нашимъ потребностямъ и имѣющіеся въ такомъ ограниченномъ количествѣ, что утрата хотя бы малой доли запаса причиняетъ намъ извѣстное лишеніе. Для, того чтобы произвести цѣнность, нужно произвести полезный продуктъ, удовлетворяющій этому послѣднему условію.

Производство всегда направлено на созданіе именно такихъ продуктовъ. Мы не производимъ воды или воздуха, такъ какъ воды и воздуха и такъ больше, чѣмъ намъ нужно. Въ результатѣ производства получается цѣнный продуктъ. Какой же факторъ производства создаетъ цѣнность продукта? Быть можетъ, цѣнность продукта создается исключительно трудомъ?

Мы знаемъ, что это не такъ. Цѣнностью могутъ обладать предметы, въ которыхъ не заключено ни атома труда. Съ другой стороны, цѣнность трудовыхъ продуктовъ отнюдь не соотвѣтсгвуетъ заключенному въ нихъ труду. Слѣдовательно, никакъ нельзя приписывать созданіе цѣнности исключительно труду.

Правда, затрата труда, при идеальныхъ условіяхъ хозяйства (т.-е. тогда, когда трудящійся человѣкъ станетъ полнымъ хозяиномъ общественнаго хозяйства), должна стать верховнымъ регуляторомъ производства, а, слѣдовательно, и цѣнности. Но даже и въ этомъ идеальномъ хозяйствѣ, цѣнность не будетъ *создаваться* трудомъ, а будетъ лишь *пропорціональной* труду. Человѣкъ будетъ такъ регулировать количество производимыхъ продуктовъ, что ихъ цѣнность будетъ соотвѣтствовать трудовой стоимости. Но все же основной законъ цѣнности, согласно которому цѣнность непосредственно опредѣляется двумя условіями: во-1-хъ, способностью предмета удовлетворять нашимъ потребностямъ и, во-2-хъ, количествомъ этихъ предметовъ въ нашемъ распоряженіи, сохранитъ всю свою силу. Во время сраженія направленія выстрѣловъ сражающихся противниковъ опредѣляются и регулируются положеніемъ и передвиженіями непріятельскихъ войскъ. Но можно ли сказать, что непріятель *создаетъ* выстрѣлы, направленные противъ него? Очевидно, нѣтъ. Такъ и сопротивленіе природы, преодолѣваемое трудомъ человѣка, не создаетъ само по себѣ цѣнности, хотя, при идеальныхъ условіяхъ производства, цѣнность должна регулироваться этимъ сопротивленіемъ.

Все это, однако, относится къ идеалу—къ тому времени, когда обще-

*

ственное хозяйство подчинится волѣ трудящагося человѣка, утратитъ свой стихійный характеръ и станетъ продуктомъ планомѣрной и сознательной дѣятельности людей. Теперь же трудъ не является даже регуляторомъ цѣнности, ибо для капиталистическаго хозяйства такимъ регуляторомъ, по общему признанію, служатъ затраты не труда, а *капитала*, капиталистическія издержки производства. Поэтому, относительно капиталистическаго хозяйства не можетъ быть никакого сомнѣнія, что капиталъ есть такой же самостоятельный факторъ цѣнности (какъ основы цѣны), какъ и трудъ.

Лошадь, которая тащитъ плугъ, нисколько не меньше участвуетъ въ созданіи мѣновой цѣнности земледѣльческаго продукта, обращающагося въ капиталистическомъ хозяйствѣ, чѣмъ рабочій, которой идетъ вслѣдъ за плугомъ. Точно также ткацкая машина, замѣщающая ручного ткача, создаетъ не менѣе мѣновой цѣнности, какъ основы капиталистической цѣны, чѣмъ вытѣсненный ею ручной ткачъ.

Относительно всего этого спора, по существу, быть не можетъ,—во всякомъ случаѣ, не можетъ быть спора при ясномъ пониманіи дѣла. Можетъ быть только чисто словесный споръ — напр., если называть мѣновой цѣнностью не покупательскую силу, не абстрактную основу цѣны, а затраченный на производство товара трудъ. Но такое словесное возраженіе легко отвести, указавъ, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ не о трудовой цѣнности (до которой капиталисту, получающему прибыль, нѣтъ никакого дѣла), а о капиталистической цѣнѣ.

Итакъ, средства производства принимаютъ такое же участіе въ созданіи цѣнности, образующей прибыль капиталиста, какъ и рабочая сила человѣка. Вопросъ о томъ, какой факторъ производства—трудъ или капиталъ—играетъ бо́льшую роль въ созданіи капиталистической цѣнности, совершенно аналогиченъ вопросу, какая половина ножницъ—верхняя или нижняя—рѣжетъ бумагу. Обѣ половины ножницъ одинаково участвуютъ въ произведеніи этого полезнаго результата—точно также и прибыль капиталиста одинаково производится какъ объективными, такъ и субъективными факторами производства.

Но эти соображенія еще не объясняютъ намъ, откуда берется прибыль. Производство требуетъ извѣстныхъ затратъ. Рабочій, чтобы работать, долженъ жить и обладать работоспособностью; средства производства, чтобы функціонировать, должны быть возобновляемы и поддерживаемы въ исправномъ видѣ. Если общественное производство даетъ лишь столько продуктовъ, сколько технически необходимо для его поддержанія въ томъ же размѣрѣ, то никакого избытка въ пользу неработающаго класса возникнуть не можетъ. Слѣдовательно, для возможности капиталистической прибыли требуется, чтобы общественное производство было технически въ силахъ создать большее количество продуктовъ, большую цѣнность, чѣмъ то количество продуктовъ, та цѣнность, которыя технически необходимы для поддержанія общественнаго производства въ неуменьшенномъ видѣ. Поэтому, какъ

правильно указалъ Родбертусъ, нетрудовой доходъ возникаетъ лишь на опредѣленной ступени развитія общественнаго производства.

Отчего же зависитъ образованіе этого избытка цѣнности—отъ занятаго въ производствѣ труда или отъ капитала? Конечно, капиталъ созданъ людьми, а не люди созданы капиталомъ. Поэтому, мы можемъ съ полнымъ правомъ сказать, что поднятіе производительности общественнаго труда есть созданіе самого общества, а не мертвыхъ орудій труда. Но общество отнюдь не совпадаетъ съ классомъ производительныхъ рабочихъ. Поэтому, было бы явнымъ абсурдомъ утверждать, что высокая производительность труда современнаго фабричнаго рабочаго есть дѣло рукъ этого самаго рабочаго. Рабочіе строятъ машины, но для возникновенія машины требуется нѣчто большее, чѣмъ мускулистыя руки. Безъ науки, безъ творческой работы человѣческаго ума хозяйственный трудъ былъ бы такъ же безпомощенъ, какъ птица безъ крыльевъ. А носителями цивилизаціи и науки являются въ современномъ обществѣ далеко не одни рабочіе. Конечно, мы не имѣемъ права утверждать и обратнаго—что двигателями промышленнаго прогресса являются только капиталисты. Многіе сторонники такъ называемой производительной теоріи прибыли (напр., Рошеръ, Кэри и др.) представляютъ капиталиста въ образѣ благодѣтеля человѣчества, изобрѣтающаго новые методы производства и этимъ настолько повышающаго производительность общественнаго труда, что получаемая капиталистомъ прибыль составляетъ лишь ничтожную долю возрастанія общественнаго производства, которымъ общество обязано всеобщему благодѣтелю — капиталисту. Такое изображеніе капиталиста есть очевидная фальсификація дѣйствительности. Большинство великихъ изобрѣтателей умерло въ бѣдности, многіе изъ нихъ были простыми рабочими; очень немногіе—въ родѣ Аркрайта или Уатта—обогатились отъ своихъ изобрѣтеній. Но если и согласиться, что милліоны Аркрайта были созданы его собственнымъ геніемъ, то это оправданіе капиталистической прибыли, очевидно, непримѣнимо къ доходамъ многихъ тысячъ капиталистовъ, которые пользовались, пользуются и будутъ пользоваться изобрѣтеніями Аркрайта, не принимая въ нихъ ровно никакого участія. Классъ капиталистовъ столь же мало совпадаетъ съ группой изобрѣтателей, какъ и классъ рабочихъ. Изобрѣтенія, какъ и научныя открытія, великія произведенія искусства, творящія эпоху идеи, и вообще все то, что мы объединяемъ понятіемъ цивилизаціи, суть созданіе не какого-либо одного общественнаго класса, а всего общества въ совокупности. Поэтому, высокая производительность труда, составляющая одно изъ условій возникновенія капиталистической прибыли, столь же мало можетъ быть отнесена на счетъ занятыхъ въ производствѣ рабочихъ, какъ и на счетъ капиталистовъ, въ пользу которыхъ работаютъ рабочіе. Промышленный прогрессъ неотдѣлимъ отъ общаго соціальнаго прогресса, творцомъ котораго является все человѣчество.

Итакъ, мы отвѣтили на первый изъ двухъ вопросовъ, изъ которыхъ слагается проблема прибыли. Теперь намъ ясно, что цѣнность, образующая капиталистическую прибыль, есть столь же мало созданіе одного труда, какъ и одного капитала. Все общество, какъ носитель духовной и матеріальной культуры, принимаетъ участіе въ созданіи чистаго общественнаго продукта, избытка общественнаго производства, сравнительно съ потребностями самого производства. Органами же общественнаго производства являются какъ рабочіе, такъ и орудія труда. И тѣ и другіе въ равной мѣрѣ необходимы для техническихъ процессовъ, изъ которыхъ слагается производство. Выяснивши это, мы можемъ перейти ко второму вопросу—почему эта избыточная цѣнность поступаетъ въ распоряженіе капиталиста.

Отвѣтъ на этотъ второй вопросъ уже данъ Родбертусомъ и притомъ съ ясностью, не оставляющей желать ничего лучшаго. Собственники земли и капитала имѣютъ возможность присвоить себѣ часть продуктовъ, часть цѣнности, создаваемыхъ обществомъ. На этой гранитной основѣ прочно покоится соціальное могущество имущихъ классовъ, пользующихся своей экономической и соціальной мощью для обезпеченія себѣ возможно большей доли въ общественномъ продуктѣ.

Доля общественнаго продукта, поступающая въ пользу капиталистовъ, опредѣляется, при прочихъ равныхъ условіяхъ, соціальной мощью капиталистическаго класса. И капиталисты, и рабочіе стремятся захватить въ свою пользу возможно большую часть общественнаго продукта. Но какимъ бы подавляющимъ перевѣсомъ ни пользовались капиталисты, доля рабочихъ въ общественномъ продуктѣ не можетъ, очевидно, спуститься ниже опредѣленной границы, устанавливаемой минимумомъ средствъ къ существованію рабочаго, ибо общественное производство не можетъ совершаться безъ рабочихъ. Напротивъ, нельзя указать опредѣленной границы паденію капиталистической прибыли.

Итакъ, *соціальное* содержаніе теоріи прибавочной цѣнности Маркса, мы должны признать совершенно вѣрнымъ; но *экономическая* оболочка этой теоріи явно несостоятельна и не выдерживаетъ критики. И мы постарались показать, что можно сохранить здоровые соціальные элементы той теоріи нетрудового дохода, начало которой восходитъ къ Вилліаму Томпсону, лучшимъ и наиболѣе послѣдовательнымъ выразителемъ которой былъ Родбертусъ, а наиболѣе вліятельнымъ распространителемъ — Марксъ, поставивъ ее въ то же время на совершенно иное экономическое основаніе, порвавъ ея связь съ теоріей абсолютной трудовой *цѣнности*, мѣсто которой должна занять, съ одной стороны, теорія предѣльной полезности, а съ другой—теорія абсолютной трудовой *стоимости*.

М. Туганъ-Барановскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---



# „Какъ хороши, какъ свѣжи были розы“...

Это было ночью... очаровательною бѣлою ночью... Они долго бродили по улицамъ, по набережнымъ, по парку, облитые бѣлымъ сіяніемъ бѣлаго неба, очарованные сказочною красотою деревьевъ, воды и тумана, который окутывалъ всѣ предметы прихотливыми бѣлыми клочьями, обрывками кружевъ, волнами газа, прозрачнаго и легкаго. Небо и звѣзды, деревья и зданія съ тысячами электрическихъ огней отражались въ водѣ; вода и земля отражались въ туманѣ... И все какъ-то странно перепуталось между собою, сливалось, теряло ясность очертаній, казалось не живымъ, не дѣйствительнымъ, призрачнымъ и фантастическимъ, какъ на картинѣ, на декораціи, или во снѣ, или въ сказкѣ...

Онъ держалъ ее подъ руку, и они шли медленнымъ беззвучнымъ шагомъ, какъ лунатики, шли все впередъ, все впередъ и оба молчали. Говорить имъ обоимъ не хотѣлось, хотя каждому хотѣлось заглянуть въ душу другого какъ можно глубже, хотѣлось понять другъ друга и почувствовать еще сильнѣе. Они знакомы были всего лишь два дня. Онъ зналъ когда-то въ юности ея мужа, но ее самое видалъ впервые. Она же только слышала о немъ много занимательнаго и увлекательнаго и тоже видѣла его впервые. И стыдно ей было идти рука объ руку съ этимъ чужимъ человѣкомъ, идти, близко прильнувъ къ нему, чувствуя теплоту его тѣла, біеніе его сердца... Стыдно, жутко до тоски и въ то же время отрадно какъ то по новому, легко и весело до восторга. Кто онъ? Откуда взялся? Что несъ въ ея молодую, еще неокрѣпшую жизнь, полную смутной тревоги, неясныхъ запросовъ, порывовъ и мечтаній? Кто онъ? Откуда?.. Она не знала. И въ эту ночь, облитая бѣлымъ сіяніемъ бѣлаго неба, зачарованная окружающей сказкою, фантастическою грезою, блѣдными призраками, воздушными, неясными и странными, она даже и не хотѣла знать—кто онъ и что связываетъ ее съ нимъ, что толкаетъ ихъ другъ къ другу съ такою страшною, непреоборимою силою. Она только чувствовала, что невидимыя руки, которыя удерживали ее подлѣ него, сильнѣе всего,

что было въ ней въ эту минуту, сильнѣе разума, чувства долга, чести, стыда и смущенія, сильнѣе ея самой... И хорошо ей было въ безуміи своемъ, въ этой сладостной стихійности, съ которою она шла все впередъ, все впередъ къ чему-то новому, невѣдомому, таинственному и жуткому и обольстительному, увлекательному до восторга.

Онъ былъ много выше ея ростомъ, сильный, статный, мужественный, съ большою, умною головою, съ нѣжнымъ и мягкимъ, проникновеннымъ взглядомъ маленькихъ, голубыхъ глазъ, блестящихъ и свѣтлыхъ. Рука его безъ перчатки, мускулистая, твердая и горячая держала ея тоненькую ручку выше локтя легко, нѣжно и бережно, какъ любящая мать держитъ ребенка своего. И онъ смотрѣлъ на нее въ бокъ, сверху внизъ взглядомъ глубокаго, взволнованнаго восхищенія, умиленія и состраданія. Ему было жаль ее какою-то странною жалостью, восторженною и благоговѣйною, его очаровывало, умиляло, трогало въ ней рѣшительно все: то, что она такъ молода, такъ робка и застѣнчива, что у нея прекрасное, блѣдное личико, темныя кудри, тоненькая шейка, большіе, восторженные и мечтательные глазки, узкій бѣлый носикъ съ крошечными, милыми веснушками. Когда она смѣялась, у нея странно двигалось, сверкало и вздрагивало все лицо, и чудные, темные глаза ея заволакивались слезами. Голосъ у нея былъ звонкій, неровный и вздрагивающій, какъ у подростковъ, хотя она была уже 4 года замужемъ, имѣла ребенка. Вся она была такая нѣжная, изящная, съ тонкимъ и гибкимъ дѣвическимъ станомъ. И одѣта по-дѣвичьи, просто и мило: бѣлое батистовое платьице, бѣлая шляпка—пастушка съ полевыми цвѣтами, легонькая, свѣтлая суконная кофточка. Отъ всего, что было въ ней и на ней—отъ голоса ея, взгляда, жестовъ, фигуры и костюма, отъ всего вѣяло на него весною, молодостью, красотою и поэзіей...

Когда онъ наклонялся къ ней и заглядывалъ въ ея маленькое личико, она вся слегка вздрагивала, блѣднѣла, а потомъ вспыхивала. Глаза ея и безъ того огромные, глубокіе и темные еще больше темнѣли, углублялись и увеличивались. Улыбнувшись ему смущенною, стыдливою улыбкою, она быстро отворачивалась отъ него, наклоняла голову и шла такъ минуть пять, шесть. Тогда онъ начиналъ разглядывать ея милую шляпку съ бѣлыми ромашками и нѣжною зеленью, ея оголенную тонкую шейку съ короткими, золотистыми завитками... И все существо его, пронзенное ею, воспламененное ею, околдованное, опьяненное, тянулось къ ней, какъ растеніе тянется къ солнцу. Страстная жажда схватить ее всю, какъ ребенка, на руки, прижать къ груди, осыпать поцѣлуями, задушить бурными объятіями зажигала всю

кровь въ немъ, кружила голову, знойными волнами ходила по всему тѣлу. И, однако, онъ шелъ подлѣ нея сдержанный, тихій, безмолвный и почти такой же, какъ и она, робкій, стыдливый и застѣнчивый...

Такъ бродили они уже давно, нѣсколько часовъ, чувствуя дыханіе другъ друга, теплоту тѣла, біеніе сердца другъ друга... шли все впередъ, все впередъ, безъ мысли, безъ ясныхъ опредѣленныхъ чувствъ и съ однимъ только острымъ, слѣпымъ и страшнымъ въ своей слѣпотѣ ощущеніемъ близости другъ друга, близости волнующей, отъ которой въ груди было тѣсно и жарко и голова кружилась, какъ отъ вина. Въ особенности у ней кружилась голова... до того кружилась, что одолѣвала дремота, клонило ко сну. И она передвигала маленькія ножки свои съ трудомъ, еле-еле, точно въ гипнозѣ, или въ сомнамбулическомъ снѣ...

Они не замѣтили, какъ очутились на островахъ... По широкому, пыльному шоссе промчалась мимо нихъ куда-то коляска съ влюбленной парочкой, потомъ другая, третья... Наконецъ, откуда-то изъ-за купы темныхъ деревьевъ вынырнула фигура торговца цвѣтами.

— Баринъ, купите цвѣты... отличныя розы!

Онъ молча сунулъ торговцу монету, взялъ букетъ и протянулъ ей. Она взглянула на цвѣты и ахнула въ дѣтскомъ восхищеніи: розы были такъ свѣжи, такъ нѣжны и душисты! Густо-красныя, почти черныя, какъ черный съ краснотою бархатъ, блѣдно-розовыя, бѣлыя и желтыя, только что обрызганныя водою, онѣ сверкали алмазными каплями и струили нѣжный, спокойный и ровный, сладостный ароматъ. Но что въ нихъ было самое главное, самое восхитительное, такъ это то, что это были *его* розы, *его* подарокъ ей, первый подарокъ, поэтическій, неизъяснимо-очаровательный...

— Ну, что-же вы не берете?—спросилъ онъ, глядя ей въ глаза, въ зрачки, въ самую душу взглядомъ восторженнаго обожанія, любуясь ея дѣтскимъ восхищеніемъ.

Тогда она порывисто, обѣими руками схватила букетъ и поднесла его къ лицу, къ сверкающимъ глазамъ, къ горячимъ, трепещущимъ устамъ... Стала дышать ихъ спокойнымъ, сладостнымъ ароматомъ часто-часто, жадно и неотрывно и цѣловать холодные, влажные лепестки ихъ тайными, скрытыми поцѣлуями, долгими и беззвучными...

А онъ все глядѣлъ на нее сверху внизъ, тихо посмѣивался, въ то время, какъ глаза его наливались слезами умиленія и преклоненія. И опять они молчали и все шли, шли, шли...

На взморьѣ они остановились и оглядѣлись по сторонамъ. „Стрѣлка“ была безлюдна, ни души кругомъ. Тихо шумѣли зе-

леною, росистою листвою деревья, рокотали и плескались о каменный берегъ волны, чуть-чуть поскрипывалъ песокъ подъ ногами.

Легкій вѣтеръ набѣгалъ порывами, колыхалъ темную воду, которая у берега отливала жесткимъ металлическимъ блескомъ, а вдали желтѣла и сливалась съ бѣлымъ горизонтомъ, съ бѣлымъ туманомъ, съ призрачными далями, со странными, фантастическими кустами и деревьями.

Онъ усадилъ ее на деревянномъ диванчикѣ и самъ сѣлъ рядомъ съ ней. Облокотившись рукой на спинку дивана, онъ продолжалъ все смотрѣть на нее, точно прикованъ былъ къ ней, ни на мгновеніе не способенъ былъ оторваться отъ нея, смотрѣлъ и думалъ о томъ, какое счастье любить ее, ласкать, нѣжить, жить и дышать ею... Вѣтеръ тихо шевелилъ ея черный локонъ, выбившійся изъ подъ шляпки, предутренняя свѣжесть дѣлала личико ея еще блѣднѣе, утомленнѣе, милѣе и трогательнѣе для него. Медленно блуждая по ней влюбленнымъ взглядомъ, онъ остановился на розахъ, которыя лежали теперь у нея на колѣняхъ, между руками, брошенными по обѣимъ сторонамъ безсильнымъ, утомленнымъ жестомъ. Пышная зелень букета была смята, а бѣлые, желтые и блѣдно-розовые лепестки цвѣтовъ слегка свернулись по краямъ, потемнѣли и поблекли, обожженные ея жаднымъ дыханіемъ, ея тайными поцѣлуями.

— А розы ваши начинаютъ уже увядать, — сказалъ онъ тихо, неловко протянувъ большую руку, чуть-чуть дотронулся до ея колѣнъ, взялъ одинъ цвѣтокъ и поцѣловалъ его такъ, что она сразу же догадалась, что онъ не розу поцѣловалъ, а ее... Голова у нея еще сильнѣе закружилась, и она закрыла глаза.

— Какъ хороши, какъ свѣжи были розы!—сказалъ онъ вдохновеннымъ звукомъ, словно стихи продекламировалъ.—Помните у Тургенева—„Какъ хороши, какъ свѣжи были розы?“ И еще есть статуя... какого-то русскаго скульптора молодая дѣвушка или женщина въ миломъ, простомъ нарядѣ, съ простою прическою, со взоромъ разсѣяннымъ, мечтательнымъ. На колѣняхъ у нея розы, а внизу подъ статуей „Какъ хороши, какъ свѣжи были розы“. Чудная статуя эта на васъ похожа... вотъ на такую, какъ сейчасъ.

— Да?—спросила она, широко открывая глаза и стыдливо вспыхивая, нервно кашлянула, опять собрала съ колѣнъ цвѣты, поглядѣла на нихъ долгимъ, раздумчивымъ взглядомъ и повторила, какъ эхо:

— Какъ хороши, какъ свѣжи были розы!.. Прелестныя слова!.. Знаете?—обратилась она къ нему уже живо и непринужденно, быстрымъ, граціознымъ движеніемъ поворачиваясь къ

нему всѣмъ своимъ легкимъ корпусомъ.—Знаете... мнѣ кажется все это ужасно страннымъ... не правда ли? Ужасно, ужасно странно!.. Вѣдь вотъ мы совсѣмъ не знаемъ другъ друга, ни вы меня, ни я васъ, а между тѣмъ...

Она не договорила и потупилась.

— А между тѣмъ,—договорилъ онъ за нее,—насъ вотъ тянетъ другъ къ другу съ такою силою, съ какой меня, напримѣръ, никогда не тянуло ни къ одной женщинѣ... Ни къ одной!.. А я женщинъ зналъ, любилъ и влюблялся много разъ... Но теперь что-то особенное, исключительное... что-то дѣйствительно странное, непостижимое... Вы завладѣли мной съ перваго момента встрѣчи, съ перваго взгляда. Вотъ вы говорите, что я васъ не знаю, а мнѣ кажется наоборотъ: что именно я-то васъ знаю такъ, какъ никто въ мірѣ васъ не зналъ никогда и не узнаетъ. Никто, никто такъ не чувствуетъ васъ всю, какъ я чувствую и ощущаю... и, слѣдовательно, знаю васъ всю.

Она удивленно поглядѣла на него и весело разсмѣялась.

— Вотъ это ужъ совсѣмъ непонятно... какимъ же образомъ вы узнали меня? Когда?

— Когда вы еще на свѣтъ бѣлый не родились,—продолжалъ онъ совершенно серьезно.—Понимаете ли, какая тутъ штука... это, какъ два куска магнита: приблизьте одинъ кусокъ къ другому, и они потянутся другъ къ другу всѣми атомами. Какъ самое слабое насѣкомое тянется къ цвѣтку, съ силой и настойчивостью, которая ни передъ чѣмъ не оставливается, такъ и любовь находитъ дорогу къ сердцу, которое принадлежитъ ей. Тутъ, видите ли тайна... такая же красивая обольстительная и въ то же время жуткая и непостижимая, какъ тайна смерти и рожденія.

— Вотъ вы сказали „тайна“ и красивое слово это васъ успокоило—молвила она глухо.—А я минутами думаю, что это—голый инстинктъ самаго низшаго порядка, безъ искры божества, одухотворенности. И отъ мыслей этихъ мнѣ такъ больно, оскорбительно!

На эти слова ея, сказанныя голосомъ, полнымъ тоски и печали, онъ засмѣялся короткимъ, горестнымъ смѣхомъ.

— Инстинктъ,—протянулъ онъ угрюмо, съ ѣдкою насмѣшкою,—да еще самый низшій... прекрасно! Ну, а вотъ то, напримѣръ, что съ инстинктомъ этимъ я борюсь... сегодня я весь вечеръ уродую себя, насилую. Вѣдь если бы тутъ только одинъ „голый“ инстинктъ былъ, я бы давно уже зацѣловалъ васъ на смерть, задушилъ въ объятіяхъ, замучилъ ласками. А выходитъ совсѣмъ наоборотъ. Я вотъ, сижу подлѣ васъ, какъ самый благонравный мальчикъ, и только гляжу на васъ, только млѣю и сгораю неви-

димымъ для васъ огнемъ... Это что же по вашему? Какъ назовете вы эту борьбу съ самимъ собою? отчаянную, уродскую, проклятую схватку съ собственной природой своей?

— Искрою Божества,—сказала она съ дѣтскимъ простодушіемъ и сама же первая разсмѣялась надъ этимъ простодушнымъ объясненіемъ.

И онъ засмѣялся громкимъ, веселымъ смѣхомъ. И ни съ того, ни съ сего имъ стало сразу легко и безпечно-весело, какъ двумъ школьникамъ, убѣжавшимъ отъ взрослыхъ и тайно напроказившимъ. Захотѣлось еще большей шалости, большаго озорства и веселья... Она смѣялась безъ всякой причины, отъ совершенныхъ пустяковъ, механически обрывала губами лепестки розъ, жевала ихъ и проглатывала.

— Э, да вы такъ всѣ розы скушаете, точно салатъ,—сказалъ онъ съ комическою тревогою и озабоченностью.

— И скушаю!—шаловливо отвѣчала она,—розы войдутъ въ меня, въ мою кровь, въ сердце, въ мозгъ, а съ ними вмѣстѣ войдетъ все... эта бѣлая ночь и туманъ и деревья и... и все, все!..

И она уже съ преувеличенною торопливою жадностью начинала откусывать нижніе лепестки, самые крупные. Онъ смотрѣлъ на ея мелкіе и бѣлые, какъ у мышки, зубы, любовался каждымъ движеніемъ ея, каждою гримассою. И совершенно уже просто, безъ мучительной робости, онъ, наконецъ, взялъ ея маленькую холодную ручку въ обѣ свои большія и горячія и сталъ цѣловать по очереди каждый палецъ, каждый ноготокъ.

— Не искра Божества въ томъ, что мы не можемъ упиться другъ другомъ, потонуть въ блаженствѣ, равнаго которому ничего нѣтъ на землѣ,—началъ онъ серьезно,—не искра Божества, а діавольскій предразсудокъ, тупой и ужасающій въ своей тупости. Все человѣчество добровольно заковало себя въ желѣзный корсетъ и задыхается въ немъ. Надѣло на себя вериги и называетъ эти вериги нравственностью, долгомъ, честью, вообще добродѣтелью...

Говоря это, онъ все продолжалъ цѣловать ея руку частыми, короткими поцѣлуями, пожимать и гладить и перебирать ея бѣлые, тонкіе пальчики. А она полузакрыла глаза, сидѣла неподвижно и радовалась всему, что было въ ней и вокругъ нея: своему очарованію, томному и сладостному волненію, его поцѣлуямъ, звукамъ его голоса, бѣлому туману ночи, таинственной тишинѣ и уединенію...

Но вдругъ озаренное счастьемъ лицо ея содрогнулось, разомъ омрачилось. Она что-то вспомнила... что-то огромное, сложное и важное, больное и горестное.

— А у меня есть мужъ,—сказала она какимъ-то мертвымъ звукомъ, — чудный человѣкъ, умный, благородный, любящій и нѣжный... Есть ребенокъ...

Въ одно мгновеніе онъ отодвинулся отъ нея, поникъ головою и, тихо покачиваясь изъ стороны въ сторону, сталъ думать о чемъ-то напряженно и сосредоточенно. И она задумалась и сидѣла какъ-то вся вдругъ измѣнившаяся, опущенная, пришибленная, дѣтски-безпомощная и жалкая. На блѣдномъ, усталомъ личикѣ ея блуждала грусть, глаза уныло смотрѣли вдаль, и тонкіе пальцы нехотя перебирали увядающія розы. Погасъ ея внутренній огонь, и ощущеніе не только душевнаго, но и физическаго холода тихо сотрясало ея жалкую, поникшую фигурку.

— Вамъ холодно?—спросилъ онъ, не столько увидавъ, сколько чутьемъ почуявъ ея состояніе. И не дожидаясь отвѣта, быстро сорвалъ съ себя коротенькое, сѣрое пальто и сталъ любовно и бережно укутывать ее. Нѣжно прикасался онъ неловкими руками къ ея вздрагивающимъ плечамъ, къ груди, заглядывалъ въ глаза и говорилъ:

— Ну, что-жъ, пусть мужъ... чудный человѣкъ, умный и благородный... Пусть онъ любитъ васъ. И я буду любить... любить молча, издали, безъ взаимности, безъ надежды на счастье. Узнать васъ и не полюбить—невозможно!

И отъ этихъ трогательныхъ словъ его, отъ взглядовъ и нѣжныхъ прикосновеній опять она вся оживала, согрѣвалась, исполнялась безымяннымъ восторгомъ, подмывающимъ и сладостнымъ.

— О, Боже мой, Боже мой!—сказала она, смотря куда-то передъ собою снова загорѣвшимся взглядомъ.—Что-то входитъ въ мою душу, во всю жизнь мою... что-то невѣдомое!.. И все во мнѣ переворачиваетъ, разоряетъ... Какъ страшно!

Она схватилась руками за лобъ, точно защищаясь отъ этого „страшнаго“, отъ мыслей и чувствъ, непрошенныхъ, нежданныхъ и негаданныхъ, идущихъ на нее откуда-то помимо воли ея, вопреки желанію.

— Не надо печалиться преждевременно... Не надо печалиться!—сказалъ онъ умоляюще, тихо, а у самого голосъ задрожалъ, какъ передъ слезами.

Теперь онъ сидѣлъ къ ней еще ближе, всей своей сильной, широкой грудью прикасаясь къ ея плечу, къ рукѣ, къ головкѣ, которую она инстинктивно склонила въ его сторону, словно отдавалась ему съ довѣрчивостью ребенка, съ грустною нѣжностью женщины, впервые идущей на страданіе любви, на тоску и муки страсти.

Бѣлая ночь еще больше побѣлѣла, медленно таяли клочья

тумана, яснѣли очертанія далей, причудливыхъ кустовъ и деревьевъ. Влажный вѣтеръ сильнѣе зашумѣлъ зеленою листвою, мятежнѣе зарокотали черныя волны. Запахъ воды и росистыхъ зацвѣтающихъ травъ, пронзительный и острый, заглушилъ томный и нѣжный запахъ розъ, которыя лежали теперь уже не на колѣняхъ у нея, а рядомъ, на диванѣ.

— Пора домой, — сказала она, не глядя на него, какъ бы просыпаясь отъ сладостнаго оцѣпенѣнія.

— О, погодите!.. Не надо домой!.. Смотрите, какъ здѣсь очаровательно!

— Пора домой, — повторила она съ короткимъ, грустнымъ вздохомъ и поднялась.

Онъ тоже всталъ и умоляюще взялъ ее за обѣ руки.

— Завтра... или вѣрнѣе сегодня вечеромъ я уѣзжаю изъ Петербурга, — сказала она, попрежнему не глядя на него.

— Это невозможно!

Все лицо у него дрогнуло, брови угрюмо нахмурились, взглядъ сталъ строгій, почти суровый.

— Это невозможно!

— У меня мужъ, котораго я люблю... ребенокъ, котораго обожаемъ мы оба, я и отецъ.

— Это невозможно!

И жестомъ безсилія, тоски и отчаянія уронивъ ея руки, онъ отвернулся и громко хрустнулъ всѣми своими крупными пальцами.

Она стояла передъ нимъ, какъ виноватая, въ убитой позѣ. Наконецъ, вздохнула протяжно, собрала свои розы и тихо побрела куда-то вправо, на-обумъ. Онъ быстро рванулся за нею, и они пошли рядомъ. Опять онъ держалъ ее подъ руку и опять они оба молчали. Взволнованныя души ихъ были соединены и въ то же время разъединены. Соединены, тѣсно сплочены тѣмъ, что было самаго очаровательнаго въ природѣ: молодостью, здоровьемъ, красотою другъ друга и всего окружающаго. И разъединены тѣмъ, что было самаго условнаго въ жизни людей: долгомъ, честью, нравственностью, добродѣтелью. И терзаемые этими двумя противоположными силами, они какъ бы ждали, которая же преодолѣетъ изъ нихъ. И попрежнему молчали, погруженные въ самихъ себя и другъ въ друга, въ то, что происходило въ нихъ.

На поворотѣ аллеи они встрѣтили соннаго извозчика, тащившагося откуда-то порожнякомъ. Онъ остановилъ извозчика, бережно усадилъ ее въ пролетку и, сѣвъ рядомъ съ нею, обвилъ ея станъ рукою. И теперь въ тѣсной пролеткѣ, ощущеніе близости другъ друга чувствовалось еще острѣе, еще нестерпимѣе.

И не владѣя уже собою, онъ сталъ сжимать ее въ объятіяхъ и цѣловать ее всю: лицо, грудь, плечи, шею порывистыми, бурными поцѣлуями. Отъ наплыва страсти онъ обезумѣлъ, себя не помнилъ, плакалъ и смѣялся въ одно и то же время и бормоталъ какія-то безсвязныя, смѣшныя и странныя слова, которыя понятны только влюбленнымъ. Она отмахивалась отъ него розами и тоже смѣялась и плакала слезами полнаго опьяненія и наслажденія...

Домой привезъ онъ ее часовъ въ пять утра, когда столица уже просыпалась, на улицахъ загромыхали тяжелыя телѣги, задребезжали пролетки, зашагали по тротуарамъ пѣшеходы.

Остановившись у подъѣзда дома, въ которомъ она поселилась на время пріѣзда у родственниковъ мужа, она протянула ему на прощанье обѣ руки и спросила:

— Будете помнить меня?

Вопросъ этотъ показался ему до того невѣроятнымъ, ненужнымъ и жестокимъ что онъ даже отшатнулся отъ нея.

— Буду ли я помнить!—вскрикнулъ онъ отчаянно и горестно.— Буду ли я помнить! Это вы меня забудете... вы, вы!.. уѣдете къ чудному мужу своему, къ обожаемому ребенку и забудете меня!

— Никогда! — сказала она твердо, съ оттѣнкомъ какой-то торжественности, точно клятву давала.—Никогда!.. До конца дней моихъ я буду помнить эту странную, бѣлую ночь... милыя розы, милую тишину, уединеніе... ваше лицо, глаза, голосъ вашъ, горячія руки, ласки ваши безумныя, поцѣлуи...

Она пробормотала послѣднія слова точно въ забытьи, закрывъ глаза и вся вздрагивая отъ воспоминаній, быстро пожала его протянутую руку и исчезла.

А онъ постоялъ съ секунду, подумалъ и затѣмъ побрелъ куда-то одинокій, осиротѣлый, пронзенный ею, околдованный, весь потерявшійся, опустошенный, какъ будто все, что было въ немъ, что скопилъ онъ въ душѣ своей, въ мозгу и въ сердцѣ за многіе годы жизни, — все вдругъ вынула изъ него эта маленькая, тоненькая женщина, вынула тоненькими, нѣжными ручками и унесла съ собою навѣки... Онъ шелъ, понуривъ голову, не зная куда, и думалъ о томъ, какъ же онъ теперь будетъ жить безъ нея, безъ ея прелестнаго, блѣднаго личика, большихъ, мечтательныхъ глазъ, застѣнчивой улыбки, милаго дѣтскаго голоса? Какъ жить? Какъ? Какъ?..

---

А вечеромъ она уже уѣзжала навсегда изъ столицы, въ которой пробыла всего нѣсколько дней, уѣзжала къ себѣ домой, на





югъ, къ своему чудному мужу, къ обожаемому ребенку. Провожали ее родственники, безучастные и равнодушные къ ней люди. *Его* между ними не было: она не захотѣла. Кто-то изъ мужчинъ подарилъ ей на дорогу букетъ красивыхъ, пышныхъ левкоевъ. Она машинально поднесла левкои къ лицу и тотчасъ же отдернула и бросила на картонку со шляпками...

Когда же поѣздъ тронулся, и она осталась въ вагонѣ съ людьми еще болѣе чуждыми ей, чѣмъ тѣ, что провожали ее, и говорить съ которыми для нея теперь было уже не обязательно,— она взяла пышные и красивые левкои, съ секунду поглядѣла на нихъ и рѣшительно бросила за окно. Потомъ раскрыла маленькій кожанный сакъ и бережно достала оттуда розы... бѣдныя, грустныя, мертвыя розы! Прильнула къ нимъ губами и вся потонула въ воспоминаніяхъ того, что было... Бѣлая ночь... бѣлыя клочья тумана, прихотливые, странные... сказочныя дали, огни и деревья... И шопотъ росистой листвы, и шумы, и всплески черной волны... И онъ, онъ, онъ!.. Его слова, взгляды, поцѣлуи знойные, объятія тѣсныя, жуткія...

„Какъ хороши, какъ свѣжи были розы!..“

О, да неужели же все это только промелькнуло передъ нею, какъ дивная грёза, какъ сладкій сонъ, и не вернется, не повторится никогда... никогда? Неужели нужно сказать „прости“ всему, всему, что было? Да, да, нужно... Нужно забыть, вырвать изъ памяти этотъ грѣхъ, это сплошное безуміе, тягостное, стыдное, посланное ей судьбою, какъ грозное предостереженіе на будущее. Она честная женщина, добродѣтельная женщина, интеллигентная, вдумчивая, она любитъ чуднаго мужа своего, любитъ ребенка, у нея есть долгъ, обязанности, которыя она должна нести свято, ненарушимо до конца дней своихъ!.. Нужно забыть, не думать!..

Но обольстительныя, безумныя воспоминанія все плыли и плыли передъ нею, знойными волнами обжигали всю ее и душу и тѣло, сладко кружили голову, опьяняли увлекали...

„Какъ хороши, какъ свѣжи были розы!..“

Какая грусть, какая тоска и жалость, жалость безграничная, бездонная, безкрайняя!

И выйдя на площадку вагона, она стала у окна и заплакала... Заплакала не потому только, что жаль ей было безконечно бѣлой ночи и всего, что было въ ней, но и еще почему-то... Потому ли, что она такъ молода, такъ мятежна душою, мечтательна, безразсудна, полна необузданной, головокружительной жажды чего-то необычайнаго, захватывающаго, остраго, яркаго... Что она такъ хороша собою, соблазнительна, мила и нѣжна и

обаятельна неотразимымъ обаяніемъ полуребенка, полуженщины. Что въ жизни ея, только еще начинающейся, произойдутъ бури и грозы... будетъ страданіе безумное, ужасное, будетъ тоска, съ ума сводящая, и будутъ восторги, экстазы, которыхъ она еще не знала и которые теперь впервые предчувствовала въ перетревоженномъ до дна, въ смятенномъ, въ взволнованномъ сердцѣ...

Поѣздъ мчалъ ее по безлюднымъ зеленымъ полямъ, подернутымъ туманомъ надвигающейся ночи. Колючій вѣтеръ трепалъ ея волосы, рѣзалъ лицо и грудь, мелкая, черная пыль больно ударяла ее по глазамъ... А она все стояла подлѣ окна неподвижно, плакала неудержимыми, беззвучными слезами и глядѣла въ убѣгающую даль взоромъ, полнымъ тоски и отчаянія, точно посылала этой уходящей отъ нея навсегда дали послѣднія, прощальныя привѣтствія... Въ рукахъ ея были мертвые цвѣты. Время отъ времени она подносила ихъ къ залитому слезами лицу, и губы ея, блѣдныя, увядшія послѣ безсонной ночи, шептали слова, которыя не выходили изъ ума:

„Какъ хороши, какъ свѣжи были розы!..“

А. Крандіевская.

---

# ИЗЪ ЮЖНАГО АЛЬБОМА.

---

### Дворецъ въ Алупкѣ.

Гдѣ сѣрой тучею надъ уровнемъ долинъ
Надвинулся Ай-Петри исполинъ,
Въ тѣни платановъ, розъ и лавровъ,
Которые сплелись въ чарующій вѣнецъ,
Подобіе Альгамбры древнихъ мавровъ—
Бѣлѣетъ сказочный дворецъ.

---

Надъ входной аркою арабской тонкой вязью
Начертаны слова—входящему привѣтъ.
Все дышетъ здѣсь таинственною связью
Съ волшебнымъ вымысломъ и былью дальнихъ лѣтъ.
Гдѣ бѣлыя изъ мрамора ступени
Оберегаютъ мраморные львы,
У моря и въ тѣни узорчатой листвы
Порой въ лучахъ луны мнѣ грезилися вы,
Свободы рыцарей, халифовъ славныхъ тѣни.
Мнѣ чудились пиры и въ окнахъ блескъ огней,
Оружья звонъ и ржаніе коней...

---

Но тихъ и пустъ дворецъ, какъ пышный мавзолей,
Повсюду плющъ обвилъ чугунныя рѣшетки,
И лунные лучи, задумчивы и кротки,
Скользятъ, какъ призраки въ безмолвіи аллей.

---

## Передъ отъѣздомъ.

Вверхъ тропинками тѣнистыми
Въ гору медленно идемъ;
Пахнетъ соснами смолистыми,
Освѣженными дождемъ.
Капли искрятся прозрачныя,
И акаціи стоятъ
Всѣ въ цвѣту, какъ новобрачныя,
Разливая ароматъ.
Величавые, спокойные,
Потянулись съ двухъ сторонъ
Кипарисы дивно стройные,
Вознесясь, какъ рядъ колоннъ.
Вся расцвѣчена узорами
Яркой зелени канва;
Ниже—моря синева
Развернулась передъ взорами.
Изъ воды у береговъ
Выступаютъ кручи смѣлыя—
Одалара скалы бѣлыя,
Словно группа жемчуговъ.
Ропотъ моря обольстительный,
Грозно плещущій прибой,
Куполъ неба голубой,
Отблескъ солнца ослѣпительный—
Вашу свѣтлую красу,
Какъ мечту благоуханную,
Я съ собой въ страну туманную
Въ сердцѣ свято унесу.

О. Чюмина.

# НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ. 1829—1842 ГГ.

(*Продолженіе* *).

## XI.

**Наша комедія до Гоголя; ея малая художественная стоимость и въ очень рѣдкихъ случаяхъ большая стоимость общественная.—«Недоросль» Фонъ-Визина и «Ябеда» Капниста среди безцвѣтной комедіи XVIII вѣка.—Водевиль и легкая комедія александровскаго царствованія; Крыловъ, Хмѣльницкій, кн. Шаховской и Загоскинъ.— Малая идейная стоимость этихъ комедій. — Вѣрность и глубина сатирическаго взгляда на современную жизнь въ сатирѣ Грибоѣдова.--Паденіе театра въ концѣ двадцатыхъ годовъ.—Общественные вопросы, затронутые въ ненапечатанныхъ драмахъ Лермонтова и Бѣлинскаго.—Комедіи Квитки: «Дворянскіе выборы» и «Пріѣзжій изъ столицы».**

Въ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія, театръ— сила, съ которой необходимо считаться. Отдавая, однако, должное нѣкоторымъ выдающимся памятникамъ нашей драматургіи, нужно признать, что въ общемъ наша комедія и драма влачили существованіе достаточно жалкое и были въ огромномъ большинствѣ случаевъ разобщены съ тѣмъ историческимъ моментомъ, когда возникали. Большое, конечно, значеніе имѣли въ данномъ случаѣ чисто внѣшнія стѣсненія, какими всегда было обставлено появленіе на нашей сценѣ болѣе или менѣе серьезной пьесы. Власть всегда ревниво оберегала театральнаго зрителя отъ всякихъ искушеній, считаясь съ его необычайной воспріимчивостью къ зрѣлищамъ: а русскій человѣкъ, какъ извѣстно, театралъ очень страстный. Но одними внѣшними условіями едва ли можно объяснить бѣдность и безсиліе нашей драматической литературы того времени. Нужно, прежде всего, считаться со случайностью, т.-е. съ отсутствіемъ истинныхъ драматическихъ талантовъ и, кромѣ того, съ отсутствіемъ подготовительной литературной школы.

Такой школы не было въ тѣ годы, о которыхъ говоримъ мы; ее надлежало создать и Гоголь былъ первымъ настоящимъ драматическимъ талантомъ, который положилъ ей основаніе. У своихъ предшественниковъ онъ не многому могъ научиться, и на его долю выпало созданіе настоящей русской комедіи, т.-е. такой, которая удовлетворяла бы одно-

*) См. «Міръ Божій», № 8, августъ.

временно двумъ требованіямъ,—и художественнымъ, какъ извѣстное литературное произведеніе, и требованіямъ идейнымъ, какъ вѣрное изображеніе переживаемой дѣйствительности. Такая гармонія формы и содержанія была дѣйствительно достигнута Гоголемъ и притомъ самостоятельно и сразу. Были, конечно, недостатки и въ его комедіяхъ, но съ момента ихъ созданія должны мы начинать исторію нашего самобытнаго «народнаго» театра.

Какъ художникъ-драматургъ нашъ авторъ превосходилъ всѣхъ своихъ предшественниковъ и современниковъ. Онъ былъ рожденъ драматическимъ писателемъ: комическое положеніе, имъ созданное, всегда вѣрно схваченное и художественно переданное наблюденіе, а не придуманный, хотя бы и очень смѣшной, эффектъ; всѣ лица его комедій и главныя, и самыя второстепенныя, живутъ и дѣйствуютъ сами по себѣ, какъ люди, а не ради той или другой идеи автора; наконецъ, и рѣчь ихъ—рѣчь простая и естественная, а не собраніе разныхъ оборотовъ и сентенцій, заранѣе заготовленныхъ. Все это достоинства, которыхъ мы не встрѣчаемъ ни у предшественниковъ Гоголя, ни и у его современниковъ, и только объ одномъ можемъ мы пожалѣть, что нашъ авторъ не обнаружилъ достаточной смѣлости въ выборѣ своихъ сюжетовъ. Это тѣмъ болѣе жаль, что Гоголь сознавалъ себя и смѣлымъ, и сильнымъ, и одно время работалъ надъ комедіей «правдивой и злой», которую не окончилъ, а, можетъ быть, и окончилъ, но сжегъ, убоявшись цензуры. Авторъ имѣлъ, конечно, основаніе ея бояться, но идти наперекоръ ей и вынуждать ее на уступки онъ, однако, не рѣшился и уступилъ самъ. Такимъ образомъ, нашъ первый драматургъ-бытописатель, опережая всѣхъ, и предшественниковъ, и современниковъ, какъ художникъ—отсталъ отъ нихъ, какъ сатирикъ, въ смѣлости и вѣскости своихъ ударовъ.

Все это сейчасъ намъ станетъ ясно при болѣе подробномъ сравненіи комедій Гоголя съ тѣми лучшими «опытами» комедій и драмъ, которые до него и въ его время появились на сценѣ или остались въ рукописи.

Какъ мы уже замѣтили, появленіе на нашей сценѣ выдающейся пьесы съ общественнымъ смысломъ было явленіемъ очень рѣдкимъ. За семьдесятъ лѣтъ, если считать со времени «Бригадира» (1766) до «Ревизора» (1836), мы можемъ похвалиться лишь двумя-тремя дѣйствительно замѣчательными театральными новинками; остальныя пьесы, хотя бы и имѣвшія успѣхъ у современниковъ, не оказали никакого вліянія ни на развитіе нашего художественнаго вкуса, ни на приростъ нашего общественнаго сознанія. Эти старыя комедіи и драмы какъ картины нравовъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ не переступали за черту посредственнаго, или, если переступали, то, при всей силѣ и правдѣ обличенія, оставляли въ художественномъ отношеніи желать многаго.

---

Если взять въ цѣломъ всю нашу комедію XVIII вѣка, то невольно поразишься малой ея художественной, и общественной стоимостью. О пьесахъ того времени принято впрочемъ говорить съ уваженіемъ, и какъ «зачатки» театра, онѣ, конечно, такое уваженіе заслуживаютъ. Но гдѣ найдемъ мы истинно-комическій взглядъ писателя на «комичное» его эпохи или серьезный, прикрытый смѣхомъ, взглядъ на то, что дѣйствительно было достойно обличенія и осужденія? Если съ такими требованіями подойти къ старой комедіи, то вся ея мнимая смѣлость и откровенность покажется намъ невинной шуткой, ребячествомъ, не говоря уже объ очень низкой ея художественной стоимости. Невинной шуткой покажутся, напр., и комедіи самой императрицы, обличительной откровенностью которыхъ такъ гордились ея вѣрноподанные, возмущенные всѣми мелкими людскими пороками и убаюканные пороками крупными. Всѣ громы другихъ комиковъ противъ своего времени мы признаемъ также наивными и бьющими поверхъ головъ истинно виновныхъ. Чѣмъ общѣе былъ грѣхъ и порокъ, тѣмъ онъ казался тогда достойнѣе осмѣянія, и сатирикъ кончалъ тѣмъ, что боролся не съ людьми, а съ безтѣлесными призраками. Такъ любилъ обобщать свои типы, напр., лучшій по техникѣ драматургъ того времени—Княжнинъ. Кто смотрѣлъ на его «Хвастуна», тотъ много смѣялся на всѣ забавныя выходки Верхолета; но зритель могъ быть спокоенъ, и зналъ, что этотъ Хлестаковъ XVIII-го вѣка въ его довѣріе не вотрется: слишкомъ неестественно и неправдоподобно было вранье этого лгуна, доведенное авторомъ до колоссальныхъ размѣровъ лишь затѣмъ, чтобы показать порокъ во всей его наготѣ, въ какой онъ никогда не гуляетъ на свѣтѣ. Комедія «Чудаки» *), въ которой выступали «недавно вышедшій въ дворянство господинъ Лентягинъ, весьма богатый и по своему философствующій человѣкъ»; Улинька—смиренная вѣтреница»; «весьма романическій дворянинъ» Пріятъ; «пріятель всемірный» Трусимъ, поэты Тромпетинъ и Свирѣлкинъ, и главный рычагъ всего дѣйствія — слуга Пролазъ, — эта комедія обѣщала нѣчто, тѣмъ болѣе, что авторъ хотѣлъ изобразить въ ней простого человѣка, мѣщанина, который вмѣсто того, чтобы чваниться своимъ дворянствомъ, наоборотъ удивляетъ всѣхъ своими демократическими симпатіями. Но этотъ «философствующій» человѣкъ обратился подъ перомъ Княжнина въ настоящаго «чудака», почти что шута, и, вмѣсто картины нравовъ мѣщанской семьи во дворянствѣ, получился забавный водевидь съ масками вмѣсто лицъ и буффонадой вмѣсто комическихъ положеній.

Тѣмъ большей неожиданностью было появленіе комедій Фонъ-Визина.

Съ этихъ пьесъ начинаютъ обыкновенно исторію нашей художественной комедіи—но вѣрнѣе было-бы начинать исторію нашей общественной сатиры. Фонъ-Визинъ—сатирикъ по преимуществу, писатель,

---

*) И «Хвастунъ» и «Чудаки»—передѣлка съ французскаго

для котораго ударъ, нанесенный врагу, былъ цѣннѣе того оружія, какимъ этотъ ударъ наносится. Вмѣстѣ съ Новиковымъ и Радищевымъ самый смѣлый человѣкъ своего вѣка, онъ хорошо понималъ, въ какую цѣль надо мѣтить, если хочешь сказать своему вѣку въ глаза всю правду. Нападать на общечеловѣческіе недостатки онъ считалъ дѣломъ праздньмъ, и — оградивъ себя нѣсколькими комплиментами, сказанными по адресу бдительнаго правительства и благомыслящихъ людей въ родѣ Добролюбова, Стародума, Правдина и Милона, — онъ произвелъ свою безпощадную расправу съ тѣмъ сословіемъ, за которымъ власть тогда такъ ухаживала, считая его лучшимъ проводникомъ и просвѣщенія и гуманности. Осмѣять какого-нибудь петиметра, выставить въ смѣшномъ видѣ педанта, простодушнаго глупца, хвастуна, враля, вертопраха, интригана или жеманницу, модницу, сплетницу, кокетку, какъ это дѣлала въ большинствѣ случаевъ тогдашняя комедія—значило вызвать въ зрителѣ пріятную улыбку; но показать ему полное вырожденіе цѣлой дворянской семьи,—значило заставить его смѣяться именно тѣмъ смѣхомъ, который могъ вызвать озлобленіе и желаніе *расправиться* съ авторомъ; и если Фонъ-Визинъ избѣгъ этой расправы, которая много лѣтъ спустя угрожала Гоголю за гораздо болѣе скромнаго «Ревизора», то потому, что Фонъ-Визина, какъ Бомарше, вѣроятно не вполнѣ поняли.

Пока дѣло шло о семейномъ любовномъ водевилѣ, разыгравшемся въ домѣ Бригадира (1766), можно было смѣяться безъ гнѣва. Сынокъ, который говорилъ, что тѣло его родилось въ Россіи, а духъ принадлежитъ коронѣ французской, который отца вызывалъ на дуэль, потому что во французской книжкѣ «Les sottises du temps» прочиталъ о таковомъ случаѣ, который говорилъ, что онъ пренесчастный человѣкъ, потому что въ двадцать пять лѣтъ имѣетъ еще отца и мать, двухъ животныхъ, съ которыми, чортъ его возьми, онъ долженъ жить,— этотъ оригинальный молодой человѣкъ могъ своимъ цинизмомъ развеселить, какъ вообще всякая остроумная каррикатура, какъ могъ заставить смѣяться и его родитель, который утверждалъ, что не у всѣхъ людей волосы на головѣ сосчитаны, что Господь Богъ, знающій все, знаетъ и табель о рангахъ и потому считаетъ волосы на людской головѣ, лишь начиная съ пятаго класса...

Пока рѣчь шла о смѣшныхъ пререканіяхъ такихъ оригиналовъ, къ смѣху зрителей не примѣшивалось никакихъ постороннихъ чувствъ; но совсѣмъ иная картина развернулась въ «Недорослѣ» (1782). Кто умѣлъ читать между строками или понимать намеки, могъ призадуматься. Дѣйствительно, чуть ли не каждое явленіе этой комедіи можно было расширить до цѣлаго трактата на самую серьезную общественную тему.

Полный умственный мракъ въ семьѣ, которой довѣрена опека надъ массою людей; ослабленіе въ этомъ дворянскомъ гнѣздѣ всѣхъ семейныхъ узъ, свободное развитіе и удовлетвореніе всѣхъ животныхъ ин-

стинктовъ, порожденныхъ обезпеченнымъ положеніемъ и праздностью, полное презрѣніе ко всякому ученію, отрицаніе за человѣкомъ, стоящимъ ниже тебя, всякаго достоинства личности, кулачная расправа, какъ доказательство своей правоты, и, наконецъ, самый открытый цинизмъ въ отношеніи къ крестьянамъ—вотъ какой перечень дворянскихъ грѣховъ развернулъ сатирикъ передъ зрителемъ, въ то время какъ носители этихъ грѣховъ пользовались самымъ привилегированнымъ положеніемъ.

Все это было сказано авторомъ очень умѣло, почти мимоходомъ, при пересказѣ довольно скучной и ординарной любовной интриги, безъ которой комедія того времени была немыслима; мимоходомъ же было брошено и нѣсколько замѣчаній, вызывающе-смѣлыхъ, которыя можно было бы сравнить со знаменитыми репликами Фигаро, если бы тогдашнее общество не пропустило ихъ мимо ушей; взять хотя бы вопль нашей дворянки, когда ей докладываютъ, что захворала Палашка: «захворала! лежитъ! Ахъ, она бестія! лежитъ! Какъ будто она благородная!» Одна эта строка стоитъ многихъ обличительныхъ комедій того времени.

Но какъ бы ни было велико значеніе «Недоросля», какъ сатиры, художественная его стоимость отъ этого общественнаго смысла ничего не выигрываетъ. Скучнѣйшая дидактика въ устахъ добродѣтельнаго Стародума, безцвѣтное поддакиваніе ему Правдина, наивное благомысліе Милона превращаютъ всѣхъ этихъ лицъ въ какихъ-то манекеновъ; любовная интрига ведена безъ намека психологической правды и, что хуже всего, всѣ отрицательные типы — самые реальные по замыслу—выходятъ нереальными и часто каррикатурными въ ихъ группировкѣ и рѣчахъ: что ни выходъ, то скандалъ или эффектъ, что ни реплика, то какое-нибудь характерное словцо или цѣлая остроумная тирада. Не развитіе самого дѣйствія разстанавливаетъ дѣйствующихъ лицъ по мѣстамъ, а самъ авторъ по мѣрѣ надобности выпускаетъ ихъ на сцену и прячетъ за кулисы, послѣ того, какъ они проговорили все, что ему нужно. Но то, что ему нужно было сказать, онъ сказалъ неподражаемо и блестяще.

Въ XVIII вѣкѣ Фонъ-Визинъ на сценѣ не имѣлъ соперниковъ и та комедія, которой послѣ «Недоросля» отводятъ обыкновенно второе мѣсто по силѣ обличенія, а именно «Ябеда» Капниста (первое представленіе 1798 г.) лишній разъ подтверждаетъ истину, что плохая комедія можетъ быть очень ядовитой сатирой.

Никогда взяточничество и сутяжничество не были выставлены въ такой наготѣ наружу, какъ въ этомъ драматизированномъ памфлетѣ. Но авторъ, распаленный благороднымъ негодованіемъ, забылъ, что онъ имѣетъ дѣло съ людьми, у которыхъ всякій порокъ попадается въ извѣстной амальгамѣ съ иными чувствами; Капнистъ хотѣлъ воплотить самый порокъ въ человѣческомъ образѣ и потому исказилъ

этотъ образъ въ угоду призраку. Болѣе живымъ у него вышло то лицо, на которое онъ менѣе всего обращалъ вниманія, т.-е. добродѣтельный простакъ, карманъ котораго отданъ на расхищеніе чиновникамъ, а сердце осуждено на любовныя тревоги и матримоніальные планы, совсѣмъ ненужные въ этой сенсаціонной комедіи. Но зато, когда сцену заполняютъ предсѣдатель гражданской палаты Кривосудовъ, его товарищи, прокуроръ Хватайко и секретарь Кохтинъ, то воздухъ такъ пропитывается насквозь испареніями всевозможныхъ канцелярскихъ пороковъ, что живымъ людямъ дышать въ немъ становится невозможно. Самоуправство, ябедничество, лжесвидѣтельство, сутяжничество и незаконная нажива празднуютъ на сценѣ открыто свою вакханалію—въ прямомъ смыслѣ слова, потому что всѣ эти манекены, изображающіе жрецовъ Ѳемиды, пьютъ, играютъ въ карты и поютъ хоромъ самыя возмутительныя и беззастѣнчивыя пѣсни. Хоть зритель и выходитъ изъ театра нравственно вполнѣ удовлетворенный, такъ какъ въ концѣ концовъ всю эту шайку разбойниковъ сенатскій указъ выметаетъ изъ палаты, но онъ скоро забываетъ объ этихъ фантомахъ, которые не задѣли въ немъ ни одной человѣческой струны. Въ «Ябедѣ» порокъ былъ казненъ, но только in effigie, заочно, въ лицѣ смѣшныхъ куколъ, какъ заочно казнили преступниковъ, которыхъ схватить не удавалось. Но, плохой драматургъ, Капнистъ все-таки держалъ въ рукѣ крѣпко и свою указку моралиста, и свой сатирическій бичъ.

---

Наступило александровское царствованіе и вызвало рѣзкія измѣненія въ старыхъ общественныхъ условіяхъ, и создало новыя; родились и новые типы. На эту перемѣну комедія и драма совсѣмъ не откликнулись. Новыхъ пьесъ ставилось, правда, много, драматическая литература обогатилась двумя-тремя талантливыми комедіями, но между новой эпохой и всѣми этими театральными новинками никакой связи не было.

Крыловъ былъ первоклассный сатирикъ и, какъ баснописецъ и отчасти журналистъ, онъ обладалъ удивительно острымъ взглядомъ, который смѣшное и порочное умѣлъ выслѣживать до самого тайника человѣческаго сердца. При внѣшней наивности своей и хитромъ добродушіи, при явномъ консерватизмѣ міросозерцанія, онъ могъ быть строгимъ судьей своего времени, и былъ имъ, хотя какъ осторожный человѣкъ часто не договаривалъ своей мысли. О чемъ же, однако, говорилъ онъ въ своихъ комедіяхъ, столь живыхъ и остроумныхъ? Въ концѣ XVIII-го вѣка, когда онъ писалъ своихъ «Проказниковъ» и «Сочинителя въ прихожей» онъ высмѣивалъ метромановъ и неудачныхъ сочинителей, болтуновъ и легкомысленныхъ, взбалмошныхъ женщинъ. Онъ продолжалъ охоту за этими невинными типами и тогда, когда могъ бы поговорить о чемъ-нибудь болѣе серьезномъ. Но двѣ самыхъ популярныхъ его комедіи—«Модная лавка» (напечатана 1807 г.—первое представ-

леніе 1816 г.) и «Урокъ дочкамъ» (напечатана 1807 г.—первое представленіе 1816 г.) были, въ сущности, два смѣшныхъ водевиля ловко написанные. Публику всегда очень смѣшилъ простодушный дворянинъ Сумбуровъ, степной помѣщикъ, его тяжеловѣсная жена, которая гонялась за французской модой, и дочка которая устраивала любовныя свиданія въ модной лавкѣ подъ покровительствомъ бойкой француженки, содержательницы магазина и русской крѣпостной Маши, ея помощницы. Смѣшонъ былъ и крѣпостной дворовый, пьяный и глупый, который толкался на сценѣ для того, чтобы получать головомойки, впрочемъ довольно мягкія. Въ общемъ, было много шутокъ, смѣха, острыхъ словъ и чисто водевильныхъ положеній. Водевилемъ была и комедія «Урокъ дочкамъ»—удачная перелицовка Мольера, въ которой Крыловъ потѣшался надъ несчастными русскими барышнями Лукерьей и Феклой, влюбленными во все французское, жеманницами, которыхъ дурачитъ слуга Семенъ, разыгрывающій передъ ними роль эмигранта-маркиза.

Только однажды позволилъ себѣ Крыловъ написать въ драматической формѣ нѣчто болѣе злое и смѣлое. Это была его комедія «Трумфъ», общественный и политическій смыслъ которой до сихъ поръ не разгаданъ.

Весь театръ Хмѣльницкаго—въ тѣ годы очень популярнаго драматурга — былъ также собраніемъ водевилей или передѣланныхъ съ иностраннаго комедій. Не говоря о тѣхъ пьесахъ, которыя самъ авторъ озаглавилъ «водевилями», даже его «комедіи» какъ, напр., «Воздушные замки» (1818 г.), «Нерѣшительный» (1819) «Взаимныя испытанія» (1819) и «Свѣтскій случай» (1826) были простыми анекдотами въ драматической формѣ. Легкая любовная интрига, хорошій салонный разговоръ, много удачныхъ остротъ—вотъ всѣ ихъ достоинства и ихъ безспорныя права на названіе талантливыхъ театральныхъ пустячковъ, прослушать которые всегда пріятно.

Несравненно большую стоимость имѣли тоже очень ходкія въ началѣ вѣка комедіи кн. Шаховского и Загоскина.

Князь А. А. Шаховской былъ плодовитый драматургъ, но отъ этой плодовитости наше общественное самосознаніе ничего не выиграло, а наше искусство выиграло очень мало. Почти въ самомъ началѣ своей дѣятельности онъ написалъ удачный «анекдотическій водевиль «Казакъ стихотворецъ» (1812)—съ недурно обрисованными типами изъ малороссійскаго и ростонароднаго быта; и затѣмъ, уже въ концѣ своей карьеры, онъ создалъ одну изъ лучшихъ пьесъ нашего романтическаго репертуара «Двумужницу» (1832)—разбойничью мелодраму, очень занимательную и кровавую. Эти двѣ пьесы сохранились въ нашемъ репертуарѣ, все остальное забылось. Въ свое время, однако, помимо многихъ его водевилей съ музыкой и пѣніемъ или безъ оныхъ, нравились очень три его комедіи: «Новый Стернъ» (1805)—остроумная, нѣсколько каррикатурная, пародія на русскихъ «чувствительныхъ» лю-

дей начала вѣка, на тогдашнихъ праздныхъ дворянъ-сентименталистовъ, которые отъ нечего дѣлать искали въ своихъ усадьбахъ идиллическаго настроенія столь плѣнительнаго на страницахъ иностраннаго романа; затѣмъ—«Урокъ кокеткамъ или Липецкія воды» (1815)—длинное и довольно скучное изобличеніе женскаго кокетства, въ сѣтяхъ котораго готовы погибнуть нѣсколько комическихъ представителей того, что называется курортной публикой—комедія съ патріотическими сентенціями, сатирическими выходками противъ высшаго свѣта и неизмѣнными благородными рѣчами благомыслящихъ резонеровъ; и, наконецъ, «Пустодомы» (1819)—самое интересная по идеѣ комедія князя. Это довольно жестокое и каррикатурное осмѣяніе какого-то домашняго Вольтера, у котораго мужички пошли по міру—прожектера, желающаго въ своемъ имѣніи поставить все на европейскую ногу, прогорѣвшаго и въ конецъ обобраннаго своимъ управляющимъ. Любопытно, что этотъ помѣщикъ, отъ практическихъ прожектовъ котораго разсудительный мужикъ Ѳома приходилъ въ ужасъ, обнаруживалъ большое пристрастіе къ теоретической философіи. Въ его сумбурной головѣ, увѣряетъ насъ Шаховской, умѣщался «Зенона стоицизмъ, Пиррона скептицизмъ, Спинозы реализмъ, Фихтевъ ихтеизмъ, Берклея идеализмъ, Сократа-платонизмъ, антропофилеизмъ, суперъ-натурализмъ, перипатетизизмъ, доризмъ, піонизмъ, кантизмъ, фиксизмъ и фатализмъ». Такъ аляповато было чуть ли не первое по времени, и потомъ столь распространенное, издѣвательство русскаго литератора надъ философіей, о которой онъ не имѣлъ никакого понятія.

Рядомъ съ именемъ Шаховского блестѣло въ тѣ времена и имя Загоскина, который въ двадцатыхъ годахъ только готовился къ своей роли археолога и воинствующаго патріота, какимъ явился въ «Юріи Милославскомъ». Патріотизмъ въ разныхъ видахъ—главная пружина почти и всѣхъ его комедій. Изъ нихъ обратила на себя особенное вниманіе комедія «Богатоновъ или провинціалъ въ столицѣ» (1817), въ которой авторъ призывалъ наше дворянство вернуться въ деревню и не влѣзать въ долги въ Петербургѣ, разоряясь на игры, балы и любовныя шашни. Тема, какъ видимъ, очень старая, да и выполненіе ея было также не ново: все тѣ же пріемы французской комедіи и та же ходячая любовная интрига. Стилемъ болѣе живымъ и съ большимъ драматическимъ движеніемъ написано продолженіе этой комедіи—«Богатоновъ въ деревнѣ или сюрпризъ самому себѣ» (1821). Комедія не характеровъ, а водевильныхъ положеній, въ какія становится по своей глупости нашъ дворянинъ, вернувшійся послѣ раззоренія въ свою усадьбу и приступающій къ разнаго рода хозяйственнымъ и инымъ реформамъ, эта пьеса была пропитана насквозь какой-то враждой къ нововведеніямъ. Положимъ, что всѣ нововведенія Богатонова въ его деревнѣ въ достаточной мѣрѣ безразсудны и глупы: помѣщикъ надъ своей фабрикой строитъ греческій куполъ и пристраиваетъ къ ней рим-

скій портикъ, ломаетъ старую кухню, чтобы перестроить ее на голандскій манеръ и вмѣсто кухни остаются однѣ развалины, хочетъ на саксонскій манеръ разселить мужичковъ, чтобы была не деревня, а все фермы, управленіе деревней довѣряетъ депутатамъ, которые засѣдаютъ въ сборный избѣ, пока ихъ не выгоняютъ оттуда дубиной, рубитъ рощу, чтобы получить хорошій «пуанъ де вю» и т.-д., но во всѣхъ остротахъ автора по поводу такихъ чудачествъ звучитъ ясно не столько неодобреніе неумѣлаго реформатора, сколько собственное сердечное желаніе «какъ хорошо было-бы, еслибы все оставалось по старому».

Надъ дворянскимъ чудачествомъ посмѣялся Загоскинъ и въ пьесѣ «Благородный театръ» (1829) гдѣ выведенъ баринъ, помѣшанный на домашнихъ спектакляхъ и мнящій себя великимъ актеромъ. У него подъ носомъ разыгрывается любовная интрига его дочери съ однимъ изъ исполнителей; передъ самымъ спектаклемъ влюбленная пара бѣжитъ и вѣнчается противъ воли родителя, который однако, чтобы не отмѣнять спектакля, соглашается бѣглецовъ простить, если только они вернутся и исполнятъ свои роли.

Наряду съ этой страстью къ театру Загоскинъ высмѣивалъ и метроманію, въ особенности женщинъ, покровительницъ словесности, которыхъ морочатъ разные литераторы Шмелевы, Змейкины, Тиранкины («Вечеринка ученыхъ» 1817) Хорошій типъ плута и краснобая съ ноздревскими наклонностями, фата, умѣющаго втереться въ женское довѣріе, изображенъ въ пьесѣ «Добрый малый» (1820) и не безъ комическихъ сценъ и относительно реальнымъ языкомъ написана комедія «Урокъ матушкамъ», въ которой описаны всякія ухищренія одной мачихи, желающей пристроить свою падчерицу такъ, чтобы сохранить за собою управленіе ея имуществомъ; наконецъ, много дѣйствительно недурно схваченныхъ типовъ изъ міра чиновничьяго и купеческаго дано нашимъ авторомъ въ маленькой пьесѣ «Новорожденный», въ которой разсказано, какъ одинъ мелкій чиновникъ въ честь всѣхъ своихъ начальниковъ называлъ своего новорожденнаго сына Андреемъ.

Какъ видимъ, все сюжеты очень невинные и незатѣйливые, типы довольно блѣдные и общіе, которые, однако, нравились благодаря, главнымъ образомъ, умѣнію автора запутать нехитрую интригу и писать иногда живымъ и остроумнымъ языкомъ. Загоскинъ зналъ хорошо сцену и это знаніе спасало его комедіи, которыя хотя и могли назваться пріятными новинками, но неимѣли никакого общественнаго значенія, такъ какъ ни одинъ сколько нибудь важный вопросъ того времени не оставилъ на нихъ и бѣглаго слѣда. Даже въ послѣдней, самой зрѣлой своей комедіи (написанной, правда въ годы, неблагопріятные для открытаго обсужденія общественныхъ вопросовъ), въ которой онъ открыто заговорилъ о нашей самобыт-

ности и успѣхахъ нашей культуры, а именно, въ комедіи «Недовольные» (1835), онъ не вышелъ за предѣлы ординарныхъ патріотическихъ параллелей между своимъ и западнымъ, истрепанныхъ нападокъ на людей, заимствующихъ у запада лишь внѣшній лоскъ, и патетическихъ возгласовъ на тему о томъ, «какъ мы впередъ шагнули и какъ насъ уважаетъ Европа». Комедію спасала лишь довольно смѣшная фабула и легкій стихъ, кое-гдѣ поддѣланный подъ грибоѣдовскій.

Надъ всѣми комедіями александровскаго времени возвышалась одна только сатира Грибоѣдова, которую авторъ—большой театралъ—облекъ въ драматическую форму. Сатира была геніальная по вѣрности и мѣткости своего удара; она била одновременно и по старшему поколѣнію, и по младшему, и въ этомъ сказалась вся глубина ея общественнаго смысла. Дѣйствительно, истинному сатирику того времени нужно было показать безъ прикрасъ ту старину, которой при новыхъ вѣніяхъ не не должно было быть мѣста, и нужно было показать также, сколько неустойчиваго, противорѣчиваго и неяснаго было въ этихъ новыхъ вѣяніяхъ. Борьба остановившихся въ своемъ развитіи отцовъ съ дѣтьми, поспѣшившими развитіемъ, была однимъ изъ важнѣйшихъ общественныхъ явленій александровскаго царствованія, и въ «Горе отъ ума» эта борьба была необычайно мѣтко схвачена. Ее можно было, конечно, изобразить и какъ трагическое столкновеніе, и какъ комическое. Грибоѣдовъ попытался освѣтить ее одновременно съ этихъ двухъ сторонъ, почему и поставилъ трагическую фигуру Чацкаго въ комическое положеніе. Отживающая старина екатерининская и павловская воплотилась въ лицѣ Фамусова и Скалозуба—этихъ представителей оппортунистической философіи карьеристовъ и безыдейной выправки фронтовиковъ. Отъ лица молодыхъ говорилъ Чацкій, и о нихъ болталъ Репетиловъ. И Чацкій, конечно, не вполнѣ выразилъ думы и стремленія молодежи, и Репетиловъ представилъ въ каррикатурномъ видѣ то, что заслуживало бы иного, болѣе серьезнаго отношенія, и самъ Грибоѣдовъ слишкомъ погнался за остротами—но настроеніе молодыхъ умовъ и напряженіе молодыхъ чувствъ было все-таки очерчено вѣрно: любовь къ родинѣ и тяготѣніе къ Западу, либерализмъ и нетерпимость, рѣшеніе серьезныхъ вопросовъ при малой подготовкѣ, неопредѣленное чувство протеста безъ яснаго міросозерцанія—всѣ эти отличительные признаки молодого движенія были въ общихъ очертаніяхъ выставлены на показъ. Если вспомнить къ тому же, что сатира была написана въ концѣ царствованія Александра, когда борьба между самоувѣреннымъ новымъ и старымъ которое готово было воскреснуть, обострилась и разгорѣлась, то приходится удивляться смѣлости писателя, занявшаго среди двухъ спорящихъ силъ такое независимое положеніе.

Но какъ бы высоко мы ни ставили эту сатиру, едва-ли мы признаемъ въ ней хорошую комедію. Неоднократно говорилось объ ея недостаткахъ, какъ сценическаго произведенія—о слѣдахъ французской

комедіи, которые остались на ея построеніи и на характеристикѣ одного изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, именно Лизы; на малую правдоподобность въ развитіи дѣйствія, на языкъ, который почти у всѣхъ лицъ одинъ и тотъ же, т.-е. сжатый, острый, грибоѣдовскій; на старый пріемъ именами обозначать главную черту характера человѣка и называть людей *Молчалинымъ*, *Скалозубомъ*, *Репетиловымъ*; на отсутствіе жизненности въ такихъ характерахъ какъ Чацкій и Софья. Всѣ эти упреки справедливы и они, нисколько не умаляя историко—общественнаго значенія комедіи, не позволяютъ признать ее за образецъ вполнѣ художественнаго воспроизведенія жизни на сценѣ.

---

Послѣ «Горе отъ ума» пришлось дожидаться цѣлыхъ десять лѣтъ, когда наконецъ пьесы Гоголя дали понятіе о такой художественной бытовой комедіи, съ чисто русскими дѣйствующими лицами, лицами живыми, съ рѣчью каждому изъ нихъ присущей и съ очень естественной группировкой ихъ на сценѣ.

Новый николаевскій режимъ былъ очень неблагопріятенъ для всякаго публичнаго обсужденія общественныхъ вопросовъ, и на сценѣ этотъ режимъ отозвался особенно вредно: на театрѣ игралось старое, уже потерявшее свой ароматъ, за исключеніемъ комедіи Грибоѣдова, которую съ величайшимъ трудомъ удалось наконецъ поставить (въ 1831 г.). Новинокъ не было, мелодрама и водевиль забили и комедію, и драму. Ни о какомъ отраженіи русской жизни на сценѣ не было и рѣчи. Но если молчала сцена, то писатели все-таки не молчали, и въ первые же годы новаго царствованія, въ концѣ двадцатыхъ и въ началѣ тридцатыхъ годовъ были сдѣланы попытки заговорить на сценѣ о нѣкоторыхъ весьма острыхъ современныхъ вопросахъ. Само собою разумѣется, что всѣ эти опыты на подмостки не попали, хотя авторъ имѣлъ иногда наивную смѣлость представлять ихъ въ цензуру. Попытки эти были сдѣланы Лермонтовымъ и Бѣлинскимъ.

Еще въ самые ранніе годы—въ бытность свою студентомъ (1830—1831)—Лермонтовъ написалъ нѣсколько драмъ, въ которыхъ, какъ въ интимномъ дневникѣ, стремился выяснить себѣ нѣкоторыя свои мысли и чувства, ему самому тогда не вполнѣ ясныя. Онъ задумывался надъ той меланхоліей, которую ощущалъ въ себѣ, надъ своимъ нелюдимымъ отношеніемъ къ окружающимъ, надъ вызывающей смѣлостью своихъ мыслей о Богѣ и людяхъ, надъ своей влюбчивостью и недовѣріемъ къ женщинѣ, наконецъ, вообще надъ той тяготой бытія, которая очень рано стала его тревожить. Поэтъ самъ для себя былъ психологической загадкой и въ своихъ раннихъ драмахъ пытался рѣшить эту загадку, создавая разные образы разочарованныхъ, влюбленныхъ и озлобленныхъ молодыхъ людей, которые всѣ кончали очень трагично.

Драмы Лермонтова написаны хоть и съ малой сценической опытностью, но съ большимъ талантомъ и жаромъ, и для біографа—источникъ перво-

степенной важности. Какъ отголоски русской жизни, онѣ не имѣли бы ровно никакого значенія, если бы авторъ мимоходомъ не коснулся крестьянскаго вопроса. Этотъ вопросъ попалъ, однако, въ его драмы случайно, не потому, что Лермонтовъ хотѣлъ быть обличителемъ соціальныхъ недуговъ русскихъ, а потому, что заинтересовался одной любопытной общей нравственной проблемой, а именно вопросомъ—до какихъ степеней человѣкъ можетъ быть для другого человѣка волкомъ. Ничего особенно характернаго въ этихъ сценахъ помѣщичьяго произвола Лермонтовъ не сказалъ, но нѣкоторые виды его перечислилъ; ему было не трудно это сдѣлать, такъ какъ въ жизни своихъ близкихъ родственниковъ онъ имѣлъ передъ глазами примѣры такого деспотизма, попавшаго даже на страницы исторіи. Вотъ почему эти двѣ-три сценки въ его юношескихъ драмахъ—этотъ типъ старухи помѣщицы, у которой для слугъ нѣтъ другого слова, кромѣ угрозы и брани (въ драмѣ «Menschen und Leidenschaften»), эта сцена, въ которой одинъ мужикъ на колѣняхъ проситъ молодого вертопраха, чтобы онъ купилъ ихъ у помѣщицы, которая сѣчетъ ихъ, вывертываетъ руки на станкѣ, колетъ ножницами дѣвокъ, выщипываетъ бороду волосокъ по волоску (въ драмѣ «Странный человѣкъ»)—конечно, не выдумка, не эффектный эпизодъ, а страничка изъ воспоминаній... Но голова Лермонтова была въ тѣ годы занята иными воспоминаніями чисто-семейнаго и личнаго характера, и потому его драмы—не исключая и «Маскарада» (1835)—имѣютъ безспорную цѣну художественную и автобіографическую, но какъ картины русской жизни слишкомъ общи и субъективны.

Очень общую картину нашей помѣщичьей жизни далъ и Бѣлинскій въ своей юношеской драмѣ «Дмитрій Калининъ» (1831), за которую поплатился исключеніемъ изъ университета. Идея драмы была навѣяна не жизнью, а чтеніемъ и размышленіемъ. Бѣлинскій также пытался разрѣшить одинъ изъ важнѣйшихъ этическихъ вопросовъ, а именно вопросъ о нравственномъ достоинствѣ человѣка и о свободѣ личности, и только попутно, въ видѣ поясненія основной мысли, нарисовалъ ужасающія картины помѣщичьей расправы съ крѣпостными. Политической мысли въ комедіи не было *), а была лишь защита одного общаго принципа, защищая который, нельзя было, однако, уберечься отъ нападокъ на то, что въ русской жизни бросалось въ глаза каждому моралисту.

Образы, а иной разъ и цѣлыя тирады, нашъ авторъ заимствовалъ у западныхъ громителей деспотизма, преимущественно у Шиллера, а обстановку взялъ русскую и притомъ помѣщичью, въ которой трудно было и предположить возможность такихъ типовъ, какъ Дмитрій Калининъ.

---

*) Смтр. *С. А. Венгеровъ.* «Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго», I, 128—132. Примѣчанія къ «Дмитрію Калинину».

Воспитывается этотъ Калининъ — крѣпостной человѣкъ безъ роду и племени — въ дворянской семьѣ, на правахъ всѣхъ прочихъ ея членовъ, двухъ сыновей и дочери Софіи; онъ любимецъ старика помѣщика, который заботится о немъ, какъ о родномъ сынѣ, и онъ счастливъ среди общей ненависти къ нему и жены и сыновей его благодѣтеля... счастливъ потому, что пользуется взаимностью Софьи... Онъ самъ любитъ ее до безумія и, повинуясь голосу любви и свободѣ страсти, онъ становится ея тайнымъ любовникомъ. Первое дѣйствіе драмы застаетъ его въ Москвѣ: онъ отправилъ старику письмо, въ которомъ просилъ руки его дочери. «Неужели я не имѣю права любить дѣвушку только потому, что отецъ ея носитъ на себѣ пустое званіе дворянина и что онъ богатъ, а я безъ имени и бѣденъ?» разсуждаетъ нашъ мечтатель.

Наконецъ, приходитъ и письмо, но оно не отъ отца, а отъ его сына Андрея. Въ самыхъ циничныхъ выраженіяхъ сынъ извѣщаетъ Дмитрія о смерти отца, о томъ, что отпускная, которую старикъ далъ Дмитрію уничтожена, что сестра Софья выходитъ замужъ за какого-то князя, и что, такъ какъ у нихъ недостаетъ лакеевъ для служенія при свадебномъ столѣ, то онъ и проситъ Дмитрія поскорѣе къ нимъ пожаловать. «Я—рабъ!», восклицаетъ Калининъ, и этотъ возгласъ—возгласъ отчаянія и мести. Дмитрій долженъ ѣхать, и онъ ѣдетъ. Вмѣстѣ съ другомъ, который сопровождалъ его изъ Москвы, они готовятъ планъ похищенія Софьи. Но пылкая натура Дмитрія не выдерживаетъ: тревога, злоба и ревность туманятъ его разсудокъ, онъ пріѣзжаетъ самъ требовать свою Софью, попадаетъ въ усадьбу на званый вечеръ, и при всѣхъ родныхъ и знакомыхъ даетъ понять, что̀ онъ для Софьи, и что̀ она для него... Братъ Софьи въ неистовствѣ бросается къ нему съ роковымъ словомъ «рабъ» и схватываетъ его за грудь, но Дмитрій выхватываетъ изъ кармана пистолетъ и убиваетъ Андрея.

Драма запутывается; отношенія Дмитрія и Софьи должны естественно измѣниться послѣ этого убійства, и единственнымъ выходомъ для обоихъ является смерть... Дмитрій, отданный въ руки правосудія, успѣваетъ какъ-то бѣжать изъ тюрьмы, ему удается еще разъ прижать къ своей груди Софью и, по ея просьбѣ, онъ ее закалываетъ. Уже послѣ этого второго убійства узнаетъ онъ, что его возлюбленная—его сестра, что онъ—незаконный сынъ своего благодѣтеля. Онъ закалывается.

Такова канва этой ультра романтической драмы. Герой намъ хорошо знакомъ еще по образцамъ западной романтики. Это все тотъ же защитникъ правъ человѣка, котораго натолкнула на преступленіе несправедливость людей и соціальная неурядица. Только герой этотъ дѣйствуетъ теперь на русской почвѣ и ему нужна, поэтому, реальная русская обстановка. Эту обстановку Бѣлинскій ему и придумалъ, воспользовавшись частью традиціонными типами въ родѣ постылаго жениха

или вѣрнаго друга, частью общими образами злодѣевъ, а частью типами изъ простонародья, которые выведены на сцену лишь затѣмъ, чтобы служить живымъ укоромъ для всѣхъ тѣхъ, кто ихъ такъ безсердечно измучилъ. На изображеніе этихъ мучителей Бѣлинскій не пожалѣлъ красокъ. Это не люди, это поистинѣ звѣри, которые изощряются въ изобрѣтеніи всякихъ жестокостей, начиная съ побоевъ, кончая даже презрѣннымъ грабительствомъ, и все затѣмъ, чтобы показать свое преимущество и силу, которыхъ никто не оспариваетъ. Такія густыя краски были нужны автору, чтобы лучше оттѣнить основной нравственный вопросъ, который онъ рѣшалъ въ своей драмѣ, и оправдать, хоть отчасти, неистовство и кровожадность самого героя, который былъ не борецъ за торжество святой идеи, а мститель за ея поруганіе. «Кто далъ это гибельное право однимъ людямъ порабощать своей власти волю другихъ, подобныхъ имъ существъ, отнимать у нихъ священное сокровище—свободу?—спрашиваетъ Калининъ передъ тѣмъ, какъ покончить съ собой.—Кто позволилъ имъ ругаться правами природы и человѣчества? Господинъ можетъ, для потѣхи или для разсѣянія, содрать шкуру съ своего раба; можетъ продать его, какъ скота, вымѣнять на собаку, на лошадь, на корову, разлучить его на всю жизнь съ отцомъ, съ матерью, съ сестрами, съ братьями и со всѣмъ, что для него мило и драгоцѣнно!.. Милосердный Боже! Отецъ человѣковъ! отвѣтствуй мнѣ: твоя ли премудрая рука произвела на свѣтъ этихъ зміевъ, этихъ крокодиловъ, этихъ тигровъ, питающихся костями и мясомъ своихъ ближнихъ и пьющихъ, какъ воду, ихъ кровь и слезы?» и Дмитрій отомстилъ за этихъ несчастныхъ...

Чтобы нѣсколько смягчить тяжелое впечатлѣніе такихъ сценъ и словъ, авторъ въ своей рукописи сдѣлалъ такую приписку: «Къ славѣ и чести нашего мудраго и попечительнаго правительства, подобныя тиранства уже начинаютъ совершенно истребляться. Оно поставляетъ для себя священною обязанностью пещись о счастьи каждаго человѣка, ввѣреннаго его отеческому попеченію, не различая ни лицъ, ни состояній».

Неизвѣстно, что сказало бы попечительное правительство, если бы оно прочитало эту драму; но цензурный комитетъ, состоявшій изъ профессоровъ, призналъ ее безнравственной и позорящей университетъ.

---

Среди выдающихся театральныхъ новинокъ того времени слѣдуетъ отмѣтить и три комедіи Квитки-Основьяненка: «Дворянскіе выборы» (1829), «Дворянскіе выборы, часть вторая, или выборъ исправника» (1830) и «Пріѣзжій изъ столицы, или суматоха въ уѣздномъ городѣ» (1828). Авторъ ихъ—малороссійскій писатель, подвизавшійся на томъ же поприщѣ, что и Гоголь—пріобрѣлъ себѣ большую извѣстность, главнымъ образомъ, своими разсказами и водевилями изъ малороссійскаго народнаго быта. Его комедіи пользовались меньшей славой; на сцену

онѣ, кажется, не попали, но были одобрены цензурой къ печати въ 1828—9 году.

Двѣ изъ нихъ, а именно, «Дворянскіе выборы» и «Пріѣзжій изъ столицы» удовлетворяютъ всѣмъ тогдашнимъ требованіямъ бытовой комедіи; комедія же «Выборъ исправника», какъ въ большинствѣ случаевъ всѣ «продолженія» и «вторыя части» удачныхъ пьесъ—слаба, растянута и ничего не прибавляетъ новаго къ тому, что было авторомъ сказано въ его «Дворянскихъ выборахъ». Лучшее въ ней—простонародныя сцены, въ которыхъ появляется любимецъ автора—волостной писарь Шельменко—типъ остроумца-малороссіянина, созданный Квиткой и съ тѣхъ поръ сохранившійся въ литературѣ. Но эти народныя сцены эпизодичны, смахиваютъ на водевиль и лежатъ внѣ поля нашего зрѣнія...

Для историка русской общественной мысли, поскольку она находила себѣ выраженіе въ комедіи, наибольшій интересъ представляетъ пьеса «Дворянскіе выборы», въ которыхъ наше дворянство изображено въ одну изъ очень характерныхъ минутъ своей уѣздной жизни.

Комедія написана съ пріемами старыми, какъ мы сказали. Неизбѣжная любовная интрига, совсѣмъ лишняя, заполняетъ почти половину дѣйствія всѣхъ трехъ актовъ, резонеры не упускаютъ случая поговорить о сущности разныхъ общественныхъ добродѣтелей и о благодѣтельномъ правительствѣ, которое своими заботами сдѣлаетъ скоро совершенно излишнимъ подобное обличеніе, какое себѣ разрѣшаетъ благомыслящій авторъ; всѣ лица, наконецъ, еще до начала дѣйствія знакомятъ зрителя со своимъ кондуитнымъ спискомъ, рекомендуясь ему, кто—Староплутовымъ, Заправлялкинымъ, Кожедраловымъ, Выжималовымъ, Драчугинымъ и Подтрусовымъ, кто Благосудовымъ и Твердовымъ. «Дворянскіе выборы» при всѣхъ художественныхъ недостаткахъ были, однако, очень смѣлымъ памфлетомъ на наше высшее сословіе. Квитка подобралъ удивительную коллекцію разныхъ плутовъ, негодяевъ, поддѣлывателей документовъ, грабителей, пьяницъ и болвановъ, передъ которыми всѣ взяточники гоголевской комедіи—невинныя дѣти. Всю эту дворянскую свору, для надлежащаго посрамленія и для торжества истиннаго дворянскаго принципа, авторъ загналъ въ губернскій городъ для выбора предводителя. Все было пущено въ ходъ, чтобы эта должность досталась Кожедралову, но передъ баллотировкой прежній губернскій предводитель предложилъ разобрать, кто имѣетъ право класть шаръ и кто нѣтъ, и тогда открылось, что этотъ Кожедраловъ соститъ подъ судомъ за взятки. Произошла, какъ говоритъ дворянинъ Староплутовъ, заинтересованный въ выборѣ Кожедралова, «ужасная революція», т.-е. всю банду дворянъ-авантюристовъ выгнали, и предводителемъ былъ избранъ Твердовъ, который въ придачу къ новой должности получилъ и руку m-lle Тихиной—племянницы Староплутова; сердце же ея ему давно принадлежало.

Такова завязка; но въ ней попадается одна деталь, очень оригинальная и истинно курьезная: это—описаніе одного изъ способовъ, какимъ заинтересованная дворянская партія стремилась на выборахъ гарантировать себѣ большинство голосовъ.

Подбирались неимущіе дворяне, родъ которыхъ размножился. Случалось, что болѣе десятка такихъ дворянъ владѣли однимъ крестьяниномъ и двумя десятинами земли, которая и называлась деревней. Вотъ такихъ-то дворянъ собралъ—какъ разсказываетъ Квитка—плутъ Кожедраловъ и на повозкахъ привезъ въ городъ, на выборы. На сей случай была имъ отпущена приготовленная амуниція, и пока баллотировка продолжалась, они всѣ жили на его харчахъ, ѣли безъ устали, пили безъ просыпу, но зато обязались класть свой шаръ, кому имъ прикажутъ. Всѣмъ этимъ подставнымъ дворянамъ на сценѣ производятъ смотръ; ихъ подсчитываютъ, причемъ оказывается, что одинъ едва ли будетъ годенъ, потому что наканунѣ на ночлегѣ прибитъ до полусмерти, да и другіе ненадежны, такъ какъ съ перепоя ничего не понимаютъ. Ихъ тѣмъ не менѣе обучаютъ, какъ себя держать на выборахъ, потому что всѣ они новаго набора, а старыхъ прошлогоднихъ нѣтъ. Изъ этихъ прошлогоднихъ трое сосланы по уголовному суду на поселеніе, четвертый отданъ вѣчно въ солдаты, пятый вьпьянѣ умеръ, а шестой служитъ ямщикомъ на станціи.

Всѣ тѣ сцены, въ которыхъ выступаетъ эта благородная голтепа—образецъ очень веселой буффонады, которая резонерамъ пьесы даетъ удобный случай высказать свои мнѣнія объ истинномъ призваніи дворянина.

Въ комедіи говорится и о крестьянскомъ вопросѣ. Сентиментальная дѣвица Тихина-героиня комедіи — при всей тихости своего темперамента, возмущена обращеніемъ Кожедралова съ крестьянами и потому не принимаетъ его сватовства. Ея опекунша, наоборотъ, проповѣдуетъ систему плетки и пощечинъ и гордится тѣмъ, что она вела себя «не подло» и не отставала отъ другихъ. «Дѣвки у меня духа моего трепещутъ,—говоритъ она,—все работаютъ, я только погоняю. И коли у меня дѣвка выдержитъ пять лѣтъ, такъ ужъ похвалится своимъ холопскимъ здоровьемъ». Такія и подобныя имъ реплики, равно какъ и откровенное глумленіе надъ дворянствомъ, заставляютъ насъ причислить комедію Квитки къ памятникамъ обличительной литературы, въ которыхъ, какъ мы уже замѣчали неоднократно, серьезность и глубина содержанія почти никогда не совпадала съ художественнымъ выполненіемъ. И «Дворянскіе выборы» также—плохая комедія и недурная сатира.

Вторая комедія Квитки «Пріѣзжій изъ столицы, или суматоха въ уѣздномъ городѣ» въ художественномъ отношеніи стоитъ выше первой, но по содержанію она менѣе характерна. Для насъ она имѣетъ, однако, совсѣмъ особое значеніе въ виду однако случайнаго обстоятельства: фабула комедіи очень похожа на фабулу «Ревизора»; и су-

ществуетъ предположеніе, что Гоголь заимствовалъ свой сюжетъ у Квитки.

Городничій уѣзднаго города Ѳома Ѳомичъ Трусилкинъ получаетъ отъ одного изъ служащихъ въ губернаторской канцеляріи извѣщеніе, что черезъ его городъ поѣдетъ важная и знатная особа, кто—неизвѣстно, но только очень уважаемая губернаторомъ. Городничій предполагаетъ, что эта особа—ревизоръ. Это извѣстіе вызываетъ большую тревогу и въ семьѣ городничаго, и среди его знакомыхъ и въ чиновныхъ кругахъ города. Заинтересованы очень прежде всего дамы—сестра городничаго—старая дѣва лѣтъ сорока; разбитная и весьма глупая жена одного стряпчаго, ея дочь Эйжени—по-русски Евгаша—воспитанница трехъ французскихъ пансіоновъ, помѣшанная на французской рѣчи, пустая вертушка; и одна только благонравная дѣвица, племянница городничаго, принимаетъ извѣстіе о пріѣздѣ ревизора хладнокровно.

Всего больше конечно заинтригованъ чиновный міръ: флегматичный Тихонъ Михайловичъ Спалкинъ — уѣздный судья; Лука Семеновичъ Печаталкинъ—почтовый экспедиторъ и Афиногенъ Валентиновичъ Ученосвѣтовъ, большой театралъ и смотритель уѣздныхъ училищъ. Городничій потерявшій голову начинаетъ придумывать разныя мѣры для достойной встрѣчи ревизора, предлагаетъ снять заборы на нижней улицѣ и положить доски по большой, гдѣ ревизоръ поѣдетъ, лицевыя стороны фонарныхъ столбовъ подмазать сажей и чтобы во время пребыванія ревизора не произошло пожара—вездѣ у бѣдныхъ запечатать печи. Приставъ Шаринъ отъ себя предлагаетъ набрать кое-кого зря да посадить въ острогъ, такъ какъ арестантовъ мало и могутъ подумать, что они распущены... Наконецъ рѣшено посадить порасторопнѣе человѣка на колокольню, чтобы онъ, чуть увидитъ экипажъ, сломя голову летѣлъ бы къ городничему.

Когда всѣ чиновники въ мундирахъ собрались у городничаго и онъ разставилъ ихъ въ залѣ по порядку, настаетъ страшная минута, и является пріѣзжій изъ столицы Владиславъ Трофимовичъ Пустолобовъ, который входитъ важно и, пройдя всѣхъ безъ вниманія, останавливается посреди комнаты. Городничій подаетъ ему рапортъ и начинаетъ представлять сначала чиновниковъ, затѣмъ дамъ. Ученосвѣтовъ узнаетъ въ Пустолобовѣ своего стараго знакомаго, выгнаннаго изъ университета студента и идетъ къ нему съ распростертыми объятіями, но тотъ отступаетъ отъ него и до особенной аудіенціи велитъ ему наблюдать строжайшую скромность. Наконецъ, городничій рѣшается обратиться къ ревизору съ вопросомъ о томъ, въ какомъ онъ чинѣ, чтобы не ошибиться въ титулѣ, и Пустолобовъ отвѣчаетъ ему развязно, что «онъ уже достигъ до той степени, выше которой подобные ему не восходятъ». Всѣ заключаютъ изъ этихъ словъ, что онъ превосходительный, и дѣйствіе кончается общимъ шествіемъ въ столовую.

«Не угодно ли послѣ дороги отдохнуть?» спрашиваетъ городничій своего гостя. «Мнѣ отдыхать? что же было бы тогда съ Россіей, еже ли бы я спалъ послѣ обѣда?»—отвѣчаетъ Пустолобовъ и проситъ къ себѣ на пріемъ чиновниковъ. Оказывается, что Пустолобовъ разыгрываетъ всю эту комедію съ цѣлью найти богатую невѣсту и достать хоть какую-нибудь сумму денегъ, такъ какъ онъ безъ копѣйки. Первымъ онъ вызываетъ къ себѣ на аудіенцію Ученосвѣтова, выговариваетъ ему за неумѣстную фамильярность при встрѣчѣ, по секрету объявляетъ ему, что это фамильярность чуть не нарушила равновѣсіе Европы и велитъ соблюдать впредь строжайшую тайну. Между прочимъ, онъ ловко выспрашиваетъ его о невѣстахъ и узнаетъ, что племянница городничаго невѣста съ достаткомъ и что самое близкое лицо къ этой дѣвицѣ—ея тетка... Проводивъ смотрителя училищъ, онъ вызываетъ городничаго и проситъ представить ему казначея; оказывается однако, что казначей у пріятеля въ деревнѣ и ключи отъ кладовой у него. Набѣгъ на казенную кладовую, такимъ образомъ, не удается и приходится изыскивать другія средства. При разговорѣ съ почмейстеромъ, Пустолобовъ освѣдомляется, сколько у него въ почтамтѣ на лицо денегъ, и узнавъ, что 28 руб. 80 коп.—приходитъ въ унынie. Но ему мелькаетъ другая мысль. Онъ говоритъ почмейстеру, что пришлетъ ему нѣкоторыя бумаги, которыя тотъ вскорѣ долженъ ему принести, какъ бы полученныя на его имя съ эстафетой...

На нѣкоторое время сцену заполняютъ домашніе городничаго, и зрителю выясняется, что сердце племянницы городничаго, на которое нацѣлился ревизоръ, не свободно и уже отдано маіору Милову... Пустолобовъ, который этого не подозрѣваетъ, открываетъ компанію и признается сестрѣ городничаго въ своей любви, очень осторожно, намеками, говоря, что яснѣе объясняться не можетъ изъ опасенія заставить смѣяться весь дипломатическій корпусъ Европы. Старая дѣва, не разслышавъ, кого любитъ Пустолобовъ, принимаетъ все на свой счетъ и отвѣчаетъ, что, уважая критическое положеніе, или яснѣе сказать, состояніе дѣлъ Европы и изъ почтенія къ дипломатическому корпусу, она согласна.. Она очень разочарована и обозлена, когда узнаетъ, что предметъ воздыханій Пустолобова ея племянница, но беретъ на себя порученіе содѣйствовать этой интригѣ, имѣя впрочемъ свои виды... Наконецъ городничій и почмейстеръ приносятъ Пустолобову имъ же написанныя бумаги, какъ бы полученныя съ нарочной эстафетой. Въ этихъ бумагахъ значится, что иностранное министерство возлагаетъ на Пустолобова произвести тонкую хитрость и назначаетъ для этого десять тысячъ. Деньги Пустолобовъ можетъ получить, гдѣ вздумаетъ... Нашъ ревизоръ, однако, мирится и на пяти. Но казначей уѣхалъ, и городничему остается раздобыть гдѣ-нибудь эти деньги въ городѣ; на первый случай онъ предлагаетъ свои 500 р., которые Пустолобовъ и принимаетъ «на эстафеты». «Я уже пріученъ

издерживать свои—говоритъ онъ—начальникъ подъ видомъ шутки относитъ все къ пожертвованіямъ, но я благодаренъ; такихъ пожертвованій набираются сотни тысячъ...»

Пустолобову тутъ же приходитъ въ голову и еще новая мысль—запереть городъ, чтобы никто не узналъ объ его проказахъ и не помѣшалъ ему жениться; для этого онъ приказываетъ городничему не впускать и не выпускать безъ его вѣдома никого за заставу... Этимъ онъ самъ себѣ, какъ оказывается впослѣдствіи, ставитъ ловушку. Дѣйствіе оканчивается выходомъ пристава, который приноситъ полученную отъ губернатора бумагу на имя городничаго, но этого городничаго пока розыскать невозможно: онъ куда-то исчезъ, на время спрятался, сказавъ, что отправляется въ секретную экспедицію. «Ахъ,—говоритъ приставъ,—кабы городничій позволилъ ночью поджечь избенку какого бѣднаго обывателя. Тутъ бы крикъ, тревога, суматоха. Ревизоръ бы взбѣгался: гдѣ полиція? гдѣ полиція? А я бы, давъ погорѣть, тутъ изъ-за угла на него трубою, трубою, которую на первый случай изряднехонько исправили. Тутъ, навѣрное, пошло бы обо мнѣ представленіе... орденъ! Здѣсь въ глуши нашему брату только фальшивой тревогой и взять...»

Интрига начинаетъ близиться къ развязкѣ. Старая дѣва доводитъ до свѣдѣнія своей племянницы о пламени, какимъ къ ней пылаетъ Пустолобовъ. Желая занять ея мѣсто, она уговариваетъ племянницу на время скрыться, а Пустолобову говоритъ, что племянница отъ его предложенія въ восторгѣ, согласна бѣжать съ нимъ и вѣнчаться въ ближайшемъ селѣ. Она предупреждаетъ его только, чтобы онъ не удивился, если невѣста будетъ молчать не только всю дорогу, но и подъ вѣнцомъ. Пустолобовъ на все согласенъ, въ благодарность обѣщаетъ этой тетушкѣ сдѣлать ее знатной дамой и записать имя ея въ исторію. Немедленно нашъ ревизоръ спрашиваетъ себѣ шестерку добрыхъ почтовыхъ лошадей съ надежными ямщиками и подъ вечеръ укатываетъ вмѣстѣ со старой дѣвой, принимая ее за племянницу...

Наконецъ, появляется городничій, который пропадалъ, отыскивая для Пустолобова деньги по всему городу. Ему докладываетъ приставъ, что ревизоръ уѣхалъ въ каретѣ и, какъ ему показалось, съ его племянницей. Городничій озадаченъ, зачѣмъ ревизору понадобилось бѣжать, когда онъ открыто могъ сдѣлать честь всей семьѣ своимъ предложеніемъ. Все объясняется, когда тотъ же приставъ подаетъ городничему бумагу отъ губернатора. Въ ней сказано, что высшее начальство, узнавъ, что откомандированный въ нѣкоторыя губерніи титулярный совѣтникъ Пустолобовъ осмѣлился выдавать себя за важнаго государственнаго чиновника, производящаго изслѣдованія по какой-то секретной части, и чрезъ то надѣлавшій большихъ безпорядковъ и злоупотребленій, предписываетъ схватить его и прислать за строгимъ карауломъ въ Петербургъ.

Общее смятеніе на сценѣ, и затѣмъ развязка: ревизора ловятъ у заставы, за которую его не пропустили по собственному его же предписанію. Вмѣстѣ съ нимъ вытаскиваютъ на сцену и закутанную даму, которая въ обморокѣ лежитъ у двухъ солдатъ на рукахъ. Съ нея срываютъ покрывало, и оконфуженная и разсерженная тетушка начинаетъ ругаться. Пустолобова уводитъ приставъ; племянница появляется, маіоръ Миловъ протягиваетъ ей руку, и городничій доволенъ, что все это такъ хорошо кончилось и что онъ отдѣлался 50-ю рублями, такъ какъ 450 были взяты у Пустолобова при обыскѣ...

Комизмъ развязки совершенно не удался Квиткѣ. Никто изъ дѣйствующихъ лицъ не знаетъ, что сказать и какъ отнестись къ этому скандалу; всѣ отдѣлываются шутками или ничего не значущими возгласами. Самъ городничій принимаетъ всю развязку необычайно хладнокровно и спѣшитъ поскорѣе дать согласіе на бракъ своей племянницы съ маіоромъ. Лучше всѣхъ ведетъ себя Пустолобовъ, который спокойно покоряется своей участи и благодаритъ Бога, что не обвѣнчался со старой дѣвой...

Во всякомъ случаѣ, не съ этой комедіи списывалъ Гоголь своего «Ревизора».

---

Таковъ въ самыхъ общихъ очертаніяхъ ходъ развитія сюжетовъ въ нашей комедіи до Гоголя.

Несмотря на количественный ростъ пьесъ, ихъ качественная стоимость оставалась приблизительно одна и та же. Въ художественномъ отношеніи ни комедіи, ни драмы не возвышались надъ среднимъ литературнымъ уровнемъ. По содержанію большинство было безцвѣтно, и историческая эпоха не находила въ нихъ своего отраженія. Исключеніе составляли лишь единичныя явленія, очень рѣдкія. Но это были сатиры, въ которыхъ глубина содержанія не покрывалась художественностью выполненія.

Настоящей бытовой комедіи мы пока еще не имѣли, и Гоголь былъ первый, который намъ ее далъ. Въ его комедіяхъ правда жизни сочеталась съ художественной правдой въ искусствѣ. Сцена стала отраженіемъ жизни: общіе типы, типы заимствованные, условности въ интригахъ, моральная тенденція—все исчезло: художникъ и бытописатель стали однимъ лицомъ. Но зато ни одна изъ комедій Гоголя не поднялась до той высоты смѣлаго обличенія, до какой возвышались нѣкоторыя изъ пьесъ стараго репертуара. Сатира Гоголя была художественна, но того глубокаго общественнаго смысла, какимъ нѣкогда была такъ сильна сатира Фонъ-Визина и Грибоѣдова—она не имѣла: сравнительно съ запросами своего времени она была сдержанна и осторожна.

## XII.

**Взгляды Гоголя на смѣшное въ жизни; «шутка» и облагораживающій насъ «смѣхъ».— Гоголь, какъ обличитель общественныхъ пороковъ; отсутствіе либеральной тенденціи въ его сатирѣ.—Первыя мысли о комедіи; одновременная работа надъ тремя сюжетами; трудность и длительность этой работы.—«Игроки».—«Женитьба»; обзоръ типовъ и общественный смыслъ комедіи.—Остатки отъ неоконченной комедіи «Владиміръ третьей степени»: «Утро дѣлового человѣка»; «Тяжба»; «Отрывокъ» и «Лакейская».—Выведенные въ нихъ типы и затронутые вопросы.**

Въ своей «Авторской исповѣди» Гоголь, вспоминая былые годы и чистосердечно разсказывая исторію собственнаго творчества, сдѣлалъ одно очень любопытное признаніе: «Первые мои опыты,— говорилъ онъ,—были почти всѣ въ лирическомъ и серьезномъ родѣ. Ни я самъ, ни сотоварищи мои, упражнявшіеся также вмѣстѣ со мной въ сочиненіяхъ, не думали, что мнѣ придется быть писателемъ комическимъ и сатирическимъ, хотя, несмотря на мой меланхолическій отъ природы характеръ, на меня часто находила охота шутить и даже надоѣдать другимъ моими шутками; въ самыхъ раннихъ сужденіяхъ моихъ о людяхъ находили умѣнье замѣчать тѣ особенности, которыя ускользаютъ отъ вниманія другихъ людей, какъ крупныя, такъ мелкія и смѣшныя. Говорили, что я умѣю не то что передразнить, но угадать человѣка, то-есть угадать, что̀ онъ долженъ въ такихъ и такихъ случаяхъ сказать, съ удержаніемъ самого склада и образа его мыслей и рѣчей». Способность, о которой здѣсь говоритъ Гоголь, была ему дана отъ природы и неизмѣнно проявлялась во всѣхъ его произведеніяхъ, начиная отъ «Вечеровъ», кончая «Мертвыми Душами»: всегда и вездѣ онъ, какъ художникъ, обладалъ способностью перевоплощенія. Въ какихъ цѣляхъ онъ ею пользовался? Отмѣчая въ своей «Авторской Исповѣди» постоянную смѣну настроеній, которыя имъ владѣли, это частое совмѣщеніе глубоко меланхолическаго взгляда на жизнь со способностью оттѣнять въ этой жизни ея комическія стороны, Гоголь признался, что онъ не могъ отдѣлаться отъ охоты «шутить» и «надоѣдать» другимъ этими шутками. Повидимому, онъ своему смѣху придавалъ первоначально значеніе чисто личное—мало серьезное. На самомъ дѣлѣ оно такъ и было, и мы неоднократно могли убѣдиться, что Гоголь шутилъ ради шутки и никакого особенно важнаго значенія своимъ «шуткамъ» не приписывалъ. Такъ отъ души смѣялся онъ въ своихъ малороссійскихъ разсказахъ и въ петербургскихъ повѣстяхъ, ловя на лету все смѣшное, что попадалось, иногда выдумывая это смѣшное, не подбирая типовъ и не направляя своего смѣха на какую-нибудь опредѣленную сторону жизни. Въ этихъ повѣстяхъ и разсказахъ мы смогли подмѣтить только однажды слабые проблески того, что называется общественной сатирой.

Но скоро во взглядахъ Гоголя на смѣшное произошла очень



значительная перемѣна. Смѣхъ получилъ въ его глазахъ значеніе не личное только, но общественное: Гоголь сталъ необычайно серьезно смотрѣть на него, и серьезность эта съ каждымъ годомъ такъ возрастала, что скоро грань между смѣхомъ и слезами начала исчезать и прежнее загадочное противорѣчіе въ настроеніяхъ разрѣшилось въ намъ всѣмъ извѣстный и дорогой «смѣхъ сквозь слезы». Какъ совершилась эта перемѣна, въ подробностяхъ разсказать невозможно: но только эта перемѣна во взглядѣ на смѣшную сторону жизни стала сказываться еще въ 1832 году, т.-е. тогда, когда Гоголь продолжалъ «шутить», такъ, для себя, для домашняго обихода. Въ 1836 году, наканунѣ перваго представленія «Ревизора», этотъ серьезный взглядъ на «смѣшное» нашелъ себѣ уже очень ясное и точное выраженіе въ одной статейкѣ, которую Гоголь набросалъ для пушкинскаго «Современника». Статья называлась «Петербургскія записки 1836 года» и мы съ ней уже знакомы по вышеприведенной параллели между Москвой и Петербургомъ. Во второй части этой статьи Гоголь говорилъ о репертуарѣ нашихъ театровъ въ сезонъ 1835—36 года. По поводу этого репертуара онъ высказалъ нѣсколько общихъ соображеній, сущность которыхъ мы и изложимъ *).

Гоголь жалуется, что балетъ и опера совершенно завладѣли нашей сценой. А между тѣмъ, живетъ еще въ мысляхъ каждаго мнѣніе, что есть высокая драма, что есть и высокая комедія — вѣрный сколокъ съ общества, комедія, производящая смѣхъ глубокостью своей ироніи, не тотъ смѣхъ, который производитъ на насъ легкія впечатлѣнія, который рождается бѣглой остротою, мгновеннымъ каламбуромъ, не тотъ пошлый смѣхъ, который движетъ грубою толпою общества, для произведенія котораго нужны конвульсіи, гримасы природы; но тотъ электрическій, живительный смѣхъ, который исторгается невольно и свободно, который разноситъ по всѣмъ нервамъ освѣжающее наслажденіе, рождается изъ спокойнаго наслажденья души и производится высокимъ и тонкимъ умомъ. Такого смѣха на нашемъ театрѣ нѣтъ: мы пробавляемся французской мелодрамой и водевилями, пусть бы еще французскими, но водевилями русскими! Все это происходитъ оттого, что мы гоняемся либо за дешевымъ смѣхомъ, либо за эффектами. А между тѣмъ, нынѣшняя драма показала стремленіе вывести законы дѣйствій изъ нашего же общества. Чтобы замѣтить общіе элементы нашего общества, двигающіе его пружины — для этого нужно быть великому таланту. Но наши писатели, порожденные новымъ стремленіемъ, не были таланты и общихъ элементовъ не замѣтили, а набросились на исключенія. Странность сюжета вы-

*) Взгляды Гоголя мы изложимъ по черновымъ наброскамъ этой статьи, такъ какъ въ нихъ они изложены болѣе полно. Черновые наброски носятъ заглавіе «Петербургская сцена въ 1835—1836 г.». Сочиненія *Н. В. Гоголя*, X-е изданіе. VI, 316—326.

носила ихъ имя и дѣлала извѣстнымъ. Идея созданія нынѣшнихъ драмъ непремѣнно—разсказать какой-либо новый случай, непремѣнно странный, непремѣнно еще никѣмъ не виданный, неслыханный... Что хуже всего, такъ это отсутствіе національнаго на нашей сценѣ. Кого играютъ наши актеры? Какихъ-то нехристей, людей—не французовъ и не нѣмцевъ, но Богъ знаетъ кого, какихъ-то взбалмошныхъ людей—иначе и трудно назвать героевъ мелодрамы, не имѣющихъ рѣшительно никакой точно опредѣленной страсти, а тѣмъ болѣе видной физіогноміи. Не странно ли? Тогда какъ мы больше всего говоримъ теперь о естественности, намъ какъ нарочно подносятъ подъ носъ верхъ уродливости. Русскаго мы просимъ! Своего давайте намъ! Что намъ французы и весь заморскій людъ? Развѣ мало у насъ нашего народа? русскихъ характеровъ! своихъ характеровъ! Давайте насъ самихъ. Давайте намъ нашихъ плутовъ, которые тихомолкомъ употребляютъ въ зло благо, изливаемое на насъ правительствомъ нашимъ, которые превратно толкуютъ наши законы, которые подъ личиной кротости подъ рукою дѣлаютъ дѣлишки не совсѣмъ кроткія. Изобразите намъ нашего честнаго, прямого человѣка, который среди несправедливостей, ему наносимыхъ, среди потерь и тратъ, чинимыхъ ему, остается непоколебимъ въ своихъ положеніяхъ, безъ ропота на безвинное правительство и исполненъ той же русской, безграничной любви къ царю своему, для котораго бы онъ и жизнь, и домъ, и послѣднюю каплю благородной крови готовъ принесть, какъ назначенную жертву... Бросьте долгій взглядъ во всю длину и ширину животрепещущаго населенія нашей раздольной (родины): сколько есть у насъ добрыхъ людей, но сколько есть и плевелъ, отъ которыхъ житья нѣтъ добрымъ и за которыми не въ силахъ слѣдить никакой законъ. На сцену ихъ! Пусть видитъ ихъ весь народъ! Пусть посмѣется онъ! О, смѣхъ великое дѣло! Ничего болѣе не боится человѣкъ такъ, какъ смѣха. Онъ не отнимаетъ ни жизни, ни имѣнія у виновнаго; но онъ ему силы связываетъ и, боясь смѣха, человѣкъ удержится отъ того, отъ чего бы не удержала его никакая сила... Благосклонно склонится око монарха къ тому писателю, который, движимый чистымъ желаніемъ добра, предприметъ уличить низкій порокъ, недостойныя слабости и привычки въ слояхъ нашего общества и этимъ подастъ отъ себя помощь и крылья его правдивому закону. Театръ—великая школа, глубоко его назначеніе: онъ цѣлой толпѣ, цѣлой тысячѣ народа за однимъ разомъ читаетъ живой полезный урокъ и при блескѣ торжественнаго освѣщенія, при громѣ музыки показываетъ смѣшное привычекъ и пороковъ или высокотрогательное достоинствъ и возвышенныхъ чувствъ человѣка. Нѣтъ! театръ не то, что сдѣлали изъ него теперь. Нѣтъ! Онъ не долженъ возбудить тѣхъ тревожныхъ и безпокойныхъ движеній души. Нѣтъ! Пусть зритель выходитъ изъ театра въ счастливомъ

расположенія, помирая отъ смѣха или обливаясь сладкими слезами, и понесшій съ собою какое-нибудь доброе намѣреніе.

Писатель, который отводилъ смѣху такую карающую и наставническую роль въ обществѣ, былъ, конечно, далекъ отъ всякихъ «шутокъ», и имѣлъ право обидѣться, когда нѣкоторые люди при оцѣнкѣ его комедій, за ихъ шутливой внѣшностью, не поняли скрытаго въ нихъ серьезнаго смѣха.

Переходя къ обзору этихъ комедій, мы должны прежде всего сдѣлать большую оговорку. Всякій разъ, когда рѣчь зайдетъ объ общественной тенденціи этихъ комедій, надо помнить, что въ представленіи Гоголя эта общественная тенденція не имѣетъ ничего общаго съ «либеральной». Она въ его комедіяхъ—тенденція нравственная, безъ всякой примѣси политическаго элемента. Вотъ почему онъ могъ позднѣе истолковать всего «Ревизора» чисто нравственно и мистически, какъ онъ это сдѣлалъ въ извѣстной «Развязкѣ»; вотъ почему онъ и приходилъ въ такое страшное негодованіе и чувствовалъ себя такъ оскорбленнымъ, когда его называли «либераломъ» или подозрѣвали въ желаніи сказать что-нибудь непріятное правительству.

Гоголь по своимъ политическимъ взглядамъ былъ всегда чистокровнымъ консерваторомъ и вѣрноподданнымъ. Либеральный оттѣнокъ его комедіямъ и его творчеству придалъ не онъ, а условія нашей общественной жизни временъ императора Николая, условія, которыя въ 1852 году заставили само правительство признать Гоголя «опаснымъ» писателемъ и попытаться «замолчать» въ нѣкоторомъ смыслѣ его кончину.

Помимо того, что всякое рѣзкое обличеніе нравственныхъ недостатковъ всегда можетъ быть истолковано въ либеральномъ смыслѣ, т.-е. всегда бросаетъ извѣстную тѣнь на государственный порядокъ, при которомъ такіе недостатки процвѣтаютъ — помимо этого, въ «Комедіяхъ» и въ «Мертвыхъ Душахъ» было, какъ извѣстно, высказано самое безпощадное осужденіе русской бюрократической системы. И это осужденіе, и только оно одно, и подало поводъ всѣмъ нашимъ прогрессивнымъ партіямъ зачислить Гоголя въ разрядъ если не своихъ сотрудниковъ, то, во всякомъ случаѣ, въ число лицъ подготовлявшихъ почву для воспріятія прогрессивныхъ идей. И это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Вопреки самому Гоголю, его придется признать однимъ изъ отцовъ русскаго либерализма или вѣрнѣе русской прогрессивной общественной мысли, которая, покинувъ общенравственныя точки зрѣнія, переходила къ критикѣ существующаго общественнаго и государственнаго порядка.

Разногласіе между Гоголемъ и его читателями и современниками и потомками—вытекало изъ очень понятныхъ причинъ. Гоголь для Россіи не желалъ лучшаго устройства государственнаго, чѣмъ то, при которомъ жилъ. Не любилъ онъ только «состояній среднихъ» за то, что они слиш-

комъ подвижны и неустойчивы. Такимъ образомъ для большинства силъ, какими приводилась въ движеніе русская общественная и государственная жизнь, Гоголь желалъ отъ всего своего консервативнаго сердца сохраненія существующаго. Ролью одной только силы, и притомъ очень важной, онъ былъ недоволенъ, мало сказать,—онъ былъ оскорбленъ ею. Этой силой была бюрократія, дѣйствительно, всесильная въ николаевское царствованіе. На нее направилъ Гоголь свои удары сатирика и моралиста. Если не считать плутоватыхъ типовъ въ родѣ Хлестакова и Чичикова, особенно облюбованныхъ нашимъ авторомъ, типовъ, съ которыми онъ обошелся, однако, очень милостиво; если оставить въ сторонѣ портреты, списанные съ дворянъ-помѣщиковъ, портреты не лестные, но во всякомъ случаѣ написанные безъ злобы и негодованія, то именно чиновный міръ отъ губернатора и городничаго до квартальнаго, былъ главной мишенью наиболѣе сильныхъ сатирическихъ нападокъ нашего автора. Но и въ этихъ нападкахъ сатирикъ соблюдалъ нѣкоторую осторожность. Въ комедіи «Владиміръ 3-й степени», въ этой первой попыткѣ систематическаго обличенія бюрократіи, Гоголь рѣшился было заговорить о столичныхъ довольно высокопоставленныхъ кругахъ, но что это не совсѣмъ удобно и потому въ дальнѣйшихъ своихъ сочиненіяхъ продолжалъ говорить лишь о чиновникахъ губернскихъ и уѣздныхъ.

Въ дѣлѣ обличенія бюрократическихъ сферъ Гоголь имѣлъ, какъ намъ извѣстно, многочисленныхъ предшественниковъ, но никто изъ нихъ не относился такъ страстно къ этому вопросу, какъ онъ; никто не спеціализировался такъ на своей темѣ. Писатели александровской эпохи предпочитали говорить объ аристократіи, столичной и помѣщичьей, и съ достаточной смѣлостью освѣщали неврачныя стороны свѣтскаго круга. Поэтъ николаевскаго времени былъ призванъ указать на все то зло, какое влекла за собой широко-развившаяся въ это время бюрократическая система. И Гоголь свою задачу выполнилъ какъ настоящій патріотъ и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ вѣрноподданный. Онъ не допускалъ даже мысли о томъ, что сама правительственная система могла быть виновата въ томъ бюрократическомъ злѣ, которое онъ такъ вѣрно подмѣтилъ и оцѣнилъ; въ его глазахъ вся вина падала не на укладъ правительственной жизни, ставящій чиновника въ такое положеніе, при которомъ превышеніе власти и злоупотребленіе ею сами собой напрашивались, а на самого чиновника, какъ на отдѣльную нравственную единицу, какъ на личность съ извѣстнымъ нравственнымъ содержаніемъ. Такимъ образомъ вопросъ съ почвы общественной переводился Гоголемъ прямо на почву нравственную, и затѣмъ уже на религіозную. Все зло проистекало, по мнѣнію автора, изъ природы самого человѣка, а не изъ тѣхъ условій, въ какія онъ былъ поставленъ. Чтобы излечить его не было нужды мѣнять обстановки, въ которой онъ выросталъ и которая пріучала его къ гордынѣ, своеволію, самопоклоненію,

хитростямъ, обманамъ, лѣни и отсутствію понятія о гражданскомъ долгѣ—лечить его нужно было или нравственнымъ воздѣйствіемъ на его душу, или силою кары—силы падающаго на него несчастья, которое должно было непосредственно повліять на его нравственное самосознаніе. Труднѣйшій общественный вопросъ рѣшался, такимъ образомъ, для Гоголя весьма просто. Весь ходъ жизни зависитъ отъ нравственнаго совершенствованія человѣка,—думалъ нашъ моралистъ. Можно поставить человѣка въ какія угодно условія—экономическія, общественныя и политическія, его жизнь будетъ посвящена благу своему и ближняго, если только въ немъ самомъ есть этотъ нравственный регуляторъ. Можно спросить, конечно, не зависитъ ли въ свою очередь это нравственное сознаніе отъ тѣхъ самыхъ условій, на которыя оно должно воздѣйствовать? Но этотъ вопросъ не остановилъ на себѣ вниманія Гоголя.

Въ общественныхъ взглядахъ нашего писателя была, какъ видимъ, большая доза романтизма и еще болѣе сентиментализма. Онъ, этотъ «чувствительный» взглядъ на жизнь и помогъ Гоголю нарисовать ту странную идиллію русской дѣйствительности, которая такъ поразила читателей въ его «Перепискѣ съ друзьями». Тамъ, не колебля не только основъ, но даже второстепенныхъ проявленій русской государственной жизни онъ нарисовалъ цѣлую утопію блаженнаго житія всѣхъ сословій, всѣхъ, и властителей, и подчиненныхъ, и сытыхъ, и голодныхъ, и сильныхъ, и безправныхъ при одномъ единственномъ условіи, что «любовь» будетъ передаваться по начальству, что она будетъ циркулировать по инстанціямъ отъ низшихъ до самой высшей, такъ—какъ циркулируютъ департаментскія бумаги. Все это Гоголь писалъ вполнѣ искренно, не угождая власти, передъ идеей и системой которой онъ преклонялся, требуя только отъ ея носителей и исполнителей нравственной выправки, т.-е. того, что при этой системѣ достигнуть было крайне трудно.

Съ такимъ же сентиментализмомъ отнесся Гоголь и къ самому значительному общественному злу своего времени—къ крестьянскому рабству. Онъ, какъ реалистъ, имѣлъ много случаевъ говорить о немъ и въ своихъ повѣстяхъ, и въ «Мертвыхъ Душахъ». Но онъ касался этого вопроса, гораздо рѣже, чѣмъ его предшественники, романисты и публицисты александровской эпохи. Конечно, это общественное зло отъ его взгляда не укрылось, и нельзя предположить, что онъ рисовалъ себѣ мужицкую жизнь таковой, какой онъ изображалъ ее въ своихъ малороссійскихъ идилліяхъ. Двѣ-три странички въ «Старосвѣтскихъ помѣщикахъ», и рецензія, которая приведена выше, показываютъ, что онъ далекъ былъ отъ полнаго оправданія существующаго порядка *).

*) Есть даже прямое указаніе на то, что онъ хотѣлъ однажды довольно откровенно поговорить объ этомъ вопросѣ. Въ бумагахъ его сохранился отрывокъ изъ одной неоконченной драмы, надъ которой онъ работалъ, кажется, въ 1833 году

Но и на этотъ вопросъ онъ смотрѣлъ съ чисто нравственной точки зрѣнія, непомѣрно съужая понятіе о нравственности, такъ какъ мысль о «безнравственности» самого положенія крестьянскаго, кажется, не приходила ему въ голову: онъ и въ данномъ случаѣ оправдывалъ систему и говорилъ только о безнравственности самихъ ея выполнителей и тѣхъ, надъ кѣмъ она тяготѣла. Онъ вѣрилъ въ возможность настоящей блаженной идилліи на почвѣ данныхъ соціальныхъ условій и ставя очень строгія требованія господину, говоря ему о великомъ его долгѣ, не желалъ умалять его правъ и среди этихъ правъ признавалъ за нимъ и право рабовладѣнія.

Гоголь былъ, такимъ образомъ, вполнѣ искрененъ, когда въ своей статьѣ «Петербургская сцена» такъ ясно и часто говорилъ о своей благонадежности. На свою сатиру онъ смотрѣлъ какъ на орудіе, которое вполнѣ можетъ и должно дѣйствовать согласно съ цѣлями и видами правительства. Если со временемъ она послужила точкой опоры для тѣхъ, кто былъ несогласенъ не только съ поведеніемъ выполнителей правительственной системы, но и съ самой системой по существу, то Гоголь былъ здѣсь не при чемъ. Шедшее за нимъ поколѣніе увидало въ его творчествѣ—въ этомъ вѣрномъ отраженіи самой жизни—то, чего самъ Гоголь въ немъ не видѣлъ. Писатель гнѣвался на людей, зачѣмъ въ нихъ такъ много зла и пошлости, потомки были болѣе справедливы и спросили, виноваты ли одни люди въ этомъ злѣ и не падаетъ ли доля вины на тѣ условія, въ которыхъ они выростали и дѣйствовали? Гоголь объ этихъ условіяхъ молчалъ, довольствуясь лишь обличеніемъ внѣшнихъ результатовъ, къ которымъ они приводили.

Первой попыткой такого сознательнаго обличенія, въ общемъ, однако, отнюдь не суроваго, были тѣ комедіи, которыя Гоголь задумалъ еще въ началѣ своей петербургской жизни и частью отдѣлалъ и закончилъ къ 1836 году.

(«Сочиненія *Н. В. Гоголя*». X-ое изданіе. V, 101—104, 554). Въ этомъ отрывкѣ, на вопросъ одного изъ дѣйствующихъ лицъ: «Чѣмъ занимается его барыня?» служитель крѣпостной отвѣчаетъ: «какъ, чѣмъ занимается? Извѣстно, дѣло женское. Я вамъ скажу, сударь, что дѣла хозяйственныя идутъ у насъ, Богъ знаетъ какъ. Если бы вы увидѣли, какъ она изволитъ управлять, такъ это курамъ смѣшно. Вообразите, что сама переходитъ по всѣмъ избамъ, и чуть только гдѣ нашла больного, и пошла потѣха: сама натащитъ мазей, тряпокъ,начнетъ перевязывать. Ну, скажите, пожалуйста: боярское ли это дѣло? Какое же послѣ этого будетъ къ ней уваженіе мужиковъ? Нѣтъ, ужъ коли хочешь управлять, то ты сама ужъ сиди на одномъ мѣстѣ; а если чтò—пошли прикащика: ужъ это его дѣло; онъ уже обдѣлаетъ, какъ ему слѣдуетъ—мужика не балуй! Мужика въ ухо. Народъ простой, вынесетъ. А этимъ-то и держится порядокъ. При баринѣ не такъ было. Ахъ, если бы вы знали, сударь, что это былъ за рѣдкостный человѣкъ!»

Разсказываютъ, что Гоголь однажды читалъ Жуковскому какую-то «трагедію» (вѣроятно, эту) и что Жуковскій задремалъ подъ ея чтеніе. «Когда спать захотѣлось, значитъ можно и сжечь», сказалъ Гоголь и тутъ же бросилъ свою трагедію въ каминъ.



Съ театромъ у Гоголя были родственныя связи. Его отецъ пописывалъ комедійки изъ малороссійскаго быта и онѣ пользовались въ свое время успѣхомъ. Самъ Гоголь еще въ нѣжинскомъ лицеѣ пробовалъ свои силы на сценическомъ поприщѣ и былъ, по общему признанію, очень талантливымъ актеромъ. Товарищи его разсказывали, что отличительной чертой его игры была необыкновенная правдивость и простота, т.-е. то, что въ юные годы артисту дается очень рѣдко. Исполнялъ Гоголь исключительно роли комическія. Такъ, напр., одной изъ лучшихъ его ролей была роль г-жи Простаковой въ «Недорослѣ». Одинъ изъ зрителей, видѣвшихъ его въ этой роли, разсказываетъ, что сколько онъ потомъ ни видалъ актрисъ въ этой ролѣ, ни одна не заставила его забыть шестнадцатилѣтняго Гоголя. Товарищи были убѣждены, что, онъ поступитъ на сцену и онъ однажды дѣйствительно сдѣлалъ эту попытку, которая кончилась, впрочемъ, неудачно. Это было еще въ 1830 году, т.-е. въ первый годъ его грустной и одинокой жизни въ Петербургѣ, Гоголь искалъ тогда, гдѣ пристроиться, и рѣшилъ пойти къ директору Императорскихъ театровъ и просить подвергнуть его испытанію, но странно,—въ роляхъ непремѣнно драматическихъ. Почему именно драматическихъ, когда до сихъ поръ онъ игралъ только комическія роли,—неизвѣстно, можетъ быть, потому что на душѣ у него тогда было не весело и онъ, какъ многіе угрюмые молодые люди думалъ, что достаточно этого угрюмаго вида и тоски на душѣ, чтобы быть датскимъ принцемъ. Испытанію его подвергли и нашли, что читаетъ онъ слишкомъ просто и потому не годится. «Въ случаѣ особенной милости директора,—говорилъ производившій испытаніе,—Гоголь можетъ быть принятъ развѣ только въ качествѣ актера на выхода». Такъ непривѣтливо принялъ Гоголя на первыхъ порахъ тотъ самый театръ, который потомъ былъ ему такъ много обязанъ своей славой.

Отъ надежды стать актеромъ пришлось отказаться, но тѣмъ сильнѣе стала занимать нашего писателя мысль о комедіи. Знакомство съ артистами, какъ, напр., Сосницкій въ Петербургѣ и Щепкинъ въ Москвѣ, и знакомсто съ записными театралами въ родѣ С. Т. Аксакова и М. Н. Загоскина могло въ данномъ случаѣ остаться не безъ вліянія.

Въ 1832 году планъ комедіи уже созрѣлъ въ головѣ Гоголя. «Я не писалъ тебѣ,—говорилъ онъ Погодину въ письмѣ отъ 20-го февраля 1833—я помѣшался на комедіи. Она, когда я былъ въ Москвѣ (лѣтомъ 1832 г.), въ дорогѣ, и когда я пріѣхалъ сюда, не выходила изъ головы моей, но до сихъ поръ я ничего не писалъ. Уже и сюжетъ было на дняхъ началъ составляться, уже и заглавіе написалось на бѣлой толстой тетради: «Владиміръ 3-ей степени», и сколько злости, смѣха, и соли. Но вдругъ остановился, увидѣвъ, что перо такъ и толкается объ такія мѣста, которыя цензура низачто не пропуститъ. А чтó изъ того, когда пьеса не будетъ играться: драма живетъ только на сценѣ. Безъ нея она, какъ душа безъ тѣла. Какой же мастеръ по-

несетъ на показъ народу неоконченное произведеніе? Мнѣ больше ничего не остается, какъ выдумать сюжетъ самый невинный, на который бы даже квартальный не могъ обидѣться. Но что комедія безъ правды и злости? Итакъ за комедію не могу приняться. Примусь за исторію—передъ мною движется сцена, шумитъ аплодисментъ рожи высовываются изъ ложъ, изъ райка, изъ креселъ и оскаливаютъ зубы, и—исторія къ чорту! и вотъ почему я сижу при лѣни мыслей» *). Изъ этого признанія видно, какъ серьезно взглянулъ нашъ смѣшливый пасичникъ на комедію въ первый же разъ, какъ мысль о ней пришла ему въ голову. Этотъ серьезный взглядъ Гоголя на «смѣшное» въ жизни поразилъ и С. Т. Аксакова при первой ихъ встрѣчѣ въ Москвѣ, въ 1832 г. Рѣчь у нихъ зашла о комедіяхъ Загоскина, которыя очень нравились Аксакову, и Гоголь похвалилъ Загоскина за веселость, но замѣтилъ, что онъ не то пишетъ, что слѣдуетъ, особенно для театра. Аксаковъ возразилъ, что у насъ писать не о чемъ, что въ свѣтѣ все такъ однообразно, гладко, прилично и пусто, что «даже глупости смѣшной въ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой». Гоголь посмотрѣлъ на Аксакова «какъ-то значительно» и сказалъ, что это неправда, что комизмъ кроется вездѣ, что, живя посреди него, мы его не видимъ; но что если художникъ перенесетъ его въ искусство, на сцену, то мы уже сами надъ собой будемъ валяться со смѣху и будемъ дивиться, что прежде не замѣчали его». Очевидно, что Гоголь успѣлъ не мало подумать о серьезной стоимости того смѣха, для котораго теперь подбиралъ новую литературную форму. Онъ нашелъ, было, и форму, и содержаніе, но оно ему показалось слишкомъ опаснымъ и онъ сталъ искать другого сюжета.

Онъ подыскалъ его скоро; это былъ тотъ самый сюжетъ, который онъ позднѣе разработалъ въ своей «Женитьбѣ». Но мысль о серьезной и злой комедіи не покидала нашего автора, и въ 1834 году мы застаемъ его за работой надъ «Ревизоромъ». Очевидно, что сюжетъ «Ревизора» казался Гоголю менѣе опаснымъ и задорнымъ, чѣмъ фабула первой комедіи: «Владиміръ 3-ей степени», надъ отдѣльными сценами и явленіями которой онъ всетаки урывками продолжалъ работать. Такимъ образомъ, Гоголь одновременно писалъ три комедіи: незаконченную комедію «Владиміръ третьей степени», которую онъ задумалъ въ 1832 году и отдѣльныя части которой (подъ заглавіями: «Тяжба», «Утро дѣлового человѣка», «Лакейская» и «Отрывокъ») окончательно отдѣлалъ въ 1842 году; «Женитьбу», начатую въ 1833 году и оконченную также въ 1842 г., и, наконецъ, «Ревизора», начало котораго относится къ 1834 году и окончательная редакція перваго изданія къ 1835 г. Въ 1836 году были, кажется, начаты «Игроки», законченные въ 1842 г.

*) «Письма Н. В. Гоголя», I, 245.



Впродолженіи цѣлыхъ десяти лѣтъ (1832—1842) работалъ Гоголь надъ своими комедіями. Теперь, когда весь процессъ его работы намъ извѣстенъ *), приходится удивляться этому кропотливому труду генія: не только сценарій мѣнялся часто, но почти каждая реплика передѣлывалась по нѣскольку разъ; то, что въ этихъ комедіяхъ намъ кажется столь естественно и легко сказаннымъ—давалось автору съ необычайнымъ трудомъ, отчасти потому, что онъ самъ придавалъ своей работѣ необычайно важное значеніе и ждалъ отъ нея, какъ онъ говорилъ—«великаго» и «художническаго»; отчасти и тому, что реальное воспроизведеніе дѣйствительности не давалось ему сразу потому, что сентименталистъ и романтикъ, онъ не могъ найти сразу подходящаго тона для бытовой, вполнѣ комедіи.

По серьезности своего содержанія комедіи Гоголя не равнаго достоинства. «Игроки» — простой драматизированный анекдотъ; «Женитьба»—бытовыя сцены, съ виду простая шутка, но на дѣлѣ сатира съ общественнымъ смысломъ; «Владиміръ 3-ей степени» или вѣрнѣе тѣ обломки, которые отъ него остались—попытка очень серьезной и широкой общественной сатиры; и, наконецъ, «Ревизоръ»—осуществленіе этой сатиры въ ея смягченномъ видѣ. Такъ какъ Гоголь надъ своими комедіями работалъ почти одновременно, то намъ нѣтъ необходимости при ихъ разборѣ придерживаться хронологическаго порядка; онъ намъ ничего не объяснитъ и только спутаетъ, и потому мы не поступимъ произвольно, если сгруппируемъ всѣ комедіи нашего автора по широтѣ затронутыхъ ими общественныхъ круговъ и вопросовъ.

Наименьшій интересъ въ данномъ случаѣ представляетъ комедія «Игроки»—одно изъ самыхъ совершенныхъ драматическихъ произведеній по техникѣ. Когда комедія была написана—съ точностью опредѣлить нельзя: набросана она была въ послѣдніе годы жизни Гоголя въ Петербургѣ, а закончена, вѣроятно, уже за границей **). Комедія не выдумана, а создана на основаніи разсказовъ о дѣйствительныхъ продѣлкахъ разныхъ шулеровъ и мошенниковъ. Разсказы о такихъ продѣлкахъ попадались часто въ современной Гоголю литературѣ. Рѣдкій романъ нравовъ обходился безъ нихъ, и всевозможные господа Плутяговичи, Змѣйкины, Шурке стали скоро традиціонными типами. Жертвами ихъ бывали обыкновенно либо вертопрахи, либо довѣрчивые честные люди, либо раззоренные дворяне, загнанные нуждой въ игорные дома. Картежный шулеръ попадалъ такимъ образомъ въ свиту многочисленныхъ злодѣевъ, искушающихъ людскую добродѣтель, нерѣдко торжествующихъ надъ нею и все это затѣмъ, чтобы автору дать возможность прочитать подобающее наставленіе. Заслуга Гоголя заключалась въ томъ, что онъ эту шаблонную тему развилъ необы-

*) А онъ выясненъ трудами Н. С. Тихонравова и В. И. Шенрока.

**) *В. И. Шенрокъ*. «Матеріалы для біографіи Гоголя», II, 377.

чайно жизненно и съ неподражаемымъ остроуміемъ, что онъ одинъ общій типъ съумѣлъ представить въ нѣсколькихъ варіаціяхъ, одинаково правдивыхъ, а главное, что онъ избѣгъ всякой морали, исключивъ изъ числа дѣйствующихъ лицъ прежняго героя—«пострадавшаго», такъ какъ нельзя назвать пострадавшимъ человѣка, который въ компаніи мошенниковъ сплоховалъ, будучи самъ первымъ червоннымъ валетомъ. Въ «Игрокахъ» описано не состязаніе хитрости и слабодушной простоты порока и добродѣтели, а состязаніе семи жуликовъ-артистовъ, которое кончается самоуничтоженіемъ одного изъ самыхъ опасныхъ по мнѣнію Гоголя пороковъ именно—плутовства.

«Женитьба» по замыслу значительно шире «Игроковъ»; въ ней есть даже общественная мысль, хотя она довольно искусно замаскирована. Судьба комедіи «Женихи» или какъ она была позднѣе названа, «Женитьба», очень замѣчательна. Изъ всѣхъ драматическихъ произведеній Гоголя она подверглась наибольшимъ и самымъ продолжительнымъ передѣлкамъ. Начата она была въ 1833 году, когда Гоголь искалъ сюжета, «которымъ бы и квартальный не могъ обидѣться». Авторъ передѣлывалъ комедію въ 1834 и 1835 годахъ, затѣмъ въ 1838, 1839 и 1840 году и только въ 1842 году онъ остался доволенъ ея редакціей. Какъ видно изъ различныхъ редакцій, первоначальный планъ комедіи былъ совсѣмъ иной, чѣмъ тотъ, который теперь передъ нами. Мѣстомъ дѣйствія ея была Малороссія, и фабула ея напоминала слегка нѣкоторые эпизоды изъ «Сорочинской ярмарки» и «Ночи передъ Рождествомъ». Героиней комедіи была первоначально помѣщица, искавшая жениха и отправившая на розыски такового на ярмарку свою прислугу. Ни Кочкаревъ, ни Подколесинъ (характеръ очень сходный со Шпонькой) въ этой первоначальной редакціи не появлялись *). Въ 1835 году эта фабула была измѣнена, и въ новой передѣлкѣ Гоголь читалъ свою пьесу у Погодина. Мы имѣемъ любопытное свидѣтельство объ этомъ чтеніи одного изъ присутствовавшихъ. «Гоголь,—разсказываетъ С. Т. Аксаковъ,—до того мастерски читалъ или, лучше сказать, игралъ свою пьесу, что многіе, понимающіе это дѣло, люди до сихъ поръ говорятъ, что на сценѣ, несмотря на хорошую игру актеровъ, эта комедія не такъ смѣшна, какъ въ чтеніи самого автора. Слушатели до того смѣялись, что нѣкоторымъ сдѣлалось почти дурно. Но увы! Комедія не была понята. Большая часть говорила, что пьеса — неестественный фарсъ, но что Гоголь ужасно смѣшно читаетъ». Можетъ быть, въ этой второй редакціи «комическое», дѣйствительно, граничило съ буффонадой, и слушатели были правы, но только Гоголь принялся за новую

*) Описаніе редакцій и подробная исторія ихъ передѣлокъ дана въ этюдѣ *В. И. Шенрока*, помѣщенномъ въ VI томѣ X-го изданія «Сочиненій Гоголя», стр. 549—575. Срв. также *Н. С. Тихонравовъ*. «Сочиненія». т. III, часть I, статья «М. С. Щепкинъ и Н. В. Гоголь», стр. 550 и слѣд.



передѣлку, и когда комедія была закончена, она ни съ какимъ фарсомъ уже ничего общаго не имѣла.

Люди, которые продолжали называть ее фарсомъ, впадали въ крупную ошибку потому, что не умѣли отличить смѣшное въ положеніяхъ отъ смѣшного въ характерахъ. Въ самомъ дѣлѣ, можно взять совсѣмъ безличныхъ, самыхъ безцвѣтныхъ людей и поставить ихъ въ такое смѣшное положеніе, при которомъ они возбудятъ въ васъ самый неудержимый смѣхъ именно своимъ совершенно исключительнымъ положеніемъ, напр., какимъ-нибудь забавнымъ qui pro quo, не во время поданной репликой, неожиданной оговоркой, взаимнымъ непониманіемъ, невѣроятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, однимъ словомъ, рядомъ случайностей, которыя изъ характера самихъ дѣйствующихъ лицъ не проистекаютъ. Такое комическое положеніе можетъ назваться фарсомъ, и этотъ комизмъ можетъ достигать степеней довольно различныхъ: отъ игривой шутки до глупой, отъ безобидной до непристойной; и всегда это будетъ комизмъ низшаго сорта.

Но есть болѣе высокій: это комизмъ самихъ характеровъ и изъ нихъ вытекающій иногда комизмъ положеній. Смѣшонъ можетъ быть самъ человѣкъ по складу своего ума и по своимъ чувствамъ. Все наше отношеніе къ окружающему міру, идеалы наши, требованія, которыя мы ставимъ людямъ—все можетъ быть настолько несерьезнымъ, настолько страннымъ и нелѣпымъ, что можетъ вызвать смѣхъ—опять-таки смѣхъ разный: веселый, беззаботный, а можетъ быть и очень сердитый, раздраженный и желчный.

Комедіи Гоголя—комедіи характеровъ, а отнюдь не положеній только. Присматриваясь къ любому типу, имъ выведеному, мы видимъ, что онъ самъ по себѣ законченъ и комиченъ. Его можно взять изъ той обстановки, въ которой онъ показанъ, взять его порознь, внѣ его столкновенія съ другими типами, и онъ возбудитъ ту же улыбку, тотъ же смѣхъ, какъ рѣдкій оригиналъ и типичный продуктъ нашей жизни. Иногда этотъ гоголевскій типъ возвышается и до типа общечеловѣческаго, которымъ мы такъ удивляемся въ комедіяхъ Мольера. Хотя бы тѣ же Подколесинъ и Кочкаревъ... ихъ можно встрѣтить въ любомъ мѣстѣ и въ любое время: здѣсь они передъ нами въ роли мелкихъ обывателей Петербурга, а сколько такихъ лицъ, лицъ прыгающихъ въ окно въ рѣшительную минуту, и лицъ, вносящихъ въ жизнь сумбуръ и суматоху, сколько ихъ дѣйствовало и дѣйствуетъ на широкой аренѣ, общественной и политической?

Въ «Женитьбѣ» Гоголь слегка пересолилъ въ компоновкѣ положеній, въ какія онъ поставилъ дѣйствующтхъ лицъ своей комедіи. Ихъ, встрѣчающихся въ жизни въ розницу, онъ собралъ въ кучу и въ одномъ мѣстѣ. Но авторъ въ свое оправданіе можетъ сказать, что старый порядокъ смотринъ жениховъ или невѣсты—предлогъ вполнѣ законный для разныхъ необычныхъ встрѣчъ. Агафья Тихоновна сама тре-

бовала разнообразія, и потому сваха могла обратить ея гостиную на нѣкоторое время въ выставку всякихъ рѣдкостей.

«Женитьба» была первой по времени художественной «бытовой комедіей». Мы съ этимъ типомъ комедіи теперь—послѣ Островскаго—хорошо знакомы. Но написать такую до Островскаго, значило сдѣлать открытіе въ области искусства.

И въ этомъ заслуга Гоголя какъ драматическаго писателя. Онъ былъ первый, который думалъ, что театръ существуетъ для того, чтобы, прежде всего, изображать жизнь—вѣрно, безъ прикрасъ и натяжекъ, первый, который, сталъ цѣнить въ художественномъ типѣ его оригинальность и жизненость. Мораль должна была сама собой вытекать изъ соблюденія всѣхъ этихъ условій.

Никакой морали нѣтъ и въ «Женитьбѣ», этой правдивой картинѣ изъ жизни русскаго «средняго» сословія. Но при всей невинности своего содержанія «Женитьба» имѣетъ опредѣленный общественный смыслъ.

Комедія много выиграла отъ переноса мѣста дѣйствія изъ Малороссіи въ Петербургъ. Бесѣды съ артистами Сосницкимъ и Щепкинымъ помогли Гоголю въ обрисовкѣ мало ему знакомаго купеческаго быта, а петербургская обстановка, съ своей стороны, позволила ему ввести въ комедію рядъ типовъ, появленіе которыхъ въ малороссійской усадьбѣ было бы мало правдоподобно. Въ общемъ, эта комедія—сборище какихъ-то чудаковъ—цѣлая кунсткамера. Если припомнить, однако, каковъ былъ въ тѣ времена уровень духовныхъ интересовъ и потребностей мелкаго чиновничества, купечества и вообще средняго люда, то такое собраніе не должно поражать насъ своей вычурной внѣшностью. Всѣ эти лица—историческіе документы. Каждый изъ нихъ представитель извѣстнаго сословія, и авторъ съ умысломъ набралъ дѣйствующихъ лицъ изъ разныхъ круговъ общества. Здѣсь и купцы, и чиновники, и военные. Всѣ они, за исключеніемъ гостинподворца Старкова—коренного руссака, котораго затѣмъ такъ возвеличилъ Островскій—донельзя смѣшны и нелѣпы въ своемъ міросозерцаніи; всѣ они—люди жалкіе, но не дурные. И Тихонъ Пантелеймоновичъ — отецъ невѣсты, который усахарилъ свою жену и который бывало, ударивъ по столу рукой—съ ведро величиною,—говаривалъ въ сердцахъ: «Плевать я на того хочу, кто стыдится быть купцомъ»; и дочка его, которая помѣшалась на дворянствѣ и не хочетъ идти за купца, потому что у него борода: станетъ ѣсть, все потечетъ по бородѣ—эта сентиментальная дѣвица, наказанная судьбой за то, что мечтаетъ о лучшей жизни, чѣмъ та, среди которой выросла. Не возбуждаетъ въ насъ никакихъ враждебныхъ чувствъ и экзекуторъ Яичница—представитель необразованной и грубой аккуратности, для котораго женитьба—дѣловая сдѣлка и предлогъ принять по инвентарю движимое и недвижимое, въ его глазахъ болѣе цѣнное, чѣмъ прида-

токъ къ нимъ—невѣста. «А невѣстѣ скажи, что она подлецъ!» кричитъ этотъ кавалеръ, совсѣмъ ошеломленный извѣстіемъ, что домъ несчастной Агафьи Тихоновны заложенъ. Никаноръ Ивановичъ Анучкинъ—тотъ никогда не позволилъ бы себѣ съ дамой такого неприличнаго обращенія. Онъ—сама сентиментальная деликатность. Идеалъ его—барышня, говорящая по-французски, и никто не объяснитъ, зачѣмъ ему этотъ французскій языкъ, на которомъ самъ онъ не умѣетъ сказать ни слова. Онъ робокъ, даже какъ будто стыдится своей пѣхотной службы, но утѣшаетъ себя тѣмъ, что онъ все-таки умѣетъ цѣнить обхожденіе высшаго общества. Это не мѣшаетъ ему ругать своего отца мерзавцемъ и скотиной за то, что онъ не обучилъ его французскому діалекту, незнакомство съ которымъ самой невѣсты разбило и всѣ его матримоніальные планы... Онъ отказывается отъ нихъ безъ сожалѣнія, даже безъ гнѣва и уходитъ печальный, какъ будто бы разочаровался дѣйствительно въ чемъ-то очень серьезномъ... Балтазаръ Балтазаровичъ Жевакинъ—веселый морякъ въ отставкѣ, тотъ защищаетъ упорнѣе другихъ свою позицію. Большой любитель женскаго пола и поклонникъ Сициліи, гдѣ онъ когда-то еще мичманомъ заглядывался на итальяночекъ... круглый невѣжда и набитый дуракъ, какъ его аттестуетъ Кочкаревъ, онъ человѣкъ очень веселаго нрава,и своимъ самомнѣніемъ гарантированный отъ всякихъ даже очень оскорбительныхъ уколовъ самолюбія.

И всѣми этими обиженными Богомъ людьми вертитъ и крутитъ Кочкаревъ—натура, безспорно, энергическая, но съ однимъ очень часто встрѣчающимся недостаткомъ, съ отсутствіемъ мысли о томъ, «что изъ всего этого выйдетъ». Ему лишь бы дѣйствовать и суетиться, а какъ на другихъ его суета отзовется, до этого ему дѣла мало: онъ доволенъ, что вмѣшался, что самъ на виду, и въ этой суетѣ безъ разсчета и плана все его самоудовлетвореніе... и рядомъ съ нимъ его застѣнчивый спутникъ Подколесинъ, этотъ родной братъ Обломова, безъ стремленій, безъ желаній, съ одной лишь мыслью, чтобы скорѣй прошелъ день, который безконечно тянется. Этого человѣка ничѣмъ не побудишь къ дѣйствію, онъ со своей флегмой и пассивностью устоитъ противъ всякихъ доводовъ разума или обольщеній мечты; жизнь для него—дремота въ сумерки, и никто и ничто его отъ этого полусна не пробудитъ. Вскипѣть и заторопиться на мгновеніе онъ можетъ, но лишь затѣмъ, чтобы сейчасъ же впасть въ отчаяніе страха передъ поступкомъ.

Таковы дѣйствующія лица этой веселой комедіи. Насмѣявшись вдоволь, зритель можетъ, однако, задуматься; сколько сѣрыхъ, томительно скучныхъ и глупыхъ людей увидитъ онъ тогда передъ собой, людей, которые не могутъ разсчитывать ни на какое обновленіе, которые осуждены влачить жизнь безъ всякаго смысла и для которыхъ все спасеніе—именно въ отсутствіи сознанія своего духовнаго нищенства. Гоголь, впрочемъ, едва ли желалъ навести своей комедіей зрителя на

такія печальныя мысли; но онѣ сами напрашивались: его комедія была не фарсъ, а вѣрное воспроизведеніе жизни; и если къ тому же подумать, для скольких людей въ Россіи жизнь Жевакиныхъ, Анучкиныхъ, Яичницъ и Подколесиныхъ была существованіемъ нормальнымъ, а, можетъ быть, и неизбѣжнымъ, то могло стать и страшно...

---

Къ своему смѣху, какъ мы знаемъ, Гоголь на первыхъ же порахъ думалъ примѣшать много «злости». Онъ хотѣлъ написать смѣлую комедію съ рѣзкимъ обличеніемъ, но отъ этого плана отказался, опасаясь, что комедія его съ цензурой не поладитъ. Было ли это опасеніе главной причиной того, что Гоголь свою работу бросилъ, или, какъ думаютъ, онъ отступился отъ нея потому, что планъ былъ слишкомъ широкъ и художникъ не могъ разобраться во всемъ богатствѣ раскрывшагося передъ нимъ содержанія, но только отъ этой комедіи намъ осталось лишь нѣсколько отрывковъ, извѣстныхъ подъ заглавіями «Утро (чиновника или, какъ настояла цензура) дѣлового человѣка», «Тяжба», «Лакейская» и «Отрывокъ».

Возстановить по нимъ полностью сценарій утраченной комедіи—невозможно; мы знаемъ только, что это была комедія изъ чиновнаго быта и притомъ классовъ довольно высокихъ, что одному изъ дѣйствующихъ лицъ—такъ хотѣлось получить орденъ Владиміра 3-й степени, что онъ помѣшался и вообразилъ, что онъ-то и есть этотъ желанный Владиміръ третьей степени. Остальныя подробности интриги затеряны, но она была, кажется, очень сложная.

Отрывки комедіи «Владиміръ 3-й степени» могутъ быть, впрочемъ, разсмотрѣны и какъ совершенно самостоятельныя сцены. Гоголь надъ ними работалъ долго и упорно начиная съ 1832 года, закруглилъ ихъ содержаніе и самъ включилъ ихъ въ первое собраніе своихъ сочиненій.

Со стороны художественнаго выполненія, эти отрывки—совершенство. Трудно себѣ представить, какъ такимъ малымъ количествомъ словъ можно достигнуть такой образности. Всѣ лица—живыя лица, рѣчь—простая и художественно-естественная; реализмъ въ выполненіи—поразительный. Какъ живой передъ нами Иванъ Петровичъ—олицетвореніе безчисленнаго количества разныхъ начальниковъ, внушающихъ трепетъ своимъ дѣловымъ видомъ и разносящихъ своихъ подчиненныхъ за то, что у нихъ поля по краямъ бумаги неровны, и за то, что они въ одной строкѣ пишутъ «сі» а въ другой «ятельству»; какъ хорошъ онъ, управляющій однимъ изъ колесъ государственной машины, когда онъ навязываетъ своей Зюзюшкѣ бумажку за хвостъ и, встрѣчая посѣтителя, развертываетъ сводъ законовъ, чтобы сейчасъ же начать разговоръ о вчерашнемъ вистѣ. Но мысль его не о самъ третей дамѣ крестовъ, которую онъ запомнилъ: его мысль вертится вокругъ другого креста, который ему мучительно хочется видѣть на своей шеѣ; и достаточно одного замѣчанія его собесѣдника

о томъ, что его высокопревосходительство, услыхавъ фамилію Ивана Петровича, сказалъ многозначительно «гм!», чтобы онъ—эта гроза канцеляріи—утратилъ на цѣлый день спокойствіе духа («Утро дѣлового человѣка») *). Великолѣпенъ и Александръ Ивановичъ, сенатскій оберъ-секретарь, пришедшій въ такое негодованіе при извѣстіи о производствѣ Бурдюкова. Чтобы имѣть возможность уличить этого Бурдюкова въ гадости, самъ Александръ Ивановичъ готовъ выхлебать все, что угодно; и когда наконецъ, наклевывается дѣло о фальшивомъ завѣщаніи, подписанномъ вмѣсто «Евдокія» словомъ «обмокни»—завѣщаніи, въ которомъ Бурдюковъ самъ себѣ отказалъ всѣ угодья, а своему брату три стаметовыя юбки—Александръ Ивановичъ блюститель справедливости—на седьмомъ небѣ. «Постой,—говоритъ онъ по адресу своего партнера въ вистѣ—теперь я сяду играть, да и посмотримъ, какъ ты будешь подплясывать. А ужъ коли изъ своихъ пріятелей чиновниковъ наберу оркестръ музыкантовъ, такъ ты у меня такъ запляшешь, что во всю жизнь не отдохнутъ у тебя бока» («Тяжба» окончена въ 1839—1840 г.).

Въ комедіи «Владиміръ 3-ей степени» Гоголь имѣлъ намѣреніе изобразить не одинъ лишь кругъ чиновнаго міра; въ нее должны были войдти также эпизоды изъ жизни свѣтской. Одинъ такой эпизодъ сохранился. Онъ былъ озаглавленъ самимъ Гоголемъ «Сцены изъ свѣтской жизни» и потомъ переименованъ въ «Отрывокъ». Это—извѣстный разговоръ Марьи Александровны съ Собачкинымъ (набросанъ, вѣроятно, въ 1837 г. и отдѣланъ въ 1842 г.).

Семейное объясненіе Маріи Алексадровны съ ея сыномъ Мишей, которое предшествуетъ появленію Собачкина—остроумнѣйшее повтореніе довольно старой темы. Мамаша хочетъ женить сынка на княжнѣ Шлепохвостовой, которая «вовсе не первоклассная дура, а такая же, какъ всѣ другія», но сердце Миши занято дочерью «бѣдныхъ, но благородныхъ родителей». Марія Александровна возмущена такимъ «либерализмомъ» и пуще всего тѣмъ, что, кажется, мерзавецъ Собачкинъ виновникъ того, что ея сынъ сталъ вольнодумничать и что-то толкуетъ о сердечной склонности и о душѣ въ дѣлѣ женитьбы... Этотъ Андрей Кондратьевичъ Собачкинъ, вліянія котораго на сына такъ опасается Марія Александровна—большой оригиналъ и одинъ изъ лучшихъ портретовъ въ гоголевской галлереѣ. Онъ изъ семьи Хлестаковыхъ и Чичиковыхъ—такой же плутъ, но только на мелкія дѣла. Нахалъ, фатъ, кляузникъ, готовый

*) Эта сцена была замѣчена критикой тотчасъ же послѣ ея напечатанія въ «Современникѣ». «Утро дѣлового человѣка»—писалъ Бѣлинскій, представляетъ собою нѣчто цѣлое, отличающееся необыкновенной оригинальностью и удивительной вѣрностью. Если вся комедія такова, то одна она могла бы составить эпоху въ исторіи нашего театра и литературы. «Нѣсколько словъ о «Современникѣ». «Телескопъ», 1836. «Молва», 170.



на клевету и первостепенный враль—онъ типъ настоящаго паразита. Удивляешься, почему его не вытолкаютъ.. но оказывается, что и этотъ человѣкъ, циникъ и спекулянтъ на самыхъ низкихъ чувствахъ, вооружёнъ своимъ жаломъ, которое защищаетъ его въ борьбѣ за существованіе. На сплетню и на клевету, которыми онъ промышляетъ—большой спросъ, и въ нѣкоторыхъ кругахъ онъ—доморощенный Фигаро и фактотумъ, безъ котораго не обойдется, можетъ быть, и очень фешенебельная гостиная. Трудно было показать болѣе наглядно, чѣмъ это сдѣлано Гоголемъ въ его «Отрывкѣ», изъ какого мутнаго источника вытекаетъ иной разъ то, что мы называемъ ходячимъ мнѣніемъ, и какъ иногда негодяй можетъ пригодиться. Этотъ «Отрывокъ», съ перваго взгляда столь невинный—образецъ безпощадной и глубокой сатиры... и это всего лишь нѣсколько страницъ изъ неоконченной комедіи... какъ непомѣрно зла должна была бы быть она въ ея цѣломъ!

Кажется, что и «Лакейская» (окончена въ 1839—1840 г.) входила въ составъ этой комедіи, хотя и не въ томъ видѣ, въ какомъ она теперь передъ нами. Въ настоящей своей отдѣлкѣ это совсѣмъ самостоятельная картинка нравовъ—единственная въ своемъ родѣ, не только въ тѣ годы, но, пожалуй, и въ наши.

Барами наша комедія занималась часто, оставляя въ сторонѣ ихъ ближайшаго сосѣда—слугу. Въ старой комедіи онъ появлялся обыкновенно въ двухъ роляхъ, очень условныхъ, а именно: какъ резонеръ, который жаловался партеру на своего барина и говорилъ передъ зрителями вслухъ то, что не смѣлъ сказать своему господину съ глазу на глазъ; или онъ появлялся на сценѣ затѣмъ, чтобы смѣшить публику своимъ невѣжествомъ, глупостью и тупостью. Онъ былъ одновременно на посылкахъ и у своего господина, и у автора. Гоголь порвалъ сразу съ этимъ шаблономъ, и «Лакейская»—первая, и вплоть до «Плодовъ просвѣщенія» единственная художественно-реальная картина изъ жизни барской дворни. Эта дворня вся на лицо, съ ея тунеядствомъ, зубоскальствомъ и нахальствомъ. Она очень говорлива, пока «медвѣдь не зарычалъ изъ берлоги» и пока не схватилъ кого-нибудь за ухо; она лжетъ или молчитъ, когда передъ ней баринъ; она дерзка съ другимъ бариномъ, когда получила приказаніе не принимать его, она имѣетъ, наконецъ, и своего резонера, который ей читаетъ мораль на тему: «коли слуга—такъ слуга, коли дворянинъ—такъ дворянинъ, а то бы, пожалуй, всякій зачалъ: нѣтъ я не дворецкій, а губернаторъ или тамъ какой-нибудь отъ инфантеріи...»

Мораль въ тѣ годы весьма ходкая и для многихъ очень успокоительная, которую, однако, сама жизнь опровергала, прививая праздному слугѣ всѣ пороки барина и заставляя чуть ли не каждаго барина думать, что онъ губернаторъ или какой-нибудь отъ инфантеріи.

Такъ наглядно проскальзывала злость въ смѣхѣ нашего автора. Если бы онъ не испугался борьбы, комедія «Владиміръ 3-ей степени»

была бы настоящей боевой комедіей, не уступающей, быть можетъ, въ силѣ удара ни «Недорослю», ни «Горю отъ ума». Но этого не случилось. Гоголь отъ борьбы съ цензурой отказался, и, вполнѣ правильно оцѣнивая свою скромность и не ожидая никакихъ усложненій, представилъ на ея одобреніе «Ревизора».

**Н. Котляревскій.**

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

ПОПРАВКА. Въ статьѣ «Н. В. Гоголь» («Міръ Божій», августъ 1902 г.) допущены по недосмотру двѣ крупныхъ ошибки.

1) На страницѣ 13-й напечатано: «Въ 1837 году она (мечта Гоголя получить въ Кіевѣ каѳедру) особенно разыгралась. Читать слѣдуетъ: Въ 1834 году.

2) На страницѣ 25-й напечатано: «Изъ всѣхъ этихъ повѣстей только «Басурманъ» (слѣдуетъ ссылка) поднялся выше средняго уровня литературной жизни, главнымъ образомъ, въ виду интереса основной своей идеи: *Загоскинъ* попытался изобразить психологію культурнаго западнаго человѣка, попавшаго въ некультурную русскую среду эпохи Ивана III, и этотъ мало патріотичный романъ—лучшее, что удалось создать нашему тенденціозному патріоту». Все это мѣсто должно быть отнесено на страницу 26-ю передъ новой строкой. Вмѣсто *Загоскинъ* слѣдуетъ читать *Лажечниковъ* и въ текстѣ, и въ ссылкѣ.

---

# НА ДАЧѢ.

---

I.

Какая тишина!
Хотя-бъ одинъ листокъ
На вѣткѣ зашумѣлъ! Хотя-бъ легко плеснула
Рѣка о берегъ свой!.. Жизнь, какъ дитя, уснула,
И въ мірѣ грезъ вода, и птица, и цвѣтокъ.

—

Вотъ, дѣвственно чиста, сбирается луна
Въ свой одинокій путь; затеплила лампаду
И тихо поплыла надъ этимъ царствомъ сна,
Лучистымъ серебромъ разсыпавшись по саду,
По зеркалу рѣки...
Какая тишина!..

II.

Тучи, тучи, тучи!
Осень, а не лѣто!
Темнотой зловѣщей
Всюду все одѣто.
Только рѣдко-рѣдко
Золотое солнце
Выглянетъ украдкой
Въ узкое оконце;
Точно хочетъ людямъ—
Доброе такое!—
Молвить: „Не тревожьтесь:
Я еще живое!
Это только тучи
Не даютъ проходу,
Злобно посягая
На мою свободу!"

Что жъ! Пусть слуги мрака
Проявляютъ силу,
Преградивъ дорогу
Милому свѣтилу!
Пусть ихъ! Намъ бы только
Знать, что солнце живо,
Что оно сквозь тучи
Пышно, горделиво,
Рано или поздно
Выйдетъ на просторѣ
И врага прогонитъ
Далеко за море,
Смѣнитъ злую осень
Благодатнымъ лѣтомъ
И зальетъ всю землю
Лучезарнымъ свѣтомъ!

III.

На крышѣ надо мною, и днемъ, и вечеркомъ,
Воркуютъ очень нѣжно голубка съ голубкомъ;
И въ холодъ, и въ ненастье, и въ солнечные дни
Немолчнымъ воркованьемъ все заняты они;
И что бы ни случилось, ни дѣлалось вокругъ—
Они себѣ любовно бесѣдуютъ самъ-другъ.

—

Въ квартирѣ подо мною, и днемъ, и вечеркомъ,
Ругаются нещадно супруга съ муженькомъ;
И въ холодъ, и въ ненастье, и въ солнечные дни
Немолчной руготнею все заняты они;
И что бы ни случилось, ни дѣлалось вокругъ—
Имъ все равно: бранятся съ супругою супругъ.

Петръ Вейнбергъ.

# ДОЧЬ ЛЕДИ РОЗЫ.

**Романъ м-рсъ Гёмпфри Уордъ.**

Перев. съ англійскаго **З. Журавской.**

(*Продолженіе*) *).

## Глава VII.

Жюли Ле-Бретонъ сидѣла одна въ своей маленькой гостиной. Было утро вторника, перваго послѣ памятной воскресной сцены, и у нея накопилась куча всякихъ домашнихъ дѣлъ. На столѣ стояла еще не распакованная небольшая корзина цвѣтовъ, только что присланная изъ Суррейскаго имѣнія леди Генри, а рядомъ нѣсколько пустыхъ вазъ и бокаловъ. Жюли провѣряла мѣсячные счета поставщиковъ, только что покончивъ бесѣду съ экономкой, которая приходила поговорить о неотложномъ дѣлѣ—необходимости отдать вылудить большую часть кастрюль.

Комната была просто и бѣдно убрана. Въ прошломъ она служила классной многимъ поколѣніямъ Делафильдовъ. Но внимательный наблюдатель нашелъ бы въ ней многое, бросающее свѣтъ на характеръ и прежнюю исторію ея теперешней обитательницы. Изъ небольшого книжнаго шкафика у камина выглядывали корешки французскихъ книгъ—классиковъ: Расина, Боссюэ, Шатобріана, на которыхъ Жюли воспитывалась въ монастырѣ, и другихъ: Жоржъ Занда, Виктора Гюго, Альфреда де-Мюссэ, Мадзини, Леопарди, вмѣстѣ съ поэтами и романистами революціонной Россіи, пылкой Польши и мятежной Ирландіи—любимыя книги леди Розы и ея милаго. Ихъ было здѣсь не больше сотни, но для Жюли Ле-Бретонъ онѣ служили мостомъ, по которому память и мечты, по желанію, уносили ее въ далекое прошлое. Сердцемъ, полнымъ жалости, она вновь переживала ту особенную жизнь, какой жили ея родители,—эти странные люди, такіе спокойные и въ то же время столь убѣжденные и страстно вѣрующіе, такіе упрямые и въ то же время столь терпѣливые въ мелочахъ жизни... Въ ея комнаткѣ не видно было ихъ портретовъ. Но на боковомъ столикѣ стояла небольшая рамка-складень изъ трехъ частей. Въ боковыхъ, овальныхъ,

*) См. «Міръ Божій», № 8, августъ.

помѣщались фотографическіе снимки съ извѣстныхъ статуй музея въ Брюгге. Средняя была закрыта двумя деревянными ставеньками изящной рѣзьбы, плотно сходящимися и запертыми на ключъ. Любопытная горничная, вытирая пыль, попыталась было какъ-то открыть ихъ—напрасно.

На этажеркѣ у камина лежали двѣ-три новыхъ желтенькихъ книжки, все французскія: критическіе опыты, томикъ мемуаровъ, романъ Бурже и т. д. И тутъ же рядомъ «Народное правительство» сэръ Генри Мэна и недавно вышедшій блестящій очеркъ англійской политики въ Египтѣ,—оба съ именемъ Ричарда Монтрезора на заглавной страницѣ. Былъ здѣсь и послѣдній номеръ газеты д-ра Мередита «Новый Бродяга», и дневникъ французскаго путешественника, новѣйшаго изслѣдователя Мокембе, съ заложеннымъ между страницъ разрѣзнымъ ножомъ и маленькими иниціалами «Г. У.» въ правомъ углу на сѣрой обложкѣ.

Жюли окончила подсчетъ и вздохнула съ облегченіемъ, потомъ написала съ полдюжины дѣловыхъ писемъ и приготовила нѣсколько чековъ для подписи леди Генри. Когда она встала, вокругъ нея запрыгали двѣ таксы, до тѣхъ поръ лежавшія на коврѣ, слѣдя за каждымъ ея движеніемъ.

Но Жюли расхохоталась имъ въ лицо.

— Дождь идетъ!—сказала она, указывая на окно,—дождь! Понимаете! Или вы совсѣмъ не пойдете, или пойдете съ Джономъ!

Джонъ былъ второй лакей, котораго собаки ненавидѣли. Онѣ поджавъ хвосты, вернулись на свой коврикъ и снова улеглись. А Жюли взяла письмо въ конвертѣ съ иностранной маркой, полученное ею сегодня утромъ, посмотрѣла на дверь и начала перечитывать мелко исписанные листки. Письмо было отъ англійскаго дипломата, путешествующаго по Египту,—человѣка, на котораго въ тотъ моментъ были устремлены глаза всей Европы. Уже то, что онъ писалъ женщинѣ на такую тему, было само по себѣ выходящей изъ ряда любезностью; но еще замѣчательнѣе было то, что онъ писалъ такъ откровенно, съ такимъ увлеченіемъ. Жюли слегка зарумянилась, читая, но, дойдя до конца, отложила письмо съ огорченнымъ видомъ. «Лучше бы онъ написалъ леди Генри! Она уже нѣсколько недѣль не получаетъ отъ него ни строчки. Меня не удивитъ, если она уже подозрѣваетъ. Когда говорятъ о Египтѣ, я не смѣю рта раскрыть... изъ страха выдать леди Генри, что ея компаньонка имѣетъ самыя подробныя свѣдѣнія объ отсутствующемъ, и притомъ изъ первыхъ рукъ?»

Жюли съ улыбкой пожала плечами и спрятала письмо въ одинъ изъ ящиковъ своего письменнаго стола, потомъ взяла другое, лежавшее подъ нимъ. Изъ этого новаго конверта, снова предварительно оглядѣвшись вокругъ, она вынула фотографію. На нее глянула сѣдѣющая голова и прикрытые очками глаза д-ра Мередита. Выра-



женіе лица Жюли смягчилось; она слегка приподняла брови, потомъ тихонько покачала головой, какъ человѣкъ, желающій увѣрить, что если здѣсь что-нибудь и неладно, то это не его—*не ею* вина. Она нехотя перечла послѣднія строки:

«Такъ помните же—я могу дать вамъ работу, если она вамъ понадобится—и такую, которая хорошо оплачивается. Я предпочелъ бы отдать вамъ свою жизнь и все, что у меня есть, но такія блага вамъ, повидимому, ни на что не нужны. Что дѣлать! Пусть будетъ такъ! Но если вы не позволите мнѣ помочь вамъ тѣмъ путемъ, о какомъ я говорю въ этомъ письмѣ,—это, право, будетъ ужъ полное отсутствіе доброты—я даже готовъ сказать: черная неблагодарность съ вашей стороны!

«Всегда вашъ

«Ф. М.»

И это письмо она заперла въ ящикъ, но долго не могла рѣшиться спрятать послѣдняго.

Она прочла его уже три раза и знала почти наизусть. Поэтому, она даже не вынимала письма изъ конверта, но зато поднесла самый конвертъ къ губамъ и крѣпко прижалась къ нему устами, между тѣмъ какъ глаза ея, полные слезъ, ничего не видя, смотрѣли на заиндевѣвшую улицу за окномъ. И въ глазахъ, и въ лицѣ было то же выраженіе, которое подмѣтилъ въ нихъ однажды сэръ Уильфридъ Бѣри,—нѣмое признаніе женщины, которую гнететъ и мучитъ не столько внѣшній міръ, сколько неудержимая сила, живущая въ ея собственной душѣ.

Среди окружающей тишины у наружной двери раздался стукъ почтальона. Жюли Ле-Бретонъ вздрогнула, ибо тотъ, кто живетъ каждый день ожиданіемъ письма, не можетъ слышать равнодушно этого стука,—потомъ грустно улыбнулась своей наивности:

«*Моя* радость насегодня ужъ кончена»!

И она отвернулась, съ письмомъ въ рукѣ,—но не положила его въ одинъ ящикъ съ другими. Она прошла къ маленькому рѣзному складню и, прислушавшись сначала къ звукамъ въ домѣ, отворила его запертыя дверцы золотымъ ключикомъ, висѣвшимъ на цѣпочкѣ отъ часовъ и спрятаннымъ у нея на груди.

Дверцы распахнулись. Внутри, на темномъ бархатѣ висѣли двѣ миніатюры въ легкихъ золотыхъ рамкахъ, соединенныхъ между собой изящнымъ завиткомъ. Миніатюры тонкой французской работы изображали мужчину и женщину. Оба были красивы, молоды, съ благородными, интеллигентными лицами. И тѣмъ не менѣе на эти лица не было пріятно смотрѣть. У обоихъ былъ какой-то странный взглядъ—пристальный и вмѣстѣ разсѣянный,—взглядъ тѣхъ, кто много и пылко любилъ «человѣка» и сравнительно мало—людей.

Миніатюры, видно, не предназначались для складня, ни складень



для нихъ. Ихъ помѣстили туда любящія руки, но въ устланной бархатномъ впадинѣ оставалось еще довольно мѣста и тамъ уже лежала пачка писемъ. Жюли просунула послѣднее письмо подъ резинку, придерживающую пачку, потомъ снова заперла дверцы и спрятала ключикъ на груди.—И замокъ, и петли этого маленькаго тайника были крѣпкой и прочной работы. Въ сложенномъ видѣ онъ представлялъ собою только фотографическое изображеніе брюггской каланчи, въ массивной оправкѣ и на деревянной подставкѣ.

Не успѣла она отойти, какъ за дверью въ корридорѣ раздались шаги.

— Жюли!—послышался легкій шопотъ и тихій смѣхъ.—Это я! Можно войти?

На порогѣ стояла герцогиня, просунувъ въ дверь свое перламутровое личико, вправленное въ рамку мастерского этюда сепіей—очаровательнаго сѣраго костюма.

Удивленная Жюли пошла навстрѣчу гостьѣ, а старый дворецкій, большой другъ Жюли Ле-Бретонъ, поспѣшилъ скромно затворить за ними дверь.

— Ахъ, душка!—сказала герцогиня, бросаясь въ объятія Жюли,—еслибъ вы знали, какъ я бѣжала наверхъ! Я сказала Хеттону, чтобъ онъ не безпокоилъ людей Генри, а сама на цыпочкахъ взбѣжала на лѣстницу, придерживая юбки, чтобы онѣ не шумѣли. Ну развѣ это не геройствѣ съ моей стороны—такъ храбро сунуть свой носикъ въ самую берлогу льва? Но когда сегодня утромъ отъ васъ пришло письмо съ извѣстіемъ, что вы не можете быть, я поклялась, что забѣгу на минутку посмотрѣть, осталось ли отъ васъ хоть что-нибудь,—бѣдненькая вы моя блѣднушечка!

И герцогиня, заставивъ Жюли сѣсть, сама усѣлась рядомъ, не выпуская рукъ пріятельницъ и вглядываясь въ ея лицо.

— Скажите мнѣ, что случилось? Да вы, кажется, плакали! О! стара вѣдьма!

— Вы очень ошибаетесь,—улыбаясь, молвила Жюли.—Леди Генри позволила мнѣ продавать на базарѣ.

— Нѣтъ?—Герцогиня отъ удивленія даже всплеснула руками—Какъ вы это устроили?

— Очень просто: я уступила. Но, Эвелина, я все-таки не приду

— О! Жюли!—Герцогиня откинулась на спинку кресла; ея синіе глазки съ жалобнымъ упрекомъ глядѣли на *mademoiselle* Ле-Бретонъ.

— Нѣтъ. Я не приду. Если ужъ мнѣ оставаться здѣсь, хотя бы на время, такъ не надо дразнить ее. Она сказала, что я могу идти, но это было неискренно,

— Развѣ она можетъ быть искренно мила или любезна! Ну что, какъ она ведетъ себя—съ воскресенья?

Отвѣтъ Жюли звучалъ не увѣренно.



— О! мы заключили вооруженное перемиріе. Вчера вечеромъ она настояла на томъ, чтобъ у меня въ комнатѣ затопили каминъ. За то днемъ Хеттонъ ходилъ гулять съ собаками.

Герцогиня засмѣялась.

— А въ воскресенье бурная была сцена? Вы мнѣ ничего толкомъ не разсказали въ вашемъ письмѣ.

— Слушайте, Жюли, вы что-нибудь ей говорили о Джэкобѣ?

Жюли опустила глаза. Въ лицѣ ея промелькнуло выраженіе горечи.

— Да. Я не могу этого простить себѣ. Она заставила меня сказать ей правду.

— Вы ей сказали! Ну и что же? Тетя Флора, конечно, рѣшила, что вы сами добивались, чтобы онъ сдѣлалъ вамъ предложеніе, и что съ вашей стороны было дерзостью отказать ему?

— Она все время говорила мнѣ комплименты, — слабо улыбаясь, сказала Жюли. — Но съ тѣхъ поръ... нѣтъ, я не думаю, чтобы она успокоилась.

— Конечно, нѣтъ. Она скорѣе оскорблена!

Наступило молчаніе. Герцогиня смотрѣла на Жюли, но ея мысли были далеко. И, наконецъ, она не выдержала. Съ своей обычной *étourderie*, которая такъ шла къ ней, она воскликнула:

— Я сама этого не понимаю, Жюли! Вѣдь я знаю, что онъ вамъ нравится.

— Ужасно нравится, но мы бы дрались между собой.

Миссъ Ле-Бретонъ весело разсмѣялась. Но герцогиня была какъ будто этимъ недовольна.

— О! Вѣдь не въ этомъ же причина.

— Именно въ этомъ. Я не знаю... Въ м-рѣ Делафильдѣ есть что-то *желѣзное*.—И Жюли какъ-то странно повела плечами, точно вздрагивая отъ холода. — А такъ какъ я не влюблена въ него, — то я его боюсь!

— Это лучшій способъ влюбиться, — воскликнула герцогиня. — И потомъ, послушайте Жюли,—она помедлила и затѣмъ прибавила наивно, положивъ свои маленькія ручки на колѣни пріятельницы, — развѣ у васъ нѣтъ честолюбія?

— Страшно много. О! Я бы съ удовольствіемъ разыгрывала герцогиню, особенно если бы вы взялись учить меня, — говорила Жюли, гладя эти ручки. — Но я должна найти своего герцога. И покамѣстъ настоящій не явился, я ужъ предпочитаю свою свободу.

— Бояться Джэкоба Делафильда,—задумчиво говорила герцогиня, опершись подбородкомъ на руки.

— Это можетъ казаться страннымъ вамъ,—съ живостью возразила Жюли,—но на самомъ дѣлѣ ничуть не странно. Въ немъ есть то же, что и въ леди Генри, что-то принижающее васъ, пригибающее васъ къ землѣ. Но довольно о м-рѣ Делафильдѣ, право, довольно!



Жюли встала и потянулась всѣмъ тѣломъ, закинувъ назадъ руки и заложивъ за голову, словно морская птица, расправляющая крылья. Въ этомъ жестѣ чувствовалась и сила, и крѣпкая воля.

Герцогиня смотрѣла на нее, но стараясь избѣгнуть ея взгляда.

— Жюли, я слышала вчера такую странную новость.

Жюли обернулась.

— Помните, вы меня разспрашивали объ Эйлинъ Моффотъ?

— Помню.

— Ну, такъ вотъ, я видѣла вчера одного господина, который только что вернулся изъ Симлы. Онъ часто видѣлся съ ней и говоритъ, что ихъ обѣихъ—мать и дочь—въ Индіи просто на рукахъ носили.—Онѣ такія милыя и странныя, не похожи на другихъ, а дѣвочка прехорошенькая, такая, знаете, немножко кисейная барышня. И, какъ вы думаете, кто былъ съ ними все время, неразлучно, сначала въ Пешаверѣ, затѣмъ въ Симлѣ, такъ что всѣ обращали на это вниманіе? Капитанъ Уорквортъ! Мой знакомый думаетъ даже, что они помолвлены.

Жюли наливала воду въ вазы и наполняла ихъ цвѣтами, разбирая корзину. Она стояла спиной къ герцогинѣ, и та не могла видѣть ея лица. Помолчавъ, она отвѣтила съ руками полными нарциссовъ.

— Что-жъ, для него это была бы блестящая партія.

— Еще бы! У нея, говорятъ, полмилліона въ однѣхъ угольныхъ копяхъ, не считая земли. Капитанъ Уорквортъ вамъ что-нибудь говорилъ о нихъ?

— Никогда. Онъ даже имени ихъ не произносилъ.

Герцогиня что-то соображала, вглядываясь въ спину Жюли.

— Теперь всѣ ищутъ денегъ. И военные нисколько не лучше другихъ. Они не женятся спеціально на приданомъ, какъ въ Сити, но все же они и этого не упускаютъ изъ виду.

Жюли не отвѣчала. Герцогинѣ совсѣмъ не было видно ея лица. Но маленькая женщина расхрабрилась и рѣшилась сдѣлать еще шагъ дальше по тонкому льду.

— Жюли, я сдѣлала все, о чемъ вы просили меня. Я послала приглашеніе на 20-е этой ужасной женщинѣ, леди Фрозвихъ, все-таки она ужасная!.. Я очень ловко заставила Берти послушаться меня относительно этого прихода; я говорила съ м-ромъ Монтрезоромъ, но, Жюли, если вамъ не трудно, мнѣ очень хотѣлось бы знать, почему вы объ этомъ хлопочете?

Щеки герцогини пылали. Она питала романтическую привязанность къ Жюли и низачто на свѣтѣ не хотѣла бы оскорбить ее.

Жюли обернулась. Она всегда была блѣдна, и герцогиня не замѣтила въ ней ничего необычнаго.

— Развѣ я такъ ужъ хлопочу?

— Жюли! Вы страшно много сдѣлали для этого человѣка съ тѣхъ поръ, какъ онъ вернулся на родину.

— Что-жъ, онъ заинтересовалъ меня,— сказала Жюли, отходя, чтобы полюбоваться эффектомъ вставленныхъ въ вазы цвѣтовъ.— Въ первый же вечеръ, какъ онъ появился здѣсь, онъ дважды спасъ меня отъ леди Генри. Онъ такъ же одинокъ, какъ я, это тоже меня привлекаетъ. Я вѣдь знаю, что это значитъ. Единственный сынъ и сирота—никого, кто бы интересовался его карьерой.

— И вы рѣшились взять на себя подбодрить его. О! Жюли, какая вы милочка!.. А все-таки вы фокусница—другіе точно маріонетки въ вашихъ рукахъ. Правда вѣдь?

Жюли слабо улыбнулась.

— Что-жъ, я люблю иногда почувствовать, что у меня есть маленькая власть. Вѣдь, кромѣ этого, что же у меня есть?

Герцогиня схватила ея руку и прижалась къ ней горячей щекой.

— У васъ есть власть и большая, потому что всѣ васъ любятъ и восхищаются вами. А ужъ я готова дать себя изрѣзать на кусочки, чтобы доставить вамъ удовольствіе!.. Я надѣюсь только, что когда онъ женится на своей наслѣдницѣ—если только онъ на ней женится,—они не забудутъ, чѣмъ они обязаны вамъ!

Чувствовала ли она, какъ дрогнула рука, лежавшая въ ея рукѣ? Во всякомъ случаѣ, рука эта была моментально отдернута, и Жюли уже на другомъ концѣ комнаты рылась въ корзинѣ съ цвѣтами.

— Мнѣ не нужно благодарности—ни отъ кого. Теперь, Эвелина, вы понимаете, что мнѣ неудобно быть на базарѣ. Я хотѣла бы, но не могу!

— Да, я понимаю, Жюли!—Герцогиня порывисто встала и кинулась въ кресло у стола, откуда она могла наблюдать за лицомъ и движеніями mademoiselle Ле-Бретонъ.—Жюли! мнѣ нужно такъ много сказать вамъ... переговорить—*о дѣлахъ*. Только не обижайтесь, Бога ради! Жюли, *если* вы уйдете отъ леди Генри, какъ вы думаете устроиться?

— Вы можете сказать: чѣмъ я буду жить?—переспросила Жюли, улыбаясь той изысканности выраженій, съ какой эта маленькая женщина, съ колыбели утопавшая въ золотѣ и цвѣтахъ, говорила о суровой прозѣ жизни;—эта проза была ей такъ мало знакома, что она подходила къ ней какъ-то необычайно деликатно и таинственно.

— Вѣдь вамъ нужны деньги, Жюли,—робко выговорила герцогиня. Ея умоляюще поднятое кверху личико и парижская шляпка такъ изящно гармонировали съ пышными цвѣтами, усыпавшими столъ.

— Что-жъ, я ихъ заработаю;—спокойно сказала Жюли.

— О Жюли! Неужели же вы опять навяжете себѣ на шею какую-нибудь скучную старуху?

— Нѣтъ. Я больше не продамъ своей свободы. Но д-ръ Мередитъ предложилъ мнѣ работу и обѣщаетъ дать еще.

Герцогиня широко раскрыла глаза.

— Вы хотите писать! Ну, конечно, всѣ мы знаемъ, что вы можете дѣлать все, что захотите... И вы никому не позволите сколько-нибудь помочь вамъ?

— Я ни отъ кого не возьму денегъ, если вы это подразумѣваете,— улыбнулась Жюли. Но улыбка вышла блѣдная и невеселая.

Герцогиня замѣтила это и сказала себѣ:

«Съ тѣхъ поръ, какъ я вошла сюда, она стала другая, совсѣмъ другая!..»

— Жюли, вы страшно горды!

Жюли немножко передернуло.

— Какъ вы думаете, осталось ли бы у меня хоть капля власти или самоуваженія, если бы брала деньги у моихъ друзей?

— Зачѣмъ же непремѣнно деньги? Видите ли, Жюли!.. Вы знаете, сколько у Берти домовъ въ Лондонѣ. Это прямо ужасно имѣть такъ много!.. У него всегда остается на рукахъ нѣсколько штукъ. Если леди Генри поссорится съ вами, мы могли бы предложить вамъ пріютъ на время, *неужели* вы не приняли бы, Жюли?

Въ ея голосѣ были ласкающія, молящія нотки ребенка. Жюли колебалась.

— Только въ томъ случаѣ, если бы самъ герцогъ предложилъ мнѣ это,—сказала она наконецъ суховато и какъ-то вся вдругъ подтянувшись.

Герцогиня вспыхнула и поднялась съ мѣста.

— Ну вотъ и отлично,—сказала она, уже другимъ шопотомъ.— Помните же, вы обѣщали. Мнѣ пора. Ахъ! Этотъ ужасный базаръ! Въ первый разъ въ жизни я взялась что-нибудь устроить для бѣдныхъ и заранѣе знала, что буду раскаяваться!

Пока Жюли закутывала её въ мѣхъ, ея розовыя губки болтали безъ умолку:

— На другой же день послѣ того, какъ Берти сдѣлала мнѣ предложеніе, онъ сказалъ мнѣ: «я надѣюсь, что ты, какъ интеллигентная дѣвушка, заинтересуешься бѣдными!» А я закрыла ему ротъ его же рукой и говорю: «Берти! Я ничего не стану дѣлать для бѣдныхъ, *ничего* конечно, такого, что мнѣ будетъ непріятно, пока мнѣ не стукнетъ сорокъ. Я буду баловать своихъ слугъ, я буду добра къ своимъ дѣтямъ—ну, этого, понятно, я ему не сказала,—но если тебѣ хочется имѣть женой *кувалду*, скажи прямо и мы разойдемся!

— Кувалду? что это такое?—удивилась Жюли и, не имѣя силъ устоять противъ искушенія, поцѣловала хорошенькое личико, наклонившееся такъ близко къ ея лицу.

— Женщина, которая засѣдаетъ въ разныхъ комитетахъ и знаетъ наизусть всѣ правила публичныхъ собраній и одѣвается—да вы сами знаете, какъ онѣ одѣваются,—закончила герцогиня, взявъ со стола очаровательную муфточку изъ шеншилля и крошечныя перчатки.



— Наоборотъ, теперь онѣ одѣваются превосходно.

— О! вотъ это-то и худо. Ихъ принимаютъ за настоящихъ женщинъ, а, между тѣмъ, онѣ—кувалды!.. Ну прощайте, Жюли, милочка!.. Кстати, какая я идіотка! я забыла самое главное, то, зачѣмъ пришла. Будете вы сегодня вечеромъ со мною у леди Губертъ? Пріѣжайте! Берти не будетъ, а я ненавижу ѣздить туда одна!

Жюли слегка вздрогнула.

— Къ леди Губертъ? А что скажетъ леди Генри?

— Скажите ей, что Джэкоба не будетъ!—засмѣялась герцогиня.— Тогда она не станетъ противиться.

— Хотите, я пойду спрошу?

— Ради Бога! дайте мнѣ сначала выбраться отсюда! Скажите ей отъ меня, что я заѣду къ ней завтра утромъ. Берти говоритъ, что намъ необходимо помириться, такъ ужъ чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Наговорите ей какъ можно больше любезностей и подъ вечеръ позвоните мнѣ по телефону. Если все будетъ хорошо, я заѣду за вами въ одиннадцать.

Герцогиня упорхнула, шурша шелковымъ шлейфомъ. Жюли осталась одна у стола. Лицо ея было спокойно, но глаза сверкали и зубы крѣпко впились въ нижнюю губу. Она безсознательно сжала въ рукѣ нѣжный цвѣтокъ спиреи и совершенно изломала его

— Я поѣду!—говорила она себѣ.—Поѣду!

Въ письмѣ, полученномъ ею сегодня утромъ, были слѣдующія строки:

«Сегодня вечеромъ думаю заглянуть къ Губерту Делафильду, хотя, сознаюсь, ни самый домъ, ни хозяинъ мнѣ не симпатичны. Но онъ, говорятъ, уѣхалъ къ себѣ въ имѣніе, а у леди Губертъ бываютъ люди, которые какъ разъ теперь могутъ пригодиться».

Леди Генри почти съ восторгомъ разрѣшила mademoiselle Ле-Бретонъ сопровождать герцогиню къ леди Губертъ, говоря:

— Тамъ будетъ страшно скучно. Моя belle soeur устраиваетъ пустыню и называетъ это обществомъ. Но если вамъ хочется идти—идите. Что касается Эвелины Кроуборо, завтра утромъ я занята—у меня будетъ дантистъ.

Когда Жюли, вечеромъ, въ каретѣ, передала этотъ отвѣтъ герцогинѣ, та засмѣялась.

— Сколько еще такихъ пилюль придется мнѣ проглотить? Что у насъ завтра? среда? Гм... послѣ обѣда карты; вечеромъ я сажусь на скамеечку у ногъ леди Генри и разсматриваю васъ въ лорнетъ, какъ будто никогда раньше васъ не видала. Въ четвергъ завезу ей французскую книгу, въ пятницу посылаю къ ней бэби. Боже мой, сколько времени это беретъ!—вздохнула герцогиня, поводя бѣлоснѣжными узенькими плечиками.—Надо хоть завтра не упустить случая.

У леди Губертъ они застали очень приличное чтобъ не сказать

веселое общество, совершенно опровергавшее коварный извѣтъ леди Генри. Здѣсь не было того блеска, того напряженнаго оживленія въ самой атмосферѣ гостиной, какіе господствовали на вечерахъ въ Брутонъ-стритѣ. Но здѣсь гости чувствовали себя удобно и легко, какъ и подобаетъ людямъ, не смущаемымъ въ каждый данный моментъ увѣренностью, что міръ смотритъ на нихъ. Завсегдатаи Брутонъ-стрита посмѣивались слегка, какъ подобаетъ благовоспитаннымъ людямъ, слушая, какъ говорили о салонѣ леди Генри, преимущественно люди, не бывавшіе въ немъ. И все же сознаніе, что другіе цѣнятъ его такъ высоко, вносило нѣкоторое принужденіе. У леди Губертъ царила полнѣйшая непринужденность, и милымъ «никто», собиравшимся тамъ, не приходилось краснѣть за свои ничего не стоющіе разговоры.

Леди Губертъ сама не любила стѣснять себя, отчасти, безъ сомнѣнія, потому, что была глупа. Она была блондинка, красивая, сонная и дородная. Мужъ ея прокутилъ ея состояніе и совершенно испортилъ ей характеръ. Тѣмъ не менѣе Губерты теперь жили лучше прежняго; дѣла ихъ поправились, и характеръ леди Губертъ сдѣлался снова такимъ, какимъ ему предназначило быть Провидѣніе. И принимали они теперь чаще прежняго, такъ какъ леди Губертъ твердо рѣшила въ будущемъ сезонѣ выдать замужъ свою дочь, теперь стоявшую возлѣ нея и принимавшую гостей. Это была бѣлокурая, миловидная дѣвушка, какъ говорили, всей душой преданная дѣламъ благотворительности и вовсе не склонная хлопотать о пріисканіи себѣ мужа.

Народу собралось много. Появленіе герцогини и mademoiselle Ле-Бретонъ было однимъ изъ событій вечера, и, при входѣ ихъ, общество замѣтно оживилось. Маленькая фарфоровая герцогиня, съ ея туалетами, бриліантами и улыбками, съ самаго выхода своего замужъ была любимицей большого свѣта. Она выросла въ деревнѣ, въ глухой провинціи, и вышла замужъ восемнадцати лѣтъ. Послѣ шести лѣтъ супружества ей все еще не наскучила ея популярность и связанныя съ ней обязательства. И ея блестящіе глазки, и ея смѣющіяся губки, и все ея существо сочувственно отзывалось на производимое ею впечатлѣніе. Она смутно представляла себѣ самое себя Титаніей и какъ ребенокъ забавлялась, разыгрывая эту роль. И, какъ Титанія, она не разъ съ грустью думала, что ея господинъ и повелитель имѣетъ право бранить ее.

Но въ этотъ вечеръ герцогъ былъ занятъ обсужденіемъ важныхъ вопросовъ въ палатѣ лордовъ, и герцогиня искренно веселилась. Сэръ Уильфридъ Бёри, пріѣхавшій вскорѣ вслѣдъ за своей крестницей, засталъ ее окруженной цѣлымъ штатомъ кузеновъ тѣлохранителей, въ числѣ которыхъ были очень красивые молодые люди, и цѣлой маленькой толпой поклонниковъ и поклонницъ, блаженно улыбавшихся, хоть издали любуясь этой юной и радостной красотой.

Жюли ле-Бретонъ не было возлѣ нея. Но въ сосѣдней комнатѣ

сэръ Уильфридъ скоро замѣтилъ ея высокую фигуру и лицо, въ своемъ родѣ такъ же сильно привлекавшія къ себѣ вниманіе, какъ и наружность герцогини. Жюли говорила со многими заразъ и, какъ всегда, сэръ Уильфридъ невольно слѣдилъ за ней. Никогда еще ея большіе черные глаза не казались ему такими оживленными и блестящими. Но и теперь, какъ при первой встрѣчѣ, онъ не могъ заставить себя назвать ихъ красивыми. А между тѣмъ, все въ нихъ было красиво: и форма, и цвѣтъ. Должно быть, въ ихъ выраженіи было что-то, оскорблявшее его хорошо выдрессированную натуру.

И разговоры, которые она вела, были ему какъ-то подозрительны. Съ какой стати она такъ щедро расточаетъ улыбки этой несносной леди Фрозвикъ? И что у нея за дружба съ этими старыми военными, которыхъ можно навѣрно разсчитывать встрѣтить у леди Губертъ? Сѣдовласые ветераны одинъ за другимъ подходили къ ней, удостаивались нѣсколькихъ минутъ разговора и уходили, улыбаясь. Важные чиновники относились къ ней не менѣе дружественно. Ея штатъ состоялъ, повидимому, главнымъ образомъ, изъ людей пожилыхъ; молодыхъ она, по крайней мѣрѣ, на сегодняшній вечеръ, предоставила герцогинѣ. И притомъ вокругъ нея было больше мужчинъ, чѣмъ женщинъ. Женщины не сторонились отъ нея, выказывали удовольствіе при встрѣчѣ съ ней, были рады, когда она обращала на нихъ вниманіе, но онѣ были сдержаннѣе и не поддавались ея чарамъ такъ беззавѣтно, какъ ихъ мужья.

«Сколько ей можетъ быть лѣтъ? — спрашивалъ себя сэръ Уильфридъ.—Подъ тридцать? Она, навѣрное, однихъ лѣтъ съ Джэкобомъ, даже, пожалуй, чуточку старше».

Потомъ онъ потерялъ ее изъ виду и, увлекшись самъ разговоромъ, позабылъ о ней. Но когда толпа гостей начала уже рѣдѣть, ему вздумалось разыскать знаменитую коллекцію миніатюръ, принадлежавшую леди Губертъ. Семейная исторія англійскихъ знатныхъ родовъ была его слабостью, и всѣ государственные люди и красавицы изъ рода Делафильдовъ были ему гораздо лучше знакомы, чѣмъ ихъ собственнымъ потомкамъ. Коллекція леди Губертъ въ былое время очень плѣняла его и ему захотѣлось возобновить съ ней знакомство.

Но коллекціи перенесли изъ той комнаты, гдѣ она помѣщалась прежде, и сэру Уильфриду пришлось пройти цѣлую анфиладу гостиныхъ, теперь почти опустѣвшихъ. На порогѣ послѣдней гостиной онъ вдругъ остановился.

При появленіи его, дама и господинъ, сидѣвшіе на диванѣ, внезапно поднялись. Капитанъ Уорквортъ остался на мѣстѣ. Mademoiselle Ле-Бретонъ пошла навстрѣчу вошедшему.

— Что теперь ужъ очень поздно?—спросила она, разыскивая свой вѣеръ и перчатки.—Мы любовались миніатюрами леди Губертъ. Вотъ эта леди съ муфтой,—она указала на картину, висѣвшую на видномъ

мѣстѣ посрединѣ комнаты,—прямо очаровательна. Вы можете мнѣ сказать, сэръ Уильфридъ, гдѣ герцогиня?

— Нѣтъ, но я могу помочь вамъ найти ее,—сказалъ сэръ Уильфридъ, забывъ о миніатюрахъ и стараясь не смотрѣть ни на нее, ни на ея кавалера.

— А мнѣ надо спѣшить,—сказалъ капитанъ Уорквортъ, глядя на часы.—Боже, какъ поздно! А я просилъ одного пріятеля заглянуть ко мнѣ въ двѣнадцать.

Онъ пожалъ руку mademoiselle Ле-Бретонъ и быстро вышелъ.

Сэръ Уильфридъ и Жюли вмѣстѣ двинулись дальше. Сэръ Уильфридъ не могъ отдѣлаться отъ мысли, что онъ прервалъ весьма интимный и серьезный разговоръ. У него было доброе и даже романическое сердце, но эта парочка не внушала ему сочувствія.

— Какъ подвигается біографія?—съ улыбкой спросилъ онъ.

Яркая краска разлилась по щекамъ mademoiselle Ле-Бретонъ.

— Леди Генри, кажется, оставила это намѣреніе.

— Ну, я думаю, она не пожалѣетъ объ этомъ,—сказалъ онъ сухо.

Жюли не отвѣтила. Онъ мысленно укорилъ себя въ грубости, но скоро нашелъ себѣ оправданіе. Ужъ эту маленькую шпильку она заслужила. Конечно, она не обязана повѣрять ему свои тайны; это ея законное право, какъ сказалъ Делафильдъ. Но когда человѣкъ предлагаетъ вамъ свои услуги, не слѣдуетъ дурачить его сверхъ мѣры.

Она, навѣрное, угадываетъ его мысли! Онъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на нее, на ея пышное платье, усѣянное блестящимъ стеклярусомъ, въ которомъ не чувствовалось ничего дѣвическаго, на красивое старомодное ожерелье изъ жемчуговъ и брилліантовъ безъ сомнѣнія доставшееся ей отъ матери, стягивавшее ея удивительную стройную шею. Во всякомъ случаѣ она ничѣмъ себя не выдаетъ. Она опять заговорила о миніатюрахъ Делафильдовъ, все время непринужденно обмахиваясь вѣеромъ. Немного погодя, они нашли герцогиню.

«Авантюристка она, или нѣтъ?» думалъ Бѣри, возвращаясь домой.— «Вотъ будетъ исторія, если она выйдетъ за Джэкоба!»

## Глава VIII.

Простившись съ герцогиней у подъѣзда леди Генри, Жюли одна поднялась по лѣстницѣ. Въ домѣ все спало. Она въ темнотѣ дошла до своей комнаты и, войдя, не зажгла огня. Въ каминѣ еще догорали дрова. Она опустилась въ кресло у камина, обнявъ руками колѣни и откинувъ назадъ голову, словно еще прислушиваясь къ словамъ, звучавшимъ въ ея ушахъ.

«О! она такое дитя! такой милый простодушный ребенокъ! Въ Симлѣ досужіе языки приписывали ей, по крайней мѣрѣ, десять жениховъ. Ея окружала толпа поклонниковъ—я былъ однимъ изъ нихъ. Весь

городъ обожалъ ее и мать ее также. Она прелестное созданіе, но зато и хорошо охраняемое, на заднемъ планѣ стражей сколько угодно!»

Какъ можно было не повѣрить этому взгляду, этой улыбкѣ? Память перенесла ее назадъ къ тѣмъ осеннимъ днямъ, когда они встрѣтились впервые; она мысленно пережила все время ихъ знакомства, всѣ сначала мелкіе, едва замѣтные, потомъ быстрые, неудержимые и роковые шаги приведшіе ее къ тому рабству, въ которомъ она теперь находилась. Она видѣла, какъ молодой человѣкъ въ первый разъ вошелъ въ гостиную леди Генри, слышала отъ слова до слова свой первый разговоръ съ нимъ, ясно видѣла все постепенное развитіе ихъ странныхъ отношеній, слагавшихся изъ столькихъ разнообразныхъ элементовъ. Лестное сознаніе своей власти надъ обществомъ, сказывавшееся и въ поклоненіи этого молодого блестящаго офицера, быстро дѣлавшаго карьеру, и въ тѣхъ услугахъ, которыя она съ своей стороны могла оказать ему; невольная признательность за это поклоненіе въ такой моментъ, когда вся душа ея болѣла отъ презрительной враждебности леди Генри; затѣмъ сладостное развитіе и укрѣпленіе «дружбы», которая должна была соединить ихъ полными и единственными въ своемъ родѣ узами,—дружбы, не имѣвшей ничего общаго съ банальностями любви и брака, союза равныхъ и родственныхъ душъ въ общей борьбѣ съ суровой и злобной судьбой.

«У меня нѣтъ ни семьи, ни вліятельныхъ друзей,—писалъ онъ ей нѣсколько недѣль спустя послѣ первой ихъ встрѣчи;—все, чего я достигъ, взято мной съ бою; никто никогда не интересовался мною, кромѣ васъ. Вы тоже одна на свѣтѣ. Вамъ тоже надо бороться. Давайте, соединимъ свои силы—будемъ ободрять другъ друга, заботиться одинъ о другомъ и хранить нашу дружбу, какъ священную тайну, отъ свѣта, который неспособенъ понять ее. Я не измѣню вамъ. Я буду съ вами вполнѣ откровененъ и постараюсь понять вашу благородную, наболѣвшую душу со всѣми ея горькими воспоминаніями, съ той странной гордостью и отчужденіемъ отъ людей, которыя развили въ ней обстоятельства. Я не говорю: позвольте мнѣ быть вашимъ братомъ—въ этомъ есть что-то банальное; для насъ обоихъ достаточно слово «другъ»; общность нашихъ умственныхъ и духовныхъ интересовъ придастъ новый смыслъ этому святому слову. Я буду писать вамъ каждый день; вы будете знать все, что со мною происходитъ, и все, что признательная преданность можетъ сдѣлать, чтобы скрасить вашу жизнь, будетъ сдѣлано».

Неужели это письмо было написано всего пять мѣсяцевъ тому назадъ?

Хорошо ей памятныя фразы горько отозвались въ наболѣвшемъ сердцѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ она получила это письмо, всѣ ея женскія чары, все ея вліяніе, какъ умнаго интеллигентнаго человѣка, были предоставлены въ его распоряженіе.

И вотъ она сидитъ здѣсь въ темнотѣ, мучимая страстью, которой

она стыдится, передъ которой она съ ужасомъ начинаетъ чувствовать себя безсильной. Эта страсть все растетъ и Жюли сама не знала, надолго ли у нея хватитъ силъ сдерживаться. Съ тѣхъ поръ, какъ она сознавала, что добивается награды, которая безмолвно, тайно, унизительно отодвигается все дальше и дальше, она чувствовала себя страшно несчастной. Какъ можетъ бѣдный офицеръ, съ честолюбіемъ Гарри Уорквората, хотя на мигъ задуматься о бракѣ съ женщиной въ ея двусмысленномъ и зависимомъ положеніи? Здравый смыслъ подсказывалъ ей, что даже мечтать объ этомъ нелѣпо. А между тѣмъ, съ тѣхъ поръ, какъ болтовня герцогини облекла въ плоть и кровь ея смутныя безформенныя подозрѣнія, она уже не въ силахъ была успокоиться, совладать съ собой.

Внезапно ей пришла другого рода мысль. У нея болѣло сердце еще и отъ того, что сэръ Уильфридъ, встрѣтившись съ ней у леди Губертъ, говорилъ съ ней и посмотрѣлъ на нее съ такой презрительной усмѣшкой. Когда она впервые обратилась къ нему, какъ къ другу своей матери, она была совершенно искренна: она дѣйствительно дорожила добрымъ мнѣніемъ этого старика. А между тѣмъ она лгала ему. «Я не могла иначе», говорила она себѣ, вздрагивая, точно отъ холода. Про біографію она выдумала совершенно неожиданно для самой себя: но это облегчало объясненіе, притомъ же тутъ была доля правды—леди Генри какъ-то вскользь говорила, что не худо бы воспользоваться письмами капитана Уорквората для разъясненія—быть можетъ, въ отдѣльной статьѣ въ «Nineteenth Century»—нѣкоторыхъ частностей дѣятельности ея покойнаго мужа въ Индіи.

— И Джэкобъ Делафильдъ тоже. Ей самой было ясно, какъ и сэръ Уильфриду, что она «пересолила». Значитъ правду леди Генри говоритъ о ней, что у нея врожденная склонность къ интригѣ, постоянному усложненію жизни, что она неспособна говорить правду просто, какъ есть?

«Ну что-жъ, именно такъ защищаются подобныя мнѣ»—сказала она, упорно повторяя себѣ самой то, что она уже сказала сэръ Уильфриду.

Она съ гордостью говорила себѣ, что противовѣсомъ всему этому является ея безкорыстіе, извѣстное вполнѣ только ей самой. Она сказала герцогинѣ и сэръ Уильфриду правду. Многіе рады были бы дать ей денегъ и обставить ея жизнь такъ, чтобы не было надобности ежедневно продавать себя въ рабство. Но она этого не хотѣла. Ей стоило пальцемъ шевельнуть, чтобы Джэкобъ Делафильдъ женился на ней, но она не шевельнула. Докторъ Мередитъ сдѣлалъ ей предложеніе—она отвѣтила отказомъ. Ей отрадна была мысль объ этой никому не вѣдомой и никѣмъ не одобренной цѣльности ея натуры. Эта мысль тѣшила ея гордость и врачевала рану, нанесенную ей насмѣшливымъ взглядомъ изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ сэръ Уильфрида Бёри.

Послѣдней ея мыслью передъ тѣмъ, какъ забыться тревожнымъ сномъ, была мысль, что она все еще находится подъ кровомъ леди Генри. Среди ночного безмолвія ея положеніе казалось ей еще затруднительнѣе, чѣмъ днемъ. Что ей дѣлать? Кому довѣриться?

— Диксонъ, какъ здоровье леди Генри?

— Совсѣмъ нехорошо, барышня, имъ нечего и думать сойти внизъ. Онѣ изъ-за этого ужасно разстроились,—горничная понизила голосъ.— Вы лучше ужъ, барышня, къ нимъ не ходите. Прямо не подступайся. Но онѣ сами говорятъ, что нелѣпо даже и пробовать.

— Хёттонъ получилъ какія-нибудь приказанія?

— Да, барышня; я сейчасъ ходила передавать ему приказъ ея сіятельства. Велѣно говорить всѣмъ, что леди Генри очень жалѣютъ и до послѣдней минуты надѣялись, что онѣ въ состояніи будутъ сойти внизъ.

— Леди Генри все подано, Диксонъ? Вы отнесли ей вечернія газеты?

— О да, миссъ. Но вѣдь вы знаете ея сіятельство: когда къ нимъ входятъ часто, онѣ жалуются, что ихъ безпокоятъ; а не идти— говорятъ, что всѣ ихъ забыли.

— Какъ вы думаете, Диксонъ, пойти мнѣ пожелать ей спокойной ночи.

Горничная колебалась.

— Пойду спрошу, миссъ,—я лучше пойду спрошу.

Дверь затворилась, и Жюли осталась одна въ большой гостиной. Она была приготовлена, какъ всегда по пятницамъ, для пріема гостей. Повсюду были свѣжіе цвѣты, стулья разставлены такъ, какъ это любила леди Генри; вылощенный паркетъ такъ и блисталъ при электрическомъ свѣтѣ; портреты Гэнсборо, казалось, весело и привѣтливо смотрѣли со стѣнъ, поджидая гостей.

Жюли только что обѣдала—одна. Во время обѣда у нея все еще теплилась надежда, что леди Генри въ состояніи будетъ сойти внизъ. Послѣдніе дни погода была очень вѣтреная и это обострило ея хроническій ревматизмъ. Она, несомнѣнно, была больна и очень страдала; но Жюли знала, что она способна на героическія усилія ради того, чтобы не испортить пятницы, и пока Диксонъ не сообщила ей о приказѣ, она не переставала надѣяться.

Итакъ, всѣмъ будутъ отказывать. Жюли одиноко ходила изъ угла въ уголъ по гостиной—такой пустынной и унылой, несмотря на яркое освѣщеніе и цвѣты. Черезъ какіе-нибудь два часа всѣ ея личные друзья постучатся въ эту дверь и она окажется запертой. «Конечно, сегодня вечеромъ я буду», такъ окончилось утреннее письмо. Кромѣ того обѣщали быть нѣсколько человѣкъ, которыхъ ей очень хотѣлось и нужно было повидать. Въ газетахъ въ послѣднее время часто называли фамилію одного полковника, профессора коллегіи генеральнаго штаба, какъ будущаго начальника миссіи, отправляемой въ

Мокембе. Никогда еще не было такъ необходимо держать въ порядкѣ всѣ нити своего вліянія. А по пятницамъ это ей лучше всего удавалось; дома она чувствовала себя и удобнѣе, и свободнѣе, въ особенности, когда леди Генри бывала не совсѣмъ здорова и не выходила изъ сравнительно небольшой сферы своего вліянія, ограничивавшейся задней гостиной.

Да и помимо того, пятничныя собранія у леди Генри развили въ Жюли потребность въ обществѣ и живой интеллигентной бесѣдѣ. Эта потребность сидѣла въ ней даже глубже, чѣмъ въ леди Генри. У леди Генри было десять талантовъ въ томъ смыслѣ, какъ это слово понимается въ священномъ писаніи,—деньги, имя, высокое положеніе, унаслѣдованныя связи въ обществѣ; у Жюли ле-Бретонъ только этотъ одинъ. Ее инстинктивно влекло къ обществу, и этотъ инстинктъ она обратила въ искусство. Движимая самымъ тонкимъ и интеллигентнымъ видомъ честолюбія, она въ послѣдніе годы тщательно воспитывала и усовершенствовала въ себѣ свои прирожденныя общественныя дарованія. А теперь къ этой ея любви къ обществу присоединилось еще новое тиранническое чувство, въ рукахъ котораго общество являлось только орудіемъ.

Нѣсколько времени она волновалось и мучилась молча. Она то ходила по комнатѣ, то останавливалась передъ большимъ зеркаломъ, вглядываясь въ отраженіе своей высокой стройной фигуры, длиннаго атласнаго шлейфа своего платья.

«Совсѣмъ дѣвочка—такая хорошенькая, немножко кисейная барышня...» вспомнились ей слова герцогини, и рядомъ съ ея собственнымъ изображеніемъ ей смутно рисовалась въ зеркалѣ дѣвичья фигурка—свѣтло-золотистые волосы, розовыя щечки, бѣлое платье; и она отворачивалась, чувствуя себя совсѣмъ несчастной отъ сознанія глубокой интеллектуальной разницы между между ними, хотя обыкновенно она радовалась, что не походитъ на обычный типъ англійской дѣвушки.

Вошелъ Хёттонъ, дворецкій, поправить огонь въ каминѣ.

— Вы здѣсь будете сидѣть нынче вечеромъ, миссъ?

— О нѣтъ, Хёттонъ; я пойду въ библіотеку... Въ моей комнатѣ огонь, должно быть, уже потухъ.

— Все-таки свѣчи то лучше погасить, — сказалъ дворецкій, оглядывая ярко освѣщенную залу.

— Ну, конечно,—сказала Жюли и начала помогать ему.

Внезапно ей пришла блестящая мысль.

— Хёттонъ!—Она подошла къ нему и продолжала, понизивъ голосъ:—можетъ быть, сегодня пріѣдетъ герцогиня Кроуборо; мнѣ хотѣлось бы ее повидать, и я знаю, что ей захочется меня видѣть. Вы думаете, это безпокоитъ леди Генри, если я приму ее—на полчаса—въ библіотекѣ?

Дворецкій задумался.

— Не думаю, чтобъ наверху что-нибудь было слышно. Конечно, я долженъ предупредить, что миледи больна.

— Такъ вотъ что Хёттонъ вы, пожалуйста, попросите ее подняться,—торопливо заговорила mademoiselle ле-Бретонъ.—И еще, Хёттонъ, тамъ пріѣдутъ докторъ Мередитъ и мистеръ Монтрезоръ—вы знаете, какъ они будутъ огорчены, не заставъ леди Генри?

— Да, миссъ, они, конечно, пожелаютъ справиться, что такое съ ея сіятельствомъ; я имъ скажу, что вы въ библіотекѣ. А капитана Уорквурта тоже можно проводить къ вамъ, миссъ? Онъ за сколько недѣль ни одной пятницы не пропустилъ.

— О да, если онъ придетъ—это ужъ вы сами сообразите, Хёттонъ. Мнѣ бы хотѣлось всѣмъ имъ — старымъ друзьямъ—разсказать подробнѣе о здоровьи леди Генри.

Лицо дворецкаго было сама почтительность и скромность.

— Само собой, миссъ. Чай и кофе тоже подавать?

— О нѣтъ!—воскликнула mademoiselle ле-Бретонъ, но подумавъ, прибавила: — впрочемъ, приготовьте на всякій случой, но не думаю, чтобъ кому-нибудь захотѣлось. Тамъ въ библіотекѣ есть огонь?

— О да, миссъ. Я такъ и думалъ, что вы туда придете посидѣть. Можетъ, снести туда эти цвѣты, а то въ комнатѣ пустовато,—на случай, если кто придетъ?

Жюли слегка покраснѣла.

— Пожалуй, не всѣ только. И вотъ что, Хёттонъ, вы увѣрены, что мы не помѣшаемъ леди Генри?

Лицо Хёттона не выражало особенной увѣренности.

— У ея сіятельства очень тонкій слухъ, миссъ, но я закрою двери внизу и буду просить всѣхъ входить потихоньку.

— Благодарю васъ, Хёттонъ, благодарю васъ, это очень мило съ вашей стороны. И вотъ что еще, Хёттонъ...

· Да, миссъ,—Дворецкій остановился съ большимъ вазономъ бѣлыхъ лилій въ рукѣ.

— Вы скажете словечко Диксонъ, если кто-нибудь придетъ—объ этомъ нѣтъ надобности докладывать леди Генри. Я сама ей завтра скажу.

— Слушаю, миссъ. Диксонъ сейчасъ пойдетъ ужинать.

Дворецкій ушелъ. Жюли осталась одна въ большой гостиной, освѣщенной теперь одной только лампой и яркимъ огнемъ въ каминѣ. И нея вдругъ захватило дыханіе отъ собственной дерзости. Что она надѣлала? Человѣкъ восемь-десять, навѣрное, захотятъ войти—восемь-десять «интимныхъ друзей» леди Генри. Что если леди Генри дознается? И какъ разъ теперь, когда онѣ только что заключили миръ между собою.

Жюли шагнула къ двери, какъ будто хотѣла кликнуть дворецкому, потомъ остановилась. Мысль, что черезъ часъ Гарри Уорквортъ бу-

деть въ двухъ шагахъ отъ нея и ей нельзя будетъ его увидать, мучительно жгла ей сердце и мозгъ, отуманивая ея свѣтлый умъ, обыкновенно работающій вполнѣ сознательно. Она сама чувствовала въ себѣ глубокую внутреннюю перемѣну. Жизнь была достаточно тяжела и до того, какъ герцогиня бросила ей свой намекъ. Но ужъ послѣ того!..

Что, если онъ обманулъ ее тогда, у леди Губертъ? И подъ наплывомъ страсти ея проницательность и знаніе людей не измѣняли ей. Въ глубинѣ души она знала, что это вполнѣ возможно, что онъ могъ обмануть ее. Но это только усиливало въ ней сознаніе опасности, которое въ данномъ случаѣ было однимъ изъ элементовъ самой страсти.

— Ему нужны деньги, конечно, ему нужны деньги,—лихорадочно повторяла она сама себѣ, — но я найду средства. Зачѣмъ ему жениться теперь, такъ рано? Это только свяжетъ ему руки.

И опять она остановилась передъ зеркаломъ, и снова воображеніе ея вызвало въ зеркалѣ тотъ же нѣжный и грозный образъ ея собственной кузины, родной племянницы ея матери!..

Какъ это странно! Гдѣ теперь эта маленькая кисейная барышня? въ какой тихой пристани, созданной деньгами, семьей и привязанностью къ ней семьи, окруженная баловствомъ, которое даютъ только деньги? Съ крутизны своей собственной трудной борьбы Жюли ле-Бретонъ съ болѣзненнымъ презрѣніемъ смотрѣла на эту барышню. Она слышала, что мать и дочь на обратномъ пути изъ Индіи остались на время погостить за границей, но что барышня стремится домой въ Англію. Жюли не вѣрилось, чтобъ она скучала только о своемъ садѣ, лошади, любимыхъ собакахъ,—нѣтъ она грустить объ этомъ стройномъ молодомъ офицерѣ, который черезъ нѣсколько минутъ, можетъ быть, постучится въ дверь леди Генри, чтобы увидать ея кузину, невѣдомую и незнакомую ей, Эйлинъ Моффатъ. Отъ этихъ мыслей кровь безумно стучала въ виски Жюли. Сколько это еще ждать, пока онъ придетъ?

— Ея сіятельство проситъ васъ къ себѣ, миссъ.

Голосъ принадлежалъ Диксонъ, и Жюли поспѣшно обернулась, моментально овладѣвъ собою. Она поднялась по крутой старомодной лѣстницѣ въ верхній этажъ, гдѣ находились комнаты леди Генри. Ея спальня находилась на концѣ дома, чтобъ до нея не доносилось никакого шума. Это была старомодная комната, убранная въ стилѣ года вступленія на престолъ королевы Викторіи, но ея хозяйка, умѣвшая такъ хорошо подбирать и сохранять драпировки и картины въ гостиной, здѣсь не позволяла ни до чего дотрогиваться. «Это мнѣ нравится нетерпѣливо», говорила она, когда ея толстая невѣстка убѣждала ее выбѣлить потолки и перемѣнить обивку мебели. — Это безобразно ну и пусть,—я вѣдь тоже безобразна.

Въ этотъ вечеръ она дѣйствительно очень была не въ духѣ. Она лежала высоко на подушкахъ, мучимая своимъ обычнымъ бронхитомъ и



ревматической болью въ спинѣ, сдвинувъ брови и крѣпко сжавъ свои сильныя руки, какъ будто ей стоило огромныхъ усилій не пренебречь увѣщаніями служанки, доктора и собственнаго благоразумія.

— Что это вы одѣлись?—сказала она, когда Жюли Ле-Бретонъ вошла въ ея спальню.

— Я узнала о вашемъ рѣшеніи только послѣ обѣда, а одѣлась я до обѣда.

Леди Генри осмотрѣла ее отъ ногъ до головы, какъ кошка готовая броситься.

— Вы не принесли мнѣ писемъ для подписи?

— Нѣтъ, я думала, что это вамъ будетъ трудно.

— Я вѣдь говорила, что ихъ нужно отправить сегодня. Будьте такъ добры принести ихъ сейчасъ же.

Жюли принесла письма. Съ вздохами и стонами, которыхъ она не въ состояніи была подавить, леди-Генри прочла и подписала ихъ, потомъ попросила, чтобы Жюли ей почитала. Та сѣла читать, вся дрожа отъ волненія. Какъ быстро передвигались стрѣлки на часахъ леди-Генри!

Къ счастью, леди Генри уже клонило ко сну, частью отъ слабости, частью благодаря принятой ею дозѣ брома.

— Не слышу ничего—сказала она, нетерпѣливо протягивая руку. Могли бы вычитать по громче. Конечно я не прошу васъ кричать. Благодарю васъ, достаточно. Спокойной ночи. Велите Хёттону позаботиться о томъ, чтобы въ домѣ было тихо. Тамъ вѣроятно будутъ стучать и звонить, но если хорошенько затворить двери, мнѣ не будетъ слышно. Вы идете спать?

— Я посижу еще немного. Мнѣ нужно написать нѣсколько писемъ. Но я не буду сидѣть поздно.

— Еще бы, зачѣмъ же вамъ сидѣть?—колко замѣтила леди Генри и повернулась лицомъ къ стѣнѣ.

Жюли спускалась съ лѣстницы съ сильно бьющимся сердцемъ, тщательно закрывая за собою всѣ двери. Когда она дошла до швейцарской, было уже половина одиннадцатаго. Она поспѣшила въ библіотеку, большую обшитую панелями комнату, примыкавшую къ столовой. Какая она стала уютная, когда Хёттонъ убралъ ея цвѣтами! Жюли вдругъ сдѣлалось страшно весело. Легкой, скользящей походкой она переходила отъ кресла къ креслу, инстинктивно разставляя ихъ такъ, какъ это дѣлалось обыкновенно въ гостиной. Она по своему переставила цвѣты, зажгла еще лампу, выдвинула одинъ столъ дальше впередъ, а другой отодвинула къ стѣнѣ. Какая это всетаки прелестная старая комната, и какая жалость, что леди Генри такъ рѣдко пользуется ею! Библіотека была обшита темнымъ дубомъ, тогда какъ гостиная была бѣлая, но картины, висѣвшія здѣсь, выдѣлялись на этомъ темномъ фонѣ еще лучше, чѣмъ на верху. Этотъ великолѣпный

Лауренсъ «рыжій мальчикъ» въ блестящемъ атласѣ, эта пара Хёппнеровъ—кто видѣлъ ихъ раньше!

Если прибавить еще нѣсколько свѣчей, картины будутъ выглядѣть еще лучше.

Громкій стукъ и звонокъ. Жюли затаила дыханіе.

А, громкій голосъ въ передней. Она подошла къ камину и стала, съ виду спокойно читая вечернюю газету.

— Капитанъ Уорквортъ спрашиваетъ, не можете ли вы его принять на нѣсколько минутъ, миссъ. Онъ очень желалъ бы лишь спросить васъ о здоровьи ея сіятельства.

— Пожалуйста, попросите его сюда, Хёттонъ.

Хёттонъ стушевался, а молодой человѣкъ вошелъ.

Жюли, возвысивъ голосъ, сказала:

— Помните, пожалуйста, Хёттонъ, что я особенно желаю видѣть герцогиню. Хёттонъ поклонился и вышелъ. Уорквортъ подошелъ къ ней.

— Какое счастье застать васъ здѣсь и одну!

Онъ бросилъ на нее быстрый испытующій взглядъ, потомъ наклонился и поцѣловалъ ея руку.

«Онъ хочетъ знать, разсѣялись ли мои подозрѣнія», пояснила себѣ Жюли этотъ взглядъ. Во всякомъ случаѣ онъ будетъ думать, что разсѣялись.

— Тссъ...—сказала она приложивъ палецъ къ губамъ.—Самое главное, чтобы леди Генри не услыхала.

Она усадила своего нѣсколько изумленнаго гостя въ кресло у камина и сама сѣла напротивъ, съ необычайнымъ оживленіемъ въ лицѣ и въ движеніяхъ.

— Развѣ это не забавно? Развѣ эта комната не очаровательна? Я думаю, что я могла бы недурно принимать гостей,—она оглядѣлась вокругъ—въ своемъ собственномъ домѣ.

— Вы съумѣли бы принять ихъ на чердакѣ, въ конюшнѣ, —воскликнулъ онъ.—Но что все это значитъ? Объясните!

— Леди Генри больна и лежитъ въ постели. Она очень сердита, бѣдная леди Генри! Она думаетъ, что я тоже легла спать, но вы видите, вы проникли сюда насильно, неправда ли?—для того, чтобы подробнѣе узнать о леди Генри.

Она наклонилась къ нему, глаза ея такъ и прыгали отъ радости.

— Но разумѣется! И что же, за мною послѣдуетъ цѣлая толпа столь же ревностныхъ почитателей леди Генри или...

Онъ, улыбаясь, придвинулъ свой стулъ ближе къ ней. Она, напротивъ, отодвинулась.

— Безъ сомнѣнія, человѣкъ шесть семь пожелаютъ лично узнать о ея здоровьи,—смиренно сказала она.—Но, пока они не пришли—тонъ ея измѣнился,—имѣете вы что-нибудь сообщить мнѣ?

— Кучу новостей,—сказалъ онъ, вынимая изъ кармана письмо.—

Вашему приказу, моя царица, повинуются въ свѣтѣ такъ же охотно, какъ и вездѣ.—И онъ протянулъ ей конвертъ.

Она покраснѣла.

— Вы получили надѣлъ? Я знала, что вы получите, Леди Фрозвикъ обѣщала.

— И еще какой огромный!—воскликнулъ онъ.—Всѣ мои пріятели завидуютъ мнѣ. Нѣкоторые изъ нихъ тоже получили небольшіе участки и уже продали ихъ. Я же, послушавшись добраго совѣта, хочу продержать свои еще денька три. Цѣна на нихъ, пожалуй, еще подымется. Но какъ бы тамъ ни было, вотъ здѣсь,—онъ тряхнулъ конвертомъ,—здѣсь свобода отъ долговъ, душевное спокойствіе,—въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ я вышелъ изъ школы,—возможность прилично, а не по-нищенски экипироваться при поѣздкѣ въ Африку, если я поѣду! Все это заключается вотъ въ этомъ клочкѣ бумаги, и все это дѣло рукъ одной моей знакомой. Фея крестная! Скажите сами, какъ благодарить васъ?

Молодой человѣкъ понизилъ голосъ. Его голубые глаза, сослужившіе ему не одну службу въ разныхъ частяхъ свѣта, не отрываясь смотрѣли на собесѣдницу; полныя губы вздрагивали, казалось отъ ребяческаго удовольствія. Никогда еще человѣкъ не сознавался такъ искренно и такъ красиво въ томъ, что онъ радуется деньгамъ.

Жюли поспѣшила остановить его. Быть можетъ, она инстинктивно чувствовала, что есть выраженія благодарности, которыя мужчинѣ унизительно вспоминать, какъ бы щедро онъ ни расточалъ ихъ въ данный моментъ,—услуги, которыя со временемъ легко могутъ быть поставлены не въ зачетъ, а на счетъ оказавшему ихъ. Она почти надменно спросила: что же она такого особеннаго сдѣлала?—только мимоходомъ замолвила словечко леди Фрозвикъ. Кому-нибудь надо же раздавать надѣлы. Она рада, конечно, очень рада, если это снимаетъ тяжесть съ его души...

Такимъ образомъ, она освободила и его, и себя отъ тягостной благодарности, и они стали обсуждать, какія у него были шансы на назначеніе начальникомъ миссіи.

Профессоръ академіи генеральнаго штаба былъ, несомнѣнно, опаснымъ соперникомъ. Главнокомандующій, до сихъ поръ благосклонно относившійся къ ходатайствамъ за Уорквортa со стороны многихъ высокопоставленныхъ лицъ завсегдатаевъ леди Генри, въ томъ числѣ генерала Макъ-Джиля, теперь склонялся въ пользу новаго кандидата, за котораго очень хлопотали вліятельные люди въ Египтѣ. У него на совѣсти было два-три недавнихъ назначенія не изъ очень удачныхъ, а профессоръ, помимо блестящей военной репутаціи, былъ человѣкъ безукоризненно честный, дѣльный и бѣдный, безъ знатныхъ родственниковъ, слѣдовательно, его назначеніе должно было произвести во всѣхъ смыслахъ отличное впечатлѣніе.

Нельзя ли еще что-нибудь сдѣлать—найти какіе-нибудь новые пути?

Они стали перебирать имена. Жюли была такъ же хорошо освѣдомлена относительно источниковъ протекціи, какъ и самъ Уорквортъ. Ея живой умъ быстро изобрѣталъ новыя уловки, новыя средства воздѣйствія. Но она не болтала о нихъ и не хвасталась ими. А между тѣмъ, когда онъ говорилъ съ ней, каменныя стѣны какъ будто разступались, передъ нимъ открывались радужныя перспективы надежды, и его уныніе проходило безслѣдно. Она умѣла найти нужное слово, шутку, намёкъ, чтобы пооттрекнуть его къ новому усилію ума или воли. Все время она успокоивала и тѣшила самолюбіе своего собесѣдника, окружая его словно оранжерейной атмосферой, тепла и довольства, съ тѣмъ особымъ, присущимъ ей искусствомъ, которое дѣлало разговоръ съ ней наслажденіемъ для этого честолюбиваго и раздражительнаго человѣка, получившаго на своемъ вѣку больше ударовъ, чѣмъ ласкъ отъ судьбы.

— Не знаю, какъ это выходитъ,—объявилъ Уорквортъ, но когда я поговорю съ вами десять минутъ, мнѣ кажется, что весь свѣтъ перемѣнился. Небо было черное, какъ чернила, а теперь стало розовое. Но что, если все это миражъ, а вы волшебница, создавшая его?

Онъ улыбнулся ей отъ избытка восторга. Возлѣ Жюли ле-Бретонъ трудно было оставаться совсѣмъ хладнокровнымъ; она такъ умѣла курить фиміамъ, возбуждать въ человѣкѣ, которой ей нравился, такое довольство самимъ собой, что это невольно отражалось и на ней.

— Это ужъ мой рискъ,—сказала она, слегка пожавъ плечами. Если вы, благодаря мнѣ, увѣруете въ удачу, а потомъ ничего не выйдетъ...

— Надѣюсь, я съумѣю сдержать себя какъ слѣдуетъ,—воскликнулъ Уорквортъ. Видите ли, вы сами не понимаете,—простите меня,—какую огромную роль во всемъ этомъ играетъ ваше личное обаяніе. Когда человѣкъ разговариваетъ съ вами, ему хочется нравиться вамъ, и онъ говоритъ то, что вамъ нравится, а потомъ идетъ домой и...

— Рѣшаетъ, что онъ не дастъ себя одурачить,—улыбаясь, докончила она. Но развѣ не въ этомъ все искусство, когда вы угадываете, къ чему клонится дѣло, умѣть перевѣсить въ данный моментъ множество другихъ вліяній?

— Монтрезоръ въ роли океана и надъ нимъ борьба бушующихъ встрѣчныхъ вѣтровъ...—улыбнулся Уорквортъ.—Что же, другъ мой, будьте луной для этихъ водъ, а бѣдный смертный будетъ смотрѣть и надѣяться!—Онъ наклонился впередъ и сквозь отблескъ огня взоры ихъ встрѣтились. Она была такъ спокойна, такъ проста, казалось такъ мало податливой въ эту минуту, что, помимо благодарности и польщеннаго тщеславія Уорквортъ ощутилъ новое и странное волненіе въ крови. Но тотчасъ же сдержалъ себя. Надо быть на сторожѣ и для себя, и для нея. До сихъ поръ онъ ни въ чемъ не можетъ упрекнуть себя.

Ни въ чемъ! Онъ никогда не предлагалъ себя въ любовники, въ будущіе мужья. Оба они были esprits forts, они понимали другъ друга. Что же касается малютки Эйлинъ, мало ли что случилось или можетъ случиться, во всякомъ случаѣ говорить объ этомъ неудобно: это не его тайна. И притомъ женщина въ положеніи Жюли ле-Бретонъ и съ ея умомъ отлично понимаетъ всѣ невыгоды своего положенія. Бѣдная Жюли, будь она леди Генри, какую бы она сдѣлала блестящую карьеру! Его очень интересовали ея происхожденіе и родители, но онъ почти ничего не зналъ о нихъ; съ нимъ она всегда избѣгала этой темы. Онъ зналъ, что ея родители были англичане, жившіе и умершіе за границей; леди Генри встрѣтилась съ ней случайно и привезла ее въ Англію. Но должно быть въ ея прошломъ есть что-нибудь, объясняющее ту рѣдкую свободу и непринужденность, съ которой она умѣетъ держаться и выдѣлиться въ обществѣ, слывущемъ въ Англіи за лучшее.

Встрѣтивъ его взглядъ, такой задумчивый, внимательный и нѣжный, Жюли, должно быть, отчасти угадала его мысли. Она слегка покраснѣла и заговорила о другомъ.

— Сегодня всѣ ужасно запоздали. Какъ будетъ непріятно, если герцогиня не пріѣдетъ.

— Герцогиня очаровательное созданіе, но только не для меня,— со смѣхомъ сказалъ Уоркворть; она терпѣть меня не можетъ. Ахъ вотъ и она!

Раздался громкій звонокъ и затѣмъ шаги въ швейцарской.

— О, Жюли!—И въ комнату ворвался бѣлый смерчъ, впереди котораго мелькали крошечные бѣлые атласные башмачки.—Какая вы умница! Вотъ ангелъ то! Тетя Флора въ постели, а вы здѣсь, внизу. А я то приготовилась проглотить огромную дозу горькихъ пилюль! Какое облегченіе! А! Какъ вы поживаете?

Послѣднія слова были произнесены уже совсѣмъ другимъ тономъ. Герцогиня въ первый разъ замѣтила молодого офицера, сидѣвшаго въ тѣни у камина, и натянуто, нѣсколько высокомѣрно протянула ему свою маленькую ручку, затѣмъ обратилась къ Жюли.

— Милочка, тамъ цѣлая толпа внизу! Мистеръ Монтрезоръ и какой-то генералъ, и Джэкобъ и д-ръ Мередитъ съ какимъ то французомъ, и старый лордъ Лэкинтонъ и Богъ вѣсть, что тамъ еще. Хёттонъ сказалъ мнѣ, что я могу войти, а я сказала, что пойду первая на развѣдки. А теперь скажите вы, что дѣлать Хёттону. Надо какъ-нибудь рѣшить. Кареты все подъѣзжаютъ.

— Я пойду поговорю съ Хёттономъ—сказала Жюли и поспѣшила въ швейцарскую.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

# КОНДОРЪ.

Сонетъ.

**Громады горъ, зазубренныя скалы**
**Изъ океана высятся грядой.**
**Подъ ними берегъ, дикій и пустой,**
**Надъ ними—кондоръ, тяжкій и усталый.**

**Померкъ закатъ,—въ ущелья и провалы**
**Нисходитъ ночь. Гонимый темнотой,**
**Уродливо-плечистый и худой,**
**Онъ медленно спускается на скалы.**

**И дикій крикъ, звенящій крикъ тоски,**
**Вдругъ раздается жалобно и властно**
**И замираетъ въ небѣ. Но безстрастно**

**Синѣетъ море. Скалы и пески**
**Скрываетъ ночь. И вѣетъ на вершинѣ**
**Дыханьемъ смерти,—холодомъ пустыни.**

**Ив. Бунинъ.**

---

# КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ О СОВРЕМЕННОМЪ СОСТОЯНІИ ТЕОРІИ ДАРВИНА *).

## II.

Противопоставляя прежніе взгляды на органическіе виды господствующему нынѣ трансформистскому взгляду, мы можемъ формулировать это коренное различіе слѣдующимъ образомъ. Ботаники и зоологи стараго толка вѣрили, что при сотвореніи міра появилось на свѣтъ извѣстное количество формъ животныхъ и растеній, рѣзко отграниченныхъ въ своихъ признакахъ и не связанныхъ между собою никакими переходами. А такъ какъ признаки при размноженіи переходятъ къ потомству, то такимъ образомъ извѣстная группа признаковъ, носителемъ которой является данная форма, не претерпѣваетъ измѣненій во все продолжительное время существованія на землѣ данной формы. Правда, и въ предѣлахъ одной и той же формы существуютъ нѣкоторыя различія въ признакахъ, позволяющія намъ распознавать особей. Извѣстно, какимъ наивнымъ способомъ систематики покончили съ происходившимъ отсюда противорѣчіемъ. Признаки, измѣняющіеся отъ особи къ особи, говорили они, суть признаки несущественные, второстепенные. На вопросъ же о томъ, какъ разграничить существенные признаки отъ несущественныхъ, они весьма резонно отвѣчали: существенными признаками должны считаться тѣ, которые не подвержены колебаніямъ или измѣненіямъ.

Скоро, однако, возникъ другой вопросъ, рѣшеніе котораго роковымъ образомъ привело къ признанію извѣстной измѣнчивости, нѣкотораго непостоянства органическихъ формъ; уже бѣглое ознакомленіе съ флорой и фауной любой мѣстности показываетъ, что организмы группируются по большей или меньшей степени сходства въ естественныя группы, обозначаемыя нами, какъ виды, роды семейства и т. д. Въ то время, какъ понятія—семейство, классъ и т. д. суть продукты научной мысли, родовыя различія обращали на себя вниманіе народа еще задолго до возникновенія научной систематики и различные роды

*) См. «Міръ Божій», № 3, мартъ, 1902 г.

получили свои народныя названія: такъ народъ отличаетъ иву (salix) отъ тополя (populus) (не подозрѣвая ихъ принадлежности къ одному семейству), березу (betula) отъ ольхи (alnus) и т. д. Въ другихъ случаяхъ народъ снабдилъ отдѣльными именами меньшія группы, соотвѣтствующія нашимъ нынѣшнимъ видамъ; такъ, народъ отличаетъ осину (populus tremula) отъ тополя (populus alba). Передъ систематиками XVII-го вѣка возникалъ вопросъ: какимъ изъ этихъ группъ приписать независимое возникновеніе при сотвореніи міра—большимъ или меньшимъ? Турнефоръ (Tournefort, 1656—1708) давъ извѣстнымъ ему родамъ растеній ихъ научную номенклатуру, этимъ самымъ какъ бы рѣшилъ вопросъ въ пользу бо̀льшихъ группъ: родъ выдвигался при этомъ какъ та первичная, самой природой намѣченная, послѣдняя единица системы, которой приписывалось самостоятельное возникновеніе при сотвореніи міра. Виды же являлись съ этой точки зрѣнія второстепенными подгруппами, на которыя въ теченіе времени распались первичныя родовыя группы, путемъ трансмутаціи, т.-е. путемъ постепеннаго частичнаго измѣненія признаковъ. Соотвѣтственно этому виды не получили особыхъ наименованій. Говоря о какомъ-нибудь растеніи, Турнефоръ и его современники называли родъ, а затѣмъ приводили нѣсколько признаковъ, долженствовавшихъ указать, о какой подгруппѣ даннаго рода идетъ рѣчь. По мѣрѣ того, какъ детальное изученіе знакомило ученыхъ со все бо̀льшимъ числомъ видовъ одного рода, эта добавочная характеристика все удлинялась, такъ какъ требовалось описаніе многихъ признаковъ (nomen specificum).

Охарактеризованный выше взглядъ, по которому роды были первичными продуктами творческаго акта, виды же произошли изъ нихъ путемъ трансмутаціи, имѣлъ многихъ приверженцевъ среди ученыхъ того времени. Самъ Линней первоначально придерживался его: онъ вѣрилъ, что всѣ органическія формы сотворены были въ раю сразу, но при этомъ предполагалъ, что формы эти соотвѣтствовали нашимъ нынѣшнимъ родамъ (genus), которые уже впослѣдствіи раскололись на виды, отчасти въ силу прямыхъ измѣненій, отчасти вслѣдствіе скрещиванія.

Впослѣдствіи, однако, Линней перемѣнилъ этотъ взглядъ, причемъ перемѣна эта находилась въ связи съ введеніемъ придуманной имъ такъ называемой двойной номенклатуры. Чтобы устранить длинныя видовыя характеристики, загромождавшія собою научные трактаты, когда рѣчь шла о какихъ-нибудь опредѣленныхъ видахъ, Линней снабдилъ каждый видъ особымъ наименованіемъ, которое и стало фигурировать на ряду съ родовымъ именемъ для точной характеристики органическихъ формъ. Эта перемѣна, хотя и чисто формальная, подготовила, однако, и перемѣну въ самыхъ взглядахъ на значеніе отдѣльныхъ систематическихъ группъ; въ двойной номенклатурѣ особенно рѣзко подчеркивался сборный характеръ рода, виды же получали бо-

лѣе индивидуальный отпечатокъ. И чтобъ гарантировать новой номенклатурѣ подобающій авторитетъ, Линней не задумался объявить именно «виды» за послѣднія природныя единицы системы, за группы, обязанныя своимъ происхожденіемъ самостоятельнымъ творческимъ актамъ: «Species tot numeramus, quod diversæ formæ in principio sunt creatæ»— таковъ былъ новый девизъ. Однако, уже во времена Линнея было извѣстно, что и въ предѣлахъ вида часто встрѣчаются групповыя различія, носящія столь постоянный характеръ, что нельзя пренебрегать ими и необходимо признать, что и самые виды являются въ большинствѣ случаевъ сборными единицами, состоящими изъ разновидностей. Тутъ то и возникалъ снова вопросъ: являются ли эти новыя сборныя единицы (виды) послѣдними продуктами творческаго акта, расколовшимися впослѣдствіи на болѣе мелкія группы или разновидности, или же приходится сдѣлать еще одинъ шагъ и приписать этимъ именно разновидностямъ самостоятельное происхожденіе, причемъ видъ превратился бы въ такую же искусственную сборную единицу, созданную нами для облегченія оріентировки, какими являются по всеобщему признанію высшія группы (родъ, семейство)? Прогрессъ описательнаго естествознанія неминуемо долженъ былъ привести къ конфликту между разновидностями и видами; уже самъ Линней, сначала не хотѣвшій и слышать о разновидностяхъ, впослѣдствіе различалъ разновидности нѣкоторыхъ видовъ. Такое разграниченіе обыкновенно носило совершенно произвольный характеръ, чѣмъ и вызывались безконечные споры о «хорошихъ видахъ», т.-е. о достаточныхъ или недостаточныхъ основаніяхъ для возведенія какой-нибудь разновидности въ рангъ «вида», или для разжалованія вида въ разновидность.

Споръ о видахъ и разновидностяхъ принялъ особенно рѣзкую форму, когда французскіе ботаники Годронъ и Жорданъ прибѣгнули къ экспериментальному рѣшенію вопроса о постоянствѣ признаковъ разновидностей путемъ культуръ. При этомъ оказалось, что, напримѣръ, линнеевскій видъ весенняя крупка—Draba verna Z. распадается на двѣсти разновидностей, характерные признаки которыхъ рѣзко разграничены и отличаются полнымъ постоянствомъ при посѣвѣ. Спрашивается, какія основанія существуютъ для такого произвольнаго соединенія двухсотъ «элементарныхъ» или «малыхъ» видовъ въ одинъ сборный линнеевскій видъ?

Правда, противъ такого искусственнаго упрощенія, ради облегченія оріентировки, ничего нельзя имѣть, но нужно постоянно помнить, что установленіе и разграниченіе линнеевскихъ видовъ, какъ *группъ сборныхъ*, подвержено различнымъ колебаніямъ въ зависимости отъ обширности изслѣдованной области, отъ наличности или отсутствія рѣзкихъ скачковъ между элементарными видами, а часто и отъ того, что принято называть научнымъ тактомъ изслѣдователя. Приведемъ примѣръ: есть на Новой Зеландіи видъ кислицы Oxalis corniculata (попадается

и въ Европѣ). Какъ показалъ Кеннингемъ, этотъ видъ составляется въ Новой Зеландіи изъ семи рѣзко разграниченныхъ формъ, «элементарныхъ» видовъ (или, если угодно, разновидностей); растутъ эти семь формъ отдѣльно, переходныхъ формъ неизвѣстно. И если бы намъ были извѣстны только эти семь формъ, говоритъ Гукеръ въ своей «Флорѣ Новой Зеландіи», то мы не задумались бы признать ихъ за семь самостоятельныхъ видовъ. Такъ какъ, однако, въ другихъ странахъ существуютъ формы, являющіяся связующими звеньями между этими семью формами, то Гукеръ причисляетъ ихъ всѣхъ къ упомянутому коллективному (линнеевскому) виду (Oxalis corniculata). Случись однако, что въ какой-нибудь странѣ переходная форма вымерла бы, тогда въ установленныхъ коллективныхъ видахъ произошла бы перетасовка.

Совсѣмъ иное дѣло установить принадлежность къ тому или иному изъ упомянутыхъ семи элементарныхъ видовъ: виды эти не смѣшиваются между собой и точно воспроизводятъ свои признаки, слѣдовательно, принадлежность къ тому или иному изъ нихъ можетъ быть рѣшена путемъ высѣванія.

Изъ вышеизложеннаго видно, что ближе всѣхъ къ современнымъ трансформистскимъ взглядамъ подошла школа Турнефора (трансмутаціонисты), признававшая возникновеніе видовъ въ предѣлахъ рода. Приверженцы линнеевскаго взгляда,—а ихъ было огромное большинство,—должны были раньше или позже почувствовать непрочность своей точки зрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, допускать возможность постепеннаго развитія разновидностей въ предѣлахъ родоначальнаго вида, и рѣшительно отвергать всякую мысль о возможности развитія видовъ въ предѣлахъ родоначальнаго рода—развѣ это не логическій абсурдъ, разъ всякій можетъ доказать всю шаткость и произвольность разграниченія между видомъ и разновидностью? Вотъ почему Дарвинъ направилъ именно на этотъ слабый пунктъ цѣлую артиллерію вѣскихъ доводовъ, общій смыслъ которыхъ сводился къ тому, что если признавать постепенное образованіе разновидностей, то нужно признать и постепенное образованіе видовъ.

Наиболѣе недоступную позицію занимала школа Жордана, доказывавшая экспериментальнымъ путемъ не только объективное значеніе «элементарныхъ видовъ», но и ихъ неизмѣняемость. Эта реабилитація элементарныхъ видовъ, какъ отвѣчныхъ и неизмѣнныхъ продуктовъ отдѣльныхъ творческихъ актовъ, была для Жордана центральнымъ пунктомъ спора. Можно, однако, и съ точки зрѣнія трансформизма придавать значеніе понятію элементарнаго вида и подчеркивать коллективный характеръ линнеевскихъ видовъ, какъ это дѣлаетъ теперь Де-Фризъ, но съ прямо противоположной цѣлью: найти послѣднія единицы естественной системы, какъ истинные объекты процесса новообразованія

органическихъ формъ, какъ бы эти единицы ни назывались: разновидностью, расой или элементарнымъ видомъ.

Мы увидимъ ниже, что тѣ органическія формы, возникновеніе которыхъ намъ удается непосредственно наблюдать, больше всего подходятъ къ категоріи «элементарныхъ видовъ»; теперь же разсмотримъ самое явленіе измѣняемости. Само собою понятно, что образованіе новаго вида всегда должно брать свое начало съ уклоненій отдѣльныхъ особей. Разумѣется также, что уклоненія не могутъ ограничиваться несущественными признаками, не говоря уже о неосновательности такого дѣленія на существенные и несущественные (признаки). Доказать существованіе и широкое распространеніе такихъ уклоненій, могущихъ послужить исходнымъ пунктомъ для образованія новыхъ видовъ—была первая задача, которой Дарвинъ и Уоллесъ посвятили много труда и времени. Еще въ 1889 году Уоллесъ писалъ въ своемъ «Дарвинизмѣ»: «У всѣхъ до того вошло въ привычку говорить объ измѣняемости, какъ о чемъ-то исключительномъ и сравнительно рѣдкомъ, какъ о ненормальномъ уклоненіи отъ однообразія и постоянства видовыхъ признаковъ, и даже между натуралистами столь немногіе производили тщательное сравненіе большаго числа особей, что представленіе объ измѣняемости, какъ общемъ свойствѣ всѣхъ многочисленныхъ и широко распространенныхъ видовъ, притомъ въ большихъ размѣрахъ и распространяющейся не на немногихъ, а на значительное число особей, входящихъ въ составъ вида, было совершенно новымъ» («Дарвинизмъ», русск. перев., стр. 182).

Вотъ почему Уоллесъ считалъ одной изъ главныхъ задачъ своей книги «доказать, на множествѣ частныхъ случаевъ, что животныя и растенія *дѣйствительно* постоянно *измѣняются* въ требуемомъ направленіи и размѣрѣ, и что это относится какъ къ дикимъ, такъ и къ одомашненнымъ формамъ». Въ этихъ выраженіяхъ чувствуется, что Уоллесъ писалъ значительно позже Дарвина и считался со многими возраженіями, сдѣланными въ сравнительно недавнее время. Однимъ изъ главныхъ спорныхъ вопросовъ являлся въ то время вопросъ о такъ называемой «подборной цѣнности» личныхъ уклоненій. Многіе спрашивали себя: могутъ ли личныя уклоненія достигнуть такого размѣра, чтобы получить рѣшающее значеніе въ вопросѣ быть или не быть особи? И не должно ли предшествовать накопленіе личныхъ уклоненій въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, прежде чѣмъ возникнетъ признакъ, способный стать объектомъ естественнаго отбора? Могла ли большая тонкость осязанія, свойственная кончику языка, по сравненію съ другими частями нашего тѣла, оказать рѣшающее вліяніе на выживаніе одаренныхъ ею особей? спрашивалъ Спенсеръ. Самъ Дарвинъ хотя и признавалъ, что многія уклоненія слишкомъ незначительны, чтобы имѣть жизненное значеніе, но все же категорически заявлялъ, что «въ природномъ состояніи малѣйшее различіе въ строеніи или общемъ

складѣ можетъ перетянуть тонко уравновѣшенную чашку вѣсовъ, доставить преимущество въ борьбѣ и въ силу этого сохраниться» («Происх. видовъ», стр. 56). Какъ совершенно справедливо замѣчаетъ Плате, Дарвинъ не достаточно подчеркивалъ, что измѣненіе лишь тогда имѣетъ значеніе для отбора, если всѣ особи, не обладающія такимъ уклоненіемъ, раньше или позже должны погибнуть.

Уоллесъ въ цитированномъ выше сочиненіи исходитъ изъ того, что всѣ уклоненія имѣютъ подборную цѣнность, но не пытается полнѣе обосновать это свое предположеніе. Болѣе основательно сдѣлалъ это въ послѣднее время Плате. Онъ перечисляетъ цѣлыхъ шесть вспомогательныхъ факторовъ, благодаря которымъ первоначально незначительныя уклоненія могутъ постепенно достигнуть такой величины, при которой они уже имѣютъ подборную цѣнность: съ этого момента естественный обзоръ вступаетъ въ свои права. Съ нѣкоторыми изъ этихъ вспомогательныхъ факторовъ мы еще познакомимся ближе въ послѣдующемъ. Пока напомню только,—споръ о подборной цѣнности привелъ къ категорическому признанію, что «нѣтъ возможности въ данномъ частномъ случаѣ указать размѣръ подборной цѣнности, и часто даже невозможно установить, имѣетъ ли тотъ или иной, повидимому полезный органъ подборную цѣнность» (Plate стр. 38).

Такимъ образомъ скептицизмъ, исходящій изъ вопроса о подборной цѣнности уклоненій, наталкивается на задачу недоступную рѣшенію при помощи наблюденія или опыта; но возможна и другая постановка вопроса. Вмѣсто того чтобы спрашивать: настолько ли выгодно данное уклоненіе, чтобы доставить обладающимъ имъ особямъ монополію размноженія? мы спросимъ: если данная особь пережила и получила возможность размножаться вслѣдствіе обладанія безспорно полезнымъ уклоненіемъ, то всегда ли это полезное уклоненіе перейдетъ въ томъ же самомъ или въ еще большемъ размѣрѣ и на потомство счастливой особи?

Значеніе этого вопроса для теоріи образованія видовъ очевидно. Для этой теоріи измѣнчивость не можетъ трактоваться сама по себѣ, а лишь въ связи съ необходимымъ коррелятивомъ-наслѣдственностью.

Вотъ почему Уоллесъ ставитъ рядомъ съ первой своей задачей вторую: «мы должны доказать, говоритъ онъ, что *всевозможныя* измѣненія могутъ быть усилены и накоплены путемъ подбора и что если какое нибудь измѣненіе сохраняется и поддерживается размноженіемъ, оно можетъ развиваться до *огромныхъ* размѣровъ, что имѣетъ важное значеніе въ вопросѣ о происхожденіи видовъ». («Дарвинизмъ» стр. 17—19; курсивъ мой). Самъ Дарвинъ еще не проводилъ рѣзкой черты между различными типами измѣнчивости, которые всѣ сливались для него въ одинъ непрерывный рядъ (см. ниже), и не ставилъ различныхъ степеней наслѣдственности уклоненій въ зависимость отъ принадлежности этихъ уклоненій къ различнымъ типамъ измѣнчивости. Общій резуль-

татъ былъ для Дарвина тотъ, что «если уклоненія, полезныя для какого нибудь организма, когда нибудь проявляются, то обладающіе ими организмы, конечно, будутъ имѣть всего болѣе шансовъ на сохраненіе въ борьбѣ за жизнь, а въ силу могучаго начала наслѣдственности они обнаружатъ стремленіе передать ихъ потомству». (Происхожд. видовъ стр. 84).

Здѣсь, какъ и вездѣ подчеркивается только полезность уклоненій. Ясно, однако, что въ данномъ случаѣ смѣшивались двѣ совершенно-разныя стороны явленія: вопросъ о полезности уклоненія для особи при данныхъ условіяхъ, и вопросъ о томъ, какимъ требованіямъ должны вообще отвѣчать уклоненія, для того чтобы сдѣлаться матеріаломъ для новообразованія органическихъ видовъ.

Сознаніе необходимости изслѣдовать вопросъ именно съ этой стороны постепенно завладѣвало умами естествоиспытателей и въ связи съ болѣе детальнымъ изученіемъ явленій измѣнчивости, содѣйствовавшимъ распознанію различныхъ формъ измѣнчивости и различныхъ законовъ, ею управляющихъ, привела къ той постановкѣ вопроса, которая будетъ охарактеризована въ послѣдующемъ.

Чрезвычайно любопытенъ тотъ фактъ, что наблюденія и размышленія, направленныя къ такому разграниченію различныхъ типовъ измѣнчивости и изученію отдѣльныхъ типовъ въ ихъ значеніи для образованія видовъ, почти одновременно занимали нѣсколькихъ естествоиспытателей, совершенно независимо другъ отъ друга. Такъ ботаникъ *С. И. Коржинскій*, въ лицѣ котораго русская наука недавно понесла такую тяжелую утрату, напечаталъ въ концѣ 1899 года первый томъ сочиненія *), посвященнаго разработкѣ этого вопроса. Спустя годъ начала выходить въ свѣтъ работа амстердамскаго ботаника *Гуго-де-Фриза*, посвященная тому-же вопросу, но подготовлявшаяся втеченіе 14 лѣтъ **). Совершенно аналогичные взгляды проводилъ кембриджскій зоологъ Бэтезонъ ***) въ сочиненіи, появившемся въ 1894 году, и базельскій анатомъ и антропологъ Кольманъ въ цѣломъ рядѣ спеціальныхъ работъ.

Разсмотримъ же прежде всего различныя формы измѣнчивости. Говоря объ измѣнчивости въ обычномъ смыслѣ слова мы разумѣемъ индивидуальныя различія, являющіяся результатомъ того, что «не всѣ особи одного вида отлиты какъ въ одну форму» (Дарвинъ). Эта форма измѣнчивости имѣетъ самое широкое распространеніе, какъ можетъ

*) С. И. Коржинскій. Гетерогенезисъ и эволюція. Къ теоріи происхожденія видовъ. Въ Запискахъ Императ. академіи наукъ. VIII серія, томъ IX, № 2.

**) Die Mutationstheorie. Versuche und Beobachtungen über die Entstehung von Arten im Pflangenreich», von Hugo-de-vries. Leipzig. 1901. Veit и C°. Вышелъ первый томъ въ 3-хъ выпускахъ.

***) Materials for thes tudy of Variation treated with especial regard to discontinuity in the origin of species, by William Bateson. London. 1894. Macmillan and C°.



убѣдиться всякій, кто дастъ себѣ трудъ тщательно сравнить сотню особей одного вида хотя бы въ одномъ только признакѣ (напр. ростъ сотни людей одной расы).

Чтобы изучить законы этихъ измѣненій удобнѣе всего взять за исходный пунктъ признаки, поддающіеся количественному сравненію: длина, ширина, вѣсъ отдѣльныхъ органовъ или цѣлыхъ особей. При этомъ оказывается, что къ индивидуальной измѣнчивости вполнѣ приложимъ законъ большихъ чиселъ, или какъ называлъ его *Кетлэ* «законъ случайныхъ причинъ» (la loi des causes accidentelles): тамъ, гдѣ постоянныя причины и случайныя измѣнчивыя воздѣйствія принимаютъ участіе въ произведеніи какого нибудь явленія, при большомъ числѣ наблюденій побочныя воздѣйствія взаимно уничтожаются, такъ какъ онѣ дѣйствуютъ въ различныхъ направленіяхъ и выступаетъ постоянный результатъ, соотвѣтствующій постояннымъ причинамъ.

Представляя результаты подсчета графически, а именно нанося ихъ на систему прямоугольныхъ координатовъ, мы получаемъ биноміальную кривую вѣроятности Ньютона и Гауса. Впервые это соотвѣтствіе реальныхъ результатовъ съ теоретической кривой было констатировано Кетле. Затѣмъ оно перенесено въ область ботаники и зоологіи многочисленными учеными (Людвигъ, де-Фризъ и др.).

Изъ всѣхъ вопросовъ, выдвинутыхъ примѣненіемъ статистическаго метода мы коснемся здѣсь только одного, такъ какъ онъ имѣетъ прямое отношеніе къ нашей темѣ, а именно вопроса о предѣлахъ видовъ и о такъ называемый «трансгрессивной измѣнчивости». Исходя изъ того, что каждый отличительный признакъ вида, вообще поддающійся количественному опредѣленію, долженъ имѣть извѣстную среднюю величину и свои предѣлы измѣнчивости, одинъ американскій ботаникъ произвелъ статистическое изслѣдованіе цѣлаго ряда признаковъ у двухъ близкихъ видовъ рогоза, широколистаго—Typha latifolia и узколистаго — Typha angustifolia, совмѣстно попадающихся по берегамъ рѣкъ и озеръ *). Изъ семи признаковъ, изслѣдованныхъ упомянутымъ авторомъ, привожу только результатъ, касающійся ширины листьевъ, въ виду его наглядности. Беря листья вперемежку и измѣряя ихъ ширину находимъ слѣдующее:

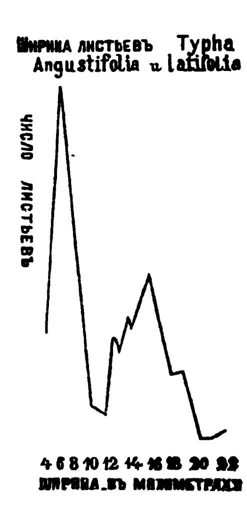
| Ширина въ миллиметрахъ | 4 | 5 | 6 | 7 | 8 | 9 | 10 | 11 | 12 | 13 | 14 | 15 | 16 | 17 | 18 | 19 | 20 | 21 | 22 | 23 |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| Число особей . . . . . . . | 12 | 26 | *39* | 25 | 15 | 6 | 5 | 14 | 11 | 16 | 15 | *20* | 15 | 12 | 7 | 8 | 1 | 1 | 0 | 2 |

Представляя этотъ результатъ графически, получаемъ кривую съ двумя вершинами, чего и слѣдовало ожидать, такъ какъ мы не сортировали измѣряемыхъ экземпляровъ по видамъ и стало быть имѣли матеріалъ неоднородный. Изъ разсмотрѣнія полученной графики мы видимъ, что между двумя видами нѣтъ рѣзкой границы: хотя сред-

*) «A precise criten'on of species» by C. B. Davenport and I. W. Blankinship. Science (New York) 20 May, 1898, p. 691.



няя ширина листьевъ у широколистаго рогоза = 15 мм., узколистаго = 6 мм., но и у того и у другого попадаются крайніе варіанты въ ту и другую сторону, такъ что самый узкій листъ широколистаго рогоза Typha latifolia будетъ уже самаго широкаго листа узколистаго вида— Typha angustifolia. Можно, поэтому, собрать двѣ дюжины листьевъ вперемежку съ обоихъ видовъ и положить ихъ въ рядъ, чтобъ получить совершенно непрерывную цѣпь переходовъ. Тотъ фактъ, что крайніе индивидуальные варіанты одного вида заходятъ за предѣлы индивидуальной измѣнчивости другого вида, мы называемъ трансгрессивной (захватывающей) измѣнчивостью. Трансгрессивная измѣнчивость объясняетъ намъ кажущееся противорѣчіе между широкой измѣнчивостью особей и постоянствомъ систематическихъ группъ при размноженіи, объясняетъ кажущееся отсутствіе рѣзкихъ границъ между основными группами системы (видами, разновидностями или элементарными видами): какъ бы далеко ни ушли нѣкоторыя особи одного поколѣнія въ туили иную сторону, въ слѣдующемъ поколѣніи огромное большинство особей снова будетъ группироваться около средней величины признака и крайніе варіанты снова будутъ попадаться въ сравнительно небольшомъ %. Высѣявъ сѣмена, собранныя хотя бы даже съ самаго широколистаго экземпляра Typha augustifolia, мы получимъ новое поколѣніе, несомнѣнно принадлежащее къ материнскому виду, какъ это можно доказать на основаніи цѣлаго ряда другихъ отличительныхъ признаковъ (разстояніе между мужскимъ и женскимъ початкомъ, форма рыльца и др.). Индивидуальная измѣнчивость, слѣдовательно, постоянно возвращается къ своему исходному пункту и въ то же время непрерывна, т.-е. отдѣльные варіанты примыкаютъ другъ къ другу безъ рѣзкихъ промежутковъ; кромѣ того, она носитъ количественный или линейный характеръ, т.-е. уклоненія каждаго признака движутся по одной линіи въ сторону плюса или минуса (Plus und Minusvariationen).




Наряду съ этимъ существуетъ измѣнчивость другого типа—*гетерогенезисъ*, какъ называли это явленіе Кёлликеръ и Коржинскій, или *мутація*, какъ называетъ его Гуго де-Фризъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ такихъ измѣненій, изъ которыхъ нѣкоторые описаны были уже у Дарвина какъ «единичныя» (single variations), въ противоположность къ индивидуальнымъ (iudividual differences). Цитирую изъ Коржинскаго:

«Въ Массачусетсѣ въ 1791 году отъ обыкновенной породы овецъ однажды родился ягненокъ съ короткими кривыми ногами и длинной спиной, напоминавшій извѣстную форму нашихъ таксъ. Отъ этого полууродливаго ягненка произошла особая

порода «анконовыхъ овецъ», которую разводили вслѣдствіе того, что онѣ не могли прыгать черезъ изгороди. Эта порода была замѣчательна своей прочной наслѣдственностью. И эта столь характерная порода произошла отъ одного экземпляра, неожиданно появившагося отъ нормальныхъ родителей, но съ цѣлымъ рядомъ рѣзкихъ отличій отъ типичной формы.

Подобный же примѣръ представляетъ происхожденіе одной разновидности мериносовъ, такъ называемыхъ *шелковистыхъ* или *мошанскихъ*. Эта порода получила свое начало отъ одного тщедушнаго и плохо сложеннаго ягненка, родившагося въ 1828 году на фермѣ Мошанъ (Mauchamp) въ департаментѣ Aisne отъ обыкновенныхъ мериносовъ. Выросши онъ оказался безрогимъ, но главное его отличіе состояло въ длинной и мягкой шелковистой шерсти».

Интересенъ отзывъ Дарвина объ этихъ новыхъ расахъ: «Если бы эти расы возникли одно или два столѣтія раньше,— говоритъ онъ,— то мы не имѣли бы точныхъ данныхъ объ ихъ происхожденіи и многіе естествоиспытатели безъ сомнѣнія утверждали бы (особенно относительно мошанской расы), что каждая произошла отъ неизвѣстной родоначальной формы или же была скрещена съ таковой» («Измѣненія животныхъ и растеній», томъ I).

Приводимъ еще другіе примѣры изъ животнаго царства. По словамъ Феликса Азары въ 1770 году въ Южной Америкѣ среди стада быковъ, принадлежащихъ къ рогатой расѣ родился одинъ бычокъ, совершенно лишенный роговъ. Этотъ признакъ сохранился въ его потомствѣ, и, такимъ образомъ, получилась особая раса, такъ называемая *mocho*, которая завладѣла цѣлыми провинціями.

Такъ называемый *чернoплечій* павлинъ (Pavo nigripennis) отличается отъ обыкновеннаго павлина цѣлымъ рядомъ признаковъ, весьма прочно передающихся по наслѣдству. Эта порода иногда такъ размножается, что вытѣсняетъ обыкновенную. Однимъ словомъ, она представляетъ всѣ свойства особаго вида, за который и была описана Sclater'омъ. Однако, дико она нигдѣ не встрѣчается, а Дарвинъ приводитъ пять отдѣльныхъ случаевъ внезапнаго появленія черноплечихъ птицъ среди простой породы, разводимой въ Англіи».

«Едва ли можно желать лучшаго доказательства перваго появленія новой разновидности», говоритъ Дарвинъ.

Перейдемъ къ примѣрамъ изъ растительнаго міра. «Chelidonium laciniatum Miller есть форма близкая къ обыкновенному чистотѣлу (Ch. majus); она отличается отъ послѣдняго своими листьями, сегменты которыхъ глубоко перисто-раздѣльные съ узкими и острыми ланцетовидными долями, а также зубчатыми или надрѣзными лепестками». Возникла она, какъ доказали точныя изслѣдованія, въ 1590 году въ саду одного аптекаря Шпренгера (Sprenger) въ Гейдельбергѣ. Шпренгеръ обратилъ вниманіе на это растеніе, столь отличающееся отъ нормальной формы, и послалъ его образцы многимъ выдающимся ботаникамъ. Ее описывали или упоминали ботаники на протяженіи двухъ столѣтій и всѣ единогласно подчеркивали то обстоятельство, «что описываемая форма съ самаго начала оказалась вполнѣ постоянной при размноженіи сѣменами». Филиппъ Миллеръ прямо говоритъ (1768): «Нѣкоторые авторы разсматриваютъ Chelidonium laciniatum, какъ разновидность перваго вида (т.-е. Chel. majus); но я размножалъ ее сѣменами въ теченіе 40 лѣтъ и постоянно наблюдалъ, что растенія, полученныя такимъ образомъ, были точно такія же, какъ и тѣ, отъ которыхъ произошли», и т. д. *).

*) С. Коржинскій. «Гетерогенезисъ и эволюція». Къ теоріи происхожденія видовъ. «Записки Импер. академіи наукъ». VIII серія, томъ IX, № 2, стр. 5—7.

Упомяну кратко еще нѣсколько случаевъ. Наиболѣе достовѣрнымъ является возникновеніе въ 1761 году у Дюшена новой разновидности земляники, у которой въ противоположность тройчатымъ листьямъ типичной формы всѣ листья цѣльные, простые, яйцевидно-сердцевидной формы, съ крупными зазубринами по краямъ. Признаки эти точно воспроизводились при размноженіи сѣменами и возникшая внезапно новая раса сохранилась до сихъ поръ. Отъ земляники же возникла въ 1811 году новая раса, отличающаяся отсутствіемъ ползучихъ побѣговъ, столь характерныхъ для типичной формы. Она появилась въ Нормандіи въ видѣ одного экземпляра среди посѣва обыкновенной земляники и съ тѣхъ поръ точно воспроизводится изъ сѣмянъ.

Такимъ же образомъ, т.-е. гетерогенетически возникли низкорослыя разновидности многихъ травянистыхъ растеній и древесныхъ породъ, плакучія и пирамидальныя разновидности нѣкоторыхъ деревьевъ; разновидности съ пурпуровыми листьями (напр. у барбариса) какъ и вообще пестролистыя разновидности многихъ растеній; такимъ же образомъ возникли у различныхъ садоводовъ новыя разновидности цвѣтовъ съ окраской, подчасъ рѣзко отличающейся отъ типичной; махровыя разновидности многихъ растеній, во всѣхъ случаяхъ, о которыхъ имѣются точныя свѣдѣнія, возникли также путемъ гетерогенезиса.

Насколько значительны могутъ быть гетерогенетическія уклоненія, можно видѣть на слѣдующихъ примѣрахъ. Существуетъ гетерогенетическая разновидность мака со сростнолепестнымъ вѣнчикомъ (Papaver bracteatum monopetalum) (всѣ двусѣменодольныя раздѣляются на 2 подкласса, раздѣльнолепестныхъ и сростнолепестныхъ), существуетъ гетерогенетическая разновидность льнянки (Linaria vulgaris) и львинаго зѣва съ правильнымъ вѣнчикомъ, такъ называемыя пелоріи, между тѣмъ какъ во всемъ семействѣ Scrophulariaceae вѣнчикъ неправильный; существуетъ гетерогенетическая разновидность глоксиніи — Gloxinia speciosa var. Tyfiana, которая имѣетъ прямостоячіе цвѣты, вмѣсто поникшихъ, и правильный вѣнчикъ—признаки, чуждые всему семейству Gesneriaceae, и т. д.

Въ приведенныхъ примѣрахъ гетерогенетическое возникновеніе упомянутыхъ разновидностей наблюдалось прямо. Во многихъ другихъ случаяхъ такое происхожденіе только предполагается, но имѣетъ за собою большую вѣроятность. Это особенно относится къ пестролистнымъ и пирамидальнымъ разновидностямъ древесныхъ растеній, которыя были находимы въ дикомъ состояніи въ видѣ отдѣльныхъ особей. Сущность этого явленія заключается въ томъ, «что среди потомства, происходящаго отъ нормальныхъ представителей какого-нибудь вида или расы и развивающагося при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, неожиданно появляются отдѣльные индивидуумы, болѣе или менѣе уклоняющіеся въ одномъ или нѣсколькихъ признакахъ отъ остальныхъ и отъ родителей. Эти новые признаки обладаютъ большимъ постоянствомъ

и неизмѣнно передаются по наслѣдству изъ поколѣнія въ поколѣніе. Такимъ образомъ сразу воникаетъ особая раса, столь же прочная и постоянная, какъ и тѣ, которые существуютъ съ незапамятныхъ временъ» (Коржинскій. «Гетерогенезисъ и эволюція», стр. 12).

Итакъ, въ то время, какъ индивидуальная измѣнчивость, подчиненная законамъ вѣроятности, создаетъ болѣе или менѣе рѣзкія количественныя уклоненія отъ средняго состоянія видовыхъ или расовыхъ признаковъ, гетерогенезисъ или мутація создаетъ новые видовые (или расовые) признаки. Законъ возникновенія этихъ новыхъ гетерогенетическихъ признаковъ намъ еще совершенно неизвѣстенъ, и при сравнительной рѣдкости этого явленія, едвали скоро удастся добыть какія-либо точныя данныя о причинахъ и условіяхъ его. Но одно можетъ считаться установленнымъ: разъ появившись, новые признаки становятся неотъемлемымъ достояніемъ вида, разновидности или расы, хотя, что особенно интересно, они подобно старымъ признакамъ, подвергаются индивидуальной измѣнчивости, со всѣми ея вышеперечисленными аттрибутами. Вотъ эта то индивидуальная измѣнчивость гетерогенетическихъ признаковъ лучше всего можетъ послужить для иллюстраціи кореннаго различія между двуми видами измѣнчивости. Нѣтъ необходимости предполагать, что гетерогенетическія уклоненія отличаются отъ индивидуальныхъ своимъ большимъ размѣромъ; важна не величина уклоненія, а особенный характеръ его, указывающій на нѣкоторую перетасовку элементовъ въ зародышевой плазмѣ. Иной крайній варіантъ положительнаго ряда можетъ на видъ гораздо сильнѣе отличаться отъ крайняго варіанта отрицательнаго ряда, чѣмъ отъ какой-нибудь гетерогенетической особи, однако лишь эта послѣдняя будетъ носительницей новой комбинаціи зародышевыхъ элементовъ.

Приведенные выше случаи гетерогенезиса имѣютъ всѣ ту общую черту, что они сдѣлались извѣстными случайно. Лишь въ самое послѣднее время это явленіе сдѣлалось предметомъ планомѣрнаго экспериментальнаго изслѣдованія. Амстердамскій ботаникъ *Гуго-де-Фризъ*, перепробовавъ множество растеній, напалъ, наконецъ, на одинъ видъ, который на его глазахъ далъ начало цѣлому ряду новыхъ элементарныхъ видовъ; такимъ образомъ получился матеріалъ для болѣе детальнаго изслѣдованія этого явленія. Растеніе это—*Oenothera Lamarkiana*, видъ завезенный изъ Америки и одичавшій въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Голландіи. Путемъ 14 лѣтнихъ, планомѣрно предпринятыхъ посѣвовъ и точнаго изслѣдованія десятковъ тысячъ экземпляровъ де-Фризу удалось доказать, что растеніе это находится въ «періодѣ мутаціи», т.-е. производитъ на нашихъ глазахъ цѣлый рядъ новыхъ элементарныхъ видовъ, которые по размѣру и характеру ихъ морфологическихъ особенностей и по прочности, съ которой эти особенности передаются по наслѣдству, не уступаютъ старымъ видамъ изъ этой группы. По крайней мѣрѣ съ десятокъ такихъ новыхъ видовъ

(окрещенныхъ де-Фризомъ въ Oenothera gigas, albida, oblonga, nanella, lata, scintillans и др.) подвергнулись многократному высѣванію при всевозможныхъ условіяхъ и самому тщательному изслѣдованію. Не имѣя возможности изложить здѣсь хотя бы даже въ самой сжатой формѣ результаты этихъ наблюденій, я долженъ ограничится передачей общихъ положеній, выставляемыхъ де-Фризомъ, какъ «законы мутаціи».

I) Новые элементарные виды возникаютъ внезапно, безъ переходовъ. II) Новые элементарные виды по болшей части вполнѣ постоянны, съ самаго момента ихъ возникновенія. III) Большинство вновь возникшихъ формъ вполнѣ соотвѣтствуетъ въ своихъ свойдвахъ элементарнымъ видомъ, а не разновидностямъ въ обычномъ смыслѣ этого слова. IV) Элементарные виды возникаютъ по большей части въ значительномъ числѣ особей одновременно (1—1½ % всѣхъ взошедшихъ растеній или, во всякомъ случаѣ, втеченіе одного періода мутаціи. (Въ этомъ пунктѣ де-Фризъ расходится съ Коржинскимъ, который представлялъ себѣ начало новыхъ формъ въ видѣ одной или очень немногихъ особей). V) Новые признаки не стоятъ ни въ какой связи съ индивидуальной измѣнчивостью. VI) Мутаціи при образованіи новыхъ элементарныхъ видовъ совершаются безъ всякаго опредѣленнаго направленія. Уклоненія касаются всѣхъ органовъ и совершаются почти во всякомъ направленіи. Нѣкоторые изъ новыхъ типовъ погибаютъ не оставивъ потомства. *Судьбу остальныхъ рѣшаетъ естественный отборъ*, если культура не беретъ ихъ подъ защиту. VII) Мутаціи наступаютъ періодически. (Это послѣднее утвержденіе, по мнѣнію нашего автора, нуждается еще въ дальнѣйшей провѣркѣ путемъ наблюденія).

Послѣ изслѣдованій де-Фриза болѣе чѣмъ когда-либо упрочивается взглядъ, что не только разновидности (отличающіяся однимъ лишь признакомъ), но и элементарные [виды возникаютъ гетерогенетическимъ путемъ. Здѣсь будетъ умѣстно напомнить, что въ природѣ имѣются группы элементарныхъ видовъ, отличающихся между собою въ цѣломъ рядѣ признаковъ, на первый взглядъ хотя и трудно различимыхъ, но тѣмъ не менѣе вполнѣ наслѣдственныхъ. Это такъ называемые «полиморфные роды». Всякій разъ, когда они подвергались детальному изслѣдованію при помощи посѣвовъ, элементы этихъ полиморфныхъ родовъ оказывались вполнѣ постоянными, т.-е. наслѣдственными, и притомъ рѣзко разграниченными въ своихъ признакахъ, несмотря на кажущіеся постепенные переходы. *Draba verna*, одинъ изъ самыхъ блестящихъ примѣровъ, упоминался уже выше. Къ этой же категоріи относятся роды *Rubus*, *Rosa* и *Hieracium*, родъ *Achatinella* (наземное мягкотѣлое Сандвичевыхъ островов) и др. Какъ объяснить себѣ путемъ сохраненія лучше одаренныхъ особей происхожденіе десятковъ и сотенъ близкихъ формъ, скученныхъ часто на одной небольшой области? Какъ мало подходитъ здѣсь такое объясненіе, показываетъ уже тотъ

фактъ, что Дарвинъ даже классифицируетъ это явленіе невѣрно, приводя его въ связь съ индивидуальной измѣнчивостью. Интересуясь уклоненіями лишь съ точки зрѣнія полезности ихъ, Дарвинъ склоняется къ предположенію, «что въ этихъ полиморфныхъ родахъ мы имѣемъ примѣры измѣнчивости въ направленіяхъ безразличныхъ, т.-е. и не полезныхъ и не вредныхъ для вида, и потому не подхваченныхъ и не закрѣпленныхъ естественнымъ отборомъ».

Неосновательность такого смѣшенія двухъ разныхъ явленій станетъ ясна, если вспомнить, что тотъ же результатъ, какой получили Жорданъ и Де-Пари относительно *Draba verna*, былъ полученъ и для рода *Hieracium*, какъ только были предприняты культуры. Нэгели, собравшій и изучавшій въ теченіе почти 20-ти лѣтъ огромный матеріалъ по этому вопросу (онъ изслѣдовалъ свыше 2.500 формъ), рѣшительно заявляетъ, что, поскольку можно судить по даннымъ опыта высѣванія, всѣ формы рода *Hieracium* должны разсматриваться, какъ вполнѣ постоянныя. Что хотя и «можно изъ экземпляровъ различныхъ мѣстообитаній составить непрерывный рядъ и такимъ образомъ говорить о постепенномъ переходѣ отъ одного вида *Hieracium* къ другому, но мы не имѣемъ права называть это измѣнчивостью, такъ какъ каждый членъ ряда производитъ совершенно сходное потомство и при размноженіи въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній совершенно такъ же постояненъ, какъ и виды, не связанные между собою такими переходами». А если такъ, то въ сущности прямыхъ данныхъ о возникновеніи видовъ въ предѣлахъ полиморфныхъ родовъ у насъ ничуть не больше, чѣмъ данныхъ о возникновеніи видовъ въ другихъ родахъ. Не есть ли это продукты недавно пережитаго періода мутаціи?

Какая же изъ вышеразсмотрѣнныхъ двухъ основныхъ формъ измѣнчивости доставляетъ матеріалъ для образованія новыхъ видовъ? Этотъ вопросъ сильно интересовалъ Дарвина, что видно особенно изъ его переписки. Но систематически разработать этотъ вопросъ ему не удалось, и вотъ почему всякій разъ, когда ему приходилось высказываться, онъ колебался, не зная, какой изъ двухъ формъ отдать предпочтеніе и часто мѣнялъ свой взглядъ подъ вліяніемъ доводовъ разныхъ авторовъ; это тѣмъ болѣе понятно, что Дарвину не могли быть извѣстны нѣкоторые факты, опубликованные уже послѣ его смерти, и имѣющіе коренное значеніе: мы говоримъ о такъ называемомъ гальтоновскомъ «законѣ регрессіи».

Въ 1886 году въ «Cosmos'ѣ» была напечатана небольшая замѣтка *Фрица Мюллера*, вызванная рѣчью *Гальтона* о наслѣдственности индивидуальныхъ уклоненій. Гальтонъ высказалъ положеніе, что индивидуальныя уклоненія не передаются по наслѣдству цѣликомъ, а лишь частью, такъ что потомки особи, сильно уклонившейся въ какую бы то ни было сторону отъ типа, менѣе сильно уклоняются и, слѣдовательно, возвращаются къ типу. Фрицъ Мюллеръ, какъ оказалось, давно уже

пришелъ къ тому же выводу. Желая повысить число зеренъ въ початкахъ маиса, Мюллеръ выбиралъ для посѣва только початки съ наивысшимъ числомъ рядовъ зеренъ. Результаты опыта на первый взглядъ какъ бы доказываютъ могущество подбора: между тѣмъ, какъ въ первоначальномъ матеріалѣ 83,5% початковъ имѣли 12—14 рядовъ зеренъ, а початки съ 16-ю и 18-ю рядами были рѣдкостью, черезъ два года подбора уже 41,8% имѣли 16, и 24,1%—18 рядовъ зеренъ; початки съ 12-ю рядами исчезли совершенно, съ 14-ю стали рѣдки (2,7%), зато съ другой стороны стали появляться початки съ 20-ю (4,8%), 22 и даже 26-ю рядами.

Если, однако, сопоставить дальнѣйшія данныя опыта въ таблицу, какъ это сдѣлалъ Ф. Мюллеръ, то изъ нея всякій выведетъ вышецитированное положеніе Гальтона: дѣти родителей, уклонившихся въ какомъ-нибудь направленіи отъ средняго типа ихъ расы, не продолжаютъ уклоняться дальше въ томъ же направленіи, а наоборотъ, въ среднемъ, снова приближаются къ типу и при этомъ тѣмъ болѣе удаляются отъ родителей, чѣмъ больше эти послѣдніе въ свое время удалились отъ типа. Напомнивъ, что типическій маисъ данной расы до начала подбора имѣлъ въ среднемъ около 12 рядовъ зеренъ въ початкѣ, присмотримся къ нижеслѣдующей таблицѣ:

| Число рядовъ у родителей: | Среднее число рядовъ у потомковъ: | Абсолютное уменьшеніе у потомковъ на: |
|---|---|---|
| 14 | 12,61 | 1,39 |
| 16 | 14,08—14,15 | 1,85—1,92 |
| 18 | 14,90—15,57 | 2,43—3,10 |
| 20 | 15,76 | 4,24 |
| 22 | 16,15 | 5,85 |

Какой же выводъ мы можемъ сдѣлать изъ этого поучительнаго опыта? Повидимому, только слѣдующій: индивидуальныя уклоненія не могутъ служить матеріаломъ для накопленія крупныхъ различій, имѣющихъ характеръ видовыхъ, родовыхъ и т. д., такъ какъ они не соотвѣтствуютъ двумъ основнымъ требованіямъ: они не могутъ быть фиксированы въ полномъ объемѣ въ потомствѣ, вслѣдствіе регрессіи, и не могутъ быть аккумулированы до необходимыхъ размѣровъ вслѣдствіе отсутствія потребныхъ для этого крайнихъ варіантовъ.

На первый взглядъ такое утвержденіе звучитъ парадоксомъ; извѣстны, вѣдь, примѣры, когда чисто индивидуальныя измѣненія, безъ всякаго содѣйствія гетерогенезиса, были фиксированы и аккумулированы: 50 лѣтъ тому назадъ содержаніе сахара въ корняхъ свеклы не превышало въ среднемъ 7%—8%, теперь эта средняя поднялась до 14—16%; средняя величина признака была увеличина здѣсь ровно вдвое—гдѣ же тутъ регрессія? Присмотримся, однако, ближе къ этому

самому примѣру. Въ 1850 году, когда Вильморенъ началъ свои опыты усовершенствованія сахарной свекловицы, онъ уже во второмъ поколѣніи путемъ подбора довелъ среднюю величину до 7%—14%, между тѣмъ какъ крайніе варіанты въ положительную сторону достигали 21%. Теперь, спустя 50 лѣтъ усовершенствованной техники подбора, средняя величина равна 14%—16%, а максимумъ все еще лежитъ на 21%. Ростъ подбираемаго признака, вначалѣ очень быстрый, все болѣе замедлялся, и все, чего можно было достигнуть путемъ подбора, достигнуто было, собственно говоря, нѣсколькими первыми поколѣніями; всѣ же дальнѣйшія старанія не приносятъ уже ничего новаго, а служатъ лишь для предотвращенія возврата къ первоначальному состоянію, т.-е. регрессіи, которая въ теченіе двухъ-трехъ поколѣній уничтожаетъ всѣ достигнутые результаты. Вотъ почему хозяева, покупающіе улучшенныя сѣмена злаковъ и др. для посѣва, должны постоянно снова тратиться на покупку оригинальнаго сѣмени взамѣнъ одичавшихъ въ теченіе двухъ-трехъ поколѣній. Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ садовыми разновидностями, являющимися чаще всего продуктами скрещиванія между давно существовавшими разновидностями или между старыми формами и вновь возникшими гетерогенетическими формами, или, наконецъ, чистыми гетерогенетическими разновидностями. Такія «новинки», иногда появляющіяся дюжинами въ каталогахъ крупныхъ садовыхъ заведеній, тотчасъ по своемъ возникновеніи обладаютъ уже полнымъ постоянствомъ, но нуждаются въ нѣкоторомъ уходѣ для очистки отъ примѣсей, атавистовъ и гибридовъ. Какъ только новая форма въ теченіе двухъ-трехъ поколѣній очищена отъ примѣсей и дала достаточное количество сѣмянъ, эти сѣмена пускаются въ продажу, *съ гарантіей за чистоту и постоянство* и отнынѣ новая форма становится всеобщимъ достояніемъ. Если садоводная фирма была добросовѣстна, то нѣтъ больше никакой необходимости возобновлять запасъ оригинальныхъ сѣмянъ. Всякій, кто имѣетъ въ рукахъ одну особь, обладаетъ новой формой навсегда; здѣсь мы имѣемъ дѣло съ постоянной разновидностью, не менѣе постоянной, чѣмъ любые виды и разновидности, разводимые съ незапамятныхъ временъ и возникшіе неизвѣстно когда и какъ.

Основываясь на изложенномъ здѣсь коренномъ различіи двухъ формъ измѣнчивости и пользуясь огромной литературной по садоводству, Гуго де-Фризъ снова поднимаетъ рѣчь о принципіальномъ различіи между искусственнымъ подборомъ, съ одной стороны, и естественнымъ, съ другой стороны; искусственный подборъ, поскольку онъ не пользуется скрещиваніемъ и вновь появляющимися гетерогенетическими уклоненіями, а работаетъ исключительно на почвѣ индивидуальныхъ уклоненій, создаетъ расы или улучшенныя породы, весьма непрочныя, вѣчно находящіяся подъ дамокловымъ мечомъ регрессіи и одичанія и нисколько не аналогичныя видамъ въ природѣ. Это вопро-

чемъ, еще 18 лѣтъ тому назадъ утверждалъ съ такою же рѣшительностью Нэгели.

Если строго разграничивать индивидуальную измѣнчивость съ одной стороны и гетерогенезисъ, создающій сразу постоянныя формы, съ другой стороны, то не остается мѣста и еще для одного предразсудка, для вѣры въ разницу въ степени постоянства, существующую якобы между видами и разновидностями. Выдвигая на очередь этотъ вопросъ де-Фризъ опять-таки возвращается къ старымъ возраженіямъ Нэгели, указывавшаго еще въ 1884 году на то, что «разновидности въ сущности ничѣмъ не отличаются отъ видовъ, и если мы приписываемъ первымъ меньшее постоянство, чѣмъ послѣднимъ, то мы это дѣлаемъ въ угоду теоріи, а не потому что располагаемъ фактами, доказывающими такое различіе».

Любопытно слѣдующее сопоставленіе. Систематики старой школы, считавшіе виды абсолютно постоянными, видѣли въ разновидностяхъ единственный измѣнчивый элементъ въ природѣ. Дарвинъ и дарвинисты, блестяще доказавшіе несостоятельность такого различенія между видами и разновидностями, ударились, однако, въ другую крайность и, отожествляя улучшенныя породы (продукты подбора особей) разновидностямъ въ природѣ, уничтожили заодно и рѣзкую границу между индивидуальными варіантами и разновидностями. Дарвинъ выразилъ это въ слѣдующей характерной тирадѣ:

«Не подлежитъ сомнѣнію, что до настоящаго времени не удалось провести ясной пограничной черты между видами и подъ-видами, т. е. формами, которыя, по мнѣнію нѣкоторыхъ натуралистовъ, приближаются къ видамъ, но не вполнѣ достигаютъ этой степени, или между подъ-видами и рѣзкими разновидностями, или, наконецъ, между менѣе рѣзкими разновидностями и индивидуальными различіями. Эти различія примыкаютъ одни къ другимъ, нечувствительно сливаясь въ одинъ непрерывный рядъ, а всякій рядъ производитъ на нашъ умъ впечатлѣніе дѣйствительнаго перехода» («Происхожденіе видовъ», стр. 39).

А теперь, почти полъ-вѣка спустя послѣ того, какъ эти строки были написаны, мы, послѣ долгихъ исканій твердой опоры для нашихъ теорій, снова стоимъ передъ неразрѣшенной проблемой образованія видовъ, какъ передъ явленіемъ, не имѣющимъ себѣ аналогіи въ наблюдаемой нами индивидуальной измѣнчивости. Но этотъ возвратъ не означаетъ регресса научной мысли: то, что мы потеряли въ изящной простотѣ и схематичности строго-селекціонистской точки зрѣнія, возмѣщается намъ сторицей ясной постановкой вопросовъ для дальнѣйшаго изслѣдованія. Настаивая на признаніи элементарныхъ видовъ, на необходимости опытовъ высѣванія для рѣшенія вопроса объ истинныхъ послѣднихъ единицахъ системы, де-Фризъ какъ будто зоветъ насъ назадъ, къ «неизмѣннымъ элементарнымъ видамъ» Жордана, но это только кажущееся сходство, въ дѣйствительности де-Фризъ ищетъ послѣднія единицы системы, какъ точки приложенія экспериментальнаго метода. Различія между линнеевскими видами, обуслов-

ленныя вымираніемъ длиннаго ряда промежуточныхъ формъ, слишкомъ велики, и какъ продуктъ длиннаго историческаго процесса не могутъ быть объектомъ прямого наблюденія, разсуждаетъ онъ; вотъ почему оперируя съ линнеевскими сборными видами мы обречены исключительно на сравнительный методъ; элементарные же виды, какъ послѣднія реальныя единицы системы, могутъ быть предметомъ прямого наблюденія — не удастся ли намъ наблюдать или даже вызывать возникновеніе элементарныхъ видовъ? И огромный трудъ де-Фриза «Mutationstheorie» служитъ наилучшей иллюстраціей плодотворности новой постановки вопроса.

Далѣе, подчеркивая коренное различіе между породами домашнихъ животныхъ и воздѣланныхъ растеній, съ одной стороны, и природными расами и разновидностями—съ другой, де-Фризъ и Коржинскій какъ будто возвращаютъ насъ къ тѣмъ блаженнымъ временамъ, когда это различіе между культурнымъ и дикимъ состояніемъ служило однимъ изъ самыхъ сильныхъ аргументовъ противъ теоріи происхожденія вообще, но и это сходство только кажущееся, внѣшнее: и тотъ и другой стоятъ вполнѣ на почвѣ трансформизма, а такое подчеркиваніе различія, дѣйствительно весьма существеннаго, можетъ только содѣйствовать болѣе основательному и критическому использованію накопленнаго матеріала по садоводству и скотоводству и организаціи новыхъ строго-научно обставленныхъ опытовъ искусственнаго подбора. Расы или породы возникаютъ и развиваются на нашихъ глазахъ, происхожденіе же разновидностей намъ въ большей части случаевъ неизвѣстно, и это относится къ постояннымъ разновидностямъ культурныхъ растеній въ такой же мѣрѣ, какъ и къ разновидностямъ ихъ дикихъ прототиповъ; относительно многихъ полиморфныхъ формъ, находящихся въ культурѣ, мы не знаемъ, не происходятъ ли онѣ отъ столькихъ же дикихъ формъ полиморфной дикой группы. Подчеркивая это наше незнаніе и побуждая этимъ къ болѣе основательному изслѣдованію этого вопроса, де-Фризъ лишь говоритъ то же, что говорилъ въ свое время Дарвинъ: «Терминъ «разновидность» такъ же трудно поддается опредѣленію; но здѣсь почти всегда подразумѣвается общность происхожденія, хотя *доказана она бываетъ только очень рѣдко*» («Происхожденіе видовъ», стр. 33. Курсивъ мой).

Но не ведетъ ли дальнѣйшее развитіе теоріи мутаціи къ полному отрицанію роли естественнаго отбора? спроситъ читатель. Таково было въ дѣйствительности мнѣніе Коржинскаго, на мой взглядъ совершенно имъ не обоснованное. Ни де-Фризъ, ни тѣ авторы, которые до сихъ поръ успѣли высказаться въ печати о его новой книгѣ (напр., проф. I. W. Moll въ «Biolog. Centralblatt» и др.), не раздѣляютъ этого мнѣнія Коржинскаго. Если мы вспомнимъ, что естественный отборъ есть факторъ отрицательный, а не созидающій, и что его дѣятельность всегда косвенна, то дѣло станетъ для насъ ясно. Уничтожаетъ ли отборъ

вредныя индивидуальныя уклоненія или неудачныя гетерогенетическія разновидности—не все ли равно? Зато новая точка зрѣнія гораздо лучше объясняетъ намъ тѣ случаи, когда видовые признаки не носятъ характера приспособленій, объясняетъ намъ явленіе полиморфизма, о которомъ самъ Дарвинъ полагалъ, что это есть «примѣръ измѣнчивости въ направленіяхъ безразличныхъ, т.-е. не полезныхъ и не вредныхъ для вида» и т. д. Теорія мутацій, такимъ образомъ, не только открываетъ путь для плодотворнаго изслѣдованія однѣхъ проблемъ, но и обѣщаетъ дать отвѣтъ на другія, до сихъ поръ оставшіяся нерѣшенными. И поэтому эта новая теорія вполнѣ заслуживаетъ того интереса, съ которымъ она была встрѣчена.

## III.

Одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ дарвинизма, на почвѣ котораго возникли весьма ожесточенные споры — это вопросъ о такъ называемыхъ «направленіяхъ измѣнчивости». Съ самаго возникновенія теоріи отбора многіе оппоненты подчеркивали то обстоятельство, что, выставляя отборъ, какъ единственный направляющій факторъ эволюціи, дарвинизмъ во всемъ остальномъ допускаетъ полную неопредѣленность. Количество возможныхъ уклоненій огромно, говорятъ эти оппоненты, а потому вѣроятность случайнаго возникновенія именно данныхъ, уже и на первой своей стадіи весьма совершенныхъ и приспособленныхъ, структуръ чрезвычайно мала. Можно ли представить себѣ, что бы, въ силу однихъ лишь законовъ вѣроятности, среди особей вида всегда находились носители признаковъ, способныхъ сдѣлаться объектомъ отбора? говорятъ другіе. И наконецъ: дѣятельность отбора начинается лишь съ того момента, когда двѣ особи, неодинаково совершенно приспособленныя, вступаютъ въ состязаніе; но такъ какъ дарвинизмъ не говоритъ ничего опредѣленнаго насчетъ того, какъ возникли эти различныя степени совершенства, то онъ строитъ свои посылки на дѣйствіи случая.

Чтобы ввести читателя въ самую суть спорнаго вопроса, лучше всего взять наглядный примѣръ, цитируемый самимъ Дарвиномъ. Заставьте архитектора построить домъ изъ неотдѣланныхъ камней, свалившихся со склона горы—говоритъ онъ; форма каждаго обломка можетъ быть названа случайной, хотя она, въ сущности, представляетъ необходимое слѣдствіе естественныхъ условій—силы тяжести, характера данной горной породы, крутизны склона и т. д.; но между этими законами и той цѣлью, для которой строитель употребитъ отдѣльные обломки, нѣтъ никакого соотношенія. И если нашему архитектору удастся возвести величественное зданіе, то мы еще больше будемъ удивляться его искусству, чѣмъ если бы онъ употреблялъ отдѣланные камни. Точно также и неизмѣнные законы, коимъ подчиняется измѣнчивость

каждаго существа, не стоятъ ни въ какомъ соотношеніи къ тому живому строенію, которое создается при помощи отбора.

Въ этомъ-то смыслѣ и можно сказать, что дарвинизмъ въ своей первоначальной формѣ не дѣлаетъ никакихъ утвержденій относительно характера уклоненій. Но долженъ ли онъ дѣлать ихъ? Разъ дѣятельность архитектора начинается лишь съ того момента, когда камни уже сформированы, и сводится лишь къ тому, чтобы рѣшить, какой изъ нихъ годенъ для постройки, какой негоденъ, то въ его задачу не могутъ входить изслѣдованія о факторахъ, подготовляющихъ этотъ матеріалъ, факторахъ, на которыхъ онъ не можетъ имѣть никакого активнаго воздѣйствія. Въ этомъ же смыслѣ можно сказать, что вся предшествующая подготовительная стадія формировки признаковъ безразлична для естественнаго отбора. Это не значитъ, однако, что вся эта стадія отдана во власть случая, какъ уже подчеркнуто Дарвиномъ въ цитированномъ выше примѣрѣ. Да и единственный смыслъ, въ которомъ можно употреблять здѣсь слово случай, это тотъ, что цѣлый рядъ неизвѣстныхъ намъ причинъ содѣйствуетъ произведенію даннаго явленія, что причины эти комбинируются въ своемъ дѣйствіи опять-таки по неизвѣстнымъ намъ законамъ; изслѣдованіе этихъ законовъ и этихъ причинъ, составляющее предметъ физіологіи и біологіи, какъ наукъ, экспериментально изучающихъ процессы обмѣна, роста и развитія въ ихъ связи съ внѣшними факторами, могло идти независимо отъ развитія теоріи отбора, какъ фактора эволюціи.

Ставъ на такую точку зрѣнія, приходится считать вышецитированное возраженіе празднымъ. Почему же, однако, этотъ вопросъ столь пространно трактуется во всѣхъ сочиненіяхъ дарвинистовъ и антидарвинистовъ, почему Плате приводитъ его въ числѣ «существенныхъ» возраженій противъ теоріи отбора?

Дѣло въ томъ, что, при извѣстныхъ условіяхъ, это возраженіе можетъ пріобрѣсти большое значеніе: это зависитъ лишь отъ болѣе или менѣе односторонней формулировки теоріи отбора. А дарвинизмъ съ самаго начала носилъ въ себѣ зачатки такой односторонней формулировки, при которой возраженіе этого рода становится не только законнымъ, но и роковымъ. Чтобы не быть голословнымъ, я сошлюсь все на тотъ же примѣръ съ архитекторомъ; при всей своей наглядности, примѣръ этотъ страдаетъ двумя коренными недостатками: въ немъ недостаточно подчеркнутъ ни косвенный способъ дѣйствія отбора, ни то обстоятельство, что отборъ есть одинъ изъ факторовъ развитія, но не единственный. Введемъ эту поправку, вспомнимъ, что нашъ архитекторъ обладаетъ въ сущности лишь одной способностью—отбрасывать тѣ камни, которые ужъ никоимъ образомъ не могутъ пойти на постройку—и мы тогда съумѣемъ въ должной степени оцѣнить значеніе тѣхъ законовъ, которые, дѣйствуя прямо, создаютъ годные для постройки обломки. Если по отношенію къ дѣятельности есте-

ственнаго отбора эти законы безразличны, то по отношенію ко всему процессу эволюціи] они весьма важны, такъ какъ являются факторами этого процесса. Недостаточная выясненность этого несомнѣннаго положенія очень пагубно отразилась на дальнѣйшемъ развитіи теоріи и сильно содѣйствовала господствующей нынѣ смутѣ. Какъ только физіологическая сторона вопроса объ измѣнчивости стала объектомъ изслѣдованія, и прямые законы измѣнчивости стали разсматриваться съ единственно вѣрной точки зрѣнія — какъ факторы органической эволюціи, представители ультрадарвинизма забили тревогу, видя въ этомъ посягательство на естественный отборъ. Съ другой стороны ясно, что при исключительномъ признаніи естественнаго отбора возникаетъ рядъ трудно разрѣшимыхъ вопросовъ, на которые такъ или иначе нужно отвѣтить безъ помощи прямыхъ факторовъ. Какъ развиваются признаки на той ранней стадіи, когда они еще не служатъ объектами естественнаго отбора, или, другими словами, какъ достигаютъ новые признаки своей подборной цѣнности? Какъ объяснить себѣ дегенерацію и атрофію органовъ? Въ тѣсной связи съ этими вопросами стояли два другихъ: можетъ ли упражненіе или неупражненіе органовъ имѣть вліяніе на ходъ развитія новыхъ формъ? Существуютъ ли для каждой группы организмовъ извѣстныя немногія направленія, въ которыхъ предпочтительно совершалась эволюція формъ, и не являются ли такія предпочтительныя линіи измѣнчивости необходимымъ слѣдствіемъ продолжительнаго, суммирующаго воздѣйствія внѣшнихъ факторовъ на организмы? (ортогенезисъ).

Вслѣдствіе вышеупомянутыхъ двухъ коренныхъ ошибокъ, съ самаго начала вкравшихся въ формулировку дѣятельности отбора, изслѣдованіе только что перечисленныхъ вопросовъ приняло сразу характеръ ожесточенной полемики. Въ то время, какъ одни пытались доказать, что эти вопросы либо совершенно несущественны, либо прекрасно объясняются самой теоріей отбора, при помощи нѣкоторыхъ вспомогательныхъ гипотезъ,—другіе доказывали огромную важность этихъ проблемъ, предлагали свои, подчасъ очень подходящія объясненія, но при этомъ доходили до полнаго отрицанія теоріи отбора. Эта полоса въ развитіи эволюціонной теоріи, обнимающая послѣднія 15 лѣтъ XIX-го столѣтія и характеризуемая обыкновенно, какъ борьба неоламаркизма съ неодарвинизмомъ, представляетъ для объективнаго наблюдателя любопытное зрѣлище по удивительной спутанности методологической постановки и по тѣмъ огромнымъ дозамъ спекуляціи, которыя проникали при этомъ спорѣ въ область точной науки. Всякая идея, какъ бы ни была она вѣрна въ своей основѣ, принимала чудовищный характеръ, разъ она попадала въ водоворотъ аргументаціи одной изъ спорящихъ сторонъ. Такъ, мысль о раздѣленіи клѣтокъ организма на соматическія (тѣлесныя) и воспроизводительныя привела въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи къ представленію о самодовлѣющей зародыше-

вой плазмѣ, живущей и развивающейся безъ всякой связи съ организмомъ—ея носителемъ. Перенеся всѣ явленія измѣнчивости исключительно на эту зародышевую плазму, Вейсманнъ этимъ самымъ изъялъ первыя стадіи образованія признаковъ изъ области явленій, подлежащихъ непосредственному наблюденію и опыту, такъ какъ вѣдь къ зародышевой плазмѣ прямо и не подступить. Полная случайность, или, скажемъ, неопредѣленность первоначальныхъ уклоненій была возведена Вейсманномъ въ основной догматъ, какъ это и слѣдовало для доказательства всемогущества естественнаго отбора. Чтобы справиться съ представляющимися при этомъ затрудненіями, Вейсманнъ придумывалъ вспомогательныя гипотезы одну сложнѣе другой, гипотезы, являвшіяся притомъ часто не объясненіемъ, а лишь обходомъ труднаго вопроса.

Особенно ярко сказалось это въ объясненіи явленія атрофіи. Такъ какъ въ системѣ Вейсманна ни аккумулятивное вліяніе внѣшней среды на органы (ортогенезисъ), ни дѣйствіе упражненія и неупражненія (факторъ Ламарка) не пользуется признаніемъ, то для объясненія дегенераціи и атрофіи была придумана вспомогательная гипотеза «панмиксіи». Это значитъ, что если органъ перестаетъ быть полезнымъ и отборъ теряетъ надъ нимъ свою власть (напримѣръ, глаза крота), то всѣ особи, въ какой бы степени онѣ ни обладали даннымъ органомъ безразлично, скрещиваются между собой и содѣйствуютъ произведенію новаго поколѣнія, а такое положеніе вещей, по мнѣзію Вейсманна неминуемо должно вести къ постоянному и неудержимому уменьшенію размѣровъ даннаго органа. Оппонентами было, однако, съ несомнѣнностью доказано, что такое всеобщее скрещиваніе можетъ лишь задержать органъ на данной величинѣ (ибо по теоріи вѣроятностей количество отрицательныхъ и положительныхъ уклоненій будутъ равны между собой), но отнюдь не приведетъ къ неудержимому уменьшенію. Тогда Вейсманнъ сдѣлалъ послѣдній рѣшительный шагъ въ область «невидимаго»: онъ перенесъ и самую борьбу на зародышевую плазму. По ученію Вейсманна, всякій органъ имѣетъ въ зародышевой плазмѣ своего представителя—детерминанта. Стоитъ только представить себѣ, что детерминанты органовъ, находящихся въ стадіи восходящаго развитія (усиленія), сами отличаются большей величиной, силой и прожорливостью, чѣмъ детерминанты органовъ дегенирующихъ, и что первые отнимаютъ у послѣднихъ необходимый для развитія питательный матеріалъ, и тогда явленіе дегенераціи объяснено безъ содѣйствія неупражненія и ортогенезиса. Вейсманнъ при этомъ считалъ еще необходимымъ, чтобы этому процессу былъ данъ первый толчокъ со стороны отбора особей, т.-е. чтобы хоть въ одномъ поколѣніи пережили особи, съ наименьшей величиной даннаго органа. Послѣдователи Вейсманна (Emery) вычеркнули и это требованіе: этимъ самымъ борьба и отборъ зародышевыхъ элементовъ (Germinalselection) была возведена на степень процесса самодовлѣющаго; внѣшняя среда, неизвѣстными путями

и по неизвѣстнымъ законамъ дѣйствующая на зародышевую плазму, прямо вызываетъ неравномѣрный ростъ отдѣльныхъ детерминатовъ и это неравенство, повторяющееся въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній, въ связи съ побѣдой болѣе сильныхъ, ведетъ развитіе признаковъ по извѣстному опредѣленному пути. Здѣсь уже не нужно больше, чтобы особь появилась на свѣтъ и испытала свои шансы въ жизненной борьбѣ, судьба особи была уже рѣшена заранѣе въ борьбѣ детерминантовъ, предшествовавшей ея появленію на свѣтъ. Явленія вырожденія органовъ нашли себѣ очень хорошее «объясненіе»—но теорія «всемогущества естественнаго отбора» дошла въ этой новой версіи до отрицанія самой себя, ибо она признала возможность развитія въ опредѣленномъ направленіи (ортогенезиса), независимаго отъ переживанія наиболѣе одаренныхъ особей.

Между тѣмъ какъ Вейсманнъ подвигаясь все дальше въ лабиринтъ своихъ гипотезъ, неожиданно для самого себя подходилъ къ отрицанію своей исходной точки—полной неопредѣленности измѣнчивости, — одинъ изъ его учениковъ — Эймеръ, всецѣло посвятилъ себя изученію фактовъ, долженствовавшихъ освѣтить ходъ развитія видовъ. Хотя и послѣдователь теоріи Дарвина, онъ исходилъ, однако, изъ того положенія, что факторовъ эволюціи много, что, прежде чѣмъ быть полезными, уклоненія должны вообще осуществиться и что законы и способы осуществленія этихъ уклоненій должны быть изслѣдованы возможно точно, хотя бы на какой-нибудь одной формѣ. Уже въ 1874 году онъ опубликовалъ результаты своихъ наблюденій надъ разновидностью ящерицы *Lacerta muralis coerulea*. Это былъ рядъ наблюденій надъ разновидностью, такъ сказать въ самомъ процессѣ ея образованія, дававшихъ поводъ къ ряду общихъ выводовъ относительно законовъ возникновенія и развитія окрасокъ животныхъ формъ. Эта работа опредѣлила всю дальнѣйшую научную дѣятельность Эймера: онъ сдѣлался отнынѣ проповѣдникомъ теоріи, извѣстной подъ именемъ *ортогенезиса*. Все болѣе устремляя свой взоръ на прямые факторы развитія, онъ терялъ почву для оцѣнки косвеннаго фактора—естественнаго отбора и кончилъ почти полнымъ отрицаніемъ этого фактора.

Ученіе Эймера сводится въ общемъ къ слѣдующему. Изучая факты измѣнчивости на самыхъ послѣднихъ единицахъ естественной системы мы наталкиваемся на процессъ сложнаго взаимодѣйствія между организмами и внѣшними факторами. Воспринимая внѣшнія воздѣйствія, сложный аггрегатъ органическихъ клѣтокъ реагируетъ на эти раздраженія частичнымъ измѣненіемъ своихъ структуръ и отправленій. Воспроизведя себѣ подобныхъ, организмъ передаетъ по наслѣдству вновь пріобрѣтенныя структуры, а когда новое поколѣніе испытываетъ на себѣ воздѣйствіе внѣшнихъ факторовъ, то и оно реагируетъ своеобразно, путемъ дальнѣйшаго опредѣленнаго измѣненія. Такъ какъ опредѣленная реакція организма является необходимымъ слѣдствіемъ

своеобразной структуры организма, то въ результатѣ длиннаго ряда воздѣйствій, или «органическаго роста», какъ выражается Эймеръ, получается рядъ измѣненныхъ формъ, измѣненныхъ въ какомъ-нибудь опредѣленномъ направленіи или «ортогенетически». Такъ, для окраски многихъ группъ млекопитающихъ птицъ, гадовъ и рыбъ, также какъ и для мотыльковъ и нѣкоторыхъ другихъ отрядовъ насѣкомыхъ Эймеру и его ученикамъ удалось констатировать одинъ общій законъ измѣненія: переходъ отъ продольной полосатости, черезъ пятнистость и поперечную полосатость къ одноцвѣтности. Тотъ же результатъ — существованіе немногихъ опредѣленныхъ линій развитія, получается по мнѣнію Эймера при сравнительномъ изслѣдованіи другихъ морфологическихъ признаковъ въ болѣе или менѣе обширныхъ группахъ естественной системы. Наряду съ воздѣйствіемъ внѣшней среды важнѣйшимъ факторомъ ортогенетическаго развитія является упражненіе и неупражненіе органовъ, что съ особенной ясностью выступаетъ при сравнительно-анатомическомъ изученіи скелета позвоночныхъ. Если наступившія ортогенетически измѣненія въ то же время полезны, то естественный отборъ будетъ ускорять эволюцію въ этомъ направленіи; если измѣненія будутъ абсолютно вредны, то отборъ будетъ противодѣйствовать этому направленію. Но въ большинствѣ случаевъ отбору нечего будетъ дѣлать, такъ какъ большинство наблюдаемыхъ направленій измѣнчивости не носятъ характера полезности или вреда. Это послѣднее Эймеръ подчеркиваетъ особенно по адресу тѣхъ, которые, какъ Вейсманнъ, пытаются выставить дѣло такъ, что якобы, сами-то эти предпочтительныя направленія измѣнчивости представляютъ результатъ естественнаго отбора. Что касается существующаго расчлененія ряда организмовъ на видовыя, родовыя и т. д. группы, то Эймеръ разсматриваетъ его, какъ результатъ частичнаго застоя: то въ одномъ, то въ другомъ признакѣ группа особей остается на извѣстной стадіи развитія, между тѣмъ какъ остальныя особи идутъ дальше по опредѣленному пути развитія. Этимъ же заодно объясняются и явленія полового диморфизма: въ большинствѣ случаевъ самцы опережаютъ самокъ въ достиженіи извѣстной стадіи окраски, но бываютъ случаи обратнаго явленія. Послѣдовательность отдѣльныхъ стадій сказывается, между прочимъ, и въ томъ, что существуютъ извѣстныя топографическія закономѣрности въ распредѣленіи признаковъ: у насѣкомыхъ прогрессивные признаки появляются сначала на верхней, а потомъ уже на нижней сторонѣ крыльевъ, сначала на заднемъ, а потомъ уже на переднемъ концѣ тѣла и т. д.

Мы видѣли, къ какимъ противоположностямъ привело развитіе основныхъ проблемъ теоріи отбора. Теперь мы ознакомимся со взглядами умѣреннаго дарвиниста нашихъ дней, взглядами, складывавшимися подъ перекрестнымъ воздѣйствіемъ вышеразсмотрѣнныхъ крайнихъ ученій. Мы говоримъ о Платe, который самъ категорически

заявляетъ, что онъ далекъ отъ желанія проповѣдывать «всемогущество» естественнаго отбора и усматриваетъ въ разумномъ ограниченіи сферы приложенія принципа отбора и въ синтезѣ разнорѣчивыхъ мнѣній единственную возможность реабилитаціи защищаемой имъ теоріи. Послѣдуемъ за Плате въ изложеніи существенныхъ пунктовъ спора, такъ какъ въ его изложеніи помимо воли автора наиболѣе ярко обрисовывается переходное состояніе, переживаемое этими проблемами.

Какъ развиваются новые признаки отъ перваго ихъ возникновенія до того момента, когда они пріобрѣтаютъ подборную цѣнность? Сдѣлавъ нѣсколько указаній на то, что иногда при исключительныхъ условіяхъ новопріобрѣтенные признаки уже при самомъ своемъ появленіи могутъ имѣть рѣшающее значеніе въ борьбѣ за жизнь, Плате переходитъ къ перечисленію вспомогательныхъ моментовъ, благодаря которымъ признаки могутъ постепенно наростать. 1) Тутъ прежде всего *корреляція* или *соотношеніе*. Такъ шпоры пѣтуховъ и рога оленей могли зародиться подъ вліяніемъ корреллятивнаго раздраженія, исходящаго отъ половыхъ органовъ, и лишь по достиженіи такой величины, при которой они давали преимущество въ борьбѣ съ соперниками, они сдѣлались объектомъ естественнаго отбора. 2) *Перемѣна функцій*: въ тѣхъ случаяхъ, когда наряду съ главнымъ отправленіемъ органъ имѣетъ еще другое побочное, это второе отправленіе можетъ постепенно приблизиться къ своей подборной цѣнности. Такъ, крылья пингвиновъ сдѣлались веслами, плавательныя перепонки летучей жабы дѣйствуютъ какъ парашюты. 3) Въ другихъ случаяхъ, благодаря *перемѣнѣ въ условіяхъ* органы индифферентные могутъ сразу пріобрѣсти подборную цѣнность, напр. черепные швы, имѣющіеся и у гадовъ и птицъ, но получающіе подборную цѣнность у млекопитающихъ и у тѣхъ изъ гадовъ, у которыхъ выработалось живорожденіе. 4) Есть органы *универсальные*, годные для многихъ функцій—они уже при первыхъ стадіяхъ становятся объектами отбора: таковъ хвостъ млекопитающихъ и др. 5) *Продолжительное употребленіе*, въ связи съ унаслѣдованіемъ функціональныхъ измѣненій, можетъ поднять органъ на необходимую для отбора высоту, напр. защечные мѣшки многихъ грызуновъ и обезьянъ, спеціализированныя конечности разныхъ отрядовъ млекопитающихъ. 6) *Ортогенезисъ, обусловливаемый аккумулятивнымъ вліяніемъ внѣшнихъ факторовъ*, могъ содѣйствовать потерѣ волосного покрова китовъ, возникновенію млечныхъ железъ млекопитающихъ и китоваго уса, до тѣхъ размѣровъ, когда эти органы сдѣлались рѣшающими въ борьбѣ за жизнь.

Такимъ же образомъ подходитъ нашъ авторъ и къ рѣшенію второй трудной проблемы—вопроса объ атрофіи органовъ. Онъ перечисляетъ цѣлый рядъ факторовъ, дѣятельностью которыхъ можетъ быть объяснена дегенерація и атрофія органовъ. Во-первыхъ, тутъ наслѣдствен-

ное вліяніе неупражненія, факторъ, приложимый, конечно, лишь къ органамъ и инстинктамъ, являющимся по существу активными. Во-вторыхъ, воздѣйствіе внѣшней среды, суммирующееся вслѣдствіе наслѣдственной передачи (напр., поблѣднѣніе кожи у пещерныхъ животныхъ). Въ-третьихъ, экономія питанія: приливъ питательныхъ соковъ къ органу, находящемуся въ прогрессивномъ развитіи будетъ силенъ, и если тутъ же вблизи будетъ находиться органъ дегенерирующій, то первый будетъ отнимать у послѣдняго необходимый питательный матеріалъ. Это соображеніе, однако, имѣетъ силу только для органовъ, не очень удаленныхъ другъ отъ друга и черпающихъ питательный матеріалъ изъ одного общаго потока. И, наконецъ, въ-четвертыхъ, обратный подборъ, т.-е. переживаніе особей, обладающихъ даннымъ органомъ или инстинктомъ въ наименьшей степени. Самъ Плате, впрочемъ, признается, что этому фактору можно приписать лишь самое малое значеніе, такъ какъ обладаніе нѣсколько меньшими размѣрами даннаго вырождающаго органа едва ли можетъ имѣть подборную цѣнность т.-е. рѣшающее значеніе въ борьбѣ за существованіе. Этихъ четырехъ факторовъ по мнѣнію Плате вполнѣ достаточно для объясненія явленій дегенераціи, такъ что построеніе особой гипотезы панмиксіи является совершенно излишнимъ. Такой выводъ интересенъ еще и съ другой стороны: три первыхъ фактора предполагаютъ наслѣдственность пріобрѣтенныхъ признаковъ, а слѣдовательно совершенно непримиримы съ теоріей Вейсманна.

Что же такое въ сущности всѣ эти «вспомогательные принципы»? Это рядъ прямыхъ факторовъ развитія. Тутъ и дѣйствіе упражненія органовъ, и наслѣдственная передача функціональныхъ раздраженій, и законы соотношенія, и ортогенезисъ въ самой недвусмысленной эймеровской формулировкѣ. И, однако, все это признается не само по себѣ, а лишь какъ воспособленіе отбору. Въ предисловіи авторъ даетъ аннибалову клятву не поддаваться увлеченію теоріей «всемогущества», а въ текстѣ онъ на каждомъ шагу показываетъ, что онъ способенъ трактовать явленія эволюціи лишь подъ угломъ зрѣнія теоріи отбора. Отсюда рядъ противорѣчій: такъ признавая необходимость ортогенезиса, Плате, однако, увѣряетъ, что ортогенетическое развитіе признака скоро достигаетъ своего предѣла, ибо организмы привыкаютъ къ воздѣйствію среды. Тогда естественный отборъ вступаетъ въ свои права. И тутъ же Плате признаетъ, что нѣкоторыя образованія, развиваясь ортогенетически, достигаютъ такихъ предѣловъ, за которыми они становятся прямо вредными для данной формы и ведутъ къ вымиранію ея. Примѣръ: бивни мамонта, клыки третичныхъ кошекъ (Machairodus), рога вымершихъ гигантскихъ оленей и др. Привычка наступила здѣсь слишкомъ поздно, говоритъ онъ въ утѣшеніе; но зачѣмъ же придумывать «привычку», если она наступаетъ

слишкомъ поздно? И кто рѣшитъ, какая часть китоваго уса развилась ортогенетически, а какая въ силу отбора?

Резюмируя представленную въ настоящей главѣ эволюцію одного изъ самыхъ затруднительныхъ вопросовъ дарвинизма, мы можемъ сказать слѣдующее. Если разсматривать естественный отборъ, какъ единственный факторъ измѣненія органическихъ формъ, то является совершенно непонятнымъ, что управляетъ развитіемъ органовъ на той стадіи, когда они еще не находятся подъ вѣдѣніемъ естественнаго отбора (до достиженія подборной цѣнности) и когда они уже не въ его власти (вырожденіе органовъ, утрировка ихъ). Современный нео или ультрадарвинизмъ пытался распространить власть естественнаго отбора на эти обѣ стадіи развитія, для чего ему пришлось построить цѣлый рядъ вспомогательныхъ гипотезъ (Germinalselection, Panmixie, отрицаніе унаслѣдованія пріобрѣтенныхъ свойствъ). Эти вспомогательныя гипотезы, однако, не выдержали и рухнули подъ тяжестью своихъ собственныхъ внутреннихъ противорѣчій. Съ ними вмѣстѣ рухнулъ и самый ультрадарвинизмъ. Въ лицѣ умѣренныхъ дарвинистовъ новѣйшей формаціи (Плате) естественный отборъ добровольно отрекается отъ власти надъ начальными и конечными стадіями развитія, уступая ихъ цѣлому ряду «вспомогательныхъ» факторовъ. Но такая формулировка является половинчатой и полной противорѣчій, и мы увѣрены, что ближайшимъ шагомъ въ развитіи этихъ проблемъ будетъ признаніе самостоятельности другихъ факторовъ эволюціи и возможно ясное разграниченіе сферы дѣйствія отдѣльныхъ факторовъ.

## IV.

Изъ вспомогательныхъ теорій дарвинизма я, по недостатку мѣста, могу разсмотрѣть здѣсь лишь одну, да и то лишь въ самыхъ общихъ чертахъ а именно, теорію полового подбора. Эта теорія интересна для насъ потому, что она показываетъ, что даже такіе строгіе эмпирики, какимъ по всеобщему признанію былъ Дарвинъ, не застрахованы отъ крупныхъ ошибокъ и спекулятивныхъ увлеченій, какъ только они поддаются желанію во что бы то ни стало объяснить всѣ явленія, или хотя бы огромное большинство ихъ однимъ излюбленнымъ принципомъ.

Явленія, подлежащія объясненію при помощи этой теоріи, обыкновенно подводятся подъ категорію такъ называемыхъ «вторичныхъ половыхъ различій». У очень многихъ раздѣльнополыхъ животныхъ каждый полъ имѣетъ нѣкоторыя особенности, не стоящія, повидимому въ непосредственной связи съ выработкой половыхъ клѣтокъ того или иного типа. Въ самое послѣднее время Плате попытался раздѣлить

многочисленныя явленія, относимыя къ этой области на нѣсколько категорій, довольно рѣзко различающихся между собой. Первую группу образуютъ органы, полезные для ихъ носителя или для его потомства, но не стоящіе ни въ какой прямой зависимости отъ полового раздраженія. Такъ, самцы многихъ видовъ насѣкомыхъ отличаются большимъ развитіемъ органовъ чувствъ и большей подвижностью нежели самки, что облегчаетъ первымъ нахожденіе послѣднихъ. Къ той же первой группѣ принадлежатъ органы, служащіе для наилучшаго вывода молодого поколѣнія, имѣющіяся въ большинствѣ случаевъ у самокъ (млечныя железы млекопитающихъ, сумка сумчатыхъ и др.). Далѣе, органы защиты и нападенія, свойственные многимъ самцамъ, какъ напримѣръ, рога оленей, сильные клыки многихъ млекопитающихъ, шпоры пѣтуховъ, большая величина самцовъ у многихъ видовъ млекопитающихъ и птицъ. Любопытно отмѣтить, что въ нѣкоторыхъ случахъ такіе органы переносятся, въ силу наслѣдственной передачи, съ того пола, у котораго они несомнѣнно функціонируютъ, на другой полъ, и млечныя железы и сумка имѣются у многихъ самцовъ, а рога и шпоры у самокъ, но въ зачаточномъ состояніи. Бываютъ случаи, когда другой полъ совершенно приравнивается по силѣ развитія даннаго признака къ первому, тогда конечно этотъ признакъ перестаетъ быть вторичнымъ половымъ признакомъ: такъ у сѣвернаго оленя оба пола обладаютъ одинаковыми рогами.

Вторую группу образуютъ органы и инстинкты, имѣющіе цѣлью вызвать половое возбужденіе, дѣйствуя на органы чувствъ и черезъ нихъ рефлекторно на половые органы. Они принадлежатъ обыкновенно самцамъ, какъ болѣе активной сторонѣ, но иногда попадаются наоборотъ у самокъ. Одни дѣйствуютъ черезъ посредство органовъ зрѣнія, то прелестью красокъ (брачный нарядъ многихъ птицъ, цвѣта самцовъ у мотыльковъ), формой (борода у многихъ обезьянъ), особыми движеніями и повадками (разворачиваніе хвостовыхъ перьевъ, игры и полетъ у птицъ, принимающіе характеръ борьбы и состязанія). Другіе дѣйствуютъ черезъ посредство органа слуха: пѣніе птицъ, звуки, издаваемые лягушками, цикадами, сверчками и т. п. Иные, наконецъ, черезъ посредство органовъ обонянія, какъ мускусныя железы многихъ самцовъ млекопитающихъ и др.

Если предположить, что своевременное спариваніе можетъ имѣть большое значеніе въ произведеніи здороваго потомства, и что обладаніе однимъ изъ органовъ, перечисленныхъ въ первой группѣ, обезпечиваетъ такое своевременное спариваніе, а далѣе и наилучшій уходъ за дѣтенышами, то нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ предположеніи, что при выработкѣ этихъ вторичныхъ половыхъ признаковъ первой группы естественный отборъ игралъ такую же важную роль, какъ и вообще при развитіи полезныхъ признаковъ. Для объясненія этихъ

явленій нѣтъ необходимости въ особой теоріи, что впрочемъ допускалъ и самъ Дарвинъ, говоря, что въ большинствѣ случаевъ этого рода трудно разграничить область естественнаго отбора отъ области полового отбора. При этомъ, конечно, наиболѣе точно можетъ быть доказана полезность органовъ и инстинктовъ, служащихъ для наилучшаго воспитанія дѣтенышей, между тѣмъ какъ по отношенію къ органамъ нападенія и защиты, служащимъ самцамъ для борьбы за обладаніе самками, требуется во всякомъ случаѣ наблюденіе, доказывающее, что такое употребленіе этихъ орудій дѣйствительно имѣетъ мѣсто. Такъ, относительно многихъ видовъ жуковъ изъ семейства *Lamellicornia*, самцы которыхъ обладаютъ огромными рогообразными выростами, дѣйствительное существованіе состязаній изъ-за самокъ отрицается новыми наблюдателями. Такимъ образомъ, требуется извѣстная осмотрительность при примѣненіи этого объясненія къ отдѣльнымъ случаямъ, но общая основная идея такого объясненія, несомнѣнно, вѣрна.

Къ сожалѣнію нельзя сказать того же относительно объясненія явленій второй группы, и едва ли какая-нибудь часть ученія Дарвина является такъ слабо обоснованной и подала поводъ къ столькимъ сомнѣніямъ даже въ средѣ вѣрнѣйшихъ приверженцевъ селекціонизма, какъ именно эта часть,—объясненіе происхожденія вторичныхъ половыхъ признаковъ второй группы при помощи полового подбора. Правда, на первый взглядъ нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ предположеніи, что обладаніе яркими красками и другими признаками, возбуждающими половое чувство самокъ, можетъ обезпечить за носителями этихъ признаковъ—самцами болѣе или менѣе исключительное вниманіе зрѣлыхъ самокъ. Но мыслимость этого явленія еще не доказываетъ дѣйствительнаго его существованія. Вспомнимъ, что, въ противоположность естественному подбору, половой подборъ долженъ дѣйствовать не путемъ уничтоженія отрицательныхъ варіантовъ, а путемъ прямого поощренія положительныхъ и мы въ правѣ задать вопросъ: всегда ли самецъ, обладающій менѣе яркой окраской, будетъ исключенъ изъ числа размножающихся особей даннаго поколѣнія? А затѣмъ и вообще: доказано ли въ достаточной мѣрѣ фактами, что самки *выбираютъ* самцовъ, отвергая однихъ и выказывая предпочтеніе другимъ?

Самъ Дарвинъ высказывался очень различно по этому основному вопросу: между тѣмъ какъ въ отдѣльныхъ главахъ его книги, гдѣ собранъ матеріалъ по вопросу о выборѣ самцовъ самками, ему приходится часто сознаваться въ недостаточной силѣ фактическихъ аргументовъ, онъ въ общемъ все таки приходитъ къ тому выводу, что «производимый самками выборъ есть такой же неоспоримый общій законъ, какъ и бóльшая похотливость самцовъ». Сопоставляя наблюденія новыхъ авторовъ вплоть до послѣдняго времени, Плате указываетъ на то, что ни относительно птицъ, ни относительно насѣкомыхъ не суще-



ствуетъ неоспоримыхъ наблюденій, доказывающихъ активный выборъ самцовъ самками на основаніи сличенія ихъ красотъ, и признаетъ справедливость заявленія К. Э. фонъ-Бэра и Крэмера, говорившихъ, что выборъ самцовъ самками не доказанъ, и что существующими на этотъ счетъ наблюденіями можетъ довольствоваться лишь тотъ, кто помимо этого убѣжденъ въ вѣрности теоріи полового подбора. Что касается косвеннаго довода, щеголянія украшающими перьями во время ухаживанія, послужившаго для Дарвина однимъ изъ самыхъ сильныхъ доказательствъ въ пользу его теоріи, то Уоллесъ говоритъ по этому поводу, что подобныя же привычки принимать удивительныя позы и дѣлать странныя движенія наблюдаются и у такихъ птицъ, у которыхъ вовсе нѣтъ украшающихъ перьевъ для щеголянія, какъ напримѣръ у козодоевъ, гусей, грифовъ, альбатросовъ и др.

Разсмотримъ однако нѣсколько фактовъ, представляющихъ затрудненія для теоріи полового подбора и въ то же время указывающихъ на то, въ какомъ направленіи новые авторы ищутъ разрѣшенія противорѣчій. *Штольцманъ* приводитъ слѣдующія наблюденія. *Schistes personatus*, изъ семейства колибри, водится въ Экуадорѣ, на западной сторонѣ Кордильеръ, на пространствѣ всего въ 4 градуса широты. Этотъ видъ отличается отъ другого близкаго вида Sclistes geoffroyi тѣмъ, что у перваго самцы обладаютъ блестящимъ пятномъ на лбу. Этотъ видовой признакъ перваго вида—Schistes personatus долженъ быть объясненъ съ точки зрѣнія послѣдовательнаго селекціонизма половымъ подборомъ: необходимо предположить, что вслѣдствіе изоляціи у самокъ Schistes personatus выработался особый вкусъ, или особый идеалъ, который и содѣйствовалъ образованію пятна на лбу самцовъ, изъ случайныхъ уклоненій, всегда имѣющихся на лицо. Но если одной только изоляціи достаточно для выработки новаго идеала красоты у самокъ, тогда остается непонятнымъ слѣдующее: вышеупомянутый второй видъ Shistes geoffroyi обитаетъ къ востоку отъ Кордильеръ на обширной полосѣ въ 20 градусовъ широты, раздѣленной долиной Амазонки на двѣ совершенно изолированныя области обитанія и однако на всемъ этомъ пространствѣ самцы совершенно сходны между собою. Если же одной изоляціи недостаточно, а приходится прибѣгнуть къ климатическимъ и другимъ прямымъ воздѣйствіямъ среды, то причемъ тутъ половой подборъ? Еще любопытнѣе другой фактъ приводимый тѣмъ же авторомъ. Чилійскій видъ колибри Eustephanus galeritus, имѣющій въ обоихъ полахъ зеленую окраску, былъ занесенъ съ материка на группу островов Жуанъ-Фернандецъ и далъ на каждомъ островѣ этой группы особый, новый видъ: на островѣ Мазатьера онъ превратился въ Eustephanus fernandensis, на островѣ Мазафуэра въ Eusterlanus leyboldi. Самки этихъ двухъ новыхъ видовъ въ своей окраскѣ сходны съ материковымъ видомъ, но самцы получили красное

опереніе, и притомъ нѣсколько различное для каждаго изъ острововъ. На первомъ изъ поименованныхъ острововъ находится между прочимъ и чистая материковая форма Eustephanus galeritus, вѣроятно попавшая сюда значительно позже и еще не успѣвшая измѣниться. Чѣмъ объяснить эту перемѣну въ окраскѣ самцовъ на островахъ? Перемѣной идеала красоты у самокъ, или непосредственными воздѣйствіями новыхъ условій среды, сказывающихся прежде всего на самцахъ, вообще болѣе склонныхъ къ измѣненіямъ? Всякій кто задумывался когда либо надъ смысломъ словъ «объясненіе», «объяснить», легко съумѣетъ найти рѣшеніе этой альтернативы.

Извѣстно, съ какой подробностью Дарвинъ говорилъ въ своемъ сочиненіи о чудныхъ глазчатыхъ пятнахъ фазана—аргуса и павлина; посмотримъ однако къ какимъ выводамъ приходятъ новые авторы, анализируя этотъ примѣръ. Уоллесъ говоритъ, что если самки нѣкоторыхъ животныхъ, особенно птицъ, и чувствительны къ красотамъ самцовъ, то это эстетическое чувство едва ли простирается такъ далеко, чтобъ сдѣлать ихъ способными отличать мелкія различія въ окраскѣ или въ пѣніи, и чтобы такимъ образомъ произвести самыя сложныя образованія путемъ накопленія мелкихъ улучшеній. Повидимому предчувствуя такое существенное возраженіе, Дарвинъ въ свое время говорилъ, что нѣтъ необходимости представлять себѣ, что самка изучаетъ всякую полоску, каждое пятнышко, а что она дѣйствуетъ подъ вліяніемъ общаго впечатлѣнія. И однако тутъ же Дарвинъ объясняетъ глазчатыя пятна павлина и фазана-аргуса именно постепеннымъ накопленіемъ *мелкихъ* улучшеній. Въ этомъ лежитъ явное противорѣчіе. Плате вполнѣ правильно ставитъ вопросъ ребромъ: или орнаментъ самцовъ одного и того же поколѣнія подлежитъ измѣненіямъ въ очень широкихъ границахъ, такъ что уже общее впечатлѣніе его на самку было настолько различно, что она выбирала того, а не иного самца, не входя въ изученіе деталей рисунка, или же предѣлы измѣнчивости были очень ограниченны, тогда впечатлѣніе, производимое разными самцами не могло быть настолько существенно различно, чтобъ послужить мотивомъ предпочтенія одного другому. Но вѣдь именно въ примѣненіи къ изумительно правильнымъ рисункамъ павлина и фазана-аргуса первое предположеніе совершенно неумѣстно. Остается лишь одинъ исходъ изъ этой дилеммы «предположить, что у однѣхъ генерацій ортогенетически удерживалось одно и то же направленіе измѣнчивости, между тѣмъ какъ другія генераціи такимъ же образомъ ортогенетически измѣнялись въ другомъ направленіи».

Такимъ образомъ, всякій разъ, какъ мы анализируемъ тѣ или иные частные случаи, мы приходимъ къ признанію безсилія полового подбора и необходимости подведенія явленій половой окраски подъ тѣ или иные ортогенетическіе факторы. Это и было сдѣлано цѣлымъ рядомъ

авторовъ, какъ Уоллесъ, Эймеръ и др. Уоллесъ приписываетъ болѣе яркую окраску самцовъ ихъ большей подвижности, Эймеръ видитъ причину половыхъ различій окраски въ томъ, что разные полы находятся въ различныхъ стадіяхъ одного ортогенетическаго направленія измѣнчивости. Но мы не станемъ разсматривать здѣсь этихъ теорій, это не входитъ въ непосредственную задачу этой статьи; намъ нужно было лишь замѣтить, въ какомъ направленіи идутъ поиски за лучшимъ объясненіемъ данныхъ явленій.

Теорія полового подбора въ ея первоначальной формѣ и особенно въ примѣненіи къ окраскамъ представляется очень характерной съ общей, методологической точки зрѣнія. Если и сама теорія естественнаго отбора есть по существу заключеніе по аналогіи, и страдаетъ всѣми недостатками таковаго, то все же фактическія основанія ея— перепроизводство жизней и борьба за существованіе, явная полезность многихъ приспособленій, настолько сильны, что эта теорія съ тѣми или иными ограниченіями все же должна была занять прочное мѣсто въ системѣ нашего познанія природы. Но теорія полового подбора не имѣетъ за собой ни одного подобнаго довода, и спустя 40 лѣтъ послѣ ея возникновенія приходится сознаться, что «наблюденіе почти совершенно не подтверждаетъ, чтобы самки выбирали изъ среды самцовъ тѣхъ или иныхъ». «Преобладающее большинство наблюденій явно свидѣтельствуетъ противъ такого представленія» (Плате).

Правда, Плате тутъ же прибавляетъ, что это еще не значитъ, что бы это представленіе было ложно, такъ какъ, молъ, будущія наблюденія еще, быть можетъ, подтвердятъ его для многихъ случаевъ. Но это послѣднее заявленіе не измѣняетъ дѣла: теорія, которая черезъ 40 лѣтъ послѣ своего возникновенія, вмѣсто перечисленія своихъ фактическихъ основъ, выдаетъ только вексель на будущія наблюденія, не можетъ претендовать на очень большое значеніе.

На этомъ я закончу. Мнѣ удалось разсмотрѣть лишь нѣсколько самыхъ существенныхъ пунктовъ. Многіе вопросы были лишь бѣгло затронуты, другіе совсѣмъ оставлены въ сторонѣ. Общій выводъ можетъ быть сдѣланъ, однако, и на основаніи того, что изложено въ настоящемъ очеркѣ. Выводъ этотъ таковъ, что толки о полномъ крушеніи и банкротствѣ теоріи естественнаго отбора такъ же невѣрны, какъ и разговоры о всемогуществѣ ея. Какъ это ни банально, но и тутъ золотая середина окажется наиболѣе правильной точкой зрѣнія. Исчезнутъ сшитыя на живую нитку вспомогательныя гипотезы, созданныя ad hoc, для доказательства «всемогущества» отбора. Умѣрится пылъ черезчуръ горячихъ противниковъ, видящихъ въ дарвинизмѣ «печальное недоразумѣніе», «величайшій конфузъ XIX-го вѣка», и останется то здоровое ядро теоріи, которое основывается на несомнѣнныхъ фактахъ и даетъ истинное удовлетвореніе на запросы пытли-

*

ваго ума. Намъ припоминаются сказанныя много лѣтъ назадъ слова Карла Фохта, что «въ предѣлахъ зданія, фундаментъ котораго такъ прочно заложенъ Дарвиномъ, найдется еще мѣсто для различныхъ флигелей и пристроекъ, даже и въ нѣсколько иномъ стилѣ».

Тѣмъ, кому жаль стройности теоріи, мы напомнимъ, что теорія есть лишь средство къ познанію природы, а не сама цѣль; а тѣхъ, кого шокируетъ новый стиль пристроекъ, которые стремятся къ единому объясненію, мы спросимъ: гдѣ гарантія того, что въ природѣ все шло по одному шаблону? Правда, объясненіе цѣлаго ряда явленій однимъ факторомъ больше удовлетворяетъ нашу познавательную потребность, но лишь въ томъ случаѣ, когда оно дѣйствительно «объясняетъ». Если же приходится для этого прибѣгать къ большимъ натяжкамъ, то выгоды такого «единаго» объясненія становятся очень сомнительными. А въ такомъ случаѣ, не есть ли такое тяготѣніе къ псевдо-монизму одно изъ наслѣдій раціоналистическаго періода развитія науки, остатокъ вѣры въ предъустановленную гармонію между человѣческимъ разумомъ и міромъ реальныхъ явленій?

С. Чулокъ.

---

# СЕМЕЙСТВО БЕСТУЖЕВЫХЪ.

**(Историко-литературный очеркъ).**

Въ іюнѣ прошлаго года исполнилось тридцатилѣтіе со времени смерти Михаила Александровича Бестужева, послѣдняго изъ пяти братьевъ Бестужевыхъ, столь извѣстныхъ какъ своею общественною и литературною дѣятельностью, такъ и трагическою судьбою. Особенною литературною извѣстностью славится имя Александра Бестужева, знаменитаго когда-то романиста и критика, писавшаго подъ псевдонимомъ Марлинскаго. За нимъ слѣдуетъ его братъ Николай, авторъ книги «Разсказы и повѣсти стараго моряка» и другихъ произведеній. Что касается Михаила то и его имя не обойдетъ никогда молчаніемъ, если не историкъ литературы въ узкомъ смыслѣ слова, то историкъ вообще, такъ какъ Михаилу Бестужеву принадлежатъ, быть можетъ, самыя цѣнныя записки о людяхъ и событіяхъ его времени. Сверхъ того имъ написано сочиненіе о буддизмѣ.

Изъ принадлежащихъ Бестужевымъ сочиненій и писемъ, а еще болѣе изъ касающихся ихъ статей, воспоминаній и проч. составилась цѣлая литература и, тѣмъ не менѣе, полныхъ біографій этихъ людей не имѣется и до настоящаго времени. Отнюдь не имѣя въ виду восполнить указанный пробѣлъ, мы ставимъ себѣ, въ настоящемъ очеркѣ задачу несравненно болѣе скромную: мы хотимъ лишь, въ виду только что исполнившагося тридцатилѣтія со дня смерти послѣдняго изъ Бестужевыхъ, подвести кой-какіе итоги всему тому, что уже было написано объ этихъ общественныхъ и литературныхъ дѣятеляхъ первой половины XIX вѣка и подвергнуть критическому разсмотрѣнію нѣкоторые изъ высказанныхъ по этому поводу въ нашей литературѣ взглядовъ.

## I.

Четверо старшихъ Бестужевыхъ играли опредѣленную роль въ событіяхъ 14-го декабря 1825 года, заплативъ за это почти пожизненною утратою личной свободы. Ихъ пятый братъ также нѣсколько поплатился, благодаря тому же событію, хотя и не принималъ въ немъ

никакого участія. Нечего и говорить, что эта сторона дѣла или, правильнѣе, тѣ воззрѣнія Бестужевыхъ, которыя привели ихъ къ катастрофѣ, будутъ нами оставлены почти безъ разсмотрѣнія, но для того, чтобы освѣжить сразу въ памяти читателей умственныя и нравственныя физіономіи братьевъ Бестужевыхъ, мы начнемъ съ воспроизведенія характеристикъ, данныхъ имъ Н. И. Гречемъ въ его книгѣ «Записки о моей жизни», печатавшейся какъ извѣстно, сначала въ «Русскомъ Вѣстникѣ» Каткова, а затѣмъ вышедшей отдѣльнымъ изданіемъ. Хотя эти характеристики не только не отвѣчаютъ дѣйствительности, но изобилуютъ прямыми вымыслами, на что указывалось въ печати, тѣмъ не менѣе, мы считаемъ удобнымъ начать именно съ нихъ, какъ съ показаній ближайшаго современника Бестужевыхъ.

*Александръ Александровичъ Бестужевъ*. «Добрый, откровенный, благородный, преисполненный ума и талантовъ, красавецъ собою. Вступленіе въ эту сатанинскую шайку (т.-е. общество декабристовъ В. Б.) и содѣйствіе его могу приписать только заразительности фанатизма, неудовлетворенному тщеславію и еще фанфаронству благородства. Бестужевъ учился въ горномъ кадетскомъ корпусѣ и, вступивъ въ военную службу, былъ адъютантомъ главноуправляющаго путями сообщенія генерала Бетанкура, а потомъ поступившаго въ ту же должность герцога Александра Виртембергскаго. Онъ влюбился было въ прелестную дочь Бетанкура, успѣлъ снискать ея благоволеніе, но отецъ не соглашался на бракъ его. Бестужевъ впалъ въ уныніе и искалъ развлеченій при скучной и безотрадной должности адъютанта докладывать о приходящихъ и отказывать докучливымъ. Познакомившись съ Рылѣевымъ, который былъ несравненно ниже его и умомъ, и дарованіями, и образованіемъ, заразился его нелѣпыми идеями, вдался въ омутъ и потомъ не могъ или совѣстился выпутаться, руководствуясь правилами худо понимаемаго благородства; находилъ, вѣроятно, удовольствіе въ хвастовствѣ и разглагольствіяхъ и погибъ. Вѣроятно, мучило его и желаніе стать выше, подняться до степени аристократовъ, игравшихъ роль въ обществѣ. Мало было ему славы и чести въ русской литературѣ, въ которой онъ явился съ блистательнымъ успѣхомъ и съ нѣкоторыми особенностями въ мысляхъ и оборотахъ, которые одинъ пріятель называлъ «бестужевскими каплями». Повѣсть его «Амалатъ-Бекъ» и нѣкоторыя другія, написанныя имъ подъ гнетомъ тяжкихъ обстоятельствъ среди тундръ якутскихъ или подъ солдатской шинелью въ ущельяхъ Кавказа, свидѣтельствуютъ о его неотъемлемыхъ, своеобразныхъ талантахъ. Въ мятежъ дѣйствовалъ онъ въ Московскомъ полку, но не онъ, а князь Щепинъ-Ростовскій звѣрски ранилъ нѣсколькихъ человѣкъ изъ начальства, старавшихся образумить ошеломленныхъ солдатъ. Потомъ отправился онъ на площадь впереди увлеченнаго батальона, размахивая саблей и крича. Онъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ на площади и, когда мятежники разбѣжались, успѣлъ

уйти и гдѣ-то скрыться. На другой день, услышавъ, что забираютъ людей невинныхъ, явился вечеромъ на гауптвахту Зимняго дворца и сказалъ дежурному по карауламъ полковнику: «я Александръ Бестужевъ. Узнавъ, что меня ищутъ, явился самъ». Это было произнесено спокойно, просто... Его отвели къ государю. Бестужевъ просто, откровенно и правдиво изложилъ передъ Государемъ все, что было, и заслужилъ вниманіе прямодушнаго Николая».

*Николай Александровичъ Бестужевъ.* «Капитанъ-лейтенантъ, старшій братъ Александра, человѣкъ рѣдкихъ качествъ ума, разсудка и сердца, уступалъ Александру въ блистательномъ талантѣ и въ пылкости характера, но замѣнялъ эти качества другими, менѣе великолѣпными, но, тѣмъ не менѣе, достойными обратить на него вниманіе и уважение людей. Онъ былъ воспитанъ въ морскомъ корпусѣ и уже гардемариномъ былъ въ дѣйствительномъ сраженіи при взятіи англичанами 14 августа 1808 года корабля «Всеволодъ». Я познакомился съ нимъ въ 1817 году, отправляясь во Францію на кораблѣ «Не тронь меня», на которомъ онъ былъ лейтенантомъ. Бестужевъ занимался и литературою, писалъ умно и пріятно. Главною его слабостью была къ женскому полу, особенно къ порядочнымъ замужнимъ женщинамъ. Но какъ могъ человѣкъ умный, разсудительный принять участіе въ этомъ сумасбродномъ, нелѣпомъ предпріятіи? Я могу растолковать его тѣмъ только, что Николай Бестужевъ вступилъ въ заговоръ позже своихъ братьевъ, которыхъ онъ любилъ глубоко. Направленію его ума содѣйствовало еще другое обстоятельство. Въ 1821 году «ходилъ» онъ, какъ говорятъ моряки, на эскадрѣ въ Средиземное море и нѣсколько дней пробылъ въ Гибралтарѣ. Тамъ видѣлъ онъ съ высоты утеса, какъ испанцы королевскіе разстрѣливали на перешейкѣ взятыхъ ими безоружныхъ либераловъ, сообщниковъ Ріего, разстрѣливали, какъ татей и разбойниковъ, сзади. Это зрѣлище заронило въ душу его ненависть къ деспотическому испанскому правительству; да русское-то чѣмъ было виновато? Николай Бестужевъ обѣдалъ у меня на именинахъ 6 декабря съ братьями своими Александромъ и Павломъ. Николай пришелъ позже, и я ему сказалъ:

«— Пришелъ, спасибо. А я думалъ, что ты измѣнишь.

«— Никогда не измѣню!—сказалъ онъ твердымъ голосомъ, взглянувъ на Александра.

«А я, олухъ, еще пожалъ ему руку.

«Четырнадцатаго числа онъ вывелъ на площадь гвардейскій экипажъ. Въ немъ было нѣсколько матросовъ, служившихъ подъ командою Бестужева на походѣ въ Средиземное море. «Ребята, знаете ли вы меня? Пойдемте же!» И они пошли. Я видѣлъ, какъ экипажъ мимо конногвардейскихъ казармъ шелъ бѣгомъ на площадь. Впереди бѣжали въ разстегнутыхъ сюртукахъ офицеры и что-то кричали, размахивая саблями.

«По прекращеніи волненія Николай Бестужевъ уѣхалъ на извозчичьихъ саняхъ въ Кронштадтъ, переночевалъ у одной знакомой старушки, а на другой день сбрилъ себѣ бакенбарды, подстригъ волосы, подрисовалъ лицо, одѣлся матросомъ и пошелъ на Толбухинъ маякъ, лежавшій на западной оконечности Котлина острова. Тамъ предъявилъ онъ командующему унтеръ-офицеру предписаніе вице-адмирала Спафарьева о принятіи такого-то матроса въ команду на маякъ.

«— Ну, а что ты умѣешь дѣлать?—спросилъ грозный командиръ.

«— А что прикажете,—отвѣчалъ Бестужевъ, прикинувшись совершеннымъ олухомъ.

«— Вотъ картофель, очисти его.

«— Слушаю, государь,—взялъ ножъ и принялся за работу.

«Полиція, не находя Бестужева въ Петербургѣ, догадалась, что онъ въ Кронштадтѣ, и туда послано было предписаніе искать его. Это было поручено одному полицейскому офицеру, который, лично зная Бестужева, заключилъ, что онъ, конечно, направился на маякъ, чтобы оттуда пробраться за границу. Прискакалъ туда, вошелъ въ казарму и перекликалъ всѣхъ людей. «Вотъ этотъ явился сегодня», сказалъ унтеръ-офицеръ. Полицейскій посмотрѣлъ на Бестужева и увидѣлъ самое дурацкое лицо въ мірѣ. Всѣ сомнѣнія исчезли. Здѣсь нѣтъ Бестужева; должно искать его въ другомъ мѣстѣ. Когда полицейскій вышелъ изъ казармъ, провожавшій его деньщикъ, бывшій прежде деньщикомъ у Бестужева, сказалъ ему: «Вѣдь, новый-то матросъ господинъ Бестужевъ, я узналъ его по слѣдамъ золотого кольца, которое онъ всегда носитъ на мизинцѣ», полицейскій возвратился, подошелъ къ мнимому матросу, который опять принялся за свою работу, ударилъ его слегка по плечу и сказалъ:

«— Перестаньте притворяться, Николай Александровичъ, я васъ узналъ.

«— Узнали? Такъ пойдемте.

«Военный губернаторъ отправилъ его въ Петербургъ подъ арестомъ въ саняхъ на тройкѣ. Когда пріостановились передъ гауптвахтой, онъ сказалъ случившимся тамъ офицерамъ:

«— Прощайте, братцы. Ѣду въ Петербургъ. Тамъ ждетъ меня двѣнадцать пуль.

«Дорогою по заливу, поровнявшись съ полыньею, онъ хотѣлъ было выскочить изъ саней, чтобы броситься въ воду, но былъ удержанъ.

«Въ Петербургѣ привезли его къ морскому министру фонъ-Моллеру, который ненавидѣлъ Бестужева (тутъ у Греча слѣдуетъ цѣлый рядъ точекъ. *В. Б.*). Онъ велѣлъ скрутить е у на спинѣ руки и отправилъ днемъ по Англійской набережной и по Адмиралтейскому бульвару въ Зимній дворецъ. Одинъ изъ адъютантовъ накинулъ на него шинель. Во дворцѣ развязали ему руки и привели къ императору.

«— Вы блѣдны, вы дрожите,—сказалъ ему императоръ.

«— Ваше Величество, я двое сутокъ не спалъ и ничего не ѣлъ.

«— Дать ему сбѣдать,—сказалъ государь.

«Бестужева привели въ маленькую комнату эрмитажа, посадили на диванъ за столъ и подали придворный обѣдъ.

«— Я не пью краснаго вина,—сказалъ онъ офиціанту,—подайте бѣлаго.

«Онъ преспокойно пообѣдалъ, потомъ приклонился къ подушкѣ дивана и крѣпко заснулъ. Пробудясь часа черезъ два, всталъ и сказалъ: «Теперь я готовъ отвѣчать». Его ввели въ кабинетъ императора. Онъ не только отвѣчалъ смѣло и рѣшительно на всѣ вопросы, но и самъ начиналъ говорить: изобразилъ государю положеніе Россіи, исчислилъ неисполненныя обѣщанія, несбывшіяся надежды и объяснилъ поводы и ходъ замысловъ. Государь выслушалъ его внимательно и нѣтъ сомнѣнія, что не одна истина, дотолѣ неизвѣстная, упала въ его душу.

«Обрядъ лишенія чиновъ и дворянства былъ исполненъ надъ флотскими офицерами въ Кронштадтѣ. Бестужевъ взошелъ на корабль бодро и свободно, учтиво поклонился собравшейся тамъ коммиссія адмираловъ и спокойно выслушалъ чтеніе приговора.

«— Сорвать съ него мундиръ,—закричалъ одинъ изъ адмираловъ, вѣроятно, породнившійся съ Бестужевымъ посредствомъ своей супруги.

«Два матроса подбѣжали, чтобы исполнить приказаніе благонамѣреннаго начальства, Бестужевъ взглянулъ на нихъ такъ, что они остолбенѣли, снялъ съ себя мундиръ, сложилъ его чинненько, положилъ на скамью и сталъ на колѣни по уставу для преломленія надъ нимъ шпаги.

«Бестужевъ скоро нашелся въ ссылкѣ, занимаясь чтеніемъ, живописью. Въ первые годы нарисовалъ онъ нѣсколько акварельныхъ портретовъ, въ томъ числѣ и свой, очень похожій; только на лбу шла глубокая морщина, проведенная страданіями. Потомъ занялся онъ механическими работами; придумалъ какую-то повозку, удобную для того края и вообще старался быть сколь возможно полезнымъ въ своемъ кругу. Онъ скончался въ 1854 году, не дождавшись своего освобожденія».

*Михаилъ Александровичъ Бестужевъ*. «Человѣкъ простой и недальній, былъ лейтенантомъ во флотѣ и перешелъ потомъ въ Московскій полкъ, полагаютъ, чтобы удобнѣе содѣйствовать въ мятежѣ. Онъ участвовалъ въ бунтѣ безъ сознанія, что поступаетъ дурно. Тоже можно сказать и о четвертомъ, *Петрѣ Бестужевѣ*. Онъ былъ лейтенантъ. Наказаніе сильно подѣйствовало на душу послѣдняго; онъ помѣшался въ умѣ и былъ отданъ матери, чтобы жить у ней въ Новгородской губерніи и тамъ умеръ. Пятый братъ, *Павелъ*, мальчикъ живой и умный, воспитанный въ артиллерійскомъ училищѣ, былъ во время мятежа въ верхнемъ офицерскомъ классѣ. Его не удостоили чести принять въ этотъ гибельный кругъ, но онъ пострадалъ за родство съ несчастными. Въ августѣ 1826 года во время иллюминаціи по случаю коронаціи Павелъ

Бестужевъ проталкивался въ толпѣ народа на Невскомъ проспектѣ у Казанскаго моста и за что-то поспорилъ съ однимъ изъ прохожихъ, но безъ всякихъ послѣдствій. Воейковъ, смотрѣвшій иллюминацію изъ окна книжнаго магазина Сленина, донесъ полиціи, что Бестужевъ буянилъ на улицѣ и произносилъ дерзкія рѣчи: его отправили на Кавказъ, гдѣ онъ нѣсколько лѣтъ боролся въ горахъ съ черкесами, а въ Сухумъ-Кале съ убійственными лихорадками. Онъ прилежно занимался артиллеріей и придумалъ новые превосходные діоптры для прицѣла орудій; на отливку ихъ онъ пожертвовалъ своимъ мѣднымъ чайникомъ. Изобрѣтеніе его было найдено полезнымъ и онъ переведенъ былъ въ бригаду, стоявшую въ Москвѣ. Онъ выслужился и, какъ я слышалъ, женился на любезной и богатой дѣвицѣ. Итакъ, уцѣлѣлъ хоть одинъ Бестужевъ! Что сталось съ Михаиломъ, не знаю» *).

Характеристики Греча многихъ изъ декабристовъ подвергались въ нашей литературѣ неоднократно серьезной критикѣ, но фактическая сторона его разсказовъ принималась нерѣдко на вѣру, хотя и въ ней заключается въ дѣйствительности гораздо болѣе «Dichtung», чѣмъ «Wahrheit». Сообщеніе, напр., Греча о романическихъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ арестъ Николая Бестужева, повторяетъ безъ всякаго критическаго его разсмотрѣнія г. Меньшиковъ въ «Критико-біографическомъ словарѣ» г. Венгерова **), а между тѣмъ сообщеніе это составляетъ, какъ мы увидимъ ниже, плодъ чистѣйшаго вымысла. Или другой примѣръ: такой серьезный писатель, какъ недавно скончавшійся почетный академикъ Максимовъ, перепечатавъ въ своей статьѣ «Николай Александровичъ Бестужевъ» весь вышеприведенный разсказъ Греча о Николаѣ Бестужевѣ, говоритъ по этому поводу слѣдующее:

«*Послѣднія свѣдѣнія*, сообщаемыя Гречемъ, требуютъ пополненія и одного исправленія. Экипажъ, про который говоритъ онъ, есть такъ называемая «сидѣйка», извѣстная въ Восточной Сибири и въ особенности въ Забайкальѣ. Она вошла во всеобщее употребленіе и т. д.» ***). Слѣдовательно, кромѣ поправки о «сидѣйкахъ (и то невѣрной, потому что въ дѣйствительности «сидѣйки» изобрѣтены не Николаемъ, а Михаиломъ Бестужевымъ), всѣ остальныя, сообщаемыя Гречемъ о Николаѣ Бестужевѣ, свѣдѣнія Максимовъ не считаетъ требующими ни «пополненія» ни «исправленія». А между тѣмъ они очень нуждаются и въ томъ, и въ другомъ. Это мы и сдѣлаемъ въ свое время, особенно въ виду того обстоятельства, что прекрасно составленная г. М. біо-

---

*) Н. И. Гречъ. «Записки о моей жизни», стр. 393—408. (Цитаты взяты нами съ значительными сокращеніями).

**) Бестужевъ, Николай. «Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ», стр. 185.

***) С. Максимовъ. — «Николай Александровичъ Бестужевъ». «Наблюдатель». 1883 г. Мартъ. стр. 102—105.

графія Николая Бестужева доведена, къ сожалѣнію, лишь до момента тѣсныхъ отношеній, возникшихъ между нимъ и Рылѣевымъ *).

Послѣ четырнадцатаго декабря 1825 года судьба разбросала всѣхъ братьевъ Бестужевыхъ въ разныя стороны (только Николаю и Михаилу довелось жить вмѣстѣ), но до этого событія мѣстожительствомъ всѣхъ братьевъ былъ Петербургъ. Въ эту эпоху ихъ жизни они находились между собою постоянно въ непосредственномъ общеніи и потому мы будемъ сначала говорить обо всѣхъ братьяхъ вмѣстѣ, а затѣмъ послѣдуемъ за каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности.

Отецъ Бестужевыхъ, Александръ Өеодосіевичъ, былъ человѣкъ для своего времени очень образованный и преданный дѣлу просвѣщенія. Онъ служилъ корпуснымъ офицеромъ при учрежденномъ въ 1775 г., такъ называемомъ «артиллерійскомъ и инженерномъ кадетскомъ корпусѣ греческой гимназіи», а затѣмъ, во время шведской войны, перешелъ въ дѣйствующую армію. Въ бывшей 23-го мая 1790 года близъ острова Секара жестокой битвѣ Бестужевъ былъ тяжело раненъ, находился долго въ состояніи безпамятства и лишь случайность спасла его отъ участи быть заживо погребеннымъ, такъ какъ всѣ считали его убитымъ. Въ это время одна простая добрая женщина, по имени Прасковья Михайловна, неотлучно ухаживала за раненымъ. Поправившись, Александръ Өеодосіевичъ женился на ней. Отъ этого брака и произошли Николай (родился въ 1791 г.), Александръ (1797 г.), Михаилъ (1800 г.), Петръ (1806 г.) и Павелъ (1808 г.), а также ихъ три сестры—Елена, Ольга и Марія.

«Военная служба Александра Өеодосіевича,—говоритъ біографъ Николая Александровича Бестужева,—продолжалась недолго. Въ царствованіе Павла Петровича, не въ состояніи будучи выносить тяжелаго гнета Аракчеева, Александръ Өеодосіевичъ вышелъ въ отставку. Не безынтересно то обстоятельство, что Аракчеевъ до нѣкоторой степени былъ обязанъ своей блестящей карьерой Бестужеву. Дѣло въ томъ, что въ бытность еще корпуснымъ офицеромъ, Бестужевъ отрекомендовалъ кадета ввѣренной ему роты Аракчеева генералу Мелиссино, который, какъ извѣстно, и вывелъ въ люди знаменитаго впослѣдствіи временщика. Извѣстно также, что графъ Алексѣй Андреевичъ отличался всегда черной неблагодарностью,—въ особенности къ тѣмъ людямъ, которымъ онъ былъ наиболѣе обязанъ. И вотъ Бестужевъ,

---

*) Николай Александровичъ Бестужевъ. «Журналъ «Заря», кн. 7 отд. II. 1869 г. стр. 1—57. Эта статья подписана только буквою М., но, помѣщая въ ноябрьской книжкѣ «Русской Старины» за 1881 годъ, «Записки Михаила Александровича Бестужева», редакція указываетъ въ примѣчаніи на рядъ написанныхъ о Бестужевыхъ статей М. И. Семевскимъ. Такъ какъ въ числѣ этихъ статей названа и помѣщенная въ «Зарѣ» статья «Н. А. Бестужевъ», то изъ этого слѣдуетъ, что статья эта принадлежитъ тому же автору.



въ числѣ прочихъ, долженъ былъ испытать на себѣ это свойство характера своего бывшаго подчиненнаго» *).

Забѣгая далеко впередъ, отмѣтимъ тутъ же, что судьба столкнула Аракчеева и съ сыновьями Александра Ѳедосіевича. Извѣстно, что ненависть къ «аракчеевскому» режиму, понимая это выраженіе въ широкомъ смыслѣ слова, толкнула многихъ изъ дѣятелей декабрьскихъ событій 1825 года, а въ томъ числѣ и Бестужевыхъ, на путь заговора. Въ самый день 14-го декабря, когда Николай, Александръ, Михаилъ и Петръ Бестужевы находились на сенатской площади, очень близко отъ нея находился и Аракчеевъ.

«Четырнадцатаго декабря, когда разнесся во дворцѣ слухъ, что Московскій полкъ взбунтовался,—разсказываетъ Михайловскій-Данилевскій,—всѣ вышли на сенатскую площадь; одинъ Аракчеевъ остался съ дамами во дворцѣ» **).

Выйдя изъ военной службы, А. Ѳ. Бестужевъ посвятилъ свои силы научно-литературной дѣятельности и съ 1798 года сталъ издавать «С.-Петербургскій Журналъ». Но время царствованія императора Павла, какъ извѣстно, слишкомъ неблагопріятствовало такого рода начинаніямъ и уже черезъ годъ «С.-Петербургскій Журналъ» долженъ былъ прекратиться. Только съ восшествіемъ на престолъ Александра Перваго возобновилъ Бестужевъ свою литературную дѣятельность, но уже не въ формѣ журнала, а отдѣльными книгами, посвященными преимущественно вопросамъ военной педагогіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ А. Ѳ. Бестужевъ собралъ у себя прекрасную библіотеку и нѣчто вродѣ домашняго музея. Вспоминая много лѣтъ спустя своего отца и обстановку своихъ юныхъ лѣтъ, сынъ Александра Ѳэдосіевича Михаилъ Александровичъ Бестужевъ писалъ: «Любя науку во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ, онъ (А. Ѳ. Бестужевъ) тщательно и съ знаніемъ дѣла занимался собираніемъ полной, систематически расположенной коллекціи минераловъ нашей обширной Руси, самоцвѣтныхъ граненыхъ камней, камеевъ, рѣдкостей по всѣмъ частямъ искусствъ и художествъ; пріобрѣталъ картины нашихъ отличныхъ художниковъ, эстампы граверовъ, модели пушекъ, крѣпостей и знаменитыхъ архитектурныхъ зданій, и безъ преувеличенія можно сказать, что домъ нашъ былъ богатымъ музеемъ въ миніатюрѣ ***). Такова обстановка, среди которой росли юные Бестужевы. Въ довершеніе всего отецъ абсолютно ни въ чемъ не стѣснялъ своихъ дѣтей, былъ имъ истиннымъ другомъ и старшимъ товарищемъ, позволялъ имъ свободно слѣдовать ихъ влеченіямъ. Однажды посѣтилъ

*) «Заря» 1869 г., стр. 7.

**) «Вступленіе на престолъ императора Николая Перваго» (изъ записокъ генералъ-лейтенанта Михайловскаго-Данилевскаго). «Русская Старина» ноябрь, 1890 г., стр. 499.

***) Михаилъ Бестужевъ. «Дѣтство и юность А. А. Бестужева». Русское Слово. 1860 г. Декабрь стр. 3.



онъ вмѣстѣ съ своимъ старшимъ сыномъ, тогда еще девятилѣтнимъ мальчикомъ, Николаемъ корабль знаменитаго въ свое время моряка-силача Лукина. Корабль и море такъ заинтересовали мальчика, что онъ возымѣлъ сильное желаніе сдѣлаться морякомъ. Отецъ не препятствовалъ, и Николай поступилъ въ морской корпусъ. Тамъ имѣли на него сильное вліяніе инспекторъ корпуса Гамалѣй, научившій молодого Бестужева заниматься съ любовью математикой и тѣмъ пріучивъ его къ логическому мышленію, и учитель исторіи и литературы Василевскій, впослѣдствіи профессоръ московскаго университета, заслужившій доброе слово отъ своихъ слушателей. Въ корпусѣ Бестужевъ шелъ изъ первыхъ, изучилъ основательно иностранные языки и познакомился съ европейскими литературами. Сверхъ того, въ немъ стала развиваться склонность къ живописи и онъ началъ брать частные уроки въ академіи художествъ. Это принесло ему впослѣдствіи много пользы и удовольствія въ его ссыльной жизни. «Въ минуту жизни трудную», живя на поселеніи въ глухомъ городишкѣ Забайкальской области Селенгинскѣ, Николай Александровичъ Бестужевъ зарабатывалъ деньги рисованіемъ иконъ и портретовъ мѣстныхъ жителей. Онъ же нарисовалъ портреты многихъ изъ своихъ соузниковъ по заключенію въ Читѣ и Петровскѣ; эти портреты были впослѣдствіи куплены у сестры Николая Александровича, Елены Александровны Бестужевой, извѣстнымъ московскимъ книгоиздателемъ Солдатенковымъ, а послѣ его недавней смерти должны были перейти, если не ошибаемся, въ московскій румянцевскій музей.

Превосходный математикъ и механикъ, Бестужевъ занимался со страстью своею спеціальностью—морскимъ дѣломъ. Двадцать четвертаго декабря 1809 года онъ окончилъ успѣшно курсъ наукъ и былъ произведенъ въ мичманы. Но едва предъ нимъ открылись двери самостоятельной жизни, какъ судьба приготовила ему новыя, едва посильныя для восемнадцатилѣтняго юноши, заботы. Двадцатаго марта 1810 года скончался Александръ Ѳедосіевичъ, и семья, состоявшая изъ его вдовы, трехъ дочерей и четырехъ сыновей, изъ которыхъ старшему, Александру, едва минуло тринадцать лѣтъ, осталась всецѣло на попеченіи Николая Александровича.

Но намъ надо сказать нѣсколько словъ о дѣтскихъ годахъ Александра Александровича, слава котораго, какъ блестящаго писателя, скрывшаго свое имя подъ псевдонимомъ Марлинскаго, черезъ нѣсколько лѣтъ уже гремѣла по всей Россіи.

У отца Александра Ѳедосіевича Бестужева была богатая библіотека. На нее-то и набросился со всею страстью своей натуры маленькій Саша. «Онъ читалъ такъ много и съ такою живостью, — писалъ про него впослѣдствіи его братъ Михаилъ Александровичъ,— что отецъ часто принужденъ былъ отнимать у него на время ключи отъ шкафовъ и осуждалъ его на невольный отдыхъ. Тогда онъ промышлялъ

себѣ книги контрабандой,—какіе-либо романы, сказки, какъ, напр., «Видѣніе въ Пиринейскомъ замкѣ», «Ринальдо Ринальдини», «Тысяча и одна ночь» и подобныя и поглощалъ ихъ тайкомъ, лежа гдѣ-нибудь подъ кустомъ въ нашемъ тѣнистомъ саду» *). Отъ такого чтенія у будущаго романиста развивалась преимущественно фантазія. Будучи отъ природы въ высшей степени впечатлительнымъ, воспріимчивымъ и экспансивнымъ, Александръ Александровичъ весьма отличался отъ своего старшаго брата отсутствіемъ ясной логики мысли и неуклонности въ достиженіи разъ намѣченной цѣли, но весьма на него походилъ честнымъ направленіемъ ума и сердца. Увлекшись минералогическими коллекціями своего отца, Александръ Александровичъ захотѣлъ сдѣлаться горнымъ инженеромъ и поступилъ въ горный корпусъ. Здѣсь онъ учился хорошо, но много силъ приходилось тратить нетерпѣливому юношѣ на борьбу съ математикой, которая была далеко не изъ числа его любимыхъ предметовъ. Зато страсть къ писательству проснулась въ немъ очень рано и уже въ корпусѣ онъ началъ вести иллюстрированный дневникъ, который наполнялъ описаніями событій корпусной жизни да каррикатурами на начальствующихъ лицъ. Однажды Николай взялъ съ собою Александра въ непродолжительное плаваніе. Тутъ Александру показалось, что онъ рожденъ для свободной морской стихіи, возненавидѣлъ предстоявшую ему дѣятельность горнаго инженера, покинулъ корпусъ и началъ готовиться къ экзамену на гардемарина. Но и карьера моряка, о которой сталъ мечтать теперь съ увлеченіемъ Александръ Александровичъ, была также загромождена баррикадами изъ дифференціаловъ и интеграловъ. Онъ столкнулся опять съ тою же ненавистной математикой, боролся, приходилъ въ отчаяніе и кончилъ тѣмъ, что поступилъ юнкеромъ въ лейбъ-гвардіи драгунскій полкъ и въ 1818 году былъ произведенъ въ корнеты. Полкъ, въ которомъ служилъ Александръ Бестужевъ, стоялъ недалеко отъ Петергофа, въ мѣстечкѣ Марли, откуда и пошелъ знаменитый псевдонимъ.

Между тѣмъ подростали и два слѣдующіе братья Бестужевы, Михаилъ и Петръ. Надо замѣтить, что, вслѣдствіе отличнаго окончанія курса въ морскомъ корпусѣ Николаемъ Александровичемъ, онъ былъ оставленъ, несмотря на свои восемнадцать лѣтъ,—«не въ примѣръ прочимъ»,—въ званіи воспитателя того же корпуса. Это дало ему возможность помѣстить въ корпусъ высказавшихъ желаніе служить также во флотѣ Михаила и Петра. Замѣчательны тѣ наставленія, которыя давалъ своимъ братишкамъ-кадетамъ Николай Александровичъ. Встрѣченные, какъ водилось въ доброе старое время, побоями со стороны старшихъ кадетъ, новички стали горько жаловаться на свою судьбу брату и просить его защиты. «Потерпите немного,—говорилъ имъ Николай Александровичъ,—все обойдется. Не давайте себя въ обиду;

*) Ibid., стр. 2.

если подъ силу, бейте сами, а отнюдь не смѣйте мнѣ жаловаться на обидчиковъ. Забудьте однажды навсегда, что я вашъ братъ. Хорошо будете учиться, хорошо вести себя,—я отличу васъ наравнѣ со всѣми. Худо сдѣлаете, станете лѣниться,—я накажу васъ, какъ накажу каждаго шалуна и лѣнивца. Но всего болѣе остерегайтесь выносить соръ изъ избы, иначе васъ назовутъ фискалами, переносчиками—и тогда горька будетъ участь ваша» *).

Такія наставленія глубоко запали въ души Михаила и Петра.

Въ 1814 году Николаю Александровичу представлялся случай ѣхать въ дальнее плаваніе. Онъ сталъ энергично готовиться къ путешествію, но оно не состоялось, и Николай Александровичъ перешелъ на службу въ Кронштадтъ. Тутъ служилъ его самый близкій другъ, товарищъ отъ школьной скамейки до Селенгинска или, правильнѣе, до могилы, Константинъ Петровичъ Торсонъ. Этотъ человѣкъ имѣлъ сильное вліяніе на Бестужевыхъ. «Самый неизмѣнный другъ брата Николая,—разсказываетъ Михаилъ Бестужевъ,—былъ Константинъ Петровичъ Торсонъ. Онъ только годомъ раньше брата вышелъ изъ корпуса. Они все время пребыванія ихъ въ корпусѣ жили въ одной комнатѣ, спали бокъ-о-бокъ, служили въ одномъ и томъ же Кронштадтѣ, помѣщались на одной квартирѣ и одно или два лѣта служили вмѣстѣ на бранвахтскомъ фрегатѣ. По переводѣ Торсона главнымъ адъютантомъ къ морскому министру Антону Васильевичу Моллеру и братъ вскорѣ переведенъ былъ въ Петербургъ въ должность исторіографа и начальника морского музея,—слѣдовательно, жили въ одномъ городѣ, видѣлись часто, поступили почти одновременно въ тайное общество, вмѣстѣ погибли, вмѣстѣ жили въ казематѣ, въ Селенгинскѣ и, наконецъ, Торсонъ и умеръ на рукахъ брата.

«Торсонъ былъ баярдъ идеальной честности и практической пользы: это былъ рыцарь безъ страха и упрека на его служебномъ и частномъ поприщѣ жизни. Обладая неимовѣрною силою воли въ достиженіи своихъ благородныхъ цѣлей, онъ вмѣстѣ съ симъ владѣлъ огромнымъ запасомъ терпѣнія при неудачахъ... Голова его была постоянно набита проектами о разныхъ преобразованіяхъ, исключительно касающихся флота... Много онъ писалъ и изъ Петропавловской крѣпости къ Николаю Первому, и всѣ его бумаги государь приказалъ сообщить составленному по его волѣ морскому комитету, и много преобразованій, очень полезныхъ, были почерпнуты (оттуда) и введены въ нашъ флотъ» **).

Мѣсто исторіографа и начальника морского музея, о которомъ упоминаетъ въ этихъ строкахъ Михаилъ Александровичъ, Николай Бестужевъ занималъ съ честью. Онъ трудился, не покладая рукъ, надъ

---

*) «Заря», стр. 30.

**) «Записки Михаила Александровича Бестужева». «Русская Старина» 1881 года, ноябрь, стр. 606.



своимъ дѣломъ, но не замыкался исключительно въ свою спеціальность: вопросы литературные, общественные и политическіе горячо занимали его вниманіе. Вмѣстѣ съ своимъ другомъ Торсономъ пристально вглядывался Бестужевъ въ окружавшую его дѣйствительность; давно начавшая работать критическая мысль сталкивалась на каждомъ шагу съ темными явленіями, порождаемыми всѣмъ крѣпостнымъ строемъ русской жизни; сравненіе съ иными, видѣнными за границей, порядками напрашивалось само собою; все это неудержимо толкало Николая Александровича искать способовъ улучшить положеніе въ дорогой ему родинѣ.

Необходимо замѣтить, что Николай Александровичъ еще до вступленія своего въ тайное общество побывалъ за границей два раза, что, разумѣется, прошло для него далеко не безслѣдно. Первое его путешествіе относится къ 1815 году, т.-е. къ эпохѣ знаменитыхъ наполеоновскихъ «Ста Дней». Батальонъ моряковъ получилъ приказаніе отправиться въ Голландію для содѣйствія русской арміи при переправахъ. Въ составѣ этого баталіона былъ отправленъ и Николай Бестужевъ. Умный, наблюдательный молодой морякъ не тратилъ время даромъ: результатомъ его поѣздки явились «Записки о Голландіи», быстро доставившія автору нѣкоторую извѣстность въ литературѣ.

Второе путешествіе за границу совершилъ Николай Александровичъ вмѣстѣ съ братомъ Михаиломъ и уже тогда пріобрѣвшимъ извѣстность журналистомъ Гречемъ въ 1817 году. Вотъ что разсказываетъ по этому поводу Михаилъ Бестужевъ:

«Это путешествіе имѣло весьма осязательное вліяніе, какъ на послѣдующую литературную дѣятельность не только брата Николая, но даже и Александра, равно какъ и на ростъ тѣхъ сѣмянъ либерализма, которыя таились въ душѣ нашей. Знакомство съ Гречемъ невольно втянуло насъ, троихъ братьевъ, въ тотъ жидкій кружокъ литераторовъ, который жалко произросталъ на изсушенной цензурою почвѣ русской литературы. Впрочемъ, не надо думать, чтобы *геній* (курсивъ подлинника) Николая Ивановича Греча увлекъ насъ; мы его даже въ то время очень хорошо понимали... Относительно же либерализма вообще этотъ походъ былъ чреватъ послѣдствіями: необходимо вспомнить эпоху нашего похода. Мы шли взять часть войскъ Воронцова, оставленную во Франціи для поддержки власти Бурбоновъ, возстановленныхъ нашей силой и для сбора наложенной на страну контрибуціи. Франція волновалась... Ей нуженъ былъ или Наполеонъ—или свобода! Король въ теплыхъ бархатныхъ сапогахъ — былъ смѣшонъ, а французы не могутъ переносить смѣшного!.. Все это мы скоро замѣтили въ Кале, гдѣ наша эскадра стояла весьма долго въ ожиданіи солдатъ Воронцова... Впрочемъ, самый нашъ рейсъ до Кале и возвращеніе отъ него пролили въ Россію обильную струю благотворной влаги для роста сѣмянъ либерализма. Въ числѣ пассажировъ на кораблѣ «Не тронь меня», кромѣ Греча, находилась жена генерала Жо-

жили съ племянницей и компаніонкой. Генеральша была завзятая республиканка: компаніонка, происходившая изъ плебейскаго рода, была республиканкою еще болѣе пылкою. Дивизіонный генералъ нашъ Огильва, родомъ англичанинъ, въ каютѣ котораго онѣ жили, присутствовали за обѣдомъ и чайнымъ столомъ, не стѣснялся въ своихъ англоманскихъ сужденіяхъ и съ удовольствіемъ вызывалъ споры присутствовавшихъ о политикѣ вообще и о деспотизмѣ Наполеона и о потерѣ французами свободы въ особенности. Самъ Гречъ какъ будто переродился. Сухой, безвкусный на бумагѣ, онъ обладалъ даромъ живого слова и былъ всегда краснорѣчивымъ, внимательнымъ собесѣдникомъ. Забитый литературной и полицейской цензурой въ Петербургѣ, онъ на кораблѣ между моряками, живущими на распашку въ своихъ словахъ и дѣйствіяхъ, какъ бы увлекаемый потокомъ, невольно или изъ подражанія, жилъ и болталъ тоже на распашку» *).

Гречъ, разумѣется, только приспособлялся къ средѣ и ничего болѣе. Тотъ же Михаилъ Бестужевъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ своихъ воспоминаній по этому поводу слѣдующее:

«Знакомство наше съ Гречемъ началось въ 1817 году на кораблѣ «Не тронь меня» и поддерживалось впродолженіи всего времени церемонно-холодно, потому что съ нимъ, какъ величайшимъ эгоистомъ, сближеніе дружеское невозможно. Мы, всѣ братья, посѣщали его домъ, какъ фокусъ нашихъ литературныхъ талантовъ, любили умную болтовню хозяина, временемъ горячую полемику гостей и при прощаніи, переступивъ порогъ, не оставляли за нимъ ничего завѣтнаго. О Булгаринѣ и говорить ничего: это былъ, въ глазахъ нашихъ, балаганный фигляръ, примапивающій людъ въ свою комедь кривляніями и площадными прибаутками» **).

Бестужевы вынесли изъ заграничнаго путешествія тѣ же впечатлѣнія, которыя вынесли раньше изъ походовъ 1812—13 года ихъ старшіе товарищи:

«Пребываніе цѣлый мѣсяцъ въ Германіи и потомъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ, — разсказываетъ И. Д. Якушкинъ, не могли не измѣнить воззрѣній хоть сколько-нибудь мыслящей русской молодежи. При такой обстановкѣ каждый изъ насъ сколько нибудь выросъ» ***). Вспомнимъ, въ какое время происходили описываемыя событія, время, когда крѣпостное право стояло устойчиво, какъ гранитная скала, когда Россія была, по знаменитому выраженію Хомякова «въ судахъ черна неправдой черной», когда всею государственною машиною управляла незнавшая пощады рука Аракчеева, вспомнимъ все это и оцѣнимъ слова Николая Бестужева, обрисовавшаго слѣдующими словами ту кар-

*) «Николай Александровичъ Бестужевъ». «Заря». Стр. 40—41.
**) «Записки Мих. Ал. Бестужева». «Рус. Старина». 1881 г. ноябрь. Стр. 610
***) «Записки И. Д. Якушкина», стр. 4—5.

тину, которая предстала предъ глазами молодежи по возвращеніи ея изъ за границы:

«Рабство огромнаго большинства русскихъ, жестокое обращеніе начальства съ подчиненными, всякаго рода злоупотребленія власти, повсюду царствующій произволъ, — все это возмущало и приводило въ негодованіе русскихъ и ихъ патріотическое чувство» *).

## II.

Ко времени возвращенія Бестужевыхъ изъ заграницы въ Россіи уже дѣйствовалъ извѣстный «Союзъ Благоденствія» или тайное общество съ гораздо болѣе этическимъ, нежели политическимъ характеромъ. По крайней мѣрѣ, близкій участникъ союза князь Евгеній Петровичъ Оболенскій характеризуетъ его такими словами:

«Трудно было устоять противъ обаяній союза, котораго цѣль была: нравственное усовершенствованіе каждаго изъ членовъ; обоюдная помощь для достиженія цѣли; умственное образованіе, какъ орудіе для разумнаго пониманія всего, что являетъ общество въ гражданскомъ устройствѣ и нравственномъ направленіи; наконецъ, направленіе современнаго общества посредствомъ личнаго дѣйствія каждаго члена въ своемъ особенномъ кругу къ разрѣшенію важнѣйшихъ вопросовъ, какъ политическихъ, такъ и современныхъ, тѣмъ вліяніемъ, которое могъ имѣть каждый членъ, и личнымъ своимъ образованіемъ и тѣмъ нравственныхъ характеромъ, которые въ немъ предполагались. *Въ дали туманной, недосягаемой*, виднѣлась окончательная цѣль: политическое преобразованіе отечества, — когда всѣ брошенныя сѣмена созрѣютъ и образованіе общее сдѣлается доступнымъ для массы народа» **).

Такова была атмосфера, въ которой жила по возвращеніи изъ заграничныхъ походовъ военная молодежь. Въ ея средѣ все кипѣло и волновалось. Не говоря уже о массонскихъ ложахъ, но одно за другимъ возникали и разныя другія общества. Правда, ихъ существованіе было чрезвычайно кратковременнымъ, но они не исчезали безъ всякаго слѣда. Такъ, въ 1817 году генералъ М. Ф. Орловъ, извѣстный экономистъ и впослѣдствіи авторъ книги «La Russie et les Russes» Н. И. Тургеневъ и графъ Мамоновъ устраиваютъ тайное общество «Русскихъ Рыцарей»; Александръ Николаевичъ Муравьевъ организуетъ «Общество военныхъ людей»; князь Е. П. Оболенскій при содѣйствіи коллежскаго ассессора Токарева—«Вольное Общество»; правитель канцеляріи малороссійскаго генералъ-губернатора Новиковъ — «Малороссійское Общество» при одной изъ массонскихъ ложъ и т. д. Но, сколько извѣстно, ни въ одномъ изъ этихъ обществъ Бестужевы

*) «Н. А. «Бестужевъ». «Заря», 1869. стр. 44.
**) «Воспоминанія Оболенскаго», стр. 4.



не принимали никакого участія. Даже въ массонскихъ ложахъ и то только въ одной изъ нихъ былъ членомъ изъ всѣхъ братьевъ одинъ лишь Николай, который былъ введенъ туда... Николаемъ Ивановичемъ Гречемъ... *). Всѣ они сочувствовали общественному движенію своего времени и его идеаламъ, но до самого 1825 года никто изъ нихъ не былъ членомъ тайнаго общества. Въ этомъ отношеніи судьба ихъ совершенно одинакова, и неособенно основательно, на нашъ взглядъ, противопоставляетъ г. Венгеровъ Николая Бестужева его брату Александру, видя въ первомъ, какъ и въ «значительной части» его товарищей, «черты, дѣлающія вполнѣ понятнымъ, почему они примкнули къ организаціи», а во второмъ «случайнаго участника движенія» **).

Какъ было дѣло въ дѣйствительности?

Составитель шеститомной «Исторіи царствованія Александра Перваго», Богдановичъ, пользовался, какъ это видно изъ его труда, подлиннымъ слѣдственнымъ дѣломъ о декабристахъ (донынѣ не опубликованнымъ). Такой трудъ можно было бы считать, поэтому, вполнѣ авторитетнымъ для провѣрки разнаго рода касающихся декабристовъ данныхъ, если бы Богдановичъ въ то-же время не счелъ нужнымъ, по непонятнымъ причинамъ, ссылаться на такой въ высшей степени мутный источникъ, какъ книга Греча.

Именно со ссылкою на этотъ источникъ, Богдановичъ писалъ въ своей «Исторіи» такія строки:

«Занявъ мѣсто въ думѣ ***), Рылѣевъ нашелъ усерднаго пособника въ другомъ, болѣе себя знаменитомъ, литераторѣ Александрѣ Бестужевѣ. Даровитый, образованный, преисполненный ума, Бестужевъ увлекся желаніемъ играть роль и *увлекъ за собою трехъ своихъ братьевъ*» ****).

Слѣдуя Богдановичу, и г. Венгеровъ считаетъ «очевиднымъ», что Александръ Бестужевъ «попалъ въ заговоръ *только* потому, что всѣ близкіе и пріятели въ немъ участвовали и потому, что подпалъ обаянію, связанному со всякой опасностью» *****).

Однако, данное мнѣніе представляется не обоснованнымъ, такъ какъ и сообщеніе Богдановича не отвѣчаетъ исторической дѣйствительности: Александръ Бестужевъ вовсе не «увлекалъ» въ заговоръ своихъ братьевъ: Николай Бестужевъ былъ принятъ въ общество К. Ф. Рылѣевымъ, Михаилъ К. П. Торсономъ, а Петръ, вопреки желанію *всѣхъ* другихъ братьевъ почти наканунѣ 14-го де-

---

*) «Записки М. А. Бестужева». «Русская Старина». Ноябрь. 1881, стр. 622.

**) Венгеровъ. «Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ» Принадлежащая самому г. Венгерову статья «Бестужевъ-Марлинскій», стр. 157.

***) Нѣчто вродѣ комитета общества.

****) «Исторія царствованія Александра Перваго и его времени», томъ VI, стр. 434.

*****) «Словарь», стр 157.



кабря А. П. Арбузовымъ. Но Богдановичъ правъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ отношеніи, что Александръ поступилъ въ общество дѣйствительно *раньше* всѣхъ своихъ братьевъ и почти всѣхъ своихъ «близкихъ и пріятелей»; этого обстоятельства не принялъ во вниманіе г. Венгеровъ.

Въ опубликованномъ по Высочайшему повелѣнію въ 1826 году во всеобщее свѣдѣніе «Донесеніи слѣдственной коммиссіи» говорится, между прочимъ, слѣдующее:

«Между тѣмъ, и въ обществѣ петербургскомъ явилась большая противъ прежняго и безпокойная дѣятельность, особливо со времени вступленія Рылѣева въ думу на мѣсто князя Сергѣя Трубецкого. Онъ и *принятый имъ въ апрѣлѣ 1825 года* причисленный къ верхнему кругу Александръ Бестужевъ, тѣсно съ нимъ связанный пріязнью, единомысліемъ, сходствомъ вкусовъ и занятій, ревностнѣе всѣхъ старались распространять свои правила и умножать число сообщниковъ... Имъ и Рылѣевымъ, прямо и черезъ другихъ, приняты многіе новые члены; въ томъ числѣ вступили въ общество въ разныя времена нѣкоторые изъ преступныхъ участниковъ въ безпорядкахъ 14-го минувшаго декабря: Николай, Михайло, Петръ Бестужевы, Сутгофъ, Пановъ, Кожевниковъ, князь Одоевскій, князь Щепинъ-Ростовскій, Вильгельмъ Кюхельбекеръ, Торсонъ и Арбузовъ» *).

Отсюда видно, сколько «близкихъ и пріятелей» Александра Бестужева вступило въ общество *послѣ* него.

Къ этому обстоятельству, равно какъ и вообще къ характеристикѣ г. Венгеровымъ Александра Бестужева, мы вернемся ниже; напомнимъ сперва въ общихъ чертахъ судьбу Александра Бестужева съ того момента, когда онъ вступилъ въ самостоятельную жизнь.

Мы сказали, что, отчаявшись сдѣлаться морякомъ, Александръ Бестужевъ поступилъ въ гвардейскій драгунскій полкъ юнкеромъ. Служба его начала протекать чрезвычайно счастливо и уже въ 1818 году онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ главноуправляющему путями сообщенія генералу Бетанкуру, а по уходѣ послѣдняго, къ заступившему его мѣсто герцогу Александру Виртембергскому. Предъ нимъ открывалась блестящая военная карьера. Но молодого человѣка потянуло скоро къ литературѣ. Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Рылѣевъ и другіе стали его друзьями, а первоклассный журналистъ Н. А. Полевой рано прозрѣлъ въ немъ большой литературный талантъ и остался на всю жизнь его поклонникомъ. Въ 1824—25 годахъ К. Ф. Рылѣевъ и А. А. Бестужевъ начали издавать альманахи подъ заглавіемъ «Полярная Звѣзда». Эти альманахи составили крупное событіе въ литературахъ жизни Россіи. Въ нихъ участвовали всѣ лучшія силы того времени—Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Баратынскій, Вяземскій, Дельвигъ, Гнѣдичъ, Плетневъ, Корниловичъ и другіе. Тутъ же началъ

---

*) «Донесеніе слѣдственной коммиссіи», стр. 52.

свою литературную дѣятельность А. С. Хомяковъ. Помимо чисто литературныхъ достоинствъ, «Полярная Звѣзда» должна остаться памятною въ исторіи русской журналистики и еще одною крупною заслугой: ея издатели начали *первые* оплачивать правильно литературный трудъ авторовъ.

Альманахи эти имѣли колоссальный успѣхъ, разойдясь въ теченіе трехъ недѣль въ количествѣ 1.500 экземпляровъ, цифрѣ по тому времени почти неслыханной. Самъ Бестужевъ, помимо многихъ другихъ статей и переводовъ, сталъ помѣщать въ «Полярной Звѣздѣ» обзоры современной ему литературы, которые заинтересовали въ чрезвычайной степени журнальный міръ и читающую публику. Романтизмъ былъ основнымъ принципомъ критическихъ статей Бестужева, но пробѣгая и теперь его «обзоры» и припоминая то время, въ которое они написаны, вполнѣ соглашаешься съ высказаннымъ Шашковымъ мнѣніемъ о Бестужевѣ, какъ о достойномъ предшественникѣ Надеждина и Бѣлинскаго. Извѣстно *), какой переполохъ въ журнальномъ мірѣ произвела «дерзкая» мысль, высказанная Бѣлинскимъ въ его «Литературныхъ Мечтаніяхъ», о томъ, что «у насъ нѣтъ литературы». Эту самую мысль высказывалъ и Бестужевъ. «Исторія, критика и сатира были всегда младшими вѣтвями словесности. Такъ было вездѣ, кромѣ Россіи, ибо у насъ есть критика и нѣтъ литературы». Это явленіе авторъ объясняетъ такимъ образомъ:

«Жизнь необходимо требуетъ движенія, а развивающійся умъ дѣла. Онъ хочетъ шевелиться, когда не можетъ летать; но, не занятый политикой, весьма естественно, что дѣятельность его хватается за все, что попадается, а какъ источники нашего ума очень мелки для занятій важнѣйшихъ, мудрено ли, что онъ кинулся въ кумовство и пересуды! Я говорю не объ одной словесности: всѣ наши общества заражены тою же болѣзнью» **).

Такимъ образомъ, Бестужевъ высказываетъ и развиваетъ важную мысль о взаимодѣйствіи жизни и литературы. Послѣдняя будетъ содержательна лишь въ томъ случаѣ, когда наполнится содержаніемъ первая. Литература есть лишь отраженіе жизни. Ея развитіе тормозитъ отсутствіе въ обществѣ образованности, а «феодальная умонаклонность многихъ дворянъ усугубляетъ сіи препоны. Одни рубятъ гордіевъ узелъ наукъ мечомъ презрѣнія, другіе не хотятъ ученіемъ мучать дѣтей своихъ и для сего оставляютъ невоздѣланными ихъ умы, какъ нерѣдко поля изъ пристрастія къ псовой охотѣ» ***).

Тутъ ужъ ясно замѣтенъ переходъ отъ чисто литературной критики къ публицистикѣ, т.-е. наблюдается явленіе, которое существо-

*) Шашковъ—«А. А. Бестужевъ-Марлинскій». «Дѣло». 1880 г. Ноябрь. стр. 122

**) «Взглядъ на русскую словесность въ теченіе 1824 и началѣ 1825 годовъ» Полное собраніе сочиненій А. Марлинскаго. Часть XI, стр. 121—122.

***) Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи». Ibid., стр. 156.



вало въ русской литературѣ на всемъ пространствѣ XIX вѣка и перешло въ двадцатый.

Другой издатель «Полярной Звѣзды», задушевный другъ Бестужева, Кондратій Ѳедоровичъ Рылѣевъ, смотрѣлъ именно съ этой точки зрѣнія на свои поэтическія произведенія. Это былъ «поэтъ-гражданинъ». Въ знаменитой поэмѣ «Войнаровскій», составляющей безспорно лучшее изъ стихотвореній Рылѣева, находится такое посвященіе ея Бестужеву:

Какъ странникъ грустный, одинокій
Въ степяхъ Аравіи пустой,
Изъ края въ край съ тоской глубокой
Бродилъ я въ мірѣ сиротой.
Ужъ къ людямъ холодъ ненавистный
Примѣтно въ душу проникалъ
И я въ безуміи дерзалъ
Не вѣрить дружбѣ безкорыстной.
Внезапно ты явился мнѣ:
Повязка съ глазъ моихъ упала;
Я разувѣрился вполнѣ—
И вновь въ небесной вышинѣ
Звѣзда надежды засіяла.
Прими же плодъ трудовъ моихъ,
Плоды безпечнаго досуга;
Я знаю, другъ, ты примешь ихъ
Со всей заботливостью друга.
Какъ Аполлоновъ строгій сынъ,
Ты не увидишь въ нихъ искусства,
*Зато найдешь живыя чувства.*
*Я не поэтъ, а гражданинъ* *).

На почвѣ общности именно этихъ «живыхъ чувствъ» и сошлись близко оба издателя «Полярной Звѣзды».

Требуя отъ литератора опредѣленнаго отношенія къ жизни, Бестужевъ, какъ и нѣкоторые другіе изъ его друзей, писалъ, между прочимъ, злыя эпиграммы на тѣхъ изъ литераторовъ, которые не слѣдовали этому принципу. Такова его эпиграмма на Жуковскаго, долгое время приписывавшаяся Пушкину:

Изъ савана одѣлся онъ въ ливрею,
На пудру промѣнялъ свой лавровый вѣнецъ.
Съ указкой втерся во дворецъ,
И тамъ, предъ знатными сгибая шею,
Онъ руку жметъ камеръ-лакею.
Бѣдный пѣвецъ!.. **).

*) Послѣ появленія этого стихотворенія еще при жизни Рылѣева оно явилось затѣмъ въ печати первоначально въ статьѣ М. И. Семевскаго «Александръ Александровичъ Бестужевъ» («Отечественныя Записки» 1860 г., май, стр. 135—136), затѣмъ въ апрѣльской книжкѣ «Русской Старины» за 1871 г. (стр. 486), гдѣ появилась полностью поэма «Войнаровскій» и, наконецъ, вошло въ собраніе сочиненій Рылѣева.

**) «Русская Старина», іюнь. 1870 г.. стр. 521.

Впечатлительный, экспансивный, хотя и уступавшій въ благородствѣ характера своему брату Николаю,—Александръ Бестужевъ, тѣмъ не менѣе, не только не былъ равнодушенъ къ «соціальнымъ и политическимъ темамъ», какъ то утверждаетъ г. Венгеровъ, но, на нашъ взглядъ, остался вѣренъ своимъ взглядамъ, до конца жизни. Возьмите его отношеніе хоть къ знаменитому произведенію Карамзина. Извѣстно, что, не взирая на свои злыя эпиграммы на Карамзина, Пушкинъ сталъ впослѣдствіи относиться къ нашему «исторіографу» совершенно иначе. Не то Бестужевъ. Онъ остается и въ тридцатыхъ годахъ на той же точкѣ зрѣнія, съ которой онъ смотрѣлъ на произведенія Карамзина въ началѣ двадцатыхъ. Въ письмѣ къ матери изъ Дербента (отъ 19-го января 1831 года) онъ писалъ:

«Вы обвиняете меня, что я рѣзокъ въ критикѣ. Я втрое пылче въ похвалахъ. Никогда не любилъ я бабушку Карамзина, человѣка безъ всякой философіи, который писалъ свою исторію страницу за страницей, не думая о будущей и не справляясь съ предыдущей. Онъ былъ пустозвонъ краснорѣчивый, трудолюбивый, мелочной, скрывающій подъ шумихою сентенцій чужихъ, свою собственную ничтожность. Не то Полевой» и т. д. *).

Такъ смотрѣли въ двадцатыхъ годахъ на трудъ Карамзина издатели «Полярной Звѣзды», такъ смотрѣлъ Пушкинъ, такъ смотрѣли нѣкоторые другіе. Это было обусловлено точкой зрѣнія, съ которой всѣ они смотрѣли на общественно-политическіе вопросы. Ее-то и сохранилъ во многомъ Бестужевъ и въ тридцатыхъ годахъ. О двадцатыхъ же и говорить нечего. Онъ не только интересуется извѣстными вопросами, но и дѣлаетъ ихъ именно «темами» своихъ произведеній.

Мы увидимъ далѣе, какъ сталъ относиться Бестужевъ къ Пушкину, когда муза Александра Сергѣевича стала издавать не тѣ звуки, издавать которыя ей надлежало по мнѣнію Бестужева, а между тѣмъ онъ глубоко любилъ Пушкина, былъ потрясенъ извѣстіемъ о его смерти и въ замѣчательномъ письмѣ, которое мы приведемъ ниже, клялся, что при первой же встрѣчѣ съ Дантесомъ, одинъ изъ нихъ не увидитъ больше свѣта...

Бестужевъ не былъ натурою цѣльною и глубокою, въ немъ было много порывистости, онъ готовъ былъ подчасъ на «военныя хитрости», на которыя былъ рѣшительно не способенъ его высокоблагородный братъ, въ его характерѣ были и тѣневыя стороны. Все это ясно выступаетъ при тщательномъ изученіи его біографіи, но видѣть въ Бестужевѣ лишь «случайнаго» участника движенія двадцатыхъ годовъ, какъ это дѣлаетъ г. Венгеровъ, нѣтъ достаточныхъ основаній. Характеры Николая и Александра Бестужевыхъ,— это въ нѣ-

---

*) «Александръ Бестужевъ на Кавказѣ». «Русскій Вѣстникъ», 1870 г., іюнь, стр. 506—507.

которомъ родѣ характеры Остапа и Андрея Бульбы. И Остапъ, и Андрей ненавидятъ бурсацкіе порядки, они оба способны на отважныя предпріятія, но, когда дѣло доходитъ до расплаты, Андрей, съ помощью гибкаго и изворотливаго ума своего, умѣетъ, если не совсѣмъ избавиться отъ бурсацкихъ лозъ, то хоть уменьшить ихъ число, тогда какъ Остапъ, отложивъ всякое попеченіе, преспокойно ложится въ этихъ случаяхъ на бурсацкій эшафотъ. «Выдать товарища, — замѣчаетъ Гоголь,—не могли заставить Остапа никакія лозы». Не выдавалъ ихъ и Андрей, но онъ не считалъ грѣхомъ избавиться отъ наказанія, если средства, которыя онъ для этого пускалъ въ ходъ, принося ему пользу, не усугубляютъ наказаніе товарищей. Подобно Остапу, Николай Бестужевъ не ждетъ себѣ пощады, не умаляетъ своей вины, молчитъ или отдѣлывается краткими отвѣтами: «нѣтъ», «не знаю» и пр. Подобно Андрею, Александръ, не выдавая товарищей, — на это онъ не способенъ, — пускается на военныя хитрости, говоритъ, что видѣлъ въ тайномъ обществѣ «одну игрушку», что «искалъ средства изъ него удалиться, только не нарушая даннаго обѣщанія и не ссорясь съ товарищами», что для этого думалъ жениться и «ѣхать на нѣсколько лѣтъ за границу» и т. д. *). Служа впослѣдствіи на Кавказѣ и видя совершенно ясно цѣну многихъ изъ кавказскихъ героевъ, онъ куритъ имъ ѳиміамъ въ письмахъ, которыя, онъ полагаетъ, будутъ вскрыты и прочитаны не однимъ только адресатомъ. Существуетъ любопытное письмо Бестужева къ одному изъ парижскихъ пріятелей, написанное имъ еще третьяго марта 1824 года и затѣмъ опубликованное въ «Русской Старинѣ». Въ этомъ письмѣ личность Бестужева проявляется съ двухъ сторонъ: во-первыхъ, въ качествѣ человѣка, чрезвычайно интересующагося «политикой» и во-вторыхъ, человѣка, крайне осторожнаго въ перепискѣ. «За мой винигретъ,—пишетъ Бестужевъ,—прошу заплатить, въ свою очередь, политикой и словесностью. Эти два пункта меня очень занимаютъ». Онъ засыпаетъ вопросами своего корреспондента: «Что дѣлаютъ либералы и каковъ ихъ характеръ? Каковъ духъ большей части французовъ? Доволенъ ли народъ? Пожалуйста, бросьте *при вѣрномъ случаѣ* нѣсколько строкъ объ этомъ». Подчеркнутыя слова особенно любопытны въ томъ отношеніи, что, говоря о самыхъ въ сущности невинныхъ вопросахъ политическаго характера, Бестужевъ, тогда еще ни въ чемъ незаподозрѣнный гвардейскій офицеръ и адъютантъ брата русской императрицы, уже остерегался «неисправности почты».

Читатель могъ убѣдиться, что мы нисколько не подкрашиваемъ характера Александра Бестужева. Именно такимъ, со всѣми свѣтлыми и темными сторонами своей личности принялъ онъ участіе въ обществен-

---

*) Донесеніе слѣдственной коммиссіи, стр. 52.

номъ движенiи своего времени. Теперь познакомимся не много подробнѣе и съ третьимъ изъ братьевъ Бестужевыхъ—Михаиломъ.

Онъ окончилъ хорошо курсъ въ морскомъ корпусѣ и былъ произведенъ въ офицеры. «Добрый К. П. Торсонъ,—разсказываетъ самъ Михаилъ Александровичъ Бестужевъ,—изъ любви къ брату и желая направить мои неопытные шаги на жизненномъ и служебномъ поприщѣ, взялъ меня подъ свою опеку: предложилъ мнѣ жить вмѣстѣ, склонилъ къ занятiямъ серьезнымъ и былъ моимъ дядькой и учителемъ» *).

Заграничное путешествiе и затѣмъ сравненiе европейскихъ порядковъ съ русскими произвели на Михаила Бестужева такое же впечатлѣнiе, какъ и на остальную передовую молодежъ второго десятилѣтiя XIX вѣка. Личная несправедливость къ нему и его другу Торсону со стороны начальства довершили дѣло.

Въ 1823 году Торсонъ составилъ проектъ объ усовершенствованiи русскаго флота. Ему было поручено реализовать этотъ проектъ вооруженiемъ корабля «Эмгейтена» и онъ пригласилъ къ себѣ въ помощники Михаила Бестужева. Цѣлую зиму провели молодые моряки въ холодныхъ зданiяхъ адмиралтейства, работая изо всѣхъ силъ надъ своей задачей. Когда все было готово, императоръ Александръ осмотрѣлъ корабль, пришелъ въ восторгъ и спросилъ морскаго министра Ф. В. Моллера, «отчего онъ тутъ видитъ то, чего прежде нигдѣ не видалъ?» Моллеръ не обмолвился ни однимъ словомъ о дѣятельности Торсона и Бестужева и всѣ похвалы принималъ, какъ должныя, на собственный счетъ. «Накипѣвшее у Торсона негодованiе,—говоритъ Михаилъ Бестужевъ,—не могло скоро уходиться. Въ частыхъ бесѣдахъ со мною Торсонъ раскрывалъ душевныя раны, и жалобы съ горечью изливались на существующiя злоупотребленiя, на гнетущiй произволъ, на тлетворное растлѣнiе всего административнаго механизма. «Надо положить этому конецъ», произносилъ онъ часто, останавливался, задумывался и перемѣнялъ разговоръ. Наконецъ, послѣ долгихъ колебанiй, онъ открылъ мнѣ существованiе тайнаго общества, съ цѣлью «положить этому конецъ», и принялъ меня въ члены» **).

Изъ этого разсказа самого Михаила Бестужева видно, что его братъ Александръ былъ вовсе неповиненъ въ «увлеченiи» его на путь тайныхъ обществъ, какъ о томъ празднословитъ Гречъ, а вслѣдъ за нимъ Богдановичъ, но совершенно вѣрно, что, узнавъ о присоединенiи Михаила къ тайному обществу, Александръ совѣтовалъ и помогалъ ему утилизировать его силы наилучшимъ образомъ, въ цѣляхъ общества. Вскорѣ послѣ описаннаго случая съ Моллеромъ Торсонъ перешелъ на службу въ Петербургъ, а вслѣдъ за нимъ совсѣмъ оставилъ флотъ и Михаилъ Бестужевъ. Онъ хотѣлъ перейти въ сухопут-

---

*) «Русская Старина» 1881 г., ноябрь, стр. 617.

**) Ibid., стр. 621.



ныя войска, но куда и какъ? «Братъ Александръ, которому я исповѣдовалъ состояніе моей души,—разсказываетъ Михаилъ Александровичъ, предложилъ мнѣ перейти на службу въ гвардію, объяснивъ мнѣ, что мое присутствіе въ полкахъ гвардіи, можетъ быть, будетъ полезно для дѣла тайнаго общества; я согласился. Онъ, будучи въ дружескихъ отношеніяхъ съ Ильею Гавриловичемъ Бибиковымъ, членомъ нашего общества, адъютантомъ великаго князя Михаила Павловича, который его уважалъ и любилъ, взялся за переводъ» *). Дѣло устроилось и такимъ образомъ морякъ Михаилъ Бестужевъ сдѣлался офицеромъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка. Это обстоятельство имѣло очень важныя для Бестужевыхъ, да и не однихъ только ихъ, послѣдствія. Извѣстно, что Московскій полкъ возмутили четырнадцатаго декабря въ сущности три человѣка: Александръ и Михаилъ Бестужевъ и князь Д. А. Щепинъ-Ростовскій. Изъ офицеровъ этого полка, кромѣ послѣднихъ двухъ (Александръ не былъ офицеромъ Московскаго полка), осужденъ еще одинъ только прапорщикъ В. С. Толстой. Что касается Щепина-Ростовскаго, то онъ получилъ образованіе также въ морскомъ корпусѣ **), но когда и какимъ образомъ сдѣлался онъ офицеромъ Московскаго полка, мы не знаемъ. Принимая во вниманіе, что въ 1825 году ему было двадцать восемь лѣтъ, надо полагать, что онъ былъ почти однокурсникомъ въ морскомъ корпусѣ Михаила Бестужева, бывшаго въ описываемый моментъ двадцати шести лѣтъ. Въ запискахъ Михаила Бестужева, правда, совсѣмъ не упоминается объ этомъ обстоятельствѣ, но, вѣдь, его записки опубликованы еще далеко не полностью ***).

Теперь остановимся немного на роли Бестужевыхъ въ томъ общественномъ движеніи, которое привело къ 14 декабря 1825 года.

Мы упоминали, что г. Венгеровъ считаетъ Александра Бестужева случайнымъ участникомъ движенія. Въ статьѣ, озаглавленной «Бестужевъ-Марлинскій», онъ говоритъ слѣдующее:

«Если обратиться къ прямымъ участникамъ революціонной организаціи, то въ духовной природѣ *значительной части ихъ* не трудно будетъ найти черты, которыя дѣлаютъ вполнѣ понятнымъ, почему они примкнули къ организаціи? Пестель съ своей натурой Кассія, дерзкій Каховскій, фанатикъ Рылѣевъ, вся поэзія котораго проникнута гражданскимъ духомъ, старшій братъ Марлинскаго, и въ Сибири только о томъ и думавшій, чтобы быть полезнымъ ближнимъ, Батенковъ,

*) «Русская Старина» 1870 г. іюнь, стр. 525.

**) У Богдановича въ приложеніи къ главѣ XXXI шестой книги «Исторіи царствованія Александра I» (стр. 62—72) находится списокъ осужденныхъ декабристовъ съ обозначеніемъ ихъ лѣтъ въ 1825 году и полученнаго ими образованія.

***) Записки Бестужева печатались въ «Русской Старинѣ» отрывками въ іюньской и августовской книжкахъ за 1870 годъ (въ трехъ изданіяхъ: во второмъ добавлена глава объ изобрѣтенной М. Бестужевымъ въ крѣпости стѣнной азбуки. Третье ничѣмъ не отличается отъ второго) и ноябрьской 1881 года.



который высидѣлъ двадцать лѣтъ въ одиночномъ заключеніи, упорно отказываясь отъ всякой попытки смягчить свою участь, всѣхъ этихъ людей никакъ нельзя назвать случайными участниками движенія». Что же касается Марлинскаго, то онъ, по мнѣнію г. Венгерова, какъ «никогда не касавшійся соціальныхъ и политическихъ темъ, интересовавшійся почти исключительно областью чувства и любви въ частности, наконецъ, сдѣлавшій блестящую литературную карьеру при цензурѣ тридцатыхъ годовъ (отлично знавшей, что читаетъ произведенія государственнаго преступника), *очевидно*, попалъ въ заговорѣ *только* потому, что всѣ его близкіе и пріятели въ немъ участвовали, и потому, что подпалъ обаянію, связанному со всякой опасностью» *).

Читатель видѣлъ, что мы далеко не *идеализируемъ* личность Марлинскаго, но краски, которыми обрисовалъ его г. Венгеровъ менѣе всего способны насъ удовлетворить. Мы уже указали, что предложенное г. Венгеровымъ объясненіе причинъ вступленія Марлинскаго въ тайное общество не вяжется съ тѣмъ фактомъ, что Марлинскій вступилъ въ общество *раньше* почти «всѣхъ его близкихъ и пріятелей». Не удовлетворяетъ насъ и критерій, на основаніи котораго г. Венгеровъ дѣлитъ участниковъ событія 14-го декабря на «случайныхъ» и «неслучайныхъ». Каховскій, по его словамъ, былъ «дерзокъ» и этой черты его «духовной природы» вполнѣ для г. Венгерова достаточно, чтобы ему стало «совершенно понятно», почему Каховскій вступилъ на извѣстную дорогу. Но, вѣдь, чѣмъ другимъ, а «дерзостью» одарила природа въ очень сильной степени и Марлинскаго. Самъ г. Венгеровъ приводитъ тому много примѣровъ. Отчего же «понятное» г. Венгерову въ Каховскомъ непонятно ему въ Марлинскомъ? Почему присутствіе одного изъ этихъ двухъ «дерзкихъ» людей въ движеніи явленіе «вполнѣ понятное», а на участіе въ томъ же движеніи другого надо смотрѣть, какъ на случайность? Если обладаніе «дерзостью» основаніе достаточное, чтобы то или иное изъ дѣйствующихъ лицъ было зачислено въ разрядъ неслучайныхъ, то въ общую категорію должны попасть и Каховскій, и Марлинскій; если же одной этой черты «духовной природы» для такого зачисленія еще недостаточно, то, значитъ, Каховскій обладалъ и еще чѣмъ-нибудь такимъ, что дѣлаетъ его участіе въ движеніи «вполнѣ понятнымъ». Но тогда надо рѣшить и другой вопросъ: не обладалъ ли тѣмъ же и Марлинскій?

Дѣло въ томъ, что *индивидуальныя* причины, толкнувшія въ движеніе его участниковъ, чрезвычайно разнообразны. Что общаго между психическимъ складомъ, напр., С. И. Муравьева-Апостола и А. И. Якубовича, князя А. П. Барятинскаго и Д. И. Завалишина, И. И. Горбачевскаго и В. К. Тизенгаузена? Это все люди разныхъ психическихъ міровъ, люди гораздо болѣе между собою далекіе, чѣмъ П. А. Каховвкій

*) «Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ» т. III, стр. 157.



скій и А. А. Бестужевъ, и, тѣмъ не менѣе, у всѣхъ ихъ было нѣчто общее, что заставило ихъ пропитаться атмосферой, господствовавшей въ передовыхъ кружкахъ военной молодежи двадцатыхъ годовъ. Это-то «нѣчто» и было побудительною причиною дѣятельности какъ Марлинскаго, такъ и многихъ другихъ изъ его товарищей. Если же взять только день 14 декабря 1825 года, то и тутъ надо будетъ сказать, что не Марлинскій былъ случайнымъ участникомъ въ событіяхъ этого дня, а самыя событія были въ нѣкоторомъ родѣ случайностью.

Мы уже видѣли изъ предыдущаго, что *настроеніе* Бестужева въ двадцатые годы ничѣмъ не отличалось отъ *настроенія* его друзей. Но ни Бестужевъ, ни его друзья не имѣли и въ помыслахъ, что развязка такъ близка. Это вѣрно, по крайней мѣрѣ, относительно такъ называемаго «сѣвернаго общества». Развѣ старый членъ общества, одинъ изъ его руководителей, князь Евгеній Петровичъ Оболенскій не писалъ о политическомъ преобразованіи Россіи, какъ о событіи, которое вырисовывалось предъ глазами членовъ общества «въ дали туманной, неопредѣленной?» Развѣ вѣрили въ успѣхъ своего дѣла въ самый день 14 декабря люди, игравшіе въ этотъ день наиболѣе активную роль: князь Е. П. Оболенскій, князь А. И. Одоевскій, князь Д. А. Щепинъ-Ростовскій, Н. А. Бестужевъ и, наконецъ, самъ К. Ф. Рылѣевъ? Нѣтъ, они не вѣрили и все-таки пошли. А Марлинскій? И онъ не вѣрилъ, и все-таки пошелъ. Его психика *ничѣмъ* не отличалась въ этотъ день отъ психики его друзей.

Обратимся къ документальнымъ даннымъ.

Двадцать пятый годъ близился къ концу. Рылѣевъ и Александръ Бестужевъ были поглощены заботами объ изданіи четвертаго выпуска «Полярной Звѣзды». Этотъ выпускъ такъ и не явился въ свѣтъ, но для него было приготовлено уже восемь печатныхъ листовъ *). Бестужевъ усидчиво работалъ надъ этимъ дѣломъ. Ему и въ голову не приходило, что уже напечатанные листы увидятъ свѣтъ лишь на страницахъ «Русской Старины» черезъ пятьдесятъ восемь лѣтъ послѣ ихъ изготовленія и сорокъ шесть послѣ его смерти... **).

Оболенскій разсказываетъ, что 1825 годъ былъ встрѣченъ въ Петербургѣ очень тихо. Возвратясь въ началѣ этого года изъ двадцативосьмидневнаго отпуска въ Москву, куда онъ ѣздилъ, «чтобы возобновить прерванныя сношенія со многими изъ членовъ общества, переѣхавшими по обязанностямъ службы въ Москву», Оболенскій «нашелъ Рылѣева еще занятаго изданіемъ альманаха, а по дѣламъ общества все находилось въ какомъ-то затишьи. Многіе изъ первоначальныхъ членовъ находились вдали отъ Петербурга. Н. И. Тургеневъ былъ за границей Я. Н. Толстой тамъ же; И. И. Пущинъ переѣхалъ въ Мо-

*) «Отечественныя Записки», 1860 г., май, стр. 141.

**) Новый выпускъ «Полярной Звѣзды» долженъ былъ называться «Звѣздочкой» Уцѣлѣвшіе листы ея напечатаны въ іюльской книжкѣ «Русской Старины» за 1883 г., стр. 45—100.



скву, кн. С. П. Трубецкой былъ въ Кіевѣ, Мих. Мих. Нарышкинъ былъ также въ Москвѣ; такимъ образомъ наличное число членовъ общества въ Петербургѣ было весьма ограничено. Вновь принятые были еще слишкомъ молоды и неопытны, чтобы вполнѣ развить себѣ цѣль и намѣренія общества, а потому они могли только приготовляться къ будущей дѣятельности черезъ постоянное взаимное сближеніе и обоюдный обмѣнъ мыслей и чувствъ въ извѣстные періодически назначенные дни для частныхъ совѣщаній. Такъ незамѣтно протекалъ 1825 годъ» *).

Когда получено было извѣстіе о кончинѣ Александра, то «наканунѣ присяги (Константину),—разсказываетъ Оболенскій въ другомъ мѣстѣ,—всѣ наличные члены общества собрались у Рылѣева. Всѣ *единогласно* рѣшили, что предпринимать что-либо рѣшительное въ столь короткое время было невозможно. Сверхъ того, положено было дѣйствія общества на время пріостановить. Грустно мы разошлись по своимъ домамъ, чувствуя, что надолго, а можетъ быть навсегда, отдалилось осуществленіе лучшей мечты нашей жизни».

Когда же пришли слухи объ отреченіи Константина, то члены общества стали снова ежедневно сходиться на совѣщанія, на которыхъ Рылѣевъ настаивалъ на необходимости «воспользоваться междуцарствіемъ»... «Я и многіе со мною изъявили мнѣніе противъ мѣръ, принятыхъ въ этотъ день (14 декабря) обществомъ, но неминуемость близкая, неотвратимая заставила отказаться отъ нравственнаго убѣжденія въ пользу дѣйствія, къ которому готовилось общество впродолженіи стольких лѣтъ. Не стану говорить о возможности успѣха,—едва ли кто-нибудь изъ насъ могъ быть въ этомъ убѣжденъ. Каждый надѣялся на случай благопріятный, на неожиданную помощь, на то, что̀ называется счастливой звѣздой, но при всей невѣроятности успѣха, каждый чувствовалъ, что обязанъ обществу исполнить данное слово, обязанъ исполнить свое назначеніе и съ этимъ чувствомъ, этимъ убѣжденіемъ, въ неотразимой необходимости дѣйствовать, каждый сталъ въ ряды».

Въ такомъ настроеніи духа явился на площадь Оболенскій, въ такомъ явились и многіе другіе, въ такомъ же и братья Бестужевы.

«За пять дней до 14 декабря,—разсказываетъ Михаилъ Александровичъ Бестужевъ,—Петръ пріѣхалъ въ Петербургъ, сопровождая жену Михаила Степановича Степоваго и уѣхалъ обратно въ Кронштадтъ, *по нашему настоянію*, за день до рокового дня. Каково же было мое удивленіе, когда 13 декабря, бывъ на совѣщаніи у Рылѣва, я, забѣжавъ навѣстить Ореста Сомова, больного и жившаго въ одномъ домѣ съ Рылѣевымъ,—неожиданно увидѣлъ брата Петра у него;

---

*) Евгеній Оболенскій. «Воспоминанія о К. Ф. Рылѣевѣ». «Девятнадцатый Вѣкъ». Историческій сборникъ, издаваемый П. Бартеневымъ, стр. 320. О самомъ Оболенскомъ см. также статью г. Головинскаго «Декабристъ князь Е. П. Оболенскій» въ № 1 «Историческаго Вѣстника» за 1890 годъ, стр. 115—145



онъ бросился ко мнѣ на шею и умолялъ не говорить о своемъ возвращеніи старшимъ братьямъ. Что было дѣлать? Я согласился молчать,—и онъ явился на площадь, только что я привелъ Московскій полкъ» [1]). Такимъ образомъ, психологія Петра Бестужева была одинакова съ другими. Изъ другого отрывка «Записокъ» М. А. Бестужева, видно, что Петръ Бестужевъ былъ принятъ въ общество лейтенантомъ А. П. Арбузовымъ [2]), а изъ другихъ данныхъ, что самъ Арбузовъ примкнулъ къ обществу лишь за нѣсколько дней до 14 декабря. «Арбузовъ раздѣлялъ тогдашнее свободное настроеніе», но не былъ членомъ общества,—разсказываетъ А. П. Бѣляевъ,—«онъ какъ-то вошелъ случайно въ сношеніе съ кѣмъ-то изъ членовъ общества, когда уже присягнулъ Константину, и тутъ узналъ, что давно уже существуетъ такое общество».. [3])

Д. И. Завалишинъ говоритъ, что Арбузовъ познакомился съ Рылѣевымъ у него на квартирѣ незадолго до отъѣзда его, Завалишина, въ Казань [4]), т.-е. опять, таки, значитъ, въ декабрѣ 1825 года.

Наконецъ, относительно психики самого Александра Бестужева существуетъ любопытное указаніе уже въ цитированномъ нами нѣсколько разъ «Донесеніи».

Когда князь Д. А. Щепинъ-Ростовскій, Михаилъ Бестужевъ и Александръ Бестужевъ возмутили Московскій полкъ, то, выходя на берегъ Фонтанки и видя возлѣ себя Александра Бестужева, Щепинъ сказалъ ему: «Что! вѣдь, къ чорту конституція», и Бестужевъ отвѣчалъ ему (отъ всего сердца, какъ увѣряетъ): «Разумѣется, къ чорту [5]).

Такой обмѣнъ мыслей на тему, что «конституція» шла «къ чорту», т.-е., что предпріятіе не удалось въ самомъ началѣ дѣла, и рядомъ съ этимъ тотъ образъ дѣйствій, какой проявили въ этотъ день Щепинъ-Ростовскій и Александръ Бестужевъ [6]), ясно указываетъ на психическое состояніе и этихъ лицъ. Она ничѣмъ не отличалась отъ психическаго состоянія остальныхъ ихъ единомышленниковъ въ этотъ день.

Отсюда видно, какъ ошибается г. Венгеровъ, проводя рѣзкую грань между психикой Александра Бестужева и психикой «значительной части» другихъ заговорщиковъ.

Но намъ, пожалуй, могутъ возразить, что самопожертвованіе является чертою фанатиковъ, а Марлинскій, несомнѣнно, фанатикомъ не былъ. Такимъ мотивомъ могъ руководится въ своей дѣятельности Рылѣевъ, но не Марлинскій,—веселый, экспансивный человѣкъ, прославившійся своимъ донъ-жуанствомъ, дуэлями и т. п. вещами. Такое возра-

---

[1]) Изъ Записокъ М. А. Бестужева, «Русская Старина» 1870 г., іюнь стр. 522.

[2]) «Русская Старина.» 1881 г., ноябрь, стр. 622.

[3]) «Воспоминанія декабриста о пережитомъ и перечувствованномъ» стр. 165.

[4]) Завалишинъ «Декабристы». «Русскій Вѣстникъ» февраль 1884 г., стр. 841.

[5]) «Донесеніе слѣдственной коммиссіи» стр. 77.

[6]) Ibid., стр. 76—77

женіе вѣрно лишь въ томъ смыслѣ, что Марлинскій, дѣйствительно, не былъ человѣкомъ вполнѣ цѣльнымъ, натурою, способною отдаться чему-нибудь одному разъ навсегда, отдаться такъ, чтобы это «одно» поглотило безъ остатка все его существованіе; но противорѣчитъ ли хоть сколько-нибудь всему этому мотивъ «самопожертвованія» и у такихъ натуръ, разъ они считаютъ тотъ или иной вопросъ дѣломъ чести? А именно въ этой формѣ стоялъ вопросъ, по свидѣтельству многихъ декабристовъ, у Бестужева и его друзей. Смотря на свое предпріятіе, какъ на долгъ чести, они шли на него, закрывъ глаза на послѣдствія. Наконецъ, вѣдь, это были почти всѣ люди военные, воспитавшіеся въ атмосферѣ, еще насыщенной событіями 1812—1815 г. И такое настроеніе не только вполнѣ вязалось, но и должно было сосуществовать у многихъ изъ нихъ съ бурными проявленіями молодости въ другихъ сферахъ жизни: отсюда это донъ-жуанство, на которомъ такъ подробно останавливается въ характеристекѣ Марлинскаго г. Венгеровъ, отсюда безчисленныя дуэли, участниками которыхъ были многіе декабристы (не исключая и Рылѣева), отсюда и многое другое. Вспомнимъ, что Пушкинъ въ эпоху своего наибольшаго либерализма имѣлъ и наибольшее количество всякихъ «исторій», доходя въ нихъ до прямого бреттерства. Сюда же примыкаютъ по прямой линіи Полежаевъ, а затѣмъ Лермонтовъ. То была дань общественной атмосферѣ, въ которой жили передовые люди первыхъ десятилѣтій XIX вѣка, дань эпохѣ, отъ которой они не могли освободиться, несмотря на свои выдающіяся умственныя и нравственныя качества. Марлинскій примкнулъ къ движенію подъ вліяніемъ Рылѣева,— это фактъ, но примкнулъ къ нему вполнѣ сознательно, зная, на что онъ идетъ. Повлекло его на этотъ путь чувство протеста противъ «аракчеевщины», а не только желаніе не отстать отъ «близкихъ и пріятелей» «да заманчивость романтической обстановки жизни заговорщика». Если даже Марлинскій интересовался «политическими и соціальными вопросами» менѣе другихъ, если онъ дѣйствовалъ больше по непосредственнымъ побужденіямъ своего пылкаго сердца, то вѣдь и тогда это еще далеко не равносильно желанію не отстать отъ другихъ да увлеченію одною внѣшнею стороною дѣла.

## III.

Мы не будемъ касаться самыхъ событій 14-го декабря 1825 года. Они болѣе или менѣе общеизвѣстны. Минуя этотъ роковой для Бестужевыхъ день, мы прослѣдимъ за дальнѣйшею судьбою каждаго изъ нихъ и начнемъ съ Марлинскаго.

Очутившись передъ слѣдственной коммиссіей, Марлинскій, какъ мы упоминали, прибѣгалъ къ такимъ «военнымъ хитростямъ», которыхъ гнушались болѣе его благородные Николай и Михаилъ Бестужевы. Онъ

вообще много «разговаривалъ» съ коммиссіей. Думаютъ, что такое поведеніе на слѣдствіи было принято во вниманіе при опредѣленіи ему наказанія: тогда какъ его братья Николай и Михаилъ были отправлены въ каторжныя работы, Александръ попалъ прямо на поселеніе въ Якутскъ. Предположеніе о томъ, что въ немъ пощадили крупный литературный талантъ, едва ли можетъ имѣть за собою вѣроятность. Съ этой стороны Бестужевъ былъ совершенно неизвѣстенъ судьямъ. По крайней мѣрѣ извѣстная А. О. Смирнова занесла въ свои «Записки» такія строки: «Императоръ Николай говорилъ съ Жуковскимъ о поэтахъ-декабристахъ, жалѣя, что не зналъ, что у Конрада Рылѣева такой талантъ и что даже Бестужевы поэты» *).

Въ одномъ изъ своихъ писемъ изъ Якутска братьямъ Марлинскій писалъ: «Теперь я гражданинъ своего тулупа: никуда не хожу гулять и въ окошко гляжу только тогда, когда какой-нибудь якутъ закричитъ: «Балыкъ надо?» на что я ему обыкновенно отвѣчаю: *сохъ* (нѣтъ), единственное слово въ этомъ языкѣ, которое я знаю очень твердо; жаль, право, что я не затвердилъ его ранѣе».

Издатель писемъ Бестужева изъ Якутска М. И. Семевскій дѣлаетъ къ послѣднимъ словамъ этого письма такой коментарій:

«Очень можетъ быть, что этою шуткою А. Бестужевъ намекаетъ на свою говорливость при слѣдствіи по дѣлу 14-го декабря. Въ то время, когда братья его Николай и Михаилъ, въ твердой увѣренности, что ихъ ожидаетъ смертная казнь, сочли излишнимъ вдаваться при допросахъ въ многословіе и обыкновенно ограничивались отвѣтами: «не знаю», «нѣтъ» и т. п., Александръ, при его пылкомъ и живомъ темпераментѣ, вдался въ подробныя изъясненія цѣлей тайнаго общества и своего въ немъ участія. Откровенность его была причиной, что участь его была облегчена: вмѣсто каторжной работы, онъ былъ сосланъ на поселеніе, но это именно и разлучило его съ братьями и друзьями» **).

Очень можетъ быть, прибавимъ мы отъ себя, что именно «откровенность» Бестужева была причиной смягченія его участи, но очень можетъ быть, что это зависѣло и отъ другихъ обстоятельствъ. По крайней мѣрѣ, въ одномъ изъ писемъ Бестужева къ Полевому находятся слѣдующія, какъ будто проливающія свѣтъ на это дѣло, строки:

«Грибоѣдовъ взялъ слово съ Паскевича мнѣ благодѣтельствовать, даже выпросить меня изъ Сибири у государя. Я видѣлъ на сей счетъ сдѣланную покойникомъ записку... благороднѣйшая душа!» ***).

*) «Записки А. О. Смирновой». ч. II, стр. 19.

**) «Александръ Бестужевъ въ Якутскѣ». «Русскій Вѣстникъ» 1870 г., май, стр. 245—246.

***) Письма А. А. Бестужева къ Н. А. и К. А. Полевымъ. «Русскій Вѣстникъ» 1861 г., мартъ, стр.321.



Извѣстно, что Грибоѣдовъ самъ привлекался къ дѣлу о тайномъ обществѣ и содержался въ заключенiи. Дѣло кончилось для него ничѣмъ. Будучи въ тѣсной дружбѣ съ Бестужевымъ и имѣя влiянie на Паскевича, именно Грибоѣдовъ могъ облегчить своими хлопотами участь Марлинскаго.

Какъ бы то ни было, но, просидѣвъ еще нѣсколько времени послѣ объявленiя приговора въ Петропавловской крѣпости, Александръ Бестужевъ былъ переведенъ въ ночь на шестое августа 1826 года вмѣстѣ съ И. Д. Якушкинымъ, М. И. Муравьевымъ-Апостоломъ, А. П. Арбузовымъ и А. И. Тютчевымъ въ фортъ Славу въ Финляндiи. Въ концѣ октября 1827 года, т.-е. черезъ пятнадцать мѣсяцевъ, въ теченiе которыхъ онъ находился въ одиночномъ заключенiи этого форта, Бестужева отправили съ фельдъегеремъ въ Якутскъ. Проѣздомъ черезъ Иркутскъ Александръ Александровичъ увидался случайно съ своими братьями Николаемъ и Михаиломъ, которыхъ въ это же время отправляли изъ Шлиссельбурга въ Читинскiй острогъ. Это была ихъ послѣдняя встрѣча.

Прибывъ въ Якутскъ, Бестужевъ употребляетъ всѣ средства, чтобы не пасть духомъ. Для такой натуры бездѣятельность была равносильна могилѣ. Онъ наблюдаетъ мѣстную жизнь, берется за нѣмецкiй языкъ и отдается изученiю его съ такимъ жаромъ, что уже черезъ два мѣсяца читаетъ Шиллера и Гете, увлекается естествознанiемъ, штудируетъ Парота, Гумбольдта, Франклина, Араго, пишетъ стихотворенiя, изъ которыхъ нѣкоторыя были впослѣдствiи напечатаны, но все это было не то, чего просила душа. Для кабинетныхъ занятiй Бестужевъ не былъ созданъ, ему нужна была дѣятельность, жизнь, полная впечатлѣнiй и также, какъ рыбѣ вода или птицѣ воздухъ. Прошлое было похоронено, а въ будущемъ виднѣлся лишь безконечный рядъ дней, мѣсяцевъ и лѣтъ прозябанiя въ Якутскѣ среди чуждой природы и чуждыхъ людей. Съ увлеченiемъ читаетъ Бестужевъ изрѣдка долетающiя въ Якутскъ газеты съ извѣстiями о дѣйствiяхъ нашихъ войскъ на Кавказѣ: тамъ жизнь, тамъ просторъ для алкающаго сильныхъ впечатлѣнiй человѣка, оттуда лежитъ можетъ быть то, о чемъ можно было думать въ положенiи Бестужева лишь въ самыхъ безумныхъ мечтахъ,—дорога на родину, къ горячо любимой имъ матери и безконечно любимымъ своимъ братьямъ, сестрамъ. Во всякомъ случаѣ, если дорога въ Россiю и существуетъ, то,—Бестужевъ зналъ это очень хорошо,—она лежитъ черезъ Кавказъ. Отправка туда рядовымъ изъ Якутска же одного изъ товарищей по дѣлу и ссылкѣ, графа З. Г. Чернышева укрѣпила Бестужева еще больше въ надеждѣ выбить себѣ лучшую долю солдатскимъ штыкомъ. Онъ шлетъ письмо къ государю въ которомъ пишетъ, что душа его «рвется въ бой кровавый», получаетъ желаемое разрѣшенiе и лѣтомъ 1829 года вмѣстѣ съ другимъ своимъ товарищемъ по ссылкѣ В. С. Толстымъ мчится по сибирскому

бездорожью съ такою быстротою, что въ августѣ того же года онъ уже на Кавказѣ и въ скоромъ времени дерется съ горцами.

«Путь мой верхомъ по берегамъ Лены былъ труденъ и опасенъ,— писалъ Бестужевъ братьямъ изъ Иркутска 27-го іюля 1829 года,— рѣдкій день проходилъ безъ приключеній, но каждый часъ сближаетъ меня съ битвами за правое дѣло и я благословляю судьбу» *).

Передъ Бестужевымъ открылась было на Кавказѣ, дѣйствительно, несравненно лучшая, чѣмъ въ Якутскѣ жизнь. Онъ былъ ласково принятъ начальствующими лицами, поддерживалъ дѣятельную переписку съ родными и неизмѣнно преданнымъ ему Н. А. Полевымъ, сталъ писать подъ старымъ псевдонимомъ Марлинскаго, скоро доставившіе ему огромную популярность, романы, сдѣлался кумиромъ многихъ женщинъ, ибо соединялъ въ себѣ рѣшительно все, чтó должно было доводить до восторга нашихъ бабушекъ: разжалованный въ солдаты недавно еще блестящій гвардеецъ и адъютантъ члена императорской фамиліи, узникъ Петропавловской крѣпости, невольный житель Якутска, знаменитый писатель, отъ котораго сходили съ ума даже никогда не видавшіе его въ глаза женщины, не только не пуританинъ, но человѣкъ, какъ Бестужевъ самъ о себѣ выражался, съ «перечнымъ темпераментомъ», наконецъ, безумно-смѣлый воинъ, до дерзости всегда и всюду отважный любитель сильныхъ ощущеній,—это ли еще не данныя, чтобы герои романовъ Марлинскаго, всѣ эти Гремины, Лидины и прочія «огнедышащія» натуры съ ихъ безчисленными приключеніями явились далеко не вымышленными лицами. Многое изъ ихъ похожденій было чуть не сколками съ событій изъ жизни самого Марлинскаго. Г. Венгеровъ совершенно вѣрно указалъ, что о фальсификаціи чувствъ, въ чемъ заподазривалъ Марлинскаго Бѣлинскій, не можетъ быть и рѣчи и что вообще оцѣнка, сдѣланная Бѣлинскимъ произведеній Марлинскаго, «нѣсколько одностороння и лишена исторической перспективы».

Одно обстоятельство измѣнило вскорѣ круто жизнь Марлинскаго въ худшую сторону. Михаилъ Бестужевъ разсказываетъ объ этомъ такъ:

«Генералъ Раевскій, бывшій членъ тайнаго общества и прощенный за чистосердечное раскаяніе, проживая, какъ начальникъ отряда, въ Тифлисѣ, наполнилъ свой штабъ большею частью изъ декабристовъ и ссыльныхъ офицеровъ. Прочихъ, не бывшихъ въ его штабѣ, онъ ласково принималъ въ своемъ домѣ. Отставной флотскій офицеръ фонъ-Д., мужъ премиленькой жены своей, воспитанницы Смольнаго монастыря и подружки одной изъ моихъ сестеръ, вышедшей съ нею въ тотъ же годъ, приревновалъ брата моего Александра и вмѣсто того, чтобы разсчитаться съ братомъ, наговорилъ матушкѣ при выходѣ изъ церкви дерзостей. Братъ вызвалъ его на дуэль,—онъ отказался. Рылѣевъ встрѣтилъ фонъ-Д. случайно на улицѣ и въ отвѣтъ на его дерзость

*) Александръ Бестужевъ въ Якутскѣ. «Русскій Вѣстникъ», 1870. Май, стр. 263.

исхлесталъ его хлыстомъ, бывшимъ въ его рукѣ. Этотъ-то субъектъ и былъ назначенъ на Кавказъ, какъ чиновникъ-провіантмейстеръ, и какъ то попавъ на вечеръ къ Раевскому, увидѣлъ себя среди декабристовъ. Въ паническомъ страхѣ за свою жизнь, онъ на другой же день уѣхалъ безъ разрѣшенія въ Петербургъ, а тамъ, чтобы какъ нибудь оправдать свое безразсудство, подалъ доносъ, въ которомъ представлялъ Раевскаго, какъ измѣнника. Раевскому былъ присланъ строжайшій выговоръ, а главнокомандующему на Кавказѣ приказъ: разослать всѣхъ окружающихъ Раевскаго и находящихся въ Тифлисѣ декабристовъ, по разнымъ крѣпостямъ съ тѣмъ, чтобы ихъ подвергнуть гарнизонной службѣ» *).

Это событіе, отразившееся самымъ трагическимъ образомъ на судьбѣ брата Марлинскаго, Петра Бестужева, о чемъ мы скажемъ ниже, имѣло и для самаго Марлинскаго очень тяжелыя послѣдствія. Съ него начинается то непригладное, тянувшееся до самой смерти существованіе Бестужева на Кавказѣ, описаніемъ котораго полны его письма къ матери и братьямъ. Рядовой Бестужевъ участвуетъ въ безчисленныхъ походахъ и экспедиціяхъ, перестрѣлкахъ и сраженіяхъ, ведетъ невѣроятно-тяжелую борьбу съ убійственными климатическими и бытовыми условіями своей жизни, подвергается всевозможнымъ оскорбленіямъ и униженіямъ со стороны разныхъ властей. Надо удивляться той силѣ духа, которую обнаруживалъ при этомъ Бестужевъ. Его стремленіемъ въ это время было заслужить солдатскій георгіевскій крестъ. Какое мелкое тщеславіе!— скажутъ незнакомые съ дѣломъ люди. Нѣтъ, не мелкое тщеславіе, отвѣтимъ мы имъ, а нѣчто несравненно болѣе серьезное. Дѣло въ томъ, что георгіевскій крестъ освобождалъ рядового отъ тѣлеснаго наказанія, а вѣдь самое ужасное въ жизни Бестужева и состояло въ томъ, что надъ нимъ, какъ Дамокловъ мечъ, вѣчно висѣла угроза палокъ, розогъ, прогнанія сквозь строй... И Бестужевъ дерется съ горцами всегда впереди, всегда въ отрядахъ охотниковъ, вызываемыхъ для самыхъ рискованныхъ предпріятій, всегда въ самомъ жаркомъ огнѣ, въ самой густой сѣчѣ. Но ничто не помогаетъ. Солдаты присуждаютъ ему георгіевскій крестъ, но онъ его не получаетъ, мѣстное начальство представляетъ его къ наградамъ, но представленія остаются безъ результата. Въ письмахъ къ близкимъ Бестужевъ описываетъ свою жизнь въ такихъ, напр., строкахъ:

*24 декабря 1831 года.* «Я былъ въ нѣсколькихъ жаркихъ дѣлахъ; всегда впереди, въ стрѣлкахъ, не разъ былъ въ мѣстахъ очень опасныхъ; но Богъ, который выводилъ меня изъ челюстей львиныхъ и прежде, не далъ укусить ни одной свинцовой мухѣ, а онѣ, впрочемъ, крѣпко до меня добирались: шинель моя пробита въ двухъ мѣстахъ

*) «Русская Старина» 1870 г. іюнь. стр. 522—523.



и,—это чуть не чудо,—ружье мое прострѣлено сквозь обѣ стѣнки, такъ что пуля изломала шомполъ. Такихъ случаевъ, впрочемъ, въ одномъ мѣстѣ я видѣлъ пять» *).

*8 ноября 1835 года.* «Никто бы не повѣрилъ увидѣвъ меня по возвратѣ изъ Пятигорска, чтобы я могъ выдержать военные труды и при хорошей погодѣ: до того я былъ худъ, блѣденъ, болѣзненъ; и что же? я вынесъ втрое противъ здоровыхъ, потому что баталіоны чередовались ходить въ дѣло, а я, прикомандированъ будучи къ черноморскимъ пѣшимъ стрѣлкамъ, для введенія у нихъ военнаго порядка, ходилъ безъ отдыха каждый день въ цѣпи съ утра до вечера, не зная, что̀ такое сухая одежда, и потомъ ночуя въ мокрой постели, потому что всѣ лагери тонули» **).

*26 мая 1836 года.* «Я опять очень боленъ, любезный Поль. Гилендживкъ меня уходитъ. Да и можно ли быть здоровымъ въ землянкѣ, гдѣ на ногахъ сапоги плѣсневѣютъ, гдѣ подъ поломъ лужа, а кровля—рѣшето... Смертность въ крѣпости ужасная; что день, то отъ 3 до 5 человѣкъ умираетъ» ***).

Такова лишь внѣшняя обстановка жизни Бестужева. Замѣтимъ при этомъ, что, по единогласному свидѣтельству всѣхъ знавшихъ Бестужева на Кавказѣ, никакого преувеличенія въ его письмахъ нѣтъ и слѣда, такъ что и въ этомъ отношеніи г. Венгеровъ не правъ, объясняя «чисто субъективною причиной—мрачное настроеніе» *) Марлинскаго на Кавказѣ.

Мы видѣли выше, какова была даже внѣшняя обстановка жизни Бестужева, но и ею далеко не ограничивались тѣ, по выраженію г. Венгерова, «не Богъ ужъ вѣсть какія большія непріятности», съ которыми встрѣтился Бестужевъ на Кавказѣ.

Гораздо вѣрнѣе объ этомъ предметѣ мнѣніе М. И. Семевскаго, который писалъ такія строки:

«Бестужевъ, какъ видно изъ его же писемъ, былъ человѣкъ съ желѣзною волею, способный перенести всевозможныя лишенія. И чего только не перенесъ этотъ благородный и талантливый человѣкъ, перенесенный судьбою изъ Петербурга въ Якутскъ, изъ Якутска въ Дербентъ! Но, видно, горько было, если мысль о самоубійствѣ приходила ему въ голову» ****).

Да, всѣ романы Бестужева, заставившіе гремѣть имя Марлинскаго на всю Россію, были имъ написаны именно въ такой обстановкѣ. Едва ли существуетъ этому другой такой же примѣръ. Конечно, романы Марлинскаго совершенно безъидейны; *какъ таковые*, они по справедливости забыты,

---

*) Михаилъ Семевскій. «Александръ Александровичъ Бестужевъ». «Отечественныя Записки». 1860 года, іюль, стр. 46.

**) Ib., стр. 51.

***) Ib., стр. 61.

****) «Критико-біографическій словарь». т. III, стр. 160.



но несправедливо было бы забывать, на этомъ основаніи, и самого автора, хотя бы потому уже, что и самъ онъ смотрѣлъ на свои романы, какъ на «побасенки».

Въ высшей степени интересной перепискѣ Бестужева съ Н. А. и К. А. Полевыми **) выясняется устойчивость его раннихъ воззрѣній.

Мы уже упоминали, съ какимъ постоянствомъ держался Бестужевъ своего мнѣнія о Карамзинѣ, и въ этомъ мы видимъ ясный «слѣдъ» его идей двадцатыхъ годовъ. Теперь прослѣдимъ за его взглядами на поэзію Пушкина.

9 марта 1833 года Бестужевъ писалъ Н. А. Полевому:

«Давно ли, часто ли вы съ Пушкинымъ? Мнѣ онъ очень любопытенъ; я не сержусь на него именно потому, что его люблю... Скажите ему отъ меня: ты надежда Руси—не измѣни ей, не измѣни своему вѣку; не топи въ лужѣ таланта своего, не спи на лаврахъ: у лавровъ для генія есть свои шипы—шипы вдохновительные, подстрекающіе; лавры лишь для одной посредственности мягки, какъ маки» ***).

Въ другомъ письмѣ:

«Я готовъ, право, схватить Пушкина за воротъ, поднять его надъ толпой и сказать ему: стыдись! Тебѣ ли, какъ болонкѣ, спать на солнышкѣ передъ окномъ, на пуховой подушкѣ дѣтскаго успѣха? Тебѣ ли поклоняться золотому тельцу, слитому изъ женскихъ серегъ и мужскихъ перстней,—тельцу, котораго зовутъ нѣмцы маммонъ, а мы, простаки, свѣтъ» ****).

Вспомнимъ, что Полевой неоднократно упрекалъ Пушкина за его преклоненіе передъ «свѣтомъ», понимая подъ этимъ его связи въ высшихъ сферахъ. О томъ же несомнѣнно, говоритъ и Бестужевъ.

Еще отрывокъ изъ письма:

«Про Пушкина пожимаю плечами. Ужели и за его душу пора пѣть панихиду? Я всегда зналъ его за безхарактернаго человѣка, едва ли не за безнравственнаго, mais c'est plus qu'un délit, c'est une faute».

Что это значитъ? Отчего такая немилость къ поэзіи и личности Пушкина, если бы у автора письма дѣйствительно «отъ прежнихъ идей не осталось и слѣда»?

Мы ясно поймемъ замѣчаніе Марлинскаго, если припомнимъ, что точь-въ-точь также относилось къ Пушкину по извѣстнымъ причинамъ все молодое поколѣніе тридцатыхъ годовъ.

«Начинали поговаривать, но еще робко,—разсказываетъ Панаевъ,—что Пушкинъ старѣетъ, останавливается, что его принципы и воззрѣнія обнаруживаютъ недоброжелательство къ новому движенію, къ но-

*) «Отечественныя Записки». 1860 г. май, стр. 165.

**) Письма А. А. Бестужева къ Н. А. и К. А. Полевымъ, писанныя въ 1831—1837 годахъ. «Русскій Вѣстникъ», 1861 г. апрѣль, стр. 426—487.

***) Письма, стр. 436.

****) Ib., 429.



вымъ идеямъ, которыя проникали къ намъ изъ Европы, медленно, но все-таки проникали, возбуждая горячее сочувствіе въ молодомъ поколѣніи... И несмотря на то, что въ художественномъ отношеніи Пушкинъ достигалъ совершенства съ каждымъ новымъ своимъ произведеніемъ, молодое поколѣніе начинало замѣтно охлаждаться къ поэту, и только неожиданная и трагическая смерть его возвратила ему общее горячее сочувствіе» *).

Замѣчательно, что горячее сочувствіе къ Пушкину возвратила и находившемуся на другомъ концѣ Россіи Бестужеву смерть великаго поэта. Письмо къ брату Павлу, въ которомъ описываетъ Бестужевъ свои впечатлѣнія отъ этой тяжелой вѣсти, въ высшей степени характерно во всѣхъ отношеніяхъ для этой замѣчательной личности русской исторіи.

Вотъ отрывки изъ этого письма:

«J'étais profondement affecté de la fin tragique de Poushkine, cher Paul; bien que cette nouvelle m'était communiquée par une femme charmante. Tout malheur imprévu ne penetre pas d'abord jusq'au fond du coeur, mais on dirait, qu'il attaque seulement son epiderme; mais quelques heures après dans la silence de la nuit et de solititude le venin filtre dedans et s'y dilate.—Je n'avais pas clos la paupière durant la nuit, et à l'aube du jour j'étais déjà sur le chemin escarpé, qui conduit au couvent de St.-David, que vous savez. Arrivé là j'appéle un священникъ et fais dire le service funèbre sur la tombe de Griboyedoff, tombe d'un pôete foulé par des pieds profanes, sans une pierre, sans inscription dessus! J'ai pleuré alors, comme je pleure maintenant, à chaudes larmes, pleuré sur un ami et un camarade d'armes, sur moi même: et quand le prêtre chanta: «за убіенныхъ болярь Александра и Александра»,—j'ai sanglotté au point be me suffoquer—elle m'a parut cette phrase non seulement un souvenir, mais une prédiction... Oui, je sens, moi, que ma mort aussi sera violente, et extraordinaire, et peu eloigné—j'ai trop du sang chaud, du sang qui bout dans mes veines pour qu'il soit glacé par l'age...

«Vous accusez d'ailleurs trop Dantès—la morale ou plutôt l'immoraiité l'absout—d'après moi: son crime ou son malheur, c'est d'avoir tué Pouschkine—et c'est plus qu'assez pour en faire un outrage irremissible à mes yeux. Qu'il se tienne donc pour averti (Dieu m'est témoin que je ne plaisante pas) que lui ou moi ne reviendra pas de nôtre première rencontre»... **).

---

*) И. И. Панаевъ. «Литературныя воспоминанія и воспоминанія о Бѣлинскомъ», стр. 187.

**) «Отечественныя Записки» 1860 г., іюнь, стр. 71. «Меня глубоко огорчила трагическая смерть Пушкина, дорогой Павелъ, несмотря на то, что эта вѣсть была сообщена мнѣ прелестной женщиной. Всякое неожиданное несчастье не проникаетъ сразу до глубины сердца, сначала оно затрагиваетъ, такъ сказать, его поверхность.



Въ этомъ письмѣ Бестужевъ весь со всѣми своими достоинствами и недостатками. Зная его жизнь и его характеръ, можно съ увѣренностiю сказать, что если бы судьба свела его съ Дантесомъ, Бестужевъ непремѣнно исполнилъ бы свое слово! И какiя сложныя чувства наполняютъ душу этого человѣка... Извѣстiе о смерти Пушкина, того самаго Пушкина, при чтенiи послѣднихъ произведенiй котораго онъ еще недавно только «пожималъ плечами» или испытывалъ желанiе «схватить его за воротъ» и пристыдить, не поражаетъ Бестужева особенно глубоко. Тутъ сказалось и его охлажденiе вмѣстѣ со всею передовою частью русскаго общества къ великому поэту и спецiально «бестужевская» черта не обнаруживать никакихъ «слабостей» въ присутствiи «femmes charmantes». Но проходитъ нѣсколько часовъ, и Бестужевъ болѣе и болѣе проникается сознанiемъ великости утраты; онъ забываетъ грѣхи Пушкина и помнитъ только великаго поэта и своего «ami et un *camarade d'armes*»... Онъ не смыкаетъ глазъ въ теченiе всей ночи и едва блеснулъ лучъ разсвѣта онъ спѣшитъ уже... Куда?.. На могилу Грибоѣдова, другого «ami et un *camarade d'armes*», останавливается передъ нею, оскорбляется равнодушiемъ общества, не потрудившагося даже поставить надъ могилою памятникъ или хотя бы только сдѣлать надъ нею надпись и тѣмъ позволяющаго топтать священную землю «par des pieds profanes», зоветъ священника и плачетъ, плачетъ горькими слезами... А Бестужевъ былъ не изъ тѣхъ, у которыхъ легко исторгаются изъ глазъ слезы. Другой разъ онъ заплакалъ лишь при извѣстiи о томъ, что доведенный преслѣдованiями, разжалованный послѣ 14 декабря въ рядовые, его братъ Петръ сошелъ съ ума *). А тутъ еще странное совпаденiе: на могилѣ *убитаго Александра* Грибоѣдова по *убитомъ Александрѣ* Пушкинѣ служитъ панихиду *Александръ* Бестужевъ. Когда-то всѣ три Александра были въ большой друж-

---

Но черезъ нѣсколько часовъ въ тиши и одиночествѣ ночи ядъ проникаетъ въ глубину и разливается тамъ. Я не смыкалъ глазъ всю ночь и на зарѣ я уже ѣхалъ по скверной дорогѣ въ монастырь св. Давида, который ты знаешь. Прiѣхавъ туда, я зову священника и прошу его отслужить панихиду на могилѣ Грибоѣдова, могилѣ поэта, попираемой ногами толпы, безъ камня, безъ надписи. Я плакалъ тогда горькими слезами, какъ плачу теперь, надъ другомъ, надъ товарищемъ по оружiю, надъ самимъ собой. И когда священникъ произнесъ слова: «за убiенныхъ боляръ Александра и Александра», я задыхался отъ рыданiй—эта фраза показалась мнѣ не только воспоминанiемъ, но и предсказанiемъ... Да, я чувствую это, моя смерть тоже будетъ насильственной, необычной и близкой.—Кровь моя слишкомъ горяча, она кипитъ въ моихъ жилахъ, хотя должна была бы остыть отъ лѣтъ.

«Вы слишкомъ строго обвиняете Дантеса—его оправданiемъ, по моему, служитъ нравственность или, лучше сказать, безнравственность. Его преступленiе или его несчастiе въ томъ, что онъ убилъ Пушкина,—и этого болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы сдѣлать его вину непрощаемой въ моихъ глазахъ. Да будетъ же ему извѣстно (Богъ свидѣтель, что я не шучу), что онъ или я не переживемъ нашей первой встрѣчи»...

*) «Отечественныя Записки» 1860 г., май, стр. 154.



бѣ, и вотъ теперь двухъ изъ нихъ уже не существуетъ, они убиты, и третьему Александру естественно приходитъ въ голову, что и ему недолго уже ждать своей очереди... Условія, при которыхъ протекаетъ его жизнь, способны навести на подобныя мысли и не при такой исключительной по своей мрачности обстановкѣ. И Бестужевъ рыдаетъ на могилѣ Грибоѣдова, рыдаетъ до удушья, рыдаетъ о немъ, рыдаетъ о Пушкинѣ, рыдаетъ о собственной погубленной жизни... Онъ чувствуетъ въ себѣ столько силъ, въ его жилахъ течетъ такъ много «du sang chaud», а между тѣмъ вотъ—уже двѣнадцать лѣтъ, какъ разбился о камни челнокъ, которымъ управлялъ смѣлый гребецъ, и съ тѣхъ поръ всѣ усилія ступить ногою на твердую почву не приводятъ ни къ чему. Безумная храбрость, качество, которое такъ цѣнится въ другихъ, не прокладываетъ ему дороги къ желанной цѣли. Онъ привыкъ къ жужжанію пуль и сверканію обнаженныхъ шашекъ, «свинцовыя мухи» до сихъ поръ не встрѣчались съ его грудью, но возможно ли, вѣроятно ли, чтобы это продолжалось вѣчно? Нѣтъ, видно, здѣсь придется и сложить буйную головушку... Молитва священника «за убіенныхъ бояръ Александра и Александра» значитъ не только «un souvenir», но и «une prediction»...

И Бестужевъ не ошибся въ своемъ предчувствіи... Но скажемъ сперва еще нѣсколько словъ объ умственныхъ интересахъ Бестужева въ кавказскій періодъ его жизни.

«Какой гвалтъ поднялся бы въ русской литературѣ,—говоритъ Шашковъ,—если бы Бестужевъ могъ свободно появиться въ ней въ роли критика и развить тѣ критическія замѣтки, которыхъ не мало встрѣчается въ его письмахъ!..» *) И это совершенно вѣрно. Одного отношенія Бестужева ко всей дѣятельности Карамзина и дѣятельности Пушкина послѣдняго періода жизни великаго поэта было бы уже достаточно для того, чтобы не согласиться съ мнѣніемъ г. Венгерова, но существуютъ тому и другія доказательства. «Пустозвону» Карамзину Бестужевъ противопоставляетъ Полевого, который въ своей «Исторіи Русскаго Народа» стоитъ, по мнѣнію Бестужева, на вполнѣ правильной точкѣ зрѣнія. Въ «Исторіи» Полевого Бестужевъ «видѣлъ первую попытку создать истинно-русскую исторію» **). «Я зналъ Карамзина хорошо,—писалъ онъ Полевому съ Кавказа,—и несмотря на заботы его поклонниковъ, рѣшительно отказался отъ знакомства съ нимъ» ***). За что же такая немилость къ знаменитому «исторіографу»? Да, очевидно, за тоже, за что наградилъ его и молодой Пушкинъ рѣзкимъ стихотвореніемъ. Что это именно такъ, доказательствомъ тому можетъ служить относящаяся еще къ 1823 году статья Бестужева о Карамзинѣ, въ которой онъ писалъ, что «время разсудитъ его (Карамзина), какъ

*) А. А. Бестужевъ-Марлинскій. «Дѣло» 1880 г., ноябрь, стр. 136.
**) Письма Бестужева. «Русскій Вѣстникъ» 1861 г., мартъ, стр. 286.
***) Ibid., стр. 333.



историка». Въ тридцатыхъ годахъ, не имѣя никакой возможности высказываться о такихъ щекотливыхъ вещахъ печатно, Бестужевъ повторялъ о Карамзинѣ въ частныхъ письмахъ тоже самое, но въ неизмѣримо болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ. Поэмы Пушкина Бестужевъ считаетъ «прелестными китайскими тѣнями»... Онъ указываетъ на полную оторванность литературы отъ жизни, скорбитъ о томъ, но не бросаетъ за это упрека въ честныхъ писателей, ибо находитъ, что бросать въ данномъ случаѣ слово осужденія все равно, что «наказывать человѣка за его поступки во снѣ». Но онъ съ прежнею страстью протестуетъ противъ развившихся въ русской литературѣ угодничества, безстыдства, наглости, пошлости и т. п. «талантовъ», которыми отличались Сеньковскіе и Булгарины въ русской журналистикѣ.

«Сеньковскій зазнался не путемъ,—писалъ Бестужевъ Ксенофонту Полевому 27 іюля 1834 года.—«Телескопъ» не съ того конца началъ его: ему должно было доказать, что русская словесность и не думаетъ вертѣться отъ того, что онъ дуетъ въ нее въ два свистка; ему надобно было доказать его ничтожность и наглое самохвальство. Ему предрекаютъ, что онъ *испишется*,—я говорю, что онъ уже *исписался*, ибо ворованнаго станетъ ненадолго... У него есть смѣлость, есть манера, недостаетъ бездѣлки—души и другой бездѣлки—философіи. Его опредѣленіе романтизма—жалость и шалость вмѣстѣ. Общиплите его (я могу на свой пай показать, откуда онъ взялъ три четверти своихъ шутокъ и выраженій) и вы найдете, что оригинальнаго у него только безстыдство да нелѣпость» *).

Къ собственнымъ своимъ произведеніямъ Бестужевъ относится, какъ къ «игрушкамъ» и «побасенкамъ» **). Онъ не скрываетъ, что пишетъ ихъ почти исключительно изъ-за денегъ, а зачѣмъ ему такъ нужны были деньги, это не трудно установить. Марлинскимъ зачитывалась публика, Марлинскаго хвалили въ журналахъ, Марлинскаго превозносили друзья, но не Марлинскій, а Александръ Бестужевъ зналъ отлично цѣну своимъ «сказкамъ». «Какъ ни оправдывайтесь,—писалъ онъ Полевому,—въ своихъ похвалахъ *Марлинскому*, Александръ *Бестужевъ* отъ нихъ *отрицается*. Онъ чувствуетъ, что какъ ни дуренъ самъ, но во сто разъ лучше своихъ повѣстей. Перомъ моимъ торгуютъ въ Петербургѣ, хотятъ меня выдать, словно бѣдную невѣсту, за богатаго дурака. Не знаю какъ быть: невольникомъ стать не хочется, а пять тысячъ въ годъ деньги... Я имѣю братьевъ, которымъ «лишнее не лишнее». И, дѣйствительно, деньги были нужны Бестужеву, какъ рѣдко кому. Пусть ему пришлось бы жить въ противномъ случаѣ на солдатскомъ пайкѣ,—это было бы полгоря,—но у него была мать, три сестры и четыре брата, изъ которыхъ двое находились въ каторгѣ

*) Письма. «Русскій Вѣстникъ». 1861 г. апрѣль, стр. 460—461.
**) Ibid. мартъ 1861. стр. 292.



и, слѣдовательно, зарабатывать абсолютно ничего не могли, и двое другихъ, тянувшихъ такую же, какъ онъ, лямку на Кавказѣ. Въ довершеніе всего, одинъ изъ нихъ, Петръ Бестужевъ, не вынесъ солдатской жизни и сошелъ съ ума. Забота обо всѣхъ этихъ лицахъ легла на плечи Александра. И онъ писалъ, писалъ много, зарабатывая этимъ хорошія деньги. Писалъ онъ романы изъ кавказской жизни, надѣляя своихъ героевъ всякими чуть не сверхъ-человѣческими страстями; публика восторгалась этими романами, прекрасный полъ былъ безъ ума отъ таинственнаго романиста, скрывающагося подъ псевдонимомъ Марлинскаго, нерѣдко и начальствующія лица видѣли все-таки въ «нижнемъ чинѣ» Бестужевѣ не просто солдата, а и знаменитаго литератора. Все это несомнѣнно щекотало самолюбіе Бестужева, приносило ему въ его злополучной жизни нѣкоторую пользу, удовлетворяло, наконецъ, его неудержимую страсть къ писательству, но главнымъ мотивомъ его литературной дѣятельности этого рода были деньги. Скажемъ, впрочемъ, нѣсколько словъ и о страсти Бестужева къ писательству. Приведенные нами нѣсколько отрывковъ изъ кавказскихъ писемъ Бестужева дали, надѣемся, читателю довольно ясное представленіе о его житьѣ-бытьѣ на Кавказѣ. Казалась, какъ можно было писать при такихъ условіяхъ, но Бестужевъ умѣлъ писать даже и не при такихъ. Въ 1828 году въ Москвѣ появилась повѣсть въ стихахъ «Андрей, князь Переяславскій» безъ означенія именъ автора и издателя. Впослѣдствіи оказалось, что напечатана она также безъ вѣдома автора, очень удивившагося ея появленію въ печати. Авторомъ повѣсти былъ Бестужевъ. «Андрей Переяславскій»—писалъ Бестужевъ Полевому, изумляясь появленію повѣсти въ печати,—былъ написанъ въ 1827 году въ Финляндіи.

Но страсть страстью, а главнымъ мотивомъ литературной дѣятельности Бестужева на Кавказѣ было, повторяемъ, желаніе заработать побольше денегъ. Письма Бистужева къ братьямъ отличаются удивительною теплотою, сердечностью, заботливостью объ ихъ судьбѣ. Онъ работалъ изо всѣхъ силъ, имѣя въ виду снабдить ихъ первоначальными средствами на обзаведеніе, когда кончится срокъ ихъ каторги и они выйдутъ на поселеніе. Его любовь къ находящимся далеко-далеко братьямъ доходила до полнаго предъ ними преклоненія, а воспоминаніе объ ихъ судьбѣ постоянно терзало его сердце.

«Для кого же я работаю, какъ не для братьевъ,—восклицаетъ Бестужевъ въ одномъ письмѣ,—это моя единственная отрада».

Но онъ также много помогалъ и другимъ, особенно «товарищамъ по несчастью», служившимъ тамъ же на Кавказѣ: «Не всякому открываю я сердце, но всякому кошелекъ», писалъ Бестужевъ.

И онъ работалъ, работалъ до поту на челѣ... Его извѣстность росла, но непосредственной отъ этого пользы получалась немного. Баронъ А. Е. Розенъ разсказываетъ, что Бестужевъ обратилъ своими произ-



веденіями на себя вниманіе оренбургскаго генералъ-губернатора В. А. Перовскаго, который и просилъ о переводѣ рядоваго-писателя въ Оренбургъ для описанія края.

Такое отношеніе сверху не предвѣщало для Бестужева ничего добраго... Постоянныя сраженія съ горцами манили, однако, надеждою на производство въ офицеры, а съ нимъ и на окончаніе, по крайней мѣрѣ, тѣхъ униженій, которымъ постоянно подвергался Бестужевъ въ качествѣ «нижняго чина». Но случилось событіе, которому страшно обрадовались многочисленные враги Бестужева, спавшіе и видѣвшіе какъ бы «вывести его въ расходъ» и почти лишившее его надежды на достиженіе цѣли. Въ числѣ слабостей Бестужева была его страсть къ женщинамъ. Покоряя на Кавказѣ высокопоставленныхъ красавицъ, одерживая надъ ними поистинѣ безчисленныя побѣды, онъ не пренебрегалъ, повидимому, женщинами и изъ другихъ слоевъ общества. Находился онъ въ Дербентѣ, гдѣ происходили постоянные разбои. «Каждую ночь слышалъ я,—писалъ Бестужевъ къ брату Павлу,—что разломали стѣну, приставили къ грудямъ кинжалы и обобрали все. Голодъ былъ тому первою виною, но, кромѣ того, видя у меня серебряныя бездѣлки, татары считали меня богачемъ: я не безъ основанія думалъ, что дойдетъ очередь и до меня — и пистолетъ былъ у меня на заводѣ» *). Зашла къ Бестужеву дочь унтеръ-офицера Ольга Нестерцова и, рѣзвясь въ его комнатѣ, натолкнулась на лежавшій заряженный и со взведеннымъ куркомъ пистолетъ. Грянулъ выстрѣлъ, и несчастная дѣвушка была смертельно ранена. Она прожила, однако, еще пятьдесятъ часовъ и разсказывала матери, священнику, наряженному для производства слѣдствія офицеру и многимъ другимъ, какъ было дѣло и увѣряла въ полной невинности въ этомъ несчастномъ происшествіи Бестужева. Но начальство хотѣло во что бы то ни стало «доконать» Бестужева, подхватило пущенный кѣмъ-то изъ враговъ Бестужева, повторенный черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ его смерти г. Немировичемъ-Данченко и превосходно опровергнутый г. Венгеровымъ, нелѣпый слухъ, будто Бестужевъ застрѣлилъ Нестерцову въ порывѣ ревности, мучило его самыми унизительными допросами, старалось «упечь» его подъ судъ, придумывало для этого всевозможные «крючки», но не будучи въ состояніи достигнуть своей цѣли предъ явнымъ лицомъ истины, оставило обвиняемаго лишь «въ подозрѣніи». Дышащее искренность письмо Александра Александровича по этому поводу къ Павлу Бестужеву не оставляетъ ни тѣни сомнѣнія въ его полной невиновности. Это случилось въ началѣ 1833 года. Точно неизвѣстно, какъ взглянули на это дѣло въ Петербургѣ, но извѣстно, что, не взирая на огромное количество сраженій, въ которыхъ прини-

*) Александръ Александровичъ Бестужевъ. «Отечественныя Записки». 1860, май, стр. 161.



малъ участіе Бестужевъ, на его засвидѣтельствованную многими лицами храбрость, на представленія, дѣлавшіяся начальствомъ, производства въ первый офицерскій чинъ ему пришлось ждать еще почти четыре года. Но, вотъ, наконецъ, Бестужевъ снова прапорщикъ. Извѣщая братьевъ объ этомъ событіи, онъ писалъ такія строки:

«Перейти вдругъ отъ безымянной вещи въ лицо, имѣющее права, отъ совершенной безнадежности къ обѣтамъ семейнаго счастья, отъ униженія, которое я могъ встрѣтить отъ всякаго, къ неприкосновенности самой чести,—о, это не ребяческая была радость моего перваго офицерства, когда бѣлый султанъ и шитый воротникъ сводили меня съ ума, когда я готовъ былъ расцѣловать перваго часового, который отбрякнулъ мнѣ на караулъ. Нѣтъ, тутъ открылась для меня частичка міра, хоть не рая, которую выстрадалъ я и выбилъ штыкомъ; тутъ сверкнулъ лучъ первой позволенной надежды, можетъ быть обманчивой, какъ прежнія, но все-таки позволенной надежды» *).

Производство въ офицеры, конечно, значительно облегчило судьбу Бестужева, но надежды его оставить совсѣмъ военную службу, покинуть Кавказъ и сдѣлаться мирнымъ гражданиномъ не имѣли никакого основанія. Бестужевъ сталъ видимо отчаяваться и даже искать смерти. По прежнему дерется онъ съ горцами, по прежнему видитъ въ этомъ единственный путь, который, можетъ быть, приведетъ его къ желанному выходу, но это уже надежда человѣка, сознающаго, что носитъ въ груди своей смертельный недугъ, надежда утопающаго, хватающагося за соломенку. Еще лѣтомъ 1836 г. въ судьбѣ Бестужева принялъ живое участіе графъ Воронцовъ. Онъ ходатайствовалъ о переводѣ его въ статскую службу, въ Крымъ, или въ собственный штабъ для сношенія съ горцами. (Необходимо замѣтить, что изумительныя способности Бестужева проявились на Кавказѣ въ его быстромъ ознакомленіи съ восточными языками: онъ въ совершенствѣ сталъ говорить по-татарски и ознакомился основательно съ языками персидскимъ и арабскимъ). На всѣ эти ходатайства Воронцовъ получилъ изъ Петербурга отказъ.

23-го февраля 1837 г. Бестужевъ служилъ описанную нами панихиду по Пушкинѣ на могилѣ Грибоѣдова, а вечеромъ 30-го мая писалъ изъ Сухумъ-Кале свое *послѣднее* письмо къ матери и брату Павлу. Въ письмѣ этомъ онъ дѣлалъ нѣкоторыя распоряженія касательно денежныхъ дѣлъ, обнаруживая чрезвычайную заботливость о судьбѣ его двоихъ, находившихся въ Сибири, братьевъ. Онъ какъ будто предчувствовалъ ожидавшую его роковую участь. Экспедиція, въ которой принималъ теперь участіе Бестужевъ, имѣла цѣлью взятіе мыса Адлеръ. Высадка на этотъ мысъ должна была состояться седьмого іюня. Наканунѣ этого дня онъ написалъ уже настоящее духов-

---

*) «Русскій Вѣстникъ», 1870 г., іюль, стр. 67.

ное завѣщаніе: платье и бѣлье онъ завѣщалъ своему деньщику; находившіяся при немъ бумаги, вещи и деньги просилъ переслать брату Павлу. И замѣчательная черта характера Бестужева: видимо, готовясь къ смерти, ища ее, онъ не только былъ въ этотъ день бодръ духомъ, но занялся еще сочиненіемъ солдатской пѣсни и заставилъ ее разучить своихъ гренадеръ. Конечно, пѣсня, которую сочинилъ теперь Бестужевъ, не имѣла ничего общаго по содержанію съ пѣснями двадцатыхъ годовъ, но она характерна, какъ иллюстрація силы духа этого человѣка, всегда готоваго встрѣтить смерть съ улыбкою на устахъ.

Высадка совершилась 7-го іюня, стычка съ черкесами произошла посреди крайне неблагопріятныхъ для русскихъ обстоятельствъ; Бестужевъ былъ пораженъ пулями и изрубленъ шашками, его тѣло не найдено...

Для полноты картины приведемъ (неоднократно уже приводимыя разными писателями) выдержки изъ разсказа о смерти Бестужева отставного капитана Ѳ. Д. К.

Какъ только отрядъ высадился на берегъ, Бестужевъ сталъ проситься въ цѣпь.

«— Что вы дѣлаете, Александръ Александровичъ,—сказалъ ему генералъ:—отличиться или умереть вы всегда и вездѣ успѣете; чего же вы теперь-то лѣзете на явную смерть? Ваша жизнь дорога для Россіи; вы должны, вашъ долгъ беречь ее.

«— Нѣтъ, найдутся люди, что и порадуются моей смерти,—отвѣчалъ Бестужевъ на доводы начальника и товарищей.

«Начальство надъ горстью храбрыхъ стрѣлковъ принялъ капитанъ Нижегородскаго драгунскаго полка Л. Л. Альбрантъ. Горцы безъ выстрѣла скрылись въ гущѣ лѣса. Бестужевъ и Альбрантъ быстро двинулись къ нему и, въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній, уложили цѣпь въ тѣни деревъ. Между тѣмъ, высадилась на берегъ мингрельская милиція; за нею прибылъ на берегъ баронъ Розенъ со всѣмъ своимъ штабомъ и передовыми войсками главнаго отряда. Вдругъ раздался барабанный бой; Альбрантъ вскочилъ и спросилъ лежавшаго подлѣ него старика унтеръ-офицера: не слыхалъ ли ты сигнала къ наступленію? Получивъ утвердительный отвѣтъ, Альбрантъ двинулъ съ Бестужевымъ цѣпь стрѣлковъ въ то время, какъ задній отрядъ не трогался съ мѣста. Въ глубинѣ непроходимой чащи завязалась самая жаркая перестрѣлка; пули сыпались справа и слѣва, тамъ и сямъ падали мертвые. Горцы отступали; стрѣлки прошли лѣсъ; показался плетень, раздался лай собакъ—все обличало близость аула.

«— Не зашли ли мы слишкомъ далеко?—проговорилъ капитанъ и просилъ Бестужева съ двумя рядовыми пробраться назадъ изъ лѣса къ отрядному командиру за новыми приказаніями. Бестужевъ преодолѣлъ всѣ трудности подобной ретирады подъ пулями горцевъ, кото-



рые, притаясь за толстыми стволами деревъ, не жалѣли пороха и пуль. Онъ, наконецъ, выбрался невредимымъ изъ чащи.

«Получивъ отъ генерала Вольховскаго приказъ отступать, безстрашный прапорщикъ пошелъ съ этимъ приказомъ къ Альбранту, Выстрѣлы раздавались безпрестанно; по всѣму лѣсу бродили черкесы; ежеминутно можно было столкнуться съ однимъ изъ нихъ лицомъ къ лицу. Приказаніе объ отступленіи дошло по назначенію. Цѣпь потянулась назадъ, обмѣнивая пулю на пулю. Много пало съ той и съ другой стороны, наконецъ, двѣ пули съ визгомъ вонзились въ Александра Александровича. Солдаты столпились и хотѣли взять на руки любимаго офицера.

«— Братцы, не хлопочите, не заботьтесь обо мнѣ... бросьте... бѣгите... Я все равно... умру... мнѣ не пережить... черкесы наступаютъ...

«Горцы, дѣйствительно, сильно наступали. Толпа ихъ набѣжала на упавшаго; солдаты бросились къ цѣпи, а на раненаго прапорщика Бестужева посыпались удары шашекъ»... *)

Разсказъ Ѳ. Д. К. вызвалъ другое сообщеніе очевидца смерти Бестужева подпоручика К. А. Давыдова. Сообщеніе это отличается многими подробностями, измѣняющими самый характеръ разсказа Ѳ. Д. К.

«Альбрантъ велъ свой отрядъ, что называется, очертя голову. Офицеръ Мищенко подошелъ къ Альбранту и сказалъ ему: Ротмистръ! Вы приказываете идти впередъ, мы уже далеко зашли, а подкрѣпленья не видать...

«— Что-жъ, вы трусите? А? Вы вѣрно трусите? Ей, ребята, впередъ, впередъ!

«И мы опять пошли впередъ, пробираясь по той же колючкѣ, папортнику и лѣсу. Само собою разумѣется, что не могло быть ни правильнаго движенія, ни порядка, ибо иногда въ двухъ шагахъ ничего не было видно, а ужъ о наблюденіяхъ, что дѣлается впереди, съ боковъ и сзади, на большое пространство, и говорить нечего.

«— Господинъ офицеръ,—крикнулъ Бестужевъ.—Господинъ офицеръ!

«— Что вамъ угодно,—отвѣчалъ я, оглядываясь и торопясь отвѣтомъ.

«— Куда вы идете? Куда?

«— Не знаю.

«— Какъ не знаете! Вы, вѣдь, офицеръ! Растолкуйте мнѣ хоть что-нибудь!

«— Что-жъ мнѣ толковать, когда ничего не знаю! А вотъ направо есть какой-то адъютантъ съ эполетами, а налѣво начальникъ цѣпи подпоручикъ Мищенко, они вамъ и растолкуютъ.

«— Да что же это такое: цѣпь или что другое?

«— Была первая цѣпь, а теперь что мы такое, не знаю.

---

*) «Отечественныя Записки» 1860 г., іюль, стр. 99—160.



«Бестужевъ пожалъ плечами, махнулъ рукой и отправился влѣво, гдѣ я ему указалъ Мищенко. Бестужевъ былъ совершенно одинъ, безъ всякаго конвоя...

«Менѣе, чѣмъ черезъ минуту, послышалась сзади насъ жаркая перестрѣлка и въ то же время посыпались на насъ пули спереди. «Играй!» закричалъ я гарнисту и онъ протрубилъ сигналъ: строить кучки и каре. Увы! Это была послѣдняя пѣснь лебедя: вмѣстѣ съ послѣднею нотою гарнистъ упалъ къ моимъ ногамъ мертвый. Однакожъ, дѣло было сдѣлано и ко мнѣ начали собираться солдаты... Въ это страшное время, обстоятельства котораго и теперь мнѣ иногда снятся, принесли ко мнѣ на рукахъ прапорщика Запольскаго, раненаго въ животъ; также были жестоко ранены юнкера Цехницкій, Шенявскій, Панно, Домбровскій и другіе... Когда я, наконецъ, нѣсколько опомнился, я увидѣлъ, что Бестужевъ стоитъ, прислонившись къ дереву въ изнеможеніи и что грудь его въ крови. Въ это время бѣжитъ мимо него нѣсколько солдатъ. Я закричалъ имъ: «Эй, ребята, взять офицера!» Два человѣка отдѣлились и взяли Бестужева подъ руки; съ помощью ихъ онъ имѣлъ еще силу идти, но, помню, голова его клонилась уже долу. А пули сыпались и сыпались; черкесы все гикали и гикали.

«Мы все отступали и отступали шагъ за шагомъ... Но судьбѣ угодно было, чтобы люди, которые вели Бестужева, отбились по причинѣ колючки и лѣсу отъ главной толпы... И вотъ, выходя на маленькую поляну, гдѣ стоялъ огромный, обгорѣлый дубъ, я увидѣлъ, что черкесы бросились къ нему. Шашки ихъ засверкали на солнцѣ. Ко мнѣ оттуда прибѣжалъ юнкеръ Календо и еще какой-то косоглазый солдатъ и говоритъ:

«— Ваше благородіе, что намъ дѣлать? Мы вели офицера, котораго вы приказали взять, а вонъ около того дуба бросили: на насъ напало черкесовъ пропасть...

«— Ничего братцы, деритесь, деритесь! Авось Богъ донесетъ до своихъ,—отвѣчалъ я.

«И Богъ донесъ до своихъ» *).

На другой день въ «Вѣдомости» былъ показанъ въ числѣ убитыхъ «Черноморскаго линейнаго № 10-й баталіона прапорщикъ Бестужевъ»...

Не стало Бестужева, но долго не хотѣли вѣрить поклонники таланта Марлинскаго, что его больше нѣтъ въ живыхъ. О немъ сложились цѣлыя легенды: одни говорили, что онъ принялъ мусульманство и состоитъ главнымъ помощникомъ Шамиля, другіе, что это неправда и что Марлинскій комадуетъ *только* всей черкесской артиллеріей. Было

*) «Русскій Вѣстникъ» 1870 г., іюль, стр. 80—82.



много и другихъ росказней въ томъ же родѣ. Говорили даже, что онъ въ горахъ издаетъ газету...

Нѣкто В. Савиновъ напечаталъ въ 1859 году разсказъ, подъ заглавіемъ: «Куда дѣвался Марлинскій?» Иронизируя надъ ходившими по этому поводу разными слухами, Савиновъ, однако, самъ, видимо, вѣрилъ, что съ Марлинскимъ случилось что-то изъ ряду вонъ выходящее. Его разсказъ построенъ на встрѣчѣ въ сороковыхъ годахъ нѣсколькими молодыми офицерами въ хуторѣ нѣкоего Петранди сумасшедшей дѣвушки-черкешенки, которая будто бы была взята девятилѣтнимъ ребенкомъ послѣ убійства ея отца казаками на воспитаніе Марлинскимъ и потеряла разсудокъ послѣ смерти ея пріемнаго отца.

Петранди разсказалъ, между прочимъ, офицерамъ слѣдующее: «Въ 1838 году пріѣзжаетъ Марлинскій, такой неспокойный... бумаги спросилъ... писалъ, почитай, всю ночь, а Нина (упомянутая дѣвочка-черкешенка) все около него... и руки-то цѣлуетъ ему и глаза... Оттолкнулъ и ее... Подошелъ Декабрь (собака) и тому пинка попало; ну, думаю, не хорошо!.. Что-нибудь такое особенное затѣвается... Не смигну-съ, думаю... Грѣхъ попуталъ—крѣпко заснулъ. Просыпаюсь, гдѣ, дескать, онъ?.. Нѣтъ-съ его. Гдѣ Нина? Нѣтъ и той. Что за пропасть! Въ вечеру поздно пришла Нина и плачетъ. «Что ты?—говорю.—Ничего. «Гдѣ Искандеръ» *)—Проводила,—говоритъ. «Гдѣ собака»? «Провожаетъ». Ну, думаю, что отъ дуры добьешься, собаки подожду... День прошелъ, два прошло, три прошло; приходитъ Декабрь, грязный, мокрый, голодный; визжитъ, только, вотъ, человѣческими слезами не плачетъ и за халатъ меня такъ и потягиваетъ. Пошелъ онъ, въ чемъ былъ у меня; его на берегу рѣки и оставилъ; а куда дѣвался... Декабрь знаетъ. Да-а! заключилъ Петранди» **).

Это и было въ русской литературѣ первое печатное извѣстіе фактическаго характера о судьбѣ Марлинскаго...

Но если въ средѣ общества долго еще послѣ смерти А. А. Бестужева ходили разныя басни и составлялись легенды, то родные братья его скоро узнали про его трагическую судьбу.

«Любезныя братья!—писалъ 5-го іюля Павелъ Александровичъ Бестужевъ къ своимъ братьямъ въ Петровскій острогъ.—Не стану долѣе скрывать отъ васъ горькой для насъ всѣхъ новости: братъ Александръ убитъ. Что мнѣ еще прибавить къ этому извѣстію? Довольно трехъ буквъ этого ядовитаго слова, чтобы прожечь и не братнюю душу» ***)...

Какъ громомъ поразило это извѣстіе Николая Александровича и Михаила Александровича Бестужевыхъ, хотя они и постоянно его ожидали.

---

*) Любопытно, что Искандеромъ, словомъ, значащимъ на персидскомъ языкѣ «Александръ», звали на Кавказѣ А. А. Бестужева.

**) «Семейный Кругъ» 1858—1859 гг. № 1, стр. 20—21.

***) «Русскій Вѣстникъ» 1870 г., іюль, стр. 83.



Вотъ что читаемъ мы въ отдѣлѣ третьемъ «Записокъ М. А. Бестужева», озаглавленномъ: «Вѣсть о погибели брата—Александра Бестужева».

«Смерть брата Александра, убитаго при высадкѣ на мысъ Адлеръ на Черноморскомъ берегу 7-го іюля 1837 года, произвела не только на насъ, но и на всѣхъ нашихъ товарищей какое-то потрясающее дѣйствіе, какъ будто происшествіе, внезапно постигшее насъ; тогда какъ всѣ, а особенно мы съ братомъ, были уже къ этому подготовлены и письмами его, въ которыхъ пробивалась его рѣшимость—искать смерти и уже замѣтнымъ намѣреніемъ *вывести его въ расходъ* (курсивъ подлинника). Братъ страдалъ молча, но страдалъ видимо. Я плакалъ впервые въ жизни и плакалъ, какъ ребенокъ, до того, что сдѣлалось воспаленіе глазъ: я не могъ смотрѣть на свѣтъ и сидѣлъ въ темной комнатѣ. Добрый товарищъ Вольфъ *) съ медицинскою помощью пролилъ въ душу мою цѣлебное успокоеніе и, выпросивъ мнѣ у коменданта позволеніе прогуливаться, доставилъ тѣмъ возможность нѣсколько разсѣяться. Я не могъ дать отчета своимъ чувствамъ: и прежде, и послѣ я испытывалъ неожиданные удары въ жизни, но никогда я не былъ такъ потрясенъ несчастьемъ, котораго мы ожидали со дня на день» **).

Мы кончили съ описаніемъ жизни Александра Александровича Бестужева-Марлинскаго. Прибавимъ еще нѣсколько словъ объ отношеніи Бѣлинскаго къ произведеніямъ Марлинскаго. Зналъ ли Бѣлинскій истинное имя и судьбу того, кто скрывался подъ псевдонимомъ Марлинскаго? Безъ сомнѣнія. Бѣлинскій былъ слишкомъ литературно образованный человѣкъ и вращался въ слишкомъ освѣдомленной въ литературныхъ дѣлахъ средѣ, чтобы этого не знать. Извѣстно, съ другой стороны рѣзкое осужденіе Бѣлинскимъ произведеній Марлинскаго. Правъ ли онъ былъ въ этомъ? Правъ, конечно, въ томъ смыслѣ, что боялся привитія и распространенія «марлинизма» въ русской литературѣ. Что было не только простительно Марлинскому при тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ онъ жилъ и работалъ, но и вполнѣ *свойственно* ему, какъ личности, какъ характеру, было чистѣйшимъ литературнымъ растлѣніемъ подъ перомъ «мошекъ и букашекъ». И Бѣлинскій ополчился на «марлинизмъ» со всею страстью своей натуры. Но Бѣлинскій былъ неправъ, заподозривши самую возможность существованія на Руси людей со свойствами Греминыхъ, Лидиныхъ и прочихъ героевъ рома-

*) Фердинандъ Богдановичъ Вольфъ былъ до осужденія штабъ-лѣкаремъ при главной квартирѣ второй арміи и принадлежалъ къ «Южному Обществу». Онъ скончался на поселеніи въ Тобольскѣ 24-го декабря 1854 года, не дождавшись амнистіи, которой воспользовались оставшіеся въ живыхъ декабристы при восшествіи на престолъ императора Александра Второго.

**) «Русская Старина» 1881 г., ноябрь, стр. 603.

новъ Марлинскаго. Самъ Бестужевъ носилъ въ себѣ многія черты его героевъ, а, живя въ Петербургѣ сороковыхъ годовъ, Бѣлинскій мѣрилъ петербургскимъ аршиномъ и характеры людей, сложившіеся при иныхъ условіяхъ существованія.

## IV.

Послѣдуемъ теперь за судьбою братьевъ Александра Бестужева. Мы привели разсказъ Греча объ обстоятельствахъ, при которыхъ былъ арестованъ Николай Александровичъ, т.-е. о его попыткѣ бѣжать за границу, переодѣваніи матросомъ, комедіи съ чисткой картофеля на Толбухиномъ маякѣ и т. д. Весь этотъ разсказъ надо признать совершенно некритическимъ со стороны Греча воспроизведеніемъ ходившихъ въ обществѣ слуховъ и анекдотовъ.

Какъ произошло это событіе на самомъ дѣлѣ, мы, къ сожалѣнію, въ точности не знаемъ. Опровергая другой разсказъ Греча объ участіи, которое будто бы принималъ Н. А. Бестужевъ въ знаменитой оборонѣ капитаномъ Рудневымъ корабля «Всеволодъ» въ сраженіи 14-го августа 1808 года съ англичанами, М. И. Семевскій говоритъ: «Зная жизнь Н. Бестужева *изъ года въ годъ по самымъ достовѣрнымъ даннымъ* (курсивъ нашъ), мы прямо можемъ сказать, что ничего того не было, о чемъ баснословитъ Гречъ, равно какъ Бестужевъ никогда не могъ писать объ этомъ именно сраженіи» *).

Нельзя не пожалѣть, поэтому, что составленная Семевскимъ біографія Н. А. Бестужева доведена только до 1823—1824 года.

Это тѣмъ болѣе жаль, что въ примѣчаніи къ другой касающейся Бестужевыхъ статьѣ Семевскій писалъ: «Пишущій эти строки составилъ обширную біографію Николая Бестужева, которую онъ и надѣется напечатать въ скоромъ времени» **).

Такъ какъ это заявленіе напечатано Семевскимъ въ 1870 году, а составленная имъ статья о Николаѣ Бестужевѣ появилась въ 1869 году, то, очевидно, что рѣчь идетъ не объ этой біографіи, а о другой, при томъ «обширной», т.-е. о біографіи, которая до сихъ поръ еще не видѣла свѣта.

Удовольствуемся, поэтому, «сшиваніемъ» тѣхъ разбросанныхъ въ разныхъ изданіяхъ «кусочковъ», которые касаются Николая Александровича Бестужева.

Мы сказали, что разсказъ Греча объ обстоятельствахъ, которыя сопровождали арестъ Н. А. Бестужева относится къ области чистаго празднословія. Утверждаемъ мы это на слѣдующихъ основаніяхъ: кто

*) «Заря». 1869 года, кн. 7, отд. II, стр. 38.

**) «Александръ Бестужевъ въ Якутскѣ». «Русскій Вѣстникъ» 1870 г. май, стр. 217.



интересовался общественнымъ движеніемъ въ эпоху Александра Перваго и дальнѣйшею судьбою участниковъ этого движенія, тому, вѣроятно, бросилась въ глаза личность Дмитрія Иринарховича Завалишина. Переживщій всѣхъ до единаго своихъ товарищей (умеръ 10-го мая 1892 года девяностолѣтнимъ старцемъ), этотъ человѣкъ на всемъ протяженіи своей долгой жизни, видимо, страдалъ той формой болѣзни, которую врачи-психіатры называютъ «mania grandiosa». Отъ юности, которую онъ началъ организаціей «Вселенскаго Ордена Возсоединенія» и до глубокой старости, когда состоялъ сотрудникомъ «Московскихъ Вѣдомостей», Завалишинъ отличался именно маніей величія. Во всѣ свои писанія онъ вносилъ самую непріятную струю изумительнаго самовосхваленія, но вмѣстѣ съ тѣмъ, отличаясь, видимо, замѣчательною памятью и вообще выдающимися способностями, Завалишинъ очень рѣдко ошибался въ передачѣ фактической стороны дѣла. По этой причинѣ, изъ его статей можно извлекать богатый матеріалъ фактическаго характера. Полемизируя съ А. П. Бѣляевымъ *) и восхваляя по обыкновенію себя, этотъ то Завалишинъ и писалъ въ одной изъ своихъ статей такія строки:

«Бѣляевъ не могъ не знать о той манифестаціи, которую дѣлало Сѣверное тайное общество относительно меня въ Кронштадтѣ; о той шумной поѣздкѣ моей въ Кронштадтъ, въ которой сопровождали меня трое братьевъ Бестужевыхъ (Николай, Александръ и Петръ), Вильгельмъ Кюхельбекеръ **), Рылѣевъ, Оржицкій ***), Каховскій, Глѣбовъ ****), Одоевскій *****), и другіе, которые всѣ *намѣренно* (курсивъ Завалишина)

---

*) Александръ Петровичъ Бѣляевъ, авторъ обширныхъ воспоминаній, печатавшихся въ «Русской Старинѣ» съ 1880 по 1886 годъ и вышедшихъ въ изданіи Суворина отдѣльной книгой подъ заглавіемъ «Воспоминанія декабриста о пережитомъ и перечувствованномъ». Съ нимъ-то, а также съ Александромъ Филипповичемъ Фроловымъ, помѣстившемъ въ «Русской Старинѣ» нѣсколько статей («Воспоминанія и замѣтки» въ майской и іюльской книжкахъ 1882 года и возраженія Завалишину въ №№ 5 и 6-мъ 1885 года) и Петромъ Николаевичемъ Свистуновымъ («По поводу новой книги и статей о декабристахъ». «Русскій Архивъ» 1870 года № 8) и полемизируетъ Завалишинъ.

**) Извѣстный товарищъ Пушкина по Царскосельскому лицею, Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ, скончавшійся въ Сибири 11-го августа 1846 года. О немъ см., между прочимъ, статью г. Котляревскаго «Литературная дѣятельность декабристовъ» («Русское Богатство», 1901 г., мартъ).

***) Штабсъ-ротмистръ Николай Николаевичъ Оржицкій былъ за участіе въ тайномъ обществѣ разжалованъ въ рядовые и служилъ на Кавказѣ.

****) Коллежскій секретарь Михаилъ Николаевичъ Глѣбовъ, по отбытіи каторжныхъ работъ въ Читинскомъ острогѣ, жилъ въ селѣ Кабаннахъ, Забайкальской области, гдѣ и скончался въ 1851 году.

*****) Князь Александръ Ивановичъ Одоевскій, извѣстный поэтъ. По отбытіи каторжныхъ работъ, жилъ на поселеніи въ г. Ишимѣ, Тобольской губерніи, откуда переведенъ на службу на Кавказъ рядовымъ. Умеръ въ 1839 году на берегу Чернаго моря на рукахъ товарища по несчастью, Николая Александровича Загорѣц-

высказываемыми почтительными отношеніями ко мнѣ давали знать, что я тутъ считаюсь главнымъ лицомъ, и тѣмъ *наглядно* (курсивъ его же) свидѣтельствовали о данномъ мнѣ полномочіи дѣйствовать отъ имени Сѣвернаго общества въ Кронштадтѣ. Тамъ были уже члены этого общества, но они дѣйствовали вяло, и *одинъ изъ главныхъ прославился впослѣдствіи тѣмъ, что для спасенія себя хотѣлъ было задержать Николая Бестужева, бѣжавшаго 14-го декабря въ Кронштадтъ.* Мнѣ собственно поручалось тамъ не членовъ принимать, а подготовить общее мнѣніе къ тому, чтобы въ случаѣ успѣха переворота въ Петербургѣ, когда, по примѣру того, какъ было сдѣлано при переворотѣ 1762 года Екатериною II, будетъ посланъ извѣстный адмиралъ въ Кронштадтъ принять начальство, то ему подчинились бы безъ сопротивленія» *).

Подчеркнутое нами мѣсто изъ этой цитаты слѣдуетъ сопоставить со слѣдующею выдержкою изъ записокъ Михаила Александровича Бестужева:

«Старшій братъ Николай, послѣднее время своей службы въ Кронштадтѣ, жилъ вмѣстѣ со мною и младшимъ братомъ Петромъ на казенной квартирѣ, въ домѣ, который впослѣдствіи передѣланъ для главнаго командира кронштадтскаго порта. Рядомъ съ нами занимали комнаты капитанъ-лейтенантъ Павелъ Аѳанасьевичъ Дохтуровъ, а надъ нимъ была квартира Екатерины Петровны Абросимовой, вдовы штурманскаго офицера. Я упоминаю объ этихъ личностяхъ потому, что *первый игралъ незавидную роль при арестованіи брата Николая на квартирѣ второй личности, т.-е. Абросимовой»* **).

Изъ этого слѣдуетъ, что Николай Бестужевъ былъ арестованъ вовсе не на Толбухиномъ маякѣ, а, какъ совершенно опредѣленно говоритъ Михаилъ Александровичъ, въ квартирѣ Абросимовой при какомъ-то благосклонномъ участіи со стороны Дохтурова. Слѣдовательно, мы имѣемъ полное право считать весь разсказъ Греча вымысломъ, и уже выразили сожалѣніе по поводу того, что разсказъ этотъ повторенъ въ «Критико-біографическомъ словарѣ» г. Венгерова въ статьѣ «Николай Бестужевъ».

Съ сентября 1826 по сентябрь 1827 года Николай и Михаилъ Бестужевы пробыли въ Шлиссельбургѣ, а затѣмъ были отправлены въ Читу. Оттуда, въ 1830 году, вмѣстѣ съ другими заключенными Бестужевы были вмѣстѣ переведены въ Петровскій островъ, а въ 1840 г. вмѣстѣ же отправлены на поселеніе въ городъ Селенгинскъ, Забайкальской области. Въ заключеніи, какъ и на волѣ, братья Бестужевы

---

каго. Объ Одоевскомъ см. его біографію, составленную Сиротининымъ («Историческій Вѣстникъ», 1883 г., № 5), а также продолженіе вышеупомянутой статьи г. Котляревскаго («Русское Богатство», 1901 г., октябрь).

*) Дмитрій Завалишинъ. «Декабристы». «Русскій Вѣстникъ», 1884 года, февраль, стр. 840.

**) Изъ записокъ М. А. Бестужева. «Русская Старина», 1870 г., іюнь, стр. 519.



старались быть, на сколько возможно, полезными окружавшимъ ихъ людямъ. «Въ Читинскомъ острогѣ,— разсказываетъ М. А Бестужевъ,— брата Николая занимала задушевная его мысль, запавшая въ его душу съ тѣхъ поръ, какъ онъ посвятилъ себя морю. Эта завѣтная мысль, преслѣдовавшая его до послѣдней минуты жизни, была—*упрощеніе хронометровъ*. Слѣдя за развитіемъ мореплаванія, онъ съ прискорбіемъ видѣлъ, что годъ отъ году крушеніе кораблей умножается, и главною причиною крушенія была, почти всегда, невѣрность опредѣленія пункта корабля въ критическій моментъ крушенія отъ неимѣнія хронометра, который по дороговизнѣ былъ доступенъ только богачамъ. Онъ замыслилъ упростить его и сдѣлать всѣмъ доступнымъ. Теперь время было вдоволь, но не доставало средствъ. Ободренный примѣромъ Загорѣцкаго, который съ помощью одного ножика и пилочки соорудилъ стѣнные часы изъ кострюль и картона еще до нашего прибытія, добылъ всякими неправдами также ножъ и маленькій подпилокъ, потому что намъ запрещены были всѣ орудія, наносящія смерть, вслѣдствіе чего намъ не давали ни ножей, ни вилокъ; даже кончики щипцовъ (инструментъ, которымъ снимали нагорѣвшіе фитили у сальныхъ свѣчей) были обломаны. Онъ началъ съ устройства токарнаго станка, необходимаго для устройства часовъ. Съ такими ничтожными средствами, посреди безчисленныхъ лишеній и препятствій отъ праздныхъ и любопытныхъ зрителей, онъ сдѣлалъ часы, соотвѣтственныя его идеѣ, и подарилъ ихъ à m-me Mouravieff *) въ благодарность за ея вниманіе къ его труду, въ благодарность за выписку полнаго часового инструмента, даже безъ его вѣдома. Комендантъ Лепарскій, сочувствуя дѣлу и ослабляя постепенно строгую инструкцію, позволилъ брату Николаю пользоваться инстументами» **).

Съ выходомъ на поселеніе въ Селенгинскъ Николай Бестужевъ продолжалъ энергично заниматься осуществленіемъ своей мысли.

«Въ Селенгинскѣ, располагая болѣе свободнымъ временемъ,—разсказываетъ въ другомъ мѣстѣ своихъ «Записокъ» Михаилъ Александровичъ Бестужевъ.—Николай серьезно занялся своими хронометрами, устроилъ астрономическую обсерваторію для повѣрки часовъ по звѣздамъ. Печка, устроенная внутри, то нагрѣвала маленькую комнатку обсерваторіи до высокихъ градусовъ термометра, то вдругъ комнатка охлаждалась зимою до тридцати-градусныхъ морозовъ и, несмотря на такіе гигантскіе скачки температуры, его хронометры шли очень хорошо, особенно

*) Александра Григорьевна Муравьева, урожденная графиня Чернышева, была супругою заключеннаго въ Читинскомъ острогѣ Никиты Михайловича Муравьева. Тамъ же находился въ заключеніи и родной братъ ея графъ Захарій Григорьевичъ Чернышевъ. Послѣдовавъ добровольно за мужемъ въ Сибирь, Александра Григорьевна скончалась въ Петровскомъ острогѣ 22 ноября 1833 года. (См. М. М. Хинъ—«Жены декабристовъ». «Историческій Вѣстникъ» .1884 г., № 12 стр. 670—673).

**) «Русская Старина». 1870 г. августъ, стр. 187.



послѣдній, еще не совсѣмъ устроенный предъ самою его смертью. Его ходъ былъ постоянное отставаніе на 1/10 секунды. Такой точности едва ли можно требовать отъ лучшихъ англійскихъ или французскихъ хронометровъ. Эти часы я подарилъ на память брата Петровскому заводу, и они въ богатомъ футлярѣ до сихъ не измѣняютъ хода. Много разобранныхъ часовъ осталось послѣ его смерти и участь ихъ— оставаться вѣчно въ такомъ положеніи, потому что въ дѣлѣ каждыхъ часовъ онъ преслѣдовалъ свою мысль: одинъ и тотъ же винтикъ имѣлъ двадцать дырокъ; гдѣ его настоящее мѣсто—про то зналъ одинъ хозяинъ. Какихъ трудовъ, какой настойчивости воли стоило ему устройство каждыхъ часовъ, вы можете судить изъ того, что онъ долженъ былъ латунь, назначенную для станинъ, наклепывать ручнымъ молоткомъ,—тогда какъ такая латунь, прокатанная черезъ вальки (плющильные), продавалась въ Россіи готовая, и онъ не могъ ее получить, многократно выписывая, и получилъ ее черезъ астронома Струве тогда, когда уже лежалъ въ могилѣ» *).

Про эти хронометры упоминаютъ и многіе другіе декабристы.

«Николай Александровичъ Бестужевъ,—говоритъ, напр., А. П. Бѣляевъ,—устроилъ часы своего изобрѣтенія. Это было истинное, великое, художественное произведеніе, принимая въ соображенія то, что изобрѣтатель не имѣлъ нужныхъ инструментовъ. Какъ онъ устроилъ эти часы,—это, поистинѣ, загадка. Помню, что эти часы были выставлены имъ въ полномъ ходу въ одной изъ комнатъ. Эта работа его показывала, какими необыкновенными, геніальными способностями обладалъ онъ» **).

Техническія способности Бестужева были, поистинѣ, изумительны: «На пути перехода изъ Читы въ заводъ,—разсказываетъ извѣстный этнографъ академикъ Максимовъ,—въ Тарбагатаѣ,—селеніи старовѣровъ, давно переселенныхъ изъ Вятки и извѣстныхъ подъ именемъ «семейскихъ»,—мимоходомъ Бестужевъ даетъ совѣты хозяину мельницы, какъ устроить плотину и сладить съ проклятымъ водяникомъ, который, за что-то, со зла разметывалъ ее. Послѣ мельникъ приходилъ въ Петровскъ съ подаркомъ благодарить и кланяться: «спасибо, наладилъ: и колеса вертятся и толчея стучитъ на всю деревню». Въ самомъ Петровскомъ казенномъ желѣзодѣлательномъ заводѣ стояла нѣсколько лѣтъ безъ всякаго дѣла пильная мельница съ водянымъ приводомъ. Механизмъ ея испортился и всѣ считали ее непоправимою вовсе. Комендантъ отдалъ приказъ Бестужеву и Торсону: эти сходили посмотрѣть, и черезъ нѣсколько часовъ колеса завертѣлись и мельница начала пилить и пылить на удивленіе чиновниковъ и рабочихъ. На петровскихъ палатяхъ, какъ и на читинскихъ антресоляхъ, при-

*) «Русская Старина». 1881 г., ноябрь., стр. 626.

**) «Воспоминанія декабриста о пережитомъ и перечувствованномъ», стр 223.

думанныхъ Бестужевымъ для того, чтобы, разложившись съ инструментами, не тѣснить и не безпокоить въ тѣснотѣ помѣщенія товарищей, онъ продолжалъ дѣлать то же самое: чинилъ сапоги, шилъ крѣпко здоровые башмаки и даже устроилъ въ этомъ направленіи ремесленную школу для досужихъ и охотливыхъ изъ товарищей, а въ то же время писалъ литературныя статьи (воспоминанія) и рисовалъ акварелью портреты друзей для отправки въ Россію къ оставшимся тамъ ихъ роднымъ. Здѣсь же чинилъ онъ часы коменданту и дамамъ; напослѣдокъ сталъ даже ювелиромъ. Кромѣ того, вязалъ носки и чулки, кроилъ и шилъ фуражки въ товариществѣ съ братомъ Михаиломъ Александровичемъ, который преимущественно занимался переплетнымъ и картонажнымъ мастерствомъ. Наконецъ, онъ занялся усидчиво слесарнымъ мастерствомъ и въ одномъ родѣ издѣлій едва поспѣвалъ исполнять заказы. Онъ придумалъ дѣлать изъ кандаловъ (когда они, по волѣ начальства, были, наконецъ, сняты) браслеты, кольца и кресты, съ прокладкою и припайкою снизу золотыхъ и серебряныхъ пластинокъ. Сначала онъ исполнялъ это для себя, разославъ такого рода сувениры всѣмъ своимъ знакомымъ въ Россіи, но изобрѣтеніе вошло въ моду въ Сибири до такой степени, что проявились поддѣлки и началась торговля фальшивыми издѣліями» *).

Когда Бестужевъ жилъ на поселеніи въ Селенгинскѣ, его мысль упорно заработала надъ усовершенствованіемъ печей. «Результатомъ соображеній и вычисленій,—говоритъ Максимовъ,—явилось новое изобрѣтеніе «бестужевская печь», какъ нѣкогда, еще до ссылки, сдѣлался извѣстнымъ «бестужевскій» способъ уборки и вооруженія корабля, примѣненный въ первый разъ при вооруженіи корабля «Эмгейтенъ» *).

Мы уже упоминали, что еще молодымъ человѣкомъ Бестужевъ написалъ обратившія на себя вниманіе «Записки о Голландіи». Въ Сибири онъ также занимался литературою. Сборникъ его статей изданъ въ 1860 году въ Москвѣ подъ заглавіемъ «Разсказы и повѣсти стараго моряка». Имъ же написана, кромѣ чрезвычайно интересныхъ «Записокъ», изъ которыхъ напечатаны только отрывки, также статья «К. Ѳ. Рылѣевъ», появившаяся въ первой книгѣ изданнаго Петромъ Бартеневымъ историческаго сборника «Девятнадцатый Вѣкъ» **).

На вопросъ М. И. Семевскаго, «когда написано Н. А. Бестужевымъ воспоминаніе о Рылѣевѣ?», М. А. Бестужевъ отвѣчалъ слѣдующее:

«Воспоминанія брата Николая Александровича о К. Ѳ. Рылѣевѣ были имъ написаны въ Петровскомъ казематѣ въ первое время нашего

---

*) «Николай Александровичъ Бестужевъ». «Наблюдатель». 1883 г., мартъ, стр. 107—108.

**) Ibid., стр. 110.

***) К. Ф. Рылѣевъ. (Изъ записокъ Н. А. Бестужева) «Девятнадцатый Вѣкъ», стр. 338—350.



тамъ пребыванія, именно въ эпоху, когда у насъ много писалось... Его намѣреніе было написать полную біографію Рылѣева, но исполненіе откладывалось со дня на день; частью потому, что чтенія и механическія занятія поглощали почти все время, а частью изъ опасенія обысковъ, которые, уничтоживъ его труды, могли бы за собою повлечь непріятныя и стѣснительныя мѣры для всѣхъ. Равно у насъ съ нимъ было намѣреніе составить по возможности полныя біографіи всѣхъ нашихъ товарищей, и братъ имѣлъ намѣреніе приложить ихъ къ коллекціи портретовъ, нарисованныхъ имъ акварелью съ изумительнымъ сходствомъ, не смотря, что нѣкоторые изъ портретовъ, за спѣшностью отправленія оригиналовъ на поселеніе, были сняты въ нѣсколько часовъ. Эта коллекція увезена сестрою Еленою Александровною *), а предполагаемыя біографіи унесены братомъ въ гробъ. Онъ нѣсколько разъ принимался писать ихъ въ Селенгинскѣ, гдѣ было болѣе свободнаго времени и менѣе опасности, но память намъ во многомъ измѣняла: происшествія и годы путались, а для объясненія недоумѣній надо было прибѣгать къ перепискѣ, которая шла или черезъ III-е Отдѣленіе или черезъ руки почтмейстеровъ обладавшихъ собачьимъ чутьемъ» **).

Сверхъ того, Николай Александровичъ написалъ присланную Михаиломъ Александровичемъ М. И. Семевскому статью «О свободѣ торговли» и занимался обработкою другихъ статей. По поводу послѣднихъ Михаилъ Бестужевъ писалъ Семевскому:

«Не могу постичь, куда дѣвались черновыя его капитальныхъ двухъ сочиненій—«Система міра» и «Упрощенное устройство хронометровъ». И то, и другое сочиненіе не было ни кончено, ни приведено въ порядокъ написанное. Но онъ мнѣ и многимъ изъ знакомыхъ читалъ довольно большіе отрывки, имѣвшіе полноту цѣлаго» ***).

Не смотря на крайне тяжелыя условія, въ которыя была поставлена переписка декабристовъ, Н. А. Бестужевъ переписывался часто съ жившими на поселеніи княземъ С. П. Трубецкимъ, княземъ С. Г. Волконскимъ, И. И. Пущинымъ, И. И. Горбачевскимъ, Г. С. Батенковымъ, В. И. Бечасновымъ и другими. Обладавшій громадными связями, жившій на поселеніи въ Иркутскѣ, князь Сергѣй Григорьевичъ Волконскій имѣлъ возможность получать книги, проходившія въ то время въ Россію съ чрезвычайными затрудненіями. Получилъ онъ между прочимъ, и извѣстное произведеніе Н. И. Тургенева «La Russie

---

*) Похоронивъ трехъ братьевъ (Петра, Александра и Павла) и мать, Елена Александровна Бестужева отправилась вмѣстѣ съ другими сестрами къ двумъ еще остававшимся въ живыхъ братьямъ въ Селенгинскъ. Она скончалась 2-го января 1874 года. Два ея некролога, изъ которыхъ одинъ написанъ И. И. Свіязевымъ, а другой барономъ А. Е. Розеномъ, напечатаны въ мартовской книжкѣ «Русской Старины» за 1874 годъ, стр. 575—578.

**) «Русская Старина». 1881 г., ноябрь, стр. 631.

***) Ibid., стр. 632.



et les Russes», выпущенное авторомъ въ Брюсселѣ въ 1848 году. Черезъ одного изъ друзей прислалъ Волконскій эту книгу въ Селенгинскъ Николаю Бестужеву и просилъ его сообщить ему свое о ней мнѣніе.

Наступила крымская война и запрыгало сердце въ груди стараго моряка и стараго общественнаго дѣятеля:

«Война, война со всѣхъ сторонъ! — пишетъ Бестужевъ въ письмѣ отъ 11-го марта 1854 года. Что-то будетъ? Въ интересное время мы живемъ, жаль только, что новости до насъ достигаютъ лишь тогда, какъ на мѣстѣ, гдѣ онѣ происходятъ, все уже перемѣнилось или давно сдѣлалось стариною... Сколько совершилось событій въ эти тридцать лѣтъ, что мы сошли со сцены свѣта, и сколько еще совершится неожиданнаго до нашей смерти. Теперь мы въ 5 лѣтъ болѣе проживемъ, нежели прежде въ 100 лѣтъ» *).

Увы, смерть была уже ближе къ Николаю Александровичу, нежели онъ это думалъ. Онъ болѣетъ, но борется съ недугами. Все вниманіе его устремлено на происходящія міровыя событія.

Николай Александровичъ Бестужевъ скончался въ Селенгинскѣ 15-го мая 1855 года шестидесяти четырехъ лѣтъ. Извѣстіе объ амнистіи декабристамъ уже не застало его въ живыхъ.

Въ Селенгинскѣ остался одинъ Михаилъ Александровичъ съ сестрами. Онъ женился на сибирячкѣ Селивановой, построилъ домикъ и оставался въ Сибири еще долгое время послѣ амнистіи. Менѣе одаренный отъ природы, чѣмъ Николай, Михаилъ Александровичъ, тѣмъ не менѣе, былъ личностью не дюжинною. Поработалъ онъ и на свой пай для блага окружавшихъ его людей. Такъ, имъ изобрѣтена особенная «бестужевская» повозка, или такъ называемая «сидѣйка», широко распространившаясяв о всей Забайкальской области, а потомъ и по другимъ частямъ Сибири.

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, заинтересовавшись судьбою замѣчательныхъ братьевъ Бестужевыхъ, М. И. Семевскій вошелъ въ заочную переписку съ единственнымъ остававшимся тогда въ живыхъ изъ пятерыхъ братьевъ Михаиломъ Александровичемъ Бестужевымъ. Переписка эта, не взирая на раздѣлявшіе корреспондентовъ шесть тысячъ верстъ, велась очень дѣятельно. Селенгинскій изгнанникъ оказался, по свидѣтельству М. И. Семевскаго, «человѣкомъ, исполненнымъ еще бодрости, энергіи и увлеченія, человѣкомъ въ высшей степени искреннимъ и откровеннымъ». Онъ же величайшей готовностью отвѣчалъ на всѣ задававшіеся ему Семевскимъ вопросы, присылалъ ему цѣлыя толстыя тетради собственныхъ воспоминаній, составившія драгоцѣнный источникъ для сужденія объ общественномъ движеніи въ александровскую эпоху и событіяхъ послѣдующаго времени, сообщалъ

*) «Наблюдатель. 1883 г. мартъ, стр. 112.

ему письма и другія любопытныя историческіе матеріалы, словомъ, внесъ массу свѣта въ недавнее прошлое русской исторіи.

Пріѣхавши изъ Сибири, еще бодрый старикъ внезапно скончался въ Москвѣ двадцать перваго іюня 1871 года.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о двухъ остальныхъ Бестужевыхъ, Петрѣ Александровичѣ и Павлѣ Александровичѣ.

Михаилъ Александровичъ описываетъ своего брата Петра такими словами:

«Братъ Петръ былъ нрава кроткаго, флегматичнаго и любилъ до страсти чтеніе серьезныхъ сочиненій; постоянно молчаливый, онъ былъ краснорѣчивъ, когда удавалось его расшевелить, и тогда говорилъ сжато, красно и логично» *).

Мы уже говорили, что въ дѣлѣ 14-го декабря Петръ принялъ участіе не только не «увлекаемый» ни Александромъ, ни другими братьями, а положительно противъ ихъ твердо выраженнаго желанія. Это обстоятельство опровергаетъ еще разъ повторенный Богдановичемъ разсказъ Греча.

Петръ не былъ сосланъ въ Сибирь, а, разжалованный въ рядовые, посланъ служить на Кавказъ. Тамъ служилъ онъ въ теченіе шести лѣтъ солдатомъ, участвовалъ во множествѣ сраженій, былъ тяжело раненъ и затѣмъ, не вынеся условій своего существованія, сошелъ съ ума. Вотъ что сообщаетъ по этому поводу Михаилъ Александровичъ:

«Несчастная судьба Петра бросила его въ лапы одного изъ тѣхъ животныхъ, которые носятъ названіе «бурбоновъ». Держа его въ кавказскіе жары въ полной аммуниціи, подъ ружьемъ въ раненой рукѣ, онъ его въ три мѣсяца доканалъ. Всѣ усилія братьевъ Александра и Павла возвратить разсудокъ Петру остались тщетны. Наконецъ, его прислали къ матушкѣ въ деревню въ окончательномъ сумасшествіи, которымъ онъ мучилъ и мать, и сестеръ цѣлыя семь лѣтъ. Болѣзнь доросла до ужасающихъ симптомовъ. Опасеніе за его, за собственную ихъ жизнь, опасеніе сгорѣть въ пожарѣ дома, что повторялось нѣсколько разъ, заставило мать обратиться съ просьбою къ начальнику штаба жандармовъ Бенкендорфу съ покорнѣйшею просьбою: помѣстить брата Петра въ заведеніе умалишенныхъ герцога, бывшее на 11-й верстѣ отъ столицы по петергофской дорогѣ. Но Бенкендорфъ рѣшилъ «въ просьбѣ отказать, такъ какъ это заведеніе очень близко отъ столицы».Впослѣдствіи, однако, дано было позволеніе матери помѣстить брата Петра въ это заведеніе. Онъ былъ тамъ помѣщенъ и черезъ три мѣсяца умеръ **).

Это было въ 1840 году.

Наконецъ, касательно Павла Александровича извѣстно слѣдующее: читатель припомнитъ разсказы Греча о причинахъ ссылки на Кавказъ

*) «Русская Старина». 1870, іюнь. Стр. 522.

**) Ibid., стр. 523.



послѣдняго Бестужева. Какъ и въ другихъ случаяхъ, въ разсказѣ Греча не оказывается ни слова правды. Въ дѣйствительности, дѣло происходило, по разсказу Михаила Бестужева, такъ: Павелъ Бестужевъ былъ въ декабрѣ 1825 года въ послѣднемъ классѣ артиллерійскаго училища. Черезъ нѣсколько времени послѣ декабрскихъ событій, великій князь Михаилъ Павловичъ, проходя по дортуарамъ, увидѣлъ развернутую книгу на одномъ изъ столиковъ, помѣщавшихся между двумя кроватями.

«Онъ беретъ книгу. То была «Полярная Звѣзда». Смотритъ, на чемъ она была развернута: это была «Исповѣдь Наливайки»,—извѣстное стихотвореніе Рылѣева.

«— Кто здѣсь спитъ?—спросилъ великій князь, указывая на одну изъ кроватей.

«— Бестужевъ, ваше высочество,—отвѣчали ему.

«— Арестовать его!

«Началось новое слѣдствіе, и Павелъ Бестужевъ, былъ отправленъ на Кавказъ, гдѣ онъ храбро велъ себя въ обѣихъ кампаніяхъ, персидской и турецкой, затѣмъ вышелъ въ отставку съ анненскимъ крестомъ за изобрѣтеніе прицѣла къ пушкамъ, который введенъ былъ во всей артиллеріи подъ названіемъ «Бестужевскаго прицѣла» *).

И въ Павлѣ, слѣдовательно, жила таже «бестужевская» изобрѣтательность, которая отличала все это даровитое семейство.

Впослѣдствіи Павелъ женился, жилъ въ деревнѣ и умеръ въ 1846 году, похоронивъ еще до своей кончины единственнаго своего сына Александра.

Въ 1886 году редакціей «Русской Старины» была издана книга «Русскіе дѣятели», въ которой было сказано по ошибкѣ, что «Павелъ Бестужевъ скончался въ сумасшествіи, а Петръ, также нѣсколько пострадавшій въ 1826 году, умеръ въ званіи артиллерійскаго офицера въ началѣ 1840 годовъ» **).

На это въ сентябрской книжкѣ того же журнала послѣдовало письмо, лично знавшаго въ 1843 году Павла Бестужева, артиллерійскаго офицера г. Шумилова, въ которомъ онъ указываетъ, что Павелъ никогда не былъ психически разстроеннымъ ***). Тутъ же онъ сообщаетъ нѣкоторыя подробности жизни Павла Бестужева. Онъ былъ, говоритъ г. Шумиловъ, «человѣкъ любезный, весьма умный и отличный разсказчикъ; у него была прекрасная библіотека русская и французская, множество книгъ историческихъ, которыхъ мы (артиллерійскіе офицеры), безъ знакомства съ Павломъ Александровичемъ, не имѣли бы возмож-

*) Ibid., стр. 524.

**) Русскіе дѣятели въ портретахъ. Изданіе журнала «Русская Старина». (второе собраніе) статья «Михаилъ Александровичъ Бестужевъ», стр. 86.

***) Напечатавъ письмо г. Шумилова, редакція «Русской Старины», разумѣется, немедленно исправила свою ошибку.

ности прочесть; отъ него мы пользовались всѣми тогдашними русскими журналами и вновь выходившими книгами по всѣмъ отраслямъ знанія и беллетристики. Куда дѣвалась эта громадная и отлично подобранная библіотека—мнѣ неизвѣстно.

«Павелъ Александровичъ Бестужевъ въ то время, когда я его зналъ, былъ человѣкъ больной, очень рѣдко выѣзжалъ изъ дому и то только почти исключительно въ Гавриловъ посадъ (Суздальскаго уѣзда, Владимірской губерніи), къ кому-нибудь изъ насъ, офицеровъ. Мы его очень любили, онъ намъ платилъ тѣмъ же. Болѣзнь его была тяжелая и рѣдкій день онъ пользовался сноснымъ здоровьемъ; у него былъ ракъ въ желудкѣ, послѣдствіе желтой лихорадки, полученной имъ въ Сухумъ-Кале, куда онъ былъ сосланъ послѣ 14-го декабря за фамилію свою, не бывъ ни въ чемъ участникомъ, какъ говорилъ намъ» *).

Такъ сошли со сцены всѣ пятеро братьевъ Бестужевыхъ. Они не оставили послѣ себя потомства: Николай, Александръ и Петръ умерли холостыми, Павелъ, какъ сказано, похоронилъ еще при жизни своего единственнаго сына; послѣ Михаила Александровича остались сынъ и дочь, но и они, по свѣдѣніямъ «Русской Старины», вскорѣ послѣ смерти отца послѣдовали за нимъ въ могилу **).

В. Богучарскій.

---

*) Павелъ Александровичъ Бестужевъ. «Русская Старина». 1886 г., сентябрь, стр. 702.

**) «Русская Старина». 1881 г., ноябрь, стр. 592.

# О ВОЛЬНОНАЕМНОМЪ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКОМЪ ТРУДѢ НРИ КРѢПОСТНОМЪ ПРАВѢ.

(Отвѣтъ г. Семевскому).

Въ апрѣльской книжкѣ «Русской Мысли» за текущій 1902 годъ В. И. Семевскій напечаталъ довольно обширную статью, подъ заглавіемъ «По поводу статьи г. Рожкова къ вопросу объ экономическихъ причинахъ паденія крѣпостного права въ Россіи». Такъ какъ моя статья, вызвавшая замѣчанія и возраженія г. Семевскаго, появилась на страницахъ «Міра Божьяго» (см. № 2 за 1902 г.), то я и позволяю себѣ отвѣтить на эти замѣчанія въ этомъ же журналѣ. Къ сожалѣнію, по обстоятельствамъ совершенно случайнаго характера, я долго не могъ ознакомиться со статьей г. Семевскаго, почему и отвѣтъ мой является нѣсколько запоздалымъ. Но интересъ поднятаго вопроса и наличность нѣкоторыхъ новыхъ фактовъ, находящихся въ моемъ распоряженіи, даетъ, какъ кажется, право воспользоваться въ данномъ случаѣ пословицей «лучше поздно, чѣмъ никогда».

Прежде чѣмъ перейти къ существу дѣла, мнѣ хотѣлось бы устранить одно досадное недоразумѣніе, которому дали поводъ отдѣльныя мѣста моей статьи. Г. Семевскій упрекаетъ меня въ томъ, что я не пояснилъ точно, въ какомъ смыслѣ нужно понимать мое выраженіе, что «г. Струве заподозрилъ достовѣрность приведенныхъ г. Семевскимъ цифръ для XVIII вѣка»; поэтому, «читатель можетъ подумать, что есть какія-то другія, лучшія цифры», тогда какъ таковыхъ нѣтъ, и неточность получилась «по причинамъ, отъ изслѣдователя совершенно независящимъ, т.-е. по свойству самыхъ источниковъ» *). Второй упрекъ, который дѣлаетъ мнѣ г. Семевскій, заключается въ томъ, что я не замѣтилъ вкравшейся въ его книгу описки относительно процента барщинныхъ крестьянъ въ Воронежской губерніи XVIII вѣка: вмѣсто 36% ошибочно написано было 53% **), что и было замѣчено и исправлено г. Струве и г-жей Игнатовичъ. Выходитъ такимъ образомъ, что моя статья какъ будто набрасываетъ нѣкоторую тѣнь на точность пріемовъ и правильность результатовъ работы г. Семевскаго. Вотъ это недоразумѣніе я и хочу устранить: охотно признаю неточность своего

*) «Русская Мысль», апрѣль 1902 г., стр. 122 и 123.

**) Тамъ же, стр. 123.

выраженія и просмотръ мною описки г. Семевскаго и спѣшу прибавить къ этому, что я и въ мысляхъ не имѣлъ набрасывать хотя бы малѣйшую тѣнь на ученую репутацію этого трудолюбиваго изслѣдователя исторіи русскаго крестьянства.

Обращаясь къ существу нашего спора, надо замѣтить, что онъ касается двухъ основныхъ пунктовъ, одного общаго и другого частнаго: первый—это вопросъ о томъ, былъ ли распространенъ вольнонаемный трудъ въ черноземной полосѣ Россіи передъ паденіемъ крѣпостного права; второй касается смысла и значенія приведеннаго мною свидѣтельства князя А. В. Мещерскаго. Остановимся сначала на этомъ второмъ вопросѣ, чтобы перейти затѣмъ къ первому, болѣе важному.

Содержаніе написаннаго въ 1873 году къ тогдашнему министру государственныхъ имуществъ П. А. Валуеву письма московскаго губернскаго предводителя дворянства князя А. В. Мещерскаго заключается въ слѣдующемъ. Прежде всего авторъ письма указываетъ на «несомнѣнный, не отвергаемый теперь и правительствомъ упадокъ сельскаго хозяйства въ нечерноземной полосѣ, т.-е. не менѣе, какъ въ тридцати губерніяхъ». Причины этого коренятся, по мнѣнію князя Мещерскаго, въ особо-выгодныхъ условіяхъ, въ какія попало русское земледѣліе въ черноземныхъ степныхъ губерніяхъ. Эти выгодныя условія сводились, во-первыхъ, къ отсутствію всякой потребности въ удобреніи, такъ что сильно развитое здѣсь при крѣпостномъ правѣ скотоводство начало смѣняться земледѣліемъ, и даже тонкорунное овцеводство стало падать, что̀ вызвало заботы о его поддержкѣ со стороны «управленія новороссійскаго генералъ-губернатора»; во-вторыхъ, «хозяйственный переворотъ, произведенный освобожденіемъ крестьянъ, былъ несравненно менѣе чувствителенъ въ степныхъ, черноземныхъ помѣстьяхъ, гдѣ и при крѣпостномъ правѣ требовался постоянно для своевременной быстрой уборки хлѣбовъ и травъ дополнительный вольнонаемный трудъ выходившихъ туда ежегодно на лѣтнія полевыя работы крестьянъ изъ густо населенныхъ украинныхъ губерній»; въ-третьихъ, желѣзныя дороги, проведенныя въ глубь черноземной полосы, увеличили въ этой области выгодность земледѣлія. По этимъ причинамъ князь Мещерскій считаетъ неизбѣжнымъ сокращеніе запашекъ въ нечерноземныхъ губерніяхъ и находитъ необходимымъ здѣсь усиленіе скотоводства и расширеніе луговой земли на счетъ пашенной. Съ увеличеніемъ количества скота открывается возможность хорошаго удобренія и возстановленія полевого хозяйства. Цѣль содѣйствовать прогрессу скотоводства въ нечерноземныхъ губерніяхъ и преслѣдуется московскимъ обществомъ улучшенія скотоводства въ Россіи. Такъ какъ съ успѣхами этого общества тѣсно связаны интересы дворянскаго хозяйства нечерноземной полосы, а хозяйственный упадокъ дворянства можетъ повести къ паденію сословнаго строя въ Россіи и къ господству демократическаго духа, то необходимо оказать содѣйствіе обществу поощренія скотоводства въ видѣ ежегодной правительственной субсидіи, о назначеніи которой князь Мещерскій и ходатайствуетъ передъ министромъ.

Комментируя это письмо, я высказалъ мнѣніе, что «степными черноземными

ными губерніями тутъ называются тѣ, которыя лежатъ въ треугольникѣ, образуемомъ Окой, Волгой и Дономъ: это — губерніи къ югу отъ Оки, къ востоку отъ Дона и къ западу отъ Волги» *). Г. Семевскій полагаетъ, что я ошибся: слова князя Мещерскаго, что «управленіе *новороссійскаго* генералъ-губернатора» стало заботиться о поддержкѣ овцеводства, свидѣтельствуютъ, по мнѣнію почтеннаго изслѣдователя, что въ письмѣ рѣчь идетъ исключительно о новороссійскихъ губерніяхъ, которыя князь Мещерскій и называетъ степными-черноземными **). Я долженъ сознаться, что, дѣйствительно, не обратилъ надлежащаго вниманія на слова, подчеркнутыя г. Семевскимъ и, несомнѣнно, доказывающія, что къ числу степныхъ-черноземныхъ губерній авторъ письма относилъ и Новороссію. Но, несмотря на это, я и теперь не могу признать свой комментарій вполнѣ ошибочнымъ, а объясненіе г. Семевскаго совершенно правильнымъ. *Я думаю, что степными черноземными губерніями князь Мещерскій называлъ не только южныя—новороссійскія, но и юго-восточныя,* т.-е., по крайней мѣрѣ, бо̀льшую часть того района (между Окой, Дономъ и Волгой), на который я указывалъ въ своей статьѣ. И на это, мнѣ кажется, уполномочиваетъ самый текстъ разбираемаго письма: все время въ немъ противополагаются двѣ полосы — черноземная и нечерноземная, а извѣстно, что первая далеко не совпадаетъ съ предѣлами Новороссіи, но захватываетъ и и весь юго-востокъ Европейской Россіи; а затѣмъ, князь Мещерскій опредѣленно говоритъ о *тридцати* нечерноземныхъ губерніяхъ; нельзя же думать, что онъ противополагалъ имъ всего три губерніи — Херсонскую, Екатеринославскую и Таврическую, игнорируя въ то же время рядъ другихъ черноземныхъ областей.

Итакъ, по моему мнѣнію, текстъ письма князя Мещерскаго, когда онъ говоритъ о черноземныхъ губерніяхъ, надо понимать гораздо шире, чѣмъ то раньше дѣлали мы—я, съ одной стороны, и г. Семевскій, съ другой. Но допустимъ на минуту, что г. Семевскій правъ, и я ошибался, что подъ черноземной полосой надо разумѣть только Новороссію. Значитъ ли это, что вопросъ о распространенности вольнонаемнаго труда при крѣпостномъ правѣ въ другихъ черноземнымъ губерніяхъ—между Окой, Дономъ и Волгой—долженъ быть снятъ съ очереди? Г. Семевскій, повидимому, думаетъ, что на этотъ вопросъ можно дать только утвердительный отвѣтъ ***), я держусь обратнаго взгляда. Разсмотримъ соображенія г. Семевскаго.

Прежде всего г. Семевскій указываетъ, что, по даннымъ 70-хъ годовъ XIX-го в., крестьянскій отходъ на земледѣльческія работы по вольному найму имѣлъ направленіе изъ сѣверной полосы чернозема на югъ или юго-востокъ, что стоитъ въ прямомъ и непримиримомъ противорѣчіи съ моимъ предположеніемъ, что земледѣльческіе рабочіе въ 50-хъ годахъ направлялись съ запада на востокъ и сѣверо-востокъ. «Подобный переворотъ въ направленіи движенія

*) «Міръ Божій», 1902 г., № 2, стр. 164.
**) «Русская Мысль», 1902 г., № 4, стр. 133.
***) «Русская Мысль» за 1902 г., № 4, стр. 137.



на заработки въ теченіе 15-ти лѣтъ совершенно невозможенъ» *). На это я имѣю возразить слѣдующее: во-первыхъ, въ теченіе 15—20-ти лѣтъ, когда, подъ вліяніемъ паденія крѣпостного права, совершился важный хозяйственный переворотъ, легко могли измѣниться и условія, и направленіе крестьянскаго отхода на земледѣльческіе заработки; во-вторыхъ, я вовсе и не думаю и не думалъ утверждать, что не существовало отхода на югъ и юго-востокъ: могли существовать два и болѣе скрещивающихся теченій. Вопросъ объ отходѣ на земледѣльческіе заработки, во всякомъ случаѣ, рано еще считать рѣшеннымъ, и каждое свидѣтельство объ этомъ явленіи слѣдуетъ цѣнить.

Мой почтенный оппонентъ не ограничивается, впрочемъ, указаніемъ на позднѣйшія явленія, а приводитъ также рядъ интересныхъ фактовъ по исторіи крестьянскаго отхода въ XVIII и XIX вѣкахъ: онъ указываетъ на отходъ крестьянъ на заработки въ XVIII в. изъ Рязанской провинціи, говоритъ объ отправленіи пензенскихъ крестьянъ тогда же въ Саратовъ и на Донъ и о приливѣ земледѣльческихъ рабочихъ въ Оренбургскую губернію, о томъ, что въ самомъ началѣ XIX-го в. тульскіе крестьяне уходили на земледѣльческіе заработки въ Малороссію, на Донъ, въ Таврическую и Екатеринославскую губерніи, что, наконецъ, крестьяне Тамбовской губерніи въ 1859 году промышляли извозомъ и по найму полевыми работами наиболѣе въ землѣ Войска Донского, а въ 40-хъ годахъ XIX-го в. широко примѣнялся вольнонаемный трудъ въ Херсонской губерніи ***). Но, внимательно присматриваясь къ этимъ наблюденіямъ, мы не найдемъ въ нихъ ничего противорѣчащаго возможности прилива въ нѣкоторыя части тѣхъ же Рязанской, Пензенской и Тамбовской губерній, не говоря уже о другихъ областяхъ, и постороннихъ рабочихъ: этому въ дѣйствительности сплошь и рядомъ не мѣшаетъ отходъ части мѣстнаго населенія на сторону; что касается отхода рабочихъ въ Оренбургскую губернію и Новороссію, то я и не думалъ отрицать этотъ отходъ, но нельзя всѣхъ и даже большую часть этихъ рабочихъ выводить изъ губерній въ родѣ Рязанской, Пензенской или Тамбовской; наконецъ, свидѣтельство объ отправленіи тульскихъ крестьянъ на земледѣльческіе заработки въ Малороссію относится къ *самому началу* XIX-го вѣка; 50 лѣтъ спустя хозяйственныя условія Малороссіи не только могли измѣниться, но, какъ извѣстно, и дѣйствительно очень сильно измѣнились. Повторяю: категорически я ничего не утверждаю, я ставлю только вопросъ и высказываю сомнѣнія, а разрѣшить первые и разсѣять вторыя—дѣло послѣдующей ученой работы, для которой открывается очень широкое поле, вслѣдствіе крайней скудости имѣющихся въ нашемъ распоряженіи источниковъ.

Третій доводъ г. Семевскаго противъ распространимости вольнонаемнаго труда при крѣпостномъ правѣ въ губерніяхъ между Волгой, Окой и Дономъ заключается въ томъ, что, по его наблюденіямъ надъ статистическими данными, собранными редакціонными коммиссіями въ 1860 году объ имѣніяхъ болѣе 100 душъ, въ этихъ губерніяхъ оказалось только два имѣнія—Чаадаева въ

---

*) Тамъ же, стр. 128—129.

**) Тамъ же, стр. 129—131.

Нижегородской губ. и Александрова въ Рязанской, въ которыхъ примѣнялся вольнонаемный трудъ *). Нельзя не признать, что если бы собранныя редакціонными коммиссіями статистическія свѣдѣнія оказались въ данномъ вопросѣ вполнѣ достовѣрными въ смыслѣ полноты, то пришлось бы безусловно согласиться съ г. Семевскимъ и отказаться отъ безплодныхъ поисковъ вольнонаемнаго земледѣльческаго труда въ черноземныхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ передъ паденіемъ крѣпостного права. Но дѣло въ томъ, что какъ разъ полнотой-то эти свѣдѣнія по данному вопросу и не отличаются по той, повидимому, причинѣ, что при собираніи ихъ обращали вниманіе въ отношеніи къ формамъ труда почти исключительно на то, на барщинѣ или на оброкѣ находились крѣпостные крестьяне, и наличность вольнонаемнаго труда обыкновенно игнорировалась. Это доказывается наличностью такихъ данныхъ о примѣненіи вольнонаемнаго земледѣльческаго труда въ помѣщичьихъ имѣніяхъ черноземнаго юго-востока между Дономъ, Окой и Волгой), какія не попали въ статистическія свѣдѣнія, собранныя редакціонными коммиссіями. Одно изъ свидѣтельствъ въ этомъ смыслѣ, относящееся къ Тамбовской губерніи, извѣстно г. Семевскому и приведено имъ: это—свидѣтельство князя В. И. Васильчикова, что въ Тамбовской губерніи передъ крестьянской реформой существовали помѣщичьи экономіи, пользовавшіяся для разработки помѣщичьей запашки вольнонаемнымъ трудомъ мѣстныхъ крестьянъ**). Я могу въ этомъ отношеніи представить два новыхъ наблюденія, относящихся къ Тульской губерніи. Въ моемъ распоряженіи находится общій итогъ изъ «Журнала ежедневныхъ работъ по хуторамъ Богородицкаго (Тульской губ.) имѣнія» графа А. П. Бобринскаго въ 1859 и 1860 годахъ (съ 1-го апрѣля 1859 по 1-ое апрѣля 1860 г.) ***). Въ этомъ въ высокой степени любопытномъ документѣ различаются, прежде всего, два вида работъ: 1) «работы хуторскими рабочими», 2) «работы вольнонаемныя». Но было бы ошибкой думать, что работы хуторскими рабочими производились не по найму: мы видимъ, что имъ выдавалась опредѣленная денежная заработная плата; такъ, вычислено, что въ теченіе указаннаго годового періода хуторскіе рабочіе были заняты воздѣлываніемъ земли $3.276^1/_2$ рабочихъ дней, уборкой свекловицы 552 дня, молотьбой и вѣйкой 548 дней, каждый день цѣнился въ 23 коп., что, въ общемъ, составляло сумму заработка въ 1.006 р. $59^1/_2$ к. (753 р. $59^1/_2$ коп. за воздѣлываніе земли, 126 р. 96 к. за уборку свекловицы и 126 р. 4 к. за молотьбу и вѣйку). Повидимому, хуторскими назывались крѣпостные графа А. П. Бобринскаго, а вольнонаемными чужіе крестьяне, можетъ быть, и прихожіе со стороны, не мѣстные. Что касается вольнонаемныхъ работъ, то онѣ были въ отношеніи къ земледѣлію еще болѣе напряженными, чѣмъ работы хуторскихъ рабочихъ: нашъ документъ свидѣтельствуетъ, что на пахоту, бо-

---

*) Тамъ же, стр. 137.

**) Тамъ же, стр. 135—136.

***) За доставленіе этого документа приношу искреннюю благодарность преподавателю Богородицкаго средняго сельскохозяйственнаго училища Д. Н. Жаринову. Г. Жариновъ имѣетъ въ виду въ будущемъ подвергнуть хозяйственные документы этого имѣнія обстоятельному изученію.

роньбу и возку хлѣба вольнонаемные рабочіе потратили 1.848 конныхъ дней, $806^1/_2$ пѣшихъ и $266^1/_2$ женскихъ, всего на сумму 2.061 р. 10 к., на уборку картофеля 108 женскихъ дней на 10 р. 80 к., на уборку свекловицы 478 конныхъ дней, $85^1/_2$ пѣшихъ, $17.904^1/_2$ женскихъ на 2.265 р. 13 к., на молотьбу и вѣйку хлѣба $581^1/_2$ пѣшій день и 320 женскихъ на 176 р. 50 к. Правда, хозяйство гр. Бобринскаго было въ значительной степени промышленнымъ—существовалъ сахарный заводъ и разводились свекловичныя плантаціи, требующія интенсивной обработки, но наряду съ этимъ, какъ мы только что видѣли, существовало и зерновое земледѣльческое хозяйство и организовано было оно какъ разъ на основѣ вольнонаемнаго труда.

Другой примѣръ относится къ той же Тульской губерніи, именно къ Бѣлевскому уѣзду, гдѣ въ 50-хъ годахъ XIX-го вѣка, дворянинъ П. М. Хрущовъ владѣлъ селомъ Богородицкимъ—Жиморино тожъ *), причемъ до самаго конца 50-хъ годовъ хозяйство здѣсь велось на старой, крѣпостной основѣ, какъ показываютъ дошедшіе до нась документы. Но въ 1857 и 1858 годахъ наблюдается перемѣна: покупаются молотильная машина въ 700 р., вѣялка въ 192 р. 50 к., сортировочная машина за 105 р. Это введеніе машинъ въ земледѣльческую работу повело, повидимому, къ существеннымъ перемѣнамъ и въ способѣ эксплуатаціи труда. Правда, прямыхъ свидѣтельствъ объ этомъ мы не имѣемъ, потому что документы 1859 и начала 60-хъ годовъ не сохранились, но уцѣлѣлъ договоръ П. М. Хрущова съ его управляющимъ, крестьяниномъ Барышниковымъ, составленный 15-го ноября 1867 года. Тогда крестьяне были еще обязаны «производить хозяйственныя работы» на помѣщика «издѣльною повинностью по урочному положенію», т.-е. хозяйственныя условія имѣнія еще очень мало измѣнились сравнительно съ концомъ 50-хъ годовъ, но, несмотря на это, помѣщикъ предписываетъ управляющему также «нанимать» рабочихъ на годъ, полъ-года или подесятинно «съ платою деньгами, но не хлѣбомъ». Можно догадываться, что такая практика установилась тотчасъ вслѣдъ за введеніемъ въ помѣщичье полевое хозяйство въ 1858 году машинъ.

Эти примѣры наглядно показываютъ, сколь многими сюрпризами насъ могутъ подарить неизданные и часто находящіеся въ забросѣ и подвергающіеся уничтоженію хозяйственные документы крѣпостной эпохи. И это слѣдуетъ замѣтить не только для вопроса о формахъ земледѣльческаго труда, но и по вопросу о техникѣ земледѣльческаго производства: вѣдь и приведенные мною сейчасъ примѣры расширяютъ имѣвшійся раньше въ рукахъ изслѣдователей запасъ фактическихъ данныхъ о техническомъ прогрессѣ земледѣльческаго хозяйства въ половинѣ XIX-го вѣка, но я не могу удержаться, чтобы, пользуясь случаемъ, не привести еще одного факта, очень важнаго въ данномъ отношеніи: въ моихъ рукахъ имѣются документальныя доказательства того, что тверской

*) Имѣніе это въ настоящее время принадлежитъ П. С. Ванновскому. Документы любезно доставлены мнѣ въ пользованіе В. А. Щербой, которому приношу искреннюю благодарность.



помѣщикъ Воробьевъ уже въ 30-хъ годахъ XIX-го вѣка производилъ у себя въ имѣніи систематическіе посѣвы клевера *).

Въ заключеніе своей статьи г. Семевскій ссылается для подтвержденія своего взгляда на одинъ очень высокій ученый авторитетъ,—именно на слова покойнаго Ю. Э. Янсона, что и въ пореформенной Россіи «хозяйствъ, которыя бы велись вольнонаемнымъ трудомъ, весьма немного въ трехпольной черноземной полосѣ. Всѣ помѣщичьи земли или обрабатываются по испольной системѣ, или за обработку (отработку), или сдаются мелкими участками въ аренду тѣмъ же крестьянамъ» **). Полагаю, что г. Семевскій напрасно сдѣлалъ эту ссылку: во-первыхъ, когда при господствѣ крѣпостныхъ юридическихъ отношеній идетъ рѣчь о вольнонаемномъ трудѣ, то нужно принимать во вниманіе не только вольнонаемный трудъ въ его совершенной, чистой формѣ, но и такія промежуточныя формы между крѣпостнымъ и вольнымъ трудомъ, какъ испольщина; во-вторыхъ, барская запашка при крѣпостномъ правѣ была обширнѣе, чѣмъ послѣ реформы, что требовало и бо̀льшаго напряженія силъ при ея эксплуатаціи; въ-третьихъ, нельзя игнорировать въ данномъ вопросѣ значенія, происшедшаго послѣ реформы, упадка хлѣбныхъ цѣнъ на міровомъ рынкѣ, упадка, гибельно отражающагося какъ разъ на помѣщичьемъ хозяйствѣ и подвигающаго это хозяйство вспять.

Такимъ образомъ, я продолжаю сохранять твердую увѣренность, что вопросъ о вольнонаемномъ трудѣ въ черноземныхъ юго-восточныхъ губерніяхъ Россіи—особенно между Окой, Волгой и Дономъ—имѣетъ чрезвычайно серьезное научное значеніе и требуетъ разработки на основаніи новыхъ источниковъ, главнымъ образомъ, на основаніи хозяйственныхъ документовъ крѣпостной эпохи.

Н. Рожковъ.

---

# Материнство и умственный трудъ.

(По поводу одной книги ***).

Недавно появилась книга, освѣщающая женскій вопросъ съ новой стороны, съ которой на него мало обращали вниманія. Книга эта, озаглавленная «Материнство и умственный трудъ», принадлежитъ перу двухъ женщинъ: г-жи Аделаиды Гергардъ и г-жи Елены Симонъ и составлена на основаніи какъ историческаго матеріала, такъ въ особенности данныхъ, собранныхъ путемъ опроса большого числа женщинъ всѣхъ національностей, заявившихъ себя на томъ или

*) Документы по имѣнію Воробьева подарены мнѣ нынѣшнимъ владѣльцемъ имѣнія В. Д. фонъ-Дервизомъ. Пользуюсь случаемъ, чтобы засвидѣтельствовать ему свою глубочайшую благодарность.

**) «Русская Мысль» за 1902 г., № 4, стр. 137.

***) *Adele Gerhard* und *Helene Simon*. „Mutterschaft und geistige Arbeit". Eine psychologische und soziologische Studie auf Grundlage einer internationalen Erhebung mit Berücksichtigung der geschichtlicher Entwicklung. IX + 333 стр., Berlin, Verlag von Georg Reimer, 1901.

другомъ поприщѣ умственной дѣятельности. Авторшами были разосланы вопросные листы, на которые откликнулись 420 женщинъ, поименованныхъ въ особомъ приложеніи. Такимъ путемъ получился крайне интересный матеріалъ, пополненный еще многочисленными историческими справками. Вопросъ, который себѣ поставили г-жи Гергардъ и Симонъ, заключаются въ слѣдующемъ: совмѣстимо ли материнство съ самостоятельной и продуктивной умственной работой, нѣтъ ли здѣсь рокового душевнаго конфликта? Другими словами, можетъ ли женщина одновременно и одинаково успѣшно и добросовѣстно исполнять свое призваніе матери и плодотворно нести трудъ самостоятельнаго работника въ одной изъ областей культурной умственной дѣятельности?

Вопросъ о томъ, способны ли вообще женщины къ умственному творчеству и въ какой степени, дебатировался такъ часто, что его можно уже считать исчерпаннымъ и притомъ рѣшеннымъ въ пользу женщинъ. Въ первой части своего труда авторши дѣлаютъ лишь бѣглый его очеркъ и констатируютъ тотъ фактъ, что въ области драматическаго творчества, композиторства и архитектуры женщины еще почти вовсе себя не заявили, въ наукѣ, живописи, ваяніи и въ прикладныхъ знаніяхъ онѣ достигли значительныхъ успѣховъ, но все-таки еще не могутъ быть поставлены наравнѣ съ мужчинами, въ романѣ же, въ пѣніи, сценическомъ искусствѣ, въ общественной и политической дѣятельности ихъ заслуги имѣютъ не только относительную, но и абсолютную цѣнность. Первая глава начинается съ бѣглаго очерка вопроса объ особенностяхъ женскаго организма и о томъ, какъ могутъ отзываться эти особенности на умственной ихъ работоспособности. Далѣе слѣдуетъ обзоръ материнскихъ обязанностей, которыя авторши ставятъ очень высоко и къ которымъ онѣ предъявляютъ большія требованія. Материнство не ограничивается одними физіологическими процессами беременности, родовъ, кормленія грудью и физическимъ уходомъ за ребенкомъ въ первые годы жизни. Заботы матери должны распространяться на воспитаніе и обученіе дѣтей до достиженія ими того возраста, когда вліяніе матери и вообще родителей дѣлается менѣе непосредственнымъ и постояннымъ. Для раціональнаго воспитанія требуется много знанія и самовоспитанія, т.-е. значительная подготовка; успѣшность же воспитательной дѣятельности требуетъ, чтобы матери-воспитательницѣ былъ предоставленъ голосъ и внѣ предѣловъ ея семьи, во всѣхъ общественныхъ вопросахъ, касающихся школы и воспитанія. Съ этой точки зрѣнія воспитаніе становится призваніемъ, особо важной и широкой умственной дѣятельностью, настолько поглощающей умственныя способности женщины, что вопросъ о томъ, совмѣстимо ли это призваніе съ другой умственной дѣятельностью возникаетъ самъ собою и является вполнѣ умѣстнымъ и логичнымъ.

Въ книгѣ попутно затронуты и незамужнія или бездѣтныя женщины, насколько это нужно для полноты изложенія; но не ими интересуются авторши разбираемаго изслѣдованія, такъ какъ онѣ непосредственно не имѣютъ отношенія къ разбираемому вопросу; онѣ приведены только для иллюстраціи успѣховъ, достигнутыхъ женщинами вообще въ различныхъ областяхъ умственной дѣятельности.



Вторая главная часть книги, озаглавленная «Отношеніе материнства къ различнымъ родамъ умственной дѣятельности», посвящена детальному разсмотрѣнію основного вопроса всей книги, а именно: совмѣстимо ли и насколько совмѣстимо съ творческой умственной работой добросовѣстное и полное исполненіе материнскихъ обязанностей? Изъ разсмотрѣнія по самому существу вопроса должны быть исключены тѣ случаи, когда умственная дѣятельность является невольной, вызванной необходимостью добыванія средствъ къ существованію и поддержанія семьи, и когда, слѣдовательно, материнскія обязанности страдаютъ поневолѣ. Вопросъ, которымъ задались авторши, относится къ тѣмъ женщинамъ, для которыхъ умственная дѣятельность является результатомъ внутренняго стремленія къ творчеству, а слѣдовательно, и выборъ между отдачею себя всецѣло материнскимъ заботамъ или умственной работѣ доброволенъ. Такъ какъ каждый родъ умственной дѣятельности обставленъ особыми, своими собственными условіями, то и приходится разсматривать въ отдѣльности театральное искусство, музыку, изящныя искусства, литературную дѣятельность, науку, наконецъ, политическую и общественную дѣятельность и журналистику.

*Театральное искусство.* Ранѣе и полнѣе, чѣмъ въ другихъ областяхъ самостоятельной умственной дѣятельности, женщины завоевали себѣ равноправность съ мужчинами въ театральномъ искусствѣ, доказавъ, что онѣ способны достигать здѣсь такихъ же выдающихся успѣховъ, какъ и мужчины. Поэтому, сомнѣній о томъ, долженъ ли этотъ родъ дѣятельности быть открытъ для женщинъ, въ настоящее время уже быть не можетъ. Не слѣдуетъ, однако, думать, что театральные подмостки достались женщинамъ безъ всякихъ усилій съ ихъ стороны, безъ борьбы. Изъ историческаго очерка, который приведенъ авторами, явствуетъ, что женщины являются по сценическому искусству равноправными всего лѣтъ 200—300; тѣмъ не менѣе, сцена теперь уже не можетъ обойтись безъ актрисъ, которыхъ прежде замѣняли актеры; театръ далъ намъ рядъ великихъ артистокъ, имена которыхъ долго будетъ хранить потомство. Изъ всѣхъ родовъ умственной дѣятельности, а таковой нельзя не считать игру выдающихся артистокъ, о которыхъ здѣсь только и идетъ рѣчь, театральное искусство требуетъ наибольшихъ жертвъ со стороны матери, благодаря тремъ обстоятельствамъ. Во-первыхъ, артистка нуждается для воплощенія воспроизводимыхъ ею художественныхъ образовъ во всѣхъ своихъ физическихъ и умственныхъ силахъ, во всѣхъ своихъ нервахъ и чувствахъ. Во-вторыхъ, необходимость ежедневнаго переживанія различныхъ чувствованій и страстей, хотя и искусственно вызываемыхъ, но дѣйствительно переживаемыхъ, обусловливаетъ сильное раздраженіе и напряженіе нервной системы. Чтобы вдуматься въ роль и соотвѣтственно себя настроить, артисткѣ нужно уединеніе и особое душевное настроеніе, которое несовмѣстимо съ обыденными и постоянными мелкими заботами матери. Наконецъ, и это, быть можетъ, особенно важно, сценическая дѣятельность требуетъ частыхъ отлучекъ изъ дому, а иногда и продолжительной разлуки съ дѣтьми, когда приходится отправляться на гастроли или въ артистическое турнэ. Въ виду этого, актрисѣ особенно трудно быть заботливой матерью, не пренебрегать дѣтьми. И дѣйствительно, театральное искусство является

такой дѣятельностью, которая чаще всего отрываетъ мать отъ дѣтей, которая заставляетъ женщину бросать своихъ дѣтей или стремиться къ тому, чтобы ихъ не имѣть. Этимъ объясняется и то обстоятельство, что многія актрисы, стремящіяся быть хорошими матерями и считающія себя за таковыхъ, признаютъ вполнѣ нормальными продолжительныя разлуки съ дѣтьми. Этимъ же объясняется наклонность актрисъ къ пренебреженію своими материнскими обязанностями. Этому же, наконецъ, обязаны многія актрисы семейными горестями, каковы преждевременные роды, слабыя дѣти, отказъ отъ сценической дѣятельности, когда материнское чувство беретъ верхъ надъ стремленіемъ къ артистической карьерѣ, иногда уже увѣнчавшейся крупными успѣхами, и т. п.

Въ книгѣ приведено много интересныхъ примѣровъ, иллюстрирующихъ вышесказанное. Нельзя, однако, не отмѣтить, что и актрисы иногда умѣютъ совмѣщать примѣрную материнскую заботливость съ кипучей артистической работой; интереснымъ примѣромъ такой женщины можетъ служить *Ристори*, которая была и великой артисткой, и вполнѣ добросовѣстной матерью, находившей даже возможнымъ кормить грудью своего младенца во время антрактовъ. Вотъ что она пишетъ объ этомъ въ своихъ мемуарахъ: «Il est parfaitement exact que j'ai nourri l'un de mes bébés pendant mes représentations. Le berceau était porté dans ma loge; entre une scène et l'autre je pouvais accomplir une partie de ma mission de mère, et l'expérience m'a prouvé Dieu merci, qu'il n'eut pas à souffrir de ce système ni alors, ni ensuite». «Je n'ai jamais trouvé que l'amour mon art ait en rien diminué ma profonde tendresse maternelle; j'ai adoré mon art, j'ai adoré mes enfants». Но такія заявленія слѣдуетъ считать исключеніями. Гораздо многочисленнѣе указанія другого рода, а именно, что беременность помѣшала артистической карьерѣ, что актриса прямо заявляетъ о своемъ нежеланіи имѣть дѣтей, такъ какъ это мѣшаетъ ея артистическому призванію. Повидимому, нельзя не признать, что для артистки, вообще говоря, сценическая дѣятельность и материнство являются антагонистами. Придя къ этому заключенію, авторши высказываютъ мнѣніе, что отъ великихъ артистокъ не слѣдуетъ требовать, чтобы онѣ бросали свое искусство ради дѣтей, такъ какъ онѣ своей артистической дѣятельностью вносятъ въ сокровищницу человѣческой культуры нѣчто настолько полноцѣнное, что оно можетъ уравновѣсить ту пользу, которую онѣ принесли бы, бросивъ искусство, чтобы стать примѣрными матерями.

*Музыка.* Въ интересномъ историческомъ очеркѣ сопоставлены данныя о роли женщинъ въ музыкѣ въ разныя эпохи и у разныхъ народовъ. Оставляя этотъ очеркъ въ сторонѣ, нельзя не отмѣтить, что наибольшихъ успѣховъ женщины достигли въ пѣніи; концертныя и еще болѣе оперныя пѣвицы могутъ выставить рядъ громкихъ именъ и имѣютъ право гордиться достигнутыми ими здѣсь результатами. Женскій голосъ незамѣнимъ и завоевалъ себѣ полное право гражданства въ музыкѣ, несмотря на попытки вытѣснить женщину и отсюда; вспомнимъ, напр., уродливую попытку замѣны женскихъ голосовъ въ церковныхъ хорахъ кастратами, широко практиковавшуюся въ Италіи, въ XVII столѣтіи. Женщины-виртуозки, въ общемъ, уступаютъ мужчинамъ, а въ компози-

ціи заслуги женщинъ еще очень малы. Что касается вопроса о разладѣ между материнскими обязанностями и артистической дѣятельностью, то слѣдуетъ замѣтить, что у композиторшъ, виртуозокъ и концертныхъ пѣвицъ этотъ разладъ почти отсутствуетъ; зато съ тѣмъ бо́льшей силой проявляется онъ у оперныхъ пѣвицъ, къ которымъ вполнѣ, если не въ бо́льшей еще степени, примѣнимо все, что было сказано относительно актрисъ. Этотъ разладъ иногда ведетъ къ глубокому трагизму, какъ у знаменитой Девріенъ, къ преждевременной смерти, какъ у знаменитой Малибранъ. Рядомъ съ этимъ встрѣчаются, однако, и здѣсь случаи полной гармоніи артистическихъ и материнскихъ или супружескихъ чувствъ, примѣромъ чего могутъ служить Арто, Віардо, Клара Шуманъ. Но, въ общемъ, вполнѣ вѣрно замѣчаніе г-жи Горленко-Долиной: «Il est extrêmement difficile d'être bonne artiste et une parfaite mère de famille en même temps».

*Живопись и скульптура.* Одинъ изъ историковъ искусства, Любке, говоритъ, что если бы исключить художницъ изъ исторіи искусствъ, это не отразилось бы замѣтнымъ образомъ на ходѣ развитія живописи и скульптуры. Такое невыгодное мнѣніе о художницахъ раздѣляется далеко не всѣми и безспорно слишкомъ рѣзко. Можно назвать не одно выдающееся имя и въ этой области, какъ въ древнемъ мірѣ, такъ и въ новѣйшее время, хотя и нельзя не признать, что въ художествѣ женщина далеко еще не завоевала себѣ своими успѣхами равноправности съ мужчинами. Вспомнимъ такія имена, какъ Елена, дочь Тимона Египетскаго, Сабина, Виже-Лебрэнъ, Роза Бонэръ, Башкирцева, Анжелика Кауфманъ и др., свидѣтельствующія о томъ, что и на этомъ поприщѣ мы въ правѣ ожидать отъ женщинъ крупныхъ успѣховъ въ будущемъ. Правда, существуетъ мнѣніе, что женщина по природѣ мало художественна; но это мнѣніе основано на такихъ данныхъ, которыя могутъ быть истолкованы и иначе. Съ точки зрѣнія занимающаго насъ вопроса художницы представляютъ отрадное гармоническое сочетаніе истинной материнской заботливости и высокаго творчества, глубокой преданности своему художественному призванію. Знаменитая Виже-Лебрэнъ, которая славилась не только какъ художница, но и какъ женщина рѣдкой красоты и изящества, признается, что никакіе успѣхи, никакое удовлетвореніе тщеславія не могутъ сравниться съ радостью, которую она испытала, когда, послѣ двухлѣтняго замужества, почувствовала, что она стала матерью. Современная художница Виргинія Демонъ-Бретонъ и нѣкоторыя другія не только отрицаютъ существованіе разлада между стремленіемъ къ творчеству и материнскими обязанностями, но, напротивъ, даже утверждаютъ, что семейныя радости вносятъ въ жизнь художницы особую прелесть, служатъ источникомъ новыхъ эмоцій и вдохновляютъ на новые сюжеты. На этомъ основаніи можно даже высказать предположеніе, что художественный талантъ развивается шире и полнѣе у женщины, которая жила полной половой жизнью и испытала семейныя радости. О какомъ бы то ни было конфликтѣ на почвѣ материнства не говоритъ ни одна художница.

*Литературное творчество.* Пеструю, но поучительную и любопытную картину представляетъ міръ писательницъ. Длинной вереницей проходятъ пе-

редъ нами выдающіяся писательницы, начиная съ Сафо и кончая Джоржъ Элліотомъ, Жоржъ Зандомъ, Бичеръ-Стоу и нашими современницами. Факты, заимствованные изъ біографій, и отвѣты на разосланные авторшами вопросы одинаково разнообразны, скажу даже противорѣчивы. Если принять во вниманіе, что среди писательницъ было много незамужнихъ, а въ числѣ замужнихъ немало бездѣтныхъ, что для статистическихъ выводовъ данныя, которыми пользуются авторы, не отличаются достаточной полнотой, то слѣдуетъ отнестись нѣсколько скептически или вѣрнѣе осторожно къ выводу, что въ мірѣ писательницъ конфликтъ между материнствомъ и творчествомъ имѣетъ даже болѣе острый характеръ, чѣмъ у актрисъ и пѣвицъ. Но нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не признать серьезнаго значенія за тѣмъ обстоятельствомъ, что у писательницы сильно работаетъ фантазія, что она живетъ и должна жить въ мірѣ образовъ; а для этого ей нужно спокойствіе, нужна возможность уединенія, погруженія въ самое себя. Грубая реальность съ ея мелочами, постоянныя заботы о мелочахъ жизни, конечно, въ значительной мѣрѣ парализуютъ работу фантазіи, а потому вредно отражаются на производительности писательницы, на глубинѣ замысла и на образности изображенія. Съ другой стороны, физическое материнство, по увѣренію нѣкоторыхъ писательницъ, пагубно отражается на ихъ творчествѣ: въ періодъ беременности, а отчасти и кормленія грудью, умственныя силы слабѣютъ, творчество замедляется или даже пріостанавливается. Въ жизни и въ отвѣтахъ многихъ писательницъ ясно выражены жалобы на это: однѣ жалуются на материнство, но признаютъ брачную жизнь, другія, наоборотъ, жаждутъ «работы и ребенка», но рѣшительно возстаютъ противъ брачныхъ узъ и противъ радостей супружества. Зато, съ другой стороны не мало голосовъ раздается и въ защиту какъ материнства, такъ и супружества; не безъ основанія нѣкоторыя писательницы видятъ въ семейной жизни источникъ не только радостей, но и вдохновенія и вѣрнаго пониманія такихъ сторонъ человѣческаго сердца, которыя недоступны женщинѣ, не испытавшей радостей матери и супружескаго счастья, а тѣмъ болѣе недоступны мужчинѣ. За интересными примѣрами и цитатами отсылаю къ самой книгѣ; хотя тамъ собранъ довольно богатый матеріалъ, можно было бы пожелать, чтобы онъ былъ еще богаче, такъ какъ только при этомъ условіи можно будетъ съ достаточной достовѣрностью подтвердить или опровергнуть мнѣніе авторовъ разбираемой книги о существованіи у писательницъ-матерей глубокаго душевнаго конфликта между обязанностями матери и призваніемъ писательницы. А въ данномъ случаѣ вопросъ заслуживаетъ того, чтобы надъ нимъ поработать и подумать, такъ какъ въ литературѣ женщины не только вполнѣ завоевали себѣ положеніе, но и оставили глубокій слѣдъ: значеніе Джоржъ Элліота, Жоржъ Занда, Елизаветы Беккеръ-Вольфъ и Агаты Деккенъ (творцы нидерландскаго романа), Бичеръ-Стоу и нѣкорыхъ другихъ можетъ быть поставлено наряду съ крупными мужскими именами.

*Наука.* Тотъ фактъ, что ни въ одной изъ областей научнаго знанія женщины не занимаютъ положенія, равнаго съ мужчинами, объясняется историческими и соціальными причинами, а отнюдь не особенностями умственной или

физической организаціи женщинъ. Объ этомъ достаточно краснорѣчиво свидѣтельствуютъ такія громкія имена, какъ Аспазія, Ипатія, Марія Соммервиль, Софья Ковалевская и много другихъ, не считая цѣлой плеяды менѣе громкихъ именъ. Оставляя вопросъ о томъ, что сдѣлано женщинами въ различныхъ областяхъ научнаго знанія, обратимся къ болѣе непосредственной цѣли разбираемаго изслѣдованія. Женщинъ, работающихъ научно или имѣющихъ отношеніе къ наукѣ теоретической или прикладной, слѣдуетъ для удобства разсмотрѣнія разбить на три группы: 1) женщинъ-ученыхъ по призванію, работающихъ исключительно надъ добываніемъ научныхъ истинъ, 2) ученыхъ профессіональныхъ, у которыхъ научная дѣятельность сопряжена съ извѣстной обязательной срочной работой, какъ, напр., профессура, и 3) женщинъ, посвятившихъ себя какой-нибудь области прикладного знанія, какъ напр., медицина, адвокатура и т. п. Каждый изъ этихъ трехъ родовъ дѣятельности предъявляетъ къ женщинѣ свои особыя требованія, и ко всѣмъ не можетъ быть приложена одна мѣрка. Наиболѣе свободны научно работающія женщины первой категоріи. Если материнство и семейныя заботы и отрываютъ ихъ временно отъ научной работы или отражаются на ея интенсивности, то во всякомъ случаѣ не въ такой степени, чтобы явиться серьезнымъ препятствіемъ для продолженія научной работы. Конечно, незамужнія или бездѣтныя женщины поставлены въ этомъ отношеніи въ болѣе благопріятныя условія; но и добросовѣстныя матери находятъ возможность дѣлить свои умственныя и нравственныя силы между наукой и семьей безъ явнаго ущерба для обѣихъ. Въ этомъ отношеніи интересно свидѣтельство знаменитаго математика, Маріи Соммервиль, которая принималась за научную работу не иначе, какъ сдѣлавъ всѣ необходимыя распоряженія по дому и исполнивъ всѣ свои обязанности относительно дѣтей, причемъ эти послѣднія во всякое время могли отрывать ее отъ работы, т.-е. постоянно пользовались ея вниманіемъ и сердечнымъ отношеніемъ. Съ другой стороны, для женщинъ-ученыхъ есть еще и иная возможность совмѣщенія научной работы съ материнскими заботами, какъ показываютъ нѣкоторые примѣры, а именно: пока дѣти малы и требуютъ постоянныхъ заботъ и вниманія, женщина употребляетъ свои досуги на пріобрѣтеніе тѣхъ знаній, того матеріала, которымъ она пользуется для продуктивной научной работы уже впослѣдствіи, когда дѣти настолько подрастутъ, что является бо́льшій досугъ. Менѣе благопріятны условія для ученыхъ профессіональныхъ; женщины, занимающія каѳедры или иначе связанныя съ обязательной срочной научной работой, въ большинствѣ случаевъ говорятъ о трудностяхъ, съ коими сопряжено въ этихъ случаяхъ материнство. Наконецъ, въ самыхъ неблагопріятныхъ отношеніяхъ находятся женщины, имѣющія профессіональное занятіе въ области прикладного знанія (гдѣ на первомъ планѣ должны быть поставлены женщины-врачи, отчасти адвокаты, учительницы и т. п.). Здѣсь выступаютъ въ сильной степени нѣкоторыя изъ затрудненій, съ которыми мы познакомились у артистокъ. Большинство женщинъ этой категоріи высказывается противъ возможности соединенія такой дѣятельности съ идеальной семейной жизнью: однѣ при этомъ стоятъ за то, чтобы отдать предпочтеніе материнскимъ обя-

занностямъ, какъ болѣе высокимъ, и предоставить медицинскія и иныя свободныя профессіи или незамужнимъ и бездѣтнымъ, или хотя и матерямъ, но въ такой періодъ, когда онѣ уже менѣе связаны дѣтьми; другія видятъ возможность устраненія конфликта между материнствомъ и профессіей врача, адвоката и т. п. въ нѣкоторыхъ измѣненіяхъ соціальнаго строя, по программѣ соціалъ-демократовъ.

Въ результатѣ авторы дѣлаютъ выводъ, что для теоретической науки конфликтъ вполнѣ устранимъ, а въ прикладной онъ сильно даетъ себя знать.

Небезынтересно отмѣтить, что семейныя радости для женщинъ-ученыхъ, повидимому, не представляютъ той заманчивости, которую онѣ имѣютъ для артистокъ, писательницъ и художницъ: этимъ, быть можетъ, объясняется то обстоятельство, что женщины-ученыя, женщины-врачи и т. п. часто остаются дѣвушками и отнюдь не жалуются на это, и что незаконныя связи и дѣти, прижитыя внѣ брака, предtавляютъ здѣсь рѣдкое явленіе.

*Политическая и общественная дѣятельность*; *журналистика*. Способность женщинъ къ увлеченію новымъ ученіемъ, новой теоріей, способность ея къ горячей проповѣди, къ дѣятельной агитаціи и успѣшной пропагандѣ доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что ни одна новая религія не обошлась безъ поддержки женщинъ, что въ движеніи на почвѣ женскаго вопроса, идей мира и соціальныхъ реформъ женщины играли и играютъ замѣтную роль. Точно также никто не станетъ оспаривать способности женщинъ къ журналистикѣ, къ газетной работѣ, къ пропагандѣ извѣстныхъ идей путемъ рѣчей и докладовъ въ публичныхъ собраніяхъ, путемъ статей, памфлетовъ и т. п. Вспомнимъ Олимпію де-Гужъ и г-жу Роланъ во время французской революціи, г-жу де-Сталь, дѣятельность которой всѣмъ достаточно хорошо извѣстна, Беттину фонъ-Арнимъ, Марію Вульстонкрафтъ, за которыми тянется цѣлая вереница болѣе или менѣе видныхъ именъ нашихъ современницъ. Арена общественной дѣятельности должна быть открыта для женщинъ, онѣ отъ нея никогда не откажутся. На первый взглядъ можетъ показаться, что этого рода дѣятельность должна пагубно отражаться на семейныхъ обязанностяхъ женщины, должна отрывать ее отъ семьи. На дѣлѣ оказывается какъ разъ обратное. За немногими исключеніями факты изъ жизни извѣстныхъ общественныхъ дѣятельницъ и многочисленныя, заявленія современницъ единогласно свидѣтельствуютъ о томъ, что общественная дѣятельность не только совмѣстима съ материнствомъ, какъ физическимъ, такъ и нравственнымъ, но что, напротивъ, женщина вполнѣ развертывается, получаетъ болѣе широкій кругозоръ и болѣе плодотворно дѣйствуетъ, когда она совмѣщаетъ въ себѣ оба рода дѣятельности—и общественную, и семейную. Указанія такого рода, что та или иная книга была напечатана или даже написана во время беременности, что произнесеніе 6.000 рѣчей не помѣшало добросовѣстному исполненію материнскихъ обязанностей, что семейная жизнь часто даетъ пищу для болѣе глубоко продуманной и прочувствованной пропаганды извѣстныхъ идей, что, съ другой стороны, развитіе, умственная дѣятельность и расширеніе кругозора, связанныя съ общественной дѣятельностью вносятъ и въ семью болѣе разумное и обдуманное отношеніе къ дѣтямъ—все это цѣнныя указа-

нія, краснорѣчиво говорящія противъ несовмѣстимости общественной дѣятельности съ призваніемъ матери-воспитательницы. Если принять во вниманіе, что работа женщины по общественнымъ вопросамъ или въ журналистикѣ въ общемъ не является срочной, что въ ней всегда возможны перерывы, что она не требуетъ постояннаго напряженія воображенія, постояннаго поддержанія молодости и напряженія физическихъ силъ организма, напримѣръ, пластичности движеній, голоса, техники, какъ у артистокъ, выводъ, къ которому пришли авторши, становится вполнѣ понятнымъ. Поэтому, не должно удивлять насъ, что цѣлый рядъ извѣстныхъ общественныхъ дѣятельницъ и писательницъ самыхъ разнообразныхъ направленій и различныхъ національностей высказались не только за возможность, но даже за желательность совмѣщенія такого рода умственной дѣятельности съ семейной жизнью.

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ по группамъ вопросъ объ отношеніи материнства къ умственному труду, авторши въ послѣдней части своей книги даютъ общую сводку и выводы. Оставляя въ сторонѣ историческія данныя и обращаясь исключительно къ даннымъ экспертизы, мы видимъ, что въ числѣ 420 экспертовъ, приславшихъ отвѣты, находятся 207 матерей, т.-е. около 50%; изъ нихъ 147 имѣли болѣе одного ребенка, 108 сами кормили. Число матерей здоровыхъ дѣтей въ разныхъ профессіяхъ колеблется отъ 73 до 80%; вообще изъ сопоставленія вышеприведенныхъ данныхъ можно сдѣлать выводъ, что умственный трудъ не отражается вредно ни на плодородіи, ни на здоровьѣ матери и дѣтей, ни на способности къ кормленію грудью. Точно также особенности женскаго организма, ежемѣсячныя кратковременныя недомоганія и беременность, существеннымъ препятствіемъ въ большинствѣ случаевъ служить не могутъ. Иное дѣло воспитаніе дѣтей. Здѣсь разныя категоріи умственнаго труда отражаются различно: тамъ, гдѣ требуются продолжительныя или частыя отлучки, какъ въ сценическомъ искусствѣ, въ медицинѣ, отчасти въ общественной или политической дѣятельности, конфликтъ между материнскими обязанностями и умственной работой неизбѣженъ; въ этихъ случаяхъ всегда будетъ страдать тотъ или другой родъ дѣятельности, и это часто должно вести къ глубокому душевному разладу. Точно также неизбѣженъ конфликтъ и тамъ, гдѣ какъ, напримѣръ, у писательницы, требуется постоянное душевное настроеніе; наоборотъ, у журналистки, у ученой, у художницы съ этой стороны разлада ожидать не приходится.

Прежде чѣмъ отвѣтить на общій вопросъ: совмѣстимо ли умственное творчество или вообще какой-либо родъ постоянной умственной дѣятельности съ добросовѣстнымъ исполненіемъ женщиной ея призванія, какъ матери, авторы исключаютъ изъ разсмотрѣнія тѣ случаи, когда матеріальныя условія вынуждаютъ женщину искать заработка въ формѣ какой-нибудь умственной дѣятельности, хотя бы это и заставило ихъ болѣе или менѣе пренебречь материнскими обязанностями. Тамъ необходимость, а потому нечего и заботиться о томъ, примиримы ли оба рода дѣятельности, или нѣтъ: оба одинаково необходимы. Остаются женщины, добровольно отдающіяся какой-нибудь профессіи, сопряженной съ умственнымъ трудомъ. Здѣсь, по мнѣнію авторовъ, въ той или иной

степени конфликтъ всегда будетъ и надо стремиться не къ его устраненію, что, впрочемъ, и недостижимо, а къ разрѣшенію вопроса о томъ, что важнѣе: умственная ли работа, или воспитаніе дѣтей. При такой постановкѣ вопроса, мѣриломъ выступаетъ культурная цѣнность умственной работы женщины: вкладъ выдающейся артистки или пѣвицы, выдающейся художницы, ученой, общественной дѣятельницы въ культурную жизнь человѣчества является полнымъ эквивалентомъ или даже по своей культурной цѣнности превышаетъ то, что онѣ дали бы, оставаясь лишь хорошими матерями. Требовать отъ такихъ женщинъ, чтобы онѣ принесли свое призваніе къ умственной дѣятельности въ жертву призванія матери, нельзя. Но зато слѣдуетъ помнить, что воспитательная дѣятельность матери сама по себѣ является высокимъ родомъ умственной дѣятельности и приноситъ человѣчеству бо̀льшую пользу, чѣмъ посредственный профессіональный умственный трудъ или посредственная артистическая дѣятельность. Поэтому, въ тѣхъ случаяхъ, когда невольное пренебреженіе материнскими обязанностями не вызывается матеріальной необходимостью и не оправдывается выдающимися способностями, женщина должна отдавать всѣ свои силы дѣлу воспитанія дѣтей.

Какъ признаютъ и сами авторши, приведеннаго у нихъ матеріала недостаточно для окончательныхъ выводовъ. Точно также невозможно, по нашему мнѣнію, дать своевременно отвѣтъ на вопросъ о томъ, будетъ ли вкладъ собирающейся умственно работать женщины настолько полноцѣннымъ, чтобы оправдать ея умственную дѣятельность въ ущербъ заботамъ о воспитаніи дѣтей или нѣтъ. Далѣе возникаетъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли отъ женщины требовать, во всякомъ случаѣ, полной отдачи всѣхъ своихъ силъ дѣлу воспитанія дѣтей, чего мы отъ мужчинъ не требуемъ, наконецъ, остаются и нѣкоторые соціальные вопросы, которые должны быть приняты во вниманіе при обсужденіи такъ называемаго женскаго вопроса. Все это данныя, которыя препятствуютъ считать вышеприведенные выводы г-жи Гергардъ и Симонъ окончательными. Но въ ихъ трудѣ цѣнно то, что онѣ съ новой стороны освѣтили вопросъ о возможности умственнаго труда и умственнаго творчества для женщины - матери и сдѣлано это ими безпристрастно и съ любовью къ дѣлу, безъ предвзятой точки зрѣнія. Цѣнно и то, что, ставя умственную дѣятельность женщинъ очень высоко, онѣ въ то же время выдвигаютъ и все значеніе призванія матери, и стараются предостеречь какъ отъ умаленія значенія материнства, такъ и отъ недостаточнаго признанія за умственнымъ трудомъ женщинъ высокаго культурнаго значенія.

Ф. Л.-Л.

---



# РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

## На родинѣ.

**Въ усадьбѣ Некрасова.** Сотрудникъ «Саратовскаго Дневника» посѣтилъ деревеньку Чудовскую Луку (близъ станціи Чудово), гдѣ подолгу жилъ Некрасовъ въ послѣднія десять лѣтъ своей жизни. Въ шестидесятыхъ годахъ поэтъ купилъ здѣсь маленькое имѣніе въ 162 десятины, построилъ небольшой, но удобный домикъ и часто наѣзжалъ сюда одинъ или съ гостями охотиться. Почти четверть вѣка прошло со дня смерти Некрасова, но въ имѣніи сохранилось кое-что цѣнное для памяти поэта.

Послѣ смерти Некрасова имѣньице раздѣлилось пополамъ: одна часть отошла къ брату покойнаго, а другая часть сестрѣ его Аннѣ Алексѣевнѣ Буткевичъ. Братъ продалъ свою часть, а г-жа Буткевичъ нашла для своего наслѣдства болѣе хорошее примѣненіе: свою часть имѣнія въ 82 десятины она отдала земству и прибавила къ этому 7 тыс. руб., полученныхъ отъ продажи сочиненій поэта, съ тѣмъ, чтобы земство открыло здѣсь для крестьянъ низшую ремесленную или сельскохозяйственную школу имени покойнаго поэта. Для этой же цѣли земство получило потомъ отъ Салтыкова и Краевскаго 6.673 руб., приходившихся на долю Некрасова по изданію «Отечественныхъ Записокъ». На эти средства, съ прибавленіемъ субсидій отъ министерства и земства, была открыта 1892 г. «Некрасовская сельскохозяйственная школа». Пригодился и охотничій домикъ Некрасова, и всѣ его постройки: здѣсь теперь помѣщаются преподаватели школы. Домъ поэта занятъ управляющимъ школы В. В. Немыцкимъ. Въ немъ три или четыре комнаты. Передняя часть дома перестраивалась, но кабинетъ поэта остался въ прежнемъ видѣ. Изъ вещей Некрасова почти ничего здѣсь не сохранилось. Остался только большой цѣнный портретъ его, написанный извѣстнымъ художникомъ Н. Н. Ге въ Петербургѣ въ 1872 г. Есть еще любопытное воспоминаніе: надгробный памятникъ надъ... собакой. Это была любимая собака Некрасова. Убила ее нечаянно на охотѣ жена поэта. Здѣшніе крестьяне очень интересуются этимъ памятникомъ и разсуждаютъ, что подъ камнемъ зарыта не собака, а большой кладъ.

Въ деревенькѣ живетъ бывшій егерь Некрасова Иванъ Васильевичъ Мироновъ. Онъ много сохранилъ воспоминаній о «добромъ баринѣ Николаѣ Алексѣевичѣ» и всѣмъ охотно разсказываетъ, что помнитъ.

— Какъ-же, Николай Алексѣевичъ!—ухмыляясь, вспоминалъ онъ.—Бывало всѣхъ онъ насъ портвейномъ напоитъ, ежели охота веселая. Да, хорошій былъ баринъ! Всю жизнь, можно сказать, мы съ нимъ прожили. Онъ меня, вѣдь, и въ люди вывелъ. Какъ же, какъ же! пожили мы съ нимъ, славу Богу! Всего было! У насъ вся охота кругомъ была откуплена, верстъ на двадцать. Бывало, наѣдутъ къ намъ гости—вѣдь, къ нему какіе ѣздили? Министры, графы. Ну, съ собаками, съ ружьями, съ припасами, съ закусками, съ винами отправляемся. Разъ по первой порошѣ этакъ ѣздили, такъ сзади дѣвки загонщики съ пѣснями всю дорогу. Право! весело было. Ежели веселая охота, всѣхъ угощалъ. Народу много около него кормилось. Я вотъ 25 рублей въ мѣсяцъ по лѣтамъ получалъ. А были, которые круглый годъ получали. Да и прочимъ мужикамъ много перепадало. Добрый былъ, что и говорить. И супруга ехе, Зиновея Николаевна, бывало все съ нимъ. Видали памятникъ-то? Это самая его любимая собака была. Они, бывало, вдвоемъ съ супругой за столъ и собакѣ тутъ же третій приборъ ставятъ. Что имъ, то и ей... Боже мой, что съ нимъ было, какъ застрѣлила-то она его! И какъ это случилось! Утромъ еще темно было, вышла Зиновея-то Николаевна изъ шалаша, а тутъ въ кустахъ тетеревъ, что-ли, она—трахъ! а Кадо какъ разъ изъ кустовъ тоже крался къ птицѣ; ну, взвылъ песъ и кувыркомъ! А она—батюшки! бросилась къ нему, потомъ къ Николаю Алексѣевичу, не знаетъ, что и сказать: «Ну, говоритъ, что хочешь, то и дѣлай теперь со мной!..» Она послѣ этого и охотиться перестала. Да, много всякихъ случаевъ было. Во всякую погоду и въ дождь, и въ стужу—лазили мы съ нимъ. Охота! что тутъ будешь дѣлать! Бывало, ужъ и нездоровъ, пойдемъ на ночевъ, укутаемъ его, накроемъ въ шалашѣ, кряхтитъ, охаетъ, дождь это, слякоть, и дичи-то никакой нѣтъ, а онъ все сидитъ да ждетъ. Да, а ужъ напослѣдокъ-то совсѣмъ плохъ сталъ, расхворался, пріѣдетъ больной, грустный, хмурый. Тутъ ему доктора для здоровья велѣли утромъ и вечеромъ въ рѣчкѣ купаться. Бывало возьметъ меня: «Раздѣнься, говоритъ, Мироновъ, попробуй, не холодна-ли очень». Ну, залѣзешь въ воду: «Ничего, кричишь, Николай Алексѣевичъ»,—хошь оно и холодная, да ужъ обманомъ его хочешь заманить, а то видно, что не хочется ему. «Эхъ, Мироновъ, скажетъ бывало, не то, что въ воду, въ огонь бы бросился, только бы попрежнему здоровымъ быть». Да, совсѣмъ онъ плохъ потомъ сдѣлался, желтый весь, худой. А потомъ ужъ такъ и слегъ у себя на петербургской квартирѣ; тамъ и померъ... Хорошій былъ баринъ, что и говорять. Иной разъ пріѣдетъ, и словно что найдетъ на него, не говоритъ ни съ кѣмъ, запрется въ кабинетѣ и сидитъ дня три-четыре. Тутъ ужъ къ нему никто не могъ войти. Даже и Зиновея Николаевна. Дадутъ ему только въ дверь стаканъ чаю или поѣсть что, онъ возьметъ самъ въ дверь и опять затворится. Что ужъ онъ тамъ дѣлалъ, и не знаю.

Много еще въ этакомъ родѣ разсказывалъ бывшій егерь Мироновъ. Но, къ сожалѣнію, онъ только и могъ разсказать, какъ при немъ охотились, пили да въ карты играли. Онъ смотрѣлъ на Некрасова, какъ па ласковаго барина, любящаго поохотиться и отдохнуть въ своемъ имѣніи, а другого ничего о «ласковомъ баринѣ» не могъ разсказать. Сообщилъ Мироновъ, что къ нему уже многіе

обращались съ разспросами о покойномъ Некрасовѣ, и разъ какъ-то давно уже заходилъ къ нему и долго говорилъ съ нимъ Глѣбъ Ивановичъ Успенскій.

---

**Къ вопросу о грамотности среди рабочихъ.** Постоянная коммиссія по техническому образованію при московскомъ отдѣленіи Императорскаго россійскаго техническаго общества получила въ свое распоряженіе отъ администраціи московскихъ казенныхъ винныхъ складовъ интересныя данныя о состояніи грамотности среди рабочихъ, занятыхъ производствами на складахъ. Напечатанныя въ обработанномъ видѣ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», данныя эти могутъ служить показателемъ степени грамотности среди извѣстной группы рабочаго люда, а также показателемъ стремленія къ знанію и развитію, наблюдаемаго среди рабочихъ разныхъ категорій и разнаго уровня развитія.

Казенные винные склады расположены по окраинамъ Москвы въ трехъ различныхъ пунктахъ. Рабочіе, занятые на нихъ, въ большинствѣ случаевъ перешли сюда съ частныхъ заводовъ, когда въ іюлѣ прошлаго года введена была винная монополія и частные заводы перестали функціонировать. По характеру своего производства винные склады не требуютъ отъ большинства рабочихъ какихъ-либо спеціальныхъ познаній, такъ какъ мытье посуды, разливка вина, укупорка бутылокъ, наклеиваніе ярлыковъ и т. п. принадлежатъ къ тѣмъ простымъ работамъ, которыя при нѣкоторомъ навыкѣ можетъ выполнить всякій. Главный контингентъ рабочихъ на складахъ, вслѣдствіе этого, вербуется преимущественно изъ среды того чернорабочаго люда, который доставляется на рынокъ труда со стороны мелкаго городского мѣщанства и пригороднаго крестьянства. Всего на трехъ складахъ къ началу нынѣшняго года было занято, какъ видно изъ опросныхъ листовъ, 1.907 человѣкъ, причемъ число женщинъ нѣсколько преобладаетъ: женщинъ—987, мужчинъ—920.

Общій процентъ грамотности среди всѣхъ вообще рабочихъ 58,5. Въ этомъ отношеніи рабочіе винныхъ складовъ стоятъ нѣсколько выше общаго уровня грамотности всего московскаго населенія, взятаго въ цѣломъ, такъ какъ по переписи 1897 года грамотные среди московскаго населенія вмѣстѣ съ пригородными составляли лишь 56,3%. Если же сравнивать степень грамотности рабочихъ винныхъ складовъ съ таковою же среди фабричныхъ рабочихъ (мы имѣемъ въ виду изслѣдованіе П. М. Шестакова о грамотности среди рабочихъ на мануфактурѣ Э. Цинделя), то она окажется далеко не въ пользу первыхъ: процентъ грамотности среди цинделевскихъ рабочихъ 3 года тому назадъ равнялся 67,4, т.-е. превышалъ на 8,9. Далеко неравномѣрно распространена грамотность въ различныхъ возрастныхъ группахъ. Въ этомъ отношеніи наиболѣе рѣзкую грань представляетъ собой 30-ти-лѣтній возрастъ. Во то время, какъ процентъ грамотности среди рабочихъ до 30-ти-лѣтняго возраста равенъ 62,4, для рабочихъ старше этого возраста онъ спускается до 50-ти. Еще бо̀льшая неравномѣрность въ распространеніи грамотности наблюдается между мужчинами и женщинами. Разница здѣсь получается поразительная, рѣзко бросающаяся въ глаза даже при поверхностномъ наблюденіи: число грамотныхъ среди мужчинъ составляетъ 80,8%, среди женщинъ—всего лишь 37,8%, иначе

*

говоря, грамотность среди мужчинъ распространена вдвое болѣе, чѣмъ среди женщинъ.

Приведенныя здѣсь цифры не могутъ дать, однако, достаточно яснаго представленія о положеніи дѣла. Для полноты картины необходимы еще данныя о степени грамотности. Здѣсь, прежде всего, слѣдуетъ замѣтить, что подъ рубрику *грамотныхъ* были занесены и лица съ самою примитивною степенью грамотности, т.-е. едва умѣющія читать и совсѣмъ не умѣющія писать. По степени образованія всѣхъ грамотныхъ можно подраздѣлить на 4 группы: 1) обучавшіеся дома, на военной службѣ или въ школѣ, но не окончившіе курса; 2) окончившіе курсъ начальной школы; 3) обучавшіеся въ школахъ 3-го разряда (уѣздныя, городскія, духовныя, техническія и т. п.), но не окончившіе въ нихъ курса, и, наконецъ, 4) окончившіе курсъ въ школахъ 3-го разряда. Число рабочихъ, относящихся къ 1-й группѣ, составляетъ 70% всѣхъ грамотныхъ, ко 2-й группѣ — 28,6, къ 3-й группѣ — 1, и къ 4-й — 0,4%. Если же мы возьмемъ процентное отношеніе названныхъ группъ къ общему числу всѣхъ вообще рабочихъ, то соотвѣтствующія цифры измѣнятся слѣдующимъ образомъ: неграмотные — 41,5%, обучавшіеся дома, на военной службѣ и т. д. — 40,8, окончившіе курсъ начальной школы — 16,8, обучавшіеся, но не окончившіе курсъ въ школахъ 3-го разряда — 0,65% и окончившіе курсъ въ школахъ 3-го разряда 0,25%.

Оказывается, стало быть, что даже въ такомъ крупномъ предпріятіи, какъ казенные винные склады, и въ такомъ крупномъ центрѣ, какъ Москва, изъ сотни рабочихъ только 16 человѣкъ окончили начальную трехгодичную школу; изъ 150 человѣкъ только одинъ поднимался выше этой школы и, наконецъ, изъ 400 только одинъ окончилъ школу 3-го разряда. Что же касается дальнѣйшихъ духовныхъ запросовъ рабочихъ, то учиться вновь и продолжать полученное уже образованіе пожелала лишь половина всѣхъ опрошенныхъ (50,4%), причемъ у мужчинъ стремленіе къ образованію значительно сильнѣе, чѣмъ у женщинъ: процентъ желающихъ учиться мужчинъ равенъ 57,7, тогда какъ процентъ желающихъ учиться женщинъ — только 43,6. Еще значительнѣе оказывается разница при сравненіи группы грамотныхъ съ группою неграмотныхъ: желающіе учиться среди грамотныхъ составляютъ 57,9%, среди же неграмотныхъ — только 39,9%. Такимъ образомъ, грамотность даже въ самой примитивной своей формѣ не только даетъ человѣку орудіе для пріобрѣтенія знаній, но и создаетъ стремленіе къ образованію, порождаетъ жажду знанія.

Значительное разнообразіе представляютъ отвѣты на вопросъ, «чему желаютъ учиться».

Здѣсь на ряду съ желаніемъ научиться первоначальной грамотѣ мы встрѣчаемся съ желаніемъ изучать ариѳметику, геометрію, исторію, географію, физику, механику, иностранные языки, грамматику, счетоводство, медицину, ремесла, а также заниматься музыкой, пѣніемъ, учиться чистописанію, кройкѣ, шитью, рѣзьбѣ по дереву, электротехникѣ и т. д. Словомъ, выражены самыя разнообразныя желанія. Нельзя обойти также молчаніемъ того факта, что число желающихъ учиться въ будни послѣ работы въ 3½ раза превосходитъ число

желающихъ учиться только по праздникамъ, въ свободное время. Очевидно, тѣ, кто, дѣйствительно, желаетъ учиться, относятся къ этому желанію серьезно, ихъ не смущаетъ то обстоятельство, что рабочій день, вслѣдствіе этого, удлинится на 2—3 часа.

Если подраздѣлить желающихъ учиться на двѣ группы, изъ которыхъ въ первую войдутъ желающіе изучать предметы общеобразовательнаго характера, а во вторую—утилитарнаго, то получатся слѣдующіе выводы. Число лицъ, относящихся къ первой группѣ, составляетъ 57% всѣхъ желающихъ учиться, а ко второй группѣ—43%. Такимъ образомъ, большинство желающихъ учиться стремится преимущественно къ пріобрѣтенію грамотности и научныхъ знаній. Если же взять число желающихъ учиться общеобразовательнымъ предметамъ по отношенію къ общему числу рабочихъ, то получимъ всего лишь 29%. Явленіе грустное, но понятное, если принять во вниманіе ту незначительную степень грамотности въ общей массѣ рабочихъ, о которой было говорено выше.

Въ лучшемъ положеніи стоитъ вопросъ о чтеніи среди рабочихъ: изъ общаго числа грамотныхъ читающіе составляютъ 81%. Какъ видно изъ отвѣтовъ, для чтенія служатъ книги, газеты и журналы. Слѣдующія числа даютъ представленіе о томъ, въ какой мѣрѣ пользуются рабочіе каждымъ изъ этого рода произведеній печати. Читающихъ книги, газеты и журналы 56,5%, читающихъ только газеты—1,5%. Источники, откуда получаются книги для чтенія, какъ видно изъ отвѣтовъ, бываютъ трехъ родовъ: собственныя книги, книги изъ библіотекъ и книги, взятыя у знакомыхъ. Собственныя книги оказались у 691 рабочаго, что̀ составляетъ 62% по отношенію къ общему числу грамотныхъ. Что касается библіотекъ, то ими пользуются всего 70 человѣкъ, т.-е. 6% всѣхъ грамотныхъ. Изъ отвѣтовъ не видно, каковы эти библіотеки, платныя или безплатныя. Значительное большинство беретъ книги у знакомыхъ; такихъ мы насчитали 580 человѣкъ, или 52% грамотныхъ.

Посмотримъ теперь, какъ пользуется рабочій праздничнымъ досугомъ. Употребляютъ ли они его на посѣщеніе образовательныхъ учрежденій (концертовъ, театровъ и т. п.)? Въ опросномъ листѣ для выясненія этого предложенъ слѣдующій вопросъ:

«Посѣщаетъ ли народныя чтенія, лекціи, театры, концерты, гулянья и т. п.?» Положительный отвѣтъ дали немного болѣе половины всѣхъ рабочихъ, а именно 53%.

Такимъ образомъ, 47% совершенно не пользуются праздничнымъ досугомъ для разумныхъ развлеченій и пополненія знаній. Причины непосѣщенія разнообразны, но наиболѣе часто встрѣчаются слѣдующія: неимѣніе времени, неимѣніе средствъ, «не пускаютъ родители или мужъ»; встрѣчаются и опредѣленныя указанія, что «не желаютъ» и «не интересуются». На вопросъ «что̀ посѣщаютъ?» большинство отвѣтовъ падаетъ на народныя чтенія, затѣмъ идутъ гулянья, театры, концерты и, наконецъ, лекціи. Послѣднія — въ очень незначительномъ количествѣ, всего семь отвѣтовъ.

---



Въ житницѣ Сибири. «Житницей Сибири» принято называть Минусинскій уѣздъ. И дѣйствительно, въ прежніе годы этотъ районъ давалъ огромное количество всякихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ для вывоза отсюда въ разныя мѣста Сибири. Грузили огромныя баржи хлѣбомъ и сплавляли внизъ по Енисею до г. Красноярска и далѣе. Но теперь, по словамъ корреспондента «Сибирской Жизни», положеніе дѣлъ измѣняется. «Житница Сибири» пережила и переживаетъ серьезный хозяйственный кризисъ.

Двухлѣтніе неурожаи сильно отозвались на всей хозяйственной и экономической жизни здѣшняго населенія. Баснословно дешевыя цѣны на продукты сельскаго хозяйства 2—3 года тому назадъ кажутся совершенно невѣроятными по сравненію съ нынѣшними. Въ прежніе года пудъ ржаной муки стоялъ здѣсь 18—20 коп., теперь доходило до 1 руб. Безкормица, особенно этой зимы, сильно отразилась на уменьшеніи скота; зимою скотъ падалъ отъ голода, его подвѣшивали веревками или продавали за безцѣнокъ. Много лошадей было поскуплено разными барышниками; лошадей, купленныхъ за безцѣнокъ, уводили «на Усъ», «въ Сойоты». У большинства населенія (особенно сѣверной части уѣзда) еще зимой не было своего ни хлѣба, ни кормовъ, все приходилось пріобрѣтать «съ купли», а заработковъ мѣстныхъ никакихъ нѣтъ, такъ какъ, въ виду исключительно земледѣльческаго характера района, промыслы здѣсь въ зачаточномъ состояніи.

Хлѣба нѣтъ, денегъ тоже, и вотъ на этой почвѣ «оскудѣнія» за послѣдніе два года неимовѣрно увеличились по деревнямъ кражи. По преимуществу, это кражи изъ амбаровъ всевозможной натуры (мука, овесъ, крупа и т. п.) и, кстати, и другого, обыкновенно, хранящагося тутъ же, въ амбарахъ, крестьянскаго скарба, что подъ руки попадется. Крадутъ однодеревенцы, часто прямо сосѣди другъ у друга, до сихъ поръ не замѣченные «въ предосудительномъ поведеніи», крадутъ и другіе крестьяне, уже «замѣченные», крадутъ и профессіональные воры изъ крестьянъ и изъ ссыльно-поселенцевъ. Крадутъ и днемъ, и ночью, «со взломомъ» и «изъ обитаемыхъ строеній». Однимъ словомъ, воровство—злоба дня здѣсь и жгучій вопросъ, волнующій мирное населеніе. Несомнѣнно, что неурожаи послѣднихъ лѣтъ, нанеся непоправимый ущербъ благосостоянію населенія, сильно способствовали развитію воровства этого бича для хозяйствующаго населенія. Дѣло доходило прямо до какого то воровского террора. Населеніе чувствовало, да и теперь еще чувствуетъ себя въ какомъ то осадномъ положеніи отъ воровъ. Воровство и грабежи нерѣдко сопровождаются убійствами.

Общему хозяйственно экономическому состоянію края нанесенъ чувствительный ударъ: переведенъ скотъ, прожиты запасы и сбереженія, сократилась посѣвная площадь, вслѣдствіе большихъ недосѣвковъ за недостаткомъ сѣмянъ. Если бы урожай этого года былъ и очень хорошъ, все-таки, вслѣдствіе этого сокращенія посѣвовъ, нельзя ожидать особеннаго пониженія цѣнъ на продукты сельскаго хозяйства; скотъ, нужно думать, вздорожаетъ, что и наблюдается уже сейчасъ въ виду обилія травъ, скотъ перестали рѣзать и сбывать такъ дешево, какъ это приходилось дѣлать при безкормицѣ.

Начинается страда; пора бы уже убрать сѣно и поспѣть хлѣбамъ, а между тѣмъ весь іюнь и пока іюль все лили дожди. Хлѣба все еще растутъ, тянутся и не зрѣютъ.

Въ добавокъ ко всему, здѣсь полосой прошелъ въ первыхъ числахъ іюля крупнѣйшій градъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно выбилъ хлѣбъ, «такъ что и соломы то не осталось, все съ землей смѣшалось, словно вспахано было». Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ появился на хлѣбѣ, коноплѣ и на огородныхъ растеніяхъ (капустѣ и табакѣ) червякъ.

Во всѣхъ описанныхъ бѣдствіяхъ и неудачахъ въ своей сельско-хозяйственной жизни населеніе предоставлено самому себѣ. Никакой агрономической помощи со стороны знающихъ дѣло людей ждать здѣсь не приходится. А между тѣмъ именно, здѣсь въ «житницѣ Сибири», необходимы компетентныя указанія людей съ спеціальнымъ агрономическимъ образованіемъ. Есть въ г. Иркутскѣ на всю Восточную Сибирь какой то одинъ чиновникъ-агрономъ, но что онъ населенію и что населеніе ему? Никто о его дѣятельности ничего не слышитъ и не знаетъ.

Таково положеніе дѣлъ въ «житницѣ Сибири», оскудѣвшей вслѣдствіе неурожаевъ 2-хъ послѣднихъ лѣтъ въ особенности. Хлѣбные запасы совершенно истощены, особенно въ сѣверной степной части. Ссуды, пособія и благотворительныя общественныя работы только палліативно достигаютъ, а иногда и совсѣмъ не достигаютъ цѣли. Будущее если не этого уже года, то слѣдующихъ лѣтъ въ неизвѣстности и въ исключительной зависимости отъ случайностей погоды и т. п. Продовольственное дѣло фактически находится главнымъ образомъ въ рукахъ невѣжественной низшей сельской и волостной администраціи и корыстныхъ писарей и номинально крестьянскихъ начальниковъ, у которыхъ и безъ того много всякой канцелярщины и разныхъ административныхъ и другихъ дѣлъ, и населеніе въ борьбѣ съ природой предоставлено только самому себѣ да волѣ судебъ.

Единственный исходъ изъ этого печальнаго положенія газета видитъ въ мѣстномъ самоуправленіи, которое одно могло бы пробудить къ самодѣятельности дремлющія силы населенія и возстановить падающее хозяйство.

---

«Запрещенная» книга. «Саратовскій Дневникъ» разсказываетъ исторію, которая, даже въ условіяхъ нашей провинціальной жизни, представляется совершенно фантастической. Дѣло въ слѣдующемъ. На-дняхъ въ Саратовѣ вышла вторымъ изданіемъ книга г. Осиповскаго «Сборникъ узаконеній, необходимыхъ въ крестьянскомъ быту». Передъ выходомъ этой книги въ свѣтъ авторъ, онъ же и издатель, помѣстилъ объявленія въ наиболѣе распространенныхъ и дешевыхъ періодическихъ изданіяхъ, между прочимъ и въ «Сельскомъ Вѣстникѣ», издающемся при редакціи «Правительственнаго Вѣстника». Благодаря такой широкой публикаціи, къ автору-издателю поступило не мало требованій на книгу какъ отъ сельскихъ и волостныхъ управленій, такъ и отъ отдѣльныхъ крестьянъ разныхъ губерній. Но послѣднее время поступаютъ также



требованія о возвратѣ высланныхъ въ задатокъ за книгу денегъ, причемъ сообщается, что книгу эту крестьянамъ нельзя имѣть.

Такой очевидный абсурдъ имѣетъ, къ сожалѣнію, извѣстныя основанія, хотя «запретъ» на книгу исходитъ далеко не изъ компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ сферъ. Роль цензора взялъ на себя одинъ «доброволецъ»—почтово-телеграфный чиновникъ въ херсонской губерніи. Этотъ «просвѣщенный» по юридической части господинъ напустилъ на крестьянъ, сдававшихъ на почту деньги, такого страху, что они положительно опѣшили.

— Вы не имѣете права держать такія книги! Законы можетъ читать только тотъ, кто ихъ понимаетъ, а вы неучи, олухи, ослы и пр. въ этомъ родѣ.

За послѣднія слова ретивый охранитель мужицкаго невѣжества поплатился штрафомъ, ибо «ослы и олухи» не согласились безропотно принять на себя столь лестную характеристику и обратились къ защитѣ суда. Но судъ, вознаградивъ за грубость добровольца, не могъ все-таки выяснить крестьянамъ, что они не только могутъ, но и должны знать законы, ибо незнаніемъ закона никто отговариваться не можетъ.

Чиновникъ не унялся. Онъ грозитъ, когда получится на почтѣ книга и адресатъ явится за полученіемъ ея, что *онъ арестуетъ* и книгу, и адресата.

Напуганные крестьяне изъ-за боязни, «какъ бы чего не вышло», просятъ издателя вернуть деньги, а книги не высылать: Богъ съ ней совсѣмъ, бѣды еще наживешь.

Но какъ мы слышали, издатель не склоненъ умалчивать о такомъ самозванномъ «охранителѣ» и имѣетъ въ виду обратиться съ жалобой куда слѣдуетъ.

Любопытно, что невѣжественный почтово-телеграфный чиновникъ, такъ смѣло дѣйствующій и морочащій темныхъ людей, кажется, нашелъ въ комъ-то поддержку, что, очевидно, придало ему еще больше смѣлости. Вѣдь только при такой смѣлости возможно подобное нахальство.

Какъ бы то ни было, а «строгій» чиновникъ достигъ своего: «Сборникъ узаконеній» объявленъ имъ «запрещенной» книгой и крестьяне боятся получить эту книгу. «Мы, однако, увѣрены,—утѣшаетъ своихъ читателей «Саратовскій Дневникъ»,—что чиновники, на обязанности которыхъ лежитъ не запечатываніе и распечатываніе постъ-пакетовъ, а дѣйствительно охраненіе права и законности, снимутъ «запрещеніе» съ книги г. Осиповскаго».

---

Къ тихорѣцкой исторіи. Въ прошлой книжкѣ «Міра Божія» мы разсказали (см. «Человѣкъ-звѣрь») со словъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» о выходящемъ изъ ряда вонъ преступленіи, совершенномъ въ первыхъ числахъ мая на ст. Тихорѣцкой, Владикавказской желѣзной дороги. Вслѣдъ за этимъ ѣздилъ на мѣсто происшествія, корреспондентъ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» и, провѣривъ сообщеніе «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», подтвердилъ его, причемъ добавилъ что одинъ изъ участниковъ преступленія—помощникъ станичнаго атамана—уже отстраненъ отъ должности, а о подробностяхъ дѣла ведется слѣдствіе. Вскорѣ послѣ этого министерство юстиціи опубликовало итоги оффиціальнаго разслѣдованія дѣла, которые рисуютъ происшествіе совсѣмъ въ

другомъ свѣтѣ. По даннымъ министерства юстиціи оказывается, что «проститутка» Золотова по подозрѣнію въ кражѣ въ вагонѣ у кандидата на судебныя должности Добровольскаго свертка со шпагой и зонтикомъ, который былъ найденъ около занимаемаго ею мѣста, была арестована, такъ какъ не имѣла при себѣ документа, удостовѣряющаго ея личность.

Ей было предложено представить поручителей съ залогомъ въ 100 руб., а до этого она была посажена подъ арестъ. Такъ какъ на телеграммы, посланныя Золотовой своимъ знакомымъ о внесеніи за нее залога, отвѣта не получилось, то судебный слѣдователь сдѣлалъ распоряженіе о высылкѣ ея этапнымъ порядкомъ по мѣстожительству. Это извѣстіе очень поразило Золотову; не желая предстать предъ родными въ качествѣ подслѣдственной арестантки, она отъ стыда отравилась карболовою кислотой. Слѣдователь Пусеппъ допрашивалъ Золотову только разъ и то въ присутствіи третьяго лица,—кандидата на судебныя должности Мантулина. Пусеппъ отнюдь не скрылся тайно изъ Тихорѣцкаго хутора, а, сдавъ дѣла другому лицу, уѣхалъ въ отпускъ, ходатайство о коемъ онъ возбудилъ еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Такимъ образомъ, никакого надругательства надъ Золотовою произведено не было.

Это разъясненіе, однако, ни мало не успокоило общественное мнѣніе, и въ газетахъ (въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», въ «Новостяхъ» и др.) по адресу министерства юстиціи предложенъ былъ рядъ вопросовъ, на которыхъ въ разъясненіи не находилось отвѣтовъ. Остается ждать судебнаго разслѣдованія, которое одно можетъ разрѣшить таинственную тихорѣцкую загадку.

Между прочимъ, вскорѣ послѣ загадочной исторіи съ несчастной Золотовой на ст. Тихорѣцкой произошло новое «недоразумѣніе». Проѣзжая по желѣзной дорогѣ, на ст. Тихорѣцкой неожиданно заболѣла и на другой день умерла г-жа Коросько, которую здѣсь поспѣшили похоронить, не выяснивъ личности покойной. Когда родственники г-жи Коросько, наконецъ, узнали, что она скончалась на ст. Тихорѣцкой, то оказалось, что въ бывшихъ при покойной деньгахъ произошелъ значительный недочетъ. Сотрудникъ «Приазовскаго Края», посѣтившій по этому поводу ст. Тихорѣцкую, находитъ, что двѣ тихорѣцкія «загадки»,—трагедія Золотовой и недоразумѣніе съ покойною Коросько,—имѣютъ между собою нѣчто общее.

Прежде всего, обѣ эти «загадки» сближаютъ между собою одно и то же лицо, фамилія котораго фигурируетъ въ разъясненіи г. министра юстиціи. Это—жандармскій унтеръ-офицеръ Безхмѣльницынъ. Онъ—творецъ загадокъ.

Вотъ тоже лицо, которое сближаетъ двѣ различныя загадки, участвуя какъ въ первой, такъ и во второй. Врачъ Фишберъ осматривалъ отравившуюся Золотову; онъ же осматривалъ и Коросько.

И въ томъ, и въ другомъ случаѣ по закону нельзя было довольствоваться осмотромъ. Требовалось вскрытіе тѣла. Сама ли отравилась Золотова? Разумѣется. Вѣдь, она еще раньше покушалась удавиться...

Но все-таки... слѣдовало бы произвести вскрытіе и подробный осмотръ тѣла. Точно также и съ Коросько. Она умерла отъ паралича сердца, но не было ли причинъ, вызвавшихъ этотъ параличъ? Почему не было сдѣлано вскрытіе ея

тѣла? Коросько почувствовала себя дурно 5-го іюня, а умерла 6-го. Это мало похоже на параличъ сердца. Похоронили ее 7-го. Немного скоро.

Кореспондентъ говорятъ, что собралъ о личности Золотовой интересныя свѣдѣнія, которыми вскорѣ и намѣренъ подѣлиться съ читателями. Кстати. Не успѣли еще замолкнуть разговоры по поводу всѣхъ этихъ «загадокъ», какъ въ «Нов. Вр.» отъ 11-го августа телеграфируютъ:

Въ тихорѣцкомъ желѣзнодорожномъ почтовомъ отдѣленіи почтальонъ Атамановъ разрѣзалъ сумку, взялъ узелъ съ серебромъ на 1.000 р. и безслѣдно исчезъ. Узелъ пересылался въ Армавиръ и Сочи.

---

**За мѣсяцъ.** Въ прошлой книжкѣ журнала, отмѣтивъ открытіе дѣйствій мѣстныхъ комитетовъ, организованныхъ по постановленію особаго совѣщанія, мы остановились подробно на работахъ Суджанскаго уѣзднаго комитета. Теперь, сопоставляя дѣятельность этого послѣдняго съ дѣятельностью другихъ уѣздныхъ комитетовъ, отчеты о засѣданіяхъ которыхъ оглашены въ печати, мы можемъ признать постановку дѣла въ суджанскомъ комитетѣ типичной для большинства уѣздовъ. Въ уѣздныхъ комитетахъ Елецкомъ, Александровскомъ, Тамбовскомъ, Ковровскомъ, Лохвицкомъ, Ветлужскомъ, Костромскомъ, Аккерманскомъ, Бирскомъ и другихъ нужды сельскохозяйственной промышленности сводились главнымъ образомъ, къ общимъ потребностямъ культурнаго, правового и экономическаго характера, необходимость удовлетворенія которыхъ ставилась на первый планъ, а затѣмъ уже намѣчались мѣропріятія частнаго и техническаго характера.

Для того чтобы уяснить, какими собственно соображеніями руководствуются уѣздные комитеты, перенося центръ тяжести сельскохозяйственныхъ потребностей въ область мѣропріятій широкаго общественнаго значенія, приведемъ здѣсь въ извлеченіи, со словъ «Русскихъ Вѣдомостей», рѣчь, произнесенную проф. Н. А. Карышевымъ въ александровскомъ (Екатеринославской губ.) уѣздномъ комитетѣ, членомъ котораго онъ состоитъ. Всѣ тѣ вопросы, которые намѣчены программой особаго совѣщанія, имѣютъ—сказалъ г. Карышевъ—второстепенное значеніе и разрѣшеніе ихъ въ ту или иную сторону стоитъ въ широкой зависимости отъ разрѣшенія другихъ вопросовъ, не вошедшихъ въ програму. Въ настоящее время можно уже съ увѣренностью сказать, что періодъ натуральнаго хозяйства въ Россіи закончился; произведенія сельскаго хозяйства перестали быть мѣстнымъ продуктомъ, назначеннымъ на удовлетвореніе мѣстныхъ нуждъ,—они сдѣлались товаромъ міровой торговли. Въ настоящее время идетъ борьба на міровомъ рынкѣ между государствами, и тяжело положеніе того народа, который выступаетъ на арену этой борьбы съ неравнымъ оружіемъ,—съ низкимъ уровнемъ умѣній и знаній, съ неправильною организаціей сбыта товаровъ, съ низкимъ уровнемъ общаго образованія, съ низкою производительностью труда. Г. Карышевъ, оттѣняя прежде всего огромное значеніе даже элементарнаго общаго образованія, приводитъ выводы доклада инженера Гавришова, который путемъ точнаго и строго-научнаго учета заработной платы, получаемой рабочими разныхъ степеней грамотности, пока-



залъ, въ какой тѣсной причинной связи находится производительность труда даже съ элементарной грамотностью. Оказывается, что рабочій, пробывшій хотя одинъ годъ въ народной школѣ, уже зарабатываетъ больше, чѣмъ вовсе не учившійся, пробывшій два года—еще больше, и т. д. Вторымъ, не менѣе важнымъ, орудіемъ въ успѣшной производительности и сбытѣ сельскохозяйственныхъ продуктовъ является кооперація. Н. А. Карышевъ иллюстрировалъ огромное значеніе коопераціи многочисленными примѣрами изъ западно-европейской жизни: указано между прочимъ было на блестящіе результаты, достигнутые коопераціями мелкихъ сельскихъ хозяевъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Италіи, коопераціями мелкихъ сельскихъ хозяевъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Италіи, коопераціями мелкихъ владѣльцевъ виноградниковъ въ Западной Германіи, коопераций сельскихъ хозяевъ Даніи по сбыту яицъ *) и проч. Третьимъ факторомъ, вліяющимъ на успѣхъ всякихъ сельскохозяйственныхъ мѣропріятій, является финансовая политика государства. Въ настоящее время только три государства въ Европѣ не ввели у себя подоходнаго налога—Франція, Турція и Россія. Положеніе послѣдней въ смыслѣ финансовой политики не можетъ быть признано благопріятнымъ. Какова бы ни была примѣнена система взиманія съ населенія средствъ для нуждъ государственныхъ (косвенные налоги, прямое обложеніе, подоходный налогъ), естественно, что сборы можно брать только съ чистаго дохода. У насъ же, если говорить о крестьянскомъ населеніи, этотъ основной принципъ нарушается: у насъ для удовлетворенія государственныхъ нуждъ крестьянинъ растрачиваетъ свой основной сельскохозяйственный капиталъ. Нужды нашей сельскохозяйственной промышленности приносятся въ жертву индустріи. По мнѣнію Н. А. Карышева, никакія улучшенія въ области сельскаго хозяйства невозможны, если не будутъ предприняты коренныя реформы въ упомянутыхъ выше сторонахъ государственной жизни. Такъ государство должно принять самыя энергичныя мѣры для введенія всеобщаго обученія. Въ этомъ случаѣ къ цѣли слѣдуетъ идти двумя путями, во-первыхъ, обращать на нужды начальнаго образованія средства казны въ несравненно большемъ размѣрѣ, чѣмъ это дѣлается теперь, во-вторыхъ,—что еще важнѣе,—измѣнить законодательство, касающееся народнаго образованія въ такомъ направленіи, чтобы въ этой сферѣ возможно было самое широкое примѣненіе частной и общественной инициативы. Для того, чтобы возможно было у насъ развитіе коопераций, необходимо, чтобы всякая кооперація, товарищество и т. п. могли учреждаться не по особому утвержденію уставовъ, а явочнымъ порядкомъ. Но и это недостаточно. До тѣхъ поръ, пока у насъ будутъ исключительные законы для крестьянъ,—до тѣхъ поръ развитіе самодѣятельности среди огромной массы населенія невозможно. Точно также необходимо и измѣненіе финансовой политики,—измѣненіе, которое бы равномѣрнѣе распредѣлило налоговое бремя между разными экономическими группами государства.

*) Въ эту кооперацію входятъ до 2/3 всѣхъ сельскихъ хозяевъ Даніи. Благодаря успѣшному веденію дѣла, эта кооперація въ короткій сравнительно срокъ вытѣснила изъ лондонскаго рынка германскія яйца.



Комитетъ, согласившись съ мнѣніемъ Н. А. Карышева, принялъ соотвѣтствующую резолюцію и перешелъ затѣмъ къ обсужденію вопросовъ, намѣченныхъ въ программѣ.

— Вопросъ о средне-учебныхъ программахъ на наступившій учебный годъ разрѣшился Высочайше утвержденнымъ 22-го іюля новымъ распредѣленіемъ уроковъ для четырехъ младшихъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ. Новое распредѣленіе уроковъ утверждено на 1902—1903 учебный годъ, но должно оставаться въ силѣ и послѣ этого срока, впредь до введенія утвержденныхъ въ законодательномъ порядкѣ новыхъ уставовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Въ окончательномъ видѣ опубликованныя таблицы росписанія уроковъ вводятъ преподаваніе латинскаго языка съ третьяго класса, а преподаваніе греческаго—въ 3-й петербургской, 5-й московской, 4-й варшавской, 2-й кіевской и юрьевской—съ четвертаго класса. При этомъ въ гимназіяхъ, гдѣ проходится только одинъ латинскій языкъ, число уроковъ его ограничено пятью; въ тѣхъ же гимназіяхъ, гдѣ должны преподаваться оба языка, каждому отводится по четыре недѣльныхъ урока. Новое распредѣленіе не распространяется на тѣ учебныя заведенія, программы которыхъ не подвергались измѣненію въ минувшій 1901—1902 учебный годъ.

— Въ Харьковѣ, 29-го іюля, въ саду «Тиволи», на жизнь харьковскаго губернатора кн. И. М. Оболенскаго было произведено покушеніе. Въ «Харьковскомъ Листкѣ» опубликованы слѣдующія подробности объ этомъ событіи.

«Въ антрактѣ послѣ 2-го дѣйствія малорусскаго спектакля губернаторъ стоялъ около закрытаго театра, у входа въ губернаторскую ложу, бесѣдуя съ супругою предсѣдателя губернской земской управы О. Н. Гордѣенко. Здѣсь же находились: М. Е. Гордѣенко, членъ уѣздной земской управы А. А. Альховскій и харьковскій полицеймейстеръ Е. П. Бесоновъ. Въ это время къ губернатору быстро подошелъ неизвѣстный человѣкъ въ черной шляпѣ и темно-коричневой крылаткѣ и, подавшись всѣмъ тѣломъ впередъ, на разстояніи не болѣе полутора шага, выстрѣлилъ изъ револьвера въ губернатора. Пуля пролетѣла мимо, причинивъ легкій ожогъ шеи его сіятельства. На звукъ выстрѣла стала сбѣгаться публика. Первый схватилъ за руку преступника капельдинеръ закрытаго театра. Въ это время раздался второй выстрѣлъ, не причинившій никому вреда. Стрѣлявшаго повалили на землю, стараясь его обезоружить. Преступникъ—человѣкъ средняго роста, съ бритымъ лицомъ, отличаясь, очевидно, большою физической силой, сопротивлялся очень энергично и одинъ разъ даже отбросилъ схватившихъ его. Во время борьбы раздались еще два выстрѣла, одинъ изъ которыхъ ранилъ полицеймейстера, бросившагося между губернаторомъ и преступникомъ. Пуля попала въ лѣвую ногу, выше колѣна. Г. Бесоновъ припалъ на раненое колѣно, но подхваченный присутствующими, былъ отведенъ въ павильонъ, куда немедленно явились для подачи медицинской помощи случайно бывшіе въ саду врачи. Преступника обезоружили и увели».

---

Некрологъ. Въ ночь на 10-е августа въ имѣніи Стржалково скончался извѣстный художникъ *Генрихъ Ипполитовичъ Семирадскій.*



Семирадскій родился въ 1843 г. Учился онъ въ харьковской 2-й гимназіи, а затѣмъ въ харьковскомъ университетѣ на физико-математическомъ факультетѣ, который окончилъ со степенью кандидата, полученнаго за диссертацію «Объ инстинктѣ насѣкомыхъ». И въ гимназіи, и въ университетѣ онъ съ любовью занимался живописью, которой посвятилъ себя цѣликомъ, поступивъ въ 1864 г., по окончаніи университета, въ академію художествъ. Удостоенный въ теченіе пребыванія въ академіи многихъ наградъ онъ, въ качествѣ пенсіонера академіи, въ 1871 г. уѣхалъ за границу, гдѣ продолжалъ работать, пользуясь совѣтами выдающихся профессоровъ. Въ 1873 г. за написанную имъ въ Римѣ большую картину «Христосъ и грѣшница» Семирадскій удостоенъ званія академика, широкую же европейскую извѣстность создала ему картина, извѣстная подъ названіемъ «Свѣточи Нерона». Эта картина обошла многія европейскія выставки; за нее академія художествъ присудила ему званіе профессора, а нѣкоторыя заграничныя академіи наградили его почетными дипломами на званіе члена. Отличавшійся рѣдкой производительностью Семирадскій написалъ затѣмъ цѣлый рядъ выдающихся, въ высокой степени изящныхъ и колоритныхъ картинъ, изъ которыхъ мы отмѣтимъ здѣсь слѣдующія: «Древній танецъ среди мечей», «Оргія временъ Тиберія на Капри», «Семейное счастье», «Искушеніе», «Шопенъ у князя Радзивилла», «Фрина на праздникѣ Посейдона въ Элевзисѣ» и др. Въ упрекъ Семирадскому ставятъ отсутствіе драматизма въ его картинахъ, но блестящая техника, искусная компановка фигуръ и мастерское распоряженіе красками заставляютъ забывать объ этомъ недочетѣ въ творчествѣ почившаго художника.

---

## За границей.

**Происхожденіе и развитіе народныхъ университетовъ во Франціи.** Въ 1898 году, въ нѣкоторыхъ изъ наиболѣе популярныхъ парижскихъ газетъ начала печататься программа бесѣдъ устроенныхъ обществомъ «Coopération des idées» въ улицѣ Поль-Беръ въ Парижѣ. Бесѣды, подъ руководствомъ Дегерма, происходили по вечерамъ это были литературныя, историческія, соціальныя, научныя и порою философскія бесѣды. Публика, сходившаяся на эти бесѣды, преимущественно принадлежала къ рабочимъ классамъ. Эти бесѣды скоро пріобрѣли большую популярность среди рабочихъ, въ особенности тѣхъ, которые занимаются типографскимъ и художественнымъ ремеслами, такъ что организаторъ этихъ бесѣдъ Дегермъ могъ убѣдиться, что его идея имѣетъ успѣхъ. Каждый вечеръ въ улицѣ Поль-Беръ сходились люди послѣ дневныхъ трудовъ, чтобы послушать чтеніе какого-нибудь лектора и побесѣдовать о литературѣ или о какихъ нибудь соціальныхъ или философскихъ вопросахъ. Тогда Дегермъ обратился съ воззваніемъ къ трудящемуся люду Сентъ-Антуанскаго предмѣстья, приглашая его вступить въ число членовъ общества Коопераціи идей, и воззваніе это не было гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Общество начало свою дѣятельность съ капиталомъ въ 200 фр., текущіе же ежемѣсячные расходы равнялись 80 фр.

и такъ какъ ежемѣсячный взносъ членовъ былъ 50 сантимовъ, то естественно эти взносы не могли покрыть всѣхъ расходовъ, но на помощь «Кооперации идей» явились доброхотные жертвователи, въ числѣ которыхъ находился и писатель Морисъ Барресъ, приславшій сто франковъ.

Идея Дегерма нашла подражателей. Трое служащихъ: Полисъ, Дюшармъ и Паиллье, приходившіе на вечернія собесѣдованія въ улицу Поль-Беръ, такъ заинтересовались этимъ дѣломъ, что рѣшили устроить и въ своемъ кварталѣ что нибудь подобное этимъ конференціямъ для рабочихъ и служащихъ, носившихъ часто семейный характеръ. Такимъ образомъ благодаря ихъ стараніямъ возникла въ Батиньолѣ группа «Взаимнаго обученія» (Enseignement mutuel), но помѣщеніе, выбранное для этого общества, оказалось не совсѣмъ удачнымъ вначалѣ, когда же его перемѣнили, то дѣло стало быстро расти и «Взаимное обученіе» превратилось въ «народный университетъ XIII-го округа въ Парижѣ».

Рядомъ съ кварталомъ, гдѣ происходили конференціи «Коопераціи идей» возникло общество, также организованное рабочими—Soirées ouvrières,» которое достигло теперь значительнаго развитія. Исторія этого общества представляетъ нѣкоторыя особенности, на которыя стоитъ обратить вниманія: Въ 1893 г. нѣсколько отцовъ семействъ устроили въ Монтрейль су-Буа колонію труда, поселившись вмѣстѣ. Въ большой комнатѣ устроена была мастерская или общая зала, но каждое семейство имѣло свое отдѣльное помѣщеніе и члены колоніи раздѣлялись по ремесламъ, образуя отдѣльныя корпораціи, но всѣ работали для всѣхъ и при случаѣ помогали сосѣду. Однажды каменьщикъ и маляръ, состоявшіе членами колонія, рѣшили исправить заново лавочку двухъ мѣстныхъ торговцевъ, которые не могли позволить себѣ такую роскошь, потому что торговля ихъ была самая мизерная. Въ другой разъ сапожникъ сшилъ сапоги крестьянамъ, и когда они хотѣли заплатить, то онъ отказался взять съ нихъ деньги и предложилъ имъ уплатить свой долгъ трудомъ. Конечно, крестьяне были очень удивлены сначала, но мало-по-малу члены колоніи внушили къ себѣ довѣріе и пріобрѣли сторонниковъ среди мѣстнаго населенія, которому они проповѣдывали, что люди должны обмѣниваться трудомъ и поддерживать другъ друга въ нуждѣ и болѣзни. Это было главнымъ правиломъ колоніи, существованіе которой было непродолжительно, но не вслѣдствіе внутреннихъ причинъ, а часто внѣшнихъ обстоятельствъ. Колонія мирно просуществовала восемь мѣсяцевъ; она просуществовала бы и больше, если бы не то, что мирные монтрейльскіе утописты возбудили противъ себя подозрѣніе властей, и хотя маленькая колонія совершенно не занималась политикой и не раздѣляла взглядовъ анархистовъ, но ее заподозрили въ принадлежности къ этимъ послѣднимъ и такъ какъ времена были тревожныя въ 1884 г. и парламентъ вотировалъ законы, противъ анархистовъ то полиція, безъ дальнихъ разсужденій, закрыла колонію и заключила въ тюрьму ея главарей. За нихъ вступились, такъ какъ ихъ всѣ любили въ округѣ, но все было напрасно, и имъ пришлось отсидѣть свое время въ тюрьмѣ.

Послѣ освобожденія въ 1895 г. въ скромной мастерской одного изъ участни-

ковъ прежнихъ вечеровъ стали собираться каждую недѣлю по субботамъ вечеромъ трое его товарищей, такіе же рабочіе, какъ и онъ, и вмѣстѣ читали разныя книги. Спустя нѣсколько времени они пригласили принять участіе въ этихъ совмѣстныхъ чтеніяхъ семейства сосѣднихъ рабочихъ. По воскресеньямъ отправлялись вмѣстѣ въ «Jardin de plantes», въ зоологическій музей, и наиболѣе ученые и свѣдущіе въ наукахъ научали другихъ. Мало-по-малу стали прибывать желающіе принять участіе въ этихъ экскурсіяхъ и чтеніяхъ, и осенью пришлось устроить эти чтенія въ отдѣльномъ помѣщеніи въ одной кофейнѣ. Одинъ изъ членовъ, столяръ, сдѣлалъ шкафъ, куда запирались книги, составлявшія общую библіотеку. Но постепенно явилась потребность въ болѣе ученыхъ и свѣдущихъ лекторахъ, собственныхъ знаній оказывалось уже недостаточно, и тогда на помощь явился Дегермъ, который былъ друженъ съ однимъ изъ основателей этихъ вечеровъ. Онъ привелъ съ собою лекторовъ, и послѣ шести чтеній число желающихъ настолько увеличилось, что пришлось нанять другое, болѣе просторное помѣщеніе и выработать программу, такъ какъ раньше чтенія носили чисто случайный характеръ.

Съ этого времени «Рабочіе вечера», стали быстро развиваться и теперь уже имѣютъ настолько обширное помѣщеніе, что три раза въ недѣлю въ ихъ помѣщеніи устраиваютъ свои собранія два общества: музыкальное и фехтовальное. Стѣны залы конференціи украшены надписями въ подобномъ родѣ: «Разумъ, основанный на знаніи, представляетъ фундаментъ, на которомъ должно покоиться всякое общество». «Невѣжество и нужда—двѣ нераздѣльныя вещи» и т. п. Врачи Монтрейля поддержали первые шаги этого симпатичнаго общества, а лекторы изъ улицы Поль-Беръ охотно помогли ему своимъ содѣйствіемъ, такъ что «Soirées ouvrières» представляютъ настоящее дѣло дружбы и человѣческой солидарности.

Въ улицѣ Поль-Беръ дѣло также разросталось, и въ февралѣ 1899 г. было основано общество народныхъ университетовъ («Société des Universités populaires) и результатомъ явилось устройство перваго народнаго университета въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьи. Вслѣдъ затѣмъ, въ Парижѣ и въ провинціи начали возникать подобныя же учрежденія. Въ Бельвиллѣ образовалось общество «Fondation universitaire», въ Гренеллѣ — другое «Emancipation», по образцу бельгійскихъ кооперативныхъ обществъ, совмѣстно съ народнымъ университетомъ, въ которомъ были организованы методическіе курсы съ установленною программой и подъ руководствомъ профессоровъ Сорбонны и нормальной школы. Администрація этого общества состоитъ наполовину изъ студентовъ и ремесленниковъ. Въ III-мъ парижскомъ округѣ также организовано ремесленниками общество взаимопощи и обученія подъ названіемъ «Fraternelle»; въ I-мъ и II-мъ округѣ десять человѣкъ—изъ нихъ семь—ремесленники,—основали съ такими же цѣлями общество «Reveil», а въ Ля-Шапелль возродилось въ 1900 г. батиньольское общество «Взаимнаго обученія», въ которомъ на этотъ разъ, кромѣ прежнихъ членовъ, приняли участіе студенты. Въ улицѣ Веронезъ процвѣтаетъ общество «Solidarité», руководителями курсовъ въ этомъ обществѣ состоятъ: Сеньобосъ, Фаге, Дюкло, Бюиссонъ, Шарль Жидъ, Габріель Тардъ и др. выдающіеся лица. Оно также соединяется съ кооперативнымъ обществомъ.

Въ округѣ «Ternes» находится общество «Foyer du peuple», которое преслѣдуетъ такія же цѣли и сообща съ мѣстнымъ кооперативнымъ потребительнымъ обществомъ собирается учредить настоящій народный университетъ.

Примѣръ Парижа пробудилъ провинцію къ такой же дѣятельности и во многихъ мѣстахъ организованы уже университетскіе курсы. Повсюду мѣстное населеніе относится весьма сочувственно къ такимъ начинаніямъ и приходитъ на помощь иниціаторамъ, снабжая ихъ необходимою обстановкой и помѣщеніемъ. Въ Авиньонѣ, напр., торговецъ желѣзнымъ товаромъ сдѣлалъ печь въ помѣщеніи курсовъ, газовое общество сбавило плату за освѣщеніе, многіе жертвовали книги, а сами члены исполняютъ всѣ домашнія работы по устройству помѣщенія.

---

**Борьба съ алкоголизмомъ.** Въ Стокгольмѣ въ іюлѣ состоялся всемірный конгрессъ международнаго союза «друзей трезвости», носящаго оффиціальное названіе «The Independent Order of good Templars» («независимое общество добрыхъ хромовниковъ») такъ какъ начало этому движенію было положено въ Америкѣ. Конгрессъ отличался особеннымъ многолюдствомъ, и всѣ части свѣта имѣли тутъ своихъ представителей. Изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ земного шара съѣхались люди, чтобы поговорить о мѣрахъ противъ пьянства, Индія прислала ученаго въ тюрбанѣ по имени Хауріанна, а съ Золотого берега пріѣхалъ чернокожій вождь Кукеръ. Это доказываетъ, конечно, что движеніе трезвости охватило весь земной шаръ въ настоящее время и что вездѣ начинаютъ вести борьбу съ алкоголизмомъ. Одинъ изъ присутствовавшихъ на конгрессѣ членовъ сказалъ: «Съ одной стороны мы должны радоваться тому, что идеи трезвости получаютъ такое распространеніе, съ другой же—присутствіе такой массы иноземныхъ представителей подтверждаетъ печальный фактъ, что вездѣ пьютъ!»

Шведскій министръ иностранныхъ дѣлъ Логергельмъ лично привѣтствовалъ конгрессъ, какъ очень важное мірово собраніе. Онъ говорилъ о результатахъ, достигнутыхъ «Орденомъ трезвости» въ разныхъ странахъ, и о его распространеніи. Въ февралѣ этого года орденъ насчитывалъ уже до полумилліона членовъ, распространенныхъ по всѣмъ частямъ земного шара. Но самое большое число членовъ этого общества находится въ Швеціи—103.997; Норвегія насчитываетъ 20.781 членовъ, Данія же только 5.697. Въ маленькой Исландіи 3.412 человѣкъ вступили въ орденъ трезвости и поклялись никогда не употреблять алкоголя. Въ Германіи движеніе возникло недавно, но уже насчитывается 14.014 «good templars», изъ нихъ 30 врачей. Очень большое распространеніе получило движеніе трезвости въ Англіи, гдѣ уже числится 113.347 членовъ; въ Шотландіи—89.346 членовъ, а въ Ирландіи 10.149 взрослыхъ и 13.772 подростковъ. Во Франціи движеніе началось очень недавно, а въ Бельгіи и Голландіи оно едва нарождается. Въ Швейцаріи профессоръ Форель основалъ ложу темпліеровъ, въ которой теперь уже имѣются 2.559 членовъ. Въ Венгріи профессоръ Вейнгернеръ вызвалъ движеніе трезвости, а въ Польшѣ

апостоломъ трезвости является писатель Латоелавскій. Въ Испаніи нѣтъ темпліеровъ, но въ испанской Америкѣ они уже есть.

«Если мы обратимся къ другимъ частямъ свѣта, прибавилъ Лагергельмъ,— то увидимъ, какъ распространяются идеи ордена. Въ Индіи орденъ темпліеровъ имѣетъ двѣ ложи съ 3.900 членами, онъ распространился уже въ Аравіи, въ Палестинѣ и въ Китаѣ. Волненія, возникшія въ Китаѣ въ 1900 году, пріостановили распространеніе идей трезвости. Вообще китайцы имѣютъ склонность къ спиртнымъ напиткамъ. Древніе китайцы были большіе пьяницы. Уже въ 1120 году до Р. Х. императоръ Ву-Вангъ вынужденъ былъ издать весьма строгій эдиктъ противъ пьянства—это самый старинный китайскій эдиктъ противъ алкоголизма. Но послѣ того какъ китайцы научились курить опіумъ, спиртные напитки отступили у нихъ на второй планъ и національнымъ зломъ въ Китаѣ является уже не пьянство, а куреніе опіума. Въ Африкѣ, гдѣ еще при Сезострисѣ Великомъ существовалъ союзъ противъ алкоголя—древніе египтяне и египтянки были вѣдь большими поклонниками Бахуса!—орденъ темпліеровъ имѣетъ довольно большое распространеніе и насчитываетъ нѣсколько ложъ въ Египтѣ, Лагосѣ, Сіерра Леоне, Либеріи, на Золотомъ берегу и во многихъ другихъ мѣстахъ черного континента. Самое большое число членовъ этого ордена трезвости находится въ западной части Южной Африки—3.792, затѣмъ слѣдуетъ Трансвааль, Оранжевая республика и Родезія съ 3.134 членами. Большинство членовъ—англичане, буровъ очень мало. Въ Кимберлеѣ орденъ трезвости выстроилъ свой домъ, но во время бомбардировки онъ былъ разрушенъ. Въ Австраліи орденъ темпліеровъ имѣетъ шесть ложъ, изъ которыхъ самая многолюдная находится въ Новомъ Южномъ Валлисѣ—16,967 членовъ.

Въ Сѣверной Америкѣ, родинѣ этого движенія, оно, страннымъ образомъ, пошло назадъ въ послѣднее время. Къ 1-му февраля 1900 г. насчитывалось въ Соединенныхъ Штатахъ 129.518 членовъ этого ордена, а въ 1902 г. къ этому же времени—всего 63.149. Орденъ имѣетъ свои ложи въ Канадѣ, на Филиппинахъ, въ Ардентинѣ, Чили, Ямайкѣ и многихъ вестъ-индскихъ островахъ. Но колыбель этого ордена находится въ штатѣ Нью Іоркъ, гдѣ въ 1851 году былъ организованъ союзъ іерихонскихъ рыцарей (Knights of Iericho). Отдѣленіе этого союза носило названіе «The good Templars», но въ 1852 г. часть членовъ этого послѣдняго отдѣлилась и основала нынѣ существующій и распространенный орденъ «The Independent Order ofgood Templars». Движеніе перенесено было Англію, въ 1868 г., и мало-по-малу орденъ получилъ огромное распространеніе по всему земному шару и сдѣлался очень важнымъ факторомъ въ борьбѣ съ алкоголизмомъ».

---

**Демонстрація дѣтей въ Миланѣ** Во всѣхъ странахъ положеніе маленькихъ учениковъ и ученицъ въ разнаго рода мастерскихъ часто бываетъ очень тяжелое. Хозяева не только эксплуатируютъ дѣтей, отданныхъ имъ въ ученіе родителями или родственниками, но зачастую очень дурно обращаются съ ними и морятъ ихъ голодомъ. Не разъ сострадательные люди и общества защиты дѣтей

отъ жестокаго обращенія вступались за учениковъ и ученицъ и принуждали хозяевъ лучше обращаться съ ними, но, въ общемъ, положеніе такихъ дѣтей все-таки остается очень тяжелымъ. Заработки ихъ самые грошовые, а между тѣмъ имъ приходится выполнять самую разнообразную работу и быть всегда въ распоряженіи хозяевъ. Однако, до сихъ поръ единственнымъ выраженіемъ протеста самихъ дѣтей противъ безсовѣстной эксплуатаціи хозяевъ были побѣги или мстительные поступки, и только въ Миланѣ произошелъ небывалый фактъ, сильно взволновавшій итальянскую печать: ученицы модныхъ мастерскихъ, дѣвочки отъ 10-ти до 15-ти лѣтъ, извѣстныя подъ именемъ «piccinine», прибѣгли къ публичной демонстраціи, чтобы протестовать противъ эксплуатаціи своихъ силъ и потребовать увеличенія вознагражденія, которое онѣ получаютъ отъ своихъ хозяекъ. Около 200 дѣвочекъ собрались въ помѣщеніи палаты труда въ Миланѣ для выраженія своихъ жалобъ и недовольства. Секретарь палаты руководилъ ихъ собраніемъ и выслушивалъ ихъ претензіи. Почти всѣ жаловались на то, что ихъ хозяйки, вмѣсто того, чтобы обучать ихъ ремеслу, пользуются ими для домашнихъ услугъ, заставляютъ ихъ выполнять самую черную работу, бѣгать по городу съ порученіями, разносить заказчицамъ платья и шляпы въ огромныхъ коробкахъ, няньчить дѣтей и т. п. Часто такія дѣвочки, поступившія въ ученіе къ портнихамъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ исполняютъ обязанности домашней прислуги и служатъ на посылкахъ, вмѣсто того, чтобы учиться шитью. Между прочимъ выяснилось также, что дѣвочки часто служатъ для передачи любовныхъ записокъ и вообще исполняютъ совершенно неподходящія для ихъ лѣтъ порученія. Нѣкоторыя изъ дѣвочекъ весьма трогательно жаловались на свою горькую судьбу: другія же въ горячихъ выраженіяхъ приглашали своихъ подругъ протестовать противъ такого обращенія съ ними и требовать болѣе справедливаго отношенія и платы за услуги. Одинъ изъ итальянскихъ журналистовъ, описывающій это собраніе, говоритъ, что оно дѣйствительно представляло небывалое зрѣлище. «Двѣсти дѣвочекъ, разныхъ возрастовъ, большинство изъ нихъ блѣдныя и изнуренныя, съ волненіемъ прислушивались къ рѣчамъ своихъ подругъ, которыя были выбраны ими для того, чтобы формулировать общія требованія,—говоритъ журналистъ,—и бурно выражали сочувствіе ихъ словамъ. Но тѣмъ не менѣе, во время собранія, порядокъ не былъ нарушенъ ни разу, дѣвочки не перебивали другъ друга и давали высказаться. Какъ и на собраніи взрослыхъ, въ концѣ была вотирована резолюція, выражающая желаніе ученицъ, которыя рѣшали образовать союзъ и отказаться отъ выполненія требованій хозяекъ, если имъ не будетъ увеличено содержаніе и если въ ихъ положеніи не будутъ произведены перемѣны къ лучшему».

---

**Общественныя владѣнія и дома для рабочихъ.** Въ прошломъ мѣсяцѣ происходили въ Лондонѣ засѣданія общества «The Commons preservation socity», основаннаго съ цѣлью противодѣйствія застраиванію каждаго свободнаго клочка земли въ Англіи. Общество добивается того, чтобы обыватели могли пользоваться чистымъ воздухомъ и просторомъ полей. Первою



побѣдою общества было то, что оно настояло на открытіи для публики прекраснаго Эппингскаго лѣса, который находится у самаго Лондона и занимаетъ пространство въ 3.000 акровъ. Этотъ лѣсъ былъ осужденъ на гибель, его должны были вырубить и застроить на этомъ мѣстѣ дома. Но общество вступилось и начало воевать съ лордами, финансистами, муниципальными совѣтами и правительствомъ, доказывая что «каждый человѣкъ имѣетъ право на нѣкоторое количество свободнаго воздуха». Благодаря этому обществу, Чэмберленъ потерпѣлъ пораженіе въ своемъ родномъ городѣ Бирмингэмѣ, и больше 32.000 акровъ земли вокругъ Бирмингэма были отведены для общественнаго пользованія. Мало этого: недавно въ парламентѣ это же самое общество нанесло пораженіе военному министру, заставивъ отвергнуть предложенный имъ планъ маневровъ на 1900 годъ, такъ какъ по этому плану арміи предоставлялось пользованіе множествомъ общественныхъ владѣній и парковъ, которые, такимъ образомъ, закрывались для публики.

Вездѣ общество выступаетъ въ защиту свободнаго пространства и нѣсколько разъ уже возбуждало процессы съ разными крупными промышленниками и предпринимателями, пытавшимися завладѣть какимъ-нибудь участкомъ, принадлежащимъ общинѣ, чтобы застроить его. Такимъ образомъ, общество спасло уже нѣсколько площадей и парковъ отъ истребленія, и еще не было случая, чтобы общество проиграло процессъ. Въ Англіи, впрочемъ, довольно распространены такія общества, которыя преслѣдуютъ гигіеническія цѣли. Одно изъ нихъ, напримѣръ, заботится о томъ, чтобы во всѣхъ городахъ и селеніяхъ устраивались парки, скверы и сады для общественнаго пользованія или, по крайней мѣрѣ, если нѣтъ садовъ, то были устроены площади для прогулокъ. Общество это ведетъ постоянную войну съ муниципалитетами и оспариваетъ у нихъ право застраивать свободныя пространства, настаивая при этомъ на необходимости соблюдать правила общественной школы, требующія, чтобы постройки не были скучены и оставались бы мѣста для свободнаго обмѣна воздуха. Другое общество беретъ подъ свою защиту рѣки и каналы, которые постоянно приносятся въ жертву требованіямъ промышленности и становятся источниками болѣзней, благодаря загрязненію воды.

Въ такой промышленной странѣ, какъ Англія, рискующей превратиться въ единый гигантскій промышленный городъ, необходимо, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, заботиться о сохраненіи неприкосновенности общественныхъ владѣній, парковъ и площадей. Въ Англіи городское населеніе составляетъ 8°/₀ всего населенія страны, и сельское населеніе постоянно стремится въ города. Благодаря этому, квартирный вопросъ не только въ Лондонѣ, но и во всѣхъ городахъ Англіи принимаетъ острый характеръ. «Негдѣ жить!»—возгласъ, который раздается на большомъ пространствѣ. Въ Лондонѣ, вслѣдствіе отсутствія помѣщеній, скученность въ рабочихъ кварталахъ становится невообразимой, и, какъ всегда въ Англіи, печать, возбудившая вопросъ о недостаткѣ помѣщеній, вызвала общественное движеніе, также выразившееся въ организаціи обществъ, поставившихъ себѣ цѣлью устройство помѣщеній для рабочихъ. Многія частныя лица и крупные промышленники, по собственной иниціативѣ, занялись этимъ

*

вопросомъ, и въ Англіи теперь существуетъ нѣсколько образцовыхъ рабочихъ селеній и образцовыхъ домовъ для рабочихъ въ Лондонѣ и другихъ большихъ фабричныхъ центрахъ. Движеніе, однако, все распространяется, и къ нему уже примкнули многіе муниципалитеты, и, вѣроятно, Англія въ этомъ отношеніи покажетъ примѣръ другимъ промышленнымъ странамъ.

---

**Американское исправительное заведеніе.** Ученые криминологи давно уже спорили о томъ, слѣдуетъ или нѣтъ считать преступниковъ больными людьми? Вопросъ этотъ до сихъ поръ еще не рѣшенъ окончательно, но американцы, повидимому, склонны рѣшить его въ положительномъ смыслѣ, судя по тому, что въ штатѣ Нью-Іоркъ существуетъ одно изъ самыхъ обширныхъ исправительныхъ заведеній на свѣтѣ, которое руководствуется принципомъ, «что человѣкъ, совершающій преступленіе,—больной, котораго надо лечить». Это исправительное заведеніе носитъ символическое названіе «реформаторіи», и никогда никто не называетъ его тюрьмой. Точно также и заключенные въ этомъ заведеніи называются не арестантами, а «обитателями». Туда принимаются только мужчины, въ возрастѣ отъ 16 до 30 лѣтъ, и реформаторія можетъ вмѣстить 1500 человѣкъ. Не принимаются только тѣ, которые присуждены къ тюремному заключенію свыше двадцати лѣтъ.

Во главѣ этого учрежденія стоитъ человѣкъ, проникнутый убѣжденіемъ, что «преступники—это больные и что для общества гораздо выгоднѣе постараться ихъ излечивать, нежели ихъ наказывать». На этомъ принципѣ основанъ весь режимъ реформаторіи. Одинъ изъ французскихъ врачей, заинтересовавшійся этимъ своеобразнымъ заведеніемъ—«больницею преступниковъ», описываетъ въ «Temps» вынесенныя имъ впечатлѣнія: «Эльмира, гдѣ устроена реформаторія, находится на одиннадцатичасовомъ разстояніи отъ Нью-Іорка по желѣзной дорогѣ,—разсказываетъ врачъ.—Я прибылъ туда въ 8 часовъ утра, на холмѣ возвышалось обширное и роскошное зданіе, и еслибъ я не видѣлъ на стѣнахъ ограды часовыхъ, вооруженныхъ ружьями, то могъ бы принять это великолѣпное зданіе скорѣе за какой-нибудь замокъ, нежели за тюрьму. Громаднаго роста привратникъ провелъ меня къ директору, къ которому у меня было рекомендательное письмо, и этотъ послѣдній съ большою готовностью объяснилъ мнѣ правила и показалъ мнѣ устройство реформаторіи, усиливъ восхищеніе, которое всегда внушали мнѣ американцы, съ удивительнымъ спокойствіемъ и смѣлостью приступавшіе къ самымъ, повидимому, парадоксальнымъ вопросамъ и находившіе зачастую простое и остроумное разрѣшеніе этихъ вопросовъ.

«Каждый, вновь поступающій въ реформаторію, прежде всего, подвергается основательной «чисткѣ и дезинфекціи», послѣ чего онъ надѣваетъ форменную одежду чернаго цвѣта, затѣмъ его подвергаютъ весьма подробному и обстоятельному медицинскому изслѣдованію. Если вновь поступившій молодъ и врачъ найдетъ, что мышцы у него слабо развиты, и онъ не годится для постоянной работы, то его отправляютъ на болѣе или менѣе продолжительный періодъ въ гимнастическое заведеніе.

«Гимнастическій залъ реформаторіи, имѣющій въ длину 150 метровъ, отапливается зимой и снабженъ самыми усовершенствованными гимнастическими аппаратами и приспособленіями для развитія мышцъ и физической силы. Къ залѣ примыкаетъ бассейнъ, въ которомъ преподаются уроки плаванія. Купаніе, гимнастическія упражненія и массажъ составляютъ необходимую принадлежность режима, которому подвергаются заключенные, страдающіе ожирѣніемъ или слабо развитые въ физическомъ отношеніи и болѣзненные. Когда врачъ признаетъ ихъ достаточно сильными и заявитъ, что они могутъ работать, то директоръ призываетъ ихъ къ себѣ и спрашиваетъ, какимъ ремесломъ они хотятъ заниматься. Если кто-нибудь изъ нихъ выразитъ желаніе изучить то или другое ремесло, то реформаторія даетъ ему всѣ средства для этого. Онъ можетъ сдѣлаться каменьщикомъ, столяромъ, маляромъ или научиться слесарному или кузнечному дѣлу, токарному искусству и т. п. Желающіе избрать какое-нибудь болѣе тонкое ремесло могутъ, научиться типографскому искусству, стенографіи и работѣ на пишущей машинѣ, переплетному дѣлу и т. д. Однимъ словомъ, реформаторія даетъ возможность человѣку изучить какое угодно дѣло и ремесло и стать полезнымъ членомъ общества. Всѣ, выходящіе изъ реформаторіи, по окончаніи своего срока заключенія, легко находятъ занятіе и никогда не остаются безъ куска хлѣба.

«Но американцы имѣли въ виду не только профессіональную сторону вопроса. Вотъ что они придумали для нравственнаго улучшенія своихъ заключенныхъ.

«Каждый вновь прибывшій, какъ мы уже говорили, одѣвается въ черное платье. Его приводятъ въ канцелярію и тамъ, въ большой книгѣ, ему открываютъ текущій счетъ. По правиламъ реформаторіи, каждый «обитатель» зарабатываетъ полъ-доллара въ день и ежемѣсячно ему представляется счетъ всѣхъ его расходовъ и доходовъ. Черезъ шесть мѣсяцевъ, если онъ велъ себя хорошо все это время, онъ перемѣняетъ свою черную одежду на синюю. Синій—это привилегированный цвѣтъ заведенія; онъ даетъ право носящему эту одежду питаться въ ресторанѣ реформаторіи, самому заказывать себѣ кушанья, которыя онъ хотѣлъ бы получить, и сидѣть за столомъ, накрытымъ скатертью, а также разговаривать со своими сосѣдями. Разумѣется, за обѣдъ онъ долженъ платить и такъ какъ онъ получаетъ только полъ-доллара въ день, то и старается въ большинствѣ случаевъ экономничать и не превышать своего бюджета. Если который нибудь изъ обитателей обнаруживаетъ чрезмѣрную расточительность, то директоръ призываетъ его къ себѣ и замѣчаетъ ему, что онъ напрасно дѣлаетъ долги, такъ какъ за каждые лишніе полъ-доллара онъ долженъ будетъ пробыть лишній день въ реформаторіи. Почти всегда этого аргумента бываетъ достаточно, чтобы внушить заключенному идеи бережливости, и нѣкоторые изъ нихъ становятся настолько экономными, что къ окончанію срока у нихъ скопляется небольшой капиталъ въ 500—600 долл., который они получаютъ на руки, выходя изъ реформаторіи. Но даже тѣ, которымъ не удалось ничего скопить, выходятъ изъ реформаторіи не съ пустыми руками; дирекція выдаетъ имъ 50 долларовъ на первое время, до пріисканія работы.

«Если же нравственность заключеннаго не улучшается, и онъ не только не получаетъ синей одежды черезъ шесть мѣсяцевъ, но обнаруживаетъ духъ непокорности, придирается къ своимъ товарищамъ, затѣваетъ ссоры и драки, то на него начинаютъ налагать денежные штрафы, которые вычитаются изъ его доходовъ. Если и это не помогаетъ, то на него надѣвается красная одежда, съ которой соединяется болѣе строгій режимъ. Носящіе красную одежду не имѣютъ права посѣщать ресторанъ заведенія, разговаривать, и надзоръ за ними очень строгій. Однако, для того, чтобы обитатели этой категоріи не приходили въ уныніе, они всегда могутъ надѣяться что въ день національнаго праздника, 4-го іюля, директоръ сократитъ срокъ ихъ наказанія, и они снова получать право облечься въ черную одежду.

Расходы по администраціи реформаторіи несетъ на себѣ бюджетъ штата Нью-Іоркъ. Военныя упражненія заключенныхъ совершаются подъ наблюденіемъ лицъ, избранныхъ изъ среды обитателей и облеченныхъ въ военное званіе. Въ реформаторіи есть военный оркестръ, составленный изъ заключенныхъ; подъ звуки этого оркестра и происходятъ военныя упражненія. Однако несмотря на то, что заключенные обнаруживаютъ весьма недурную военную выправку, все таки ихъ не принимаютъ въ армію по выходѣ изъ реформаторіи.

Камеры заключенныхъ находятся въ зданіи, имѣющемъ около тридцати метровъ въ вышину, шесть рядовъ камеръ помѣщаются одинъ надъ другимъ и соединяются желѣзною галлереей для удобства сообщенія. Каждую недѣлю заключенные принимаютъ теплый душъ, вообще соблюденіе чистоты строго наблюдается въ реформаторіи. Дирекція особенно заботится о развитіи у «обитателей» привычки къ чистотѣ, и дѣйствительно нѣкоторые изъ нихъ откровенно заявляютъ, что они не могутъ себѣ представить, какъ они могли прежде жить въ такой грязи!

Въ реформаторіи издается особый журналъ для «обитателей», въ которомъ печатаются всякія новости, политическія, научныя и др. вообще все, что можетъ интересовать обитателей, извлеченія изъ журнальныхъ статей и т. п., и только внимательно исключается все, что имѣетъ отношеніе къ какимъ нибудь преступленіямъ, воровствамъ и убійствамъ.

По словамъ дирекціи, реформаторія Эльмиры возвращаетъ обществу отъ 75 до 80% «больныхъ» совершенно «выздоровѣвшими» и превратившимися въ полезныхъ членовъ общества, «неизлѣчимыхъ» бываетъ не болѣе 20—25% по крайней мѣрѣ такъ утверждаютъ оффиціальные отчеты реформаторіи.

---

**Выставка дѣтей въ Лондонѣ.** Въ одномъ изъ населеннѣйшихъ и беднѣйшихъ кварталовъ Лондона, въ знаменитомъ Уайтъ-Чэпелѣ, организуются отъ времени до времени выставки дѣтей, причемъ выдается премія за самаго толстаго и наиболѣе тяжеловѣснаго ребенка. Въ Уайтъ-Чэпелѣ дѣтей очень много, можетъ быть больше, чѣмъ въ какомъ бы то ни было другомъ лондонскомъ кварталѣ, и вслѣдствіе нищеты, господствующей въ этомъ кварталѣ, дѣти далеко не имѣютъ цвѣтущаго вида и не пользуются хорошимъ уходомъ. Но теперь, вслѣдствіе устройства выставки, явилось соревнованіе между уайтъ-чэ-

нельскими матерями, которыя стараются лучше питать своихъ дѣтей, чтобы ихъ можно было выставить. Корреспондентъ одной нѣмецкой газеты, посѣтившій недавно такую выставку, слѣдующимъ образомъ описываетъ ее: «Представьте себѣ большую залу, въ глубинѣ которой находится эстрада. Передъ эстрадой помѣщается маленькій оркестръ, а на эстрадѣ поставлены двѣ дюжины стульевъ, на которыхъ восѣдаютъ двѣ дюжины матерей со своими дѣтьми. Затѣмъ тутъ же красуются громадные вѣсы, устроенные такимъ образомъ, чтобы дѣти, которыхъ взвѣшиваютъ, не испытывали никакихъ неудобствъ, тачка вѣсовъ устроена въ видѣ колыбели, куда кладутъ ребенка. Впереди стоитъ мистеръ Франкъ, организаторъ выставки и владѣлецъ залы. Онъ совмѣщаетъ въ своемъ лицѣ директора и жюри, и такъ какъ онъ—любимецъ уайтъ-чэпельской публики, то его рѣчи слушаютъ со вниманіемъ. Онъ обѣщаетъ публикѣ полную справедливость оцѣнки при раздачѣ премій. Первая премія—полное дѣтское одѣяніе, вторая—плащъ, третья—бутылка молока. Объявивъ объ этомъ, мистеръ Франкъ объяснилъ публикѣ, что на конкурсъ допускаются дѣти шести и девятимѣсячныя и годовалыя. Эти три группы дѣтей взвѣшиваются и для каждой группы учреждены три премія. Подъ звуки музыки начинается демонстрація и взвѣшиваніе дѣтей, которое, къ удивленію, проходитъ очень гладко. Дѣти совсѣмъ не кричатъ и нѣкоторыя даже смѣются во время этой процедуры. Мистеръ Франкъ громко сообщаетъ результаты взвѣшиванія, и если вѣсъ какого-нибудь маленькаго ребенка оказывается великъ, то публика буквально рычитъ отъ восторга. Но не обходится все-таки дѣло безъ нѣкотораго замѣшательства, такъ какъ многія матери путаютъ возрастъ своихъ дѣтей или, вслѣдствіе волненія, забываютъ свое имя и не откликаются, когда ихъ вызываютъ. Находятся и такія, которыя вступаютъ въ споръ съ Франкомъ относительно вѣса ребенка и пристаютъ къ нему, чтобы онъ перевѣсилъ его и укоряютъ его въ несправедливости. Но Франкъ какъ-то умѣетъ всѣхъ успокоить и мало-по-малу взвѣшиваніе благополучно приходитъ къ концу. Мистеръ Франкъ объявляетъ о присужденіи премій и получившія ихъ съ торжествомъ выносятъ своихъ дѣтей. Оркестръ играетъ «God save the King», а публика кричитъ «ура!» Торжество оканчивается и такъ какъ черезъ нѣкоторое время снова будетъ устроена выставка, то многія матери надѣятся къ тому времени подкормить своихъ дѣтей, чтобы получить премію, и, конечно, будутъ о нихъ больше заботиться».

---

## Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Около Толстого». — Къ психологіи великихъ людей. — Послѣдствія трансваальской войны.

Подъ оригинальнымъ заглавіемъ «Около Толстого» («Autour de Tolstoï) г-жа Т. Бентцонъ описываетъ свою поѣздку въ Крымъ, прошлой зимою, на свиданье съ «великимъ писателемъ земли русской» (въ «Revue des deux Mondes»), 15-го августа. Французская писательница признается, что она рѣшилась на эту

поѣздку не безъ нѣкотораго предубѣжденія ко многимъ взглядамъ и мнѣніямъ Льва Николаевича, смущавшимъ ее своей парадоксальностью. Тѣмъ значительнѣе впечатлѣніе неотразимаго обаянія, которое произвелъ Левъ Ник. на постоянную сотрудницу «Revue des deux Mondes». Она «открыла», что у Толстого нѣтъ какой-нибудь опредѣленной системы, въ которой поэты и не нуждаются; что этотъ реформаторъ—великій поэтъ, остающійся неизмѣннымъ идеалистомъ даже тогда, когда онъ касается самыхъ грубыхъ сторонъ жизни. Г-жа Бентцонъ имѣла случай убѣдиться и въ безусловной искренности неутомимаго искателя правды, въ его личной скромности и строгомъ отношеніи къ самому себѣ, смѣломъ признаніи того, что онъ называетъ «своей слабостью» и что, по существу, вытекаетъ лишь изъ крайней деликатности и большой сердечности къ ближайшимъ окружающимъ его лицамъ. Умѣнье, не скрывая своихъ настоящихъ взглядовъ, высказывать ихъ такъ, чтобы не оскорбить человѣка, держащагося иного образа мыслей, выразилось и въ теченіе бесѣдъ по литературѣ Льва Николаевича съ пріѣхавшей къ нему гостьей. Эта терпимость, свойственная великимъ умамъ, въ обобщенной формулѣ, сводится къ главному пожеланію—«свѣта и свободы», въ которомъ Левъ Николаевичъ резюмируетъ величайшее благо людей. Что касается мнѣній и отзывовъ Толстого о разныхъ французскихъ писателяхъ, о значеніи критики и т. п., то, въ виду частыхъ наѣздовъ къ нему различныхъ «интервьюеровъ», уже сообщавшихъ въ печати подхваченныя на лету замѣчанія, высказываемыя къ тому же и непосредственно авторомъ въ своихъ статьяхъ объ искусствѣ, открытыхъ письмахъ и брошюрахъ, они во многомъ уже извѣстны.

Г-жа Бентцонъ начала дипломатично разговоръ съ Руссо, къ которому Левъ Ник. отнюдь не скрываетъ своихъ симпатій, сознавая, «при всемъ превосходствѣ своего характера» надъ Руссо, любезно вставляетъ г-жа Бентцонъ, несомнѣнное сродство настроенія: «оба писателя завѣщали потомству свою исповѣдь, съ равнымъ смиреніемъ; у обоихъ одинаковая страсть къ истинѣ, хотя бы они не всегда правильно судили о ней; наконецъ, каждый изъ нихъ далъ новый толчокъ отечественной литературѣ, поставивъ ее въ непосредственное и ближайшее отношеніе къ природѣ, къ человѣчеству, безъ всякихъ ходулей и парадныхъ одѣяній». Толстой попрежнему цѣнитъ геній Бальзака и «пренебрежительно» отзывается о Золя; восхищается Мопассаномъ, которому ставитъ въ укоръ лишь выборъ нѣкоторыхъ сюжетовъ, и равнодушенъ къ Альфонсу Додэ. Гюисмансъ его интересуетъ, очевидно, своими исканіями религіозныхъ основъ жизни, какъ и Эдуардъ Родъ общими тенденціями моралиста. На томъ же основаніи цѣнитъ онъ и дѣятельность Брюнетьера, выражая сочувствіе заявленію французскаго критика о предѣльности человѣческаго знанія, повидимому, не отдавая себѣ вполнѣ отчета, насколько тушъ Брюнетьера о «банкротствѣ науки» не вяжется съ его собственнымъ вышеприведеннымъ девизомъ. Извѣстны особое сочувствіе Толстого къ Диккенсу и къ Джорджъ Эліотъ и его предубѣжденіе къ Киплингу; Полю и Виктору Маргеритъ, не касаясь оцѣнки ихъ таланта, онъ вмѣняетъ въ заслугу то, что они «облекли печалью свои описанія войны» (il leur sait

gré d'avoir enveloppé de tristesse leurs peintures de la guerre). Это полупризнаніе значенія писателей, за которыми трудно было бы установить художественныя или иныя идейныя заслуги, писателей, не возвышающихся надъ уровнемъ среднебуржуазнаго міросозерцанія, давало поводъ Толстому распространиться объ своихъ излюбленныхъ идеяхъ противъ милитаризма. Они достаточно извѣстны и много разъ изложены авторомъ въ непосредственной формѣ. Г-жа Бентцонъ застала его работающимъ надъ новымъ выраженіемъ своей проповѣди мира, согласно заповѣди «не убей», которую онъ старался принаровить къ уровню пониманія солдата, въ противовѣсъ культу воинственной отваги. Изъ новѣйшихъ французскихъ романовъ Толстой выдѣлилъ произведеніе Ренэ Базэна, «La terre qui meurt», поразившее его многими аналогіями между земельнымъ вопросомъ во Франціи и въ Россіи. Что касается романовъ Бурже, то г-жа Бентцонъ сама спѣшитъ заявить, что Толстому еще не былъ извѣстенъ его послѣдній романъ «L'Etape», который, конечно, не могъ бы вызвать его сочувствія. И тутъ же, по поводу этого романа, въ которомъ его авторъ перешелъ явно на сторону реакціонно-клерикальной партіи, попутно упрекнулъ Толстого въ «непомѣрной гордыни» и его именемъ окрестилъ одно общество въ Парижѣ, изобразивъ его въ чертахъ сектантской нетерпимости и безразсуднаго своеволія,—г-жа Бентцонъ умѣстно напоминаетъ, что Толстой никогда не уполномочивалъ называть его именемъ какое-либо общество, что онъ даже не допускаетъ разспросовъ о *своемъ* ученіи, такъ какъ стремится къ общей, универсальной доктринѣ, истинной для всѣхъ. Онъ, по выраженію, г-жи Бентцонъ, «неутомимый» сѣятель идей, «причемъ и добрыя зерна, и пустоцвѣтъ представляются въ перемежку по прихоти слишкомъ независимаго и слишкомъ богато одареннаго генія, которому некогда выбирать. Вѣтеръ унесетъ то, что имѣло лишь кратковременное значеніе, но въ землѣ все же останутся сокровища». Между прочимъ, г-жа Бентцонъ спросила Толстого,—хотя почти не сомнѣваясь заранѣе въ отвѣтѣ, но въ виду различныхъ толкованій въ обществѣ,—къ кому слѣдуетъ отнести заглавіе «Воскресенія», къ Нехлюдову или къ Катюшѣ? Оказалось, конечно, къ первому. «Воскресеніе» или возрожденіе Катюши вышло какъ бы попутно. Однимъ изъ присутствующихъ при разговорѣ высказано было замѣчаніе, что въ воскресеніи Неклюдова нѣтъ достаточной увѣренности, что онъ готовъ былъ и возгордиться предлагаемой жертвой, и сожалѣть о буржуазномъ счастьѣ, и вообще соблазны міра готовы имъ во всякую минуту вновь овладѣть. «Это правда, сказалъ Толстой,—такъ какъ его исторія не докончена. Я намѣреваюсь какъ-нибудь къ ней вернуться, но столько другого мнѣ еще раньше нужно написать...»

И затѣмъ, улыбнувшись, онъ прибавилъ:

«Хватило бы еще на сорокъ лѣтъ!»

Этимъ шутливымъ замѣчаніемъ какъ нельзя лучше характеризуется бодрое настроеніе духа великаго старца, не чувствующаго ни бремени, ни устали отъ исполнившейся полувѣковой дѣятельности неустаннаго «горѣнія мысли».

---

Въ «Revue des Revues» помѣщена статья доктора Феликса Реньо о слабостяхъ великихъ людей. Правдивыя біографіи разныхъ геніальныхъ людей указываютъ, что они не только не были свободны отъ многихъ человѣческихъ недостатковъ и слабостей, но эти слабости и недостатки проявлялись у нихъ иной разъ въ довольно сильной степени и зачастую они нисколько не возвышались надъ обществомъ, въ которомъ находились. «Довольно съ меня великихъ людей,—говорила Жоржъ-Зандъ,—пусть дѣлаютъ ихъ мраморные, бронзовые бюсты, но пусть о нихъ не говорятъ. Живые же они злы, взбалмошны, деспотичны, подозрительны...» Шопенгауэръ также не очень любезно отзывался о великихъ людяхъ. «Геніальные люди,—говоритъ онъ,—не только непріятны въ практической жизни, но обыкновенно у нихъ мало нравственнаго чувства и они злы. У такихъ людей не можетъ быть много друзей. На вершинахъ всегда царствуетъ уединеніе».

Многочисленныя біографіи разныхъ знаменитыхъ личностей до нѣкоторой степени какъ бы оправдываютъ такое строгое сужденіе. У великихъ людей, какъ и простыхъ смертныхъ, встрѣчаются самые обыкновенные недостатки. Одни бываютъ скупы, другіе расточительны, третьи необыкновенно равнодушны и холодны, четвертые развратны и т. д. Однако, всѣ эти недостатки не составляютъ привилегіи великихъ людей, они встрѣчаются у всѣхъ, но есть и такіе недостатки, которые являются какъ бы профессіональною особенностью великихъ людей, напр., гордость и высокомѣріе, которыя могутъ достигать у нихъ небывалыхъ размѣровъ. Но такая гордость часто имѣетъ свои основанія и бываетъ полезна. Она поддерживаетъ генія въ борьбѣ и не допускаетъ его складывать оружіе. Геній оскорбляетъ традиціи и обычаи, вноситъ новыя идеи, ниспровергающія прежнія вѣрованія, повергаетъ ницъ прежніе идолы и поэтому вызываетъ преслѣдованія. Идея, поглощающая умъ геніальнаго человѣка, часто заставляетъ его пренебрегать своими существенными потребностями, занимающими въ жизни обыкновенныхъ людей такое большое мѣсто. Геніальные люди зачастую не замѣчаютъ лишеній. Ньютонъ и многіе другіе ученые оставались всю жизнь цѣломудренными и изъ этого заключили, что они страдали безсиліемъ, но это невѣрно, ихъ воздержаніе было вполнѣ добровольнымъ. Часто можно наблюдать, что наука и любовь не уживаются вмѣстѣ и великіе люди вообще пользуются репутаціей очень плохихъ мужей. Когда какая-нибудь идея овладѣетъ умомъ геніальнаго человѣка, то все остальное перестаетъ для него существовать. Будетъ ли онъ заниматься своими обычными дѣлами, во время ѣды, прогулки и даже сна эта идея не покидаетъ его. Такіе геніальные люди, находящіеся во власти своей идеи, не замѣчаютъ окружающаго и поэтому ихъ часто принимаютъ за съумасшедшихъ. Ньютонъ, напр., въ теченіе двухъ лѣтъ, создавая свою знаменитую теорію, такъ былъ поглощенъ ею, что двигался совершенно автоматически. Иногда онъ вставалъ утромъ и принимался одѣваться, но вдругъ ему приходила въ голову какая-нибудь мысль и онъ машинально садился на кровать полуодѣтый и просиживалъ такимъ образомъ иногда нѣсколько часовъ, обдумывая свою идею. Дидро забывалъ часы, дни, мѣсяцы и

даже лицъ, съ которыми онъ началъ вести разговоръ. Стюартъ Милль, обдумывая свою систему, двигался, какъ автоматъ въ толпѣ, наполнявшей улицы, но не толкалъ никого, хотя движенія его и были безсознательными.

По окончаніи періода обдумыванія своей идеи геніальный человѣкъ можетъ вернуться къ обыденной жизни и возбуждать зависть и восхищеніе своими блестящими качествами. Но чаще всего геніальный человѣкъ во многихъ отношеніяхъ стоитъ ниже уровня и повидимому въ мозгу его бываютъ развиты, въ ущербъ прочимъ центрамъ, интеллектуальныя центры—если онъ ученый, или же центры воображенія и чувствительности, если это артистъ. Преобладаніе одного какого-нибудь органа всегда бываетъ въ ущербъ другому. Къ числу психическихъ способностей, которыя всего чаще бываютъ ослаблены у геніальнаго человѣка, принадлежитъ воля. Великіе математики и великіе философы, Кантъ, Ньютонъ, Гауссъ, не вѣдали страсти, эмоцій, неожиданностей и ихъ образъ жизни отличался рутиннымъ однообразіемъ. Артисты же обладаютъ эмоціальностью, но зато они не въ состояніи, какъ Байронъ, поступать разсудительно, или же, какъ Моцартъ, всю свою жизнь нуждаются въ опекѣ. У многихъ совершенно отсутствуетъ то, что называется здравымъ смысломъ и многіе, за предѣлами своей спеціальности, полнѣйшіе невѣжды.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мозговое возбужденіе у геніальныхъ людей носитъ хроническій характеръ; оно вызывается тогда хронической болѣзнью. У Кювье, Гельмгольца, Рубинштейна въ дѣтствѣ была небольшая водянка головного мозга. На вскрытіи тѣла Гельмгольца были найдены у него сращенія мозговой оболочки съ черепнымъ сводомъ и расширенные желудочки—остатокъ бывшей головной водянки. При жизни Гельмгольцъ былъ подверженъ обморочнымъ состояніямъ.

Многіе изъ геніальныхъ людей въ дѣтствѣ перенесли травматическія поврежденія черепа. Мабильонъ, бывшій глуповатымъ ребенкомъ, совсѣмъ измѣнился послѣ раны въ голову. Бертело серьезно ранилъ себѣ голову во время паденія, когда ему было семь лѣтъ. Иной разъ болѣзнь, поражающая геніальнаго человѣка, не только не ослабляетъ его умственныхъ качествъ, но даже какъ будто увеличиваетъ ихъ. Пастеръ сдѣлалъ всѣ свои главныя открытія именно послѣ приступа паралича. Даже такая серьезная болѣзнь какъ прогрессивный параличъ, уничтожающая дѣятельность нейроновъ вызываетъ благотворное возбужденіе, дозволяющее генію творить. Примѣромъ можетъ служить Мопассанъ. Авторъ разсказываетъ еще о двухъ врачахъ, имена которыхъ онъ умалчиваетъ, которые создали свои лучшія произведенія въ начальномъ періодѣ прогрессивнаго паралича, между тѣмъ какъ прежде ихъ произведенія были самыми посредственными.

Отношенія нервныхъ болѣзней къ геніальности человѣка носятъ, такимъ образомъ, весьма сложный характеръ. Нѣкоторыя изъ этихъ болѣзней, не измѣняющія нервной ткани, могутъ дѣйствовать благопріятно на производительность ума, тѣмъ возбужденіемъ, которое они вызываютъ. На первомъ планѣ надо поставить истерическій неврозъ; другіе неврозы, напр., неврастенія, мо-

гутъ имѣть такое же дѣйствіе. Хроническія страданія мозга, если они незначительны, могутъ оказывать такое же вліяніе. Къ другой категоріи принадлежатъ такія нервныя страданія, которыя хотя и не благопріятствуютъ генію, но и не мѣшаютъ его проявленіямъ. Такъ, напр., частичное помѣшательство можетъ существовать наряду съ геніальностью. Однако, еще болѣе многочисленны случаи, когда безуміе уничтожило геній. Припомнимъ Шумана, художника Мункачи, Фридриха Ницше, Свифта и др. Геніи дѣйствительно, часто страдаютъ помѣшательствомъ. Переутомленный мозгъ становится у нихъ «мѣстомъ наименьшаго сопротивленія». Геніальные люди скорѣе подвергаются инфекціоннымъ болѣзнямъ, тифозной горячкѣ, туберкулезу и въ особенности той болѣзни, носящей названіе секретной, которая ведетъ за собою прогрессивный параличъ и безуміе. Необыкновенно тонкій мозговой механизмъ генія можетъ разрушиться отъ малѣйшаго толчка. Сумасшествіе останавливаетъ всякую производительность мозга, временно—если оно излечивается и навсегда—если оно неизлѣчимо. Тассо, Дюма, Гуно, Огюстъ и Контъ написали свои шедевры по выходѣ изъ больницы для душевнобольныхъ, другіе, какъ, напр., Жераръ де-Нерваль, писали въ промежутки своихъ кризисовъ.

---

Въ «Fortnightly Review» напечатана статья анонимнаго автора, высказывающаго мнѣніе, что заключеніемъ мира въ Преторіи Англія завершила свою послѣднюю завоевательную войну и дошла до предѣла своего территоріальнаго распространенія. Авторъ, кромѣ того, клеймитъ имперіализмъ, прикрывающійся патріотическими чувствами и не останавливающійся передъ самыми пошлыми пріемами воздѣйствія на толпу. Время, которое взвалила себѣ Англія на плечи, слишкомъ велико и не соотвѣтствуетъ ея силамъ. Если бы весь англоамериканскій міръ соединился, чтобы нести это бремя, то пожалуй силы его оказались бы недостаточными для этого. Затративъ свои лучшія силы въ Индіи и Египтѣ, Англія не въ состояніи теперь справиться со своими задачами дома, въ области правительства, науки и въ дѣлахъ. Однако, по мнѣнію автора, война многому научила Англію. Война показала ей ея дурныя и хорошія качества. Англія стала серьезнѣе, умѣреннѣе, болѣе чувствительною къ стыду и болѣе жаждущей улучшенія. Врядъ ли какая-нибудь нація могла бы лучше держать себя, нежели Англія во время остраго періода кризиса. Настойчивость, разсудительность и единодушіе — вотъ тѣ качества, которыя проявили англичане, заслуживающіе названія самой разсудительной и спокойной расы. «Мы не выродились, но мы и не прогрессировали!..—восклицаетъ авторъ. — Другія страны, германская имперія, Соединенные штаты обнаруживаютъ большій прогрессъ въ сравненіи съ Англіей, но что гораздо серьезнѣе! — появились тревожные признаки, заставляющіе опасаться, что мы потеряли способность къ развитію. Англійская демократія сдѣлалась еще болѣе нерѣшительной, медлительной и менѣе способной настоять на исполненіи своихъ реальныхъ желаній, чѣмъ была аристократія или средніе классы, въ тѣ времена, когда кон-

троль государства находился въ ихъ рукахъ. Мы обнаруживаемъ признаки опасной снисходительности, даже по отношенію къ арміи. Въ сущности вѣдь только благодаря времени и численности войскъ намъ удалось возстановить потерянное. Армія только тамъ не потерпѣла пораженія, гдѣ пораженіе было бы несмываемымъ позоромъ. Мы сдѣлали въ три года то, что могли бы сдѣлать въ три мѣсяца при другихъ условіяхъ. Основною причиной нашей отсталости въ воспитательномъ отношеніи является отсутствіе кругозора. У насъ нѣтъ стремленія къ знанію и намъ не хватаетъ энергіи американцевъ, пылкости французовъ и стойкости нѣмцевъ».

Далѣе авторъ указываетъ на то, что южно-африканская война заставила Англію серьезно оглянуться на себя. Удары, нанесенные національной гордости и самолюбію, не пройдутъ безслѣдно; они заставятъ націю встряхнуться и приступить къ плодотворной работѣ. Въ заключеніе авторъ настаиваетъ на распущеніи стараго парламента осенью и созывѣ новаго, который долженъ будетъ заняться улаженіемъ колоніальныхъ вопросовъ и отношеній, занимающихъ теперь главное мѣсто въ національной политикѣ Англіи.

---

# НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

## О вулканической катастрофѣ на о. Мартиникѣ.

8-го мая нов. ст. городъ Сенъ-Пьеръ на о. Мартиникѣ сдѣлался жертвой одной изъ тѣхъ величественныхъ и безжалостныхъ катастрофъ, которыя по временамъ напоминаютъ человѣку о всемогуществѣ силъ природы и о его безсилiи, несмотря на всѣ успѣхи науки и техники: въ 1—2 минуты погибъ цвѣтущiй городъ со всѣмъ населенiемъ и опустошена значительная часть его окрестностей. Фактическая сторона событiя, несомнѣнно всѣмъ еще хорошо памятна по многочисленнымъ сообщенiямъ перiодической печати, а научныя экспедицiи *), снаряженныя французской академiей наукъ и разными учеными учрежденiями Англiи и Америки, не замедлятъ пролить свѣтъ на характеръ, механизмъ и вѣроятныя причины этого печальнаго событiя. Въ ожиданiи всесторонняго научнаго отчета о мартиникской катастрофѣ, я полагаю, что не безынтересно сопоставить имѣющiяся въ настоящее время въ литературѣ данныя, пополнивъ ихъ нѣкоторыми соображенiями.

Ни по своей разрушительности, ни по числу жертвъ, ни даже по быстротѣ дѣйствiя катастрофа на Мартиникѣ не является въ геологическихъ лѣтописяхъ безпримѣрной въ историческое время. Въ числѣ вулканическихъ изверженiй, а еще чаще землетрясенiй, можно найти цѣлый рядъ случаевъ, которые ничуть не уступаютъ изверженiю Лысой Горы или даже превосходятъ его. Для при-

*) Въ составъ экспедицiи французской академiи наукъ вошли проф. минералогiи въ парижскомъ естественно-историческомъ музеѣ (Museum d'Histoire Naturelle) Лакруа (Lacroix), морской инженеръ-гидрографъ Ролле де-Лиль (Rollet de-Lile) и палеонтологъ Жиро (Giraud). Изъ Америки отправились: отъ Вашингтонскаго геологическаго общества геологъ американскаго геологическаго комитета Гиль (Hill), профессоръ мичиганскаго университета Рѣссель (Russell) и извѣстный антарктическiй изслѣдователь Борхгревинкъ (Borchgrevinck). Кромѣ того, туда же отправились прив.-доц. Джэггаръ (Jaggar) изъ гарвардскаго университета, консерваторъ нью-iоркскаго естественно-историческаго музея Ховей (Hovey), проф. Гейльпринъ (Heilprin) изъ Филадельфiи и нѣк. др. Мартинику посѣтила также экспедицiя, снаряженная Лондонскимъ Королевскимъ Обществомъ для изслѣдованiя изверженiя вулкана Суфрiеръ (Souffrière) на о. Св. Винцента; въ составъ этой экспедицiи вошли гг. Андерсонъ и Флеттъ (Flett).



мѣра можно упомянуть изверженіе Кракатоа въ Зондскомъ проливѣ, въ 1883 г., стоившее жизни 40.000 человѣкъ; Лиссабонское землятрясеніе 1755 г., погубившіе свыше 30.000 человѣкъ; землетрясенія въ Сициліи (1693 г.) и въ Сиріи и Малой Азіи (536 г.), число жертвъ которыхъ опредѣляется въ 60.000 и 120.000 человѣкъ; изверженія нѣкоторыхъ японскихъ вулкановъ, гдѣ въ одномъ случаѣ (Міяма) было до 50.000 жертвъ; землетрясеніе съ циклономъ въ устьѣ Брамапутры, отъ котораго погибло будто бы до 300.000 человѣкъ, и нѣкоторыя другія. По величественности мартиникское изверженіе, несомнѣнно, уступаетъ такимъ грандіознымъ явленіямъ, какъ лавовое озеро Килауэа на Гавайи, какъ трещинныя изверженія на Исландіи, не говоря уже о другихъ изверженіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ прошлыя геологическія эпохи. По своему геологическому значенію изверженіе Лысой Горы (Montagne Pelée) на Мартиникѣ также не является исключительнымъ; можно даже сказать, что оно въ этомъ отношеніи уступаетъ многимъ менѣе замѣтнымъ по своей медленности, но гораздо болѣе дѣйствительнымъ по своей продолжительности процессамъ, каковы, напр., медленныя вѣковыя перемѣщенія морскихъ береговыхъ линій, незамѣтныя явленія горообразованія и болѣе замѣтныя явленія размыванія. Но мартиникская катастрофа, тѣмъ не менѣе, привлекаетъ къ себѣ по справедливости взоры какъ ученыхъ, такъ и всей образованной публики, во-первыхъ, потому, что это одно изъ тѣхъ безжалостныхъ проявленій жизни неодушевленной природы, при которыхъ всегда какъ-то возмущается нравственное чувство человѣка; во-вторыхъ, потому, что механизмъ этихъ эксплозіонныхъ пароксизмовъ вулканической дѣятельности далеко не изученъ и не установленъ съ желательной достовѣрностью и полнотой; въ-третьихъ, наконецъ, потому, что съ попытками разъясненія подобныхъ явленій связаны такія основныя проблемы, какъ причины и механизмъ горообразованія, возникновенія и гибели материковъ и морей, вопросъ о состояніи ядра земного шара—проблемы, къ разгадкѣ которыхъ направлены усилія не однихъ только геологовъ, но которыя, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, еще надолго останутся неразгаданными.

Какъ извѣстно, первая половина текущаго ознаменовалась цѣлымъ рядомъ землетрясеній и вулканическихъ изверженій въ различныхъ частяхъ свѣта, и, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, возможно, что мы пережили или еще переживаемъ періодъ временнаго усиленія дѣятельности подземныхъ силъ. Такъ смотритъ, повидимому, знаменитый астрономъ Локкайеръ (Lockyer), который приводитъ это обстоятельство въ связь съ солнечными пятнами. По мнѣнію Локкайера, основанному на изученіи соотвѣтствующихъ явленій за послѣднія семьдесятъ лѣтъ, наиболѣе сильныя и разрушительныя изверженія и землетрясенія совпадаютъ приблизительно съ періодами максимумовъ и минимумовъ солнечныхъ пятенъ. Такъ, напр., съ періодомъ минимума 1867 г. совпали изверженія Мауна-Лоа, Формозы, Везувія и св. Ѳомы; на максимумъ 1871—1872 гг. приходятся разрушительныя явленія на Мартиникѣ и на о. св. Винцента; максимумъ 1883 г. ознаменовался изверженіемъ Кракатоа. Въ настоящее время мы находимся въ періодѣ минимума, значеніе котораго усиливается еще тѣмъ, что онъ приходится на имѣющій, повидимому, значеніе тридцатипятилѣтній

періодъ: нынѣшній рѣзкій минимумъ является черезъ 35 лѣтъ послѣ рѣзкаго минимума 1867 г. Не отрицая возможной связи между солнечными пятнами и вулканической дѣятельностью, я думаю, однако же, что имѣющихся данныхъ слишкомъ мало, чтобы считать эту связь установленной; кромѣ того, мнѣ кажется, что событія послѣднихъ мѣсяцевъ врядъ ли можно разсматривать какъ доказательство усиленія, хотя бы и временнаго, вулканической дѣятельности; быть можетъ, число и сила вулканическихъ и сейсмическихъ явленій послѣднихъ мѣсяцевъ не сильнѣе и не многочисленнѣе многихъ другихъ годовъ: то обстоятельство, что нѣкоторыя изъ нихъ имѣли мѣсто въ населенныхъ мѣстахъ и стоили жизни многимъ тысячамъ людей, могло вызвать въ насъ чисто субъективное представленіе объ усиленной плутонической дѣятельности, которому можетъ и не соотвѣтствовать объективная реальность.

Бельгійскій астрономъ Дириксъ (Dierickx) въ Антверпенѣ указываетъ на другое астрономическое явленіе, съ которымъ совпала Мартиникская катастрофа и въ которомъ, по его мнѣнію, быть можетъ кроется и одна изъ причинъ ея. Дѣло въ томъ, что луна и солнце находились въ день изверженія въ перигеѣ, т.-е. были наиболѣе приближены къ землѣ. Кромѣ того, въ моментъ изверженія луна и солнце проходили черезъ зенитъ и изверженіе случилось въ моментъ полнаго солнечнаго затменія. Другими словами, луна и солнце въ моментъ изверженія находились въ такомъ положеніи, что еслибъ опустить съ солнца черезъ луну отвѣсъ на землю, онъ попалъ бы какъ разъ на Антильскіе острова. Слѣдовательно, въ это время притяженіе луны и солнца было направлено одновременно въ одно и то же мѣсто, и притомъ оба свѣтила были значительно приближены къ землѣ, особенно луна. Поэтому, если притяженіе небесныхъ тѣлъ на земную кору и ея внутреннее содержимое имѣетъ какое-нибудь геологическое значеніе, [расположеніе луны и солнца въ моментъ изверженія было особенно благопріятнодля такого воздѣйствія.

Приведенное наблюденіе, безспорно, интересно; значеніе же констатированнаго Дириксомъ факта не можетъ быть обосновано съ большей или меньшей увѣренностью.

Съ февраля по іюнь имѣли мѣсто слѣдующія, особенно замѣтныя, плутоническія явленія, къ которымъ впослѣдствіи, несомнѣнно, можно будетъ прибавить еще и другія: 1) землетрясенія: 13-го февраля *) въ Шемахѣ, 18-го апрѣля въ Гватемалѣ, 6-го мая на восточномъ берегу Испаніи, 14-го мая въ Пиренеяхъ (Олоронъ), 17-го мая въ Арадѣ въ Австріи, 25-го мая въ Венгріи (Темесваръ), 4-го іюня въ Италіи (Веллетри), 13-го и 15-го іюня въ Сициліи, 19-го іюня въ Гималаяхъ, 20-го іюня въ Тиролѣ; 2) вулканическія изверженія, кромѣ изверженій на Мартиникѣ и на о. св. Винцента: 15-го іюня вулканъ Колима въ Мексикѣ, 8-го іюня Такама въ Гватемалѣ, 4-го іюня изверженіе грязевого вулкана въ Баку. Большинство этихъ явленій не находится въ осязательной связи съ изверженіемъ Лысой Горы (Montagne Pelée); но для оцѣнки моментовъ, имѣющихъ значеніе для выясненія непосредственной причины этого ужаснаго изверженія,

*) Всѣ даты по новому стилю.



существенно отмѣтить, что изверженіе Лысой Горы не является изолированнымъ фактомъ, а совпадаетъ съ проявленіями плутонической дѣятельности на другихъ Антильскихъ островахъ, также какъ и въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ частяхъ американскаго материка. Быстро слѣдующія другъ за другомъ проявленія плутонической дѣятельности въ разныхъ частяхъ Караибскаго моря и сосѣднихъ участковъ земной коры наводятъ на мысль, что катастрофа на Мартиникѣ является не случайнымъ взрывомъ отдѣльнаго вулкана, какъ это бываетъ сплошь и рядомъ, а признакомъ болѣе глубокаго плутоническаго процесса, ареной котораго служатъ дно и берега Караибскаго моря.

Катастрофа Сенъ-Пьера была мгновенной и представляетъ рѣдкій случай уничтоженія вулканическимъ изверженіемъ цѣлаго города со всѣмъ его населеніемъ буквально въ нѣсколько минутъ. Причина этого кроется въ томъ, что разрушительнымъ агентомъ явилась не лава, которой въ данномъ случаѣ не было, и даже не пепелъ, а раскаленные газы, страшнымъ ураганомъ пронесшіеся надъ злополучнымъ городомъ. Не слѣдуетъ, однако, думать, что катастрофа и наступила мгновенно, безъ всякихъ предвѣстниковъ, и что не было возможности уйти отъ нея. Напротивъ, предвѣстниковъ было много, они были продолжительны и лишь нѣкоторой безпечности жителей, быть можетъ, отчасти нѣкоторому легкомыслію и недостаточной научной компетентности коммиссіи, назначенной губернаторомъ для опредѣленія степени предстоящей опасности, въ особенности же психологически легко объяснимому нежеланію жителей покинуть городъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свою дѣятельность, въ виду *возможной* катастрофы, которая *можетъ и не случиться*, слѣдуетъ приписать то обстоятельство, что жители С.-Пьера остались глухи къ многочисленнымъ тревожнымъ предвѣстникамъ и не покинули своего города, какъ большинство жителей Помпеи въ 79 г. Вулканъ Лысая Гора находился въ состояніи Сольфатары. Такъ называютъ, по имени вулкана Сольфатары около Неаполя, ту стадію вулкана, когда его дѣятельность ограничивается доставкой на земную поверхность газовъ, преимущественно сѣрнистаго ангидрида и водяныхъ паровъ. Такое состояніе, которое въ однихъ случаяхъ совпадаетъ лишь съ временной передышкой въ дѣятельности вулкана, въ другихъ является конечной фазой его жизни, послѣ которой онъ совершенно потухаетъ, можетъ продолжаться очень долго; но оно отнюдь не служитъ ручательствомъ, что не можетъ настать возвратъ къ другой, болѣе энергичной фазѣ дѣятельности. А что на Лысой Горѣ мы имѣли дѣло не съ окончательнымъ, а лишь съ временнымъ затишьемъ, это вытекало уже изъ того обстоятельства, что она въ историческое, и притомъ не очень отдаленное отъ насъ, время извергала лаву и пепелъ, т.-е. находилась въ такъ называемой везувіальной, фазѣ дѣятельности: послѣдняя попытка изверженія относится къ 1851 г., а послѣднее значительное изверженіе—къ 1792 г. Тѣмъ болѣе тревожными должны были, слѣдовательно, показаться признаки усиленія дѣятельности и измѣненія ея характера. А признаковъ этихъ было много и они были достаточно продолжительны, чтобы дать возможность избѣгнуть смерти. Правда, характеръ и разрушительность подготовлявшейся катастрофы нельзя было предвидѣть; но ожидать катастрофы

въ томъ или другомъ видѣ было полное основаніе. Тревожныя явленія начались еще 3-го апрѣля, когда на вершинѣ Лысой Горы появился столбъ чернаго пепла, сопровождаемый подземными звуками и сотрясеніями почвы. Въ послѣдующіе дни усилилось выдѣленіе удушливыхъ газовъ, заставлявшее жителей, расположенныхъ на склонахъ горы жилищъ, спускаться къ городу. Тревожными должны были показаться и измѣненія въ теченіи рѣчекъ и ручьевъ, изъ которыхъ одни изсякли, другіе превратились въ грязевые потоки. Въ послѣдующіе дни пепелъ долеталъ уже до Сенъ-Пьера и покрывалъ тонкимъ слоемъ крыши домовъ, а 23-го апрѣля послѣдовалъ сильный взрывъ, на высотѣ 600 метровъ открылась большая трещина на мѣстѣ, извѣстномъ подъ названіемъ Сухого Пруда (Etang Sec), въ изобиліи на мѣстность Ле-Прэшеръ (Le Prêcheur) посыпался пепелъ. Затѣмъ, съ нѣкоторыми перерывами тревожныя явленія быстро слѣдуютъ другъ за другомъ: 2-го мая шло усиленное изверженіе пепла и камней на Сенъ-Пьеръ изъ мелкихъ кратеровъ, или боккъ, на западномъ склонѣ горы; 6-го мая грязевой потокъ уничтожилъ сахарный заводъ Герэна, причемъ были уже человѣческія жертвы. Животныя начали обнаруживать признаки явнаго безпокойства, но люди оставались спокойными. Этому, вѣроятно, отчасти содѣйствовали успокоительныя завѣренія коммиссіи, на которую было возложено опредѣленіе степени предстоящей опасности. Въ концѣ апрѣля было распубликовано, какъ результатъ совѣщанія коммиссіи, въ составъ которой входилъ и извѣстный метеорологъ Сюлли (Sully), погибшій 8-го мая вмѣстѣ съ остальными жителями Сенъ-Пьера, и губернаторъ, успокоительное воззваніе; въ немъ, между прочимъ, было сказано: 1) что кратеръ вулкана достаточно открытъ, чтобы дать свободный выходъ парамъ и грязи, безъ опасенія землетрясенія или изверженія лавы; 2) что причиною многочисленныхъ взрывовъ, которые раздаются со стороны горы, являются водяные пары въ горѣ, а не провалы почвы; 3) что относительное расположеніе кратеровъ, а также долинъ и овраговъ, направленныхъ къ морю, даютъ право считать безопасность Сенъ-Пьера обезпеченной. Въ основу этого мнѣнія, очевидно легло представленіе, что потоки лавы, если появятся, польются по оврагамъ въ море, что городъ защищенъ отъ нихъ холмами старыхъ лавъ. Но при этомъ было упущено изъ виду, что пароксизмъ могъ и, по аналогіи съ извѣстными случаями, даже почти долженъ былъ начаться со взрыва съ изверженія газовъ и пепла. И дѣйствительно, оказалось, что холмы не могли уберечь городъ отъ раскаленнаго газоваго урагана.

Нельзя также не упомянуть, что въ оффиціальномъ отчетѣ объ изверженіи 1851 г. можно было найти указанія на такія явленія, имѣвшія мѣсто и тогда, въ которыхъ слѣдовало усмотрѣть роковыхъ предвѣстниковъ угрожающаго характера. Безспорно, было основаніе ожидать катастрофу, но предвидѣть ея размѣры и направленіе, конечно, было невозможно. И если жители Сенъ-Пьера не покинули своего города, то врядъ ли можно сваливать всю вину на вышеупомянутую коммиссію: гораздо бóльшую роль игралъ въ данномъ случаѣ, несомнѣнно, психологическій моментъ: нежеланіе покинуть городъ, пока не наступила крайность.



8-го мая въ 7 ч. 50 м. утра, какъ показали остановившіеся башенные часы, города С.-Пьера и его жителей не стало.

Характерными особенностями мартиникскаго изверженія, кромѣ его мгновенности, являются огромное количество удушливыхъ и горючихъ газовъ и горизонтальное или даже наклонное сверху внизъ направленіе потока этихъ газовъ и выброшенныхъ вмѣстѣ съ ними пепла, раскаленныхъ камней и полужидкой горячей грязи. Огненножидкой лавы не было; она вся была разбрызгана, превращена въ пепелъ и песокъ. Гигантскій ураганъ раскаленныхъ и удушливыхъ газовъ, увлекающихъ за собою пепелъ, раскаленные камни и т. п. продукты изверженія—вотъ что, такъ сказать, скосило весь городъ со всѣмъ его населеніемъ въ одно мгновеніе. Въ этомъ отношеніи съ мартиникскимъ изверженіемъ сходно изверженіе вулкана Бандаи въ Японіи, имѣвшее мѣсто 15-го іюля 1888 г. Скорость этого раскаленнаго урагана, по вычисленію брюссельскаго профессора Принца (Prinz), не менѣе 110 до 130 метр. въ секунду, что равняется скорости самыхъ сильныхъ ураганов. Этимъ объясняются чисто механическія разрушенія многихъ зданій, предшествовавшія ихъ воспламененію.

Смерть во многихъ случаяхъ послѣдовала отъ удушья, какъ свидѣтельствуютъ позы труповъ: люди, видимо, старались отвернуться отъ этого адскаго вихря, закрыть ротъ и ноздри руками, часто судорожно сжатыми въ кулакъ; они во многихъ случаяхъ попадали лицомъ на землю, убѣгая отъ жгучаго урагана. Но все это было дѣломъ одной-двухъ минутъ; во многихъ случаяхъ,—но не во всѣхъ,—смерть наступила мгновенно, какъ свидѣтельствуютъ о томъ спокойныя позы нѣкоторыхъ жертвъ; въ другихъ случаяхъ причиною смерти явились ожоги, пораненія раскаленными камнями, которыми нѣкоторые трупы сильно изуродованы, горячій пепелъ и т. п. Положеніе труповъ, деревьевъ, вырванныхъ съ корнемъ, и развалины нѣкоторыхъ изъ построекъ—все свидѣтельствовало о томъ, что пронесся смертоносный ураганъ по направленію отъ горы къ городу. Этимъ же объясняется, что многіе люди и животныя были опрокинуты и оглушены и въ мѣстности Карбэ (le Carbet), отстоящей отъ Сенъ-Пьера на двѣ мили и отдѣленной отъ него холмами, которые могли бы задержать лавовые потоки, но не въ состояніи были преградить путь газовому урагану.

Раны во многихъ случаяхъ тождественны съ тѣми, которыя наблюдаются при взрывахъ рудничныхъ газовъ.

Въ этомъ вихрѣ раскаленныхъ и удушливыхъ газовъ имѣется, во всякомъ случаѣ, вполнѣ достаточная и вполнѣ естественная причина мгновенной гибели многихъ тысячъ людей и животныхъ, и нѣтъ надобности прибѣгать къ помощи новыхъ, гипотетическихъ факторовъ, какъ дѣлаетъ это, напр., нѣкто Такэнъ (Taquin), приписывающій эту смерть электрическимъ разрядамъ между облаками и заряженными электричествомъ водяными парами, которые были выброшены изъ вулкана,—какъ бы электрической казни, устроенной въ гигантскихъ размѣрахъ самой природой. Извѣстный парижскій геологъ Лаппаранъ (de Lapparent) отрицаетъ возможность видѣть причину смерти многихъ жертвъ въ электричес-

кихъ разрядахъ, между тѣмъ какъ другой парижскій геологъ Веленъ (Vélain) говоритъ объ этомъ, какъ о фактѣ.

Что касается выброшенныхъ вулканомъ газовъ, то, кромѣ водяныхъ паровъ, въ ихъ составъ, несомнѣнно, въ большомъ количествѣ входили сѣрный ангидридъ, вѣроятно, углекислота, сѣроводородъ, хлористый водородъ, повидимому, также окись углерода, б. м. ацетиленъ и другіе углеводороды и гремучій газъ. Присутствіе этихъ послѣднихъ я вывожу гипотетически изъ того факта, что упоминаются горючіе газы и что воспламененіе зданій, а быть можетъ и нѣкоторыхъ судовъ, повидимому, было вызвано горючими или даже горящими и взрывчатыми газами. Надо надѣяться, что снаряженныя Франціей и Америкой экспедиціи соберутъ, по мѣрѣ возможности, данныя и по этому вопросу. Если бы предположеніе о значительномъ содержаніи углеводородовъ въ газообразныхъ продуктахъ Лысой Горы подтвердилось, то получила бы подтвержденіе нижеслѣдующая моя догадка, пока вполнѣ гипотетическая, объ одной изъ причинъ этого страшнаго взрыва. Мнѣ думается, что причиной взрыва могли быть не водяные пары или не одни водяные пары, а также и карбиды. Карбидами называются соединенія нѣкоторыхъ металловъ, напр., кальція, магнія, желѣза, алюминія и др. съ углеродомъ. Эти карбиды съ водою или съ водяными парами легко взрываютъ и даютъ углеводороды; такъ, напр., карбидъ кальція даетъ ацетиленъ, который въ настоящее время получилъ довольно широкое распространеніе въ качествѣ освѣтительнаго матеріала. Присутствіе карбидовъ въ лавахъ не только можетъ быть предположено теоретически, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже непосредственно и доказано; на карбиды, какъ на возможную причину взрывообразныхъ вулканическихъ изверженій, уже указывали нѣкоторые ученые, напр., Штехеръ, Готье.

О составѣ газовъ мартиникскаго изверженія мы знаемъ еще очень мало. Больше данныхъ имѣется о составѣ пепла и лавъ, какъ прежнихъ, такъ и послѣдняго изверженія. Прежнія лавы Мартиники принадлежатъ къ дацитамъ, гиперстеновымъ андезитамъ и къ андезитобазальтамъ. Андезиты представляютъ одинъ изъ чрезвычайно распространенныхъ типовъ изверженныхъ породъ, какъ потухшихъ, такъ и нынѣ дѣйствующихъ вулкановъ; какъ показываетъ самое названіе, эти лавы широко распространены въ Андахъ; у насъ въ Россіи можно указать на Араратъ, Казбекъ, Эльбрусъ и нѣкоторыя другія вершины Кавказа и Арменіи, сложенныя изъ этихъ лавъ. Къ гиперстеновымъ же андезитамъ принадлежитъ и пепелъ послѣдняго изверженія; о составѣ этого пепла имѣются, между прочимъ, свѣдѣнія отъ парижскаго профессора Лакруа, командированнаго на Мартинику Парижской академіей наукъ, отъ Утрехтскаго профессора Вихмана, отъ Флетта въ Лондонскомъ Геологическомъ Обществѣ, отъ Фальконера въ англ. журналѣ «Nature». Пепелъ состоитъ изъ стекловатыхъ и пористыхъ обломковъ лавы, изъ кристалловъ полевыхъ шпатовъ (плагіоклазовъ), гиперстена, авгита, иногда роговой обманки; нѣкоторые образцы содержатъ большое количество кристалловъ магнитнаго желѣзняка (титаномагнетита). Интересно, что этотъ пепелъ во многихъ случаяхъ состоитъ цѣликомъ изъ хорошо образованныхъ кристалловъ, которые, очевидно, имѣлись уже въ готовомъ видѣ въ той жидкой лавѣ, отъ разбрызгиванья и пульверизаціи которой

и получился пепелъ. Остатковъ стекла вокругъ этихъ кристалловъ во многихъ случаяхъ совершенно нѣтъ, что свидѣтельствуетъ о полной и сильной пульверизаціи жидкой части лавы.

Атмосферными теченіями пепелъ былъ разнесенъ на большія разстоянія; въ большомъ количествѣ онъ выпалъ на Барбадосѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что часть пепла попала въ высокіе слои атмосферы и, будучи подхвачена атмосферными теченіями, можетъ быть перенесена въ значительныя широты и сравнительно долго остаться въ атмосферѣ, какъ это имѣло мѣсто, напр., послѣ изверженія Кракатоа въ 1883 г. или Тараверы въ Новой Зеландіи въ 1885 г. Впрочемъ, благодаря наклонному движенію матеріаловъ главнаго взрыва, пепелъ въ данномъ случаѣ врядъ ли въ большомъ количествѣ можетъ попасть въ очень высокіе слои атмосферы, какъ въ двухъ упомянутыхъ случаяхъ, когда столбъ выброшенныхъ вулканомъ продуктовъ достигалъ высоты 11 и 13 километровъ.

Уничтоживъ Сенъ-Пьеръ, Лысая Гора не успокоилась. Въ теченіе нѣкотораго времени она продолжала сравнительно спокойно выбрасывать пепелъ, и 20-го мая снова произошелъ взрывъ того же характера и того же направленія, уничтожившій то, что еще не было уничтожено въ этой части острова и нѣсколько восточнѣе. 9-го іюля снова произошелъ сильный взрывъ такого же характера, какъ и 8 го мая. По сообщенію англійскихъ изслѣдователей Флетта и Андерсона, которые были свидѣтелями этого новаго взрыва, скорость и сила потока горячихъ газовъ и раскаленнаго песка были такъ значительны, что не устояло бы ни одно зданіе и не спаслось бы ни одно живое существо, если бы они оказались на пути этой огненной лавины. Въ результатѣ, на протяженіи 20 килом. весь островъ засыпанъ продуктами изверженія и совершенно преобразованъ. Если сопоставить съ этимъ разрушительную дѣятельность вулкана Суфріеръ (La Soufrière) на островѣ св. Винцента, усиленіе дѣятельности вулкана Колима въ Мексикѣ и вулкана Момотомбо въ Никарагуѣ, землетрясенія въ Гватемалѣ, на всѣхъ островахъ отъ Тринидата до Ямайки, исчезновеніе кратернаго озера на Доминикѣ, повышеніе температуры сѣрныхъ источниковъ Тринидата — Ямайки, исчезновеніе нефтяныхъ источниковъ въ Техасѣ и нѣкоторыя другія явленія, то станетъ яснымъ, что въ связи съ изверженіемъ Лысой Горы находятся измѣненія въ подземныхъ трещинахъ довольно значительнаго участка земной коры.

Изъ явленій, сопровождавшихъ изверженіе Лысой Горы особенно интересно отмѣтить магнитныя возмущенія, зарегистрированныя въ двухъ американскихъ обсерваторіяхъ, а именно въ Чельтенгамѣ (Cheltenham), 27 клм. къ юго-востоку отъ Вашингтона, и Бальдуинъ (Baldwin) въ Канзасѣ. По сообщеніямъ наблюдателей Шультца и Бауера въ обѣихъ обсерваторіяхъ магнитныя пертурбаціи наступили одновременно, а именно, въ 7 ч. 54 мин., т.-е. какъ разъ въ моментъ взрыва Лысой Горы (какъ извѣстно, башенные часы въ Сенъ-Пьерѣ остановились въ 7 ч. 50 м.). Это были чисто магнитныя, а не механическія явленія, такъ какъ сейсмографы не отмѣтили никакихъ сотрясеній. Такія же магнитныя пертурбаціи были отмѣчены обсерваторіями Юккля (Uccle) и Лёвена

(Louvain) въ Бельгіи и Валь-Жуайе [(Val Joyeux) и нѣкоторыхъ другихъ во Франціи; Лагранжъ обращаетъ вниманіе на то, что и въ бельгійскихъ обсерваторіяхъ сейсмографы не отмѣтили никакихъ сотрясеній, такъ что эти магнитныя пертурбаціи были совершенно независимы отъ сейсмическихъ колебаній, какъ это было установлено въ 1883 г. и относительно изверженія на Кракатоа. По сообщенію Муадрэ (Moidrey) въ 7 ч. 58 м. утра зарегистровано магнитное возмущеніе также въ ЦиКа-Веѣ въ Китаѣ; эта мѣстность является антиподомъ Мартиникѣ, т.-е. лежитъ на противоположномъ меридіанѣ. Магнитная пертурбація совпала съ изверженіемъ Лысой Горы и не сопровождалась сотрясеніями почвы; а черезъ 4 часа 27 мин. произошло сотрясеніе почвы. Магнитныя пертурбаціи ощущались и въ океанѣ на далекомъ разстояніи отъ Мартиники: есть свѣдѣнія о томъ, что во время изверженія или вскорѣ послѣ него буссоли на многихъ судахъ обнаружили сильныя пертурбаціи, «шалили».

Чтобы отдать себѣ отчетъ въ возможныхъ причинахъ мартиникской катастрофы, обратимся вкратцѣ къ геологическому строенію Антильскаго моря и окаймляющихъ его острововъ. Дуга Малыхъ Антильскихъ острововъ представляетъ узкій гребень, раздѣляющій двѣ абиссальныя (глубоководныя) морскія области: со стороны Караибскаго моря крутые береговые обрывы, на небольшомъ разстояніи отъ которыхъ глубина моря достигаетъ 3000 метровъ; со стороны Атлантическаго океана острова окаймлены неширокой береговой и подводной платформой, за которой на разстояніи не болѣе 12—15 кил. тянется абиссальная океаническая зона съ глубиною до 5000 метровъ. Караибское море приблизительно продолговато-овальной формы и окаймлено двумя цѣпями горъ; отъ острова Троицы черезъ Каракасъ тянется къ озеру Валенціи Караибская Кордильера; на сѣверѣ границей служатъ Антильскія Кордильеры, идущія отъ Барбадоса на Гондурасъ и Гватемалу, и къ западу распадающіяся на три цѣпи. Эти Кордильеры принадлежатъ къ складчатымъ, не вулканическимъ горамъ. Съ двухъ сторонъ Караибское море окаймлено цѣпями вулкановъ: на востокѣ цѣпью Малыхъ Антильскихъ острововъ, на юго-западѣ рядомъ дѣйствующихъ вулкановъ, растянувшихся отъ Коста-Рико до Гватемалы. Какъ по географическому положенію, такъ и по геологическому строенію Караибское море принадлежитъ къ типу такъ называемыхъ средиземныхъ морей, типомъ которыхъ можетъ служить западная часть нашего Средиземнаго моря, Эгейское море и нѣкоторыя другія; происхожденіемъ своимъ эти моря обязаны опусканіямъ, проваламъ болѣе или менѣе значительныхъ участковъ земной коры по трещинамъ. Такое опусканіе произошло не сразу по всей площади моря и не мгновенно, а по частямъ и очень медленно; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно продолжается и понынѣ. Всякое такое опусканіе проявляется землетрясеніями на сосѣднихъ берегахъ или на островахъ и во многихъ случаяхъ вулканическими изверженіями, которыя могутъ быть приписаны выжиманію огненножидкихъ массъ давленіемъ опускающихся участковъ. Антильскіе острова представляютъ остатки Антильскаго материка, который въ третичный періодъ соединялъ Сѣверную Америку съ Южною. Реконструкціей этого материка, а также изслѣдованіемъ многочисленныхъ признаковъ поднятій и опусканій въ различныя эпохи третичнаго періода и въ

постпліоценовую эпоху мы обязаны американскому геологу Спенсеру. Движенія земной коры, т.-е. опусканія и поднятія, продолжаются въ Караибскомъ морѣ, несомнѣнно, и въ настоящее время. Изверженію Лысой Горы предшествовало такое движеніе морского дна вдоль одной или нѣсколькихъ трещинъ: объ этомъ свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что до изверженія былъ порванъ телеграфный кабель. По даннымъ французскаго кабельнаго судна «Pouyer-Quertier», морское дно опустилось у южной части острова съ 300 ф. до 3300 ф.

Ходъ событій до изверженія можно представить себѣ такимъ образомъ. Вдоль старой или же вновь образовавшейся трещины произошло опусканіе, благодаря которому вода получила болѣе или менѣе свободный доступъ къ подземному огненножидкому очагу, находящемуся подъ Лысой Горой. Началось изверженіе пепла и паровъ, которое могло бы продолжаться болѣе или менѣе продолжительное время безъ разрушительныхъ взрывовъ, еслибъ весь притокъ воды или паровъ находилъ себѣ свободный выходъ черезъ кратеръ. Но представимъ себѣ, что въ сосѣдствѣ съ лавой происходитъ въ подземномъ резервуарѣ или въ рядѣ трещинъ накопленіе паровъ, упругость которыхъ все растетъ и растетъ, пока она не будетъ въ состояніи преодолѣть сопротивленіе породъ заграждающихъ путь парамъ. Или представимъ себѣ, что, вслѣдствіе подземнаго провала, промыва или вслѣдствіе образованія новой трещины, подземный резервуаръ или подземный потокъ воды приходитъ сразу въ соприкосновеніе съ раскаленной массой лавы и мгновенно превращается въ пары. Въ обоихъ случаяхъ получается необычайная паровая сила, которая выталкиваетъ въ видѣ громаднаго поршня твердыя породы, заграждающія ей путь; если нѣтъ свободнаго выхода, этотъ поршень разрываетъ земную поверхность въ видѣ трещины, по которой и выталкиваетъ съ невѣроятной силой все что находится передъ нимъ. —Если постепенно происходитъ закупорка отверстій, черезъ которыя выходятъ пары и пепелъ, пробкой застывшей лавы, то черезъ нѣкоторое время долженъ снова произойти взрывъ и т. д., что и показываютъ взрывы 20-го мая и 9-го іюля. И это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не прекратится протокъ паровъ или не произойдетъ окончательная закупорка отверстій, которую пары уже не въ силахъ преодолѣть. Представимъ себѣ далѣе, что изъ карбидовъ, заключенныхъ въ лавѣ или окружающихъ ее породахъ, въ контактѣ съ горячей водой или парами получается еще новое количество газовъ и притомъ горючихъ и удушливыхъ. Представимъ себѣ, что разъ трещина образовалась и газы по ней устремились, то съ ними не вырвутся и тѣ газы, которые были заключены въ жидкой лавѣ, причемъ часть ея они разбрызжутъ и превратятъ въ пепелъ, а другая начнетъ выливаться по готовой трещинѣ. Представимъ себѣ далѣе, что столбъ паровъ и пепла вырвался не кверху, а сбоку, гдѣ оказалось мѣсто меньшаго сопротивленія, и отраженный отъ верхнихъ стѣнокъ подземнаго канала, закупореннаго у вершины горы, устремился по наклонному направленію сверху внизъ. Представимъ себѣ наконецъ, что все, что здѣсь описано, случилось почти одновременно и, во всякомъ случаѣ, скорѣе, чѣмъ можно это описать—и передъ нами будетъ картина механизма мартиникскаго изверженія,

правда гипотетическая, но вполнѣ правдоподобная и даже вѣроятная. Что первой причиной изверженія явилось движеніе морского дна, объ этомъ свидѣтельствуетъ также и то обстоятельство, что изверженіе Лысой Горы не явилось единичнымъ изолированнымъ событіемъ: одновременно обнаружили усиленную дѣятельность и нѣкоторые другіе вулканы, какъ на Антильскихъ островахъ, такъ и на материкѣ Америки. Слѣдовательно, первая причина катастрофы лежитъ глубоко въ нѣдрахъ земли и относится къ категоріи такъ называемыхъ тектоническихъ процессовъ, т.-е. тѣхъ, благодаря которымъ возникаютъ и растутъ горы, моря и материки.

Повидимому, произошло или еще совершается одно изъ тѣхъ тектоническихъ движеній, изъ совокупныхъ усилій которыхъ въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго періода времени возникаютъ существенныя измѣненія въ конфигураціи материковъ и морей. Взрывы Лысой Горы 8-го и 20-го мая и 9-го іюля, является лишь однимъ изъ показателей совершающагося въ Караибскомъ морѣ тектоническаго процесса. И еслибъ не ужасъ мгновенной смерти многихъ тысячъ людей, мы, несомнѣнно, отнеслись бы болѣе равнодушно къ этому явленію, которое, взятое въ отдѣльности и безъ отношенія къ человѣку, представляется мимолетнымъ поверхностнымъ процессомъ въ жизни земной коры.

**Проф. Ф. Левинсонъ-Лессингъ.**

---

# НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

---

Изслѣдованія атмосферы на высотѣ отъ 10 до 15 километровъ.—Выдѣленіе подчелюстной железы.—Дѣйствіе синильной кислоты на сѣмена.

**Изслѣдованія атмосферы на высотѣ отъ 10 до 15 километровъ.** Почти одновременно *Р. Ассманнъ* и *Л. Тейсеранъ де-Боръ* (Teisserenc de-Bort) опубликовали результаты своихъ наблюденій надъ температурой высокихъ слоевъ воздуха.

Хотя Берсону и Зюрингу удалось и ранѣе достигнуть на воздушномъ шарѣ высоты въ 11.000 метр., но наблюденія ихъ относятся только къ слоямъ воздуха, находящимся на высотѣ 9 километр., такъ какъ выше оба наблюдателя впали въ обморочное состояніе. Для изслѣдованія болѣе высокихъ слоевъ воздуха Эрмитъ и Безансонъ предложили пускать небольшіе шары, на которыхъ помѣщались только самопишущіе аппараты. Но такія изслѣдованія все же не могли дать точнаго представленія о температурѣ верхнихъ слоевъ атмосферы, такъ какъ сила подъема подобныхъ шаровъ съ высотой уменьшалась и, наконецъ они совершенно останавливались, причемъ естественная вентиляція, конечно, падала до нуля, вліяніе же солнечнаго лучеиспусканія возрастало, и



термометры не показывали истинной температуры воздуха. Для устраненія этого неудобства Ассманъ вмѣсто употреблявшагося до тѣхъ поръ бумажнаго шара, началъ приготовлять «шары-зонды» изъ эластическаго каучука; такой шаръ, съ увеличеніемъ скорости поднятія, увеличивается въ объемѣ, но, въ концѣ концовъ, лопается и падаетъ на землю. Благодаря измѣняемости объема каучуковаго шара онъ не останавливается на одной высотѣ, а происходящая, вслѣдствіе подъема вверхъ, естественная вентиляція съ высотою даже увеличивается. Ассманнъ вычислилъ, что такъ какъ на высотѣ въ 15.000 метровъ объемъ каучуковаго шара вдвое больше чѣмъ тотъ, какой онъ имѣлъ на землѣ, а плотность воздуха уменьшается съ бо́льшею скоростью, чѣмъ поверхность шара, то и скорость поднятія возрастаетъ почти вдвое. Термометръ, которымъ снабженъ шаръ Ассманна, защищенъ отъ прямого дѣйствія солнечныхъ лучей двойной хорошо отполированной трубкой. Такимъ образомъ, при поднятіи и паденіи шара происходитъ измѣненіе силы вентиляціи, уравновѣшивающее вліяніе солнечнаго лучеиспусканія, и термометръ, благодаря этому, показываетъ истинную температуру воздуха.

Цѣлымъ рядомъ опытовъ, поставленныхъ въ 1901 г., Ассманну удалось съ помощью такихъ шаровъ-регистраторовъ установить, что выше 10-ти километровъ наблюдается всегда поворотъ температуры. При поднятіи же шара 4-го іюля (въ $2^3/_4$ ч. по пол.) и 1-го августа (въ $3^1/_2$ ч. по пол.) замѣчено еще болѣе интересное явленіе: сначала въ нижнихъ слояхъ воздуха съ высотой увеличивалась и температура, но въ слояхъ воздуха, находящихся выше 1.000 метр., эта аномалія исчезала и, по мѣрѣ поднятія шара, температура начинала падать; при этомъ въ иныхъ слояхъ воздуха это паденіе идетъ быстро, въ другихъ же крайне медленно—температура почти не измѣняется.

На высотѣ между 5—7-ю километр. во всѣхъ опытахъ термометръ сильно и равномѣрно опускался, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ между 6—10-ю килом. пониженіе это было сильнѣе, чѣмъ на 1° на каждые 100 метр. поднятія. Выше же 10-ти километровъ паденіе температуры останавливалось совершенно или даже наступало болѣе или менѣе сильное ея повышеніе. Такъ, напримѣръ, 10-го апрѣля температура воздуха на высотѣ 13 километровъ была такая же, какъ и на высотѣ въ 7.700 метр., и въ то же время на 9,4° выше, чѣмъ на высотѣ 9.500 метр.; 4-го іюля этотъ поворотъ температуры зарегистрованъ на высотѣ въ 11 километровъ, при градіентѣ въ +0,34°, который затѣмъ увеличился до +1°, но на высотѣ въ 12 километровъ снова упалъ до +0,3°. Въ очень теплый день 31-го іюля поворотъ температуры наступилъ только на высотѣ между 12 и 13-ю километрами; между же 17 и 18-ю километрами высоты, гдѣ, къ сожалѣнію, записывающее перо отстало отъ бумаги, шаръ, по всей вѣроятности, приблизился къ верхней границѣ теплаго воздушнаго теченія.

На основаніи этихъ изслѣдованій, Ассманнъ приходитъ къ выводу, что выше 10, 12-ти километр. находится относительно теплое воздушное теченіе.

*Тейсеранъ де-Боръ* занимался подобными же изслѣдованіями. Въ его распоряженіи находился матеріалъ, собранный, благодаря поднятію 500 шаровъ-

зондовъ. Этотъ ученый, также какъ и Ассманнъ, утверждаетъ, что выше 10-ти километр. паденіе температуры идетъ крайне медленно, что подобные малые температурные градіенты начинаются при циклональной погодѣ на высотѣ 10-ти килом., а при антициклональной погодѣ на высотѣ 13-ти килом. Нужно замѣтить, что Тейсеранъ де-Боръ, для устраненія прямого солнечнаго нагрѣванія термометровъ, производилъ свои наблюденія въ ночное время.

Изъ 236-ти наблюденій Тейсерана, произведенныхъ въ теченіе многихъ лѣтъ, въ различное время года, съ помощью балоновъ-зондовъ, поднявшихся на высоту не менѣе 11-ти килом. (74 шара достигли даже 14-ти килом.), могутъ быть сдѣланы слѣдующіе выводы: величина паденія температуры воздуха, начиная съ нижнихъ слоевъ, растетъ съ высотой и достигаетъ иногда даже 1° на 100 метровъ, затѣмъ, нѣкоторое время держится на этомъ максимумѣ паденія, а на высотѣ около 11-ти килом. (въ нашихъ широтахъ) это паденіе температуры почти совершенно прекращается. На высотѣ, измѣняющейся сообразно состоянію погоды отъ 8 до 12-ти килом., начинается воздушный слой, который характеризуется незначительнымъ паденіемъ температуры или даже небольшимъ повышеніемъ ея. Толщину этого слоя нельзя еще опредѣлить вполнѣ точно, но Тейсеранъ оцѣниваетъ ее въ нѣсколько километровъ.

---

**Выдѣленіе подчелюстной железы.** Извѣстно, что профессоръ Павловъ и его ученики въ цѣлой серіи выдающихся работъ доказали существованіе тѣсной связи между пищей и количествомъ, качествомъ и условіями выдѣленія пищеварительныхъ соковъ *).

*Малуазель* поставилъ аналогичные опыты, относящіеся къ выдѣленію подчелюстной железы собаки. Съ этой цѣлью онъ сдѣлалъ постоянную фистулу подчелюстной железы, отдѣливъ кусочекъ слизистой оболочки рта, захватывающей и отверстіе Вартонова протока, и прикрѣпилъ его къ кожѣ подъ нижней челюстью. Когда такимъ образомъ была сдѣлана операція, и операціонныя раны зажили, стало возможнымъ наблюдать измѣненія въ выдѣленіи и собирать слюну, выдѣляемую подъ вліяніемъ той или другой пищи.

Собакамъ, надъ которыми производились опыты, Малуазель давалъ ѣсть сырое мясо, сахаръ, морскую соль, разбавленную уксусную кислоту, сѣрнокислый хининъ и песокъ; или же только показывалъ пищу, но не давалъ имъ ѣсть; или же, наконецъ, заставлялъ ихъ нюхать сильно пахучія вещества въ родѣ гвоздики и эссенціи лаванды. Всѣ эти опыты показали ему, что существуетъ различіе: 1) во времени между принятіемъ того или другого рода пищи и выдѣленіемъ слюны; 2) въ количествѣ выдѣленной слюны; 3) въ качествѣ (особенно въ вязкости) слюны.

Такъ, послѣ принятія хлористаго натрія (поваренная соль), уксусной кислоты, сѣрнистаго хинина, слюна появляется спустя нѣсколько секундъ, тогда какъ сахаръ вызываетъ слюну только черезъ 2 минуты. Видъ куска мяса

*) Одинъ изъ ближайшихъ «Научныхъ обзоровъ» «Міра Божія» будетъ посвященъ работамъ проф. Павлова. *Ред.*



производитъ выдѣленіе слюны черезъ 8—10 секундъ, запахъ эссенціи лаванды—только черезъ 1$^1/_2$ минуты.

Достаточно положить нѣсколько капель уксусной кислоты или немного соли, или же сѣрнистаго хинина на языкъ собаки, чтобы вызвать 4—6 куб. с. слюны, но надо дать ей съѣсть 100 грам. сырого мяса, чтобы вызвать выдѣленіе слюны въ количествѣ 4 куб. с.

Слюнотеченіе, вызванное обоняніемъ, останавливается послѣ выдѣленія приблизительно 1 куб. с. слюны. Подъ вліяніемъ соли, сѣрнокислаго хинина, того или другого запаха, слюна подчелюстной железы становится очень жидкой, прозрачной, какъ вода, чуть липкой на ощупь, при этомъ она даетъ едва замѣтную муть отъ прибавленія уксусной кислоты, слѣдовательно, содержитъ незначительное количество муцина (0,01 на 6 куб. с.). Слюна же, выдѣленная подъ вліяніемъ мяса, наоборотъ, очень вязкая, густая, мутная, богата муциномъ (0,02 на 1 к. с.).

Интересно отмѣтить также слѣдующее явленіе. Слюна измѣняется въ качественномъ и количественномъ отношеніяхъ очень быстро. Такъ, напримѣръ, если сначала дать собакѣ мяса, то слюна получается вязкая и очень активная, но сейчасъ же послѣ пріема хинина слюна становится жидкой и мало активной; если, затѣмъ, дать собакѣ мяса, то оно вновь вызываетъ вязкую и активную слюну. Такимъ образомъ Генри и Малуазель доказали своими опытами точность выводовъ, установленныхъ Павловымъ и его учениками.

---

**Дѣйствіе синильной кислоты на сѣмена.** Синильная кислота является драгоцѣннымъ средствомъ для уничтоженія насѣкомыхъ и другихъ паразитовъ, встрѣчающихся на зернахъ пшеницы, ржи и другихъ сѣмянъ, при храненіи ихъ въ болѣе или менѣе значительныхъ количествахъ. Но вставалъ вопросъ, не вредитъ ли этотъ ядъ, столь успѣшно убивающій паразитовъ, и самимъ сѣменамъ. Опыты, недавно произведенные Townsend'омъ отвѣчаютъ на этотъ вопросъ вполнѣ опредѣленно. Прежде всего надо замѣтить, что Townsend вычисляетъ не вѣсъ синильной кислоты, употребляемой въ опытахъ, но вѣсъ ціанистаго калія, изъ котораго, при дѣйствіи на него сѣрной кислоты, и выдѣляется синильная кислота. Вѣсъ ціанистаго калія колебался въ опытахъ Townsend'а отъ 3 миллигр. до 1$^1/_2$ гр. на кубическій футъ зерна. Оказалось, что сухія сѣмена отлично выдерживаютъ въ теченіе часа ядовитую атмосферу синильной кислоты. Такія сѣмена произрастаютъ въ пропорціи 100 на 100, не смотря на то, что количество ціанистаго калія (1,5 грама на кубич. ф.) въ шесть разъ больше количества, употребляемаго энтомологами для уничтоженія паразитовъ сѣмянъ.

Другими опытами было установлено, что сѣмена, находившіяся въ атмосферѣ паровъ синильной кислоты (1 гр. на куб. футъ) впродолженіи 15 дней, все еще прорастали отлично (100 на 100) и даже скорѣй, чѣмъ повѣрочныя сѣмена: послѣднія проросли черезъ 24 часа, тогда какъ первыя всего черезъ 6 часовъ. Слѣдовательно, атмосфера синильной кислоты не только не вредитъ, но даже благопріятствуетъ произрастанію. Конечно, это вѣрно только до извѣ-



стной степени. Такъ, сѣмяна, содержавшіяся 60 дней въ атмосферѣ синильной кислоты, хотя и прорастали скорѣй обыкновенныхъ, повѣрочныхъ (въ 14 час. вмѣсто 24-хъ), но вліяніе этой кислоты вредно отражалось на дальнѣйшемъ ихъ ростѣ, пребываніе же сѣмянъ въ теченіе 365 дней въ такой атмосферѣ даже совершенно остановило произрастаніе. Но если количество синильной кислоты въ 3 раза меньше (0,333 gr. ціанистаго калія на куб. футъ), то сѣмена могутъ оставаться въ атмосферѣ ея паровъ безъ всякаго вреда даже впродолженіи года. Все вышесказанное относится къ сухимъ сѣменамъ.

Сѣмена же, которыя находились до опыта 24 часа въ водѣ, не прорастаютъ, если ихъ подвергать дѣйствію атмосферы, даже сравнительно бѣдной синильной кислотой (3 миллигр. ціанистаго калія на куб. футъ). Если же они находились въ водѣ только 12 часовъ, то прорастаніе идетъ въ атмосферѣ довольно богатой синильной кислотой (5 сантиграм. ціанистаго калія на куб. фунтъ сѣмянъ).

Для того, чтобы сѣмена сохранили способность произрастать, ихъ нужно послѣ дѣйствія на нихъ синильной кислоты промыть въ водѣ и высушить. Въ такомъ случаѣ имъ не вредитъ даже дѣйствіе 25-ти сантигр. ціанистаго калія на куб. футъ сѣмянъ впродолженіи 6 часовъ.

Изъ дальнѣйшихъ опытовъ оказалось также, что сѣмена, выдержанныя въ атмосферѣ синильной кислоты даже гораздо дольше, чѣмъ это нужно для уничтоженія паразитовъ, совершенно безвредны для животныхъ и людей. Опять таки это касается сухихъ сѣмянъ, сырыя же сѣмена, извлеченныя изъ атмосферы синильной кислоты, стали для животныхъ ядовитыми.

В. А.

# БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

## ЖУРНАЛА

# „МІРЪ БОЖІЙ".

Сентябрь 1902 г.

*Содержаніе*: Беллетристика.—Критика и исторія литературы и искусствъ.—Исторія всеобщая.—Соціологія.—Психологія.—Географія и этнографія.—Естествознаніе.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.—Новости иностранной литературы.

## БЕЛЛЕТРИСТИКА.

*А. Луговой*. «Умеръ талантъ». «*А. Чеховъ*». «Островъ Сахалинъ». «Разсвѣтъ» Сборникъ.

**Умеръ талантъ!.. Повѣсть А. А. Луговаго. Спб. 1902 г.** Названіе «повѣсть» не вполнѣ подходитъ къ настоящему произведенію г. Луговаго, которое скорѣе представляется памфлетомъ на разные вопросы взаимоотношеній писателя и его среды, изложеннымъ въ формѣ діалога между авторомъ и «умершимъ талантомъ», которому при жизни приходилось все время бороться съ тяжелыми условіями необезпеченнаго существованія и съ трудностями завоевать себѣ независимое положеніе въ литературѣ. Послѣ его смерти, его собратья по перу, собравшіеся у его могилы, повторяли одинъ за другимъ: «Да, умеръ талантъ!.. Новая потеря... Рѣдѣютъ наши ряды», но, по замѣчанію автора, при жизни никто не позаботился о томъ, «чтобы предохранить это народное достояніе отъ преждевременной гибели». И вотъ теперь авторъ вспоминаетъ разговоръ съ покойнымъ писателемъ, который, оказывается, самъ, еще при жизни, поставилъ діагнозъ всѣмъ неблагопріятнымъ условіямъ дѣятельности литератора, какъ бы предчувствуя свою преждевременную гибель. Воспроизводя эту бесѣду, авторъ все время заставляетъ говорить покойнаго писателя, изрѣдка лишь подавая ему реплики, иногда смягчая его рѣзкіе отзывы, чаще всего соглашаясь съ нимъ. Въ виду этого трудно отдѣлить личныя мнѣнія автора отъ высказываемыхъ «умершимъ талантомъ» сужденій, и личность послѣдняго не обрисовывается съ достаточнымъ рельефомъ. Передъ вами не характеръ, не типъ, не индивидуальность, а какой-то отвлеченный писатель-неудачникъ, обвиняющій и общество и сотрудниковъ по перу, и редакторовъ періодическихъ изданій, и критиковъ, и рецензентовъ въ недостаточномъ сочувствіи дѣятельности писателя и отсутствіи истинной *любви къ литературѣ* (курс. подлинника). Возмущаясь ходячими толками объ упадкѣ современной литературы, покойный писатель, однако, признаетъ до нѣкоторой степени этотъ упадокъ, только приписывая его недостаточному будто-бы уваженію къ авторскому труду въ редакціяхъ журналовъ и недоброжелательству критики, относящейся слишкомъ партійно къ литературнымъ произведеніямъ. О, если бы дѣйствительно только редакторы и критики были повинны въ общемъ пониженіи литературной производительности! Какъ бы обрадовались такому открытію искренніе и, несомнѣнно, талантливые писатели, которыми отнюдь не оскудѣло и наше время, но вѣроятно и они сами чувствуютъ, принимаясь за менѣе значительные сюжеты, часто даже размѣниваясь на мелочи, что причины, не благопріятствующія въ

настоящее время созданію міровыхъ произведеній, заключаются не въ редакціяхъ и не въ рецензентахъ, каковы бы ни были «своенравіе» первыхъ и предвзятость вторыхъ. Вѣдь какъ разъ наоборотъ, именно отъ молодыхъ, сильныхъ и дѣйствительно выдающихся дарованій мы недавно слышали сѣтованія по поводу того, какъ вредно отражается на самомъ писателѣ слишкомъ быстрый и слишкомъ шумный успѣхъ, и даже упреки за слишкомъ усердные похвалы критиковъ именно начинающимъ писателямъ. Герой повѣсти г-на Лугового, очевидно, попалъ въ другую полосу и, потерпѣвъ неудачи, подвергся участи, быть можетъ, весьма несправедливой которая роднитъ его съ жертвами, представленными въ раннемъ произведеніи того же автора, доставившемъ ему наибольшую извѣстность «Pollice verso». Какъ пѣвецъ, которому недоброжелательное отношеніе публики помѣшало высказать свои настоящія голосовыя средства, и онъ умираетъ осмѣянный и опозоренный въ больницѣ, какъ докторъ, который вслѣдствіе подвоха со стороны завистливаго коллеги сдѣлалъ неудачную операцію и затѣмъ покончилъ съ собой, не встрѣтивъ справедливаго отношенія къ себѣ въ обществѣ,—такъ и писатель въ повѣсти «Умеръ талантъ...» принадлежитъ къ той же категоріи неудачниковъ, которымъ внѣшнія условія не дали возможности высказать въ полнотѣ свои дарованія. Быть можетъ, нѣкоторыя отдѣльныя замѣчанія этого преждевременно погибшаго таланта, которому не повезло, не лишены справедливости: совокупность условій дѣятельности писателя, т.-е. матеріальная обстановка, конкуренція, читатели, критики, издатели и т. п.—все это, конечно, представляетъ изъ себя зачастую рядъ препятствій, съ которыми не каждому дано справиться. Но, въ концѣ концовъ не столь интересенъ самый фактъ *признанія*, какъ внутренняя жизнь художника, мыслителя, писателя, его духовная эволюція, въ которой отношеніе къ успѣхамъ въ обществѣ занимаетъ или должно занимать второстепенное мѣсто, такъ какъ *признаніе* рано или поздно настанетъ. Эта идейная сторона жизни писателя не затронута въ разсказѣ объ «умершемъ талантѣ». Взяты только внѣшнія отношенія писателя къ обществу, въ широкомъ смыслѣ слова (такъ какъ и редакторы и критики представители того же общества). Хотя въ настоящемъ произведеніи г. Лугового его герой не подвергается какой-нибудь аваріи, какъ въ упомянутыхъ очеркахъ «Pollice verso», служащей ближайшимъ поводомъ къ примѣненію жестокаго девиза—«горе побѣжденнымъ», но послѣднее все же звучитъ между строкъ, и характерно постоянство, съ которымъ авторъ возвращается къ темѣ, намѣченной въ его раннемъ произведеніи, прояснить отношенія человѣка, выступающаго передъ обществомъ въ той или другой роли (безразлично какая роль—древняго гладіатора, виртуоза или современнаго общественнаго дѣятеля или писателя), къ тѣмъ его чаяніямъ и ожиданіямъ отъ этого самаго общества, служенію которому онъ себя посвящалъ.

*Ѳ. Бат—овъ.*

**Антонъ Чеховъ. Островъ Сахалинъ. Изъ путевыхъ замѣтокъ. Ц. 1 р. 50 к. Спб. Изд. А. Ф. Маркса. 1902 г. Т. X.** Полное собраніе сочиненій А. П. Чехова, предпринятое фирмою г. Маркса, понемногу подвигается впередъ. Въ вышедшихъ десяти томахъ помѣщены—8 томовъ (убористой печати) повѣстей и разсказовъ, томъ драматическихъ произведеній и «Островъ Сахалинъ», составившій отдѣльный десятый томъ. По мѣрѣ выхода этого капитальнаго изданія твореній нашего первоклассного художника, мы неоднократно говорили о нихъ, какъ въ библіографическомъ отдѣлѣ, такъ и вообще на страницахъ нашего журнала. Поэтому, позволимъ себѣ только привлечь вниманіе читателей на новое изданіе превосходныхъ очерковъ высокоталантливаго автора, явившихся плодомъ его поѣздки на островъ Сахалинъ лѣтъ десять тому назадъ. Очерки Сахалина не представляютъ ученаго изслѣдованія, но они и не бѣглыя «путевыя замѣтки», какъ скромно называетъ ихъ авторъ,—они даютъ гораздо

больше, такъ какъ въ нихъ, наряду съ исчерпывающей полнотой научнаго, этнографическаго и географическаго, статистическаго и бытового матеріала, мы имѣемъ великолѣпное художественное описаніе жизни этого «гиблаго» мѣста. Раскрывъ эту книгу, вы уже не можете оторваться, увлеченные прелестью разсказа, удивительнаго по сжатости, чистотѣ и цѣломудренной сдержанности языка, что придаетъ отдѣльнымъ мѣстамъ, особенно яркимъ по содержанію, глубоко трагическій оттѣнокъ. Описываетъ, напр., авторъ празднество, бывшее по случаю пріѣзда генералъ-губернатора въ портъ Дуэ, и все описаніе сжато въ двадцати строкахъ,—но какое безотрадное чувство втиснуто въ эти строки! «Вечеромъ была иллюминація. По улицамъ, освѣщеннымъ плошками и бенгальскимъ огнемъ, до поздняго вечера гуляли толпами солдаты, поселенцы и каторжные. Тюрьма была открыта. Рѣка Дуйка, всегда убогая, грязная, съ лысыми берегами, а теперь украшенная по обѣ стороны разноцвѣтными фонарями и бенгальскими огнями, которые отражались въ ней, была на этотъ разъ красива, даже величественна, но и смѣшна, какъ кухаркина дочь, на которую для примѣрки надѣли барышнино платье. Въ саду генерала играла музыка и пѣли пѣвчіе. Даже изъ пушки стрѣляли, и пушку разорвало. И все таки, несмотря на такое веселье, на улицахъ было скучно. Ни пѣсенъ, ни гармоники, ни одного пьянаго; люди бродили, какъ тѣни, и молчали, какъ тѣни. Каторга и при бенгальскомъ освѣщеніи остается каторгой, а музыка, когда ее издали слышитъ человѣкъ, который никогда уже не вернется на родину, нводитъ только смертельную тоску» (стр. 34). И такими безподобными, хватающими за сердце описаніями переполнена эта объемистая книга въ 25 листовъ плотной печати. Мы не говоримъ уже о получившихъ всемірную извѣстность страницахъ, на которыхъ, съ мастерствомъ достойнымъ геніальнаго художника, изображено тѣлесное наказаніе каторжника,—это класическія страницы, мало равныхъ себѣ имѣющія даже въ нашей литературѣ.

«Островъ Сахалинъ», безспорно, классическое произведеніе, на ряду съ которымъ можно поставить развѣ «Фрегатъ Паллада» Гончарова, и, какъ таковое, онъ долженъ бы войти въ составъ всякой образовательной библіотеки. По яркости языка очерки г. Чехова не уступаютъ пластичности гончаровскихъ описаній, но они превосходятъ ихъ содержательностью и живостью темы. Къ тому же, очерки производятъ несравненно болѣе сильное впечатлѣніе благодаря тому, что авторъ, въ противность олимпійской холодности Гончарова, нигдѣ не скрываетъ своего отношенія къ описываемымъ ужасамъ. Не подчеркивая и отнюдь не стараясь ставить точки надъ і, авторъ превосходной группировкой фактовъ и личныхъ наблюденій вырисовываетъ такую потрясающую картину жизни на Сахалинѣ, что совершенно подавленный и глубоко пристыженный закрываешь книгу и долго не можешь отдѣлаться отъ полученнаго впечатлѣнія. Если бы г. Чеховъ ничего не написалъ болѣе, кромѣ этой книги, имя его навсегда было бы вписано въ исторію русской литературы и никогда не было бы забыто въ исторіи русской ссылки. Сказаннымъ достаточно опредѣляется огромное общественное значеніе его книги, тѣмъ болѣе, что лучшей книги о Сахалинѣ до сихъ поръ не было и нѣтъ. *А. Б.*

**Разсвѣтъ. Сборникъ русскихъ писателей и писательницъ. Книга вторая. Изд. Н. К. де-Лазари. 1902 г. Спб. Ц. 1 р.** Одно время въ Парижѣ, а потомъ и въ Петербургѣ, были такъ называемые «salons des refusés», т.-е. выставки произведеній отвергнутыхъ художниковъ, не принятыхъ жюри на выставку въ академіи или въ обычный «весенній»—выставочный «салонъ». Изъ этихъ «отвергнутыхъ» нѣкоторые потомъ стали болѣе или менѣе извѣстными новаторами въ живописи, а ихъ «салоны»—выставками произведеній новѣйшей живописи. Большинство, впрочемъ, такъ и кануло въ Лету, ничего не прибавивъ ни къ искуству, ни къ своему имени. Нѣчто въ родѣ такого «са-

лона для отвергнутыхъ» вздумали устроить гг. Кузьминъ и де-Лазари, выпустившіе два сборника «русскихъ писателей и писательницъ», произведенія которыхъ нигдѣ не были приняты. Цѣль свою они опредѣляютъ такъ въ предисловію ко второму сборнику «Разсвѣтъ»: «Цѣль этой книги—дать молодымъ и неопытнымъ силамъ возможность ознакомить публику со степенью дарованія ихъ еще неокрѣпшаго пера. Почти всѣ авторы помѣщенныхъ произведеній совершенно неизвѣстны публикѣ, они впервые отдаются ея суду... Намъ кажется, что этимъ книга пріобрѣтаетъ большій интересъ для публики въ смыслѣ новизны и что эти молодыя произведенія даютъ больщій просторъ для критики. Конечно, мы говоримъ не о тѣхъ менторахъ критики, которые вотъ уже около четверти вѣка занимаются перевариваніемъ своихъ ветхихъ идей. Они не замѣтятъ нашей книги, какъ они не замѣчаютъ вообще всего, что молодо. Мы говоримъ о той критикѣ, которая чутко прислушивается къ молодому лепету, и въ немъ надѣясь найти зачатки будущихъ силъ». Нельзя отказать идеѣ гг. Кузьмина и де-Лазари въ оригинальности, но, даже подъ страхомъ быть зачисленнымъ въ разрядъ «менторовъ критики», я не могу признать ихъ идею основательною и заслуживающею одобренія. «Лепетъ» ребенка всегда милъ и пріятенъ, ласкаетъ сердце родителей и подкупающе дѣйствуетъ на всякаго своей невинностью и наивностью. Но совершенно иное впечатлѣніе производитъ тотъ же ребенокъ, если онъ начинаетъ глупо подражать взрослымъ и берется за «перо», не выучившись предварительно грамотѣ. А именно такое впечатлѣніе производитъ «Разсвѣтъ». Несмотря на претенціозное названіе, ни проблеска таланта нельзя открыть въ этихъ пятидесяти ничтожныхъ повѣстушкахъ, каждая размѣромъ отъ трехъ до восьми разгонистыхъ страничекъ. О достоинствѣ «стихотвореній», «басенъ» (есть даже и басни!), «стихотвореній въ прозѣ» и прочихъ твореній можно сказать одно: даже для творчества гимназистовъ третьяго класса они плохи. Все это, дѣйствительно, «лепетъ» въ самомъ подлинномъ значеніи этого слова, и ни малѣйшаго отношенія къ литературѣ этотъ лепетъ неумныхъ «скороспѣлокъ» не имѣетъ.

Если салоны «отвергнутыхъ» въ свое время сыграли нѣкоторое значеніе, выдѣливъ и тѣмъ опредѣливъ скорѣе и яснѣе новое направленіе въ искусствѣ, то изданіе отвергнутыхъ произведеній не имѣетъ и такого значенія. Во-первыхъ потому, что въ нихъ нѣтъ ничего новаго, а есть лишь безсильное и безталанное подражаніе, въ большинствѣ случаевъ крайне неумное, а подчасъ до жалости дѣтское. Во-вторыхъ, потому, что «неокрѣпшее перо» авторовъ сборника обнаруживаетъ въ нихъ только одно: охоту смертную, но участь горькую. И потому вся затѣя гг. Кузьмина и де Лазари окажетъ плохую услугу «неопытнымъ силамъ», внушивъ имъ надежду ни на чемъ не обоснованную. Сколько иллюзій въ настоящемъ они возбудятъ и сколько разбитыхъ надеждъ въ непосредственномъ будущемъ. Въ тысячу разъ лучше было бы для всѣхъ безъ исключенія авторовъ «Разсвѣта» претерпѣть операцію «отказа» и навсегда излечиться отъ зуда авторства, чѣмъ увидѣть свое имя въ «Разсвѣтѣ» только затѣмъ, чтобы навѣки потомъ потонуть во мракѣ неизвѣстности. Ибо много званыхъ, но мало избранныхъ. Если же кто имѣетъ счастье родиться «избраннымъ», тому не нужно предварительныхъ чистилищъ, въ родѣ «Разсвѣта», и сколько бы ни стояло на его пути «менторовъ критики», онъ займетъ свое мѣсто въ литературѣ.

*А. Б.*

---



# *КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВЪ.*

*В. Величко.* Вл. «Соловьевъ. Жизнь и творенія». — *К. Боринскій.* «Театръ».— *М. Ватсонъ.* «Алессандро Манцони».

**Владиміръ Соловьевъ. Жизнь и творенія. Очеркъ В Л. Величко. 1902 г.** Авторъ названнаго очерка приходитъ къ заключенію, что «Владиміръ Соловьевъ больше, чѣмъ кто-либо другой былъ бы вправѣ повторить слова французскаго поэта: «Je suis venu trod tarp, dans un siècle trop vieux». Не только по міросозерцанію, но и по духовному складу и по темпераменту онъ болѣе подходилъ, смотря по овладѣвшимъ имъ настроеніямъ, то къ первымъ вѣкамъ христіанства, то ко временамъ крестовыхъ походовъ. Несомнѣнно, что если бы онъ появился не позже среднихъ вѣковъ, то его имя сразу просіяло бы ярче, его дѣло встрѣтило бы бо́льшій откликъ» и пр. (стр. 172). Не значитъ ли это, другими словами, что тотъ, кто пришелъ слишкомъ поздно, могъ бы и совсѣмъ не приходить? Странная оцѣнка дѣятельности человѣка въ устахъ біографа, который въ другомъ мѣстѣ указываетъ, что «громадная теософическая работа почившаго философа является лучшимъ образцомъ именно русской самобытности въ области (философіи) (стр. 101)». Неужели эта «самобытность» такъ-таки не ко времени? Правда, нѣсколько дальше авторъ дѣлаетъ оговорку, что хотя Соловьевъ пришелъ *не въ свое время* (курс. въ подл.): «*либо* слишкомъ рано, *либо* слишкомъ поздно! Онъ думалъ, что послѣднее вѣрнѣе и, вѣроятно, былъ правъ» (стр. 173). Итакъ, все-таки вѣрнѣе, что слишкомъ поздно, и по мнѣнію автора брошюры, потратившаго не мало труда на то, чтобы представить Владиміра Соловьева исключительно въ роли правовѣрнаго поборника русской «истинно-національной партіи» и русскаго мессіанства, наперекоръ многимъ цитатамъ и заявленію того же автора, что къ философу, избравшему основнымъ началомъ своего ученія *идеалъ абсолютнаго единства*, не можетъ быть приложенъ «масштабъ, примѣнимый къ публицистическимъ вопросамъ» — «славянофильство или западничество, или матеріализмъ, или вообще что-нибудь сравнительно узкое» (64). Признаніе о запоздалости весьма характерно, но не столько для самого философа, который слишкомъ много сказалъ своевременнаго, умѣстнаго и теперь, справедливаго и въ будущемъ, чтобы относить его всецѣло къ прошлой исторической эпохѣ, какъ для автора брошюры, который повидимому, проговорился незамѣтно для самого себя. Не особенно удачны и его аргументы въ объясненіе «патріотической» дѣятельности Владиміра Сергѣевича. Такъ, напримѣръ, г. Величко сообщаетъ, что лѣтъ 5—6-ти Соловьевъ «былъ буквально влюбленъ въ кучера, здоровеннаго дѣтину съ большой бородой, отъ котораго дышало *русскою простонародной силой* (курс. нашъ). Бывало, вырвется мальчуганъ во дворъ—и шмыгъ въ сарай, къ своему другу: бросается къ нему на грудь, обнимаетъ, цѣлуетъ...» (10). Выражено картинно, но не проще ли объяснить этотъ эпизодъ ранняго дѣтства Владиміра Сергѣевича обычной склонностью дѣтей бѣгать въ конюшню, на скотный дворъ и т. п., причемъ и животныя и приставленные къ нимъ люди пріобрѣтаютъ особый ореолъ въ дѣтскомъ воображеніи. Врядъ ли пятилѣтній Соловьевъ могъ имѣть представленіе о «русской простонародной силѣ» и искать ея олицетворенія въ кучерѣ, тѣмъ болѣе, что, по словамъ того же автора, «въ періодъ отъ 6-ти до 7-ми лѣтъ онъ (уже) любилъ воображать себя испанцемъ». Неубѣдительна и попытка автора объяснить наслѣдственностью стремленіе философа къ соединенію церквей и его національную терпимость: г. Величко полагаетъ, что такъ какъ «родная бабка Владиміра Сергѣевича съ материнской стороны, урожденная Бжеская,

происходила изъ хорошей польской фамиліи», то этимъ самымъ «*органически* (курс. подл.) объясняются извѣстныя симпатіи нашего философа къ полякамъ и католичеству» (22). Однако, авторъ ниже вполнѣ правильно указываетъ самъ, что «по мнѣнію Соловьева, всякая народность имѣетъ право жить и свободно развивать свои силы, не нарушая такихъ же правъ другихъ народностей. Тѣмъ большаго уваженія и неприкосновенности достойны самобытныя народныя силы, ярко проявившіяся и продолжающія проявляться во многихъ областяхъ человѣческаго духа» (87). Всѣ народности имѣютъ равное право на существованіе и, именно исходя изъ этого общаго принципа справедливости, покойный философъ выражалъ особыя симпатіи къ тѣмъ національностямъ и народамъ, которые въ силу тѣхъ или другихъ историческихъ обстоятельствъ находятся въ нѣкоторомъ угнетеніи, къ полякамъ, какъ и къ евреямъ, не въ силу «органической» принадлежности по происхожденію къ той или другой расѣ, а по идейному сочувствію принципу племенной независимости. Его широкое пониманіе идеи національности извѣстно; онъ не принималъ этой идеи, какъ своего рода предопредѣленіе, не считалъ ее исчерпанной въ прошломъ исторической жизни народа, на которое обращали слишкомъ исключительное вниманіе даже славянофилы стараго типа. И г. Величко напоминаетъ, что «по мнѣнію Соловьева, внѣевропейская или противоевропейская самобытность наша—пустая претензія» (83). Національность вырабатывается изъ сложныхъ элементовъ; она создается, а не предсуществуетъ и въ концѣ концовъ, представляетъ лишь разныя формы общечеловѣческаго единства. «Чтобы проявить истинную народную самобытность,—формулируетъ и г. Величко основную мысль Соловьева по національному вопросу,—отнюдь не нужно устремлять всѣ силы къ распознанію и упроченію особенностей расоваго типа, а надо прилагать эти силы къ дѣлу. Высшее же дѣло—водвореніе правды Божіей на землѣ. Это дѣло вмѣстѣ съ тѣмъ и патріотичное въ благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова» (84). Отсюда вытекаетъ слѣдствіемъ, что тотъ, кто ставитъ себѣ цѣлью проводить не общую правду, а преслѣдуетъ своекорыстныя задачи—съ точки зрѣнія индивидуальнаго или племеннаго эгоизма,—является съ точки зрѣнія Соловьева, *псевдо* патріотомъ, какъ бы онъ ни драпировался въ мантію національной исключительности и правовѣрной нетерпимости. Не слишкомъ рано и не слишкомъ поздно, а вполнѣ своевременно явился Соловьевъ, чтобы сбросить маску съ многихъ такихъ «псевдопатріотовъ» и напомнить о нѣкоторыхъ вѣчныхъ истинахъ, которыя нужно неустанно повторять. И г. Величко признаетъ, что «религіозно-политическіе взгляды Владиміра Соловьева могутъ быть приняты—*какъ идеалъ*, къ которому *необходимо* стремиться», правда съ оговорками: «*лишь* какъ идеалъ», «стремиться *постепенно*», «не какъ программа, выполнимая немедленно» (78), но всѣ эти оговорки не нарушаютъ теоретической правильности религіозно-политическихъ воззрѣній покойнаго философа даже въ глазахъ не сочувствующаго ему въ примѣненіи правильной теоріи на практикѣ его біографа.

Впрочемъ, названіе «біографа» едва ли соотвѣтствуетъ автору брошюры, слишкомъ поспѣшившему придать многообѣщающее заглавіе—«жизнь и творенія» своему очерку, который цѣненъ лишь по нѣкоторымъ сообщеннымъ въ немъ эпизодамъ изъ жизни философа, эпизодамъ анекдотическаго характера. «Творенія» разсмотрѣны весьма поверхностно, преимущественно по чужимъ переложеніямъ, что, впрочемъ, отнюдь нельзя поставить въ укоръ автору, скромно укрывшемуся за такими авторитетами, какъ проф. Лопатинъ, Э. Л. Радловъ, кн. С. Н. Трубецкой и др. На ряду съ этими именами есть, правда, и менѣе значительныя, которыя, однако, цитуются съ равнымъ вниманіемъ, и Владиміръ Сергѣевичъ оказывается поставленнымъ не всегда въ лестномъ для него сосѣдствѣ, хотя и съ эпитетомъ «свѣтлой личности». Авторъ не очень оттѣняетъ самостоятельность его духовнаго развитія, такъ какъ допускаетъ

смолоду вліяніе на него одного изъ товарищей, будто бы «достигшаго впослѣдствіи какой-то дутой популярности отрицательными тенденціями и смолоду уже бывшаго ярымъ нигилистомъ въ скверномъ смыслѣ этого слова (15)». Пріятно узнать, что авторъ такимъ образомъ признаетъ «нигилистовъ» и въ хорошемъ смыслѣ этого слова... хотя, все-таки, анонимное обвиненіе отзывается личнымъ пристрастіемъ и такимъ вскользь брошеннымъ кому-то вызовомъ не объясняется эволюція духовной жизни Соловьева. Эту жизнь предстоитъ еще написать. Она конечно полна высокаго интереса у геніально одаренной натуры, съ какой бы сдержанностью мы ни отнеслись къ нѣкоторымъ сторонамъ усвоеннаго имъ міросозерцанія. Значительна именно эволюція его идей, при неустанномъ и глубокоискреннемъ исканіи правды. Въ оцѣнкѣ въ частности произведеній Владиміра Сергѣевича, едва ли можно согласиться съ мнѣніемъ, г-на Величко, что послѣдняя брошюра Соловьева—«Три разговора» представляетъ—«строго говоря, съ точки зрѣнія беллетристической самое интересное и серьезное произведеніе русской литературы за послѣдніе 10—15 лѣтъ (121)». Именно, «строго говоря»,—оно не занимаетъ такого положенія въ современной русской «беллетристической» литературѣ, ибо этотъ памфлетъ, мѣстами остроумный, часто пародоксальный, и во всякомъ случаѣ на три четверти публицистическій, имѣетъ по преимуществу лишь біографическій интересъ, очень субъективнаго характера. Неужели оно значительнѣе хотя бы «Воскресенія» Л. Н. Толстого и послѣднихъ произведеній Чехова, чтобы не вдаваться въ болѣе подробный разборъ нашей беллитристики за указанныя 10—15 лѣтъ и ея художественной оцѣнки? Не вполнѣ понятно какимъ образомъ г. Величко устанавливаетъ *замѣну* «западнаго», по его мнѣнію, формальнаго принципа—«свобода, равенства и братство», который онъ считаетъ «поддѣльнымъ, мертвеннымъ суррогатомъ», сердечной вѣрой русскаго народа въ тріединыя «благо, истину и красоту» (108), ибо развѣ «благо и истина» исключаютъ свободу и равенство, и развѣ красота противорѣчитъ братству? Этого, конечно, не думалъ нашъ философъ, горячій проповѣдникъ идеи любви, а какая же любовь безъ братства, какая истина безъ свободнаго отношенія къ ней, какая справедливость безъ равенства, которое не есть тожество? Г. Величко, очевидно, во многомъ расходится со взглядами Соловьева, но мы поспѣшимъ согласиться съ авторомъ по крайней мѣрѣ въ одномъ выводѣ: Владиміръ Соловьевъ былъ «и въ основѣ гораздо болѣе русскимъ, нежели многіе изъ тѣхъ, кто съ нимъ полемизировалъ во имя русской идеи». Брошюра издана весьма изящно. *Ѳ. Бат—овъ.*

**Театръ. Лекціи Карла Боринскаго. Переводъ съ нѣмецкаго съ тремя дополнительными статьями и примѣчаніями приватъ доцента с.-петербургскаго университета Б. В. Варнеке. Спб. 1902 г. 144 стр. Ц. 1 р.** Наша литература о театрѣ очень бѣдна, и потому переводъ популярныхъ лекцій Боринскаго является кстати. Самъ Боринскій не связанъ съ театромъ своей спеціальностью: онъ не драматургъ и не театральный критикъ, а соціологъ, оттого то нѣтъ и ничего мудренаго, что онъ не занимаетъ своихъ читателей ни вопросами эстетическаго порядка, ни спеціально-сценическими. Его болѣе интересуютъ широкія перспективы общей исторіи драматическаго творчества: цѣлыхъ двѣ лекціи (изъ 8) Боринскій посвящаетъ общественному значенію театра. Это имѣетъ свою отрицательную сторону, конечно, хотѣлось бы иногда болѣе внимательнаго анализа или пересказа тѣхъ великихъ произведеній человѣческаго духа, которыя связаны съ подмостками, какъ напр. «Прометей» Эсхила, но лекторъ говоритъ о нихъ нѣсколько довольно небрежныхъ словъ, зато онъ прекрасно обрисовываетъ значеніе греческаго театра, какъ учрежденія, въ отличіе отъ современной сцены.

Боринскій читалъ для нѣмцевъ, и самъ онъ нѣмецъ. Это создаетъ въ его книгѣ особыя перспективы: нѣмецкая сцена у него, конечно, на первомъ планѣ,

итальянцевъ нѣтъ вовсе, испанцевъ и французовъ почти нѣтъ (Расинъ заслужилъ едва 4 строки). Много говорится, положимъ, о Шекспирѣ, но Боринскій отмѣчаетъ при этомъ то обстоятельство, что Шекспиръ уже «1½ вѣка является общественнымъ достояніемъ нѣмецкаго народа» (стр. 43). Лессингъ, Гёте и Шиллеръ стоятъ въ центрѣ изложенія, но не разъ указываются и второстепенные нѣмецкіе драматурги, какъ Клейстъ и Грилльпарцеръ.

Въ этомъ есть одно неудобство. На античную трагедію и вообще античность авторъ лекцій смотритъ съ точки зрѣнія Шиллера и Лессинга, не считаясь съ современными изслѣдованіями. Къ счастью для русскихъ читателей, переводчикъ книги Боринскаго, г. Варнеке, спеціалистъ-классикъ и вмѣстѣ съ тѣмъ (рѣдкое соединеніе!) прекрасный знатокъ исторіи и техники театра, исправляетъ односторонность нѣмецкаго лектора. Онъ даетъ очень точный и обстоятельный анализъ еврипидовской «Медеи» (стр. 126—133), и такимъ образомъ читатель можетъ самъ убѣдиться, насколько невѣрно утвержденіе Боринскаго, будто Шекспиръ первый сталъ придавать дѣйствіямъ драматическихъ героевъ психологическую мотивировку.

Отдѣльныя страницы книги г. Боринскаго положительно прекрасны: напр., начало четвертой лекціи, посвященной трагедіи, гдѣ говорятся о книгѣ Іова, этой первой и глубочайшей трагедіи человѣчества и ея параллели въ новой литературѣ, «Фаустѣ». Тема, затронутая популяризаторомъ, даже слишкомъ богата содержаніемъ для тѣхъ крупныхъ штриховъ, которыми написана самая книга.

Очень хороша тоже 5-ая лекція, объ исторической драмѣ, гдѣ авторъ искусно связываетъ основанную на миѳахъ драму античнаго міра, съ хрониками Шекспира, и черезъ произведенія Шиллера и Гёте доводитъ историческую трагедію до сценическихъ построеній Грилльпарцера. Можетъ быть, драмы Виктора Гюго дополнили бы эту перспективу съ успѣхомъ для ея наглядности и широты.

Примѣчанія г. Варнеке важны во 1-хъ, тѣмъ, что они исправляютъ нѣкоторыя неточности въ изложеніи автора, не спеціалиста въ театральномъ мірѣ; во 2-хъ, они даютъ библіографическія указанія. Но, самое важное то, что русскій издатель до нѣкоторой степени связываетъ книгу г. Боринскаго съ современнымъ театромъ и тѣми нарождающимися явленіями драматической литературы, которыхъ г. Боринскій не касался вовсе. *И. А.*

**М. Ватсонъ. Алессандро Манцони. Критико-біографическій очеркъ. (Итальянская библіотека). Спб. 1902 г.** Манцони не принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ писателямъ, геній которыхъ преодолѣваетъ всѣ преграды, воздвигаемыя между народами естественными границами языка и національной психологіи и искусственными перегородками таможенныхъ кордоновъ. Если выдѣлить изъ его литературной дѣятельности все, что имѣетъ значеніе лишь какъ извѣстная, пережитая, уже стадія въ исторіи новой итальянской литературы, въ исторіи итальянской общественной и политической мысли, то общечеловѣческаго элемента очистится весьма мало. Вслѣдствіе этого, Манцони будетъ всегда чтимъ своими соотечественниками,—хотя это почтеніе, кажется, уже давно относится къ его имени и не основывается на любви къ его произведеніямъ,—для всѣхъ же остальныхъ народовъ, которые не имѣли несчастія испытывать гнетъ австрійскаго владычества, которые равнодушны къ притязаніямъ ультрамонтанскаго католицизма, которые имѣли свой ложно-классицизмъ и свой романтизмъ, Манцони никогда не станетъ близкимъ и дорогимъ. Само собою разумѣется, что для всякаго, кто хотя сколько-нибудь интересуется судьбами итальянской литературы, необходимо имѣть ясное представленіе о роли, какая въ ней принадлежитъ Манцони, и поэтому г-жа Ватсонъ, задавшись цѣлью оживить и систематизировать тѣ немногочисленныя свѣдѣнія объ итальянской литературѣ, которыми обладаетъ русская читающая публика, вполнѣ основательно удѣляетъ ему одно изъ первыхъ мѣстъ въ серіи своихъ монографиче-

скихъ очерковъ. Однако, нужно замѣтить, что именно тѣсная связь его дѣятельности не только съ современной ему эпохой, но и съ предшествовавшей представляетъ для русскаго біографа большія трудности въ виду того, что онъ не имѣетъ права предполагать у своихъ читателей серьезнаго знакомства съ этой областью фактовъ. Эти трудности г-жа Ватсонъ, по нашему мнѣнію, не всюду счастливо преодолѣла. Быть можетъ, въ зависимости отъ предѣловъ, которыми авторъ ограничиваетъ свои очерки, ему не удается нарисовать общую картину предшествовавшей Манцони эпохи итальянской литературы, а также установить его отношеніе къ современникамъ; такимъ образомъ, характеристика, лишенная фона, не можетъ получить достаточнаго рельефа. Недостаточно сказать, что писатель геніаленъ, оригиналенъ, что онъ открылъ новые пути,— все это для читателя не имѣетъ опредѣленнаго содержанія, если путемъ историко-сравнительнаго метода не дать ему въ руки конкретный масштабъ. Дабы не быть голословными, пояснимъ нашу мысль примѣромъ. «Допустимъ,—говоритъ авторъ,—что, какъ историческія трагедіи, оба произведенія Манцони «Карманьола» и «Адельки», несмотря на всѣ свои литературныя достоинства, не достигли цѣли (?). Тѣмъ не менѣе, для итальянской драмы онѣ имѣли выдающееся значеніе: Манцони является въ нихъ новаторомъ. У него дѣйствующія лица впервые говорятъ простымъ, человѣческимъ языкомъ, и дѣйствіе не подчинено аристотелевскому правилу единства времени и мѣста». Оставимъ въ сторонѣ неудачное выраженіе, которое могло бы заставить читателя думать, что Манцони писалъ свои двѣ драмы съ сознательною *цѣлью* создать въ Италіи школу исторической трагедіи; къ тому же это ошибочное мнѣніе учебниковъ «словесности», что создать школу лучше, чѣмъ написать прекрасное произведеніе, хотя бы оно и осталось одиноко. Но какъ можетъ читатель почувствовать силу утвержденія автора, что персонажи у Манцони говорятъ «человѣческимъ» языкомъ, если ему не дано возможности самому сравнить стихъ Манцони и его предшественниковъ? Что касается отказа отъ аристотелевой теоріи драмы, то это имѣетъ также только историческое, а не абсолютное значеніе: если бы г-жа Ватсонъ писала о Расинѣ, то въ числѣ его заслугъ она должна была бы указать, что онъ такъ блестяще проводилъ правило о трехъ единствахъ. Надо было, слѣдовательно, пояснить, *почему* во времена Манцони «три единства» уже не обусловливали собою художественнаго характера драмы. Выбранное нами мѣсто не стоило бы подчеркивать, если бы рядомъ съ нимъ не было многихъ другихъ подобныхъ же общихъ сужденій и не подкрѣпленныхъ фактами приговоровъ. Такимъ образомъ, лучшимъ по нашему мнѣнію, изъ появившихся до сихъ поръ очерковъ г-жи Ватсонъ остается первый, объ Адѣ Негри: тамъ можно было въ бо́льшей степени удовольствоваться выраженіемъ личныхъ мнѣній и впечатлѣній.

*Е. Дегенъ.*

---

## *ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ.*

*Ф. Рокэнъ.* «Движеніе общественной мысли во Франціи въ XVIII в.».—*П. Ардашевъ.* «Абсолютная монархія на Западѣ».

**Феликсъ Рокэнъ. Движеніе общественной мысли во Франціи въ XVIII вѣкѣ. 1715—1789 гг. Переводъ съ французскаго. Спб. 1902. 570 стр. Цѣна 2 р. 60 коп.** Книга Рокэна имѣетъ внѣшность самостоятельнаго изслѣдованія, и предисловіе автора также можетъ внушить о ней это ложное представленіе. Ложное, потому что на самомъ дѣлѣ, за вычетомъ очень немногихъ страницъ, вся работа представляетъ собою суммарный пересказъ нѣкоторыхъ

(очень впрочемъ, многочисленныхъ) мѣстъ изъ Марэ, Сенъ-Симона, Барбье, Бюва, д'Аржансона и Башомона,—шести самыхъ плодовитыхъ и интересныхъ мемуаристовъ XVIII-го столѣтія. Немногія ссылки на другія давно извѣстныя и давно использованныя работы (Гримма, Вольтера, Гарди*) и др.) въ смыслѣ «новизны» также прямо примыкаютъ къ вышеназваннымъ шести источникамъ, такъ что зачѣмъ автору понадобилось на новизнѣ сообщаемыхъ фактовъ такъ настаивать въ предисловіи,—неизвѣстно. Такіе «новые» (съ ссылками рукописи), правда, тоже находятся въ его книгѣ, но просто смѣшно говорить объ ихъ важности или хотя бы значительности ихъ описанія: мы бы сказали, что для ихъ привлеченія къ дѣлу изслѣдованія не стоило труда подниматься во второй этажъ парижской національной библіотеки и тревожить рукописный ея отдѣлъ... Но все это еще было бы полъ бѣды, особенно для русскаго читателя научно-популярныхъ книгъ (для котораго; вѣроятна, и предназначенъ русскій переводъ Рокэна). Вся бѣда въ томъ, что вышеперечисленныхъ мемуаристовъ авторъ компилируетъ слишкомъ односторонне. Возьмемъ, напримѣръ, Матье Марэ, къ которому Рокэнъ обращается почти на каждой страницѣ первой части своего труда (а на многихъ страницахъ по два, три и болѣе разъ). Развѣ изъ Марэ возможно извлечь только факты, касающіеся ссоръ между правительствомъ и духовенствомъ, только придворныя мелочи? Рокэнъ, не говорящій ни о немъ и характерѣ его произведенія, ни объ остальныхъ своихъ руководителяхъ ни единаго слова, чрезвычайно хорошо сдѣлалъ бы, если бы оцѣнилъ по достоинству слова Лескюра, которому мы обязаны лучшимъ изданіемъ Марэ**): онъ говоритъ, что въ Марэ можно видѣть характерное для XVIII-го вѣка (т.-е. его начала) явленіе,—*зарождающееся общественное мнѣніе****). Это писатель разносторонній, и кому же его обстоятельно и использовать, какъ не автору, выбравшему разростороннюю и обширную тему? И однако цѣлый рядъ важныхъ фактовъ, приводимыхъ Марэ остался внѣ кругозора Рокэна. Напримѣръ, поминаетъ ли Рокэнъ хоть единымъ звукомъ приводимые Марэ факты и замѣчанія, касающіяся Ло и его банка (стр. 262—263 I-го тома указаннаго изданія Лескюра, стр. 356 и сл. того же тома), или государственныхъ долговъ (ibid. 440—441), или гибели Ло (II, стр. 5—30, passim)? Почему столь же гробовымъ молчаніемъ пройденъ характерный разсказъ объ испорченномъ хлѣбѣ въ Бордо и о ссорѣ по этому поводу интенданта съ парламентомъ, на почвѣ покровительства, оказываемаго со стороны интенданта недобросовѣстнымъ булочникамъ (I, 458)? Всѣ факты, касающіеся хоть отдаленно соціально-экономическаго состоянія Франціи, старательно обойдены Рокэномъ. Такъ же точно распорядился онъ и съ Барбье, и съ Сенъ-Симономъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ нашъ журналъ въ приложеніи далъ выдержки изъ обширныхъ (мы ссылаемся ниже на изданіе въ *21* томъ—Mémoires complets etc. du duc de Saint-Simon, Paris, 1830) и интересныхъ мемуаровъ герцога Сенъ-Симона. Эти записки относятся, главнымъ образомъ, къ Людовику XIV-му но послѣдними ихъ томами, гдѣ рѣчь идетъ уже о регентствѣ, Рокэнъ пользуется, и точь-въ-точь, какъ и по отношенію къ Марэ, онъ остается глухъ почти ко всему, что не касается спеціально церковной и парламентской фронды. 20-я глава XVIII-го тома (указ. изд.), гдѣ говорится о финансовомъ положеніи королевства послѣ бѣгства Ло, 11, 12 и 13-я главы XIX-го тома, гдѣ анализируется классовая структура Испаніи (ricos hombres и др. сословія) сравнительно съ французскими сословными дѣленіями,—словомъ,

*) Его рукописью много пользуется, между прочими, Aubertin, въ своемъ «Esprit public au XVIII siècle».

**) Journal et mémoires de Mathieu Marais avocat au parlemant de Paris sur la régence et le règne de Louis XV, publiés... par M. de Lescure. Paris, 1863—1869.

***) Ed. cit., t. I, стр. 81.

важнѣйшія страницы Сенъ-Симона, вовсе и не упоминаются Рокэномъ, будто ихъ и на свѣтѣ не существуетъ. То же повторяется и съ Бюва, и съ д'Аржансономъ. Изъ Бюва не приведенъ фактъ объ угрозѣ правительства регента сослать «aux deux extremités du royaume» двухъ лицъ, если они будутъ упорствовать» въ непринесеніи поздравленій архіепископу Бурнсскому по поводу производства въ слѣдующій чинъ («Journal de la régence», dar Jean Buvat, изд. Em. Campardon, Paris, 1865, т. II, стр. 9); не приведены и нѣкоторые другіе, характерные и *нужные* для темы Рокэна, факты *). О Башомонѣ, къ сожалѣнію, говорить въ точности затрудняемся по той истинно изумительной причинѣ, что его *не оказалось* въ спб. публичной библіотекѣ, а посему и свѣрить съ нимъ текстъ Рокэна мы не могли. (Не можемъ не вспомнить по этому поводу прекрасныхъ изданій Болотова и *всѣхъ* томовъ «Сборника Императорскаго русскаго историч. общества», находящихся въ парижской національной библіотекѣ; а Башомонъ для французскаго XVIII-го вѣка отнюдь не менѣе важенъ, чѣмъ Болотовъ и «Сборникъ» для русскаго).

Это самоограниченіе Рокэна въ пользованіи называемыми имъ, правда, немногочисленными, но обстоятельными авторами объясняется коренною чертою его книги, составляющей, вмѣстѣ съ тѣмъ, главный ея недостатокъ: авторъ долженъ былъ бы назвать свою книгу не такъ, какъ онъ ее назвалъ, ибо она представляетъ рядъ не всегда между собою связанныхъ очерковъ изъ исторіи ультрамонтанской, янсенистской свободомыслящей партіи, ихъ взаимныхъ отношеній и отношеній къ правительству. Ностоящаго, цѣльнаго и полнаго изображенія всего «Движенія общественной мысли» наканунѣ революціи мы здѣсь не видимъ вовсе. У Рокэна есть предшественники; укажемъ, напримѣръ, на Обертэна, который вовсе не устарѣлъ и, думаемъ, еще долго не устарѣетъ. Его увлекательно написанная книга («L'esprit public au XVIII-e siècle») **) не только даетъ въ каждой изъ своихъ четырехъ частей анализъ соотвѣтствующихъ источниковъ, но и пользуется онъ этими источниками такъ, что, дѣйствительно, получается довольно выпуклая картина наростанія революціонныхъ чувствъ во французскомъ обществѣ XVIII вѣка (хотя его работа далеко не такъ детальна, какъ книга Рокэна въ частяхъ, касающихся отношеній церкви къ государству) Есть и другая, несравненно болѣе талантливая работа, нежели трудъ Рокэна: это также старая, но замѣчательно интересная книга Chassin'a «Génie de la revolution», дающая въ еще большей степени, нежели Обертэнъ, понятіе о томъ, какъ и въ чемъ выражалась французская общественная оппозиція въ XVIII вѣкѣ (особенно въ концѣ его).

И, тѣмъ не менѣе, никакъ нельзя назвать книгу Рокэна совсѣмъ напрасно написанной: онъ подчеркнулъ одну сторону въ общественныхъ движеніяхъ XVIII-го столѣтія, которая обыкновенно совсѣмъ остается въ тѣни. Борьба «янсенистовъ» съ «іезуитами» (будемъ называть обѣ боровшіяся группы столь же обще, какъ они сами другъ друга называли) имѣла очень серьезное значеніе въ теченіе всей первой половины XVIII столѣтія: она взростила и сомкнула кадры тѣхъ принципіальныхъ противниковъ церкви и абсолютизма, которые выступили на сцену съ поколѣніемъ энциклопедистовъ. Въ этомъ—ея главное историческое значеніе, хотя, конечно, понятіе «янсенистъ» съ понятіемъ «свободомыслящій» вовсе не совпадаетъ ни въ какомъ отношеніи, кромѣ того, что за одно поколѣніе до энциклопедистовъ, янсенисты боролись съ тѣмъ же врагомъ, съ какимъ потомъ должны были считаться свободомыслящіе. Въ детальной разработкѣ этой стороны дѣла и лежитъ центръ тяжести всей книги, и назови авторъ свое произведеніе болѣе точнымъ и соотвѣтствующимъ образомъ,—ни-

*) Особенно во II томѣ.
**) Paris, 1873 (Aubertin).

чего нельзя было бы возразить. Вторая же часть работы совсѣмъ ужъ неоригинальна ни въ разработкѣ, ни въ построеніи. Но и тутъ попадаются любопытныя цитаты, мелкіе, но характерные, хотя и не новые, факты и анекдоты, приводятся всегда кстати и всегда удачно выдержки изъ корреспонденціи. Словомъ, кто прочтетъ книгу Рокэна до конца, тотъ не сможетъ сказать себѣ, что онъ совсѣмъ ужъ даромъ потерялъ время; но сдѣлать это,—прочесть ее,—не особенно легко, ибо изложеніе довольно монотонное. Рокэнъ не научитъ полному и всестороннему пониманію того, какъ начинались и крѣпли въ обществѣ революціонныя настроенія; но онъ напомнитъ то, что часто забывается и чего забывать не слѣдуетъ: что передъ нападеніемъ общаго врага, церковь и правительство во Франціи дѣйствовали очень часто съ прямою цѣлью другъ другу повредить и другъ друга компрометировать, и что дѣлали они такъ по мелкимъ, близорукимъ, минутнымъ и всегда строго эгоистическимъ соображеніямъ; Рокэнъ дастъ вмѣстѣ съ тѣмъ понятіе объ одной любопытной сторонѣ общественной жизни Франціи, о борьбѣ янсенистовъ съ церковью въ ту эпоху, которую, дѣйствительно, можно было бы опредѣлить словами Чернышевскаго: «Прологъ къ прологу», т.-е. въ эпоху, начавшуюся смертью Людовика XIV-го и окончившуюся выступленіемъ энциклопедистовъ. За эту первую часть работы и за указанныя мелкія, но весьма не лишнія черточки, попадающіяся во второй части, читатель долженъ простить автору и его односторонность, и, можетъ быть, даже его *570* страницъ. Когда Додэ показалъ Флоберу одинъ свой новый, только что отпечатанный романъ,—Флоберъ, взглянувъ на увѣсистый томъ, сокрушенно воскликнулъ: «Trop de papier, mon fils, trop de papier!» Безжалостнымъ отношеніемъ къ бумагѣ *) грѣшитъ и Рокэнъ, но все-таки совѣтуемъ нашему читателю не смущаться ни этимъ, ни другими отмѣченными недостатками; трудъ чтенія, повторяемъ, даромъ не пропадетъ.

Къ книгѣ приложенъ очень интересный, полезный и впервые являющійся въ полномъ видѣ списокъ книгъ, подвергнувшихся осужденію съ 1715 по 1789 годъ. Отъ одной особенности только въ этомъ спискѣ на насъ пахнуло стариной: противъ очень многихъ нумеровъ обозначено, что они сожжены (какъ тогда было принято,—рукою палача). Палачъ, такимъ образомъ, принужденъ былъ дѣлить свои силы между двумя вѣдомствами: юстиціи и цензуры. Впрочемъ, ему удавалось, повидимому, исполнять свои обязанности такъ старательно, что до потомства не дошло ни одного упрека по адресу палача, ни отъ котораго изъ его двухъ начальствъ.

Переводъ книги хорошъ; изданіе очень изящное. Замѣтимъ только переводчику, что, предназначая книгу для русскихъ читателей, онъ долженъ былъ бы потрудиться всюду, гдѣ Рокэнъ называетъ лишь автора въ своихъ ссылкахъ, прибавлять и полное библіографическое указаніе—полное названіе книги, годъ изданія, имя издателя и пр. Это не сдѣлано даже относительно Сенъ-Симона, Барбье и нѣкоторыхъ другихъ источниковъ, легшихъ, какъ сказано, въ основу изложенія Рокэна. Читатель, который прочтетъ Рокэна, очень можетъ поинтересоваться и другими подходящими работами и источниками, на которые онъ ссылается, и то, что понятно для французскаго образованнаго общества у, насъ можетъ затруднить неспеціалиста и заставить его наводить особыя справки. У насъ, напримѣръ ссылка «Соловьевъ, XIV, стр. 50» вполнѣ понятна въ историческомъ произведеніи, а для иностранца (опять-таки, не для спеціалиста) она покажется точно также съ перваго взгляда абракадаброй. Объ этихъ соображеніяхъ переводчикамъ слѣдовало бы почаще вспоминать. *Ев. Тарле.*

---

*) Принимая во вниманіе узость дѣйствительной постановки задачи въ его трудѣ; если бы тема *оправдывалась* содержаніемъ, 570 страницъ было бы вовсе не много.



**П. Н. Ардашевъ. Абсолютная монархія на Западѣ. Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и въ новое время. Изданіе акц. общ. «Брокгаузъ-Ефронъ» подъ редакціей Н. И. Карѣева и И. В. Лучицкаго. Цѣна 1 руб.** Въ политической исторіи Европы новаго времени вплоть до великой революціи абсолютная монархія представляетъ наиболѣе видное явленіе и реагируетъ рѣшительно на всѣ стороны общественной жизни. Хозяйство, право, соціальный укладъ, религія, литература—всѣ эти отношенія такъ или иначе отражали на себѣ вліяніе основныхъ принциповъ абсолютной монархія; абсолютная монархія выработала правила практической политики и догматы политической философія, которымъ приносила въ жертву всѣ другія соображенія и болѣе или менѣе успѣшно подчиняла всѣ чужіе интересы; государственная опека проникала въ мельчайшіе изгибы общественной и частной жизни.

Абсолютная монархія появилась въ Европѣ тогда, когда сословная перестала удовлетворять государственнымъ нуждамъ и всюду, кромѣ Англіи, приводила къ противорѣчію между идеей сословности и ея практическимъ осуществленіемъ: сословія враждовали между собою и вмѣсто того, чтобы сообща отстаивать свои прерогативы и сообща вести борьбу съ центральной властью, вступали съ нею въ союзъ, которому удавалось побѣждать оппозицію сословій по частямъ. Кромѣ того, сословное представительство оказалось не въ силахъ справляться съ усложнившимися вопросами государственной жизни; а такъ какъ подъ вліяніемъ частью идейныхъ, частью соціально-экономическихъ условій въ разныхъ частяхъ Европы создавались новыя формы монархической власти и подновлялись полузабытыя античныя традиціи принципата и абсолютной имперіи, то королевская власть на континентѣ, которая къ тому времени уже успѣла сокрушить феодальную оппозицію и чувствовала себя болѣе свободной, мало-по-малу отдѣлалась и отъ тѣхъ стѣсненій и ограниченій, которыя были связаны съ существованіемъ сословнаго представительства.

Ни одна страна въ Европѣ, не исключая и Англіи, не избѣгла болѣе или менѣе продолжительнаго господства абсолютной монархіи. Разница заключалась въ томъ, что въ нѣкоторыхъ странахъ она установилась раньше или держалась дольше, или была больше прикрыта призрачными конституціонными формами; самая его основа всюду была одинакова и съ характерными моментами абсолютизма знакома вся Западная Европа.

Авторъ книжки, заглавіе которой выписано выше, съ самаго начала ограничиваетъ свою задачу. Онъ отказывается излагать исторію абсолютной монархіи на Западѣ во всемъ ея объемѣ, и слѣдить только за тѣми ея формами, которыя господствовали въ XV—XVI вв. въ Италіи, въ XVI—XVII въ Испаніи и XVII—VIII во Франціи. Такой планъ обусловленъ не одними техническими, а и принципіальными соображенія. Г. Ардашевъ правильно замѣчаетъ въ предисловіи, что объ абсолютной монархіи въ германскихъ странахъ (онъ, повидимому, имѣетъ въ виду исключительно континентальныя государства, ибо правленіе Тюдоровъ и Стюартовъ въ Англіи сюда не относится) удобнѣе говорить въ связи съ «просвѣщеннымъ абсолютизмомъ» XVIII-го в.; къ этой же эпохѣ легко пріурочивается исторія испанской монархіи XVII го вѣка; что касается до французскаго абсолютизма послѣ Людовика XIV-го, то изъ его характеристики, какъ полагаетъ авторъ, удобнѣе всего сдѣлать введеніе къ исторіи великой революціи. Такимъ образомъ, читатель найдетъ въ книгѣ г. Ардашева характеристику только трехъ историческихъ типовъ абсолютизма: итальянскаго принципата, монархіи Габсбурговъ въ Испаніи и французской монархіи, до Людовика XIV-го включительно. Но выдѣленіе романскихъ странъ имѣетъ у г. Ардашева и другія причины, кромѣ чисто техническихъ. Въ предисловіи къ II-ой главѣ книги онъ объясняетъ это слѣдующимъ образомъ. Идейная

основа абсолютной монархіи новаго времени восходитъ къ римскимъ государственно-правовымъ традиціямъ. Въ новой исторіи принципъ абсолютизма находитъ практическое осуществленіе, прежде всего, въ романскихъ странахъ. Въ Италіи онъ зародился, въ Испаніи выросъ, во Франціи окончательно окрѣпъ. Только въ романскомъ мірѣ нашли себѣ воплощеніе оригинальные типы европейскаго абсолютизма, въ германскихъ же странахъ онъ былъ явленіемъ наноснымъ и до конца сохранилъ печать заимствованія и подражанія.

Исторія абсолютной монархіи въ очерченныхъ только что рамкахъ изложена у автора въ трехъ главахъ. Обширное введеніе посвящено вопросу о происхожденіи абсолютизма. Г. Ардашевъ выдвигаетъ двѣ основныхъ причины, которыя, по его мнѣнію, обусловливаютъ появленіе въ Европѣ абсолютной монархіи; одна изъ нихъ идейная; это—возрожденіе римской государственной идеи; другая—матеріальная: разложеніе феодализма и вышедшей изъ него сословной монархіи. Авторъ подробно останавливается на главнѣйшихъ явленіяхъ, сопровождающихъ появленіе и постепенное упроченіе абсолютизма въ Европѣ: экономическій переворотъ и связанный съ нимъ подъемъ городовъ и буржуазіи, усиленіе вліянія ученыхъ юристовъ (легисты, летрады). Процессъ возникновенія абсолютизма представленъ авторомъ, если не говорить о мелкихъ фактическихъ недочетахъ, хорошо и съ внѣшней стороны очень живо. Такъ же живо и хорошо написана вся книга. Г. Ардашевъ не только слѣдитъ за политическими фактами, опредѣляющими тотъ или иной моментъ въ исторіи европейскаго абсолютизма; онъ прослѣживаетъ вліяніе его на всѣ главныя сферы общественной жизни и особенно тщательно замѣчаетъ идейныя отраженія абсолютной формы монархіи въ ученіяхъ публицистовъ: говоря объ итальянскихъ князьяхъ, онъ останавливается на ученіи Маккіавелли, говоря о французской монархіи въ своихъ мѣстахъ говоритъ о Боденѣ и Боссюэтѣ и довольно подробно излагаетъ собственныя теріи Ришелье и Людовика XIV-го. Книга г. Ардашева оставляетъ цѣльное впечатлѣніе. Результаты, къ которымъ въ разныхъ странахъ приводили видоизмѣненные принципы римскихъ юристовъ, получились у него необыкновенно краснорѣчивые, хотя онъ всюду былъ вполнѣ безпристрастенъ и, повидимому, сознательно оставался всегда ниже дѣйствительныхъ фактовъ и прослѣживалъ эти результаты не во всѣхъ сферахъ общественной жизни. Къ книгѣ приложенъ обширный библіографическій указатель, который облегчитъ желающимъ самостоятельное изученіе въ высшей степени интереснаго и весьма поучительнаго вопроса объ абсолютизмѣ въ Европѣ. *А. Джавелеговъ.*

---

## *СОЦІОЛОГІЯ.*

*Б. Кроче.* «Историческій матеріализмъ».

**Бенедетто Кроче. Историческій матеріализмъ и марксистская экономія. Критическіе очерки. Переводъ П. Шутякова. Изданіе 1902 года.** Экономическая система Маркса, ея философскія и соціологическія основанія въ Западной Европѣ, да и у насъ въ Россіи, въ настоящее время, продолжаютъ подвергаться всесторонней критикѣ. Одну изъ такихъ попытокъ критическаго пониманія марксизма представляетъ недавно переведенная на русскій языкъ книга Бенедетто Кроче, состоящая изъ ряда очерковъ, затрогивающихъ разные вопросы и проблемы марксизма. Хотя эти очерки написаны авторомъ въ разное время, однако всѣ они объединяются тѣмъ единственно, по его мнѣнію, научнымъ пониманіемъ историческаго матеріализма, которое онъ называетъ реалистическимъ

и которое и служитъ внутреннимъ основаніемъ всѣхъ его частныхъ сужденій и взглядовъ на рѣшеніе тѣхъ или иныхъ вопросовъ Марксомъ и его школою.

Исходя изъ реалистическаго воззрѣнія на научное познаніе, изъ взгляда, что всякая наука абстрактна и потому не въ силахъ охватить конкретнаго; что между конкректнымъ, истинно-дѣйствительнымъ и абстрактнымъ нѣтъ моста, потому что абстрактное не есть дѣйствительное, а схема мышленія, такъ сказать, сокращенный способъ мышленія дѣйствительности, и что, слѣдовательно, изъ сѣтей абстракціи и гипотезъ сквозь широкія петли ихъ ускользаетъ конкретная дѣйствительность, тотъ міръ, въ которомъ мы живемъ и движемся,— Кроче въ частности по отношенію къ исторіи, представляющей собою самое дѣйствительность, неизбѣжно приходитъ къ выводу, что свести къ понятію ея теченіе, какъ это должна дѣлать философія исторіи или вообще научная теорія исторіи, немыслимо. Сводить теченіе исторіи къ понятію возможно только однимъ путемъ, разлагая историческую дѣйствительность на составные элементы, разлагать же ее на составные элементы, значитъ разрушать, уничтожать ее, какъ конкретное явленіе. Пониманіе исторіи не можетъ быть ни матеріалистическимъ, ни спиритуалистическимъ, ни дуалистическимъ, ни монистическимъ: здѣсь нѣтъ налицо элементовъ, и, вслѣдствіе этого, нельзя разсуждать философски, сводится ли одно явленіе къ другому и могутъ ли они объединяться въ конечномъ принципѣ. Словомъ, по мнѣнію автора, съ реалистической точки зрѣнія, никакая философія исторіи, никакая теорія исторіи невозможны, и, слѣдовательно, историческій матеріализмъ, какъ философія исторіи, немыслимъ, т.-е. онъ не можетъ быть научною теоріею исторіи. Онъ можетъ быть лишь новою точкою зрѣнія, выведенной изъ многочисленныхъ наблюденій и дающій намъ возможность оріентироваться въ конкретномъ хаосѣ явленій исторіи, недоступныхъ научному познанію, иными словами, онъ является лишь вспомогательнымъ средствомъ для исторіографіи, дополняя ея прежнюю вспомогательную теорію факторовъ новымъ взглядомъ — разсматриваніемъ ихъ, какъ звеньевъ единаго процесса, въ основѣ котораго лежатъ производственныя отношенія, т.-е. экономическія условія, которыя опредѣляютъ раздѣленіе классовъ, образованіе государства, право и идеологію. Такъ какъ этотъ новый взглядъ на исторію не есть строго-научное положеніе, а лишь приблизительное наблюденіе, то онъ и долженъ служить историку лишь въ качествѣ руководящей нити, долженъ имѣть значеніе лишь до извѣстныхъ границъ, допуская наряду съ экономическими условіями значеніе расы, темперамента, личности и дѣлъ тѣхъ великихъ людей, которые являются если не деміургами исторіи, то, по крайней мѣрѣ, ея сотрудниками. Однимъ словомъ, историческій матеріализмъ есть реалистическое пониманіе исторіи.

Таково пониманіе Б. Кроче историческаго матеріализма, какъ соціально-философскаго воззрѣнія. Оно настолько близко стоитъ къ обычному сознанію и даже къ современно-научному мышленію, что кажется гораздо правильнѣе и обоснованнѣе всѣхъ прежнихъ толкованій этого ученія. Однако, при болѣе глубокомъ изслѣдованіи не трудно показать, что дѣло здѣсь обстоитъ совершенно иначе.

Основной пунктъ, изъ котораго исходитъ Кроче, какъ мы уже видѣли, есть вопросъ о соотношеніи науки и дѣйствительности. По его мнѣнію, наука— абстрактна, она не въ силахъ понять вполнѣ конкретнаго, которое ускользаетъ изъ сѣтей абстракціи, поэтому дѣйствительносcь, какъ она дается непосредственному сознанію, гораздо богаче той дѣйствительности, которая получается въ результатѣ научнаго изслѣдованія. Однако, что такое дѣйствительность, противостоящая абстрактному научному познанію, и каково ихъ отношеніе между собою, таково ли оно, какъ представляетъ его себѣ Кроче? Дѣйствительность, говоритъ Кроче, есть то, что воспринимается, міръ воспріятій. Не «воспріятіе

безъ понятія слѣпо», сказалъ еще Кантъ, ибо опредѣленіе воспріятію даетъ понятіе: каждое опредѣленіе происходитъ только съ точки зрѣнія всеобщаго, каждый отвѣтъ на вопросъ, что̀ такое данное воспріятіе, возможенъ только въ общихъ выраженіяхъ, черезъ всеобщія опредѣленія качества, количества, черезъ всеобще-выраженныя отношенія къ другимъ уже познаннымъ воспріятіямъ. Слѣдовательно, и воспринимаемая дѣйствительность, которую Кроче противопоставляетъ тому, что является результатомъ научнаго познанія,—дѣйствительности, познанной въ понятіяхъ,—также не можетъ избѣжать сѣтей абстракціи: воспринимаемая дѣйствительность, разъ она воспринимается *опредѣленной*, уже неизбѣжно мыслится въ абстрактныхъ понятіяхъ, здѣсь мы необходимо имѣемъ дѣло тоже съ познаніемъ только болѣе низшаго рода, чѣмъ научное. Это было бы ясно и для самого Кроче, если бы онъ не упустилъ изъ виду, что дѣйствительность, поскольку она можетъ существовать для насъ, существуетъ только въ познаніи, другого же органа познанія, кромѣ познанія въ понятіяхъ, въ абстракціяхъ, выражаясь словами Кроче, нѣтъ, и поэтому, если мы отвлечемъ отъ явленія всѣ понятія, мы лишимъ его всякой опредѣленности и въ результатѣ получится нѣчто вполнѣ неопредѣленное, невыразимое. Конечно, можно называть эту воспринимаемую дѣйствительность истинною дѣйствительностью, но утверждать, что она реально богаче и конкретнѣе, понимая слово «конкретность» въ его истинномъ значеніи, какъ полноту опредѣленій, чѣмъ дѣйствительность, познанная въ понятіяхъ,—значитъ не ясно представлять себѣ процессъ познанія. Нельзя понимать научный процессъ познанія такимъ образомъ, будто путемъ абстракціи мы отвлекаемся отъ извѣстныхъ опредѣленностей явленія и сосредоточиваемъ вниманіе на другихъ, благодаря чему явленіе послѣ познанія становится бѣднѣе по содержанію; при такомъ пониманіи упускаютъ изъ виду, что то, отъ чего отвлекаются при познаніи есть лишь субъективность явленія, его измѣнчивость, неустойчивость, а не его объективное опредѣленіе, которое, напротивъ, всегда есть результатъ научнаго познанія и, слѣдовательно, безъ абстракціи невозможно. Поэтому, чѣмъ дальше проводится абстракція, тѣмъ все полнѣе и полнѣе опредѣляется явленіе; вполнѣ же полное опредѣленіе явленіе получитъ тогда, когда оно будетъ познано, какъ случай закона. Такимъ образомъ, соотношеніе научнаго познанія и дѣйствительности совсѣмъ не таково, каковымъ представляетъ его Кроче,—оно скорѣе обратное: воспринимаемая дѣйствительность, какъ не подвергшаяся полной научной обработкѣ, а потому менѣе опредѣленная, чѣмъ дѣйствительность, познанная въ понятіяхъ, является болѣе бѣдной и менѣе конкретной, чѣмъ послѣдняя.

Въ частности обращаясь къ исторіи, мы находимъ въ ней то же уже установленное нами вообще, отношеніе между научнымъ познаніемъ и дѣйствительностью. Здѣсь также историческая дѣйствительность, противоставляемая Кроче научному познанію, не есть «конкретное» въ истинномъ смыслѣ этого слова, конкретное, которое, по мнѣнію Кроче, наука, не будучи въ силахъ охватить въ понятіяхъ, при познаніи искажаетъ; она есть также абстрактно-познанная дѣйствительность, при этомъ познанная не научнымъ способомъ. Поэтому приписываемая исторической дѣйствительности Кроче «конкретность», т.-е. ея разнообразіе и измѣнчивость, отнюдь не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ невозможности ея научнаго познанія, скорѣе она служитъ лишь признакомъ того, что историческое познаніе стоитъ на очень низкой ступени развитія. Разъ возможно «воспринимать» историческую дѣйствительность, описывать ее вѣдь это тоже извѣстнаго рода абстрактное ея пониманіе,—почему невозможна научная теорія исторіи? Напротивъ, даже само описаніе историческихъ явленій, исторіографія, неизбѣжно предполагаетъ и пользуется теоріей исторіи, безъ которой оно даже само немыслимо, ибо описаніе исторіи должно давать связь фактовъ, извѣстнымъ образомъ группировать, обобщать ихъ, а это

уже предполагаетъ установленіе общей формальной закономѣрности исторической жизни. Установленіе послѣдней и есть задача теоріи или философіи исторіи, потому что связь явленій, ихъ закономѣрность не воспринимается въ явленіяхъ, а привносится разсудкомъ, благодаря чему исторіографія не въ силахъ установить ее. Такимъ образомъ утвержденіе Кроче, что философія исторіи невозможна, не только необосновано, но и неправильно, поэтому необоснованнымъ также является и его утвержденіе, что историческій матеріализмъ не есть научная теорія исторіи такъ какъ историческій матеріализмъ пытается установить закономѣрность соціальной жизни, ту точку зрѣнія, съ которойдолжно происходить пониманія, а также и описаніе исторіи, то онъ правимо претендуетъ и можетъ быть только философіею исторіи. Считать его просто новымъ взглядомъ на исторію, имѣющимъ гипотетическое значеніе и выведеннымъ изъ эмпирическихъ наблюденій, значитъ лишать его всякаго научнаго значенія, ибо «въ сужденіяхъ чистаго разума (къ таковымъ принадлежатъ сужденія устанавливающія возможность научнаго опыта), гдѣ все необходимо, мнѣнія и гипотезы недозволительны» *).

Оставляя открытымъ вопросъ о томъ, насколько удачно справляется историческій матеріализмъ со своею задачею, насколько онъ отвѣчаетъ требованіямъ истинной научной теоріи исторіи, во всякомъ случаѣ мы должны признать то пониманіе, которое Кроче вноситъ въ историческій матеріализмъ, и его критику этого ученія построенными на шаткомъ основаніи; его критика, опирающаяся на наивно-реалистическое воззрѣніе, оказывается догматической, некритической.

Безъ сомнѣнія тотъ же некритическій догматизмъ, то же наивно-реалистическое воззрѣніе, которое лежитъ въ основаніи его соціально-философскаго пониманія историческаго матеріализма, отразились на всѣхъ его частныхъ сужденіяхъ относительно тѣхъ или другихъ вопросовъ марксизма. Идетъ ли вопросъ объ отношеніи научнаго познанія къ соціальнымъ программамъ или къ этикѣ, вездѣ научное познаніе противоставляется конкретной дѣйствительности, вездѣ провозглашается безсиліе перваго отвѣтить не вопросы конкретной жизни идетъ ли вопросъ о теоріи цѣнности, тотъ же самый разладъ науки и конкретной дѣйствительности даетъ Кроче кажущуюся возможность согласить между собой двѣ непримиримыя теоріи цѣнности—Мркса и гедонистовъ на томъ основаніи, что первая не научна, близка къ конкретному, а вторая научно-абстрактная и, слѣдовательно, между ними не можетъ быть никакого соотношенія и никакой противоположности. *N. N.*

---

## ПСИХОЛОГІЯ.

*В. Б. Друммондъ.* «Дитя, его природа и воспитаніе».

**В. Б. Друммондъ. Дитя, его природа и воспитаніе. Переводъ съ англійскаго А. Г. Каррикъ и С. Л. Федоровичъ. С.-Петербургъ. Издательское т-во «XX-ый вѣкъ». 1902 г. Ц. 1 р. Стр. 252.** Книга эта предназначена авторомъ для интеллигентныхъ матерей и воспитательницъ, но она касается не только вопросовъ дошкольнаго, но и школьнаго воспитанія и образованія и прочесть ее было бы не безполезно многимъ нашимъ педагогамъ: можетъ быть, ихъ «сердечное попеченіе» о дѣтяхъ и юношахъ получило бы бо̀льшую законченность и опредѣленность, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ вызвалъ бы подражаніе, напримѣръ, слѣдующій фактъ, разсказанный авторомъ. Въ одной американской

*) Кантъ, Критикъ чистаго разума.



школѣ производились изслѣдованія, какіе предметы нравятся ученикамъ, какіе нѣтъ. 79% учениковъ одного класса объявили, что не любятъ геометріи. Тогда учитель перемѣнилъ систему преподаванія и обратилъ особенное вниманіе на то, чтобы двигаться впередъ лишь тогда, когда всѣ ученики овладѣвали пройденнымъ. «Три мѣсяца спустя онъ повторилъ опросъ, и на этотъ разъ 75% учениковъ его класса объявили, что они особенно любятъ геометрію». Счастливыя американскія дѣти и счастливые учителя, такъ искренно сознающіе свои ошибки и такъ мужественно ихъ исправляющіе. Не безполезно въ наше смутное въ области образованія и воспитанія время повторять старыя истины, повторять такъ просто и ясно, какъ это дѣлаетъ авторъ. Песталоцци дѣйствовалъ 100 лѣтъ тому назадъ, но многимъ ли и теперь ясно, что «прежде всего должно имѣть въ виду не преподаваемую науку, а субъектъ, которому она преподается», что «всѣ нормальные импульсы, наклонности, интересы дѣтей служатъ указаніями на какую-нибудь неудовлетворенную потребность и заставляютъ предполагать присутствіе дѣятельной силы», «что задача воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы направить эту силу къ желаемой цѣли, показавъ ребенку, какимъ способомъ онъ можетъ удовлетворить своимъ импульсамъ». Авторъ подробно выясняетъ значеніе для подрастающаго поколѣнія свѣжаго воздуха и физическихъ упражненій, указываетъ на необходимость достаточнаго отдыха, на опасность переутомленія; при этомъ онъ совершенно правильно подчеркиваетъ, что «переутомленіе происходитъ не столько отъ излишка работы, сколько отъ того, что она исполняется несвоевременно и какъ попало». Все это, конечно, мы прекрасно знаемъ, но такое знаніе не мѣшаетъ намъ морить нашихъ дѣтей непосильной 10-часовой работой, заставляя ихъ до одури зубрить латинскія и греческія «исключенія», не мѣшаетъ, вмѣсто ежедневныхъ игръ на свѣжемъ воздухѣ и раціональныхъ физическихъ упражненій, прописывать имъ военные артикулы въ душныхъ и пыльныхъ «гимнастическихъ залахъ», не мѣшаетъ нашимъ «интеллигентнымъ матерямъ» отдавать своихъ дѣтей въ классическія гимназіи. Надо всюду доказывать, убѣждать, кричать, если это возможно, о томъ, что дѣти наши должны быть здоровы и самодѣятельны; это ихъ право и нашъ долгъ. И съ этой точки зрѣнія книгу Друммонда нельзя не рекомендовать всѣмъ, у кого «теоретическое знаніе» этихъ истинъ не превратилось еще въ практическую вѣру. Авторъ разбираетъ всевозможные вопросы, касающіеся воспитанія ребенка, подробно останавливается на уходѣ за ребенкомъ, на развитіи его мышцъ, чувствъ, эмоцій, разума, воли, на созданіи и значеніи привычекъ и т. п. Совершенно правильно подчеркиваетъ Друммондъ важность первыхъ мѣсяцевъ жизни ребенка, что въ нашемъ обычномъ воспитаніи упускается даже и интеллигентными родителями. «Индивидуальная память каждаго изъ насъ, говоритъ онъ, между прочимъ, начинается не съ того инцидента, который мы можемъ припомнить, но съ первыхъ опытовъ младенчества. Многія явленія, представляющіяся намъ въ послѣдующіе годы жизни чѣмъ-то въ родѣ смутныхъ умозрѣній (?), многія симпатіи и антипатіи, многія черты эмоціональнаго характера, по всей вѣроятности, стоятъ въ тѣсной связи съ впечатлѣніями, испытанными нами при такихъ инцидентахъ (?), которые мы не въ состояніи припомнить» (стр. 161). Кромѣ основной своей темы—воспитанія ребенка, авторъ дѣлаетъ экскурсы и въ другія области, напримѣръ, въ область общественной санитаріи. Здѣсь онъ придерживается также гуманныхъ взглядовъ и борется, между прочимъ, съ тѣми, кто утверждаетъ, что общія улучшенія условій жизни, облегчая борьбу за существованіе, «подготовляетъ обществу только лишнее бремя въ будущемъ, давая возможность выживать слабымъ». Авторъ совершенно резонно замѣчаетъ, что «не стали же англичане слабѣе, какъ нація, отъ фактическаго (?) изгнанія изъ этой страны эпидеміи оспы или холеры путемъ не естественнаго отбора, а искусственной за-

щиты». Смертность дѣтей — самый вѣрный показатель санитарныхъ условій страны. Высокая цифра этой смертности показываютъ, «что и выживающія дѣти растутъ въ условіяхъ невозможныхъ для здоровой человѣческой жизни. Естественный отборъ, несомнѣнно, выталкиваетъ неприспособленныхъ, но въ то же время создаетъ расу, которая, быть можетъ, будетъ приспособлена къ жизни въ трущобахъ и ни къ чему лучшему».

Нѣсколько слабѣе экскурсіи автора въ область чистаго естествознанія. Напримѣръ, на стр. 11-ой и 12-ой, онъ приписываетъ ученымъ мнѣніе, что ребенокъ «заимствуетъ четвертую часть у каждаго изъ своихъ родителей и одну шестнадцатую у каждаго изъ своихъ дѣдовъ и бабокъ», а на стр. 104-й утверждаетъ, «что изъ всѣхъ внѣшнихъ стимуловъ, доходящихъ до мозга, $^{9}/_{10}$ приносятся органомъ зрѣнія». Слишкомъ ужъ простая и категорическая ариѳметика! Такого же рода категоричность проявляетъ авторъ и въ нѣкоторыхъ своихъ гигіеническихъ указаніяхъ. Таково, напримѣръ, рѣзкое осужденіе (хотя и со словъ «весьма авторитетнаго въ медицинѣ лица») искусственнаго вскармливанія дѣтей; въ результатѣ такого вскармливанія—и «умственныя уклоненія», и «нравственная извращенность» и «какая-то неустойчивость во всемъ». Опять-таки ужъ слишкомъ сильно. Мы знаемъ многихъ дѣтей, вскормленныхъ искусственно и въ то же время время вполнѣ здоровыхъ и нравственно, и физически.

Но повторяемъ, ни элементарность большинства проповѣдуемыхъ авторомъ истинъ, ни нѣкоторая излишняя категоричность его не мѣшаетъ пожелать разбираемой нами книгѣ самаго широкаго распространенія.

Переводъ, въ общемъ, удовлетворителенъ, только нѣкоторые термины переведены не совсѣмъ удачно. Отмѣтимъ также, что англійское слово «бэби» вмѣсто русскаго дитя, ребенокъ производитъ нѣсколько комическое впечатлѣніе.

*В. Агафоновъ.*

---

## ГЕОГРАФІЯ И ЭТНОГРАФІЯ.

*Ал. Харузинъ.* «Боснія-Герцеговина».—*М. Лялина.* «Путешествіе братьевъ Грумъ-Гржимайло по Западному Китаю».—*В. Львовъ.* «Первое знакомство съ географіей Россіи».—*К. Богдановичъ.* «Очерки Чукотскаго полуострова».

**Ал. Харузинъ. Боснія - Герцеговина. Очерки оккупаціонной провинціи Австро - Венгріи (съ картою). Спб. 1901 г. Ц. 2 р. (III + 305 стр. 8°).** Самъ авторъ охарактеризировалъ содержаніе своей книги словомъ «очерки», и, повидимому, трудно было бы найти болѣе подходящую характеристику, потому что это слово достаточно неопредѣленно, чтобы включать въ себѣ самое разнообразное содержаніе: географическое, этнографическое, археологическое, историческое и т. д. Нельзя сказать, чтобы изложеніе было систематическое, и потому авторъ нерѣдко повторяется. Мы постараемся, однако, познакомить читателя какъ съ планомъ, такъ и съ содержаніемъ книги. Первыя шесть главъ, повидимому, представляютъ описаніе тѣхъ мѣстностей, которыя посѣтилъ самъ авторъ. Я говорю «повидимому», такъ какъ авторъ самъ объ этомъ не говоритъ ни слова. Во всякомъ случаѣ, это мнѣ кажется вѣроятнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ. Въ началѣ I-ой главы г. Харузинъ говоритъ: «Желающему посѣтить Босну-Герцеговину и не имѣющему въ своемъ распоряженіи много времени не слѣдуетъ придерживаться того маршрута, который кажется наиболѣе простымъ и который рекомендуется всѣми... Очень простой, не длинный и богато вознаграждающій путешественника маршрутъ слѣдующій: изъ Буда-Пешта (или Вѣны) на Загребъ (Аграмъ), оттуда по желѣзной дорогѣ въ Ба-

нялуну (въ Босніи)...» И далѣе описаніе идетъ какъ разъ по тому маршруту, который рекомендуетъ авторъ. Намъ кажется, что наше предположеніе прекрасно объясняетъ, почему авторъ не описываетъ мѣстностей, лежащихъ по первому, «наиболѣе простому», маршруту: вѣроятно онъ тамъ не былъ.

Описаніе совершеннаго авторомъ путешествія носитъ характеръ подробнаго путеводителя съ указаніемъ достопримѣчательностей, съ нѣкоторыми практическими совѣтами, съ историческими и другими справками. Авторъ останавливается въ нѣкоторыхъ пунктахъ и изъ нихъ совершаетъ экскурсіи по окрестностямъ ихъ, которыя и описываетъ. Здѣсь дѣло идетъ по большей части о молчаливыхъ свидѣтеляхъ старины: мостахъ, дорогахъ, мечетяхъ, храмахъ, ратушахъ или о томъ, что̀ такъ или иначе касается путешественника; напр., о гостинницахъ, музеяхъ, табакѣ, пивѣ, кофе, «сливовицѣ» (боснійской водкѣ) и т. п. Какъ видитъ читатель, описаніе всюду какое-то молчаливое, какъ будто авторъ только смотрѣлъ да читалъ и ни съ кѣмъ не говорилъ. О томъ, что авторъ много читалъ, свидѣтельствуютъ, по крайней мѣрѣ, обширные перечни «литературныхъ источниковъ», приложенные къ концу первой главы.

Начиная съ VII-ой главы характеръ книги значительно мѣняется: каждая глава разсматриваетъ систематически какой-либо отдѣльный вопросъ; такъ, VII-ая глава касается археологіи Босніи («Доисторическій и римскій элементы въ Босніи и Герцеговинѣ»); VIII-ая глава представляетъ «очеркъ политической исторіи Босны-Герцеговины»; IX ая глава озаглавлена «Къ вопросу о средневѣковой культурѣ въ Босніи и Герцеговинѣ»; X-ая—«Аристократизмъ»; XI-ая—«Землевладѣніе и благосостояніе страны»; XII-ая—«Религіи и Церкви»; XIII ая—«Народное образованіе». Каждый изъ обозначенныхъ здѣсь вопросовъ разбирается исторически, конечно, въ самыхъ краткихъ чертахъ. Къ сожалѣнію, и это систематическое обозрѣніе Босніи и Герцеговины оказывается также очень бѣглымъ и оставляетъ много вопросовъ безъ отвѣта. Передавать содержаніе этихъ главъ мы не станемъ, а остановимся только на характеристикѣ взглядовъ автора, которые высказываются по всевозможнымъ поводамъ почти на каждой страницѣ.

Авторъ прекрасно знаетъ, что въ исторической оцѣнкѣ важнѣе всего безпристрастіе, и, поэтому, нерѣдко дѣлаетъ упрекъ многимъ изслѣдователямъ за то, что они преслѣдуютъ «политическія цѣли» (напр., стр. 139) и потому затрудняютъ «строго безпристрастное рѣшеніе» вопроса. Жаль только, что самого г. Харузина вовсе нельзя назвать безпристрастнымъ. Требованія безпристрастія выставляются имъ только по отношенію къ противникамъ, а мнѣнія единомышленниковъ, даже самыя пристрастрастныя, обыкновенно принимаются безъ всякой критики. Конечно, въ данномъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, часть вины лежитъ не на авторѣ, а на тѣхъ, чье пристрастіе авторъ только отражаетъ; тѣмъ не менѣе нельзя не пожалѣть объ этомъ, такъ какъ, на нашъ взглядъ, въ вопросѣ о Босніи и Герцеговинѣ даже одно *дѣйствительно* безпристрастное отношеніе было бы весьма драгоцѣнно для читателя, слышащаго обыкновенно только самые рѣзкіе отзвуки партійной борьбы. Г. Харузинъ, очевидно, славянофилъ, и всѣ его воззрѣнія окрашены рѣзко славянофильскимъ цвѣтомъ; но здѣсь, конечно, нужно оговориться относительно значенія этого термина: г. Харузинъ симпатизируетъ славянамъ, но не всѣмъ, а только православнымъ. Насколько сильна его симпатія къ православнымъ славянамъ, настолько же рѣшительна его антипатія къ славянамъ-католикамъ. Этимъ вполнѣ опредѣляется отношеніе автора ко всѣмъ вопросамъ, и я постараюсь рельефнѣе охарактеризовать этотъ видъ пристрастія, отмѣчая при этомъ самыя рѣзкія противорѣчія его.

Очень рѣзко сказывается различіе въ отношеніи автора къ сербамъ и хорватамъ. Эти двѣ народности говорятъ почти однимъ и тѣмъ же языкомъ, но сербы—православные, а хорваты—католики, и этого достаточно: всѣ симпатіи

автора, конечно, на сторонѣ сербовъ, а хорваты представляются какими-то злокозненными людьми, только и думающими о томъ, чтобы охорватить босняковъ (см. стр. 34 и сл.). Сербы по представленію автора олицетворяютъ православіе. «Правительство Австро-Венгріи зарекомендовало себя заядлымъ врагомъ всего сербства или, на что сводится вся суть дѣла, православія», говоритъ г. Харузинъ на стр. 36. И всюду, гдѣ рѣчь заходитъ о хорватахъ, дѣло представляется не въ ихъ пользу. Такъ, напримѣръ, на стр. 148 говорится о томъ времени, когда «хозяевами Босніи являются представители хорватской фамиліи Субичъ». «Присвоеніе ими власти,—продолжаетъ авторъ,—было самовольное... Значеніе Субича было громадно, оно основалось (sic) менѣе на владѣніи областями, предоставленными ему верховною властью венгерскаго короля, чѣмъ на его фактическомъ могуществѣ». Если мы правильно понимаемъ автора, онъ хочетъ сказать, что могущество Субича основывалось на матеріальной силѣ; но вѣдь такъ, бываетъ всегда, и подчеркиваніе этого обстоятельства только показываетъ, что авторъ несправедливъ ко всему хорватскому. До какихъ крайностей доходитъ эта несправедливость къ католичеству, видно особенно изъ того, что, по мнѣнію г. Харузина, «наиболѣе подходящимъ для распространенія ислама контингентомъ являлись во всѣ времена католики. Они отчуждались отъ идеи сербской народности и не имѣли, *слѣдовательно*, тѣхъ глубокихъ основаній стоять за свою религію, какъ православные» (249). Мы нарочно подчеркнули въ этой фразѣ слово «слѣдовательно». Автору кажется, что онъ аргументируетъ, доказываетъ, между тѣмъ, вся сила доказательства заключается только въ положеніи, что католичество—вѣра не настоящая. Несмотря на всю трогательную наивность этого убѣжденія, мы не можемъ не выразить сомнѣнія, дѣйствительно ли *въ жизни* Босніи и Герцеговины вѣроисповѣдный вопросъ играетъ такую первенствующую роль, какую *въ теоріи* придаетъ ему нашъ авторъ? Что въ этомъ можно сомнѣваться, видно даже изъ указаній самого г. Харузина. На стр. 67 онъ говоритъ: «Древницы отличаются еще тѣмъ, что католики и мусульмане живутъ не только мирно между собою, но даже дружно». Авторъ не можетъ надивиться этому необыкновенному явленію, между тѣмъ, на нашъ взглядъ, такіе факты должны бы были заставить автора призадуматься надъ правильностью своей теоріи. Очевидно, въ жизни Босніи вѣроисповѣдные вопросы вовсе не стоятъ такъ рѣзко, какъ это представляется славянофиламъ.

Не хорошо въ Босніи не только все католическое, но и все, что дѣлаетъ католическое правительство. Авторъ не можетъ не признать, что правительство австро-венгерское сдѣлало въ Босніи много хорошаго, но ему кажется, что и это хорошее сдѣлано не хорошо, съ дурными цѣлями, на показъ и т. д. Въ этомъ опять авторъ явно несправедливъ. Я приведу только одинъ примѣръ: «Въ дѣятельности мѣстныхъ властей,—говоритъ г. Харузинъ,—надо съ похвалою указать на организованное сельскохозяйственное обученіе... Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не отмѣтить учрежденій чисто показного характера: образцовыхъ виноградниковъ, фруктовыхъ садовъ, опытныхъ станцій и т. п.» (217). Прямо недоумѣваешь, что можно найти показного въ такихъ «образцовыхъ» учрежденіяхъ, которыя для того и создаются, чтобы учить примѣромъ, а вѣдь этого безъ «показа» сдѣлать нельзя. Авторъ, повидимому, хочетъ сдѣлать упрекъ этимъ учрежденіямъ въ томъ, что они идутъ впереди потребностей населенія; но намъ кажется, что такъ и быть должно: вѣдь хуже же было бы, если бы эти учрежденія отставали отъ потребностей жизни.

Насколько неудачны оказываются иногда восторги автора по поводу успѣховъ въ Босніи христіанства вообще и православія въ частности, этому я приведу одинъ примѣръ. На стр. 74 г. Харузинъ такъ повѣствуетъ о борьбѣ христіанства съ мусульманствомъ: «Въ городахъ было ближе до властей, кото-

рыя при постоянномъ сожитіи иногда поддавались вліянію, *а главное подкупу*. Наконецъ, оперившіеся горожане христіанскаго вѣроисповѣданія получали *при помощи денегъ же*, ходъ до сильныхъ людей, не исключая и тѣхъ, которые жили въ Стамбулѣ. Эти обстоятельства, при содѣйствіи наиболѣе заинтересованныхъ европейскихъ державъ (Россіи и Австро-Венгріи), облегчали христіанскому населенію достиженіе своихъ цѣлей. Борьба эта шла медленно и скрытно, но вмѣстѣ съ тѣмъ со стороны христіанъ необыкновенно твердо и приводила ихъ постепенно къ ряду побѣдъ...» И это повѣствованіе совершенно неожиданно заключается восторгами по поводу «побѣды христіанъ надъ магометанами, побѣды, достигнутой не насиліемъ, не разрушеніемъ, а *мирнымъ путемъ*, благодаря *твердости* и *глубокой вѣрѣ въ свою правоту* представителей христіанскихъ вѣроисповѣданій». Авторъ уже забылъ о томъ, что самъ онъ нѣсколькими строками раньше писалъ о «главномъ» вліяніи «подкупа» въ этомъ дѣлѣ. Если припомнить это, то нѣсколько странны должны показаться восторги автора по поводу «твердости» христіанъ въ подкупѣ и побѣды, достигнутой «мирнымъ путемъ».

Останавливаться долѣе на характеристикѣ воззрѣній автора мы не будемъ. Его тенденціозность въ значительной мѣрѣ портитъ его трудъ. Въ заключеніе не можемъ, однако, не указать на нѣкоторыя погрѣшности въ русскомъ языкѣ, которыя встрѣчаются нерѣдко, и, что всего удивительнѣе, даже прямо германизмы, которыхъ никакъ нельзя было ожидать отъ русскаго славянофила; напр., «мысль эта лежитъ близко» (9, 94)—это чистѣйшій германизмъ, понятный только знающему нѣмецкій языкъ. Другія погрѣшности я просто отмѣчу: «сліяніе, *такъ сказать*, среди города, двухъ рѣкъ» (5), «природа, *такъ сказать*, не осквернена» (14), «босняками самими, *такъ сказать*, домашнимъ способомъ, изготовляется... сливовица» (15), «по причинѣ разныхъ вѣроисповѣданій» (16), литературные источники «*несутъ* общій характеръ» (21). «Тогда она обратилась къ содѣйствію Гассанъ-бега Ресульбеговича, *назначенному* Али-пашею каймакамомъ въ Мостарѣ» (75), «землеобрабатывающій классъ» (194), «воевать... боснійское дворянство было привычно» (196) и т. д.

Самое цѣнное въ книгѣ — это обильныя литературныя указанія въ концѣ отдѣльныхъ главъ. Съ внѣшней стороны книга издана очень опрятно и снабжена хорошею картою. *Д. К.*

**Путешествіе братьевъ Грумъ-Гржимайло по Западному Китаю. Обработано М. А. Ляляной. Съ рисунками, 2-мя портретами и картой. Петербургъ. Изд. Девріена.** Въ этой книгѣ описано послѣднее путешествіе нашего извѣстнаго энтомолога и путешественника Гр. Еф. Грумъ-Гржимайло, совершенное имъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ по Восточному Тянь-Шаню и сѣверо-восточнымъ склонамъ Тибета. Братья покинули Петербургъ въ февралѣ 1889 г. и вернулись обратно въ январѣ 1891 г. Персоналъ экспедиціи состоялъ всего изъ 11 человѣкъ, обошлась она всего 10.000 рублей, и, несмотря на это, результаты ея были блестящи. Главное географическое значеніе этого путешествія заключалось въ открытіи котловины, лежащей ниже уровня моря (Лукгунская впадина) и въ описаніи части Гоби, лежащей между Тянь-Шанемъ и Нань-Шанемъ. Кромѣ того, были произведены обширныя метеорологическія наблюденія, опредѣлены астрономическіе пункты и абсолютныя высоты мѣстностей и собраны богатыя коллекціи геологическія, ботаническія и зоологическія, заключающія много неизвѣстныхъ видовъ; между прочимъ, были добыты 4 хорошихъ экземпляра дикой лошади (Equus Przewalskii). Общая длина маршрутной съемки этого путешествія равнялась почти 8.000 верстъ. Въ настоящее время Гр. Еф. Грумъ-Гржимайло выпущены уже I-й и II-й томы «Описанія путешествія въ Западный Китай». III-й томъ, въ который должно войти описаніе обратнаго пути и нѣкоторыя научныя изслѣдованія, еще не

вышелъ въ свѣтъ. Г-жа Лялина добросовѣстно выполнила взятую на себя задачу: факты переданы вѣрно, наиболѣе существенное отмѣчено съ большей подробностью, одного она не въ силахъ была достигнуть—это яркости и занимательности изложенія, оно тускло и конспективно. Лучшія мѣста принадлежатъ перу самого путешественника, къ счастью для читателя, такихъ мѣстъ очень много. Но, съ другой стороны, эти выписки, оживляя изложеніе, нарушаютъ единство и придаютъ книгѣ нѣсколько пестрый характеръ. Во всякомъ случаѣ, передѣлка г. Лялиной не для юношей: у нихъ не хватитъ терпѣнія одолѣть этотъ томикъ, хотя въ немъ и менѣе 300 страницъ. Издана книга прекрасно. *В. Аг.*

**В. Львовъ. Первое знакомство съ географіей Россіи. Для воскресныхъ и народныхъ школъ. Съ рисунками и картами. Цѣна 1 руб.** Эта книга вполнѣ отвѣчаетъ своему назначенію—служить пособіемъ къ первоначальному ознакомленію съ географіей Россіи. Къ ея недостаткамъ слѣдуетъ, прежде всего отнести невыдержанность ея на уровнѣ дѣтскаго пониманія, а засимъ и встрѣчающіяся въ ней противорѣчія и ошибки; такъ, напримѣръ, на стр. 27 поясняется, что «степью» называется «большой лугъ, покрытый травой» (точно можетъ быть лугъ, не покрытый травой), что, конечно, невѣрно, а на стр. 39 —«сухая равнина, поросшая травой», что точнѣе; далѣе, на стр. 57, перечисляя главнѣйшія древесныя породы, составляющія лѣса Архангельской и Вологодской губерній, В. Львовъ называетъ дубъ и кедръ, на стр. же 168 дубъ имъ уже выкидывается (что и правильно), а кедръ причисляется къ числу рѣже попадающихся породъ; впрочемъ, въ Среднемъ Уралѣ, кедръ, по мнѣнію В. Львова, вновь занимаетъ выдающееся мѣсто и вмѣстѣ съ лиственницей и елью слагаетъ главную массу лѣсовъ, тогда какъ въ дѣйствительности кедръ если въ настоящее время и попадается въ Среднемъ Уралѣ, то крайне рѣдко. Въ смущеніе можетъ привести ученика и сообщеніе, что ледники спускаются *со всѣхъ* снѣговыхъ вершинъ и что моренами называются каменныя глыбы, отламываемыя ледникомъ отъ скалъ при поступательномъ движеніи книзу. Въ отдѣлѣ, составляющемъ хрестоматію, тяжелы для пониманія ребенка двѣ статьи, составленныя самимъ авторомъ, а именно: «Въ нефтяномъ царствѣ» и «Въ соляной шахтѣ». Кстати, въ книгѣ, предназначенной для школы, едва ли можно ограничиться поясненіемъ, что «нефть» есть «минеральное масло», «коксъ» оставить безъ всякаго объясненія и т. д. Надо надѣяться, что всѣ эти и другіе недочеты будутъ исправлены В. Львовымъ въ послѣдующемъ изданіи «Перваго знакомства съ географіей Россіи», появленію коего мы будемъ очень рады, такъ какъ оно послужитъ доказательствомъ, что книга В. Львова имѣла успѣхъ. Что касается рисунковъ, то нѣкоторые изъ нихъ должны быть замѣнены другими, болѣе художественно и вѣрнѣе исполненными; таковы, напримѣръ, «Ненасытецкій порогъ на Днѣпрѣ», «Семья самоѣдовъ», «Тундра» и др. *Г. Е. Грумъ-Гржимайло.*

**К. И. Богдановичъ. Очерки Чукотскаго полуострова (съ картой, 2 планами, 20 табл. автотипій и рисунками въ текстѣ). С.Петербургъ 1901 г.** Хотя книга К. И. Богдановича вышла и въ прошломъ году, но мнѣ довелось познакомиться съ нею только недавно, чѣмъ и объясняется нѣсколько запоздалое появленіе настоящей замѣтки.

Имя автора «Очерковъ Чукотскаго полуострова», стяжавшаго себѣ извѣстность превосходными геологическими изслѣдованіями въ Средней и Восточной Азіи, служитъ уже достаточной гарантіей въ томъ, что содержаніе этой книги представляетъ значительный научный интересъ. Дѣйствительно, читатель найдетъ въ ней сводку всего того, что до послѣдняго времени было извѣстно объ орографіи и геологіи сѣверо-восточной оконечности Азіатскаго континента, значительно дополненную личными изслѣдованіями ея автора предпринявшаго столь

отдаленное путешествіе въ цѣляхъ опредѣленія золотоносности Чукотскаго полуострова къ сѣверу и востоку отъ устья рѣки Анадырь. Неблагопріятно сложившіяся обстоятельства помѣшали К. И. Богдановичу выполнить програму работъ въ той мѣрѣ, какъ она задумана была въ Петербургѣ, тѣмъ не менѣе ему удалось выяснить геологическое строеніе западнаго побережья Берингова моря и пролива настолько, чтобы дать будущимъ изслѣдователямъ прочный фундаментъ для дальнѣйшихъ, болѣе детальныхъ, изысканій. Особенно важны его указанія, относящіяся къ береговому участку между мысомъ Дежнева и мысомъ Литке, гдѣ въ береговыхъ розсыпяхъ онъ подмѣтилъ тѣ же черты, которыя отличаютъ розсыпи на американскомъ берегу, близъ Номе. Правда, пробные шурфы показали здѣсь среднее содержаніе золота всего лишь въ $1^1/_2$ золотника на 100 пудовъ песка, но такъ какъ этихъ шурфовъ пробито было только три, то и полученные результаты не отвергаютъ возможности открытія богатыхъ гнѣздъ, подобныхъ тѣмъ, которыя составляли главный источникъ золота на Номскомъ берегу. К. И. Богдановичъ рекомендуетъ также направлять поиски внутрь страны, въ область распространенія метаморфизованныхъ осадочныхъ породъ. Не останавливаясь на другихъ его указаніяхъ практическаго характера, которыя дѣлаютъ разсматриваемую книгу особенно цѣнной для будущихъ искателей золота на полуостровѣ, и переходя къ той главѣ «Очерковъ» которая посвящена экономическому положенію населенія Чукотскаго побережья и морской охранѣ послѣдняго, я прежде всего отмѣчаю тотъ фактъ, что Богдановичъ самымъ рѣшительнымъ образомъ настаиваетъ на необходимости правительственной опеки надъ полуостровомъ, въ чемъ онъ впрочемъ вполнѣ сходится съ Гондатти, Ревиномъ, докторомъ Слюнинымъ, Прохоровымъ и другими современными изслѣдователями этого отдаленнаго края. «У насъ, говоритъ онъ, на всемъ побережьи Чукотскаго полуострова имѣется всего только одинъ правительственный постъ при устьѣ р. Анадырь—Ново-Маріинскій портъ. Сухопутный постъ на побережьи не можетъ имѣть, конечно, никакого значенія, и сфера его дѣятельности ничтожна, а вся роль ограничивается сохраненіемъ и доставкой припасовъ съ устья Анадыра въ селеніе Марково». Такъ далѣе продолжаться не можетъ, и связь Чукотскаго побережья съ Россіей, которая до сихъ поръ носила лишь случайный характеръ, должна сдѣлаться органической. Этого требуютъ прежде всего интересы мѣстнаго населенія, всецѣло предоставленнаго нынѣ эксплуатаціи американцевъ, а затѣмъ и интересы государственные, ибо опытъ американцевъ въ Номе показалъ, что въ настоящее время никакія климатическія условія не могутъ служить препятствіемъ для возникновенія крупной горной промышленности. Поставить крестъ на наше побережье Берингова моря и пролива было бы непростительной экономической ошибкой, которая повлекла бы за собой самыя неожиданныя осложненія, если бы промышленное значеніе и этихъ пустынныхъ береговъ было доказано американцами; между тѣмъ совокупность геологическихъ фактовъ и непосредственные результаты изслѣдованій К. И. Богдановича даютъ полное основаніе вѣрить, что рано или поздно это экономическое значеніе Чукотскаго полуострова и смежныхъ съ нимъ пространствъ будетъ фактически и безповоротно доказано. Также совершенно кстати упоминаетъ Богдановичъ и о тѣхъ мѣропріятіяхъ, коими правительство Сѣверо-Американскихъ Штатовъ пыталось, и съ полнымъ успѣхомъ, связать бывшую русскую Америку съ метрополіей всѣ эти мѣропріятія могли бы быть съ неменьшимъ, конечно, успѣхомъ примѣнены и у насъ.

Вообще «Очерки Чукотскаго полуострова» полны содержанія и заслуживаютъ вниманія не только спеціалистовъ, но и вообще лицъ, интересующихся судьбами нашего далекаго сѣверо востока.

Книга издана превосходно и снабжена довольно полнымъ библіографическимъ указателемъ литературы о Чукотскомъ полуостровѣ и прилежащихъ моряхъ.

*Г. Е. Грумъ-Гржимайло.*

## ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

*Грантъ-Алленъ.* «Въ тайникахъ природы» —*Линдеманъ.* «Энтомологія»».—*Битнеръ.* «Народный университетъ».

**Грантъ-Алленъ. Въ тайникахъ природы. Борьба, защита, работа и сонъ въ мірѣ животныхъ и растеній. Перев. М. П. Волошиновой. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1902 г. Ц. 2 р.** Въ зоологіи и ботаникѣ наиболѣе благодарною темою для популяризаціи являются вопросы біологическаго характера и для широкаго круга читателей эти вопросы являются въ то же время и едва ли не наиболѣе интересными и образовательными. Съ этой точки зрѣнія Грантъ-Алленъ извѣстный англійскій популяризаторъ, выбралъ для своихъ очерковъ темы очень удачныя—онъ разсматриваетъ цѣлый рядъ въ высокой степени интересныхъ біологическихъ явленій, притомъ подходитъ къ нимъ нерѣдко съ очень оригинальной стороны. Такъ, интересны его сближенія между нѣкоторыми явленіями въ животномъ и въ растительномъ царствѣ,—въ очеркѣ «Ежи животнаго и растительнаго царства», онъ приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ разительно сходныхъ приспособленій защиты при помощи иглъ у животныхъ и у растеній; въ очеркѣ «Ловкіе обманщики» доказываетъ, что способность прибѣгать для защиты къ обману свойственна не только животнымъ, но и растеніямъ. Нѣкоторые очерки посвящены фактамъ и явленіямъ, если и не совсѣмъ новымъ, то все же мало извѣстнымъ и потому могутъ быть не безъ интереса прочтены даже и натуралистомъ, таковы, напр., очерки объ образѣ жизни уховертки и гессенской мухи; другіе очерки касаются явленій, уже неоднократно трактовавшихся въ популярныхъ книгахъ (напр., мимикрія, устрашающая окраска, сонъ, заботы о потомствѣ и т. п.), но надо отдать справедливость Грантъ-Аллену,—онъ умѣетъ и о такихъ вопросахъ говорить очень увлекательно и заинтересовывать читателя нерѣдко совершенно неожиданными сопоставленіями и выводами. Съ послѣдними, впрочемъ, не всегда можно согласиться. Такъ, напр., врядъ ли (стр. 285) болотныя насѣкомоядныя растенія потому «ухитряются брать въ плѣнъ насѣкомыхъ, высасывая изъ нихъ необходимый имъ жизненный матеріалъ», что «живутъ на сырой и болотистой почвѣ, гдѣ они не могутъ получить достаточно пищи обыкновеннымъ путемъ»,—объясненіе довольно наивное! Рѣжутъ глаза также иногда черезчуръ антропоморфическія сопоставленія и выраженія въ родѣ «мудрое растеньице» (стр. 294),—безъ нихъ вполнѣ можно было бы обойтись!

Переводъ сдѣланъ довольно гладко, но жаль, что онъ не былъ проредактированъ спеціалистомъ,—въ результатѣ масса неточностей, искаженій и прямо грубѣйшихъ ошибокъ противъ научной терминологіи. Чтобы не быть голословными, приведемъ слѣдующіе курьезы: «тли» вездѣ (стр. 2 и слѣд.) превратились въ «зеленыхъ *мушекъ*» или «афидій», какъ ихъ никто не называетъ; растительные соки (стр. 11) «богато *насыщены* водородомъ и углеродомъ... но имѣютъ относительный недостатокъ *азотныхъ матеріаловъ*»: «ихневмоны» (почему не «наѣздники?») оказываются не перепончатокрылыми, а мухами (стр. 18); для ротовыхъ частей насѣкомыхъ (стр. 109) переводчица совсѣмъ не нашла русскихъ терминовъ, хотя они имѣются давнишніе и твердо установившіеся—она приводитъ мало понятные англійскіе «labial palpi», «maxillary palpi» и т. д.; на стр. 286 въ качествѣ насѣкомояднаго растенія приводится «*кувшинка*», подъ каковымъ названіемъ подразумѣвается обыкновенно Nuphar luteum—дѣло идетъ вѣроятно о росянкѣ (Drosera); мимикрія смѣшивается съ «мимикой животныхъ» (стр. 324); жужжальца мухъ превратились въ «равновѣсы» (стр. 212) и т. д., и т. д. Такими ошибками пестритъ вся книга и

объ этомъ можно только пожалѣть—такая небрежность перевода значительно уменьшаетъ значеніе книги, которая, въ общемъ, все же заслуживаетъ вниманія.

*П. Ю. Шмидтъ.*

**Народный университетъ. Сборникъ общедоступныхъ статей по самообразованію, подъ редакціей В. В. Битнера. Доисторическій человѣкъ. Изд. Сойкина.** Книга эта могла бы быть очень хорошей, если бы В. В. Битнеръ отнесся строже къ принятой на себя задачѣ—дать въ популярномъ изложеніи историческій очеркъ первобытной культуры; теперь же она производитъ впечатлѣніе исполненной на спѣхъ работы и обнаруживаетъ въ авторѣ ея компилятора, не вполнѣ освоившагося съ предметомъ. Такъ, въ заключительной главѣ, трактующей о томъ, «откуда и какъ пошла русская земля», Битнеръ, неумѣло воспользовавшись гипотезой Шафарика, что слово «скифъ» можетъ быть лишь греческой передѣлкой слова «чудь», выводитъ отсюда ложное заключеніе, что скифы были славянами, ибо подъ именемъ «чудь» извѣстны-де были въ древности новгородцы. Не возражая на этотъ парадоксъ, я привожу его его лишь какъ яркое доказательство неумѣнія В. В. Битнера критически разобраться въ матеріалѣ, подлежавшемъ его обработкѣ.

Опечатокъ, ошибокъ и противорѣчій въ книгѣ, къ сожалѣнію, также не мало; но крупнѣйшій ея недостатокъ заключается въ томъ, что написана она настолько скучно, что неспособна пробудить въ читателѣ особаго интереса къ изученію древнихъ культуръ. Иллюстраціи нѣсколько оживляютъ содержаніе и, пожалуй, даютъ даже читателю больше, чѣмъ самый текстъ.

*Г. Е. Грумъ-Гржимайло.*

**К. Э. Линдеманъ. Общія основы энтомологіи. Съ 1.080 фигурами на 323 рисункахъ. С.-Петербургъ. Изд. Маркса. 1901. Ц. 4 р. 25 к.** Нѣсколько лѣтъ тому назадъ пришлось разбирать трудъ того же автора, носящій заглавіе «Основы общей зоологіи», и мы принуждены были отмѣтить въ немъ цѣлый рядъ удивительныхъ «открытій», вродѣ «организмовъ безъ органовъ», «грегаринъ на волосѣ человѣка» или происхожденія морскихъ ежей отъ гребневиковъ. Ясно было, что авторъ, по спеціальности энтомологъ, никогда не занимался общими зоологическими вопросами и, выступая въ этомъ сочиненіи впервые въ качествѣ зоолога-теоретика, не далъ себѣ труда ознакомиться съ общей зоологической литературой, хотя бы по учебникамъ.

Теперь передъ нами лежитъ еще болѣе обширный трудъ и на этотъ разъ уже спеціально энтомологическій. Признаемся, мы приступали къ просмотру его съ убѣжденіемъ, что ужъ здѣсь-то авторъ въ той области, въ которой онъ работалъ всю жизнь, окажется вполнѣ неуязвимымъ,—но увы! намъ пришлось жестоко разочароваться,—г. Линдеманъ остался вѣренъ себѣ. Въ новомъ его произведеніи мы опять буквально на каждой страницѣ наталкиваемся или на грубѣйшія ошибки, простекающія отъ удивительной небрежности, или же на полное незнаніе элементарнѣйшихъ научныхъ теорій и фактовъ.

Такое обвиненіе, направленное противъ «бывшаго профессора петровской академіи», какъ значится на обложкѣ разбираемой нами книги, разумѣется, должно быть подкрѣплено фактами, и мы не замедлимъ привести ихъ цѣлый рядъ.

Уже на первой страницѣ введенія (стр. 7) мы находимъ совершенно невѣрное утвержденіе, что «число нынѣ существующихъ видовъ насѣкомыхъ опредѣляется въ 200.000», тогда какъ извѣстно, что число это доходитъ до 1.000 000. Еще удивительнѣе утвержденіе, что «въ классѣ млекопитающихъ теперь насчитывается всего только 180 (*сто восемьдесятъ!*) видовъ, въ классѣ птицъ мы знаемъ 1.600 видовъ, въ классѣ *земноводныхъ* (класса пресмыкающихся авторъ, повидимому, не признаетъ) 1.160 видовъ». Въ дѣйствительности, по счисленію видовъ, произведенному А. Гюнтеромъ еще въ 1881

году, было извѣстно млекопитающихъ 2.300 видовъ, птицъ—11.000 видовъ, пресмыкающихся—2.600 видовъ, а земноводныхъ всего лишь 800 видовъ. Въ настоящее время числа эти должны быть значительно увеличены.

Переворачиваемъ страницу и находимъ опять поразительную ошибку—оказывается, что «можно назвать только два или три вида насѣкомыхъ, встрѣчающихся исключительно въ моряхъ» (стр. 10). Если бы г. Линдеманъ заглянулъ хотя бы въ Synopsis Лейниса, то онъ уже тамъ увидалъ бы, что представителей морского рода *Halobates* извѣстно 14 видовъ (въ дѣйствительности гораздо больше). Тутъ же приводится въ качествѣ второго морского обитателя «жукъ изъ семейства *Gyrinidae*, именно *Oribates*»—этого жука г. Линдеманъ просто выдумалъ; такого рода нѣтъ не только среди жуковъ, но и вообще въ зоологической системѣ. Есть родъ *Oribata*, но и онъ относится къ клещамъ и къ тому же къ сухопутнымъ.

Оставляя въ сторонѣ совершенно неудачное введеніе, переходимъ къ общей части, и тутъ уже положительно нѣтъ страницы на которой не обнаруживалось бы какого нибудь, иногда прямо невѣроятнаго, курьеза,—перечислить ихъ всѣхъ нѣтъ никакой возможности, мы укажемъ лишь самые яркіе. Оказывается, напр. (стр. 24), что «грудная область насѣкомыхъ построена не изъ трехъ сегментовъ, какъ это обыкновенно принимаютъ, а изъ болѣе значительнаго числа сегментовъ, именно изъ шести»—на томъ основаніи, что наружный покровъ состоитъ на спинѣ изъ нѣсколькихъ «отдѣльныхъ участочковъ»; какъ будто наружнаго расчлененія достаточно для того, чтобы признать данный отдѣлъ тѣла состоящимъ изъ нѣсколькихъ сегментовъ! Далѣе узнаемъ, что между «парными отростками сегмента проходитъ *нервный центръ*» (стр. 25), что число члениковъ челюстныхъ щупалецъ «колеблется отъ 1 до 6» (стр. 35), тогда какъ ихъ у *Machilis 7*, что у сѣноѣдовъ (*Psocus*) «нѣтъ губныхъ щупалецъ» (стр. 36), тогда какъ они имѣются, хотя и одночленистыя, что у жуковъ нѣтъ «ни малѣйшаго намека» на парное происхожденіе нижней губы (стр. 38), тогда какъ очень явственный намекъ имѣется даже у жужелицы. На стр. 49 авторъ сообщаетъ, что «совершенно отсутствуютъ глаза лишь у весьма немногихъ насѣкомыхъ»,—рекомендуемъ ему взять любое сочиненіе о пещерной фаунѣ (хотя бы Hamann'a), онъ найдетъ тамъ множество слѣпыхъ форма (отнюдь не одного только жучка *Adelops*, котораго онъ приводитъ), кромѣ того многочисленныя безглазыя формы извѣстны между насѣкомыми, живущими подъ корою, подъ камнями, въ муравейникахъ и т д. Совершенно невѣрно, будто «отсутствіе глазъ указываетъ на значительную древность происхожденія насѣкомыхъ»,—напротивъ, ни одинъ органъ не утрачивается такъ быстро при подходящихъ условіяхъ какъ глаза, и присутствіе или отсутствіе глазъ у насѣкомыхъ находится иногда даже въ предѣлахъ индивидуальной варіаціи одного и того же вида. Недурно замѣчаніе автора, что «у личинокъ *многихъ* мухъ, живущихъ внутри растеній, вовсе нѣтъ глазъ»—интересно было бы узнать у какихъ личинокъ *мухъ* (*Brachycera*) имѣются лаза, и на чемъ эти глаза сидятъ,—какъ извѣстно даже и не энтомологамъ, личинки мухъ не имѣютъ не то что глазъ—головы!

О глазахъ насѣкомыхъ у г. Линдемана вообще довольно странныя представленія, такъ, на стр. 50 оказывается, что «сложные глаза состоятъ изъ многочисленныхъ *зрительныхъ трубочекъ*», а на стр. 95 мы находимъ новую и поразительную теорію г. Линдемана, по которой «сложные глаза служатъ для воспринятія впечатлѣній отъ отдѣльныхъ цвѣтныхъ лучей»! Впрочемъ, кажется, автору и самому эта дикая мысль показалась сомнительной и онъ въ скобкахъ прибавляетъ: «(можетъ быть!)». Еще забавнѣе доводъ «въ пользу такого взгляда на роль сложныхъ глазъ»—«эти глаза у многихъ насѣкомыхъ бываютъ ярко и пестро окрашены!»

Исторія развитія насѣкомыхъ до вылупленія изъ яйца въ произведеніи г. Линдемана совершенно игнорируется, какъ будто и нѣтъ такой области науки, тамъ же, гдѣ авторъ мимоходомъ пытается коснуться ея, онъ обнаруживаетъ полное незнаніе; такъ, на стр. 51 мы узнаемъ, что у зародыша жука *Hydrophilus* замѣчаются зачатки *четырехъ* паръ ногъ! Очевидно, авторъ въ глаза не видалъ не только монографіи Гейдера, но и ни одного изъ новѣйшихъ учебниковъ зоологіи, гдѣ постоянно приводятся рисунки зародышей *Hydrophylus* съ зачатками конечностей на *каждомъ* сегментѣ туловища (всего 12 паръ зачатковъ кромѣ ротовыхъ).

Недурно открытіе автора, что ноги у насѣкомыхъ могутъ, пожалуй, и на спинѣ вырастать, именно, цилиндрическіе зачатки заднихъ крыльевъ у самцовъ червецовъ (*Coccidae*), которыхъ авторъ вопреки установившейся терминологіи, называетъ почему-то «тлями» (стр. 58), служатъ по его мнѣнію, «подтвержденіемъ взгляда, будто *крылья вообще суть видоизмѣненныя конечности*!» Впрочемъ, и тутъ авторъ устыдился и замѣчаетъ: «Должно признаться, что другихъ доказательствъ въ пользу такого взгляда... привести нельзя».

Совершенно невѣрно, что слюнныя железы у насѣкомыхъ имѣются въ числѣ отъ *одной до трехъ паръ* (стр. 72),—г. Линдеманъ не знаетъ, что у пчелъ, напр., Шименцъ нашелъ 5 сложныхъ системъ слюнныхъ железъ. По мнѣнію, автора, «снарядъ(!) кровеобращенія построенъ у насѣкомыхъ по *плану*, *глубоко* отличающемуся отъ извѣстнаго намъ... у близкихъ насѣкомыхъ ракообразныхъ» (стр. 77)—любопытно было бы знать, чѣмъ именно?.. Что «у осъ (*Polistes gallica*) изъ неоплодотворенныхъ яичекъ происходятъ *самки*» (стр. 104), также совершенно непостижимая ошибка, откуда г. Линдеманъ это взялъ, или это его собственныя наблюденія? Въ послѣднемъ случаѣ ихъ слѣдовало бы опубликовать не въ популярной книгѣ, такъ какъ это замѣчательное открытіе совершенно переворачиваетъ всѣ наши воззрѣнія на значеніе оплодотворенія и партеногенеза у перепончатокрылыхъ! Невѣрно также, что сѣменныя нити насѣкомыхъ не имѣютъ утолщенія на концѣ (стр. 106); рекомендуемъ г. Линдеману посмотрѣть учебникъ Кольбе (стр. 631), онъ увидитъ тамъ какъ разъ обратное! Забавно утвержденіе автора (стр. 109), что у насѣкомыхъ «борьбы между самцами изъ-за обладанія самками не бываетъ»,—каждому собирающему жуковъ гимназисту извѣстно, что самцы жуковъ-оленей (да и не одни они!) жестоко дерутся между собою. Книга г. Линдемана предназначена и для «учениковъ гимназій и реальныхъ училищъ» (стр. 5), и авторъ рискуетъ подобными заявленіями поставить себя въ очень неловкое положеніе передъ молодежью.

Мы никогда не кончили бы, если бы вздумали перечислять всѣ ошибки, проистекающія или отъ незнакомства автора съ научной литературой, или отъ какого-то непостижимаго стремленія дать непремѣнно «отсебятину», какъ бы она ни была мало обоснована.

Относительно спеціальной части книги можно только сказать, что она не лучше общей. Систематическое раздѣленіе насѣкомыхъ у автора, конечно, собственное—принять установившееся въ наукѣ дѣленіе было бы недостойно такого крупнаго спеціалиста, какъ г. Линдеманъ. И вотъ, напр., первый же отрядъ безкрылыхъ дѣлится авторомъ на: 1) родъ(?) *Campodea* (вмѣсто сем. *Campodeidae*); 2) сем. *Poduridae*; 3) сем. *Lepismatidae*; такимъ образомъ, почему-то родъ противопоставляется двумъ семействамъ! Кромѣ того, родъ *Japyx*, очень интересный по своей организаціи, совершенно не упоминается, хотя и дается рисунокъ его (стр. 167). Во второмъ отрядѣ—*Parasita* -авторъ для оригинальности соединяетъ въ одинъ отрядъ пухоѣдовъ со вшами, и чтобы оправдать такое соединеніе, онъ пускается даже на подтасовку и утверждаетъ, что у вшей «ротовыя части приспособлены къ откусыванію твердыхъ частицъ пищи».

Невозможно въ рецензіи перечислить длинный рядъ ошибокъ и неточностей въ описаніяхъ, синоптическихъ таблицахъ (которыя, кстати, совершенно непригодны для опредѣленія), данныхъ о географическомъ распредѣленіи — вся книга пестритъ ими. Авторъ нигдѣ не приводитъ источниковъ, откуда онъ почерпаетъ свѣдѣнія. Вообще, во всей книгѣ нѣтъ ни одной ссылки на какого либо автора, кромѣ самого г. Линдемана, и начинающій можетъ подумать, что всю энтомологію одинъ г. Линдеманъ сдѣлалъ.

Что касается «1.080 фигуръ на 323 рисункахъ» (недурной и совершенно новый рекламный пріемъ!), то онѣ сносны... но, во-первыхъ, большинство заимствовано и очевидно изъ какого-то американскаго сочиненія (источникъ, конечно, не указанъ), такъ что изображаютъ не русскихъ, и даже не европейскихъ, а американскихъ насѣкомыхъ, а во вторыхъ... они, въ большинствѣ случаевъ, не подходятъ къ тексту и неизвѣстно, что иллюстрируютъ. Говорится, напр., что насѣкомыя ярко окрашены, а на цитируемомъ рисункѣ— черный-пречерный жукъ (стр. 11), говорится, что насѣкомыя размежевали сферы своихъ интересовъ—и опять африканскій жукъ, неизвѣстно какую сферу себѣ отмежевавшій (рис. 7), наконецъ—это лучше всего!—говорится, что «можно назвать *только одинъ видъ* паразитическаго жука — *Rhipidius blattarum*» и двумя строчками выше (стр. 323) приводится рисунокъ *второго* жука паразита—*Platypsyllus castoris*; ссылка на этотъ рисунокъ отнесена, однако, къ описанію жужелицы, портящей землянику. Подобныхъ примѣровъ сколько угодно.

Послѣ всего сказаннаго, думаемъ, заключеніе о новомъ произведеніи г. Линдемана читатели выведутъ сами. Мы все же считаемъ долгомъ подчеркнуть, что книга эта не только не можетъ «служить руководствомъ для изученія насѣкомыхъ всѣмъ тѣмъ, кто имѣетъ основаніе интересоваться этимъ классомъ животныхъ», но, наоборотъ, для спеціалистовъ—безполезна, а для начинающихъ прямо вредна.

*П. Ю. Шмидтъ.*

---

# НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(съ 15-го іюля до 15-ое августа 1902 г.).

**Лебедевъ.** Дѣтская и народная литература. Вып. I. Нижній. 1902 г.

**Бокинъ** Подвижныя игры. Спб. Изд. Маркса. 1902 г.

**Викъ.** 1798—1898. Украинская поэзія. 3 тома.

**Шиппель.** Современная бѣдность и современ. перенаселеніе. Изд. Доровятовскаго и и Чарушникова. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

**Булгаковъ.** Изъ жизни средневѣк. ремесленниковъ. Изд. то-же. Ц. 50 к.

**Пахомовъ.** Анатомія и физіологія. Оренб. 1902 г.

**Зиминъ.** Озонирование воды. Мск. 1902 г.

**Моргаузи.** Хаосъ мировъ. Съ рис. Перев. съ англ. Спб. Изд. Большакова и Голова. 1902 г.

**Бѣляевъ.** Д-ръ Штокманъ (драма Ибсена). Г. Уральскъ. Изд. газ. «Уральскій Листокъ».

**Фр. Паульсенъ.** Шопенгауэръ, Гамлетъ, Мефистофель. Кіевъ, Таценко 1902 г. Ц. 1 р.

**Гессенъ.** Узаконеніе, усыновленіе и внѣбрачн. дѣти. Спб. 1902 г. Ц. 50 к.

**Смирновъ.** Передъ некрасовск. днями. Яросл. 1902 г. Ц. 25 к.

**Страховъ.** Критическія статьи. Т. II. Изд. Матченко. Кіевъ. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

**Вольтке.** Законы о пограничн. жителяхъ. Спб. 1902 г. Ц. 35 к.

**Э. Ренанъ.** Собраніе сочиненій. Т. V Кіевъ. Изд. Фуксъ. 1902 г. Ц. за 12 т. 6 р.

**Крепелинъ.** Въ зеленомъ саду. Мск. Изд. Кушнерева. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

**Артуръ Шнитцлеръ.** Часы жизни. Перев. и Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

**Артуръ Шнитцлеръ.** Жена мудреца. Изд. то же. Ц. 80 к.

**Борецкій.** Милліонъ. Разсказъ. Изд. ред. «Образованіе». Спб. Ц. 25 к.

**Сталевичъ.** Повѣсти и разсказы. Спб. «Книговѣды». 1903 г. Ц. 1 р. 25 к.

**Богоявленскій.** Въ новомъ мірѣ, Ром. Кіевъ. Изд. Таценко 1902 г. Ц. 75 к.

**Гоголь.** Юбилейный сборникъ сочиненій. Изд. сарат. з-ства 1902 г. Ц. 40 к.

**Эрастовъ.** Открытое письмо Максиму Горькому. Спб. Изд. Митюрникова. 1902 г. Ц. 15 к.

**Ф. Голубой.** Замокъ коварства и любви. Поэма. Спб. 1902 г. Ц. 15 к.

**Головинъ (Орловскій).** Т. IV. Спб. «Трудъ». 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

**Маркевичъ.** Крымъ въ русской поэзіи. Сб. стихотвореній. Изд. Синани. Симферополь. 1902 г. Ц. 75 к.

**Луи Бурдо.** Вопросы о жизни. Перев. Предтеченскаго. Ц. 1 р. 75 к. Спб. Изд. Большакова и Голова.

**Бичеръ-Стоу.** Хижина дяди Тома. Мск. Изд. Сытина. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

**Жигинъ.** Какъ сдѣлаться хорошимъ садовникомъ. Изд. подъ ред. Горбунова-Посадова.

**Зубрилинъ.** Какъ живетъ растеніе. Мск. Ц. 4 к. Изд. подъ ред. Горбунова-Посадова.

**Пермская губ.** въ сельско-хозяйств. отношеніи. Вып. II. 1902 г.

**Коземъ.** Собраніе формулъ. Пособіе гимназистамъ. Спб. 1902 г. Ц. 25 к. Изд. «Помощь».

**Мартинъ Корчинскій.** Богданъ Залѣсскій. Житоміръ. 1902 г.

**Головачевъ.** Взаимное вліяніе русск. и инородч. населенія Сибири. Мск. 1902 г.

**Сборникъ** технич. статей. Изд. экспедиціи заготовл. госуд. бумагъ. Спб. № 1.

**Тереченинъ.** «Тифлисскій Листокъ». Тифл. 1901 г.

**Герасимовъ.** Учит. календарь. Ч. II. Ц. за обѣ части 80 к.

**Хозяйств.** статистич. обзоръ Уфимск. губ. за 1900—1901 г. Вып. II. Ц. 1 р. 25 к.

**Холевинскій.** О фальсификаціяхъ пищев. продуктовъ и напитковъ. Астрахань. 1902 г. Ц. 20 к.

**Стрижовъ.** Природн. условія. Промышл. Терской области. Владик. 1902 г.

**Б. Шапировъ.** Пріемъ новобранцевъ. Спб. 1902 г.

**Агафенико.** Посѣвъ и уборка красн клевера. Прилуки. 1902 г.

**Статистич.** ежегодникъ Тверск. губ. за 1901 г. Изд. тверского з-ства за 1902 г.

**Г. Риманъ.** Музыкальный словарь. Перев. и Изд. Юргенсона. Мск. 1902 г.

**Балталонъ.** Пособіе для литерат. Бесѣды и письмен. работы. Ц. 70 к. Мск. 1902 г.

**Обзоръ** сельск. хозяйства въ Полт. губ. за 1901 г. Полтава.

**Записки** Приамурск. отд. Т. VI. Вып. I. Хабаровскъ. 1902 г.

**Отчетъ** о-ва «Помощь» при Вологодской безплатной б-кѣ за 2 г. существ. 1902 г.

**Соломоновскій.** Тетради словъ и фразъ для перев. упражненія въ русск. чтеніи. Кіевъ. 1902 г. Ц. 5 к.

**Соломоновскій.** Наставл. о томъ, какъ учить русск. грамотѣ. Кіевъ 1902 г. Ц. 6 к.

**Безчинскій.** Путеводитель по Крыму. Съ рис. карт. планами. Мск. Изд. Кушнерева. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

**Берлинъ.** Для ѣдущихъ въ Ѳеодосію. Справ. книжка. Ц. 85 к.

---

# НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

*«The Warrior Woman» A short history of fighting Women by E. Vizetelly. Price 2 s. 6 d (Treherne). (Женщина-воинъ).* Книга заключаетъ въ себѣ краткую исторію женщинъ, участвовавшихъ въ сраженіяхъ. Авторъ начинаетъ съ амазонокъ и кончаетъ бурскими женщинами, которыя защищали съ оружіемъ въ рукахъ свою родину и независимость во время послѣдней южно-африканской войны.

(Morning Post).

*«Across Many Seas» by Alfred Kinnear (Arrowsmith). (Черезъ многія моря).* Сорокъ лѣтъ путешествія по всему земному шару, отъ Лондона до Перу и др. мѣстъ, могли доставить автору возможность собрать богатый матеріалъ наблюденій и приключеній. Область воспоминаній автора очень обширна; онъ описываетъ свое путешествіе на «Грэтъ-Истернѣ» черезъ Атлантическій океанъ, блокаду во время войны сѣвера и юга, приключенія въ Китаѣ и Россіи, походъ противъ ашантіевъ, эпизоды изъ послѣдней южно-африканской войны и т. д. (Bookseller).

*«The Worlds of the Earth» by Captain John Spenur Hall (Digby, Long and C°). (Міры земли).* Въ этой книгѣ обсуждается прошедшее, настоящее и будущее земной экономіи. Первая часть книги заключаетъ въ себѣ популярно изложенный трактатъ по геологіи. (Morning Post).

*«India and its Problems» by William S. Lilly (Sandsand C°). (Индія и ея проблемы).* Авторъ говоритъ, что, собираясь писать о британской Индіи, онъ былъ пораженъ обширностью предмета. Индія даетъ такой богатый матеріалъ для изслѣдованія въ географическомъ, климатическомъ и этнографическомъ отношеніи, но въ то же время выдвигаетъ на сцену такія сложныя проблемы, что трудно придерживаться какихъ бы то ни было заранѣе поставленныхъ рамокъ. Впрочемъ, авторъ находитъ излишнимъ касаться нѣкоторыхъ проблемъ, напр., религіозной проблемы, находя разрѣшеніе ея невозможнымъ при данныхъ условіяхъ. Поэтому, авторъ посвящаетъ свое вниманіе только тѣмъ вопросамъ, которые выдвигаются на первый планъ при современномъ положеніи вещей. Онъ подробно изучаетъ тѣ условія, которыя созданы въ Индіи британскимъ управленіемъ и посвящаетъ нѣсколько интересныхъ главъ кастовому вопросу, домашней жизни въ Индіи и положенію женщины.

(Bookseller).

*«Religions Progress of the Century» by W. H. Withrow (Wand R. Chambers). (Религіозный прогрессъ вѣка).* Это первый томъ изданія «Nineteenth Century Series», посвященнаго исторіи прогресса прошлаго столѣтія въ религіи, искусствѣ, наукѣ, воспитаніи и т. д. Всѣхъ томовъ этой серіи будетъ пять. Изданіе будетъ носить популярный характеръ. Въ вышедшемъ томѣ заключаются слѣдующія главы: «Контрасты XVIII и XIX вѣка», «Миссіонеры», «Прогрессъ различныхъ церквей въ теченіе XIX вѣка», «Прогрессъ религіозной мысли» и «Специальная религіозная дѣятельность и благотворительность въ XIX вѣкѣ». (Bookseller).

*«The Relationships of Life» by C. Silvester Horne (Allenson). (Отношенія въ жизни).* Въ этой книгѣ обсуждаются отношенія между родителями и дѣтьми, между супругами, между господами и слугами и т. д. и изслѣдуется вліяніе соціальнаго строя на эти отношенія.

(Bookseller).

*«Light from the East» being Selections from the Teachings of the Buddera Arranged With an introduction by Edith Word. With Foreword by Annie Besant. (Свѣтъ съ востока).* Въ предисловіи къ этой книгѣ, заключающей въ себѣ избранныя мѣста изъ ученія Будды, говорится, что «это ученіе обладаетъ свойствомъ обращать враговъ въ друзей и печаль—въ радость!» Предисловіе написано извѣстною послѣдовательницею теософскаго ученія Анни Безантъ. (Bookseller).

*«Democracy and Social Etics» by Jane Adams. (Macmillan) 5 s. (Демократія и соціальная этика).* Авторъ этой книги многіе годы самоотверженно работалъ въ трущобахъ Чикаго и, поэтому, хорошо изучилъ современную жизнь большихъ городовъ во всѣхъ ея многообразныхъ проявленіяхъ. Въ шести очеркахъ, заключенныхъ въ этой книгѣ, авторъ говоритъ о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя вноситъ въ соціальную жизнь новое пониманіе демократіи. По мнѣнію автора, мы переживаемъ въ настоящее время переходный періодъ. Наша соціальная этика опередила наши экономическіе методы. Нашъ вѣкъ требуетъ соціальной, а не индивидуалистической нравственности, и мужчины, и женщины въ одинаковой степени стремятся удовлетворить этому требованію. Наше понятіе о жизни измѣнилось, но эта перемѣна еще не успѣла выразиться въ соціальныхъ реформахъ и получить законный характеръ. Но авторъ вѣритъ, что время это приближается и что этому содѣйствуютъ индивидуальныя усилія людей, стремящихся къ возстановленію идеаловъ, къ реформамъ воспитанія, къ уничтоженію соціальныхъ противорѣчій и лучшей организаціи семьи и общества. Въ своей книгѣ авторъ гово

рить о томъ, что уже сдѣлано въ Америкѣ въ этомъ направленіи.

(Review of Reviews).

*«De Lesseps intime» par M. Bathedat* (*Juven*). (*Жизнь Лессепса*). Исторія геніальнаго творца Суэзскаго канала заключаетъ въ себѣ много интересныхъ страницъ. Лессепсъ провелъ свою молодость большею частью внѣ Франціи, въ Португаліи, Испаніи, Египтѣ и Италіи и входилъ въ соприкосновеніе съ самыми разнообразными сферами, съ дипломатическимъ и политическимъ міромъ, со свѣтскими салонами и съ революціонными кружками. Въ своей молодости Лессепсъ сталкивался съ самыми различными людьми; онъ зналъ маршала Прима, Эспартеро и Мациини и хорошо былъ знакомъ съ египетскимъ пашей, но позднѣе его великій проектъ прорытія Суэзскаго канала заставилъ его вступить въ сношеніе съ царствующими монархами, Наполеономъ III, королевою Викторіей, и выдающимися государственными дѣятелями, Гладстономъ и др. Поддерживаемый одними и подвергавшійся ожесточеннымъ нападкамъ со стороны другихъ, Лессепсъ обнаружилъ при этихъ обстоятельствахъ многія выдающіяся качества, вѣру въ свое дѣло, дипломатическое умѣнье, энергію и ту привѣтливость и добродушіе, которыя всегда привлекали къ нему сердца. Авторъ біографіи этого замѣчательнаго человѣка, очевидно, имѣлъ въ своемъ распоряженіи очень богатый матеріалъ.

(Temps).

*«From Slave to College President» by G. Holden Pike* (*Unwin*) *1 s. 6 d.* (*Отъ раба до президента*). Въ этой книгѣ, кромѣ исторіи жизни выдающагося негритянскаго дѣятеля въ Соединенныхъ Штатахъ Букера Вашингтона, бывшаго раба, а теперь президента коллегіи, подробно излагается современное положеніе негритянскаго вопроса въ Сѣверной Америкѣ и разныя схемы, имѣющія цѣлью улучшенія положенія негровъ.

(Times).

*«Parliament Post and Present» by Arnold Wright and Philip Smith* (*Hutchinson and C°*) *7 s. 6 d.* (*Парламентъ въ прошедшемъ и настоящемъ*). Вышелъ первый томъ этого въ высшей степени интереснаго и популярнаго описанія англійскаго парламента, его исторіи и политическихъ ассоціацій, находящихся съ нимъ въ связи. Очень хорошо исполнены воспроизведенія старинныхъ рисунковъ и картинъ, служащія дополненіемъ къ тексту книги.

(Manchester Guardian).

*«The Phantom Millions; the story of the Great French Fraud» by S. P. O'Connor* (*Simpxin Maerhall*) *1 s.* (*Призрачные милліоны*). Авторъ собралъ всѣ свѣдѣнія и документы, относящіеся къ замѣчательному дѣлу о наслѣдствѣ Эмберъ-Крофордъ и освѣтилъ его съ философско-нравственной точки зрѣнія. Разбросанныя и отрывочныя свѣдѣнія, помѣщаемыя въ газетахъ, не даютъ такого полнаго представленія объ этомъ грандіозномъ мошенничествѣ и его общественномъ значеніи, какое даетъ очеркъ автора.

(Manchester Guardian).

*«Fridtjof Nansen» ein Lebensbild von Engen von Ensberg, mit porträt* (*Hermann Seemann*) *Leipzig.* (*Фритіофъ Нансенъ*). Эта біографія энергичнаго изслѣдователя полярныхъ странъ входитъ въ составъ серіи изданій подъ общимъ именемъ «Männer der Zeit». Она написана очень живо и заключаетъ въ себѣ много свѣдѣній изъ жизни Нансена и его знаменитыхъ путешествій.

(Die Zeit).

*«Ernst Haeckel», ein Lebensbild von Wilhelm Bölsche. Mit Porträt* (*Seemann*). (*Эрнстъ Геккель*). Въ этомъ очеркѣ авторъ старается охарактеризовать личность знаменитаго ученаго и изслѣдователя Эрнста Геккеля, имя котораго пользуется такимъ глубокимъ уваженіемъ въ ученомъ мірѣ. Геккель всегда имѣлъ восторженныхъ послѣдователей своего ученія и много враговъ, въ особенности среди ортодоксальныхъ теологовъ, возстававшихъ противъ его ученія. Въ личности Геккеля совмѣщался ученый изслѣдователь природы, философъ и художникъ, и авторъ съумѣлъ въ своемъ біографическомъ очеркѣ изобразить всѣ эти сложныя стороны, составляющія главную особенность знаменитаго ученаго, отличившагося широтою своихъ взглядовъ и разносторонностью своего ума. (Frankfurt. Zeitung).

*«Ueber die allgemeinen Beziehungen zwischen Gehirn und Seelenleben» von prof. Dr. Ziehen. Zweite Auflage* (*Ambrosius Barth*) *Leipzig.* (*Объ общей связи, существующей между мозгомъ и духовною жизнью*). Въ своемъ историческомъ изслѣдованіи борьбы человѣческаго духа и его стремленія къ познанію, авторъ указываетъ, что еще Діогенъ, Альхмеонъ, Гиппократъ занимались вопросомъ о локализаціи психическихъ функцій и высказывали стараніе разрѣшить этотъ вопросъ въ пользу головного мозга. Поразительно то, что уже Эразистратусъ, за 300 лѣтъ до Р. Х., признавалъ верхнюю поверхность головного мозга сѣдалищемъ души и предугадывалъ значеніе мозговыхъ извилинъ для психическихъ функцій. Эти геніальныя предвидѣнія не могли быть подтверждены вслѣдствіе недостатка соотвѣтствующихъ анатомическихъ и физіологическихъ изслѣдованій и только спустя 2.000 лѣтъ вопросъ этотъ подвергся новой разработкѣ. Авторъ дѣлаетъ историческій и критическій обзоръ стремленій философовъ разрѣшить загадку человѣческаго мышленія и попытки человѣческаго духа понять и объяснить самого себя, начиная отъ древнихъ вплоть до новѣйшихъ философовъ.

(Die Zeit).

*«Das Jahrhundert des Kindes» von Ellen Key (Fischer)*. (*Вѣкъ дѣтей*). Чрезвычайно интересная и тепло написанная книга, касающаяся въ высшей степени важныхъ современныхъ вопросовъ о взаимномъ положеніи дѣтей и матерей въ современномъ обществѣ, о женскомъ трудѣ и материнствѣ, о правахъ женщины и т. д. Авторъ обсуждаетъ не только права и обязанности матери по отношенію къ ребенку, но и обязанности отца, государства и общества, затѣмъ авторъ говоритъ о правахъ ребенка и въ главѣ «Das Recht des Kindes seine Eltern zu wählen» разсуждаетъ объ обязанностяхъ родителей по отношенію къ не родившемуся поколѣнію. Эта глава одна изъ самыхъ интересныхъ, и авторъ предсказываетъ, что въ текущемъ столѣтіи будутъ установлены обязанности родителей и общества и будетъ оказано большое вниманіе грядущему поколѣнію какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Съ своей стороны авторъ очень много вниманія удѣляетъ вопросу о наслѣдственности, который имѣетъ огромное значеніе для государства. (Die Zeit).

*«Right Hon. Joseph Chamberlain», A study of his Character asa Statesman by H. C. Pedder (Elliot Stock). 2 s. 6 d.* (*Достопочтенный Джозефъ Чэмберленъ; его характеристика, какъ государственнаго дѣятеля*). Герой этого очерка Чэмберленъ возбуждаетъ къ себѣ самое разнообразное отношеніе въ современномъ обществѣ и подвергается самой рѣзкой критикѣ, авторъ же стремится до нѣкоторой степени оправдать его отъ взводимыхъ на него обвиненій и доказываетъ, что онъ является воплощеніемъ прогрессивныхъ силъ политики и имперіализма Англіи. Авторъ говоритъ, что, глубже изслѣдуя его политическую карьеру, можно разсмотрѣть логическое развитіе его идей, такъ что связь между его демократическимъ прошлымъ и имперіалистскимъ настоящимъ, несомнѣнно, существуетъ. (Morning Post).

*«The Uganda Protectorate» by Sir Harry Johnston. 2 vols (Hutchinson and C°)*. (*Протекторатъ Уганды*). Страна, которая, подобно Угандѣ, еще такъ недавно была сосовершенно неизвѣстна европейцамъ и теперь открыта для европейской цивилизаціи, конечно, должна представлять огромный интересъ для путешественниковъ и изслѣдователей. Дѣйствительно, эта страна заслуживаетъ названія «страны чудесъ»; зоологи, считавшіе, что всѣ четвероногія уже давно открыты и описаны, были поражены открытіемъ, которое сдѣлалъ авторъ этой книги. Онъ нашелъ въ Угандѣ новое, доселѣ неизвѣстное, четвероногое и описалъ его. Вообще міръ животныхъ очень богатъ въ Угандѣ и, по словамъ автора, путешественникъ, проѣзжающій по новой желѣзной дорогѣ, пролегающей теперь черезъ Уганду, можетъ наблюдать въ окна своего вагона настоящій зоологическій садъ. Авторъ описываетъ природу Уганды, ея населеніе и администрацію этого протектората. Очень хороши также фотографическіе снимки, которыми изобилуетъ книга. (Athaeneum).

*«Nature Study and Life» by Clifton F. Hodge (Ginn)*. (*Изученіе природы и жизнь*). Авторъ настаиваетъ на томъ, чтобы изученіе природы составляло необходимую принадлежность всякаго воспитанія, такъ какъ прогрессъ человѣчества находится въ непосредственной зависимости отъ изученія природы. Въ первой главѣ авторъ говоритъ объ отношеніяхъ дѣтей къ животнымъ и ихъ любимцахъ въ животномъ мірѣ. Очень большое вниманіе авторъ удѣляетъ также насѣкомымъ и указываетъ на огромное значеніе, которое они могутъ имѣть въ экономической жизни народа. (Athaeneum).

*«The Story of Jost England» by Beckles Willson (Georges Newness)*. (*Исторія погибшей Англіи*). Этотъ томъ входитъ въ составъ библіотеки полезныхъ разсказовъ (Library of Useful Stories). Авторъ разсказываетъ въ немъ исторію береговъ Великобританіи, постепенно дѣлающихся добычею океана. По его словамъ, никакъ не менѣе тридцати четырехъ городовъ и деревень, вмѣстѣ съ сотнями миль береговой территоріи были поглощены океаномъ. Книга иллюстрирована. (Bookseller).

*«The Conquest of the Air» by John Alexander. With a Prefaee of sir Hiram Maxim (Partridge and C°)*. (*Побѣда воздуха*). Живо и интересно написанная и хорошо иллюстрированная исторія воздухоплаванія, начиная отъ первыхъ попытокъ человѣка сдѣлаться «господиномъ воздуха» и кончая послѣдними опытами Сантосъ-Дюмона и другихъ воздухоплавателей. (Bookseller).

*«The Life of Richard Cobden» by John Morley (Fisher unwin)*. (*Жизнь Ричарда Кобдена*). Эта біографія Кобдена, выходящая популярнымъ изданіемъ, представляетъ въ данный моментъ особенный интересъ въ виду большого вниманія, которое удѣляется въ настоящеее время вопросамъ свободы торговли и протекціонизма. Въ предисловіи къ этому популярному изданію, авторъ говоритъ, что онъ не выпустилъ никакихъ подробностей, имѣющихъ значеніе для характеристики личности Кобдена и его взглядовъ и заключавшихся въ первомъ большомъ изданіи его біографіи. (Bookseller).

# КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

**Двѣ знаменательныя годовщины: столѣтіе смерти Радищева и пятидесятилѣтіе литературной дѣятельности Льва Толстого.—Значеніе Радищева: «На зарѣ русской общественности» (изъ сборника г. Мякотина «Изъ исторіи русскаго общества»).— Міровое значеніе Толстого.—Общій взглядъ на его литературную дѣятельность.**

Сто лѣтъ тому назадъ покончилъ всѣ разсчеты съ жизнью одинъ изъ тѣхъ людей, которые въ современникахъ возбуждаютъ страхъ и недоумѣніе.

Таковъ былъ Радищевъ, который въ ночь на 12-е сентября 1802 года покончилъ съ собой. «Радищевъ умеръ,—писалъ одинъ изъ младшихъ его современниковъ (Борнъ въ альманахѣ «Свитокъ музъ» *),—и, какъ сказываютъ, насильственною произвольною смертью. Какъ согласить сіе дѣйствіе съ непоколебимою твердостью философа, покоряющагося необходимости и радѣющаго о благѣ людей въ самомъ изгнаніи, въ ссылкѣ, въ несчастіи, будучи отчужденнымъ круга родныхъ и друзей? Или позналъ онъ ничтожность жизни человѣческой? или отчаялся онъ, какъ Брутъ, въ самой добродѣтели? Положимъ перстъ на уста наши и пожалѣемъ объ участи человѣчества». Внезапная смерть не могла не поразить современниковъ, не знавшихъ всѣхъ обстоятельствъ. Г. Мякотинъ, посвятившій лучшую изъ статей своего замѣчательнаго по глубокому интересу сборника—«Изъ исторіи русскаго общества», памяти Радищева («На зарѣ русской общественности»), объясняетъ эту трагическую развязку просто и правильно. По возвращеніи изъ ссылки еще при Павлѣ I, Радищевъ съ восторгомъ встрѣтилъ «дней Александровыхъ прекрасное начало» и даже принялъ дѣятельное участіе въ коммиссіи о составленіи законовъ. Не ограничиваясь ролью совѣтника въ коммиссіи, онъ вскорѣ подалъ обширный проектъ общихъ реформъ законодательства, встрѣченный, однако, предсѣдателемъ коммиссіи (графомъ Завадовскимъ) очень сурово. Хотя существеннѣйшую часть своихъ взглядовъ онъ заимствовалъ у западныхъ мыслителей, преимущественно у французскихъ энциклопедистовъ, но, по словамъ г. Мякотина, онъ съумѣлъ придать имъ вполнѣ оригинальную стройность и цѣльность, обнаруживъ рѣдкій талантъ изложенія въ сильныхъ и яркихъ образахъ, не потерявшихъ даже и въ наши дни своей обаятельности. Какъ стилистъ и художникъ слова, онъ задолго до Карамзина началъ писать великолѣпнымъ русскимъ языкомъ, по выразительности гораздо болѣе сильнымъ, чѣмъ языкъ Карамзина.

*) Цитир. по книгѣ г. Мякотина «Изъ исторіи русскаго общества», 1902 г.



Это одно уже даетъ ему право на вѣчную память въ русской литературѣ, гдѣ онъ долженъ занять мѣсто не только перваго по времени русскаго публициста, но и одного изъ первыхъ по художественности и силѣ слога.

Что касается его основныхъ идей, то Радищевъ является предтечею цѣлой плеяды русскихъ величайшихъ писателей, боровшихся за уничтоженіе крѣпостного права и за гуманность.

Въ лицѣ его чрезвычайно удачно сочеталось теоретическое знаніе, просвѣщеніе «съ вѣкомъ наравнѣ» и глубокое знаніе русской жизни, умѣніе наблюдать и изъ наблюденій дѣлать вѣрныя обобщенія. Въ его «Путешествіи» дана такая широкая картина тогдашней жизни, какую ни до него, ни долго послѣ него мы не встрѣчаемъ въ литературѣ. Все, что касается жизни крѣпостнаго крестьянства, помѣщичьяго быта, злоупотребленій мѣстной администраціи, начертано имъ живо, ярко и съ вѣрнымъ пониманіемъ причинъ и слѣдствій. Можно съ полнымъ правомъ сказать, что до Гоголя не появляется такихъ художественныхъ и вѣрныхъ картинъ изъ быта деревни и провинціи. Въ особенности его занимало положеніе крестьянства. «Мысль объ этомъ жалкомъ положеніи,—говоритъ г. Мякотинъ,—неустанно преслѣдуетъ писателя. Даже зрѣлище богатствъ родины вызываетъ у него лишь минутную радость, быстро увядующую при воспоминаніи о томъ, что «въ Россіи многіе земледѣлатели не для себя работаютъ» и, слѣдовательно, самое изобиліе плодовъ земли доказываетъ лишь «отягченный жребій ея жителей». Рядъ разбросанныхъ въ книгѣ фактовъ посвященъ изображенію «отягченнаго жребія» крестьянства, и эти факты ярко освѣщаютъ весь ужасъ наиболѣе темныхъ сторонъ крѣпостнаго права. «Путешествіе» возсоздаетъ передъ глазами читателя своего рода портретную галлерею типовъ, порожденныхъ крѣпостничествомъ.

Всѣ главныя темы будущихъ произведеній нашихъ величайшихъ писателей начиная съ Пушкина съ его «Деревней» и до Салтыкова съ его «Пошехонской стариной», заключаются въ путешествіи, въ которомъ Радищевъ съ непосредственностью великаго таланта затронулъ самыя больныя стороны русской жизни не только своего времени. Онъ далъ мотивы для всей послѣдующей литературы, въ теченіе цѣлаго почти вѣка разрабатывавшей ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ далъ и нѣчто большее, чѣмъ рядъ простыхъ указаній на темныя стороны, онъ далъ теоретическую критику, съ опредѣленіемъ послѣдствій и выводовъ изъ всего имъ описаннаго. Онъ выступилъ первымъ убѣжденнымъ проповѣдникомъ «совершеннаго уничтоженія рабства», далеко опередивъ не только всѣхъ русскихъ современниковъ, но и большинство западныхъ мыслителей той эпохи.

«Исторія въ одномъ горько обманула Радищева: тотъ первый шагъ въ обновленіи русскаго быта, котораго онъ ждалъ отъ своей эпохи, на который горячо звалъ своихъ современниковъ, былъ сдѣланъ лишь 70 лѣтъ спустя послѣ выхода въ свѣтъ его книги и болѣе полувѣка послѣ его смерти», этими словами заканчиваетъ г. Мякотинъ свой разборъ «Путешествія».

Не многіе изъ современниковъ Радищева понимали все его значеніе. «Друзья!—писалъ Борнъ въ некрологѣ Радищева.—Посвятимъ слезу сердечную памяти Радищева. Онъ любилъ истину и добродѣтель. Пламенное его человѣколюбіе жаждало

озарить всѣхъ своихъ собратій симъ немерцающимъ лучомъ вѣчности; жаждало видѣть мудрость, возсѣвшую на тронѣ всемірномъ. Онъ зналъ лишь слабость и невѣжество, обманъ подъ личиною святости—и сошелъ въ гробъ. Онъ родился быть просвѣтителемъ, жилъ въ утѣсненіи—и сошелъ въ гробъ, въ сердцахъ благодарныхъ патріотовъ да сооружится ему памятникъ, достойный его!» Памятникъ этотъ есть все послѣдующее движеніе, неизмѣнно шедшее по указанному имъ направленію, и въ лучшемъ памятникѣ Радищевъ не нуждается *). И чѣмъ дальше будетъ развиваться общественная жизнь въ Россіи, тѣмъ выше, и непоколебимѣе станетъ этотъ памятникъ, самой жизнью воздвигнутый великому публицисту.

Другая годовщина имѣетъ болѣе радостный характеръ: пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ сентябрьской книгѣ «Современника» въ 1852 г. появилось «Дѣтство» Льва Николаевича Толстого. Это былъ первый выходъ великаго писателя, выходъ, достойный всей послѣдующей его необъятной и неоцѣнимой дѣятельности. На протяженіи полустолѣтія мы видимъ поистинѣ необычайное явленіе, не имѣющее примѣра въ міровой литературѣ,—постоянный и неизмѣнный ростъ писателя, надъ которымъ время какъ-бы потеряло свое вліяніе. И черезъ пятьдесятъ лѣтъ Толстой, уже старецъ, также свѣжъ и могучъ, какъ писатель, каковъ онъ былъ и въ началѣ своей работы. Расширяется только захватъ его генія, который, не останавливаясь, продолжаетъ свое исканіе истины и неизмѣнно двигается впередъ. Одинъ только образъ невольно напрашивается на сравненіе, это великій старецъ Гёте, на закатѣ доканчивающій свое великое произведеніе, надъ которымъ онъ работалъ всю жизнь, и съ юношескою живостью интересующійся движеніемъ научной мысли. Но отъ чрезмѣрнаго олимпійскаго спокойствія Гёте вѣетъ на насъ холодомъ, какъ съ вершины гигантской горы, покрытой вѣчнымъ снѣгомъ среди недосягаемыхъ облаковъ. Толстой, не уступая Гёте въ жизненности творчества и неутомимой бодрости духа, ближе къ намъ, бѣднымъ и малымъ дѣтямъ земли, съ которыми онъ находится въ постоянномъ общеніи, мучимый общими сомнѣніями и жаждой истины.

Съ перваго вступленія на литературное поприще его не покидаетъ то «святое недовольство» собой, которое чувствуется затѣмъ такъ ярко, въ каждомъ новомъ произведеніи все усиливаясь, пока не разражается въ цѣлую бурю къ моменту перелома въ началѣ 80-хъ годовъ. Недовольство собой и исканіе правды придаютъ необычайную цѣльность творчеству Толстого и его гигантской личности, какъ бы заполняющей собой полъ-вѣка жизни русской мысли. Въ его удивительной личности есть, дѣйствительно, что-то символическое. Все, казалось бы, соединилось въ его жизни, чтобы дать ему возможное для человѣка счастье и удовлетвореніе. Могучій талантъ, мощный организмъ, личное счастье при полной матеріальной обезпеченности, общее преклоненіе предъ геніальнымъ художникомъ, не знающимъ соперниковъ,—и въ то же время неустанно гложущій червь сомнѣнія и недовольства, не дающій ни минуты покоя.

*) Въ Саратовѣ, на родинѣ Александра Николаевича Радищева, устроенъ музей его имени, очень поучительный и интересный. Къ сожалѣнію, лѣтомъ, когда пріѣзжая публика больше всего могла-бы его осматривать,—онъ закрывается.

Никто не выразилъ въ XIX вѣкѣ съ большей силой той безпокойной жажды вѣчной истины, которая мучитъ человѣчество съ перваго дня его сознательнаго существованія.

Когда пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ появилось первое произведеніе Толстого, какая громадная разница была съ тѣмъ, что мы видимъ теперь. Читающая Россія вся заключалась въ небольшомъ кругѣ интеллигенціи, состоявшемъ почти исключительно изъ передового дворянства. Очень просвѣщенный, этотъ кругъ былъ въ сущности очень невеликъ по количеству. Не только масса народа не имѣла доступа къ книгѣ, къ просвѣщенію, но и разночинецъ только-только еще выдѣлялся, какъ особый общественный слой. Крѣпостное право, хотя уже пошатнувшееся, сдерживало въ желѣзныхъ оковахъ всѣ проявленія русскаго общественнаго духа. Даже очень дальновидные люди не предвидѣли еще близости зари новой русской жизни. Гоголь только что умеръ, Грановскій сталъ только тѣнью прежняго великаго учителя на университетской каѳедрѣ. Никто, конечно, читая удивительно свѣжія и яркія страницы новаго произведенія на страницахъ «Современника», не могъ и подумать, что это—первый блестящій выпадъ великаго писателя.

Прошло съ тѣхъ поръ пятьдесятъ лѣтъ, и какая разница въ общихъ условіяхъ жизни народа, въ положеніи русской литературы на міровой аренѣ. Бодрое настроеніе, жадное исканіе новыхъ путей къ истинѣ, оживленная жажда вѣры и знанія придаютъ нашему времени характеръ настоящей весны. Гибель крѣпостного права и послѣдовавшее затѣмъ огромное измѣненіе экономическихъ условій произвели коренной переворотъ въ положеніи народной массы, жадно ищущей просвѣщенія и выдвигающей съ каждымъ годомъ новаго массоваго читателя, который набрасывается на весь нашъ огромный запасъ знаній, накопленныхъ, но еще не использованныхъ. И трудно даже отдаленнымъ образомъ предвидѣть, каковы будутъ результаты этого массового просвѣщенія, которое стало лозунгомъ нашего времени. Наконецъ, русская литература изъ узко-русской стала міровой, завоевавъ себѣ право не только на уваженіе наряду съ литературами другихъ народовъ, но и на преклоненіе предъ самыми выдающимися двумя ея писателями—Толстымъ и Достоевскимъ. Теперь въ каждой почти книжкѣ любого иностраннаго журнала можно встрѣтить переводы изъ нашихъ писателей, а о нѣкоторыхъ, какъ, напр., о Горькомъ, создалась уже цѣлая литература.

И во всѣхъ этихъ перемѣнахъ роль Толстого огромна.

Можно отмѣтить три періода въ жизни великаго писателя. Первый начинается «Дѣтствомъ и отрочествомъ» и продолжается до «Войны и мира». Въ теченіе его Толстой ведетъ самую разнообразную жизнь, это его «Sturm und Drangperiode», когда огромныя силы, скрытыя въ немъ, бросаютъ его во всѣ стороны. Онъ и писатель, и храбрый солдатъ, и помѣщикъ, искренно задумывающій облагодѣтельствовать своихъ крестьянъ. Внутренняя неустанная работа проявляется одновременно и въ дѣйствіи, и въ творчествѣ. Вслѣдъ за «Дѣтствомъ» идутъ «Севастопольскіе разсказы», въ которыхъ запечатлѣлось пережитое Толстымъ въ пылу страшной военной борьбы. Затѣмъ идетъ жизнь въ кругу литераторовъ въ столицѣ, гдѣ онъ съ такою же необузданною страстью, какъ и во всемъ, отдается не-

вымъ впечатлѣніямъ, чтобы забросить все это «съ отвращеніемъ и досадою». Его неуравновѣшенная, не поддающаяся никакимъ ограниченіямъ кружковыми или партійными взглядами, натура не могла ужиться ни съ передовой частью тогдашней литературы, ни съ консервативной, и въ шестидесятые годы, когда каждый такъ или иначе примыкалъ къ тому или иному лагерю, Толстой одинъ остался внѣ лагерей. Сначала за границей, гдѣ ему ничто не понравилось, потомъ у себя въ Ясной Полянѣ онъ отдавался больше всего внутренней своей жизни, выработкѣ взглядовъ на людей и ихъ взаимоотношенія, которыя вылились потомъ съ такой яркостью и силой въ «Войнѣ и мирѣ». Цѣлый рядъ произведеній служитъ отраженіемъ этой внутренней жизни. «Утро помѣщика», «Три смерти», «Люцернъ», «Поликушка», «Холстомѣръ» показываютъ, какъ писателя все время волнуютъ вопросы, имѣющіе вѣчное значеніе. Странное впечатлѣніе должны были произвести эти произведенія въ періодъ самой жаркой борьбы различныхъ направленій, когда злобы дня отодвигали все на задній планъ. Къ тому же періоду относятся «Семейное счастье» и «Казаки». Любопытно, что первое изъ нихъ, въ которомъ уже слышатся отзвуки мыслей, потомъ съ такою страстностью развитыхъ въ «Крейцеровой сонатѣ», написано Толстымъ еще неженатымъ человѣкомъ, въ періодъ очень бурной холостой жизни. «Казаки» по времени первое изъ произведеній Толстого, въ которомъ проявляется его геніальный талантъ художника-мыслителя. Въ немъ впервые дана несравненная картина «дѣтей природы», пожалуй, не только въ русской, но и міровой литературѣ. По крайней мѣрѣ, мы не можемъ отыскать аналогіи его Брошкѣ, Маріанкѣ, Лукашкѣ. «Дѣти природы» изображены не съ предвзятой точки зрѣнія—возвеличить или принизить ихъ, не съ цѣлью дать намъ образцы для подражанія, а просто даны живые люди, настолько сливающіеся своей жизнью съ природой, что по отношенію къ нимъ, какъ и къ природѣ вообще, отпадаютъ вопросы о добрѣ или злѣ. На фонѣ такой «естественной» жизни, безъ «думы роковой», безъ рефлексіи и вѣчнаго копанія въ своей душѣ, особенно ярко выступаетъ слабость и безсиліе «культурнаго» человѣка Оленина, въ лицѣ котораго, можетъ быть безсознательно, сказалось отрицательное отношеніе Толстого къ «прогрессу цивилизаціи».

«Казаками» заканчивается бурный періодъ исканія. Съ середины шестидесятыхъ годовъ начинается второй—время спокойнаго творчества, давшаго два величайшихъ романа—«Войну и миръ» и «Анну Каренину». Нельзя охватить однимъ взглядомъ огромный міръ образовъ, положеній, характеровъ и типовъ, заключающійся въ «Войнѣ и мирѣ». Тутъ, кажется воспроизведена сама жизнь, какъ она есть, причемъ отъ императорскаго дворца до лагерной палатки все выписано съ художественной тщательностью, отчего вся картина живетъ и дышетъ. Психологія народа объединяетъ эту многообразную картину и придаетъ ей нетлѣнное значеніе. Исторіо-софическіе взгляды самого автора проведены здѣсь не только въ видѣ отступленій и отдѣльныхъ мыслей (они были выдѣлены потомъ Толстымъ въ особую часть), но главнымъ образомъ въ геніально изображенныхъ подробностяхъ, сценахъ и типахъ. Основные взгляды Толстого ясно видны уже въ «Войнѣ и мирѣ», его признаніе

главной силы за стихійностью и отрицаніе значенія отдѣльныхъ личностей. Въ противопоставленіи Наполеона и Кутузова, Каратаева и Безухова чувствуется то же, что и въ «Казакахъ»: огромное подавляющее значеніе безсознательнаго, стихійнаго начала въ жизни и исторіи. Платонъ Каратаевъ—вотъ истинный мудрецъ, всецѣло живущій не личною жизнью и личными усиліями мысли, а сливающейся всѣмъ существомъ съ жизнью міровой. Онъ «круглый», т.-е. ни одна черточка въ немъ не выдѣляется въ силу индивидуальнаго значенія, а все слито и оформлено по типу «міра» и «природы», съ которыми Каратаевъ безсознательно ощущаетъ полную духовную связь и единеніе. Отчасти то же мы видимъ и въ характерѣ Кутузова, который силенъ этимъ безсознательнымъ ощущеніемъ своей непосредственной связи съ стихійнымъ настроеніемъ народа и солдатъ, чего именно нѣтъ въ Наполеонѣ, придающемъ исключительное значеніе своимъ личнымъ талантомъ и своей все подавляющей личности.

Общій тонъ этой великой эпопеи, не имѣющей равной себѣ ни въ одной литературѣ, отличается радостнымъ, свѣтлымъ настроеніемъ, которое такъ рѣзко оттѣняетъ это произведеніе при сравненіи съ послѣдующими твореніями Толстого. Въ «Аннѣ Карениной» преобладаетъ пессимистическое настроеніе, мѣстами безотрадное, доходящее почти до отчаянія, когда Левинъ теряетъ смыслъ жизни. Описаніе смерти брата Николая уже близко къ смерти Ивана Ильича. Общій смыслъ всего романа—безцѣльность жизни, отсутствіе радости въ самыхъ, повидимому, законныхъ чувствахъ человѣка. Только сближеніе съ стихійнымъ чувствомъ народа вноситъ нѣкоторый миръ и удовлетвореніе въ смятенную душу Левина. «Нечѣмъ жить»—этимъ воплемъ завершился второй періодъ великой работы совѣсти въ геніальномъ авторѣ, и начался третій, продолжающійся и понынѣ.

Художественная дѣятельность третьяго періода не уступаетъ по значенію, величію содержанія и объему его прежней творческой работѣ. Такія произведенія, какъ «Смерть Ивана Ильича», «Крейцерова соната», «Власть тьмы» и, наконецъ, «Воскресеніе»—не только не уступаютъ по художественной красотѣ прежнимъ, но и превосходятъ опредѣленностью и страшною важностью поднимаемыхъ вопросовъ. И прежде Толстой не былъ никогда писателемъ по профессіи, вопросъ, *какъ* написать то или другое, уступалъ для него всегда другому вопросу—*что́* сказать. Отсюда кажущаяся небрежность формы, грубоватость отдѣлки, придающія его произведеніямъ такую характерность—силы и безыскусственности. Въ произведеніяхъ третьяго періода эта черта еще усилилась въ его манерѣ работы, которая производитъ иногда впечатлѣніе усилій почти нечеловѣческихъ—съ ясностью самой жизни возсоздать внутренній міръ человѣка до послѣдней черточки, до того предѣла, гдѣ исчезаетъ граница, отдѣляющая искусство отъ жизни. Сущность вытѣсняетъ форму, которая только мѣшаетъ великому творцу уловить недостающія подробности, чтобы выявить истину во всей ея подавляющей наготѣ. Нельзя сказать, что́ въ томъ или другомъ изъ его произведеній нехудожественно: искусство, добро и правда слиты въ полной гармоніи. Этимъ и объясняется впечатлѣніе каждаго изъ его послѣд-

нихъ произведеній, которыя, какъ сама жизнь, очаровываютъ и подавляютъ. Стоитъ, напр., вспомнить отдѣльные моменты въ «Смерти Ивана Ильича» или въ «Воскресеніи» и сравнить ихъ съ лучшими страницами «Войны и мира» или «Анны Карениной», чтобы видѣть, насколько искусство теперешняго Толстого, не уступая въ красотѣ, превосходитъ его прежнюю манеру, если можно такъ выразиться, углубленностью содержанія.

А значеніе его теперь, безспорно, неизмѣримо выше по сравненію съ прежнимъ временемъ. Тогда онъ былъ достояніемъ только небольшого круга интеллигенціи, теперь онъ, несомнѣнно, *народный* писатель, имя котораго также популярно среди массы, какъ и интеллигенціи. Говорить о распространеніи его произведеній невозможно, такъ какъ цифръ для этого нѣтъ, но безспорно одно, что общая сумма его произведеній, распространенныхъ въ массѣ, во много разъ превышаетъ общую цифру произведеній всей русской литературы. Одно «Воскресеніе» разошлось почти въ милліонѣ экземпляровъ, а его мелкіе разсказы циркулируютъ сотнями тысячъ. Эта распространенность Толстого дѣлаетъ его значеніе, какъ народнаго писателя, не поддающимся никакому сравненію и учету. Предъ нами литературное явленіе, заслоняющее собой все остальное по громадности общественнаго значенія.

Результаты этой гигантской пятидесятилѣтней работы не могутъ быть теперь даже приблизительно учтены, но все же вторую половину девятнадцатаго, въ особенности послѣднюю четверть его, можно назвать вѣкомъ Толстого: едва ли въ міровой литературѣ нашего времени можно указать болѣе характерную и вліятельную личность.

Удивительна судьба русской литературы! Сто лѣтъ тому назадъ покончилъ съ собой первый русскій великій публицистъ, изъ книги котораго вышла вся послѣдующая передовая часть русской литературы: «У Радищева юный Пушкинъ учился ненависти къ крѣпостному праву», говоритъ г. Мякотинъ. А теперь во главѣ литературы всего міра стоитъ русскій писатель, несомнѣнно болѣе сильный и болѣе значительный. Путь, пройденный за этотъ вѣкъ, отдѣляющій кончину Радищева отъ пятидесятилѣтія Толстого, безпримѣренъ въ исторіи мысли по огромности добытыхъ результатовъ. Какъ ни многотруденъ былъ этотъ путь, но русская литература, можетъ, съ надеждою и вѣрою въ себя, смотрѣть въ будущее...

А. Б.

---

## ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

М. Г. г. Редакторъ

Въ іюльскомъ нумерѣ вашего почтеннаго журнала я нахожу замѣтку г. Кудрявскаго о второмъ изданіи переведеннаго мною «Краткаго народовѣдѣнія» Шурца, которая, вѣроятно, должна смутить постоянныхъ читателей вашего журнала. Авторъ замѣтки обвиняетъ меня въ неудачныхъ примѣчаніяхъ, «разрушающихъ систему автора» («М. Б.», 1902 VII, 95) и въ «небрежности въ самомъ языкѣ русскаго перевода», причемъ «непріятное впечатлѣніе производятъ неудачныя выраженія и неточности перевода» (тамъ же, 96). Я полагаю, что такой отзывъ не можетъ не удивить вашего читателя, если онъ помнитъ отзывъ, помѣщенный въ X № «Міра Божія» за 1895 г., въ которомъ объ этомъ же переводѣ сказано: «Переводъ сдѣланъ такимъ знатокомъ вопросовъ по народовѣдѣнію и культурѣ, какъ г. Коропчевскій, добавившій въ примѣчаніяхъ цѣнныя поясненія» (Библіогр. отдѣлъ, стр. 22—23). Я увѣренъ, что читателя, даже и «внимательнаго» можетъ затруднить задача, возлагаемая на него г. Кудрявскимъ, который предлагаетъ ему самому «исправить неточности перевода». Это тѣмъ труднѣе ему сдѣлать, что г. рецензентъ ни одной неточности не указываетъ. Съ своей стороны, я прибавлю только, что я предоставляю г. Кудрявскому быть какого угодно мнѣнія о моихъ примѣчаніяхъ и дополненіяхъ къ книгѣ Шурца, но думаю, въ чемъ, конечно, и вы со мной согласитесь, что говоря о неточности и небрежности перевода ему, по меньшей мѣрѣ, слѣдовало бы указать примѣры съ соотвѣтственными мѣстами нѣмецкаго текста, такъ какъ иначе обвиненіе его является голословнымъ и бездоказательнымъ.

Я надѣюсь, что вы не откажете въ помѣщеніи этихъ строкъ въ вашемъ уважаемомъ журналѣ. Д. Коропчевскій.

---

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Признавая вполнѣ справедливость требованія г. Коропчевскаго—указать примѣры неточности, приводимъ ихъ ниже, причемъ должны замѣтить, что эти примѣры *были* приведены нашимъ рецензентомъ въ первоначальномъ текстѣ, но редакція не помѣстила ихъ только потому, что и самъ авторъ рецензіи, и редакція не придавали этимъ неточностямъ особаго значенія въ общей оцѣнкѣ этой хорошей книги. Тѣмъ болѣе, что рецензія уже второй разъ помѣщается о книгѣ Шурца.

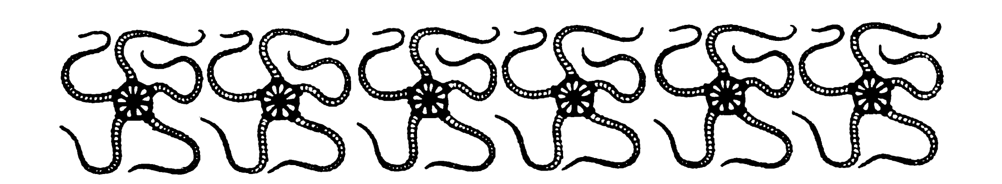
Вотъ эти примѣры, приведенные г. Кудрявскимъ;

«На стр. 43 кипяченіе воды раскаленными камнями названо «обычаемъ»; на стр. 44 сказано: «Приготовленіе древнѣйшаго опьяняющаго напитка арійцевъ, сомы, къ сожалѣнію, не можетъ быть *указано*». Здѣсь, конечно, слово «указано» неумѣстно; о чемъ рѣчь идетъ въ подлинникѣ, мы, къ сожалѣнію, не могли справиться. На стр. 45 говорится «о разнообразномъ размноженіи» одежды; на стр. 59—рыбъ «*оглушаютъ* ядовитымъ веществомъ»; на стр. 117 говорится о дорогахъ «къ янтарнымъ берегамъ Балтійскаго моря»; на стр. 136 приводится типичный примѣръ «существованія блуждающаго»; на стр. 173 сказано: «Въ костюмъ марутсовъ, по преимуществу *состоящему* изъ шкуръ, входятъ...»; на стр. 234: «Въ теченіе весьма *обширнаго* промежутка времени» и т. д. Кромѣ того нельзя не отмѣтить, что по-русски обыкновенно говорятъ «гарпунъ» въ мужскомъ родѣ, а не «гарпуна» въ женскомъ (58 стр.). Вопросъ о томъ, можно ли употреблять форму «*кушаньевъ*» (стр. 42—43) вмѣсто кушаній, я уже предоставляю рѣшить будущему законодателю нашего правописанія».

---

Издательница М. К. Куприна-Давыдова. Редакторъ Ѳ. Д. Батюшковъ.





## ГЛАВА XVII.

Глубоководныя работы.—Діего-Гарсія.—Флора и фауна.—Населеніе.

Покинувъ атоллъ Суадива, мы направили нашъ курсъ на самую южную изъ группъ коралловыхъ атолловъ, которыя, начинаясь Лакедивскими островами, оканчиваются архипелагомъ Хагосъ. Въ теченіе четырехъ дней пути, 20-го—23-го февраля, мы предприняли серію изъ пяти промѣровъ, которые дали намъ важный въ географическомъ отношеніи результатъ, именно, доказали существованіе подводнаго хребта, связывающаго острова Хагосъ съ Мальдивскими. На западъ и на востокъ отъ обоихъ названныхъ коралловыхъ атолловъ уже прежнія экспедиціи показали присутствіе глубокаго моря въ 4—5.000 метровъ глубиною. Наши промѣры дали по прямой линіи, связующей Мальдивскіе острова съ островами Хагосъ, менѣе значительныя глубины, именно 2.253, 2.524, 2.926 и 3.376 метровъ. Такимъ образомъ, вся система коралловыхъ архипелаговъ, выдвинутыхъ въ центральный Индійскій океанъ и тянущихся съ сѣвера на югъ, оказывается, представляетъ изъ себя одно цѣлое, которое расчленяется, правда, довольно широкими и глубокими каналами на отдѣльныя группы. Температура на днѣ была 1,7—1,8°, грунтъ дна состоялъ изъ бѣлаго глобигериноваго ила, въ которомъ при промывкѣ оказывались глобигерины и многочисленныя кремневыя раковинки радіолярій. Ловы замыкающимися сѣтями, производившіеся нами почти вплоть до самаго дна, доставляли намъ, наравнѣ съ живыми вѣтвистоусыми рачками и сагиттами съ краснымъ кишечникомъ, такое количество пустыхъ радіоляріевыхъ и глобигериновыхъ раковинокъ, что уловъ казался бѣлымъ и мутнымъ. Хорошая погода позволила намъ произвести не только многочисленные ловы вертикальными сѣтями, положительно завалившими насъ драгоцѣннѣйшимъ матеріаломъ, но и предпринять два раза работу траломъ на глубинѣ 2.253 и 2.919 метровъ. Фауна дна въ этой части моря развита не особенно богато, но содержитъ все же большое количество интересныхъ формъ. Между ними бросались въ глаза красивѣйшіе представители рода *Umbellula*, морскія перья, роговые кораллы, фіолетовые морскіе ежи (*Dermatodiadema*), морскія звѣзды и особенно замѣчательныя плеченогія. У послѣднихъ замѣчается удивительное приспособленіе къ существованію на глобигериновомъ илѣ, именно у нихъ совершенно необычнымъ образомъ развивается нога. Въ противоположность къ родственному роду *Terebratulina*, она сильно вытянута и снабжена многочисленными тонкими боковыми вѣтвями, при помощи которыхъ оплетаются или же прободаются насквозь корненожки-глобигерины.

Какъ сообщаетъ мнѣ проф. Блохманнъ, подобное измѣненіе ноги не было до сихъ поръ найдено ни у одного изъ плеченогихъ.

Въ теченіе первыхъ дней послѣ отъѣзда съ Мальдивскихъ острововъ, мы находились подъ экваторомъ, и погода была томительно жаркой. Мы прошли 20-го февраля самый южный изъ Мальдивскихъ острововъ островъ Пхуа-Мулаку, замѣтный издали и имѣющій видъ низкаго и поросшаго кокосовыми пальмами кораллового рифа. Туземцы, повидимому, давно уже не видали ни одного парохода, такъ какъ на сигналъ свисткомъ сбѣжались со всѣхъ концовъ цѣлыми сотнями. Отъ берега отвалила лодка съ краснымъ флагомъ, и мы остановились, чтобы подождать ее. Къ сожалѣнію гребцы, вѣроятно, заподозрили насъ въ дурныхъ намѣреніяхъ и не рѣшились приблизиться къ судну, такъ что мы, не производя здѣсь высадки, продолжали свой путь.

До сихъ поръ наблюдался или полный штиль, или легкій западный вѣтеръ, но теперь, съ 21-го февраля, началъ становиться все сильнѣе и сильнѣе сѣверо-западный муссонъ. Онъ разразился грозою и сильными ливнями 22-го и 23-го февраля и обусловилъ очень чувствительное теченіе по направленію къ юго-востоку.

23-го февраля, послѣ обѣда, мы замѣтили островъ Діего-Гарсія, но уже стемнѣло, прежде чѣмъ намъ удалось подойти ко входу въ его внутреннюю лагуну. При сильномъ волненіи намъ казалось не особенно пріятнымъ крейсеровать всю ночь передъ атолломъ, и капитанъ рѣшился, руководствуясь превосходной картой англійскаго адмиралтейства, войти въ лагуну при свѣтѣ полной луны, несмотря на то, что входные знаки были удалены нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Населеніе Діего-Гарсія было не мало изумлено, когда увидѣло на слѣдующее утро въ лагунѣ большой пароходъ, стоящій на якорѣ. Скоро отъ главнаго поселенія отвалила лодка съ чернокожими гребцами въ красивыхъ матросскихъ костюмахъ. Главный администраторъ острова м-ръ де-Кайла самъ сидѣлъ на рулѣ и былъ, казалось, удивленъ, когда на его вопросъ, нѣтъ ли у насъ больныхъ на пароходѣ и какова цѣль нашего прибытія, ему отвѣтили съ мостика, что мы хотимъ посмотрѣть его островъ и купить свиней. Взойдя на палубу, онъ, впрочемъ, скоро понялъ, какова цѣль нашей поѣздки, и вызвался со свойственной французу-южанину любезностью служить намъ лоцманомъ при дальнѣйшемъ проходѣ черезъ лагуну къ мѣсту якорной стоянки противъ главнаго населеннаго пункта. При этомъ онъ не могъ не сдѣлать нѣсколькихъ комплиментовъ нашему капитану по поводу удачно выполненнаго имъ рискованнаго входа въ лагуну ночью, на что не рѣшалось ни одно изъ судовъ, посѣщавшихъ островъ до тѣхъ поръ.

Прежде чѣмъ коснуться своеобразныхъ соціальныхъ условій этого одинокаго острова, заброшеннаго въ глубинѣ тропическаго Индійскаго океана и въ настоящее время отрѣзаннаго отъ мірового торговаго пути, да будетъ намъ позволено охарактеризовать его форму, растительность и фауну, насколько намъ съ ними удалось познакомиться въ теченіе двухъ съ половиною дней нашего пребыванія тамъ. Островъ Діего-Гарсія располагается подъ 7°13′ южн. шир. и 72°23′ вост. долг.; онъ представляетъ изъ себя типичный коралловый атоллъ, неправильной трехъугольной формы, острый конецъ котораго направленъ на югъ, а основаніе на сѣверо-западъ. Полоса суши шириною не болѣе одной мили и мѣстами значительно уже; она окружаетъ огромную лагуну, сообщающуюся съ океаномъ на сѣверо-западѣ. Входъ въ лагуну дѣлится тремя островами: Восточнымъ, Среднимъ и Западнымъ, на 4 про-



лива, изъ которыхъ наиболѣе удобнымъ для судоходства является проливъ между Среднимъ и Западнымъ островомъ; здѣсь имѣются глубины въ 10—12 метровъ и могутъ проходить даже большіе океаническіе пароходы. Отсюда тянется глубокій извилистый фарватеръ между подводными коралловыми рифами вплоть до якорной стоянки противъ главнаго поселенія Истъ-Пойнта и такимъ образомъ лагуна представляетъ изъ себя превосходную и удивительно хорошо защищенную гавань. Протяженіе Діего-Гарсія съ сѣвера на югъ составляетъ 12½, съ востока на западъ въ самомъ широкомъ мѣстѣ—7 морскихъ миль. Поверхность острова плоска и поднимается лишь на нѣсколько метровъ надъ уровнемъ моря. Островъ сложенъ изъ коралловыхъ полипняковъ и коралловаго песка, который юго-восточнымъ пассатомъ, дующимъ съ апрѣля по сентябрь, наметается кое-гдѣ въ дюны вышиною въ 8—10 метровъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ островъ покрытъ богатой растительностью, опавшая листва и скорлупа кокосовыхъ орѣховъ образуетъ плодородный перегной. Къ лагунѣ берегъ спускается очень полого, къ открытому же морю суша опускается обрывистѣе и окаймлена краевымъ рифомъ, который обнажается во время отлива и представляетъ изъ себя полосу въ $^1/_4$—$^1/_2$ мили шириною. Лагуна въ серединѣ достигаетъ 20 метровъ глубины, самая же большая глубина, измѣренная въ ней,—30 метровъ. На самомъ южномъ заостренномъ концѣ она, повидимому, за послѣдніе десятки лѣтъ обнаруживаетъ медленное обмеленіе. Нѣтъ словъ, чтобы описать красоту окраски воды внутри лагуны—поднимающіеся съ глубины коралловые рифы обусловливаютъ на основномъ голубомъ фонѣ ея самые различные переходы къ бѣлому, зеленому и желто-красному цвѣту. Какъ внутри лагуны, такъ и снаружи рифа произрастаютъ, главнымъ образомъ, мадрепоры, звѣздчатые кораллы, меандрины, миллепоры и грибовидные кораллы. На краевомъ рифѣ, который къ тому же во время отлива лишь мѣстами покрытъ водою, не растетъ никакихъ живыхъ коралловъ,—вѣтви ихъ большею частью обломаны и чашечки стерты, но зато здѣсь часто находятся свободно лежащіе обломки коралловыхъ полипняковъ.

Островъ Діего Гарсія очень малъ по сравненію съ коралловой банкой Хагосъ, располагающейся на сѣверъ отъ него и оканчивающейся на сѣверномъ и южномъ краю двумя небольшими приподнимающимися надъ водою атоллами, именно островомъ Сиксъ-Эйландомъ и островомъ Терросъ-Банхосъ. Эта банка Хагосъ имѣетъ въ длину не менѣе 95 морскихъ миль при ширинѣ 65 миль и представляетъ изъ себя гигантскій, погрузившійся въ воду, атоллъ, край котораго лежитъ на 7—18 метрахъ подъ водою, тогда какъ во внутренней лагунѣ его замѣчаются глубины до 82 метровъ. Вмѣстѣ съ Діего-Гарсія и двумя вышеназванными атоллами банка Хагосъ представляетъ одно цѣлое, называемое островами Хагосъ. Въ теченіе южной зимы островъ Діего-Гарсія, обвѣваемый юго-восточнымъ пассатомъ, несмотря на обиліе здѣсь дождей, считается мѣстностью очень здоровой. Малярія на немъ неизвѣстна, но зато европейцамъ приходится жаловаться на болѣзни печени, развивающіяся при продолжительномъ пребываніи на островѣ.

Островъ покрытъ роскошной растительностью. Для изучающаго распредѣленіе растеній, однако, здѣсь непріятный сюрпризъ въ томъ отношеніи, что мѣстныхъ, эндемичныхъ, формъ растеній нѣтъ совершенно, и встрѣчаются лишь такія, которыя распространены по всему тропическому поясу на коралловыхъ островахъ. Но между тѣмъ, на очень немногихъ атоллахъ встрѣчаемъ мы столь же роскошное разви-

тіе растительнаго покрова, какъ на Діего-Гарсія. Преобладаетъ здѣсь кокосовая пальма, встрѣчающаяся въ милліонахъ экземпляровъ и придающая характерный отпечатокъ физіономіи острова. Пальмовые лѣса образуютъ такія густыя заросли, что совершенно затѣняютъ островъ. Мѣстами еще выше ихъ перистыхъ верхушекъ поднимаются казуарины съ ихъ тонкой листвою, напоминающей тамарискъ.

Около факторій растутъ превосходныя *Calophyllum inophyllum* и баррингтоніи, которыя, повидимому, посажены уже давно. Роскошное старое дерево *Calophyllum*, называемое здѣсь обитателями острова «татамака», какъ оно называется и на Сейшелльскихъ островахъ, является дивнымъ украшеніемъ. По всей вѣроятности, принесенъ сюда человѣкомъ и крупный баньянъ *(Ficus bengalensis)*, встрѣченный нами въ Истъ-Пойнтѣ и занимающій своими укореняющимися въ землѣ воздушными корнями огромную поверхность. Какъ на внутреннемъ, такъ и на наружномъ берегу тѣснятся еще терминаліи, а именно, представители родовъ *Hernandia*, *Scaevola* и *Tournefortia*. Оба послѣдніе рода образуютъ на наружномъ берегу почти непроницаемую заросль изъза которой гордо поднимаются верхушки кокосовыхъ пальмъ. На деревьяхъ часто паразитируютъ *Asplenium nidus*, тогда какъ почва покрыта папоротниками изъ рода *Gleichenia* и плаунами *Psilotum*.

Если на этомъ отдаленномъ островкѣ и не имѣется свойственныхъ ему исключительно растеній, то зато здѣсь можно познакомиться съ тѣми факторами, которые обусловили столь обильное заселеніе атолла всемірно распространенными въ тропической полосѣ и хорошо защищенными отъ вредныхъ вліяній вѣтра, волнъ, песка и морской соли представителями тропической растительности. Мы знаемъ, что многія сѣмена растеній приспособлены для распространенія при помощи вѣтра, тогда какъ другія распространяются птицами, проходя черезъ ихъ кишечникъ или же прилипая къ ихъ ногамъ и оперенію. Для тропической береговой флоры, какъ было признано еще Линнеемъ, гораздо большее значеніе имѣетъ перенесеніе плодовъ морскими теченіями. На плоскихъ морскихъ берегахъ находятся нерѣдко, вмѣстѣ съ выброшеннымъ деревомъ, цѣлыя банки плодовъ тѣхъ растеній, которыя именно и обусловливаютъ физіономію береговой полосы. Болѣе подробныя изслѣдованія показали, что плоды эти не утрачиваютъ способности прорастанія, несмотря на то, что приносятся волнами часто изъ очень далекихъ странъ. Сѣмена бываютъ обыкновенно окружены оболочками, которыя не только выдерживаютъ вредное вліяніе морской воды, но и представляютъ изъ себя вмѣстѣ съ тѣмъ весьма плавучія части растеній, такъ какъ клѣтки ихъ содержатъ воздухъ. Въ области интересующей насъ индомалайской береговой флоры проф. Шимперъ познакомилъ насъ недавно съ очень разнообразными приспособленіями къ такому способу переселенія, сказывающимися, прежде всего, въ развитіи приспособленной для плаванія ткани. Толстыя и богатыя воздухомъ оболочки кокосовыхъ орѣховъ, четырехгранные плоды баррингтоній, именно широко распространенныхъ *Terminalia Katappa*, *Tournefortia*, *Scaevola*, *Calophyllum*, и плоды всѣхъ другихъ формъ, характерныхъ для тропической береговой флоры, являются для географическаго распространенія растеній въ высокой степени важными.

Не менѣе флоры приковываетъ къ себѣ вниманіе и высшій животный міръ Діего-Гарсія. Уже при приближеніи къ острову бросаются въ глаза цѣлыя тучи бѣлыхъ и сѣрыхъ морскихъ ласточекъ,

которыхъ здѣсь три вида; онѣ гнѣздятся преимущественно на островахъ, лежащихъ при входѣ въ лагуну.

Впервые встрѣтили мы здѣсь въ большомъ количествѣ характерную для тропическаго пояса Индійскаго и Тихаго океановъ бѣлоснѣжную ласточку *(Gygis candida)*, она составляетъ какъ бы pendant къ антарктическимъ бѣлоснѣжнымъ буревѣстникамъ и соперничаетъ съ ними въ красотѣ и граціозности какъ полета, такъ и своей внѣшности. Чудное зрѣлище представляетъ изъ себя стайка этихъ замѣчательныхъ летуновъ, блещущихъ своимъ опереніемъ, когда она поднимается съ темной зелени тропическихъ пальмъ или другихъ деревьевъ. Въ противоположность ко всѣмъ своимъ родичамъ, ласточки эти гнѣздятся на деревьяхъ, гдѣ самка откладываетъ свое единственное яйцо между развилками вѣтвей. Большимъ сюрпризомъ было для меня, когда я позднѣе нашелъ этихъ же бѣлоснѣжныхъ морскихъ ласточекъ на Сейшелльскихъ островахъ тамъ, гдѣ ихъ можно было всего менѣе ожидать, именно на верхушкахъ деревьевъ дѣвственнаго лѣса, покрывающаго высокіе горные хребты.

Вмѣстѣ съ морскими ласточками лагуну оживляютъ также глупыши *(Sula)*, тогда какъ по берегу бродитъ большое количество голенастыхъ, между которыми бросаются въ глаза особенно два вида цапель—болѣе крупная и маленькая карликовая цапля. При разсмотрѣніи коллекціи привезенныхъ нами птицъ оказалось, что карликовая цапля является новымъ видомъ, который Рейхеновъ назвалъ *Butorides albolimbatus*. Изъ сухопутныхъ птицъ здѣсь былъ найденъ до сихъ поръ лишь превосходно окрашенный ткачъ *(Foudia madagascariensis)*, относящійся къ мадагаскарской области. Послѣднее время на Діего-Гарсія пробылъ довольно долго очень способный англійскій наблюдатель Борнъ и чрезвычайно странно, какимъ способомъ онъ могъ не замѣтить голубей, которыхъ мы довольно часто видѣли на верхушкахъ деревьевъ. Голубь этотъ также оказался новымъ видомъ, имѣющимъ тѣмъ большій интересъ, что это единственная эндемичная наземная птица на островахъ Хагосъ. Она также относится къ мадагаскарской группѣ голубей и была описана Рейхеновымъ, какъ новый видъ рода *Homopelia*. Голубь этотъ напоминаетъ мадагаскарскаго *H. picturata*, но темнѣе окрашенъ и на расплывчатомъ основномъ красноватомъ фонѣ, переходящемъ мѣстами въ сѣрый, выдѣляется черный ошейникъ, какой наблюдается и у ближайшихъ родственниковъ этого вида.

Если принять во вниманіе, какъ мало мы пробыли на островѣ, то все же можно не безъ удовлетворенія замѣтить, что мы добавили кое-что къ его его фаунѣ,—именно, открыли два новыхъ вида птицъ и изъ нихъ единственный эндемичный сухопутный видъ!

Кому приходилось ходить по кокосовому лѣсу, тотъ немало будетъ изумленъ, найдя здѣсь множество живыхъ существъ, которыхъ обыкновенно принято считать морскими обитателями,—это безчисленные сухопутные крабы, принадлежащіе къ роду *Gecarcinus* и находящіе себѣ обильную трапезу въ валяющихся всюду на землѣ плодахъ. Самаго оригинальнаго представителя ракообразныхъ, однако, не удается встрѣчать здѣсь днемъ—это распространенный по кокосовымъ лѣсамъ всѣхъ коралловыхъ рифовъ пальмовый воръ *(Birgus latro)*—ракъ, отличающійся своимъ сильно развитымъ брюшкомъ отъ крабовъ. Негры умѣютъ очень ловко находить его между корнями пальмъ, въ глубокихъ норкахъ, куда онъ прячется днемъ, и доставили намъ великолѣпнѣйшіе экземпляры, длиною около 35 сант.

Какъ сухопутные крабы, такъ и пальмовый воръ снабжены дыхательнымъ аппаратомъ, приспособленнымъ для дыханія на воздухѣ, именно у нихъ жабры помѣщаются въ особой мантійной полости. Яйца, однако, эти ракообразныя, откладываютъ въ воду. Лишь по окончаніи метаморфоза выходитъ пальмовый воръ на сушу, гдѣ своими сильными клешнями очень ловко срѣзаетъ верхушки кокосовыхъ орѣховъ, чтобы получить доступъ къ ядру. Нѣкоторые наблюдатели утверждаютъ, что онъ поднимается даже самъ на пальмы, но какъ европейцы, такъ и чернокожіе увѣряли меня, что никода не видали пальмоваго вора лазающимъ по деревьямъ. Съ другой стороны, однако, они указали на любопытное явленіе,—нерѣдко имъ попадалась посреди лѣса скорлупа кокосовыхъ орѣховъ, наполненная морскою водою, и они увѣряютъ, что это не можетъ случиться никакимъ другимъ способомъ, кромѣ какъ путемъ перенесенія воды пальмовымъ воромъ.

На бѣломъ коралловомъ пескѣ между рифомъ и кустарниками держатся нерѣдко во множествѣ песчаные крабы (*Ocypoda*), образующіе глубокіе ходы и выстилающіе эти ходы, чтобы они не спадались, листьями.

Насѣкомыя на Діего-Гарсія также имѣются, хотя количество видовъ и не особенно велико. Въ извѣстное время года появляются огромнѣйшими массами мухи—явленіе тѣмъ болѣе непріятное для туземцевъ, что одновременно у всѣхъ начинается воспаленіе глазъ. Не отсутствуютъ здѣсь и москиты, а также и встрѣчающіеся всюду муравьи, термиты, пчелы и бабочки изъ семейства данаидъ. Сильный вредъ кокосовымъ пальмамъ наносятъ, на ряду съ крысами, также особые кокосовые жуки изъ семейства усачей—ихъ личинки выѣдаютъ ядро кокосовыхъ орѣховъ.

Намъ пришлось бы написать цѣлое сочиненіе, если бы мы вздумали перечислять всѣ морскіе организмы, водящіеся между подводными дворцами и гротами, образуемыми коралловыми полипняками. Скажемъ лишь, что лагуна необыкновенно изобилуетъ рыбою и даетъ неграмъ чрезвычайно цѣнныхъ съѣдобныхъ рыбъ изъ семейства рыбъ-попугаевъ. Къ нимъ присоединяются также угри, нѣкоторые изъ представителей которыхъ, именно виды муренъ, удивительно красивы,—все тѣло ихъ покрыто коричневыми и желтыми узорами. На наружномъ рифѣ обитаютъ омары, являющіеся настоящимъ деликатесомъ, и, кромѣ того, здѣсь появляются, хотя и не такъ часто, какъ на Малединскихъ островахъ, огромныя черепахи и, между прочимъ, драгоцѣнная черепаха-каретта, одинъ экземпляръ которой мы получили въ подарокъ. Цѣлые часы проводили мы на рифахъ за сборомъ различныхъ низшихъ организмовъ, населяющихъ лужи между коралловыми полипняками и отчасти внѣдряющихся внутрь самихъ полипняковъ. Здѣсь безчисленное множество голотурій, морскихъ звѣздъ, морскихъ ежей и кольчатыхъ червей.

Быть можетъ, читателю будетъ не безынтересно узнать, какъ слагаются на такомъ удаленномъ отъ міра, одинокомъ коралловомъ островкѣ соціальныя условія и какъ протекаетъ здѣсь мирная жизнь безъ всякаго вмѣшательства чиновниковъ, судей и охранителей закона.

Экономическая жизнь Діего-Гарсія сводится почти исключительно къ использованію превосходныхъ зарослей кокосовыхъ пальмъ. Еще въ прежнія времена нѣкоторые изъ владѣльцевъ устроили на островѣ факторіи, позднѣе факторіи эти мало-по-малу перешли въ руки находящейся на островѣ св. Маврикія компаніи, во главѣ которой стоялъ во время посѣщенія острова молодымъ англійскимъ натуралистомъ Борномъ, т.-е.

въ 1887 году, г. Жюль Лекомтъ, а во время нашего посѣщенія—его пасынокъ г. Филиппъ де-Кайла. Въ настоящее время имѣютъ значеніе лишь двѣ большія факторіи, изъ нихъ одна—Пойнтъ-Марріанъ—находится на западной сторонѣ, другая—Истъ-Пойнтъ—на восточной. Въ виду того, что Діего-Гарсія находится подъ англійскимъ покровительствомъ и причисленъ къ округу св. Маврикія, на Пойнтъ-Марріанъ, при появленіи «Вальдивіи», былъ поднятъ англійскій флагъ, и туда мы сдѣлали нашъ первый визитъ. Деревянные мостки вели черезъ коралловый рифъ, къ поселенію, затѣненному могучимъ деревомъ *Calophyllum*, оно напоминаетъ наши дубы, но усѣяно бѣлыми цвѣтами, пахнущими, какъ апельсинные. Подъ сѣнью этого великана растительнаго царства помѣщался домъ съ широкими верандами, окруженный складами и постройками, въ которыхъ перерабатывалась копра. Во время нашего посѣщенія факторія эта принадлежала англичанину м-ру Миннингсу; ее окружалъ чудный садъ изъ тропическихъ растеній, къ которому непосредственно примыкали насажденія кокосовыхъ пальмъ съ растущими между ними высокими казуаринами. Огромный хлѣвъ служитъ для помѣщенія большого количества свиней, которыя прекрасно откармливаются отбросами копры. Уже здѣсь способъ веденія хозяйства производилъ впечатлѣніе очень разумнаго и энергичнаго, и впечатлѣніе это усилилось еще болѣе, когда мы посѣтили важнѣйшій изъ обитаемыхъ пунктовъ острова, Истъ-Пойнтъ, передъ которымъ «Вальдивія» стала на якорь. Здѣсь деревянные мостки были недавно разрушены бурею и какъ разъ строились новые желѣзные, съ проложеннымъ по нимъ рельсовымъ путемъ. Здѣсь также имѣется аллея роскошныхъ деревьевъ, въ концѣ которой располагается домъ владѣльца. Налѣво и направо отъ него расположены постройки для храненія кокосоваго масла въ огромныхъ желѣзныхъ бакахъ, конюшни для лошадей иословъ, кузница и склады для храненія копры. Нѣсколько далѣе, вглубь острова, располагается небольшой домикъ, въ которомъ живетъ семейство одного изъ служащихъ, г. Мюльніе, и къ нему примыкаютъ маленькія хижинки, построенныя цѣликомъ изъ кокосовыхъ пальмъ, гдѣ живутъ чернокожіе. Во время нашего посѣщенія, все населеніе Діего-Гарсія, съ дѣтьми включительно, состояло изъ 527 душъ. Главный контингентъ образуютъ негры, къ которымъ присоединяются немногочисленные индусы. На плантаціяхъ Истъ-Пойнта работало 143 мужчины и 85 женщинъ, въ Пойнтъ-Марріанъ около половины этого числа. Нѣкоторые изъ рабочихъ и, какъ увѣряли, наиболѣе способные изъ нихъ являются уроженцами острова, тогда какъ остальные нанимаются по контракту на три года. Мужчины получаютъ въ мѣсяцъ 8, женщины 6 рупій жалованья и работаютъ они съ 6 часовъ утра до 5 вечера. Изъ этого жалованья у нихъ вычитается стоимость риса, который продается имъ по умѣреннымъ цѣнамъ, и другихъ жизненныхъ припасовъ, но, кромѣ того, они получаютъ ежедневно полбутылки, а по субботамъ цѣлую бутылку краснаго вина. Работа обусловлена контрактомъ такимъ образомъ, что каждый долженъ въ теченіе недѣли выполнить извѣстное количество работы, и такимъ образомъ болѣе способный работникъ можетъ успѣшно выработать все требуемое количество работы еще до конца недѣли и затѣмъ заниматься рыбной ловлей, различными домашними дѣлами или же отдыхать. Интересно, что на островѣ имѣются лишь четыре семейства европейцевъ и они умѣютъ поддержать порядокъ среди чернокожаго населенія, это обусловливается, конечно, исключительно тактичностью и энергіею администраторовъ. Возстанія негровъ, какія случа-

лись ранѣе, за послѣднее время не повторяются. Этому помогаетъ также то обстоятельство, что въ выдачѣ вина соблюдается большой порядокъ и добывать себѣ инымъ путемъ спиртные напитки за послѣднее время негры совершенно не могутъ. Всѣ живутъ въ такомъ между собою согласіи, что даже зачинщики прежнихъ возстаній оказываются теперь вполнѣ исправными рабочими и сдѣланы надсмотрщиками съ болѣе высокимъ содержаніемъ.

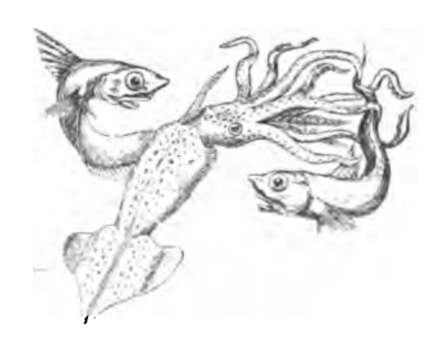
Дѣятельность факторіи вращается около выработки копры и побочныхъ продуктовъ. Хотя запасы кокосовыхъ пальмъ и поддерживаются сами собою безъ подсаживанія, все же за послѣднее время примѣняется болѣе раціональный способъ хозяйства, именно, бóльшія пространства засаживаются молодыми пальмами. Отъ кокосовой пальмы не остается ни одна часть не использованной: стволъ даетъ прочное твердое дерево, тогда какъ листья идутъ на крыши и на различныя плетенія, въ которыхъ особенно искусны негритянки, выдѣлывающія изъ нихъ превосходные маты. Обрѣзанные молодые побѣги листьевъ доставляютъ превосходную овощь—пальмовую капусту, но должно замѣтить, что отрѣзаніе побѣговъ стоитъ пальмѣ жизни, и потому мы не безъ сожалѣнія уничтожали за обѣдомъ салатъ, какой врядъ ли можно получить гдѣ-нибудь еще, кромѣ какъ здѣсь, на кокосовыхъ островахъ. Вся обработка сводится, главнымъ образомъ, къ использованію орѣховъ, которые собираются чернокожими подъ предводительствомъ надсмотрщика и съ большою ловкостью очищаются отъ толстой кожуры. Для этого рабочій втыкаетъ въ землю инструментъ въ родѣ копья и при помощи его удаляетъ кожуру, примѣняя очень немного силы. Собранные орѣхи доставляются затѣмъ въ факторію, гдѣ женщины и дѣти разбиваютъ ихъ и раскладываютъ на солнцѣ. Прежде всего ихъ подвергаютъ легкому броженію на воздухѣ, тщательно оберегая отъ нерѣдкихъ здѣсь ливней; для защиты отъ послѣднихъ служатъ особые навѣсы, которые могутъ быть привезены на колесикахъ и разставлены надъ орѣхами. Когда затѣмъ ядра орѣховъ окажутся готовыми, превратятся въ копру, ихъ помѣщаютъ въ кокосовыя мельницы самаго примитивнаго устройства, приводимыя въ движеніе ослами. Въ обширныхъ конюшняхъ фермы стоитъ болѣе сотниословъ, кормящихся отбросами копры и кое-какими травами, растущими на островѣ. Во время двухчасовой работы на мельницѣ ихъ припрягаютъ съ завязанными глазами по четыре или по шести къ большой балкѣ, которая приводитъ въ движеніе жерновъ. Вытекающее изъ раздавленныхъ орѣховъ масло собирается въ бочки, фильтруется и затѣмъ сохраняется въ большихъ желѣзныхъ бакахъ. Парусное судно, принадлежащее хозяину, разъ въ полъ года перевозитъ масло на островъ св. Маврикія, гдѣ оно употребляется неграми для приготовленія кушаній и для вымазыванія тѣла. Европейцы мало пользуются кокосовымъ масломъ, которое не можетъ сравняться съ оливковымъ ни по вкусу, ни по запаху. По сообщенію главнаго управителя, на островѣ Діего-Гарсія добывается въ три мѣсяца 170.000 литровъ кокосоваго масла. Все, что нужно для построекъ, всѣ инструменты и нужныя починки производятся на самомъ островѣ. Кузнецы и плотники заняты постоянно и прямо приходится удивляться ихъ технической ловкости и многостороннимъ талантамъ. Кому приходилось видѣть сдѣланныя на островѣ изящныя лодки, тотъ, несомнѣнно, вынесетъ о чернокожихъ мастерахъ самое высокое мнѣніе.

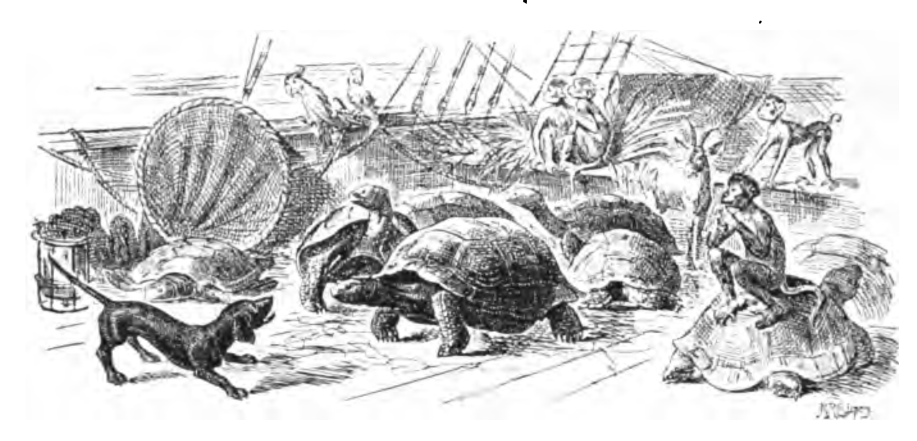
Нѣкоторое время казалось, что Діего-Гарсія получитъ немаловаж-

ное значеніе какъ станція на большомъ торговомъ пути между Суэцкимъ каналомъ и Австраліей. Восточная пароходная компанія и фирма Лундъ въ Лондонѣ устроили здѣсь угольную станцію, и нѣкоторое время на островѣ царило оживленіе, подававшее обитателямъ его надежды на самое блестящее будущее. Надежды эти, впрочемъ, не осуществились, главнымъ образомъ, въ виду того обстоятельства, что цѣна угля—60 шиллинговъ за тонну—получалась слишкомъ высокая. Во время нашего посѣщенія всѣ морскіе знаки были опять сняты, за исключеніемъ одного буйка, и лишь 60 тоннъ угля лежало на одномъ изъ островковъ передъ входомъ въ атоллъ.

Такимъ образомъ, на Діего-Гарсія снова воцарилась тишина и снова островъ сталъ отрѣзаннымъ отъ сообщенія съ остальнымъ міромъ. Съ другой стороны, однако, здѣсь наступило опять полное спокойствіе и мирное теченіе жизни. Негры были лишены возможности добывать спиртные напитки, и отрядъ полицейскихъ, переведенный сюда въ 1885 году съ Цейлона, былъ отозванъ обратно.

Съ того времени, какъ Форстеръ и Шамиссо впервые описали мирную жизнь на коралловыхъ островахъ Тихаго океана, неоднократно выражалась въ поэтической формѣ мысль, что тотъ лишь испытываетъ истинное счастье, кто проводитъ жизнь въ созерцаніи природы, далеко отъ сутолки міра, на островкѣ, обрамленномъ пальмами, среди первобытнаго и мирнаго населенія. Новѣйшее время, однако, глядитъ болѣе трезво на вещи, и первобытныя народности разсматриваются уже не съ той точки зрѣнія, какъ во времена великихъ открытій и въ XVIII вѣкѣ,—рѣже и въ поэзіи, и въ прозѣ выражается стремленіе переселиться на уединенный отъ мірской суеты островъ. Здѣсь на Діего-Гарсія соединены всѣ условія, которыя должны были бы дѣлать существованіе самымъ завиднымъ: здоровый климатъ, роскошная растительность, несравненная красота тропической природы, оживленная дѣятельность мирныхъ чернокожихъ, дѣлящихъ со своими господами горе и радость,—все должно было бы доставлять полное удовлетвореніе. Мнѣ кажется, однако, врядъ ли я ошибался, подмѣчая отъ времени до времени въ разговорѣ со своими любезными хозяевами прорывавшееся у нихъ невольно чувство тоски и одиночества, и думаю, что это то и заставляло ихъ оказывать такой горячій пріемъ людямъ, для нихъ въ сущности совершенно чуждымъ. Съ большою признательностью приняли они медицинскіе совѣты нашего врача и были, очевидно, очень рады, что хоть на нѣсколько дней у нихъ возстановились снова сношенія съ внѣшнимъ міромъ.





На палубѣ «Вальдивіи».

## ГЛАВА XVIII.

**Работы въ морѣ.—Сейшелльскіе острова.—Островъ Маэ.—Поѣздка на о. Праслинъ.**

Передъ тѣмъ какъ мы пришли на Діего-Гарсія, дулъ такой сильный сѣверо-западный муссонъ, достигавшій временами 7 балловъ, что мы не могли производить болѣе тонкихъ изслѣдованій. Тотъ же вѣтеръ не прекращался и во время нашего пребыванія на островѣ, сопровождаясь по временамъ сильнѣйшими потоками ливня. Потому, чтобы попасть къ Сейшелльскимъ островамъ, мы избрали не южное направленіе черезъ банку Сая-де-Мала, а сѣверо-западное, надѣясь встрѣтить здѣсь опять болѣе благопріятныя условія погоды. Этимъ мы, правда, приближались къ линіи прежнихъ промѣровъ, именно промѣровъ, произведенныхъ экспедиціей судна «Энтерпризъ», но, съ другой стороны, представлялась возможность пополнить наши біологическія наблюденія, а въ нихъ-то, главнымъ образомъ, и лежалъ центръ тяжести экспедиціи.

Въ общемъ наша надежда не обманула насъ. Вѣтеръ сталъ слабѣе, но все же, переходя постепенно съ сѣверо-запада на сѣверъ, имѣлъ силу около 4 балловъ и лишь около самыхъ Сейшелльскихъ острововъ наступилъ полный штиль, и море стало гладко, какъ зеркало. Вслѣдствіе того, что теченіе первоначально было либо прямо навстрѣчу вѣтру, либо подъ прямымъ къ нему угломъ, мы имѣли то преимущество, что судно наше, сильно выдававшееся изъ воды, благодаря уменьшившимся запасамъ угля, сносилось во время промѣровъ и другихъ работъ не такъ значительно, какъ мы ожидали.

Что касается до промѣровъ, произведенныхъ на этомъ пути, то они показали, что рельефъ дна здѣсь сильно складчатый. Черезъ день послѣ нашего отъѣзда съ Діего-Гарсія, мы нашли въ 20 миляхъ на западъ отъ большой банки Хагосъ 2.127 метровъ, а на слѣдующій день глубина была уже 4.129 метровъ. Изъ этого слѣдуетъ, что банка обрывается на западѣ прямо въ очень глубокое море, которое, однако, не сохраняетъ равномѣрную глубину, а позволяетъ замѣтить подводный хребетъ. Между обоими промѣрами 27-го февраля и 2-го

марта, давшими глубины болѣе 4.000 метровъ (2-го марта—4.599 метровъ), вклинивается возвышеніе дна, гдѣ мы нашли 2.743 метра. Грунтъ дна на глубинахъ оказался состоящимъ изъ бѣлаго глобигеринoваго ила, и температуры на самыхъ большихъ глубинахъ были +1,8°. Болѣе тонкія біологическія наблюденія можно было предпринять лишь на третій день по выходѣ съ Діего-Гарсіа. Въ особенности мы поставили себѣ задачей изслѣдовать здѣсь горизонтальное распредѣленіе плавающихъ организмовъ замыкающимися сѣтями и, стоя на одномъ мѣстѣ, производили обыкновенно цѣлую серію подъемовъ такихъ сѣтей. Такъ, напримѣръ, 2-го марта мы были въ состояніи предпринять шесть лововъ замыкающимися сѣтями, при помощи которыхъ мы послѣдовательно разсмотрѣли распредѣленіе организмовъ отъ 1.600 метровъ глубины до поверхности.

Превосходные результаты дали опять ловы вертикальными сѣтями, которые иногда приносили формы, имѣющія даже большой общій интересъ. Изъ такихъ формъ мы опять должны упомянуть глубоководныхъ рыбъ—между ними попались рыбы, замѣчательныя телескопообразнымъ измѣненіемъ своихъ глазъ, а одна изъ рыбъ представляетъ изъ себя положительно едва ли не самое курьезное изъ всѣхъ позвоночныхъ, такъ какъ глаза ея сидятъ на чрезвычайно длинныхъ стебелькахъ. Далѣе бросалось въ глаза при этихъ ловахъ, что мы получали здѣсь тѣхъ пелагическихъ глубоководныхъ животныхъ, которыя раньше попадались намъ въ Атлантическомъ океанѣ. Менѣе обильные результаты получили мы отъ спуска трала 28-го февраля на глубинѣ 2.743 метровъ. Несмотря на то, что мы находились далеко отъ рифовъ и по всѣмъ нашимъ прежнимъ опытамъ могли съ увѣренностью разсчитывать, что дно ровное, сѣть наша все же черезъ нѣкоторое время застряла и лишь съ большимъ трудомъ удалось намъ послѣ часовой работы отцѣпить ее. Когда тралъ былъ поднятъ, то, къ нашему удивленію, онъ оказался совершенно сохраннымъ, но зато тросъ былъ завернутъ въ узлы, указывавшіе на то, что онъ какимъ то способомъ застрялъ между скалами. Результаты этого трала были довольно скудны,—попалась лишь одна офіура, два экземпляра упомянутыхъ выше плечоногихъ и два коралла.

---

Утромъ 5-го марта насъ окружилъ рой сѣрыхъ морскихъ ласточекъ и зеленоватая окраска моря съ обильнымъ количествомъ саргассовъ указывала на близость Сейшелльскихъ островoвъ. При восходѣ солнца вынырнули передъ нами изъ моря круто поднимающіеся острова, которые, послѣ видѣнныхъ нами все время низменныхъ коралловыхъ атолловъ, производили особенно сильное впечатлѣніе. Эти гранитные обломки древняго материка лежали передъ нами покрытые густымъ покровомъ пальмовыхъ лѣсовъ. Направо отъ насъ располагался островъ Ла-Дикъ, островъ Маріи-Анны, островъ Фелиситэ и островъ Праслинъ, налѣво виднѣлся одинокій островъ Фрегатъ и, выдаваясь надъ всѣми ними, самый большой островъ Маэ, съ пропадающею въ облакахъ вершиною Морнъ-Сейшеллуа.

Группа Сейшелльскихъ острововъ состоитъ приблизительно изъ 29 острововъ, изъ которыхъ, впрочемъ, лишь семь достигаютъ болѣе значительной величины, тогда какъ остальные представляютъ изъ себя лишь маленькіе островки. Они распредѣляются на протяженіи двухъ градусовъ широты и обнимаютъ поверхность въ 264 кв. километра,



причемъ на главный островъ Маэ приходится 117, на второй—Праслинъ—40 километровъ. Что всѣ эти острова представляютъ изъ себя одно цѣлое, въ этомъ насъ убѣждаетъ рельефъ дна—всѣ они располагаются на банкѣ въ 18—80 метровъ глубины, и банка эта, какъ по направленію къ сосѣднимъ коралловымъ рифамъ Амирантскихъ острововъ, такъ и къ банкамъ Сая-де-Мала и Назаретской, лежащимъ на юго-востокъ, спускается очень круто. Отъ Амирантскихъ острововъ ее отдѣляютъ глубины, по крайней мѣрѣ, въ 2.000 метровъ, отъ обѣихъ послѣднихъ банокъ и острововъ Маврикія и Реюньонъ море въ 3.000 метровъ глубиною. Еще болѣе значительное пониженіе дна замѣчается по направленію къ Мадагаскару, гдѣ наблюдаются глубины болѣе 4.000 метровъ.

Если предполагать здѣсь существованіе въ прежнія времена опустившагося теперь подъ поверхность моря континента—«Лемуріи», къ которому пріурочивалось многое и который, между прочимъ, считался и колыбелью человѣчества, то должно сознаться все же, что огромныя глубины, наблюдаемыя здѣсь, представляютъ большія затрудненія для такого соединенія Мадагаскара и Маскаренскихъ острововъ съ Сейшелльскими. Въ геологическомъ отношеніи, правда, послѣдніе представляютъ гораздо больше сходства съ Мадагаскаромъ, чѣмъ съ вулканическимъ островомъ св. Маврикія и островами Реюньонъ. Сейшелльскіе острова сложены сплошь изъ гранита, который лишь кое-гдѣ на берегу прикрытъ слоями кораллового известняка, поднятаго на 25 метровъ. Когда мы около полудня подходили къ Маэ, уже общій видъ острова убѣждалъ насъ въ томъ, что происхожденіе его не вулканическое. Здѣсь нѣтъ конусовидныхъ вершинъ или зигзагообразныхъ краевъ кратера и вмѣсто того имѣются прямо поднимающіяся изъ моря массивы, нерѣдко превращенные какъ бы въ бастіоны. Положительно поражаетъ изобиліе красивѣйшихъ ландшафтовъ! Притомъ весь островъ до самыхъ вершинъ покрытъ лѣсомъ, по склонамъ видны обработанныя поля и плантаціи, въ ущельяхъ шумятъ горные ручьи, тогда какъ съ моря островъ окаймленъ береговымъ рифомъ.

Подходъ къ гавани Портъ-Викторія довольно затруднителенъ, хотя фарватеръ и обозначается морскими знаками, маяками и буйками. Руководимая лоцманомъ «Вальдивія» вошла въ узкій фарватеръ между рифами и стала, наконецъ, на якорь недалеко отъ выдвинутой въ море дамбы.

Во время входа поражаетъ богатство красокъ и красота краевъ кораллового рифа, спускающихся на глубину 7—9 саженъ. Мадрепоры съ ихъ голубоватыми концами вѣтвей, коричневатыя меандрины и звѣздчатые кораллы просвѣчиваютъ чрезъ синеватые слои воды и придаютъ бухтѣ такой измѣнчивый колоритъ, что тщетны были бы старанія художника передать его въ краскахъ. Ближе къ сушѣ условія для произрастанія коралловъ становятся менѣе благопріятными, такъ какъ часть рифа при отливѣ обнажается. Наконецъ, коралловый песокъ получаетъ преобладаніе и окаймляетъ бѣлой полосой воды, рѣзко выдѣляясь на темной зелени береговой флоры. На берегу живописно расположенъ главный городъ Сейшелльскихъ острововъ—Маэ (Mahé). Когда пройдешь дамбу, построенную изъ коралловыхъ обломковъ, то, прежде всего, бросаются въ глаза необыкновенно изящныя виллы живущихъ тамъ англичанъ и богатыхъ креоловъ и великолѣпіе садовъ, переполненныхъ самыми лучшими произведеніями тропической флоры. Свойственная англичанамъ наклонность разбивать всюду парки, ска-

зывается и здѣсь, именно, вокругъ здавія островного управленія разбиты превосходныя аллеи, скрывающія постройки, и выдаются верхушки одной изъ красивѣйшихъ пальмъ—лодойцеи. Тамъ мы были приняты главнымъ правителемъ м-ромъ Кокбернъ-Стюартомъ съ той предупредительной любезностью, которая свойственна всѣмъ образованнымъ англичанамъ. Вмѣстѣ съ нѣсколькими изъ нашихъ соотечественниковъ, встрѣченными тамъ, онъ постарался сдѣлать намъ пребываніе на островѣ возможно болѣе пріятнымъ.

Городъ, похожій на колонію виллъ, переходитъ съ одной стороны въ широкую тѣнистую улицу, идущую вдоль берега моря. Окружающіе ее домики становятся постепенно все бѣднѣе и бѣднѣе и, наконецъ, смѣняются бамбуковыми хижинами негровъ съ крышами изъ листьевъ кокосовой пальмы.

Чтобы понять, изъ какихъ элементовъ слагается пестрое населеніе города, говорящее бо́льшею частью на креольскомъ нарѣчіи, должно сказать нѣсколько словъ объ исторіи Сейшелльскихъ острововъ. Несмотря на то, что острова эти въ геологическомъ отношеніи очень древни и представляютъ, быть можетъ, отрывки прежняго континента, знакомы мы съ ними ближе лишь съ 1742 г. Въ этомъ году дѣятельный губернаторъ Иль-де-Франса и острова Бурбона, Маэ-де-Лабурдоннэ, командировалъ капитана Лазара Пико для изслѣдованія располагающихся сѣвернѣе Сейшелльскихъ островов. Пико донесъ, что острова заслуживаютъ вниманія и былъ вторично командированъ въ 1744 году, чтобы окончательно присоединить ихъ ко владѣніямъ короля Людовика XV. Въ честь губернатора онъ назвалъ архипелагъ Лабурдонэ, а самый большой изъ островов—Маэ. Во время этого перваго изслѣдованія на Сейшелльскихъ островахъ не было, повидимому, вовсе обитателей. Лабурдоннэ впалъ впослѣдствіи въ немилость, и преемникъ его, Магонъ, послалъ въ 1756 году лейтенанта Морфэ, который перемѣнилъ наименованіе архипелага и назвалъ острова Сейшелльскими, по всей вѣроятности въ честь генеральнаго контролера Моро-де-Сейшелль. Черезъ 12 лѣтъ снова былъ посланъ французскій капитанъ Маріонъ-дю-Френъ, чтобы продолжить работы своихъ предшественниковъ, при этомъ случаѣ второй по величинѣ островъ получилъ названіе Праслина, въ честь военнаго министра герцога де-Праслина. Первые колонисты французы перешли на Сейшелльскіе острова съ острововъ Иль-де Франса и Бурбона въ 1770 году. Лѣтъ черезъ 20 все населеніе острова состояло изъ 20 европейцевъ и 230 чернокожихъ рабовъ.

Англія уже довольно давно задумала воспользоваться внутренними безпорядками во Франціи и пріобщить Сейшелльскіе острова къ британскимъ владѣніямъ. Первый опытъ, однако, въ 1794 году былъ неудаченъ, и еще въ 1801 году Наполеонъ Бонапартъ сослалъ на Сейшелльскіе острова 71 лицо, заподозрѣнное въ участіи въ покушеніи на его жизнь при помощи адской машины. Лишь въ апрѣлѣ 1811 года подпали окончательно Сейшелльскіе острова, вмѣстѣ съ островомъ Иль-де Франсъ, названіе котораго было измѣнено въ островъ св. Маврикія, подъ англійскій протекторатъ. Англійское правительство обязалось, однако, не предпринимать здѣсь ничего противъ сложившихся уже обычаевъ и французскаго языка, и это сказывается до сихъ поръ—острова производятъ впечатлѣніе французской колоніи.

Основу населенія представляютъ изъ себя креолы, переселившіеся сюда съ острова св. Маврикія и жившіе первоначально доходами съ

эксплоатаціи лѣсовъ—лишь подъ англійскимъ вліяніемъ они перешли къ земледѣльческому хозяйству. Ихъ считаютъ гостепріимными, общественными и любезными въ обращеніи, но въ то же время всѣ знакомые со страною указываютъ на отсутствіе у нихъ энергіи и наклонность ихъ къ вину и развлеченіямъ. Благодаря этому, плантаціи туземныхъ креоловъ хотя и не приходятъ въ упадокъ, все же не могутъ выдержать сравненія со владѣніями обитателей острова св. Маврикія и переселившихся сюда европейцевъ.

Цвѣтное населеніе состоитъ преимущественно изъ негровъ, которые были перевезены на острова съ Мозамбикскаго берега, затѣмъ здѣсь встрѣчаются мадагаскарцы, индусы и, въ качествѣ дѣятельныхъ торговцевъ, китайцы. Креолы и свободные негры представляютъ изъ себя элементъ мало способный къ дальнѣйшему культурному развитію. Англійскому правительству довольно трудно поднять уровень населенія, тѣмъ болѣе, что обученіе, вслѣдствіе приверженности населенія къ католицизму, находится въ рукахъ французскихъ миссіонеровъ, содержащихъ здѣсь 24 школы. Можно упомянуть еще, кстати, что по произведенной въ 1891 г. переписи все населеніе Сейшелльскихъ острововъ состояло изъ 16.440 лицъ—число сравнительно небольшое, если принять въ разсчетъ обширное протяженіе этихъ здоровыхъ для жизни и плодородныхъ острововъ.

Подъ англійскимъ владычествомъ здѣсь стало все болѣе и болѣе развиваться плантаторское хозяйство, и дѣвственный лѣсъ, уничтоженный въ значительной степени уже первыми поселенцами, постепенно оттѣснялся все далѣе и далѣе. Онъ сохранился въ полной неприкосновенности лишь въ наиболѣе отдаленныхъ высокихъ областяхъ въ окрестностяхъ горы Моунтъ-Гаррисонъ и въ южной части острова. Туда мы совершили одну изъ пріятнѣйшихъ и наиболѣе поучительныхъ экскурсій пѣшкомъ, которая была тѣмъ болѣе привлекательна, что одинъ изъ нашихъ сотоварищей по путешествію, д-ръ Брауеръ, пробылъ раньше на Сейшелльскихъ островахъ цѣлый годъ и былъ потому прекраснымъ путеводителемъ. Съ разсвѣтомъ мы отправились въ дорогу и при утренней свѣжести наслаждались великолѣпнѣйшими видами, открывавшимися направо на крутые обрывы главнаго хребта, прорѣзанные ущельями, и налѣво—на море съ наклоняющимися къ нему кокосовыми пальмами и тонкими казуаринами. Послѣ почти часовой ходьбы по большой дорогѣ, приходится идти далѣе по тропинкѣ, описывающей зигзаги и направляющейся къ вершинамъ, покрытымъ плантаціями.

Первые поселенцы культивировали кокосовыя пальмы и сахарный тростникъ, позднѣе, когда производство сахара стало невыгоднымъ, начали разводить корицу и гвоздику, которыя были ввезены сюда еще въ 1771 году съ Зондскихъ острововъ. Въ послѣднее время появились много обѣщающія плантаціи шоколадныхъ деревьевъ, которыя здѣсь превосходно выдерживаютъ. Разведенію шоколадныхъ деревьевъ препятствуютъ лишь завезенныя сюда крысы, которыя, несмотря на всѣ мѣры предосторожности потребляютъ такъ сильно плоды, что мѣстами пришлось бросить культуру этого растенія. Зато послѣднее время начали разводить ваниль, культура которой все болѣе и болѣе разрастается. Будущее покажетъ, оправдаются ли тѣ ожиданія, которыя возлагаются на это растеніе, — ваниль сильно колеблется въ цѣнѣ и къ тому же произрастаетъ успѣшно лишь при такихъ условіяхъ, которыя вполнѣ соотвѣтствуютъ естественнымъ условіямъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ она водится въ дикомъ состояніи. Правительство само устроило нѣ-

сколько плантацій ванили, плоды которой отмѣчаются наколами, чтобы не было поддѣлки.

Дорога по мѣрѣ приближенія къ вершинамъ принимаетъ все болѣе и болѣе сильную красную окраску, обусловленную латеритомъ—характерной для тропиковъ вывѣтривающейся породой гранита. На гранитныхъ обломкахъ, которые частью скатились съ горы Морнъ-Сейшеллуа, частью происходятъ изъ еще болѣе отдаленныхъ мѣстъ, д-ръ Брауеръ показалъ мнѣ вертикальные желобки, проточенные въ теченіе тысячелѣтій дождевою водою и увлекаемыми ею зернышками кварца. Особенно привлекателенъ дальнѣйшій путь вверхъ по склонамъ тѣмъ, что еще мѣстами сохранились остатки прежняго лѣса въ видѣ пандануcовъ, стоящихъ какъ на ходуляхъ, и пальмъ. По склонамъ Морнъ-Сейшеллуа онѣ образуютъ еще иногда рощицы, обрамленныя настоящими лугами изъ типичныхъ для тропиковъ папоротниковъ, относящихся къ семейству глейхеній.

Въ болѣе прохладной верхней полосѣ зажиточные обитатели Маэ построили элегантныя и окруженныя прекрасными садами лѣтнія виллы, которыя групируются вокругъ хребта, называемаго Ла-Мизеръ.

Видъ, открывающійся отсюда,—одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ видовъ подъ тропиками. Взоръ скользитъ надъ виллами, садами и плантаціями и останавливается на гордо вздымающемся Морнъ Сейшеллуа, вершина котораго кажется болѣе высокой, чѣмъ въ дѣйствительности, такъ какъ на ней постоянно лежатъ облака. Справа вытянулись въ рядъ три вершины, называемыя Тремя Братьями, слѣва круто поднимается Морнъ-Бланъ и обрывается на западномъ берегу. Передъ всѣми этими вершинами расположены покрытыя лѣсомъ округлыя предгорья, въ видѣ бастіоновъ съ крутыми стѣнами.

Открывается видъ и на далеко вдающуюся въ Индійскій океанъ и окруженную бѣлой полосой прибоя сѣверную часть острова. Ясно различаются бѣлыя массы домовъ Маэ, гавань Викторія и наша «Вальдивія», стоящая передъ нею на якорѣ. Ландшафтъ напоминаетъ береговые ландшафты Италіи, но превосходитъ ихъ сочностью красокъ и великолѣпіемъ тропической растительности.

Климатъ Сейшелльскихъ острововъ вполнѣ справедливо славится своей равномѣрностью и отсутствіемъ чрезмѣрныхъ жаровъ. Средняя годовая температура здѣсь +27—29° при ежедневныхъ колебаніяхъ въ 6—7°; въ болѣе высокихъ областяхъ она опускается до 20°. Слава этого архипелага, какъ здоровой климатической станціи въ тропикахъ, основывается еще и на томъ обстоятельствѣ, что малярія здѣсь почти неизвѣстна. Это стоитъ, по всей вѣроятности, въ связи съ тѣмъ, что многочисленные горные ручьи, низвергающіеся изъ гранитныхъ ущелій, благодаря крутымъ склонамъ острова, нигдѣ не образуютъ болотъ,— послѣднія встрѣчаются лишь на плоской южной части Маэ, которая въ санитарномъ отношеніи и является гораздо худшей. Хребты и вершины горъ почти постоянно закрыты облаками и эта вѣчная влажность обусловливаетъ сохраненіе горныхъ ручьевъ, которые никогда не пересыхаютъ. Несмотря на то, что мы попали на островъ во время южнаго лѣта, именно въ періодъ дождей, длящихся съ декабря по апрѣль, все же въ тотъ годъ мы застали какъ разъ ненормальныя условія, такъ какъ въ теченіе 7 недѣль не выпадало дождя. Было, дѣйствительно, нестерпимо жарко, когда мы около полудня приближались по совершенно открытымъ ущельямъ къ Моунтъ-Гаррисонъ. Съ большимъ удовольствіемъ сдѣлали мы привалъ у одного изъ горныхъ

ручьевъ между густыми кустами тропическихъ папоротниковъ и скромно позавтракали. Мы попробовали здѣсь, но, къ сожалѣнію, безуспѣшно, половить раковъ, которые водятся въ ручьяхъ Сейшелльскихъ острововъ. Особенно цѣнится здѣсь одна изъ крупныхъ креветокъ съ сильно удлиненными черными передними ногами (*Bithynis*), которая изъ моря переселилась въ прѣсную воду горныхъ ручьевъ.

Мы прошли еще недалеко и передъ нами открылся видъ на лѣсистые склоны Моунтъ-Гариссона, покрытые гигантскими капуциновыми деревьями (*Sideroxylon*), стволъ которыхъ, шириною въ 5—6 метровъ, поднимается въ вышину до 50 метровъ. Надъ этими деревьями носились во множествѣ красивыя тропическія птицы и здѣсь же мы съ удовольствіемъ привѣтствовали нашихъ старыхъ знакомыхъ—миловидныхъ бѣлоснѣжныхъ морскихъ ласточекъ (*Gygis*). Затѣмъ тропинка повела насъ мимо нѣсколькихъ засохшихъ деревьевъ, вытягивавшихъ свои вѣтви, какъ привидѣнія, въ таинственный полумракъ дѣвственнаго сейшелльскаго лѣса.

Лѣсъ этотъ чрезвычайно своеобразенъ и представляетъ такія характерныя черты, какихъ мы не встрѣчали ни въ одномъ другомъ тропическомъ дѣвственномъ лѣсѣ. Особенно поражаетъ здѣсь присутствіе панданусовъ (*Pandanus Hornei* и *P. Seychellarum*), которые обыкновенно привязаны къ береговой полосѣ. Къ нимъ примыкаютъ свойственныя лишь Сейшелльскимъ островамъ пальмы, интересныя въ томъ отношеніи, что они стоятъ какъ бы на ходуляхъ. Общее впечатлѣніе такое, какъ если бы попалъ въ переполненную тропическими растеніями оранжерею—едва можешь подвигаться впередъ среди этого лабиринта роскошныхъ представителей флоры! Отъ времени до времени встрѣчается граціозный древовидный папортникъ *Cyathea Seychellarum*, поверхность же земли во многихъ мѣстахъ покрыта высокими циперацеями (*Hypolytrum latifolium*), образующими сплошныя заросли. Солнце едва проникаетъ чрезъ густую крышу листвы пальмъ и папоротниковъ, почва покрыта чернымъ перегноемъ, царитъ зеленоватый полусвѣтъ и воздухъ наполненъ своеобразнымъ ароматомъ дѣвственнаго лѣса, обусловленнымъ разлагающимися растительными веществами и пахучими папоротниками.

Кромѣ пальмъ, панданусовъ и папоротниковъ, дѣвственный сейшелльскій лѣсъ хранитъ въ своихъ нѣдрахъ большое количество лиственныхъ породъ. Креолы даютъ имъ множество названій и различаютъ ихъ лучше, чѣмъ ботаники, которыми многія изъ породъ еще не опредѣлены точно. Администрація острова подарила намъ собраніе изъ 40 различныхъ сортовъ дерева, нѣкоторые между ними отличались тяжестью и прочностью.

Жизнь животныхъ въ дѣвственномъ лѣсѣ развита не особенно богато, но все же мы собрали нѣкоторое количество характерныхъ для Сейшелльскихъ острововъ улитокъ и насѣкомыхъ. Между послѣдними нашлись представители прямокрылыхъ фазмидъ, здѣсь не замѣчалось, впрочемъ, тѣхъ изъ нихъ, которыя называются бродячими листьями (*Phyllium siccifolium*),—ихъ собираютъ на островѣ мальчишки на болѣе солнечныхъ мѣстахъ и охотно продаютъ ихъ европейцамъ. Эти прямокрылыя такъ удивительно напоминаютъ своей окраской и формой зеленыя листья, что даже и на растеніи, находящемся въ комнатѣ, трудно различить насѣкомое, если оно сидитъ смирно. Наиболѣе своеобразными представителями сейшелльской фауны являются червяги, которыя, однако, встрѣчаются не только въ перегноѣ и въ гніющихъ ство-

лахъ дѣвственнаго лѣса, но и спускаются въ сырой землѣ вплоть до береговой области. Это амфибіи (одинъ изъ видовъ относится къ роду *Cryptopsophis* и два—къ роду *Hypogeophis*), которыя утратили, благодаря приспособленію къ подземному образу жизни, не только глаза, но и конечности, и по внѣшности напоминаютъ мѣдяницу. Замѣчательное развитіе и образъ жизни этихъ древнихъ формъ выяснены изслѣдованіями д-ра Брауера на Сейшелльскихъ островахъ и братьями Саразинъ на Цейлонѣ.

---

Въ ботаническомъ саду Peраденіи, на Цейлонѣ, директоръ показывалъ намъ, какъ одинъ изъ наиболѣе цѣнныхъ экземпляровъ, пальму лодойцею—экземпляръ этотъ является, однако, карликомъ по сравненію съ тѣмъ огромнымъ деревомъ, въ тѣни котораго располагается зданіе островного управленія въ Маэ. Когда я разсматривалъ съ изумленіемъ эту удивительную пальму съ висящими гигантскими плодами, меня увѣряли, что и она даетъ лишь слабое представленіе о тѣхъ великанахъ, которые находятся въ ея естественныхъ условіяхъ. Мѣстность, гдѣ она встрѣчается, впрочемъ, чрезвычайно ограничена, именно она находится лишь на островѣ Праслинъ и на сосѣднемъ островѣ Кюрьёзъ, да и тамъ лишь въ извѣстныхъ мѣстахъ. Нашъ сотоварищъ проф. Шимперъ хотѣлъ посѣтить это мѣсто, составляющее такую достопримѣчательность Сейшелльскихъ острововъ, и мы съ большой охотою къ нему присоединились. Кто не видалъ лодойцеи въ уединенныхъ долинахъ, покрытыхъ дѣвственнымъ лѣсомъ, тотъ, можно сказать, не видалъ ничего на Сейшелльскихъ островахъ! Инспекторъ лѣсоводства м-ръ Бати вмѣстѣ со своей супругою и ея братомъ сопутствовали намъ, когда мы 8-го марта, еще до восхода солнца, подняли якорь и по морю гладкому, какъ зеркало, и оживляемому рыбами и дельфинами, направились къ острову Праслину. Послѣ трехъ часовъ хода, этотъ зеленый островъ сталъ вырисовываться все яснѣе и яснѣе, и наконецъ мы остановились на якорѣ въ заливѣ св. Анны съ восточной стороны острова и съѣхали на паровомъ катерѣ на берегъ, лавируя между рифами, заросшими саргассовыми водорослями. На песчаномъ берегу насъ ожидали негры и мы съ большимъ удовольствіемъ отдохнули отъ палящихъ лучей солнца въ тѣни небольшой хижинки, покрытой пальмовыми листьями. Красная латеритовая тропинка поднималась вверхъ къ сѣверо-восточной сторонѣ острова, гдѣ и растутъ пальмы, всего лишь въ двухъ ущельяхъ.

Трудно передать то первое впечатлѣніе, которое получаешь, когда при неожиданномъ поворотѣ тропинки открывается видъ на ущелье, гдѣ выдѣляются могучіе стволы пальмъ. Роскошное развитіе вѣерообразныхъ листьевъ, красота и граціозность очертаній пальмъ, оригинальное ограниченное распространеніе ихъ, наконецъ, легенды, связанныя съ ними, все это невольно волнуетъ наблюдателя, видящаго эти чудныя деревья впервые. Легко понять, почему Линней назвалъ эти пальмы «князьями» (principes) и поставилъ ихъ во главѣ своей системы,—проникнутый величественностью ихъ внѣшняго вида, онъ не рѣшался отнести ихъ къ какому-либо другому классу растительнаго царства.

Толстые свѣтлые стволы поднимаются прямо, какъ свѣчи, до высоты 40 метровъ, тогда какъ рядомъ молодыя пальмы развиваютъ свои листья чуть не прямо изъ земли—листья эти достигаютъ 7 метровъ въ вышину при ширинѣ въ 4 метра. Эти молодыя пальмы кажутся,

положительно, еще красивѣе старыхъ, высоко поднимающихъ свои кроны надъ другими деревьями. Плодниковыя пальмы средней величины покрыты сплошь огромными плодами, которые напоминаютъ собою гигантскіе жолуди и сидятъ на черешкахъ. Какъ листъ, такъ и плодъ этой пальмы является наиболѣе крупнымъ изъ произведеній растительнаго царства. Плоды заключены въ толстую лубяную оболочку подобно кокосовымъ орѣхамъ, и подъ скорлупой, нѣсколько сердцевидно вырѣзанной, располагается ядро; отполированная скорлупа совершенно черна, какъ черное дерево.

Эти замѣчательные плоды, вѣсомъ около половины центнера, приносились отъ времени до времени теченіями къ Мальдивскимъ островамъ и къ западнымъ берегамъ Индіи и возбуждали тамъ съ давнихъ поръ вполнѣ понятное изумленіе. Происхожденіе ихъ было неизвѣстно и ихъ считали даже продуктами моря, называя и теперь еще употребительнымъ названіемъ морскихъ кокосовыхъ орѣховъ (coco de mer). Имъ приписывались цѣлебныя свойства и потому они цѣнились почти на вѣсъ золота: разсказываютъ, что графъ Рудольфъ Габсбургскій за одинъ такой плодъ заплатилъ 4.000 золотыхъ гульденовъ. Лишь въ 1769 году, при изслѣдованіи Сейшельскихъ островокъ, предпринятомъ по инициативѣ герцога де-Праслина, была открыта инженеромъ Баррэ пальма, приносящая эти плоды. Лаббиардьеръ далъ этой пальмѣ остающееся и до сихъ поръ названіе *Lodoicea Seychellarum*. Баррэ былъ настолько непредусмотрителенъ, что нагрузилъ цѣлый корветъ морскими кокосами и отправилъ его въ Индію, гдѣ, разумѣется, уже при одномъ видѣ такой массы ихъ, цѣна сразу значительно и навсегда упала.

Пальма эта раздѣльнопола и, благодаря этому то обстоятельству, размноженіе ея и происходитъ такъ медленно, что обусловливаетъ ея рѣдкость. На ряду съ женскими пальмами, мы замѣтили вскорѣ и мужскія, которыя несутъ кисть цвѣтовъ длиною около метра, но цвѣты ихъ мелки, желтоваты, невзрачны и пахнутъ копрой или ароновымъ жезломъ.

Кромѣ своей внѣшности и размѣровъ пальма интересна и многими другими свойствами. Плоды ея требуютъ для своего созрѣванія не менѣе 7 лѣтъ; посаженные въ землю они даютъ лишь черезъ годъ ростокъ, который сперва ползетъ нѣсколько метровъ подъ поверхностью земли, прежде чѣмъ появляется на поверхности. Лишь черезъ 35—40 лѣтъ развиваются цвѣты, и трудно сказать, какого возраста могутъ достигнуть могучія деревья. Если уже у кокосовой пальмы каждая часть дерева идетъ въ прокъ и цѣнится, то еще болѣе драгоцѣнна въ этомъ отношеніи лодойцея. Дерево ея стволовъ черновато и противустоитъ вліянію внѣшнихъ условій не хуже желѣза. У германскаго консула д-ра Брукса я видѣлъ въ гостинной нѣсколько стволовъ лодойцеи,—дерево производило впечатлѣніе не менѣе цѣннаго и стойкаго, какъ канарскій лавръ. Листья пальмы употребляются туземцами Праслина для устройства крышъ на хижинахъ, тогда какъ изъ волоконъ листьевъ приготовляются плетенія и изящно сработанныя дамскія шляпы, а твердая скорлупа плодовъ идетъ на выдѣлку различныхъ сосудовъ. Подъ твердой скорлупой у зрѣлаго плода находится студенистая мякоть (эндосперма), хотя и освѣжающая, но имѣющая слишкомъ прѣсный сладковатый вкусъ, у болѣе старыхъ, полежавшихъ плодовъ она затвердѣваетъ въ твердую бѣлую массу. Пальма эта была бы по всей вѣроятности уже окончательно истреблена, еслибы заслуженный директоръ на островѣ св. Маврикія Джонъ Хорнъ не настоялъ въ 1875 году на



энергичномъ вмѣшательствѣ правительства въ пользу ея защиты. Одна изъ долинъ острова Праслина, гдѣ росли самые красивые экземпляры, и сосѣдній островъ Кюріёзъ были объявлены государственной собственностью и путемъ строгихъ мѣръ было устранено истребленіе остальныхъ пальмъ. Въ обоихъ долинахъ Праслина лодойцея встрѣчается не въ видѣ густыхъ лѣсовъ, а разбросана между остальными деревьями дѣвственнаго лѣса. Самый лѣсъ сухъ и отличается богатствомъ другими пальмами, между которыми выдѣляется встрѣчающееся лишь на Сейшелльскихъ островахъ дерево пальмистъ (*Deckenia nobilis*) своею красотою. Здѣсь, какъ и на Маэ, бросаются также въ глаза своими огромными листьями стевенсоніи и изъ лиственныхъ деревьевъ такъ называемое красное дерево (*Wormia*); ближе къ морю вмѣстѣ съ лодойцеями попадаются казуарины и превосходные экземпляры *Callophyllum*, называемаго здѣсь татамака. Кое гдѣ попадался и одинъ изъ видовъ пандануса.

Подъ могучею листвою лодойцей состоялся завтракъ, завершившій первую часть нашей прогулки. Съ понятнымъ интересомъ попробовали мы плоды пальмы и за ними послѣдовалъ чисто лукулловскій деликатесъ, какой простымъ смертнымъ можетъ случиться ѣсть развѣ лишь разъ въ жизни,—именно пальмовая капуста изъ лодойцеи, обладающая вкусомъ нѣсколько напоминающимъ миндаль. Мы получили ее и въ подарокъ, и ѣли ее еще нѣсколько разъ на суднѣ—это было положительно самое вкусное блюдо, какое намъ пришлось попробовать за все время пути!

Въ заключеніе нашей экскурсіи по Праслину мы должны были по страшной жарѣ перейти черезъ хребетъ на сѣверный берегъ, гдѣ насъ очень любезно приняли живущіе тамъ креолы и негры, которые доставили насъ затѣмъ въ лодкахъ на наше судно.

Здѣсь насъ ожидалъ пріятный сюрпризъ. Владѣлецъ острова Фелиситэ м-ръ Гаральдъ Бати отправился въ сопровожденіи нашего штурмана на паровомъ катерѣ къ своему острову и привезъ оттуда, съ небольшого располагающагося передъ островомъ рифа, одну изъ огромнѣйшихъ и наиболѣе старыхъ слоновыхъ черепахъ (*Testudo elephantina*), которую онъ поднесъ экспедиціи въ подарокъ. Это было, дѣйствительно, почти допотопное чудовище, оно было перевезено сюда болѣе чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ съ острова Альдабры—еще дѣдъ одного изъ старыхъ негровъ, живущихъ на Фелиситэ зналъ эту черепаху. Кромѣ того м-ръ Бати далъ намъ еще двухъ другихъ болѣе молодыхъ черепахъ, а д-ръ Бруксъ присоединилъ еще одинъ экземпляръ, предназначенный для германскаго императора,—такимъ образомъ на палубѣ «Вальдивіи» образовалась цѣлая коллекція этихъ тупоумныхъ чудовищъ. Слоновыя черепахи на Сейшелльскихъ островахъ были неизвѣстны при первомъ посѣщеніи острововъ, ихъ привезли сюда съ острова Альдабры, гдѣ онѣ и посейчасъ водятся, благодаря удаленности этого острова,—онѣ скрываются тамъ въ густыхъ кустарникахъ въ довольно большомъ количествѣ. Ввезенныя на Сейшелльскіе острова черепахи размножались очень свободно и теперь почти на каждой фермѣ имѣется нѣкоторое количество черепахъ,—при особенно торжественныхъ случаяхъ онѣ доставляютъ креоламъ праздничное блюдо.

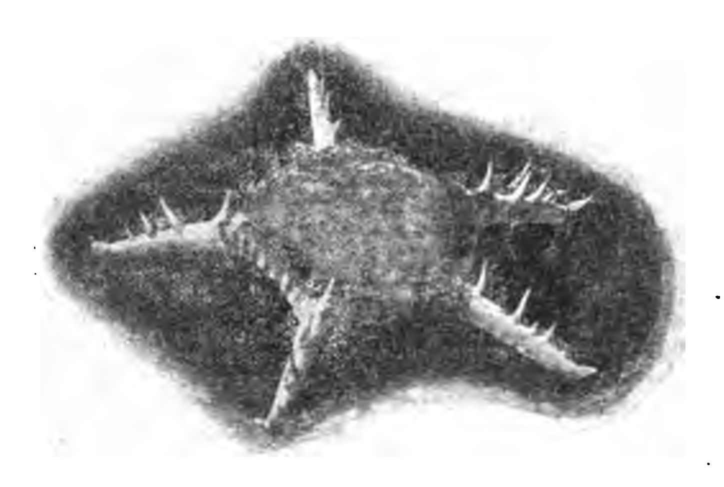
Намъ было разрѣшено стрѣлять на островѣ рѣдко встрѣчающихся тамъ эндемичныхъ птицъ, и коллекціи наши значительно увеличились цѣнной добычей. По всей вѣроятности Сейшелльскіе острова уже давно отдѣлились, такъ какъ почти каждая группа наземныхъ животныхъ содержитъ нѣкоторое количество свойственныхъ исключительно этимъ



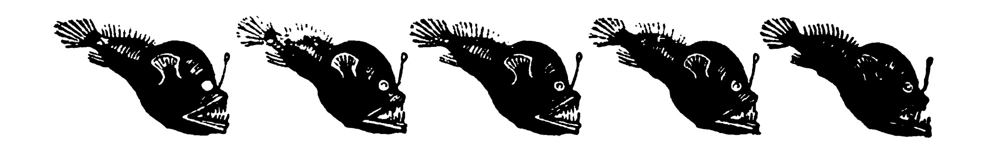
островамъ формъ. Въ особенности это касается голубиныхъ птицъ, между которыми на островѣ Фели итэ былъ застрѣленъ великолѣпнѣйшій экземпляръ *Alectroenas pulcherrium*.

Когда мы вернулись вечеромъ въ Портъ-Викторію, нагруженные ботаническими и зоологическими сокровищами, и высадили нашихъ любезныхъ спутниковъ, мы могли имъ отплатить за гостепріимный пріемъ, встрѣченный нами на Сейшелльскихъ островахъ, лишь очень скромною услугою. Уже 6 недѣль ни одинъ пароходъ не заходилъ на Маэ и потому мы съ удовольствіемъ взялись принять на судно почту и доставили ее затѣмъ аккуратнѣйшимъ образомъ въ Занзибаръ.

Торговыя сношенія съ Сейшелльскими островами за послѣднее время сильно уменьшились, благодаря тому, что пароходная компанія Messageries Maritimes прекратила заходъ на Маэ и на островъ св. Маврикія. Лишь изрѣдка, не болѣе раза въ мѣсяцъ, заходитъ сюда въ Портъ-Викторію англійскій пароходъ и только англійскія и наши германскія военныя суда, останавливающіяся здѣсь въ виду здороваго климата острововъ, вносятъ нѣкоторое оживленіе въ однообразное существованіе жителей.



Морская звѣзда *Styracaster* съ 2.492 метр. глубины.



## ГЛАВА XIX.

**Теченія. — Даръ-эсъ-Саламъ. — Растительность.—Занзибаръ.—Послѣднія работы.— Аденъ.**

По возвращеніи съ Праслина мы вечеромъ 8-го марта подняли якорь и вышли, направляясь на западъ и оставляя Амирантскіе острова съ лѣвой стороны. Погода была очень тихая и на небѣ не было ни одного облачка. Въ теченіе восьми дней пути до восточно-африканскаго берега дулъ самый слабый вѣтеръ, поворачивающій постепенно къ сѣверо-востоку, и стояла превосходная ясная погода, при которой море было гладко, какъ зеркало.

Чтобы понять явленія на морской поверхности во время этого отдѣла пути и въ особенности отсутствіе ясно выраженнаго теченія здѣсь, слѣдуетъ познакомиться съ общей картиной распредѣленія теченій въ Индійскомъ океанѣ во время южнаго лѣта, т.-е. сѣверной зимы; намъ придется при этомъ вернуться и къ нѣкоторымъ изъ явленій, о которыхъ мы уже говорили неоднократно ранѣе при описаніи нашего пути въ области Индійскаго океана. Должно прежде всего выяснить условія вѣтра и теченій на югъ отъ экватора и затѣмъ уже перейти къ наблюдаемымъ на сѣверъ отъ него. Южный отдѣлъ Индійскаго океана образуетъ удивительную параллель распредѣленію теченій въ южномъ Атлантическомъ океанѣ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь имѣется огромный круговоротъ воды, движеніе котораго направлено противъ движенія часовой стрѣлки. Въ области западныхъ вѣтровъ, которую мы проходили какъ послѣ отхода изъ Капштата, такъ и во время нашего пути къ Кергуэльскимъ островамъ и острову св. Павла, сильными западными вѣтрами, переходящими нерѣдко въ бурю, обусловливается могучее теченіе къ востоку. Часть холодной воды доходитъ до западнаго берега Австраліи, отклоняется здѣсь къ сѣверу и сѣверо-западу и образуетъ такъ называемое Западное Австралійское холодное теченіе, соотвѣтствующее Бенгуельскому теченію юго-западнаго берега Африки. Это теченіе теряется въ Южномъ Экваторіальномъ теченія, которое возникаетъ подъ вліяніемъ юго-восточныхъ пассатовъ; въ противоположность къ соотвѣтствующему теченію въ Атлантическомъ океанѣ, Экваторіальное теченіе не переходитъ за экваторъ въ сѣверное полушаріе, а сказывается во время сѣверной зимы приблизительно до 10° юж. шир., а во время сѣвернаго лѣта лишь нѣсколько далѣе, до 5° южн. широты. Такимъ образомъ въ теченіе сѣвернаго лѣта архипелагъ Хагосъ находится въ области юго-восточнаго пассата и Южнаго Экваторіальнаго теченія, идущаго съ востока на западъ. Быстрота этого теченія незначительна,—лишь мѣстами, напримѣръ, вблизи сѣверной

оконечности Мадагаскара, у мыса Амберъ, теченіе это получаетъ скорость болѣе двухъ морскихъ миль въ часъ. Далѣе это теченіе доходитъ на уровнѣ приблизительно 10° южн. шир. до восточно-африканскаго берега и раздѣляется здѣсь на двѣ вѣтви—одну болѣе слабую, захватывающую Занзибаръ и направленную сперва къ сѣверу и затѣмъ къ сѣверо-востоку, и другую, болѣе значительную—такъ называемое Агуласское теченіе, которое у мыса Дельгадо получаетъ южное, а затѣмъ юго-западное направленіе. Агуласское теченіе соотвѣтствуетъ Бразильскому теченію въ Атлантическомъ океанѣ, но является въ то же время гораздо болѣе сильнымъ, болѣе обширнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ изъ себя одно изъ самыхъ постоянныхъ теченій, которыя намъ извѣстны. Въ своей начальной части оно называется Мозамбикскимъ теченіемъ, скорость его постепенно возрастаетъ, оно проходитъ мимо Наталя, имѣя здѣсь юго-западное направленіе, минуетъ

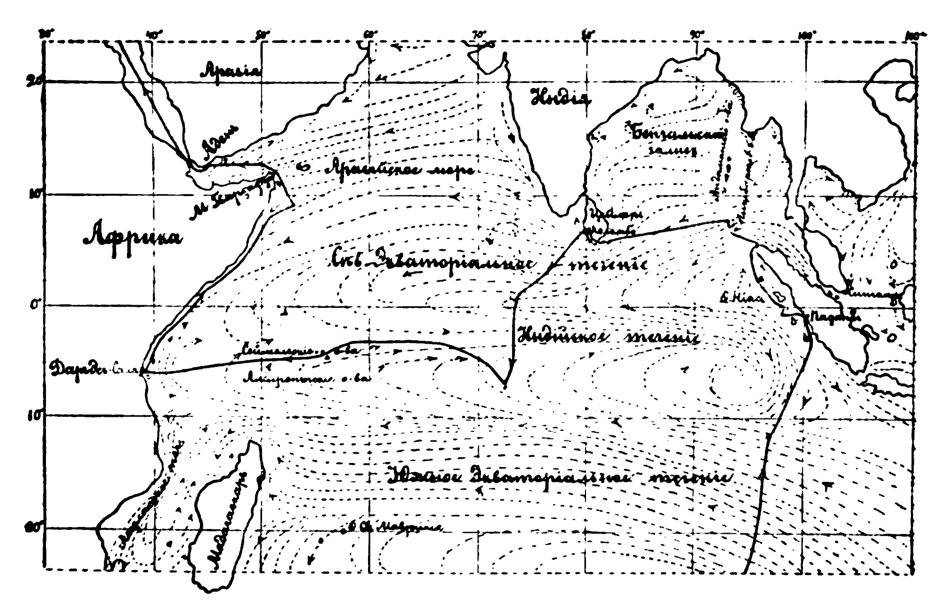



Рис. 73. Теченія Индійскаго океана.

Агуласскую банку и, какъ было уже ранѣе сказано, разбивается, наконецъ, на множество вѣтвей, теряющихся въ теченіи, вызванномъ западными вѣтрами. У южнаго Капланда быстрота этого теченія настолько велика, что здѣсь корабли сносятся имъ въ сутки уже на сто миль къ западу.

Что касается до теченій Индійскаго океана, располагающихся на сѣверъ отъ экватора, то они въ такой степени подвержены вліянію муссоновъ, что мѣняютъ два раза въ годъ свое направленіе. Во время сѣверной зимы, когда дуетъ сильный сѣверо восточный муссонъ, почти всѣ водныя массы направляются на западъ, тогда какъ во время сѣвернаго лѣта, при нерѣдко переходящихъ въ бурю юго-западныхъ муссонахъ, вода поверхности направляется къ востоку, обусловливая тѣмъ нерѣдко сильное смѣщеніе судна. Съ полной справедливостью указываютъ обыкновенно на эту перемѣну теченія подъ вліяніемъ перемѣны вѣтра, какъ на наиболѣе блестящій примѣръ тому, что теченія обу-

словливаются прежде всего господствующими вѣтрами. Въ виду того, что мы проходили по Индійскому океану во время сѣверной зимы и весны, насъ интересуютъ здѣсь главнымъ образомъ теченія, сказывающіяся въ это время года. Подъ вліяніемъ сѣверо-восточнаго муссона водныя массы направляются какъ въ Бенгальскомъ заливѣ, такъ и въ Арабскомъ морѣ и, наконецъ, на параллели сѣверной оконечности Суматры, Цейлона и во всей части океана между Малединскими островами и восточно-африканскимъ берегомъ къ западу. Мы назовемъ все это западное теченіе Сѣвернымъ Экваторіальнымъ теченіемъ. Впрочемъ, несмотря на такое общее направленіе воды, какъ въ сѣверо-западной части Бенгальскаго залива, такъ и въ Аденскомъ заливѣ и подъ берегомъ Аравіи замѣчаются теченія въ противоположномъ направленіи именно на сѣверо-востокъ или ONO. Наконецъ, между Бомбеемъ и Каликутъ, вдоль западнаго берега Индіи, замѣчается теченіе вдоль берега, направленное на югъ. Сѣверный и южный берега Цейлона омываются Сѣвернымъ Экваторіальнымъ теченіемъ, которое здѣсь и на сѣверной оконечности Малаккскаго пролива достигаетъ наибольшей быстроты. Въ западной части Индійскаго океана между экваторомъ и 8° южн. шир. наблюдаются лишь очень измѣнчивыя и слабыя движенія воды. Только далѣе къ востоку, по направленію къ западному берегу Суматры, становится постепенно замѣтнѣе восточное теченіе, которое направляется въ концѣ концовъ къ югу-востоку и при сильномъ сѣверо-западномъ муссонѣ достигаетъ нерѣдко значительной быстроты. Это восточное теченіе, какъ не трудно въ этомъ убѣдиться, соотвѣтствуетъ въ Атлантическомъ океанѣ Гвинейскому теченію. Мы уже упоминали о немъ, когда говорили о приближеніи къ Суматрѣ.

Между этими двумя огромными круговоротами потоковъ, приблизительно въ центрѣ образуемаго ими вихревого движенія, располагаются области, лишенныя теченій и характеризующіяся штилями и иногда высокимъ атмосфернымъ давленіемъ. Такую область, лишенную теченій, мы прошли южнѣе экватора, покинувъ островъ св. Павла и Новый Амстердамъ, и въ такую же точно область мы вступили теперь, покинувъ Сейшелльскіе острова и вплоть до прихода къ восточно-африканскимъ берегамъ.

---

Днемъ наступало обыкновенно безвѣтріе и лишь ночью дулъ легкій бризъ, небо было безоблачно, и стояла страшная жара. Термометръ на солнцѣ показывалъ 50°, тогда какъ въ тѣни онъ колебался между 28° и 32°. Это, положимъ, температуры, которыя нерѣдко встрѣчаются и у насъ на континентѣ и не производятъ тамъ впечатлѣнія невыносимой жары. Если же онѣ здѣсь, подъ тропиками, среди океана, такъ угнетаютъ, то это обусловливается тѣмъ, что воздухъ насыщенъ влагою до крайняго предѣла. Потъ совершенно не испаряется на тѣлѣ, и всякая работа становится вдвое труднѣе. Никогда мы не чувствовали себя такими слабыми, какъ именно теперь, въ области экватора. Уже на слѣдующій день по выходѣ съ Сейшелльскихъ островов, 9-го марта, мы имѣли случай наблюдать въ полдень курьезное явленіе,—палка, поставленная вертикально, не отбрасывала никакой тѣни.

Свободно дышать можно было лишь тогда, когда, послѣ стоянія въ теченіе многихъ часовъ подъ палящимъ солнцемъ, наше судно съ окончаніемъ работъ пускалось снова полнымъ ходомъ впередъ. Всѣ завидовали капитану, который устроилъ себѣ изъ распиленной бочки



сѣдалище, куда клалъ ледъ изъ холодильника. Нельзя было особенно изумляться, когда подъ вліяніемъ жаровъ нѣкоторые изъ членовъ экспедиціи пробовали вечеромъ въ серьезъ дѣлать моментальные снимки облаковъ при вспышкѣ магнія.

Промѣры, которые мы предпринняли на этомъ пути, показали намъ вскорѣ послѣ того какъ мы покинули Сейшельскую банку, 9-го марта, 2.377 метровъ глубины (4° 34′ южн. шир. и 53° 43′ вост. долг.), а 11-го марта мы нашли удивительно большую глубину въ 5.071 метръ (4° 45′ южн. шир. и 48° 59′ вост. долг.). Температура на днѣ на 5.000 метрахъ была+1,2°, и дно оказалось состоящимъ изъ желтовато-бѣлаго глинистаго глобигериноваго ила. Въ виду того, что сѣти и проволока при промѣрахъ стояли почти вертикально, мы использовали эту часть пути насколько только могли, чтобы получить возможно больше температурныхъ серій и улововъ замыкающимися сѣтями. Когда была найдена огромная глубина въ 5.071 метръ, намъ показалось интереснымъ узнать при помощи замыкающейся сѣти, какіе организмы плаваютъ надъ самымъ дномъ. Замыкающаяся сѣть была опущена на 5.000 метровъ и, какъ можно было заключить по небольшому количеству ила на винтѣ, коснулась дна. Сѣть эта устроена, однако, такъ, что не могла открыться, даже если бы лежала на днѣ, и потому организмы, заключавшіеся въ ней, могли происходить лишь изъ глубокихъ слоевъ воды надъ самымъ дномъ, именно, изъ слоевъ около 60 метровъ надъ дномъ. Когда мы ее подняли, въ сѣти оказались мелкіе рачки-копеподы съ ихъ личинками и радіоляріи изъ семейства чэлленжеридъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ поражало обиліе пустыхъ раковинокъ тинтиннидъ, радіолярій и глобигеринъ. Это показываетъ, что на такой глубинѣ скопляются въ особенно большомъ количествѣ пустыя раковинки различныхъ организмовъ надъ самымъ дномъ. Интересные результаты дали также уловы вертикальными сѣтями. Мы добыли здѣсь цѣлый рядъ новыхъ глубоководныхъ рыбъ, характерныхъ бо́льшею частью совершенно черною окраскою и присутствіемъ свѣтящихся органовъ. Наиболѣе курьезной находкой между рыбами были здѣсь тѣ личинки рыбъ, у которыхъ глаза располагаются на длинныхъ стебелькахъ—мы будемъ о нихъ говорить еще позднѣе. Не могу не привести здѣсь также моментальнаго снимка, полученнаго нами съ одного изъ самыхъ чудовищныхъ представителей семейства лофіидъ—*Melanocoetus*, который пришелъ живымъ на по-



Рис. 74. Живой *Melanocoetus* (моментальный снимокъ).

верхность и прожилъ у насъ въ охлажденномъ акваріумѣ еще два часа. Къ рыбамъ присоединялись головоногія, также со стебельчатыми глазами, и цѣлый рядъ ракообразныхъ, между которыми находились гигантскіе и совершенно къ тому же прозрачные представители рода *Thaumatops*. Мы добыли здѣсь также и замѣчательныхъ голотурій,—чрезвычайно нѣжныхъ и похожихъ на актиній *Pelagothuria*.

Поверхность моря не выказывала особенно богато развитой жизни. Но зато насъ съ самыхъ Сейшельскихъ острововъ провожали цѣлыя стада дельфиновъ и летучія рыбы, которыя вылетали изъ воды такими густыми роями, какихъ мы нигдѣ не видали. Во время остановки судна, однако, около него собирались обыкновенно въ такомъ количествѣ огромныя акулы, что мы не рѣшались спускать нашу маленькую лодочку для лова на поверхности. Мы прилежно занимались стрѣльбою по нимъ, бросая имъ въ качествѣ приманки разбитыя бутылки или сохранявшееся въ спирту мясо, которое онѣ тѣмъ не менѣе съ успѣхомъ проглатывали. Изслѣдованіе содержимаго желудковъ нѣсколькихъ экземпляровъ, пойманныхъ на крюкъ, показало, что акулы въ состояніи проглатывать иногда и сидящихъ на нихъ прилипалъ (*Echeneis*). Свѣченіе моря, какъ и вообще въ Индійскомъ океанѣ, было здѣсь относительно мало развито и обусловливалось преимущественно мелкими ракообразными (*Lucifer*, *Pleuromma*).

Когда мы 14-го марта приблизились уже къ восточно-африканскому берегу и измѣрили глубину въ 2.959 метровъ (6° 13′ юж. шир. и 41° 17′ вост. долг.), мы рѣшились, наконецъ, произвести ловъ traломъ. Мы ожидали найти здѣсь на этой глубинѣ почти въ 3.000 м. лишь бѣдную фауну и были потому пріятно изумлены огромнымъ количествомъ видовъ, которое было поймано. Мы добыли здѣсь нѣкоторое количество раковъ-отшельниковъ, выставляющихъ изъ раковинъ свои клешни, покрытыя длинными осязательными щетинками, усоногихъ изъ рода *Scalpellum*, пикногоновъ, желтыхъ офіуръ и морскихъ звѣздъ изъ рода *Styracaster*, червей, губокъ-гексактинеллидъ и нѣкоторое количество слизистыхъ комковъ, покрытыхъ глобигериновыми раковинками,—по всей вѣроятности, гигантская форма корненожекъ. Уловъ этотъ укрѣпилъ насъ въ намѣреніи изслѣдовать впослѣдствіи подробнѣе восточно-африканскій берегъ, обѣщающій обильную добычу.

---

Утромъ 15-го марта мы увидѣли восточно-африканскій берегъ. Съ большимъ напряженіемъ вглядывались мы въ даль, стоя на палубѣ и разсматривая маленькіе коралловые островки, одинъ изъ которыхъ былъ превращенъ въ карантинную станцію, тогда какъ на другомъ, Макатумбе, находился маякъ съ бѣлыми и черными полосами. Низменный мысъ, надъ которымъ поднимались вдали исчезающія въ синевѣ неба горы Пуху, огромные баобабы, столь характерные для чернаго континента, и просвѣчивающее между пальмами зданіе, похожее на дворецъ, оказавшееся позднѣе огромнымъ госпиталемъ,—таковы были первыя впечатлѣнія, полученныя нами отъ нашихъ восточно-африканскихъ владѣній. Вскорѣ мы замѣтили на располагающейся нѣсколько южнѣе возвышенности, живописное зданіе католической миссіи и затѣмъ вступили по извилистому, намѣченному буйками фарватеру, въ глубоко врѣзающуюся въ континентъ бухту. Намъ рѣдко приходилось во время нашего пути видѣть такіе чудные ландшафты, какъ видъ на огромную и тихую лагуну Даръ-эсъ-Салама, развернувшійся передъ нами внезапно послѣ крутого поворота узкаго фарватера. Мы никогда не представляли себѣ сто-

лицу нашихъ восточно-африканскихъ колоній такою красивою! На сѣверной сторонѣ обширной котловины располагается масса правительственныхъ построекъ. Прямо поражаешься, сколько здѣсь сдѣлано въ теченіе тѣхъ немногихъ лѣтъ послѣ умиротворенія послѣдняго возстанія! За правительственными зданіями, прячущимися въ пальмахъ, виднѣются домики чиновниковъ, отель «Германскій императоръ», строенія германской восточно африканской компаніи, таможня, казенныя мастерскія и строящіяся католическая и протестантская церкви. Множество маленькихъ лодочекъ оживляетъ бухту, въ ней мы замѣтили стоящаго на якорѣ нашего стараго знакомаго по Капштату—германскій крейсеръ «Ласточка». На южной сторонѣ лагуна сильно расширяется, окаймлена мангровыми зарослями и невысокими холмами, по которымъ разбросаны поля и плантаціи, баобабы и зонтичныя акаціи. Рѣдко гдѣ принимали германскую экспедицію съ такимъ почетомъ и радушіемъ, какъ здѣсь, въ восточной Африкѣ. Городъ украсился флагами, и какъ губернаторъ, генералъ фонъ-Либертъ, такъ и всѣ чиновники и мѣстные коммерсанты наперерывъ старались сдѣлать наше пребываніе здѣсь интереснымъ для насъ и пріятнымъ. Поѣздка по Даръ-эсъ-Саламу, совершенная въ день прибытія вмѣстѣ съ губернаторомъ послѣ обѣда, показала намъ, что рядъ красивыхъ зданій, стоящихъ на берегу лагуны, отнюдь не представляетъ изъ себя декораціи, скрывающей бѣдныя хижины и непригодную для культуры страну. Можно было только высказать свое полное удовлетвореніе при видѣ солидныхъ и, для тропическихъ условій, грандіозныхъ сооруженій въ остальныхъ частяхъ города. Между ними первое мѣсто принадлежитъ, безспорно, госпиталю и находящейся подъ руководствомъ д-ра Шульмана агрономической станціи. Широкія улицы, окаймленныя виллами и группами деревьевъ ботаническаго сада, прорѣзаютъ европейскую часть города и позволяютъ видѣть отовсюду темно-голубую поверхность моря. На берегу поднимается одиноко, рѣзко вырисовывающаяся на фонѣ кокосовыхъ пальмъ пальма «думъ», со своими многократно дѣлящимися вѣтвями и торчащими во всѣ стороны вѣерообразными листьями.

Съ тѣхъ поръ, какъ туземцы убѣдились, что нигдѣ они не могутъ найти столь полной защиты и спокойствія, какъ вблизи города, арабская часть города, и въ особенности негритянская, разростаются постепенно все болѣе и болѣе.

Проходя по длиннымъ улицамъ, окаймленнымъ основательно построенными хижинами туземцевъ, невольно проникаешься убѣжденіемъ, которое сложилось уже на Суматрѣ и въ особенности на Мальдивскихъ островахъ,—именно, замѣчаешь, что магометанство имѣетъ, несомнѣнно, благотворное вліяніе на народности, относящіяся къ его вѣроученіямъ безъ особаго фанатизма, но исполняющія все же его религіозныя предписанія,—вліяніе это можетъ быть формулировано тремя словами: чистоплотность, трезвость и честность. Эти три основныя добродѣтели соединяются, обыкновенно, съ широкимъ гостепріимствомъ и дѣлаютъ пребываніе между такими магометанскими народностями особенно пріятнымъ. Такими чертами рѣзко отличаются и негры восточно-африканскаго берега отъ другихъ первобытныхъ племенъ западной Африки,—послѣднія своей нечистоплотностью, пьянствомъ и постоянными обманами вызываютъ къ себѣ, положительно, непріязненное чувство. Получивъ лишь наружный лоскъ цивилизаціи, они становятся порою настоящей каррикатурой европейцевъ. Съ другой стороны, негръ-магомета-



нинъ производитъ симпатичное впечатлѣніе уже при первомъ взглядѣ своимъ красивымъ восточнымъ нарядомъ.

Мудрое распоряженіе, чтобы чиновники и европейцы, при сношеніяхъ съ туземцами, говорили на языкѣ «кизуахели», не мало способствуетъ тому, что населеніе тѣснѣе связывается съ администраціей. Съ другой стороны, и послѣдней легче при этомъ проникать въ образъ мыслей населенія,—она скорѣе понимаетъ его нужды и какъ бы приближаетъ туземцевъ къ себѣ.

Окрестности Даръ-эсъ-Салама такъ часто уже описывались болѣе компетентными наблюдателями, что мы ограничимся указаніемъ лишь на то, что особенно бросается въ глаза натуралисту. Прежде всего здѣсь обращаетъ на себя вниманіе растительность, которая развита гораздо богаче, чѣмъ можно было бы ожидать, и придаетъ мѣстности особенно типичную физіономію. Губернаторъ хорошо зналъ, что́ можетъ произвести на насъ наиболѣе сильное впечатлѣніе, и по его предложенію мы уже на слѣдующій день, рано утромъ, отправились верхами въ «Саксонскій лѣсъ» Даръ-эсъ-Салама. Былъ періодъ смѣны муссоновъ, и затягивавшееся по временамъ облаками небо, послѣ долгой и мучительной засухи, которая внутри страны обусловила даже голодъ, посылало, отъ времени до времени, потоки дождя. На широкой дорогѣ, ведущей внутрь страны, царило большое оживленіе. Встрѣчавшіеся намъ туземцы привѣтствовали насъ радушно словомъ «ямбо». Между ними попадались субъекты, поразительно исхудавшіе и свидѣтельствовавшіе о томъ, какое ужасное время пережило населеніе. Съ другой стороны, объѣденные листья кокосовыхъ пальмъ, печально стоящихъ съ оставшимися лишь средними черешками, говорили о другомъ пережитомъ бѣдствіи,—о нашествіи саранчи.

Чѣмъ далѣе подвигались мы внутрь страны, тѣмъ болѣе сказывался характеръ кустарниковой саванны, которая чередовалась съ кустарниковыми зарослями,—она является очень характерной для восточно-африканскаго побережья. Лѣсъ располагается лишь въ плоскихъ впадинахъ, гдѣ въ періодъ дождей скопляется вода. Тамъ же, гдѣ грунтовыя воды въ сухое время года отсутствуютъ, получаетъ перевѣсъ саванна. Она представляетъ изъ себя покрытыя травою поверхности, усѣянныя большимъ количествомъ мелкихъ деревьевъ и кустарниковъ. Между жесткими пучками травы, достигающей до колѣна, разрастается въ періодъ дождей богатый коверъ цвѣтущихъ растеній. Въ большинствѣ случаевъ группы древесныхъ растеній выростаютъ на старыхъ покинутыхъ гнѣздахъ термитовъ, которыя имѣютъ видъ округлыхъ холмиковъ. Самымъ высокимъ деревомъ саваннъ является *Erythrophyllum guineense*, цѣнимое за свою древесину, которая похожа на красное дерево; это дерево высотою до 30 метровъ, съ прямымъ стволомъ и широкой зонтикообразной кроной. Наравнѣ съ нимъ значительныхъ размѣровъ достигаетъ также дерево тамариндъ, которое растетъ исключительно на старыхъ гнѣздахъ термитовъ. Къ нимъ присоединяется множество мало извѣстныхъ, быть можетъ, даже не описанныхъ деревьевъ изъ семейства мотыльковыхъ и акацій, которыя не выше нашихъ фруктовыхъ деревьевъ и нерѣдко даютъ очень цѣнное поддѣлочное дерево. Всѣ эти древесныя породы вѣчно зелены и обладаютъ особенностями, свойственными растеніямъ сухихъ тропическихъ областей, именно, кожистыми, маленькими или средней величины листьями, которыя нерѣдко перисты, относительно толстой чешуйчатой корой на стволѣ и густыми волосками на почкахъ. У многихъ была

уже развита молодая зелень красноватыхъ или желтоватыхъ оттѣнковъ. Вслѣдствіе того, что время цвѣтенія совпадаетъ съ серединой сухого времени года, мы были въ состояніи собрать лишь плоды; послѣдніе приспособлены отчасти къ распространенію при помощи вѣтра, отчасти къ распространенію животными, причемъ въ данномъ случаѣ наибольшее значеніе могутъ, повидимому, имѣть столь часто встрѣчающіеся въ саваннахъ голуби. Нерѣдко низкіе кустарники и деревья бывали сплошь затянуты однимъ изъ паразитическихъ растеній изъ семейства лавровыхъ, именно *Cassytha filiformis* съ кирпично-красными или зеленоватыми нитями стеблей.

Послѣ часовой ѣзды кустарниковая саванна перешла постепенно въ кустарниковый лѣсъ—«Саксонскій лѣсъ»,—это одна изъ наиболѣе привлекательныхъ окрестностей Даръ эсъ Салама. Мы посѣтили здѣсь домъ лѣсничаго, получившій названіе «Фридрихсруэ», и были тамъ встрѣчены высокимъ рыжебородымъ индусомъ, который провелъ насъ къ хозяину. Здѣсь владѣнія лѣсничаго г. фонъ-Брухгаузена, который съ большою любезностью принялъ насъ и въ особенности своего коллегу по наукѣ проф. Шимпера. При дальнѣйшей характеристикѣ растительности я буду, какъ и выше, придерживаться тѣхъ указаній, которыя были мнѣ даны моимъ сотоварищемъ ботаникомъ.

Мы давно уже перестали разсматривать тропическій лѣсъ примѣнительно къ нашимъ европейскимъ, но здѣсь къ этому восточно-африканскому кустарниковому лѣсу приходилось примѣнять опять совершенно иную мѣрку, чѣмъ по отношенію къ влажнымъ лѣсамъ Камеруна и Суматры.

Тамъ, гдѣ почва и воздухъ одновременно насыщены влагою, тропическій лѣсъ поражаетъ, прежде всего, обиліемъ ліанъ и паразитическими растеніями,—изъ нихъ первыя привязаны къ влажной почвѣ, тогда какъ вторыя—къ влажному воздуху. Здѣсь, въ Саксонскомъ лѣсу, ліаны тоже не только не отсутствовали, но и находились даже въ поразительно большомъ количествѣ—онѣ поднимались очень высоко и обладали иногда довольно толстыми стволами. Нахожденіе ихъ свидѣтельствуетъ о томъ, что лѣсъ стоитъ на почвѣ, обильной влагою. Зато почти полное отсутствіе высшихъ паразитическихъ растеній, изъ которыхъ мы замѣтили лишь двѣ небольшія орхидеи, указываетъ на то, что влаги въ воздухѣ недостаточно даже для существованія здѣсь довольствующихся очень немногимъ папоротниковъ. Древесныя породы въ лѣсу бóльшею частью иныя, чѣмъ въ саваннѣ, но благодаря ихъ значительной вышинѣ и густотѣ лѣса онѣ труднѣе различимы. У нихъ также нѣтъ кроны, непроницаемой для солнечныхъ лучей, и вѣроятно именно этому-то обстоятельству и должно приписать, что кустарниковыя породы, благодаря обилію свѣта, получаютъ здѣсь особенно роскошное развитіе. Наиболѣе часто встрѣчались между кустарниками нѣкоторыя мареновыя и *Sanseviera*. Во всякомъ случаѣ, условія существованія для кустарниковъ подъ этимъ рѣдкимъ покровомъ листвы деревьевъ, черезъ который проникаетъ достаточно свѣта, являются болѣе благопріятными, чѣмъ для самихъ деревьевъ,—кроны послѣднихъ въ сухое время года непосредственно подвергаются дѣйствію солнечныхъ лучей, и въ то же время онѣ защищаютъ отъ этихъ жгучихъ лучей растущіе между деревьями кустарники. Многіе кустарники находились въ полномъ цвѣту—цвѣты были по бóльшей части бѣлые, съ длинными трубчатыми вѣнчиками, оканчивающимися звѣздообразно.

Они распространяли сильный ароматъ и, надо предполагать, были приспособлены для опыленія ночными бабочками.

Совершенно иной характеръ носитъ растительность у Даръ-эсъ-Салама ближе къ берегу и на небольшихъ, располагающихся передъ нимъ коралловыхъ островкахъ. На самомъ берегу лагуны развивается обширная мангровая растительность, образованная преимущественно деревьями *Sonneratia acida* средней величины. Во время отлива ихъ многочисленные побочные корни, вышиною въ нѣсколько футъ, торчатъ прямо изъ земли, какъ спаржа, и производятъ крайне оригинальное впечатлѣніе. Они служатъ «пнейматофорами», т.-е. доставляютъ запасъ кислорода подземнымъ частямъ дерева и встрѣчаются и у другихъ мангровыхъ деревьевъ, за исключеніемъ ризофоръ.

Тамъ, гдѣ отсутствуютъ мангровыя деревья, развиваются на берегу пандапусы, тогда какъ далѣе внутрь страны характерный отпечатокъ ей придаютъ баобабы. Мы встрѣтили ихъ ранѣе въ саваннахъ Конго безлистыми и съ вѣтвями, вытянутыми, какъ у привидѣній, здѣсь же они теперь были покрыты богатѣйшей зеленью и производили впечатлѣніе курьезныхъ гигантовъ, выше которыхъ поднимаются лишь кокосовыя пальмы. Между всѣми остальными растительными формами являются характерными низкія степныя пальмы (*Hyphaene*), зонтичныя акаціи и отдѣльныя деревья *Sideroxylon*. То тамъ, то здѣсь простираются болѣе или менѣе обширныя травяныя поверхности, на которыхъ пасется скотъ танганайкской породы, отличающійся огромными рогами. Самыми удивительными растительными формами, однако, являются древовидные молочаи съ ихъ вѣтвями, поднимающимися вертикально, какъ гигантскіе канделябры. У нѣкоторыхъ видовъ замѣчаются на правильныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга твердыя ромбическія расширенія. Молочаи сообщали особенно характерный видъ флорѣ коралловыхъ островковъ.

На южномъ берегу лагуны, благодаря стараніямъ д-ра Штульмана, устроены плантаціи алоэ, мало, впрочемъ, привлекательныя на видъ, такъ какъ онѣ представляютъ изъ себя вытянутые, какъ по линеечкѣ ряды растеній. Польза этихъ плантацій, однако, значительна: черезъ каждые два года листья обрѣзаются и раздавливаются машинами для добыванія изъ нихъ длинныхъ лубяныхъ волоконъ. Обработка очень проста, и въ результатѣ получается бѣлый волокнистый матеріалъ, который по прочности не уступаетъ манильской пенькѣ. Нерѣдко на этихъ плантаціяхъ причиняютъ опустошенія тѣ немногіе гиппопотамы, которые еще сохранились здѣсь кое-гдѣ. Однажды утромъ я собрался съ капитаномъ и отправился на паровомъ катерѣ, чтобы попробовать подобраться на выстрѣлъ къ этимъ чудовищамъ. Намъ, дѣйствительно, удалось видѣть двухъ гиппопотамовъ, выставлявшихъ надъ водою около мангровыхъ зарослей свои неуклюжія головы, но еще задолго до того, какъ мы подошли на выстрѣлъ, они нырнули подъ воду и исчезли. Зато мы имѣли возможность насладиться видомъ восхитительнаго солнечнаго восхода,—картины особенно привлекательной среди окружающей восточно-африканской природы. Темныя кроны баобабовъ и зонтичныхъ акацій, вѣерообразные листья пальмъ «думъ» и кокосовыхъ окрасились лучами восходящаго солнца въ такіе разнообразные тона, что ихъ не передать никакому художнику.

Торжественный пріемъ, оказанный намъ въ Даръ-эсъ-Саламѣ, завершился ночнымъ празднествомъ, которое намъ устроили въ акаціевомъ лѣсу на берегу лагуны. Пестрые лампіоны и бенгальскіе огни

освѣщали широкую площадку, на которой собрались всѣ представители германской колоніи и иностранцы. Вполнѣ цивилизованный вали города и бывшій занзибарскій султанъ Саидъ-Халедъ положительно очаровали насъ своимъ обращеніемъ. Въ павильонѣ для музыки былъ данъ настоящій концертъ капеллою гоанезцевъ подъ управленіемъ дирижера фельдфебеля Кнауста. Все общество усѣлось за длинные ряды столовъ и, подъ покровомъ усѣяннаго миріадами звѣздъ тропическаго неба, прислушивалось къ звукамъ марша изъ «Лоэнгрина». Отъ времени до времени небо освѣщалось ракетами, которыя пускали съ «Вальдивіи», стоявшей на якорѣ. Всѣ были настроены по праздничному и наслаждались прохладительными напитками, какъ вдругъ мирная бесѣда была прервана совершенно неожиданнымъ, сперва даже перепугавшихъ насъ ревомъ тысячи голосовъ... Между рядами столиковъ вдругъ прорвались сотни чернокожихъ фигуръ въ какихъ-то фантастическихъ одѣяніяхъ, съ палками въ рукахъ... Въ тотъ же моментъ въ темнотѣ раздался бѣглый огонь, встрѣтившій это неожиданное нападеніе. Это намъ сдѣлали сюрпризъ, устроивъ африканскую военную игру,—черезъ нѣсколько минутъ побѣжденные чернокожіе съ адскимъ ревомъ обратились въ бѣгство. За ними послѣдовали отряды аскаріевъ, прошедшіе мимо гостей безупречнымъ церемоніальнымъ маршемъ. Чернокожее населеніе также не хотѣло отставать отъ всеобщаго веселья и затѣяло пѣніе и танцы, сопровождавшіеся невообразимымъ шумомъ. Даже когда уже забрезжило утро, и «Вальдивія» приготовлялась сниматься съ якоря, по тихимъ водамъ лагуны все еще разносились ритмическіе звуки негритянскихъ пѣсенъ, сопровождавшихъ танцы.

Послѣдній день нашего пребыванія мы рѣшили употребить на работы траломъ въ окрестностяхъ Даръ-эсъ-Салама. Насъ сопровождали при этомъ губернаторъ, командиръ «Ласточки» съ офицерами и нѣкоторые гости. Присоединился къ намъ и вали, очень внимательно слѣдившій за всѣми операціями и затѣмъ задавшій вполнѣ естественный вопросъ: зачѣмъ мы измѣряемъ глубину тамъ, гдѣ нѣтъ никакой опасности для судна, и къ чему мы добываемъ съ такими издержками животныхъ съ глубины, которыя совершенно безполезны. Данные ему отвѣты, повидимому, совершенно сбили его съ толку,—вскорѣ, по крайней мѣрѣ, мы нашли его задремавшимъ въ одномъ изъ креселъ.

Промѣры показали на югъ отъ Занзибара относительно небольшую глубину—404 метра, но два улова траломъ, произведенные нами здѣсь, поразили насъ не менѣе, чѣмъ тотъ, который мы произвели, не доходя восточно-африканскаго берега, обиліемъ интереснѣйшихъ, до сихъ поръ не встрѣчавшихся глубоководныхъ животныхъ. Намъ попались въ этихъ уловахъ нѣсколько чрезвычайно курьезныхъ глубоководныхъ рыбъ, головоногія изъ рода *Cirrotheutis*, губки-гексактинеллиды и замѣчательныя креветки.

---

Рано утромъ 21-го марта мы покинули гостепріимный Даръ-эсъ-Саламъ и его живописную лагуну, сопровождаемые горячими пожеланіями счастливаго плаванія нашихъ соотечественниковъ. Вскорѣ передъ нами показался низменный берегъ Занзибара, окаймленный коралловыми островами, покрытыми лѣсомъ.

Нѣмецкая колонія пригласила насъ посѣтить Занзибаръ, и мы не преминули воспользоваться этимъ приглашеніемъ. Черезъ три часа

ходу показались бѣлыя строенія города, и вскорѣ мы разглядѣли украшенный флагами и скрытый въ зелени пальмъ нѣмецкій клубъ. Передъ нами развертывались постепенно скученныя глиняныя жилища негровъ, низенькіе каменные домики и высокія зданія консульствъ, затѣмъ, завернувъ за выдающійся треугольный мысъ, мы увидѣли и весь городъ съ превосходными зданіями, съ рейдомъ, оживленнымъ коммерческими пароходами, военными судами и лодками туземцевъ. Развалины большого дворца воскрешаютъ и посейчасъ воспоминанія о недавней бомбардировкѣ города англійскими судами въ августѣ 1896 г. Этимъ закончился тотъ рядъ переворотовъ, благодаря которымъ султаны, повелѣвавшіе нѣкогда всей восточной Африкой отъ мыса Гвардафуя до Мозамбикскаго пролива, сдѣлались лишь послушными орудіями въ рукахъ англійскихъ министровъ. Новичокъ въ Занзибарѣ совершенно теряется среди царящаго тамъ невѣроятнаго смѣшенія африканскихъ и азіатскихъ народностей, да и дѣйствительно трудно разобраться въ этомъ живомъ этнографическомъ музеѣ, гдѣ перемѣшаны маскатскіе и суннитскіе арабы, белуджи, персы, индусы-магометане, индусы-веддисты, парсіи, католики-гоанезы, малайцы, китайцы, коморенцы, суданцы и, наконецъ, чернокожее населеніе, обнимающее чуть ли не всѣ племена центральной Африки. Прямо поразительна та увѣренность, съ которою мѣстные жители различаютъ по какимъ-то неуловимымъ физіономическимъ чертамъ, представляетъ ли изъ себя данный субъектъ индуса-магометанина или же шеита изъ секты коясовъ или бохорасовъ, является ли онъ парсіемъ или же гоанезцемъ и произошелъ ли негръ изъ озерной области или же изъ Ваніасса или Маніема! И если бы это все были еще представители чистыхъ расъ,— но тамъ нерѣдко все между собою такъ скрестилось и смѣшалось, что, въ концѣ концовъ, и самый тонкій знатокъ этнографіи не можетъ разобрать, выступаетъ ли у даннаго субъекта наружу больше негръ, арабъ или индусъ! Все это населеніе шумитъ и толчется по улицамъ, жуетъ что-нибудь или же сидитъ передъ домами и лавками, изощряя свое остроуміе, или степенно шествуетъ по улицамъ, или поклоняется Магомету, калифу Али, Буддѣ, Сивѣ, огню, фетишамъ или, наконецъ, христіанскому Богу. Хотя и приходилось читать, что Занзибаръ представляетъ изъ себя базаръ восточной Африки, но все же надо посмотрѣть его собственными глазами, видѣть передъ собою эту пеструю толпу и понаблюдать, какая здѣсь происходитъ борьба за существованіе между хитрыми и имѣющими мало понятія о чести торговцами Африки и Азіи, чтобы вполнѣ оцѣнить значеніе подобнаго торжища!

Наши соотечественники въ честь прибытія «Вальдивіи» закрыли свои торговыя конторы и приготовили намъ торжественную встрѣчу въ клубѣ Шамба. Имъ мы обязаны, что познакомились со страною и людьми здѣсь, насколько это позволялъ нашъ короткій визитъ. Поѣздка, которую мы предприняли по живописнымъ окрестностямъ города, позволила намъ полюбоваться роскошными полями и плантаціями по холмамъ, паркамъ, садами, рощами и насажденіями гвоздики.

Послѣдній разъ посидѣли мы здѣсь подъ тѣнью кокосовыхъ пальмъ, которыя въ Занзибарѣ развиваются особенно богато. Когда, недѣлю спустя, мы приблизились къ сомалійскому берегу и имѣли передъ своими глазами печальное однообразіе пустыни, у многихъ изъ насъ шевельнулось желаніе увидѣть снова эти чудныя созданія тропической флоры!..

---

Обращаясь къ описанію послѣдняго отдѣла нашего пути, я долженъ сказать, что глубины въ 1.000—1.500 метровъ, находящіяся въ 15—20 миляхъ отъ восточно-африканскаго берега, оказались особенно благопріятными для работы траломъ. Мы предприняли отъ Занзибара до Адена 25 спусковъ большого трала и получили удивительно богатое количество самыхъ своеобразныхъ формъ глубоководной фауны. По количеству и по качеству фаунистическіе сборы экспедиціи стоятъ здѣсь не ниже ни въ какомъ случаѣ тѣхъ сборовъ, которые были произведены нами у Суматры и Никобарскихъ островов. Хотя и замѣчались нѣкоторыя черты, общія съ глубоководной фауной впадины Ментавей и Бенгальскаго залива, но все же здѣсь нашлось на этой незатронутой еще почвѣ огромное количество совершенно необычныхъ формъ, такъ что временами казалось, что передъ нами раскрывается новый и въ высокой степени интересный подводный міръ.

Къ берегу мы приблизились лишь разъ, 26-го марта, на 1° сѣв. шир. Онъ поднимается здѣсь въ видѣ довольно высокаго пустыннаго плато, красная латеритовая почва котораго была явственно замѣтна издали. Передъ нимъ располагались плоскіе холмы и монотонныя песчаныя дюны, на которыхъ кое-гдѣ виднѣлись сѣрые кусты и одиночныя зонтичныя акаціи. Мы подошли какъ разъ къ маленькому укрѣпленію Брава и были отъ него всего лишь въ двухъ морскихъ миляхъ; на фортѣ былъ поднятъ итальянскій флагъ вмѣстѣ съ флагомъ султана. Около города располагалось нѣсколько каравановъ на отдыхѣ, и неподалеку отъ него тянулись длиннымъ рядомъ нагруженные дромадеры, выдѣлявшіеся на желтоватомъ фонѣ пустыни.

Нѣкоторые дни было положительно невыносимо жарко и душно, и мы очень обрадовались, когда, начиная отъ 2° южн. шир., задулъ сѣверо-восточный муссонъ; хотя погода оставалась ясною, воздухъ сталъ все же нѣсколько свѣжѣе. Закончивъ нашу обильную результатами, но порою и утомительную, дневную работу, мы наслаждались по вечерамъ созерцаніемъ великолѣпнаго тропическаго неба. Нерѣдко намъ бросался въ глаза замѣчавшійся на западѣ зодіакальный свѣтъ, который отъ горизонта распространялся до Плеядъ и иногда даже до Оріона. Когда мы удалились на нѣсколько градусовъ къ сѣверу отъ экватора, мы, случалось, наблюдали иногда почти всѣ неподвижныя звѣзды первой и второй величины, какъ сѣвернаго, такъ и южнаго звѣзднаго полушарія одновременно, и любовались созвѣздіями, начиная отъ Большой Медвѣдицы и кончая Южнымъ Крестомъ и Магеллановымъ облакомъ.

Теченіе, зависящее отъ сѣверо-восточнаго муссона, было замѣчено нами въ видѣ сильной струи, направленной на юго-западъ, лишь недалеко отъ континента. На 2° 30' южн. шир. струя эта встрѣчаетъ отклоненныя къ сѣверо-востоку вѣтви Южно-экваторіальнаго теченія.

На поверхности показалась обильная фауна. Цѣлая стая золотистыхъ макрелей (*Coryphaena*) слѣдовала огромными прыжками за судномъ и доставляла преинтересное зрѣлище, благодаря необычайной прозрачности воды. Рыбы, почти въ метръ длиною, отливающія всѣми оттѣнками золотистаго, зеленаго и синяго цвѣта, быстро неслись, граціозно извиваясь, за блестящими жестяными рыбками нашихъ удочекъ. Еще прежде, чѣмъ удочка достигала поверхности воды, онѣ нерѣдко выскакивали и хватали рыбку на воздухѣ, такъ что въ нѣсколько минутъ мы наловили большое количество рыбъ, съ силою ударявшихъ своими хвостами по палубѣ.

Удивительно сильна была измѣнчивость окраски этихъ рыбъ: голу-

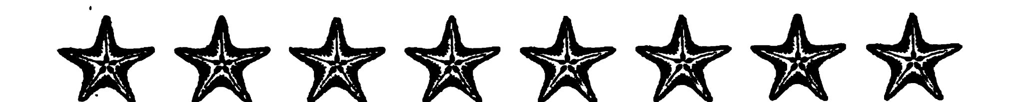
бой цвѣтъ ихъ уступалъ мѣсто золотистому, по которому распространялись то голубыя пятна, то серебристо-сѣрыя тѣни. Вскорѣ рыбы сдѣлались, однако, осторожнѣе, въ особенности послѣ того, какъ нѣсколько изъ нихъ сорвалось съ крючка; хотя онѣ и долго еще плавали вокругъ судна, но ни одна не хватала больше удочки. Немного спустя, къ нимъ присоединились два ската и рыба-молотокъ со своей удивительной расширенной въ стороны головою. Онѣ, однако, не соблазнялись нашими удочками и поймать ихъ не удалось, но зато мы застрѣлили пять акулъ, которыхъ выманивали на поверхность брошенными имъ бутылками. Страшно извиваясь, съ повернутымъ кверху брюхомъ, опускались онѣ на дно и еще на большой глубинѣ можно было слѣдить за ними глазами.

Послѣ послѣднихъ станцій въ открытомъ морѣ, мы направили нашъ курсъ на мысъ Гвардафуй и Аденъ. Вечеромъ наканунѣ Пасхи, 2-го апрѣля, показались высокіе хребты, вытягивающіеся вдоль мыса, и вскорѣ измѣненіе окраски воды и солености ея, превысившей 36 на 1.000 показало намъ, что мы вступили въ область, которая представляетъ изъ себя уже переходъ къ Красному морю. Въ Аденскомъ заливѣ мы сдѣлали еще два лова траломъ на 1.840 и 1.470 метровъ глубины, давшіе превосходные результаты. Наконецъ, 15-го апрѣля открылся живописный видъ на высокія вулканическія горы, господствующія надъ Аденскимъ заливомъ. Вся мѣстность черновато-сѣрая, пересѣченная красноватыми и бѣловатыми полосами, она кажется совершенно пустынной и печальной для тѣхъ, кто еще недавно наслаждался роскошной тропической растительностью. Когда мы сошли на берегъ и любовались съ возвышеннаго мѣста Аденомъ съ его внушительными укрѣпленіями и знаменитыми водохранилищами, мы убѣдились въ томъ, что и здѣсь растительность не совершенно отсутствуетъ. Путешественники, считающіе Аденъ каменистой пустыней, врядъ ли могутъ заподозрить, что въ дѣйствительности находятся въ настоящемъ ботаническомъ Эльдорадо, такъ какъ здѣсь, на Аденскомъ полуостровѣ, не менѣе 95 эндемичныхъ видовъ растеній. Въ виду того, что въ теченіе 7 недѣль до нашего прибытія шелъ дождь, часть этихъ растеній, въ высокой степени интересныхъ своими приспособленіями къ засухѣ, находилась въ цвѣту. Забавно видѣть, что арабы и сомали, смотрящіе на цистерны, въ которыхъ скопляется драгоцѣнная влага, почти съ благоговѣніемъ, указываютъ, какъ на наибольшую достопримѣчательность Адена, на баньяны (*Ficus bengalensis*), затѣняющіе эти цистерны!

Мы цѣлыми мѣсяцами шли по областямъ, гдѣ лишь рѣдко проглядываетъ солнце, затѣмъ испытали тропическіе ливни и томительную жару на экваторѣ, наконецъ, теперь попали въ мѣстности, гдѣ каждая капля живительной влаги почти священна для человѣка. Хотя мы и находились еще южнѣе тропика на 11°, намъ все же казалось, что мы навсегда распростились съ роскошью и великолѣпіемъ тропической природы. Нѣсколько грустное настроеніе наше было обусловлено еще и тѣмъ, что съ приходомъ въ Аденъ мы закончили одну изъ важнѣйшихъ задачъ экспедиціи, именно—изслѣдованіе глубинъ Индійскаго океана. Торопясь домой, мы быстро прошли затѣмъ Красное и Средиземное море...

Прежде чѣмъ разстаться съ океаномъ, мы въ слѣдующихъ главахъ поговоримъ о тѣхъ научныхъ сокровищахъ, которыя мы имѣли возможность добыть изъ глубинъ океана.

---



## ГЛАВА XX.

### Фауна глубинъ.

Мы попытаемся въ этой главѣ познакомить читателя съ нѣкоторыми типами глубоководныхъ организмовъ, причемъ будемъ придерживаться, главнымъ образомъ, матеріала, добытаго нами на восточно-африканскомъ берегу, гдѣ сборы наши были особенно обильны. Кто ожидаетъ здѣсь, однако, найти хоть сколько-нибудь исчерпывающее описаніе собранныхъ нами матеріаловъ, тотъ, навѣрное, разочаруется. Коллекціи наши только что розданы еще отдѣльнымъ спеціалистамъ, и пройдутъ годы, прежде чѣмъ будетъ возможно дать сколько нибудь законченное описаніе ихъ. Здѣсь мы даемъ лишь характеристику наиболѣе типичныхъ глубоководныхъ организмовъ, на основаніи нашихъ собственныхъ впечатлѣній во время пути.

Намъ кажется при этомъ желательнымъ раздѣлить глубоководные организмы на двѣ группы—на тѣхъ, которые живутъ на днѣ, и на ведущихъ пелагическій образъ жизни, т.-е. свободно плавающихъ въ глубокихъ слояхъ воды. Благодаря примѣненію вертикальныхъ сѣтей, наша экспедиція имѣла возможность рѣзче разграничивать эти двѣ группы, чѣмъ это дѣлалось ранѣе. Многіе глубоководные организмы, которые считались ранѣе водящимися на днѣ и приспособленными къ жизни въ илу, оказались въ дѣйствительности пелагическими формами. Они попадались прежде случайно въ тралы при прохожденіи послѣднихъ чрезъ выше лежащіе слои воды, и вполнѣ естественно, что ихъ пріурочивали къ гораздо бо̀льшимъ глубинамъ, чѣмъ тѣ, на которыхъ они въ дѣйствительности водятся. Впрочемъ,—должно оговориться,—рѣзкое разграниченіе придонныхъ животныхъ отъ пелагическихъ все же затруднительно. Относительно большого количества ракообразныхъ и оригинальнѣйшихъ глубоководныхъ рыбъ нельзя съ увѣренностью сказать, живутъ ли онѣ на днѣ или въ выше лежащихъ слояхъ.

Точно такъ же трудно рѣшить, съ какой глубины слѣдуетъ считать животныхъ глубоководными. Въ прежнее время считали границей между глубоководными и неглубоководными организмами линію стосаженной глубины, но позднѣе выяснилось, что такая граница совершенно условна. Въ арктической и антарктической области на глубинѣ ста саженъ, т.-е. около 180 метровъ, господствуетъ температура около 0, тогда какъ въ тропическихъ областяхъ на этой глубинѣ еще настолько тепло, что нѣтъ рѣшительно никакихъ причинъ не поселиться здѣсь животнымъ, водящимся ближе къ поверхности.

Въ общемъ можно лишь сказать, что глубоководная фауна начинается тамъ, гдѣ, съ одной стороны, уменьшеніе количества свѣта препятствуетъ растеніямъ въ ассимиляціи, и гдѣ, съ другой—темпера-

тура выказываетъ значительную разницу по сравненію съ поверхностной. Для арктическихъ и антарктическихъ областей является существеннымъ лишь первый факторъ, тогда какъ для тропическихъ и умѣренныхъ водъ—оба фактора вмѣстѣ. Въ областяхъ умѣренной полосы съ ихъ сильно колеблющимися температурами поверхности, глубоководная фауна начинается лишь тамъ, гдѣ температура становится постоянной и соотвѣтствуетъ приблизительно средней температурѣ поверхности во время зимы.

Наши изслѣдованія надъ распредѣленіемъ растительнаго планктона показали, что ниже 350 метровъ нѣтъ ассимилирующихъ организмовъ. Главнѣйшая масса послѣднихъ скопляется въ слояхъ до 80 метровъ глубины и лишь немногія формы спускаются до 350 метровъ, образуя такъ называемую «тѣневую флору». Является, слѣдовательно, вовсе не удивительнымъ, что въ антарктической области уже на относительно небольшой глубинѣ, благодаря сильному ослабленію свѣта, добываются организмы, которые носятъ характеръ глубоководныхъ. Въ тропической полосѣ граница смѣшенія между поверхностными и глубоководными формами лежитъ глубже. Нерѣдко намъ приходилось бывать въ затрудненіи, когда мы поднимали траль съ 300 метровъ глубины, свойственъ ли добытымъ организмамъ болѣе характеръ поверхностныхъ формъ или же—глубоководныхъ. Въ общемъ, можно, однако, сказать, что въ теплыхъ моряхъ ниже 400 метровъ находятся уже почти исключительно глубоководныя формы.

### I. Придонная фауна глубинъ.

На морскомъ днѣ водится огромное количество простѣйшихъ одноклѣточныхъ организмовъ. Настоящими глубоководными формами между ними являются корненожки-фораминиферы, раковины которыхъ состоятъ, хотя и не всегда, изъ углекислой извести. Довольно трудно отдѣлить эти мелкіе организмы въ пробѣ грунта отъ тѣхъ, которые являются на днѣ въ видѣ отмершихъ раковинокъ, опустившихся съ поверхности. Благодаря тому, однако, что мы получали въ стеклянной трубкѣ, прикрѣпленной къ нашему лоту, до нѣкоторой степени какъ бы вертикальный разрѣзъ чрезъ поверхностные слои дна, являлось возможнымъ въ верхнихъ слояхъ этихъ пробъ добыть живыхъ фораминиферъ. Многія изъ нихъ поселяются, кромѣ того, на другихъ глубоководныхъ животныхъ, именно на кораллахъ и на корневыхъ пучкахъ губокъ-гексактинеллидъ, притомъ въ такомъ огромномъ количествѣ, что, случается, образуютъ настоящую кору. Нѣкоторыя необыкновенно крупныя формы обладаютъ раковинками въ видѣ колчана, или же, развѣтвленными или округлыми изъ склеившихся вмѣстѣ частичекъ глубоководнаго ила. Такія крупныя корненожки изъ рода *Rhabdamina* были нами встрѣчены на атлантической сторонѣ Агуласской банки на глубинѣ 564 метровъ. На восточно-африканскомъ берегу мы нашли на глубинѣ 2959 метровъ студенистые диски, которые также были совершенно покрыты остатками раковинокъ глобигеринъ и частичками ила. Прежде подобныя формы считались за губки, но возможно, что онѣ представляютъ изъ себя голыхъ фораминиферъ.

Къ красивѣйшимъ представителямъ глубоководныхъ организмовъ относятся нѣкоторыя губки. Мы имѣемъ при этомъ въ виду не тѣ виды, скелетъ которыхъ состоитъ изъ известковыхъ иголъ или роговыхъ волоконъ (известковыя и роговыя губки свойственны болѣе

мелководнымъ областямъ), а такъ называемыя кремневыя или стеклянныя губки, называемыя также гексактинеллидами—у нихъ удивительно нѣжный скелетъ, сотканный изъ тончайшихъ иглъ чистаго кремнезема. При дальнѣйшемъ изложеніи я буду придерживаться данныхъ, сообщенныхъ мнѣ Ф. Э. Шульце, знаменитымъ знатокомъ этой группы, обрабатывающимъ теперь матеріалъ «Вальдивіи».

Названіе гексактинеллидъ дано этимъ губкамъ вслѣдствіе того, что кремневыя части скелета ихъ образованы шестилучевыми иглами (гексактинами) или же легко производимыми отъ нихъ формами. Иногда эти иглы встрѣчаются въ различной и по большей части очень изящной формѣ, изолированными, иногда же образуютъ прочный слившійся скелетъ въ видѣ тончайшей рѣшеточки.

Прослѣдимъ маршрутъ «Вальдивіи». Прежде всего на сѣверо западъ отъ Шотландіи на 1.326 метровъ глубины были добыты полученныя уже прежними экспедиціями гексактинеллиды, затѣмъ въ большомъ количествѣ стали попадаться между Канарскими островами и островами Зеленаго Мыса тѣ же виды и нѣкоторыя новыя формы, близкія къ *Euplectella aspergillum*.

На Агулаской банкѣ, на юго-востокъ отъ Мыса Доброй Надежды, была добыта на относительно небольшой глубинѣ въ 100—120 метровъ новая форма съ мѣшкообразнымъ тѣломъ, усѣяннымъ нѣжными иголочками.

Область Бувэ не дала никакихъ гексактинеллидъ, но зато вблизи земли Эндерби мы добыли съ глубины 4.636 метровъ новыхъ представителей двухъ родовъ *Holascus* и *Caulophacus*, которые являются типичными обитателями самыхъ значительныхъ морскихъ глубинъ. У *Holascus* тѣло въ видѣ гладкой губки, сидящей пучкомъ кремневыхъ иглъ въ илу, тогда какъ *Caulophacus* грибовидной формы съ дискообразнымъ тѣломъ которое прикрѣплено къ почвѣ прирастающимъ къ ней стебелькомъ. На всемъ пути черезъ южную часть Индійскаго океана мы добыли кремневыхъ губокъ лишь вблизи острова св. Павла, но и то были уже извѣстные представители, водящіеся на скалистомъ грунтѣ.

Чрезвычайно богатый сборъ былъ полученъ на западномъ берегу Суматры, гдѣ было выловлено траломъ множество представителей самыхъ разнообразныхъ видовъ и, между прочимъ, въ особенно большомъ количествѣ изящныя тонкостѣнныя чашечки съ радіально выдающимися и имѣющими видъ перчатки выростами—*Aphrocalistes*, стѣнки у нихъ поддерживаются тончайшею кремневою сѣточкою съ мелкими шестиугольными ячеями. Такое же обиліе стеклянныхъ губокъ самыхъ разнообразныхъ формъ было найдено и нѣсколько далѣе къ сѣверу, у Никобарскихъ острововъ, гдѣ на одномъ только мѣстѣ, именно у западнаго входа въ каналъ Сомбреро, на глубинѣ 805 метровъ было добыто пять различныхъ видовъ,—изъ нихъ нѣкоторые были очень крупны, между прочимъ около 30 губокъ было величиною съ кулакъ и даже съ голову—это была *Pheronema raphanus*, имѣющая форму рѣдьки и добытая прежними экспедиціями въ Бенгальскомъ заливѣ. На сосѣдней станціи, на глубинѣ 752 метровъ, были добыты болѣе мелкіе экземпляры того же вида и замѣчательная новая форма въ видѣ античной чаши: еще далѣе къ югу на 362 метрахъ, мы добыли гигантскіе экземпляры вытянутой цилиндрической *Semperella* (рис. 76) длиною до 80 сант. и съ прекрасно сохранившимися сѣточками иголъ. По пути отъ Никобарскихъ острововъ чрезъ Индійскій океанъ и вплоть до африканскаго берега мы встрѣчали мало стеклянныхъ губокъ, но



Рис. 75. Стеклянная губка *Monorhaphis* (съ глубины 1644 метр.).

Рис. 76. Стеклянная губка *Semperella* (съ глубины 362 метр.).

зато прямо подавляющее количество ихъ было добыто вблизи самого африканскаго побережья. Между собранными здѣсь многочисленными видами особенно замѣчательны двѣ новыя формы, относящіяся къ группѣ *Amphidiscophora*. Группа эта характеризуется изящными микроскопическими двойными якорьками (амфидисками), которые пронизываютъ тысячами мягкое тѣло губки и иглами въ видѣ елочки (пинулами) покрывающими всю свободную поверхность и защищающими животное отъ нападенія.

Одна изъ этихъ губокъ имѣла форму огромной чаши съ нѣсколько загнутыми краями ковша. Отъ рукоятки ковша, представленной нижнимъ отросткомъ, отходитъ пучокъ длинныхъ иголъ толщиною съ вязальныя; иглы эти, расширяясь на концѣ въ два зубца, образуютъ настоящіе якоря, которыми губка держится на морскомъ днѣ. За свое сходство съ ковшомъ и одновременно съ камбалой губка эта будетъ названа *Platylistrum platessa* (ковшъ-камбала).

Другая форма той же группы *Monorhaphis* (рис. 75) представляетъ изъ себя цилиндрическое тѣло толщиною въ руку, отъ нижняго края котораго отходитъ не пучокъ тонкихъ кремневыхъ иголъ, какъ обыкновенно, а одна единственная толстая и длинная игла, которая, по всей вѣроятности, глубоко внѣдряется въ морское дно. Полученная съ глубины 1.644 метровъ и довольно хорошо сохранившаяся игла этого вида имѣетъ наибольшую толщину въ 5 мм. при длинѣ въ 1,5 метра. Обломокъ иглы другого экземпляра достигаетъ толщины мизинца и потому надо предполагать, что цѣлая игла не короче трехъ метровъ. Эти гигантскія формы губокъ, нерѣдко усаженныя кораллами и актиніями, вызвали всеобщее изумленіе зоологовъ.

---

Обращаясь теперь къ полипамъ глубинъ, мы должны прежде всего указать, что самые нѣжные гидроидные полипы спускаются на огромныя глубины и достигаютъ иногда положительно гигантскихъ размѣровъ. Это касается въ особенности одиночнаго полипа, который былъ уже добытъ экспедиціей Чэлленжера на большихъ глубинахъ Тихаго океана и былъ названъ *Monocaulus imperator*. Намъ также удалось добыть эту гигантскую форму на восточно-африканскомъ берегу, на глубинѣ 1.019 метровъ. Первый экземпляръ, добытый нами, былъ въ то же время и однимъ изъ самыхъ крупныхъ и наиболѣе роскошно окрашенныхъ. Въ противоположность къ гексактинеллидамъ, которыя имѣютъ постоянно невзрачный желтоватый оттѣнокъ, *Monocaulus* проявляетъ роскошный подборъ цвѣтовъ красныхъ оттѣнковъ: стволъ его, сидящій основаніемъ въ илу, достигаетъ въ длину 1,15 метра и несетъ наверху чашечку, окруженную двумя рядами ярко красныхъ щупалецъ. Между ними сидятъ вѣтвистые стебельки, несущіе органы размноженія—гонофоры. Щупальцы располагаются не радіально, какъ можно было предполагать по первому описанію экземпляра, добытаго экспедиціею Чэлленжера, а двусторонне-симметрично. Кромѣ того, мы добыли еще три болѣе мелкихъ экземпляра съ глубины 628 метровъ у Сомалійскаго берега—они по своей внѣшности совершенно напоминали экземпляръ, добытый Агассицомъ и неправильно принятый Маркомъ за актинію (*Branchiocerianthus*). По окраскѣ и формѣ наши экземпляры походятъ на описанный недавно съ береговъ Японіи и названный проф. Митсукури *Branchiocerianthus imperator*.

Особенно много удалось намъ добыть тѣхъ изъ полиповъ, у которыхъ вокругъ глотки находятся перегородки и имѣется 8 щупалецъ, т.-е. полиповъ изъ альціонарій. Обрабатывающій эту группу проф. Кюкенталь сообщаетъ мнѣ, что среди матеріала, добытаго «Вальдивіей», не только имѣются всѣ наиболѣе важные изъ изв стныхъ до сихъ поръ типовъ, но и поразительное количество новыхъ и замѣчательныхъ своимъ строеніемъ.

Мы уже указывали выше на тѣ превосходныя альціонаріи изъ рода *Umbellula*, которыя были первоначально найдены въ сѣверныхъ моряхъ. Еще въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія онѣ были добыты капитаномъ корабля «Британія» Адріаанцемъ у береговъ Гренландіи лотомъ съ глубины 300 саженъ. Сходные съ извѣстными намъ съ сѣвера роскошные экземпляры добывались нами какъ на островѣ Бувэ, такъ и на всемъ протяженіи нашего пути по Индійскому океану. Всѣ они положительно приковываютъ къ себѣ вниманіе, такъ какъ полипы окрашены обыкновенно въ превосходный темно-фіолетовый или шоколадно-коричневый цвѣтъ. Формы эти, относящіяся къ многочисленнымъ новымъ видамъ, мало отличаются отъ уже извѣстныхъ, но зато наши ловы на восточно-африканскомъ берегу познакомили насъ съ совершенно новымъ типомъ, родственнымъ тѣмъ же *Umbellula*. Это полипы около метра въ длину, съ тонкимъ стебелькомъ, который не оканчивается отдѣльной головкой, а несетъ какъ бы мутовки изъ двухъ-трехъ сидящихъ вмѣстѣ отдѣльныхъ полиповъ, находящіяся одна отъ другой на нѣкоторомъ разстояніи (рис. 77). На тоненькомъ, почти вытянутомъ въ волосокъ концѣ полипняка сидитъ самый крупный и самый старый полипъ. На колоніяхъ этихъ можно прекрасно прослѣдить законъ почкованія, свойственный этому полипу.

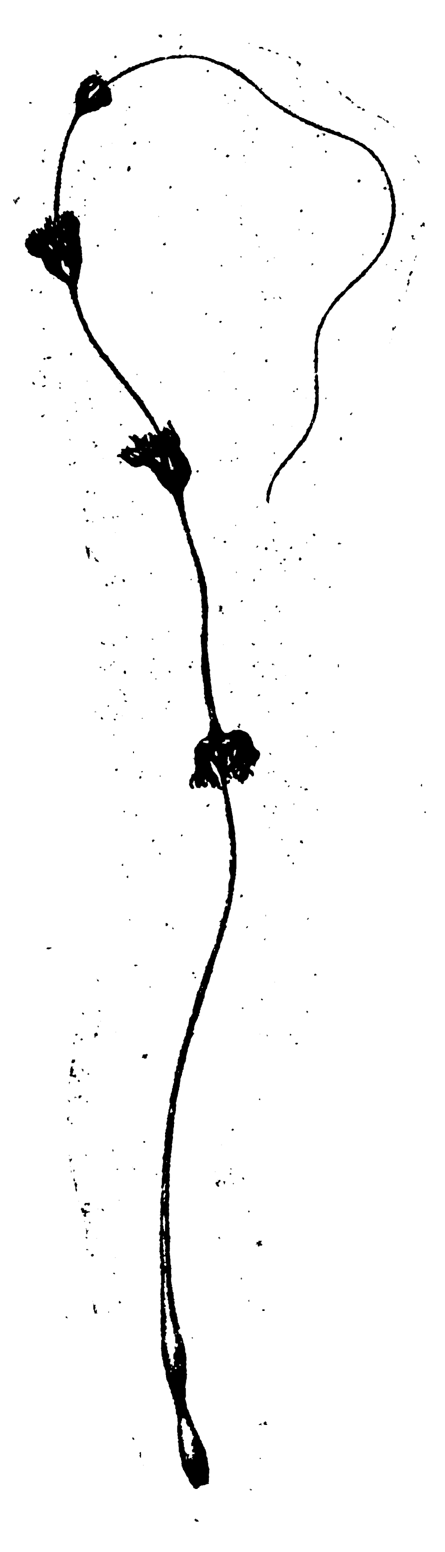


Рис. 77. Колонія альціонарій (съ глубины 865 метр.).

Очень обильно количество роговыхъ кораллов горгонидъ, которые представлены въ нашей коллекціи родами *Isis*, *Isidigorgia*, *Dasygorgia*, *Septoptilum* и *Chrysogorgia* съ превосходными оранжевыми, красными или бѣлыми полипами. Особенно красивы виды послѣдняго рода, у которыхъ основной стебель завитъ спирально и отливаетъ, также какъ и боковыя вѣтви, золотистымъ металлическимъ блескомъ.

На ряду съ горгонидами было добыто небольшое количество новыхъ видовъ морскихъ перьевъ (*Pennatula*), въ особенности во впадинѣ Ментавей и на Сомалійскомъ берегу.

Къ этому большому количеству восьмилучевыхъ альціонарій присоединяется порядочное число мясистыхъ одиночныхъ полиповъ—актиній, которыя особенно поражали насъ въ антарктическихъ водахъ своей замѣчательной ярко-красной окраской. Относящійся къ актиніямъ родъ *Cerianthus* представляетъ изъ себя обитателя наиболѣе значительной глубины въ 5.248 метровъ. Экземпляры, добытые на такой глубинѣ, отличались замѣчательно красивой фіолетовой окраской щупалецъ. Интересно, что животныя эти сидятъ въ длинныхъ трубкахъ, сдѣланныхъ изъ особой войлокообразной массы.

Чтобы покончить съ кишечнополостными морскихъ глубинъ, укажемъ, что и каменные кораллы не отсутствуютъ въ глубоководной области. Матеріалъ, добытый «Вальдивіей», не можетъ похвастаться особымъ изобиліемъ видовъ каменныхъ коралловъ, но, по сообщенію фонъ-Маренцеллера, представляется особенно цѣннымъ для изученія географическаго распространенія ихъ. Мы захватывали совершенно незатронутыя еще области, и этимъ объясняется, что существовавшія до сихъ поръ представленія по распредѣленію глубоководныхъ коралловъ значительно расширяются нашими сборами. Въ особенности должно подчеркнуть то обстоятельство, что значительное количество коралловъ, извѣстныхъ до тѣхъ поръ лишь изъ Атлантическаго океана, распространено и въ Индійскомъ. Вестъ-индскіе виды, добытые прежде Пурталэ, напримѣръ *Amphihelia rostrata*, оказываются вдругъ найденными у Никобарскихъ островов, и особенно цѣнными являются наши сборы коралловъ у острова св. Павла и Новаго Амстердама, такъ какъ именно здѣшніе кораллы указываютъ на связь атлантической и индійской глубоководной фауны. У этихъ одиноко лежащихъ въ океанѣ островов мы нашли *Solenosmilia variabilis*, *Desmophyllum crista galli*, *Lophohelia prolifera* и *Caryophyllia paradoxa*. Красивый кораллъ *Solenosmilia variabilis*, найденный во время второй поѣздки «Поркупинъ» у береговъ Португаліи и позднѣе «Чэлленжеромъ» у острововъ Тристанъ д'Акунья и Принца Эдуарда, былъ нами найденъ снова у острова св. Павла, причемъ найденные экземпляры оказываются совершенно тожественными съ тѣми, которые были добыты «Инвестигаторомъ» у Траванкоре и неправильно описаны подъ другимъ названіемъ. Точно также добытый нами у Новаго Амстердама *Stenocyathus vermiformis* тожественъ съ коралломъ, открытымъ Пурталэ у береговъ Вестъ-Индіи. Изъ новыхъ видовъ, добытыхъ «Вальдивіей», замѣчателенъ также одинъ изъ представителей рода *Flabellum*, поперечникъ чашечки котораго 95 мм., такъ что полипъ этотъ является настоящимъ гигантомъ между родственными формами.

---

Очень выдающуюся роль въ составѣ глубоководной фауны играютъ иглокожія. Почти въ каждомъ поднятомъ тралѣ находились представители голотурій, морскихъ звѣздъ, офіуръ и морскихъ ежей. Рѣже

Годъ XI-й. № 10-й.

# МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.



ОКТЯБРЬ

1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1902.

Дозволено цензурою 27-го сентября 1902 года С.-Петербургъ.

# СОДЕРЖАНІЕ.

## ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.



## ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

---

## ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

# ПО ПОВОДУ „ЗАПИСОКЪ ВРАЧА“.

(Моимъ критикамъ).

«Was wir zu schaffen streben, ist schon dadurch ungemein schwierig weil wir da mit dem schwierigsten Material, nämlich mit Menschen für die Menschheit arbeiten» *).

Изъ письма *Бильрота* къ проф. Гису (1893 г.).

Опубликованныя мною въ прошломъ году «Записки врача» вызвали въ печати большое количество отзывовъ и возраженій со стороны товарищей-врачей. Часть этихъ отзывовъ носила, къ сожалѣнію, характеръ чисто личныхъ нападокъ, ни по тону, ни по содержанію не имѣвшихъ ничего общаго съ критикой. Вмѣсто того, чтобъ разбирать книгу по существу, главное свое вниманіе «критики» обратили на меня самого; тщательнѣйшимъ образомъ старались, напр., выяснить вопросъ, что могло меня побудить написать мою книгу. По мнѣнію д-ра М. Камнева, мотивы были вотъ какіе: «Ругать не только легче, чѣмъ хвалить, но и выгоднѣе». Это, кажется, еще Бѣлинскій сказалъ Что въ томъ, что вы будете хвалить Шекспира? Его всѣ хвалятъ. Но попробуйте ругать Шекспира, и вы сразу станете центромъ общаго вниманія: «Шекспира не признаетъ... Должно быть, голова!..»**) По мнѣнію «Медицинскаго Обозрѣнія», цѣлью моею было щегольнуть передъ публикою своимъ «мягкимъ сердцемъ»: все время непрерывное «позированіе», «красивыя фразы», «жалкія слова, разсчитанныя на эффектъ въ публикѣ». Разсказываю я, напр., объ обезьянѣ, на которой я дѣлалъ опыты. «Къ чему эти трогательныя страницы для публики?—спрашиваетъ рецензентъ.—Чтобъ увеличить количество антививисекціонистовъ, или же только затѣмъ, чтобъ показать: смотрите,—я экспериментирую сердечно, даже со слезами, а другіе, менѣе меня «мягкосердечные», мучаютъ животныхъ безъ состраданія и не могутъ написать такого трогательнаго мартиролога» ***). Самого меня разобрали по косточкамъ и неопровержимо доказали, что я—преступ-

*) «То, къ чему мы стремимся, потому необычайно трудно, что мы работаемъ для человѣчества надъ самымъ труднымъ матеріаломъ, именно надъ человѣкомъ».

**) Еженедѣльникъ «Практической Медицины», 1901, № 17, стр. 299.

***) «Медицинское Обозрѣніе, 1902, № 2. Рец. г-на Алелекова.

ный, безнравственный, безцеремонный и легкомысленный врачъ *), человѣкъ безчестный и необыкновенно развязный, «дикарь» съ громаднымъ самомнѣніемъ, несомнѣннымъ эгоизмомъ, съ повышенною половою раздражительностью, носящій въ себѣ всѣ признаки вырожденія**).

Сколько озлобленія и негодованія вызвала книга въ нѣкоторой части врачебнаго сословія, хорошо показываетъ письмо одного врача, напечатанное въ № 5501 «Одесскихъ Новостей».

«Г. Редакторъ!—пишетъ этотъ врачъ.—Вы выражаете желаніе имѣть передъ глазами серьезный отзывъ о книгѣ Вересаева. Прочтите «Врачебную Газету» за прошлый мѣсяцъ: тамъ помѣщенъ чудный фельетонъ, въ которомъ достаточно ясно доказано, что каждый порядочный врачъ относится съ презрѣніемъ къ дегенеранту Вересаеву. Печально, что въ наше время является такой фруктъ, позорящій медицинское сословіе; къ счастью, между врачами почти нѣтъ разногласія на этотъ счетъ».

Подобные отзывы слишкомъ характерны, чтобъ не быть отмѣченными, но отвѣчать на нихъ, разумѣется, нечего. Перехожу къ отзывамъ и возраженіямъ, имѣющимъ предметомъ мою книгу.

Возраженія эти носятъ въ общемъ поразительно-однообразный характеръ и совершенно лишены индивидуальности: можно бы, изрѣзавъ статьи въ куски, перетасовать ихъ самымъ прихотливымъ образомъ,— и получились бы новыя статьи, по сути своей нисколько не отличающіяся отъ прежнихъ. Ясно, что передъ нами—нѣчто типическое, общее большому количеству врачей, и возражать приходится не противъ того или другого автора, а противъ цѣлаго міросозерцанія, цѣлаго душевнаго уклада, одинаково выражающагося въ многочисленныхъ статьяхъ моихъ русскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ критиковъ.

За основу своихъ возраженій я возьму направленную противъ «Записокъ» работу д-ра Н. В. Фармаковскаго, первоначально напечатанную въ «Врачебной Газетѣ» и вышедшую затѣмъ отдѣльнымъ изданіемъ («Врачи и общество». Спб., 1902). Работа эта—наиболѣе обширная и систематическая, она представляетъ не рядъ отрывочныхъ возраженій, а шагъ за шагомъ разсматриваетъ всѣ главы «Записокъ». Благодаря этому, и міросозерцаніе самого автора вырисовывается особенно ярко. Кое-гдѣ я буду дополнять его работу выдержками изъ статей другихъ моихъ оппонентовъ.

## I.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить нѣсколько замѣчаній, относительно которыхъ я вполнѣ согласенъ съ моими оппонентами. Такъ, они ука

*) Д-ръ С. Вермель. «Русское Слово», 1902, № 6.

**) «Медицинское Обозрѣніе», l. c.

***) Проф. Н. А. Вельяминовъ въ рѣчи на годовомъ собраніи петербургскаго медико-хирургическаго общества 30-го ноября 1901 г.

зываютъ на то, что «Записки» мои нельзя назвать «Записками врача *вообще*», что это—лишь «Записки врача *Вересаева*». Но я никогда и не брался говорить отъ лица «врача вообще». Да и что такое—«врачъ вообще»? Одинъ совсѣмъ молодой врачъ, когда его знакомый, разсмѣявшись за столомъ, подавился кускомъ мяса, тутъ же сдѣлалъ ему перочиннымъ ножомъ трахеотомію и спасъ ему жизнь. Другой, уже старый врачъ, когда въ его присутствіи дама упала въ обморокъ, такъ растерялся, что сталъ кричать: «доктора! Пошлите скорѣе за докторомъ!..» Врачами были скептикъ Боткинъ и оптимистъ Эйхвальдъ, безсребренникъ Гаазъ и алчный Захарьинъ, Манассеинъ, неустанный боецъ за врачебную этику, и Шатуновскій, втоптавшій въ грязь самую элементарную этику. Какъ можно всѣхъ ихъ объединить подъ однимъ словомъ «врачъ»? Конечно, мои «Записки» суть только «Записки врача Вересаева». Но само собою понятно, что я не сталъ бы ихъ опубликовывать, если бы видѣлъ въ нихъ отрывокъ изъ своей автобіографіи, что ли. Мнѣ кажется, что и въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніи я стою на уровнѣ, на которомъ стоитъ обыкновенный средній врачъ. Мои оппоненты старательно доказываютъ, что я не обладаю спеціальною врачебною одаренностью, что я «не родился врачомъ» Доказывать это совершенно излишне,—я самъ вполнѣ ясно говорю это въ моей книгѣ; но думаю, что врачами не родилось и большинство тѣхъ людей, которые имѣютъ у насъ врачебные дипломы, какъ не родилось художниками и артистами большинство тѣхъ лицъ, которыя кончаютъ курсъ въ академіяхъ художествъ и консерваторіяхъ. Настоящихъ врачей у насъ въ Россіи, можетъ быть, всего нѣсколько сотенъ, а врачебные дипломы имѣетъ около двадцати пяти тысячъ человѣкъ, они занимаются врачебною практикою и, въ предѣлахъ возможнаго, дѣлаютъ свое неблестящее, но несомнѣнно полезное дѣло. Сравнивая себя съ этими ординарными врачами, я никакъ не могу признать себя стоящимъ много ниже ихъ. Поэтому думаю, что пережитое мною переживалось далеко не мною однимъ.

Тѣмъ не менѣе, спорить и доказывать, что такое-то переживаніе типично для врача,—совершенно безцѣльно. Я говорю: «я испыталъ то-то», мои оппоненты возражаютъ: «а мы этого не испытали». Каждый правъ, и спорить тутъ не о чемъ. Но въ нѣкоторыхъ изъ этихъ возраженій слишкомъ ясно сказывается тотъ идеальный шаблонъ, который въ готовомъ видѣ всегда имѣется у всякой профессіи. Человѣкъ нашей профессіи *долженъ быть* такимъ-то и такимъ-то, и по идеальной схемѣ этого *должнаго* требуютъ изображать то, что *есть*; каждый въ дѣйствительности переживалъ все совсѣмъ иначе, но думаетъ: «я это пережилъ случайно, всѣ же остальные переживали совсѣмъ не такъ». И вотъ, если изображаешь пережитое, не вѣдаясь съ указаннымъ шаблономъ, то всѣ говорятъ, что это—ложь и клевета на сословіе.

Особенно возмутило моихъ критиковъ описаніе впечатлѣнія, произ-

водимаго на студентовъ обнаженіемъ больныхъ женщинъ. Всѣ въ одинъ голосъ заявляютъ, что ни они, и никто изъ студентовъ ничего подобнаго не испытывали, что я—необыкновенно развратный человѣкъ, и своимъ описаніемъ компрометирую все врачебное сословіе. «Интересно бы знать,—ядовито спрашиваетъ одинъ изъ критиковъ,—въ какомъ университетѣ учился г. Вересаевъ и какого мнѣнія о немъ были его товарищи-студенты?» Мнѣ кажется, въ томъ, что я разсказываю, нѣтъ ничего, позорящаго врачебное сословіе. Конечно, начинающій студентъ *долженъ* смотрѣть объективно на все, что изучаетъ,—на страдающихъ больныхъ, на трупы, на обнаженныхъ женщинъ. Но недостаточно надѣть мундиръ студента-медика, чтобъ сразу начать глядѣть на все глазами врача; для этого требуется привычка. И не можетъ студентъ на перваго же оперируемаго больного, вопящаго и корчащагося отъ боли, смотрѣть, какъ на научный объектъ, не можетъ безъ мистическаго трепета сдѣлать перваго разрѣза на кожѣ трупа; не можетъ онъ и безстрастнымъ взглядомъ смотрѣть на обнаженную передъ нимъ молодую женщину, когда до этого времени такое обнаженіе неразрывно соединялось у него съ представленіемъ о совершенно опредѣленномъ моментѣ. Было бы неестественно и невѣроятно, если бы было иначе. Большинство моихъ оппонентовъ увѣряетъ, будто, по моимъ словамъ, «при изслѣдованіи женщины, у студентовъ и *врачей* возбуждается эротическое чувство». О *врачахъ* я ничего подобнаго не говорю. Врачи къ этому привыкли, настолько привыкли, что имъ ужъ кажется даже непонятнымъ, какъ возможно было при этомъ что-нибудь испытывать. Не заподозрѣвая искренности заявленій моихъ оппонентовъ, я думаю, что отчасти именно этимъ обстоятельствомъ и объясняется категоричность ихъ отрицанія. Отчасти этимъ, а отчасти еще вотъ чѣмъ.

Когда вышла въ свѣтъ «Война и миръ» Толстого, то романъ вызвалъ взрывъ негодованія среди людей, бывшихъ свидѣтелями и участниками кампаніи 1812 года. Между прочимъ, А. С. Норовъ, бывшій министръ народнаго просвѣщенія, участвовавшій въ молодости въ бородинской битвѣ, напечаталъ въ «Военномъ Сборникѣ» статью, гдѣ, опираясь на свой авторитетъ очевидца, рѣзко обвинялъ Толстого въ извращеніи событій. Черезъ годъ послѣ напечатанія статьи, въ 1869 году, Норовъ умеръ, и вотъ какое любопытное сообщеніе помѣстилъ въ «Всемірной Иллюстраціи» одинъ хорошій знакомый Норова, извѣстный впослѣдствіи беллетристъ Григ. П. Данилевскій. Особенно въ «Войнѣ и мирѣ» возмущалъ Норова разсказъ Толстого о томъ, какъ Кутузовъ, принимая въ Царевѣ-Займищѣ армію, болѣе всего былъ занятъ чтеніемъ французскаго романа г-жи Жанлисъ. «До Бородина и послѣ него,—говорилъ Норовъ Данилевскому,—мы всѣ, отъ Кутузова и до послѣдняго подпоручика артиллеріи, какимъ былъ я, горѣли однимъ священнымъ огнемъ любви къ отечеству, смотрѣли на свое призваніе, какъ на нѣкое священнодѣйствіе, и я не знаю, какъ бы

приняли товарищи такого изъ насъ господина, который бы въ числѣ своихъ вещей имѣлъ книгу для легкаго чтенія, да еще французскую!» И вотъ, послѣ смерти Норова, разбирая его библіотеку, Данилевскій развернулъ крошечную книжечку, романъ конца прошлаго столѣтія «Aventures de Roderik Random», и на обверткѣ ея прочелъ слѣдующую надпись, сдѣланную рукою Норова: «Lu à Moscou, blessé et fait prisonnier de guerre chez les Français, au mois de Septembre, 1812» (Читалъ въ Москвѣ, раненый и попавшій военноплѣннымъ къ французамъ, въ сентябрѣ 1812 года). «То, что было съ подпоручикомъ артиллеріи въ 1812 году,—пишетъ Данилевскій,—забылось маститымъ сановникомъ въ 1867 году, *потому что не подходило подъ понятіе, составленное имъ впослѣдствіи объ эпохѣ 1812 года!..»*

Обращаюсь къ работѣ д-ра Фармаковскаго, въ которой, какъ я говорилъ, наиболѣе полно представлены всѣ существеннѣйшія возраженія противъ «Записокъ».

Принимаясь за чтеніе моей книги, г. Фармаковскій, какъ самъ онъ сообщаетъ, заранѣе представилъ себѣ, что онъ въ ней найдетъ: авторъ, будучи врачомъ, несомнѣнно, «встанетъ на субъективную сторону врача» и изобразитъ передъ публикою его внутреннюю жизнь «живо-картинно и правдоподобно». Съ первыхъ же страницъ его постигаетъ разочарованіе: лично мнѣ присущія нехорошія свойства я «совершенно несправедливо обобщаю на всѣхъ врачей и тѣмъ самымъ компрометирую ихъ». Это обстоятельство совершенно измѣняетъ отношеніе г. Фармаковскаго къ моей книгѣ; у него является опасеніе, какъ бы читатели не вынесли изъ нея недовѣрія къ врачамъ. Мысль эта немедленно подавляетъ въ немъ все остальное, всецѣло овладѣваетъ имъ и доводитъ его до того состоянія, когда человѣкъ перестаетъ понимать самыя простыя вещи. Достаточно ему теперь встрѣтить въ моей книгѣ слово, которому можно придать неблагопріятный смыслъ,—слово, которое въ связи съ другими имѣетъ совершенно невинное значеніе,—и г. Фармаковскій усматриваетъ въ немъ опаснѣйшее колебаніе авторитета медицины и врачебнаго сословія.

Разсказываю я, напр., о томъ, что, въ бытность мою студентомъ, мнѣ съ непривычки было тяжело первое время смотрѣть на льющуюся при операціяхъ кровь и слышать стоны оперируемыхъ, но что привычка къ этому вырабатывается скорѣе, чѣмъ можно бы думать, «И слава Богу, разумѣется,—замѣчаю я,—потому что такое относительное «очерствѣніе» не только необходимо, но прямо желательно; объ этомъ не можетъ быть и спора». Казалось бы, что можетъ быть невиннѣе и безопаснѣе того, что я говорю? Но нѣтъ, я употребилъ слово «очерствѣніе». Употребилъ я его въ ковычкахъ, ясно этимъ показывая, что не признаю даннаго явленія дѣйствительнымъ очерствѣніемъ. но ужъ все кончено: г. Фармаковскій услышалъ слово «очерствѣніе» и спѣшитъ выступить на защиту врачебнаго сословія.

«Не то «очерствѣніе»,—заявляетъ онъ,—когда мы спокойно подходимъ къ больному съ благими намѣреніями облегчить его болѣзнь или, по крайней мѣрѣ, ободрить его угнетенный духъ, а то—худшее «очерствѣніе», когда мы разводимъ свои сентиментальныя идеи, вооружая и отвлекая несчастныхъ страдальцевъ отъ тѣхъ quasi-«очерствѣлыхъ» сердецъ, которыя своимъ «очерствѣніемъ» попытались бы возвратить имъ потерянное здоровье!» (стр. 9).

Я разсказываю далѣе, какъ на третьемъ курсѣ, *при первомъ моемъ знакомствѣ съ медициной*, я обратилъ преимущественное вниманіе на ея темныя стороны, какъ постепенно я убѣдился въ несправедливости такого взгляда и совершенно измѣнилъ свое отношеніе къ медицинѣ. Г. Фармаковскій это первоначальное мое отношеніе, которое самъ я называю «жалкимъ и ребяческимъ», которое характеризую, какъ «нигилизмъ, столь характерный для всѣхъ полузнаекъ», приписываетъ мнѣ и длинно, старательно доказываетъ неосновательность такого отношенія

«Несмотря на то, что Вересаеву, какъ человѣку, компетентному въ медицинскомъ дѣлѣ, была извѣстна степень невиновности профессора, допустившаго сдѣланный имъ при операціи недосмотръ отверстія въ кишкѣ, онъ все-таки счелъ себя въ правѣ восклицать: какъ можно такъ «вполнѣ спокойно» разсуждать «о погублённой жизни?..» «Смѣетъ ли подобный операторъ заниматься медициной?..» (стр. 23). И затѣмъ г. Фармаковскій обстоятельно разъясняетъ, что во многихъ ошибкахъ врачи совершенно неповинны, что ошибки возможны и въ судейской области, и въ желѣзнодорожной жизни, поучаетъ меня, что, если я ношу званіе врача, то долженъ связывать съ нимъ обязанность не быть столь легкомысленнымъ въ своихъ сужденіяхъ и словахъ.... Одного только г. Фармаковскій не сообщаетъ своимъ читателямъ: что *вся одиннадцатая глава моихъ «Записокъ»* посвящена разъясненію того, что врачи часто совершенно неповинны въ ошибкахъ, въ которыхъ ихъ обвиняютъ.

«Столь же непонятнымъ съ точки зрѣнія врача, — продолжаетъ г. Фармаковскій,—является еще *осужденіе Вересаевымъ безсмысленнаго будто бы изслѣдованія тяжелыхъ больныхъ*»... Противъ назначенія больнымъ безразличныхъ средствъ опять-таки *возмущается* авторъ «Записокъ»... «Авторъ «Записокъ» напрасно *такъ зло смѣется* надъ указаніемъ для каждой болѣзни нѣсколькихъ лекарствъ...»

Возраженія все больше принимаютъ совершенно водевильный характеръ. Я говорю: «студентомъ третьяго курса я считалъ медицину шарлатанствомъ», а г. Фармаковскій возражаетъ мнѣ: «напрасно вы, коллега, считаете медицину шарлатанствомъ»—и старательно доказываетъ, что медицина не есть шарлатанство... Какъ объяснить такую странную непонятливость? Объясняется она очень просто: до испуганнаго слуха г. Фармаковскаго долетѣло слово «шарлатанство», и это слово непроглядным туманомъ скрыло отъ его глазъ все остальное.

«Въ концѣ описанія своей студенческой жизни,—говоритъ г. Фармаковскій,—Вересаевъ хочетъ снять съ себя отвѣтственность за всѣ нарисованныя имъ тенденціозныя картины врачебнаго быта, называя ихъ слѣдствіемъ своего студенческаго «нигилизма полузнайки». Неужели онъ и самъ вѣритъ въ возможность такимъ признаніемъ стереть все впечатлѣніе, которое оставилъ на читателяхъ своими вышеописанными картинами?» (стр. 27).

Представьте себѣ, г. Фармаковскій,—вѣрю, и думаю, что вѣру мою не признаетъ лишенною основанія всякій, кто *просто* будетъ читать мою книгу, а не хвататься испуганно за каждую фразу и обсуждать, какъ можетъ понять ее неподготовленный читатель. Вотъ какое впечатлѣніе выноситъ этотъ «неподготовленный» читатель при связномъ чтеніи моей книги:

«Шагъ за шагомъ раскрываетъ г. Вересаевъ трудный путь врача, начиная со школьной скамьи, съ молодой, горячей вѣры въ науку медицины, до полнаго отчаянія передъ безсиліемъ ея, и заканчивая спокойною увѣренностью въ несомнѣнной пользѣ врачебнаго искусства» (А. С. «О врачахъ». «Курьеръ», 1901, № 132).

«Авторъ подробно разсказываетъ о томъ, какъ первое знакомство съ медициной, на студенческой скамьѣ, вызвало въ немъ отрицательныя, пессимистическія впечатлѣнія, которыя онъ характеризуетъ названіемъ «медицинскаго нигилизма»... Но, по мѣрѣ того, какъ онъ углублялся въ медицинскую науку, она обращалась къ нему другой своей стороной,—и преувеличенный скептицизмъ смѣнялся вѣрой въ могущество упорнаго стремленія къ истинѣ» (Сѣверовъ. «Русская литература». «Новости», 1901, № 134).

«Но этотъ кризисъ сомнѣнія тянется недолго,—говоритъ г. Т. де-Вызева въ предисловіи къ французскому переводу «Записокъ врача».—Студентъ вскорѣ начинаетъ понимать, что, если медицина знаетъ и мало, то онъ-то самъ, во всякомъ случаѣ, не знаетъ совсѣмъ ничего и не имѣетъ права судить о наукѣ, ему неизвѣстной... Вскорѣ въ немъ не остается и слѣда наивнаго скептицизма «полузнайки» *).

Такъ приблизительно понимаетъ мой разсказъ и большинство «неподготовленныхъ» критиковъ. Удивительное дѣло! Пишетъ о «Запискахъ врача» не врачъ, и онъ совершенно ясно и правильно понимаетъ то, что я хочу сказать; пишетъ врачъ,—и онъ, подобно г. Фармаковскому, не понимаетъ самыхъ ясныхъ вещей и въ каждомъ, самомъ невинномъ словѣ видитъ обвиненіе медицины въ ужаснѣйшихъ грѣхахъ.

Приведенные примѣры избавляютъ меня отъ необходимости слѣ-

*) «Mémoires d'un médecin». Paris. 1902, pp. V—VI. Кстати: въ томъ же предисловіи г. Вызева сообщаетъ, что «Записки врача» «sont publiés, sous un pseudonyme, par un des plus savants médecins de St.-Petersbourg». Для чего понадобилась г-ну Вызевѣ эта выдумка?



довать дальше за г. Фармаковскимъ въ его возраженіяхъ на мое пониманіе медицины. Я отмѣчу только еще два образчика его критики. По г. Фармаковскому, «оказывается, что медицину, если ее поподробнѣе разобрать и если вникнуть въ суть ея значенія и смысла, придется приравнять къ галстуху европейскаго костюма» (стр. 108).

Это мнѣніе, по словамъ г. Фармаковскаго, я привожу «какъ бы съ одобряющей улыбкой» (стр. 67), и г. Фармаковскому «больно слышать это изъ устъ врача». Я попрошу читателя раскрыть мои «Записки» на стр. 198, и онъ увидитъ, что указанное сравненіе высказываетъ отчаявшійся въ медицинѣ больной, а я подробно доказываю неосновательность такого сравненія. Какъ могъ г. Фармаковскій не замѣтить этого? Онъ, конечно, замѣтилъ, но—ему доподлинно извѣстно, что «изъ всѣхъ сопутствующихъ разсужденій эта фраза возьметъ главенство надъ чувствомъ непосвященнаго читателя» (стр. 67),—такъ вѣрно извѣстно, что въ дальнѣйшемъ онъ ужъ считаетъ себя въ правѣ говорить, будто это *я* доказываю читателю, что медицина подобна галстуху... Г. Фармаковскій либо непослѣдователенъ, либо слишкомъ самоувѣренъ: зачѣмъ онъ въ своей брошюрѣ приводитъ это гибельное для медицины сравненіе ея съ галстухомъ? Чѣмъ онъ гарантированъ, что «изъ всѣхъ его сопутствующихъ разсужденій» эта фраза также не «возьметъ главенства надъ чувствомъ непосвященнаго читателя»? Или онъ такъ ужъ увѣренъ, что его «разсужденія» убѣдительнѣе моихъ?

На стр. 200—205 «Записокъ» я разсказываю, какъ тяжело мнѣ было притворяться передъ больными и обманывать ихъ, и какъ я убѣдился, что иначе не можетъ быть, что обманъ часто необходимъ. Г. Фармаковскій, по своему обыкновенію, подхватываетъ одно слово «обманъ»—и длинно, обстоятельно начинаетъ доказывать... что обманъ часто необходимъ! И онъ поучаетъ меня, что «такой обманъ, разъ онъ необходимъ для пользы самихъ же паціентовъ, едва ли можетъ считаться порокомъ и ставиться медицинѣ въ укоръ»! (Стр. 33).

Но вѣдь, серьезно-то говоря, что же это, наконецъ, такое,—наивная слѣпота или злостная недобросовѣстность?!. Скучно вести такого рода полемику, спорить не по существу, а лишь возстановлять смыслъ твоихъ словъ. Я не сталъ бы этого дѣлать, если бы склонность къ подобнымъ извращеніямъ была лишь спеціальною особенностью г. Фармаковскаго. Но какъ разъ онъ—еще одинъ изъ сравнительно добросовѣстныхъ моихъ оппонентовъ; другіе же позволяютъ себѣ такія извращенія моихъ словъ и мыслей, что непріятно и возражать имъ. Предлагаю читателю прочесть, напр., уже отмѣченную выше рецензію г. Алелекова въ «Медицинскомъ Обозрѣніи», и онъ увидитъ, до какихъ неприличныхъ передержекъ способны унижаться нѣкоторые изъ моихъ оппонентовъ.

## II.

Въ девятой главѣ «Записокъ» я разсказываю, что, взявшись за практику, я живо почувствовалъ, какая громадная область знаній намъ недоступна, какъ мало мы еще понимаемъ въ человѣческомъ организмѣ. «Такъ же, какъ при первомъ моемъ знакомствѣ съ медициною, меня теперь опять поразило безконечное несовершенство ея діагностики, чрезвычайная шаткость и неувѣренность всѣхъ ея показаній. Только *раньше я преисполнялся глубокимъ презрѣніемъ къ кому-то «имъ», которые создали такую плохую науку*; теперь же ея несовершенство встало передо мною *естественнымъ и неизбѣжнымъ фактомъ*, но еще болѣе тяжелымъ, чѣмъ прежде, потому что онъ наталкивался на жизнь». Г. Фармаковскій, съ своею обычною добросовѣстностью, излагаетъ это мѣсто такъ: «слѣдуетъ выводъ, что въ медицинской наукѣ все еще темно и непонятно, а потомъ указывается на *заслуженное презрѣніе къ врачамъ, которые создали такую плохую науку*» (стр. 47).

«Врачи,—продолжаетъ г. Фармаковскій,—не достигли до такого полнаго пониманія человѣческаго организма, чтобъ каждое нарушеніе его функцій и дѣйствіе на него различныхъ средствъ являлось бы для нихъ совершенно понятнымъ. *А это, по мнѣнію Вересаева, не даетъ намъ права приступать къ леченію больныхъ, такъ какъ мы всегда рискуемъ сдѣлать ту или иную ошибку*» (стр. 69). И длинно, длинно, на протяженіи двадцати пяти страницъ, съ удручающимъ многословіемъ, переходящимъ положительно въ пустословіе, г. Фармаковскій доказываетъ, что, если нужно опорожнить кишечникъ больного, то врачъ въ правѣ дать ему касторку, хотя и не знаетъ точно сути ея дѣйствія, что, если у больного пораженъ ревматизмомъ суставъ, то для врача «раціональнѣе тотчасъ же приступить къ леченію этого сустава, чѣмъ изнывать надъ тѣмъ, почему пораженъ именно суставъ, а не мозгъ». «Такимъ образомъ,—побѣдоносно заключаетъ г. Фармаковскій,—обязанность каждаго врача должна заключаться вовсе не въ сокрушеніи о томъ, что онъ не можетъ вознестись на небо и собрать съ него всѣхъ блистающихъ звѣздъ. Нѣтъ, врачъ долженъ въ предѣлахъ возможнаго исполнять свое дѣло и облегчать участь страждущихъ людей» (стр. 70).

Все это, разумѣется, святая истина, плоская до самой образцовой банальности, и читателю, прочитавшему мою книгу, не къ чему объяснять, что всѣми своими двадцатью пятью страницами г. Фармаковскій выстрѣлилъ на воздухъ. Я привелъ это мѣсто не для того, чтобъ продолжать опровергать тѣ нелѣпости, которыя г. Фармаковскій мнѣ приписываетъ. Но на этихъ двадцати-пяти страницахъ очень ярко выдѣляется одна характерная черта, объединяющая г. Фармаковскаго съ большинствомъ моихъ оппонентовъ,—это именно чрезвычайно ироническое

отношеніе къ «небу и блистающимъ на немъ звѣздамъ», т.-е. къ жаждѣ широкаго и коренного пониманія окружающаго. Въ чемъ тайна зарожденія и развитія болѣзни? Въ чемъ суть дѣйствія вводимыхъ въ организмъ лекарственныхъ средствъ? Г-на Фармаковскаго такіе вопросы приводятъ въ крайне смѣшливое настроеніе и напоминаютъ ему вопросы хемницеровскаго «метафизика», интересовавшагося «сущностью» брошенной ему въ яму веревки. Отравился больной, ну, и нужно ему впрыснуть апоморфинъ, чтобы вызвать рвоту. Г. Фармаковскій увѣряетъ, что я въ подобномъ случаѣ долженъ только всплеснуть руками и начать «изнывать» надъ вопросомъ: «какъ могу я впрыснуть больному апоморфинъ, если не знаю, почему онъ дѣйствуетъ именно на рвотный центръ?» Нечего, конечно, опровергать эту фантазію г. Фармаковскаго, но какъ характеренъ самый его пріемъ, которымъ онъ пытается доказать вздорность всякихъ сколько-нибудь широкихъ запросовъ, всякой неудовлетворенности даннымъ состояніемъ знанія. Къ чему все это? Безконечное количество шаткихъ теорій о дѣйствія желѣза на малокровіе и научно установленный фактъ дѣйствія микроорганизмовъ на нагноеніе,—для г. Фармаковскаго это рѣшительно одно и то же, самъ онъ всѣмъ одинаково доволенъ. Что за «метафизика» дѣлать тутъ какое-нибудь различіе!

Wie könnt ihr Euch darum betrüben!
Thut nicht ein braver Mann genug,
Die Kunst, die man ihm übertrug,
Gewissenhaft und pünktlich auszuüben? *)

«Какъ часто намъ, врачамъ, приходится говорить себѣ, сколько прорѣхъ въ нашемъ знаніи и нашей дѣятельности!—писалъ Бильротъ проф. Гису въ 1861 г.—Преслѣдуемый такимъ настроеніемъ, я опять и опять испытываю потребность въ положительномъ изслѣдованіи, опять и опять берусь за микроскопъ: тутъ я знаю, что я вижу, и знаю, что оно именно таково, какимъ я его вижу. Вомъ вамъ причина, почему мнѣ мои анатомическія работы милы и становятся все милѣе». «Я часто ловлю себя на томъ,—писалъ онъ же проф. Бауму въ 1877 г.,—что естественно-научный патологическій процессъ, собственно, больше интересуетъ меня въ больномъ, чѣмъ терапевтическій результатъ. *Какъ ни утопична мысль*: «если мы узнаемъ причины всѣхъ нарушеній природныхъ процессовъ, то изъ этого уже само собою вытечетъ вѣрное леченіе», но мнѣ очень трудно отдѣлаться отъ нея».

Не правда-ли, г. Фармаковскій, какой «метафизикъ» этотъ Бильротъ? Самъ же признаетъ, что мысль «утопична», а не можетъ отъ нея отдѣлаться! И какъ это онъ не способенъ понять, что «обязанность

---

*) «Какъ можете вы этимъ огорчаться! Развѣ не довольно для честнаго человѣка, если онъ добросовѣстно и точно будетъ примѣнять къ дѣлу искусство, которому его обучили?»



врача заключается вовсе не въ сокрушеніи о томъ, что онъ не можетъ вознестись на небо, а въ томъ, чтобы въ предѣлахъ возможнаго исполнять свое дѣло и облегчать участь страждущихъ людей»!

Не всѣмъ намъ, врачамъ, суждено обладать талантомъ Бильрота,— это зависитъ не отъ насъ; но всѣ мы одинаково должны хранить въ душѣ его «святое недовольство», и горе той профессіи, гдѣ на мѣстѣ этого «святого недовольства» воцаряется безмятежное, любующееся собою научное самодовольство гетевскаго Вагнера.

## III

Нѣтъ ни одной науки, которая приходила бы въ такое непосредственно близкое и многообразное соприкосновеніе съ человѣкомъ, какъ медицина. Всѣ прикладныя науки своею конечною цѣлью имѣютъ, разумѣется, благо людей, но *непосредственно* каждая изъ нихъ стоитъ отъ человѣка болѣе или менѣе далеко. Совсѣмъ не то видимъ мы въ медицинѣ. Реальный, живой человѣкъ все время, такъ сказать, заполняетъ собою все поле врачебной науки. Онъ является главнѣйшимъ учебнымъ матеріаломъ для студента и начинающаго врача, онъ служитъ непосредственнымъ предметомъ изученія и опытовъ врача изслѣдователя; конечное практическое примѣненіе нашей науки опять-таки сплетается съ массою самыхъ разнообразныхъ интересовъ того же живого человѣка. Словомъ, отъ человѣка медицина исходитъ, черезъ него идетъ и къ нему приходитъ.

Такое тѣсное и многообразное соприкосновеніе медицины съ живымъ человѣкомъ, естественно, ведетъ къ тому, что интересы медицины, какъ науки, постоянно сталкиваются съ интересами живого человѣка, какъ ея объекта; то, что важно и необходимо для науки, т.-е. для блага человѣчества, сплошь да рядомъ оказывается крайне тяжелымъ, вреднымъ или гибельнымъ для отдѣльнаго человѣка. Изъ этого истекаетъ цѣлый рядъ чрезвычайно сложныхъ, запутанныхъ противорѣчій. Противорѣчія эти били мнѣ въ глаза, били, казалось мнѣ, и каждому врачу, не потерявшему способности смотрѣть на жизнь съ человѣческой, а не съ профессіональной точки зрѣнія; и противорѣчія эти я изложилъ въ своей книгѣ.

Посмотримъ же, какъ отнесся къ нимъ г. Фармаковскій. Я указываю, что въ обученіи на больныхъ у насъ входитъ значительный элементъ принужденія,—что, напр., невѣжественная мать, для которой вскрытіе ея умершаго ребенка представляется самымъ ужаснымъ его поруганіемъ, принуждается идти на это горькою необходимостью. Но вѣдь это предразсудокъ! возражаетъ г. Фармаковскій. «А разъ это предразсудокъ, то всякій развитый, интеллигентный человѣкъ долженъ противъ него бороться, а не раздувать его» (стр. 20). И г. Фармаковскій говоритъ уже, что я «проповѣдую походъ противъ вскрытій», и

скорбитъ о «плохой услугѣ», которую я этимъ оказываю публикѣ. Читатель видитъ, что г. Фармаковскій самымъ старательнымъ образомъ *обходитъ* вопросъ, о которомъ идетъ рѣчь: конечно, «съ предразсудками нужно бороться», но то же ли это самое, что *заставлять* человѣка съ предразсудкомъ наступать ногою на его предразсудокъ? Я вотъ лично глубоко, напр., убѣжденъ, что наша стыдливость есть предразсудокъ; значитъ ли это, что я имѣю нравственное право заставить человѣка раздѣться до-нага и выйти въ такомъ видѣ на улицу? Смѣшно предполагать, чтобъ г. Фармаковскій не понималъ этой разницы,—почему же онъ ея не видитъ? Потому, что во всемъ вопросѣ его интересуетъ только одно,—какъ бы отъ обсужденія вопроса въ публикѣ не увеличилась боязнь вскрытій; до остального ему рѣшительно нѣтъ дѣла. Ужъ совершенно откровенно высказывается на этотъ счетъ другой мой критикъ, д-ръ К. М. Горелейченко; онъ прямо спрашиваетъ: «*Почему это Вересаеву понадобилось стать на точку зрѣнія отца-бѣдняка? Непонятно!*»—и утѣшается вполнѣ справедливою мыслью, что бѣдняку же будетъ хуже, если онъ, изъ боязни вскрытій, не понесетъ и другого своего ребенка въ больницу *).

Переходимъ къ вопросу, который составляетъ одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ врачебной жизни,—къ вопросу о поразительной неподготовленности молодыхъ врачей къ практической дѣятельности. Я разсказываю въ своей книгѣ о рядѣ ошибокъ, надѣланныхъ мною въ началѣ моей практики. Мои оппоненты подвергаютъ эти ошибки самой уничтожающей критикѣ, доказываютъ, что онѣ были ошибками, и что, сдѣлалъ я ихъ лишь потому, что я—исключительно плохой, неспособный врачъ; обобщать же эти ошибки никакъ не слѣдуетъ. Конечно, практическая подготовка врачей несовершенна, «но,—пишетъ г. Фармаковскій,—въ большинствѣ случаевъ неопытность молодого врача обыкновенно выражается скорѣе отсутствіемъ всякой помощи больному, чѣмъ принесеніемъ ему вреда» (стр. 28).

«Для того, чтобы «не вредить»,—пишетъ и д-ръ С. Вермель,—каждый врачъ, средній врачъ вполнѣ подготовленъ! Ошибка всегда возможна. но отъ ошибокъ до труповъ такъ же далеко, какъ отъ неба до земли, Надо ужъ очень быть храбрымъ, чтобъ вредить» **).

Также и по мнѣнію д-ра И. И. Бинштока, я долженъ былъ предупредить читателя, что это только я вышелъ изъ университета такимъ

---

*) «За и противъ «Записокъ врача» Вересаева». Спб., 1902 г., стр. 12. Тощая брошюрка, малограмотная и безсвязная, по содержанію не имѣющая ничего общаго съ даннымъ ей заглавіемъ.—Г. Фармаковскій отмѣчаетъ у меня, между прочимъ одну «фактическую неточность». «Въ больницахъ,—говоритъ онъ,—послѣ смерти вскрываются только безродные больные; у тѣхъ же, которые имѣютъ родственниковъ, вскрытіе производится лишь съ разрѣшенія этихъ послѣднихъ». Смѣю увѣрить г. Фармаковскаго, что у насъ много больницъ, въ которыхъ совершенно не считаютъ нужнымъ вѣдаться съ желаніемъ родственниковъ.

**) «Записка врача о «Запискахъ врача». «Русское Слово», 1902 № 6.



мало знающимъ врачомъ, неопытность же другихъ врачей больше выражается лишь въ томъ, что они «обливаются холоднымъ потомъ при первыхъ своихъ назначеніяхъ». И опять выдвигается на сцену грозный призракъ «читателя», «который долженъ придти въ ужасъ при мысли, кому приходится довѣрять свое здоровье, жизнь, и къ тѣмъ безконечнымъ обвиненіямъ, которыя въ такомъ изобиліи сыплются на врачей, прибавляется еще одно, быть можетъ, самое ужасное, удостовѣренное врачемъ» *).

Мои ошибки доказываютъ лишь одно,—что я плохой врачъ. Хорошо. Но, гг. Фармаковскій, Вермель, Бинштокъ! Разскажите же о *вашихъ* ошибкахъ, но только разскажите искренно; это было бы важнѣе и нужнѣе для дѣла, чѣмъ ломиться въ открытую дверь и съ торжествомъ доказывать, что мои ошибки были ошибками. Право же, это слишкомъ нетрудно! Напомню вамъ, что, когда Пироговъ опубликовалъ свои «Анналы», гдѣ вполнѣ откровенно разсказалъ о всѣхъ своихъ ошибкахъ, то нашлись критики, которые, разобравъ эти ошибки, убѣдительнѣйшимъ образомъ доказали, что онѣ были совершенно «непозволительны». А вѣдь Пироговъ былъ несомнѣнный геній, а критики его были столь же несомнѣннымъ ничтожествомъ. Мы же съ вами одинаково—обыкновенные средніе врачи.

Но допустимъ, что вы, дѣйствительно, имѣете право такъ побѣдоносно критиковать мои ошибки, что у васъ въ прошломъ нѣтъ воспоминаній, которыя бы тяжелымъ камнемъ лежали у васъ на душѣ. Но вы утверждаете, что и всѣ врачи вообще—такіе же хорошіе врачи, какъ вы, что это только я одинъ представляю печальное исключеніе. Къ счастью, въ врачебномъ сословіи немало людей, которые дѣйствительные, идеальные интересы нашего сословія ставятъ выше трусливаго соображенія,—что скажетъ о насъ публика.

«До сихъ поръ,—пишетъ проф. П. В. Буржинскій о «Запискахъ врача»,—не приходилось встрѣчаться съ такимъ правдивымъ изложеніемъ нѣкоторыхъ отрицательныхъ сторонъ медицинскаго образованія. Несомнѣнно, что авторъ дѣйствительно пережилъ и перечувствовалъ все или почти все разсказанное. *Да и кто изъ насъ врачей не пережилъ того же въ большей или меньшей степени?*.. По окончаніи курса,—разсказываетъ профессоръ о себѣ,—я вынесъ убѣжденіе, что среди насъ, только что получившихъ лекарскій дипломъ, врядъ ли былъ хоть одинъ, который бы не зналъ, что такое saccus coecus retro-sternocleidomastoideus, но многіе ли умѣли сдѣлать горлосѣченіе задыхающемуся ребенку и увѣренно опредѣлить положеніе плода?» **).

«27-го апрѣля,—читаемъ мы въ «Врачебной Газетѣ» (1902, № 19 стр. 455),—состоялось второе засѣданіе общества кременчугскихъ

*) «Практическій Врачъ», 1902, № 1.

**) Письмо въ редакцію. «Врачъ», 1901, № 9.



врачей, посвященное, главнымъ образомъ, преніямъ по поводу «Записокъ врача» Вересаева. Старшій врачъ губернской земской больницы, А. Т. Богаевскій, говорилъ очень пространно о неподготовленности врача къ практической дѣятельности, иллюстрируя это фактами изъ личной практики, о заслугѣ Вересаева, поднявшаго этотъ вопросъ передъ обществомъ и тѣми, «кому вѣдать надлежитъ» и т. д.

Д-ръ Григорій Гордонъ пишетъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (1902, № 25): «*То, что разсказываетъ Вересаевъ о началѣ своей практики, могъ бы повторить каждый изъ насъ о себѣ.* Ясно, что современная постановка медицинскаго образованія требуетъ коренной реформы, которая должна явиться въ самомъ недалекомъ будущемъ. *Нужно удивляться, какъ можетъ и далѣе существовать такой порядокъ вещей.* Не странно ли, что врачи, ежегодно собирающіеся на съѣзды, до сихъ поръ ни разу не выбрали этого вопроса предметомъ своихъ обсужденій и, возбуждая постоянно массу ходатайствъ, никогда не хлопотали объ его упорядоченіи. Какъ объяснить себѣ это?»

Я приведу еще почти цѣликомъ одно письмо молодого врача, напечатанное въ № 347 «Новостей» за 1901 г. Оно нѣсколько длинно; но рисуетъ чрезвычайно ярко ту безпомощность, съ какою начинающій врачъ принужденъ вступать въ практику.

«Въ № 49 «Врача»,—пишетъ этотъ врачъ,—напечатана рѣчь проф. Вельяминова, касающаяся «Записокъ врача» Вересаева. Въ этой рѣчи, между прочимъ, сказано: «Молодыхъ врачей допускаютъ къ операціямъ, вѣдь, не прямо съ улицы; они подготавливаются къ этому годами, пользуются руководствомъ болѣе опытнаго хирурга и, приступая къ своему дѣлу, дѣйствуютъ сознательно и цѣлесообразно». Когда я прочиталъ эти строки, мнѣ стало невыносимо грустно. Я не могу допустить, что проф. Вельяминовъ заблуждается искренно, что ему въ дѣйствительности неизвѣстенъ тотъ багажъ опытности и знаній, съ какимъ молодые врачи вынуждены иногда приступать къ труднымъ и отвѣтственнымъ операціямъ. Неужели онъ находитъ постановку обученія хирургіи на медицинскихъ факультетахъ правильною и думаетъ, что врачи сейчасъ по окончаніи курса могутъ относиться сознательно и цѣлесообразно къ больнымъ?! И какимъ образомъ могло бы выработаться подобное сознательное отношеніе у студентовъ, которые не продѣлали ни одной, хотя бы самой пустячной, операціи за все время своего обученія, и вся хирургическая дѣятельность которыхъ сводилась исключительно къ созерцанію того, какъ оперировали профессоръ и его ассистенты. Тотъ студентъ, которому удалось вскрыть нарывъ на пальцѣ, считается счастливымъ. Но счастливъ и тотъ студентъ, который могъ хорошо прослѣдить ходъ нѣсколькихъ операцій, произведенныхъ его учителями, такъ какъ вокругъ больного склоняется обыкновенно нѣсколько головъ ассистентовъ, заслоняющихъ совершенно поле операціи. Студенты въ такихъ случаяхъ подобны зрителямъ, сидящимъ на галеркѣ, откуда видны однѣ только ноги актеровъ.

«Я сильно интересовался хирургіей въ университетѣ и употреблялъ всѣ усилія, чтобы прослѣдить возможно большее число операцій. Съ этою цѣлью я приходилъ пораньше въ аудиторію, занималъ наилучшее мѣсто, а во время операціи влѣзалъ на столы, вытягивалъ шею, принимая самыя неудобныя позы, и... ничего не могъ разглядѣть, несмотря на свое превосходное зрѣніе. Что то рѣзали, текла кровь, что-то вытирали губками , а потомъ набивали тампонами или зашивали. Операціи, къ тому же, производились въ большинствѣ случаевъ самыя сложныя и доступныя только для самыхъ опытныхъ техниковъ, какъ напримѣръ: удаленіе больной почки, вскрытіе нарыва въ печени, изсѣченіе омертвѣвшей кишки, удаленіе зоба и т. п. Такія операціи, конечно, способствовали усовершенствованію техники ассистентовъ, но для студентовъ являлись не болѣе, какъ фокусомъ, сеансомъ черной магіи. Такъ какъ я обратилъ на себя вниманіе ассистентовъ своимъ усердіемъ, то мнѣ позволяли иногда присутствовать на перевязкахъ, и тогда я имѣлъ возможность ясно видѣть теченіе операціонной раны. А нѣсколько разъ позволили даже произвести вскрытіе нарыва. И я считался однимъ изъ самыхъ опытныхъ хирурговъ на курсѣ...

«Когда же я, по окончаніи университета, побуждаемый острой нуждой, вынужденъ былъ занять мѣсто земскаго врача, жизнь зло подшутила надо мной. На первой же недѣлѣ ко мнѣ доставленъ былъ крестьянинъ, который во время рѣзки свиней упалъ и накололся на острый ножъ. Ножъ вонзился въ грудь подъ ключицей. Кровь брызнула фонтаномъ. Увидавъ это раненіе, я сообразилъ, что у больного перерѣзана подключичная артерія, и что ее необходимо перевязать. На трупахъ я продѣлывалъ эту операцію неоднократно, на живомъ человѣкѣ никогда. Зная, какъ опасна эта операція, я не рѣшился ее сдѣлать и, наложивъ давящую повязку, чтобы остановить кровотеченіе, отправилъ больного въ губернскую земскую больницу, за сорокъ верстъ. Больной по дорогѣ скончался отъ потери крови.

«Вскорѣ затѣмъ я призванъ былъ къ роженицѣ, которая нуждалась въ акушерской помощи. Пришлось накладывать щипцы. Я многократно ихъ накладывалъ на куклахъ, но никогда на человѣкѣ. Щипцы никакъ не укладывались и все соскакивали. Я бился, бился, и ничего не могъ подѣлать. Я плакалъ отъ сознанія своей безпомощности, но принужденъ былъ уложить несчастную женщину въ телѣгу и отправить ее въ губернскую больницу (въ позднюю осень, сырую и холодную!). Къ счастью, женщина осталась въ живыхъ, но ребенокъ погибъ. Я бросилъ послѣ этого земскую службу и поѣхалъ на-ново учиться...

«Горько сознавать мнѣ, что я не имѣлъ возможности обучиться хирургіи. Я эту горечь испытываю всегда,—и вдругъ я прочиталъ полное спокойствія заявленіе проф. Вельяминова о томъ, что берутся за операцію люди не съ улицы, и поэтому опытные... Зачѣмъ же глумиться надъ молодыми врачами, надъ ихъ безпомощностью и ду-

шевными мученіями?! Они достойны сожалѣнія и участія, но не издѣвательства. Они нуждаются въ помощи старыхъ и ученыхъ товарищей, но не въ насмѣшливо-торжественныхъ комплиментахъ, построенныхъ на обломкахъ искаженной истины».

Само собою разумѣется, что все это пишутъ и говорятъ такіе же плохіе, бездарные врачи, какъ я. Но вѣдь оказывается, въ врачебномъ-то сословіи не только я одинъ такъ плохъ,—значитъ, это не исключительное явленіе, съ этимъ нельзя не считаться... Нѣтъ, какъ хотите, а это страшно: вопросъ съ зловѣщею настойчивостью бьетъ въ глаза, пахнетъ кровью и трупомъ, а гг. Фармаковскіе, Бинштоки и Вельяминовы ясными глазами, не сморгнувъ, смотрятъ на него и говорятъ: тутъ все совершенно благополучно! «Неопытность молодого врача обыкновенно выражается скорѣе отсутствіемъ всякой помощи больному, чѣмъ принесеніемъ ему вреда». Что такое? Да развѣ отсутствіе помощи не есть принесеніе вреда? Развѣ *не* сдѣлать въ нужную минуту трахеотоміи, *не* опредѣлить положенія плода, *не* перевязать подключичной артеріи, *не* наложить щипцовъ—не значитъ принести больному вредъ? Пусть такъ, но дѣло совсѣмъ не въ этомъ, дѣло въ томъ, можно ли объ этомъ говорить? А ну, какъ объ этомъ узнаетъ «читатель» и «придетъ въ ужасъ при мысли, кому приходится довѣрять свое здоровье и жизнь!..»

## IV.

Но вотъ другой вопросъ,—вопросъ чрезвычайно сложный, трудный и запутанный, вытекающій изъ самой сути медицины, какъ науки, такъ тѣсно связанной съ человѣкомъ,—вопросъ о границѣ дозволительнаго врачебнаго опыта на людяхъ, о тѣхъ трупахъ, которые устилаютъ путь медицины. Вѣдь этотъ вопросъ необходимо выяснить во всей его безпощадной наготѣ, потому что только при такомъ условіи и можно искать путей къ его разрѣшенію... Нѣтъ! — заявляютъ мои оппоненты,— никакого и вопроса-то такого нѣтъ, вся же суть опять только въ томъ, что самъ Вересаевъ — очень плохой врачъ, да притомъ еще страдающій неврастеніей; потому-то первыя операціи его такъ неудачны, потому-то примѣненіе имъ новыхъ средствъ ведетъ къ гибели больныхъ. Устилая лишь свой путь трупами, онъ, какъ и подобаетъ неврастенику, сваливаетъ свою личную вину не на себя, а на ни въ чемъ неповинную медицину.

«Между тѣмъ,—пишетъ д-ръ И. И. Бинштокъ,—сотни врачей, вдали отъ университетовъ, нерѣдко по однимъ только описаніямъ, дѣлаютъ самыя сложныя операціи въ крайне неблагопріятной обстановкѣ. Врачи эти безропотно несутъ свой тяжелый трудъ, въ сознаніи той пользы, которую они приносятъ ближнему. Безспорно, и у этихъ скромныхъ тружениковъ бываютъ неудачи, и у нихъ больные умираютъ, и въ

нихъ многіе готовы бросить камень, но это дѣлаетъ публика; а г. Вересаевъ, обобщая свои личныя неудачи, какъ-бы выступаетъ, самъ того не сознавая, въ помощь публикѣ и выдвигаетъ противъ врачей *весьма тяжкія обвиненія*».

Какъ видите, г. Бинштокъ самого вопроса совершенно не хочетъ замѣчать, его опять-таки интересуетъ здѣсь исключительно лишь одно,—какъ бы по этому поводу противъ врачей не выдвинули «тяжкихъ обвиненій». Совершенно такъ же смотритъ на дѣло и г. Фармаковскій.

«Тамъ, гдѣ ради пользы человѣка берутъ на себя рискъ спасти его отъ смерти и тяжелыхъ страданій,—жалуется онъ,—тамъ совершается великое преступленіе! Тамъ говорятъ, что члены сословія идутъ «по трупамъ», что ихъ карьера составлена на множествѣ «погубленныхъ ими жизней» (стр. 36). И опять возвращается онъ къ этому на стр. 44: «Много напрасныхъ обвиненій приходится выслушивать намъ, врачамъ, отъ непонимающихъ сути дѣла людей, но никогда не было еще такъ больно, какъ теперь, когда все это слышишь со стороны врача, знакомаго со всею сутью вещей».

Я спрошу г-на Фармаковскаго: что же онъ, въ концѣ концовъ, признаетъ или нѣтъ, что наши успѣхи идутъ черезъ трупы? Замѣчу кстати, что фраза: «наши успѣхи идутъ черезъ горы труповъ» принадлежитъ не мнѣ, а Бильроту; замѣчу, что я привожу эту фразу вовсе не въ «обвиненіе» врачей, а только указываю ею на тотъ сложный, трудный и, къ сожалѣнію, совершенно игнорируемый вопросъ, который выростаетъ изъ самой сути нашей дѣятельности. Признаетъ существованіе этого вопроса г. Фармаковскій или нѣтъ? «Признаетъ-ли»... Да онъ его вовсе и не хочетъ знать, и когда его пытаются поднять, г. Фармаковскій испытываетъ только ощущеніе чуть не личной обиды. Что же касается самого вопроса, то что же въ немъ особеннаго? «А какія другія стороны человѣческой дѣятельности не сопряжены съ жертвою цѣлаго ряда человѣческихъ жизней? Развѣ наша желѣзная дорога не идетъ по насыпямъ, укрѣпленнымъ зарытыми въ нихъ костями погибшихъ при ея постройкѣ и крушеніяхъ людей? Развѣ то золото, которое въ видѣ браслетъ облекаетъ пухлыя ручки нашихъ дамъ, не задушило въ нѣдрахъ земли цѣлыхъ сотенъ и тысячъ несчастныхъ людей? Развѣ наши трюмо и зеркала... Развѣ тѣ письма, которыя разносятъ почтальоны... (и т. д., и т. д.). Во всѣхъ этихъ случаяхъ гибнетъ народъ, приступающій къ каждому дѣлу въ полномъ расцвѣтѣ здоровья и силъ и теряющій все это уже тамъ, за своимъ дѣломъ. И все-таки не говорятъ, что развитіе этихъ дѣлъ идетъ «по грудамъ труповъ загубленныхъ ими людей» (стр. 36)...

Не говорятъ? Полно, г. Фармаковскій, такъ ли? Могу васъ увѣрить,—есть много людей, которые усиленно говорятъ объ указанныхъ вещахъ. Но, къ сожалѣнію, рядомъ съ ними есть еще больше людей, которые, подобно вамъ, лишь киваютъ при этомъ на сосѣдей и возра-

жаютъ: «у нихъ такъ же скверно, какъ у насъ, — слѣдовательно, у насъ все благополучно, и люди, утверждающіе противное, руководствуются исключительною цѣлью нанести намъ обиду».

Говоря о первыхъ операціяхъ начинающихъ хирурговъ, я привожу слова Мажанди, рекомендующаго врачамъ предварительныя упражненія на живыхъ животныхъ. «Кто привыкъ къ такого рода операціямъ,— говоритъ Мажанди, — тотъ смѣется надъ трудностями, передъ которыми безпомощно останавливается столько хирурговъ». По этому поводу мнѣ пришлось слышать отъ одного молодого хирурга чрезвычайно любопытное наблюденіе. Онъ ужъ нѣсколько лѣтъ занимается хирургіей; въ прошломъ году ему пришлось для докторской диссертаціи произвести рядъ сложныхъ операцій въ брюшной полости кроликовъ и собакъ; и его поразило, насколько увѣреннѣе и искуснѣе сталъ онъ себя чувствовать послѣ этого въ операціяхъ на людяхъ.

Казалось бы, невозможно оспаривать, что непосредственный переходъ отъ трупа къ живому человѣку слишкомъ великъ, что совѣтъ Мажанди, чрезвычайная важность котораго совершенно ясна даже а priori, во всякомъ случаѣ заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія и самой тщательной провѣрки. Оказывается, все это совершенный вздоръ, начинающіе врачи нисколько не нуждаются въ подобныхъ упражненіяхъ, суть же дѣла опять-таки въ томъ, что я, Вересаевъ, — очень плохой врачъ и ничего толкомъ не умѣю сдѣлать. «Напрасно, поэтому,— говоритъ д-ръ М. Камневъ,—г. Вересаевъ дѣлаетъ изъ своихъ неудачъ выводъ о негодности молодыхъ врачей къ хирургіи и о необходимости учиться операціямъ на животныхъ, по совѣту Мажанди» *).

По увѣренію г. Камнева, это совершенно излишне... А вотъ что говоритъ приватъ-доцентъ московскаго университета А. П. Левицкій, преподаватель хирургіи, вотъ уже нѣсколько лѣтъ предоставляющій своимъ слушателямъ-студентамъ оперировать на живыхъ животныхъ:

«Трудно представить себѣ хорошую технику у врача, которому приходится впервые производить операцію у человѣка, еще труднѣе допустить у него полное самообладаніе при операціи, что, конечно, необходимо. Говорю объ этомъ такъ увѣренно на основаніи многолѣтнихъ наблюденій... Это побудило меня, при чтеніи лекцій по хирургической патологіи, ввести занятія на животныхъ съ цѣлью пріучить слушателей владѣть ножомъ, останавливать кровотеченіе, производить трахеотомію, разобраться во вскрытой брюшной полости и т. д. Мои выводы изъ этихъ занятій таковы: 1) слушатели довольно быстро освоиваются съ необходимою элементарною техникою (безупречно накладывались швы на кишечникъ и на венозныя стѣнки), 2) скоро пріобрѣтали увѣренность при своихъ дѣйствіяхъ ножомъ, чего не было въ началѣ занятій. *Отъ самихъ слушателей, изъ которыхъ многіе уже*

*) «Еженедѣльникъ», 1901, стр. 300.



*врачи и специалисты-хирурги, я не разъ слышалъ, что предварительныя занятія на животныхъ сослужили имъ хорошую службу, когда пришлось впервые оперировать на человѣкѣ»* *).

V.

Идемъ далѣе. Прививки болѣзней здоровымъ людямъ съ научною цѣлью. Тутъ всѣ мои оппоненты единогласно заявляютъ, что подобные опыты заслуживаютъ безусловнаго порицанія, но... Но,—пишетъ д-ръ Максъ Нассауеръ изъ Мюнхена,—Вересаевъ «весь врачебный міръ дѣлаетъ отвѣтственнымъ за промахи отдѣльныхъ лицъ и не отмѣчаетъ, что большинство врачей не имѣетъ къ этимъ опытамъ никакого отношенія» **). То же самое заявляютъ и другіе мои оппоненты, и только г. Фармаковскій, выразивъ свое безусловное порицаніе опытамъ, опять спѣшитъ прибавить: «Да если и принять во вниманіе преступленіе только этихъ отдѣльныхъ лицъ, то больше ли оно тѣхъ преступленій, которыя совершаются въ другихъ сословіяхъ общества?»—и слѣдуетъ обстоятельное перечисленіе преступленій «другихъ сословій общества» (стр. 43—44).

Разъ эти опыты всѣми осуждаются, то для чего я говорю о нихъ?—спрашиваютъ меня мои оппоненты. «Ну, скажи самъ: какая отъ этого польза намъ, какая польза, прежде всего, міру?—спрашиваетъ меня д-ръ Л. Кюльцъ, обращаясь ко мнѣ по-товарищески, на «ты».—Скверная ты птица, которая гадитъ въ собственное гнѣздо!.. Подумай о томъ, что цитированные тобою изслѣдователи, правда, сдѣлали промахъ въ выборѣ средствъ, но что они стремились при этомъ къ цѣли, которая послужила къ добру тысячамъ. Подумай о томъ, что всѣ эти дѣла *принадлежатъ прошлому*. Зачѣмъ ты снова разрываешь старыя, зарубцевавшіяся раны, зачѣмъ выгребаешь изъ угловъ истлѣвшіе остатки прошлаго?» ***).

«Поступокъ врачей-фанатиковъ безчеловѣченъ,—заявляетъ и д-ръ К. М. Горелейченко.—Онъ медицинской прессой осужденъ, это *дѣло прошлаго, нѣсколькихъ десятилѣтій*, и въ настоящее время едва ли можетъ повториться что-либо подобное» ****).

Это дѣло прошлаго!.. Въ данное время я не могу пользоваться сколько-нибудь богатою медицинскою библіотекою, поэтому приведу опыты надъ людьми, совершенные за послѣдніе два года (1900—1901) такъ, какъ они изложены во «Врачѣ», органѣ энергичнаго и неутомимаго борца противъ

---

*) «Операціи на животныхъ въ цѣляхъ преподаванія хирургіи». «Вѣстникъ Спб. Врач. Общества взаимной помощи». 1902, № 1, стр. 23.

**) «Bekenntnisse eines Arztes». «Frankfurter Zeitung», 1902, 24 mai.

***) *Dr. L. Küls*. «Antwort auf die Beichten des Arztes Weressajew». Leipzig-Reudnitz. 1902, p. 30.

****) «За и противъ Вересаева», стр. 14.



такихъ опытовъ, покойнаго проф. В. А. Манассеина; вмѣстѣ съ этимъ я буду приводить и соотвѣтственныя замѣчанія Манассеина.

*«Врачъ», 1900, № 3, стр. 95.* Недавно въ Вѣнѣ разбиралось дѣло д-ра Грасса. Дѣло было возбуждено по жалобѣ больного, которому Грассъ позволилъ себѣ впрыснуть подъ кожу убитую разводку гонококковъ (по счастью, безъ всякаго вреда). Судъ оправдалъ врача, но единственно потому, что прошелъ уже срокъ, въ теченіе котораго можно было предъявить автору обвиненіе.

*№ 5, стр. 144.* Д-ръ Цанони, желая изучить сочетаніе микробовъ въ легкихъ при чахоткѣ, счелъ себя въ правѣ (?! *Ред.*) брать для этого содержимое изъ пораженныхъ участковъ легкаго. Дезинфицировавъ кожу, онъ вкалывалъ въ легкія чахоточныхъ больныхъ полыя иглы и такимъ образомъ извлекалъ содержимое. Проколъ дѣлался иглами въ 7—8 сант. длиною «и не очень тонкими». (*Подстр. примѣч.* Работа д-ра Ц. еще разъ заставляетъ насъ подчеркнуть, казалось бы, не требующее доказательствъ положеніе, что больные—не матеріалъ для опытовъ, какъ бы интересны эти опыты сами по себѣ ни были, и все, что не прямо необходимо для помощи имъ, допустимо лишь съ *полнаго* вѣдома и согласія ихъ самихъ. *Ред.).*

*№ 6, стр. 178.* Д-ръ де-Симони, желая выяснить, составляетъ ли такъ называемая Фришевская палочка специфическій возбудитель риносклеромы, вводилъ ватныя пробки, пропитанныя разводками этой палочки, въ носъ людей, страдавшихъ сильно развитою чахоткою легкихъ. (Опять непростительные и возмутительные опыты! *Ред.*). Результатъ опытовъ былъ всегда отрицательный.

*№ 7, стр. 213.* Д-ръ Гердеръ (въ Парижѣ) испытывалъ новый способъ леченія бугорчатки впрыскиваніями глицериновой вытяжки изъ тресковой печени. Сначала авторъ испытывалъ эти впрыскиванія у чахоточныхъ и получалъ нѣкоторое улучшеніе; у нѣкоторыхъ, однако, «реакція» сопровождалась повышеніемъ температуры до 39° и 40°; впрочемъ, у этихъ больныхъ наблюдались повышенія температуры и отъ впрыскиваній соленой воды (ради чего дѣлались впрыскиванія этой соленой воды? Очевидно, больные служили «матеріалами» для опытовъ! *Ред.*). Для выясненія способа дѣйствія этихъ впрыскиваній авторъ произвелъ рядъ опытовъ на кроликахъ и свинкахъ (не правильнѣе ли было бы начать съ опытовъ на животныхъ, а не на людяхъ? *Ред.).*

*№ 24, стр. 737.* Желая опредѣлить давленіе въ легочныхъ мѣшкахъ здороваго человѣка, д-ръ Э. Аронъ (изъ Берлина) счелъ себя въ правѣ (!! *Ред.*) произвести опытъ на двухъ лицахъ, предварительно объяснивъ имъ, ради чего подобные опыты надъ ними производятся. Аронъ убѣжденъ, что при тщательномъ соблюденіи чистоты всякая опасность такого опыта устраняется. Впрыснувъ подъ кожу кокаинъ, онъ вкалывалъ въ межреберье троакаръ, соединенный съ манометромъ;

при этомъ больной могъ дѣлать вдохи лишь не очень глубокіе, такъ какъ при глубокихъ легкое задѣвало за кончикъ троакара, что вызывало сильнѣйшую боль (хороша безопасность опыта! *Ред.*)... Несмотря на безвредность (?) употребленнаго способа, едва-ли кому-нибудь представится случай примѣнить его на большомъ числѣ лицъ. Поэтому, Аронъ выражаетъ сожалѣніе о томъ, что хирурги при операціяхъ въ грудной полости не производятъ подобныхъ измѣреній. (Хирургъ нравственно обязанъ не осложнять операціи и даже не удлиннять ея ничѣмъ, что не нужно для блага больного. *Ред.*).

*№ 26, стр. 814.* Общая, а за нею и врачебная печать Германіи *) крайне взволнованы обвиненіями терапевтической клиники проф. Штинтцинга въ непозволительныхъ опытахъ надъ больными. Поводомъ къ этимъ обвиненіямъ послужила статья бывшаго ассистента клиники д-ра Штрубеля. Въ статьѣ этой, дѣйствительно, встрѣчаются прямо невѣроятныя мѣста. Вотъ два изъ нихъ (рѣчь идетъ о леченіи сахарнаго мочеизнуренія сухоядѣніемъ): «Уже въ первые же дни для меня стало ясно, что безъ запиранія на ключъ моего перваго больного точное изслѣдованіе будетъ невозможно. Поэтому, больной былъ помѣщенъ въ небольшую комнату на чердакѣ клиники, имѣющую два окна съ крѣпкой желѣзной рѣшеткой. Дверь комнаты хорошо и крѣпко запирается. Ключъ отъ нея былъ всегда у меня въ карманѣ. Но, думая, что я такимъ образомъ предохранилъ себя отъ обмана, я ошибался: два или три раза, когда результаты изслѣдованія не согласовались между собою, я приналегъ на больного съ допросомъ, и онъ признался, что во время сильнаго дождя онъ высунулъ въ окно сосудъ и изъ проходившей по крышѣ полутрубы добылъ такимъ образомъ полъ-литра дождевой воды. Однажды я убѣдился, что больной пилъ воду, данную ему для мытья; съ тѣхъ поръ во время дней опыта я не давалъ ему мыться. Однажды ночью больной, мучимый жаждою, выпилъ 1.400 кб. см. собственной мочи, а въ послѣдній день опыта надъ обмѣномъ веществъ больной, въ теченіе нѣсколькихъ дней получавшій очень мало питья, сломавъ рѣшотку у окна, вылѣзъ на крышу и затѣмъ, сломавъ рѣшотку въ другомъ окнѣ, пробрался въ комнату служанки, гдѣ его накрыли какъ разъ еще во время, когда онъ подходилъ къ крану водопровода...» «Второго моего больного я тоже держалъ подъ замкомъ, предварительно вставивъ въ окно тройную желѣзную рѣшетку. Въ этомъ опытѣ,—правда, съ существованіемъ уже грозныхъ разстройствъ въ общемъ состояніи больного,—мнѣ удалось существенно ограничить постоянное отдѣленіе мочи и даже на полтора часа совсѣмъ прекратить его, причемъ я отлично сознавалъ, что при постоянномъ надзорѣ за пульсомъ и сердцемъ, я дошелъ до границъ дозволеннаго (!*Ред.*). Если бы больной промучился жаждою еще

*) Общая, а *за нею* уже и врачебная печать!.. В .В..



часа два, то отдѣленіе мочи, быть можетъ, и совсѣмъ бы прекратилось, а, вѣроятно, вмѣстѣ съ нимъ прекратилась бы и работа сердца *).

*№ 42, стр. 1286.* Интересуясь вопросомъ о невоспріимчивости къ болотной лихорадкѣ, проф. Челли продѣлалъ такіе опыты. Одному человѣку авторъ, «впрыснувъ большое количество крови, взятой отъ больныхъ съ легкой и тяжелой трехдневными лихорадками, не могъ вызвать у него никакихъ признаковъ заболѣванія...» Далѣе, Челли испробовалъ вліяніе разныхъ лекарственныхъ веществъ на невоспріимчивость къ *искусственной* болотной лихорадкѣ. (Мы не разъ уже высказывали наше глубокое убѣжденіе въ непозволительности подобныхъ опытовъ. Даже и при *вполнѣ сознательномъ* согласіи на опытъ лицъ, ему подвергаемыхъ, врача должно бы остановить то простое соображеніе, что онъ отнюдь не можетъ быть увѣреннымъ въ безвредности производимаго опыта. *Ред.*). Различныя вещества дали самыя разнообразные результаты: іодистый калій и антипиринъ, напр., оказались совершенно безполезными въ смыслѣ предохраненія отъ заболѣванія **) и т. д.

*«Врачъ», 1901, № 15, стр. 578.* Франкъ и Веландеръ, изслѣдуя вопросъ о предупрежденіи гонорреи, производили слѣдующіе (непозволительные по нашему мнѣнію (*Реф.*) опыты: двумъ лицамъ въ отверстіе мочеиспускательнаго протока на платиновомъ ушкѣ вводилось перелойное отдѣляемое, содержавшее гонококки; затѣмъ, по прошествіи пяти минутъ, одному изъ этихъ лицъ вкапывали двѣ капли раствора протаргола, другому же вкапыванія не дѣлалось. Первый изъ подвергшихся опыту оставался здоровымъ, *второй же заболѣвалъ перелоемъ.*

*№ 30, стр. 949.* Эд. Муръ, занимаясь вопросомъ о леченіи сифилиса специфическою сывороткою, впрыснулъ одной больной съ неоперируемымъ ракомъ сыворотку, послѣ чего послѣдовательно привилъ ей отдѣляемое всѣхъ трехъ основныхъ періодовъ сифилиса. Зараженія не послѣдовало.

*№ 32, стр. 987.* Д-ръ Кистеръ (въ Гамбургѣ) изучалъ значеніе для здоровья борной кислоты. Тремъ здоровымъ лицамъ авторъ давалъ по три грамма борной кислоты въ сутки; уже спустя короткое время здоровье у нихъ разстраивалось: появлялись рвота и поносъ, а на 4—10 дни—бѣлокъ въ мочѣ. Назначеніе одного грамма въ сутки въ теченіе нѣсколькихъ дней четыремъ лицамъ не оставалось безъ вліянія

---

*) Проф. Штинтцингъ, вынужденный печатью дать объясненія, напечаталъ удивительное оправдательное письмо, гдѣ утверждалъ, что «опытъ былъ предпринятъ для леченія больного, а не ради научнаго изслѣдованія», что больной добровольно согласился на опыты и во всякое время могъ ихъ прекратить. Достаточно прочесть само описаніе опытовъ, чтобъ увидѣть, сколько правды въ письмѣ профессора. В. В..

**) *Искусственной* болотной лихорадкой,—т.-е. больному прививали ее, и онъ заболѣвалъ! В. В..



на здоровье: являлись поносъ и рвота... Такимъ образомъ, борная кислота, принимаемая даже въ небольшихъ количествахъ, оказывается не безвредной.

*№ 35, стр. 1073.* Проф. Теннiклайфъ и д-ръ Розенгеймъ изслѣдовали влiянiе борной кислоты и буры на общiй обмѣнъ у дѣтей, въ виду того, что мнѣнiя о безвредности этихъ веществъ расходятся. Возрастъ дѣтей въ опытахъ авторовъ колебался отъ $2^1/_2$ до 5 лѣтъ. При этомъ выяснилось, что ни борная кислота, ни бура въ среднихъ прiемахъ не оказываютъ никакого вреднаго дѣйствiя на общее состоянiе дѣтей.

*№ 37, стр. 1151.* Газеты сообщаютъ объ опытахъ, продѣлываемыхъ американскими врачами на людяхъ. Изъ восьми лицъ, согласившихся за деньги подвергнуться укусамъ комаровъ, завѣдомо зараженныхъ чужеядными желтой лихорадки, двое умерли, трое при смерти, двое выздоравливаютъ послѣ тяжкаго заболѣванiя, одинъ остался здоровымъ.

*№ 39, стр. 1202.* Въ виду все учащающагося примѣненiя формальдегида для предохраненiя отъ порчи пищи, особенно молока, проф. Теннiклайфъ и д-ръ Розенгеймъ сдѣлали попытку выяснить, путемъ прямыхъ опытовъ на дѣтяхъ, влiянiе этого вещества на питанiе и обмѣнъ. Опыты были произведены на трехъ дѣтяхъ (вполнѣ здоровый мальчикъ $2^1/_2$ лѣтъ, вполнѣ здоровый мальчикъ 5 лѣтъ и «слабоватая дѣвочка четырехъ лѣтъ, дурного питанiя, поправлявшаяся послѣ пнеймонiи»). *Выводы*: 1) У здоровыхъ дѣтей формальдегидъ, прибавляемый къ молоку въ количествѣ до 1 : 5000, не обнаруживаетъ замѣтнаго влiянiя на обмѣнъ азота и фосфора и на усвоенiе жира. 2) При слабоватомъ здоровьѣ это вещество дѣйствуетъ на упомянутые процессы *замѣтно пагубно*, по всей вѣроятности, измѣняя панкреатическое пищеваренiе и слегка раздражая кишечникъ и т. д.

Вотъ они—истлѣвшiе остатки прошлаго, вотъ онѣ—старыя, давно зарубцевавшiяся раны!.. Мои оппоненты усиленно корятъ меня въ томъ, что я въ своей книгѣ взвожу на врачебное сословiе массу самыхъ тяжкихъ обвиненiй. Я рѣшительно утверждаю, что никакихъ такихъ обвиненiй я не взвожу; нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, подобно г. Фармаковскому, въ указанiи на трагическiе конфликты медицинскаго дѣла видѣть чуть не личное себѣ оскорбленiе. Не обобщаю я также отдѣльныхъ поступковъ единичныхъ лицъ. Если бы изъ приводимыхъ мною опытовъ вытекалъ лишь выводъ, что сотня - другая безсердечныхъ врачей забыли свои элементарныя обязанности по отношенiю къ больнымъ, я-бъ не сталъ приводить этихъ опытовъ, какъ не привожу случаевъ производства нѣкоторыми врачами преступныхъ выкидышей, участiя врачей въ казняхъ, присутствiя ихъ при тѣлесныхъ наказанiяхъ и т. п.

Но изъ приводимыхъ опытовъ вытекаетъ совсѣмъ другой выводъ,

и это есть единственное, дѣйствительно, *обвиненіе*, которое я возвожу на наше сословіе,—обвиненіе въ поразительномъ равнодушіи, какое встрѣчаютъ описанные опыты въ врачебной средѣ. На этомъ обвиненіи я настаиваю, да и какъ не настаивать на немъ? Какъ были бы возможны подобные опыты, если бы мы относились къ нимъ должнымъ образомъ? У насъ есть богатая печать, безчисленныя общества и съѣзды,—гдѣ же и когда выступали они противъ такого позорнѣйшаго предательства врача по отношенію къ больному? Борьба съ этимъ составляетъ лишь единоличную заслугу покойнаго Манассеина *). Если бы вся врачебная печать, всѣ общества и съѣзды такъ же безпощадно и энергично, какъ онъ, выступали противъ каждой попытки врача обращать больного въ предметъ своихъ опытовъ, то вѣдь только сумасшедшему могло бы придти въ голову печатать о такихъ опытахъ, какъ только сумасшедшему можетъ придти въ голову разсказывать въ газетахъ о совершенномъ имъ, скажемъ, убійствѣ ребенка. Между тѣмъ, въ дѣйствительности всѣ подобныя сообщенія проходятъ такъ мирно и тихо, что вотъ оказывается даже возможнымъ утверждать, будто все это уже миновало, и теперь ничего подобнаго не происходитъ. Кругомъ десятками творятся форменныя живосѣченія надъ людьми, а гг. Кюльцъ и Горелейченко *даже ничего не слышали объ нихъ*! Развѣ это не характерно?..

«Опытовъ надъ людьми,—пишетъ г. Алелековъ въ своей рецензіи на «Записки»,—никто не оправдывалъ и никогда не оправдаетъ; но поголовное обвиненіе врачей въ «бездѣйствіи», въ отсутствіи протеста и борьбы противъ такихъ опытовъ есть совершенно несправедливый укоръ медицинѣ, не отвѣтственной за проступки немногихъ личностей; а призывъ общества къ «принятію мѣръ, къ огражденію своихъ членовъ отъ ревнителей науки»,—есть только несправедливый и позорный призывъ къ борьбѣ со всѣми врачами, столь же логичный, какъ крикъ толпы: «Бей ихъ всѣхъ, тамъ послѣ разберемъ, кто воровалъ и кто помогалъ!» Намъ стыдно за прибѣгающаго къ такимъ пріемамъ человѣка, притомъ же врача!» **)

Вдумайтесь въ смыслъ этихъ словъ. Обвинять врачей въ бездѣйствіи—несправедливо, потому что «медицина не отвѣтственна за проступки немногихъ личностей» (т.-е., значитъ, врачи въ правѣ бездѣйствовать?); а призывать общество къ борьбѣ—не только несправедливо, но даже позорно и нелогично... Удивительное дѣло! Тутъ такой туманъ, такая притупленность самаго элементарнаго нравственнаго чувства, что положительно начинаешь теряться. Вѣдь вопросъ

*) Просмотрите вышеприведенное описаніе опытовъ во «Врачѣ». Въ февралѣ 1901 года Манасеинъ умеръ; еще одно примѣчаньице, и редакція замолкаетъ, и дальнѣйшіе опыты съ самымъ «объективнымъ» равнодушіемъ приводятся наравнѣ съ сообщеніями о новой теоріи рахита и о случаяхъ нервнаго выпаденія волосъ.

**) «Медицинское Обозрѣніе», 1902, № 2, стр. 169.



ясенъ и голъ до ужаса: совершается позорнѣйшая гнусность, которой, какъ соглашаются всѣ мои оппоненты, «никто не оправдываетъ» (какъ мягко!). Что же дѣлать? Казалось бы, и отвѣтъ не менѣе ясенъ, чѣмъ самъ вопросъ: нужно всѣмъ соединиться, поднять общественное мнѣніе, не успокоиваться, пока съ корнемъ не будетъ вырвана эта гнусность, пока она не отойдетъ въ область невѣроятныхъ преданій,—сказать: «да, наша вина, что мы терпѣли до сихъ поръ на своемъ тѣлѣ эту позорную болячку...»

Но нѣтъ, тутъ есть нѣчто еще болѣе ужасное: а ну, какъ публика подумаетъ, что «медицина отвѣтственна за проступки немногихъ личностей» и закричитъ: «бей ихъ всѣхъ, не разбирая!» Лучше ужъ потщательнѣе прикрыть свою болячку и—молчать, молчать...

## VI.

Мои критики дружно указываютъ на «непозволительное сгущеніе красокъ» и «несомнѣнныя преувеличенія», которыми полна моя книга. Отвѣчать на этотъ упрекъ было бы крайне трудно и совершенно безцѣльно, если бы вопросъ носилъ, такъ сказать, количественный характеръ. Я, скажемъ, совершилъ пять врачебныхъ ошибокъ, другой—двѣ, третій—десять; у меня было столько-то несчастныхъ операцій, у другого—столько-то. Какъ доказать, какъ провѣрить, какое количество типично для средняго врача? Но дѣло тутъ совершенно въ другомъ... «Врачебная Газета», въ которой печаталась разобранная выше статья д-ра Фармаковскаго, заявляетъ въ № 51 (1901 г.), что статья это «ясно доказываетъ несомнѣнныя преувеличенія г. Вересаева». Въ чемъ же заключаются эти преувеличенія? Вотъ что говоритъ о нихъ самъ г. Фармаковскій.

«Вересаевъ отрицаетъ свое сгущеніе красокъ. И въ доказательство того, что этого сгущенія нѣтъ, онъ приводитъ свои ссылки на цѣлый рядъ документальныхъ данныхъ. Но на этотъ доводъ можно было бы возразить такимъ примѣромъ. Представимъ себѣ, что мы имѣемъ передъ собою назначенную врачомъ микстуру, содержащую въ себѣ сѣрную кислоту. И вдругъ къ такому больному приходитъ химикъ-диллетантъ. Прочтя на сигнатуркѣ страшное названіе сѣрной кислоты, этотъ химикъ сталъ бы увѣрять больного, что въ его лекарствѣ находится страшный ядъ; и въ доказательство своихъ доводовъ онъ обычными химическими путями извлекъ бы эту кислоту въ чистомъ видѣ и показалъ бы ея ѣдкія свойства на дѣлѣ. То самое лекарство, которое имѣло пріятный кисловатый вкусъ, вдругъ содержитъ вещество, прижигающее даже грубую кожу руки. И если бы кто-нибудь сталъ упрекать доброжелателя-химика въ произведенномъ имъ сгущеніи положенной въ лекарство кислоты, въ силу чего она и приняла такія ѣдкія свойства, то химикъ, подобно Вересаеву, всегда бы могъ возразить, что

онъ документальными данными докажетъ присутствіе этого ѣдкаго вещества въ лекарствѣ, и что въ своихъ химическихъ манипуляціяхъ онъ не вносилъ его извнѣ» (стр. 137).

Г. Фармаковскій своимъ примѣромъ чрезвычайно удачно охарактеризовалъ различіе точекъ зрѣнія, съ которыхъ мы смотримъ на дѣло. Тотъ напитокъ, отъ котораго мы вмѣстѣ съ г. Фармаковскимъ пьемъ, вызываетъ въ насъ совершенно различныя ощущенія. У г. Фармаковскаго онъ вызываетъ лишь ощущеніе «пріятнаго кисловатаго вкуса»; «ѣдкія свойства» можно въ немъ обнаружить лишь совершенно непозволительнымъ путемъ искусственнаго экстрагированія «всѣхъ слабыхъ и дурныхъ сторонъ медицины»; въ дѣйствительности такими свойствами напитокъ не обладаетъ. Тутъ, дѣйствительно, наше коренное, главнѣйшее разногласіе, изъ котораго вытекаютъ всѣ остальныя. Читатель видѣлъ, что г. Фармаковскій, какъ и прочіе мои оппоненты, спорилъ не о томъ, *насколько* ѣдокъ нашъ напитокъ,—онъ именно спорилъ и доказывалъ, что нашъ напитокъ есть очень пріятная на вкусъ кисловатая водица.

Но читатель видѣлъ и тѣ пріемы, къ которымъ для этого приходилось прибѣгать г. Фармаковскому. Одни вопросы онъ старался подкрасить, другіе отметалъ въ сторону успокоительнымъ замѣчаніемъ: «а развѣ въ другихъ профессіяхъ лучше»?—третьихъ, наконецъ, просто не хотѣлъ замѣчать, закрывалъ на нихъ глаза. И вотъ вопросы, полные самаго глубокаго трагизма, самой «ѣдкой кислоты», благополучно растворились въ его брошюрѣ въ невинную и пріятную на видъ кисловатую водицу...

Авторъ «Общественной хроники» въ «Вѣстникѣ Европы» (1902, № 3), отмѣчая предпринятый противъ «Записокъ» «профессіональный походъ», съ недоумѣніемъ спрашиваетъ: «что, собственно, не понравилось въ нихъ значительной части медицинскаго міра?» Подробно разобравъ содержаніе книги, онъ не находитъ въ ней ничего, что оправдывало бы вызванное ею негодованіе; единственное объясненіе оказанному ей пріему, по мнѣнію уважаемаго автора, «поневолѣ» приходится видѣть въ слѣдующемъ: «Кто забылъ тяжелыя впечатлѣнія, испытанныя въ молодости, кто хорошо устроилъ свою личную жизнь и привыкъ убаюкивать себя мыслью, что такъ же хорошо все устроено и въ окружающемъ его мірѣ, того не могла не потревожить,—а слѣдовательно, и раздражить,—книга г. Вересаева».

Я рѣшительно не могу согласиться съ такимъ объясненіемъ. Правда, въ злобныхъ инсинуаціяхъ нѣкоторыхъ изъ моихъ критиковъ слишкомъ ясно сказывается потревоженное благодушіе людей, для которыхъ ихъ личное благополучіе обозначаетъ и благополучіе всего окружающаго. Но таковы далеко не всѣ мои критики. Взять хоть бы того же г. Фармаковскаго: насколько можно судить по его брошюрѣ, онъ, повидимому, человѣкъ хорошій и симпатичный; таковы же, несомнѣнно, и

большинство моихъ оппонентовъ. Мнѣ кажется, суть здѣсь не въ эгоистической неподвижности сытаго благополучія, суть дѣла гораздо глубже и печальнѣе: она заключается въ той изсушающей, калѣчащей душу печати, которую накладываетъ на человѣка его принадлежность къ профессіи.

На всѣ явленія широкой жизни такой человѣкъ смотритъ съ узкой точки зрѣнія непосредственныхъ практическихъ интересовъ своей профессіи; эти интересы, по его мнѣнію, наиболѣе важны и для всего міра, попытка стать выше ихъ приноситъ, слѣдовательно, непоправимый вредъ не только профессіи, но и всѣмъ людямъ. Конечно, на лунѣ и солнцѣ пятна есть,—есть они и въ его профессіи; но если ихъ и можно касаться, то нужно дѣлать это чрезвычайно осторожно и келейно, чтобъ въ постороннихъ людяхъ не поколебалось уваженіе къ профессіи и лежащимъ въ ея основѣ высокимъ принципамъ... Но вѣдь всякая профессія имѣетъ дѣло съ людьми, ея темныя стороны отзываются на людяхъ страданіями и кровью? Что же дѣлать,—пусть такъ, но для тѣхъ же людей еще важнѣе, чтобы въ нихъ прочно было довѣріе къ столь необходимой для нихъ профессіи.

Такое настроеніе разумѣется, меньше всего способствуетъ энергичной и плодотворной борьбѣ съ темными сторонами профессіи; какъ возможна такая борьба, если на каждомъ шагу приходится пугливо оглядываться, не доносится ли шумъ борьбы до уха непосвященнаго человѣка. А ухо этого «непосвященнаго», какъ нарочно, удивительно чутко на такой шумъ. И вотъ самые жгучіе вопросы профессіи начинаютъ замалчиваться, начинаютъ рѣшаться каждымъ лицомъ отдѣльно, втихомолку, и наконецъ совершенно теряютъ для него всю свою «ѣдкую кислоту». И онъ ужъ вполнѣ искренно испытываетъ отъ нихъ только «пріятный кисловатый вкусъ», и съ невозмутимымъ самодовольствомъ утверждаетъ, что въ его профессіи все очень хорошо и благополучно.

Есть старое правило Канта: «дѣйствуй такъ, чтобы можно было представить себѣ, что правила твоей дѣятельности могутъ быть возведены во всеобщій законъ, обязательный для всѣхъ, чтобы при этомъ не выходило никакого противорѣчія». Это правило совершенно чуждо и не можетъ не быть чуждымъ всякому человѣку профессіи. Для такого человѣка *его* профессія есть нѣчто совершенно другое, чѣмъ всѣ остальныя. Если онъ, напр., врачъ, то будетъ искренно негодовать и удивляться, для чего это нужно скрывать отъ кого-нибудь темныя стороны судейской, адвокатской, путейской, духовной профессіи; будетъ, подобно г. Фармаковскому, отъ души восхищаться, «какъ глубоко проникаетъ великій писатель въ своемъ «Воскресеніи» въ душу засѣдающихъ за столомъ судей» (стр. 102). Но если этотъ человѣкъ принадлежитъ къ судебному міру, то по поводу того же «Воскресенія» онъ (какъ это въ дѣйствительности и было) съ негодованіемъ станетъ

утверждать, что психологическая проницательность измѣнила на этотъ разъ великому писателю, что онъ съ непозволительнымъ легкомысліемъ нарисовалъ рядъ каррикатуръ, не подумавъ о томъ, что «непосвященный читатель» по прочтеніи его романа потеряетъ всякое уваженіе къ высокимъ принципамъ состязательнаго процесса и гласнаго суда.

## VII.

Критики мои настойчиво указываютъ еще на тѣ противорѣчія, которыми полна моя книга. На протяженіи почти всего своего фельетона въ «Frankfurter Zeitung» д-ръ Нассауеръ занимается сопоставленіемъ разныхъ мѣстъ моей книги съ указаніемъ на ихъ «противорѣчивость» и на мое «колеблющееся мышленіе». Въ чемъ же заключаются эти противорѣчія? Я выступаю, напр., защитникомъ живосѣченій, доказываю ихъ неизбѣжную необходимость для науки и въ то же время разсказываю о мученіяхъ, которыя испыталъ, дѣлая научные опыты надъ обезьяной. Я говорю о трупахъ, которыми сопровождается введеніе новыхъ средствъ и изобрѣтеніе новыхъ операцій, и въ то же время заявляю: «Путемъ этого риска медицина и добыла большинство изъ того, чѣмъ она теперь по праву гордится. Не было бы риска, не было бы и прогресса; это свидѣтельствуетъ вся исторія врачебной науки». И все въ такомъ родѣ.

Противорѣчія ли это? Конечно, противорѣчія. Но дѣло въ томъ, что это противорѣчія не логическія, а противорѣчія *жизни*. Противорѣчія перваго рода устранить было бы очень легко. «Живосѣченія необходимы», «прогрессъ науки невозможенъ безъ риска». Мои противники такъ и поступаютъ. Логически выходитъ гладко, но при этомъ ни на каплю не уничтожаются тѣ жизненныя противорѣчія, которыя остаются лежать невскрытыми подъ логически безупречными фразами. Для многихъ изъ указанныхъ жизненныхъ противорѣчій я не могу найти рѣшающаго выхода. Нѣкоторыхъ изъ моихъ критиковъ это обстоятельство приводитъ въ самое веселое настроеніе. Вотъ, напр., какими вставками сопровождаетъ одинъ изъ моихъ французскихъ критиковъ выдержку изъ моей книги:

«И я думалъ: нѣтъ, вздоръ всѣ мои клятвы! Что же дѣлать? Правъ Бильротъ,—«наши успѣхи идутъ черезъ горы труповъ» (*Тремоло въ оркестрѣ!*). Другого пути нѣтъ... Но въ моихъ ушахъ раздавался скрежетъ погубленной мною дѣвочки, и я съ отчаяніемъ чувствовалъ, что у меня не поднимется рука на новую операцію» (*Занавѣсъ опускается).* «Мелодрама» закончилась.

«Что же дѣлать? Гдѣ граница дозволеннаго?—продолжаетъ цитировать меня тотъ же критикъ.—Каждую дорогу мнѣ загораживаетъ живой человѣкъ; я вижу его и поворачиваю назадъ». Нечего сказать прелестно поставленный вопросъ! Хотите вы знать отвѣтъ Вересаева?



Вотъ онъ во всей своей сложности: *я ничего не знаю!*.. Мы удовлетворены *). .»

Удовлетвориться этимъ, конечно, нельзя. Но слѣдуетъ ли отсюда, что можно игнорировать или, еще хуже, высмѣивать самый вопросъ о «живомъ человѣкѣ, загораживающемъ пути медицины»? Вѣдь какъ ни стараться отвести этотъ вопросъ въ сторону, какъ ни высмѣивать его, онъ все-таки червымъ призракомъ будетъ стоять надъ нашею наукою и неуклонно требовать къ себѣ всего вниманія людей, для которыхъ этическіе вопросы нашей профессіи не исчерпываются маленькимъ кодексомъ профессіональной этики.

Какъ это ни печально, но нужно сознаться, что у нашей науки до сихъ поръ нѣтъ этики. Нельзя же разумѣть подъ нею ту спеціально-корпоративную врачебную этику, которая занимается лишь нормировкою непосредственныхъ отношеній врачей къ публикѣ и врачей между собою. Необходима этика въ широкомъ, философскомъ смыслѣ, и эта этика прежде всего должна охватить во всей полнотѣ указанный выше вопросъ о взаимномъ отношеніи между врачебною наукою и живою личностью. Между тѣмъ даже частичные вопросы такой этики почти не поднимаются у насъ и почти не дебатируются. Не странно ли, что такой трудный и сложный вопросъ, какъ, напр., вопросъ о границѣ дозволительнаго врачебнаго опыта на людяхъ, оставляетъ совершенно безучастнымъ къ себѣ всѣ наши общества и съѣзды, что на нихъ сказано по этому вопросу, несомнѣнно, во сто разъ меньше, чѣмъ хотя бы по вопросу о врачебной таксѣ? Что же касается указаннаго общаго вопроса, то онъ, сколько мнѣ извѣстно, даже никогда и не ставился. Между тѣмъ именно онъ-то долженъ бы занимать въ медицинской этикѣ центральное мѣсто.

Но для этого прежде всего, разумѣется, нужно не скрывать и не смазывать тѣхъ противорѣчій, изъ которыхъ вытекаетъ указанный вопросъ; напротивъ, противорѣчія должны быть выяснены вполнѣ, во всей ихъ тяжелой и мучительной остротѣ. Мнѣ возражаютъ: «но вѣдь они неразрѣшимы, эти противорѣчія, они подавляютъ своею жуткою безысходностью; для чего ихъ поднимать, если выхода, все равно, нѣтъ?» А какой вообще вопросъ возможно рѣшить, если его не поднимать? Какой сколько-нибудь сложный вопросъ, будучи поднятъ, можетъ быть легко и быстро приведенъ къ окончательному рѣшенію? Рѣшенъ ли трудный вопросъ о врачебной тайнѣ,—единственный усердно дебатируемый врачами этическій вопросъ, выходящій изъ рамокъ узко-профессіональной этики? Конечно, нѣтъ. А между тѣмъ, развѣ обсужденіе его не оказалось полезнымъ? Если онъ и не рѣшенъ, то вся масса доводовъ за и противъ даетъ каждому отдѣльному врачу возможность

*) «La médecine moderne», 1902, № 24, p. 200.



легче и правильнѣе придти къ опредѣленному рѣшенію въ каждомъ данномъ случаѣ.

Иногда же и выхода-то изъ противорѣчія нѣтъ только потому, что его не ищутъ, онъ оказывается даже найденнымъ, но почти никому неизвѣстнымъ. Таковъ, напр., вопросъ о первой операціи; предварительное оперированіе на живыхъ животныхъ, какъ мы видѣли, значительно упрощаетъ его. Еще семьдесятъ лѣтъ назадъ на это мимоходомъ указалъ Мажанди, уже нѣсколько лѣтъ д-ръ А. П. Левицкій въ Москвѣ примѣняетъ это на практикѣ. Но вопросъ не поднимаемый, замалчиваемый, не требуетъ и отвѣта, и все потихоньку идетъ прежнимъ путемъ.

Какъ видимъ, среди указанныхъ «неразрѣшимыхъ» вопросовъ есть вопросы, для которыхъ существуетъ совершенно опредѣленное практическое разрѣшеніе, только нужно его поискать; возможно, что и для нѣкоторыхъ другихъ вопросовъ найдется, при желаніи, столь же удовлетворительное рѣшеніе. Оставляя въ сторонѣ возможность такого коренного, практическаго рѣшенія частичныхъ вопросовъ нашей этики и возвращаясь къ ея общей задачѣ, повторю еще разъ, что главная задача ея, по моему мнѣнію, заключается въ всестороннемъ теоретическомъ выясненіи вопроса объ отношеніи между личностью и врачебною наукою, о тѣхъ границахъ, за которыми интересы отдѣльнаго человѣка могутъ быть приносимы въ жертву интересамъ науки. Понятно, что это не есть спеціальный вопросъ какой-то особенной врачебной этики; это—большой, вѣковѣчный, общій вопросъ объ отношеніи между личностью и выше его стоящими категоріями,—обществомъ, наукою, правомъ и т. д. Но, не составляя спеціальной особенности медицинской науки, вопросъ этотъ въ то же время слишкомъ тѣсно сплетается съ нею и не можетъ быть ею игнорируемъ, не можетъ, какъ это есть теперь, въ одиночку и втихомолку, въ полной темнотѣ, рѣшаться каждымъ врачомъ отдѣльно для его собственныхъ надобностей.

Съ другой стороны, вопросъ этотъ не можетъ быть только придаткомъ на тѣлѣ медицины, онъ долженъ быть соками и кровью, насквозь проникающими весь организмъ врачебной науки. Ея тѣсная и разносторонняя связь съ живымъ человѣкомъ дѣлаетъ необходимымъ, чтобы всѣ, даже чисто научные вопросы рѣшались при свѣтѣ этого основного этическаго вопроса. И даже простая постановка его,—и та ужъ имѣла бы огромное значеніе, потому что создала бы ту этическую атмосферу, въ которой бы ярко и чутко сознавалась нами вся тонкость нашей нравственной отвѣтственности передъ обращающимся къ намъ за помощью человѣкомъ *).

*) Мысли, выраженныя въ этой главѣ, были изложены мною въ небольшой статьѣ «Объ этикѣ въ медицинѣ», помѣщенной въ *Вѣстникѣ С.-Пет. Врач. Об—ва взаим. помощи* (1902, № 1).



«Не думай,—обращается ко мнѣ въ своемъ «Отвѣтѣ» д-ръ Л. Кюльцъ, типическій нѣмецкій Фармаковскій,—не думай, что вопросъ успѣшнаго отправленія врачебной практики, прежде всего, долженъ рѣшаться съ философской точки зрѣнія. Куда приведетъ это? Куда это привело тебя? У насъ есть на этотъ счетъ прекрасная пословица, гласящая: суди, дружокъ, не выше сапога,—ne sutor supra crepitam...» *).

«Помилуйте, мы съ вами не ребята»,—не ребята, г. Кюльцъ, и не сапожники! Къ чему такое скромное мнѣніе о нашемъ «ремеслѣ»; къ чему такой трепетъ передъ философіей? Вы спрашиваете,—куда приведетъ это, куда это привело меня? Меня это привело къ глубокому убѣжденію, что узкіе вопросы врачебной практики *прежде всего* должны рѣшаться именно съ философской точки зрѣнія; и только въ этомъ случаѣ мы съумѣемъ, наконецъ, создать настоящую медицинскую этику, въ основу которой ляжетъ глубокое изреченіе одного изъ самыхъ привлекательныхъ по душевному строю врачебныхъ дѣятелей,—то изреченіе Бильрота, которое я привелъ въ эпиграфѣ:

«Мы работаемъ для человѣчества надъ самымъ труднымъ матеріаломъ, именно надъ человѣкомъ».

## VIII.

Въ заключеніе—еще одно замѣчаніе по поводу брошюры г. Фармаковскаго. Послѣднюю, заключительную главу «Записокъ», какъ это ни невѣроятно, г. Фармаковскій понялъ вотъ какъ:

«Наблюдая всѣ бѣдствія нищеты, нельзя же намъ, врачамъ, подобно Вересаеву, не считать себя въ правѣ стремиться къ улучшенію своего быта лишь только потому, что мы встрѣчаемъ людей, живущихъ еще хуже насъ. Не слѣдуетъ *стараться унизить свое соціальное положеніе до нихъ*. Не могу согласиться съ Вересаевымъ, что если дѣятельность описаннаго имъ литейщика вогнала его въ чахотку, то *и ему, Вересаеву, нельзя заботиться о своемъ здоровьѣ и объ улучшеніи своего быта...*» «Нѣтъ!—бодро восклицаетъ г. Фармаковскій,—покуда не всѣ мы дошли до такого отчаянія, какъ Вересаевъ, встанемъ мы за свои права! Улучшивъ свой бытъ, мы улучшимъ и судьбу тѣхъ несчастныхъ страдальцевъ, о которыхъ Вересаевъ упоминаетъ въ заключеніи своихъ «Записокъ» и тяжелое положеніе которыхъ не позволяло его разстроенной фантазіи заботиться о своей собственной жизни» (стр. 146—148).

Нужна большая, столь характерная для г. Фармаковскаго беззаботность по отношенію къ «небу и блистающимъ на немъ звѣздамъ», чтобъ умудриться *такъ* понять мои слова. Съ чувствомъ глубокаго

*) «Antwort», p. 31.



удовлетворенія могу отмѣтить, что все-таки не всѣ врачи, по крайней мѣрѣ, за границей, такъ безнадежно увязли въ засасывающей топи узкаго и близорукаго профессіонализма. «Изображая оборотную сторону врачебной практики,—пишетъ д-ръ Линзмайеръ о «Запискахъ»,—авторъ какъ будто грозитъ заѣхать въ фарватеръ обычныхъ врачебно-соціальныхъ статей послѣдняго времени, сосредоточивающихся въ призывѣ: «врачи, соединяйтесь противъ врага!» Но въ заключительной главѣ, гдѣ отъ маленькаго горя маленькаго врачебнаго сословія онъ обращаетъ взглядъ на большое горе большинства народа и признаетъ, что «исключительно лишь въ судьбѣ и успѣхахъ этого цѣлаго мы можемъ видѣть и свою личную судьбу и успѣхъ»,—въ этой главѣ авторъ поднимается на высоту, которая должна увлечь каждаго чувствующаго и думающаго человѣка» *).

Я глубоко убѣжденъ, что на эту «высоту», рано или поздно, необходимо должны будутъ подняться всѣ, сколько-нибудь думающіе и чувствующіе люди нашего сословія. Но почему,—спрошу я еще разъ то, что уже спрашивалъ въ «Запискахъ»,—почему такъ трудно понять это намъ, которые съ дѣтства росли на «широкихъ умственныхъ горизонтахъ», когда это такъ хорошо понимаютъ люди, которымъ каждую пядь этихъ горизонтовъ приходится завоевать тяжелымъ трудомъ?

**В. Вересаевъ.**

---

P. S. Предлагаемая статья была уже отослана въ редакцію, когда я ознакомился съ только что вышедшимъ объемистымъ трудомъ д-ра Альберта Молля «Врачебная этика» («Aerztliche Ethik». Stuttgart. Verlag v. Ferd. Enke. 1902). Книга представляетъ собою чрезвычайно отрадное явленіе: наконецъ-то громко и недвусмысленно высказывается въ врачебной печати мысль, что наша такъ наз. «врачебная этика» главнымъ образомъ занята чѣмъ угодно, только не вопросами этики. «Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ,—пишетъ авторъ въ предисловіи,—въ различнѣйшихъ странахъ появилось множество статей и книгъ, трактующихъ о врачебной этикѣ. *Но прямо поразительно, съ какою послѣдовательностью большинство авторовъ совершенно игнорируетъ важнѣйшіе вопросы врачебной этики или отдѣлывается отъ нихъ нѣсколькими строчками.* Главное свое вниманіе они обращаютъ на вопросы сословные и вопросы этикета. Существеннѣйшія этическія проблемы врачебной практики оставляются безъ всякаго вниманія». «Именно то обстоятельство,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—что попытки обращаться съ людьми, какъ съ кроликами для опытовъ, вызываютъ въ врачебной средѣ такъ мало протеста, тогда какъ въ нарушеніи сословныхъ обязанностей усматривается оскорбленіе врачебнаго сословія

*) „*Wiener Klinische Rundschau*“, 1902, № 19, p. 404.

или нанесеніе ему ущерба, показываетъ, какъ необходимо изслѣдовать истинныя этическія обязанности врача». Экспериментаторъ, спокойно привившій умирающему или душевно-больному гонорройный ядъ, совершенно искренно считаетъ себя въ правѣ съ негодованіемъ смотрѣть на врача, у котораго дощечка на дверяхъ нѣсколько превосходитъ принятый размѣръ (стр. 5).

Книга д-ра Молля есть книга о *настоящей* врачебной этикѣ; она обстоятельно разсматриваетъ тѣ тонкіе и сложные нравственные вопросы, которые въ такомъ обиліи встаютъ на каждомъ шагу нашей дѣятельности. Мнѣ пріятно отмѣтить, что въ числѣ ихъ находятся также положительно всѣ вопросы, которыхъ я касался въ «Запискахъ», и въ которыхъ мои крѣпкіе сердцемъ и нервами оппоненты видѣли лишь безцѣльное «сантиментальничаніе» и «неврастеническое копаніе въ собственныхъ ощущеньицахъ».

Авторъ обладаетъ широкимъ, гуманнымъ міросозерцаніемъ, совершенно исключающимъ кастовую узость и профессіональное мраколюбіе. Для него чѣмъ шире борьба съ темными сторонами профессіи, тѣмъ лучше. «Мы хотимъ надѣяться,—пишетъ онъ по поводу тѣхъ же опытовъ на людяхъ, — что возможно-единодушный отпоръ этимъ опытамъ какъ со стороны врачей, такъ и стороны остальной публики, положитъ имъ конецъ. Чѣмъ болѣе всеобщимъ будетъ осужденіе, тѣмъ рѣже будутъ происходить такія злоупотребленія» (стр. 570). Предоставимъ господамъ Алелековымъ испытывать «стыдъ за прибѣгающаго къ подобнымъ пріемамъ человѣка, притомъ же врача», мы же съ своей стороны можемъ только горячо привѣтствовать автора какъ за это отсутствіе свѣтобоязни, такъ и вообще за его попытку подвергнуть всестороннему разсмотрѣнію существеннѣйшіе этическіе вопросы нашей профессіи. Нельзя не пожелать, чтобъ эта полезная книга была переведена на русскій языкъ.

В. В.

# НА ОКРАИНАХЪ СИВАША.

## Сонетъ.

Багряная печальная луна
Виситъ вдали, но степь еще темна.
Луна во тьму свой теплый отблескъ сѣетъ
И надъ болотомъ красный сумракъ рѣетъ...
Ужъ поздно—и какая тишина!
Мнѣ кажется, луна оцѣпенѣетъ:
Она какъ будто выросла со дна
И допотопной лиліей краснѣетъ...
Но меркнутъ звѣзды. Даль озарена.
Равнина водъ на горизонтѣ млѣетъ
И въ ней луна столбомъ отражена;
Склонивъ лицо прозрачное, свѣтлѣетъ
И грустно въ воду смотрится она...
Поетъ комаръ. Съ болота гнилью вѣетъ...

**Ив. Бунинъ.**

---

# ВЪ СНѢГА.

Повѣсть.

*Посвящается Р. Д.*

## I.

— Наконецъ-то!.. Да что же это вы, въ самомъ дѣлѣ, Елена Сергѣевна!.. Помилуйте! Вы намъ все разстроили! Вѣдь какихъ-нибудь десять минутъ до отхода поѣзда осталось!.. Мы тутъ уже цѣлый часъ васъ ждемъ...

Говоря это, докторъ Снарскій отобралъ у Елены маленькій кожаный саквояжъ и быстро пошелъ съ нею черезъ вокзалъ къ выходу на платформу.

— А билетъ есть? Нѣтъ? Такъ куда же вы! Вотъ что значитъ хорошенькая женщина! А еще героиня, подвигъ совершить хочетъ... Не туда, не туда! Къ кассѣ!... А багажъ?

— Меня задержали,—отвѣтила Елена виноватымъ растеряннымъ тономъ, и съ удивленіемъ посмотрѣла на протянутую къ ней руку Снарскаго, который уже заказывалъ билетъ кассиру.— Ахъ, деньги! Вотъ!..

Снарскій, какъ всегда веселый, довольный собою и фамильярный, быстро взглянулъ на нее черезъ свои голубоватые очки и, засмѣявшись, неодобрительно качнулъ головою:

— Ну, идите скорѣе! Я сейчасъ догоню... Багажъ...

— Елена Сергѣевна! Да что же это вы?—раздались голоса съ другой стороны, среди суматохи вокзала.

Елена увидѣла еще знакомыя лица: двухъ врачей, товарищей по больницѣ, потомъ влюбленную въ нее курсистку съ короткими, обрѣзанными послѣ тифа волосами, и брата ея, краснощекаго студентика. Всѣ торопились, волновались, имѣли смущенный, растерянный видъ.

— Елена Сергѣевна, голубушка! Что же это? Вѣдь теперь едва проститься успѣемъ!—говорила курсистка, крѣпко схвативъ обѣими руками руку Елены.

— А докторъ вотъ бутылку шампанскаго привезъ! Распить хотѣли!...—сказалъ студентикъ, указывая рукою на подбѣгавшаго Снарскаго и глядя на Елену ласковыми, вопрошающими и огорченными глазами.

— Да гдѣ же она, наконецъ?—раздались еще голоса, когда всѣ гурьбою шли уже по платформѣ.

Елена видѣла всѣхъ, какъ сквозь сонъ, отвѣчала невпопадъ и нервно оглядывалась по сторонамъ.

— Измѣнница!—проговорила высокая, блѣдная блондинка въ черепаховомъ пенснэ.

— Ахъ, и вы, Клавдія Андреевна!—сказала Елена, вдругъ измѣнившись въ лицѣ.—Какъ это мило...

— Сюда! Сюда!.. Сейчасъ второй звонокъ...

— Шампанскаго выпить не успѣемъ!

— Нѣтъ, уже раскупориваетъ... Стаканчики скорѣе!.. Эй, человѣкъ! сюда!..

— Входите скорѣе, Елена Сергѣевна! Только мѣсто посмотрѣть и назадъ... Пустите, кондукторъ...

Снарскій, путаясь въ своей медвѣжьей шубѣ, откупоривалъ бутылку, оффиціантъ изъ вокзальнаго буфета подставилъ поднос со стаканчиками. Кучка провожающихъ толпилась у дверей вагона. Какіе-то любопытные нашлись среди общей суматохи.

— Ну вотъ! Слава Богу! Все устроено?—раздались голоса, когда Елена вышла изъ вагона.—Берите стаканъ!.. Уфъ, облился!.. Елена Сергѣевна!

— За отъѣзжающую!—провозгласилъ Снарскій, становясь въ позу съ поднятымъ стаканчикомъ шампанскаго.—За женщину, которая рѣшилась покинуть нашъ славный шумный Питеръ и своихъ многочисленныхъ поклонниковъ ради глухой деревушки и страждущей меньшой братіи нашей...

Раздался второй звонокъ. Снарскій хотѣлъ продолжать, но всѣ уже чокались съ Еленой, которая, напряженно, болѣзненно улыбаясь, расплескивала свой стаканъ.

— Ну, путь добрый! Путь добрый! Отъ всей души!..—говорилъ маленькій докторъ, сосредоточенный и взволнованный.

— Голубушка!—сквозь слезы сказала курсистка, обхвативъ одной рукой шею Елены и цѣлуя ее...—Спасибо!..

— Полноте,—отвѣтила Елена слабымъ, сдавленнымъ голосомъ, но въ эту минуту взглядъ ея встрѣтился съ холодными глазами блондинки въ черепаховомъ пенснэ, и ей показалось, что глаза эти насмѣшливо прищурились.

— Ну, выпью и я за вашъ подвигъ!—сказала блондинка, протягивая къ ней стаканъ, и въ ту минуту, какъ Елена, почти не глядя на нее, чокнулась съ нею, прибавила вполголоса:

— Мнѣ показалось, что Николай Гавриловичъ прошелъ по платформѣ! Онъ не провожаетъ?

Елена вспыхнула и поблѣднѣла.

— Не можетъ быть!—тихо проговорила она.

Кругомъ шла послѣдняя предъотъѣздная суета, прощанье, напоминанья, рукопожатія. Елена вошла уже на площадку вагона. Лица провожающихъ стояли передъ нею, какъ въ туманѣ, нѣсколько рукъ сразу тянулось къ ней еще и еще разъ. Курсистка глядѣла на нее восторженными, полными слезъ глазами, и дрожащія губы ея не могли произнести какихъ-то словъ. Маленькій взволнованный докторъ поймалъ и крѣпко трясъ ея руку. Краснощекій студентикъ, съ вѣчно короткими рукавами и озябшимъ лицомъ, старался выглянуть изъ-за махающаго шапкою Снарскаго. Раздался третій звонокъ, свистокъ...

— Не такое бы прощанье мы вамъ устроили, кабы вы, разбойница, не такъ...—крикнулъ Снарскій. Поѣздъ тронулся. Курсистка и студентикъ побѣжали по платформѣ, махая платками...

Еленѣ вдругъ показалось, что она не успѣла проститься съ ними, стало до слезъ жалко ихъ. „Никогда больше не увидимся", мелькнуло у нея. Что-то оторвалось отъ души, она покачнулась и, подавляя душившія ее рыданія, быстро вошла въ вагонъ.

## II.

Здѣсь было тепло, почти жарко, и послѣ долгой дороги на извозчикѣ по морозу и послѣднихъ минутъ на вокзалѣ, среди общаго волненія, эта удушливая спертая жара охватила Елену, какъ внезапно подступившій сонъ. Не снимая ротонды и шапочки, осыпанныхъ брызгами растаявшаго снѣга, она устало опустилась на сѣрую пружинную скамью и на секунду закрыла горячія, измученныя бэзсонницею глаза. Но сумбурная сцена торопливыхъ, неудавшихся проводовъ сейчасъ же тяжело всколыхнулась въ ней, и среди хаоса впечатлѣній мелькнули холодные сѣрые глаза за черепаховымъ пенснэ и эти, словно опалившія ее слова: «Кажется, Николай Гавриловичъ прошелъ по платформѣ». Что это? Она нарочно сказала? Чтобъ подразнить, испытать? Значитъ, догадалась?.. Или...—?

— Вы бы раздѣлись. Жарко въ вагонѣ,—ласково сказала старая дама, сидѣвшая на противоположномъ диванѣ. Елена только въ эту минуту замѣтила ее.

— Да, да, благодарю васъ,—сказала она, чувствуя безпокойство при мысли, что ей помѣшаютъ думать, и торопливо сбросила ротонду въ угоду этой ласковой дамѣ.



«Что это значитъ: прошелъ по платформѣ? Случайно? Или узналъ про ея отъѣздъ и хотѣлъ проводить...»

Сердце сжалось у Елены отъ боли при этой мысли. Уѣхать, не простившись—какой борьбы съ собой ей это стоило! За полъ часа до отъѣзда на вокзалъ она уже готова была отказаться отъ этой рѣшимости, отложить отъѣздъ на одинъ день, или хоть написать... Чуть на поѣздъ не опоздала изъ-за этихъ колебаній и попытокъ написать ему, сообщить о своемъ отъѣздѣ въ запискѣ. Ничего не выходило. Каждая написанная ею строка выдавала ея тайну или звучала натянуто и фальшиво. Нѣтъ, дѣйствительно, лучше было уѣхать, не простясь. А потомъ, когда она уже ѣхала по Невскому, все время мучилъ ее страхъ увидѣть его, и все вновь и вновь казалось, что вотъ—это его лицо мелькнуло въ встрѣчныхъ саняхъ или среди толпы на тротуарѣ.

— Насколько я поняла, вы въ деревню врачомъ ѣдете?— заговорила опять старая дама.

— Да, врачомъ.

— Далеко?

— Въ Ярославскую губернію.

— На земскую службу?

— Да.

— Такая молоденькая!.. И не боитесь вы?.. Вотъ ужъ, подлинно, наши русскія женщины!.. Дай вамъ Богъ силъ на этотъ подвигъ...

Елена молчала. Мучительно было слышать эти слова, также какъ и рѣчь Снарскаго, и все, что говорили ей передъ отъѣздомъ товарищи по больницѣ и немногіе знакомые, съ которыми она успѣла проститься. Стыдно было: словно она обманывала ихъ всѣхъ. Никто не понялъ. Одна эта Клавдія Андреевна, можетъ быть. Она рада! Она-то не уѣдетъ, она будетъ добиваться своего, хоть и разсуждала тогда, у нихъ на журъ-фиксѣ, что взаимная любовь сентиментально-смѣшна, что красива только гордая нераздѣленная любовь. Въ дѣйствительности она не задумается разбить эту семью, погубить эту маленькую Маню. Она только при немъ, изъ приличія, сдерживается, а за глаза ехидно называетъ ее «черной овечкой»; даже во время ея болѣзни говорила разныя словечки на ея счетъ... Словно она не видѣла, что тутъ и безъ того драма, неравенство, непониманіе... Чего же она хочетъ? Чтобы онъ прогналъ отъ себя эту безпомощную одинокую женщину, которая не перестаетъ плакать о своемъ ребенкѣ? Или...—?

И вдругъ Еленѣ представилось, что эта умная, недобрая дѣвушка уже добилась своего. Можетъ быть, оттого онъ и былъ такой странный, смущенный въ послѣднее время... Судорожная

боль ревности схватила душу Елены—той ревности, которая заставила ее недѣлю тому назадъ понять все безуміе своей любви и рѣшиться на этотъ отъѣздъ.

Все теперь ясно. Но какъ глупо и стыдно, что она не разобралась во всемъ этомъ съ самаго начала, что она даже собственнаго сердца не поняла... Первые дни ея любви ярко вспомнились ей, и этотъ глупый вопросъ, который вдругъ вспыхнулъ въ ней тогда среди жаркаго, радостнаго волненія: «Что это такое? Онъ любитъ? Я люблю?..» Стыдно и смѣшно...

Но отчего же при каждомъ свиданіи вновь и вновь вспыхивало въ ней это смутное, томительное и радостное ощущеніе? Даже потомъ, когда она ясно сознавала, куда завела бы ее эта любовь... И даже тогда, когда она уже все поняла, когда вмѣстѣ съ ревностью лихорадка страсти охватила ея душу, и она проклинала и самое себя, и эту Клавдію, способную отнять мужа у несчастной, страдающей женщины, и уже рѣшилась ѣхать—и тогда все еще дрожала въ ней минутами какая-то тайная надежда, и словно неразразившаяся гроза висѣла въ воздухѣ... Оттого такъ страшно трудно было уѣхать, особенно—уѣхать, не простясь. Безумно хотѣлось видѣть его, посмотрѣть, какое впечатлѣніе произведетъ на него извѣстіе объ ея отъѣздѣ...

Поѣздъ остановился. Елена взглянула въ окно, по стеклу котораго морозъ уже раскидалъ легкіе прозрачные узоры. Какой-то занесенный снѣгомъ полустанокъ. За нимъ кладбище. Кто-то пробѣжалъ по деревянной платформѣ. Въ вагонѣ распахнулась дверь...

— Елена Сергѣевна!—громко, слегка задыхаясь, окликнулъ знакомый голосъ.

Елена вскочила, смертельно блѣдная, какъ пораженная внезапнымъ видѣніемъ: тотъ, о комъ она думала, стоялъ передъ нею.

— Пойдемте со мною. Скорѣе. Я васъ прошу,—проговорилъ онъ.—Скорѣе!

Елена ничего не понимала. Сердце тяжело колотилось у нея въ груди. Карамышевъ схватилъ ея ротонду.

— Въ сосѣдній вагонъ. Пока поѣздъ стоитъ.

Онъ набросилъ ротонду ей на плечи и быстро пошелъ къ выходу мимо удивленныхъ пассажировъ. Елена едва поспѣвала за нимъ. У нея нѣмѣли и дрожали колѣни. Она съ трудомъ перешла по маленькой скользкой площадкѣ, соединявшей вагоны. Карамышевъ, не оборачиваясь, прошелъ по узкому корридору и отворилъ дверь въ купэ.

— Сюда. Войдите пожалуйста. Я васъ прошу... Мнѣ нужно говорить съ вами...

Онъ продолжалъ задыхаться, какъ отъ быстрой ходьбы. Елена,

покачнувшись на ходу поѣзда, опустилась на мягкую красную скамью и, словно прячась, подвинулась въ полутемный уголъ. Каріе глаза Карамышева лихорадочно блестѣли передъ нею на поблѣднѣвшемъ, словно измѣнившемся лицѣ.

— Елена Сергѣевна! Я... испугалъ васъ? Простите! Но вѣдь вы... Мнѣ только сегодня сказали, случайно... За часъ до отхода поѣзда...

— Кто сказалъ?—глухо проговорила Елена, глядя передъ собой остановившимся взглядомъ.

— Кто? Не все ли равно!.. Ну, Клавдія Андреевна.

— Зачѣмъ она сказала?

Въ голосѣ ея прозвучалъ гнѣвъ, отчаяніе. Пристально устремленный на нее, серьезный, почти строгій взглядъ Карамышева словно выпытывалъ ея тайну. Ей было душно, больно въ груди.

— Зачѣмъ? Какъ зачѣмъ?.. Постойте я сброшу шубу, жарко. Я стоялъ на площадкѣ все время...—Онъ нервно отеръ платкомъ мокрые отъ инея усы и бороду и отшвырнулъ шапку.—Вы не ожидали?.. Почему вы такъ разстроены?.. Постойте, словъ совсѣмъ не нахожу... Или это одно недоразумѣніе?.. Почему вы такъ уѣхали? Не сказавъ?

Елена дышала все глубже и глубже.

— Почему вы рѣшились ѣхать?—повторилъ онъ тихо, наклоняясь къ ней съ противоположной скамейки и протягивая руки къ ея безсильно упавшимъ рукамъ. Онъ быстро пересѣлъ къ ней и продолжалъ говорить скоро, отрывисто, все тише и тише:

— Скажите правду, Елена Сергѣевна! Надо же объясниться, по крайней мѣрѣ! Неужели... Господи Боже мой!.. Неужели... неужели полюбить такъ страшно?

Елена сидѣла неподвижно, какъ бы не смѣя вѣрить тому, что звучало въ его взволнованномъ, нѣжно укоряющемъ и умоляющемъ голосѣ. Онъ схватилъ ея руку и крѣпко, до боли сжалъ ее. Вдругъ по ея лицу разлилась горячая краска. Она сдѣлала усиліе, чтобы взглянуть на него, но глаза ея налились слезами.

— Я не хотѣла, чтобы вы догадались!—прошептала она непослушными губами.

— Чтобъ я догадался? Какъ?.. Что вы говорите!.. Вы скрыть отъ меня думали?.. Зачѣмъ? И развѣ это возможно? Развѣ возможно, когда это такъ... Развѣ родныя души могутъ не полюбить другъ друга?.. Развѣ это такъ просто у насъ съ вами?.. Полноте, что вы говорите!

Елена слушала эти простыя, страстныя, убѣжденныя слова, и душа ея наполнялась чувствомъ безконечной близости къ нему. Она вспомнила о своихъ ревнивыхъ сомнѣніяхъ, и они показались ей такими мелкими, такими недостойными его.

— Я не знала!—тихо воскликнула она.

Онъ посмотрѣлъ на нее съ недоумѣніемъ, не выпуская ея руки.

— Я думала... совсѣмъ другое...—прибавила она, и рука ея задрожала въ его рукѣ и довѣрчиво сжала его пальцы.

— Милая!..—тихо сказалъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.—Что вы могли думать?.. Вѣдь все такъ ясно было съ самаго начала!.. Клевещите вы на себя, что ли? Вѣдь я съ первыхъ же дней по вашимъ глазамъ видѣлъ, что вы все поняли... все положеніе вещей... всю эту мучительную драму...

— Я не о томъ!—быстро перебила Елена, и невольно отняла свою руку.

— Такъ что же тогда?—спросилъ онъ съ изумленіемъ, и замолчалъ.—Моя жена сказала вамъ, что я влюбленъ въ эту... въ эту переводчицу съ испанскаго, Клавдію?—спросилъ онъ вдругъ съ негодованіемъ, словно вспомнивъ что-то.—И вы повѣрили? Могли повѣрить?

— Нѣтъ, нѣтъ, она ничего мнѣ не говорила, клянусь вамъ!—воскликнула Елена и посмотрѣла прямо въ глаза ему широко открытыми глазами.—Ахъ, вы не знаете, какая я сумасшедшая!.. Если бы вы знали...

— Боже мой! И вы могли уѣхать, не объяснившись!—задумчиво сказалъ Карамышевъ.—Неужели вы настолько, настолько меня не поняли?

Въ словахъ его прозвучалъ грустный упрекъ.

— О, нѣтъ, не потому, что я васъ не понимаю!—порывисто отвѣтила Елена.—А потому... что когда любишь... такъ любишь... Господи, еслибъ вы только знали, какъ я мучилась!..

Онъ схватилъ ея руки, быстро поцѣловалъ ихъ и прижалъ къ своимъ глазамъ.

— Теперь все хорошо!—сказалъ онъ, помолчавъ.

Лицо его было серьезно и блѣдно, горячія вѣки слабо вздрагивали подъ ея пальцами.

— Ты не уѣдешь?—тихо спросилъ онъ.

Елена молчала. Ощущеніе его близости, его любви, здѣсь, въ этомъ уединеніи, вытѣснило всѣ мысли. Въ душѣ ея трепетало горячее, свѣтлое, робкое счастье.

— Ты не уѣдешь?—повторилъ онъ, опуская ея руки и глядя ей прямо въ глаза. Въ глубинѣ его прозрачно-карихъ глазъ Елена прочла грустную мысль и тревогу, которыя она такъ часто видѣла въ нихъ съ перваго же дня знакомства. И этотъ взглядъ напомнилъ ей всѣ настоящія, серьезныя причины ея отъѣзда. Но теперь все такъ измѣнилось и такъ несомнѣнно было ощущеніе его любви, что прежнія мысли о необходимости отъѣзда, всплывъ



въ сознаніи, казались безболѣзненными. Онѣ были ясны и отчетливы, эти мысли, но самая разлука стала какъ будто пустымъ словомъ.

— Развѣ я могу не ѣхать!—тихо выговорила она со свѣтлымъ лицомъ.

— Почему?

Взглядъ его и затуманился, и загорѣлся острою грустью.

— Вы сами знаете!—прошептала Елена. Его грусть сообщалась и ей.—Развѣ вы не думали обо всемъ этомъ?—прибавила она съ усиліемъ.

— Думалъ. Я знаю, что это ужасно сложно.

Грусть быстро разросталась въ душѣ, какъ темная туча, заслоняющая солнце. То, о чемъ нужно было еще и еще думать и говорить, было такъ сложно и такъ тяжело...

Наступило молчаніе. У Елены кружилась голова. Она встала и прислонилась горячимъ лбомъ къ оконному стеклу.

Въ купэ постепенно стемнѣло, и кондукторъ вставилъ въ фонарь зажженную свѣчу.

— Елена Сергѣевна!—окликнулъ Карамышевъ.

Елена обернулась.

— Сядьте. Поговоримъ, по крайней мѣрѣ,—продолжалъ онъ, и подвинулся, указывая ей мѣсто недалеко отъ себя.—Мнѣ о многомъ спросить васъ надо... Я былъ такъ ошеломленъ вашимъ отъѣздомъ. Вѣдь вы ничего не говорили о такомъ проектѣ.

— О такомъ проектѣ?—отозвалась Елена съ грустной усмѣшкой.—Да вѣдь раньше мнѣ и въ голову не приходило ничто подобное. Я такъ отвыкла отъ деревни. Съ тѣхъ поръ, какъ въ Цюрихъ уѣхала, совсѣмъ не была въ деревнѣ. Признаюсь, мнѣ всегда казалось, что нужна какая-то особенная рѣшимость, чтобы поѣхать туда, на земскую службу. У меня бы на это геройства не хватило, если бы такъ... попросту. Оттого такъ скверно было на душѣ это время, особенно сегодня... Хорошо, что вы не видѣли! Эти проводы, фальшь... Вѣдь они всѣ подумали, что я... по убѣжденію ѣду.

— Елена Сергѣевна! Да развѣ же можно дѣлать такія вещи безъ убѣжденія, безъ призванія настоящаго?—почти строго сказалъ Карамышевъ.

— Безъ призванія?—сказала она, опустивъ голову.—Какъ же быть?.. Вѣдь въ этомъ смыслѣ я вообще... Какъ странно, что я никогда не говорила вамъ этого раньше, никому не говорила, хотя это мое вѣчное мученіе... Вѣдь я вообще... какъ бы это сказать?—не чувствую себя настоящимъ врачомъ! Я могу лѣчить, конечно, иногда и удачно, можетъ быть... потому что я училась, ну и отъ добросовѣстности многое зависитъ. Но я по-



стоянно чувствую, что для меня это не то, что я безсильна въ этой области, бездарна, если хотите. И потомъ... это такіе сложные вопросы, трудно такъ, наскоро высказать... Теперешняя медицина мнѣ кажется... мертвою, почти мертвою. И все, о чемъ я сама постоянно думаю, что меня интересуетъ, всѣ мои лучшія мысли идутъ совсѣмъ въ другомъ направленіи, не пригодны для моего дѣла. Иногда думается: что-жъ тѣло отъ смерти спасать, если душу нельзя спасти отъ смерти или отъ мученій ужасныхъ!..

— Я понимаю,—сказалъ Карамышевъ.

Елена поймала его свѣтящійся, вдумчивый взглядъ, и вдругъ просіяла.

— Ахъ, это счастье!—сказала она.—Это счастье, когда понимаютъ! Никогда я не могла говорить ни съ кѣмъ по настоящему. Мнѣ кажется иногда, если бы я не была такъ одинока, если бы не такъ трудно сходилась съ людьми, совсѣмъ другое было бы изъ меня, совсѣмъ другое! Такъ—я ничто. Можетъ быть, это потому, что я женщина.

— Нѣтъ, Елена Сергѣевна, не потому только. Вѣдь и я тоже...—совсѣмъ оживать сталъ въ послѣднее время. Не подъ силу одиночество. Мысли стынутъ, пересыхаютъ какъ-то. Можетъ быть, и есть люди, которымъ это не такъ важно. Но мнѣ кажется, что способность къ одиночеству не въ нашемъ, не въ русскомъ характерѣ. Намъ въ одиночествѣ жутко. Очень ужъ глухо у насъ, если нѣтъ близкихъ людей. Точно какая-то снѣжная пустыня кругомъ. Словно одинъ въ полѣ остался, и мятель тебя заноситъ...

Елена молчала.

— Вы не должны уѣзжать!—заговорилъ опять Карамышевъ съ горячностью.—Вѣдь вы сами сказали... Развѣ вы вынесете при такихъ условіяхъ?.. Да нѣтъ, и не въ этомъ только суть. А просто... вы же знаете теперь, какъ вы мнѣ нужны! Вѣдь нѣтъ оправданія вашему отъѣзду!.. Даже если такъ разсуждать — не съ личной точки зрѣнія только, не говоря уже объ этомъ,—вѣдь въ Петербургѣ вы настоящее дѣло сдѣлали бы, со мной вмѣстѣ сдѣлали бы. Разрѣшить страшный, назрѣвшій вопросъ помогли бы мнѣ, свой умъ, свою совѣсть въ это внесли бы... Помните, я заговорилъ съ вами тогда объ этомъ проклятомъ вопросѣ — объ моей фабрикѣ. Вѣдь нельзя этого такъ оставить или заняться жалкими компромиссиками. Вѣдь хорошо теоретически разсуждать объ этомъ тѣмъ, которые вдали отъ этого стоятъ или которые не чувствуютъ, какъ слѣдуютъ. Но если судьба въ самый центръ этого безобразія поставила, и видишь, и чувствуешь это... и жутко, и гадко на самого себя становится!.. Тутъ вѣдь всю свою жизнь надо перевернуть, самого себя вглубь и вширь измѣрить, всѣ силы собрать—и рѣшить, и сдѣлать что-нибудь, настоя-

щее что-нибудь, чтобы не остаться жалкимъ пошлякомъ передъ самимъ собою. Или вы не вѣрите, что я настоящій человѣкъ?

— Вѣрю!—сказала Елена, и взглядъ ея загорѣлся.

— А если вѣрите, Елена, такъ зачѣмъ же тогда... зачѣмъ вамъ ѣхать въ эту глушь, гдѣ вы будете чужими знаніями орудовать, а не своею душою, и сами застынете постепенно? Помните, мы говорили о томъ, что такое подвигъ и что такое мученичество? Такъ вѣдь и въ такомъ смыслѣ не подвигъ это, то, что вы теперь сдѣлать рѣшились... Не подвигъ бѣжать отъ меня потому только, что я женатъ...

— Но какъ же тогда?—проговорила Елена, вспыхнувъ.

— Я не знаю, Елена Сергѣевна! Я не знаю еще въ эту минуту! Я знаю только, что дольше тянуть эту мою жизнь, по старому, я все-равно не могу... Слишкомъ измучился...

— Сколько лѣтъ вы женаты?—быстро перебила Елена.

— Вы развѣ не знаете? Три года. Какимъ страннымъ тономъ вы это спросили! Вы словно упрекаете меня. Но вѣдь нужно знать, какъ все это сложилось...

— А! все-равно, все-равно, какъ это сложилось!—заговорила Елена съ гнѣвнымъ отчаяніемъ. — Такъ недавно!.. И неужели вы тогда?...

— Не зналъ, что дѣлаю? Зналъ, конечно, не мальчикъ былъ! То-есть зналъ и не зналъ. Теперь долго разсказывать. И тяжело. Тяжело, что оправдываться передъ вами приходится, когда чувствуешь, что и нельзя, можетъ быть, оправдаться, — теперь, когда всѣ ошибки такъ ясны стали и все такъ осложнилось! Прежде просто казалось. Я не думалъ, не вѣрилъ, что любовь опять придетъ—настоящая, глубокая, спасающая... Она одинока была,—отецъ у нея умеръ тогда, никого не осталось. Молода была. Воспитать ее надѣялся, сдѣлать изъ нея развитого человѣка, здороваго, молодого товарища себѣ. Усталъ жить съ изломанными современными людьми... Долго разсказывать, вы не знаете моего прошлаго. Позорнаго въ немъ не было,—муки много было, безнадежной, безплодной муки. Новую жизнь хотѣлъ начать...

— И что же?—перебила опять Елена.

— Что же? Пустяки изъ виду упустилъ! Забылъ, что по мѣрѣ того, какъ она развиваться будетъ, я тоже пойду впередъ, можетъ быть, скорѣе, чѣмъ она. Въ обществѣ ребенка еще сильнѣе чувствуешь свое одиночество. До поры до времени это ничего. Но когда душа и голова ломятся отъ серьезныхъ вопросовъ, когда стоишь на распутьѣ, и нужно, можетъ быть, всю жизнь перевернуть...—ужасно! за одну банальную фразу можно возненавидѣть въ иную минуту...

— Но вѣдь она не виновата!—робко сказала Елена.

— Нѣтъ, не виновата, конечно. Развѣ я виню?.. Но оставить все по старому, жить съ ней вмѣстѣ, при этомъ вѣчномъ взаимномъ непониманіи... и теперь, теперь!.. когда вся душа, все существо.... Я думалъ объ этомъ,—тихо продолжалъ Карамышевъ, помолчавъ,—ночи напролетъ думалъ послѣднее время... Ничего сказать вамъ не смѣлъ, пока не рѣшу. Но вѣдь надо же на что-нибудь рѣшиться, если... если не могу я безъ васъ жить!..

Елена низко склонила голову и закрыла лицо руками. Она едва слышала его слова. Она собирала послѣднія силы, стараясь удержать ускользающіе образы грустной живой дѣйствительности. Все зависѣло теперь отъ нея самой.

— Нѣтъ!—сказала она вдругъ, уронивъ на колѣни руки и широко раскрывъ глаза.—Нѣтъ, нѣтъ!.. О Боже мой!.. Куда же она тогда?.. Вѣдь у нея нѣтъ никого... Нѣтъ, никогда бы я не могла, никогда!.. Вѣдь когда я думала, что эта Клавдія...—я осуждала ее!.. И потомъ... я лѣчила... я и познакомилась то изъ-за этого... я бы и не знала васъ...

— Это случайность!—глухо проговорилъ Карамышевъ.

— Нѣтъ! Все-равно! Черезъ нее... перейти...—отстранилась.— Нѣтъ!.. Я бы не нашла себѣ покоя... Я бы свою душу потеряла. Вѣчная тоска была бы, вѣчная, вѣчная...

Карамышевъ молчалъ.

— Вы какъ будто думаете, что счастье у нея отнимаете!—сказалъ онъ, наконецъ, съ горечью. — Развѣ такъ, какъ теперь, ей хорошо?

— Постарайтесь что-нибудь сдѣлать для нея!—грустно, почти умоляюще отвѣтила Елена.

— Сдѣлать? Боже мой! Что тутъ можно сдѣлать? Вѣдь ей любовь моя нужна. Въ ней женщина проснулась. Я хотѣлъ человѣка въ ней разбудить, а разбудилъ только женщину. Ей теперь ребенокъ былъ бы всего нужнѣе... Ахъ, зачѣмъ я вамъ это говорю! Вы сами это поняли... Но вы не поняли, не видите, на что вы меня обрекаете, уѣзжая отъ меня...—на какое одиночество... и на какое безсиліе...

— Вы не должны быть безсильны! Вы должны...

— А! долженъ! Боже ты мой, конечно, долженъ! Перевернуть всю жизнь надо, нерѣшенные вопросы рѣшить... Легко сказать! Когда ни одной живой души не видишь подлѣ себя! Я васъ о помощи прошу, а вы...

— Николай Гавриловичъ!—перебила его Елена съ внезапно просвѣтлѣвшимъ лицомъ. — Такъ развѣ же я... Вѣдь я сама ничего не знаю! Вѣдь я отъ васъ перваго услышала о многомъ... Вѣдь я только слушать могла, когда вы говорили!

— Но какъ слушать! Въ этомъ-то и дѣло. Или вы не понимаете, что это значитъ для мужчины? Вѣдь я въ вашихъ глазахъ самъ себя впервые увидѣлъ, впервые по настоящему мыслямъ своимъ вѣрить сталъ... Потому что я вѣрю имъ, вашимъ глазамъ, Елена, душѣ вашей, совѣсти вашей вѣрю....

Онъ протянулъ къ ней руки, быстро всталъ и, опустившись подлѣ нея, съ неожиданною силою привлекъ ее къ себѣ. Елена отшатнулась, взглянула испуганными, широко раскрытыми глазами въ его глаза и вдругъ, обхвативъ руками его голову, прижала сомкнутыя губы къ его горячимъ губамъ.

Все забылось. Ничто не противилось въ ней больше. Вся ея душа шла навстрѣчу его стремительнымъ поцѣлуямъ, разносившимъ по тѣлу жгучую радость. Теперь она чувствовала, что это хорошо, что такъ надо... Пальцы ея дрожали на его волосахъ, и сердце тихо смѣялось. „Вѣдь это ты, ты!"—хотѣла она сказать, чувствуя потребность выразить словами то безконечное довѣріе, съ какимъ она прижималась къ нему и искала его поцѣлуевъ. Но эти слова прозвучали нѣжнымъ голосомъ только внутри нея, она ничего не сказала... Она вдругъ замерла, потому что, схвативъ ея руку, онъ до боли стиснулъ ее и слегка отстранилъ отъ себя. Лицо его поблѣднѣло...

Елена взглянула на него—судорога страсти пробѣжала и по ея сердцу. Она вскочила.

— Что это!—проговорила она, задыхаясь.—Нельзя!..

Онъ молча смотрѣлъ на нее, словно не понимая.

— Нельзя! Нельзя!—громко проговорила она.—Вѣдь я же ѣду. Вѣдь я уже сказала. Я не хочу... Мнѣ страшно!..

Лицо его сразу измѣнилось. Взглядъ померкъ.

— Полноте, что вы говорите, Елена!—сказалъ онъ съ тихимъ упрекомъ.—Развѣ я... насильно!

— Ахъ, нѣтъ!—воскликнула Елена,—протянула къ нему руки, но сейчасъ же быстро подняла ихъ и стиснула свою горящую голову.—Простите меня!—быстро и страстно заговорила она, стараясь устоять противъ той силы, которая опять влекла ее къ нему.—Простите меня! Я сама не помню, что говорю. Я только знаю, что разстаться нужно... сейчасъ же, сейчасъ. Потому что у меня въ головѣ путаться начинаетъ. Я сейчасъ забуду—забуду все, что думала объ этомъ. Вѣдь мы же рѣшили! Вѣдь нѣтъ другого спасенья. Я не могу иначе... Я васъ прошу—сейчасъ...

Она смотрѣла ему въ лицо умоляющими сумасшедшими глазами.

— Почему сейчасъ?—спросилъ Карамышевъ глухимъ голосомъ.—Мы еще не поговорили, какъ слѣдуетъ.

— Нѣтъ, вѣдь все ясно! Мнѣ все ясно. Я бы зарѣзалась, если бы... если бы осталась. Я не могла бы забыть объ ней... я бы... Я не хочу отнимать васъ у нея,—я же сказала!.. Какъ это мучительно, что поѣздъ идетъ...

— Поѣздъ сейчасъ остановится. Я могу уйти, если вы этого требуете,—сказалъ Карамышевъ. Онъ порывисто всталъ и надѣлъ шубу.

Елена закрыла глаза. Ей казалось, что она сейчасъ лишится сознанія.

— Мы могли бы остаться друзьями!—услышала она тихій голосъ Карамышева.

Она взглянула на него, хотѣла что-то сказать, но губы ея дрожали. Она отрицательно качнула головой.

— Почему нѣтъ?—сказалъ Карамышевъ тѣмъ же тихимъ тономъ.—Неужели полное одиночество лучше для васъ и для меня?..

Елена опять качнула головой.

— Почему?—настойчиво спросилъ онъ.—Развѣ вы... моему самообладанію не довѣряете?

Елена сдѣлала какое-то протестующее движеніе: „своему самообладанію не довѣряю", хотѣла она сказать, но у нея вырвался только отрывистый, стонущій вздохъ. — Это была бы мука!—тихо выговорила она, наконецъ.—И... самообманъ!

Поѣздъ засвистѣлъ и сталъ замедлять ходъ.

Теперь ей показалось, что она должна что-то объяснить ему, что между ними осталось недоразумѣніе, что онъ не понялъ всей силы и муки ея любви, что онъ оскорбленъ и уже не любитъ ее такъ, какъ нѣсколько минутъ тому назадъ..

Но поѣздъ былъ уже у станціи.

— Я ухожу,—съ усиліемъ выговорилъ Карамышевъ..

Елена опустила лицо на руки. Онъ подошелъ и склонился надъ нею.

— Я не могу вѣрить, что мы разстанемся,—заговорилъ онъ, торопясь.—Теперь—это ваше рѣшеніе, но вѣдь... вы напишете мнѣ?

На платформѣ раздался звонокъ.

— Идите! вскрикнула Елена.

— Вы будете писать мнѣ?—повторилъ онъ, уже распахнувъ дверь въ коридоръ вагона.

Ужасъ вѣчной разлуки сжалъ ея сердце, судорога безсильнаго негодованія на судьбу и злого отчаянія:

— Нѣтъ!—крикнула она на его вопросъ и выбѣжала за нимъ на площадку вагона.

— Идите, вы простудитесь!—быстро и глухо проговорилъ онъ, поцѣловавъ ея руку, и въ ту секунду, когда раздался свистокъ



кондуктора, внезапно обернулся, нѣсколько разъ поцѣловалъ ея лицо и на ходу поѣзда спрыгнулъ на платформу...

Елена шатаясь вернулась въ пустое купэ, задернула за собой дверь нетвердой рукою и бросилась внизъ лицомъ на длинную бархатную скамью.

## III.

... Что это было? Сонъ?

Елена приподнялась: передъ ней стоялъ кондукторъ и что-то спрашивалъ.

Ей показалось, что все пережитое, на минуту задернувшееся тяжелымъ, недолгимъ забытьемъ, просто пригрезилось ей. Но она была въ томъ же купэ, куда онъ привелъ ее и откуда ушелъ, и мысль, что это былъ не сонъ, а правда, въ первое мгновеніе охватила ее счастьемъ.

— Господинъ вамъ билета на купэ не оставили?—вѣжливо сказалъ кондукторъ.

— Нѣтъ!—отвѣтила Елена, вспыхнувъ.—У меня билетъ второго класса. Я перейду.

— Все равно. Можете и остаться, ежели желаете. Билетъ былъ до Бологова,—сказалъ кондукторъ.—Такъ что мы васъ не побезпокоимъ. Вещи, можетъ быть, перенести прикажете?

— Да пожалуйста,—съ нѣкоторымъ смущеніемъ сказала Елена, и объяснила, гдѣ найти ея вещи.

Ей не хотѣлось уходить изъ этого купэ. Мысль, что оно было взято имъ для нея на такое большое разстояніе, отозвалась въ ея сердцѣ грустью и теплотою. Она чувствовала себя здѣсь словно подъ его покровительствомъ.

Кондукторъ принесъ ея вещи. Она размѣстила ихъ и легла на диванъ. Лицо ея горѣло, вѣки отяжелѣли. Измученная душа хотѣла отдаться покою. Она закрыла глаза, но вдругъ содрогнулась и вся затрепетала, словно онъ вновь обжегъ ее поцѣлуемъ. Она старалась вспомнить все, что было, все, что онъ говорилъ, но воспоминанія путались,—все сливалось въ волнующее сознаніе и ощущеніе его любви. „Ахъ, если бы я знала!" думала она. Муки предыдущихъ дней казались ей напрасными.

Но вдругъ она приподнялась, какъ бы вновь просыпаясь: она ѣдетъ, да, вѣдь она ѣдетъ—въ эту даль, въ неизвѣстное глухое мѣстечко, и она не вернется больше. Она ясно сознавала это, и все-таки не вѣрила... Но вѣдь его уже больше нѣтъ съ нею! Все уже кончено. Она сама сказала, сама требовала, чтобы онъ ушелъ скорѣе. Она могла бы еще побыть съ нимъ, и тогда, можетъ быть, все повернулось бы иначе... Непонятнымъ казалось

ей теперь, какъ она могла съ нимъ разстаться, ускорить эту разлуку. Теперь у нея не хватило бы воли. Она сама словно чувствовала въ ту минуту, что черезъ полъ-часа разлука станетъ непосильной. Когда неожиданное счастье раскрывается передъ человѣкомъ, все кажется ему легко, онъ на все готовъ, готовъ даже отречься отъ этого счастья, словно не понимаетъ, что это значитъ—лишиться его... А теперь поздно... Онъ просилъ ее остаться, онъ говорилъ, что она нужна ему, что онъ одинъ безъ нея! И у нея хватило духу отказаться, отказать ему? Непонятно!..

Елена съ трудомъ приподняла и положила на горячій лобъ свои оледенѣвшія руки. Все ея тѣло было теперь какъ бы сковано. Голова казалась пустой и тяжелой. „Кажется, я заболѣваю", подумала она, не имѣя силъ вернуться къ настоящимъ своимъ мыслямъ. Ей хотѣлось вновь вызвать въ себѣ то жгучее и радостное содроганіе, которое она испытывала нѣкоторое время тому назадъ при воспоминаніи о его поцѣлуяхъ, но она уже не могла себѣ больше представить, какъ это было и дѣйствительно ли это было. Сознаніе туманилось дремотой...

Вдругъ въ воображеніи ея отчетливо прозвучалъ его взволнованный, трепетный голосъ: „...Неужели полюбить такъ страшно?.." Сердце ея дрогнуло. Да, такъ сказалъ онъ ей, раскрывая сразу и свое, и ея чувство, сразу отбросивъ всѣ преграды, стоявшія между ними... Глаза ея подернулись слезами. Онъ понялъ, онъ догадался, что она полюбила его. Она старалась скрыть и не смогла! Смущеніе, похожее на стыдъ, шевельнулось въ ней: вѣдь она думала, что онъ ее не любитъ, и все-таки выдала свою тайну. Но этотъ стыдъ сейчасъ же перешелъ въ радостное довѣріе къ нему, и ей хотѣлось вновь прижаться къ нему и спрятать свое лицо на его груди. Вѣдь это ничего, что она выдала свою тайну: онъ любилъ ее.

„А если и другіе догадались?" вдругъ подумала она, и поблѣднѣла. Все сразу воскресло въ памяти, всѣ муки послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ, все, что заставило ее рѣшиться на разлуку. Маленькая хорошенькая женщина съ заплаканными и недоумѣвающими глазами стояла передъ нею. Первыя впечатлѣнія отъ нея—во время ея родовъ, потомъ во время смерти этого жалкаго, недоношеннаго ребенка,—вновь ожили въ ея душѣ.

Вотъ оно—то живое, безспорное, неустранимое, что стояло между ними съ самаго начала! Непонятно даже было теперь, какъ могла въ ней зародиться любовь при такихъ условіяхъ, какъ она не задушила въ себѣ эту любовь съ первой же минуты. Но какъ и когда это случилось? Развѣ можно уловить, остановить! И развѣ можно не любить, когда вдругъ почувствовалъ эту

близость, когда ощутилъ въ человѣкѣ что-то такое, что выдѣляетъ его изъ всѣхъ людей въ мірѣ, чего, быть можетъ, никто не ощутилъ въ немъ, чего онъ, можетъ быть, самъ въ себѣ не знаетъ, но что дѣлаетъ его внезапно такимъ необходимымъ нашей душѣ...

Елена видѣла передъ собою это дорогое лицо, эти прозрачные каріе глаза, всегда задумчивые, то грустные, то безпокойные. Съ перваго же раза она поняла, что онъ страдаетъ. Теперь, послѣ сегодняшняго разговора, все стало ей ясно: и его отношеніе къ женѣ, и его трудно осуществимыя стремленія. Одинъ коротенькій разговоръ съ нимъ, въ присутствіи жены и этой, влюбленной въ него Клавдіи Андреевны, вспомнился ей. Онъ говорилъ съ волненіемъ, съ какимъ-то раздраженіемъ—тогда она не поняла, къ кому относится это раздраженіе, теперь ей стало ясно, что онъ раздражался на жену, которая не сочувствовала его мыслямъ. Онъ говорилъ: „Это несчастье—получить фабрику въ наслѣдство. Наше положеніе хуже, чѣмъ положеніе порядочныхъ помѣщиковъ до освобожденія: тѣ могли отпустить на волю своихъ крестьянъ; при нашихъ условіяхъ, у насъ, теперь все будетъ палліативомъ, если не рѣшиться на полное разореніе!..“ Онъ не выслушалъ возраженія жены, всталъ, вышелъ въ свой кабинетъ, принесъ оттуда нѣсколько англійскихъ книжекъ и положилъ ихъ на столъ. Клавдія Андреевна стала перелистывать ихъ и сдѣлала какія-то замѣчанія объ авторахъ, въ то время, какъ она, Елена, могла разсматривать только прелестные оригинальные переплеты этихъ книгъ. Онъ догадался, что она не читаетъ по-англійски. „Жаль, я хотѣлъ предложить вамъ одну новую книжку о Моррисѣ“, прибавилъ онъ. Тогда это задѣло ея самолюбіе, теперь ей было почти пріятно сознавать, что онъ знаетъ гораздо больше ея... „Идите, не простудитесь“, вспомнились ей вдругъ его прощальныя слова, и ощущеніе его нѣжной заботливости, прозвучавшей въ этихъ словахъ, горячей волной пробѣжало по сердцу... Милый!—воскликнула она и испугалась собственнаго голоса: ей показалось, что она бредитъ.

„Я, кажется, два дня ничего не ѣла“, подумала она. „Скоро, должно быть, большая станція...“

У нея кружилась голова. Она сѣла у самаго окна и приложила лобъ къ холодному стеклу. Ничего не было видно въ небольшой прозрачный промежутокъ окна, затянутаго по краямъ пушистымъ инеемъ: черный мракъ спустился на равнины. И только огненныя искры, летѣвшія изъ локомотива, быстро, быстро проносясь мимо, казались то огненными проволоками, то цѣлыми снопами огненныхъ колосьевъ.

---



— Сейчасъ Бологое, сударыня!—сказалъ кондукторъ, отворивъ дверь.

Елена вскочила.

Послѣдніе три часа прошли въ мучительной полу-дремотѣ. Все тѣло ея онѣмѣло и словно заснуло отъ усталости, вѣки тяжело сомкнулись. Но сознаніе не засыпало и безсильно возвращалось къ одной и той же мысли, не доводя ее до конца: если бы они объяснились раньше, если бы она могла свободно обдумать этотъ вопросъ объ отъѣздѣ... Воображеніе начинало рисовать ей возможность счастья, тревожнаго, украденнаго у судьбы счастья... Но вѣдь это счастье не могло продолжаться, оно было бы отравлено, она перестала бы уважать себя, значитъ...—И Елена начинала искать въ себѣ новаго мужества, новой рѣшимости на разлуку, какъ если бы разлука еще не совершилась...

Поѣздъ подошелъ къ ярко освѣщенной станціи. За окномъ послышался гулъ голосовъ, шарканье ногъ по каменному дебаркадеру, въ вагонахъ захлопали двери.

Нужно было уйти отсюда, позвать носильщика, ждать на вокзалѣ другого поѣзда, который повезетъ ее по новому, неизвѣстному пути. Какъ трудно все это было, какъ смутно представлялось, что она точно должна это сдѣлать: ни разу еще съ тѣхъ поръ, какъ она рѣшилась уѣхать, не представляла она себѣ ясно того мѣста, куда ѣдетъ. Глушь, сугробы снѣга, чужіе темные люди—что-то въ родѣ ссылки, медленнаго умиранія ждало ее тамъ. На это она рѣшилась, не видя для себя никакого другого спасенія отъ обидныхъ мукъ безнадежной любви. Но теперь...

Ей хотѣлось бы не выходить изъ этого теплаго краснаго купэ, остаться здѣсь, ѣхать прямо, какъ она ѣздила по этой дорогѣ въ дѣтствѣ, въ подмосковное имѣніе отца, ѣхать, отдавшись движенію этого поѣзда, не дѣлать никакихъ усилій, только думать, думать... Какъ это тяжело, что жизнь не ждетъ, что ничего нельзя обдумать до конца, на свободѣ, въ покоѣ,—всегда приходится раньше рѣшать, дѣлать, чѣмъ понять какъ слѣдуетъ, что нужно, что лучше...

„Надо же, наконецъ, идти", сказала себѣ Елена, держась за ручку двери и глядя прямо передъ собою: знакомый милый обликъ неуловимой тѣнью мелькнулъ въ покидаемомъ купэ. Быть можетъ, въ новыхъ чужихъ мѣстахъ, гдѣ онъ никогда не былъ, воображеніе не сможетъ представить его...

Елена сдѣлала усиліе надъ собой и вышла. Шумная, суетливая, чуждая душѣ жизнь большого вокзала схватила ее, грубо оборвавъ всѣ ея настроенія и недодуманныя мысли.

---



Въ большой дамской комнатѣ, куда Елена велѣла перенести свои вещи и гдѣ ей приходилось провести болѣе двухъ часовъ въ ожиданіи поѣзда перекрестной дороги, было безпорядочно и тѣсно. На диванахъ спали дѣти. Елена вышла было въ буфетный залъ, но шедшій на Москву поѣздъ еще не отошелъ,—суета закусывающихъ пассажировъ и лакеевъ, блескъ канделябровъ на столахъ,—все это показалось ей невыносимымъ. Ей хотѣлось забиться въ какой-нибудь темный уголъ, и, вернувшись въ дамскую, она пріютилась на неудобномъ креслѣ у стола...

Крикъ локомотива и гулъ уходящаго поѣзда заставилъ ее съ испугомъ открыть глаза.

— Какой это поѣздъ ушелъ?—спросила она, оборачиваясь къ сидѣвшей подлѣ нея дамѣ.

— Поѣздъ? Да на Москву! Вѣдь вы, кажется, съ нимъ и пріѣхали.

— Ахъ, этотъ!.. Отошелъ?..

Что-то снова оторвалось въ душѣ.

— А вы что же? Въ Рыбинскъ?—спросила дама.

— Нѣтъ, до Родіонова,—сухо отвѣтила Елена.

— Вы что же—постоянно тамъ живете? Или погостить?—бойко и словоохотливо продолжала дама.

— Нѣтъ. Я... служить тамъ буду!—сказала Елена, сердясь на себя за то, что не нашла отвѣта, который прекратилъ бы дальнѣйшіе разспросы.

— Служить? Кѣмъ же? Телеграфисткой?

— Земскимъ врачомъ.

— Врачо-омъ!—протянула дама, и съ любопытствомъ стала разсматривать платье Елены.—Гдѣ же? На самой станціи?

— Нѣтъ, въ селѣ... За шестьдесятъ верстъ... Извините меня, я очень устала,—прибавила она и откинула голову на спинку кресла.

Говорившая съ нею дама сейчасъ же обратилась къ другой, хилой и утомленной дамѣ, сидѣвшей на диванѣ подлѣ спящаго ребенка, и съ оживленіемъ заговорила, продолжая прерванный разговоръ:

— Нѣтъ, знаете, я держусь такого правила: мужу спуска не давать. Зазнаются они, негодяи. Вѣдь что ни говорите—негодяи! Правда, мой мужъ большой добрякъ, но иногда тоже заберетъ себѣ что-нибудь въ голову. Я когда въ Петербургъ вздумала съѣздить, а онъ говоритъ: не ѣзди... Конечно, взяла да и уѣхала! А передъ тѣмъ сцену ему хорошенькую!..

— Да вѣдь не всегда тоже можно! Все-таки—мужъ!—нерѣшительно возразила другая дама.—Хоть и тиранъ, а все-таки мужъ...

Елена сидѣла, полузакрывъ глаза, и слушала этотъ женскій

разговоръ съ горькой усмѣшкой въ душѣ. Вотъ она жизнь, настоящая обывательская жизнь, съ мѣщанской откровенностью при всякой встрѣчѣ, съ мѣщанскимъ самодовольствомъ или мѣщанской покорностью! Съ дѣтства были ей невыносимы всѣ эти женскіе разговоры. Какъ она уважала свою мать за то, что она была такъ непохожа на своихъ многочисленныхъ родственницъ и разныхъ барынь, со своими обстриженными волосами и простымъ чернымъ платьемъ. Она и ей часто говорила въ дѣтствѣ: „Будь лучше похожа на мальчишку,—только не на дѣвчонокъ...“ Твердый, низкій голосъ покойной матери ясно прозвучалъ въ ея воспоминаніи... О, если бы она была похожа на свою мать! Насколько проще, насколько легче была бы для нея жизнь. Она бы не тяготилась такъ своимъ одиночествомъ, какъ мать не тяготилась имъ, ее бы не томила вѣчная жажда любви. О, мучительная, постоянно звенящая въ душѣ мечта о прекрасной, неизмѣнной, настоящей любви, о настоящемъ человѣкѣ! Всю жизнь она ждала такой любви, такого человѣка... И нашла, наконецъ, нашла свое счастье,—то самое, что она искала, во что вѣрила...

„Нѣтъ, нѣтъ, я не уйду отъ тебя, я не могу уйти“,—думала она, и слова ея обращались къ нему въ какомъ-то воображаемомъ письмѣ, въ которомъ она изливала всю душу. „Ты сказалъ мнѣ, что я нужна тебѣ, что я душѣ твоей нужна, что я должна помочь тебѣ. Вѣдь ты настоящій подвигъ совершить хочешь... Развѣ я могу уйти? И зачѣмъ?.. Чтобы погибнуть въ одиночествѣ? Потому что настоящее мое дѣло — подлѣ тебя, настоящее мое дѣло можетъ быть только тамъ, гдѣ я понимаю и люблю... И вѣдь это такое рѣдкое счастье, чтобы встрѣтились два человѣка, дѣйствительно понимающихъ другъ друга...“

Маленькій ребенокъ, спавшій на колѣняхъ у няньки, громко заплакалъ. Въ набитой женщинами комнатѣ было нестерпимо душно. Въ углу храпѣла, положивъ голову на узелъ, какая-то толстая баба. Одна изъ болтавшихъ передъ тѣмъ дамъ задремала, безобразно свѣсивъ впередъ голову.

Свѣтлая мечта, витавшая надъ затихшею душою, сразу разсѣялась. „Вѣдь я сказала ему, что все кончено“, подумала вдругъ Елена, „что я даже писать ему не буду... Неужели даже писать не буду, когда такъ хочется написать?..“

Она закрыла руками глаза, чтобы не видѣть того, что было въ этой чужой противной комнатѣ.

„...Ну, а если я напишу ему?“ спросила она себя. „Если я напишу, что я передумала?..“ Но въ ту же минуту ей ясно представилась вся его жизнь, его жена, вся ихъ обстановка. Нѣтъ, этого нельзя написать туда! Можно только просто написать, по-дружески. Вѣдь онъ сказалъ: будемъ друзьями...

Ребенокъ продолжалъ жалобно плакать, терзая нервы и душу.

„...Друзьями!—повторила Елена, чувствуя, что она рѣшаетъ въ эту минуту нѣчто безконечно важное и серьезное...—Друзьями!.. Почему я сказала ему тогда—нѣтъ? Ахъ да, потому, что онъ сказалъ: не уѣзжайте! потому что онъ говорилъ о дружбѣ—не въ письмахъ только. Постоянно видѣться, быть подлѣ и не смѣть подойти!..“ Горячая волна крови поднялась въ груди ея и разлилась краской по лицу. Страстные поцѣлуи снова ожили на губахъ, руки дрогнули, сжимаясь въ объятія...

„Нѣтъ, я не способна была бы на такую дружбу,—произнесла она про себя.—Я не могла бы, нѣтъ, я слишкомъ женщина. Я любви хочу, если любить нельзя, лучше разстаться, навсегда разстаться...“ Ей показалось, что все кругомъ темнѣетъ, холодѣетъ. Въ эту минуту она поняла, что въ душѣ ея все еще жила какая-то лукавая надежда.

„Но дружба на разстояніи, въ разлукѣ?—спросила она себя, цѣпляясь за предыдущую мысль.—Дружба, простая дружба?—И вдругъ съ ожесточеніемъ, съ отчаяніемъ произнесла:—Нѣтъ! Къ чему?.. Не надо!.. Все или ничего. Если любить нельзя, ничего не надо. Такъ легче! Все-равно жизнь кончена, сломана. Онъ женатъ... женился... не любя, женился, свою жизнь разбилъ, мою жизнь разбилъ... Ничего не надо!.. Съ ума можно сойти, если не рѣшить этого какъ-нибудь... Кончено! Теперь все кончено...“

И вся душа ея вдругъ затихла и застыла. Она поднялась, посмотрѣла на часы и вышла въ залу позвать носильщика. Скоро долженъ былъ подойти поѣздъ.

## IV.

Большой роскошный кабинетъ съ многочисленными книжными полками и зеленымъ бронзовымъ Гермесомъ на высокомъ темномъ постаментѣ у окна... Елена хорошо знаетъ, гдѣ она: это квартира Карамышевыхъ, это его кабинетъ. Но невысокій старикъ въ бархатномъ пиджакѣ, мягко и быстро прохаживающійся передъ ней по комнатѣ,—это ея покойный отецъ. „Это надо понимать!—говоритъ онъ, останавливаясь передъ нею.—Это надо понимать! Но ты поймешь меня лучше, чѣмъ другія. Россія—это вотъ! Другой Россіи я не знаю и знать не хочу...“ И онъ протягиваетъ ей книжку въ англійскомъ матерчатомъ переплетѣ. Но взявъ книжку въ руки, Елена видитъ, что это ея старый затрепанный Пушкинъ. Отецъ беретъ его и, раскрывъ, начинаетъ что-то читать, мѣрно и раздѣльно, но вдругъ обры-

ваетъ чтеніе и, поднявъ кверху свой тонкій сухой палецъ съ длиннымъ полированнымъ ногтемъ, говоритъ: „Ты слышишь, что тутъ есть ритмъ: та-рамъ, та-рамъ! та-рамъ, та-рамъ...“,

Вдругъ все сбилось. Елена открыла глаза. Долгій, словно испуганный, тоскующій и зовущій крикъ локомотива разбудилъ ее. Она не сразу поняла, гдѣ она и что съ нею. Была ночь. Фонарикъ слабо просвѣчивалъ сквозь зеленую занавѣску. Поѣздъ шелъ неторопливымъ, ровнымъ ходомъ съ мѣрнымъ постукиваніемъ колесъ. Въ сосѣднемъ отдѣленіи, за невысокой стѣнкою, слышенъ былъ разговоръ. Голоса звучали спокойно и самодовольно, какъ у чужихъ, случайно встрѣтившихся людей, которые на время стали пріятны другъ другу и беззаботно и безцѣльно разсказываютъ о себѣ разныя разности, впадая минутами въ легкую рисовку.

Елена вслушивалась нѣсколько минутъ, словно сквозь сонъ, въ этотъ негромкій разговоръ, и вдругъ сообразила, гдѣ она. Разбудившій ее и давно уже замолкшій крикъ локомотива отдался въ ея душѣ тоскою душевнаго разрыва и одиночества. Но казалось, что давно уже совершился этотъ разрывъ, и только старая, не вполнѣ затянувшаяся рана на минуту больно заныла въ душѣ...

Но вотъ боль уже затихла, все расплылось въ чувствѣ глубокой усталости, а въ воображеніи опять пронесся оборвавшійся сонъ: покойный отецъ, черезчуръ мѣрно читающій Пушкина... „Почему это вдругъ Пушкина?“ подумала Елена, но сейчасъ же вспомнила, какъ она укладывалась передъ отъѣздомъ — кажется, уже столько времени съ тѣхъ поръ прошло! — и, сидя на полу, у ящика съ книгами, развернула Пушкина и прочла наугадъ нѣсколько стиховъ; и потомъ два стиха долго и мучительно-непроизвольно повторялись въ ней... Что это было? Ахъ да! Опять они заговорили, запѣли своими горячими тонами и красками:

Горитъ ли раскаленный день,
Свѣжѣетъ ли ночная тѣнь...

Откуда это? Какая-то знойная южная страна описывается... Ей показалось, что отецъ читалъ во снѣ эти самые стихи, и она подумала: — Это подходитъ къ отцу, я всегда представляю его себѣ на югѣ, подъ солнцемъ, среди какого-то большого прекраснiого города съ башнями и мраморными дворцами...

И она стала думать о давно умершемъ отцѣ, котораго она видѣла только въ дѣтствѣ, до того, какъ онъ разошелся съ матерью и уѣхалъ въ Италію. Мать не любила говорить о немъ: какое-то смѣшанное съ горечью презрѣніе къ нему чувствовалось въ ея отзывахъ о немъ, а бракъ свой она назвала однажды глупостью. Но они были такіе различные люди — отецъ и мать! Она

называла его не серьезнымъ человѣкомъ, мотомъ и эгоистомъ и осуждала его праздную жизнь въ Италіи. Можетъ быть, онъ и дѣйствительно былъ мотомъ и эгоистомъ, но Елена съ дѣтства тайно сочувствовала его увлеченіямъ и склонности къ широкой жизни и огорчала мать пристрастіемъ къ красивымъ бездѣлушкамъ, которыя онъ иногда присылалъ ей. Попасть къ нему въ Италію, повидать его ей такъ и не удалось. Но она часто думала о немъ, представляя себѣ при этомъ не лицо его, не голосъ, а его письма, которыя она нашла и перечла послѣ смерти матери. Онъ садился иногда писать женѣ по дѣлу,—и заговаривалъ объ оперѣ, объ Италіи, объ искусствѣ, и тогда писалъ длинно и восторженно, то поднимающимися кверху, то падающими строками неровнаго старческаго почерка, съ невѣрно разставленными запятыми, съ такими плохими оборотами рѣчи, что казалось иногда непонятнымъ, какъ могъ писать такимъ образомъ просвѣщенный человѣкъ, страстный любитель и извѣстный знатокъ живописи. Быть можетъ, онъ уже сталъ забывать русскій языкъ...

Въ сосѣднемъ отдѣленіи вагона, за стѣнкою, раздался смѣхъ. Елена словно вторично очнулась отъ сна и, увидѣвъ на противоположномъ диванѣ чужія вещи, вспомнила болтливаго господина, который сѣлъ съ нею вмѣстѣ въ Бологомъ. Это его голосъ раздается теперь за стѣною. Съ нею разговоръ не склеился, а ему непремѣнно нужно говорить! Не успѣли они сѣсть въ вагонъ, какъ онъ присталъ къ ней съ разспросами, и какъ это глупо, что она и отъ него не съумѣла отдѣлаться и сказала ему правду,—что она ѣдетъ служить земскимъ врачомъ. Никогда она не умѣла солгать и не рѣшалась оборвать разспросы! Какая глупая слабость: боишься обидѣть человѣка и запутываешься этимъ въ какое-то ненужное общеніе съ нимъ, а потомъ становится такъ гадко на душѣ! Вѣдь своей, настоящей правды все равно не скажешь. И съ этимъ господиномъ вышла та же противная фальшь, которая окружала ее все послѣднее время, съ тѣхъ поръ, какъ она рѣшилась ѣхать. И онъ твердилъ: подвигъ! подвигъ! и при этомъ заговаривалъ объ ея молодости, объ ея наружности, объ ея прелестныхъ золотистыхъ волосахъ. Сколько разъ уже слышала она эти комплименты въ какой-то особенной связи съ тѣмъ, что она врачъ. Словно это какая-то особенная заслуга—быть врачомъ, имѣя хорошіе волосы! И всегда становилось гадко и стыдно,—стыдно за эту человѣческую пошлость, и за себя, за то, что она какъ будто незаслуженно пользуется этою честью — называться врачомъ. Вѣдь давно уже созналась она себѣ въ томъ, что она не настоящій врачъ, что она сдѣлала ошибку, когда пошла по этому пути. Пошла потому, что съ дѣт-

ства—подъ вліяніемъ матери отчасти—мечтала о независимости, о самостоятельной дѣятельности, а главное потому, что самую медицину и роль врача совсѣмъ невѣрно себѣ представляла: шире, глубже, могущественнѣе. Казалось, что это ключъ, открывающій двери въ тайники человѣческой жизни, человѣческихъ страданій. Казалось, что врачъ, настоящій врачъ, съ любящею душою и свѣтлымъ умомъ, несетъ съ собою исцѣленіе не однимъ только физическимъ недугамъ, но и всему злу земному. Какъ тихій ангелъ, входитъ онъ въ домъ и залечиваетъ раны, и укрѣпляетъ души, и просвѣтляетъ умъ мудрымъ словомъ, овладѣваетъ сердцами спасенныхъ имъ людей и указываетъ имъ новые пути въ жизни. Свѣтъ любви и разума льется отъ него во всѣ стороны, всѣ глаза обращены на него съ благодарностью, съ восторгомъ и обожаніемъ... Фантазіи! Фантазіи мечтательнаго ребенка, не знающаго границы своимъ силамъ и способностямъ, не имѣющаго понятія о томъ, какъ ограничены и безпомощны даже тѣ, которыхъ называютъ сильными и великими! Фантазіи того возраста, когда сердце вѣрило и въ возможность спасти родъ человѣческій, и въ сказочнаго принца, который придетъ на помощь этимъ стремленіямъ со своею безмѣрною любовью и со своими неистощимыми богатствами; когда въ безсонныя, волнуемыя грезами ночи легко писались стихи, и такими прекрасными, такими выразительными казались эти столь несовершенные собственные стихи!.. Давно разсѣялись эти фантазіи, ничего не осталось отъ прежней вѣры въ собственныя силы. Былъ даже моментъ, когда хотѣлось все бросить, искать чего-то другого: чувствовать себя безсильнымъ каждую минуту, быть посредственностью въ своемъ дѣлѣ, хоть и добросовѣстной посредственностью,—какая это мука, какая тоска!.. Если нельзя по настоящему,—такъ, какъ мечталось,—не надо вовсе, ничего не надо! Все бросить, остановиться!.. А жизнь дѣлала свое дѣло: тихо тащила впередъ по немилой, но уже проложенной дорогѣ, какъ этотъ поѣздъ, который, не торопясь, мѣрно гремя и постукивая колесами, катится въ темную даль...

Елена лежала, вытянувшись на длинной скамьѣ, укутавшись до подбородка теплой ротондой: ее немножко лихорадило. Мысли тихо качались въ головѣ, и далекою отъ нея казалась вся ея собственная жизнь, всѣ недавнія волненія, муки и судороги разлуки. Иногда мысли словно болѣзненно встряхивались въ головѣ и обрывались. Она приподнималась на локтѣ и начинала прислушиваться къ неумолкающему разговору за стѣнкою, къ звукамъ на станціи во время остановки. Но скоро она уставала, легкая дремота застилала сознаніе, и опять пѣлись въ головѣ ни къ чему больше не относящіеся пушкинскіе стихи:

Горитъ ли раскаленный день,
Свѣжѣетъ ли ночная тѣнь...

И больно становилось въ глазахъ отъ жаркаго свѣта, и внезапный холодъ пробѣгалъ по спинѣ... «Я такъ устала!» проговорила про себя Елена, словно жалуясь кому-то—„Женщина!" отвѣтилъ докторъ Снарскій тѣмъ же галантно-насмѣшливымъ тономъ, какъ говорилъ съ ней всегда, даже на платформѣ передъ отъѣздомъ, и громко засмѣялся... Ахъ, это тамъ, въ сосѣднемъ отдѣленіи смѣются,—догадалась Елена, открывая глаза. Но образъ этого разсмѣявшагося незнакомаго господина почему-то сливался съ образомъ Снарскаго. Что-то общее есть между ними, и что-то такое мучительно-несносное... Да! Это противное слово и у того, и у другого: подвигъ! «Зачѣмъ они говорятъ это слово,—подумала она съ раздраженіемъ.—Вѣдь они сами не вѣрятъ... въ меня не вѣрятъ, и вообще... Вѣдь они не вѣрятъ въ то, что это бываетъ: развѣ такіе люди понимаютъ, что такое подвигъ?..»

И вдругъ посторонніе, навязчивые образы разступились, мысль очистилась отъ тумановъ, что-то серьезное, тихое, дорогое заговорило въ душѣ. Передъ глазами встало милое лицо,—и такъ отчетливо, такъ ясно. Радость и боль на минуту перемѣшались въ сердцѣ, потомъ боль затихла... Одинъ давній уже разговоръ съ Карамышевымъ вспомнился ей: онъ говорилъ о подвигѣ... По какому поводу онъ говорилъ это? Не вспомнить, да и не все ли равно, по какому поводу. То, что онъ говорилъ, было нужно и важно ей теперь, и безконечно утѣшительно было думать, что нашелся таки человѣкъ, который понимаетъ эти вещи и думаетъ о нихъ, для котораго это не пустыя слова, а суть и смыслъ жизни. И она съ жаднымъ вниманіемъ вслушивалась въ эти слова, не умѣя уже различить, изъ его ли души, или изъ ея собственной они теперь звучали. Подвигъ, — тихо говорилъ серьезный, глубокій голосъ,—подвигъ—это безконечно дорогое намъ дѣло, до того дорогое, что самое трудное въ немъ кажется легкимъ. Въ немъ и муки похожи на восторгъ, и напряженіе кажется блаженствомъ. Подвигъ — это радостное усиліе, воплощающее нашу мечту, подъемъ духовныхъ силъ, пробившихся на свою настоящую дорогу. Подвигъ это не то, что мученичество,—пассивное, хотя и утончающее душу страданіе. Только здоровыя свѣтлыя натуры ищутъ подвига и понимаютъ, что это такое. Подвигъ—это творчество, это созиданіе, это обновленіе нашего истерзаннаго міра. Страданія сами по себѣ уродливы,—подвигъ прекрасенъ...

Елена приподнялась. Свѣтлая мечта опять трепетала въ ней: найти свой настоящій путь, ссвершить подвигъ. Никогда

не умирала въ ней эта мечта, никогда не хотѣла она отдаться во власть сѣрой случайной жизни. Широкія фантазіи юности разсѣялись, вѣра въ свои дарованія исчезла, но сердце не переставало жаждать подвига. И теперь, послѣ того, какъ все уже казалось ей безнадежно разбитымъ, опять оживала эта мечта, эта потребность духа. «Можетъ быть, я могу что-нибудь?» пронеслось у нея внутри съ надеждою и тревогою... «Но что же? Что же именно?"

Ничто не шевелилось въ отвѣтъ на это въ ея воображеніи: будущее стояло передъ глазами въ какомъ-то тоскливомъ сумракѣ, какъ тусклый, чуть брезжущій зимній разсвѣтъ, глядѣвшій въ окно... «Нѣтъ, я ничего не могу,—подумала Елена, и опять душа ея болѣзненно сжалась.—Тамъ, въ одиночествѣ, съ какими то чужими людьми... нѣтъ! Я только тогда могу что-нибудь, когда я люблю, для того, кого люблю...»

Теперь ей было ясно, что только этимъ она жила послѣдніе годы: надеждою на любовь, на подвигъ любви къ настоящему человѣку. Мечта о великомъ общечеловѣческомъ подвигѣ умерла, и она знала, что никакой сказочный принцъ не придетъ къ ней на помощь и не поможетъ исполнить эту неисполнимую задачу. Но найти настоящаго человѣка, который знаетъ куда идти, полюбить его, ощутить и понять его во всякую минуту, отдать всю свою жизнь ему въ помощь, всю жизнь, всю кровь свою, всѣ силы свои—вотъ какой подвигъ ей мерещился... Это, конечно, „по-женски"; и товарки ея, женщины-врачи, вѣроятно, посмѣялись бы надъ нею, если бы узнали; да и многіе въ обществѣ. Теперь вѣдь это считается постыднымъ—отдаться личной любви, любви къ одному человѣку. Хорошъ подвигъ—женская любовь! Долгъ требуетъ отречься отъ всего личнаго, отдаться на служеніе людямъ... Ахъ, въ этомъ часто такъ много лицемѣрія и такъ много самолюбія! Не все ли равно: самому ли сдѣлать, или другому помочь сдѣлать что-нибудь высокое. Въ одиночествѣ такъ трудно, иногда невозможно...

Вдругъ ослѣпительная, рѣжущая мысль пронеслась въ душѣ Елены: слова Карамышева объ одиночествѣ вспоминались ей, его мольбы не уходить, помочь ему душевно, остаться его другомъ... «Другомъ его остаться!—повторила она, какъ бы впервые увидѣвъ весь смыслъ этихъ словъ. — Любить его, понимать его, поддержать его духомъ, хоть издали поддержать! А я сказала: не надо, не могу... Сказала: лучше сразу порвать, такъ легче... Легче! Какъ будто бы въ этомъ дѣло, какъ будто бы..."

Краска стыда и боли заливала ея лицо, сердце билось частыми, тупыми ударами... «Легче!.. Оборвать все самое дорогое,

затоптать въ себѣ душу свою человѣческую, святыню свою, вмѣсто того, чтобы только отъ порывовъ страстнаго чувства отказаться, отъ соблазновъ счастливой любви! Порвать, оттолкнуть, обречь на одиночество и себя, и его—вмѣсто того, чтобы побороть себя и горѣть, страдая и радуясь, неизмѣнной, безкорыстной любовью... О, какая слѣпота, какая позорная, малодушная женская слабость!..»

Горячія слезы брызнули у нея изъ глазъ; она бросилась лицомъ на подушку и дала волю этимъ слезамъ. Грудь разрывалась отъ рыданій и муки. И вдругъ словно что-то проломилось въ глубинѣ ея существа—какое-то дно ея души распалось: чувство тихаго, яснаго простора прошло по сердцу... Она закрыла глаза, и скоро глубокій, ровный сонъ окуталъ ее своею тьмою.

## V.

— Далеко еще?—спросила Елена.

— Нѣ. Теперь не далече. Верстъ съ десятокъ будетъ, не болѣ,—отвѣтилъ ямщикъ и, обернувшись, лукаво и ласково взглянулъ на нее изъ-подъ запушенныхъ инеемъ бровей и рѣсницъ.—Смерзли?

— Нѣтъ, теперь ничего. На послѣдней станціи отогрѣлась.

Ямщикъ хлеснулъ двухъ своихъ лошадокъ. Сани тихо поскрипывали по промерзлой дорогѣ, врѣзавшейся въ пухлые снѣга, сверкающіе подъ яснымъ, блѣднымъ, холоднымъ небомъ. «Въ самомъ дѣлѣ, теперь какъ будто не такъ холодно», подумала Елена.

Уже нѣсколько часовъ, какъ она ѣхала въ этихъ небольшихъ саняхъ, съ этимъ добродушнымъ ямщикомъ, который старательно укутывалъ ее на станціяхъ и ласково журилъ за неподходящую для деревни одёжу. День былъ солнечный и тихій, но заповдавшій крещенскій морозъ нестерпимо рѣзалъ лицо, леденилъ члены, стѣснялъ дыханіе, слѣпилъ непривыкшіе къ широкому снѣжному блеску глаза. Все существо Елены съежилось и закоченѣло. Какой-то бѣлый сонъ сковалъ ея душу, и только одна маленькая точка—слабо свѣтящееся сознаніе—жила въ ней, слѣдя за болью холода то въ лицѣ, то въ конечностяхъ. Безжизненными, безразличными видѣніями неслись ей навстрѣчу бѣлыя равнины, отяжелѣвшіе подъ инеемъ хвойные лѣса, какая-то подслѣповатая сторожка, придавленная снѣжными сугробами; бѣловато-лиловый дымъ лѣниво ползъ изъ ея трубы и клонился къ крышѣ; черная ворона каркала на деревѣ, отряхая снѣгъ съ

омертвѣвшей вѣтки. Сани ныряли по ухабамъ... Опять тянулись заиндѣвѣвшіе лѣса и жиденькіе, прозрачные перелѣски. Опять открывались снѣжныя равнины, не разобрать—поля, луга или замерзшія болота. Торчавшіе изъ-подъ сугробовъ прутья и тонкія сухія былинки чуть-чуть покачивались отъ слабаго, но рѣжущаго лицо вѣтерка, и по искрящейся ледянистой корѣ снѣговъ струился матовый порошистый налетъ.

Теперь солнце склонялось уже къ закату. Снѣжные бугры свѣтились желто-розовыми отливами, голубоватыя тѣни разливались въ долахъ, и заячьи слѣды на снѣгу темнѣли издали, какъ чернильныя пятна. Глазамъ было уже не такъ больно отъ свѣта. Елена посмотрѣла кругомъ, и въ ушахъ ея слабо зазвенѣло. Страннымъ и неожиданнымъ показалось ей все кругомъ, какъ будто она только что пришла въ себя или какъ будто она впервые сознала, что̀ видитъ во снѣ. И прошедшее, и будущее были далеко за горизонтомъ. Ничего живого кругомъ, ничего знакомаго. Ямщикъ, должно быть, дремалъ, примостившись на поклажѣ, сгорбившись и покачиваясь впередъ головою... Вокругъ стояла глубокая бездыханная тишина, и казалось, что никогда еще отъ сотворенія міра не нарушалась эта тишина живымъ человѣческимъ голосомъ, никогда еще земля не освобождалась здѣсь отъ этого мертвящаго, пухлаго, бѣлаго покрова и не цвѣла лѣтними цвѣтами.

Давнее, совсѣмъ заглохшее воспоминаніе шевельнулось въ душѣ Елены: что-то подобное она уже испытывала или думала когда-то. И вдругъ стало ясно, когда именно: когда она возвращалась изъ-заграницы и послѣ пестрыхъ картинъ ранней южной весны вдругъ увидѣла себя среди нерастаявшихъ снѣговъ своей спящей, глухо-молчаливой Россіи. Тихо, спокойно шелъ поѣздъ съ полупустыми вагонами, подолгу останавливаясь на мертвыхъ станціяхъ; и такъ же, какъ теперь, молчали непривѣтливыя, скудныя равнины; и бѣдныя деревушки, придавленныя снѣгомъ, темнѣли издали, какъ муравейники,—и трудно было представить себѣ, что въ нихъ живутъ люди... Тоска защемила сердце, жалкимъ, маленькимъ, безсильнымъ показался человѣкъ со своими стремленіями...

И теперь мысль остаться одинокою въ этихъ мѣстахъ обдала Елену испугомъ и внутреннимъ холодомъ. Что можно сдѣлать тутъ, даже и не съ ея силами, въ этой снѣжной пустынѣ? Кому и какъ можно помочь въ этихъ жалкихъ, грязныхъ, темныхъ муравейникахъ? Ей показалось это невозможнымъ, какъ невозможно растопить своимъ дыханіемъ эти безбрежные снѣга или разогнать тьму спускающейся ночи.



А ночь спускалась. Солнце закатилось, розовые отливы на снѣгу и въ туманахъ горизонта погасли, небо потеряло краски и казалось пустымъ. Снѣжныя равнины въ сизомъ сумракѣ стали какъ будто еще холоднѣе. Замѣтный вѣтерокъ подулъ навстрѣчу и тихо засипѣлъ, пробираясь подъ платокъ, мимо ушей, и больно рѣзнулъ лицо. Какъ страшно здѣсь, должно быть, во время мятели,—подумала Елена, и слова Карамышева вспомнились ей: „Жутко въ одиночествѣ, очень ужъ глухо кругомъ, словно одинъ въ полѣ остался, и мятель тебя заноситъ...“

Внезапно послѣдняя полоса мыслей—все передуманное этою ночью—ожило въ ея сознаніи:—Да вѣдь я же знаю теперь: я могу писать ему! — сказала она, и сердце ея дрогнуло и расширилось отъ глубокаго вздоха.

Будущее стало понемногу проясняться передъ нею. Да, жить здѣсь, въ этой глуши, въ одиночествѣ, но писать ему; знать все, что онъ дѣлаетъ тамъ, въ Петербургѣ, гдѣ творится новая жизнь для всей этой необъятной земли; любить, не видя его и ничего не говоря о своей любви, но издали благословляя и согрѣвая его своею вѣрою, своимъ восторгомъ передъ его высокими мыслями и стремленіями... Теперь это не казалось уже труднымъ. Теперь въ этомъ была безконечная отрада, какое-то скорбное счастье. Вѣдь и онъ любитъ меня, — думала Елена, и вмѣстѣ съ живою болью разлуки въ сердцѣ загоралось радостное сознаніе духовной неразлучимости. Она уже не чувствовала себя одиноко затерянною среди этихъ темныхъ полянъ: его образъ былъ съ нею, его душа... Что-то соединяло ихъ черезъ всѣ эти огромныя пространства, черезъ эти пустынныя равнины и спящіе лѣса... Елена раздвинула платокъ, укутывавшій голову и лицо, вдохнула чистый холодный воздухъ и подняла голову. Въ глубокой густой синевѣ совсѣмъ потемнѣвшаго неба уже сіяли звѣзды и созвѣздія, все тѣ же, съ дѣтства знакомыя, отовсюду видныя... Глухія новыя мѣста перестали казаться такими чужими и мрачными: высокое, далекое, но родное небо было надъ ними.

Вдругъ вдали засвѣтился красноватый огонекъ человѣческаго жилья,—другой, третій. Что-то робкое и теплое было въ этихъ огняхъ, прорѣзывающихъ сквозь маленькія окошечки тьму холодной ночи, что-то трепетное и зовущее...

— Ну вотъ, и пріѣхали, слава Богу,—сказалъ оборачиваясь ямщикъ.—Довезъ свою барыню, не заморозилъ!

— Пріѣхали?—тихо воскликнула Елена, и голосъ ея дрогнулъ отъ внезапно подступившихъ теплыхъ слезъ. Огни этого занесеннаго снѣгомъ села пробудили въ ней нѣжную жалость. Ей показалось, что она наклеветала на кого-то, думая объ этихъ бѣд-

ныхъ деревняхъ, какъ о грязныхъ муравейникахъ,—объ этихъ спящихъ зимнихъ поляхъ, какъ о мертвой снѣжной пустынѣ: слабая, чуть-чуть копошившаяся жизнь была здѣсь и звала на помощь...

Сухая горечь, глодавшая сердце въ дни тяжелыхъ мукъ, безслѣдно исчезла. Горячая любовь къ людямъ, къ слабымъ, покинутымъ и страдающимъ, заливала душу. Вспомнилась вдругъ почему-то курсистка, плакавшая при прощаньѣ съ нею на вокзалѣ, и ея братъ, краснощекій студентикъ съ вѣчно короткими рукавами. Вспомнилась маленькая, хорошенькая женщина, рыдавшая надъ своимъ мертвымъ ребенкомъ,—женщина, изъ-за которой она уѣхала сюда... „Я и ей напишу, такъ лучше будетъ!—подумала Елена, и изъ глазъ ея лились теплыя слезы.—Вѣдь тутъ нѣтъ фальши, вѣдь я уѣхала... А дружба, дружба съ нимъ,—развѣ она кому-нибудь мѣшаетъ?... И развѣ можно отнять ее у людей?...“

Во дворахъ залаяли собаки. Сани, поскрипывая по укатанному снѣгу улицы, въѣхали въ село.

Л. Гуревичъ.

---

# МЕТТЕРНИХЪ И ЕГО ВРЕМЯ.

**(Историческій очеркъ).**

## I.

Обыкновенно мы оцѣниваемъ историческія личности съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія: общечеловѣческой и частной. Въ первомъ случаѣ мы разсматриваемъ, насколько ихъ дѣятельность являлась полезной для прогресса, способствовала совершенствованію общественныхъ и политическихъ формъ и приблизила насъ къ искони намѣченной просвѣщеннымъ человѣчествомъ великой цѣли сближенія людей. Если приложимъ этотъ первый критерій къ Меттерниху, отвѣтъ будетъ вполнѣ отрицательный. Исторія уже давно произнесла свой неумолимый приговоръ надъ знаменитымъ австрійскимъ канцлеромъ; надѣлавшая такъ много шуму «система Меттерниха» была сметена вихремъ событій еще при жизни ея создателя.

Другая точка зрѣнія—смотрѣть на историческія личности не съ высоты общечеловѣческаго идеала, а съ высоты цѣли, которой они задаются. Эта цѣль можетъ не совпадать съ общечеловѣческой, можетъ даже ей противорѣчить, какъ это было съ Меттернихомъ, но если эти личности для ея достиженія проявили большое искусство, умѣнье и постоянство, они вполнѣ заслуживаютъ, конечно, не нашихъ симпатій, а наше удивленіе. Въ этомъ смыслѣ личность и дѣятельность Меттерниха представляла и будетъ всегда представлять глубокій историческій и психологическій интересъ.

Очевидно, обыкновеннымъ человѣкомъ не былъ тотъ, кто въ теченіе тридцати восьми лѣтъ съумѣлъ не только сохранить прежнее вліяніе такого шаткаго государства, какъ Австрія, но и сдѣлаться фактическимъ руководителемъ политики всей Европы.

Для своихъ современниковъ Меттернихъ былъ психологической загадкой. Онъ принадлежалъ къ категоріи людей, обладающихъ «двумя я», или, какъ онъ самъ выражается, «о внутреннемъ мірѣ которыхъ нельзя было судить по ихъ внѣшнимъ дѣйствіямъ» *). Въ обществѣ

---

*) Mémoires, documents et ecrits divers laissés par le prince de Metternich chan-



онъ являлся человѣкомъ съ утонченными манерами свѣтскаге сеньора XVIII столѣтія, ровный, спокойный съ холодной маской на лицѣ, освѣненный однообразной самодовольной улыбкой, смущавшей не одного проницательнаго наблюдателя.

«Моя біографія, составленная Капефигомъ»,—пишетъ Меттернихъ, «очень мало похожа на меня. Выходитъ, что у художниковъ пера я такъ же не пользуюсь успѣхомъ, какъ и у художниковъ карандаша и красокъ, и что такъ же трудно схватить мой нравственный обликъ, какъ и мои физическія черты».

Теперешніе біографы въ этомъ отношеніи счастливѣе своихъ предшественниковъ. Они не только избавлены отъ естественной склонности къ преувеличиванію, которою отличались живо затронутые современники Меттерниха, но и располагаютъ громаднымъ историческимъ матеріаломъ, неизвѣстнымъ послѣднимъ и бросающимъ яркій свѣтъ на личность и политику австрійскаго канцлера.

Центральное мѣсто среди этихъ матеріаловъ занимаютъ мемуары самого Меттерниха, изданные въ восьмидесятыхъ годахъ его наслѣдниками и содержащіе, кромѣ замѣтокъ автобіографическаго характера, большую часть его личной и дипломатической переписки.

Несомнѣнно, Меттернихъ старался въ своей автобіографіи выставить себя въ самомъ выгодномъ свѣтѣ, умалчивая о множествѣ фактовъ, ложно освѣщая другіе, но есть одна сторона, которую онъ не могъ скрыть, это свою психологію, свой образъ мысли и чувствъ.

Въ душѣ всякаго человѣка имѣется какая-нибудь центральная идея, якорь, брошенный въ бездну нашего внутренняго міра, съ которой крѣпкой цѣпью причинности связаны его помышленія и дѣйствія. Такимъ основнымъ мотивомъ психики Меттерниха является его колоссальное, доходившее до чудовищныхъ размѣровъ, самомнѣніе и естественно отсюда проистекающая самоувѣренность. Онъ увѣренъ, что только онъ одинъ все знаетъ, все предвидитъ. Ему было двадцать лѣтъ, когда случайно онъ посѣтилъ англійскій дворъ и сейчасъ же выступилъ въ роли наставника, по отношенію наслѣдника престола, который принималъ сторону парламентской оппозиціи. «Молодость мнѣ мѣшала,—пишетъ Меттернихъ,—выразить принцу мое неодобреніе его поведенію, но все-таки я нашелъ случай высказаться ему объ этомъ, что онъ мнѣ припомнилъ тридцать лѣтъ спустя, прибавляя: «Вы тогда были вполнѣ правы». Годъ послѣ этого, Меттернихъ ѣдетъ въ Вѣну, гдѣ тоже замѣчаетъ, «что управленіе страной ведется не такъ, какъ

---

celier de cour et d'état publies par son fils, le prince Richard de Metternich. Paris 1881, t. III, p. 337.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ постоянно пользоваться этимъ важнѣйшимъ для біографіи Меттерниха документомъ, почему во избѣжаніе повтореній не будемъ дѣлать на него постоянныхъ сносокъ.

слѣдовало бы... но скромность мнѣ не позволяла,—пишетъ онъ,—обвинять въ неспособности людей, поставленныхъ во главѣ правительства».

Проявившееся уже въ юномъ возрастѣ самомнѣніе еще больше разросталось и укрѣплялось, послѣ его дипломатическихъ успѣховъ. Онъ ставитъ себя выше Ришилье, Мазарини, а о своихъ «болѣе или менѣе знаменитыхъ современникахъ», какъ Таллейранъ, Каннингъ, Каподистрія, выражался съ видимымъ презрѣніемъ. Ихъ политику онъ считаетъ «политикой эгоизма, своеволія, мелкаго тщеславія, политикой, которая ищетъ только выгоду и попираетъ самые элементарные законы справедливости, насмѣхаясь надъ данной клятвой, однимъ словомъ, политикой, разсчитывающей на силу и на ловкость».

Абсолютная увѣренность въ своемъ нравственномъ и умственномъ превосходствѣ сказывается въ его дневникѣ и въ его частныхъ письмахъ, гдѣ онъ расточаетъ похвалы по своему собственному адресу: «Моя душа отличается историческимъ чутьемъ, что помогаетъ мнѣ переносить трудности настоящаго,—пишетъ онъ съ лайбахскаго конгресса 7-го февраля 1821 года.—Я всегда имѣю передъ глазами будущее и увѣренъ, что могу меньше ошибиться на его счетъ, чѣмъ на счетъ настоящаго. Никогда въ исторіи, можетъ быть, не было такого печальнаго изобилія мелкихъ личностей, *дѣлающихъ глупости*, какъ теперь. Господи! Какой стыдъ для насъ всѣхъ будетъ... въ день второго пришествія... А этотъ день наступитъ. Но, можетъ быть, тогда найдется честный человѣкъ, который откопаетъ мое имя и откроетъ міру, что все-таки и въ этомъ дальнемъ прошломъ жилъ человѣкъ, менѣе ограниченный многихъ своихъ современниковъ, воображавшихъ, что они находятся въ апогеѣ цивилизаціи». «Самое курьезное въ нашемъ положеніи,—пишетъ онъ годъ спустя послѣ конгресса,—что никто въ точности не знаетъ, какъ ему добиться своей цѣли. Что касается меня, я знаю, что хочу и что другіе *могутъ сдѣлать*. Я вооруженъ съ ногъ до головы; шпага моя обнажена, перо очинено, мои идеи ясны и свѣтлы, какъ хрустальная вода чистаго источника». «Если бы я могъ дѣйствовать одинъ,—писалъ онъ въ 1825 году по поводу греческаго движенія,—я сбязался бы придти къ быстрому и хорошему рѣшенію, ибо въ спорѣ, насъ занимающемъ, весь свѣтъ ошибается, исключая меня одного».

Мы ограничиваемся этими цитатами, но такимъ же чувствомъ проникнута вся его переписка. Послѣ мартовской революціи 1848 года, такъ жестоко подшутившей надъ даромъ предвидѣнія его одаренной «историческимъ чутьемъ» души, можно было ожидать, что онъ, наконецъ, сознается въ своихъ ошибкахъ. Но вѣра въ своей непогрѣшимость была у него такъ тверда и непоколебима, что онъ возлагалъ отвѣтственность за мартовскія событія на всѣхъ другихъ, но только не на себя, фактическаго правителя Австріи въ теченіе тридцати

восьми лѣтъ. «Никогда заблужденіе не касалось моего разума»,—говорилъ онъ Гизо въ Брюсселѣ, гдѣ искалъ убѣжища отъ гнѣва вѣнскаго народа *).

Два года спустя онъ такъ же выразился и Тьеру: «Я никогда не отдалялся отъ непреложнаго пути моихъ принциповъ».

Ни Гизо, ни Тьеръ, какого бы мнѣнія они о себѣ ни были, не претендовали на папскую непогрѣшимость. «Вы очень счастливы,—отвѣтилъ Меттерниху Гизо,—что касается меня, то я нерѣдко ошибался». «Вотъ разница между нами обоими,—замѣтилъ Тьеръ,—вы не мѣняли своихъ принциповъ, а я ихъ часто мѣнялъ!»

Въ дѣйствительности, Меттерниху легко было не измѣнять своимъ принципамъ, ибо ихъ у него не было, если не считать таковымъ его крайній и дѣйствительно послѣдовательный консерватизмъ — защиту старины во что бы то ни стало. Но для этого не нужно имѣть принциповъ, а только умъ, недоступный пониманію духа времени. «Il n'y a que l'homme absurde qui ne change pas», говорятъ французы и въ этомъ смыслѣ Меттернихъ былъ поистинѣ «нелѣпымъ» человѣкомъ. Онъ обладалъ необыкновенно глубокой проницательностью относительно людей, но не понималъ идей, которыми были проникнуты эти люди; за частнымъ онъ не видѣлъ общаго.

Нигдѣ такъ хорошо не видна духовная нищета Меттерниха, какъ при его попыткахъ обосновать теоретически свои принципы. Вотъ, напримѣръ, какъ онъ самъ опредѣляетъ свою систему. «Въ сущности, то, что называютъ системой Меттерниха, не было системой, а только приложеніемъ законовъ, которые управляютъ міромъ. Революціи держатся на системахъ; вѣчные законы находятся выше и внѣ того, что имѣетъ характеръ системы» *). Смыслъ же этихъ «вѣчныхъ законовъ» заключается въ сохраненіи средневѣковаго режима, хотя въ сущности онъ такъ же мало могъ претендовать на вѣчность, какъ и всякая политическая система.

«Я твердо рѣшилъ бороться съ революціей до послѣдняго моего вздоха», писалъ Меттернихъ. А революцію онъ видѣлъ повсюду, сплошь до распространенія... библейскихъ обществъ, и первыми разсадниками революціонныхъ началъ онъ считалъ... нѣмецкихъ иллюминатовъ XVII столѣтія. Какъ ни кажется страннымъ на первый взглядъ, но именно въ этой отрицательной чертѣ Меттерниха, въ этомъ полномъ отсутствіи у него воспріимчивости къ идеямъ заключалось и его превосходство надъ современниками. Дипломаты другихъ государствъ были въ той или иной степени проникнуты новыми вѣяніями. Отсюда и нѣкоторое колебаніе въ ихъ политикѣ послѣ паденія Наполеона. Одинъ только Мет-

*) H. Welschinger. «Les dessous du Congrès de Vienne». («Revue Hebdomadaire», 10 Fev., 1900, p. 253).

**) Mémoires, t. I, épigraphe.



терниха, — который ничего не понялъ, такъ какъ не вѣрилъ ни въ какіе принципы, — могъ рѣшительно и спокойно, безъ угрызеній совѣсти стать хоругвеносцемъ средневѣковой реставраціи. «Я былъ скалой общественнаго порядка, скалой порядка», говорилъ онъ слабымъ замогильнымъ голосомъ, за нѣсколько дней до смерти *).

Современники Меттерниха называли его человѣкомъ «лѣнивымъ» **). Физической лѣности у него, можетъ быть, и не было, это показываетъ его огромная переписка, но у него была лѣность и неподвижность мысли. «Дорогая моя, пишетъ Меттернихъ изъ Бриксена 15-го іюля 1819 года графинѣ Ливенъ,—все движется и мѣняется вокругъ меня, но я остаюсь неподвижнымъ. Этимъ, можетъ быть, я и отличаюсь отъ многихъ другихъ людей. Я думаю, что моя душа имѣетъ цѣну, *потому что она неподвижна*. Мои друзья знаютъ, гдѣ ее найти во всякое время и во всякомъ мѣстѣ» ***). Здѣсь Меттернихъ понимаетъ, конечно, подъ «неподвижностью» вѣрность принципамъ, но это въ силу свойственной ему иллюзіи принимать за идеи то спокойствіе духа, которое обусловливается ихъ полнымъ отсутствіемъ. Онъ даже былъ консерваторомъ, не вслѣдствіе какой-нибудь продуманной и обоснованной доктрины, а вслѣдствіе своего лишеннаго всякаго энтузіазма темперамента.

Въ его письмахъ встрѣчается очень часто фраза: «во всей моей жизни мнѣ не было знакомо чувство честолюбія». Было бы наивностью думать, что онъ не желалъ почестей, власти, богатства: вся жизнь канцлера говоритъ противъ подобнаго толкованія. Но слово «ambition» значитъ еще стремленіе къ славѣ—чувство, которое Меттерниху дѣйствительно было незнакомо. Для этого у него не хватало полета мысли, вѣры въ могущество принциповъ; онъ былъ лишенъ той демонической силы, какъ ее называетъ Гёте въ разговорахъ съ Эккерманомъ, которая толкала историческія личности къ безпрерывной дѣятельности, возбуждая въ нихъ новыя желанія, создавая передъ ними новыя цѣли. Меттернихъ чувствовалъ себя хорошо только среди малыхъ дѣлъ — большихъ онъ не любилъ. Отсюда и его презрѣніе къ дипломатамъ болѣе высокаго полета. Каподистрію онъ иронически называлъ «поэтомъ конгрессовъ», а знаменитаго Каннинга, смотря по настроенію, «романтикомъ», «человѣкомъ изворотливымъ», увлекающимся «политикой приключеній». «Есть два рода мыслителей, — пишетъ въ другомъ мѣстѣ Меттернихъ—первый касается всего и ни во что не вникаетъ, второй останавливается на вещахъ и проникаетъ въ ихъ суть. Каннингъ при-

---

*) Послѣдніе дни Меттерниха. Письмо Александра Гюбнера помѣщенное въ мемуарахъ t. VIII p. 646.

**) Гервинусъ. «Исторія девятнадцатаго вѣка, отъ вѣнскаго конгресса». Спб. 1863, т. I. стр. 352.

***) Ernest Daudet. «Un roman du prince de Metternich» (1819) «Revue Hebdomadaire», 29 Iuillet, 1899, p. 663.

надлежитъ къ первой категоріи, а я, можетъ быть, болѣе ограниченный, чѣмъ онъ, но и со своими познаніями, какъ они ни малы, принадлежу скорѣе ко второй. Каннингъ летитъ, а я иду; онъ паритъ въ необитаемыхъ сферахъ, я же держусь на уровнѣ человѣческаго общества. Слѣдствіемъ этой разницы—то, что на сторонѣ Каннинга будутъ всѣ романтики, я же долженъ довольствоваться обыкновенными прозаиками. Его роль блестяща, какъ молнія, моя неослѣпительна, но сохраняетъ то, что первая губитъ. Люди какъ Каннингъ, двадцать разъ будутъ падать и подниматься, *люди, какъ я, освобождены отъ труда подниматься, ибо они не такъ часто подвержены паденію*».

Меттернихъ любилъ то равновѣсіе, которое въ политикѣ сводится къ абсолютному покою. Все нужно было дѣлать безъ шума, безъ гласности. Свои реакціонныя мѣры онъ проводилъ постепенно, тихо. Онъ не любилъ «драконовыхъ законовъ», потому что своей суровостью они могутъ разбудить общественное мнѣніе и вызвать подозрѣніе въ слабости правительствъ. «Гнѣвъ очень плохой совѣтчикъ при составленіи законовъ», писалъ онъ 14-го августа 1835 года своему посланнику Апоніи въ Парижѣ, по поводу изданнаго Луи-Филиппомъ закона противъ свободы печати. «Дѣйствительна только цензура,—продолжаетъ Меттернихъ,—а законъ производитъ впечатлѣніе подавленія».

Политическая близорукость Меттерниха проистекала изъ того, что его духъ, именно былъ лишенъ «историческаго чутья». Вся его политика была размѣрена на прошломъ и поэтому каждое новое требованіе жизни вызывало у него ужасъ. «Я ненавижу все, что является неожиданнымъ образомъ», писалъ онъ 18-го января 1824 года.

Въ его письмахъ есть множество разбросанныхъ афоризмовъ, характерныхъ для косности и лѣности его ума. «Чтобы побѣждать людей, нужно только одно умѣніе ждать». «Чтобы добиться цѣли, не нужно двигаться съ мѣста!»

Вотъ характерныя мечты интеллектуальнаго облика Меттерниха: колоссальное самомнѣніе и косность, неспособность къ какому бы то ни было отвлеченному мышленію—это были черты отрицательныя, но онѣ дѣлались почти достоинствами, въ виду цѣли, которой онъ добивался. Онъ былъ канцлеромъ монархіи, единственное спасеніе которой заключалось въ сохраненіи абсолютной неподвижности европейской системы. Его вліяніе дошло до апогея въ эпоху, когда послѣ продолжительныхъ разорительныхъ войнъ и революцій Европа, истощенная и уставшая, впала въ естественную летаргію. Меттернихъ воображалъ, что эту реакцію вызвалъ онъ, благодаря благодѣтельнымъ казематамъ своей Шпильбергской крѣпости. Послѣдующія событія показали, какъ глубоко онъ ошибся.



## II.

Отрицательными являются и большая часть чертъ его нравственнаго облика. Къ нему вполнѣ приложима та оцѣнка, которую онъ высказывалъ о своихъ противникахъ. Его политика дѣйствительно была «политикой эгоизма, своеволія и мелкаго честолюбія, ищущая только выгоды, политикой, которая попирала элементарные законы справедливости и издѣвалась надъ данной клятвой». «Меттернихъ, почти государственный мужъ,—говорилъ про него Наполеонъ,—ибо онъ отлично вретъ». О немъ можно сказать то, что говорилъ турецкій визирь Кючукъ Саидъ паша въ 1876 г. по адресу одного иностраннаго дипломата. «Когда человѣкъ вретъ, то обыкновенно обратное—правда, но г. X. такъ отлично вретъ, что неправда и то, что онъ говоритъ, и даже обратное». Обманъ, доходившій до вѣроломства, хитрость, лукавство, были обыкновенными пріемами политики Меттерниха. Таллейранъ его называлъ «politique de semaine», такъ какъ онъ мѣнялся каждую недѣлю. «Страсть къ проискамъ Меттернихъ принимаетъ за дипломатическое искусство», отозвался однажды Наполеонъ.

Въ своей личной жизни онъ такъ же мало слѣдовалъ предписаніямъ «вѣчныхъ законовъ», морали, какъ и въ своей дипломатической дѣятельности. Онъ занимался всякими нечистыми финансовыми операціями, получалъ подачки отъ всѣхъ европейскихъ монарховъ, въ результатѣ чего получилось, что онъ изъ разорившагося сеньора, векселя котораго никто не хотѣлъ брать, сдѣлался однимъ изъ богатѣйшихъ австрійскихъ собственниковъ *).

Какъ большинство аристократовъ стараго режима, Меттернихъ считалъ религію и нравственность вещами прекрасными для народа, но самъ въ глубинѣ души былъ человѣкомъ невѣрующимъ. «Признаюсь я не понимаю,—писалъ онъ своей женѣ 10-го апрѣля 1819 года изъ Рима,—какъ протестантъ, пріѣхавшій въ Римъ, можетъ принять католичество. Римъ—самый великолѣпный театръ въ мірѣ, но только съ очень плохими актерами. Сохраните мое мнѣніе про себя, иначе оно обойдетъ всю Вѣну, а я слишкомъ люблю религію и ея торжество, чтобы желать вредить ей какимъ бы то ни было образомъ».

Меттернихъ и его ближайшій помощникъ Генцъ обратили австрійскую государственную канцелярію въ настоящій будуаръ, гдѣ наряду съ дипломатическими комбинаціями завязывались амурныя интриги. «Я доволенъ, что не проводилъ свою молодость печально, какъ нищій,—писалъ Генцъ знаменитой красавицѣ Рахили Фарнгагенъ.—И всегда буду утѣшаться тѣмъ, что наслаждался во всю на жизненномъ пиру, и что смогу подняться отъ трапезы, какъ насыщенный гость».

---

*) Гервинусъ, I, 349 и слѣд.

«Генцъ—нашъ романтикъ, — писалъ Меттернихъ своей будущей супругѣ графинѣ Зичи,—увеличилъ двумя красавицами списокъ пятнадцати дамъ. Онъ теперь ищетъ новыхъ побѣдъ». «Ахъ, какъ онъ мнѣ надоѣлъ!—пишетъ на этотъ разъ въ своемъ дневникѣ Генцъ о Меттернихѣ.—Сегодня опять ничего о дѣлахъ, а все время онъ мнѣ разсказывалъ объ этой простит... дамѣ». Здѣсь Генцъ подразумѣваетъ герцогиню Саганъ, за которой такъ усердно ухаживалъ Меттернихъ во время вѣнскаго конгресса. Свѣтская скандальная хроника того времени была наполнена похожденіями Меттерниха въ Парижѣ, Лайбахѣ и Вѣнѣ. Будучи посланникомъ въ Парижѣ, онъ завязалъ близкія отношенія съ Каролиной, сестрой Наполеона. Этимъ объяснялъ потомъ Таллейранъ покровительство, которое оказывалъ Меттернихъ на вѣнскомъ конгрессѣ мужу Каролины, неаполитанскому королю Мюрату. «Это самый постыдный фактъ, который исторія когда-либо отмѣчала,—писалъ Людовикъ XVIII-ый въ отвѣтъ Таллейрану.—Если Антоній малодушно бросилъ свой флотъ и свою армію, Клеопатра, по крайней мѣрѣ, соблазнила его самого, а не его министра» *). Когда Меттернихъ разлучался съ властительницами своего сердца, онъ продолжалъ вести съ ними длинную переписку. Рядъ такихъ писемъ Меттерниха къ супругѣ одного иностраннаго представителя въ Лондонѣ былъ напечатанъ года три тому назадъ. Они пересылались вмѣстѣ съ дипломатическими бумагами, съ большою осторожностью черезъ Парижъ. Французская полиція, имѣвшая свои тайные ходы въ канцелярію австрійскаго посольства, открывала ночью шкапы, распечатывала скрытыя въ четырехъ конвертахъ письма, снимала съ нихъ копіи, а затѣмъ укладывала ихъ въ прежнемъ порядкѣ. И когда Меттернихъ былъ увѣренъ въ полномъ сохраненіи его тайны, Людовикъ XVIII потѣшался надъ его любовными изліяніями **). Да, князь Клементій Меттернихъ былъ великимъ жизнепрожигателемъ передъ небеснымъ Отцомъ. Желанія высшаго свойства ему были незнакомы, но съ тѣмъ большимъ наслажденіемъ онъ предавался мелкимъ страстямъ и соблазнамъ. Жизнь для него заключалась въ наслажденіи, и ему больше, чѣмъ Генцу, не хотѣлось оставлять «трапезы... жизненнаго пира». Меттернихъ боялся смерти, какъ большинство эпикурейцевъ. «Я нахожу Клементія грустнымъ, печальнымъ,—отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ 14-го октября 1836 года жена его княгиня Меланія Меттернихъ,—и какъ мнѣ кажется, его тревожатъ мрачныя мысли, касающіяся его личности. Я боюсь, что онъ безпокоится своимъ возрастомъ и предается ужаснымъ предчувствіямъ. Богу извѣстно, какъ все это

*) Письмо Люд. XVIII, 7-го января 1815 г. (Correspondance de Talleyrand et Louis XVIII etc).

**) Эта переписка Меттерниха находится теперь во французскомъ государственномъ архивѣ. См. вышеупомянутую статью Эрнеста Доде: «Un roman du prince de Metternich».



меня безпокоитъ, но чѣмъ больше меня тревожитъ подавленное состояніе, которое съ грустью я замѣчаю у него, тѣмъ больше дѣлаю видъ, что ничего не вижу» *). Восемь лѣтъ спустя, 16-го августа 1843 года она опять пишетъ: «Я замѣчаю, что Клементій поглощенъ опять печальными мыслями; мое сердце разрывается; на каждомъ шагу онъ какъ бы прощается съ жизнью. Это страшно тяжело, главное нужно, чтобы я молчала, а это мнѣ стоитъ очень многаго». Однажды онъ началъ ей разсказывать, что совѣтовалъ англійскому регенту поставить своему отцу Георгу III памятникъ, и при этомъ разрыдался, какъ ребенокъ.

По временамъ хорошая сторона человѣческой природы беретъ верхъ у Меттерниха, и тогда его внутренній міръ дѣлается доступнымъ и даже близкимъ намъ. У него были личныя несчастія въ жизни; ему суждено было пережить трехъ супругъ, сына и двухъ дочерей, красота которыхъ поражала современниковъ. Особенно потрясенъ былъ Меттернихъ смертью одной изъ нихъ, одноименной съ нимъ, Клементины. «Я работаю, но все время думаю о моемъ несчастіи. Міръ потерялъ одно изъ своихъ чудныхъ созданій. Есть одна дама, имѣющая сходство съ моей дочерью. Встрѣтивъ ее сегодня, я съ большимъ трудомъ могъ удержать свои слезы. Я не могу войти въ комнату Клементины, чтобы не разрыдаться».

Дѣла, интриги, похожденія быстро поглощали Меттерниха, онъ снова бросался въ омутъ жизни, и боясь, чтобы его не обвинили въ безсердечности, начинаетъ говорить о своихъ двухъ «я». «Въ трудные моменты, какъ этотъ, я долженъ проявить мою двойственную натуру, которая заставляетъ многихъ думать, что я человѣкъ безъ сердца. Они сказали бы, что у меня и головы нѣтъ, если бы при случаѣ я не показалъ имъ, что моя голова солидно держится на плечахъ, когда они объ нее ударяются».

Отмѣтимъ, наконецъ, тѣ положительныя черты характера Меттерниха, которыя много способствовали его дипломатическимъ успѣхамъ. Сюда нужно прежде всего отнести его проницательность. Онъ отлично понималъ людей. Онъ не могъ оцѣнивать ихъ дѣятельность съ точки зрѣнія прогресса, въ который онъ не вѣрилъ, но онъ проникалъ въ ихъ намѣренія и побужденія. Это видно изъ характеристикъ, которыя онъ нерѣдко даетъ о своихъ современникахъ. Проницательность Меттерниха находится несомнѣнно въ связи съ его собственнымъ, положительнымъ и прозаическимъ складомъ мысли, гдѣ не было мѣста увлеченіямъ и «романтизму», но именно это придавало ему ту легкость и ловкость, которыми онъ отличался въ своихъ сношеніяхъ съ людьми. Со всѣми ими онъ умѣлъ обращаться, благодаря не только

*) Дневникъ княгини Меланіи (бывшей графини Зичи). Memoires etc., t. II, p. 127.



своему свѣтскому воспитанію, но еще и потому, что онъ одаренъ былъ въ высшей степени самообладаніемъ, находчивостью, переходившей подчасъ въ тонкое остроуміе. Онъ зналъ, гдѣ ему слѣдовало молчать, гдѣ говорить, а главное, что говорить. «Вы пользуетесь успѣхомъ у меня и у общества,—сказалъ ему однажды Наполеонъ,—потому что вы не говорите лишняго и ни одной сплетни нельзя приписать вамъ». «Вы слишкомъ молоды, милостивый государь, чтобы быть представителемъ самой древней монархіи»,—сказалъ Наполеонъ Меттерниху еще при первой ихъ встрѣчѣ. «Государь, я въ томъ же возрастѣ, въ которомъ ваше величество были при Аустерлицѣ» *). Другой разъ Наполеонъ жаловался, что въ Вѣнѣ не оказываютъ достаточнаго вниманія его посланнику, т.-е. ему самому. «Я васъ увѣряю, государь, что очень скоро мнѣ будетъ поручено передать вамъ нѣсколько вазъ, если онѣ могутъ послужить къ закрѣпленію хорошихъ отношеній между нами».

Относительно умѣнья Меттерниха держаться всѣ его современники согласны, и поэтому мы можемъ ему вѣрить, когда онъ самъ разсказываетъ о себѣ, что во время конгрессовъ сохраняетъ невозмутимое спокойствіе. «Я слушаю все съ спокойствіемъ римскаго сенатора; ни одинъ мускулъ моего лица не двигается; я выслушиваю и *отвергаю*».

Вотъ различныя стороны характера Меттерниха. Его умственный и нравственный обликъ теперь намъ достаточно ясенъ, чтобы безъ затрудненій мы могли оріентироваться въ событіяхъ его жизни.

## III.

«*Я создавалъ исторію* — вотъ почему у меня не было времени ее писать»,—говоритъ Меттернихъ въ началѣ своей автобіографіи, и отчасти это такъ **). Его политическія комбинаціи не отличались глубиной и прочностью, но въ исторіи почти нѣтъ примѣра, чтобы дѣятельность какого-нибудь государственнаго человѣка охватывала такой широкій кругъ пространства и времени, какъ дѣятельность австрійскаго канцлера. Онъ былъ поистинѣ «скалой», остававшейся на своемъ мѣстѣ, когда отливы и приливы бурной политической жизни все разрушали и все измѣняли вокругъ. Ему было 24 года, когда онъ выступилъ на политическую сцену, и 74—когда сошелъ съ нея. За этотъ длинный періодъ падали государства за государствомъ, система рушилась за системой, политическіе дѣятели умирали одинъ за другимъ, только Меттернихъ оставался неуязвимъ. Онъ пережилъ многихъ императоровъ и королей, былъ свидѣтелемъ всѣхъ фазисовъ француз-

*) Ch. de Mazade (de l'academie française). «Un chancelier d'ancien régime. Le règne diplomatique de». M. de Metternich. P. 1889. p. 53.

**) Mémoires etc. Предисловіе къ первому тому. Нужно замѣтить, что Меттернихъ доводитъ свою автобіографію только до 1815 года.



ской революціи, видѣлъ паденія Наполеона, Карла X, Луи-Филиппа, второй республики; на его глазахъ возвышалась и рушилась популярность знаменитыхъ государственныхъ дѣятелей Франціи, Англіи, Германіи и Россіи, а онъ стоялъ неподвижный, какъ столбъ, поставленный исторіей, чтобы на немъ отмѣчать тѣ превратности, которыя судьба скрывала для другихъ.

Жизнь Меттерниха—это хронологія Европы за цѣлое полстолѣтіе, отсюда и глубокій историческій интересъ, который представляетъ его личность.

Князь Клементій-Венцеславъ-Лотарій-Непомукъ Меттернихъ родился въ Кобленцѣ 15-го іюня 1773 г. въ богатой и древней дворянской семьѣ. Его отецъ, графъ Францъ-Георгъ Меттернихъ, состоялъ на австрійской службѣ. Онъ былъ посланникомъ австрійскаго императора при рейнскихъ владѣтельныхъ графахъ и князьяхъ. Отецъ Меттерниха отличался жизнерадостностью, веселостью и слабостью къ прекрасному полу—черты, перешедшія и къ его сыну.

Воспитаніемъ Меттерниха занималась сначала его мать, графиня Кагенегъ; его домашними учителями были два монаха, а позже французъ Фредерикъ Симонъ, будущій членъ якобинскихъ клубовъ въ Страсбургѣ и Парижѣ. Какъ и для всѣхъ аристократовъ той эпохи, главными предметами занятій были французскій языкъ, танцы, музыка и подробное изученіе правилъ свѣтскаго этикета.

Въ дѣтствѣ Меттернихъ не проявлялъ никакихъ особенныхъ дарованій, наоборотъ, скорѣе отличался лѣностью и небрежностью, за что ему приходилось выслушивать упреки отъ отца. Такъ, напримѣръ, въ одномъ письмѣ послѣдній предупреждаетъ молодого Клементія не писать по нѣсколько разъ одной и той же фразы, въ другой разъ онъ ему совѣтуетъ заняться серьезнѣе нѣмецкимъ языкомъ, которымъ будущій австрійскій канцлеръ владѣлъ очень плохо.

Для пополненія своего образованія, молодой Меттернихъ поѣхалъ вмѣстѣ со своимъ братомъ въ Страсбургъ. Этому университету нѣмецкая аристократія оказывала предпочтеніе, такъ какъ тамъ занятія происходили—одновременно на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ. Когда вспыхнувшая революція охватила всѣ французскіе города, въ томъ числѣ и Страсбургъ, родители Меттерниха перевели его въ Майнцъ. Тутъ, какъ и въ Страсбургѣ, онъ числился на юридическомъ факультетѣ. Къ научнымъ занятіямъ Меттернихъ не чувствовалъ большого влеченія. Свидѣтели его жизни въ Страсбургѣ говорятъ, что онъ любилъ больше веселіе и праздность, чѣмъ римское или каноническое право *). Онъ самъ впрочемъ, не скрываетъ, что проводилъ въ Майнцѣ половину своего времени въ обществѣ, «члены котораго отличались

---

*) Adolf Berr. «Fürst Clemens Metternich» («Der neue Plutarch», fünfter Theil, Leipzig, 1877, S. 258.



какъ умомъ, такъ и своимъ высокимъ положеніемъ». Нѣкоторое время спустя, въ 1794 г. онъ уѣзжаетъ въ Вѣну, гдѣ продолжаетъ вести тотъ же образъ жизни. «Я посѣщалъ—пишетъ Меттернихъ—преимущественно салоны, гдѣ завязывались пріятные разговоры. Я былъ убѣжденъ, что именно тамъ изощряется умъ, исправляются ложныя идеи и человѣкъ пріучается избѣгать пустыя сплетни». Въ это время Меттерниху было 21 годъ. Несмотря на юный возрастъ, онъ женился на внучкѣ австрійскаго канцлера Кауница, и не столько по своему собственному желанію, какъ въ угоду родителямъ.

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ самыя крупныя событія раннихъ лѣтъ Меттерниха. Какъ мы уже замѣтили, онъ не отличался никакими выдающимися дарованіями, а между тѣмъ, уже въ это время о немъ говорили, какъ о будущемъ дипломатѣ. Что дало поводъ этому?

Прежде всего дипломатическая карьера была традиціей его рода. Кромѣ того, онъ обладалъ личными качествами, которыя и теперь, а еще больше въ тогдашнее время, считались лучшими условіями дипломатическихъ успѣховъ. Онъ былъ «красивымъ, пріятнымъ человѣкомъ и отличнымъ кавалеромъ», какъ о немъ выражался канцлеръ Кауницъ. При томъ же Меттернихъ отличался остроуміемъ, находчивостью и важнымъ для дипломата качествомъ—самообладаніемъ. Наконецъ, Метрернихъ уже тогда проникся тѣми охранительными началами, которымъ остался вѣренъ до конца жизни и которыя сдѣлали изъ него ревниваго служителя интересовъ Габсбургскаго дома. Благодаря всѣмъ этимъ качествамъ, онъ скоро обратилъ на себя вниманіе какъ аристократическихъ круговъ, такъ и самого императора. Когда онъ еще былъ студентомъ, его два раза подъ рядъ выбирали представителемъ вестфальскихъ католическихъ графовъ, на коронаціяхъ императора Леопольда и его преемника императора Франца. Послѣ того, какъ Меттернихъ поселился въ Вѣнѣ, императоръ Францъ неоднократно приглашалъ его на службу, а когда Меттернихъ по тѣмъ или инымъ причинамъ уклонялся, императоръ шутя называлъ его лѣнтяемъ.

Однако, необходимость, въ которой была скоро поставлена Австрія, *мобилизировать*, если можно такъ выразиться, не только всѣ свои военныя, но и всѣ дипломатическія силы, вывела изъ пассивности и молодого Меттерниха. Не трудно догадаться, что эта необходимость была вызвана событіями, которыя происходили во Франціи.

Описаніе этихъ событій не входитъ въ нашу задачу, но нельзя лучше оттѣнить міровоззрѣніе Меттерниха, какъ противопоставивъ ему идеи какого-нибидь современнаго ему французскаго дѣятеля. Этотъ антитезъ двухъ психологій резюмируетъ, нѣкоторымъ образомъ, политическую исторію прошлаго столѣтія.

«Измученные двадцативѣковой жаждой—писалъ Камиллъ Демуленъ въ первомъ нумерѣ «La France Libre»,—мы бросались къ источнику, какъ только онъ намъ былъ указанъ. Нѣсколько лѣтъ тому

назадъ я искалъ повсюду республиканскую душу и былъ въ отчаяніи, что не родился грекомъ или римляниномъ... Но теперь иностранцы будутъ жалѣть, что не родились французами. Мы превзойдемъ гордыхъ своей конституціей англичанъ, презиравшихъ насъ за наше рабо-лѣпіе. Больше нѣтъ подкупныхъ судей, нѣтъ наслѣдствевеннаго дворянства, нѣтъ денежныхъ привиллегій, нѣтъ наслѣдственныхъ правъ, нѣтъ тайныхъ распоряженій и декретовъ; нѣтъ своевольныхъ запрещеній, нѣтъ секретной уголовной процедуры. Свобода торговли, свобода совѣсти, свобода слова, свобода печати! Больше нѣтъ министровъ притѣснителей, нѣтъ министровъ расхитителей, нѣтъ вице-деспотовъ интендантовъ, нѣтъ приговоровъ полицейскихъ коммиссаровъ, нѣтъ больше Ришелье, Бардамона, Террэ, нѣтъ больше Екатерины де-Медичи, нѣтъ Изабеллы Баварской, нѣтъ Карла IX, нѣтъ Людовика XI *).

Вотъ что чувствовалъ, думалъ и говорилъ французъ,—посмотримъ теперь, какъ на эти самыя событія отзывался Меттернихъ.

Первыя извѣстія о революціи дошли до Меттерниха, когда онъ находился еще въ Страсбургѣ. Граждане, профессора, студенты встрѣтили совершившійся фактъ съ восторгомъ, но не Меттернихъ. Ему было тогда всего семнадцать лѣтъ,—возрастъ всякихъ увлеченій,—но онъ былъ защищенъ отъ нихъ тройной броней—аристократическаго происхожденія, флегматическаго темперамента и неподвижнаго ума. «Я видалъ много людей,—пишетъ онъ, говоря о своемъ пребываніи въ Страсбургѣ,—у которыхъ не хватило силы характера противостоять увлеченію новымъ теоріямъ. Но мой разумъ и моя совѣсть ихъ постоянно отвергали, какъ несостоятельныхъ». Годъ спустя, въ Майнцѣ, онъ опять попалъ въ революціонную атмосферу. Броженіе было сильно, въ особенности среди литераторовъ и ученыхъ. Самому Меттерниху, приходилось часто бывать въ «клубѣ» либерала Георга Форстера, ученаго натуралиста и товарища по путешествію знаменитаго Кука, но и тутъ, какъ и въ Страсбургѣ, Меттернихъ не поддавался заблужденіямъ. Его духъ былъ уже крѣпко прикованъ къ неподвижнымъ формамъ прошлаго. Контрастъ между ненавистной революціей съ ея нововведеніями, и освѣщенной вѣковыми традиціями сословной монархіей, съ ея внѣшнимъ блескомъ, постоянно встаетъ въ его воображеніи. Для Меттерниха эти два принципа воплощались въ двухъ событіяхъ, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ: разграбленіе страсбургской ратуши и коронація императора Леопольда во Франкфуртѣ. «Окруженный невѣжественной толпой, называемой народомъ,—пишетъ Меттернихъ,—я присутствовалъ при разграбленіи Страсбургской ратуши. Теперь, наоборотъ, я считался однимъ изъ стражей общественнаго порядка, здѣсь, въ ратушѣ Франкфурта, гдѣ происходили столь величественные цере-

*) La Jeune France «Juillet 1789 (Henri Avenel Histoire» de la presse p. 1899, pp. 50—59).



моніалы, всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ объятой пламенемъ Франціи. Этотъ контрастъ, повторяю, не оставлялъ меня въ покоѣ».

Шесть лѣтъ спустя, Меттерниху пришлось въ первый разъ столкнуться съ оффиціальными представителями французской республики. Это случилось въ 1799 г. на раштадтскомъ конгрессѣ, куда онъ поѣхалъ вмѣстѣ со своимъ отцомъ, какъ австрійскій делегатъ. Отношенія Меттерниха къ французской революціи остались прежними. Письма, которыя онъ посылаетъ изъ Раштадта своей женѣ, полны сарказмовъ по адресу французскихъ делегатовъ. Онъ шутилъ надъ ихъ фраками и бѣлыми брюками—костюмъ, въ которомъ Меттернихъ не рѣшился бы показаться, «даже вставая съ постели»; ихъ лакеи похожи на «косцовъ»; онъ смѣется надъ республиканскимъ календаремъ и приходитъ въ ужасъ, когда на обѣдѣ ему поднесли печеніе, окрашенное тремя цвѣтами французскаго знамени. «Я не могу привыкнуть къ этимъ господамъ,—пишетъ онъ.—Въ ихъ лицѣ я вижу убійцъ и палачей, противъ которыхъ возмущается все мое нутро».

## IV.

Настоящая дипломатическая карьера Меттерниха начинается въ 1801 г. Онъ былъ назначенъ посланникомъ сначала въ Дрезденъ, потомъ въ Берлинъ. Въ Прусскую столицу,—Меттерниху тогда было 28 лѣтъ,—онъ поѣхалъ съ миссіей вовлечь Пруссію въ новую коалицію, которую уже составляли противъ Франціи Австрія, Россія и Англія.

До сихъ поръ мы знакомились съ Меттернихомъ, какъ съ представителемъ извѣстныхъ политическихъ взглядовъ; теперь мы увидимъ Меттерниха въ роли дипломата, который прибѣгаетъ ко всякимъ хитростямъ, содержитъ штатъ сыщиковъ, льститъ, обманываетъ и измѣняетъ данному слову.

Какъ мы уже замѣтили, задачей Меттерниха было втянуть и Пруссію въ войну съ Франціей. Но несмотря на увѣщанія Меттерниха и Алопеуса, русскаго посланника въ Берлинѣ, Пруссія отказывалась. Фридрихъ Вильгельмъ III, боязливый и слабохарактерный, приходилъ въ ужасъ только отъ одного слова «коалиція». И было отчего! Воспоминанія о побѣдахъ, которыя войска республики одержали надъ войсками Пруссіи при Вальми, Гогенлинденѣ и другихъ мѣстахъ, были еще свѣжи.

Царь Александръ хотѣлъ угрозой заставить Пруссію согласиться: онъ извѣстилъ короля, что не дожидаясь его согласія, перейдетъ съ русскими войсками прусскую территорію. Это извѣстіе чуть не привело къ столкновенію между Россіей и Пруссіей. Послѣдняя уже готовилась отразить русскія войска, когда въ Берлинѣ получилось извѣстіе, что Наполеонъ перешелъ со своей арміей прусскую границу. Послѣд-

ствіемъ поступка Наполеона былъ тайный потсдамскій договоръ, заключенный 3-го ноября 1805 г. между Александромъ I, прусскимъ королемъ и Меттернихомъ противъ Франціи. Но было уже поздно. За двѣ недѣли до подписанія договора весь австрійскій гарнизонъ въ Ульмѣ былъ взятъ въ плѣнъ Наполеономъ, а Пруссія еще не успѣла пойти на помощь своимъ союзникамъ, когда австрійцы и русскіе были побиты при Аустерлицѣ.

Австрія, больше всѣхъ потерпѣвшая, спѣшила подписать пресбургскій миръ. Пруссія-же вошла въ новый тайный союзъ съ Россіей противъ Франціи, и фактъ, неправдоподобный, но вполнѣ истинный,—съ Франціей противъ Россіи. Этимъ послѣднимъ союзомъ Пруссія хотѣла выиграть время, чтобы лучше подготовиться къ войнѣ, которая и окончилась для нея катастрофою при Іенѣ (1806 г.). Зимою 1806—1807 г. были побиты и русскіе при Эйлау и Фридландѣ.

Послѣ побѣдъ 1805—1807 г., Наполеонъ сталъ полнымъ хозяиномъ всей средней и западной Европы. Опасность для европейскихъ монарховъ заключалась въ томъ духѣ непокорства и мятежа, который вносилъ Наполеонъ въ среду народовъ.

Наполеонъ преслѣдовалъ съ усердіемъ идеи революціи во Франціи, но онъ ихъ разсѣивалъ по всей Европѣ. Онъ наводнялъ Германію. Австрію, Италію своими бюллетенями, гдѣ подвергались строжайшей критикѣ мѣстный образъ правленія и злоупотребленія властей, гдѣ раскрывались безъ всякаго стѣсненія слабости королей, министровъ, чиновничества и духовенства. «Глава французскаго правительства громко выражаетъ свои намѣренія,—писалъ по поводу этихъ бюллетеней Меттернихъ: возмутить противъ ихъ государей народы, которые Австрія и Пруссія въ согласіи съ Россіей должны были подчинить своей власти, чтобы ихъ предохранить отъ бѣдствій и преступленій, вызванныхъ французской революціей».

Наполеонъ угрожалъ, кромѣ того, раздѣлить австрійскую имперію на нѣсколько королевствъ: Богемію, Венгрію, Тироль и др., во главѣ которыхъ находились бы преданные ему люди.

Слѣдить за проектами Наполеона и по возможности ихъ предупреждать—вотъ съ какою миссіею поѣхалъ Меттернихъ австрійскимъ посланникомъ въ Парижъ, въ концѣ 1806 года.

## V.

Трехлѣтнее пребываніе Меттерниха въ Парижѣ останется однимъ изъ самыхъ трудныхъ періодовъ его дѣятельности. Тутъ онъ долженъ былъ развернуть весь свой дипломатическій талантъ, чтобы преодолѣть всѣ трудности, съ которыми былъ сопряжена роль австрійскаго посланника. Историческое прошлое Австріи и ея многочисленные интересы въ Европѣ требовали отъ ея посланника политики смѣлой

и достойной, тогда какъ ея теперешнее печальное внутреннее и внѣшнее положеніе допускало только политику крайней осторожности. Примиреніе этихъ двухъ крайностей было задачей самой по себѣ трудной, но еще болѣе трудной она становилась вслѣдствіе тогдашнихъ особенныхъ условій. Въ Парижѣ онъ долженъ былъ воевать не только съ ловкимъ и хитрымъ дипломатомъ, какъ Таллейранъ, но и съ самимъ императоромъ Наполеономъ.

Французскій цезарь былъ уже въ то время самой популярной въ мірѣ личностью. У однихъ онъ вызывалъ любовь и восторгъ, доходившіе до самопожертвованія, у другихъ— ненависть, доходившую до фанатизма, но всѣ, и друзья и враги, были проникнуты невольнымъ чувствомъ благоговѣнія передъ его необыкновенной личностью. Враги смотрѣли на Наполеона, какъ на зловредную стихію, которая поражаетъ и привлекаетъ людей своимъ гигантскимъ размѣромъ и дикой силой. Видѣть и услышать Наполеона было непреодолимымъ желаніемъ всѣхъ безъ различія: какъ его почитателей, такъ и враговъ. Кн. Сергѣй Волконскій разсказываетъ, что во время пребыванія Наполеона въ Тильзитѣ онъ вмѣстѣ съ другими русскими офицерами переодѣвался въ крестьянское платье, чтобы имѣть возможность увидѣть Наполеона. Такъ же поступилъ Вильсонъ, англійскій военный атташе при русской арміи: онъ переодѣлся въ казацкій мундиръ, чтобы попасть въ свиту Платова, котораго Наполеонъ пожелалъ видѣть *).

Съ тѣхъ поръ прошло цѣлое столѣтіе, но память о Наполеонѣ живетъ еще не только въ литературѣ и въ исторіи, но и въ преданіяхъ и легендахъ всѣхъ народовъ. Отъ русскихъ степей, гдѣ онъ являлся «воплощеніемъ антихриста», до египетскихъ пустынь, отъ Сиріи до Швейцаріи, гдѣ горцы въ очертаніяхъ снѣжнаго Монблана видятъ его силуэтъ, сохранилась и понынѣ память знаменитаго полководца.

Ну, слыхано ли со времени потопа,
Чтобы вѣкъ былъ полонъ именемъ однимъ?

Такъ говоритъ Кассій объ Юліи Цезарѣ,—то же самое можно сказать и о Наполеонѣ.

Мы не намѣрены здѣсь давать характеристики Наполеона, но нашъ очеркъ о Меттернихѣ не былъ бы полонъ, роль австрійскаго канцлера не представилась бы въ настоящемъ свѣтѣ, если мы не познакомимся ближе съ личностью французскаго императора, съ которымъ онъ боролся въ теченіе пятнадцати лѣтъ.

Наполеонъ представлялъ необыкновенную смѣсь высокихъ душевныхъ качествъ съ низменными и эгоистическими влеченіями. Страсть властвовать, деспотическій характеръ, готовность прибѣгать къ обману и вѣроломству соединялись у него съ необыкновеннымъ проницатель-

*) «Записки Сергѣя Волконскаго» (декабриста). Изданіе князя М. С. Волконскаго. Спб. 1901 г. стр., 51 и слѣд.

нымъ умомъ, съ пылкимъ воображеніемъ и желѣзной волей. Достоинства и недостатки Наполеона одинаково необыкновенныхъ размѣровъ; его аморальность прямо пропорціональна силѣ его интеллекта.

О Наполеонѣ больше, чѣмъ о комъ-либо другомъ, можно сказать, что онъ былъ натурой *демонической*. Въ немъ скрывался неистощимый запасъ нервной энергіи, которая не только помогала ему осуществлять грандіозные планы, но и толкала его къ этому. И въ самыхъ ничтожныхъ, и въ самыхъ крупныхъ фактахъ его жизни,—и пустой и нескончаемой болтовнѣ, которой онъ часто развлекался, и въ его блестящихъ военныхъ побѣдахъ,—чувствуется все тотъ же внутренній ключъ жизненныхъ силъ, которыя рвутся наружу и ищутъ примѣненія. Достаточно вспомнить громадную арену отъ египетскихъ пирамидъ до Кремля и отъ Яфы до Мадрида, на которой онъ подвизался, достаточно упомянуть о разнообразныхъ дѣлахъ Наполеона, какъ законодателя и дипломата, чтобы убѣдиться въ его стихійности. Какъ будто бы цѣлыя поколѣнія умирали въ бездѣйствіи, чтобы оставить всѣ нетронутые запасы своихъ силъ одному единственному человѣку.

Такое представленіе о Наполеонѣ еще больше оправдывается, если мы остановимся на нѣкоторыхъ мелкихъ, но очень характерныхъ фактахъ изъ его жизни. Безъ преувеличенія можно сказать, что Наполеонъ былъ самымъ способнымъ къ труду человѣкомъ во Франціи. «Я не знаю предѣла своей способности къ работѣ», говорилъ онъ *). Расхаживая быстрыми шагами по своей комнатѣ, чѣмъ возбуждалъ еще больше свою нервную систему, онъ диктовалъ своимъ секретарямъ по десятку часовъ неустанно. Однажды, когда Наполеонъ искалъ какой-то документъ среди бумагъ на письменномъ столѣ, случайно напалъ онъ на письмо, которое одинъ изъ его секретарей писалъ своей женѣ: «Вотъ уже тридцать шесть часовъ, какъ я принужденъ безвыходно сидѣть въ кабинетѣ». «Вы видите, — сказалъ, смѣясь, Наполеонъ бывшему тамъ какому-то министру:—онъ находитъ время писать нѣжности, а еще жалуется!» Свидѣтели его жизни говорятъ, что Наполеонъ работалъ въ среднемъ по 15 часовъ въ день, но онъ утилизировалъ и балы, во время которыхъ давалъ аудіенціи, и обѣды и прогулки въ экипажѣ, во время которыхъ читалъ. Занятія Наполеона были самаго разнообразнаго характера. Онъ принималъ живое участіе во всѣхъ областяхъ государственной и частной жизни: начиная съ составленія законовъ и государственнаго бюджета, который онъ тщательно провѣрялъ статью за статьей, и кончая правилами придворнаго этикета при дворѣ, которыя устанавливалъ опять-таки до мельчайшихъ подробностей. Онъ могъ вынести весь этотъ колоссальный трудъ благодаря своей энергіи и своей колоссальной памяти. Наполеонъ запоми-

*) Masson. «Napoleon intime» (Наполеонъ въ придворной и домашней жизни. Спб. 1896 г. 227).



налъ прекрасно имена, цифры, физіономіи, выраженія и только по отношенію къ музыкѣ память его была ниже средняго: самую простую арію онъ пѣлъ фальшиво и до конца жизни выговаривалъ французскія слова, какъ корсиканецъ, произнося *габинетъ* вмѣсто *кабинетъ*. Необыкновенная память давала ему возможность входить въ суть всего. Онъ поражалъ своихъ враговъ, говоря имъ съ точностью о количествѣ ихъ солдатъ, лошадей, ружей, о расположеніи ихъ арміи, о личныхъ качествахъ и недостаткахъ генераловъ, о матеріальномъ состояніи страны и другія подробности, неизвѣстныя часто имъ самимъ. Въ то же самое время онъ разспрашиваетъ ихъ обо всемъ, пополняя такимъ образомъ свои познанія. Характеренъ разговоръ, который онъ имѣлъ съ Балашевымъ въ Вильнѣ, во время похода въ Россію. Онъ спрашиваетъ его о причинѣ паденія Сперанскаго, о жизни при дворѣ, а между прочимъ, и о состояніи дороги въ Москву, о русскихъ помѣщикахъ и о множествѣ другихъ фактовъ, которые представили бы ему русскую жизнь въ ея настоящемъ свѣтѣ *). Все это, конечно, Наполеонъ дѣлалъ не безъ задней мысли, но онъ любознателенъ вообще отъ природы въ силу своего подвижнаго ума, своей экспансивности и впечатлительности. Онъ часто приглашаетъ къ себѣ на обѣдъ химиковъ, какъ Бертоле, математиковъ, какъ Коста и Монжъ, художниковъ, какъ Жераръ и Давидъ, чтобы бесѣдовать съ ними о наукѣ и искусствахъ. Съ нимъ во время походовъ всегда ѣздилъ знаменитый членъ института, врачъ Корвизаръ, съ которымъ онъ ведетъ длинныя бесѣды о естественныхъ наукахъ и медицинѣ. Въ Эрфуртѣ Наполеонъ поражалъ Гете, Мюллера и другихъ нѣмецкихъ литераторовъ и ученыхъ своимъ тонкимъ литературнымъ вкусомъ и мѣткими философскими замѣчаніями. Онъ любилъ перечитывать Вертера и по поводу его сдѣлалъ Гете замѣчаніе, которое послѣдній считалъ вполнѣ основательнымъ, хотя его самолюбіе не позволяло ему сказать, въ чемъ оно заключалось. Какъ теперь уже извѣстно, между прочимъ, изъ мемуаровъ Талейрана, Наполеонъ упрекалъ Гете, что онъ уменьшилъ эффектъ самоубійства Вертера, изображая его дѣйствующимъ не подъ вліяніемъ одного чувства любви, но и подъ вліяніемъ обиженнаго самолюбія.

«Наполеонъ владѣлъ людьми, какъ Гуммель своимъ роялемъ», говорилъ Гёте, имѣя въ виду проницательность, которой Наполеонъ обладалъ. Онъ сразу проникалъ или старался проникнуть въ сокровенныя мысли своего собесѣдника. «Я понимаю, чего вы хотите; вы добиваетесь такой то цѣли, ну перейдемъ тогда прямо къ вопросу»,—вотъ стереотипная и характерная фраза, которая встрѣчается во многихъ его разговорахъ.

Онъ изучалъ слабыя и сильныя стороны противника и въ своихъ отношеніяхъ старался дѣйствовать то на одну, то на другую чувстви-

*) Vandal. «Napoleon et Alexandre», Paris. 1901 г., I, t. III.

тельную струну. «Говорите Александру больше о либеральныхъ и философскихъ идеяхъ», пишетъ Наполеонъ французскому посланнику въ Петербургѣ 11-го марта 1803 г., имѣя въ виду тогдашнее увлеченіе царя республиканскими идеями *). Въ Тильзитѣ онъ дѣйствуетъ уже не на чувства, а на воображеніе императора Александра; онъ открываетъ ему блестящую перспективу могущества и славы, если царь согласится войти съ нимъ въ союзъ. «Вотъ что должно стать границей нашихъ имперій», говорилъ Наполеонъ Лобанову, показывая Вислу на картѣ: «Вашъ императоръ долженъ владѣть съ одной стороны, я—съ другой». Когда Лобановъ передалъ эти слова Александру, тотъ пришелъ въ восторгъ. «Противъ никого я не имѣлъ такъ много предубѣжденій,— писалъ потомъ Александръ о Наполеонѣ,—но послѣ перваго свиданія съ нимъ все это исчезло, какъ сонъ».

Въ другихъ случаяхъ Наполеонъ старался дѣйствовать на филантропическія чувства русскаго царя. Послѣ сраженія при Эйлау, случившагося нѣсколько мѣсяцевъ до свиданія въ Тильзитѣ, Наполеонъ диктуетъ самъ, какъ и въ большинствѣ случаевъ, знаменитый *пятьдесятъ первый бюллетень великой арміи*, въ которомъ, желая побудить Александра къ заключенію мира, изображаетъ мастерскими штрихами ужасную картину войны. «Представьте себѣ на протяженіи одной версты въ окружности девять или десять тысячъ человѣческихъ труповъ и четыре или пять тысячъ павшихъ лошадей, груды ранцевъ русскихъ солдатъ, обломки сабель и ружей, землю, покрытую ядрами и гранатами, двадцать пять пушекъ, возлѣ которыхъ валяются тѣла артиллеристовъ, убитыхъ въ ту минуту, когда они старались спасти ихъ. Фонъ снѣжной равнины придаетъ картинѣ еще большую рельефность... Это зрѣлище должно внушить королямъ желаніе мира и отвращеніе къ войнѣ». Одновременно съ этимъ онъ объявляетъ конкурсъ художественной картины, которая вѣрнымъ изображеніемъ ужасовъ войны заставила бы человѣчество стремиться къ дружбѣ и братству.

Для каждаго человѣка, смотря по обстоятельствамъ и мѣсту, у Наполеона былъ особый пріемъ: однихъ онъ привлекалъ лаской, другихъ любилъ брать врасплохъ, бросаясь на нихъ неожиданно. Тогда они, пораженные и растерянные, уступали его требованіямъ. Съ возрастаніемъ его вліянія и могущества угроза сдѣлалась обычнымъ пріемомъ Наполеона.

Извѣстны бурныя сцены, устраиваемыя имъ различнымъ посланникамъ въ Парижѣ. «Мы не такъ уже ослабились,—говорилъ онъ съ гнѣвомъ въ присутствіи всѣхъ посланниковъ, русскому представителю Маркову въ 1803 году,—чтобы терпѣливо переносить такія дѣйствія со стороны Россіи». Въ своей автобіографіи и въ своихъ донесеніяхъ

*) Tatischeff. Alexandre I et Napoleon d'après leur correspondance inedite. Paris 1891, p. 49.



къ министру Стадіову Меттернихъ, какъ очевидецъ, описываетъ нѣкоторыя другія сцены, хорошо рисующія самого Наполеона и положеніе европейскихъ дворовъ той эпохи. «Если Португалія не сдѣлаетъ того, чего я хочу,—говорилъ Наполеонъ, обращаясь къ португальскому посланнику,—не пройдетъ двухъ мѣсяцевъ и Браганцкій домъ перестанетъ царствовать. Я не позволю, чтобы какой-нибудь европейскій дворъ принималъ у себя англійскаго посланника, я объявлю войну каждому государству, которое два мѣсяца послѣ этого момента будетъ продолжать сношенія съ англичанами». Обращаясь къ датскому посланнику и имѣя въ виду бомбардировку англичанами Коппенгагена, Наполеонъ сказалъ: «Событія въ Коппенгагенѣ ужасны, но заявленія вашего короля—мерзость». «Ваша королева ведетъ тайныя сношенія съ англичанами,—сказалъ онъ посланнику Этруріи,—но я все приведу въ порядокъ». «Какъ идутъ ваши дѣла?»—спрашиваетъ Наполеонъ представителя вольнаго города Бремена.—Плохо, государь.—«Будетъ и еще хуже. Бременъ и Гамбургъ англійскіе города, и я съумѣю поступить съ ними, какъ они того заслуживаютъ». «Вы, тамъ въ Римѣ, дурные христіане», говорилъ въ другой разъ Наполеонъ, обращаясь къ папскому нунцію въ Парижѣ, напомнивъ ему о требованіи папы, чтобы итальянскіе епископы являлись въ Римъ для полученія своей инвеституры. Нунцій пробуетъ что-то сказать, но Наполеонъ прерываетъ его: «Святой отецъ честный человѣкъ, но всѣ окружающіе его сумасшедшіе». Нунцій опять хочетъ что-то сказать. «Все, что тамъ дѣлается, лишено здраваго смысла,—продолжаетъ Наполеонъ, возвышая все больше и больше голосъ.—Смотрите, вы заставите меня принять противъ васъ всѣ мѣры и тогда я васъ такъ прижму, что заставлю ходить съ сумою».

Въ этихъ сценахъ выступаютъ двѣ стороны характера Наполеона: его природная пылкость и его лукавство. Въ императорской коронѣ онъ остается все тѣмъ же деспотомъ, какимъ онъ являлся въ своей юности, когда жестоко мучилъ своего старшаго брата Іосифа и своихъ товарищей по игрѣ. Тогда уже онъ стремился управлять всѣми и не выносилъ никакихъ противорѣчій. Онъ и теперь продолжалъ быть тѣмъ же корсиканцемъ—дикаремъ, который очень легко переходилъ отъ слова къ дѣлу, когда кровь начинала мутиться въ головѣ. Въ такихъ случаяхъ онъ опрокидывалъ накрытый столъ, бросалъ свою шляпу и въ ярости топталъ ее, ломалъ безжалостно все, что ему ни попадалось подъ руки. Разговаривая съ русскимъ курьеромъ Балашовымъ въ Вильнѣ, въ 1812 г., Наполеонъ пришелъ въ страшное бѣшенство отъ постояннаго стука открытой форточки. Онъ пробовалъ затворить ее, но когда она опять открылась, онъ выдернулъ форточку вмѣстѣ съ рамой и изо всей силы швырнулъ ее на мостовую *).

*) Vandal, III, 518.



Въ своемъ знаменитомъ памфлетѣ «Buonaparte»,—о которомъ Людовикъ XVIII отзывался, что онъ ему замѣнилъ цѣлую армію,—Шатобріанъ обвинялъ Наполеона, что тотъ въ своемъ кабинетѣ таскалъ за волосы папу Пія VII. Это было неправда, но что-то подобное, какъ разсказываетъ Фуше въ своихъ мемуарахъ, сдѣлалъ однажды Наполеонъ, будучи еще консуломъ съ знаменитымъ сенаторомъ и академикомъ Вольнеемъ. Послѣдній горько упрекалъ Наполеона за возстановленіе католическаго культа. «Большинство націи этого желаетъ», отвѣтилъ Бонапартъ. «Значитъ,—подхватываетъ Вольней,— вы возстановите Бурбоновъ, если этого потребуетъ большинство націи?» Терпѣніе корсиканца не выдержало. Онъ схватилъ Вольнея и съ такою яростью бросилъ на полъ, что тотъ разбился до крови. Всѣ присутствующіе были ошеломлены этой дикой сценой, а Бонапартъ звонитъ и говоритъ явившемуся лакею: «Господинъ Вольней чувствуетъ себя дурно; унесите его въ карету» *).

Однако, какъ мы замѣтили, въ этихъ сценахъ проявлялась не только вспыльчивость характера Наполеона, но и его хитрость. Когда Наполеонъ, слѣдившій не только за другими, но и за самимъ собою, замѣчалъ, что тотъ или иной жестъ или слово, вырвавшееся у него естественно, въ моментъ приступа гнѣва, производило впечатлѣніе на окружающихъ, онъ повторялъ ихъ потомъ уже сознательно. Когда онъ, разсердившись, бросилъ въ первый разъ свою шляпу и сталъ топтать ее, то это вышло естественно, помимо его воли, но потомъ онъ повторялъ подобныя сцены часто и, между прочимъ, въ Эрфуртѣ, во время одного бурнаго разговора съ русскимъ императоромъ *).

Наполеонъ называлъ Александра I «сѣвернымъ Тальмой», но онъ самъ былъ западнымъ Тальмой, съ той только разницей, что «актерство» Александра I находилось въ связи съ основнымъ недостаткомъ его характера—слабостью воли, вслѣдствіе чего онъ долженъ былъ быть скрытенъ, а Наполеонъ разыгрывалъ Тальму отъ избытка энергіи, вслѣдствіе непреодолимаго влеченія руководить, управлять, владѣть всѣми. Меттернихъ увѣряетъ даже, что Наполеонъ бралъ уроки у Тальма. Но онъ не усвоилъ бы его искусства, если бы самъ не былъ по природѣ актеромъ, который понимаетъ цѣну иллюзій и пользуется ею, чтобы сдѣлать фантастической, сверхъестественной въ глазахъ публики свою и такъ необыкновенную личность. Онъ самъ сочинялъ бюллетени великой арміи, въ которыхъ сильно раздувалъ свои побѣды, сообщая массу завѣдомо ложныхъ фактовъ. Дѣйствительность у него всегда была прикрашена вымысломъ; часто, можетъ быть, это дѣлалось у него безсознательно; тогда онъ бывалъ жертвой своего воображенія; но онъ

---

*) «Document du Dossier de Fouché» («Grande Revue», 1 Novembre», 1901, pp. 236—237).

**) Vandal, I, 435.



прибѣгалъ также и къ самымъ грубымъ хитростямъ. Такъ, напр., въ Москвѣ онъ оставлялъ всю ночь огонь въ своей спальнѣ, дабы проходящіе подъ его окнами солдаты думали, что провидящій умъ императора заботится объ ихъ спасеніи *). Съ той же цѣлью—поразить воображеніе публики—Наполеонъ обставлялъ неслыханнымъ великолѣпіемъ церемоніи, смотры и выѣзды, въ которыхъ онъ долженъ былъ участвовать. И въ маленькихъ подробностяхъ этихъ празднествъ видна была рука искуснаго режиссера, глубокаго знатока человѣческой психологіи. Что больше всего плѣняло публику—это полный контрастъ между костюмомъ Наполеона и костюмами его свиты. Когда министры и офицеры являлись въ расшитыхъ золотомъ роскошныхъ костюмахъ всѣхъ формъ востока и запада, въ блестящихъ каскахъ, въ оригинальныхъ шапкахъ съ султанами, въ ослѣпительной декораціи, Наполеонъ, наоборотъ, отличался необыкновенной простотой своего костюма. На немъ бывалъ надѣтъ все тотъ же зеленый сюртукъ съ звѣздой почетнаго легіона, какъ единственное украшеніе, и та же традиціонная треуголка. Въ отличіе отъ общепринятаго этикета, онъ не отвѣчалъ на привѣтствія толпы,—обстоятельство, которое больше всего поразило младенческое воображеніе Виктора Гюго.

Ce qui me frappa, dis-je, et me resta gravé...
Ce fut de voir parmi ces fanfares de gloire,
Dans le bruit qu'il faisait, cet homme souverain
Passer, muet et grave, ainsi qu'un Dieu d'airain.

Хорошей иллюстраціей къ этой умышленной простотѣ и серьезности является слѣдующая картина изъ его пребыванія въ Дрезденѣ, въ 1812 г., гдѣ находились всѣ христіанскіе владѣтели Европы, за исключеніемъ англійскаго короля и русскаго императора. Во время обѣда они всѣ собирались вмѣстѣ, слѣдуя принятому этикету. Лакей, разодѣтый въ ливреѣ, вышитой золотомъ, громко выкрикивалъ имена и полные титулы всѣхъ появляющихся сановниковъ и государей, начиная съ низшихъ. Сначала входили различные превосходительства, за ними слѣдовали сіятельства, высочества, обыкновенныя и королевскія высочества, потомъ входили величества, король и королева саксонскіе, баварскіе и виртембергскіе со всѣми ихъ старинными и новыми нескончаемыми титулами, затѣмъ лакей объявлялъ пріѣздъ его императорскаго и апостольскаго величества императора австрійскаго. Когда всѣ эти громкіе и длинные титулы были пересчитаны, собраніе образовывало кругъ. Послѣ короткаго промежутка времени, дверь открывалась настежь, и лакей бросалъ замирающему отъ волненія собранію магическое слово: «L'Empereur»! Наполеонъ являлся въ шляпѣ, въ неряшливо одѣтомъ мундирѣ, съ вѣчными складками, покачивая свой маленькій и плотный корпусъ, движеніе, которымъ онъ умѣрялъ пылкость своего темперамента. Всѣ присутствующіе благоговѣйно разсту-

*) «Journal de Castellane» I, 161. (Vandal, t. III, p. 534).



пались передъ нимъ и приходили въ восторгъ, когда онъ къ нимъ обращался съ ласковымъ словомъ, хлопалъ по плечу, бралъ за усы, какъ сдѣлалъ однажды съ австрійскимъ генераломъ Бубномъ, или дергалъ за ухо, что было однимъ изъ его любимыхъ жестовъ. Раболѣпіе этой экзотической свиты часто доходило до предѣловъ, возмущавшихъ самого Наполеона. Онъ смѣялся надъ тѣмъ, что называлъ «нѣмецкимъ болванствомъ» (nigauderie allemande). На одномъ спектаклѣ въ Дрезденѣ на сценѣ появилось быстро вертящееся опереточное солнце съ надписью: «Менѣе великое и менѣе блестящее, чѣмъ *онъ*». «Эти господа, должно быть, считаютъ меня большимъ дуракомъ», замѣтилъ Наполеонъ, пожимая плечами, тогда какъ австрійскій императоръ одобрительно покачивалъ головой.

Впрочемъ Наполеонъ не упускалъ случая, чтобы не посмѣяться надъ нѣмецкими царственными особами. Гогенцоллернскій домъ еще теперь не можетъ забыть — это доказываетъ сравнительно недавняя выходка Вильгельма II-го противъ «корсиканской выскочки» — оскорбленія, которое Наполеонъ нанесъ королевѣ Луизѣ въ Тильзитѣ. Замѣчательная своей красотой супруга Фридриха-Вильгельма III-го, находившаяся тогда вмѣстѣ съ послѣднимъ въ Мемелѣ, близъ Тильзита, явилась къ Наполеону, чтобы защищать дѣло побѣжденной Пруссіи. Этотъ шагъ былъ предпринятъ противъ ея воли, по настоянію Александра I-го и прусскаго министра фонъ-Гольца, разсчитывавшихъ, что обворожительная красота королевы смягчитъ Наполеона. Онъ, дѣйствительно, принялъ королеву, стараясь быть галантнымъ, и когда она начала его просить оставить Пруссіи Вестфалію, Наполеонъ отвѣтилъ: «Вы просите многаго, но я обѣщаю подумать». Въ это же самое время Наполеонъ писалъ Жозефинѣ своимъ пикантнымъ стилемъ: «Прусская королева, дѣйствительно, очаровательна, она старательно ухаживаетъ за мною, но не будь ревнива; я *клеенка*, по которой все это только скользитъ. Очень дорого стоило бы мнѣ быть галантнымъ» *). Бѣдная королева Луиза, не подозрѣвая настоящей мысли Наполеона, считала свое дѣло выиграннымъ, продолжала бывать на его обѣдахъ и сіяющая говорила своимъ фрейлинамъ: «Приходите, приходите, чтобы вамъ разсказать... Если нужно, я согласна бы поселиться окончательно въ Тильзитѣ». На слѣдующій день она одѣла великолѣпное платье изъ золота и пурпура, чудный муслиновый тюрбанъ, оттѣняющій еще больше ея классическія черты, но въ эту самую минуту прискакалъ адъютантъ короля съ запиской, вызвавшей у нея нескончаемыя рыданія. «Настроеніе перемѣнилось и условія ужасны», писалъ злополучный владѣтель Пруссіи. Оказывается, что въ то же самое утро Таллейранъ поднесъ фонъ-Гольцу готовыя условія мира, предложивъ ему подписать ихъ безъ обсужденій, ибо

*) Correspondence 12275 (Vandal, t. I, p. 97).

Наполеонъ, желая уѣхать, хочетъ скорѣе покончить съ прусскими дѣлами. Наполеонъ разсказываетъ, что пріѣхавшая потомъ королева, увидѣвъ его, начала горько жаловаться: «Допустимо ли, чтобы я, имѣя счастье видѣть историческаго человѣка нашего столѣтія, не получила у него возможности и удовольствія выразить ему, что онъ меня привязалъ къ себѣ на всю жизнь». «Сударыня,—отвѣтилъ Наполеонъ,—я заслуживаю сожалѣніе: это только послѣдствія моей несчастной звѣзды» *).

Вообще въ своихъ личныхъ отношеніяхъ Наполеонъ не останавливался ни передъ какими средствами, включительно до обмана, что онъ доказалъ, между прочимъ, въ 1809 году, при заключеніи мира съ Австріей. Наполеонъ предложилъ австрійскому делегату князю Лихтенштейну подписать *проектъ* условій мира. Тотъ и согласился, полагаясь на слова Наполеона, что эти условія войдутъ въ силу только тогда, если ихъ одобритъ австрійскій императоръ.

Однако на другой же день Наполеонъ извѣщаетъ жителей города Вѣны объ окончательномъ заключеніи мира, а когда князь Лихтенштейнъ явился съ протестомъ, Наполеона уже не было въ астрійской столицѣ **). Такъ же поступилъ онъ и съ папой. Послѣдній все время до коронаціи, для которой пріѣхалъ въ Парижъ, требовалъ, чтобы ему была предоставлена формула благословенія. Наполеонъ все откладывалъ и сообщилъ ее только наканунѣ празднествъ, когда вся программа была уже напечатана въ газетахъ и папа ничего не могъ въ ней измѣнить.

## VI.

То, что мы говорили до сихъ поръ, касается отношеній Наполеона къ личностямъ; но проницательность Наполеона простиралась дальше: за личностями онъ видѣлъ событія. Къ нему примѣнимо общеупотребительное, хотя не всегда съ основаніемъ, выраженіе: онъ читалъ въ будущемъ. Наполеонъ предвидѣлъ заранѣе, какія дальнія и близкія послѣдствія должно вызвать то или другое событіе и, благодаря этому онъ могъ предупреждать ихъ. Деказательство этого положенія мы находимъ въ исторіи всѣхъ его походовъ. Находясь еще въ Испаніи въ 1808 г., онъ предвидитъ уже, что Австрія не воздержится отъ того, чтобы не воспользоваться пораженіемъ французовъ въ Испаніи и не испробовать военное счастье. На слова людей онъ никогда не полагался, не столько потому, что люди могли скрывать отъ него свои мысли, но, что гораздо хуже, они могли обманывать самихъ себя. Логика вещей сильнѣе всякихъ клятвъ, и потому Наполеонъ всегда былъ готовъ къ худшей случайности, т.-е. къ войнѣ. Еще не прошелъ медовый мѣсяцъ тильзитскаго свиданія, когда между нимъ и Россіей вышли

---

*) Mémoires de St. Helène (Vandal, t. I, p. 99).

**) Metternich, t. I, p. 292.



недоразумѣнія изъ-за Пруссіи, которую Наполеонъ обѣщалъ очистить. Русскій посланникъ въ Парижѣ, генералъ Толстой, напоминаетъ Наполеону его обязательства выраженіями, въ которыхъ тотъ чуетъ угрозу. «Критика легка, а искусство трудно,—отвѣчаетъ Наполеонъ и продолжаетъ:—Что же вы сдѣлали бы? Кромѣ большихъ потерь, вы ничего другого не добились бы» *). «Если я принужденъ буду воевать съ вами, это, несомнѣнно, противъ моей воли», говоритъ онъ два года спустя Чернышеву. «Явиться съ 400000 людей на сѣверъ, проливать кровь безъ всякой цѣли, безъ всякой выгоды! Что вы выиграли отъ вашей войны въ Италіи? Масса людей погибла, только для того, чтобы доставить славу Суворову. Я же не явлюсь, какъ императоръ Павелъ, чтобы завоевать мальтійскій орденъ и сдѣлаться его магистромъ. Нужно, чтобы меня поняли». Другими словами, если онъ явится въ Россію, то лишь съ цѣлью разгромить и уничтожить ее.

Былъ ли искреннимъ Наполеонъ, увѣряя, что онъ не желаетъ войны? Развѣ не онъ ихъ вызывалъ? Да, это правда, но только отчасти. Наполеонъ, несомнѣнно, жаждалъ мира больше или, во всякомъ случаѣ, не меньше всей Европы. Онъ выражалъ свои истинныя мысли и въ знаменитомъ *Пятьдесятъ первомъ бюллетенѣ*, о которомъ мы уже упоминали, и въ томъ крикѣ, вырвавшемся у него въ Вѣнѣ, въ 1809 г., когда онъ разговаривалъ съ Чернышевымъ: «Кровь, постоянно кровь! Достаточно она уже текла!»

И, дѣйствительно, что могла дать ему теперь война? Пока онъ не сдѣлался императоромъ, военныя побѣды служили ему лѣстницей къ власти, но теперь власть была въ его рукахъ; съ другой стороны отъ вниманія Наполеона не ускользалъ глухой ропотъ французскаго народа, вызванный постоянными войнами, усталость его генераловъ и развитіе сильнаго націоналистскаго движенія въ Германіи, Италіи, Голландіи и во всѣхъ пострадавшихъ отъ его завоевательной политики странахъ. Новыя войны могли только усилить всѣ эти опасности. Но Наполеонъ не могъ примириться съ мыслью занимать положеніе обыкновеннаго европейскаго короля — быть другимъ экземпляромъ какого-нибудь Франца или Фридриха-Вильгельма, а безъ этой жертвы, съ его стороны, не могъ существовать прочный миръ. Скромная политика посредственностей не мирилась съ его титанической энергіей, съ его бѣшеной фантазіей, которая держала его всегда въ сферѣ грандіозныхъ плановъ. Этотъ человѣкъ, предусмотрительность котораго въ практической жизни доходила до того, что онъ интересуется цѣной мелочей, покупающихся для его двора, живетъ всегда въ мечтахъ. Чтобы уничтожить владычество Англіи, онъ задумываетъ проектъ, который Талейранъ назвалъ «романомъ», завоевать Индію. Египетскій походъ, какъ извѣстно, былъ неудачнымъ началомъ исполненія

*) Tatischeff. p. 242.



этой мечты, которую Наполеонъ лелѣялъ до конца своего царствованія. Уничтожить Турцію, раздѣлить Австрію на нѣсколько королевствъ—это были такіе проекты, въ исполненіи которыхъ онъ не сомнѣвался послѣ того, какъ ему удалось завоевать Италію, Голландію и Германію. Съ высотъ Кремля, среди пылающей въ огнѣ Москвы, онъ мечтаетъ о томъ, чтобы провозгласить себя королемъ возстановленной Польши, думаетъ создать независимое смоленское княжество, воскресить казацкія республики, татарскія ханства, дать остальной Россіи конституцію и уничтожить крѣпостничество; революціонными дѣйствіями онъ хотѣлъ добиться того, чего не могла ему дать уничтоженная голодомъ и холодомъ великая армія *).

Наполеонъ хотѣлъ сдѣлать изъ Европы свободное поле для приложенія своихъ творческихъ силъ. Онъ не хотѣлъ соображаться съ частными интересами, съ историческими правами, съ пріобрѣтенными привилегіями. Единственной преградой своей дѣятельности онъ считалъ только естественныя границы своихъ силъ, единственнымъ оправданіемъ своего дѣла онъ считалъ прошлое. Тамъ, въ этомъ прошломъ, въ лицѣ Цезаря и Карла Великаго находилъ Наполеонъ людей, достойныхъ подражанія. Можетъ быть, онъ считалъ себя даже выше ихъ, но, во всякомъ случаѣ, не ниже. Онъ устраиваетъ свой дворъ по образцу двора Карла Великаго, а жизнь и смерть Юлія Цезаря является одной изъ частыхъ темъ его разговоровъ. «Трагедія должна стать школой королей и народовъ,—говорилъ онъ Гёте въ знаменитомъ свиданіи въ Веймарѣ 2-го октября 1808 года.—Это самая высокая цѣль, которой долженъ задаться поэтъ. Вы, напримѣръ, должны были бы написать о смерти Цезаря, но образомъ достойнымъ великаго сюжета и лучше, чѣмъ это сдѣлалъ Вольтеръ. Эта трагедія могла бы стать лучшимъ произведеніемъ вашей жизни. Слѣдовало бы показать міру, какое благополучіе принесъ бы ему Цезарь, какъ все перемѣнилось бы, если бы ему дали время для исполненія своихъ возвышенныхъ проектовъ. Пріѣзжайте въ Парижъ, я этого требую отъ васъ. Тамъ великое зрѣлище міра, и тамъ вы найдете гораздо больше сюжетовъ для поэзіи» **).

Гёте называлъ Наполеона человѣкомъ изъ гранита, имѣя въ виду его непоколебимую волю. Самъ же Наполеонъ приписывалъ своей сильной волѣ сверхъестественное дѣйствіе. Очень характеренъ въ этомъ отношеніи анекдотъ, который разсказываетъ Меттернихъ со словъ Наполеона. Однажды, при въѣздѣ во дворецъ Сенъ-Клу, Наполеонъ былъ выброшенъ изъ экипажа и ударился животомъ объ угловой камень. «Я вчера пополнилъ свои опыты о силѣ воли, — говорилъ по этому

*) Vandal t. III, pp. 533—534.

**) См. примѣчаніе къ французскому изданію Conversations de Goethe recueillies par Eckermann. Paris 1863 г. t. I, pp. 83—84.



поводу Наполеонъ Меттерниху. — Когда я почувствовалъ ударъ въ животъ, мнѣ казалось, что я сейчасъ умру; однако, у меня было время сказать себѣ, что я не хочу умирать, и вотъ я живу; но всякій другой на моемъ мѣстѣ умеръ бы» *).

Изъ всего, что было сказано до сихъ поръ, видно, какимъ соединеніемъ необыкновенныхъ качествъ и недостатковъ отличался Наполеонъ; онъ проявляетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ умъ, волю, воображеніе, но нигдѣ эти достоинства не обнаружились съ такой силой, какъ на войнѣ, которая останется природной стихіей Наполеона. Тамъ онъ выступалъ во весь свой гигантскій ростъ, тамъ его геніальный умъ создавалъ великолѣпныя диспозиціи, помогавшія ему уничтожать врага въ нѣсколько разъ сильнѣйшаго; тамъ его воображеніе подсказывало ему лаконическія и блестящія слова, вливавшія энтузіазмъ въ сердца усталыхъ солдатъ; тамъ онъ проявлялъ ту дьявольскую энергію и выносливость, то спокойствіе духа и ясность мысли, которыя позволяли ему быть повсюду и руководить всѣми. При Маренго всѣ считали Бонапарта потеряннымъ, такъ какъ у него было меньше войскъ, чѣмъ у австрійцевъ, но онъ въ одну ночь перемѣняетъ позицію и увлекаетъ за собою австрійцевъ среди болотъ Маренго, гдѣ, вслѣдствіе недостаточнаго пространства, могла дѣйствовать только часть ихъ войскъ.

Онъ самъ исполнялся юношескимъ энтузіазмомъ во время своихъ походовъ. Въ 1812 году, въ Торнѣ—Наполеону было тогда 43 года—спавшіе въ сосѣдней съ его комнатой офицеры были разбужены звуками пѣсни:

> Et du Nord au midi la trompette guerrière
> A sonné l'heure des combats.
> Tremblez les ennemis de la France **).

Этотъ припѣвъ знаменитаго революціоннаго гимна «Chant du depart» доносился изъ комнаты императора.

На вѣсахъ побѣды личность Наполеона замѣняла мѣсто цѣлой арміи. Его присутствіе на полѣ сраженія было крупнымъ психическимъ факторомъ—положительнаго характера для французовъ и отрицательнаго для непріятеля. Если даже послѣдній и обладалъ иногда силами, превосходящими французскія, страхъ передъ неожиданными маневрами изобрѣтательнаго Наполеона лишалъ ихъ присутствія духа.

До сихъ поръ мы видѣли Наполеона дипломатомъ и воиномъ, посмотримъ теперь, какихъ политическихъ взглядовъ придерживался онъ. Однако, прежде всего слѣдуетъ спросить, имѣлъ-ли когда-либо Наполеонъ опредѣленныя политическія убѣжденія. Отвѣтъ только одинъ—вполнѣ отрицательный. Наполеонъ смотрѣлъ на идеи и на политиче-

---

*) Metternich, I, 285.
**) Vandal, III, 462.



скія системы съ той чисто *личной* точки зрѣнія, съ которой смотрѣлъ и на людей. «L'Etat c'est moi»,—говорилъ Людовикъ XIV. «Человѣчество—это я, политическія системы—это мое внутреннее убѣжденіе»,—могъ сказать Наполеонъ. И людей, и идеи онъ оцѣнивалъ по-стольку, поскольку они могли служить пьедесталомъ его собственнаго возвышенія. Можетъ быть, первое время онъ и увлекался искренно революціонными принципами, тѣмъ болѣе, что революціи онъ былъ обязанъ своими первыми успѣхами, однако, вскорѣ непреодолимое влеченіе властвовать взяло у него верхъ. Съ другой стороны, имя революціи было еще популярнымъ во Франціи, и вотъ почему Наполеонъ, въ первые годы своей императорской власти, ставитъ часто свой скипетръ и свою корону подъ покровительство фригійской шапки. «Я привѣтствую войну,—писалъ онъ въ 1804 году французскому посланнику въ Петербургѣ,—если она должна быть колыбелью имперіи, какъ была и колыбелью революціи». Но скоро онъ перестаетъ говорить отъ ея имени, а, наоборотъ, хочетъ изображать изъ себя своего рода европейскаго жандарма, поставленнаго исторіей, чтобы задушить революцію. Такъ, между прочимъ, онъ объяснялъ въ Эрфуртѣ Александру I свое вмѣшательство въ испанскія дѣла.

Сдѣлавшись императоромъ, Наполеонъ возстановляетъ многіе изъ тѣхъ архаизмовъ, которые были уничтожены революціей: онъ создаетъ новую аристократію, вводитъ въ моду придворный этикетъ VIII столѣтія, временъ Карла Великаго, старается быть принятымъ въ семью европейскихъ монарховъ, приходитъ въ восторгъ отъ вниманія, которое ему оказалъ въ 1806 году вюртембергскій владѣтель, и, наконецъ, женится на Маріи-Луизѣ, чтобы царской кровью облагородить кровь итальянскихъ эмигрантовъ Буонапарте. Теперь онъ счастливъ: онъ—зять древняго Габсбургскаго дома, теперь онъ можетъ говорить: «мой злосчастный дѣдъ Людовикъ XVI», чѣмъ вызоветъ ироническую улыбку даже у своихъ поклонниковъ.

Однако, не смотря на всѣ эти факты, можно-ли сказать, что онъ былъ проникнутъ монархическими и консервативными принципами? И да, и нѣтъ. Какъ острова, возникавшіе послѣ какой-нибудь вулканической катастрофы, монархія Наполеона зиждилась на развалинахъ европейскихъ монархій. Онъ уничтожилъ революцію во Франціи и разносилъ ее по всей Европѣ, онъ охранялъ себя всѣми учрежденіями и эмблемами абсолютной власти, но въ то же самое время онъ подрывалъ эту власть въ другихъ странахъ. Въ своемъ *Бюллетенѣ* и въ своихъ безчисленныхъ воззваніяхъ онъ возбуждалъ непокорность законной власти, унижалъ авторитетъ королей, раскрывая не только ихъ общественную, но и частную жизнь и украшая ихъ имена эпитетами, въ родѣ «polisson», «paresseux», «grec de Bas-Empire». Подъ императорской короной Наполеонъ изображалъ изъ себя санъ-кюлота временъ террора. Наконецъ, не слѣдуетъ-ли упомянуть, что онъ, съ одной

стороны, возстановилъ во Франціи культъ католической церкви, и онъ же прогналъ папу изъ Рима. Вотъ почему, не смотря на весь свой монархизмъ, Наполеонъ былъ въ дѣйствительности разрушителемъ общественныхъ устоевъ, какимъ его и считали короли Европы.

## VIII.

Слѣдить за всѣми перипетіями дипломатіи Меттерниха въ періодъ съ 1807 по 1809 г. мы не станетъ. Результаты ея хотя и дѣлаютъ честь его ловкости, но въ общемъ интересы Австріи были въ печальномъ положеніи.

Кампанія 1809 года кончилась для Австріи еще печальнѣе, чѣмъ война 1805 года. Она потеряла почти всю Галацію, часть которой отошла къ варшавскому герцогству, находившемуся подъ покровительствомъ Наполеона, и часть—къ Россіи. Кромѣ того, Австрія потеряла еще иллирійскія провинціи, которыя Наполеонъ присоединилъ къ своимъ итальянскимъ владѣніямъ. Наконецъ, она обязалась не содержать больше 150.000 солдатъ. Другимъ послѣдствіемъ этой кампаніи было назначеніе Меттерниха на постъ министра иностранныхъ дѣлъ.

Непосредственныя обстоятельства, вызвавшія это назначеніе и до сихъ поръ не вполнѣ извѣстны. Друзья бывшаго министра Стадіона обвиняли его въ интригѣ — мнѣніе настолько установившееся, что даже третья жена Меттерниха, графиня Меланія Зичи, двадцать пять лѣтъ послѣ его назначенія, спрашивала своего мужа, правда ли это? *). Самъ же Меттернихъ представлялъ свое назначеніе, какъ совершившееся даже помимо его воли.

8-го іюля еще, послѣ пораженія при Ваграмѣ, графъ Стадіонъ, считавшій себя отвѣтственнымъ за войну, подалъ въ отставку и самъ предложилъ Меттерниха своимъ преемникомъ. Меттернихъ сначала отказывался принять такой отвѣтственный постъ и согласился только послѣ долгихъ настояній императора Франца. Однако, и послѣ формальнаго принятія министерскаго портфеля, онъ велъ себя осторожно. Меттернихъ въ письмахъ къ матери, сообщая о назначеніи, проситъ ничего не говорить, дабы его слова не дошли какъ-нибудь до родственниковъ Стадіона. Эта осторожность, за которою скрывается желаніе Меттерниха возложить всю отвѣтственность за войну и ея печальныя послѣдствія на Стадіона, заключалась въ томъ, что *до окончанія переговоровъ* Стадіонъ остается формально министромъ иностранныхъ дѣлъ. Самъ же Меттернихъ долженъ былъ участвовать въ переговорахъ, только въ качествѣ совѣтника императора Франца.

Вѣнскій миръ создавалъ для Австріи положеніе аналогичное тому, которое тильзитскій создалъ для Пруссіи. Со всѣхъ сторонъ Австрія

---

*) Дневникъ княгини Меланіи Меттернихъ отъ 6-го мая 1834 года (Memoires V, 572).



была окружена французскими владѣніями или государствами, какъ напримѣръ, варшавское герцогство, находившимися подъ покровительствомъ Франціи. Австрія не могла больше думать о новой войнѣ, тѣмъ болѣе, что ея торговля и финансы были окончательно разстроены; а ея войско доведено до безобиднаго для Наполеона минимума. Единственную политику, которую теперь Меттернихъ считалъ возможной и выгодной—это быть въ дружбѣ съ Наполеономъ, пока какая-нибудь счастливая случайность, какъ, напримѣръ, смерть французскаго императора, не избавитъ Европу отъ его страшнаго гнета.

Одно непредвидѣнное обстоятельство, случившееся скоро послѣ заключенія вѣнскаго мира, помогло Меттерниху исполнить первый пунктъ своей программы: сближеніе съ Франціей.

Еще въ Эрфуртѣ, Наполеонъ попросилъ у Александра руки его младшей сестры Анны Павловны; то же предложеніе онъ повторилъ и въ концѣ 1809 года. Александръ медлилъ отвѣтомъ, требуя каждый разъ новый срокъ, чтобы убѣдить свою мать. Наполеонъ истолковалъ эти колебанія въ неблагопріятномъ для себя смыслѣ и, не дождавшись окончательнаго отвѣта отъ петербургскаго двора, обратился къ австрійскому посланнику, князю Шварценбергу, прося руки австрійской эрцгерцогини Маріи-Луизы. Шварценбергъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, согласился и въ тотъ же день, отъ имени австрійскаго императора былъ подписанъ брачный договоръ. Онъ это сдѣлалъ, не заручившись формальнымъ согласіемъ своего правительства, предполагая, что оно встрѣтитъ совершившійся фактъ съ большой радостью. Дѣйствительно, такъ и случилось: императоръ Францъ охотно выдалъ свою дочь за Наполеона, «желая обезпечить своему государству», какъ онъ выразился, «нѣсколько лѣтъ мира, чтобы оно могло посвятить себя на вылечиваніе своихъ ранъ». Радовалось и вѣнское общество, а больше всѣхъ Меттернихъ. «Если бы я былъ спасителемъ мира,—писалъ онъ своей женѣ, пребывающей въ Парижѣ,—я не получилъ бы столько привѣтствій и признаковъ уваженія, какъ за содѣйствіе, которое оказалъ въ этомъ дѣлѣ. Я получу орденъ Золотого Руна».

Съ обыкновенной житейской точки зрѣнія этотъ бракъ былъ безнравственной политической сдѣлкой. Наполеонъ женился на принцессѣ, которую никогда въ жизни не видалъ, а Марія-Луиза выходила замужъ не по своей волѣ, а по требованію отца. Правда, Меттернихъ разсказываетъ, что, по просьбѣ императора Франца, онъ спросилъ ея мнѣніе, но этотъ шагъ, послѣ того какъ договоръ былъ подписанъ, дѣлался только изъ приличія. Марія-Луиза отвѣтила, что она подчинится рѣшенію своего отца, послѣ чего Меттернихъ пишетъ Шварценбергу слѣдующія, проникнутыя жестокой ироніей, слова по адресу австрійскихъ принцессъ: «Наши принцессы мало привыкли выбирать своихъ супруговъ по влеченію сердца».

Такъ былъ заключенъ знаменитый бракъ между стариннымъ габс-



бургскимъ домомъ и вчера еще неизвѣстной корсиканской фамиліей Буонапарте. Австрія, и въ этомъ случаѣ слѣдуя своему девизу: *Felix Austria nube*, старалась политикой браковъ добиться того, чего не могли ей дать нескончаемыя войны.

Вмѣстѣ съ будущей императрицей Франціи въ Парижъ поѣхалъ и Меттернихъ. Онъ самъ просилъ у императора Франца сопровождать его дочь съ цѣлью узнать на самомъ мѣстѣ новое направленіе французской политики. Думаетъ ли Наполеонъ, основавъ свою династію, заняться внутреннимъ устройствомъ Франціи, или бракомъ съ австрійской принцессой онъ желаетъ привязать къ себѣ Австрію и съ ея помощью продолжать свою завоевательную политику?

Меттернихъ оставался въ Парижѣ около шести мѣсяцевъ. Ловкому царедворцу и хитрому дипломату удалось скоро пріобрѣсти симпатіи и войти въ тайны французскаго общества и, главнымъ образомъ, французскаго императора. Меттернихъ зналъ цѣну и мѣсто лести. На другой день послѣ пріѣзда Маріи-Луизы въ Парижъ, онъ показался въ одномъ изъ оконъ Тюльерійскаго дворца, садъ и дворъ котораго были полны народомъ, и поднявъ бокалъ, крикнулъ, обращаясь къ толпѣ: «Да здравствуетъ король Рима» *). Чтобы понять смыслъ этого привѣтствія, вызвавшаго шумныя аплодисменты толпы, слѣдуетъ сказать, что этотъ титулъ долженъ былъ носить будущій наслѣдникъ Наполеона. Толпа была тѣмъ болѣе польщена, что титулъ «король Рима» принадлежалъ до пресбургскаго мира австрійской коронѣ, и теперь Меттернихъ еще разъ торжественно признавалъ за французскимъ императоромъ то, что было отнято у Австріи силой оружія.

Главный интересъ пребыванія Меттерниха въ Парижѣ заключается въ личныхъ бесѣдахъ, которыя онъ очень часто велъ съ Наполеономъ. Докладныя записки къ австрійскому императору, писанныя Меттернихомъ въ это время, подъ впечатлѣніемъ каждаго разговора, и напечатанныя во II томѣ его мемуаровъ, представляютъ интересный психологическій и историческій матеріалъ для характеристики личности и взглядовъ, какъ Наполеона, такъ и самого Меттерниха. Обыкновенно словоохотливый Наполеонъ теперь, когда онъ находился наверху своего могущества, когда послѣ военнаго счастья ему улыбнулось и счастье семейное, и онъ могъ уже надѣяться создать прочную династію Наполеоновъ, ощущалъ еще большій духовный подъемъ и проявлялъ еще большую общительность. Расхаживая по комнатѣ, онъ проводилъ цѣлыя ночи, развивая Меттерниху свои взгляды на будущее, поражая его неожиданными и мѣткими замѣчаніями, касающимися всѣхъ областей австрійской внутренней жизни, и кончалъ разсказами анекдотовъ и сплетенъ. Его умственный круго-

*) Vandal, II, 319.



зоръ, охватывавшій всѣ проявленія человѣческаго духа, великое и смѣшное, возвышенное и банальное, проявлялся во всей своей широтѣ. Однако, Меттернихъ не поддавался чарамъ великаго человѣка. Если онъ не обладалъ ни умомъ, ни талантомъ, ни энергіей Наполеона, у него былъ тотъ здравый смыслъ, который умѣлъ различать истину отъ вымысла. Со вниманіемъ онъ ловилъ каждое слово Наполеона, которое бросало бы свѣтъ на его будущую политику, и, вставляя мѣткія замѣчанія и вопросы, наводилъ разговоръ на итересующую его тему.

Изъ всѣхъ этихъ разговоровъ Меттернихъ вынесъ убѣжденіе, что цѣль и тактика Наполеона остаются прежними. «Я не ожидаю,—пишетъ онъ съ грустью императору Францу,—чтобы бракъ съ австрійской эрцгерцогиней былъ въ состояніи измѣнить завоевательные планы Наполеона».

Съ этимъ убѣжденіемъ отправился Меттернихъ обратно въ Вѣну, въ половинѣ октября 1810 года, чтобы занять постъ во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

## IX.

Между тѣмъ, событія, развивавшіяся съ необычайной быстротой, должны были привести къ войнѣ Франціи съ Россіей. Наполеонъ не желалъ войны и не могъ ее желать, какъ не желалъ войны съ Австріей, какъ не желалъ войны съ Пруссіей. Еще меньше могъ желать войны императоръ Александръ, въ особенности съ такимъ противникомъ, какъ Наполеонъ. Но, съ другой стороны, ихъ противорѣчивые интересы должны были фатально привести къ столкновенію. Непосредственными причинами, вызвавшими войну, были отказъ Россіи подчиняться континенталаной системѣ, насильное присоединеніе Наполеономъ ольденбургскаго герцогства, дворъ котораго находился въ родственныхъ отношеніяхъ съ русскимъ царствующимъ домомъ и, наконецъ, стремленіе Наполеона превратить варшавское герцогство въ королевство Польши. До объявленія войны съ одной и другой стороны были сдѣланы попытки примиренія. Россія, между прочимъ, предлагала Наполеону обмѣняться: она соглашалась на присоединеніе ольденбургскаго герцогства къ Франціи, но въ замѣну требовала варшавское герцогство. «Нѣтъ, милостивый сударь,—отвѣтилъ Наполеонъ генералу Чернышеву, когда послѣдній высказалъ эту идею:—къ счастью, мы еще не пали такъ низко. Дать вамъ варшавское герцогство взамѣнъ ольденбургскаго—будетъ верхъ безумія. Какое впечатлѣніе произведетъ на поляковъ уступка хоть одного вершка ихъ территоріи въ моментъ, когда Россія намъ угрожаетъ! Ежедневно мнѣ со всѣхъ сторонъ доносятъ, что ваше намѣреніе—вторгнуться въ герцогство. Слава Богу, мы еще не всѣ вымерли; я не больше фанфаронъ, чѣмъ всякій другой, я знаю, что у васъ хорошіе рессурсы, что ваше войско прекрасно и храбро и я участвовалъ во многихъ сраженіяхъ, чтобы не

знать, какія ничтожныя случайности могутъ вліять на ихъ исходъ, но такъ какъ у насъ одинаковые шансы, то если Богъ побѣдъ возьметъ нашу сторону, я заставлю Россію каяться: она можетъ потерять не только польскія провинціи, но и Крымъ» *).

Исходъ кампаніи 1812 г. извѣстенъ, но Наполеонъ и послѣ страшнаго пораженія, которое потерпѣлъ въ Россіи, не растерялся. Послѣдніе остатки *великой арміи* бродили еще по русскимъ снѣжнымъ степямъ, тонули при злополучномъ переходѣ черезъ Березину, а Наполеонъ уже создавалъ новую армію, и, поспѣшно возвращаясь на поле сраженія, онъ доказалъ, что тамъ, гдѣ ему приходится воевать не со стихіями, а съ людьми, онъ былъ выше ихъ. 2-го и 29-го мая русскія и прусскія войска были разбиты при Люценѣ и Бауценѣ. Уныніе наступило снова въ лагерѣ союзниковъ. Особенно палъ духомъ Фридрихъ-Вильгельмъ III-й, повторявшій Александру I-му во время отступленія: «Вмѣсто того, чтобы двигаться къ западу, мы все идемъ на востокъ» **).

Тѣмъ не менѣе союзники не согласились на сдѣланное Наполеономъ предложеніе начать переговоры о мирѣ. Пораженіе, которое онъ потерпѣлъ въ Россіи, убавило много его военнаго престижа и, съ другой стороны, вызвало въ Германіи широкое патріотическое движеніе за независимость, увлекшее своимъ неудержимымъ потокомъ и слабохарактернаго и трусливаго Фридриха-Вильгельма III-го.

Прусскія и австрійскія войска, послѣ сраженія при Бауценѣ, отступили за Эльбу въ сѣверную Силезію. Военачальники стали приготовляться къ новой борьбѣ, а дипломатія направила всѣ свои усилія на привлеченіе Австріи въ коалицію противъ Наполеона.

Уже въ концѣ 1810 года въ Вѣну пріѣзжалъ спеціальный русскій уполномоченный, графъ Шуваловъ, предлагать Австріи военный союзъ противъ Наполеона. Но воспоминанія о Ваграмѣ были еще слишкомъ свѣжи, послѣдовавшая за вѣнскимъ миромъ франко-австрійская дружба только теперь давала свои плоды, и, наконецъ, военныя силы и финансовыя средства слишкомъ ничтожны и перспектива побѣдить Наполеона слишкомъ невѣроятна, чтобы Австрія могла принять русское предложеніе. Поэтому, оно и было отвергнуто и, главнымъ образомъ, по настояніи только что вернувшагося изъ Парижа Меттерниха. Самою выгодною политикой для Австріи онъ считалъ политику выжидательную. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, такое предложеніе о союзѣ было сдѣлано и со стороны Наполеона. Однако, по отношенію къ нему, свобода дѣйствій Австріи была болѣе ограничена, чѣмъ по отношенію къ Россіи Во-первыхъ, шансы побѣды были на сторонѣ Наполеона, и, такимъ образомъ, союзъ съ нимъ представлялся для Австріи болѣе выгоднымъ, ибо она могла получить какую-нибудь часть изъ завоеванныхъ

*) Vandal, II, 131.
**) Н. К. Шильдеръ, III.



территорій. Наоборотъ, если бы она не согласилась на союзъ съ Наполеономъ, рисковала бы потерять и остальную часть Галиціи, которую бы онъ отнялъ отъ нея для будущаго польскаго королевства, не давъ ей ничего въ замѣнъ. Эти соображенія и заставили Меттерниха согласиться на военную конвенцію съ Франціей. Однако, и здѣсь онъ обставилъ соучастіе Австріи такими условіями, которыя позволили бы ей легко перемѣнить фронтъ, въ случаѣ неудачнаго исхода войны. Австрійскій корпусъ, подъ командой князя Шварценберга, присылаемый на помощь французамъ, долженъ былъ дѣйствовать самостоятельно, т.-е. и совсѣмъ не дѣйствовать. Австрія также фиктивно воевала противъ Россіи, какъ войска князя Голицына воевали фиктивно противъ Австріи въ 1809 г. Офицеры русскаго отряда въ Галиціи вели дружескія бесѣды со своими предполагаемыми врагами—австрійскими офицерами корпуса Шварценберга.

Петербургское правительство отлично понимало, что Австрія идетъ съ Наполеономъ только подъ вліяніемъ страха и что она измѣнитъ ему, какъ только «Богъ побѣдъ» окажется на сторонѣ его враговъ. Но и эту перемѣну фронта Австрія совершала съ величайшею осторожностью, которая давала ей возможность брать ту или другую сторону, смотря по ходу событій.

Послѣ сраженія при Бауценѣ, Меттернихъ, въ тайномъ свиданіи съ Александромъ на Богемской границѣ, является съ проектомъ о посредничествѣ Австріи. Но рѣшительность Александра I продолжать во что бы то ни стало войну, его настоянія, чтобы Австрія приняла окончательное рѣшеніе, видимо подѣйствовали на Меттерниха и вызвали у него обѣщаніе принять сторону союзниковъ. Теперь политика о посредничествѣ являлась для него средствомъ выиграть время, необходимое Австріи для полной мобилизаціи своихъ войскъ.

Слухъ о свиданіи Меттерниха съ царемъ, несмотря на тайну, которой оно было окружено, дошелъ и до Наполеона, находившагося въ то время въ Дрезденѣ, и онъ выразилъ желаніе войти въ переговоры съ Меттернихомъ. Наполеонъ, съ своею обыкновенною проницательностью, предвидѣлъ новую перемѣну фронта австрійской политики, и было бы у него больше силъ, онъ, несомнѣнно, не терялъ бы времени, чтобы уничтожить по одиночкѣ своихъ противниковъ, какъ это онъ дѣлалъ всегда. Но времена смѣлыхъ проектовъ миновали: у Наполеона не было больше великой арміи. Онъ долженъ былъ теперь довольствоваться быстро обученными шестнадцатилѣтними мальчиками и войсками мелкихъ нѣмецкихъ владѣтелей, изъ которыхъ цѣлые полки переходили къ его врагамъ.

26-го іюня Меттернихъ пріѣзжаетъ въ Дрезденъ, въ тотъ же день былъ принятъ Наполеономъ и имѣлъ съ нимъ знаменитую бесѣду, длившуюся девять часовъ. «Значитъ, вы желаете войну, ну хорошо. Вы будете ее имѣть»! Этими словами встрѣтилъ Наполеонъ австрій-

скаго министра. «Я уничтожилъ прусскую армію при Люценѣ, русскую при Бауценѣ, теперь будетъ и ваша очередь. Я назначаю вамъ rendez-vous въ Вѣнѣ. Люди неисправимы, для нихъ урокъ жизни ничего не значитъ. Три раза я возстановлялъ императора Франца на его тронѣ; я обѣщалъ жить съ нимъ въ мирѣ до конца; я женился на его дочери. Еще тогда я себѣ говорилъ: ты дѣлаешь глупость, теперь я раскаиваюсь, но, что сдѣлано, того не вернешь». «Что вы хотите отъ меня?—сказалъ немного погодя опять Наполеонъ.—Чтобы я себя опозорилъ? Никогда. Я умру, но не уступлю ни одного вершка территоріи. Ваши государи, получившіе свою власть по наслѣдству, могутъ двадцать разъ потерпѣть пораженія и опять возвращаться въ свои столицы, но я этого не могу».

Меттернихъ усердно сталъ добиваться срока для переговоровъ, а въ сущности для лучшей организаціи австрійской арміи. Того же самого желалъ, очевидно, и Наполеонъ, ибо онъ согласился продолжить заключенное уже перемиріе съ Пруссіей и Россіей до 10-го августа и прислать делегатовъ въ Прагу на посредническую конференцію, созванную Австріей. Если вѣрить Меттерниху, онъ уходя изъ кабинета Наполеона сказалъ ему: «Вы потеряны, сиръ; пріѣзжая сюда, я это предчувствовалъ, а теперь ухожу вполнѣ въ этомъ убѣжденнымъ». Точно также, Меттернихъ разсказываетъ, что Наполеонъ говорилъ своимъ адъютантамъ по поводу ихъ свиданія: «У меня былъ длинный разговоръ съ Меттернихомъ, онъ держалъ себя храбро: тридцать разъ бросалъ я ему перчатку и тридцать разъ онъ ее поднималъ, но въ концѣ концовъ перчатка останется въ моихъ рукахъ».

Предполагаемые переговоры въ Прагѣ не привели ни къ какимъ результатамъ. Они даже фактически не состоялись и главнымъ образомъ, по винѣ Наполеона, нарочно медлившаго послать оффиціальныя полномочія своимъ делегатамъ. Мы не будемъ касаться кампаніи 1813 года. Но союзники не были увѣрены, что окончательная побѣда останется за ними. Они побѣдили Наполеона, но оставался еще французскій народъ. Поэтому союзники, вступивъ во Францію, объявили себя врагами Наполеона, а французскому народу, наоборотъ, дали торжественное обѣщаніе сохранить естественные предѣлы его отечества: Альпы, Рейнъ и Пиренеи. Когда министръ полиціи Савари показалъ Наполеону экземпляръ этой прокламаціи, тотъ воскликнулъ: «Только Меттернихъ въ состояніи ее написать, нужно быть маэстромъ обмана, чтобы говорить о Рейнѣ». Наполеонъ и не подозрѣвалъ, что Меттернихъ игралъ только скромную роль ученика, повторявшаго слова, сказанныя Таллейраномъ Александру I въ Эрфуртѣ. Таллейранъ и теперь продолжалъ оставаться совѣтникомъ враговъ Наполеона. До вступленія союзныхъ войскъ въ Парижъ, онъ вошелъ въ сношеніе съ ихъ дипломатами, чтобы подготовить временное правительство, замѣнявшее Наполеона. Тоже онъ продиктовалъ Нессельроде слова, которыя Але-

ксандръ I помѣстилъ въ своей прокламаціи къ парижанамъ. «Я являюсь среди васъ, не какъ врагъ — я вамъ приношу миръ и торговлю» *).

Однако, мира и согласія не было даже между самыми союзниками. Еще съ первой минуты совмѣстнаго дѣйствія, среди нихъ обнаружились два теченія: во главѣ одного стоялъ Александръ I, и во главѣ другого—Меттернихъ. У нихъ была постоянная вражда, какъ изъ за мелочей, такъ и за принципы. Еще до военныхъ дѣйствій, между ними начался споръ о главнокомандующемъ. Александръ предлагалъ назначить французскаго эмигранта, генерала Моро, одного изъ лучшихъ полководцевъ Наполеона, бѣжавшаго изъ Франціи, послѣ заговора противъ императора. Меттернихъ же предлагалъ князя Шварценберга, и такъ какъ онъ угрожалъ выйти изъ коалиціи, если послѣдній не будетъ назначенъ, Александру пришлось уступить. Меттернихъ прибавляетъ, что послѣ дрезденскаго сраженія, въ которомъ Моро былъ убитъ, Александръ обратился къ нему со словами: «Богъ разсудилъ насъ. Его мнѣніе сходно было съ вашимъ». Но то, чего Александръ никогда не могъ простить Меттерниху—это нарушеніе нейтралитета Швейцаріи. Сохраненіе послѣдняго было торжественно обѣщано Александромъ швейцарскимъ делегатамъ и своему учителю Лагарпу. Не смотря на это, Меттернихъ распорядился, чтобы австрійскія войска заняли Швейцарію и сдѣлали ея французскую границу базисомъ своихъ дѣйствій противъ Франціи. «Вы мнѣ сдѣлали неисправимое зло», говорилъ съ гнѣвомъ Александръ Меттерниху, узнавъ о его распоряженіи. Еще сильнѣе выражался онъ по адресу австрійскаго министра въ письмѣ къ Лагарпу, называя его образъ дѣйствій «гнуснымъ» **).

Въ противоположность, Меттерниху, царь старался казаться либеральнымъ. Онъ желалъ посадить на французскій престолъ шведскаго наслѣдника—бывшаго французскаго генерала Бернадотта или же предоставить французской націи выбрать себѣ какую нибудь другую династію. Меттернихъ наоборотъ стоялъ твердо за династію Бурбоновъ. Когда послѣдняя была возстановлена, Александръ I совѣтовалъ Людовику XVIII дать Франціи конституцію, Меттернихъ же хотѣлъ возстановленія стараго порядка вещей.

Но самое острое столкновеніе между русскимъ царемъ и австрійскимъ министромъ произошло на знаменитомъ Вѣнскомъ конгрессѣ.

*(Продолженіе слѣдуетъ).*

Г. Инсаровъ

---

*) Н. К. Шильдеръ, III. 212.

**) Шильдеръ, III. 181.



# АВРААМЪ КАГАНЪ.

Изъ молодыхъ американскихъ беллетристовъ, которые выдвинулись за послѣднія десять лѣтъ, самымъ интереснымъ для насъ, русскихъ, является Abraham Cahan, какъ соотечественникъ и яркій представитель русскаго реализма на американской литературной почвѣ. Этотъ оригинальный художникъ, столь непохожій на другихъ американскихъ беллетристовъ, является живымъ свидѣтельствомъ того, что геній русской литературы способенъ преодолѣвать самыя неблагопріятныя условія и забрасывать свое зерно даже на далекую и чуждую почву. Неожиданная эволюція молодого эмигранта, который явился въ Америку, не зная ни слова по-англійски, и черезъ нѣсколько лѣтъ, по словамъ извѣстнаго американскаго романиста и критика W. Howels'a, сталъ писать языкомъ, изумительнымъ по своему изяществу, простотѣ и силѣ,—менѣе изумительна для насъ, русскихъ.

Она свидѣтельствуетъ лишній разъ о необыкновенной гибкости русскаго интеллигентнаго духа, который накопилъ въ послѣдніе полвѣка столько свѣжихъ и разнообразныхъ силъ и на порогѣ двадцатаго столѣтія старается найти имъ исходъ и поприще для приложенія.

Даже великая каменная стѣна, въ которой два вѣка тому назадъ было прорублено такъ называемое окно въ Европу, не является неодолимымъ препятствіемъ, ибо, кромѣ окна, въ стѣнѣ оказалась дверь и на нашихъ глазахъ оттуда изливается потокъ способнѣйшихъ русскихъ людей; одни уносятъ съ собой готовую работоспособность и почетное имя, другіе уходятъ полусложившимися мальчиками, унося только привычку жить на чердакѣ и питаться хлѣбомъ съ чаемъ, и потомъ зарабатываютъ св и шпоры въ незнакомыхъ условіяхъ среди самой ожесточенной борьбы за существованіе, проходя въ теченіе немногихъ лѣтъ нѣсколько самыхъ разнообразныхъ человѣческихъ поприщъ.

Но воспоминаніе о старой родинѣ живетъ въ ихъ душѣ, какъ незакрывшаяся рана, и черезъ десятки лѣтъ они еще слышатъ, подобно одному изъ героевъ Ав. Кагана, доносящійся чрезъ всю ширину океана, голосъ русскихъ полей и смутный гулъ далекихъ русскихъ городовъ, полныхъ голода, страданій и борьбы за лучшее будущее.

Авраамъ Каганъ является по преимуществу бытописателемъ разно-

язычной человѣческой толпы, которая населяетъ восточную часть нижняго Нью-Іорка и, съ одной стороны, переваривается въ огромномъ столичномъ котлѣ на американскій ладъ, а съ другой—ежегодно пополняется новой волной сырого матеріала, приливающей изъ Европы. Въ короткихъ и яркихъ картинахъ русско-американскій беллетристъ раскрываетъ предъ нами тайну «внезапнаго расширенія человѣческой души» и наглядно изображаетъ, какъ въ каждой живой частичкѣ человѣческаго потока подъ вліяніемъ внезапныхъ условій изъ-подъ корня европейскаго невѣжества и угнетенія просыпается подъемъ энергіи, жадной и неразборчивой въ средствахъ, но способной сокрушить всѣ преграды. Такимъ образомъ, слѣдуя за Каганомъ, мы воочію видимъ, какъ изъ Іекла Подкерниха и Рувки Маклеровича постепенно вырабатываются Джекъ Подкерстонъ и Реубенъ Мак-Леодъ.

Послѣднія два имени свидѣтельствуютъ, что Ав. Каганъ охотнѣе всего выбираетъ свои темы въ средѣ русско еврейскихъ эмигрантовъ.

Подробности нью-іоркской городской жизни мало извѣстны не только въ Европѣ, но даже въ Америкѣ. Интеллигентный житель Филадельфіи или Чикаго не можетъ представить себѣ, что въ американской промышленной столицѣ, рядомъ съ капищами нефтяного и стального трёстовъ и банкирскими конторами Моргановъ и Рокфеллеровъ находится столько иноплеменныхъ человѣческихъ гнѣздъ. А между тѣмъ, на востокъ отъ Бродвея, въ двухъ стахъ шагахъ, начинается итальянскій кварталъ, гдѣ даже колбаса въ окнахъ съѣстныхъ лавокъ выглядитъ по-сицилійски, гдѣ группы смуглыхъ и черноволосыхъ рабочихъ сидятъ на тротуарахъ и обѣдаютъ помедорами и лукомъ; потомъ слѣдуетъ цѣлый еврейскій міръ, потомъ китайскій кварталъ, гдѣ только съ недѣлю тому назадъ устроили новому китайскому послу торжественную встрѣчу съ фейерверками, гонгами и даже китайскими знаменами. Къ западу отъ Бродвея тоже въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ находятся околотки сирійскій и греческій, не менѣе, если не болѣе оригинальные. Къ сѣверу около семидесятой улицы живутъ чехи и поляки, даже русины и бѣлоруссы, не говоря уже о нѣмцахъ и ирландцахъ, которые наполняютъ всѣ окраины и держатъ въ своихъ рукахъ всю политическую жизнь города.

И надъ всѣми этими разноязычными центрами дымятъ курнымъ углемъ сотни фабричныхъ трубъ и грохочутъ проворные паровозы и электромобили воздушныхъ, подземныхъ и водяныхъ дорогъ огромнаго города.

Русскіе евреи, насчитывающіе болѣе полутораста тысячъ и ежегодно возрастающіе въ числѣ, занимаютъ среди этой смѣси человѣческихъ племенъ очень видное мѣсто. Все это большею частью фабричные рабочіе и ремесленники, въ особенности портные, создавшіе въ двадцать лѣтъ обширную отрасль промышленности и снабжающіе теперь готовымъ платьемъ всю сѣверную и среднюю Америку за третью

часть прежней цѣны. Довольно много мелкихъ и среднихъ торговцевъ, а въ молодомъ поколѣніи представителей интеллигентныхъ профессій, докторовъ, адвокатовъ, инженеровъ, ибо ни одно племя не стремится съ такой настойчивой и упрямой жадностью завоевать образованіе своимъ дѣтямъ. Ав. Каганъ болѣе чѣмъ кто-либо другой способенъ выступать бытописателемъ этой любопытной среды, ибо онъ явился сюда въ 1882 году вмѣстѣ съ первой ея волной и съ тѣхъ поръ все время жилъ ея жизнью, былъ фабричнымъ рабочимъ и учителемъ, ораторомъ на митингахъ и репортеромъ, а въ настоящее время состоитъ редакторомъ «Forward», большой ежедневной газеты на еврейскомъ языкѣ, имѣющей очень опредѣленное направленіе и обращеніе въ 15.000 нумеровъ. (Есть еврейскія газеты, выходящія въ количествѣ 40.000 нумеровъ ежедневно).

Въ русской литературѣ Ав. Каганъ мало извѣстенъ. Два—три разсказа были переведены въ «Восходѣ», но общей читающей публикѣ остались неизвѣстны. Одинъ разсказъ былъ переведенъ въ журналѣ «Жизнь» за 1900 годъ. Между тѣмъ въ Америкѣ Howels привѣтствовалъ Кагана послѣ появленія его перваго сборника, какъ самаго талантливаго изъ молодыхъ нью-іоркскихъ беллетристовъ, а другой критикъ въ распространенной чикагской газетѣ назвалъ его разсказы наиболѣе интересной и содержательной книгой американской литературы за текущій мѣсяцъ.

Много разъ пробовали сравнивать Кагана съ Зангвиллемъ. По моему мнѣнію, Каганъ превосходитъ Зангвилля полнымъ отсутствіемъ романическаго идеализма и полнымъ знаніемъ своей любимой области, ибо Зангвилль, родившійся англичаниномъ, знаетъ только англійскую сторону «Дѣтей и внуковъ лондонскаго Гетто» и между прочимъ обладаетъ весьма неполнымъ пониманіемъ остраго общественнаго разлада между различными классами своихъ соплеменниковъ.

Поэтому, будетъ поучительно подчеркнуть, что еврейскія буржуазныя газеты въ Англіи и Америкѣ, столь благосклонно встрѣтившія Зангвилля, отнеслись къ Кагану съ рѣшительнымъ осужденіемъ.

По поводу романа «Іеклъ» онѣ, напр., обвиняли Кагана, что онъ изображаетъ только тѣневыя стороны еврейскаго народа и выводитъ нью-іоркскихъ портныхъ слишкомъ бѣдными и безнравственными. «Развѣ мало еврейскіе богачи жертвуютъ на образованіе и улучшеніе жизни своего народа?» съ пафосомъ спрашивала самая распространенная еврейская газета въ Америкѣ. Другая дошла до того, что назвала романъ пощечиной еврейству.

Нападки въ особенности усилились по появленіи очень интереснаго и смѣлаго разсказа «The apostate of Chegochegg» (Выкрестка изъ Чегочега), гдѣ еврейская дѣвушка принимаетъ православіе и выходитъ замужъ за бѣлорусса.

Нѣкоторые еврейскіе журналы дошли до того, что назвали Кагана

предателемъ, который продаетъ свою расу по гривеннику со строчки. Нельзя не отмѣтить, однако, и того, что демократическіе еврейскіе журналы съ самаго начала приняли сторону дерзкаго писателя, изображавшаго жизнь такою, какъ она есть въ дѣйствительности, и газета, редактируемая Кагановъ, является до сихъ поръ наиболѣе распространенной среди бѣдныхъ рабочихъ элементовъ на «восточной сторонѣ» Нью-Іорка.

Въ послѣднее время Ав. Каганъ занятъ большимъ романомъ изъ американско-еврейской жизни, который обѣщаетъ быть наиболѣе значительнымъ изъ его произведеній. Первая часть романа происходитъ въ Россіи, а вторая въ Америкѣ. Главными дѣйствующими лицами являются демократическій интеллигентъ изъ бывшихъ петербургскихъ студентовъ и молодая дѣвушка, дочь банкира, родившаяся и воспитавшаяся въ Америкѣ. Романъ будетъ носить характерное заглавіе «Shasm»—«Бездна», ибо его главной задачей является изображеніе бездны, между жизненными идеалами еврейской интеллигенціи русскаго и американскаго происхожденія. Такимъ образомъ въ концѣ романа любовь русскаго студента и дочери американскаго богача кончается полнымъ разрывомъ, ибо во время большой стачки портныхъ герой является однимъ изъ ея дѣятельныхъ устроителей, а героиня, разочаровавшись въ своихъ неумѣлыхъ и высокомѣрныхъ попыткахъ создать артистическое воспитаніе въ рабочей средѣ, принимаетъ сторону своего отца и его союзниковъ—«выжимателей пота» и, въ концѣ концовъ, выходитъ за своего прежняго жениха, который, между прочимъ, въ угоду ей изучалъ искусство и греческій языкъ.

Романъ полонъ интересныхъ положеній и правдивыхъ картинъ и захватываетъ многія стороны еврейской, а также и христіанской жизни въ Нью-Іоркѣ.

Предлагаемый небольшой разсказъ, «Димитрій и Зигрида», одинъ изъ послѣднихъ написанныхъ Кагановъ, показываетъ, что жизнь христіанскихъ эмигрантовъ не менѣе знакома его наблюдательному уму. Несложная фабула и простота эффектовъ, которые авторъ пускаетъ въ дѣло, еще болѣе усиливаетъ значительность «случая изъ дѣйствительной жизни», который разсказанъ на этихъ немногихъ страницахъ.

Танъ.

---



# ДИМИТРІЙ И ЗИГРИДА.

Разсказъ **А. Кагана**.

Новая партія эмигрантовъ прибыла въ «Barge Office». Тутъ были: словаки, мадьяры, поляки, евреи, нѣсколько сирійцевъ, армянъ и два-три одинокихъ представителя другихъ націй. Безцвѣтное, хмурое небо нависло надъ заливомъ, и въ «палатѣ задержанныхъ» царили подавляющіе сумерки. Красный, желтый и черный цвѣта выдѣлялись среди множества другихъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. Палата была наполнена обычнымъ шумомъ и суетой; всѣ рвались поскорѣе выйти въ «Америку». Одни спрашивали, далеко ли еще до Америки, другіе знали изъ писемъ родственниковъ, что это былъ «Castle Garden» (имя старой эмигрантской пристани остается по сю пору за давно смѣнившими ее мѣстами) и что «Castle Garden» въ Америкѣ. Всѣ задавали вопросы, просили, плакали, ругались, цѣловали руки служащихъ.

Чиновники охрипли, измучились, стали раздражаться. Польская баба плакала и ломала руки, потому что привезенный ею адресъ былъ слишкомъ неразборчивъ, и никто не являлся, чтобы взять ее отсюда. Старикъ еврей весь дрожалъ отъ волненія при мысли, что онъ добрался-таки до Америки и увидитъ, наконецъ, своего сына, съ которымъ не видѣлся уже шесть лѣтъ. Человѣкъ съ болѣзненнымъ лицомъ, не получившій разрѣшенія на въѣздъ изъ за-своей бѣдности и чахлаго вида, со слезами разсказывалъ другимъ эмигрантамъ, какъ онъ продалъ послѣдніе пожитки, чтобъ съ семьей добраться до Америки. Словачка бранила мужа за то, что у него не хватало смѣлости попросить для нея еще похлебки. Крестьяне, прижавшись къ стѣнѣ, шептались, вздыхали, ждали... У одного стола толпа народу обступила молодого человѣка, который зналъ множество языковъ, и обязанность котораго состояла въ томъ, чтобъ отправлять телеграммы по удобочитаемымъ адресамъ. Всѣ галдѣли сразу на разныхъ языкахъ.

Въ одномъ углу комнаты худощавый молодой человѣкъ со смуглымъ, интеллигентнымъ лицомъ что-то говорилъ лысому чиновнику по-французски. Онъ былъ румынъ и, какъ всѣ почти образованные люди на его родинѣ, бѣгло говорилъ на языкѣ фешенебэльнаго общества.

— Я не буду обузой для американцевъ,—говорилъ онъ,—я готовъ исполнять самую тяжелую работу.

— У васъ совсѣмъ нѣтъ денегъ?—грубо прервалъ его чиновникъ. Онъ стоялъ, наклонивъ голову на бокъ и глядѣлъ равнодушными глазами въ стѣну.

— Нѣтъ!—отвѣтилъ молодой человѣкъ.—Все ушло на дорогу.

Чиновникъ глядѣлъ попрежнему сурово, но, повидимому, эми-

грантъ задѣлъ чувствительную струну въ его сердцѣ, ибо, хотя это дѣло касалось коммиссіи для спеціальныхъ изслѣдованій, онъ продолжалъ слушать его разсказъ.

— Я думалъ, что у меня какъ разъ хватитъ на дорогу и на то, чтобъ показать властямъ здѣсь необходимую сумму,—продолжалъ румынъ,—но агентъ въ Бременѣ такъ долго держалъ меня, что я остался безъ копѣйки.

Онъ говорилъ тихимъ, пріятнымъ голосомъ и какъ человѣкъ, который получилъ хорошее воспитаніе.

— Чѣмъ вы занимались дома?—спросилъ чиновникъ, продолжая хмурить лобъ, но уже совсѣмъ безъ грубости.

— Я былъ офицеромъ,—отвѣтилъ молодой человѣкъ, опустивъ глаза. Случилось... несчастье... Я долженъ былъ уѣхать.

Чиновникъ насторожился. Румынъ коротко неохотно разсказалъ ему, какъ онъ, будучи прапорщикомъ, нанесъ старшему офицеру оскорбленіе въ присутствіи другихъ за то, что тотъ оклеветалъ его сестру.

Чиновникъ объяснилъ Димитрію Рубеску (такъ звали молодого эмигранта), что онъ не имѣетъ права выпустить его, и что даже «Спеціальная коммиссія» не можетъ обойти закона, но обѣщалъ заинтересовать въ его дѣлѣ какое-нибудь общество, а пока совѣтовалъ не унывать.

Димитрій почувствовалъ себя ободреннымъ. Онъ снова усѣлся въ углу на своемъ потертомъ чемоданѣ и, вынувъ грамматику, принялся изучать англійскій языкъ. Ему, однако, не удавалось сосредоточиться на этомъ занятіи. Дѣлая усилія, чтобы запомнить незнакомыя слова, онъ, мало-по-малу, чувствовалъ, что у него опять тяжело становится на душѣ. Какъ онъ ни старался, но онъ не могъ серьезно относиться къ этимъ страннымъ словамъ, не могъ представить себѣ, чтобъ они въ самомъ дѣлѣ составляли части человѣческой рѣчи. Сражаясь съ неподдающимися звуками, онъ все больше и больше чувствовалъ свое одиночество. Большой городъ и вся страна, въ которую онъ такъ искалъ доступа, представлялись ему волнующейся массой неопредѣленныхъ, жестокихъ лицъ. Сердце его похолодѣло отъ этого образа. Охваченный сильной тоской по родинѣ, онъ мысленно обратился къ матери и сестрѣ и сталъ просить ихъ, чтобъ онѣ думали о немъ. Онъ долго сидѣлъ и глядѣлъ впередъ, ничего не видя, кромѣ своего отчаянія.

Неужели онъ осужденъ на вѣчное изгнаніе? Неужели возможно, что онъ никогда больше не увидитъ родины? Димитрій былъ юноша съ любящей, нѣжной душой; ему было всего двадцать два года, но онъ выглядѣлъ еще моложе, а въ настоящемъ своемъ положеніи онъ чувствовалъ себя, какъ десятилѣтній мальчикъ.

Постепенно, когда острая боль улеглась, и онъ сталъ чувствовать суету вокругъ себя и различать окружающія лица, глаза его остано-

вились на свѣжемъ лицѣ бѣлокурой дѣвушки въ синемъ платьѣ и шляпкѣ, которая сидѣла на узлѣ и читала небольшую Библію. Ея красивая голова была опущена, и губы шевелись съ тихимъ усердіемъ, точно она сообщала книгѣ тайну своего тоскующаго сердца. Димитрій слегка наклонился впередъ, незамѣтно слѣдя за движеніями ея рта. Спустя немного, онъ опять было попробовалъ взяться за грамматику, но опять враждебныя слова оттолкнули его. У него не хватало духу вслухъ произнести слово, невозможное эхо котораго отпечатлѣвалось у него въ мозгу. Глаза его опять обратились въ сторону пригожей дѣвушки, которая все еще бормотала надъ своей Библіей.

Прошло около часу. Молодые люди врядъ ли обмѣнялись еще взглядомъ; она, однако, чувствовала, что онъ на нее смотритъ, и не сердилась на него за это.

Небо прояснилось; служителя подняли сторы, и потокъ апрѣльскаго воздуха и свѣта хлынулъ въ темную, душную палату. Молодая дѣвушка подняла глаза къ окну; лицо ея опечалилось, глаза наполнились слезами.

Димитрій подошелъ къ ней и спросилъ ее по-французски, почему она задержана. Она покачала головой, пожала плечами и улыбнулась сквозь слезы. Онъ тоже улыбнулся. Постоявъ немного передъ ней, онъ взялъ свой чемоданъ и подвинулъ поближе.

— На какомъ языкѣ вы говорите?—безнадежно спросилъ онъ.

— Я не понимаю, что вы говорите,—отвѣтила она по-шведски съ огорченіемъ во взглядѣ и оба разсмѣялись.

Къ вечеру они были разлучены, такъ-какъ на ночь задержанныхъ эмигрантовъ переводили на баржи, стоявшія у острова Эллисъ-Айландъ; но на слѣдующее утро они опять встрѣтились и съ этого дня почти всегда были вмѣстѣ. Онъ приносилъ ей завтракъ, выбиралъ всегда лучшій кусокъ мяса изъ своей похлебки и клалъ на ея тарелку и разъ даже чуть не подрался съ однимъ венгромъ за то, что тотъ посадилъ ребенка на ея узелъ.

Время отъ времени статная надзирательница въ очкахъ, проходя мимо шведки, останавливалась поговорить съ нею на ея родномъ языкѣ.

— Ну, Зигрида, все читаешь Библію? — спрашивала она. — Это не худо, это развлекаетъ тоску; Богъ вызволитъ тебя отсюда за твою набожность!—Когда надзирательница отходила, Зигрида, бывало, взглянетъ значительно на Димитрія, а онъ отвѣтитъ ласковой улыбкой, какъ будто понималъ о чемъ говорили обѣ женщины.

Зигрида терпѣливо переносила свое положеніе. Она часто имѣла скучный видъ и читала свою Библію съ безнадежнымъ выраженіемъ въ голосѣ, но никто никогда не видѣлъ, чтобъ она сердилась или раздражалась. Несмотря на то, что она ежедневно проводила семь часовъ въ этой затхлой атмосферѣ, лицо ея оставалось такимъ же цвѣ-

тущимъ, а довѣрчивые глаза не теряли своего мягкаго блеска, а со времени своего нѣмого знакомства съ молодымъ румыномъ она и совсѣмъ почти перестала скучать. Димитрій, напротивъ, сильно осунулся и худѣлъ съ каждымъ днемъ. Зигрида замѣтила это и однажды, сложивъ руки въ знакъ сочувствія, посмотрѣла на него жалостливымъ взглядомъ. Но онъ не понялъ ея и только смущенно засмѣялся. Когда ей хотѣлось пить, она съ улыбкой приставляла кулакъ ко рту, и Димитрій вскакивалъ и приносилъ ей стаканъ свѣжей воды.

Одинъ разъ, когда они сидѣли, обмѣниваясь взглядами и улыбками, лицо его вдругъ измѣнилось и, ткнувъ себя указательнымъ пальцемъ въ грудь, онъ чуть не съ яростью воскликнулъ: «Димитрій! Димитрій!» и вслѣдъ за этимъ, съ прежней лаской, вопросительно указалъ пальцемъ въ ея сторону. Въ переводѣ на языкъ словъ это должно было означать: мое имя Димитрій, а ваше? Но, къ его жестокому разочарованію она отвѣтила лишь широко раскрытыми, недоумѣвающими глазами.

Надзирательница привыкла видѣть смуглаго румына возлѣ бѣлокурой шведки. Иногда, видя какъ они улыбаются другъ другу или весело жестикулируютъ, какъ чета глухонѣмыхъ, она тоже, бывало, улыбнется и пройдетъ мимо. Любовныя ухаживанія строго воспрещались въ палатѣ, такъ что материнскую улыбку надзирательницы можно было истолковать еще и такъ: «Не забывайтесь и ведите себя такъ всегда; если же вы посмѣете только прикоснуться рукой къ рукѣ, я должна буду немедленно разлучить васъ».

Когда, бывало Димитрій, берется за грамматику, Зигрида слегка надуется, не то наклонится надъ его книгой и начнетъ шаловливо повторять его слова, до тѣхъ поръ, пока онъ не броситъ. Однако, когда она читала Библію, и онъ пробовалъ передразнивать ея благочестіе, она знаками давала ему понять, что это грѣхъ, и онъ переставалъ. Кромѣ грамматики, у Димитрія былъ еще словарь, и когда онъ въ первый разъ вынулъ его изъ чемодана и показалъ ей, лицо ея просіяло, и она кое-какъ объяснила ему на ихъ нѣмомъ языкѣ, что она знаетъ, какая это книга, и она хотѣла бы имѣть такую же на своемъ собственномъ языкѣ. Она съ большимъ уваженіемъ смотрѣла черезъ его плечо, какъ онъ переворачивалъ страницу за страницей. Димитрій находилъ много словъ, которыя были почти одинаковы на обоихъ языкахъ, и каждый разъ, встрѣчая, такое слово, онъ восторгался, точно встрѣтилъ вдругъ земляка въ странѣ изгнанія.

Вдругъ онъ поднялъ голову и, озаренный новой мыслью, захлопалъ въ ладоши: ему пришло на умъ, что еслибъ у дѣвушки былъ англійскій словарь для ея родного языка, они могли бы какъ-нибудь сговориться на языкѣ новой страны. Онъ весь волновался. Чудесная мысль! И какая пріятная забава впереди! Онъ не успокоился, пока Зигрида



не обѣщала попросить надзирательницу одолжить ей шведско-англійскій и англо-шведскій словарь.

Спустя нѣкоторое время, они уже сидѣли, погруженные въ игру, которую онъ старался объяснить ей. Онъ началъ съ того, что сталъ искать въ своемъ словарѣ англійскія слова, которыя хотѣлъ сказать ей, а она должна была найти значеніе этихъ словъ въ англійско-шведской части своего словаря, и когда выходило, что она вѣрно поняла его посланіе, она должна была составить отвѣтъ по-англійски, роясь уже въ другой половинѣ своего словаря; тогда Димитрій переводилъ это на румынскій, и, такимъ образомъ, разговоръ продолжался. Зигрида едва ли когда держала словарь въ рукахъ и потому не сразу поняла процедуру. Мало-по-малу, однако, она стала соображать и черезъ часъ уже такъ же легко находила слова, какъ и Димитрій обнаруживая не менѣе вдохновенія въ разборѣ взаимныхъ посланій.

Вотъ было наслажденіе находить смыслъ въ смѣшныхъ словахъ, которыя онъ выписывалъ, и потомъ слѣдить за нимъ и видѣть, какъ онъ тоже начинаетъ понимать слова, которыя она выкопала въ своемъ словарѣ! Щеки ея горѣли. Каждый разъ, когда она разбирала его посланіе, она вскидывала руками и хохотала. Но Димитрій не смѣялся; онъ весь былъ погруженъ въ работу, перелистывая словарь и списывая слово за словомъ, и по мѣрѣ того какъ смыслъ его посланія открывался для нея, лицо его принимало глубоко сосредоточенный видъ, какъ у человѣка, увлеченнаго игрой въ шахматы. Казалось, какъ будто глухонѣмой внезапно заговорилъ; между тѣмъ, слова продолжали таинственно выходить неизвѣстно откуда, и самая эта таинственность придавала особое напряженіе его интересу.

Другіе эмигранты обступили ихъ, слѣдя за ихъ страннымъ занятіемъ, но молодые люди даже не замѣчали этого: имъ было не до нихъ.

— Вы имѣете родственника въ Америкѣ?—писалъ Димитрій.

— Я имѣю тетка. Вы?—отвѣчала Зигрида.

— Гдѣ ваша тетка?—спрашивалъ онъ дальше, и она отвѣчала:

— Знаю не. Терять адресъ. Американская дама сказать, она найти моя тетка.

Чиновники напали на слѣдъ, по которому можно было найти тетку Зигриды. Эта тетка оставила Швецію, когда Зигридѣ было два года, и когда жила еще мать ея. Дѣвушка знала о теткѣ только то, что она не имѣла дѣтей, и что фамилія ея мужа была Дансенъ. Пока отецъ Зигриды оставался вдовцомъ, тетка довольствовалась тѣмъ, что посылала ей пять долларовъ на именины и столько же на Рождество. Когда же онъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, женился на старой дѣвѣ, тетка Зигриды такъ вскипѣла, что послала племянницѣ деньги на дорогу. Все это Зигрида, какъ умѣла, объяснила румыну, дополняя жестами то, чего не могла выразить словами. Димитрій, въ свою очередь, разсказалъ ей свое горе. Узнавъ, что онъ былъ офицеромъ, она вне-

запно стала сдержаннѣе и даже почтительнѣе. Но это продолжалось недолго, и когда она разъ увидѣла, какъ онъ помогалъ красивой польской дѣвушкѣ запаковать вещи, лицо ея отуманилось, и только когда онъ изъ глубины двухъ словарей извлекъ фразу: «не быть сердита», она снова улыбнулась.

— У васъ есть женихъ?—писалъ онъ потомъ.

Разобравъ вопросъ, она ударила его по рукѣ.

— Сказать правда,—настаивалъ онъ.

Она приложила руку къ сердцу и покачала головой.

Въ одно утро, послѣ того, какъ еще одна партія эмигрантовъ была выпущена и палата значительно опустѣла, Димитрій писалъ ей:

— Грустно! Грустно! Грустно!

Когда она прочла и нашла это слово въ словарѣ, слезы навернулись на ея глаза. Онъ сказалъ ей, что она «добрый ангелъ», и застѣнчиво поглядывалъ на нее сбоку, пока она отыскивала значеніе этихъ словъ. Наконецъ, лицо ея озарилось, и, выхвативъ карандашъ изъ его рукъ, она стала готовить отвѣтъ.

— А вы дурной человѣкъ,—написала она.

— Я не шутить, Зигрида,—писалъ онъ.—Знаю не гдѣ я быть, и гдѣ вы быть, но я вѣчный помнить ты.

Не поднимая головы, она принялась за отвѣтъ.

— Я также никогда не забыть ты. Никогда, никогда!—читалъ онъ.

Немного дней спустя, палата задержанныхъ кишѣла итальянцами. Большая часть уже была выпущена, но работы было много, и среди общаго гула пестрой толпы эмигрантовъ раздавались сухіе и рѣзкіе возгласы чиновниковъ. Димитрій и Зигрида сидѣли въ обычномъ углу со своими словарями на колѣняхъ и съ глазами, устремленными въ окно. Мысли ихъ были далеко другъ отъ друга, но сердца были связаны чувствомъ необезпеченности, которымъ дыханіе весны повѣяло на обоихъ.

Внезапно она вздрогнула. Ея имя назвали, и вслѣдъ за тѣмъ старшій чиновникъ, въ сопровожденіи надзирательницы, подошелъ къ ней. Въ пріемной ждала госпожа Дансенъ, и Зигриду вывели.

Димитрій остался, какъ былъ, съ раскрытымъ ртомъ. Онъ кинулся къ двери, за которой исчезла шведка, но привратникъ оттолкнулъ его назадъ. Во время обѣда, когда другіе съ аппетитомъ поглощали свой супъ, онъ хмуро сидѣлъ, весь съежившись, на своемъ чемоданѣ.

— Отчего вы не обѣдаете?—спросилъ его лысый чиновникъ.

— Сжальтесь, сударь!—сказалъ Димитрій, вскочивъ съ мѣста.— Если вы задержите меня здѣсь еще одинъ день, я умру; если же отошлете назадъ, я брошусь съ парохода въ воду.

Въ тотъ же день агентъ общества нѣмецкой эмиграціи нашелъ ему мѣсто въ какой-то фотографіи въ качествѣ простого рабочаго, и коммиссія изслѣдованія рѣшила выпустить его.

Первые нѣсколько мѣсяцевъ своего пребыванія въ Америкѣ, когда шотландецъ фотографъ часто выходилъ изъ терпѣнія, что Димитрій не понималъ его; когда съ нимъ обращались, какъ съ слугой, и онъ постоянно трепеталъ, что ему откажутъ отъ работы; когда этотъ американскій городъ казался ему міромъ дикарей, и страшный языкъ, который онъ слышалъ кругомъ, звучалъ какъ бы приговоромъ ему,—въ эти дни, когда сердце его разрывалось отъ одиночества, онъ не смѣлъ и думать о томъ, чтобы пойти на эмигрантскую пристань и разузнать что-нибудь о молодой шведкѣ; да онъ и не зналъ бы, какъ попасть туда. Между тѣмъ, онъ не забывалъ ея ни на минуту; она всегда была въ средѣ той маленькой группы, о которой онъ мечталъ и предъ которой изливалъ свое наболѣвшее сердце.

— Гдѣ ты, милая?—шепталъ онъ, лежа на своемъ одинокомъ чердакѣ.—Вѣрна ты своему обѣту, ангелъ?—онъ спрашивалъ, точно она была тутъ и могла его слышать.—Что касается меня, твой милый образъ всегда передо мною.—Вспоминая, какъ она написала: «никогда, никогда!» онъ вслухъ повторялъ эти слова. Потомъ, обращаясь къ роднымъ, онъ говорилъ:—матушка, это Зигрида, поцѣлуй ее, она милая дѣвушка! Это моя мать, Зигрида, а это моя сестра. Дайте мнѣ обнять васъ всѣхъ и прижать къ больному сердцу—крѣпко, крѣпко, крѣпко!

Иногда профиль какой-нибудь женщины на улицѣ заставлялъ его вздрогнуть.

— Зигрида!—восклицалъ онъ про себя и пускался за нею, но опередивъ ее, убѣждался, какъ горько онъ ошибся.

Разъ въ вагонѣ конки онъ замѣтилъ дѣвушку, которая такъ поразительно походила на Зигриду, что онъ чуть было не заговорилъ съ нею, но вдругъ дѣвушка улыбнулась, и лицо ея такъ при этомъ измѣнилось, что онъ благодарилъ небо за то, что удержался. Послѣ этого онъ сталъ уже сомнѣваться, что узнаетъ ее, если и встрѣтитъ когда-нибудь. Образъ ея сталъ представляться ему довольно смутно.

Наконецъ, онъ отправился на эмигрантскую пристань. Лысый чиновникъ сразу узналъ его и такъ радъ былъ видѣть Димитрія въ новомъ платьѣ, что усердно сталъ искать адресъ шведки. Димитрій тотчасъ же отправился по адресу; но онъ нашелъ лишь рядъ недостроенныхъ домовъ. Онъ сталъ разспрашивать у ближайшихъ жителей квартала, но никто изъ нихъ не слыхалъ ни о какой госпожѣ Дансенъ. Жители мелкихъ квартиръ въ большихъ домахъ рѣдко остаются подолгу на одномъ и томъ же мѣстѣ и не знаютъ даже своихъ сосѣдей по корридору, не говоря уже о жильцахъ другого дома. Тѣ, которые жили въ этомъ кварталѣ одновременно съ госпожей Дансенъ, давно исчезли, какъ и старые дома, которые были свалены и на мѣстѣ которыхъ воздвигались теперь новые. Не осталось и слѣда того міра, который всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ смѣялся тутъ, плакалъ, ссорился, сплетничалъ,—ничего, кромѣ молчаливыхъ, невеселыхъ массъ

изъ кирпича и цемента съ рядами оконныхъ дыръ, заколоченныхъ досками. Тяжело стало у Димитрія на душѣ при видѣ этого.

Въ слѣдующее воскресеніе онъ отправился распрашивать въ шведскую церковь; посѣтилъ нѣкоторыя скандинавскія общества, но все было напрасно...

Поѣзда воздушной дороги и вагоны электрической конки были переполнены. Улицы почти опустѣли. Разодѣтая по воскресному толпа, томясь и изнывая отъ жары, мчалась изъ ужаснаго каменнаго города въ погонѣ за глоткомъ свѣжаго воздуха. Димитрій направлялся къ станціи воздушной дороги на Четырнадцатой улицѣ. На немъ былъ дешевый лѣтній костюмъ, тонкая цвѣтная сорочка и мягкая шляпа. Его походка, манера держать голову и свобода, съ которой онъ носилъ свое платье, сразу обличали человѣка, который уже не первый мѣсяцъ въ Америкѣ. Мѣсто у шотландца въ фотографіи онъ давно бросилъ. Онъ работалъ потомъ на игрушечной фабрикѣ, затѣмъ одно время въ аптекѣ и, наконецъ, опять нашелъ мѣсто въ фотографіи, у одного американизированнаго француза, которому онъ понравился и который далъ ему возможность научиться его ремеслу, такъ что въ настоящее время Димитрій зарабатывалъ уже отъ десяти до двѣнадцати долларовъ въ недѣлю въ качествѣ ретушера.

Онъ имѣлъ между французами двухъ-трехъ знакомыхъ, но ему было не по себѣ въ ихъ обществѣ. Два съ половиною года прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ не видалъ родины, и это время казалось ему вѣчностью. Эпизодъ на эмигрантской пристани онъ вспоминалъ какъ милую трогательную шутку полузабытаго прошлаго, а Зиграда—отвлеченный образъ ея—сіяла гдѣ-то въ центрѣ отдаленной мечты. Но все же, хотя и въ отвлеченномъ видѣ, она обитала въ золотыхъ воздушныхъ замкахъ его фантазіи, рядомъ съ его матерью, сестрой и родиной. Поѣздъ такъ былъ переполненъ, что онъ радъ былъ, когда примостился на площадкѣ вагона. Онъ стоялъ, сжатый со всѣхъ сторонъ, и смотрѣлъ въ мелькавшія окна домовъ и на пролетавшіе мимо встрѣчные поѣзда и думалъ свою думу подъ аккомпаниментъ ихъ тяжелаго грохота. У одного пункта со станціи черезъ дорогу двинулся поѣздъ, и въ ту же минуту поѣздъ, на которомъ находился Димитрій, направился въ противоположную сторону. Скользя глазами по отходившимъ вагонамъ, Димитрій вдругъ увидѣлъ въ толпѣ на одной изъ площадокъ Зигриду. Это была она. Они какъ-будто вчера только разстались.

— Зигрида! Зигрида!—кричалъ онъ, простирая руки, но крикъ его потерялся въ грохочущемъ дуэтѣ двухъ поѣздовъ, которые ихъ разлучали, и она даже не обернулась. Димитрій чувствовалъ, что каждый новый вершокъ его дороги отдаляетъ его отъ Зигриды—на два вершка, и онъ почти готовъ былъ соскочить, съ поѣзда. Когда онъ понялъ всю безпомощность своего положенія, онъ ужаснулся. Онъ вышелъ на слѣдующей станціи, сошелъ съ лѣстницы, перешелъ черезъ дорогу и, взобравшись по другой лѣстницѣ очутился на станціи, откуда

поѣзда шли въ другую сторону и откуда выѣхала Зигрида. Онъ сдѣлалъ это безъ увлеченія, такъ себѣ, самъ не зная зачѣмъ. Кромѣ отчаянія и досады, онъ чувствовалъ также нѣкоторый стыдъ, точно кто-то сыгралъ надъ нимъ ловкую и наглую шутку.

На слѣдующій день онъ отправился на эмигрантскую пристань, но очутившись у двери, выругалъ себя дуракомъ и повернулъ назадъ.

Съ того воскресенья онъ сталъ предпочитать воздушную дорогу всѣмъ нижнимъ поѣздамъ. Разъ онъ даже проѣхалъ изъ конца въ конецъ, все надѣясь какъ-нибудь встрѣтиться со шведкой. Образъ ея опять принялъ плоть и кровь. Онъ былъ для него символомъ благородства и счастья.

— О, я найду тебя, милая Зигрида!—часто шепталъ онъ этому образу.

Однажды въ полдень лѣтомъ, спустя годъ послѣ случая въ поѣздѣ, Димитрій шелъ по Семьдесятъ Второй улицѣ. Много перемѣнъ произошло за это время въ судьбѣ его близкихъ. Сестра его вышла за вдовца, а мать уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ умерла... Онъ зналъ, что мать умерла, но не вѣрилъ, что это въ самомъ дѣлѣ случилось. Онъ зналъ и помнилъ ее только живой и никакъ не могъ представить себѣ, что она лежитъ въ могилѣ, что сырая земля касается ея со всѣхъ сторонъ.

— Невозможно! Невозможно!—протестовало его сердце, и въ тоже время онъ сталъ чувствовать, что всѣ и все, что было ему когда-то знакомо на родинѣ, исчезло.

Въ другихъ отношеніяхъ онъ не могъ пожаловаться на судьбу. Благодаря своей интеллигентности и природному вкусу, онъ успѣлъ добиться очень многаго. Въ настоящую минуту предъ нимъ стоялъ выборъ между занятіемъ въ лучшей фотографіи въ городѣ и ролью компаньона въ небольшой фотографіи, которую одинъ знакомый чехъ собирался открыть на сбереженныя деньги. Природная безпечность и отсутствіе предпріимчивости склоняли его предпочесть наемную должность, тѣмъ болѣе, что, войдя въ товарищество съ чехомъ, онъ долженъ былъ бы потворствовать вкусамъ болѣе грубой публики. Тѣмъ не менѣе, онъ сталъ серьезно обдумывать дѣло. Чтобъ осмотрѣть богемскій кварталъ и узнать, гдѣ можно и выгодно было бы открыть фотографію, онъ отправился по восточной части Семьдесятъ Второй улицы. Онъ всегда былъ прилично одѣтъ; посѣщалъ американскіе театры и оперу, и вообще страна начала нравиться ему, а во время испанской войны онъ восторгался каждой новой побѣдой американцевъ. При всемъ томъ, онъ чувствовалъ себя страшно одинокимъ; тоска не переставала съѣдать его, и величайшимъ удовольствіемъ его было, когда онъ, ложась спать, покрывался одѣяломъ съ головой и представлялъ себѣ мать, какой онъ ее зналъ, а возлѣ нея сестру и себя съ Зигридой. Часто онъ отправлялся въ русскую церковь (онъ не понималъ по русски, но въ Нью-Іоркѣ нѣтъ румынской церкви), гдѣ въ облакахъ ладана молился за упокой матери и за здоровье Зигриды и сестры.

Онъ медленно шелъ по Семьдесятъ Второй улицѣ, оглядывая дома по обѣимъ сторонамъ, какъ вдругъ кто-то позвалъ его:

— Господинъ Димитрій!

Это была Зигрида. Она сидѣла на ступенькахъ новаго дома съ ребенкомъ на рукахъ. Мѣдная полированная баллюстрада блестѣла надъ ея бѣлокурой головой. Лицо ея сдѣлалось шире и получило нѣсколько молочный оттѣнокъ, но прежняя дѣвичья миловидность замѣнилась красотой и пышной прелестью молодой матери.

— Какъ поживаете?—спросилъ онъ, покраснѣвъ и не смѣя назвать ее по имени.

— Слава Богу, благодарю васъ,—отвѣтила она.—Я не видала васъ, съ тѣхъ поръ какъ мы были тамъ.—Она указала по направленію къ эмигрантской пристани.—Я всегда думала, что увижу васъ,—прибавила она, сіяя.

Таковъ былъ ихъ первый устный разговоръ, каждый изъ нихъ по своему коверкалъ англійскія слова,—его твердое румынское произношеніе странно сочеталось съ рыхлыми согласными ея шведской рѣчи. Она сказала ему, что замужемъ, что мужъ ея работаетъ на фортепіанной фабрикѣ и что онъ пріѣхалъ сюда изъ Швеціи еще мальчикомъ. Она, повидиму, очень обрадовалась встрѣчѣ со своимъ старымъ другомъ.

Димитрію было сильно не по себѣ... Она заговорила—и вышла другая женщина. Это не была та Зигрида, которую онъ лелѣялъ въ своихъ мечтахъ.

— Чѣмъ вы занимаетесь, господинъ Димитрій?—спросила она, но не дала ему отвѣтить.—Эй, Вилли, Вилли!—позвала она молодого человѣка, который въ эту минуту вышелъ безъ сюртука изъ сигарной лавочки и остановился поговорить съ сосѣдомъ. Когда ея мужъ подошелъ, она представила ему молодого румына и сказала, весело смѣясь:—это тотъ господинъ, что пріударялъ за мной въ «Castle Garden»; помнишь, я говорила тебѣ!—Мужъ и жена улыбнулись какъ будто предъ забавной шуткой.

Димитрій чувствовалъ себя такъ, какъ еслибъ кто царапалъ ножомъ по стеклу. Онъ видѣлъ, что предъ нимъ влюбленная чета и что оба души не чаютъ въ ребенкѣ; но всѣ трое казались ему одинаково неинтересны, непонятны и чужды, и онъ сталъ прощаться.

Онъ шелъ по улицѣ съ горящимъ лицомъ, и ему казалось, что каждый проходящій мимо смѣется надъ нимъ. Онъ сдѣлалъ усиліе надъ собой и началъ думать о фотографіи.

Въ слѣдующее воскресенье онъ пошелъ въ русскую церковь помолиться за упокой матери и за здоровье сестры. За Зигриду онъ больше не молился.

Пер. съ англ. Анна Бронштейнъ.

---

# РАБОТА ПИЩЕВАРЕНІЯ ПО ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ ШКОЛЫ И. П. ПАВЛОВА.

Въ настоящее время русская физіологическая школа достигла небывалаго блеска и значенія, главнымъ образомъ, благодаря работамъ И. П. Павлова и его учениковъ. Одно уже это обстоятельство дѣлаетъ знакомство съ сущностью этихъ работъ важнымъ и обязательнымъ для болѣе или менѣе образованнаго русскаго. Но, кромѣ того, самый предметъ этихъ работъ—пищевареніе—дѣлаетъ ихъ достойными самой широкой популяризаціи. Ученіе о пищевареніи заключаетъ въ себѣ разрѣшеніе вопросовъ о томъ, какая пища усвояема, какъ принимать пищу, въ какомъ видѣ пища легче всего усвояется,—вопросовъ, одинаково важныхъ для людей, стоящихъ на самыхъ разнообразныхъ ступеняхъ общественной лѣстницы и развитія.

Прежде чѣмъ говорить о результатахъ работъ русской физіологической школы о пищевареніи, мнѣ нужно въ нѣсколькихъ словахъ напомнить читателю о самой сущности того, что называется этимъ словомъ. Громадное большинство веществъ, входящихъ въ составъ нашей пищи, напр., мясо, хлѣбъ, жиры, не растворимы въ водѣ. Для того же, чтобы они могли попасть въ кровь и быть разнесены кровеносными сосудами по всему тѣлу, они должны превратиться въ вещества, растворяющіяся въ водѣ. Процессъ пищеваренія и заключается въ переводѣ большей части пригодныхъ для нашего организма веществъ изъ состоянія, въ которомъ они не способны растворяться въ водѣ, какъ, напр., крахмалъ, въ другое состояніе, въ которомъ они способны растворяться, напр., въ сахаръ. Пищеварительные органы мы можемъ сравнить какъ бы съ химическимъ заводомъ, гдѣ введенная пища подвергается и механическому воздѣйствію—размельченію, перемѣшиванію, и химическому воздѣйствію. Пищеварительные органы представляютъ изъ себя трубку, начинающуюся ртомъ, гдѣ пища размельчается и перетирается зубами и подвергается дѣйствію слюны. Эта трубка мѣстами расширяется въ большую объемистую полость, какъ, напр., желудокъ, мѣстами же представляетъ длинную трубку съ равномѣрнымъ, узкимъ просвѣтомъ, какъ тонкія кишки. Пища,

попавшая въ пищеварительную трубку, постоянно перемѣшивается и передвигается впередъ, вслѣдствіе сокращенія мышцъ, заключенныхъ въ стѣнкахъ желудка и кишекъ. Какъ на химическомъ заводѣ технологъ въ большихъ вмѣстилищахъ, ретортахъ, подвергаетъ вещества вліянію различныхъ химическихъ реактивовъ, которые онъ прибавляетъ извнѣ, точно также и въ пищеварительныхъ органахъ пища подвергается воздѣйствію изливаемыхъ на нее реактивовъ. Эти реактивы—пищеварительные соки—приготовляются въ железахъ. Железы эти расположены или въ самой толщѣ стѣнокъ пищеварительной трубки, какъ, напр., железы желудка и кишечныя железы, приготовляющія и изливающія на пищу желудочный и кишечный соки, или же эти железы образуютъ большія скопленія въ видѣ отдѣльнаго большого органа. Самый общеизвѣстный примѣръ такой железы это печень. Другая большая железа, имѣющая первостепенное значеніе для процесса пищеваренія, помѣщается подъ желудкомъ и носитъ названіе поджелудочной. Маленькія железки, находящіяся въ толщѣ органа, напр., желудочныя железы, изливаютъ приготовляемые ими пищеварительные соки непосредственно въ ту полость, въ стѣнкахъ которой онѣ помѣщаются. Если же железы образуютъ большія скопленія въ видѣ отдѣльнаго органа, то выдѣляемый ими пищеварительный сокъ собирается по трубочкамъ въ одинъ общій выводной каналъ, по которому онъ выливается въ полость пищеварительнаго канала. Измельченная зубами пища смѣшивается съ изливающимися на нее пищеварительными соками, постоянно перемѣшивается вслѣдствіе сокращенія мышечныхъ пучковъ, заложенныхъ въ стѣнкахъ трубки, и передвигается впередъ по длинѣ пищеварительнаго канала. Тѣ составныя ея части, которыя подъ вліяніемъ пищеварительныхъ соковъ перешли въ растворимое состояніе, всасываются сквозь стѣнки трубки. Этотъ процессъ химическаго воздѣйствія на принятую пищу, поглощенія нужныхъ для организма и усвояемыхъ частей и передвиженія всей массы по длинѣ пищеваго канала продолжается до тѣхъ поръ, пока изъ конечнаго отверстія пищевого канала не будутъ извержены вонъ ненужные для организма, не усвояемые остатки.

Вотъ въ общихъ словахъ краткій очеркъ процесса пищеваренія. Какимъ же путемъ получены эти свѣдѣнія? Какъ и вообще въ физіологіи, главный источникъ знанія это опыты надъ животными. Въ исторіи нашихъ знаній о процессѣ пищеваренія большую роль, впрочемъ, сыгралъ одинъ несчастный случай съ человѣкомъ. А именно одинъ канадскій охотникъ былъ случайно раненъ въ область желудка. При заживленіи раны, стѣнки желудка срослись съ кожей, и такимъ образомъ образовалось постоянное отверстіе, такъ называемая фистула, чрезъ которое можно было во всякое время осматривать внутреннюю поверхность желудка, вкладывать туда пищу и наблюдать, что съ нею происходитъ. Этотъ случай стали пытаться воспроизводить искусственно у животныхъ; стали искусственно производить сообщенія между вывод-

ными протоками большихъ пищеварительныхъ железъ и поверхностью тѣла животнаго и такимъ образомъ получать въ чистомъ видѣ пищеварительные соки. Съ полученными такимъ образомъ соками дѣлались опыты надъ вліяніемъ ихъ на пищу внѣ организма. Вотъ тотъ путь, которымъ до сихъ поръ была получена главная масса фактовъ о работѣ пищеварительныхъ органовъ и по которому въ общихъ чертахъ идетъ путь научнаго изслѣдованія и теперь. Опытъ есть главный источникъ нашихъ знаній о пищевареніи.

Что же новаго заключается въ методѣ работы изслѣдователей послѣдняго времени по этому вопросу?

Когда какая-либо отрасль естествознанія дѣлаетъ большой шагъ впередъ, это зависитъ обыкновенно отъ успѣховъ въ методикѣ. Такъ, напримѣръ, всякое улучшеніе микроскопа открываетъ новый міръ явленій и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ матеріалъ для новыхъ выводовъ и обобщеній. Такое же слѣдствіе влечетъ за собою каждое улучшеніе въ микроскопической техникѣ, открытіе новаго способа окраски клѣточныхъ элементовъ и т. п. Имѣя предъ собою быстрые успѣхи нашего знанія о процессахъ пищеваренія, невольно задаешься вопросомъ, каковы тѣ новые пріемы въ техникѣ изслѣдованія, которые повлекли за собою такой успѣхъ въ изслѣдованіи? И дѣйствительно, успѣхъ новыхъ физіологическихъ работъ зависѣлъ отъ примѣненія новыхъ пріемовъ изслѣдованія, отъ примѣненія при операціяхъ надъ животными всѣхъ новыхъ пріемовъ современной хирургіи. И раньше весь успѣхъ въ физіологіи былъ слѣдствіемъ опытовъ надъ животными. Но опыты эти производились крайне грубо, безъ соблюденія надлежащей чистоты. Животныя въ громадномъ большинствѣ случаевъ только недолго переживали операцію, и, въ силу этого, изслѣдователь могъ наблюдать животное только короткое время непосредственно послѣ операціи. Опытъ скоро прекращался самъ собою вслѣдствіе смерти животнаго. Такимъ образомъ изслѣдователь долженъ былъ наблюдать животное, измученное страданіями, потерявшее много крови, часто едва живое. Если даже во время операціи и употреблялись обезболивающія вещества, то эти самыя вещества нарушали нормальный ходъ жизненныхъ процессовъ. Задача изслѣдователя заключалась въ томъ, чтобы изучить нормальный ходъ работы пищеварительныхъ органовъ, между тѣмъ какъ предъ собою онъ имѣлъ измученное, искалѣченное животное, на которомъ если и можно было что прослѣдить, то только въ самыхъ общихъ, грубыхъ чертахъ.

Между тѣмъ, за послѣднія двадцать лѣтъ хирургіей сдѣланы громадные успѣхи. Въ прежнее время человѣкъ или животное, у котораго была вскрыта брюшная полость, въ большинствѣ случаевъ погибали, теперь же при примѣненіи современнаго способа безгнилостнаго леченія ранъ можно безнаказанно вскрывать брюшную полость.

Задача физіолога заключалась въ томъ, чтобы начать дѣлать опе-

рація надъ животными во всей той обстановкѣ, въ какой она дѣлается на людяхъ. Сколько необходимо предосторожностей для того, чтобы операціи удавались, видно изъ описанія операціоннаго отдѣленія физіологической лабораторіи Петербургскаго института экспериментальной медицины.

«Отдѣленіе занимаетъ,—говоритъ въ своей книгѣ проф. Павловъ,—половину верхняго этажа, четверть всего зданія лабораторіи. Оно состоитъ съ одной стороны изъ ряда комнатъ для операцій собственно: въ первой изъ нихъ животное получаетъ ванну и обсушивается на особенныхъ платформахъ; въ слѣдующей комнатѣ (подготовительная операціонная) животное наркотизируется, брѣется въ опредѣленныхъ мѣстахъ и моется антисептическими жидкостями; третья комната служитъ для стерилизаціи инструментовъ, бѣлья, мытья рукъ операторовъ и переодѣванья ихъ, а четвертая—операціонная съ усиленнымъ освѣщеніемъ. Въ эту комнату наркотизованное и приготовленное животное переносится безъ стола, участвующими въ операціи лицами. Служителя обыкновенно не пускаются дальше второй комнаты въ операціонномъ отдѣленіи. Капитальною стѣною отъ этихъ комнатъ отдѣляется рядъ комнатокъ для содержанія оперированныхъ животныхъ, въ первые 10 дней послѣ операціи. Каждая изъ комнатокъ имѣетъ большое окно съ форточкой, площадь ея около квадратной сажени, высота слишкомъ пять аршинъ, нагрѣваніе производится трубами съ грѣтымъ воздухомъ и освѣщеніе электричествомъ. Полы во всемъ отдѣленіи изъ цемента, со стокомъ въ комнатѣ. Комнатки для собакъ внизу, кругомъ всѣхъ стѣнъ, имѣютъ свинцовую трубу съ отверстіями, изъ которыхъ во всякое время изъ коридора, не заходя въ комнатки, можетъ быть обмываемъ весь полъ. Все отдѣленіе сверху до низу окрашено бѣлой масляной краской».

Мы привели описаніе этого операціоннаго отдѣленія, такъ какъ ничто не можетъ дать такое ясное представленіе о сложности тѣхъ способовъ, которыми теперь пользуется наука для своихъ цѣлей. Какъ во всякомъ естественно-научномъ изслѣдованіи, и здѣсь часто какой-нибудь глубокомысленно задуманный опытъ, который долженъ дать важные результаты, зачастую не удается изъ-за пустяка. Между тѣмъ, добиться этого пустяка бываетъ часто необыкновенно трудно. И вотъ здѣсь иногда сами животныя помогаютъ ученому добиться, какъ помочь дѣлу. Проф. Павловъ разсказываетъ, между прочимъ, слѣдующій случай. Когда животному дѣлается фистула поджелудочной железы, т.-е. ея выводной протокъ выводится наружу и вшивается въ кожу, для того, чтобы можно было собирать ея сокъ и наблюдать за его выдѣленіемъ, то вытекающій сокъ зачастую разъѣдаетъ вокругъ кожу, которая и изъязвляется.

Какъ помочь этому горю? Всего лучше предоставленіемъ животному въ свободные отъ опыта часы пористаго ложа изъ опилокъ, песка, старой известки. Многія животныя догадываются лежать на брюхѣ такъ, что выливающійся изъ отверстія сокъ всасывается въ пористую среду, и такимъ образомъ, говоритъ проф. Павловъ, вѣрно и скоро избѣгается разливаніе сока и разъѣданіе кожи. Этотъ способъ избѣгать изъязвленія кожи былъ указанъ или подсказанъ изслѣдователю одной изъ оперированныхъ собакъ, и вотъ какъ проф. Павловъ разсказываетъ объ этомъ интересномъ случаѣ.

«Одна изъ оперированныхъ собакъ, спустя 10—15 дней послѣ операціи, начала подвергаться разъѣдающему дѣйствію сока. Употреблявшіяся мѣры не достигали вполнѣ цѣли. Собака содержалась на привязи въ лабораторіи. Какъ-то разъ поутру, около собаки, вообще очень покойной, къ не малой нашей досадѣ, была найдена куча отломанной собакой отъ стѣны штукатурки. Собаку на цѣпи перевели въ другую часть комнаты. На слѣдующій день повтореніе той же исторіи: опять оказался разрушеннымъ выступъ стѣны. Вмѣстѣ съ тѣмъ было замѣчено, что брюхо собаки сухо, и явленія раздраженія кожи очень уменьшились. Только тогда, наконецъ, мы догадались, въ чемъ дѣло. Когда сдѣлали собакѣ подстилку изъ песка, разламываніе стѣны прекратилось, и сокъ больше не вредилъ животному. Мы,—говоритъ проф. Павловъ про себя и своего ученика, съ которымъ вмѣстѣ они работали,—съ благодарностью признали, что животное своимъ умомъ помогло не только себѣ, но и намъ».

Вивисекція, столь необходимая для прогресса науки о жизни, всегда остается вивисекціей, т.-е. по существу возмутительнымъ дѣломъ. Но, несомнѣнно, что въ этой формѣ она является въ значительно смягченномъ видѣ. Сама операція производится подъ наркозомъ, такимъ образомъ, чтобъ наименѣе повредить животному. Весь интересъ оператора сводится къ тому, чтобъ животное какъ можно скорѣй поправилось, чтобъ оно возможно меньше страдало и чтобы, поправившись, возможно лучше себя чувствовало.

Вся задача заключается въ томъ, чтобы, уродство произведенное операціей, напр., желудочная или кишечная фистула, т.-е. отверстіе, которое даетъ возможность наблюдать, что происходитъ внутри пищеварительныхъ органовъ,—по возможности не отзывалось на общемъ состояніи животнаго. Для этого тщательно выбирается для него пища, видоизмѣняется его обстановка такъ, чтобы общее состояніе животнаго не отклонялось отъ нормы. Послѣ операціи интересы оперированнаго животнаго и изслѣдователя совпадаютъ.

Оперированное такимъ образомъ животное можетъ жить годами. Годами безъ вреда для него надъ нимъ производятся наблюденія. Нужно сказать, что наблюденія эти крайне мѣшкотны, требуютъ затраты огромнаго количества труда и времени. Отдѣльный опытъ тянется недѣлями, причемъ наблюденія производятся ежедневно по многу часовъ.

Перейдемъ теперь къ изложенію работъ школы И. П. Павлова. Выше я уже говорилъ, какую существенную роль въ пищевареніи играетъ дѣятельность железъ. Онѣ выдѣляютъ пищеварительные соки, которые изливаются на пищу и производятъ въ ней необходимыя химическія измѣненія. Что же заставляетъ ихъ въ извѣстный моментъ изъ состоянія покоя переходить въ состояніе дѣятельности и изливать на пищу выдѣляемые ими соки? Нагляднѣе всего это видно на дѣятельности слюнныхъ железъ. Уже давно найдены нервы, оканчивающіяся въ слюнныхъ железахъ, при раздраженіи которыхъ получается обильное выдѣленіе слюны. Механизмъ, который приводитъ ихъ въ движеніе, слѣдующій. Въ тотъ моментъ, какъ въ полость рта попадаютъ тѣ

или другія вещества, они раздражаютъ нервныя окончанія, находящіяся въ покровахъ, выстилающихъ полость рта; эти раздраженія по нервамъ передаются къ нервнымъ центрамъ, а оттуда возвращаются къ железамъ и приводятъ ихъ въ дѣйствіе.

Нервный аппаратъ слюнныхъ железъ очень легко приводится въ дѣйствіе. Дѣйствительно, обыденныя наблюденія и опыты надъ животными учатъ, что прикосновеніе массы веществъ къ слизистой оболочкѣ рта ведетъ къ работѣ железъ. Получается впечатлѣніе, какъ будто все, входящее въ ротъ, дѣйствуетъ черезъ нервный аппаратъ на слюнныя железы. Это разнообразіе возбудителей слюннаго отдѣленія, навѣрное, говоритъ И. П. Павловъ, стоитъ въ связи съ большою сложностью физіологическаго назначенія слюны. Слюна, какъ первая жидкость, встрѣчающая все входящее въ пищеварительный каналъ, съ одной стороны обязана оказать извѣстный благопріятный пріемъ входящимъ веществамъ; именно: сухое смочить, растворимое—растворить; большія, болѣе или менѣе твердыя, массы смазать для удобства проскальзыванія ихъ въ полость желудка черезъ тонкую трубку пищевода и наконецъ нѣкоторый сортъ питательныхъ веществъ (крахмалъ) подвергнуть химической переработкѣ. Но этимъ роль ея далеко не ограничивается. Слюна выдѣляется въ самомъ первомъ отдѣленіи пищеварительнаго канала. Слѣдовательно, при испытаніи многое изъ вошедшаго въ ротъ можетъ оказаться негоднымъ, даже вреднымъ и должно быть или обезврежено въ большей или меньшей степени, или выброшено вонъ. Вотъ это-то многообразіе цѣлей, для которыхъ служитъ выдѣляемая слюна, и обусловливаетъ многочисленность и многообразіе раздражителей, вызывающихъ обильное выдѣленіе слюны. Такъ, если наблюдать дѣятельность подчелюстныхъ слюнныхъ железъ *), то мы увидимъ сильное выдѣленіе слюны, если дадимъ собакѣ съѣсть нѣсколько кусковъ мяса. Сильный токъ слюны мы увидимъ, если смазать полость рта собаки бородкой пера, смоченной растворомъ кислоты. Обильное отдѣленіе слюны получится, если бросить собакѣ въ ротъ щепотку тонкаго песка. Изъ этихъ опытовъ мы могли бы заключить, что какой бы раздражитель мы ни взяли, безразлично получается всегда выдѣленіе слюны. Но это совершенно не такъ. Возьмемъ вмѣсто подчелюстной железы выводной протокъ околоушной. Дадимъ собакѣ съѣсть куски сырого мяса, какъ дѣлалъ это одинъ ученикъ И. П. Павлова, слюны при этомъ не выдѣляется. Но вмѣсто того, чтобы давать куски сырого мяса, дадимъ возможно тонкій порошокъ высушеннаго мяса—и слюна будетъ выдѣляться въ обильномъ количествѣ. Точно также мокрый хлѣбъ не возбуждаетъ отдѣленія слюны въ околоушной железѣ, хлѣбный же тонкій порошокъ обильно ее гонитъ. Это значитъ, что окончанія нервовъ, раздраженіе которыхъ приводитъ въ дѣйствіе же-

*) Слюнныхъ железъ имѣется нѣсколько паръ.



лезу, способны отвѣчать только на опредѣленные раздражители. Это такъ называемое явленіе *специфической раздражимости*. Ею обусловливается та удивительная цѣлесообразность, правильность въ дѣятельности пищеварительныхъ железъ, открытая изслѣдованіями школы И. П. Павлова, и о которой мы будемъ говорить далѣе.

Теперь перейдемъ къ дѣятельности железъ желудка. Можетъ быть, наиболѣе важное и интересное въ изслѣдованіяхъ И. П. Павлова относительно желудка есть то, что имъ и его учениками была вполнѣ убѣдительно доказана зависимость дѣятельности желудка отъ психическихъ факторовъ, отъ аппетита, т.-е. отъ ярко выраженнаго желанія ѣсть, отъ наслажденія ѣдой.

Болѣе 40 лѣтъ тому назадъ Биддеръ и Шмидтъ показали, что одного поддразниванія голоднаго животнаго видомъ пищи, т.-е. возбужденія страстнаго желанія ѣды, иногда достаточно, чтобы вызвать отдѣленіе сока изъ пустого желудка собаки. Въ болѣе недавнее время, говоритъ проф. Павловъ, французскому физіологу Рише представился случай наблюдать паціентку съ зарощеннымъ пищеводомъ. Такъ какъ у нея пища не могла быть принимаема обычнымъ путемъ, то для того, чтобы ее питать, былъ сдѣланъ желудочный свищъ, чрезъ который пищу можно было непосредственно вводить въ желудокъ. Когда эта паціентка получала въ ротъ что-нибудь сладкое или кислое, то, несмотря на то, что изорта ничто не могло попадать въ желудокъ, Рише видѣлъ выступленіе въ желудкѣ чистаго желудочнаго сока. Послѣдній выдѣлялся только подъ вліяніемъ вкусовыхъ ощущеній. Но на эти опыты не обратили достаточно вниманія, они затерялись, были забыты, и это произошло тѣмъ легче, что до послѣдняго времени, до работъ И. П. Павлова и его учениковъ, не была доказана какая бы то ни было зависимость выдѣленія желудочнаго сока отъ нервной системы.

Зависимость отдѣленія желудочнаго сока отъ психики ясно доказывается на слѣдующемъ простомъ опытѣ. У собаки на шеѣ разрѣзается пищеводъ и концы его пришиваются къ кожной ранѣ. Для того, чтобы кормить такую собаку, нужно сдѣлать желудочную фистулу и прямо вкладывать пищу въ желудокъ. Если начать давать такой собакѣ мясо, она будетъ его глотать, но, вполнѣ понятно, это мясо будетъ вываливаться изъ отверстія пищевода на шеѣ. При этомъ изъ пустого желудка получается обильное выдѣленіе желудочнаго сока. Такимъ образомъ легко получить сотни кубическихъ сантиметровъ чистаго желудочнаго сока. Отчего зависитъ это выдѣленіе сока? На первый взглядъ можно подумать, что это тоже явленіе, какое мы выше видѣли на слюнныхъ железахъ: мы прикладывали къ полости рта различныя раздраженія и получали обильное выдѣленіе слюны. Здѣсь не то, мы можемъ давать глотать собакѣ разнообразныя растворы и вещества и не увидимъ никакого выдѣленія желудочнаго сока, до тѣхъ поръ пока не дадимъ ей чего-нибудь такого, какъ, напр., сырое мясо, ѣсть ко-

торое доставляетъ ей рѣзко выраженное удовольствіе. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ психическимъ факторомъ: удовольствіе ѣсть вкусную для нея пищу влечетъ за собою обильное выдѣленіе желудочнаго сока. Аналогичное явленіе констатируется и для слюнныхъ железъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ общеизвѣстное выраженіе: «слюнки текутъ» отъ вида вкусной пищи, когда человѣкъ голоденъ или даже отъ одной мысли о ней. Наконецъ, въ совсѣмъ чистомъ видѣ мы получимъ вліяніе психическаго фактора, если, не кормя, покажемъ только издали говядину собакѣ съ фистулой желудка, и если собака голодна, то за этимъ послѣдуетъ обильное выдѣленіе сока въ желудкѣ.

Такимъ образомъ, прежде чѣмъ животное проглотило пищу, отъ одного вида послѣдней получается выдѣленіе желудочнаго сока. Такъ какъ доказана прямая зависимость этого выдѣленія отъ аппетита, то проф. Павловъ называетъ этотъ сокъ *аппетитнымъ*. Этотъ сокъ имѣетъ большое значеніе для перевариванія пищи въ желудкѣ. Если наблюдать, какъ выдѣляется желудочный сокъ по часамъ послѣ того, какъ животное приняло пищу, напр., мясо, то мы увидимъ, что въ первые часы выдѣляется наиболѣе значительное количество сока, въ дальнѣйшеее время количество выдѣляемаго сока быстро спадаетъ. Это сильное выдѣленіе сока въ началѣ пищеваренія и есть аппетитный сокъ, выдѣленный подъ вліяніемъ психическаго фактора, желанія ѣсть.

Точно также, если, вмѣсто того, чтобъ дать всю порцію мяса сразу, раздѣлить ее на нѣсколько маленькихъ порцій и давать ихъ черезъ короткіе промежутки времени, то количество желудочнаго сока, выдѣленнаго на то же количество мяса, будетъ значительно больше, чѣмъ тогда, когда мы все количество мяса дали бы сразу, и это объясняется тѣмъ, что въ первомъ случаѣ выдѣленіе желудочнаго сока подъ вліяніемъ психическаго фактора—аппетита—происходило много разъ: при каждой новой маленькой порціи мяса; между тѣмъ какъ во второмъ случаѣ оно происходило только одинъ разъ, такъ какъ и мясо собака получила сразу все.

Выясненіе зависимости пищеваренія отъ психическаго фактора—аппетита—имѣетъ необыкновенно важное значеніе и для обыденной жизни, и для діэты больного организма. Мы остановимся на этомъ, какъ и вообще на тѣхъ выводахъ, которые можно сдѣлать изъ работъ И. П. Павлова, далѣе, теперь же посмотримъ отъ какихъ факторовъ еще зависитъ выдѣленіе желудочнаго сока.

Итакъ, мы дали животному пищу. Наслажденіе поѣсть, удовольствіе глотать пищу вызвало за собой обильное выдѣленіе сильно дѣйствующаго желудочнаго сока. Но наслажденіе ѣдой быстро удовлетворяется, и вмѣстѣ съ тѣмъ быстро уменьшается и совсѣмъ прекращается то выдѣленіе сока, которое вызывается удовольствіемъ ѣды. Между тѣмъ, пища продолжаетъ лежать въ желудкѣ; чѣмъ же вызывается дальнѣйшее выдѣленіе желудочнаго сока? До работъ И. П. Пав-

лова психическомуфактору въ пищевареніи физіологи не придавали совсѣмъ значенія, выдѣленіе же сока объяснялось механическимъ раздраженіемъ стѣнокъ желудка попавшей туда пищей, а также непосредственнымъ возбужденіемъ железъ, помѣщающихся въ стѣнкахъ желудка.

Какимъ же образомъ изучается работа железъ желудка? Мы уже говорили нѣсколько разъ о старомъ способѣ, простой желудочной фистулѣ. Но дѣло въ томъ, что при этомъ желудочный сокъ получается всегда смѣшанный съ пищей, такъ какъ въ ту-же полость, въ которую поступила пища, выдѣляется и желудочный сокъ. Чтобы избѣжать этого былъ придуманъ такой способъ: изъ стѣнки желудка выкраивается лоскутъ, изъ котораго образуется слѣпой мѣшокъ, въ родѣ отрѣзаннаго пальца перчатки, отверстіе котораго вшивается въ кожу Проф. Павлову принадлежитъ усовершенствованіе этого способа въ томъ отношеніи, что онъ предложилъ выкраивать лоскутъ, идущій на образованіе этого мѣшка, такъ называемаго маленькаго желудочка, такимъ образомъ, что нервы и сосуды этого лоскута остаются неперерѣзанными. При такомъ способѣ получалась полная параллельность между дѣятельностью большого и маленькаго желудка. Послѣдній оказался, по выраженію проф. Павлова, какъ бы зеркаломъ большого. Если дразнить собаку мясомъ, то «аппетитный» желудочный сокъ выдѣляется въ томъ и другомъ желудкѣ. Если въ большой желудокъ вводится пища, то сокъ выдѣляется и въ большомъ и въ маленькомъ желудкахъ, и по количеству и качеству сока, выдѣлившагося въ маленькомъ желудкѣ, можно судить о количествѣ и качествѣ сока, выдѣлившагося въ большемъ. Зависитъ это оттого, что нервные проводы въ обоихъ желудкахъ остались цѣлы.

Что же вызываетъ отдѣленіе желудочнаго сока? Въ такихъ изслѣдованіяхъ очень большія затрудненія доставляетъ выдѣленіе «аппетитнаго» сока. Часто во время опыта достаточно, чтобы въ комнату вошелъ служитель, чтобы у собаки явилось представленіе о пищѣ, надежда получить ее и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовало обильное отдѣленіе сока, вызванное психическимъ факторомъ, а между тѣмъ изслѣдователь можетъ быть введенъ въ ошибку и приписать выдѣленіе сока другой причинѣ.

Самъ по себѣ ходъ изслѣдованія очень простой: въ большой желудокъ черезъ фистулу вводятъ ту или другую пищу и слѣдятъ за выдѣленіемъ чистаго желудочнаго сока въ маленькомъ желудкѣ. При этомъ нужно только соблюдать предосторожность, чтобы собака не видѣла вкладываемую пищу, а не то мы получимъ выдѣленіе психическаго сока.

До изслѣдованія проф. Павлова механизмъ выдѣленія желудочнаго сока представляли себѣ очень грубымъ. Отчасти по аналогіи съ слюнными железами, отчасти вслѣдствіе неудовлетворительной постановки опытовъ, предполагали, что какая бы пища ни попала въ желудокъ

она немедленно вызываетъ выдѣленіе сока. На первый планъ ставилось механическое раздраженіе стѣнки желудка пищей, химическому же составу пищи не придавалось большого значенія.

Подробное, тщательное изслѣдованіе учениками проф. Павлова дало совсѣмъ противоположные результаты.

«Нѣкоторые сорта пищи, какъ, напр., хлѣбъ и свернутый яичный бѣлокъ, при введеніи прямо въ желудокъ въ первый часъ и дальше не даютъ совершенно ни одной капли сока. Въ этомъ легко убѣдиться погруженіемъ стеклянной палочки въ пищевую массу, находящуюся въ большемъ желудкѣ—палочка остается сухой. Мясо вызываетъ отдѣленіе сока и при вкладываніи, но запаздывающее и очень незначительное по сравненію съ тѣмъ обильнымъ отдѣленіемъ, которое бываетъ, когда собака сама его ѣстъ.

«Изъ всего предшествующаго,—говоритъ проф. Павловъ,—надѣюсь, вы убѣдились, какое большое значеніе принадлежитъ акту прохожденія пищи черезъ ротовую и зѣвную полость, или страстному желанію ѣды... Безъ страстнаго желанія, безъ аппетита нѣкоторыя пищевыя вещества, хотя бы и попавшія въ желудокъ, долго не получаютъ на себя тамъ никакого желудочнаго сока; другія, какъ мясо, хотя и обусловливаютъ отдѣленіе, но слабаго и не въ такомъ большомъ количествѣ».

Прежнее же мнѣніе, что простое механическое раздраженіе стѣнокъ желудка стеклянной палочкой, камешками и другими индифферентными веществами можетъ вызвать отдѣленія желудочнаго сока, оказалось совершенно невѣрнымъ.

Посмотримъ, какіе еще раздражители способны вызвать выдѣленіе желудочнаго сока. Оказалось, что вода вызываетъ отдѣленіе желудочнаго сока. Если собакѣ съ двумя желудками ввести въ полость большаго желудка около трехъ стакановъ воды, то изъ малаго желудка всегда получается, хотя и не въ большомъ количествѣ выдѣленія желудочнаго сока. Но для этого количество введенной воды должно быть, какъ мы видѣли, значительнымъ.

По поводу свойства воды вызвать выдѣленіе желудочнаго сока проф. Павловъ говоритъ слѣдующее:

«Почему вода является раздражителемъ? Вѣдь съ водою пищеварительнымъ сокамъ дѣлать нечего. Главное основаніе, нужно думать, состоитъ въ томъ, чтобы водой дать первый толчекъ работѣ желудка, на случай, напр., если бы почему-либо не было психическаго сока: вслѣдствіе ли отсутствія аппетита, или порчи нервнаго аппарата, проводящаго этотъ импульсъ до железы. Вода распространеннѣйшее въ природѣ вещество и инстинктъ воды въ видѣ жажды еще настойчивѣе, чѣмъ инстинктъ твердой пищи. Если вы безъ аппетита съѣли сухую пищу, то жажда заставитъ васъ выпить жидкости. И этого достаточно для начала и продолженія отдѣлительной работы желудка».

Растворъ различныхъ солей, какъ-то золы мяса, поваренной соли, и разведенныя кислоты оказались безъ особаго дѣйствія по отношенію къ отдѣлительному прибору желудка, т.-е. ихъ растворы дѣйствовали, какъ вода. Растворъ же соды оказывалъ задерживающее значеніе.

Наоборотъ, наваръ мяса, мясной сокъ и растворъ либиховскаго экстракта оказались постоянными и энергичными возбудителями отдѣленія желудочнаго сока. Молоко тоже вызываетъ отдѣленіе желу-

дочнаго сока. Наконецъ упомянемъ, что жиръ въ разныхъ видахъ оказываетъ очень рѣзкое задерживающее вліяніе.

Какъ мы видѣли выше, нѣкоторыя вещества, какъ хлѣбъ, сваренный въ крутую яичный бѣлокъ, если ихъ положить непосредственно въ полость желудка, могутъ часами пролежать тамъ безъ измѣненія, не вызывая отдѣленія желудочнаго сока. Перевариваніе такихъ веществъ происходитъ первое время благодаря выдѣленію «аппетитнаго» сока или благодаря соку, выдѣлившемуся подъ вліяніемъ воды, выпитой въ то же время. Послѣ же того, какъ перевариваніе этихъ веществъ съ помощью первой порціи желудочнаго сока началось, дальнѣйшее ихъ перевариваніе происходитъ благодаря выдѣленію новыхъ порцій сока. Эти вещества не способны начать процесса переваривавія, а разъ онъ начался, то уже можетъ продолжаться самостоятельно дальше и подъ вліяніемъ на стѣнку желудка продуктовъ переваривавія этихъ веществъ.

Перейдемъ теперь къ описанію дѣятельности другой железы, имѣющей громадное значеніе для процесса пищеваренія—*поджелудочной*. Сокъ железъ желудка обладаетъ свойствомъ дѣйствовать на бѣлковыя части пищи. Въ отличіе отъ него, сокъ поджелудочной железы обладаетъ свойствомъ переваривать всѣ главныя составныя части пищи, т.-е. и бѣлки, и крахмалъ, и жиры. Для каждаго изъ этихъ трехъ родовъ веществъ въ сокѣ поджелудочной железы есть спеціальное вещество, обладающее свойствомъ измѣнять его. Изъ этого ясно важное значеніе сока поджелудочной железы для пищеваренія.

Какіе же раздражители гонятъ, сокъ поджелудочной железы? Наиболѣе сильнымъ оказалась разведенная кислота. Мы видѣли выше, что, наоборотъ, желудочный сокъ совсѣмъ не гонится кислотой. Отчего же зависитъ такая разница? Дѣло, вѣроятно, въ томъ, что самъ желудочный сокъ кислый, и кислота потому гонитъ сокъ поджелудочной железы, что кислый желудочный сокъ и есть то, что обыкновенно вызываетъ обильное отдѣленіе поджелудочнаго сока.

«Передъ нами,—говоритъ проф. Павловъ,—поучительный, уже и раньше намѣчавшійся, фактъ преемственности и связи работы одного отдѣла пищеварительнаго канала съ работой послѣдующаго отдѣла. Слюна, увлажая сухое, могла фигурировать въ желудкѣ въ качествѣ раздражителя, какъ вода. Въ самомъ желудкѣ психическое отдѣленіе, начиная пищевареніе, тѣмъ самымъ, какъ мы видѣли, обезпечиваетъ его продолженіе».

Наконецъ, накопленіе кислаго желудочнаго сока и переходъ его въ кишки вызываетъ наступленіе дѣятельности поджелудочной железы.

Мы имѣемъ предъ собою здѣсь сложный механизмъ, въ которомъ отдѣльныя части, какъ зубчатыя колеса въ часахъ, послѣдовательно приводятъ другъ друга въ движеніе. Достаточно одной части придти въ движеніе, чтобы этимъ самымъ вызвать движеніе слѣдующей, и такъ далѣе.

До сихъ поръ, какъ мы видѣли, изслѣдованіями И. П. Павлова и

его учениковъ удалось констатировать большую роль психическаго фактора въ пищевареніи, удалось прочно установить зависимость дѣятельности пищеварительныхъ железъ отъ нервной системы и существованія «специфичности» раздражителей, вызывающихъ выдѣленіе пищеварительныхъ соковъ. Но кромѣ этого работами этой школы установленъ еще цѣлый рядъ другихъ интересныхъ фактовъ.

Такъ выяснилась необыкновенная правильность работы пищеварительныхъ железъ. На опредѣленное количество введенной пищи у одного и того же животнаго выдѣляется опредѣленное количество извѣстной силы пищеварительнаго сока. Такъ, если удвоить количество введенной пищи, то соотвѣтственно удвоится и количество выдѣленнаго желудочнаго сока. Другая интересная сторона вопроса заключается въ томъ, что составъ и количество сока мѣняются смотря по роду пищи, которую мы даемъ животному. Такъ, самой высокой переваривающей силой обладаетъ сокъ, вытекающій на хлѣбъ, значительно болѣе слабый по своей переварающей силѣ—сокъ, выдѣляющійся при мясѣ. Наконецъ, молоко даетъ сокъ еще болѣе слабой силы. Изучая, какъ происходитъ отдѣленіе пищеварительныхъ соковъ во времени, мы видимъ удивительную правильность. Для каждой пищи существуетъ своеобразный ходъ этого отдѣленія: такъ, при извѣстнаго рода пищи при началѣ пищеваренія сразу происходитъ обильное отдѣленіе сока сильной пищеварительной силы, но это отдѣленіе быстро падаетъ. Въ другихъ же случаяхъ отдѣленіе сока происходитъ болѣе постепенно и равномѣрно. Эта правильность, эта законность въ отдѣленіи пищеварительныхъ соковъ объясняется тѣмъ, что мы имѣемъ здѣсь предъ собою крайне сложный, необыкновенно цѣлесообразно дѣйствующій механизмъ. Въ чемъ заключается его сущность, мы уже говорили выше. Железа начинаетъ работать, получивъ по нервамъ толчокъ, приказаніе къ этому. Мы имѣемъ здѣсь передъ собою то же, что въ какой-нибудь минѣ, начиненной порохомъ и взрывающейся послѣ того, какъ издалека по проволокѣ былъ проведенъ электрическій токъ къ завтравкѣ. Приводятся железы въ движеніе тѣми нервными окончаніями, которыя раздражаются пищей, попавшей въ пищеварительный каналъ. И такъ какъ пища бываетъ различна, то и раздраженія, воспринимаемыя нервными окончаніями въ оболочкѣ выстилающей стѣнки пищеварительной трубки, будутъ различны, и въ силу этого и железы работаютъ при разной пищѣ по разному. Но при одной и той же пищѣ выдѣленіе всегда будетъ происходить одинаковымъ образомъ и по количеству, и по качеству.

Дальнѣйшія наблюденія показали еще болѣе тонкія и чудныя приспособленія въ дѣятельности пищеварительныхъ органовъ. Пища, воспринимаемая животными и людьми, можетъ сильно различаться по своему составу. Такъ, собаку мы можемъ кормить и хлѣбомъ (крахмалистой по преимуществу пищей), и мясомъ (бѣлковой), или молокомъ (со-

держащимъ значительное количество жира). Каждая пища для своего пищеваренія требуетъ особеннаго, спеціальнаго характера пищеварительныхъ соковъ. Вотъ, если мы будемъ продолжать кормить животное одной и той же пищей долгое время, то органы пищеваренія животнаго приспособятся къ соотвѣтствующей пищѣ. Такъ, возьмемъ трехъ собакъ, изъ которыхъ одну мы будемъ кормить мясомъ, другую хлѣбомъ, а третью молокомъ. До опыта нельзя замѣтить разницы въ составѣ пищеварительныхъ соковъ, выдѣляемыхъ ими. Но по прошествіи достаточно продолжительнаго времени мы замѣтимъ, что у каждой собаки пищеварительные соки измѣнились, и измѣнились такъ, чтобы быть наиболѣе пригодными къ перевариванію соотвѣтствующей пищи. Особенно рѣзко это можно прослѣдить на поджелудочной железѣ. Какъ мы говорили выше, сокъ, отдѣляемый ею, играетъ очень важную роль въ процессѣ пищеваренія. Онъ обладаетъ способностью переваривать и крахмалъ, и жиры и, наконецъ, бѣлковое вещество, т.-е. всѣ три главныя составныя части пищи. И вотъ, у собаки, которая долго получала пищу, богатую крахмаломъ, оказывается, что сокъ поджелудочной железы обладаетъ свойствомъ въ высшей степени энергично переваривать крахмалъ и въ слабой степени бѣлки и жиры. Наоборотъ, у животныхъ, получавшихъ преимущественно мясную или жирную пищу, сокъ поджелудочной железы обладаетъ въ слабой степени способностью переваривать крахмалъ, но зато очень энергично переваривает или бѣлки, или жиры, смотря по составу пищи, которую собака получала.

Этими работами выяснилось необыкновенная тонкость и сложность работы пищеварительныхъ органовъ. Прежнее грубое представленіе о желудкѣ, какъ органѣ, отвѣчающемъ на всякое, даже механическое раздраженіе выдѣленіемъ одного и того же сока, смѣнилось, какъ относительно желудка, такъ и относительно другихъ отдѣловъ пищеварительнаго аппарата, сознаніемъ, что мы имѣемъ предъ собою механизмъ чудный по сложности и точности, на каждое измѣненіе въ пищѣ отвѣчающій измѣненіями въ качествѣ и количествѣ своей работы.

Какіе же выводы для обыденной жизни можно сдѣлать изъ богатаго запаса фактовъ, собраннаго русскими физіологами по поводу пищеваренія.

Первое, на чемъ мы остановимся прежде всего, это на значеніи аппетита и вообще ощущеній и построеній въ процессѣ ѣды. Въ физіологіи до послѣдняго времени роль аппетита сводилась къ нулю. А такъ какъ медицина находится подъ сильнымъ вліяніемъ физіологіи, то и въ ней стало замѣчаться направленіе, игнорирующее значеніе аппетита. Хотя, конечно, повседневный опытъ настолько сильно говорилъ въ пользу его, что въ практической медицинѣ всегда оставался цѣлый рядъ предписаній и правилъ, имѣвшихъ въ основѣ значеніе аппетита для пищеваренія.

Люди безсознательно приспособились впродолженіи длиннаго ряда поколѣній къ наилучшимъ условіямъ существованія при извѣстной обстановкѣ. Поэтому, насъ не должно удивлять, что, вглядываясь въ то, какъ происходитъ у людей ѣда, мы видимъ передъ собою зачастую такую картину, какъ будто все установлено согласно послѣднему слову науки.

Такъ, напр., у большинства людей ѣда (обѣдъ) происходитъ въ особой торжественной обстановкѣ. Конечно, во всей обстановкѣ богатаго буржуазнаго обѣда много нелѣпаго и ненужнаго. Но суть всего, несомнѣнно, направлена къ важной и серьезной цѣли—оторвать человѣка отъ всѣхъ заботъ его жизни и сосредоточить вниманіе на ѣдѣ.

«Вся эта сложная обстановка ѣды,—говоритъ проф. Павловъ,—находитъ свое главное примѣненіе въ болѣе богатыхъ и интеллигентныхъ классахъ общества, во-первыхъ, потому, что здѣсь сильнѣе умственная дѣятельность, безпокойнѣе различные вопросы жизни, а во-вторыхъ, ѣда обыкновенно предлагается въ бо̀льшемъ количествѣ, чѣмъ это отвѣчаетъ потребности; въ простыхъ классахъ, гдѣ умственная жизнь болѣе элементарна, при большемъ напряженіи мышечной силы, при общей недостаточности питанія интересъ къ ѣдѣ нормально и силенъ, и живъ, безъ всякихъ особенныхъ мѣръ и ухаживаній» *).

Мнѣ кажется, что никакъ нельзя согласиться съ этимъ мнѣніемъ проф. Павлова о томъ, будто бы извѣстная обстановка, дѣйствующая на воображеніе, играетъ и можетъ играть меньшую роль въ ѣдѣ бѣдныхъ классовъ, чѣмъ классовъ богатыхъ. Дѣйствительно, бѣдняку часто знакомо чувство голода и вообще приходится обрѣзывать количество пищи, учитывать каждый кусокъ. Дѣйствительно, здѣсь на подмогу пищеваренію является не только уже аппетитъ, но и настоящій голодъ, но зато пища здѣсь отличается крайней неудобоваримостью; такъ какъ это по преимуществу черный хлѣбъ и картофель, то для того, чтобы покрыть потребности организма, человѣкъ долженъ поглотить и переварить громадныя массы пищевого матеріала. Для того, чтобы совершить съ успѣхомъ эту работу, человѣку нужно здѣсь сосредоточить все свое вниманіе на процессѣ принятія пищи. Поэтому насъ не удивляетъ, когда мы видимъ, какимъ торжественнымъ образомъ происходитъ обѣдъ въ крестьянской или рабочей средѣ. Садятся всѣ за ѣду послѣ молитвы, во время ѣды торжественно молчатъ, хлебая и вылавливая куски мяса изъ общей чашки, всѣ соблюдаютъ строгую очередь. Въ противоположность этому, мы должны отмѣтить, какъ крайне вредную, привычку ѣсть мимоходомъ, между дѣломъ. Точно также является крайне вреднымъ читать во время ѣды или во время ѣды заниматься дѣловыми разговорами.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что манера ѣсть, выработанная безсознательнымъ путемъ обычаемъ, является раціональною съ точки зрѣнія научныхъ изслѣдованій. Точно также легко объясняется цѣле-

*) Стр. 197.



сообразность ряда медицинскихъ предписаній для больныхъ, выработанныхъ путемъ долгаго наблюденія.

Вотъ что по этому поводу говоритъ проф. Павловъ: «Вполнѣ понятное съ нашей точки зрѣнія значеніе имѣютъ всѣ мѣры къ удаленію человѣка, страдающаго хроническою слабостью желудка, изъ привычной для него обстановки. Если представимъ себѣ человѣка умственно занятаго, среди какой-нибудь служебной дѣятельности, то какъ часто случается, что такой человѣкъ ни на минуту не можетъ оторваться мыслью отъ своего дѣла. Онъ ѣстъ какъ бы незамѣтно для самого себя, ѣстъ среди не прерывающагося дѣла. Это особенно часто случается съ людьми, живущими въ большихъ центрахъ, гдѣ жизнь чрезвычайно напряжена. Такое систематическое невниманіе къ ѣдѣ, конечно, готовитъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ разстройство пищеварительной дѣятельности со всѣми его послѣдствіями. Аппетитнаго сока нѣтъ или очень мало; отдѣлительная дѣятельность разгорается медленно; пища остается въ пищеварительномъ каналѣ гораздо дольше, чѣмъ слѣдуетъ; при недостаточности соковъ подвергается броженію, въ такомъ видѣ чрезмѣрно раздражаетъ оболочку канала и такимъ образомъ естественно подготовляется и развивается болѣзненное его состояніе. Всякія медицинскія предписанія паціенту, остающемуся на мѣстѣ, въ тѣхъ же условіяхъ, едва ли могутъ помочь, разъ основная причина заболѣванія продолжаетъ дѣйствовать. Тутъ единственный выходъ—вырвать человѣка изъ его обстановки, освободить отъ постоянныхъ работъ, прервать теченіе неотвязныхъ мыслей и на извѣстный срокъ сдѣлать для него цѣлью исключительное вниманіе къ здоровью, къ ѣдѣ. Это и достигается при посылкѣ паціентовъ въ путешествіе, на воды и т. д. Обязанность врача не только въ отдѣльныхъ случаяхъ направлять поведеніе паціентовъ въ надлежащую сторону, но и вообще стараться о распространеніи правильнаго взгляда на процессъ ѣды. Эта обязанность особенно касается русскаго врача. Именно въ русскихъ, такъ называемыхъ интеллигентныхъ классахъ, при еще порядочной спутанности понятій о жизни вообще, часто встрѣчается вполнѣ не физіологическое, иногда даже презрительно-невнимательное отношеніе къ дѣлу ѣды. Болѣе установившіяся націи, напр., англичане сдѣлали изъ акта ѣды какъ бы родъ какого-то культа. Если чрезмѣрное и исключительное увлеченіе ѣдой есть животность, то и высокомѣрное невниманіе къ ѣдѣ есть неблагоразуміе, и истина здѣсь, какъ и всюду, лежитъ въ срединѣ: не увлекайся, но оказывай должное вниманіе—«отдай Божіе—Богу и Кесарево—Кесарю» *).

Въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ, особенно при чахоткѣ, въ леченіи играетъ огромную роль усиленное кормленіе или, лучше сказать, откармливаніе больныхъ. Въ какой бы формѣ оно ни производилось, въ видѣ ли пребыванія въ спеціальной санаторіи или въ видѣ леченія кумысомъ въ степяхъ, больной можетъ принимать и главное переваривать огромныя для него количества пищи только потому, что онъ удаленъ изъ обычной для него обстановки и потому что все его вниманіе, всѣ его помышленія и заботы сосредоточены на томъ, чтобы въ опредѣленные часы поглотить и переварить положенное количество пищи.

Вспомните далѣе опытъ съ собакой, у которой было констатировано значительно большее выдѣленіе желудочнаго сока тогда, когда ей то же количество говядины давали отдѣльными порціями, чѣмъ тогда, когда ту же порцію дали сразу. Объясняется это тѣмъ, что, при да-

*) Стр. 203.



ванія говядины маленькими порціями, каждый разъ собака съ жадностью накидывалась на говядину и каждый разъ происходило новое выдѣленіе «аппетитнаго» сока.

Тотъ же пріемъ съ давнихъ поръ выработанъ медициной для больныхъ слабыми пищеварительными органами. Имъ тоже рекомендуется принимать пищу почаще, но маленькими порціями. И теперь намъ становится понятенъ смыслъ этого совѣта. Здѣсь тоже врачъ пользуется работой выдѣляющагося при каждой новой порціи воды «аппетитнаго» сока.

Каждому, вѣроятно, приходилось видѣть бѣдныхъ, маленькихъ мучениковъ-дѣтей передъ котлеткой или молочной кашей, которымъ стараются чуть не силой запихать въ ротъ лишній кусокъ или лишнюю ложку. Родители при этомъ исходятъ изъ соображенія, что достаточно ввести только въ пищеварительные органы пищу, а она ужъ переварится. Между тѣмъ, мы видѣли, что яица и хлѣбъ, введенные прямо въ желудокъ, такъ что не могло произойти отдѣленія желудочнаго сока подъ вліяніемъ удовольствія ѣды, лежали часами въ желудкѣ непереваренными. Такое насильственное кормленіе дѣтей, отказывающихся отъ ѣды, несомнѣнно, можетъ быть одною изъ причинъ серьезнаго хроническаго заболѣванія пищеварительныхъ органовъ. Если кажется, что ребенокъ ѣстъ мало, а больше ѣсть не хочетъ, то съ этимъ нужно бороться, давая ему больше моціона, давая ему больше возможности дышать чистымъ воздухомъ или разнообразя и дѣлая болѣе вкусной пищу, а не напихивая его ѣдой насильно.

Заканчивая о важномъ значеніи «аппетитнаго» сока, чтобы, еще уяснить его значеніе, мы приведемъ слѣдующій опытъ проф. Павлова. У собаки послѣ перерѣзки извѣстныхъ нервовъ прекращается окончательно самая возможность отдѣленія «аппетитнаго» сока. Вслѣдъ за этимъ наступало сильное разстройство пищеварительной дѣятельности: вводившаяся въ желудокъ пища загнивала. Тогда проф. Павловъ примѣнилъ слѣдующій пріемъ. Передъ тѣмъ, какъ вводить мясо, въ пустой желудокъ собаки вводился мясной начаръ. Такъ какъ послѣдній является сильнымъ возбужденіемъ отдѣленія желудочнаго сока, то послѣдній и выдѣлялся. Тогда только вкладывалась плотная пища. Благодаря этому, было достигнуто то, что пища, безъ этого загнивавшая, теперь удовлетворительно переваривалась. Отсутствіе желудочнаго сока, обусловленнаго желаніемъ ѣды, въ этомъ случаѣ вело за собой гибель животнаго.

Разбирая дальше, какъ составляется обѣдъ, мы найдемъ еще цѣлый рядъ цѣлесообразныхъ чертъ, если вспомнить данныя физіологической лабораторіи, которыя мы приводили выше. Такъ, обѣдъ начинается часто закуской.

«Всѣ приправы къ ѣдѣ,—говоритъ проф. Павловъ,—всѣ закуски передъ капитальной ѣдой, очевидно разсчитаны на то, чтобъ возбудить любопытство, инте-

ресъ, усиленное желаніе ѣды. Общеизвѣстенъ фактъ, что человѣкъ, сначала равнодушно относящійся къ обычной ѣдѣ, начинаетъ ѣсть ее съ удовольствіемъ, если раздразнитъ предварительно свой вкусъ чѣмъ-нибудь рѣзкимъ, пикантнымъ, какъ говорятъ. Нужно, слѣдовательно, тронуть вкусовой аппаратъ, привести его въ движеніе для того, чтобы дальше дѣятельность его поддерживалась менѣе сильными раздражителями».

Будемъ продолжать дальше разборъ обѣда. Послѣ закуски ѣдятъ супъ или же съ супа начинаютъ обѣдъ. У богатыхъ классовъ супъ состоитъ изъ хорошаго навара мяса и легко понять его назначеніе: если даже и не получилось совсѣмъ или получилось недостаточное отдѣленіе желудочнаго сока подъ вліяніемъ аппетита, то мясной наваръ, являющійся однимъ изъ самыхъ сильныхъ возбудителей отдѣленія желудочнаго сока, вызоветъ его обильное отдѣленіе. Въ несостоятельныхъ классахъ, гдѣ бульонъ является недоступной роскошью, обѣдъ начинается съ жидкой похлебки. Если даже она сварена и безъ мяса, все-таки она, какъ жидкая пища, ведетъ къ тому, что къ началу пищеваренія въ желудкѣ имѣется достаточное количество отдѣлившагося желудочнаго сока.

Супъ ѣдятъ всегда съ хлѣбомъ. Это тоже является крайне цѣлесообразнымъ. Дѣло въ томъ, что сама по себѣ жидкость быстро удаляется изъ желудка. Между тѣмъ, очевидно, выгодно, чтобы супъ возможно дольше оставался въ желудкѣ, для того, чтобы возможно дольше поддерживалось отдѣленіе сока, возбудителемъ котораго онъ является. А для этого и будетъ цѣлесообразно ѣсть супъ съ хлѣбомъ, потому что тогда жидкость впитается въ куски хлѣба и значительное дольшее время будетъ воздѣйствовать на стѣнки желудка. По крайней мѣрѣ, это же было констатировано на опытѣ съ собакой: бульонъ, введенный въ желудокъ собаки въ смѣси съ крахмаломъ, повлекъ за собою болѣе продолжительное и обильное выдѣленіе желудочнаго сока, чѣмъ введеніе того же количества чистаго бульона. Самъ по себѣ крахмалъ не вызывалъ отдѣленіе сока, и, очевидно, его благотворное дѣйствіе заключалось въ томъ, что благодаря ему бульонъ дольшее время оставался въ соприкосновеніи съ внутреннею поверхностью желудка.

Часто приходится слышать, что пить во время ѣды вредно, что питьемъ мы разжижаемъ пищеварительные соки. Это предразсудокъ и предразсудокъ на основѣ недостаточныхъ научныхъ знаній. Дѣйствительно, когда предполагали, что отдѣленіе пищеварительныхъ соковъ происходитъ, главнымъ образомъ, въ отвѣтъ на механическое раздраженіе, производимое введенной пищей, можно было думать, что на извѣстное количество пищи должно выдѣлиться извѣстное количество сока; выпитая же жидкость будетъ только разводить пищеварительный сокъ и такимъ образомъ ослаблять всѣ дѣйствія. Мы знаемъ теперь, что дѣло складывается не такъ, что, наоборотъ, жидкости, какъ, напримѣръ, вода, бульонъ и т. д. не разжижаютъ сока, а сами

вызываютъ обильное выдѣленіе дѣятельнаго сока. И дѣйствительно, повсюду мы видимъ обычай пить во время ѣды. Въ южныхъ странахъ пьютъ вино или воду съ виномъ, въ Германіи—пиво, у насъ—квасъ. Смыслъ этого обычая ясенъ: увеличить отдѣленіе пищеварительныхъ соковъ. Если же по какимъ-либо причинамъ не произошло отдѣленія «аппетитнаго» желудочнаго сока, то тогда питье является необходимымъ для того, чтобы могло начаться и идти дальше пищевареніе.

Напомню, дальше, что, какъ мы видѣли, кислыя жидкости играютъ важную роль для пищеваренія, такъ какъ кислота обладаетъ свойствомъ вызывать обильное выдѣленіе сока поджелудочной железы одного изъ самыхъ могучихъ дѣятелей пищеваренія. Послѣ того насъ уже не должна удивлять важная роль, которую играютъ въ природѣ къ ѣдѣ у разныхъ народовъ кислыя вещества. Такъ у нашихъ крестьянъ въ ходу кислый квасъ, щи изъ кислой капусты, прибавленіе кислоты къ борщу. У южныхъ народовъ—прибавленіе лимоннаго сока къ пищѣ. Наконецъ, сюда же относится употребленіе въ видѣ приправы уксуса, а также всякихъ маринадъ.

До сихъ поръ мы говорили о факторахъ благопріятствующихъ пищеваренію, но важно принять во вниманіе и дѣйствующіе вредно. Мы видѣли, что жиръ обладаетъ свойствомъ уменьшать отдѣленія поджелудочаго сока; съ этимъ совпадаетъ общее мнѣніе, что жирная пища является пищей трудно перевариваемой.

Мы видѣли выше, какую громадную роль играетъ нервная система въ процессѣ пищеваренія. Она является источникомъ правильности работы, соотвѣтствія всѣхъ отдѣльныхъ частей этого процесса. Но она же можетъ явиться источникомъ и глубокихъ разстройствъ. Заболѣванія другихъ органовъ, сильныя боли чрезъ посредство нервной системы могутъ совершенно разстраивать работу пищеварительнаго аппарата.

Мы видѣли выше, что психическій факторъ—аппетитъ—даетъ первый и могучій толчокъ, который приводитъ въ движеніе весь пищеварительный аппаратъ. Съ другой стороны, душевная сторона жизни человѣка можетъ являться источникомъ глубокихъ заболѣваній органовъ пищеваренія. Вполнѣ понятно, что за состояніемъ глубокаго унынія можетъ слѣдовать рѣзкая задержка въ работѣ этихъ органовъ.

Еще одна изъ причинъ разстройства органовъ пищеваренія заключается въ рѣзкомъ переходѣ отъ одной привычной пищи къ новой. Мы видѣли, что пищеварительныя железы приспособляются къ соотвѣтствующей пищѣ, такъ что если мы сравнимъ сокъ поджелудочной железы у животныхъ, которыя передъ тѣмъ достаточно долгое время получали разную по составу пищу, то увидимъ рѣзкую разницу въ составѣ и сока. Оттого, если мы животному, долгое время получавшему одну пищу, сразу дадимъ другую, то окажется неудивительнымъ, что оно не въ въ состояніи будетъ справиться съ этой пищей, такъ

какъ соки, которые будутъ изливаться железами на пищу, совсѣмъ не будутъ соотвѣтствовать ей по своему составу. Этой причиной объясняются частыя заболѣванія, которыя наступаютъ при переходѣ постящагося населенія снова къ скоромной пищѣ.

Вполнѣ ясной является послѣ всего сказаннаго сложность процессовъ діэтетики, т.-е. назначеніе больнымъ или здоровымъ людямъ соотвѣтственной пищи. Очевидно, что здѣсь совершенно нельзя стоять на одной химической точкѣ зрѣнія. Пища не только должна быть соотвѣтственнаго химическаго состава, но, кромѣ того, слѣдуетъ стараться, чтобы она не отличалась рѣзко отъ обычной пищи. Если человѣкъ привыкъ употреблять въ пищу, главнымъ образомъ, растительныя вещества, то онъ уже не можетъ безъ сильной ломки перейти на пищу по преимуществу животнаго происхожденія. Далѣе, пища должна быть приготовлена такимъ образомъ, къ какому человѣкъ привыкъ, для того, чтобы при ѣдѣ онъ получилъ знакомыя и пріятныя для него вкусовыя ощущенія. Пища можетъ быть очень хороша во всѣхъ отношеніяхъ, но мы не можемъ назвать ее удовлетворительной, если она не кажется вкусной тому человѣку, для котораго она приготовлена. Наконецъ, само собою разумѣется, нужно сообразоваться и съ религіозными взглядами и предубѣжденіями людей. Если бы даже намъ удалось заставить мусульманина ѣсть свинину, а индуса—коровье мясо, то эта пища не была бы для нихъ пригодной, такъ какъ съ трудомъ подавленное чувство отвращенія отозвалось бы на всемъ пищеварительномъ процессѣ.

Этимъ мы закончимъ изложеніе результатовъ работъ проф. Павлова и его учениковъ. Мы видимъ, что благодаря имъ открылся рядъ новыхъ фактовъ и обрисовался чудный, необыкновенно сложный и деликатный аппаратъ пищеваренія, способный приспособляться къ пищѣ и мѣнять свою работу, смотря по измѣненію условій, въ которыхъ ему приходится работать.

Д-ръ А. Яроцкій.

---

# НОЧЬ.

(Изъ Маріи Конопницкой).

Пышетъ въ пустынѣ нѣмой мірозданья
Пламя заката;
Въ вѣчность уходитъ съ печатью страданья
День безъ возврата.
Вечеръ плыветъ. Замираетъ тревога,
Тихо вздыхая.
Стала прохладная ночь у порога,
Слезы роняя.
Робко прильнувъ къ моему изголовью,
Сны навѣваетъ...
Сердце больное, истекшее кровью,
Ночи внимаетъ.

К. Б.

* * *

Въ паденьи дня къ закату своему
Есть нѣчто мстительное, злое.
Не ты ли призывалъ покой и тьму,
Изнемогая въ яркомъ зноѣ?
Не ты-ль хулилъ неистовство лучей
Владыки, пламеннаго Змія,
И прославлялъ блаженный миръ ночей
И звѣзды ясныя, благія?
И вотъ сбылось,—пылающій поникъ,
И далеко упали тѣни.
Земля свѣжа. Діанинъ ясный ликъ
Восходитъ, полонъ сладкой лѣни,—
И онъ зоветъ въ безгласной тишинѣ,
И лишь затѣмъ онъ смотритъ въ очи,
Чтобы внушить мечту о долгомъ снѣ,
О долгой,—безконечной,—ночи.

Өедоръ Сологубъ.

# ДУРАКЪ.

(Повѣсть).

(*Продолженіе* *).

## X.

Четвергъ былъ единственный день недѣли, когда Анна Михайловна Коромыслова считала себя вполнѣ свободной. Какъ-то такъ сами собою сложились обстоятельства, что никто изъ знакомыхъ не могъ посѣтить ее въ этотъ день. Мужъ въ этотъ день почти не появлялся дома. У него по четвергамъ, кромѣ службы, было еще два засѣданія какихъ-то коммиссій и, кромѣ того, онъ долженъ былъ хоть на часъ заѣхать вечеромъ къ какому-то важному своему сослуживцу.

И въ прежнее время Анна Михайловна смотрѣла на четверги, какъ на дни отдыха отъ заботъ и волненій цѣлой недѣли. И странное дѣло, въ эти дни она не только не вставала позже обыкновеннаго, а, напротивъ, подымалась раньше и уже въ девять часовъ утра бывала на ногахъ. Она какъ бы хотѣла побольше часовъ принадлежать самой себѣ.

Въ другіе же дни, когда каждую минуту могъ раздаться звонокъ и явиться человѣкъ, котораго по свѣтскимъ соображеніямъ нельзя было не принять, она точно нарочно оставалась въ постели до полудня и такимъ образомъ сокращала свой день.

И обыкновенно по четвергамъ она одѣвалась какъ только можно было по домашнему. Широкій свободный капотъ, небрежная прическа, всему она давала отдыхъ: и своей душѣ, и своему хрупкому тѣлу, и своимъ волосамъ.

Но съ нѣкоторыхъ поръ ея отношеніе къ четвергамъ измѣнилось. Она просыпалась попрежнему рано. Это была привычка неискоренимая, да и искоренять ее не было причины. Повидимому, четверги не сдѣлались для нея менѣе пріятными днями.

Но только до полудня она оставалась въ капотѣ, а тутъ то-

*) См. «Міръ Божій», № 9, сентябрь, 1902 г.



ропилась привести себя въ порядокъ и къ часу уже была въ маленькомъ будуарѣ на своемъ обычномъ мѣстѣ на кушеткѣ.

И вотъ уже нѣсколько четверговъ подрядъ въ это время раздавался звонокъ, потомъ въ анфиладѣ комнатъ слышались тяжелые шаги довольно грубыхъ мужскихъ сапогъ, раздвигалась портьера и на порогѣ появлялась высокая тонкая фигура молодого человѣка въ черномъ сюртукѣ. Анна Михайловна подымала голову, улыбалась и произносила:

— Какъ видите, я уже на своемъ посту!

Молодой человѣкъ въ черномъ сюртукѣ приближался къ ней, бралъ протянутую къ нему маленькую ручку и говорилъ:

— Я тоже!

На этотъ разъ Владиміръ Любарцевъ, какъ всегда, явился къ ней въ четвергъ около часу. Но почему-то лицо у него было хмурое. Онъ не заговорилъ вдругъ, какъ это обыкновенно бывало, о своихъ впечатлѣніяхъ за недѣлю... Съ этого всегда начинался ихъ разговоръ, часто переходившій въ споръ, кончавшійся, однако, всегда миромъ. Онъ сѣлъ въ кресло и угрюмо молчалъ.

— У васъ случилась какая-то непріятность, милый Владиміръ Ивановичъ,—мягко и осторожно сказала Анна Михайловна.—Что-нибудь изъ дому?

— Избави Богъ!—сумрачно откликнулся Владиміръ. — Если бы какая бѣда случилась съ моими стариками, я не молчалъ бы, а свирѣпо кричалъ бы...

— Значитъ, не это? Ну, я довольна. А что же?

— Такъ... Одно отвратительное впечатлѣніе легло на мою душу...

— Постороннее?

— По существу, да. Но волею судебъ—не совсѣмъ. Знаете, даже говорить тошно.

— А все-таки скажите. Надо дѣлиться съ ближнимъ не только добромъ, но и зломъ.

— О, второе-то мы дѣлаемъ особенно охотно. Скажите, какое лицо бываетъ у моего кузена Петра, когда онъ обѣдаетъ у васъ по воскресеньямъ?

— У вашего кузена всегда одинаковое лицо.

— То-есть глупое?

— Человѣка нельзя осуждать за то, что далъ ему Господь Богъ.

— Я вчера видѣлъ его.

— И это *онъ* такъ удручилъ васъ?

— Да, онъ.

— Чѣмъ же?

— Своими успѣхами...

— По службѣ?

— По службамъ... Нѣтъ, знаете, то, что онъ съ наивностью довѣрчиваго родственника разсказалъ мнѣ, можетъ совершенно перевернуть вверхъ дномъ міросозерцаніе человѣка. Вы знаете о его отношеніяхъ къ Вермутовой?

— О нихъ говорятъ довольно свободно...

— Но послушайте, не говорятъ же, что онъ состоитъ... извините меня... на жалованьи у госпожи Вермутовой... Не могутъ же говорить этого громко!

— Этого и не говорятъ громко.

— Но люди, принимающіе его, обѣдающіе съ нимъ, служащіе въ одномъ департаментѣ съ нимъ,—съ волненіемъ говорилъ Владиміръ,—эти люди спрашиваютъ же себя о томъ, откуда онъ беретъ довольно значительныя средства, получая жалованья сто рублей въ мѣсяцъ?

— Это всѣ знаютъ,—зачѣмъ же еще спрашивать объ этомъ?

— И зная это, его принимаютъ, считаютъ членомъ своего общества, способствуютъ его движенію по службѣ и проч., и проч... Но вѣдь это же безнравственно!..

— Послушайте, милый мой Владиміръ Ивановичъ, неужели вы не знаете, что въ нашемъ обществѣ нравственные вопросы никогда не затрогиваются... Нравственность считается дѣломъ личнымъ, интимнымъ, а въ обществѣ она была бы слишкомъ большой роскошью... Она замѣнена здѣсь „порядочностью". Порядочность же выражается въ одеждѣ отъ хорошаго портного, въ умѣньи держать себя, поддерживать разговоръ, ну и при этомъ не нарушать уголовнаго кодекса... Вашему кузену все это дано отъ Бога взамѣнъ ума. Надо же было чѣмъ-нибудь возмѣстить этотъ пробѣлъ...

— Боже!—съ какимъ-то почти отчаяніемъ воскликнулъ Владиміръ.—Меня пугаетъ во всемъ этомъ не онъ, не то, что онъ таковъ... Я знаю, что люди бываютъ разные и дрянности человѣческой нѣтъ предѣловъ; а то, что вы, вы можете говорить объ этомъ безъ негодованія, даже съ юморомъ и относиться къ этому на столько мягко, чтобы терпѣть его въ своемъ домѣ, за своимъ обѣденнымъ столомъ и, можетъ быть, даже въ это время сохранять хорошій аппетитъ...

Анна Михайловна посмотрѣла на него долгимъ взглядомъ, исполненнымъ ласковаго укора и покачала головой.

— Мой милый, Владиміръ Ивановичъ, то, что вы говорите, меня радуетъ. Но оно свидѣтельствуетъ о вашемъ глубокомъ незнаніи той обстановки, при которой люди живутъ на свѣтѣ. Помните въ „Гамлетѣ", когда Полоній обѣщаетъ принцу оказать актерамъ пріемъ по ихъ заслугамъ, Гамлетъ на это говоритъ:

„Нѣтъ, прими ихъ лучше. Если обращаться съ каждымъ по его заслугамъ, то кто же избавился бы отъ пощечины?...“ А я должна сказать вамъ, что если бы я принимала въ свой домъ людей по ихъ заслугамъ, то не только должна была бы остаться одинокой, но еще и бѣжать отъ самой себя...

— Это зачѣмъ же?

— Но какъ зачѣмъ? Какъ зачѣмъ, милый Владиміръ Ивановичъ? Неужели вы думаете, что я способна разыгрывать передъ вами угнетенную добродѣтель? Ахъ, нѣтъ, добродѣтели тутъ нѣтъ и въ поминѣ... Впрочемъ, лучше не будемъ объ этомъ говорить...

— Поговоримте о моемъ кузенѣ? — спросилъ Владиміръ съ чуть слышной ироніей въ голосѣ.

— А вы думаете, что онъ болѣе пріятный предметъ для разговора, чѣмъ я?

— Навѣрно нѣтъ. Но онъ далекій, а потому и безразличный.

— Вашъ кузенъ... Но вы, кажется, думаете, что онъ исключеніе?..

— По своей глупости—да.

— И даже поэтому—нѣтъ. Въ томъ мірѣ, гдѣ только получаютъ доходы и жалованья, глупцы страшно преобладаютъ... Такіе орлы, какъ мой мужъ и господинъ Вермутовъ, попадаются рѣдко, какъ цѣнныя жемчужины. А что касается способности дѣлать карьеру на счетъ женщинъ, то это считается не только обычнымъ, но даже похвальнымъ. Разумѣется, только подъ благовидными соусами... Обыкновенно для этого путь — женитьба. Но вѣдь вашъ кузенъ еще только въ приготовительномъ классѣ. Двигаясь по лѣстницѣ карьеры, онъ тоже кончитъ женитьбой. Говорятъ, что m-elle Вермутова ему суждена...

— Она очень богата?

— Не очень, но достаточно. Въ сотняхъ тысячахъ...

— Умна?

— Далеко нѣтъ.

— Красива?

— О, мой другъ, если бы она была красива, то вашего кузена не подпустили бы къ ней на полверсты. Она безобразна...

— А...

— Но я думаю, что по дѣломъ ему...

— Ну, и ей тоже,—замѣтилъ Владиміръ.

— Да она-то чѣмъ виновата? Она некрасива... Я всегда жалѣю некрасивыхъ женщинъ. Мужчины, даже лучшіе изъ нихъ, въ глубинѣ души презираютъ ихъ, хотя, благодаря требованіямъ воспитанности, они съ ними любезны, но вѣдь это чувствуется.



Развѣ вы, напримѣръ, могли бы остановить ваше вниманіе на некрасивой женщинѣ?

— Остановить вниманіе,—отчего же нѣтъ?

— А полюбить?

— Думаю, что нѣтъ.

— Ну, вотъ видите... А васъ я причисляю къ лучшимъ. Поэтому и перейдемте къ вамъ, — прибавила она съ усмѣшкой.— Что вы дѣлали эту недѣлю?

— Ходилъ въ публичную библіотеку и собиралъ матеріалъ для моей статьи, въ которой собираюсь дебютировать въ толстомъ журналѣ... Надо же и мнѣ повышаться...

— А это повышеніе?

— Да, повышеніе хотя и не по службѣ...

— Неужели опять о чиновникахъ?

— Представьте, да, только изъ прошлаго. Вѣдь и у чиновниковъ есть исторія.

— Развѣ это интересная исторія?

— О, чрезвычайно! Я хочу показать, какія великія благодѣянія оказалъ этотъ институтъ моей родинѣ въ прошломъ, остановивъ ея, безъ сомнѣнія, опасный ходъ впередъ этакъ столѣтія на два...

— Они васъ когда-нибудь съѣдятъ—чиновники.

— И пусть ихъ кушаютъ на здоровье. Горькая пища, говорятъ, полезна для пищеваренія... А они кстати всѣ страдаютъ катарромъ...

— Мой мужъ, такъ одобрившій вашу первую статью, порядочно ворчалъ по поводу послѣдней.

— Да, и ея не было бы, если бы я тогда согласился на его предложеніе и сталъ бы служить. Она была бы оплачена казеннымъ жалованьемъ раньше своего появленія на свѣтъ.

Такая болтовня длилась у нихъ по цѣлымъ часамъ... Казалось бы, такъ какъ оба они были умны и требовательны, это скоро должно было бы утомить ихъ, но они этого не чувствовали. Въ ихъ отношеніяхъ было что-то незримое, не ясно ощущавшееся ими обоими, что̀ какъ бы окрашивало въ особый цвѣтъ каждое незначительное слово, каждую, хотя бы и самую пустую, мысль. Точно это былъ какъ бы условный языкъ и подъ этими словами и фразами разумѣлось совсѣмъ другое, что-то значительное и глубокое. Но они никогда не касались этого таинственнаго чего-то, хотя явственно ощущали его вліяніе съ первой минуты его прихода до прощанія.

Владиміръ съ перваго своего визита почувствовалъ на себѣ обаяніе Анны Михайловны. Не было ни одного момента въ ихъ знакомствѣ, когда онъ смотрѣлъ бы на нее, какъ на старшую

родственницу. Сразу она стала для него красивой женщиной съ загадочнымъ умомъ, съ недосказанной душой.

Когда онъ пришелъ домой послѣ перваго знакомства съ нею, онъ, несмотря на то, что у него были другія дѣла, нѣсколько дней подрядъ думалъ исключительно о ней, стараясь разгадать, что это за существо.

Она казалась ему существомъ правдивымъ и тонко чувствующимъ, а между тѣмъ, она добровольно вращалась въ кругу такихъ явныхъ пошляковъ, что относительно ихъ не могло быть даже минутнаго сомнѣнія. Достаточно ему было одинъ разъ просидѣть полчаса въ ея будуарѣ, когда въ немъ „поддерживали разговоръ“ ея обычные посѣтители, чтобы понять это.

Онъ очень хорошо видѣлъ, что она ихъ презираетъ, этихъ чиновниковъ въ мундирѣ и въ душѣ, этихъ явныхъ и тайныхъ балетомановъ, гордившихся своей близостью къ искусству и, кажется, ничего не понимавшихъ въ немъ, и тѣмъ не менѣе она находила для каждаго изъ нихъ достаточно любезности и не только терпѣла ихъ около себя, но своимъ обращеніемъ давала имъ основаніе считать себя ея друзьями.

И вѣдь это она дѣлала, должно быть, всѣ годы своего замужества за Коромысловымъ, а была она замужемъ уже лѣтъ около пятнадцати.

Ея мужа, Коромыслова, Владиміръ, однако, выдѣлялъ изъ этой компаніи. Онъ, во всякомъ случаѣ, не казался ему пошлякомъ. Но его холодные умные, но жестокіе глаза какъ бы говорили о томъ, что этотъ человѣкъ ради себя, ради своего благополучія, ради карьеры, ничего и никого не пожалѣетъ и не жалѣлъ; если нужно это для него, онъ спокойно наступитъ ближнему на горло и раздавитъ его и, должно быть, раздавилъ не одного ближняго,—эти глаза безповоротно оттолкнули его. Въ особенности стало ему это ясно въ то время, когда Коромысловъ дѣлалъ ему свое предложеніе на счетъ службы. Тогда-то эти глаза и сказали ему, что, въ случаѣ надобности, этотъ почтенный человѣкъ велитъ зажарить его и подать на блюдѣ за своимъ обѣдомъ.

И опять новое недоумѣніе смутило его душу: какія же могутъ быть у нихъ отношенія? Если она такъ правдива и чутка, какъ ему показалось, то какъ можетъ она дѣлить съ нимъ жизнь?

Онъ очень красивъ, этотъ Коромысловъ. У него въ волосахъ уже не мало сѣдинъ, но это не мѣшаетъ ему быть красавымъ. Неужели же это дѣлаетъ ее такъ снисходительной?

Всѣ эти вопросы безпокоили его. Бывали минуты, даже дни, когда это неясное для него положеніе родственницы отвращало его отъ нея. Онъ говорилъ себѣ, что въ этотъ домъ ему не за-

чѣмъ ходить, что будетъ самое лучшее, если онъ прерветъ всякія сношенія съ нимъ.

Но въ немъ, очевидно, было что-то сильнѣе его соображеній и рѣшеній. Его тянуло туда и именно къ ней и только къ ней. Какъ-то само собою вышло, безъ всякаго уговора, что онъ перестал бывать у нея въ тѣ дни, когда могъ встрѣтить тамъ общество и началъ ходить исключительно по четвергамъ. Черезъ четыре недѣли они уже говорили: „нашъ четвергъ", „нашъ день".

И цѣлые дни тогда проходили у нихъ незамѣтно, въ неумолчномъ разговорѣ, и эти разговоры всегда касались всего того, что было внѣ ихъ самихъ. Тысячи предметовъ и вопросовъ были ихъ темами, но ни разу они не коснулись того, что было каждому изъ нихъ слишкомъ близко. Словно у нихъ было какое-то предохранительное чувство, что это „близкое" способно отдалить ихъ другъ отъ друга.

Уже давно она сдѣлалась ему симпатична, даже мила, давно онъ призналъ ея умъ, оригинальность, искренность—по крайней мѣрѣ, съ нимъ,—всѣ тѣ качества, которыя притягивали его къ ней, и тѣмъ не менѣе она была для него загадкой.

Часто онъ внимательно смотрѣлъ на нее и старался опредѣлить, сколько ей лѣтъ? Небольшой ростъ, худощавость и миніатюрность фигуры помогали впечатлѣнію молодости. Много способствовалъ этому ея голосъ—мягкій, свѣжій, мелодичный. Далеко не всегда, но все же довольно часто глаза ея загорались какимъ-то удивительнымъ молодымъ блескомъ.

Но лицо ея сбивало его. Въ иные дни оно казалось свѣжимъ и молодымъ, въ другіе—щеки ея какъ будто блекли, какъ бутонъ цвѣтка, который забыли полить, и тогда на лбу около глазъ и по краямъ рта выступали тонкія, но замѣтныя морщинки.

И странное дѣло—въ такіе дни она привлекала его еще больше, можетъ быть потому, что онъ объяснялъ такую перемѣну какимъ-то глубокимъ скрытымъ страданіемъ.

Его жизнь и дѣла очень живо интересовали ее, и она постоянно разспрашивала его о нихъ. Въ послѣднее время у нихъ сдѣлалось обычнымъ, что онъ, придя къ ней, начиналъ подробно разсказывать ей все, что съ нимъ было за недѣлю: и встрѣчи и факты, и чувства и мысли. Она слушала съ напряженнымъ вниманіемъ, иногда закрывала глаза, точно стараясь представить себя въ той обстановкѣ, которую онъ описывалъ.

Иногда она, слушая его разсказы, горячія разсужденія и изліянія, долго-долго смотрѣла на него, потомъ вдругъ вздрагивала и быстро отводила отъ него свои глаза.

Но въ послѣднее время все яснѣе и яснѣе становилось, что между ними есть что-то такое, что точно забыли они сказать

другъ другу, и въ то же время было невысказанное сознаніе, что сказать это не легко, да и не надо. Въ иныя минуты даже казалось, что только до тѣхъ поръ и могутъ сохраняться ихъ добрыя отношенія, пока они недостаточно знаютъ другъ друга.

И такъ шло у нихъ вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ. Сближеніе ихъ совершилось сразу, съ перваго знакомства и точно вдругъ остановилось. Они проводили вмѣстѣ цѣлые дни, они считали себя друзьями, но между ними оставалось разстояніе, которое не сокращалось.

Владиміръ, какъ будто, привыкъ уже къ такимъ отношеніямъ, но однажды вдругъ совершенно явственно почувствовалъ, что это его страшно тяготитъ и что такъ дольше тянуть нельзя. Надо что-то выяснить, а что именно, онъ этого самъ хорошенько не зналъ.

Но ему достаточно было сознать это, чтобы онъ уже не былъ въ состояніи молчать объ этомъ передъ нею. Изъ всего этого получился странный результатъ: въ одинъ изъ декабрьскихъ четверговъ Анна Михайловна Коромыслова не увидѣла его въ обычный часъ въ своемъ будуарѣ. Онъ не пришелъ къ ней въ этотъ день.

## XI.

Въ тотъ четвергъ Владиміръ совсѣмъ было собрался къ ней. По обыкновенію, онъ еще наканунѣ сказалъ редактору, что свою работу сдѣлаетъ утромъ до полудня, у себя, и просилъ прислать ему почту. Такъ и сдѣлали: почту ему прислали. Онъ торопливо перевелъ, что нужно, и къ 12-ти часамъ готовъ былъ, чтобы идти.

Но тутъ явилось у него острое сознаніе, что, если онъ придетъ къ ней, то непремѣнно сейчасъ же, не откладывая ни минуты, затронетъ тѣ стороны ея личности, которыя до сихъ поръ оставались въ тѣни.

И ему почему-то показалось, что это будетъ гибелью для ихъ отношеній; ему стало страшно отъ этого, и онъ тутъ же рѣшилъ не ходить къ ней.

Онъ вышелъ изъ дому и, чтобы отрѣзать себѣ путь къ раскаянію, пошелъ въ публичную библіотеку и тамъ засѣлъ за свою работу. До пяти часовъ онъ просидѣлъ тамъ исправно, все время, однако, чувствуя, что совершаетъ преступленіе.

Въ пять часовъ онъ вышелъ и вернулся домой. Здѣсь на столѣ у себя онъ нашелъ маленькій конвертъ зеленаго цвѣта, и хотя до сихъ поръ не получалъ писемъ отъ Анны Михайловны, но сейчасъ же понялъ, что это отъ нея. Онъ распечаталъ конвертъ и прочиталъ:

„Когда сердятся — бранятся, когда заняты — извиняются,

когда больны—жалуются. Вы не сдѣлали ни того, ни другого, ни третьяго. Приходится думать, что у васъ что-то четвертое? Что же? Сообщите, иначе я буду считать, что вы безъ уважительной причины нарушили завѣтъ Бога: шесть дней работать, а седьмой посвящать ему... Я жду".

Эта записка произвела страшный безпорядокъ въ его душѣ. Всѣ благоразумныя рѣшенія куда-то стушевались, и даже не пробовали влiять на его волю.

Онъ ни минуты не раздумывалъ, сейчасъ же вышелъ изъ дому, взялъ извозчика и поѣхалъ на Конногвардейскій бульваръ.

Тутъ даже швейцаръ, который съ нѣкоторыхъ поръ, догадавшись, что онъ желанный гость самой барыни и, должно быть, давъ этому свое швейцарское объясненіе, сталъ признавать его,—укорилъ его:

— Нынче какъ опоздали, Владиміръ Ивановичъ!

— Никого нѣтъ?—спросилъ Владиміръ.

— Никого-съ. У насъ по четвергамъ никакого пріему не бываетъ, окромѣ какъ васъ...

Владиміръ быстро взлетѣлъ наверхъ. Дверь была уже растворена. Онъ проскользнулъ въ гостиную и оттуда прямо въ будуаръ.

Анна Михайловна не сидѣла, по обыкновенію, на софѣ, а стояла у окна и, когда онъ появился, обернулась къ нему и посмотрѣла на него долгимъ вопросительнымъ взглядомъ.

Владиміръ подошелъ къ ней и поцѣловалъ ея руку, потомъ отошелъ и какъ-то машинально, не дожидаясь приглашенія, сѣлъ въ кресло, какъ дѣлалъ это обыкновенно.

— Я лгать вамъ не стану,—отвѣтилъ онъ, очевидно, на ея вопросительный взглядъ.—Я сегодня не хотѣлъ приходить къ вамъ.

Она опять повернула голову въ его сторону и опять безъ словъ однимъ только взглядомъ задала ему вопросъ: почему?

Онъ отвѣтилъ и на этотъ вопросъ:—Этого въ двухъ словахъ не объяснишь, а объяснить надо...

— Что у васъ, Владиміръ Ивановичъ?—наконецъ, спросила она его неопредѣленно, осторожно, какъ бы боясь, чтобы онъ не принялъ ея вопроса за вызовъ.

Его лицо заставляло ее быть въ высшей степени сдержанной. И не одно лицо, а весь онъ — не такой, какимъ бывалъ обыкновенно.

Всегда онъ приходилъ сюда точно на отдыхъ, съ нѣсколько утомленнымъ, но открытымъ лицомъ, съ ясными глазами. Здороваясь съ нею, онъ улыбался просто по-пріятельски и тотчасъ же безъ всякой запинки, безъ недомолвокъ завязывался у нихъ разговоръ.

А теперь онъ какъ-то сжимался, отводилъ отъ нея свои

глаза, точно чего-то остерегаясь. Она оставила свое мѣсто у окна, подошла ближе къ нему, но не сѣла.

— Развѣ вы не видите, что я... сошелъ съ рельсовъ!.. — промолвилъ Владиміръ и видимо старался улыбнуться.

— Я это подозрѣваю,—опять еще осторожнѣе отвѣтила Анна Михайловна.

— И все-таки думаете, что мнѣ слѣдуетъ говорить?—спросилъ Владиміръ.

— Что-жъ, можетъ быть, этотъ разговоръ вновь поставитъ васъ на рельсы...

— Такъ сядьте пожалуйста на ваше обычное мѣсто; уже это хоть немного приведетъ меня въ порядокъ.

Она усмѣхнулась и сѣла на софѣ.

— Ну, теперь всѣ формальности выполнены,—съ улыбкой сказала она,—значитъ, можно говорить...

— Хорошо. Начнемте съ притчи.

— О, дѣло дошло до притчи!

— Вы предпочитаете безъ придтчи: прямо къ дѣлу?

Она съ легкимъ испугомъ взглянула на него, нѣсколько секундъ подумала и сказала:

— Нѣтъ, лучше съ притчи...

— Хорошо. Вотъ видите-ли, такъ какъ древнихъ мы знаемъ только по наслышкѣ—по моему всѣ эти Саллюстіи и Фукидиды просто старыя бабы, которыя записывали ходячія сплетни и анекдоты, а мы принимаемъ это за исторію,—да, такъ поэтому на древность можно ссылаться въ самыхъ нелѣпыхъ случаяхъ. Вотъ и я сошлюсь и говорю: это было въ древности. Одинъ честный бѣднякъ во время народнаго возстанія награбилъ кучу золота и, желая скрыть это свое доброе дѣло, спряталъ золото въ шапку, а шапку надѣлъ на голову. Никто и не подумалъ, что у него въ шапкѣ цѣлое богатство. Но съ этихъ поръ всѣ увидѣли, что этотъ человѣкъ никогда не снимаетъ шапки. Онъ ходилъ по улицамъ, сидѣлъ въ домахъ, даже молился въ храмѣ, все въ шапкѣ. И спрашивали его: что это значитъ? Онъ отвѣчалъ, что у него особая болѣзнь головы, требующая, чтобы онъ всегда былъ въ шапкѣ. Въ дѣйствительности же никакой болѣзни у него не было. А все дѣло было въ томъ, что его до сихъ поръ считали всѣ честнымъ человѣкомъ. Если бы онъ снялъ шапку, то оттуда посыпалось бы золото, и всѣ узнали бы, что онъ грабитель и воръ. Итакъ ходилъ онъ долго, нѣсколько лѣтъ, чувствуя себя обладателемъ цѣлаго состоянія и не имѣя возможности пользоваться имъ. Владѣя кучей золота, онъ попрежнему ходилъ въ рубищахъ, питался скудной пищей и жилъ на улицѣ. Но это было бы еще ничего. А бѣда въ томъ, что золото надавливало на его

голову и съ каждымъ днемъ эта тяжесть ощущалась все сильнѣе и сильнѣе. И, наконецъ, ему стало не въ моготу и онъ сказалъ себѣ: пусть лучше всѣ узнаютъ, что я грабитель и воръ, но я больше не въ состояніи выносить эту тяжесть. Онъ снялъ шапку, оттуда посыпалось награбленное золото, всѣ узнали правду и всѣ стали презирать его. Такъ разомъ погибла его репутація честнаго человѣка... Ну, вотъ вамъ и притча.

Анна Михайловна внимательно слушала. Сперва глаза ея выражали полное непониманіе, но потомъ прояснились и стали улыбаться.

— Можетъ быть, вы дадите мнѣ и ключъ къ вашей притчѣ?— спросила она.

— Ключъ отыщите сами. Вы умная,—сказалъ Владиміръ.

— Во всякомъ случаѣ, онъ у васъ. Вы гдѣ-то награбили золото и спрятали его подъ вашу шапку и оно давитъ васъ, но вы боитесь снять шапку, чтобы оно не просыпалось. Не бойтесь, снимите шапку; пусть сыплется ваше золото.

— Но вы выпустили изъ виду конецъ притчи: и всѣ стали презирать его. Такъ разомъ погибла репутація честнаго человѣка.

— Будемъ рисковать, Владиміръ Ивановичъ.

— Я рискну, но только потому, что вы меня на это подбиваете...

— Вы хотите свалить на меня отвѣтственность?

— По крайней мѣрѣ, половину...

— Это по-дружески. Итакъ, снимите шапку.

— Это касается васъ...

— Я уже объ этомъ догадалась.

— Можетъ быть, и объ остальномъ?

— Вѣроятно...

— Такъ не заставляйте же меня задавать вамъ вопросы...

— Ужъ это будетъ не половина отвѣтственности, а вся. Ахъ, ну, хорошо... Меня утѣшаетъ въ этомъ соображеніе, что если человѣка мучаютъ сомнѣнія на счетъ другого, то, значитъ, этотъ другой ему не безразличенъ...

— Навѣрно такъ. Только это не сомнѣніе, а просто незнаніе. У меня слишкомъ пытливый умъ, чтобы я могъ долго быть близко около явленія и не заглянуть въ самую его глубину. Ну, скажите же, какъ это могло случиться, что вы—такая, какою я васъ узналъ...

— Кстати, попутно опредѣлите, какая именно?

— Прекрасная во всѣхъ отношеніяхъ...

— А... произнесла Анна Михайловна и посмотрѣла на него загорѣвшимися гордостью глазами.

— Да, прекрасная во всѣхъ отношеніяхъ. И вотъ вы живете

на этомъ рынкѣ, гдѣ происходитъ купля-продажа и выгодный обмѣнъ самыхъ грубыхъ карьерныхъ интересовъ, насидѣли себѣ мѣстечко, несете извѣстное амплуа и живете такъ, какъ будто чувствуете себя недурно? Ну, вотъ видите, вы подбили меня и я рискнулъ... прибавилъ Владиміръ, какъ бы спохватившись, потому что лицо Анны Михайловны вдругъ слегка поблѣднѣло и глаза сдѣлались туманными.

Она покачала головой.

— Не безпокойтесь. Этотъ рискъ будетъ вознагражденъ правдой,—сказала она.—А правда въ томъ, что—какъ поетъ оперная Маргарита — не прекрасна я, о, далеко не прекрасна...

— Ну, это ваше мнѣніе, а вы, очевидно, слишкомъ требовательны къ себѣ...

— Нѣтъ, нѣтъ. Я очень снисходительна къ себѣ, увѣряю васъ. Я кажусь вамъ чѣмъ-то хорошимъ потому, что сравнивать меня вамъ приходится съ очень ужъ плохимъ. Но, мой другъ, уже то одно, что я осталась на этомъ, какъ вы сказали, рынкѣ, тогда какъ въ свое время мнѣ стоило только взмахнуть крыльями, вспорхнуть и улетѣть,—ужъ одно это показываетъ, какъ я плохая.

— Да, это меня больше всего удивило съ перваго момента нашего знакомства.

— Ну, вотъ видите... И главное, что нельзя найти ни одного сколько-нибудь приличнаго объясненія и тѣмъ болѣе оправданія. Вы, можетъ быть, хотите знать, почему я сдѣлалась женой Коромыслова?

— Я не посмѣлъ бы задать вамъ этотъ вопросъ.

— Онъ такъ естественен. Какъ могли сдѣлаться близкими столь разные люди? И вы, конечно, ожидаете такого отвѣта: что пятнадцать лѣтъ тому назадъ онъ былъ другимъ человѣкомъ или казался другимъ, что онъ обманулъ меня, или я въ немъ обманулась... Представьте—нѣтъ. Онъ былъ точно такимъ же; когда онъ явился къ намъ, въ домъ моей матери—отца тогда уже не было въ живыхъ—мнѣ тогда было шестнадцать лѣтъ, я только что выпорхнула изъ института и вся была охвачена однимъ желаніемъ: жить, жить во что бы то ни стало. Да, такъ онъ явился къ намъ такой, что послѣ перваго визита я уже сказала себѣ: вотъ холодная душа, которая ничего и никого не пожалѣетъ ради своей карьеры; вотъ человѣкъ, который сдѣлаетъ карьеру. У него были умъ и воспитанность и больше не было никакихъ положительныхъ качествъ... никакой непосредственности, никакой отзывчивости, никакого чувства. Есть люди, которые рождены тайными совѣтниками. Куриное яйцо по виду не имѣетъ ничего общаго съ той курицей, которая изъ него выйдетъ и будетъ потомъ ходить по двору, водить цыплятъ или попадетъ на столъ подъ соу-

сомъ. Но взглянувъ на яйцо, вы можете съ увѣренностью сказать, что изъ него выйдетъ курица... Таковы эти молодые люди, вступающіе на службу безъ усовъ, съ маленькимъ чиномъ, но съ твердыми планами. Достаточно посмотрѣть имъ въ глаза, чтобы безошибочно предсказать въ нихъ будущихъ тайныхъ совѣтниковъ. И, конечно, если бы я была совсѣмъ свободна въ выборѣ, онъ меня оттолкнулъ бы и только.

— Значитъ, вы не были свободны?—какъ бы съ надеждой на утвердительный отвѣтъ спросилъ Владиміръ.

— Да, только не думайте, что кто-нибудь принуждалъ меня. И вообще не надѣйтесь ни на какія смягчающія обстоятельства. Я была не свободна потому, что съ первой встрѣчи съ нимъ—ослѣпла...

— Ослѣпли?

— Ослѣпла, Владиміръ Ивановичъ, какъ самая слабая женщина... Константинъ Александровичъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ была еще красивѣе, чѣмъ теперь.

— А... да, онъ очень красивъ, вашъ мужъ!—сказалъ Владиміръ и оба они на минуту замолчали. Это было такъ просто, то, что она сказала. Владиміръ совершенно ясно представилъ себѣ то, что было пятнадцать лѣтъ тому назадъ, когда семнадцатилѣтняя институтка, жаждавшая жизни во что бы то ни стало, съ первой встрѣчи безъ ума влюбилась въ красиваго мужчину, и это уже теперь, когда она еще не разсказала ему ничего, многое объясняло ему.

— Да, онъ очень красивъ. Онъ и теперь красивъ, онъ теперь еще красивѣе чѣмъ, былъ тогда; но тогда у него еще были преимущества молодости, ранней молодости,—вѣдь ему было всего двадцать шесть лѣтъ...—опять заговорила Анна Михайловна, неподвижно созерцательно остановивъ глаза на одной точкѣ.—Давайте же, предадимъ проклятію эстетическое воспитаніе, научающее молодыхъ дѣвушекъ въ жизни искать, прежде всего, и больше всего красоты и предпочитать ее больше всему на свѣтѣ. Красивое платье, красивые цвѣты, красивые стихи, красивый жестъ, красивый реверансъ, красивая фраза... „Это не красиво, значитъ это нельзя“; „это дурно, но зато это красиво!“ Это поклоненіе красотѣ впитывается въ насъ съ молокомъ... хотѣла сказать—съ молокомъ матери... но я его не пробовала, — значитъ, съ молокомъ кормилицы. Моя мать тоже была поклонница красоты и потому берегла свои формы. О, больше всего на свѣтѣ боялась она испортить свои формы и потому она меня, единственнаго своего ребенка, не кормила... Итакъ, ослѣпленная красотой Константина Александровича, я все простила ему. Его холодная душа карьериста — къ чести его, онъ не пряталъ ее, не игралъ в

чувство, а твердо высказывалъ свои стальные взгляды,—не только не оттолкнула меня, а привязала меня къ нему. Я влюбилась въ него безумно и не успѣла опомниться, какъ стала его женой. Должно быть, и онъ увлекся моей наружностью и, конечно, молодостью. Вѣдь я тоже была очень красива.

— Какъ и теперь!—вставилъ Владиміръ.

— Если вы это находите... да... Такъ я думаю, что и онъ увлекался мной. Конечно, это была не любовь... Если во мнѣ настоящее чувство было замуравлено подъ словомъ эстетики, такъ въ немъ его вовсе не было. Онъ любилъ только себя, свою карьеру, свою будущность. И вотъ я со всей моей энергіей предалась созданію его будущности. Вѣдь я тогда думала, что его будущность—и моя также. Надо вамъ знать, что Константинъ Александровичъ былъ безъ всякихъ средствъ и безъ всякихъ связей; а у моей матери по мужу были огромныя связи и хорошее состояніе. При жизни матери это шло нерѣшительно и медленно; но мать скоро умерла, и тогда я пустила въ ходъ все. Одна треть состоянія была истрачена на созданіе положенія. Вотъ этотъ особнякъ, эта дорогая обстановка,—все это было пріобрѣтено единственно ради фиксированія вниманія сферъ на особѣ Константина Александровича. У насъ пошли пріемы, вечера, завязались связи и мой мужъ стремительно, какъ ртуть въ термометрѣ, опущенномъ въ кипятокъ, полетѣлъ кверху. Вдругъ замѣтили его умъ и блестящія способности, которыхъ прежде не замѣчали, и въ какіе-нибудь десять лѣтъ онъ сдѣлалъ карьеру, которую всякому другому надо дѣлать четверть столѣтія. Да, я могу сказать смѣло, что это я дала Россіи столь выдающагося государственнаго человѣка!—прибавила Анна Михайловна съ тонкой саркастической усмѣшкой и замолчала.

— Вы хотите на этомъ остановиться?—послѣ довольно долгаго молчанія спросилъ Владиміръ.

Она ничего не отвѣтила, еще помолчала и потомъ сказала такимъ тономъ, какъ будто продолжала свою мысль:

— Природа устраиваетъ иногда съ человѣческой душой странную игру, точно забавляется. Большой умъ, блестящія способности, умѣнье схватить главную суть предмета на лету, глубина пониманія, широкіе взгляды... и при этомъ узкое ограниченное себялюбіе и пошлыя требованія отъ жизни... Вы хотите слушать и вторую часть?—спросила она, повернувъ къ нему голову.

— О, да! — поспѣшно отвѣтилъ Владиміръ. — И если есть третья, то и ее...

— Нѣтъ, третья только теперь происходитъ... она еще не годится для исторіи... А вторая началась тотчасъ, какъ только было достигнуто то, зачѣмъ я такъ гналась. Карьера Констан-





тина Александровича была сдѣлана. Онъ достигъ вершины и усѣлся такъ прочно, что ужъ его оттуда не согнать. Онъ полезенъ, онъ необходимъ, онъ неизбѣженъ, за нимъ огромныя заслуги. Какъ бы ни повернулись дѣла, сколько бы ни мѣнялись вдохновители, онъ въ своемъ дѣлѣ единственный, безъ него нельзя обойтись. Въ это время мое состояніе уже уменьшилось больше, чѣмъ на половину, и его стали щадить. Больше уже стали не нужны частые и пышные вечера, ихъ прекратили, и стали давать всего только одинъ разъ въ году. А у моего мужа оказалось на рукахъ третье лицо...

— Иностранка!.. — какъ-то нерѣшительно произнесъ Владиміръ.

— Возможно. Я никогда не унижалась до того, чтобы интересоваться ея національностью, наружностью и другими качествами. Впрочемъ, онъ самъ пришелъ ко мнѣ и съ свойственнымъ ему холоднымъ спокойствіемъ и увѣренностью, что все, что онъ дѣлаетъ для себя,—справедливо и свято, сказалъ правду. Но я закрыла уши и не слышала подробностей. Вы видите, мой другъ, что я была права, когда старалась смягчить ваше негодованіе по поводу того, что вашъ кузенъ пользуется средствами женщины. Вы узнали исторію карьеры моего мужа. Точно такую карьеру сдѣлалъ Вермутовъ, съ той только разницей, что его жена была безобразна. Это еще гаже, потому что здѣсь было хоть увлеченіе, а тамъ совсѣмъ ужъ грубый разсчетъ. То же самое сдѣлаетъ и вашъ кузенъ...

— Да, но у обоихъ этихъ героевъ былъ умъ, а у него этого нѣтъ.

— О, это не такъ ужъ необходимо. Повѣрьте, что это уже роскошь... Ну а теперь остается еще одинъ пунктъ, который, навѣрно, входитъ въ программу вашихъ вопросовъ: какимъ образомъ я, послѣ того, какъ слѣпота прошла и фигура моего героя стала для меня ясной,—какимъ образомъ я могла и могу не только оставаться и присутствовать въ этой обстановкѣ бездушія и пошлости, но и играть извѣстную роль?

— Да, этотъ вопросъ важный въ моей программѣ,—отвѣтилъ Владиміръ.

— Это вы и сами поняли бы, если бы немножко больше знали жизнь и душу человѣческую. Видите ли, мой милый другъ, жизнь человѣческую надо въ среднемъ считать въ пятьдесятъ-шестьдесятъ лѣтъ. Въ первую половину человѣкъ мечется, розыскиваетъ цѣль, безпокойно ищетъ, нащупываетъ дорогу, колеблется, мѣняетъ направленіе, мечтая выбрать для себя самое лучшее. Наконецъ, онъ дѣлаетъ разбѣгъ и, собравъ всѣ силы, перепрыгиваетъ препятствіе и ужъ тамъ—оказалось ли по ту сто-

рону препятствія то, чего онъ искалъ, или совсѣмъ другое, а ему приходится прилаживаться и усаживаться. Половина жизни пройдена, лучшія силы потрачены. Намѣчать новую цѣль, искать новыхъ дорогъ—поздно... и онъ, вмѣсто того, чтобы приспособлять къ себѣ жизнь, какъ дѣлалъ это прежде, въ первую половину жизни, начинаетъ приспособлять себя къ жизни и кое-какъ налаживаетъ свое существованіе. Если онъ совершенно ясно видитъ, что это не то, то старается увѣрить себя, что лучшаго ничего и нѣтъ. Онъ чувствуетъ, что на это „не то" онъ все же потратилъ много силъ, что къ нему онъ приладился, можетъ быть, многое въ себѣ самомъ для него передѣлалъ, и онъ старается убить въ себѣ всякую активность и пассивно доживаетъ свой вѣкъ... И если то, что ему досталось вмѣсто ожидаемаго—дурно, то и онъ незамѣтно впитываетъ въ себя его дурныя свойства и привыкаетъ до того, что это дурное дѣлается для него уже необходимымъ. Это—нравственный морфинизмъ, алкоголизмъ, назовите, какъ хотите. Птица, взятая съ воли и посаженная въ клѣтку, умираетъ, а человѣкъ привыкаетъ къ злу и очень скоро дѣлаетъ его для себя добромъ. Можетъ быть, это—преимущество вѣнца созданія...

— То, что вы говорите, ужасно...

— Это ужасаетъ васъ потому, что вы еще на волѣ. А во мнѣ это вызываетъ только чувство сарказма. А сарказмъ, если хотите, даже пріятно щекочетъ нервы.

— О...

— Вы негодуете?

— Не то. Но неужели у васъ не бываетъ минутъ, когда вамъ хочется свергнуть съ себя это иго, освободиться, взмахнуть крыльями и улетѣть въ высь?

— Я думаю, что у домашней курицы бываютъ такіе моменты, когда она, глядя на то, какъ орелъ паритъ въ вышинѣ, мечтаетъ тоже подняться къ солнцу... Она бѣшено взмахиваетъ крыльями—и что же? Самое большее, если она очутится на заборѣ, а верхушка крыши для нея ужъ недоступна. Ахъ, знаете, хорошо писали въ прежнихъ романахъ. Героиня, затянутая въ болото свѣтской жизни, мечтаетъ о героѣ, который придетъ, возьметъ ее своими сильными руками, вытащитъ изъ болота и унесетъ ее куда-нибудь въ высь. И герой, дѣйствительно, рано или поздно приходитъ и уноситъ героиню. А то еще лучше въ малороссійской сказочкѣ—я вѣдь дѣтство провела въ малороссійской деревнѣ—дѣвочка, занесенная въ чужой край, видитъ летящее стадо гусей и молитъ: „Гуси, гуси, гусенята, возьмите меня на крылята и понесите меня къ батюшкѣ и къ матушкѣ", но это все въ сказкѣ, и въ наше умное время,—умное и потому

очень далекое отъ наивности,—даже ужъ въ романахъ этого не пишутъ... Хотите пообѣдать?—вдругъ спросила она, сдѣлавъ къ нему легкое движеніе.

— Благодарю васъ... не хочу!..—отрывисто отвѣтилъ Владиміръ.

— Я отбила у васъ аппетитъ?

— Нѣтъ, чтож-ъ...—Владиміръ провелъ рукой по лбу:—аппетитъ—пустое, онъ всегда придетъ... Впрочемъ, вѣдь это обѣденный часъ. Надо все дѣлать въ подлежащіе часы... Тогда жизнь будетъ похожа на службу. Что-жъ, будемте обѣдать...

Анна Михайловна поднялась и приблизилась къ нему.

— Только вотъ что, Владиміръ Ивановичъ,—прибавила она:—посердитесь, понегодуйте, а только не отдавайте этимъ чувствамъ на разграбленіе то доброе, что у васъ есть для меня. Говорю вамъ по чистой совѣсти: это единственное, что есть хорошаго въ моей жизни...

Она протянула ему руку, онъ пожалъ ее, какъ-то смущенно улыбнулся; потомъ, точно спохватившись, опять схватилъ ея руку и поцѣловалъ.

## XII.

Прошла еще часть зимы, не внеся никакихъ перемѣнъ въ жизнь ни Петербурга, ни новыхъ гражданъ его, братьевъ Любарцевыхъ.

Петръ посѣщалъ мѣсто своего служенія, завтракалъ у Кюба, обѣдалъ у Вермутовыхъ, ходилъ въ балетъ и сдѣлалъ большіе успѣхи въ искусствѣ опредѣлять достоинства танцовщицъ. Онъ уже теперь очень твердо зналъ, что такое „фуетэ анъ діагональ“, и никакимъ образомъ не смѣшивалъ его съ „жетэ анъ турнанъ“; зналъ также и то, что эти двѣ хореографическія фигуры представляютъ большія трудности, что на нихъ балерины ломаютъ себѣ ноги совершенно такъ, какъ философы ломаютъ головы надъ вопросомъ о началѣ бытіи, я что по большему или меньшему совершенству выполненія этихъ фигуръ опредѣляется высота данной звѣзды и величина орбиты, ею описываемой.

Онъ неизмѣнно жилъ на Малой Морской, въ меблированныхъ комнатахъ, гдѣ въ сумеречный часъ отъ времени до времени появлялась высокая дама, вся въ черномъ, съ лицомъ, закрытымъ густой вуалью.

По воскресеньямъ онъ бывалъ на пріемѣ у Коромысловыхъ, гдѣ среди явныхъ и тайныхъ балетомановъ подавалъ свой голосъ съ полной компетентностью.

Все по старому оставалось и въ жизни Владиміра Любар-

цева: каждый день ходилъ онъ въ редакцію, дѣлалъ свою обязательную работу, за что получалъ семьдесятъ пять рублей; но теперь гораздо чаще, чѣмъ прежде, въ газетѣ появлялись его статьи, за которыя онъ получалъ особо.

Каждое утро его можно было видѣть въ публичной библіотекѣ, гдѣ онъ уже сдѣлался своимъ человѣкомъ, гдѣ его знали не только служащіе, но и посѣтители. Онъ все еще готовилъ матеріалъ для своей большой статьи.

Вечеромъ же его нельзя было найти дома. Онъ страстно любилъ театръ всѣхъ родовъ и сильно тратился на него. Его можно было встрѣтить и въ драмѣ, и въ оперѣ, и въ балетѣ. Онъ очень любилъ балетъ, это изящное молчаливое искусство, онъ даже предпочиталъ его другимъ.

Онъ говорилъ: „драма безпокоитъ умъ и разстравляетъ чувство, опера будитъ неопредѣленныя страсти, а балетъ даетъ чистый отдыхъ. Впродолженіи нѣсколькихъ часовъ чувствуешь себя точно на перистыхъ облакахъ, опушенныхъ золотыми краями, въ царствѣ гномовъ, русалокъ и нимфъ, чувствуешь себя героемъ очаровательной сказки. И главное—золотое молчаніе! Ни одного глупаго слова, ни одного пошлаго, ни одного фальшиваго звука. Это надо высоко цѣнить“.

И онъ довольно исправно посѣщалъ балетъ, обыкновенно помѣщаясь въ балконѣ. Однажды онъ замѣтилъ, что на него изъ пятаго ряда креселъ устремленъ бинокль. Кто-то пристально разсматривалъ его. Онъ присмотрѣлся. Это былъ Петръ, на лицѣ котораго было написано изумленіе, почти доходившее до ужаса.

Въ антрактѣ они встрѣтились въ курилкѣ.

— Ты? Ты въ балетѣ? Ты балетоманъ? вскрикнулъ Петръ Любарцевъ, осматривая его со всѣхъ сторонъ и видимо женируясь его обычнымъ всегдашнимъ чернымъ сюртукомъ.

— Я въ балетѣ, но отнюдь не балетоманъ...—отвѣтилъ Владиміръ. — Я просто зритель.

— Но, значитъ, ты признаешь балетъ?

— И очень даже. Это очень красивое зрѣлище....

— Гм.... Какъ странно... а я думалъ... ты держишься такого направленія..

— Такъ ты, значитъ, въ балетъ ходишь изъ-за направленія? Какое же это направленіе? Да и вообще развѣ ты придерживаешься какого-нибудь направленія?

— Разумѣется... Какъ же иначе!

— Какое же это?

— Ну, какое... солидное!

— А, вотъ какое. Чѣмъ же оно характеризуется, это солидное направленіе?

— Ну, какъ чѣмъ? Вообще... вообще солидностью.

— Можетъ быть, гражданскими оборотами?

Петръ слегка вспыхнулъ.

— Ахъ, Владиміръ, ты объ этомъ не такъ громко... Я сказалъ тебѣ, какъ родственнику...

И онъ тотчасъ же взялъ Владиміра за рукавъ и отвелъ въ уголъ курилки, гдѣ не было никого.

— Да, видишь ли, я сказалъ это тебѣ по родственному и теперь жалѣю,—прибавилъ онъ, значительно понизивъ голосъ.— Я не зналъ, что ты не умѣешь обращаться съ интимными вещами....

— Интимныя вещи бываютъ двухъ родовъ,—однѣ—святыня, а другія—матеріалъ для уголовнаго суда...—замѣтилъ Владиміръ.

— Вольдемаръ!..—широко вытаращивъ глаза, тихонько воскликнулъ Петръ.

— Ну, ладно, ладно... оставимъ это. Ты вотъ что: покажи-ка мнѣ самаго главнаго балетомана.

— Съ удовольствіемъ,—отвѣтилъ Петръ, видимо радуясь тому, что разговоръ перешелъ на пріятную тему.—Вотъ смотри, этотъ худощавый старичокъ, это, такъ сказать, лидеръ балетомановъ... Онъ знаетъ все, понимаешь?.. онъ знаетъ все!..

— То-есть, какъ все? Что все?

— Рѣшительно все, что относится до балетнаго искусства. Онъ знаетъ, на какомъ пальцѣ ноги мозоль у каждой танцовщицы.

— Какъ? Развѣ у танцовщицъ бываютъ мозоли?

— Къ сожалѣнію,—съ выраженіемъ искренняго сожалѣнія на лицѣ отвѣтилъ Петръ.—Но вѣдь это такъ понятно... У дровосѣка мозоли бываютъ на рукахъ, потому что онъ работаетъ руками, а у танцовщицъ на ногахъ, потому что онѣ работаютъ ногами.... Этотъ старичокъ—онъ дѣйствительный статскій совѣтникъ; въ прошломъ году онъ праздновалъ тридцатилѣтній юбилей своей службы, а въ будущемъ году мы будемъ праздновать двадцатипятилѣтіе его балетоманства.

— А! что-жъ? Ему дадутъ какую-нибудь награду?

— Говорятъ, что уже выхлопотали... Ты знаешь, чрезъ его руки прошло нѣсколько сотенъ танцовщицъ, конечно разнаго достоинства, но между ними были звѣзды первой величины...

— Что значитъ: прошли черезъ его руки? съ любопытствомъ разспрашивалъ Владиміръ.

— Ну, значитъ онъ ихъ выводилъ, ободрялъ на словахъ и въ печати, дѣлалъ имъ рекламу, усыпалъ путь ихъ розами...

— Ну, не всѣмъ же розами, инымъ и терніями, должно быть?

— Конечно, конечно... Очень многія, благодаря его стара-

ніямъ, проваливались и должны были убираться во-свояси съ позоромъ...

— А. Такъ что онъ дѣлаетъ не только славу, но и позоръ?...

— Да. Пріѣзжающихъ онъ обыкновенно встрѣчаетъ, отыскиваетъ имъ помѣщенія, инсталируетъ ихъ. Онъ знакомитъ ихъ съ портнихами, съ парикмахерами и разными поставщиками. Въ случаѣ, если имъ предъявляютъ слишкомъ разбойничьи счета, ему жалуются, и онъ дѣлаетъ скандалъ. Словомъ, онъ естественный защитникъ балеринъ... Онъ вводитъ ихъ въ кругъ балетомановъ,—ну и такъ далѣе.

— Но какая же ему отъ этого корысть?

— Никакой. Онъ безкорыстенъ. Все это онъ дѣлаетъ изъ любви къ искусству. А ужъ какъ знаетъ искусство! Малѣйшая нечистота въ исполненіи, и ужъ онъ рычитъ въ своемъ креслѣ второго ряда. Недавно онъ выкинулъ такую штуку, которая, навѣрно попадетъ въ исторію балета. Представь, дебютировала одна итальянская балерина. Ну, понимаешь ли, какъ только она вышла, весь партеръ сейчасъ же увидѣлъ, что у нея колѣнки висятъ, какъ у верблюда... У нихъ, у итальянокъ, у всѣхъ колѣнки висятъ, но у этой въ особенности. Начинаетъ танцовать. Правдо, отлично все выдѣлываетъ, но колѣнки, понимаешь ли, колѣнки такъ и выступаютъ... больно смотрѣть? Слышимъ—рычитъ нашъ лидеръ въ своемъ креслѣ, ворочается, кресло скрипитъ... И вдругъ онъ подымается и демонстративно, понимаешь ли, демонстративно выходитъ изъ залы.... Ты не можешь себѣ представить, какое это впечатлѣніе произвело на всѣхъ насъ!

— А балерина?

— О, она была страшно сконфужена...

— И что же, она провалилась?

— Ну, видишь, потомъ она сдѣлала ему визитъ и все уладилось...

— И колѣнки перестали висѣть?

— Ну, не то, чтобы... хотя, конечно, онъ далъ ей хорошіе совѣты... Но вообще на это мы смотримъ сквозь пальцы.

Въ это время позвонили, публика, уже сильно порѣдѣвшая, начала торопиться; всѣ поспѣшно гасили папиросы и убѣгали въ театръ. Простился и Владиміръ съ Петромъ и пошелъ къ себѣ въ балконъ.

Это была ихъ единственная встрѣча до февраля, когда однажды Петръ Любарцевъ неожиданно посѣтилъ своего двоюроднаго брата. Страшно былъ удивленъ Владиміръ, когда услышалъ изъ темной передней голосъ своего кузена.

— Ахъ какъ у тебя тутъ темно!.. Можно получить синякъ на лобъ.

Владиміръ отворилъ дверь изъ своей комнаты въ переднюю

и такимъ образомъ освѣтилъ ее. Петръ въ это время тщетно отыскивалъ вѣшалку для своего драгоцѣннаго пальто и только теперь увидѣлъ ее.

— Не ожидалъ такой чести!—промолвилъ Владиміръ тѣмъ полуироническимъ тономъ, какой былъ у него единственный для двоюроднаго брата.

— Но почему? Почему ты такъ говоришь?—обиженно возразилъ Петръ. — Я всегда чувствую къ тебѣ самое дружеское расположеніе.

— А теперь, повидимому, въ особенности, что и заставило тебя посѣтить меня.

Петръ вошелъ въ комнату и поморщился. Ему не нравились ни обстановка, ни запахъ въ квартирѣ, ни размѣръ комнаты. Но онъ ради благовоспитанности не выразилъ своихъ чувствъ по этому поводу.

— Ну, садись и говори прямо: что привело тебя ко мнѣ?— сказалъ Владиміръ въ то время, какъ Петръ снималъ съ пальцевъ туго сидѣвшія на нихъ перчатки.

— Да видишь-ли, въ сущности, ничего особеннаго, — отвѣтилъ Петръ.—Просто я получилъ изъ дому письмо.

— Отъ твоего отца?

— Да, отъ него. Онъ пишетъ, что на-дняхъ собирается въ Петербургъ.

— А! Ну, что-жъ, это тебѣ должно быть пріятно?

— Еще бы! Конечно, пріятно,—я очень чту моего отца. Я хорошій сынъ... Но видишь-ли!.. Я хотѣлъ тебя попросить объ одномъ одолженіи...

— Меня? Неужели я въ состояніи оказать одолженіе тебѣ, который такъ близокъ съ сильными міра сего?

— Можешь! Это ты можешь! Видишь-ли, отецъ мой человѣкъ умный, но... Но онъ вѣдь живетъ въ провинціи и не можетъ понимать здѣшнихъ столичныхъ отношеній... Ты, вѣроятно, догадываешься, о чемъ я говорю...

— Повидимому, о твоихъ отношеніяхъ къ г-жѣ Вермутовой?

— Ну, да... То-есть собственно отношенія—это ничего... Въ отношеніяхъ онъ не найдетъ ничего такого... Можетъ быть, даже напротивъ... Я говорю объ... Какъ бы тебѣ это сказать...

— О гражданскихъ оборотахъ?

— Ахъ, ну, да, вотъ, вотъ... Это именно то... Я объ этомъ говорю.

— Но при чемъ же тутъ я?

— Я хочу просить тебя, чтобы ты какъ-нибудь не проговорился объ этомъ моему отцу. Понимаешь-ли, онъ старикъ хорошій, но все же старикъ и потому держится взглядовъ отсталыхъ.

— Но вѣдь ты знаешь, Петръ, что я тоже въ этомъ случаѣ придерживаюсь въ высшей степени отсталыхъ взглядовъ...

— Я знаю и удивляюсь... Въ самомъ дѣлѣ, какъ-то странно: ты такой либералъ и вдругъ... Ну, да, впрочемъ, я же прошу тебя сдѣлать это въ видѣ одолженія... Надѣюсь, ты сдѣлаешь? Вѣдь для ближняго иногда можно поступить и противъ убѣжденія?

— Хорошо, хорошо.

— Ты обѣщаешь?

— Обѣщаю, обѣщаю...

— Ну вотъ спасибо. Я очень-очень тебѣ благодаренъ.

— А какъ же твоя женитьба на m-lle Вермутовой.

— О, объ этомъ еще нѣтъ рѣчи. Это только такъ, предположеніе... Для этого надо еще очень многое.

— Значитъ, это можетъ и не состояться?

— Я думаю, что это состоится. Во всякомъ случаѣ, теперь объ этомъ говорить еще рано. Ну, мнѣ пора на службу,—прибавилъ онъ поднявшись.—Тебѣ никуда не надо?

— Нѣтъ, я сегодня сижу дома.

— А то я подвезъ бы тебя...

— А у тебя уже свои лошади?

— Ха-ха!—очень весело разсмѣялся Петръ. — Что ты? Что ты? Въ моемъ положеніи это было бы неприлично. Нѣтъ, у меня извозчикъ, разумѣется хорошій... У меня постоянный извозчикъ. Лошади у меня будутъ только потомъ... Ну, прощай. Такъ я буду увѣренъ въ твоей корректности.

— Хорошо, хорошо. Будь увѣренъ.

Петръ вышелъ въ переднюю, облачился въ свою шубу и ушелъ.

Черезъ недѣлю послѣ этого, рано утромъ, когда Владиміръ только-что вымылся и собирался пить чай, въ передней раздался зычный трезвонъ, потомъ говоръ, въ которомъ онъ услышалъ разспросы о немъ, и, наконецъ, дверь въ комнату растворилась, и на порогѣ показался высокій сухощавый старикъ, съ длинной, на половину сѣдой бородой, съ низко остриженными, еще темными и густыми, волосами, съ высокимъ лбомъ.

Онъ остановился, съ секунду постоялъ съ серьезно-торжественнымъ лицомъ, потомъ началъ громко смѣяться. Владиміръ бросился къ нему, и они обнялись. Это былъ его отецъ, Иванъ Сергѣевичъ Любарцевъ.

— Но какимъ образомъ?—спрашивалъ Владиміръ, усаживая его за чайный столъ.—Вѣдь собирался пріѣхать дядя Николай Сергѣевичъ, и вдругъ ты! И ни слова не написалъ объ этомъ...

— Все это такъ и было, такъ и есть, — объяснялъ пріѣзжій.—Собирался Николай. У него, видишь-ли, тутъ какое-то карьерное дѣло. Его сынъ вѣдь попалъ въ вліятельное общество,

такъ онъ и разсчитываетъ воспользоваться этимъ и получить движеніе по службѣ. Но когда онъ сообщилъ мнѣ о своемъ намѣреніи ѣхать сюда, меня обуяла бѣшеная мысль: Постой-ка! Почему же бы и мнѣ не съѣздить? Положимъ, у него тамъ въ Петербургѣ карьерное дѣло, а у меня карьеры никакой не было, а слѣдовательно, и дѣла, съ ней сопряженнаго, не можетъ быть. Но у меня есть сынъ, котораго я люблю. Такъ почему же мнѣ не поѣхать и не повидаться съ сыномъ? Ну, вотъ взялъ я въ своемъ „учрежденіи" отпускъ и поѣхалъ.

— Отлично, отлично. Все ли исправно дома? — спрашивалъ Владиміръ.

— У насъ всегда все исправно. Мать тебя цѣлуетъ. Да, взялъ и поѣхалъ... И этимъ устроилъ трагедію въ душѣ моего любезнаго брата, Николая Сергѣевича...

— Какъ трагедію?

— Настоящую трагедію, мой другъ. Вѣдь онъ генералъ и потому ему неприличествуетъ ѣхать иначе, какъ въ первомъ классѣ. А я—не имѣющій чина и потому могу ѣхать хоть на трубѣ. Но такъ какъ я къ тому же и не имѣющій лишнихъ денегъ, то, само собою, на вопросъ Николая, въ какомъ классѣ я поѣду, я отвѣтилъ: А разумѣется въ третьемъ... Ну и нужно было тебѣ видѣть и слышать, какъ онъ краснорѣчиво отговаривалъ меня ѣхать въ Петербургъ. Зачѣмъ тебѣ ѣхать?—говоритъ онъ. Дѣла у тебя тамъ нѣтъ; только потратишься и больше ничего. Я говорю: Дѣла нѣтъ, но сынъ есть. Хочу повидать сына. А онъ: Твой сынъ недурно устроенъ. Онъ молодъ, ему легче пріѣхать къ тебѣ, чѣмъ тебѣ къ нему, и такъ далѣе и тому подобное. Но видя, что я неукротимъ, онъ началъ съ другого конца. Пришелъ ко мнѣ и въ дружески-братскомъ тонѣ заговорилъ о томъ, что, конечно, молъ, судьба людей неодинакова,— одному повезло, другому нѣтъ; но братъ всегда остается братомъ и долженъ облегчать другому жизнь. Онъ понимаетъ, что по моимъ скуднымъ средствамъ я не могу оплатить высшій классъ; но я старъ, меня въ третьемъ классѣ растрясетъ и онъ надѣется, онъ увѣренъ, что я не заставлю его переживать горькое сознаніе, что вотъ, молъ, онъ ѣдетъ въ первомъ классѣ, на мягкомъ диванѣ, а братъ его трясется въ третьемъ... Ну, ты знаешь, какъ онъ бываетъ иногда краснорѣчивъ, когда ему что-нибудь нужно. Словомъ сказать, предложилъ мнѣ оплатить для меня первый классъ.

— Но для чего же это? Вѣдь я же знаю, что это не по братскимъ соображеніямъ...

— Ну, конечно нѣтъ; тутъ другое. Его всѣ знаютъ и въ городѣ, и на желѣзной дорогѣ, и въ уѣздахъ. Ну и будутъ гово-

рить, что вотъ, молъ, какой жестокосердный братъ: самъ ѣдетъ въ первомъ классѣ, а родному брату позволяетъ ѣхать въ третьемъ. Но я отвергъ. Милый, говорю, мой братъ, мнѣ уже шестьдесятъ лѣтъ и до сихъ поръ я ни разу не пользовался родственнымъ пособіемъ. Это, говорю, разумѣется, большой недостатокъ. Но позволь же мнѣ окончить свою жизнь съ этимъ недостаткомъ. Такъ и поѣхали: онъ въ первомъ, а я въ третьемъ. А тебя я не извѣстилъ нарочно, сюрприза ради.

И опять Иванъ Сергѣевичъ смѣялся, и такое у него было счастливое и довольное лицо, такой молодостью горѣли его глаза...

Николай Сергѣевичъ Любарцевъ съ вокзала поѣхалъ прямо въ Европейскую гостиницу. Онъ, разумѣется, былъ встрѣченъ Петромъ, котораго извѣстилъ телеграммой изъ Москвы.

Въ продолженіи всей дороги онъ, дѣйствительно, испытывалъ огорченіе. Онъ ѣхалъ въ первомъ классѣ не только потому, что званіе его и чинъ не позволяли иначе, но также и потому, что привыкъ къ комфорту. И онъ пользовался этимъ комфортомъ, но въ то же время ежеминутно чувствовалъ, что братъ его сидитъ на твердой скамейкѣ, среди спертаго воздуха и грязной публики, и ничего не могъ сдѣлать.

Иногда ему хотѣлось зайти въ вагонъ, гдѣ сидѣлъ Иванъ Сергѣевичъ, посидѣть съ нимъ, сказать нѣсколько добрыхъ братскихъ словъ; но и тутъ его удерживало соображеніе, что это появленіе среди сермяжной публики третьяго класса можетъ произвести странное впечатлѣніе. Посидѣть, поболтать оно еще ничего бы. Но вдругъ увидитъ его тамъ кто-нибудь изъ людей его круга. „Position oblige“—это было одно изъ правилъ его жизни. Онъ могъ пожертвовать многимъ, онъ могъ даже поступиться своимъ личнымъ достоинствомъ, но уронить достоинство своего званія и положенія онъ никогда себѣ не позволялъ.

Такъ они и доѣхали до Петербурга, встрѣчаясь только на станціяхъ, въ буфетахъ. Когда же они пріѣхали въ Петербургъ, Николай Сергѣевичъ спросилъ брата.

— Надѣюсь, ты не откажешься остановиться со мной въ гостинницѣ... вѣдь мнѣ все равно надо нанимать номеръ.

— Спасибо, братъ,—отвѣтилъ Иванъ Сергѣевичъ,—только у меня вѣдь есть тутъ сынъ, а знаешь—братъ близокъ, а сынъ еще ближе.

## XIII.

Петръ Любарцевъ, въ качествѣ благовоспитаннаго сына, встрѣтивъ отца на вокзалѣ, пригласилъ его остановиться у него въ меблированныхъ комнатахъ, но Николай Сергѣевичъ отклонилъ.

— Не хочу стѣснять тебя.

Онъ не прибавилъ, что считаетъ для своего званія и чина болѣе приличнымъ остановиться въ Европейской гостиницѣ. Ивана Сергѣевича никто не встрѣчалъ; тѣмъ не менѣе онъ безъ колебаній поѣхалъ къ Владиміру. Здѣсь, когда онъ увидѣлъ маленькую комнатку въ одно окно, у него не явилось даже вопроса о томъ, какъ онъ помѣстится. Есть кровать, есть и диванъ, хотя и короткій, есть, наконецъ, нѣсколько стульевъ. Какъ-нибудь составится ложе.

И онъ говорилъ теперь, подсмѣиваясь надъ чиновнымъ братомъ.

— Да, высокое положеніе вводитъ въ расходы. Вотъ у Петра двѣ комнаты, а Николай все же поѣхалъ въ гостинницу. У тебя, Владиміръ, всего только одно окошечко, а между тѣмъ, я поживу въ Питерѣ безъ всякихъ расходовъ. А все оттого, что на мнѣ никакого чиновнаго бремени не лежитъ.

Иванъ Сергѣевичъ Любарцевъ бывалъ въ Петербургѣ—лѣтъ тридцать тому назадъ; съ тѣхъ поръ въ столицѣ многое измѣнилось, а остальное онъ перезабылъ, такъ что для него теперь все было ново.

И Владиміръ каждый день съ утра до вечера водилъ его по музеямъ и всякимъ достопримѣчательностямъ, которыя самъ раньше изучилъ основательно.

Разумѣется, онъ уже давно побывалъ у дяди, въ Европейской гостинницѣ, выслушалъ отъ него нѣсколько мягкихъ укоровъ по поводу того, что отказался отъ блестящаго служебнаго предложенія и удалился какъ только можно скорѣе.

Въ среду онъ вспомнилъ, что завтра его, по обыкновенію, будетъ ждать Анна Михайловна. Онъ послалъ ей записку, извѣщавшую о томъ, что пріѣхалъ его отецъ и потому онъ завтра долженъ лишить себя удовольствія провести съ нею день. Когда же онъ вернулся домой вечеромъ, то нашелъ у себя письмо отъ Анны Михайловны. Она писала:

„Пунктъ первый: вашъ отецъ навѣрно человѣкъ добрый и не захочетъ лишить меня четверговаго „отдыха души“. Пунктъ второй: вашъ отецъ не можетъ быть менѣе любезенъ, чѣмъ вашъ дядя,. и не откажется сдѣлать визитъ петербургской родственницѣ. Пунктъ третій: едва ли отецъ найдетъ дурнымъ то, что сынъ находилъ хорошимъ, а такъ какъ сынъ всегда хвалилъ обѣдъ, предлагаемый по четвергамъ на Конногвардейскомъ бульварѣ, то я надѣюсь, что отецъ будетъ не менѣе снисходителенъ. Пунктъ четвертый: несправедливо лишать бѣдную женщину удовольствія увидѣть человѣка, воспитавшаго такого рѣдкаго сына. Пунктъ пятый и послѣдній: изъ всего предыдущаго слѣдуетъ, что васъ обоихъ будутъ ждать завтра съ часу“.

Владиміръ прочиталъ письмо и передалъ его отцу.

— Отъ кого это?—спросилъ Иванъ Сергѣевичъ, дочитавъ до конца и не разобравъ подписи.

— Это отъ Анны Михайловны Любарцевой,—отвѣтилъ Владиміръ.

— А! Въ чемъ же дѣло? Я что-то не пойму.

— Какой ты непонятливый!—смѣясь воскликнулъ Владиміръ.— Она зоветъ къ себѣ тебя вмѣстѣ со мной... Видишь ли, я бываю у нея каждый четвергъ. Въ этотъ день у нея не бываетъ ни души, даже мужъ цѣлый день отсутствуетъ. Ну, мы и проводимъ вдвоемъ весь день. Но сегодня я написалъ ей, что, по случаю твоего пріѣзда, завтра не могу быть. Такъ это отвѣтъ на мое письмо.

— Ну, такъ видишь: надо было сперва все это объяснить мнѣ. Послѣ этого я сдѣлался понятливъ. Что-жъ, пишетъ мило. А, да, да, припоминаю: ты очень хвалилъ ее въ одномъ письмѣ. Что-жъ, она хорошая?

— Хорошая. Интересная, умная и вобще... хорошая.

— Ну, коли хорошая, такъ надо идти. Николай, значитъ, уже успѣлъ побывать. Я, разумѣется, не разсчитывалъ надоѣдать своей особой здѣшнимъ родственникамъ. Но если она такъ мило проситъ, отчего же не навѣстить? Значитъ, разныхъ тайныхъ совѣтниковъ и этихъ, какъ ихъ... балетомановъ—тамъ не будетъ?

— Никого не будетъ, кромѣ насъ съ тобой.

— Такъ идти?

— Пойдемъ. Я съ удовольствіемъ покажу тебя ей.

— А ее мнѣ?

— Да, это тоже съ удовольствіемъ.

— Но, милый, вѣдь у меня съ собою ничего, кромѣ пиджака, который на мнѣ...

— Ничего, она смотритъ глубже.

— А не подумаетъ она, что я хлопотать пришелъ,—за протекціей? Я этого боюсь больше всего на свѣтѣ.

— Ну, на этотъ счетъ можешь быть спокоенъ. Что она не подумаетъ, это ужъ навѣрно. Но и другіе не посмѣютъ подумать. Я ихъ всѣхъ такъ хорошо отучилъ думать подобныя вещи.

И на другой день ровно въ часъ Владиміръ привелъ своего отца на Конногвардейскій бульваръ. Швейцаръ нѣсколько тревожно посмотрѣлъ на изрядно потертое пальто стараго господина съ длинной бородой, но, изъ уваженія къ уже признанному Владиміру Ивановичу, ничѣмъ не выразилъ своего чувства.

Владиміръ, войдя въ квартиру, повелъ отца прямо въ будуаръ, гдѣ ихъ встрѣтила Анна Михайловна, стоявшая у окна. Иванъ Сергѣевичъ остановился на порогѣ и оглядѣлъ хозяйку, смотрѣвшую на него большими любопытными глазами.

Она разсмѣялась.

— Держу пари, что вы не ожидали увидѣть такую маленькую женщину!—воскликнула Анна Михайловна.

Иванъ Сергѣевичъ смутился, но тотчасъ оправился.

— Это правда, хотя не знаю почему,—я представлялъ васъ высокой.

— Но это значитъ, что Владиміръ Ивановичъ наговорилъ вамъ обо мнѣ много хорошаго. Хорошихъ людей, если мы ихъ не видѣли, мы почему-то представляемъ себѣ большими, не правда-ли?

— Правда. Но въ дѣйствительности большіе люди очень часто бываютъ плохими.

— Ну, вотъ и отлично. Такъ какъ здѣсь есть и большіе, и маленькіе, то мы, значитъ, квиты. Пожалуйста садитесь, курите и будьте, какъ дома. Мы съ вашимъ сыномъ, должно быть, два самыхъ лучшихъ друга во всемъ Петербургѣ и ему было бы стыдно, если бы онъ не показалъ мнѣ своего отца.

— Ну, зная сына, вы узнали лучшую часть нашего семейства. Остальное—самые пустяки...

— Неправда, не правда, не вѣрьте ему, Анна Михайловна!—возразилъ Владиміръ.—Мой отецъ—замѣчательный человѣкъ. Онъ рѣдкій примѣръ стойкости и послѣдовательности...

— Другъ мой, этого я не отрицаю; но эти качества мнѣ врождены, а потому не составляютъ никакой заслуги,—промолвилъ Иванъ Сергѣевичъ.—Вотъ если бы они мнѣ трудно давались и дорого стоили, тогда за нихъ меня слѣдовало бы похвалить. А то вѣдь это все равно, что соловья хвалить за то, что онъ выдѣливаетъ свои трели, а воробья бранить за то, что онъ только чирикаетъ. Но вѣдь и тотъ, и другой дѣлаютъ, что могутъ и иначе не умѣютъ. Заставь-ка соловья чирикать по-воробьиному и онъ оскандалится. А кстати, мой любезный братъ Николай Сергѣевичъ уже былъ у васъ?

— Да, вашъ братъ до сихъ поръ былъ любезнѣе васъ. Онъ былъ у насъ уже три раза.

— Да вѣдь ему гораздо больше нужно отъ васъ, чѣмъ мнѣ. Мнѣ достаточно вашего милаго общества, а ему... Впрочемъ, я въ сущности не знаю, что ему нужно; и ужъ я просто впадаю въ провинціальное „ближневредительство“. А хорошій городъ Петербургъ! Нравится онъ мнѣ очень. Въ немъ все-таки живутъ; а у насъ въ провинціи только ноютъ, стонутъ да жалуются. И главное—сказать, были бы какія-нибудь высокія стремленія, не получившія законнаго удовлетворенія, а то ей-ей же ничего такого нѣтъ. Просто дурная привычка такая образовалась.

И Иванъ Сергѣевичъ началъ разсказывать свои петербург-

скія впечатлѣнія, потомъ перешелъ на провинцію, затѣмъ коснулся своей собственной жизни, припоминалъ разныя выдающіяся событія ея и во всѣхъ своихъ разсказахъ былъ такъ занимателенъ, что Анна Михайловна и Владиміръ не замѣтили, какъ пролетѣли часы.

До самаго обѣда онъ почти одинъ говорилъ, то вставая и шагая по комнатѣ, то опять садясь. Комната была полна дыма отъ его папиросъ. Лицо его было оживленно, глаза блестѣли.

Но когда пошли обѣдать, онъ замолкъ, видимо утомившись. У Анны Михайловны даже явилась мысль послѣ обѣда предложить ему соснуть полчаса, но Иванъ Сергѣевичъ энергично отвергъ это предложеніе.

— Во всю жизнь ни разу не спалъ послѣ обѣда. Развѣ что боленъ былъ. По моему, сонъ послѣ обѣда—признакъ упадка. Питаніе для организма—потребность. Но если питаніе утомляетъ организмъ настолько, что ему требуется сверхштатный сонъ, то, значитъ, организмъ уже плохъ. А я слава Богу еще не чувствую себя плохимъ. А вы мнѣ вотъ что лучше скажите: какихъ благъ желаетъ для себя отъ васъ мой почтенный братъ, Николай Сергѣевичъ?

— Право, я не достаточно глубоко вникла въ это!—отвѣтила Анна Михайловна.—Но сколько я поняла, онъ хотѣлъ бы болѣе самостоятельнаго положенія...

— Напримѣръ, губернаторомъ?

— Я думаю, что онъ отъ этого не отказался бы.

— Но что же мѣшаетъ? Онъ могъ бы быть отличнымъ губернаторомъ, право. Я отъ души желаю ему быть губернаторомъ.

— Да, но для этого ему нужно прослужить на какомъ-то промежуточномъ посту...

— Ну, это можно мимоходомъ сдѣлать.

— Кажется, Вермутовъ что-то обѣщалъ ему...

— А Вермутовъ большая птица?

— Очень крупная.

— А моему брату какъ же онъ приходится?

— Петръ Николаевичъ очень хорошъ съ его семействомъ.

— А! Вотъ, скажите пожалуйста: обыкновенно такъ бываетъ, что дѣти повышеніе получаютъ, пользуясь связями и вліяніемъ своихъ отцовъ. А тутъ наоборотъ. Отецъ возвышается, благодаря связямъ сына. Каковъ геній оказался у Пьера Любарцева! А въ губернскомъ городѣ его считали дуракомъ...

Анна Михайловна и Владиміръ переглянулись. Анна Михайловна поняла, что старикъ не освѣдомленъ на счетъ истинныхъ отношеній Петра Любарцева къ семейству Вермутовыхъ и, разумѣется, не взяла на себя это освѣдомленіе.

Разговоръ на эту тему не продолжался; онъ перешелъ къ другимъ предметамъ. Но зато, когда около полуночи они простились съ хозяйкой и вышли на улицу, Иванъ Сергѣевичъ сразу вернулся къ Петру.

— А въ самомъ дѣлѣ, скажи ради Бога, чѣмъ такимъ снискалъ расположеніе столь вліятельныхъ людей нашъ Пьеръ? Вѣдь если онъ былъ дуракъ въ губернскомъ городѣ, то не поумнѣлъ же онъ подъ вліяніемъ столичныхъ тумановъ.

— Ни мало.

— Такъ чѣмъ же онъ взялъ?

— Хорошими манерами.

— Ну, я думаю, здѣсь хорошими манерами обладаютъ даже старшіе дворники.

— А видишь ли, отецъ, петербургскіе мужчины обыкновенно страдаютъ катаррами, гемороемъ, печенками, ревматизмами. А петербургскія дамы терпѣть не могутъ мужскихъ болѣзней.

— Ну, такъ что-жъ изъ этого?

— А изъ этого то, что здѣсь очень цѣнятся здоровые молодые люди.

— Ну, и дальше?

— А дальше то, что Петръ Любарцевъ, какъ ты знаешь, обладаетъ здоровьемъ быка, что при весьма приличной наружности составляетъ уже солидный капиталъ...

— Погоди... я могу понять тебя довольно скверно.

— Хуже, чѣмъ дѣйствительность, не поймешь, какъ ни старайся...

— Владиміръ, постой...—воскликнулъ Иванъ Сергѣевичъ и, остановившись, схватилъ Владиміра за рукавъ.—Вѣдь ты говоришь, но не договариваешь, а все же выходитъ чортъ знаетъ что такое.

— Ну, ты непремѣнно хочешь, чтобъ я говорилъ гадкія слова.

— Такъ значитъ связи Пьера Любарцева суть ни болѣе ни менѣе, какъ связи съ женщинами?

— Въ томъ-то и дѣло, что болѣе, гораздо болѣе... Въ связи съ женщиной нѣтъ ничего дурного, если она основана на чувствѣ. А связь Петра съ госпожей Вермутовой...

— Госпожа Вермутова—это жена того самаго Вермутова?

— Жена того самаго. Она безобразна, мужъ ей чуждъ, но она очень богата. Она бываетъ у Петра въ его меблированныхъ комнатахъ въ сумеречные часы подъ густой вуалью... А результатъ этого тотъ, что Петръ при ста рубляхъ жалованья платитъ за квартиру семьдесятъ пять рублей въ мѣсяцъ, завтракаетъ

въ модномъ ресторанѣ Кюба, носитъ бобры и держитъ постояннаго извозчика.

— Альфонсъ Любарцевъ!.. Чортъ возьми, такого еще не было въ нашемъ родѣ... И мой почтенный братъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, желаетъ выѣхать на этого рода связяхъ... Что же это за гадость такая!.. Онъ этого, конечно, не знаетъ...

— Надѣюсь, что нѣтъ, хотя не ручаюсь...

— Ну, я то ручаюсь. Ты знаешь, что я не особенный поклонникъ и почитатель моего брата, но въ его щепетильности я не сомнѣваюсь. О, я всегда говорилъ, что глупость и подлость родныя сестры и переходъ отъ одной къ другой такъ же легокъ, какъ въ гаммѣ съ *до* на *ре*.

— Да, я тоже былъ глубоко возмущенъ, когда узналъ объ этомъ,—сказалъ Владиміръ.

— Ты говоришь такъ, какъ будто теперь не такъ ужъ возмущенъ...

— Это почти правда.

— Владиміръ, но что же это? Или у васъ все тутъ перевернулось вверхъ дномъ?

— Нисколько, мой милый отецъ. А просто я узналъ, что такія пути довольно обычны. Пятьдесятъ процентовъ карьеръ сдѣланы при помощи связей съ женщинами... Такую карьеру сдѣлали мужъ Анны Михайловны и Вермутовъ. Они женились на богатыхъ, на средства своихъ женъ устроили себѣ фейерверочную обстановку, а когда добились степеней извѣстныхъ, отвернулись отъ женъ и взяли себѣ по иностранкѣ...

— Но они все-таки хоть женились... Они дали этимъ женщинамъ свое имя...

— У многихъ изъ этихъ женщинъ были не менѣе почтенныя имена. Но ты не безпокойся: и Петръ женится. Все кончится корректно, какъ вездѣ. Онъ тоже дастъ женѣ свое имя. Онъ сдѣлалъ бы это сейчасъ, но по соображеніямъ того круга онъ еще не годится для этого: слишкомъ мало служилъ и малочиненъ... Онъ женится на дочери Вермутова. Ну, пожалуйста, не ужасайся... Иначе я долженъ буду сказать, что ты еще не созрѣлъ для того, чтобы пріѣзжать въ Петербургъ. Тутъ, братъ, надо умѣть все понять и ко всему приладиться... Иначе можно получить разрывъ сердца отъ изумленія.

— Ну, ты мнѣ испортилъ день, такъ хорошо проведенный.

— Я очень жалѣю объ этомъ.

— Хуже всего то, что мнѣ вѣдь придется смотрѣть въ глаза брату. А еще хуже то, что я долженъ въ его присутствіи обращаться съ племянникомъ, какъ съ порядочнымъ человѣкомъ...

*

Посмотри, сколько вдругъ явилось почти непосильныхъ задачъ...

— Да, и это все задачи неизбѣжныя, такъ какъ я обѣщалъ Петру не выдавать его отцу.

Довольно долго Иванъ Сергѣевичъ находился подъ впечатлѣніемъ этого тяжелаго открытія и молчалъ, иногда только изрекая короткія восклицанія, относившіяся все къ тому же. Но потомъ какъ-то встряхнулся и отогналъ отъ себя всѣ эти мысли.

— А славная барыня эта твоя Коромыслова!—сказалъ онъ, когда они уже вступили съ Невскаго на Надеждинскую.—Интересная и, должно быть, правдивая...

— Да, насколько это можно въ ея обстановкѣ! — отвѣтилъ Владиміръ.

— А ты къ ней безпристрастенъ?—прямо, безъ всякихъ подходовъ, спросилъ Иванъ Сергѣевичъ.

— Не совсѣмъ!—также прямо отвѣтилъ Владиміръ.

— Гм... Совѣтывать въ такомъ дѣлѣ мудрено и почти всегда безполезно, но мнѣніе свое высказать можно; и мнѣніе мое такое, что тутъ больше данныхъ для страданія, чѣмъ для счастья...

— Я это знаю!—отвѣтилъ Владиміръ.

— Ну, а знаешь, такъ тѣмъ лучше. А прочее—твое личное дѣло...

Владиміръ шелъ рядомъ съ отцомъ ровными твердыми шагами. Лицо его было спокойно и выраженіе какой-то душевной свѣтлости оживляло его глаза. Бесѣдуя съ отцомъ, онъ чувствовалъ себя въ атмосферѣ правдивости, прямоты и дружескаго довѣрія. И ему казалось, что никогда онъ прежде такъ сильно не любилъ своего старика, какъ въ этотъ вечеръ.

И. Потапенко.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

# НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ. 1829—1842 ГГ.

(*Продолженіе* *).

## XIII.

**Исторія текста «Ревизора».—Вопросъ о совпаденіяхъ съ другими комедіями.—Художественное значеніе «Ревизора». — Отсутствіе въ комедіи либеральной тенденціи. — Ея нравственный смыслъ и поясненіе этого смысла, данное авторомъ. — Общественное значеніе комедіи и отраженіе этого значенія на оцѣнкѣ Гоголя всего, что имъ было написано.—Первое представленіе «Ревизора» въ Петербургѣ и Москвѣ.—Унынsocioніе Гоголя и его жалобы на зрителей.—Толки и обвиненія; отвѣты на нихъ Гоголя. — Отзывы критики: статьи Булгарина, Сенковскаго, Андроcова, кн. Вяземскаго, Серебренаго, критика «Молвы» и Бѣлинскаго. — Значеніе комедій Гоголя въ исторіи развитія его творчества.**

Какъ большинство произведеній Гоголя, «Ревизоръ» подвергался неоднократнымъ и продолжительнымъ передѣлкамъ, прежде чѣмъ вылился въ ту художественную форму, которой самъ авторъ остался доволенъ. Первые наброски комедіи относятся къ 1834 году. Къ концу этого года или къ началу 1835 года комедія была уже закончена вся вчернѣ; черезъ годъ, въ самомъ концѣ 1835 г., эта первоначальная редакція была вся вновь переработана, и Гоголь рѣшился провести ее на сцену. Въ 1836 году было напечатано первое изданіе комедіи и одновременно былъ составленъ ея сценическій текстъ, сообразно съ требованіями театральной цензуры. Этотъ сценическій текстъ остался неизмѣннымъ на долгіе годы, а текстъ печатный продолжалъ перерабатываться. Послѣ перваго представленія комедіи (1836), которое причинило автору столько огорченій, Гоголь охладѣлъ на нѣкоторое время къ «Ревизору», но съ 1838 года—уже за границей—вновь началъ работать надъ его текстомъ. Работа длилась вплоть до 1842 года когда, наконецъ, была установлена авторомъ окончательная редакція.

Такимъ образомъ, художникъ работалъ надъ своимъ созданіемъ цѣлыхъ восемь лѣтъ. Мысль о «Ревизорѣ» не покидала его, когда онъ писалъ свои повѣсти, когда читалъ лекціи и давалъ уроки, когда сочинялъ и компилировалъ свои статьи по исторіи, эстетикѣ и литературѣ, когда путешествовалъ затѣмъ за границей и даже тогда, когда онъ уси-

---

*) См. «Міръ Божій», № 9, сентябрь, 1902 г.



ленно работалъ надъ «Мертвыми Душами». Что бы онъ ни говорилъ о своей комедіи въ минуту раздраженія на зрителей, какъ бы онъ ни унижалъ ее въ своихъ собственныхъ глазахъ,—онъ продолжалъ любить ее. «Ревизоръ», при всѣхъ своихъ недостаткахъ, былъ въ его глазахъ все-таки первымъ его «серьезнымъ» произведеніемъ, первымъ «смѣшнымъ» словомъ съ необычайно серьезнымъ смысломъ, какое сказалъ авторъ, достигшій зрѣлаго возраста и какъ человѣкъ, и какъ художникъ.

Мы знаемъ, какъ способность воплощать дѣйствительность въ реальныхъ образахъ крѣпла въ Гоголѣ съ годами и какъ она боролась съ сентиментальнымъ и романтическимъ его взглядомъ на жизнь. Въ періодъ «Вечеровъ» она только что начинала пробиваться наружу. Она стала болѣе замѣтна, когда нашъ авторъ писалъ свои разсказы «Невскій проспектъ», «Портретъ и «Записки сумашедшаго». Она отходила на задній планъ въ его историческомъ міросозерцаніи, но всетаки проступала въ тѣхъ повѣстяхъ, въ которыхъ онъ говорилъ о старинѣ; она выдвинулась открыто на первый планъ въ «Старосвѣтскихъ помѣщикахъ», и въ «Повѣсти о ссорѣ Ивана Ивановича» и, наконецъ, въ «Ревизорѣ» она восторжествовала окончательно, чтобы на нѣкоторое время уже не идти на убыль. Эта побѣда далась автору, конечно, не сразу; и по отдѣльнымъ редакціямъ «Ревизора» можно видѣть, какъ постепенно она подготовлялась. Развитіе дѣйствія и основные типы въ этихъ редакціяхъ не мѣнялись, но зато почти каждая реплика испытала многократную передѣлку именно въ видахъ наибольшаго приближенія и самой интриги, и дѣйствующихъ лицъ къ правдѣ той жизни, которую изображалъ художникъ *).

Вопросъ о томъ, какъ Гоголю пришелъ на умъ сценарій «Ревизора» неоднократно останавливалъ на себѣ вниманіе біографовъ изслѣдователей. Самъ Гоголь говорилъ, что онъ получилъ сюжетъ «Ревизора», равно какъ и «Мертвыхъ Душъ», отъ Пушкина. Пушкинъ дѣйствительно, разсказывалъ своимъ друзьямъ объ одномъ авантюристѣ, который въ гор. Устюжнѣ выдалъ себя за ревизора и обобралъ довѣрчивыхъ чиновниковъ. Извѣстно также, что самого Пушкина—въ бытность его въ Нижнемъ-Новгородѣ, приняли за секретнаго ревизора, который подъ предлогомъ будто бы собиранія матеріаловъ для исторіи пугачевскаго бунта, объѣзжалъ восточныя окраины. Гоголь, конечно, зналъ объ этомъ.

Съ другой стороны, изслѣдователями подобрано было не мало параллелей, говорящихъ о безспорномъ сходствѣ «Ревизора» съ нѣкоторыми старыми комедіями нашего репертуара. Указывались аналогіи въ комедіяхъ XVIII вѣка, говорилось, что «Ревизоръ» былъ просто списанъ съ комедіи въ стихахъ какого-то Жукова: «Ревизоръ изъ сибирской жизни 1796)» — (комедіи, которую никто пока еще не видѣлъ), наконецъ

*) Исторія текста комедіи дана въ X-омъ изданіи Сочиненій Гоголя. Томъ II подъ редакціей Тихонравова и томъ VI подъ редакціей Шенрока.



всего больше было разговоровъ о совпаденіи содержанія «Ревизора» съ фабулой уже извѣстной намъ комедіи Квитки: «Пріѣзжій изъ столицы». Совпаденіе, дѣйствительно, бросается въ глаза, и комедія Квитки, рукопись которой ходила по рукамъ въ концѣ двадцатыхъ годовъ, могла быть извѣстна Гоголю, хотя нашъ авторъ хранилъ о произведеніяхъ Квитки и о немъ самомъ упорное молчаніе и нигдѣ не обмолвился словомъ о своемъ знакомствѣ съ нимъ. Въ послѣднее время г. Волковымъ было произведено очень тщательное и остроумное сличеніе обѣихъ комедіи и въ результатѣ получился цѣлый рядъ аналогій въ характерахъ, словахъ и комическихъ положеніяхъ, въ особенности замѣтныхъ въ первоначальной редакціи «Ревизора» *). Изслѣдователь пришелъ къ выводу, что Гоголь не только читалъ комедію Квитки, но пользовался ею при сочиненіи «Ревизора». Едва ли можно допустить, что нашъ авторъ пользовался комедіей Квитки именно при сочиненіи «Ревизора»; стóитъ только сравнить естественность въ развитіи дѣйствія въ «Ревизорѣ» съ совершенно водевильной неестественностью этого развитія въ комедіи «Пріѣзжій изъ столицы». Но этимъ не устраняется возможность предположенія, что Гоголь удержалъ въ своей памяти сценарій «Пріѣзжаго», когда задумывалъ «Ревизора» и впервые набрасывалъ его на бумагу. Но и противъ этого предположенія можно выдвинуть другое, одинаково вѣроятное, а именно, что самый сюжетъ—пріѣздъ мнимаго ревизора въ городъ—обязывалъ всѣхъ, кто брался за эту тему, держаться одного плана въ разсказѣ, т.-е. говорить объ ожиданіи ревизора, дать характеристики всѣхъ высшихъ чиновниковъ уѣзднаго города, перечислить ихъ проступки противъ службы, изобразить ихъ робость и ухаживаніе за мнимымъ начальникомъ, показать, какъ въ этомъ начальникѣ наростаетъ нахальство и самоувѣренность, и закончить, наконецъ, все это разоблаченіемъ личности пріѣзжаго и изображеніемъ переполоха, который это разоблаченіе вызвало среди всѣхъ одураченныхъ. При такомъ обязательномъ сценаріи (обязательномъ, потому что самомъ естественномъ) совпаденія въ общемъ планѣ всѣхъ такихъ разсказовъ о ревизорахъ были неизбѣжны и вопросъ о зависимости одного разсказа отъ другого этимъ устраняется. Наконецъ, можно предположить, какъ недавно было сдѣлано, что въ виду часто повторявшихся въ русской жизни случаевъ, подобныхъ описанному въ комедій Гоголя, сложился вообще бродячій анекдотическій разсказъ о мнимомъ ревизорѣ и одураченныхъ имъ провинціальныхъ чиновникахъ. Весьма возможно, что и Гоголь, и Квитка и другіе обработали одинъ изъ подобныхъ разсказовъ, чѣмъ и объясняется то сходство, которое замѣчается въ ихъ комедіяхъ **).

*) *И. В. Волковъ.* «Къ исторіи русской комедіи», I. «Зависимость «Ревизора» Гоголя отъ комедіи Квитки: «Пріѣжій изъ столицы». Спб. 1899 г.

**) *Г. Александровскій.* «Этюды по психологіи художественнаго творчества. «Ревизоръ», Гоголя». «Ежегодникъ Коллегіи Павла Галагана» 1901, 211.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній вопросъ о зависимости «Ревизора» отъ предшествующихъ ему однородныхъ по замыслу комедій долженъ остаться открытымъ; и каждый признаетъ, что онъ имѣетъ совершенно второстепенное значеніе въ исторіи творчества нашего автора. Важна не фабула: важна ея литературная обработка и смыслъ, вложенный въ нее писателемъ, а художественное выполненіе «Ревизора» принадлежитъ нераздѣльно нашему автору, какъ и оригинальный смыслъ, который таится въ его комедіи.

О «Ревизорѣ», какъ о художественной комедіи, много говорить не приходится; всякій разъ, когда на нее смотришь, убѣждаешься въ томъ, насколько цѣльны, закончены и жизненны ея типы; удивляешься также и той простотѣ и естественности, съ какой развертывается дѣйствіе обыденное, несложное и вполнѣ вѣроятное.

Если же при всѣхъ этихъ достоинствахъ пьесы, какъ жизненной картины, она со сцены иногда производитъ впечатлѣніе легкой комедіи съ карикатурнымъ оттѣнкомъ, то вина въ этомъ не Гоголя, а актеровъ и режиссера.

Гоголь отлично понималъ, съ чьей стороны грозитъ его комедіи опасность, и онъ неоднократно и въ письмахъ, и въ отдѣльныхъ замѣткахъ давалъ разнаго рода наставленія, какъ его пьеса должна играться, и изъ всѣхъ этихъ словъ видно, что первое требованіе, которое онъ ставилъ актеру, было естественность и правдоподобіе. Послѣ перваго же представленія «Ревизора», которое, кажется, въ этомъ отношеніи сошло далеко не благополучно, у Гоголя явилась мысль подѣлиться съ актерами кое-какими мыслями о томъ, какъ должно исполнять ввѣренныя имъ роли. Эти мысли Гоголь привелъ въ систему не сразу; часть ихъ онъ высказалъ тогда же въ своихъ письмахъ, потомъ развилъ ихъ въ 1841 году въ «Отрывкѣ изъ письма писаннаго авторомъ вскорѣ послѣ перваго представленія «Ревизора» къ одному литератору» *), затѣмъ въ особомъ «Предувѣдомленіи для тѣхъ, которые хотѣли бы сыграть, какъ слѣдутъ, «Ревизора», и наконецъ въ комедіи «Театральный разъѣздъ послѣ представленія новой комедіи», которой онъ заключилъ первое полное собраніе своихъ сочиненій (1842).

Въ этихъ двухъ отрывкахъ и въ «Театральномъ разъѣздѣ» самъ авторъ истолковалъ намъ свою комедію, далъ полную характеристику почти всѣхъ ея дѣйствующихъ лицъ и намекнулъ довольно ясно на основную ея идею. Позднѣйшей критикѣ немного пришлось добавить къ этимъ авторскимъ словамъ, которыя, къ сожалѣнію, не были изданы одновременно съ комедіей или непосредственно послѣ ея представленія и потому не могли предотвратить многіе кривые толки и по-

---

*) Гоголь утверждалъ, что это письмо было имъ писано къ Пушкину, но это едва ли вѣрно.



мочь публикѣ разобраться въ первомъ впечатлѣніи, вынесенномъ изъ театра.

Воспользуемся этими указаніями Гоголя для опредѣленія художественной и идейной стоимости его комедіи. Хоть эти указанія и даны пять лѣтъ спустя послѣ того, какъ «Ревизоръ» былъ написанъ, но мы не допустимъ никакихъ анахронизмовъ, если предположимъ, что и въ 1836 году Гоголь имѣлъ сказать то же, что сказалъ въ 1841 и 1842 г. Такое предположеніе потому допустимо, что въ частной перепискѣ нашего писателя, относящейся къ эпохѣ постановки «Ревизора», онъ, дѣйствительно, высказываетъ вкратцѣ то, что въ «Отрывкѣ» и въ «Предувѣдомленіи» имъ развито болѣе подробно.

«Больше всего надобно опасаться, чтобы не впасть въ карикатуру, — писалъ Гоголь въ «Предувѣдомленіи». Ничего не должно быть преувеличеннаго или тривіальнаго даже въ послѣднихъ роляхъ, Напротивъ, нужно особенно стараться актеру быть скромнѣй, проще и какъ бы благороднѣй, чѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ есть то лицо, которое представляется. Чѣмъ меньше будетъ думать актеръ о томъ, чтобы смѣшить и быть смѣшнымъ, тѣмъ болѣе обнаружится смѣшное взятой имъ роли. Смѣшное обнаружится само собою именно въ той серьезности, съ какою занято своимъ дѣломъ каждое изъ лицъ, выводимыхъ въ комедіи... Умный актеръ, прежде чѣмъ схватить мелкія причуды и мелкія особенности внѣшнія доставшагося ему лица, долженъ стараться поймать общечеловѣческое выраженіе роли». Въ этихъ словахъ — вся оцѣнка «Ревизора» какъ художественнаго памятника. Авторъ потому такъ горячо заступался за «общечеловѣчность» своихъ типовъ, и потому требовалъ отъ актера такой выдержки и отказа отъ всякаго подчеркиванія эффектовъ, что онъ былъ самъ твердо убѣжденъ въ томъ, что имъ создана истинно реальная комедія, въ которой на первомъ планѣ стоитъ не та или другая цѣль автора, не то или другое господствующее чувство, желаніе или страсть дѣйствующаго лица, а оно само, это дѣйствующее лицо — живое, со всѣми признаками живого человѣка, т.-е. съ цѣлой суммой чувствъ, мнѣній и стремленій. И, въ самомъ дѣлѣ, если ближе присмотрѣться ко всѣмъ лицамъкомедіи, то ни въ одномъ изъ нихъ мы не замѣтимъ какой-либо господствующей черты характера, которая превращала бы это лицо, какъ это было правиломъ для старыхъ комедій, въ носителя какого-нибудь опредѣленнаго понятія или чувства. Вотъ почему ни одному изъ дѣйствующихъ лицъ «Ревизора» нельзя наклеить ярлыка на лобъ и переименовать его въ какого-нибудь Кривосудова, Кожедралова, Хапалкина, Пустолобова или иныхъ; передъ нами все люди, отъ перваго до послѣдняго, и съ ними на сценѣ творится то, что могло всегда съ ними случиться въ жизни.

Въ томъ, что они всѣ живые люди—заключенъ и идейный смыслъ комедіи. «Ревизоръ»—комедія безъ политической подкладки, она комедія

съ тенденціей, прежде всего, нравственной, общечеловѣческой и затѣмъ, конечно, общественной. Авторъ казнилъ въ ней грѣшныхъ людей, и притомъ не столько порочныхъ, сколько вообще слабыхъ—поставленныхъ однако жизнью на отвѣтственный постъ.

Десять лѣтъ спустя послѣ постановки «Ревизора», Гоголь говорилъ въ своей «Авторской исповѣди», что онъ въ «Ревизорѣ» рѣшился собрать въ кучу все дурное въ Россіи, какое онъ тогда зналъ, всѣ несправедливости, какія дѣлаются въ тѣхъ мѣстахъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ больше требуется отъ человѣка справедливости, и что онъ за одинъ разъ хотѣлъ посмѣяться надо всѣмъ. Это признаніе, высказанное въ годы, когда нашъ авторъ мнилъ себя чуть ли не пророкомъ, указующимъ своей родинѣ путь спасенія и призывающимъ ее къ покаянію—едва ли передаетъ вѣрно ту основную мысль, изъ которой исходилъ авторъ, когда сочинялъ свою комедію. Что въ «Ревизорѣ» вовсе не собрано «все дурное», что было въ Россіи, и «всѣ несправедливости», какія въ ней творились—это само собою ясно. Если бы авторъ хотѣлъ говорить о спеціально русскихъ грѣхахъ, онъ нашелъ бы нѣчто болѣе характерное и сильное, чѣмъ тѣ слабости, общелюдскія, надъ которыми онъ посмѣялся. Комедія была значительно болѣе скромна, чѣмъ самому автору это потомъ казалось.

Прежде всего должно отмѣтить, что Гоголь былъ далекъ отъ всякой мысли такъ или иначе кольнуть правительство. Не то, чтобы онъ боялся цензуры и потому утаивалъ свою мысль — наоборотъ, онъ открыто свою мысль высказалъ и цензуры не боялся, почему и пришелъ въ такое уныніе, когда его прославили либераломъ. Лучше всѣхъ его понялъ императоръ Николай Павловичъ, который избавилъ «Ревизора» отъ цензурныхъ мытарствъ; и, конечно, императоръ въ данномъ случаѣ не сдѣлалъ никакой уступки либерализму.

«Ревизоръ» былъ въ сущности апологіей правительственной бдительной власти и однимъ изъ главныхъ, но незримыхъ дѣйствующихъ лицъ комедіи было «недремлющее око» этой власти. Дѣйствіе происходило въ далекомъ уѣздномъ городкѣ, и въ этотъ закоулокъ русской жизни око все-таки заглянуло; всѣ привлеченныя къ отвѣтственности лица были мелкія лица по своему общественному положенію; никто изъ нихъ не дослужился даже до чина статскаго совѣтника; это была мелюзга, которая трепетала передъ тѣнью закона. Она была лишена всякаго вліянія на законъ и потому она не могла совершить никакого преступленія и развѣ только какую-нибудь мелочь украсть у закона изъ-подъ носа. Вся эта толпа чиновниковъ промышляла мелкимъ воровствомъ и какъ мелкій жуликъ оробѣла при видѣ жандарма. Этотъ унтеръ, который заставляетъ начальника города и всѣхъ высшихъ чиновниковъ окаменѣть и превратиться въ истукановъ—наглядный показатель благомыслія автора. И авторъ самъ призналъ это въ своемъ «Театральномъ разъѣздѣ», когда заставилъ какой-то «синій армякъ» сказать «сѣрому»: «Небось! прыт-

кіе были воеводы, а всѣ поблѣднѣли, когда пришла царская расправа!» «Слышите ли вы, какъ вѣренъ естественному чутью и чувству человѣкъ?» восклицаетъ въ «Разъѣздѣ» очень скромно одѣтый человѣкъ, подслушавшій этотъ возгласъ «армяка». Да развѣ это не очевидно ясно, что послѣ такого представленія народъ получитъ болѣе вѣры въ правительство? Пусть онъ отдѣлитъ правительство отъ дурныхъ представителей правительства. Пусть видитъ онъ, что злоупотребленія происходятъ не отъ правительства, а отъ непонимающихъ требованій правительства, отъ нехотящихъ отвѣтствовать правительству. Пусть онъ видитъ, что благородно правительство, что бдитъ равно надъ всѣми его недремлющее око, что рано или поздно настигнетъ оно измѣнившихъ закону чести и святому долгу человѣчества, что поблѣднѣютъ передъ нимъ имѣющіе нечистую совѣсть»... и благомыслящій молодой человѣкъ, произносящій такія благонамѣренныя рѣчи, тутъ же отказывается отъ выгоднаго предложенія, и рѣшается остаться на своемъ скромномъ чиновничьемъ посту въ далекой провинціи, боясь, какъ бы на его мѣсто не сѣлъ какой нибудь изъ героевъ «Ревизора».

Весь этотъ сладкій гимнъ правительству не былъ придуманъ Гоголемъ послѣ; нашъ авторъ такъ думалъ и въ самый день представленія своей комедіи, на что указываютъ черновые наброски «Театральнаго Разъѣзда» 1836 года. Князь Вяземскій, который былъ свидѣтелемъ работы Гоголя надъ своей комедіей, былъ правъ, когда, вспоминая въ 1876 году старину, говорилъ, что либералы напрасно встрѣчали въ Гоголѣ единомышленника и союзника себѣ, и другіе напрасно открещивались отъ него, какъ отъ страшилища, какъ отъ нечистой силы. «Въ замыслѣ Гоголя,—говорилъ Вяземскій,—не было ничего политическаго. У либераловъ глаза были обольщены собственнымъ обольщеніемъ; у консерваторовъ они были велики. Помню первое чтеніе этой комедіи у Жуковскаго на вечерѣ, при довольно многолюдномъ обществѣ. Всѣ внимательно слушали и заслушивались; всѣ хохотали отъ доброй души; никому въ голову не приходило, что въ комедіи есть тайный умыселъ. Тайный умыселъ открыли уже послѣ слишкомъ зоркіе, но вполнѣ ошибочные глаза».

Князь Вяземскій, по поводу «Ревизора» сдѣлалъ и еще одно очень вѣрное замѣчаніе. Онъ сказалъ, что пороки и прегрѣшенія героевъ «Ревизора» не должно преувеличивать, что всѣ эти пороки очень обыкновенны и скорѣе могутъ назваться слабостями. Эта мысль была ему, вѣроятно, подсказана авторомъ, который, какъ сейчасъ увидимъ, утверждалъ то же самое. Тотъ фактъ, что пороки выставленные на показъ въ «Ревизорѣ», были, дѣйствительно, скорѣе слабостями, чѣмъ пороками, позволяетъ думать, что нашъ авторъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ изобразить нравственное искривленіе человѣческой природы, въ основѣ своей порядочной. Мысль объ общественномъ значеніи такихъ искривленій у него, конечно, была, но не ее выдвигалъ

онъ впередъ, а она сама навязывалась зрителю. Авторъ не указывалъ ни на какія спеціальныя условія русской жизни, допускающія подобныя искривленія; онъ взялъ ихъ какъ простой житейскій фактъ повсемѣстно распространенный, и недаромъ въ «Театральномъ разъѣздѣ» онъ говорилъ, что его комедія должна произвести глубокое сердечное содроганіе, потому что въ ней вездѣ слышится «человѣческое»; авторъ спѣшилъ втолковать зрителю и читателю, что люди имъ осмѣянные въ сущности лишь слабые люди и отнюдь не злодѣи, угрожающіе обществу, и потому въ «Отрывкѣ изъ письма» и въ «Предувѣдомленіи» онъ самъ далъ ихъ характеристики. Приведемъ ихъ вкратцѣ и мы увидимъ, что нашъ сатирикъ и обличитель общественныхъ дѣятелей былъ въ то же самое время для большинства изъ нихъ адвокатомъ, просящимъ снисхожденія.

«Городничему, поясняетъ авторъ, некогда было взглянуть построже на жизнь или же осмотрѣться получше на себя. Онъ сталъ притѣснителемъ и очерствѣлъ непримѣтно для самого себя, потому что злобнаго желанія притѣснять въ немъ нѣтъ; есть только просто желаніе прибирать все, что ни видятъ глаза. Просто онъ позабылъ, что это въ тягость другому и что отъ этого трещитъ у иного спина. Онъ чувствуетъ, что грѣшенъ; онъ ходитъ въ церковь; онъ думаетъ даже, что въ вѣрѣ твердъ; онъ даже помышляетъ потомъ когда-нибудь покаяться,—русскій человѣкъ, который не то, чтобы былъ извергъ, но въ которомъ извратилось понятіе правды, который сталъ весь ложь, уже даже и самъ того не замѣчая»; «судья—человѣкъ меньше грѣшный въ взяткахъ; онъ даже не охотникъ творить неправду, но велика страсть къ псовой охотѣ... что-жъ дѣлать! у всякаго человѣка есть какая-нибудь страсть... Изъ-за нея онъ надѣлаетъ множество разныхъ неправдъ, не подозрѣвая самъ того». «Земляника—плутъ тонкій и принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые желая вывернуться сами, не находятъ другого средства, какъ чтобы топить другихъ и потому торопливы на всякія каверзничества и доносы». «Смотритель училищъ—ничего болѣе, какъ только напуганный человѣкъ частыми ревизовками и выговорами; онъ боится какъ огня всякихъ посѣщеній, хотя и не знаетъ самъ, въ чемъ грѣшенъ». «Почтмейстеръ—простодушный до наивности человѣкъ, глядящій на жизнь, какъ на собраніе интересныхъ исторій, для препровожденія времени»... («Предувѣдомленіе»). О Хлестаковѣ Гоголь писалъ: «Хлестаковъ вовсе не надуваетъ,—онъ не лгунъ по ремеслу; онъ самъ позабываетъ, что лжетъ и уже самъ почти вѣритъ тому, что говоритъ... Хлестаковъ—человѣкъ ловкій, совершенный comme il faut, умный и даже, пожалуй, *добродѣтельный*. Онъ принадлежитъ къ тому кругу, который, повидимому, ничѣмъ не отличается отъ прочихъ молодыхъ людей. Онъ даже хорошо иногда держится, даже говоритъ иногда съ вѣсомъ и только въ случаяхъ, гдѣ требуется или присутствіе духа, или характеръ, вы-

казывается его отчасти подленькая, ничтожная натура. Молодой человѣкъ, чиновникъ, и пустой, какъ называютъ, но заключающій въ себѣ много качествъ, принадлежащихъ людямъ, которыхъ свѣтъ не называетъ пустыми. Выставить эти качества въ людяхъ, которые не лишены, между прочимъ, хорошихъ достоинствъ, было бы грѣхомъ со стороны писателя, ибо онъ поднялъ бы ихъ на всеобщій смѣхъ. Лучше пусть всякій отыщетъ частицу себя въ этой роли... Всякій, хоть на минуту, если не на нѣсколько минутъ, дѣлался или дѣлается Хлестаковымъ, но, натурально, въ этомъ не хочетъ только признаться. И ловкій гвардейскій офицеръ окажется иногда Хлестаковымъ, и государственный мужъ окажется иногда Хлестаковымъ, и нашъ братъ, грѣшный литераторъ» («Отрывокъ изъ письма»).

Кое-что въ этихъ поясненіяхъ присочинено Гоголемъ въ позднѣйшіе годы (1840—1842), но, какъ видно изъ его частныхъ писемъ и изъ его черновыхъ набросковъ, онъ и въ годъ постановки «Ревизора»—цѣнилъ свою комедію больше, какъ картину общечеловѣческихъ нравовъ, чѣмъ какъ сатиру на общественные порядки. Анекдотъ былъ взятъ старый, общераспространенный, казнены были пороки, къ публичной казни которыхъ общество давно привыкло, никакихъ указаній на общественныя условія въ широкомъ смыслѣ этого слова сдѣлано не было и былъ только правдиво изображенъ одинъ простой житейскій случай. Авторъ показалъ наглядно, въ живыхъ лицахъ, какъ пустѣйшій изъ пустыхъ людей случайно и для самого себя неожиданно наказалъ и опозорилъ цѣлую толпу другихъ столь же ничтожныхъ людей, ослѣпленныхъ мелкими страстишками, съ очень ограниченнымъ кругозоромъ, людей безъ нравственныхъ устоевъ и безъ сознанія своего долга. Гоголь хотѣлъ какъ будто сказать: вотъ какимъ случайностямъ подвержены всѣ люди, для которыхъ жизнь не есть задача, а лишь времяпрепровожденіе, для которыхъ въ мірѣ нѣтъ ничего выше угожденія собственнымъ, очень пошлымъ страстямъ или привычкамъ. Эту простую нравственную сентенцію нашъ моралистъ углубилъ, однако, и усилилъ тѣмъ, что нѣкоторыхъ изъ этихъ пустыхъ людей (всего лишь четверыхъ) поставилъ на отвѣтственные посты, т.-е. выше другихъ, чтобы тѣмъ больше ихъ унизить.

Конечно, зрителю, критически относящемуся къ переживаемому политико-общественному моменту, «Ревизоръ» могъ легко показаться намекомъ на очень серьезныя явленія русской дѣятельности и одинъ современникъ (А. В. Никитенко) могъ, не нарушая правды, сказать, что «впечатлѣніе, производимое «Ревизоромъ» много прибавило къ тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя накоплялись въ умахъ отъ существующаго у насъ порядка вещей»—но Гоголь былъ неповиненъ въ этомъ

Впечатлѣніе, произведенное его комедіей, было для него самого большой неожиданностью, которая причинила ему много боли, но вмѣстѣ съ тѣмъ и повысила въ немъ увѣренность въ своихъ силахъ. Онъ какъ

сатирикъ понялъ, что «Ревизоръ» есть нѣчто несовершенное, слабое, недоговоренное (не въ смыслѣ художественномъ, а по своему содержанію), онъ самъ сознаталъ, что ему пора творить съ большимъ размышленіемъ, что настоящая работа его ждетъ еще впереди: именно послѣ «Ревизора» проснулся въ немъ вновь тотъ сильный и смѣлый обличитель общественныхъ порядковъ, какимъ онъ былъ, когда думалъ надъ комедіей «Владиміръ третьей степени», и его вновь стала заботить мысль, какъ сказать такое смѣлое слово. «Я ожесточенъ не нынѣшнимъ ожесточеніемъ противъ моей пьесы,—писалъ онъ своему другу Погодину мѣсяцъ спустя послѣ представленія «Ревизора»,—меня заботитъ моя печальная будущность. Провинція уже слабо рисуется въ моей памяти, черты ея уже блѣдны, но жизнь петербургская ярка передъ моими глазами, краски ея живы и рѣзки въ моей памяти. Малѣйшая черта ея — и какъ заговорятъ мои соотечественники!» *). Очевидно, Гоголь самъ не считалъ своего «Ревизора» тѣмъ мѣткимъ ударомъ, котораго заслуживала со стороны сатирика наша дѣйствительность. Какъ онъ самъ признавался, онъ очень скоро «охладѣлъ» къ «Ревизору», «многимъ былъ въ немъ недоволенъ, хотя совершенно не тѣмъ, въ чемъ обвиняли его его близорукіе и неразумные критики». Когда его затѣмъ извѣщали пріятели объ успѣхѣ «Ревизора», онъ также сердился. «Съ какой стати пишете вы все про «Ревизора», — выговаривалъ онъ своему другу Прокоповичу въ 1837 г.—Въ вашихъ письмахъ говорится, что «Ревизора» играютъ каждую недѣлю, театръ полонъ и проч... и чтобы это было доведено до моего свѣдѣнія. Что̀ это за комедія? Я, право, никакъ не понимаю этой загадки. Во-первыхъ, я на «Ревизора»—плевать, а во-вторыхъ, къ чему это? Если бы это была правда, то хуже на Руси мнѣ никто не могъ нагадить. Но, слава Богу, это ложь... Мнѣ страшно вспомнить обо всѣхъ моихъ мараньяхъ. Они въ родѣ грозныхъ обвинителей являются глазамъ моимъ. Забвенья, долгаго забвенья проситъ душа. И если бы появилась такая моль, которая съѣла бы всѣ экземпляры «Ревизора», а съ ними «Арабески», «Вечера» и всю прочую чепуху, и обо мнѣ въ теченіе долгаго времени ни печатно, ни изустно не произносилъ никто ни слова—я бы благодарилъ судьбу» **). Трудно понять такое озлобленіе автора противъ своей пьесы и едва ли его можно объяснять лишь его раздраженіемъ противъ публики; въ этомъ злобномъ чувствѣ была, конечно, большая доля недовольства самимъ собою; въ головѣ Гоголя роились новые грандіозные планы и все написанное, въ томъ числѣ и «Ревизоръ», показалось несоотвѣтствующимъ своему назначенію. «Безъ гнѣва,—признавался Гоголь,—немного можно сказать: только разсердившись говорится правда». Быть можетъ,

*) «Письма Н. В. Гоголя», I, 377.
**) «Письма Н. В. Гоголя», I, 425.

недостатокъ гнѣва въ его произведеніяхъ и заставилъ его такъ безжалостно отнестись къ нимъ: а гнѣва въ этихъ произведеніяхъ было, дѣйствительно, мало; Гоголь имѣлъ не гнѣвный писательскій темпераментъ, и даже тогда, когда онъ сталъ авторомъ «Мертвыхъ Душъ», онъ могъ себѣ сдѣлать тотъ же упрекъ въ мягкосердечіи.

Въ данномъ случаѣ, однако, для насъ важенъ самый фактъ недовольства Гоголя своей комедіей: очевидно, что пріемъ, ей оказанный, и всѣ пересуды, которыя она возбудила и которыя его такъ огорчили, возвысили его въ собственныхъ глазахъ. Онъ понялъ, что онъ можетъ и долженъ создать нѣчто болѣе сильное, чѣмъ то, что было имъ создано.

---

Этотъ пріемъ и толки были, какъ сказано, для автора большой неожиданностью, почему и произвели на него такое сильное впечатлѣніе.

Такъ какъ пьеса была до представленія прочитана самому императору Николаю Павловичу и ему понравилась, то хлопотъ съ цензурой было мало, и 19-го апрѣля 1836 года «Ревизоръ» былъ первый разъ сыгранъ на сценѣ Александринскаго театра. Царь былъ на первомъ представленіи, смѣялся много, уѣзжая, сказалъ будто: «тутъ всѣмъ досталось, а болѣе всего мнѣ», послалъ даже министровъ смотрѣть «Ревизора» и оградилъ такимъ образомъ пьесу отъ всякихъ нападокъ со стороны власти. Но нападки послѣдовали не съ этой стороны...

Часто говорится о томъ враждебномъ пріемѣ, который встрѣтилъ «Ревизора». При оцѣнкѣ этого пріема, нужно, однако, сдѣлать кое-какія весьма существенныя оговорки. Въ общемъ, комедія имѣла успѣхъ колоссальный, подтвержденный свидѣтельствомъ современниковъ; давалась она очень часто и театръ былъ всегда полонъ. Такимъ образомъ, у публики, въ широкомъ смыслѣ слова, комедія не встрѣтила никакого враждебнаго пріема, и для Гоголя ея представленіе было не фіаско, а торжествомъ. Но въ нѣкоторыхъ кругахъ—аристократическихъ, чиновныхъ и литераторскихъ—она вызвала очень недоброжелательныя сужденія и намеки. Они Гоголя очень смутили и оскорбили, и онъ подъ первымъ впечатлѣніемъ сильно преувеличилъ ихъ общественное значеніе.

Непріязненное отношеніе нѣкоторой части зрителей къ драматургу сказалось и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ на первомъ же представленіи его комедіи. Тому были свои причины.

Приведемъ разсказы очевидцевъ объ этихъ двухъ знаменательныхъ вечерахъ. Извѣстный впослѣдствіи критикъ П. В. Анненковъ былъ въ Александринскомъ театрѣ 19 апрѣля и разсказываетъ слѣдующее: «Уже послѣ перваго акта недоумѣніе было написано на всѣхъ лицахъ (публика была избранная въ полномъ смыслѣ слова), словно никто не зналъ,

какъ должно думать о картинѣ, только что представленной. Недоумѣніе это возрастало потомъ съ каждымъ актомъ. Какъ будто находя успокоеніе въ одномъ предположеніи, что дается фарсъ, большинство зрителей, выбитое изъ всѣхъ театральныхъ ожиданій и привычекъ, остановилось на этомъ предположеніи съ непоколебимой рѣшимостью. Однако же, въ этомъ фарсѣ были черты и явленія, исполненныя такой жизненной правды, что раза два, особенно въ мѣстахъ, наименѣе противорѣчащихъ тому понятію о комедіи вообще, которое сложилось въ большинствѣ зрителей, раздавался общій смѣхъ. Совсѣмъ другое произошло въ четвертомъ актѣ: смѣхъ по временамъ еще перелеталъ изъ конца залы въ другой, но это былъ какой-то робкій смѣхъ, тотчасъ же и пропадавшій; аплодисментовъ почти совсѣмъ не было, зато напряженное вниманіе, судорожное, усиленное слѣдованіе за всѣми оттѣнками пьесы, иногда мертвая тишина показывали, что дѣло, происходившее на сценѣ, страстно захватывало сердца зрителей. По окончаніи акта прежнее недоумѣніе уже переродилось почти во всеобщее негодованіе, которое довершено было пятымъ актомъ. Многіе вызывали автора потомъ за то, что написалъ комедію, другіе—за то, что виденъ талантъ въ нѣкоторыхъ сценахъ, простая публика—за то, что смѣялась, но общій голосъ, слышавшійся по всѣмъ сторонамъ избранной публики, былъ: «это — невозможность, клевета и фарсъ» *).

Нѣчто подобное случилось и на первомъ представленіи «Ревизора» въ Москвѣ **). Публика была также высшаго тона и многимъ комедія пришлась не по вкусу. Артистъ Щепкинъ былъ опечаленъ такимъ пріемомъ. «Помилуй—сказалъ ему въ утѣшеніе одинъ знакомый,—какъ можно было ее лучше принять, когда половина публики *берущей*, а половина *дающей*»?

Одинъ изъ рецензентовъ, бывшихъ на первомъ представленіи, познакомилъ насъ съ публикой, заполнявшей залъ въ этотъ вечеръ. Вотъ что онъ писалъ ***): «Публика, посѣтившая первое представленіе «Ревизора», была публика высшаго тона, богатая, чиновная, выросшая въ будуарахъ, для которой посѣщеніе спектакля есть одна изъ житейскихъ обязанностей, не радость, не наслажденіе. Эта публика стоитъ на той счастливой высотѣ жизни общественной, на которой исчезаетъ мелочное понятіе народности, гдѣ нѣтъ страстей, чувствъ, особенно мысли, гдѣ все сливается и исчезаетъ въ непреложномъ, ужасающемъ простолюдина исполненіи приличій; эта публика не обнаруживаетъ ни печали, ни радости, ни нужды,

---

*) *П. В. Анненковъ*. «Воспоминанія и критическіе очерки». I, 193.

**) См. *Н. С. Тихонравовъ*. «Первое представленіе «Ревизора» на московской сценѣ». Сочиненія, III, I, 568 и слѣд.

***) Въ «Молвѣ», издававшейся при «Телескопѣ» Надеждина.



ни довольства, не потому, чтобы ихъ вовсе не испытывала, а потому, что это неприлично, что это вульгарно. Блестящій нарядъ и мертвенная холодная физіономія, разговоръ изъ общихъ фразъ или тонкихъ намековъ на отношенія личныя—вотъ отличительная черта общества, которое «низошло до посѣщенія «Ревизора»—этой русской всероссійской пьесы, возникнувшей не изъ подражанія, но изъ собственнаго, быть можетъ, горькаго чувства автора. Этой ли публикѣ, знающей лица, составляющія комедію, только изъ разсказовъ своего управляющаго, видавшей ихъ только въ передней объятыхъ благоговѣйнымъ трепетомъ, ей ли принять участіе въ этихъ лицахъ, которыя для насъ, простолюдиновъ, составляютъ власть, возбуждаютъ страхъ и уваженіе? Что значитъ для богатаго вельможи будничная, мелочная жизнь этихъ чиновниковъ? Съ этой-то точки глядя на собравшуюся публику, пробираясь на мѣстечко между дѣйствительными и статскими совѣтниками, извиняясь передъ джентльменами, обладающими нѣсколькими тысячами душъ, мы невольно думали: врядъ ли «Ревизоръ» имъ понравится, врядъ ли они повѣрятъ ему, врядъ ли почувствуютъ наслажденіе видѣть въ натурѣ эти лица, такъ для насъ странныя, которыя вредны не потому, что сами дурно свое дѣло дѣлаютъ, а потому, что лишаютъ надежды видѣть на мѣстахъ своихъ достойныхъ исполнителей распоряженій, направленныхъ къ благу общему. Такъ и случилось. «Ревизоръ» не занялъ, не тронулъ, только разсмѣшилъ слегка бывшую въ театрѣ публику, а не порадовалъ ее. Уже въ антрактѣ былъ слышенъ полуфранцузскій шопотъ негодованія, жалобы презрѣнія: mauvais genre!—страшный приговоръ высшаго общества, которымъ клеймитъ оно самый талантъ, если онъ имѣетъ счастье ему не нравиться. Пьеса сыграна и, осыпаемая мѣстами аплодисманомъ, она не возбудила ни слова, ни звука по опущеніи занавѣса. Такъ должно было быть, такъ и случилось!»

Изъ показаній этихъ двухъ свидѣтелей видно, что именно составъ слушателей рѣшительно повліялъ на недружелюбный пріемъ комедіи. И пріемъ этотъ былъ совсѣмъ иной на слѣдующихъ представленіяхъ. Что пьеса не должна была понравиться «избранной» публикѣ, воспитанной въ старыхъ литературныхъ традиціяхъ и безспорно задѣтой многими намеками комедіи—это вполнѣ естественно. Странно, что авторъ не предусмотрѣлъ всего этого.

Онъ вернулся домой изъ театра въ убитомъ и разсерженномъ состояніи духа. Разсказываютъ, что когда онъ въ тотъ же вечеръ пришелъ къ своему другу Прокоповичу и этотъ другъ, желая его порадовать, вздумалъ поднести ему экземпляръ «Ревизора», тогда только что вышедшаго изъ печати, Гоголь швырнулъ экземпляръ на полъ, подошелъ къ столу и опираясь на него, проговорилъ задумчиво: «Господи Боже, ну, если бы одинъ, два ругали, ну, и Богъ съ ними, а то всѣ... всѣ!..»

Но авторъ скоро сталъ разбираться въ этомъ непріятномъ впечатлѣніи, мало-по-малу становился выше толковъ и пересудъ и скоро поборолъ въ себѣ то угнетенное состояніе духа, въ какомъ онъ вышелъ изъ театра послѣ перваго представленія. Онъ сталъ сердиться уже не на публику, но, какъ мы видѣли, на самого себя.

На письмахъ его того времени эти колебанія въ настроеніи отразились достаточно ясно. «Всѣ противъ меня, чиновники пожилые и почтенные кричатъ, что для меня нѣтъ ничего святого, когда я дерзнулъ такъ говорить о служащихъ людяхъ—писалъ онъ Щепкину; полицейскіе противъ меня; купцы противъ меня; литераторы противъ меня. Бранятъ и ходятъ на пьесу; на четвертое представленіе нельзя достать билетовъ. Если бы не высокое заступничество государя, пьеса моя не была бы ни за что на сценѣ, и уже находились люди, хлопотавшіе о запрещеніи ея. Теперь я вижу, что значитъ быть комическимъ писателемъ. Малѣйшій призракъ истины—и противъ тебя возстаютъ, и не одинъ человѣкъ, а цѣлыя сословія. Воображаю, что же было бы, если бы я взялъ что-нибудь изъ петербургской жизни, которая мнѣ больше и лучше теперь знакома, нежели провинціальная. Досадно видѣть противъ себя людей тому, который ихъ любитъ между тѣмъ братскою любовью» *). Черезъ мѣсяцъ послѣ представленія комедіи онъ пишетъ Погодину: «Писатель современный, писатель комическій, писатель нравовъ долженъ подальше быть отъ своей родины. Пророку нѣтъ славы въ отчизнѣ. Что противъ меня уже рѣшительно возстали теперь всѣ сословія, я не смущаюсь этимъ, но какъ-то тягостно, грустно, когда видишь противъ себя несправедливо возстановленныхъ своихъ же соотечественниковъ, которыхъ отъ души любишь, когда видишь, какъ ложно, въ какомъ невѣрномъ видѣ ими все принимается. Частное принимать за общее, случай за правило! Что сказано вѣрно и живо, то уже кажется пасквилемъ. Выведи на сцену двухъ-трехъ плутовъ—тысяча честныхъ людей сердится, говоритъ: «Мы не плуты». Но Богъ съ ними!» **) И покидая Россію, Гоголь писалъ ему же: «Я не сержусь на толки, не сержусь, что сердятся и отворачиваются тѣ, которые отыскиваютъ въ моихъ оригиналахъ свои собственныя черты и бранятъ меня, не сержусь, что бранятъ меня непріятели литературные, продажные таланты; но грустно мнѣ это всеобщее невѣжество, движущее столицу, грустно, когда видишь, что глупѣйшее мнѣніе ими же опозореннаго и оплеваннаго писателя дѣйствуетъ на нихъ же самихъ и ихъ же водитъ за носъ; грустно, когда видишь, въ какомъ еще жалкомъ состояніи находится у насъ писатель. Всѣ противъ него и нѣтъ никакой сколько-нибудь равносильной стороны за него. «Онъ зажигатель! Онъ бунтовщикъ!» И кто же говоритъ? Это говорятъ мнѣ люди государственные, люди выслужившіеся, опытные люди, которые

*) «Письма Н. В. Гоголя» 1, 368, 369.
**) «Письма Н. В. Гоголя», I, 370, 371.

должны бы имѣть насколько-нибудь ума, чтобъ понять дѣло въ настоящемъ видѣ, люди, которые считаются образованными и которыхъ свѣтъ, по крайней мѣрѣ русскій свѣтъ, называетъ образованными. Прискорбна мнѣ эта невѣжественная раздражительность, признакъ глубокаго, упорнаго невѣжества, разлитаго на наши классы» **). Такъ ясны стали Гоголю мотивы, по которымъ бранили его пьесу и неизбѣжно должны были бранить люди опредѣленныхъ профессій и положеній. Личное раздраженіе смолкло и его гнѣвъ противъ непонимающихъ сталъ переходить въ чувство глубокой жалости къ нимъ. Это было нѣсколько самонадѣянно, но Гоголь—какъ моралистъ, мечтавшій о нравственномъ воздѣйствіи на людей—имѣлъ право говорить о своей любви къ нимъ и о «невѣжественной раздражительности» общества, отвергшаго эту любовь.

Стоили ли, однако, можно спросить, всѣ эти толки о «Ревизорѣ» такого, хоть и недолгаго, душевнаго волненія? Принимая во вниманіе нравственную тенденцію автора и его сентиментальный темпераментъ, а также и условія времени, при которыхъ онъ ставилъ свою комедію, мы поймемъ, что эти пересуды должны были напугать его. Только спустя нѣсколько лѣтъ, могъ онъ надъ ними посмѣяться отъ души, какъ онъ это и сдѣлалъ въ своемъ «Театральномъ разъѣздѣ».

«Театральный разъѣздъ» получилъ окончательную отдѣлку лишь шесть лѣтъ спустя послѣ представленія «Ревизора»; и авторъ, редактируя «Разъѣздъ», имѣлъ въ виду не одного лишь «Ревизора», но и первую часть «Мертвыхъ Душъ», которая тогда была уже имъ написана. Гоголь выступилъ въ «Разъѣздѣ» защитникомъ своего «смѣха» и припомнилъ все то, что ему пришлось слышать, когда онъ въ первый разъ засмѣялся по-настоящему. Вотъ почему, если мы хотимъ себѣ составить понятіе о всѣхъ толкахъ, вызванныхъ «Ревизоромъ», намъ лучше всего обратиться къ «Разъѣзду», гдѣ они изложены по существу съ подобающими отвѣтами.

Если не считаться съ такими оцѣнками, которыя выражаются словами: «это просто чортъ знаетъ что такое» или: «это просто переводъ, потому что есть что-то на французскомъ не совсѣмъ въ этомъ родѣ» или, наконецъ, «да, конечно, нельзя сказать, чтобы не было того... въ своемъ родѣ... Ну, конечно, кто-жъ противъ этого и стоитъ, чтобы опять не было, и гдѣ жъ, такъ сказать... а впрочемъ...» то, какъ замѣтилъ еще князь Вяземскій, всѣ обвиненія противъ «Ревизора» можно свести къ тремъ группамъ. Одни касались литературнаго достоинства комедіи, другіе ея нравственнаго смысла, и, наконецъ, третьи ея смысла общественно-политическаго. Разбирать подробно эти обвиненія нѣтъ нужды; они общеизвѣстны и на нихъ давно даны отвѣты, разоблачившіе ихъ несостоятельность. Припомнимъ

*) «Письма Н. В. Гоголя», I, 337



ихъ только вкратцѣ, чтобы указать на какіе серьезные вопросы могла навести эта смѣшная комедія внимательнаго зрителя и на какіе она навела самого автора.

Изъ всѣхъ толковъ о литературныхъ недостаткахъ комедіи самое чувствительное было обвиненіе въ неправдоподобности сальности и плоскости. «Сюжетъ невѣроятный,—говорили цѣнители—все несообразности, ни завязки, ни дѣйствія, ни соображенія никакого. Отвратительная, грязная пьеса, ниодного лица истиннаго, все—карикатуры. Послѣдняя пустѣйшая комедійка Коцебу въ сравненіи съ нею Монбланъ передъ Пулковскою горою». Что оставалось отвѣчать на это? Гоголь и не отвѣчалъ серьезно, а только выставилъ на показъ всѣ такія сужденія во всей ихъ комической наготѣ. Они сердили его, но не оскорбляли. Иное дѣло, когда оцѣнка касалась нравственнаго смысла комедіи. «Комедія,—говорили цѣнители, есть низкій родъ творчества». Но авторъ рѣшился спросить ихъ, «развѣ комедія, какъ и трагедія не можетъ выразить высокой мысли? Развѣ всѣ до малѣйшей излучины души подлаго и безчестнаго человѣка не рисуютъ уже образъ честнаго человѣка? Развѣ все это накопленіе низостей, отступленіе отъ законовъ и справедливости не даетъ уже ясно знать, чего требуютъ отъ насъ законъ, долгъ и справедливость? Въ рукахъ искуснаго врача и холодная, и горячая вода лечитъ съ равнымъ успѣхомъ однѣ и тѣ же болѣзни: въ рукахъ таланта все можетъ служить орудіемъ къ прекрасному». «Побасенки! говорили цѣнители. Что такое литераторъ! пустѣйшій человѣкъ. Это всему свѣту извѣстно—ни на какое дѣло не годится» «Побасенки! отвѣчалъ имъ оскорбленный авторъ. Но міръ задремалъ бы безъ такихъ побасенокъ, обмелѣла бы жизнь, плѣсенью и тиной покрылись бы души!» «У автора нѣтъ глубокихъ и сильныхъ движеній сердечныхъ, продолжали критики: кто безпрестанно и вѣчно смѣется, тотъ не можетъ имѣть слишкомъ высокихъ чувствъ: онъ не можетъ выронить сердечную слезу, любить кого-нибудь сильно, всей глубиной души!» Что могъ авторъ отвѣтить на этотъ упрекъ, брошенный ему такъ оскорбительно въ упоръ Онъ смиренно отвѣтилъ, что онъ—«глубоко-добрая душа», только деликатность не позволяла ему сказать ничего больше. Но цѣнители не остановились на этомъ заподозрѣваніи писателя во враждебныхъ чувствахъ къ ближнему. Они хотѣли набросить тѣнь и на его любовь къ родинѣ, и на его «благомысліе гражданина». Если вспомнить, какія тогда были времена и какъ крѣпки были въ Гоголѣ его вѣрноподданическія убѣжденія, то негодованіе Гоголя на такіе намеки не требуетъ поясненія. «Нѣтъ, это не осмѣяніе пороковъ, говорили нѣкоторые изъ зрителей, это отвратительная насмѣшка надъ Россіею — вотъ что̀. Это значитъ выставить въ дурномъ видѣ самое правительство, потому что выставлять дурныхъ чиновниковъ и злоупотребленія, которыя бываютъ въ разныхъ сословіяхъ, значитъ выставить самое правительство. Просто даже не слѣдуетъ дозволять такихъ представ-

ленiй... Для этого человѣка, подхватывали другiе, нѣтъ ничего священнаго; сегодня онъ скажетъ: такой-то совѣтникъ не хорошъ, а завтра скажетъ, что и Бога нѣтъ. Вѣдь тутъ всего только одинъ шагъ. Говорятъ: «бездѣлушка, пустяки, театральное представленiе». Нѣтъ, это не простыя бездѣлушки; на это обратить нужно строгое вниманiе. За этакiя вещи и въ Сибирь посылаютъ». «Да если бы я имѣлъ власть, грозился одинъ изъ зрителей—у меня бы авторъ че пикнулъ. Я бы его въ такое мѣсто засадилъ, что онъ бы и свѣта Божьяго не взвидѣлъ». Мы знаемъ, какъ Гоголь на такiя рѣчи (замѣтимъ, не вымышленныя) отвѣтилъ: онъ пропѣлъ цѣлое славословiе правительству. «Въ груди нашей,—говорилъ онъ разными словами на разные лады,—заключена какая-то тайная вѣра въ правительство. Дай Богъ, чтобы правительство всегда и вездѣ слышало призванiе свое—быть представителемъ Провидѣнiя на землѣ, и чтобы мы вѣровали въ него, какъ древнiе вѣровали въ рокъ, настигавшiй преступленiя...»

На каждое изъ обвиненiй, какъ видимъ, у нашего автора нашелся отвѣтъ. Но онъ подыскалъ его не сразу. Въ дни первой своей рѣшительной стычки съ публикой эти толки его оглушили, обидѣли и разсердили, и онъ не подумалъ о томъ, могутъ ли всѣ эти голоса, отъ какихъ бы влiятельныхъ лицъ или общественныхъ группъ они ни исходили, назваться голосомъ «народа». А этотъ народъ въ широкомъ, собирательномъ смыслѣ слова, подалъ свой голосъ за автора и переполнялъ театръ, когда игралась его комедiя. Толки и пересуды остались толками, и общественнымъ мнѣнiемъ не стали.

Дѣло «Ревизора» было выиграно и въ критикѣ. Гоголь не могъ пожаловаться на то, что она враждебно встрѣтила его комедiю. Конечно, ожидать справедливой оцѣнки отъ людей враждебнаго литературнаго лагеря было трудно, и Сенковскiй и Булгаринъ поспѣшили наговорить разныхъ колкостей: Булгаринъ назвалъ завязку комедiи пустѣйшей, дѣйствующихъ лицъ какими-то куклами, «у которыхъ авторъ отнялъ всѣ человѣческiя принадлежности, кромѣ дара слова, употребляемаго ими на пустомелье», а про все развитiе дѣйствiя комедiи сказалъ, что «оно происходитъ, ну, точь въ-точь на Сандвичевыхъ островахъ у капитана Кука». Булгаринъ, конечно, не признавалъ за «Ревизоромъ» права на названiе «комедiи», кричалъ, что настоящей комедiи нельзя основать на злоупотребленiяхъ административныхъ, утверждалъ, что въ Россiи нѣтъ такихъ нравовъ, что Гоголь почерпнулъ свои характеры не изъ русскаго быта, а изъ временъ предънедорослевскихъ и изъ старыхъ комедiй. «Ревизоръ»—это презабавный фарсъ, рядъ смѣшныхъ каррикатуръ... говорилъ злобствующiй критикъ. У автора есть безспорный талантъ, но только онъ не дисциплинированъ. Гоголь не знаетъ сцены и доженъ изучать драматическое искусство; онъ преувеличиваетъ до невѣроятности смѣшное и порочное въ характерахъ, у него языкъ слишкомъ отзывается малороссiанизмомъ,

въ русскомъ просторѣчіи онъ слабъ... а главное въ пьесѣ масса цинизма и грязныхъ двусмысленностей. Вообще, городокъ автора «Ревизора» не русскій городокъ, а малороссійскій, купцы не русскіе люди, а просто жиды; женское кокетство также не русское. да и самъ городничій не могъ бы взять такую волю въ великороссійскомъ городкѣ, а потому незачѣмъ было и клеветать на Россію». «Ревизоръ»,—продолжалъ нашъ цѣнитель,—производитъ непріятное впечатлѣніе, не слышишь ни одного умнаго слова, не видишь ни одной благородной черты сердца человѣческаго. Еслибъ зло перемѣшано было съ добромъ, то послѣ справедливаго негодованія сердце зрителя могло бы, по крайней мѣрѣ, освѣжиться, а въ «Ревизорѣ» нѣтъ пищи ни уму, ни сердцу, нѣтъ ни мыслей, ни ощущеній. Авторъ сдѣлалъ чучелу изъ взяточника и колотитъ его дубиной. Прочія лица кривляются, а мы хохочемъ, потому что въ самомъ дѣлѣ смѣшно, хоть и уродливо» *).

Почти то же самое, что писалъ Булгаринъ, повторилъ и Сенковскій въ своемъ журналѣ «Библіотека для чтенія». И онъ призналъ «Ревизора» забавнымъ и грязнымъ, и языкъ его противнымъ чистому вкусу и формамъ хорошаго общества. Комедія Гоголя въ его глазахъ была также непристойнымъ фарсомъ, хотя Сенковскій и признавалъ, что въ ней есть превосходныя сцены. Но въ «Ревизорѣ», говорилъ онъ, нѣтъ никакой идеи, нѣтъ нравовъ общества. Это простой анекдотъ, старый, всѣмъ извѣстный, тысячу разъ напечатанный. Въ анекдотѣ не можетъ быть и характеровъ, и всѣ дѣйствующія лица комедіи—плуты и дураки, такъ какъ анекдотъ выдуманъ только на плутовъ и дураковъ и для честныхъ людей въ немъ даже нѣтъ мѣста; нѣтъ въ комедіи и никакой картины русскаго общества. Административныя злоупотребленія въ мѣстахъ отдаленныхъ и мало посѣщаемыхъ существуютъ въ цѣломъ мірѣ и нѣтъ никакой достаточной причины приписывать ихъ одной Россіи; изъ злоупотребленій никакъ нельзя писать комедій, потому что это не нравы народа, не характеристика общества, но преступленія нѣсколькихъ лицъ и они должны возбуждать не смѣхъ, а скорѣе негодованіе честныхъ гражданъ... Наконецъ, критикъ былъ недоволенъ и самимъ ходомъ дѣйствія и давалъ Гоголю совѣтъ оживить этотъ пошлый анекдотъ какой-нибудь любовной интригой Хлестакова **)...

Отъ всѣхъ подобныхъ замѣчаній нужно было, конечно, только отмахнуться, но Гоголь, кажется, принялъ ихъ къ сердцу, такъ какъ подробно отвѣчалъ на нихъ въ своемъ «Театральномъ разъѣздѣ». Уязвимость ли авторскаго самолюбія вообще или просто нервное состояніе заставило нашего автора такъ серьезно взглянуть на эту завѣдомо пристрастную болтовню, но только она ему испортила много крови и онъ преувеличилъ ея значеніе. На мнѣніе публики эта болтовня едва ли

*) «Сѣверная Пчела», 1836, №№ 97 и 98.
**) «Библіотека для Чтенія», 1836, т. XVI, отдѣлъ V, 1—44.



могла имѣть вліяніе, потому что публика, несмотря на нихъ, восторженно апплодировала, а въ журналистикѣ обѣ статьи, и Булгарина, и Сенковскаго, не только не нашли отзвука, но встрѣтили отпоръ очень дружный. Первый возвысилъ свой голосъ Андросовъ, редакторъ «Московскаго Наблюдателя» и принялъ «Ревизора» подъ свою защиту. Онъ призналъ его настоящей комедіей, ничего общаго съ фарсомъ не имѣющей, призналъ въ ней и идею, и согласіе съ правдой, назвалъ ее отрывкомъ изъ нашей жизни и не соглашался съ тѣмъ, чтобы ея тема была избита *).

Вскорѣ затѣмъ появилась въ «Современникѣ» и извѣстная статья кн. Вяземскаго.

Она **) возникла по всѣмъ вѣроятіямъ изъ бесѣдъ критика съ самимъ авторомъ, на что указываютъ ея совпаденія съ мыслями, высказанными Гоголемъ въ его «Предувѣдомленіи», въ его «Отрывкѣ изъ письма» и въ «Театральномъ разъѣздѣ». Статья Вяземскаго—самое умное, что было сказано тогда о «Ревизорѣ». Комедія оцѣнена со всѣхъ сторонъ: она признана самымъ выдающимся литературнымъ явленіемъ послѣднихъ лѣтъ, поставлена рядомъ съ «Недорослемъ» и комедіей Грибоѣдова. Критикъ отмѣчаетъ, что она имѣла полный успѣхъ на сценѣ и нашла отголосокъ въ повсемѣстныхъ разговорахъ. Онъ разбираетъ затѣмъ ея литературное нравственное и общественное значеніе. Какъ литературное явленіе, она настоящая комедія, а не фарсъ, хотя въ ней есть «карикатурная природа», потому что въ самой природѣ не все изящно. Гоголь—нашъ Теньеръ, котораго нельзя мѣрить классическимъ аршиномъ. Для художника нѣтъ въ природѣ низкаго, а есть только истинное. Въ «Ревизорѣ» нѣтъ никакихъ натяжекъ, все натурально. То, что разсказалъ авторъ могло и должно было случиться при условіяхъ имъ указанныхъ: Гоголь—художникъ - реалистъ и въ созданіи типовъ, и въ компоновкѣ положеній и въ языкѣ, противъ котораго кричатъ, что онъ грязенъ и неопрятенъ. Защищаетъ Вяземскій комедію Гоголя и отъ всевозможныхъ нападокъ со стороны людей нравственныхъ, которые были недовольны тѣмъ, что имъ со сцены не было прочитано никакого добродѣтельнаго нравоученія. «Литература не для малолѣтнихъ,—остроумно говорилъ критикъ,—и авторъ былъ правъ, что нарисовалъ лица въ томъ видѣ, съ тѣми оттѣнками свѣта и безобразіями, какими они представлялись его взору. Пусть безнравственны лица—нравственно само впечатлѣніе, произведенное комедіей и въ этомъ и ея общественный смыслъ. Но надо быть справедливымъ и не преувеличивать самой безнравственности героевъ комедіи. Зачѣмъ клепать на нихъ; они болѣе смѣшны, нежели гнусны: въ нихъ болѣе невѣжества, необразованности, нежели порочности. Басня «Ре-

*) «Московскій Наблюдатель», 1836, ч. VII.
**) «Полное собраніе сочиненій П. А. Вяземскаго», II, 257—275.

визора» не утверждена на какомъ-нибудь отвратительномъ и преступномъ дѣйствіи: тутъ нѣтъ утѣсненія невинности въ пользу сильнаго порока, нѣтъ продажи правосудія, какъ, напр., въ комедіи Капниста «Ябеда»... Говорятъ, кончаетъ критикъ свою рецензію, что въ комедіи Гоголя не видно ни одного умнаго человѣка; неправда: уменъ авторъ. Говорятъ, что въ комедіи Гоголя не видно ни одного честнаго и благомыслящаго лица; неправда: честное и благомыслящее лицо есть правительство, которое силою закона поражая злоупотребленія, позволяетъ и таланту исправлять ихъ оружіемъ насмѣшки». Критикъ и авторъ, какъ видимъ, совпадали во многихъ существенныхъ взглядахъ и на «Ревизора» въ частности, и вообще на художественную, нравственную и общественную роль комедіи въ жизни.

Съ такимъ же сочувствіемъ къ автору и вѣрнымъ пониманіемъ дѣла отнесся къ «Ревизору» и критикъ «Литературныхъ Прибавленій къ «Русскому Инвалиду». И онъ поставилъ Гоголя наряду съ Фонъ-Визинымъ и Грибоѣдовымъ, упомянувъ при этомъ и о Державинѣ, какъ о творцѣ «лирической сатиры». Критикъ цѣнилъ комедію за ея веселость, за то, что она исцѣлитъ многія печали и разгонитъ многія хандры. Онъ цѣнилъ ее также за ея согласіе съ правдой жизни: нѣкоторые степняки-помѣщики, говорилъ онъ, утверждали, что все это въ ихъ губерніи случилось, и даже называли тѣ оригиналы, съ которыхъ эти портреты списаны. Критику непонятенъ одинъ только Хлестаковъ: Гоголь, говоритъ онъ, безподобно рисуетъ сцены уѣздныя, людей средняго и низшаго быта, но едва поднимается въ слои высшаго общества, какъ мы отъ души желаемъ, «чтобы онъ опять спустился въ прежнюю свою сферу». Укоряя автора за нѣкоторыя мѣста, при которыхъ краснѣетъ стыдливость, рецензентъ все-таки признаетъ главное достоинство Гоголя въ томъ, что онъ больше «натурщикъ», нежели выдумщикъ *).

Удивительно вѣрный и тонкій разборъ «Ревизора» далъ и журналъ Надеждина «Молва». Анонимный рецензентъ, который присутствовалъ на первомъ представленіи «Ревизора» и о которомъ уже мы говорили, обнаружилъ большой критическій тактъ въ своей оцѣнкѣ и какъ бы предугадалъ то, что самъ авторъ имѣлъ сказать о своей комедіи. «Оригинальный взглядъ Гоголя на вещи,—писалъ рецензентъ,—его умѣнье схватывать черты характеровъ, налагать на нихъ черты типизма, его настоящій гуморъ—все это даетъ намъ право надѣяться, что театръ нашъ скоро воскреснетъ, скажемъ больше, что мы скоро будемъ имѣть нашъ національный театръ, который будетъ насъ угощать не насильственными кривляньями на чужой манеръ, не заемнымъ остроуміемъ, не уродливыми передѣлками, а художественнымъ пред-

*) *П. Серебреный.* «Ревизоръ», сочиненіе Н. В. Гоголя». «Литературныя Прибавленія къ «Русскому Инвалиду», 1836, № 59—60.



ставленіемъ нашей общественной жизни, что мы будемъ хлопать не восковымъ фигурамъ съ размалеванными лицами, а живымъ созданіямъ съ лицами оригинальными, которыхъ увидѣвъ разъ, никогда нельзя забыть... Полученные въ Москвѣ экземпляры «Ревизора» перечитаны, зачитаны, выучены, превратились въ пословицы и пошли гулять по людямъ, обернулись эпиграммами и начали клеймить тѣхъ, къ кому придутся... Кто вдвинулъ это созданіе въ жизнь дѣйствительную? Кто такъ сроднилъ его съ нами? Это сдѣлали два великіе, два первые дѣятеля — талантъ автора и современность произведенія. То и другое дали ему успѣхъ блистательный, и ошибаются тѣ, которые думаютъ, что эта комедія смѣшна, и только. Да, она смѣшна, такъ сказать, снаружи; но внутри это—горе-гореваньицо, лыкомъ подпоясано, мочалами изпутано» *).

Прошло нѣсколько лѣтъ, «Ревизоръ» игрался часто и никто изъ видѣвшихъ его не поднялся до такой высоты его пониманія, какъ этотъ анонимный критикъ. Только въ 1840 году заговорилъ о «Ревизорѣ» Бѣлинскій и вопросъ о художественной стоимости комедіи получилъ окончательное рѣшеніе.

Отзывъ Бѣлинскаго **) былъ восторженно-хвалебный. Онъ касался, однако, преимущественно художественной стороны пьесы и техники ея выполненія. «Комедія, — какъ говорилъ Бѣлинскій,—должна представлять собой особый, замкнутый въ самомъ себѣ міръ, т.-е. должна имѣть единство дѣйствія, выходящее не изъ внѣшней формы, но изъ идеи, лежащей въ ея основаніи. Высоко художественное произведеніе Гоголя подтверждаетъ эту истину. Въ «Ревизорѣ» нѣтъ сценъ лучшихъ, потому что нѣтъ худшихъ, но всѣ превосходны. Какъ необходимыя части, художественно образующія собою единое цѣлое, округленное внутреннимъ содержаніемъ, а не внѣшнею формою, и потому представляющее собою особый и замкнутый въ самомъ себѣ міръ... Все въ этой комедіи продиктовано разумной необходимостью, какъ въ истинно-художественной комедіи, которая есть выраженіе случайностей—въ ней все выходитъ изъ идеи случайностей и призраковъ и только чрезъ это получаетъ свою необходимость...» Слова Бѣлинскаго едва ли были понятны тѣмъ, кто не былъ знакомъ съ терминами нѣмецкой эстетики, но общій ихъ смыслъ былъ ясенъ: Бѣлинскій признавалъ «Ревизора» за единственную русскую комедію, которая вполнѣ удовлетворяла требованіямъ художественности. Гоголь долженъ былъ быть доволенъ этимъ разборомъ и могъ покоситься лишь на тѣ строки, въ которыхъ критикъ ставилъ его выше Мольера — «для котораго поэзія никогда

*) «Молва», 1836, т. XI. Статья эта «открыта» *П. С. Тихонравовымъ* и подробно изложена въ его статьѣ «Первое представленіе «Ревизора» на московской сценѣ». «Сочиненія», III, 1. 560—586.

**) Въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1840 г., въ статьѣ «Горе отъ ума», комедія Грибоѣдова.

не была сама себѣ цѣль, но средство исправлять общество осмѣяніемъ пороковъ». Эти слова едва ли могли понравиться автору, потому что въ нихъ обнаружилось невниманіе къ нравственному смыслу комедіи, который Гоголь ставилъ такъ высоко.

Изъ этого краткаго обзора литературныхъ мнѣній, высказанныхъ по поводу «Ревизора», видно, что разочарованіе автора въ его публикѣ было преждевременно. Если нашлись журналисты, мнѣніе которыхъ зависѣло отъ личныхъ счетовъ и которые, поэтому, сказали все дурное и несправедливое, что могли сказать; если нашлись мелкіе рецензенты, которые долгое время не могли возвыситься до пониманія «Ревизора», то самые серьезные журналы отдали комедіи Гоголя все должное. Жаль, что Гоголь поспѣшилъ отъѣздомъ за границу и не успѣлъ перелистать всѣ эти серьезные журналы (онъ не успѣлъ прочитать ни рецензіи «Молвы», ни статьи «Московскаго Наблюдателя»)—онъ, можетъ быть, простился бы съ родиной безъ того горькаго чувства, съ которымъ покидалъ ее.

Самолюбивый авторъ и нервный человѣкъ, безспорно обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, онъ сталъ помышлять о бѣгствѣ послѣ перваго же представленія «Ревизора». Желаніе посѣтить чужіе края, на которые онъ мелькомъ взглянулъ послѣ сожженія «Ганца Кюхельгартена», было у него и раньше, но нервное настроеніе, въ какое онъ впалъ весною 1836 года, заставило его торопиться отъѣздомъ. Въ началѣ іюля онъ сѣлъ на пароходъ и уѣхалъ.

«Прощай!—писалъ онъ своему другу Погодину. Ѣду разгулять свою тоску, глубоко обдумать свои обязанности авторскія, свои будущія творенія, и возвращусь къ тебѣ, вѣрно, освѣженный и обновленный».

Петербургскій періодъ жизни Гоголя закончился и начались для него долгіе годы скитальчества.

---

Одержана была блистательная литературная побѣда... Творчество автора, доселѣ колебавшееся между противорѣчивыми направленіями, не установившееся во вкусахъ и пріемахъ, повернуло опредѣленно на дорогу, которая должна была возвести его на ту высоту художественнаго созерцанія, на которой жизнь сливается съ вымысломъ. Послѣ долгой борьбы съ сентиментальнымъ темпераментомъ и романтическимъ міросозерцаніемъ врожденный талантъ бытописателя и реалиста достигалъ, наконецъ, своего полнаго цвѣтенія. Всякая идеализація, все индивидуально-романтическое, что было въ характерѣ поэта, временно отступало въ тѣнь передъ его способностью объективно и художественно воспроизводить то, что для него — субъективнаго до нельзя человѣка — было «не имъ», лежало внѣ его. Результатомъ этихъ тайныхъ душевныхъ бореній было созданіе первой художественной русской комедіи. По художественности выполненія она не имѣла себѣ равной въ прошломъ и въ настоящемъ, но она не вы-

ражала всей силы сатирической мысли художника; она была комедіей обыденныхъ нравовъ.

Но тѣмъ не менѣе ея общественный смыслъ былъ очень значителенъ для своего молчаливаго и пугливаго времени. Сравнительно съ сатирой старой она была скромна, никакого политическаго намека, даже рѣзкаго общественнаго обличенія она въ себѣ не заключала, но своей правдивостью она приводила зрителя всетаки къ сознанію переживаемаго имъ момента историческаго и общественнаго, и наталкивала его на выводы, о которыхъ сама безхитростно умалчивала.

Какъ все талантливое и правдивое, она раздразнила многихъ, и много горькихъ минутъ пришлось пережить автору, сознавшему, наконецъ свою силу. Не слѣдуетъ только преувеличивать этихъ огорченій.

## XIV.

Гоголь за границей (1836—1842).—Повышеніе въ немъ чувства красоты; увлеченіе Италіей и Римомъ.—Гоголь и католицизмъ.—Повышеніе религіозности и самомнѣнія; ближайшіе ихъ источники: подъемъ вдохновенія и болѣзнь.—Смерть Пушкина. — Исторія болѣзни Гоголя и его выздоровленіе. — Талантъ бытописателя и усиленіе враждебныхъ ему мыслей и настроеній; послѣдняя побѣда таланта.

Гоголь собрался въ путь и покинулъ родину очень поспѣшно, и, кажется, безъ мысли о долгой разлукѣ; но уже на первой станціи рѣшилъ, что скоро не вернется. «Нынѣшнее мое удаленіе изъ отечества, писалъ онъ Жуковскому изъ Гамбурга, послано свыше, тѣмъ же великимъ Провидѣніемъ, ниспославшимъ все на воспитаніе мое. Это великій переломъ, великая эпоха новой жизни... ни за что на свѣтѣ не возвращусь скоро» *). Гоголь какъ будто угадывалъ, что заграницей въ жизни его произойдетъ нѣчто знаменательное.

Онъ покидалъ Россію раздраженный на своихъ соотечественниковъ. Онъ говорилъ, что ѣдетъ размыкать тоску, которую они ему ежедневно наносятъ, что ему опротивѣла та изрядная коллекція гадкихъ рожъ, смотрѣть на которую онъ обязанъ. На основаніи нѣкоторыхъ такихъ рѣзкихъ выходокъ Гоголя, можно—если придетъ охота—сказать много краснорѣчивыхъ и патетичныхъ словъ о разсерженномъ гонимомъ пророкѣ, который бѣжалъ отъ своихъ на чужбину и тамъ скорбѣлъ объ отчизнѣ; но такое краснорѣчіе будетъ, вѣроятно, потрачено даромъ. Что Гоголь былъ раздраженъ, что онъ иногда кипѣлъ негодованіемъ противъ «свѣтскаго аристократства» и иной «черни», и въ дурную минуту говорилъ, что въ Россіи однѣ только свиньи живущи, что наконецъ онъ часто говорилъ о томъ, какъ онъ непонятъ и огорченъ — все это правда. Гоголю минутами казалось, что соотечественники его выгнали изъ Россіи, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ воспользовался первымъ болѣе или менѣе законнымъ предлогомъ, чтобы

*) «Письма Н. В. Гоголя», I, 384—5.

уѣхать, куда его давно тянуло, и какъ поэта, и какъ историка, и какъ южанина, и притомъ еще больного. Во всякомъ случаѣ, Гоголь покидалъ Россію совсѣмъ не въ подавленномъ настроеніи, и пріемъ, оказанный «Ревизору», если и разсердилъ его, то на срокъ очень короткій. Желаніе идти въ томъ направленіи, въ какомъ онъ шелъ, говорить рѣшительно и смѣло съ толпой, столь повидимому его обидѣвшей, у него не только не пропало, но, наоборотъ, возросло. «Писатель современный, писатель комическій, писатель нравовъ долженъ подальше быть отъ своей родины. Пророку нѣтъ славы въ отчизнѣ;—писалъ разсерженный поэтъ своему другу Погодину черезъ мѣсяцъ послѣ представленія «Ревизора». Но Богъ съ ними (т.-е. съ людьми, которые кричали противъ «Ревизора»). Я не оттого ѣду за границу, чтобъ не умѣлъ перенести этихъ неудовольствій. Мнѣ хочется поправиться въ своемъ здоровьѣ, разсѣяться, развлечься и потомъ, избравъ нѣсколько постояннѣе пребываніе, обдумать хорошенько труды будущіе. Пора уже мнѣ творить съ большимъ размышленіемъ» *).

«Если разсмотрѣть строго и справедливо—что такое все написанное мною до сихъ поръ?—говорилъ онъ Жуковскому, только что переѣхавъ русскую границу.—Мнѣ кажется, какъ будто я разворачиваю давнюю тетрадь ученика, въ которой на одной страницѣ видно нерадѣніе и лѣнь, на другой нетерпѣніе и поспѣшность, робкая, дрожащая, рука начинающаго и смѣлая замашка шалуна, вмѣсто буквъ, выводящая крючки, за которую бьютъ по рукамъ. Изрѣдка, можетъ быть, выберется страница, за которую похвалитъ развѣ только учитель, провидящій въ нихъ зародышъ будущаго. Пора, пора, наконецъ, заняться дѣломъ. О! какой непостижимо-изумительный смыслъ имѣли всѣ случаи и обстоятельства моей жизни!» **).

Такъ не станетъ писать человѣкъ, который бѣжитъ изъ отечеств негодуя на непризнавшихъ его соотечественниковъ, и Гоголь скоро простилъ имъ обиду и недовольство съ нихъ перенесъ на себя. Продолжая издѣваться и острить надъ нѣкоторыми вожаками того общественнаго мнѣнія, которое было къ нему такъ несправедливо, которое умышленно или неумышленно криво истолковало его намѣренія, нашъ старикъ позволялъ себѣ иной разъ сказать жесткое слово о Россіи, но все время думалъ о ней, собиралъ о ней самыя тщательныя свѣдѣнія, трудился ради нея и очень скоро сталъ ей говорить то же самое, что говорилъ раньше и за что былъ такъ огульно обруганъ.

Любовь къ отчизнѣ возрастала въ немъ заграницей и дальность разстоянія и длительность времени на нее не имѣли вліянія. Наоборотъ, онъ издали сталъ любить родину больше. Для его романтическаго сердца ея общія очертанія были милѣе ея деталей, которыя

*) «Письма Н. В. Гоголя» I, 370—371.
**) «Письма Н. В. Гоголя» I, 384.

онъ, однако, вырисовывалъ съ такой неподражаемой правдой, какъ разъ въ эти годы своей заграничной жизни. Но странно, любя родину въ мечтахъ, онъ тяготился встрѣчей съ нею. Когда послѣ трехлѣтняго пребыванія въ чужихъ краяхъ, онъ, по семейнымъ обстоятельствамъ, долженъ былъ провести конецъ 1839 года и начало 1840 г. въ Москвѣ и Петербургѣ, онъ ѣхалъ домой съ большой неохотой, ему было грустно и онъ чувствовалъ себя въ Россіи не на мѣстѣ; свое состояніе онъ называлъ «ужасно безчувственнымъ и окаменѣвшимъ», «бѣдная душа его не находила себѣ на родинѣ пріюта», онъ друзей просилъ «выгнать его изъ Россіи» и, дѣйствительно, не досидѣвъ и года, онъ ее снова покинулъ *). Положимъ, онъ былъ въ эту осень и зиму 1839—1840 года боленъ и разстроенъ разными семейными непріятностями, преимущественно финансовыми, но едва ли его нытье можетъ быть объяснено только этими причинами. Въ Москвѣ и въ Петербургѣ въ 1839—1840 гг. онъ былъ окруженъ людьми ему близкими, у него завязались новыя сердечныя связи съ членами аксаковскаго кружка, ни съ какими непріятностями литературнаго свойства ему считаться не приходилось,— и все-таки онъ скучалъ и томился и не могъ работать. А между тѣмъ, за границей онъ всегда чувствовалъ большой подъемъ творческой силы, чтò подтверждается и количествомъ, и качествомъ начатыхъ, передѣланныхъ и законченныхъ имъ произведеній. Суета заграничной жизни, встрѣчи и проводы знакомыхъ, новыя отношенія, быстрая смѣна впечатлѣній не мѣшали его работѣ. Даже дорога, и та дѣйствовала благотворно на его бодрость физическую и духовную. Дорога—какъ онъ признавался, была ему необходима и приносила большую пользу его бренному организму; она была его единственнымъ лекарствомъ; онъ шутилъ и говорилъ, что съ радостью сдѣлался бы фельдъегеремъ, курьеромъ, чтобы какъ можно дальше скакать, хоть на русскихъ перекладныхъ, въ Камчатку **).

Вообще въ эти шесть лѣтъ заграничной жизни много непонятнаго и страннаго подмѣчаемъ мы во внѣшнемъ образѣ жизни и въ настроеніяхъ и мысляхъ нашего писателя.

Коренной русскій человѣкъ, мало подготовленный къ тому, чтобы разобраться въ новыхъ впечатлѣніяхъ, онъ какъ-то внѣшнимъ образомъ сживается съ чужой обстановкой, отъ которой ему тяжело однако оторваться и которую онъ страстно любитъ, несмотря на то, что въ общемъ теченіи окружающей его новой жизни онъ не участвуетъ; но одновременно съ этой любовью къ новой обстановкѣ онъ сохраняетъ, однако, всѣ свои прежнія духовныя симпатіи къ родинѣ, все больше и больше любитъ Русь и не теряетъ зоркости взгляда даже на мелочи этой родной, теперь далекой отъ него жизни.

---

*) «Письма Н. В Гоголя», I, 625, 627; II, 11, 20, 27, 32, 37.

**) «Письма Н. В. Гоголя», I, 516; II, 82.

Романтикъ, съ сильнымъ тяготѣніемъ къ религіозности, большой эстетикъ и любитель старины, онъ живетъ среди природы и людей, съ рожденія воспитанныхъ въ этихъ романтическихъ чувствахъ, среди обстановки наиболѣе благопріятной для ихъ развитія—и онъ всетаки остается въ творчествѣ своемъ самымъ послѣдовательнымъ реалистомъ, теряетъ, какъ писатель, всякій вкусъ къ романтическому въ искусствѣ и подъ итальянскимъ небомъ въ мечтахъ объѣзжаетъ съ Чичиковымъ самые прозаическіе уголки Россіи по самой прозаической надобности.

Гоголь за границей, въ періодъ 1836—1842 г.—большая загадка которую, вѣроятно, не разъяснятъ никакіе біографическіе матеріалы и даже личныя признанія поэта. Въ этой сложной душѣ, полной противорѣчій, совершалось за этотъ періодъ времени то таинственное бореніе, которое художника въ концѣ концовъ обратило въ моралиста и богослова, и въ юмористѣ-бытописателѣ заставило вновь проснуться съ подновленной силой старое романтическое міросозерцаніе. Это было бореніе сначала очень радостное, полное вдохновеннаго восторга, а въ концѣ совсѣмъ болѣзненное, истомившее художника и физически, и нравственно.

Какъ свершалось это одновременное развитіе художника-наблюдателя и того же художника, который изъ наблюдателя становился моралистомъ и затѣмъ богословомъ — это едва ли кто разскажетъ, но для поясненія этой перемѣны нужно все-таки указать на нѣкоторыя настроенія и чувства, подъ власть которыхъ Гоголь подпалъ въ это время, частью въ виду, условій новой обстановки, частью въ силу неожиданностей или случайностей.

Эти настроенія и чувства не были чѣмъ-нибудь новымъ для Гоголя, они отъ рожденія были присущи ему и уже въ первыхъ его трудахъ, когда онъ былъ сентименталистъ и романтикъ по преимуществу, они прорывались наружу. Это были—развитое чувство красоты, чувство благоговѣнія передъ геніемъ, и религіозность, прикрашенная самомнѣніемъ. Заграницей эти склонности очень усилились и уже начали угрожать способности художника смотрѣть на жизнь непринужденнымъ и непредвзятымъ взглядомъ т.-е. той способности, которая именно въ это время достигла полнаго своего разцвѣта.

Чувство красоты, всегда въ Гоголѣ очень чуткое, развиваясь стало постепенно отдалять его отъ дѣйствительности. Интересы современные, общественные и политическіе, къ которымъ у нашего писателя никогда большого пристрастія не было, не только не оживились въ новыхъ условіяхъ, но, кажется, совсѣмъ заглохли. Странствуя по Германіи, Австріи и Франціи, нашъ путешественникъ, какъ видно изъ его писемъ, и не думалъ присматриваться къ тому, что вокругъ него творилось. Вся сложная соціальная и политическая жизнь Европы тридцатыхъ годовъ прошла мимо него. Нельзя, конечно, отъ Гоголя требовать, чтобы онъ сразу обнаружилъ пониманіе того, что ему до тѣхъ поръ было чуждо, но любопытно, что онъ не проявилъ даже и слабаго интереса къ этимъ сторонамъ европейской

жизни. Онъ искалъ за границей, кромѣ облегченія своихъ физическихъ недуговъ, исключительно впечатлѣній и ощущеній эстетическихъ. Вотъ почему онъ такъ любилъ Италію и преимущественно Римъ, въ которомъ за эти шесть лѣтъ побывалъ четыре раза и жилъ подолгу (6 мѣсяцевъ въ 1837 г., 10 мѣсяцевъ въ 1832 г., 6 мѣсяцевъ въ 1839 г., 4 мѣсяца въ 1840 г. и 8 мѣсяцевъ въ 1841 г.). Къ другимъ странамъ онъ относился хладнокровно, а иногда очень несправедливо. Швейцарія поразила его на первыхъ порахъ картинами своей природы, но они ему скоро надоѣли, и онъ затосковалъ о русскомъ сѣренькомъ небѣ; масса городовъ промелькнула мимо него, и онъ не зналъ, чтó сказать о нихъ; повидалъ онъ всевозможныя историческія достопримѣчательности въ разныхъ городахъ, но, кромѣ готическихъ соборовъ, которые онъ такъ любилъ еще на картинкахъ, ничто не вызвало въ немъ настоящаго неподдѣльнаго восторга. Письма Гоголя, писанныя не изъ Италіи, очень безцвѣтны и холодны. Парижъ оказался «не такъ дуренъ, какъ Гоголь его себѣ воображалъ, и понравился тѣмъ, что въ немъ много мѣстъ для гулянья»; спустя нѣкоторое время нашъ авторъ добавилъ, что на него произвели большое впечатлѣніе парижскіе рестораны и бульвары. Вся поэзія парижской жизни отъ его нелюбопытнаго взора ускользнула, какъ ускользнула и красота нѣмецкихъ городковъ, которую нѣкогда онъ воспѣвалъ въ своемъ «Ганцѣ Кюхельгартенѣ». «Я сомнѣваюсь,—писалъ онъ въ 1838 году,—та ли теперь эта Германія, какою ее мы представляемъ себѣ. Не кажется ли она намъ такою только въ сказкахъ Гофмана? Я, по крайней мѣрѣ, въ ней ничего не видѣлъ, кромѣ скучныхъ табльдотовъ, вѣчныхъ на одно и то же лицо состряпанныхъ кёльнеровъ и безконечныхъ толковъ о томъ, изъ какихъ блюдъ былъ обѣдъ; и та мысль, которую я носилъ въ умѣ объ этой чудной и фантастической Германіи, исчезла, когда я увидѣлъ Германію въ самомъ дѣлѣ, такъ, какъ исчезаетъ прелестный голубой колоритъ дали, когда мы приближаемся къ ней близко» *). «Эта гадкая, запачканная и закопченная табачищемъ Германія, которая есть не что другое, какъ самая неблаговонная отрыжка мерзѣйшаго пива», говорилъ въ сердцахъ нашъ писатель при иномъ случаѣ **). Слова болѣе чѣмъ странныя въ устахъ историка, да и эстетика также. Если ихъ можно простить Гоголю, то только потому, что онъ былъ влюбленъ, влюбленъ страстно въ Италію и, какъ влюбленный, былъ несправедливъ ко всѣмъ соперницамъ своей возлюбленной.

Страсть къ Италіи была въ немъ страстью и южанина, и эстетика, и романтика, и любилъ онъ въ этой Италіи не только ее самое, но и свою мечту, какъ любятъ всѣ истинно влюбленные. «Кто былъ въ Италіи, тотъ скажи «прощай» другимъ землямъ,—исповѣдывался онъ;

---

*) «Письма Н. В. Гоголя», I, 542—3.
**) «Письма Н. В. Гоголя», I, 607—8.

кто былъ на небѣ, тотъ не захочетъ на землю... Европа въ сравненіи съ Италіей все равно, что день пасмурный въ сравненіи съ днемъ солнечнымъ». «Душенька моя! моя красавица Италія,—восклицалъ онъ при второмъ свиданіи послѣ первой разлуки (1837 г.),—никто въ мірѣ ее не отниметъ у меня! Я родился здѣсь... Россія, Петербургъ, снѣга, подлецы, департаментъ, каѳедра, театръ—все это мнѣ снилось... О если бы вы взглянули только на это ослѣпляющее небо, все тонущее въ сіяніи! Все прекрасно подъ этимъ небомъ; что ни развалина, то и картина; на человѣкѣ какой-то сверкающій колоритъ; строеніе, дерево, дѣло природы, дѣло искусства—все, кажется, дышетъ и говоритъ подъ этимъ небомъ... Вѣкъ художника, кажется, оканчивается, когда онъ оставляетъ Италію и, дохнувъ тлетворнымъ дыханіемъ сѣвера, онъ, какъ цвѣтокъ юга, никнетъ головою...» *) и на разные лады повторялъ Гоголь эти возгласы, и все ему казалось, что они безсильны выразить всю полноту его очарованія.

Всего больше такихъ любовныхъ словъ пришлось на долю Рима. «Въ Римъ влюбляешься очень медленно,—признавался его поклонникъ,—понемногу, и ужъ на всю жизнь». «Нѣтъ лучшей участи, какъ умереть въ Римѣ,—писалъ онъ,—цѣлой верстой человѣкъ здѣсь ближе къ Божеству. Князь Вяземскій очень справедливо сравниваетъ Римъ съ большимъ прекраснымъ романомъ или эпопеею, въ которой на каждомъ шагу встрѣчаются новыя и новыя, вѣчно неожиданныя красы. Передъ Римомъ всѣ другіе города кажутся блестящими драмами, которыхъ дѣйствіе совершается шумно и быстро въ глазахъ зрителя; душа восхищена вдругъ, но не приведена въ такое спокойствіе, въ такое продолжительное наслажденіе, какъ при чтеніи этой эпопеи. Я читаю ее, читаю... и до сихъ поръ не могу добраться до конца. Чтеніе мое безконечно». «О Римъ! Римъ! Чья рука вырветъ меня отсюда?» При второмъ свиданіи послѣ краткой разлуки (1838) Римъ показался Гоголю еще лучше прежняго. Ему почудилось, что онъ увидѣлъ свою родину, въ которой нѣсколько лѣтъ не бывалъ, но въ которой жили его мысли; но нѣтъ, не свою родину, а родину души своей увидалъ онъ, гдѣ душа его жила еще прежде, чѣмъ онъ родился на свѣтъ. Здѣсь только тревоги не властны и не касаются души, признавался онъ; что было бы со мною въ другомъ мѣстѣ!.. Кромѣ Рима, нѣтъ Рима на свѣтѣ, хотѣлъ было сказать—счастья и радости, да Римъ больше, чѣмъ счастье и радость». «Если бы мнѣ предлагали милліоны, и эти милліоны помножили еще на милліоны, и потомъ удесятерили эти милліоны, я бы не взялъ ихъ, еслибъ это было съ условіемъ оставить Римъ, хотя на полгода»,—думалъ Гоголь, когда скучный и разсерженный ѣхалъ въ 1839 году, въ Россію, и въ Москвѣ онъ нылъ по этому Риму, нылъ жалобно: «О если бы вы знали, какъ наполняются тамъ неизмѣримыя

*) «Письма Н. В. Гоголя», I, 451, 459, 461, 609.

пространства пустоты въ нашей жизни! Какъ близко тамъ къ небу! Боже, Боже, Боже! О, мой Римъ! Прекрасный мой, чудесный Римъ! Несчастливъ тотъ, кто два мѣсяца разстался съ тобой и счастливъ тотъ, для котораго эти два мѣсяца прошли, и онъ на возвратномъ пути къ тебѣ!» «Поглядите на меня въ Римѣ, и вы много во мнѣ поймете того, чему, можетъ быть, многіе дали названіе безсмысленной странности»*). И это вѣрно. Много страннаго творилось съ нашимъ писателемъ въ Римѣ.

Ясно только одно: Италія и Римъ необычайно сильно подѣйствовали на его эстетическое чувство и безличная красота природы и красота старины мало-по-малу разобщали его съ той дѣйствительностью, которую онъ вокругъ себя видѣлъ. Изъ наблюдателя онъ превращался въ созерцателя, и природа и искусство стали его интересовать больше, чѣмъ люди въ ихъ повседневной жизни. Въ римскихъ письмахъ онъ не скрывалъ своего упоенія искусствомъ и небомъ Италіи и не хотѣлъ замѣчать ничего другого. Римъ былъ для него музеемъ, по которому онъ прогуливался, и въ римскомъ народѣ, характеръ котораго онъ изучалъ довольно внимательно, его прельщало именно эстетическое чувство, «невольное чувство понимать то, что понимается только пылкою природою, на которую холодный, разсчетливый, меркантильный европейскій умъ не набросилъ своей узды». Даже историческое прошлое Рима привлекало его меньше, чѣмъ археологическая красота вѣчнаго города въ настоящемъ. «Если бы мнѣ предложили,—говорилъ онъ, — что бы я предпочелъ? видѣть передъ собой древній Римъ въ грозномъ и блестящемъ величіи или Римъ нынѣшній, въ его теперешнихъ развалинахъ, я бы предпочелъ Римъ нынѣшній. Нѣтъ, онъ никогда не былъ такъ прекрасенъ!»

Увлеченіе нашего романтика этой безсмертной красотой небесъ и человѣческаго вдохновенія—вполнѣ понятно; понятно также, что оно въ концѣ концовъ не могло не повліять на направленіе его творчества. Сидѣть подъ сѣнью лазурнаго неба, миртовъ и кипарисовъ, видѣть передъ собой все лучшее, что создано чувствомъ красоты въ человѣкѣ и въ то же время копаться въ душѣ всякихъ Чичиковыхъ, Ноздревыхъ и Собакевичей было на долгій срокъ невозможно. Художникъ могъ захотѣть освѣтить лучомъ красоты ту сѣрую жизнь, надъ воплощеніемъ которой онъ работалъ, и такое освѣщеніе или освященіе могло заставить его впасть въ противорѣчіе съ правдой, какъ это дѣйствительно съ нимъ позже и случилось. Увлеченіе красотой въ Италіи было одной изъ многихъ причинъ, заставившихъ сатирика отыскивать красоту не только въ русской природѣ, но и въ русской жизни, и становиться передъ ней преждевременно на колѣни.

Эстетическое чувство, разогрѣтое римскимъ воздухомъ, приблизило

*) «Письма Н. В. Гоголя», I, 435, 439, 461, 468, 493, 588, 622; II, 6, 12, 51.

Гоголя и къ католицизму. Объ этихъ симпатіяхъ нашего писателя говорилось нерѣдко и его восторгу передъ Римомъ, а также и нѣкоторымъ его недружелюбнымъ словамъ, сказаннымъ по адресу Россіи придавали иногда смыслъ болѣе глубокій, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ имѣли. Писателя заподозрили въ тяготѣніи къ католичеству. Это едва ли вѣрно.

Онъ оставался православнымъ, хотя, какъ поэтъ, и могъ себѣ позволить нѣсколько восторженныхъ возгласовъ во славу красоты католическихъ соборовъ и обрядовъ. Когда онъ, напр., говорилъ въ 1838 году, что «только въ одномъ Римѣ молятся, а въ другихъ мѣстахъ показываютъ только видъ, что молятся», что молитва только въ Римѣ на своемъ мѣстѣ, а въ Парижѣ, Лондонѣ и Петербургѣ она все-равно, что на рынкѣ, то изъ этихъ словъ можно сдѣлать только одинъ выводъ—а именно, что въ нашемъ авторѣ, какъ въ поэтѣ, религіозное чувство пробуждалось подъ сѣнью католическаго храма, который, какъ извѣстно, почти всегда храмъ искусства. О догмѣ, которая подъ этой сѣнью проповѣдывалась, Гоголь въ то время (1837) думалъ мало и судилъ о ней весьма поверхностно, если вѣрить тому, что онъ писалъ своей матери, которая была очень озабочена его хожденіемъ по католическимъ церквамъ. «Насчетъ моихъ чувствъ и мыслей объ этомъ вы правы, что спорили съ другими, что я не перемѣню обрядовъ своей религіи—писалъ ей онъ *). Это совершенно справедливо; потому что какъ религія наша, такъ и католическая, совершенно одно и тоже, и потому совершенно нѣтъ надобности перемѣнять одну на другую. Та и другая истинна; та и другая признаетъ одного и того же Спасителя нашего, одну и ту же Божественную премудрость, посѣтившую нѣкогда нашу землю...» Если въ этихъ словахъ нельзя узнать ревностнаго православнаго, то нельзя подмѣтить и никакого тяготѣнія къ католицизму... Возможно, однако, что Гоголь потому такъ наивно говорилъ объ этомъ серьезномъ вопросѣ, что хотѣлъ успокоить свою мать, для которой серьезный разговоръ объ отличіи вѣроисповѣданій былъ бы мало интересенъ. Во всякомъ случаѣ по тѣмъ даннымъ, которыя имѣются, можно говорить лишь о поэтическомъ восхищеніи Гоголя обрядовой стороной католицизма; на болѣе тѣсное сближеніе съ католиками Гоголь не шелъ, хотя они и дѣлали шаги, чтобы привлечь его на свою сторону **).

*) Письма Н. В. Гоголя I, 664—5,

**) Недавно проф. А. А. Кочубинскій очень подробно и талантливо разъяснилъ и опредѣлилъ на основаніи новыхъ документовъ, тѣ сношенія, которыя были у Гоголя съ представителями польскаго католическаго ордена «воскресенцевъ». [*А. А. Кочубинскій* «Будущимъ біографамъ Н. В. Гоголя» «Вѣстникъ Европы», 1902 г. Февраль, 650—675]. Гоголь встрѣтился съ этими религіозно-политическими агитаторами въ 1838 г. у кн. Зинаиды Волконской, проживавшей въ Римѣ и очень ревностной католички. Она и порученные ея попеченію два «воскресенца» имѣли безспорное желаніе привлечь Гоголя въ лоно католической церкви. Насколько самъ Гоголь шелъ имъ



Религіозное чувство крѣпло въ Гоголѣ само по себѣ и пока еще не переходило въ проповѣдь опредѣленнаго вѣроисповѣданья.

Мысль о Богѣ сочеталась въ немъ прежде всего съ мыслью о самомъ себѣ.

Мы знаемъ, какъ мысль о своемъ великомъ призваніи съ дѣтскихъ лѣтъ была сильна въ нашемъ мечтателѣ. Не нужно было ни Италіи, ни Рима, чтобы укоренить въ немъ эту дерзкую увѣренность въ особомъ Божіемъ покровительствѣ, какое на немъ почіетъ. Онъ уже освоился съ этой мыслью, когда покидалъ Россію въ 1836 г. «Всѣ оскорбленія, всѣ непріятности посылались мнѣ высокимъ Провидѣніемъ на мое воспитаніе,—говорилъ онъ, прощаясь съ родиной,—я чувствую, что неземная воля направляетъ путь мой. Онъ, вѣрно, необходимъ для меня». «Мнѣ ли не благодарать пославшаго меня на землю. Какихъ высокихъ, какихъ торжественныхъ ощущеній, невидимыхъ, незамѣтныхъ для свѣта, исполнена жизнь моя! Клянусь, я что-то сдѣлаю, чего не дѣлаетъ обыкновенный человѣкъ. Львиную силу чувствую я въ душѣ своей... Кто-то незримый пишетъ передо мною могущественнымъ жезломъ. Знаю, что мое имя послѣ меня будетъ счастливѣе меня и потомки тѣхъ же земляковъ моихъ, можетъ быть съ глазами, влажными отъ слезъ, произнесутъ примиреніе моей тѣни» *). Такъ увѣренно и самонадѣянно писалъ онъ въ 1836 году, тотчасъ послѣ всѣхъ огорченій, испытанныхъ въ Петербургѣ. Онъ призналъ пустяками все, что онъ писалъ доселѣ, и голова его была полна новыхъ литературныхъ плановъ, самыхъ смѣлыхъ и широкихъ. Эти планы были пока еще только планы, а поэтъ былъ уже въ такомъ экстазѣ. Какъ долженъ былъ

навстрѣчу въ этомъ дѣлѣ—опредѣлить очень трудно; онъ искалъ ихъ общества, много бесѣдовалъ съ ними о польской литературѣ; онъ зналъ, что они и княгиня заняты обращеніемъ въ католичество сына княгини, и принялъ это извѣстіе сердечно и благодушно; онъ позволялъ «втирать въ себя нѣсколько хорошихъ мыслей» и принималъ и у себя этихъ апостоловъ—но изъ всѣхъ этихъ фактовъ трудно вывести какое нибудь заключеніе о колебаніи Гоголя между православіемъ и католичествомъ, тѣмъ болѣе, что эти сношенія не продолжались и года, и послѣ интимныхъ бесѣдъ въ началѣ 1838 г., почти сошли на нѣтъ въ слѣдующемъ году. Изъ словъ самихъ «воскресенцевъ», которые въ своихъ донесеніяхъ писали, что они у Гоголя замѣтили «свѣтлыя мысли», что онъ «внутренно работаетъ», что «отъ ихъ посѣщеній въ душѣ Гоголя остается прекрасное впечатлѣніе»—нельзя сдѣлать никакого вывода, такъ какъ всякій фанатизмъ всегда страдаетъ преувеличеніемъ. Нельзя сказать даже такъ осторожно, какъ сказалъ пр. Кобучинскій, что Гоголь былъ «*близокъ* къ искусительному шагу». Гоголь былъ хитеръ и себѣ на умѣ и въ откровенности не пускался. Онъ, дѣйствительно, начиналъ тогда «работать внутренно», но любовь къ Риму была въ Гоголѣ всетаки симпатіей эстетической—въ чемъ можетъ насъ убѣдить его повѣсть «Римъ», написанная приблизительно въ это же время (1839). Любопытно также, что въ тѣ же дни, когда Гоголь интимно бесѣдовалъ съ «воскресенцами», онъ началъ переработку «Тараса Бульбы»—этого боевого эпоса казаковъ, воюющихъ съ поляками и католицизмомъ.

*) «Письма Н. В. Гоголя», I, 378, 383, 415.

этотъ экстазъ возрасти, когда задуманное начало осуществляться? И, въ самомъ дѣлѣ, по мѣрѣ того, какъ «Мертвыя Души», къ работѣ надъ которыми онъ приступилъ заграницей, ложились на бумагу, крѣпло въ Гоголѣ и сознаніе своей божественной миссіи. Вдохновеніе художника превращалось постепенно чуть ли не въ ясновидѣнье Пророка. «Много чуднаго совершилось въ моихъ мысляхъ и жизни—пишетъ Гоголь Аксакову въ 1840 году. Я радъ всему, всему, что ни случится со мною въ жизни, и какъ погляжу я только, къ какимъ чуднымъ пользамъ и благу вело меня то, что называютъ въ свѣтѣ неудачами, то растроганная душа моя не находитъ словъ благодарить Невидимую Руку ведущую меня». «Вѣрь словамъ моимъ,—взываетъ онъ къ одному пріятелю,—властью высшаго облечено отнынѣ мое слово. Все можетъ разочаровать, обмануть, измѣнить тебѣ, но не измѣнитъ мое слово!» *). «О! вѣрь словамъ моимъ,—пишетъ онъ въ это же время (1841) другому корреспонденту, поэту Языкову, ничего не въ силахъ я тебѣ болѣе сказать, какъ только «вѣрь словамъ моимъ». Есть чудное и непостижимое... но рыданья и слезы глубоко вдохновенной благодарной души помѣшали бы мнѣ вѣчно досказать... и онѣмѣли бы уста мои. Никакая мысль человѣческая не въ силахъ себѣ представить сотой доли той необъятной любви, какую содержитъ Богъ къ человѣку! Вотъ все. Отнынѣ взоръ твой долженъ быть свѣтло и бодро вознесенъ горѣ: для сего была наша встрѣча. И если при разставаніи нашемъ, при пожатіи рукъ нашихъ не отдѣлилась отъ моей руки искра крѣпости душевной въ душу тебѣ, то, значитъ, ты не любишь меня. И если когда-нибудь одолѣетъ тебя скука и ты, вспомнивъ обо мнѣ, не силахъ одолѣть ее, то, значитъ, ты не любишь меня. И если мгновенный недугъ отяжелитъ тебя и низу поклонится духъ твой, то, значитъ, ты не любишь меня» **). Самая поддѣлка рѣчи подъ евангельскій тонъ есть какъ бы косвенный намекъ на то, что художникъ въ своихъ глазахъ выросъ до пророка; и онъ, дѣйствительно, начиналъ чувствовать въ себѣ пророческую силу. Онъ, какъ самъ говорилъ, «слышитъ часто чудныя минуты, живетъ чудной жизнью, внутренней, огромной, заключенной въ немъ самомъ, и вся жизнь его отнынѣ — благодарный гимнъ». «Горе кому бы то ни было, не слушающему моего слова!» сказалъ онъ однажды въ одну изъ такихъ чудныхъ минутъ... а въ другую договорился до совсѣмъ не понятнаго мистически-пророческаго возгласа: «Никто изъ моихъ друзей не можетъ умереть, потому что онъ вѣчно живетъ со мною». Если въ чьихъ устахъ такія слова были умѣстны, то развѣ только въ устахъ Спасителя...

Можно спросить, однако, что именно было причиной такого повы-

---

*) «Письма Н. В. Гоголя», II, 90, 91, 111.

**) «Письма Н. В. Гоголя», I, 168.

шенія религіознаго чувства, непосредственно реагировавшаго на самомнѣніе художника?

Причину этой странности найти трудно. Гоголь родился алчущимъ Бога и правды и подъ конецъ своей жизни даже душевно заболѣлъ отъ этого духовнаго голода и жажды. И самомнѣніе было въ немъ также чертой врожденной, какъ и желаніе создать нѣчто великое на благо ближняго и родины. Вполнѣ понять такія натуры можетъ только натура родственная: ей открыто то невыразимое, что таилось въ душѣ этого искателя правды, искупившаго цѣной страшныхъ душевныхъ страданій все свое духовное преимущество надъ другими. Біографъ и изслѣдователь можетъ только прослѣдить самый процессъ развитія этихъ чувствъ и указать на нѣкоторыя условія, которыя способствовали ихъ быстрому росту. Религіозная атмосфера Рима едва ли можетъ быть признана за главное изъ такихъ условій; были другія. На повышеніе религіозности и самомнѣнія Гоголя оказалъ прежде всего вліяніе необычайно сильный подъемъ его творческой дѣятельности, который изумилъ самого автора; затѣмъ его болѣзненное состояніе.

Творческія силы Гоголя работали, заграницей, дѣйствительно, очень напряженно: художникъ испытывалъ частые наплывы вдохновенія; одни литературные планы быстро смѣнялись другими; онъ торопился творить и быть довольнымъ тѣмъ, что создать удавалось. Онъ увѣровалъ наконецъ въ то, что онъ можетъ свершить нѣчто великое, благое для ближнихъ, свершить, какъ писатель, и что ему дано исполнить эту миссію; дано кѣмъ?—Конечно, Богомъ, который предначерталъ весь его земной путь и послалъ ему всѣ испытанія, чрезъ которыя онъ прошелъ не столько какъ человѣкъ вообще, сколько какъ художникъ.

И одновременно съ этимъ подъемомъ духа шло медленное увяданіе плоти. Гоголь никогда не пользовался цвѣтущимъ здоровьемъ и сталъ болѣть очень рано. За границей приступы этой болѣзни участились, и мнительный человѣкъ (а онъ былъ очень мнителенъ) сталъ преувеличивать опасность: ему казалось, что смерть его близка, что болѣзнь держитъ его на самомъ рубежѣ могилы. Онъ видѣлъ въ этомъ опять указаніе перста Божія, и когда выздоравливалъ (что было вполнѣ естественно), онъ еще больше укрѣплялся въ вѣрѣ въ свое предназначеніе свыше. Мысль о томъ, что смерть проходитъ мимо него по высшему повелѣнію, щадитъ его, какъ писателя, напрашивалась сама собою, и Гоголь облюбовалъ эту льстивую мысль.

Онъ боялся смерти, и какъ разъ въ эти годы ему пришлось дважды столкнуться съ нею, и она произвела на его романтическую душу возвышенно мистическое впечатлѣніе, которое непосредственно отозвалось и на его религіозномъ чувствѣ, и на его мысляхъ о собственномъ призваніи.

Скончался Пушкинъ. Гоголь усмотрѣлъ въ этой смерти для себя

новое указаніе свыше. Ничто не можетъ сравниться съ той скорбью, какую онъ испыталъ при этой вѣсти. «Все наслажденіе моей жизни, говорилъ онъ,—все мое высшее наслажденіе исчезло вмѣстѣ съ нимъ. Ничего не предпринималъ я безъ его совѣта, ни одна строка не писалась безъ того, чтобы я не воображалъ его передъ собой. Что скажетъ онъ, что замѣтитъ онъ, чему посмѣется, чему изречетъ неразрушимое и вѣчное одобреніе свое—вотъ что меня только занимало и одушевляло мои силы. Тайный трепетъ невкушаемаго на землѣ удовольствія обнималъ мою душу. Боже! нынѣшній трудъ мой («Мертвыя Души»), внушенный имъ, его созданіе... я не въ силахъ продолжать его. Нѣсколько разъ принимался я за перо—и перо падало изъ рукъ моихъ. Невыразимая тоска!» «Моя жизнь, мое высшее наслажденіе умерло съ нимъ. Когда я творилъ, я видѣлъ передъ собой только Пушкина. Ничто мнѣ были всѣ толки, я плевалъ на презрѣнную чернь: мнѣ дорого было его вѣчное и непреложное слово. Все, что есть у меня хорошаго, всѣмъ этимъ я обязанъ ему. И теперешній трудъ мой есть его созданіе. Онъ взялъ съ меня клятву, чтобы я писалъ... Я тѣшилъ себя мыслью, какъ будетъ доволенъ онъ, угадывалъ, что будетъ нравиться ему, и это было моей высшею и первою наградою. Теперь этой награды нѣтъ впереди! Что трудъ мой? Что теперь жизнь моя?» «Великаго не стало». «О Пушкинъ, Пушкинъ, какой прекрасный сонъ удалось мнѣ видѣть въ жизни, и какъ печально было мое пробужденіе!» «Боже какъ странно, Россія безъ Пушкина» *).

С. Т. Аксаковъ, близко знавшій Гоголя, утверждалъ, что смерть Пушкина «была единственной причиной всѣхъ болѣзненныхъ явленій его духа, вслѣдствіе которыхъ онъ задавалъ себѣ неразрѣшимые вопросы, на которые великій талантъ его, изнеможенный борьбою, съ направленіемъ отшельника, не могъ дать сколько-нибудь удовлетворительныхъ отвѣтовъ» **). Мы знаемъ, однако, что эти неразрѣшимые вопросы Гоголь задавалъ себѣ и раньше, тогда, когда направленіе отшельника въ немъ еще совсѣмъ не сказывалось, но смерть Пушкина была для него все-таки какъ бы откровеніемъ свыше. Гоголь сталъ думать, что къ нему переходила теперь по наслѣдству та роль пророка-пѣвца, которую его другъ такъ грустно закончилъ; и мысль о смерти, нежданной и случайной, влекла за собой другую мысль о необходимости торопиться со своимъ трудомъ, съ трудомъ, начатымъ съ благословенія Пушкина и теперь осиротѣвшимъ. Молитва къ Богу и воззваніе къ своему генію слились въ одно. Художникъ сталъ перерождаться въ пророка, но мнительнаго пророка, ожидающаго съ минуты на минуту призыва покинуть земное.

*) «Письма Н. В. Гоголя», I, 432, 434, 436, 441, 459; II, 12.

**) *С. Аксаковъ*. «Исторія моего знакомства съ Гоголемъ», М. 1890, 13.



И судьба, какъ нарочно, еще разъ показала ему, какъ гибнетъ случайно и безсмысленно прекрасное въ жизни. Въ 1839 году ему въ Римѣ пришлось провести нѣсколько ночей у одра умиравшаго друга, молодого Іосифа Вельгорскаго. Ничѣмъ этотъ юноша не заявилъ себя, но природа, если вѣрить лицамъ, его знавшимъ, соединила и одарила его всѣми дарами и духовными, и тѣлесными. Гоголь былъ къ нему давно привязанъ, но неразрывно и братски сошелся съ нимъ только во время его болѣзни. Гоголь жилъ его умирающими днями и ловилъ его минуты. «Непостижимо странна судьба всего хорошаго у насъ въ Россіи,—говорилъ онъ, глядя на умирающаго друга. — Едва только оно успѣетъ показаться—и тотчасъ же смерть! безжалостная, неумолимая смерть. Я ни во что теперь не вѣрю и если встрѣчаю что прекрасное, то жмурю глаза и стараюсь не глядѣть на него. Отъ него мнѣ несетъ запахомъ могилы...» *) Она его очень разстроила, эта юная смерть, но вмѣстѣ съ тѣмъ наполнила его душу необычайно нѣжнымъ чувствомъ. Гоголь далъ этому чувству волю на двухъ-трехъ страницахъ своего дневника. Онѣ озаглавлены: «Ночи на виллѣ». Это очень поэтическія страницы, характерныя для нашего романтика, въ которомъ тогда такъ крѣпло и разогрѣвалось религіозное чувство. Въ этомъ дневникѣ оно не принимаетъ того строгаго, суроваго аскетическаго оттѣнка, который появится въ позднѣйшихъ словахъ Гоголя, когда мысль о собственной смерти начнетъ страшить его. Эти «Ночи на виллѣ» — нѣжный гимнъ смерти, ея тихое вѣяніе, уловленное человѣкомъ, который умѣетъ понять и прочувствовать ея страшную поэзію. Нѣжный, даже приторный тонъ въ рѣчахъ, которыми обмѣниваются больной юноша и поэтъ, ловящій его послѣдніе вздохи... дыханіе весны кругомъ и желаніе принять на себя смерть своего друга и ожиданіе близкой развязки... и цѣлый рядъ летучихъ воспоминаній о своемъ дѣтствѣ, когда молодая душа искала дружбы и братства, когда сладко смотрѣлось очами въ очи, когда весь готовъ былъ на пожертвованія, часто даже вовсе ненужныя... Въ такомъ рядѣ поэтическихъ образовъ, настроеній и словъ давалъ себя чувствовать нашему поэту тотъ страшный посѣтитель, который нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ кончины Вельгорскаго напугалъ его самого насмерть.

Въ 1840 году здоровье Гоголя, и вообще не цвѣтущее, сильно пошатнулось. Трудно теперь сказать, чѣмъ въ сущности онъ былъ боленъ. Самымъ тяжелымъ симптомомъ болѣзни было подавленное психическое состояніе больного. Еще въ ноябрѣ 1836 г., когда Гоголь жилъ въ Вевѣ, докторъ отыскалъ въ немъ признаки ипохондріи, происходившей отъ геморроидъ, и совѣтовалъ ему развлекать себя. Въ апрѣлѣ 1837 года Гоголь признается, что на него находятъ

*) «Письма Н. В. Гоголя», I, 606, 612.

часто печальныя мысли, которыя — по опредѣленію врачей — слѣдствіе ипохондріи. Эта ипохондрія, усиленная скорбью о смерти Пушкина, гонится за нимъ по пятамъ и осенью этого же 1837 года. Черезъ годъ онъ говоритъ, что болѣзнь деспотически вошла въ его составъ и обратилась въ натуру. «Что если я не окончу труда моего?— начинаетъ онъ себя спрашивать...—О! прочь эта ужасная мысль! Она вмѣщаетъ въ себѣ цѣлый адъ мукъ, которыхъ не доведи Богъ вкушать смертному!» Но отогнать эту мысль онъ былъ не въ силахъ; она съ этого времени настойчиво стучалась ему въ голову. «О если бы на четыре, пять лѣтъ здоровья, говорилъ онъ. И неужели не суждено осуществиться тому... много думалъ я совершить... еще донынѣ голова моя полна, а силы, силы... но Богъ милостивъ. Онъ, вѣрно, продлитъ дни мои... несносная болѣзнь. Она меня сушитъ. Она мнѣ говоритъ о себѣ каждую минуту и мѣшаетъ мнѣ заниматься. Но я веду свою работу, и она будетъ кончена, но другія, другія... О! какіе существуютъ великіе сюжеты!» *).

Весь 1838 г. болѣзнь не давала ему покоя. Въ 1839 году она усилилась, и настроеніе его духа, послѣ смерти Вьельгорскаго, стало очень мрачно.

Болѣзненное состояніе и тяжелое настроеніе духа держались и за все время краткаго пребыванія Гоголя въ Россіи въ концѣ 1839 г. и въ началѣ 1840 г. Ему стало легче, когда онъ выѣхалъ изъ Россіи. Дорога сдѣлала надъ нимъ свое чудо. Онъ свѣжій и бодрый пріѣхалъ въ Вѣну пить маріенбадскую воду. Но здѣсь, въ Вѣнѣ, болѣзнь сразу обострилась, и онъ въ первый разъ испугался смерти. Онъ самъ разсказывалъ такъ объ этой болѣзни. «Лѣтомъ (1840), въ жаръ, мое нервическое пробужденіе обратилось вдругъ въ раздраженіе нервическое. Все мнѣ бросилось разомъ на грудь. Я испугался; я самъ не понималъ своего положенія; я бросилъ занятія, думалъ, что это отъ недостатка движенія при водахъ и сидячей жизни, пустился ходить и двигаться до усталости и сдѣлалъ еще хуже. Нервическое разстройство и раздраженіе возросло ужасно: тяжесть въ груди и давленіе, никогда дотолѣ мною не испытанное, усилилось. По счастью, доктора нашли, что у меня еще нѣтъ чахотки, что это желудочное разстройство, остановившееся пищевареніе и необыкновенное раздраженіе нервъ. Отъ этого мнѣ было не легче, потому что леченіе мое было довольно опасно, то, что могло бы помочь желудку, дѣйствовало разрушительно на нервы, а нервы обратно на желудокъ Къ этому присоединилась болѣзненная тоска, которой нѣтъ описанія. Я былъ приведенъ въ такое состояніе, что не зналъ рѣшительно, куда дѣть себя, къ чему прислониться. Ни двухъ минутъ я не могъ остаться въ покойномъ положеніи

*) «Письма Н. В. Гоголя», 1, 414, 442, 454, 514, 519, 520, 555.



ни на постели, ни на стулѣ, ни на ногахъ. О! это было ужасно! Это была та самая тоска, то ужасное безпокойство, въ какомъ я видѣлъ бѣднаго Вельегорскаго въ послѣднія минуты жизни! Съ каждымъ днемъ послѣ этого мнѣ становилось хуже и хуже. Наконецъ уже докторъ самъ ничего не могъ предречь мнѣ утѣшительнаго. Я понималъ свое положеніе и наскоро, собравшись съ силами, нацарапалъ, какъ могъ, тощее духовное завѣщаніе. Но умереть среди нѣмцевъ мнѣ показалось страшно. Я велѣлъ себя посадить въ дилижансъ и везти въ Италію» *).

Сильный приступъ болѣзни и тоски на этотъ разъ прошелъ, однако, очень быстро. Физическія силы Гоголя возстановились и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ воспрянулъ духомъ. Литературная работа, пріостановленная, вновь закипѣла, міросозерцаніе просвѣтлѣло, и большой подъемъ испытало его религіозное чувство: его «великій трудъ» былъ спасенъ на его глазахъ, и, какъ онъ былъ увѣренъ, спасенъ Божьимъ вмѣшательствомъ. «Одна только чудная воля Бога воскресила меня,—писалъ онъ одной своей пріятельницѣ осенью 1840 года.—Я до сихъ поръ не могу очнуться и не могу представить, какъ я избѣжалъ отъ этой опасности! Это чудное мое исцѣленіе наполняетъ душу мою утѣшеніемъ несказаннымъ: стало быть, жизнь моя еще нужна и не будетъ безполезна». «О моей болѣзни мнѣ не хотѣлось писать къ вамъ,—говорилъ онъ С. Т. Аксакову,—потому что это бы васъ огорчило. Теперь я пишу къ вамъ, потому что здоровъ, благодаря чудной силѣ Бога, воскресившаго меня отъ болѣзни, отъ которой, признаюсь, я не думалъ уже встать. Много чудеснаго совершилось въ моихъ мысляхъ и жизни» **).

---

Таково было отраженіе новыхъ внѣшнихъ условій жизни на психикѣ нашего поэта. Врожденный ему культъ красоты, эстетизмъ его міросозерцанія и темперамента, если такъ можно выразиться, нашелъ себѣ большую поддержку въ той поэтической обстановкѣ, въ которой ему приходилось жить за границей; и это утопаніе въ красотѣ должно было отразиться на его талантѣ бытописателя, должно было рано или поздно навязать этому таланту извѣстную тенденцію, при которой вполнѣ объективное изображеніе жизни было трудно достижимо.

Неблагопріятна была для повѣствователя дѣлъ житейскихъ и та религіозная восторженность, которая все больше и больше охватывала душу Гоголя. Она его удаляла отъ земли и несла къ небу, и желаніе видѣть небесное здѣсь на землѣ должно было помутить ясность и зоркость его безпристрастнаго взгляда на раскинувшуюся передъ нимъ жизнь дѣйствительную.

*) «Письма Н. В. Гоголя», II, 80, 81.
**) «Письма Н. В. Гоголя», II, 72, 90.

Болѣзненное состояніе духа также мало способствовало спокойной оцѣнкѣ реальныхъ явленій и грозило гибельно отозваться на юморѣ писателя—на этомъ самомъ сильномъ и блестящемъ оружіи его духа.

Наконецъ, все больше и больше разгоравшееся самомнѣніе, склонность любить въ себѣ не только писателя, но и наставника, должна была, въ концѣ концовъ, заставить нашего художника-наблюдателя цѣнить въ жизни не столько ея реальную внѣшность, сколько ея нравственный, внутренній смыслъ, а потому и стремиться, чтобы этотъ смыслъ—вопреки, можетъ быть, правдѣ—проступалъ наружу въ томъ или другомъ присочиненномъ образѣ или явленіи. Пророчество должно было ворваться въ хладнокровный разсказъ о видѣнномъ и слышанномъ.

Однимъ словомъ, всѣ психическія движенія этой мятежной души были за этотъ періодъ времени (1836—1842 г.) враждебны и неблагопріятны для его таланта юмориста и бытописателя. Но этотъ талантъ передъ окончательной гибелью собралъ всѣ свои силы и одержалъ побѣду надъ этими настроеніями и мыслями поэта. Это была послѣдняя побѣда, за которой долженъ былъ послѣдовать упадокъ. Но никто изъ читавшихъ комедіи Гоголя, его повѣсти написанныя и подновленныя заграницей и его «Мертвыя Души» не могъ и подумать, что этотъ упадокъ былъ такъ неизбѣженъ и близокъ.

**Н. Котляревскій.**

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

# РАЗСКАЗЫ.

## I.

## Подруги.

Стояли розовыя сумерки.

Было шесть часовъ вечера и напротивъ въ церкви шла служба, горѣли огни и въ распахнутыя двери были видны молящіеся и кадильный дымъ, колыхавшійся сизыми струйками. Софія Михайловна лежала на подъоконникѣ и слушала, какъ разсказывала Катя о своей жизни.

— Да, такъ и не вышла. Когда, бывало, гимназисткой, спѣша съ урока, я проходила темнымъ вечеромъ мимо освѣщенныхъ оконъ и въ нихъ видѣла, какъ горятъ лампы въ цвѣтныхъ абажурахъ, кипитъ самоваръ и мило бесѣдуютъ вокругъ него люди, такіе добрые, покойные и довольные, мнѣ казалось тогда, что здѣсь грѣется само счастье. Потомъ я присмотрѣлась, узнала, что покоя и счастья нѣтъ нигдѣ, что семейная жизнь вездѣ таитъ свою печаль или драму, и что вездѣ люди суетятся, враждуютъ и не знаютъ ни себя, ни своего дѣла... И семейная жизнь отъ всего этого кажется страшной и отвѣтственной. Потому и замужества не искала. А не ища, выходятъ только очень красивыя или очень богатыя. Но я и не жалѣю...

Екатерина Васильевна, или Катя, какъ просто, на правахъ подруги по гимназіи, ее называла Софія Михайловна, была сельской учительницей, и въ Б—скъ пріѣхала за три дня до ея именинъ, 14-го сентября. Софія Михайловна слушала ее, смотрѣла по сторонамъ, въ оба конца улицы и думала: „И вечеромъ тоже не придетъ. Не пришелъ утромъ съ поздравительнымъ визитомъ, не придетъ и вечеромъ. Это потому, что не пускаетъ та“.

— Не скажу, чтобъ очень скучно было,—продолжала Екатерина Васильевна.—Веселья, конечно, большого нѣтъ, но устаешь каждый разъ такъ, что скучать некогда. Кромѣ того, привычка. Правда, поговорить почти не съ кѣмъ—все одна да одна, но,

собственно, и времени нѣтъ говорить. Староста—человѣкъ хорошій, и живемъ въ ладу. Дѣтишки тоже привязаны...

„Не придетъ и не надо. Посмотримъ еще, кто сдѣлаетъ первый шагъ. Возьму завтра же и пойду подъ руку съ Зуевымъ мимо его квартиры. Вотъ тогда и посмотримъ.“

— За то лѣтомъ одна благодать. Лѣсъ, теплынь, парное молоко, запахъ сѣнокоса. А у васъ въ городѣ, какъ посмотришь, усталость, пылъ, сплетни, заботы...

„А не пойти ли мнѣ въ учительницы?„ озарило Софію Михаиловну: „вотъ возьму на зло ему и пойду. Вотъ и узнаетъ.“

Что именно изъ этого долженъ былъ узнать Гревицкій, она еще не опредѣлила себѣ ясно, но совершенно отчетливо представила и его тоску, и его растерянный испугъ, когда она уѣдетъ въ учительницы, броситъ семью и мужа и будетъ трудиться гдѣ-то далеко, въ глуши, въ заиесенной злыми сугробами избѣ. И предъ ея глазами уже встала вся картина его раскаянія, его слезъ и ужаса, и его умоляющее и страстное письмо, въ которомъ онъ будетъ просить ее о пріѣздѣ, клянясь въ любви, или, — съ почтительной сдержанностью, — о разрѣшеніи навѣстить ее въ уединеніи. И въ головѣ Софіи Михайловны проносились стихи Апухтина:

«Забудь былое горе,
Приди, приди ко мнѣ! Прими былую власть!
Здѣсь море ждетъ тебя, широкое, какъ страсть,
И страсть широкая, какъ море!..»

Никакого моря, положимъ, здѣсь не было. Городокъ былъ маленькій, забытый Богомъ, съ множествомъ евреевъ, тихій во всѣ дни недѣли, какъ кладбище, съ неловкими, застѣнчивыми деревянными домишками, боязливо сдвинувшимися въ кучу къ центру города, и шумный только по праздникамъ, когда на базаръ пріѣзжали на заморенныхъ лошаденкахъ свѣтловолосые бѣлоруссы. „Вотъ тогда и увидимъ“. На письмо она ему не отвѣтитъ. Или пожалуй, и отвѣтитъ, но пріѣхать—ни за что. Къ ней,—если ужъ такъ хочетъ,—пусть пріѣзжаетъ. О, она его съумѣетъ принять. Спокойная, безстрастная, она проведетъ его по всѣмъ комнатамъ школы, покажетъ дѣтскіе глобусы и тетради, спальню учениковъ.

— Одно неудобство только тѣснота,—говорила между тѣмъ Екатерина Васильевна.—Вотъ въ такой же маленькой комнатѣ, какъ твоя столовая, приходится учить сорокъ-пятьдесятъ человѣкъ дѣтей. Конечно, атмосфера ужасная. Изъ оконъ дуетъ и съ полу тоже.

„Ну, и пріѣхать не позволю“, рѣшила Софія Михайловна,— „гдѣ-жъ я его приму тамъ! Для женщины нужна рамка, а въ

такой конурѣ никого и принять нельзя... И вообще, воображаю, какъ все это нестерпимо скучно...“

Екатерина Васильевна уже сбилась съ тона. Раскрывая все больше свою душу, она незамѣтно перешла изъ спокойнаго въ нервный тонъ горячности и уже не разсказывала, а жаловалась.

— Дѣти немытыя, нечесаныя, неграмотныя. Задавать уроковъ невозможно. Нѣтъ ни учебниковъ, ни картъ, ни досокъ. У многихъ даже нѣтъ возможности заниматься дома. Всюду грязь и грубость, и темнота; кажется даже, что и школу затопитъ это невѣжество, эта нечистота, и равнодушіе.

Въ голосѣ ея звенѣла нотка злобы, и голова опустилась ниже, и говорила она уже неохотно, а словно принуждаемая, поневолѣ.

„Нѣтъ, въ учительницы не стоитъ идти“,—мысленно заключила Софія Михайловна. „Напишу лучше ему... рѣшительно и прямо, кончу, разомъ.“

И она поднялась съ подоконника, пошла въ кабинетъ мужа и написала: „Я знала, что Вы не придете даже поздравить меня, хотя это и невѣжливо, потому что у насъ Вы бывали всегда до сихъ поръ. Богъ съ Вами, но хоть бы для мужа ужъ сдѣлали это, съ которымъ Вы считаетесь товарищами и даже пьете всегда вмѣстѣ. Очень возможно, что на-дняхъ я уѣду отсюда совсѣмъ“. Слово „совсѣмъ“ она подчеркнула, немного подумала и докончила: „Вы не откажете увидѣться со мной на прощаніе, чтобъ объясниться окончательно. Я не хочу разстаться врагами и прощаю Вамъ все. Приходите, какъ прежде, въ два часа ко второму мосту“. Въ концѣ она многозначительно поставила иниціалы.

Часа черезъ два пришли гости, большею частью акцизники, сослуживцы мужа Софіи Михайловны, и четыре офицера, Зуевъ, высокій Риппъ, тонкій и вѣжливый полякъ Жоржевскій и хохолъ Галушенко. Пили чай съ коньякомъ и ромомъ, потомъ на два столика играли въ винтъ, и Софія Михайловна съ Катей сидѣли въ гостиной вдвоемъ, слушали карточные споры въ сосѣдней комнатѣ и тихо говорили,—Катя опять о своей жизни, а Софія Михайловна о своей любви къ Гревицкому и о томъ, какъ всѣ за ней ухаживаютъ.

И обѣимъ было грустно. Катѣ—оттого, что въ этой свѣтлой и нарядной комнатѣ съ мягкой мебелью было теплѣе и уютнѣе, чѣмъ въ ея деревенской избѣ; Софіи же Михайловнѣ отъ тайнаго сознанія, которое тихо шептало ей, что никакого успѣха у нея нѣтъ, что Гревицкій ее не любитъ совсѣмъ, и что она это знаетъ и только не признается.

Въ началѣ перваго часа вышелъ мужъ Софіи Михайловны, на крѣпкихъ и толстыхъ небольшихъ ногахъ, и торопливо спросилъ:

— Ужинъ готовъ у тебя?

И потомъ всѣ ужинали, много пили, и акцизники говорили о предстоящемъ въ январѣ введеніи винной монополіи, а офицеры о первомъ танцовальномъ вечерѣ, который долженъ быть въ воскресеніе. Около Софіи Михайловны сидѣлъ Зуевъ, подливалъ ей вина, чокался и пилъ за ея здоровье.

Послѣ ужина всѣ опять сѣли играть, но уже въ штоссъ, Катя устала и легла спать, а Зуевъ снова подсѣлъ къ Софіи Михайловнѣ и сталъ говорить ей о своей любви, то самое, что говорилъ и въ прошлый разъ, когда они также сидѣли вдвоемъ послѣ ужина въ день именинъ мужа.

— Вы у насъ первая... единственная... Я васъ люблю до самозабвенія, но бросьте Гревицкаго. Онъ не стоитъ васъ. Онъ все время у Мишутиной... а вы молоды, прекрасны...

И Софія Михайловна вспоминала, какъ Зуевъ и въ прошлый разъ называлъ имя Мишутиной рядомъ съ Гревицкимъ, и подумала, что у нихъ и въ самомъ дѣлѣ что-то есть и раньше было.

Глаза Зуева покрылись какой-то туманной влагой, тягучей, какъ патока, заплетался языкъ и губы отъ времени до времени ловили руку Софіи Михайловны. И ей былъ противенъ онъ съ своей волосистой бородавкой на лѣвой щекѣ, и эти пьяные глаза, нагло смотрѣвшіе, и вся его хитро и самодовольно покачивавшаяся фигура.

Когда гости разъѣхались, у нея явилась боль въ головѣ,— отъ утомленія и вина, которое она пила за ужиномъ. Софія Михайловна раздѣлась и легла и теперь, въ постелѣ, ей казалось, что совершенно безразлично—придетъ, или не придетъ Гревицкій на свиданіе, отвѣтитъ на письмо или промолчитъ. Потомъ, когда она уже стала засыпать, пришелъ мужъ, зажегъ лампу, застучалъ и Софія Михайловна проснулась.

— Сегодня выигралъ... рубль сорокъ шесть...—сказалъ мужъ, силясь стянуть съ ноги узкій сапогъ.

На другой день съ утра шелъ дождь, было пасмурно и холодно, и Софія Михайловна какъ встала, рѣшила, что свиданіе съ Гревицкимъ все равно не состоится. А когда мужъ ушелъ на службу, деньщикъ Гревицкаго принесъ отвѣтъ, и торопливой украдкой передалъ его ей изъ рукава.

— Отвѣта дожидаться баринъ не приказали,—доложилъ онъ, получилъ какую-то монету и вышелъ.

Письмо было хорошее. Гревицкій писалъ въ немъ, что будетъ ждать, какъ сказано, у второго моста, и Софія Михайловна, читая, ни разу даже не моргнула, — такъ было сильно нервное напряженіе и нетерпѣніе, съ которымъ она ждала своего приговора. И счастливая, и радостная она быстро одѣлась и ушла, и

вернулась вся сіяющая, съ блестящими глазами, и какъ только раздѣлась, кинулась на шею Кати и воскликнула:

— Ахъ, какая ты бѣдная, Катя! Ахъ какая бѣдная!

И она стала покрывать поцѣлуями ея голову и тонъ словъ былъ такой искренній, сердечный и жалостливый. И послѣ этого плакали обѣ. Катя положила свою голову на грудь Софіи Михайловны, и слезы частыми каплями бѣжали по маленькимъ морщинкамъ ея лица, и вся она, сгорбившаяся, со свѣсившейся головой, казалась безо времени состарившейся, никому ненужной, и точно единственный ея пріютъ и отдыхъ былъ только здѣсь, на груди Софіи Михайловны.

Но вскорѣ обѣ утѣшились, и Софія Михайловна ласково гладила Катю по головѣ и конфузливо, вытирая глаза, говорила:

— Какія мы глупыя обѣ! ахъ, какія глупыя!

И обѣ смѣялись, а Катя держала въ своихъ огрубѣвшихъ рукахъ тонкую и нѣжную бѣлую руку подруги и сквозь улыбку все еще слегка всхлипывала и вздыхала.

Черезъ четыре дня послѣ именинъ, 21-го сентября было открытіе сезона въ офицерскомъ клубѣ и первый въ году балъ. Весь этотъ день Софія Михайловна суетилась, бѣгала по лавкамъ, завивалась и все приговаривала:

— Нѣтъ, нѣтъ, Катя, сегодня ты не уѣдешь. Нѣтъ, и не говори. Сегодня ты не смѣешь уѣхать.

И просила Катю то подать, то приколоть, помочь завиться и одѣться, и когда сидѣла передъ зеркаломъ, то любовалась собой и думала: „Какъ постарѣла Катя и какая она жалкая“, и отъ этого внутри ея что-то весело прыгало и сама она дѣлалась все добрѣй и красивѣй, и выраженіе лица стало игривое и немного вызывающее. Совсѣмъ уже готовая, въ передней, чтобъ не испортить прически — въ платкѣ, и въ ротондѣ, — чтобъ не смять платья, она остановилась передъ Катей и, смотрясь въ зеркало, еще разъ спросила:

— Такъ непремѣнно уѣзжаешь?—и медленно провела языкомъ по губамъ,—чтобъ были еще краснѣе.

— Непремѣнно,—отвѣтила Катя и прибавила, стараясь говорить беззаботно:—нужно... дольше нельзя...

Онѣ простились и за порогомъ Софія Михайловна крикнула ей:

— Смотри же пріѣзжай. Буду ждать. Только передъ тѣмъ напиши. Слышишь? Ну, прощай.

А черезъ часъ Катя тряслась въ тележкѣ.

Путь ея лежалъ черезъ весь городъ, къ шоссе, и проѣзжать нужно было мимо офицерскаго клуба. Залъ былъ освѣщенъ такъ ярко, что на улицѣ стало, какъ днемъ, и около клуба и напро-

тивъ стояли кучками евреи, и мальчишки пальцами показывали на окна, и всѣ слушали музыку съ какимъ-то благоговѣніемъ и жадностью.

Играли вальсъ, и мечтательные звуки, немного волнующіе, немного грустные, немного сладкіе, казалось, тоже свѣтили, какъ огни, но освѣщали они не улицу, а весь пройденный длинный путь Катиной жизни, напоминая о прошлыхъ надеждахъ, о лучшихъ дняхъ и о томъ, какъ подъ тотъ же мотивъ она танцовала въ гимназіи, и грустя вмѣстѣ съ ней о настоящемъ, о тоскѣ и о заброшенной деревушкѣ съ грязью, которая стоитъ теперь тамъ по случаю осени.

И пѣли эти звуки такъ, какъ будто плакали и жалѣли, что Катя ихъ больше не услышитъ, и что ея дни, и темные вечера, и глухія тревожныя ночи, и вся ея одинокая дѣвичья жизнь приходятъ, плывутъ и уходятъ безъ огня, безъ искръ и безъ пѣсенъ.

И Катѣ вспомнились слова подруги: „Ахъ, какая ты бѣдная, Катя! Ахъ, какая бѣдная!"

И Катя заплакала, и, въ тактъ телѣгѣ, одна за другой по съежившемуся лицу ея катились слезы, и никто не видѣлъ ихъ, кромѣ стоявшихъ по бокамъ дороги березокъ. Онѣ наклонялись другъ къ другу и, видимо, шопотомъ, тихо-тихо, передавали о Катиномъ горѣ и слезахъ. А въ это время въ танцовальномъ залѣ Софія Михайловна ходила подъ руку съ Гревицкимъ, и онъ убѣждалъ ее:

— Какая ты странная, право,—изъ-за каждаго пустяка готова серьезно ссориться!

А Софія Михайловна въ отвѣтъ спрашивала:

— А съ Мишутиной ты не будешь танцовать? Ну, скажи, что не будешь?..

— Ахъ, какая ты странная,—отвѣчалъ онъ,—какъ же я не буду съ ней танцовать, разъ я пригласилъ ее?..

И такъ какъ въ это время на нихъ обоихъ смотрѣли всѣ дамы и въ ихъ числѣ и Мишутина, то Софія Михайловна дѣлала счастливыя и довольныя улыбки, кокетливо заглядывала, какъ балованное дитя, въ лицо Гревицкому и молила:

— Не танцуй съ ней. Ну, милый, ну, хорошій, не танцуй съ ней! Она—скверная, я ненавижу ее. Не танцуй.

Потомъ, не слыша его отвѣта, взяла его тихонько за руку и прошептала:

— Ей-Богу, я сейчасъ расплачусь, ей Богу... Такъ нельзя... Ты... ты...

И, высвободивъ руку, быстро побѣжала въ уборную и тамъ не выдержала и расплакалась, но боясь, что войдутъ и увидятъ

ее со слезами на глазахъ, встала, поспѣшно вытерла глаза, и подойдя къ столу, гдѣ игралъ мужъ, произнесла утомленнымъ голосомъ:

— Слушай, поѣдемъ домой. Я нездорова.

И по дорогѣ думала: „Какая счастливая эта Катя! Ахъ, какая я глупая! Какая жалкая...“

II.

# У фабричной трубы.

I.

Студентъ Дурновъ, сынъ купца, полный, но болѣзненнаго вида, съ припухшимъ лицомъ и слезящимися глазами, перейдя на пятый курсъ, сталъ чувствовать въ ногахъ тяжесть и страдать безсонницей, такъ что, если бъ ему пришлось снова, какъ въ прежніе года, готовиться къ лекціямъ и репетиціямъ и ежедневно бывать въ техническомъ училищѣ, и такой же длинной дорогой возвращаться назадъ, то онъ, навѣрное, не выдержалъ бы и бросилъ. Семья его—отецъ, сестра и младшій братъ, гимназистъ (мать умерла три года тому назадъ, когда онъ былъ еще на второмъ курсѣ)—жила въ губернскомъ городѣ В. Оттуда онъ получалъ ежемѣсячно по сорока рублей, на которыя и жилъ.

Рыхлый и неспособный, гимназію онъ кончилъ, благодаря близкому знакомству его семьи со всѣмъ гимназическимъ начальствомъ; съ перваго на второй курсъ перешелъ съ подготовкой профессора, а дальше репетиціи и экзамены благополучно сдавалъ случайно, по счастью. Теперь оставалось представить только „проектъ“ который можно было заказать и не трудно было защитить, въ училище ходить было не нужно и часть дня онъ проводилъ дома, преимущественно лежа на диванѣ, а въ остальное время сидѣлъ въ ресторанѣ, читалъ газеты и пилъ много пива.

Каждый годъ лѣтомъ онъ уѣзжалъ къ роднымъ, квартиры за собой не оставлялъ и каждой осенью мѣнялъ свое мѣстожительство. Въ этомъ году онъ снялъ комнату у бывшей драматической актрисы, не молодой лѣтъ подъ пятьдесятъ — женщины, у которой была воспитанница. Училась она въ театральномъ училищѣ; тамъ же она жила и къ актрисѣ пріѣзжала только по большимъ праздникамъ, когда отпускали дня на три, на недѣлю или больше. И въ первый разъ Дурновъ увидалъ ее только на Рождествѣ.

Однажды, когда онъ читалъ, по обыкновенію, лежа на ди-

ванѣ, лѣнивой мыслью слѣдя за быстрыми шагами, которыми велъ романистъ своего героя къ славѣ и счастью, онъ услышалъ въ передней топотъ ногъ, отряхавшихъ снѣгъ, и голоса и среди нихъ одинъ, тоненькій и незнакомый. А черезъ часъ къ нему постучали, и голосъ актрисы спросилъ:

— Слушайте, Дурновъ, хотите познакомиться съ Сашей?

— Сейчасъ,—отвѣтилъ охрипше, отъ долгаго молчанія, Дурновъ, безъ нужды оглядѣлся, обдернулся и пошелъ на хозяйскую половину.

Познакомились просто. Дурновъ сѣлъ противъ Саши и молчалъ, изрѣдка взглядывая на нее исподлобья. Говорила все время сама актриса, а въ четыре часа—время обѣда—Дурновъ всталъ и вышелъ.

На другой день, по просьбѣ Саши, онъ ходилъ вмѣстѣ съ ней за покупками на Кузнецкій мостъ, и тутъ только разговорился въ первый разъ а когда вернулись, то самъ даже безъ всякаго приглашенія, пришелъ въ комнату актрисы.

Саша разсказывала съ юношескою отровенностью и милой простотой кокетливой довѣрчивости о школѣ и подругахъ, о своихъ надеждахъ и учителяхъ.

— Какъ мы проводимъ время? Учимся... И это такъ скучно, Дурновъ...

Всѣ—и товарищи, и знакомые, и лакеи въ ресторанахъ никогда не называли Дурнова по имени, ограничиваясь въ обращеніяхъ къ нему одной фамиліей: Дурновъ.

— Такъ—таки всегда скучно?

— Нѣтъ, не всегда,—и Саша наклонила головку, улыбнулась и спросила:

— Вы не будете смѣяться?

— Нѣтъ, само собой...

— Намъ бываетъ весело вотъ когда... Потушатъ лампы, оставятъ въ спальняхъ только одни фонарики, зеленые такіе, темноватые, ихъ у насъ завѣшиваютъ зеленымъ кашемиромъ... ложится полумракъ, не свѣтлый, не темный, а такой, какой бываетъ на болотахъ въ лунную ночь... Кругомъ мертво, всѣ спятъ и вотъ тогда мы—я и двѣ подруги—тихо приподымаемся и тихо на цыпочкахъ крадемся въ послѣднюю пустую камеру дортуара. Мы подпоясываемся цвѣтными поясами и воображаемъ, что мы—русалки, танцуемъ и хохочемъ и возимся и цѣлуемся... и разъ... даже плакали.—Лицо ея стало свѣтлымъ, расширились зрачки и отъ вспыхнувшей мечты неровно дышала грудь.—Только жаль—пѣть нельзя, а пѣть такъ хочется.

— А лѣтомъ вы тоже сюда пріѣзжаете?

— О, нѣтъ, мы на дачѣ.

Она задумалась.

— Лѣто я такъ люблю. Я люблю сидѣть съ кѣмъ-нибудь до утра на скамейкѣ и говорить, все говорить,—говорить и смотрѣть какъ умираютъ золотыя звѣзды въ черномъ небѣ, и какъ отъ этого свѣтлѣетъ небо, словно каждая такая смерть смягчаетъ тьму жестокой ночи.

— А о чемъ говорить?

Она засмѣялась и сказала:

— Да ни о чемъ, Дурновъ... Можно и не говорить, тогда и молчаніе лучше словъ. Особенно, если впереди лѣсъ Смотришь и кажется, что кто-то сильный и злой схоронился и ждетъ своей жертвы. А подъ самое утро, когда станетъ ясно и свѣжо, чтобъ крѣпче заснуть, пускаешься бѣгомъ домой. Бѣжишь вдоль лѣса, и уже не злой, а кто-то свѣтлый бѣжитъ рядомъ съ тобой, по ту сторону опушки мелькаетъ между деревьями. Когда лѣсъ кончился, нѣтъ больше свѣтлаго спутника.

Она откинулась на спину кресла.

— Дурновъ, куда онъ дѣвается?

— Кто?

— Да этотъ, свѣтлый...

Дурновъ нахмурился и вздохнулъ.

— Не знаю, — пробурчалъ онъ.

О себѣ Дурнову разсказывать было нечего. Для фактической стороны достаточно было нѣсколько словъ, простыхъ до того, что ухо воспринимало ихъ машинально, а мозгъ и душу они не трогали совсѣмъ. Ѣлъ, пилъ, спалъ, учился, росъ, — вотъ что могъ бы передать Дурновъ о своей жизни. Мечты не было, волненій сердца, мукъ тоски, побѣдныхъ восторговъ, безумной радости—тоже; то ли—обходили они его, какъ большой корабль стремительныя волны, то ли не съумѣлъ онъ ихъ замѣтить. И когда Саша попробовала заставить его разсказать объ опытахъ въ техническихъ лабораторіяхъ, то Дурновъ, сбиваясь и, видимо, тяготясь необходимостью снова излагать то, что много разъ до этого приходилось повторять и про себя, — уча, и вслухъ, — отвѣчая профессорамъ, объяснилъ ей какую-то перегонку спирта, и отъ этого самъ только усталъ, а Саша ничего не поняла.

Уже близились къ концу праздники и по ночамъ полный мѣсяцъ освѣщалъ хрустальную дорогу снѣга; и на небѣ тоже выпалъ снѣгъ, — такое оно было рыхлое, бѣлое и блестящее.

Въ послѣдній день, почти предъ самымъ разставаніемъ, много разъ обдумавъ, Дурновъ, наконецъ, рѣшился. Онъ попросилъ у Саши карточку, и она шутя, отговариваясь неимѣніемъ, отказала.

— Полноте, Дурновъ, — успокоила его слышавшая разговоръ

*

актриса, — не хочетъ дать и не надо. Вотъ что я вамъ посовѣтую, — купите себѣ вотъ такой абажуръ, и будетъ у васъ ея карточка.

Саша разсмѣялась, а актриса сняла картонный абажуръ и поднесла къ самымъ глазамъ Дурнова.

На одной изъ граней была изображена дѣвушка, дѣйствительно, напоминавшая въ общемъ Сашу, только картинка была воздушнѣй и тоньше. И Дурновъ, въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ купилъ себѣ такой же абажуръ. И по вечерамъ, когда уставалъ читать, и не шелъ въ ресторанъ, часто подолгу смотрѣлъ на воздушную картинку милой дѣвушки, но зайти въ театральное училище ни разу не осмѣлился. На хозяйскую половину онъ приходилъ теперь часто и всякій разъ заговаривалъ съ актрисой о Сашѣ, но и разспросы его были робкіе и неуклюжіе, какъ онъ самъ, словно рожденные боязнью, а не любовью, а актриса отвѣчала на нихъ какъ-то интригующе, заинтересовывая его намекающей недомолвленностью и неполнотой.

И все, о чемъ онъ разспрашивалъ и справлялся, было безсистемное, какъ будто случайное, и не обнаруживало ни страстнаго чувства къ Сашѣ, ни сколько-нибудь обдуманнаго плана въ желаніи приблизиться къ ея разгадкѣ и пониманію.

На Пасху Саша къ актрисѣ не пріѣхала. Были экзамены, до лѣта оставалось немного, и отпускъ могъ только помѣшать блестящему окончанію курса, на которое Саша разсчитывала.

Въ серединѣ мая актриса перебралась на дачу, а въ іюнѣ Дурновъ уѣхалъ въ В.

## II.

Фабрика, на которой Дурновъ получилъ мѣсто, была въ уѣздѣ, отстояла въ нѣсколькихъ верстахъ отъ станціи, сбоку линіи желѣзной дороги, и когда поѣздъ проносился мимо ея одинокой, изъ земли поднявшейся трубы, то пассажиры вздыхали и думали о той тоскѣ, въ которой должны жить заброшенные сюда люди, работающіе на эту длинную кирпичную трубу. Тяжко и ровно, какъ трудно больной, дышала она, съ утра до вечера, медленно выкидывая черные клубы копоти и сѣраго темнѣющаго дыма. И Дурнову казалось, что именно отъ этого такъ душно живется, не видно голубой дали и чувствуется рабски, какъ прислужнику.

Простаивая по цѣлымъ часамъ въ неподвижнвй позѣ у окна, предъ которымъ торчала какая-то состарившаяся постройка, сѣрая и тупо глядящая, онъ зналъ напередъ, кто долженъ пройти и

что случится. Ровно въ двѣнадцать часовъ раздастся протяжный и напряженный гудокъ, и мимо его квартиры громко и шумно пройдутъ рабочіе. Потомъ черезъ часъ снова загудитъ надорваннымъ стономъ, и тѣ же рабочіе, но уже тихо и молча пойдутъ назадъ; они будутъ спѣшить, и лица у нихъ будутъ недовольныя. Потомъ дѣвчонка въ красномъ платьѣ, разворачивая пятки, крѣпкой поступью, вперевалочку, поплетется съ двумя судками. Это — за обѣдомъ младшему технику. И къ этому же времени принесутъ обѣдъ и ему самому. Обѣдъ будетъ грубый и невкусный, и ѣсть его можно, только уставъ, или сильно проголодавшись.

Жизнь на фабрикѣ была скучная, какая-то затхлая, казенная, и всѣ служившіе здѣсь, кромѣ рабочихъ, старались придумать себѣ какое-нибудь постороннее занятіе.

Самый старшій техникъ, Довгяло, умѣлъ и любилъ играть на скрипкѣ и выпиливалъ.

Младшій, Севастѣевъ, интересовался политической экономіей, много читалъ поэтому и часто велъ продолжительныя бесѣды съ рабочими, давалъ книжки и устраивалъ имъ спектакли и чтенія съ туманными картинами.

Дурновъ же находился всегда безъ дѣла, рѣдко выходилъ изъ дому, и большую часть дня проводилъ, попрежнему, лежа. И когда, случалось, всѣ трое сходились вмѣстѣ, то говорить было не о чемъ, кромѣ фабрики, ея дня, ея жизни и интересовъ. Дурнова и это не занимало совсѣмъ, и онъ и въ этихъ бесѣдахъ былъ чужимъ, непосвященнымъ и ограничивался тѣмъ, что отвѣчалъ только на вопросы, да и то съ большимъ затрудненіемъ.

Теперь у него явилась одна привычка, которую онъ не замѣчалъ за собою раньше, — передъ отвѣтомъ переспрашивать, сводить брови, отчего у него на лбу собирались мускулы въ круглые комочки и отъ напряженной мысли глаза дѣлались больше и смотрѣли въ одну точку.

Случилось такъ, что на фабрикѣ умеръ рабочій, и Дурновъ, въ ближайшемъ вѣдѣніи котораго былъ покойный, узнавъ объ этомъ, медленно одѣлся и пошелъ на фабрику. Оказалось, что рабочаго втянула въ себя машина и, нѣсколько разъ повернувъ на своихъ зубцахъ, выкинула обезображеннаго и всего въ крови.

И видъ покойника — сильнаго и молодого мужика — такъ поразилъ Дурнова, что онъ не спалъ обѣ ночи до самыхъ похоронъ, а потомъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца, при встрѣчахъ съ рабочими и съ техниками, только и говорилъ, что объ изуродованномъ покойникѣ, пока, наконецъ, Довгяло не сказалъ ему:

— А, знаете, это надоѣдаетъ...

И въ письмѣ къ сестрѣ, которой онъ писалъ рѣдко, Дурновъ

подробно остановился на той же самой смерти: „У насъ машина истерзала и убила работника“,—писалъ онъ,—„который ее вертѣлъ. Она оторвала у него обѣ руки и сняла всю крышку черепа. На него было страшно смотрѣть, послѣ похоронъ меня охватила какая-то робость и я безъ ужаса, вотъ уже мѣсяцъ, не могу смотрѣть на фабрику и ея трубу, почти не хожу туда, а когда смотрю на рабочаго, то думаю, что и его должна раздавить какая-нибудь машина...“

И по ночамъ Дурновъ сталъ часто просыпаться и все грустныя и тягучія мысли лѣзли къ нему въ голову. Вспоминая о рабочемъ, онъ думалъ о смерти, о тоскѣ и сумрачности своей жизни. И каждый новый день вмѣстѣ со своей томительной ночью и тѣнями, и тоской все сильнѣй и мучительнѣй шаталъ его нервы и терзалъ его мозгъ и бороздилъ его душу.

Вопросы, которые мучили его теперь, нельзя было уложить въ опредѣленныя формулы и ясные знаки,—такъ они были спутаны и смѣшаны, и громоздки.

Но именно отъ этой своей неясности они дѣлались еще огромнѣе, еще темнѣй и страшнѣй. И съ ихъ возрастаніемъ собственная личность Дурнова, которая теперь какъ-то внезапно обособилась отъ всего остального міра и другихъ людей, становилась все меньше, беззащитнѣе и трусливѣе. И сердце сжималось отъ этого сознанія болью страха предъ будущимъ и зловѣщимъ предчувствіемъ какого-то несчастья, какой-то бѣды, или конца. По временамъ Дурнову стало казаться, что онъ заблудился безыходно въ глухой чащѣ сплетшихся сомнѣній и надорвался отъ чьей-то непосильной тяжести, и что впереди у него нѣтъ дорогъ къ будущему—ни къ покою, ни къ счастью,—какъ теперь нѣтъ силъ.

Все страстнѣе хотѣлъ онъ осмыслить то случайное и угрюмое, и неясное, въ чемъ живетъ онъ, что называется міромъ и судьбой, и отъ чего такъ жутко ему и такъ страшно.

Но безотвѣтный и слабый, молчалъ его умъ и все меньше надеждъ было на исцѣленіе и отдыхъ, и въ безсонныя ночи все упорнѣй вставала предъ нимъ таинственная загадка, облеченная въ образъ погибшаго машиниста, и требовала отвѣта.

Уже къ концу подходила зима, и было грустно и радостно, какъ послѣ разставанія при ожиданіи.

Какъ-то, по случаю возвращенія изъ отпуска, Довгяло пригласилъ къ себѣ Дурнова и Севастѣева—отвѣдать московской икры,—какъ онъ выразился.

Дурновъ принялъ предложеніе и въ этотъ вечеръ много ѣлъ и пилъ и даже, оживившись, сталъ разсказывать о себѣ и о

своей семьѣ, и о томъ, какъ хотѣлось бы ему побывать у себя на родинѣ, въ В.

— Пока не отвѣдаешь столицы, такъ еще ничего, можно жить,—говорилъ Довгяло,—но послѣ нея наше Заусенское—сущая могила. Взять хоть бы театры!

И Довгяло сталъ разсказывать, сколько разъ и въ какомъ театрѣ онъ былъ и какія пьесы видѣлъ, а подъ конецъ ужина вынулъ изъ своего саквояжа конвертъ съ карточками сценическихъ знаменитостей и показалъ гостямъ. Карточки сперва разсматривалъ Севастѣевъ и потомъ передавалъ Дурнову, который бралъ ихъ машинально, лѣнино вертѣлъ въ рукахъ и возвращалъ хозяину. Всѣ молчали. И въ комнатѣ было тихо, какъ бывало въ ней всегда, безъ гостей. Наконецъ, Севастѣевъ такъ же медленно передалъ Дурнову небрежно повисшую между двумя пальцами медальонную фотографію, такую маленькую, что среди этихъ большихъ кабинетныхъ портретовъ она казалось попавшей по ошибкѣ.

И на ней Дурновъ увидѣлъ голову и бюстъ той, съ которой онъ ходилъ за покупками когда-то на Кузнецкій мостъ, у которой просилъ карточку. Долго онъ всматривался въ фотографію, съ которой глядѣла на него, улыбаясь кокетливой и спокойной радостью, съ добрымъ вызовомъ, пара большихъ сѣрыхъ глазъ.

И надъ его сведенными бровями на лбу опять сбѣжались круглые комочки.

— Какъ фамилія этой актрисы?—спросилъ онъ Довгяло.

— Кронская,—отвѣтилъ тотъ.

И снова Дурновъ приблизилъ къ своему лицу маленькую карточку и снова сосредоточенно сталъ смотрѣть на нее.

Но комочковъ на лбу уже не было, и взглядъ былъ умиленный, восторженный и по лицу бродила, пряталась и вспыхивала улыбка, ясная и добрая, какъ мечта о счастьи.

Когда они шли съ Севастѣевымъ домой, стояла лунная ночь, легкая, ясная и трепетная, и освѣженному бесѣдой Дурнову хотѣлось говорить много и долго, особенными—красивыми и важными—словами. Тихо шли они, и полный неуклюжій техникъ разсказывалъ Севастѣеву объ ушедшихъ годахъ студенчества, о первой встрѣчѣ съ Сашей, объ ея глазахъ и голосѣ и своей любви къ ней. Онъ говорилъ и самъ удивлялся тому, что слова выходятъ легко и разсказываютъ о томъ, чего онъ никогда не подозрѣвалъ и не зналъ, и что было.

Онъ говорилъ и чувствовалъ, какъ что-то сладкое и радостное подплываетъ къ его сердцу, отъ чего туманится и горитъ голова. И потомъ, когда онъ вернулся домой и, не раздѣваясь,

легъ на кровать, закрывъ глаза и закинувъ руки подъ голову, тоскующая сила незримой радости охватила его угрюмую душу и легкія, какъ сны любви, хоромъ нарядныхъ дѣвочекъ, слетѣлись къ нему мечты о счастьи, покойномъ и тепломъ.

## III.

Недѣли черезъ двѣ Дурновъ взялъ отпускъ и, пріѣхавъ въ Москву розыскалъ по справкѣ адреснаго стола Александру Аѳанасьевну Кронскую. Она жила въ Петровскомъ паркѣ, и Дурновъ засталъ ее въ цѣломъ обществѣ какихъ-то полныхъ дамъ и бритыхъ мужчинъ.

Она приняла его, и съ неловкой робостью поздоровавшись со всѣми, обтирая платкомъ крупныя капли пота на съежившемся лбу, Дурновъ сѣлъ и молчалъ всѣ два часа, пока не ушли гости. А когда они ушли, всталъ и Дурновъ—простился и вышелъ. И не зная куда дѣться, не оправившись отъ встрѣчи, пошелъ въ лѣтній театръ.

Въ антрактахъ, большой и неуклюжій, переваливаясь онъ ходилъ по садовымъ дорожкамъ, кому-то наступилъ на ногу и неловко задѣлъ плечомъ двухъ пѣвицъ, и одна изъ нихъ, захохотавъ, громко крикнула ему вслѣдъ:

— Стоеросовый! Трехсаженный!

Походивъ еще нѣсколько времени, самъ не зная зачѣмъ, онъ подошелъ къ тиру, гдѣ стрѣляли изъ ружей въ бѣлыя фигурки, но ни разу не попалъ, и стоявшій рядомъ съ нимъ, повидимому, купецъ, въ поддевкѣ, замѣтилъ:

— Эхъ, господинъ, ничего у тебя не выходитъ.

На другой день Дурновъ опять отправился къ Александрѣ Аѳанасьевнѣ и на этотъ разъ засталъ ее одну, за роялью.

Онъ пощипалъ свой голый подбородокъ и, собравшись съ духомъ, наконецъ, выговорилъ:

— Видите ли Александра Аѳанасьевна, я вѣдь васъ давно, собственно, знаю...

Онъ хотѣлъ при этомъ улыбнуться и прибавить что-нибудь горячее, прямо отъ сердца, но почувствовалъ, что это у него не выйдетъ и сталъ еще серьезнѣе.

— Да. То-есть видѣлись мы съ вами въ первый разъ тогда, дѣйствительно, давно... Я ужъ, право, не помню, но кажется, года два-три тому назадъ.

Дурновъ опять сморщилъ лобъ, потеръ его и сказалъ раздумчиво:

— Да, около того, два или три года... Да-съ... такъ вотъ...

И замолчалъ.

Александра Аѳанасьевна неловко повернулась въ стулѣ, закинула голову и, глядя своими, попрежнему ласковыми сѣрыми глазами, какъ казалось, прямо ему въ душу, тихимъ, пѣвучимъ,—звука струны,—голосомъ спросила:

— Ну-съ, что изъ этого?

И у Дурнова сразу почти безсознательно вырвалось:

— Хочу, чтобъ вы были моей женой, потому что...

Но Александра Аѳанасьевна не дала ему докончить. Шаловливая стая веселыхъ сѣренькихъ птичекъ вылетѣла изъ ея глазъ, и она захохотала громко и такъ искренно, что у Дурнова внутри все стало холоднымъ. И тотчасъ же ставъ серьезной, она произнесла, стараясь быть мягкой и ласковой:

— Милый другъ, я не могла бы стать вашей женой, даже хорошо и, дѣйствительно, давно зная васъ... И даже любя васъ... А теперь... такъ, вдругъ... Богъ съ вами, Дурновъ...

И произнеся это слово—Дурновъ,—она вдругъ почувствовала себя просто и шутя прибавила:

— Дурновъ, да вы здоровы?

И опять засмѣялась, и взявъ его руку, потрепала по ней, широкой и мясистой, своей тонкой ладонью, какъ это дѣлаютъ всегда, когда нужно успокоить дѣтей или младшихъ.

Вяло всталъ Дурновъ; безсмысленно смотря внизъ на свои ноги, кивнулъ головой, словно поддакнулъ кому-то, и вышелъ.

Было свѣтло, солнечно и въ далекомъ небѣ плыли круглыя облачки, прозрачныя и легкія, какъ розовая вата, и смотрѣть на нихъ было пріятно, какъ на счастливыхъ дѣтей.

И Дурновъ думалъ, что гдѣ-то есть счастье, которое только ему трудно, или нельзя найти, и что жизнь его обречена на жертву фабричной трубѣ, которая заволакиваетъ своимъ дымомъ чистое небо, мѣшаетъ дышать и радоваться, унылыми дѣлаетъ дни и страшными—ночи. Онъ шелъ, и въ тяжеломъ и больномъ тѣлѣ ныла его затерянная душа, и мысли, тягучія, усталыя, тусклыя, тянулись, какъ осеннее стадо дикихъ птицъ—печально и вразбродъ. И какъ будто навстрѣчу имъ простоналъ гдѣ-то далеко фабричный гудокъ.

Возвратившись въ Заусенское, Дурновъ поразилъ всѣхъ своимъ страннымъ видомъ. Онъ не отвѣчалъ ни на одинъ изъ вопросовъ, не кланялся, на фабрику не заходилъ совсѣмъ, а на третій день, 29-го іюня, на Петра и Павла, застрѣлился.

И когда по фабричному поселку разнеслась вѣсть о самоубійствѣ техника Дурнова, то неожиданность ея никого не поразила,—во-первыхъ потому, что Дурновымъ никто не интере-



совался и всѣ мало знали его, и во-вторыхъ, оттого, что всѣ находили его страннымъ и считали, поэтому, ненормальнымъ.

Съ почернѣвшимъ насупленнымъ лицомъ, онъ лежалъ на своемъ диванѣ, гдѣ проводилъ и большую часть своей жизни. Надъ бровями легла морщинистая складка, и лицо отъ этого было злымъ и удивленнымъ, а самъ покойникъ страшный въ своей притаившейся неподвижности.

Казалось, что, разсерженный, онъ только прилегъ, быть можетъ притворился, чтобъ подсмотрѣть, какъ ведутъ себя люди около смерти.

Такъ какъ священника по близости не нашлось, то хоронили его на третій день къ вечеру; было вѣтрянно и далекимъ пожаромъ горѣло вечернее небо. И чудилось что-то зловѣщее въ этихъ алыхъ полосахъ, легшихъ по зеленоватому—цвѣта болотной воды—фону.

Среди надписей на вѣнкахъ, которыми украсили его гробъ и изголовье—изъ бѣлыхъ, розовыхъ и голубыхъ цвѣтовъ—были видны разныя: „Товарищу по общему дѣлу“, „Другу рабочихъ,“ но ни на одной не было слова „безвременно“, какъ будто умереть Дурнову всегда было во время.

Петръ Пильскій.

---

# ДОЧЬ ЛЕДИ РОЗЫ.

**Романъ м-рсъ Гёмпфри Уордъ.**

**Перев. съ англійскаго З. Журавской.**

(*Продолженіе*) *).

## Глава IX.

Когда миссъ Ле-Бретонъ вошла въ швейцарскую, у входной двери стоялъ лакей, отказывая гостямъ—кареты подъѣзжали одна за другой—и передавая имъ извиненія леди Генри; во внутренней же передней, куда не могъ проникнуть посторонній взоръ съ улицы, собралась кучка мужчинъ въ шляпахъ и пальто; оттуда слышался подавленный смѣхъ и сдержанный говоръ.

Жюли Ле-Бретонъ прошла туда. Всѣ сняли шляпы; впередъ выдвинулась высокая, нѣсколько сгорбленная фигура Монтрезора.

— Леди Генри такъ огорчена!—тихо заговорила Жюли.—Но... я увѣрена, что ей будетъ пріятно, если я лично передамъ вамъ ея извиненія и разскажу о ея здоровьѣ. Она не захочетъ, чтобы ея старые друзья напрасно тревожились. Хотите зайти на минутку? Въ библіотекѣ есть огонь. М-ръ Делафильдъ! вы не думаете, что такъ будетъ лучше?.. Вы скажете Хэттону, чтобъ онъ больше никого не принималъ?

Она нерѣшительно смотрѣла на Делафильда, словно прося его, чтобъ онъ, какъ родственникъ леди Генри, взялъ на себя иниціативу.

— Обязательно!—заявилъ молодой человѣкъ послѣ минутнаго колебанія и принялся снимать съ себя пальто.

— Только, пожалуйста, господа не шумите!—сказала миссъ Ле-Бретонъ, обращаясь ко всѣмъ мужчинамъ,—а то мы можемъ разбудить леди Генри.

Всѣ входили на цыпочкахъ. Каждый сознавалъ опасность положенія, но въ то же время чувствовалъ и комизмъ его, и это отражалось на лицахъ. Увидавъ у камина маленькую герцогиню, Монтрезоръ со вздохомъ облегченія протянулъ къ ней руки.

— Я ожилъ!—воскликнулъ онъ, радостно привѣтствуя её.—Гдѣ ты, принцесса, тамъ могу быть и я. А все-таки я чувствую себя, какъ

---

*) См. «Міръ Божій», № 9, сентябрь.

мальчуганъ, забравшійся въ курятникъ. Позвольте мнѣ представить вамъ моего друга генерала Фергуса. Примите насъ обоихъ подъ свою защиту и покровительство.

— Ну, знаете,—сказала герцогиня, отвѣчая на поклонъ генерала,— вы оба такъ великолѣпны, что врядъ ли бы кто рѣшился отнестись къ вамъ покровительственно.

Оба были въ полной парадной формѣ; генералъ такъ и сіялъ звѣздами и орденами.

— Мы обѣдали за королевскимъ столомъ,—пояснилъ Монтрезоръ;— намъ нуженъ отдыхъ.

Онъ надѣлъ пенснэ и оглядѣлъ комнату, съ удовольствіемъ потирая руки.

— Какъ здѣсь уютно! Что за очаровательный уголокъ! Я никогда не видалъ его раньше. Что же мы здѣсь будемъ дѣлать? Это раутъ? Почему бы и нѣтъ? Мередитъ, вы представили и дю-Барта герцогинѣ? А! я вижу...

Жюли Ле-Бретонъ уже завладѣла изящнымъ французомъ съ розеткой Почетнаго Легіона въ петличкѣ, вошедшимъ въ библіотеку вслѣдъ за докторомъ Мередитомъ. Но при послѣднихъ словахъ Монтрезора она вышла впередъ и на чистѣйшемъ французскомъ языкѣ, который любо было слушать, представила г. дю-Барта—высокаго стройнаго нормандца съ бѣлокурыми усами—сначала герцогинѣ, затѣмъ лорду Лэкинтону и Джэкобу.

— Управляющій французскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ,—шепнулъ Монтрезоръ герцогинѣ.—Онъ ненавидитъ насъ, какъ отраву. Но если вы еще не пригласили его на обѣдъ—я васъ предупреждалъ на прошлой недѣлѣ, что онъ долженъ пріѣхать,—пригласите его сейчасъ же.

Тѣмъ временемъ французъ, перезнакомившись со всѣми, съ любопытствомъ озирался вокругъ, разглядывая величаво-просторную комнату, книги на стѣнахъ за легкой золоченой рѣшеткой, три умѣло подобранныхъ картины; затѣмъ взоръ его остановился на высокой стройной дамѣ, заговорившей съ нимъ на такомъ прекрасномъ французскомъ языкѣ, и крошкѣ горцогинѣ, утопавшей въ кружевахъ и шелку. Любуясь изгибомъ ея тоненькой шейки, залитой брилліантами, онъ съ неудовольствіемъ думалъ:

«Эти англичанки носятъ черезчуръ много драгоцѣнныхъ камней. Впрочемъ, онѣ ни въ чемъ не знаютъ мѣры... Кстати, какой красивый малый сидѣлъ съ этой маленькой феей, когда мы вошли».

Его небольшіе, но острые глазки перебѣгали отъ Уорквэрта къ герцогинѣ, инстинктивно стараясь уловить тайную связь между ними.

Между тѣмъ Монтрезоръ пространно освѣдомлялся о здоровьи леди Генри.

— Въ первый разъ за двадцать лѣтъ я не нашелъ ея въ гостиной

въ пятницу вечеромъ,—сказалъ онъ,—съ внезапнымъ проблескомъ чувства, что ему очень пристало.—Въ наши годы малѣйшее нарушеніе старыхъ привычекъ...

Онъ вздохнулъ, но тотчасъ же стряхнулъ съ себя угнетенное настроеніе.

— Вздоръ! Черезъ недѣлю она будетъ бранить насъ всѣхъ съ удвоенной энергіей. А пока—не разрѣшите ли вы намъ присѣсть, mademoiselle? На десять минутъ. И честное слово! это именно то, чего жаждала моя душа,—чашка кофе!

Какъ разъ въ эту минуту вошелъ дворецкій съ двумя лакеями, несшими на подносахъ чай и кофе, лимонадъ и печенье.

— Затворите дверь, Хёттонъ, пожалуйста!—умоляюще сказала mademoiselle Ле-Бретонъ, и дверь тотчасъ затворили.

— Мы должны сидѣть тихо, тихо, какъ мышки,—сказала она, приложивъ пальчикъ къ губамъ, и посмотрѣла сначала на Монтрезора, потомъ на Делафильда. Всѣ засмѣялись и понизили голоса, осторожно помѣшивая ложечками въ стаканахъ.

Но съ появленіемъ кофе всѣ оживились. Стулья подвинули поближе къ камину. Яркій отблескъ огня падалъ на лица сидѣвшихъ полукругомъ людей, представлявшихъ собой какъ разъ тѣ элементы смѣси близости и новизны, изъ которыхъ слагается пріятное общество. Черезъ пять минутъ mademoiselle Ле-Бретонъ, какъ всегда, уже вела разговоръ. Незадолго передъ тѣмъ на французскомъ языкѣ вышла книга, трактовавшая о нѣкоторыхъ пунктахъ египетскаго вопроса такъ блестяще, такъ увлекательно, тонко и съ виду такъ безпристрастно, что она сразу приковала къ себѣ вниманіе всей Европы. Авторъ ея занималъ ранѣе выдающійся постъ во французскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, но теперь былъ не очень-то въ милости у своихъ земляковъ. Жюли начала разспрашивать о немъ г. дю-Бартà.

Французъ, чувствуя, что онъ въ обществѣ людей, достойныхъ слышать его, и втайнѣ подстрекаемый присутствіемъ члена англійскаго кабинета, отрѣшился отъ своей первоначальной полупрезрительной сдержанности и далъ себѣ трудъ покорить вниманіе своихъ собесѣдниковъ. Онъ набросалъ силуэтъ автора книги такими враждебными штрихами, съ такой легкой ироніей, что сразу обезпечилъ себѣ огромный успѣхъ.

Лордъ Лэкинтонъ точно проснулся. До тѣхъ поръ сѣдовласый красавецъ мечтательно смотрѣлъ въ огонь, съ полуулыбкой на устахъ, по правдѣ говоря, больше занятый своими мыслями, чѣмъ своими собесѣдниками. Его привелъ Делафильдъ; онъ самъ хорошенько не зналъ, зачѣмъ онъ попалъ сюда; впрочемъ, ему нравилась mademoiselle Ле-Бретонъ, и онъ часто дивился, какимъ образомъ леди Генри ухитрилась откопать такую интересную и милую исполнительницу на такую неблагодарную роль. Но французъ словно бросилъ ему вызовъ, и это

его подстрекнуло. Онъ также заговорилъ по-французски, а за нимъ и всѣ другіе, причемъ опять-таки быстро выдвинулась на первый планъ Жюли Ле-Бретонъ. Въ обществѣ, гдѣ бесѣда велась на англійскомъ языкѣ, она являлась какъ бы объединяющимъ звеномъ, сглаживая трудности, собирая въ одно разрозненныя нити. По-французски рѣчь ея лилась вольнѣй и живѣй, хотя и тутъ она ни на минуту не переходила границъ и не забывала тонко приноравливаться къ своимъ собесѣдникамъ.

Постепенно и незамѣтно, путемъ неуловимыхъ традицій, она скоро сдѣлалась царицей собранія. Герцогиня въ пылу восторга ущипнула за руку Джэкоба Делафильда и, позабывъ все, что ей слѣдовало бы помнить, восхищенно шепнула ему на ухо:

— Не правда ли, она сегодня обворожительна?

Тотъ не отвѣтилъ. Герцогиня вспомнила, вздрогнула и не говорила больше ни слова, пока Делафильдъ не оглянулся на нее съ дружеской улыбкой, снова развязавшей ей язычекъ.

Г. дю-Бартá все внимательнѣе и внимательнѣе разглядывалъ даму въ черномъ. Разговоръ незамѣтно перешелъ на обсужденіе въ общихъ чертахъ положенія дѣлъ въ Египтѣ. То были дни нависшей опасности, дни тревогъ и сомнѣній, когда никто не зналъ, что будетъ черезъ мѣсяцъ. Жюли съ удивительнымъ тактомъ руководила разговоромъ, устраняя все, что могло поставить въ неловкое положеніе двухъ государственныхъ людей—француза и англичанина, такъ ловко, что ея искусство было оцѣнено по достоинству только, когда всѣ подводные камни были благополучно обойдены. Монтрезоръ съ усмѣшкой смотрѣлъ то на нее, то на гостей; у француза даже глаза стали круглыми отъ изумленія. Жюли говорила шутливо, но чрезвычайно умно, касаясь фактовъ и личностей, извѣстныхъ только посвященнымъ; ея сдержанная веселость нерѣдко уступала мѣсто очаровательной робости, однакожъ, моментально исчезавшей при первой слишкомъ серьезной, или черезчуръ полемической ноткѣ, нарушавшей общій тонъ разговора; эта легкая веселость, никому не навязываемая, была точно рябь на лѣтнемъ морѣ. Но у лѣтняго моря есть свои глубины, и подъ скромно-шутливымъ тономъ Жюли крылось близкое, изъ первыхъ рукъ знакомство съ предметомъ.

«Ага, понимаю!» думалъ Монтрезоръ, котораго очень забавляла вся эта сцена. «П. ей пишетъ. Плутовка! Онъ, повидимому, посвящаетъ ее во всѣ тайны. Однако, это надо прекратить. Даже и ей можетъ быть не совсѣмъ понятно, что можно и чего нельзя говорить при этомъ господинѣ».

Онъ перемѣнилъ разговоръ, и mademoiselle Ле-Бретонъ сразу поняла намекъ. Она уступила мѣсто другимъ, сама отдыхая, словно при смѣнѣ танцорокъ въ балетѣ; но и въ роли слушательницы она была

не менѣе очаровательна, и черные глаза ея, переходившіе съ одного лица на другое, сіяли оживленіемъ успѣха.

Она забыла только объ одномъ—забыла, подъ конецъ, останавливать гостей, когда они начинали говорить слишкомъ громко. Герцогиня и лордъ Лэкинтонъ трещали безъ умолку, какъ дѣти; по временамъ къ нимъ присоединялся Монтрезоръ, со своимъ громкимъ смѣхомъ и грубымъ гортаннымъ голосомъ. Мередитъ, французъ, Уорквортъ и генералъ Фергусъ говорили о большомъ смотрѣ, состоявшемся наканунѣ; Делафильдъ, обойдя кругомъ, сталъ за кресломъ Жюли, и она говорила съ нимъ, все время не сводя глазъ съ генерала Фергуса и соображая, какъ бы устроить такъ, чтобы поговорить съ нимъ пять минутъ наединѣ. Это ей было такъ нужно. Онъ былъ очень близокъ къ главнокомандующему. Она сама внушила Монтрезору, конечно, отъ имени леди Генри, чтобы онъ, какъ-нибудь въ пятницу, привелъ генерала въ Брутонъ-стритъ.

Затѣмъ составъ группъ нѣсколько измѣнился. Жюли замѣтила, что Монтрезоръ съ капитаномъ Уорквортомъ стоятъ вдвоемъ у камина; молодой человѣкъ, стоя спиной къ ней и грѣя руки у огня, казалось, въ чемъ-то горячо убѣждалъ министра; а тотъ, оглядывая комнату и слегка наклонивъ въ сторону своего собесѣдника большую черную голову, время отъ времени предлагалъ короткіе отрывистые вопросы, не тратя лишнихъ словъ. Въ послѣднее время всѣ друзья Жюли старались настроить Монтрезора въ пользу молодого человѣка; теперь онъ, можетъ быть, рѣшилъ составить собственное мнѣніе.

Сердце ея забилось быстрѣе; она обернулась и увидала возлѣ себя генерала Фергуса. Какое славное, открытое солдатское лицо! Очертанія немножко рѣзки, линія рта грубоваты, и нижняя губа чуть-чуть отвисла, но въ глазахъ свѣтится столько прямодушія, гуманности и твердой воли. Они немного отодвинулись отъ кружка, и Жюли завела рѣчь объ Уорквортѣ. Его послужной списокъ былъ уже, конечно, близко извѣстенъ генералу, но къ этому можно было прибавить еще многое—нѣсколько фактовъ изъ первыхъ лѣтъ службы молодого человѣка, въ особенности одна очень рискованная охотничья экспедиція какъ разъ въ той области Мокембе, куда теперь собирались отправить столь важное посольство, мнѣнія о немъ, взятыя изъ ея частныхъ писемъ, или изъ писемъ леди Генри и пр., и пр. Съ своимъ обычнымъ искусствомъ Жюли нашептывала генералу всѣ эти подробности, выставляющія Уоркворта въ самомъ выгодномъ свѣтѣ, деликатно поддерживая въ своемъ собесѣдникѣ увѣренность, что она говоритъ только о другѣ леди Генри, какъ говорила бы—и несравненно лучше ея—сама леди Генри, будь она здѣсь.

Генералъ слушалъ ее серьезно, съ дружелюбнымъ вниманіемъ. Это былъ суровый воинъ, прославившійся своими смѣлыми до дерзости подвигами на полѣ битвы. Но здѣсь онъ былъ, такъ сказать, на рас-

пашку, обходительный, ласковый, въ простотѣ души вполнѣ довѣрившись своей собесѣдницѣ, какъ онъ инстинктивно вѣрилъ всѣмъ женщинамъ. Сердце Жюли билось шибко. Какой увлекательный многообѣщающій вечеръ!..

Вдругъ чей-то голосъ тихо сказалъ надъ самымъ ея ухомъ:

— А, знаете, намъ, вѣдь, пора по домамъ. Ужъ скоро двѣнадцать

Она обернулась, изумленная. Лицо Джэкоба Делафильда, выражавшее не то неудовольствіе, не то сомнѣніе, сразу вернуло ее къ дѣйствительности.

Но прежде, чѣмъ она успѣла отвѣтить, слуха ея коснулся звукъ, заставившій ее испуганно вскочить съ мѣста.

— Что это?

Изъ передней слышался голосъ.

Жюли Ле-Бретонъ схватилась за спинку стула, стоявшаго возлѣ нея, и Делафильдъ видѣлъ, какъ она поблѣднѣла. Гости не успѣли и рта разинуть, какъ дверь библіотеки распахнулась настежь.

— Боже праведный!—вскричалъ Монтрезоръ, вскочивъ на ноги—Леди Генри.

Г-нъ дю-Бартà съ удивленіемъ поднялъ глаза. На порогѣ, тяжело опершись на двѣ палки, стояла высокая сѣдая старуха. Она была смертельно блѣдна, и огненные глаза ея сверкали гнѣвомъ. Въ веселой ярко освѣщенной комнатѣ до сихъ поръ передъ нимъ разыгрывалась—и прекрасно разыгрывалась—общественная комедія, но здѣсь несомнѣнно была трагедія, или фатумъ. Кто эта женщина? Что это значитъ?

Герцогиня бросилась къ ней и, разумѣется, съ перепугу выпалила именно то, чего ей не слѣдовало говорить.

— О! тетя Флора, милая тетя Флора! Мы думали, что вы слишкомъ нездоровы, чтобы сойти внизъ.

— Я это вижу,—сказала леди Генри, отстраняя ее.—И потому вы и вотъ эта леди,—она указала дрожащимъ пальцемъ на Жюли,—рѣшили принять моихъ гостей вмѣсто меня. Я вамъ очень обязана. Вы не забыли также,—она посмотрѣла на чашки съ кофе,—угостить моихъ гостей. Благодарю васъ. Надѣюсь, вы остались довольны моими слугами.

— Господа,—она повернулась къ остальнымъ гостямъ, остолбенѣвшимъ отъ изумленія,—боюсь, что я не въ состояніи просить васъ остаться у меня дольше. Часъ поздній, а я—какъ видите—нездорова. Но я надѣюсь—какъ-нибудь послѣ—я буду имѣть честь...

Она оглядѣла ихъ всѣхъ, словно каждому бросая вызовъ.

Монтрезоръ подошелъ къ ней.

— Мой дорогой старый другъ, позвольте мнѣ представить вамъ г-на дю-Бартà, управляющаго французскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ.

При этомъ обращеніи къ ея гостепріимству и учтивости, какъ англичанки и знатной дамы, леди Генри угрюмо посмотрѣла на француза.

— Г-нъ дю-Бартà, я очень рада познакомиться съ вами. Съ вашего разрѣшенія, мы возобновимъ это знакомство, когда я буду въ состояніи лучше воспользоваться имъ. Завтра я напишу вамъ, когда я могу просить васъ къ себѣ, если позволитъ мое здоровье.

— Enchanté, madame!—пробормоталъ французъ, сконфуженный, какъ никогда въ жизни.—Permettez moi de vous faire mes plus sincères excuses.

— Вамъ не въ чемъ передо мной извиняться, monsieur.

Монтрезоръ снова подошелъ къ ней и умоляюще заговорилъ:

— Позвольте мнѣ разсказать вамъ, какъ все это вышло, какъ всѣ мы въ сущности невинны...

— Въ другой разъ, пожалуйста,—возразила она съ леденящимъ спокойствіемъ.—Какъ я уже сказала, теперь время позднее. Будь я въ состояніи принять васъ и бесѣдовать съ вами,—она снова обвела взглядомъ гостей,—я не велѣла бы своему дворецкому извиняться и всѣмъ отказывать. А теперь я должна просить васъ позволить мнѣ пожелать вамъ доброй ночи. Джэкобъ, вы будете такъ добры подать герцогинѣ ея накидку? Спокойной ночи, господа! спокойной ночи! Какъ видите,—она указала на свои палки,—сегодня я лишена рукъ. Онѣ нужны моимъ недугамъ.

Монтрезоръ еще разъ подошелъ къ ней, искренно и глубоко огорченный.

— Дорогая леди Генри...

— Уходите!—выговорила она шепотомъ, посмотрѣвъ ему прямо въ глаза. Онъ повернулся и вышелъ, не говоря ни слова. За нимъ, чуть не плача, вышла и герцогиня,—подъ руку съ Делафильдомъ. Проходя мимо Жюли, словно окаменѣвшей на мѣстѣ, она нагнулась было къ ней.

— Жюли, дорогая!..

Но леди Генри повернулась къ нимъ.

— У васъ будетъ время наговориться завтра. Поскольку это касается меня, миссъ Ле-Бретонъ завтра будетъ совершенно свободна.

Лордъ Лэкинтонъ спокойно пожелалъ леди Генри доброй ночи и, не пытаясь пожать ей руку, прошелъ мимо. Когда онъ дошелъ до того мѣста, гдѣ стояла Жюли Ле-Бретонъ, дѣвушка внезапно рванулась къ нему. Странныя слова были на ея устахъ, странное выраженіе въ ея взглядѣ.

— Вы должны помочь мнѣ,—сказала она прерывающимся голосомъ.—Это мое право!

Такъ ли онъ разслышалъ? Лордъ Лэкинтонъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на нее. Онъ не видѣлъ, что леди Генри зорко слѣдитъ за ними обоими, тяжело налегая на палки, что даже губы ея полураскрылись отъ напряженнаго ожиданія.

Но Жюли уже овладѣла собой.

— Извините меня,—заговорила она торопливо.—Извините. Спокойной ночи.

Лордъ Лэкинтонъ колебался. Лицо его выражало недоумѣніе. Затѣмъ онъ протянулъ руку, и она машинально вложила въ нее свою.

— Все уладится,—шепнулъ онъ ласково.—Леди Генри скоро придетъ въ себя. Сказать дворецкому, чтобы онъ позвалъ кого-нибудь?—ея горничную?

Жюли покачала головой, и черезъ минуту онъ тоже скрылся. Теперь съ ней поравнялись д-ръ Мередитъ и генералъ Фергусъ. Въ генералѣ было очень развито чувство юмора, и, когда онъ прощался съ негостепріимной хозяйкой, роль которой во всемъ этомъ была ему такъ же мало понятна, какъ и его собственная, ротъ его кривился отъ сдерживаемаго смѣха. Но д-ръ Мередитъ не смѣялся. Онъ сжалъ въ своихъ рукахъ руку Жюли и оглянулся. Позади Джэкобъ Делафильдъ, только что вернувшійся изъ швейцарской, пытался успокоить леди Генри. Д-ръ Мередитъ наклонился къ Жюли.

— Не обманывайте себя,—проговорилъ онъ быстро, понизивъ голосъ.—Это конецъ. Вспомните, о чемъ я вамъ писалъ, и завтра дайте мнѣ знать.

Когда и д-ръ Мередитъ вышелъ, Жюли подняла глаза. Въ библіотекѣ оставались только Джэкобъ Делафильдъ и леди Генри.

Гарри Уорквортъ тоже ушелъ, не сказавъ ни слова. Она растерянно озиралась кругомъ. Она не могла припомнить, чтобъ онъ сказалъ ей что-нибудь, простился съ ней. Странная боль стѣснила ей грудь. Она едва слышала, что леди Генри говорила Джэкобу Делафильду, хотя старая дама выражалась достаточно энергично.

— Очень вамъ обязана, Джэкобъ! Но когда мнѣ понадобится вашъ совѣтъ, я сама обращусь къ вамъ. Вы съ Эвелиной Кроуборо и такъ слишкомъ много мѣшались въ мои домашнія дѣла. Спокойной ночи. Хэттонъ приведетъ вамъ извозчика.

И легкимъ, но повелительнымъ движеніемъ руки леди Генри указала на дверь. Джэкобъ съ минуту колебался, затѣмъ простился съ ней и вышелъ, мимоходомъ бросивъ Жюли тревожный, умоляющій взглядъ. Но она не замѣтила этого. Ея отуманенный взоръ былъ прикованъ къ лицу леди Генри.

Старуха спокойно смотрѣла на свою компаньонку, ничѣмъ не выдавая себя, хотя у нея даже губы побѣлѣли отъ волненія.

— Намъ съ вами разговаривать не о чемъ, миссъ Ле-Бретонъ,—сказалъ знакомый голосъ.—Но еслибъ у меня и было что сказать вамъ—сегодня, какъ видите, я говорить не въ состояніи. Такъ, значитъ, когда вы приходили ко мнѣ наверхъ проститься на ночь, у васъ это все было уже рѣшено? Я вижу, вы были такъ добры, что переставили по своему мебель въ моей комнатѣ, отдавали приказанія моимъ слугамъ.

Жюли стояла, выпрямившись, неподвижно, словно каменное извая-

ніе. Ея пересохшія губы отказывались повиноваться, но она все-таки заставила себя холодно выговорить:

— Мы не хотѣли обидѣть васъ. Все это вышло само собой. Нѣсколько человѣкъ близкихъ знакомыхъ вошли, чтобы разспросить о вашемъ здоровьѣ. Я очень сожалѣю, что они заговорились и засидѣлись такъ долго.

Леди Генри презрительно усмѣхнулась.

— Ваша обычная ловкость измѣнила вамъ, вы сами себя выдаете. Все въ этой комнатѣ,—она многозначительно посмотрѣла на зажженныя свѣчи и сдвинутыя стулья,—обличаетъ васъ. Вы придумали это вмѣстѣ съ Хэттономъ, который сталъ теперь вашимъ послушнымъ орудіемъ, еще до того, какъ пришли ко мнѣ. Не отрицайте. Мнѣ больно васъ слушать. Во всякомъ случаѣ, мы теперь разстанемся!

— Конечно. Быть можетъ, завтра вы разрѣшите мнѣ сказать вамъ нѣсколько словъ на прощанье?

— Не думаю. Это дорого мнѣ будетъ стоить.—Побѣлѣвшія губы старухи дрогнули.—Скажите ихъ теперь, mademoiselle.

— Вы страдаете?—Жюли нерѣшительно шагнула къ ней.—Вамъ довало бы лежать.

— Это не относится къ дѣлу. Зачѣмъ вы все это устроили?

— Мнѣ хотѣлось видѣть герцогиню...

— Къ чему кривить душой? Первой вашей гостьей была не герцогиня.

Жюли покраснѣла.

— Первымъ пришелъ капитанъ Уорквортъ, но это было чистой случайностью.

— Вы именно его хотѣли видѣть. Вы ради него и рѣшились на такую опасную затѣю. Вы пользовались моимъ домомъ для того, чтобы вести свои интриги.

Жюли чувствовала, какъ она физически слабѣла подъ этими бичующими словами. Она съ трудомъ дошла до камина, взяла свои перчатки и носовой платокъ, лежавшіе на полкѣ, и медленно повернулась къ леди Генри.

— Служа у васъ, я не сдѣлала ничего такого, чего бы я могла стыдиться. Напротивъ, я сносила то, чего никто другой на моемъ мѣстѣ не сталъ бы сносить. Я всецѣло посвятила себя вамъ и вашимъ интересамъ, а вы топтали меня ногами и мучили меня. Для васъ я была только слуга, подчиненная...

— Это правда,—угрюмо кивнула головой леди Генри,—я не могла усвоить себѣ вашего романическаго взгляда на обязанности компаньонки.

— Вамъ стоило только отнестись ко мнѣ по человѣчески. Я была одинока, бѣдна, хуже, чѣмъ сирота. Вы могли сдѣлать изъ меня все, что хотѣли. Немножко снисхожденія, и я стала бы вашей преданной

рабой. Но вы предпочитали унижать и давить меня, а я, съ своей стороны, чтобъ оберечь, защитить себя, позволяла себѣ, сознаюсь, кое-что лишнее. Отрицать это безполезно. Завтра утромъ я, конечно, уйду отъ васъ.

— Наконецъ, мы поняли другъ друга,—засмѣялась леди Генри.— Спокойной ночи, миссъ Ле-Бретонъ.

Она пошла къ двери, тяжело опираясь на палки. Жюли посторонилась, чтобы дать ей дорогу. Одна изъ палокъ скользнула по гладко натертому полу. Жюли съ крикомъ бросилась къ старухѣ, но леди Генри гнѣвно отстранила ее.

— Не дотрогивайтесь до меня; не подходите ко мнѣ.

Она остановилась, чтобы передохнуть и привести въ равновѣсіе свой костюмъ, затѣмъ опять двинулась дальше. Жюли слѣдовала за ней.

— Погасите, пожалуйста, электричество,—сказала леди Генри, и Жюли повиновалась.

Онѣ вмѣстѣ вошли въ швейцарскую, гдѣ еще былъ огонь въ каминѣ. Леди Генри съ большимъ трудомъ, тяжело дыша, стала взбираться по лѣстницѣ.

— О, позвольте мнѣ помочь вамъ!—почти простонала Жюли.—Вы убьете себя. Позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, позвать Диксонъ.

— Ничего подобнаго вы не сдѣлаете!—объявила леди Генри, все такая же непреклонная, несмотря на свою слабость и ревматическія боли въ суставахъ.—Диксонъ въ моей комнатѣ, гдѣ я велѣла ей оставаться. Вамъ бы слѣдовало подумать о послѣдствіяхъ раньше, чѣмъ вы это затѣяли. Еслибъ я умирала, я бы не приняла вашей помощи.

— О!—вскрикнула Жюли, словно ее ударили, и закрыла глаза рукой.

Медленно, съ неимовѣрными усиліями, леди Генри тащилась со ступеньки на ступеньку. Когда она завернула за уголъ лѣстницы, такъ что ея не было видно снизу, кто-то тихонько отворилъ дверь столовой и вошелъ въ швейцарскую.

Жюли вздрогнула и обернулась. Передъ нею стоялъ Джэкобъ Делафильдъ, приложивъ палецъ къ губамъ.

Она вдругъ припала головой къ periламъ лѣстницы и глухо зарыдала.

Джэкобъ Делафильдъ подошелъ къ ней и взялъ ее за руку. Она чувствовала, какъ дрожала его собственная рука, и все же пожатіе его придало ей бодрости.—Мужайтесь! — шепнулъ онъ, наклонившись надъ ней.—Надо подбодрить себя. Вамъ понадобится вся ваша твердость.

— Вы слышите?—прошептала она, тщетно пытаясь удержать рыданія, и они оба стали прислушиваться къ звукамъ, раздававшимся надъ ихъ головами въ пустомъ темномъ домѣ—затрудненному дыханію, тяжелой медленной поступи.

— Она не позволила мнѣ помочь ей. Она говоритъ, что скорѣе умереть... Можетъ быть, я убила ее!.. А я могла бы да, я знаю, что могла бы любить ее!

Ее терзали острыя мучительныя угрызенія совѣсти.

Джэкобъ Делафильдъ не выпускалъ ея руки и, когда звуки замерли въ отдаленіи, поднесъ эту руку къ губамъ.

— Вы знаете, что я вашъ другъ и слуга,—выговорилъ онъ страннымъ, сдавленнымъ голосомъ.—Это вы мнѣ обѣщали.

Она слабо попыталась отнять свою руку, но у нея не было въ эту минуту ни физической, ни нравственной силы оттолкнуть его. Если бы онъ обънялъ ее, она едва ли стала бы сопротивляться. Но онъ не пытался; онъ только завладѣлъ ея рукой. Онъ стоялъ возлѣ нея, безмолвно порываясь къ ней всѣмъ существомъ, кладя къ ея ногамъ свою мужскую гордость. Она снова потянула назадъ свою руку. Онъ удержалъ ее и шепнулъ:

— Завтра, какъ только вамъ удастся выбраться, идите къ герцогинѣ. Она просила вамъ передать. Хэттонъ принесъ мнѣ записочку отъ нея. Вы должны жить у нея, пока все наладится. Вы знаете, что у васъ есть преданные друзья. А теперь прощайте. Спокойной ночи. Постарайтесь уснуть. Мы съ Эвелиной сдѣлаемъ все возможное, чтобъ укротить леди Генри.

Жюли отодвинулась отъ него.

— Скажите Эвелинѣ, что я, во всякомъ случаѣ, приду повидаться съ нею, какъ только уложу свои вещи. Спокойной ночи.

Она сама, едва передвигая ноги, поднялась въ свою комнату, рыдая и пугаясь каждой промелькнувшей тѣни. Вся ея энергія и смѣлость исчезли. Мысль, что она должна провести еще цѣлую ночь подъ кровомъ этой ненавидѣвшей ее старухи, наполняла ее ужасомъ. Добравшись до своей комнаты, она заперлась на задвижку и всю ночь проплакала, выливая свою мучительную душевную боль.

## Глава X.

Герцогиня сидѣла въ своемъ будуарѣ. На коврикѣ у огня, представляя собою рѣзкій и, какъ ей казалось, грубый контрастъ съ безчисленными портретами ея дѣтишекъ и пріятельницъ, заполнявшими доску надъ каминомъ, стоялъ герцогъ—сильно не въ духѣ. Это былъ мужчина высокаго роста и мощнаго сложенія, лѣтъ на двадцать старше своей жены, съ смуглымъ лицомъ, оживленнымъ румянцемъ щекъ и крупнымъ алымъ ртомъ. Глаза у него были свѣтло-сѣрые, холодные, цвѣта стали, волосы очень черные, сухіе и жесткіе. Это былъ человѣкъ огромной физической силы, болѣе чѣмъ сознающій свои преимущества и значеніе, загорѣлый и закаленный упражненіями на открытомъ воздухѣ—охотой, катаньемъ на яхтѣ, стрѣльбой, которымъ онъ,

подобно большинству людей его званія, отдавалъ значительную часть своей жизни, туго соображающій и угрюмаго нрава. Такъ по крайней мѣрѣ, казалось съ перваго взгляда. Но, при болѣе близкомъ знакомствѣ съ характеромъ супруга герцогини, эти впечатлѣнія нѣсколько сглаживались.

Что касается угрюмости, въ это утро она была внѣ всякихъ сомнѣній, хотя, поистинѣ, его дурное расположеніе духа заслуживало болѣе энергическаго и положительнаго названія.

— Невѣдомо зачѣмъ,—говорилъ онъ,—ты поставила себя и меня въ крайне непріятное и затруднительное положеніе. Я рѣдко получалъ такія непріятныя письма, какъ вотъ это письмо отъ леди Генри. По моему, она совершенно права. Ты вела себя непозволительно! И теперь ты сообщаешь мнѣ, что эта женщина, которая всему причиной и поведенія которой я, безусловно, не одобряю, будетъ гостить здѣсь,— въ моемъ домѣ—нравится это мнѣ или нѣтъ—и еще выражаешь надежду, что я буду съ ней вѣжливъ и любезенъ! Если ты настаиваешь, я уѣду въ Бракмуръ и буду жить тамъ, пока ей не заблагоразсудится убраться отсюда. Я вовсе не намѣренъ покрывать васъ обѣихъ и, какъ бы ты ни поступила, я извинюсь передъ леди Генри.

— Да въ чемъ же извиняться-то?—воскликнула пріунывшая было герцогиня, вдругъ оживляясь.—Никто же не хотѣлъ ее обидѣть. Почему старымъ друзьямъ нельзя было зайти на минутку узнать о ея здоровьи? Хэттонъ старый дворецкій, который больше двадцати лѣтъ служитъ у тети Флоры, просилъ насъ войти!

— Онъ позволилъ себѣ вмѣшаться не въ свое дѣло и заслуживаетъ быть уволеннымъ безъ предупрежденія. Леди Генри пишетъ, что это былъ форменный раутъ, что комната была убрана для пріема гостей, слуги получили соотвѣтствующія приказанія—это прямо удивительно, до чего доходитъ дерзость этой молодой особы!—что вы сидѣли до полночи и такъ шумѣли, что разбудили леди Генри. И ты, Эвелина, замѣшана въ этой глупой исторіи! Я прямо не нахожу словъ, чтобы выразить свою досаду.

И онъ сердито зашагалъ изъ угла въ уголъ.

— Всякій другой на мѣстѣ тети Флоры расхохотался бы,—вызывающе бросила герцогиня.—Да будетъ тебѣ извѣстно, Берти, что я не желаю, чтобы мнѣ читали нотаціи подобнымъ тономъ. И потомъ, еслибъ ты только зналъ...

Она закинула назадъ головку и вызывающе глядѣла на него; щеки ея пылали, губы вздрагивали отъ желанія выдать тайну, которая, быть можетъ, сразу укротитъ его и, во всякомъ случаѣ, какъ по-дѣтски разсчитывала герцогиня, откроетъ массу новыхъ шансовъ и комбинацій.

— Еслибъ я только зналъ—что?

Герцогиня, не отвѣчая, потянула за волосы маленькаго шпица, лежавшаго у нея на колѣняхъ.

— Что мнѣ нужно знать и чего я не знаю?—настаивалъ герцогъ.— Конечно, что-нибудь такое, что еще ухудшаетъ дѣло?

— Ну, это какъ смотрѣть,—протянула герцогиня. Въ ея глазахъ мелькнула искорка лукавства, хотя въ эту минуту она была недалека отъ слезъ.

Герцогъ нетерпѣливо взглянулъ на часы.

— Не заставляй меня сидѣть здѣсь и разгадывать загадки. Въ 12 у меня дѣловое свиданіе въ Сити; а мы еще должны обсудить письмо, которое тебѣ слѣдуетъ написать леди Генри.

— Это твое дѣло. Я еще не рѣшила, отвѣчать мнѣ ей или нѣтъ. Что же касается загадокъ—Берти, ты видѣлъ mademoiselle Ле-Бретонъ?

— Одинъ разъ. И нашелъ ее очень претенціозной особой,—сухо замѣтилъ герцогъ.

— Я знаю—ты не имѣлъ успѣха. Но, Берти, она тебѣ никого не напоминаетъ?

Герцогиня уже волновалась. Не выдержавъ, она вскочила съ дивана, причемъ маленькій шпицъ скатился на коверъ, подбѣжала къ герцогу и схватила его за борты сюртука.

— Берти, ты будешь страшно удивленъ!—И, неожиданно выпустивъ его, она принялась шарить между портретами, стоявшими на каминѣ.— Берти, ты знаешь, кто это?—Она показывала ему портретъ.

— Конечно, знаю. Но какое это можетъ имѣть отношеніе къ предмету нашего разговора?

— Очень большое. Это мой дядя—не правда ли?—Джорджъ Чантрей, второй сынъ лорда Лэкинтона, который былъ женатъ на маминой сестрѣ. Ну, такъ вотъ—тебѣ это не понравится, Берти, но надо же тебѣ знать, что онъ приходится дядей также и Жюли!

— Что за вздоръ? Что ты хочешь сказать этимъ?

Жена снова поймала его за борты сюртука и, держа его такимъ образомъ въ плѣну, разсказала ему всю исторію, торопливо, безсвязно и съ очевидной неувѣренностью въ томъ, какое это произведетъ впечатлѣніе.

И дѣйствительно, впечатлѣніе получилось неясное, трудно поддающееся опредѣленію. Герцогъ сначала не вѣрилъ, потомъ былъ ошеломленъ путаницей фактовъ, взволнованно передаваемыхъ ему женой. Онъ пытался было переспрашивать, выяснять, но это только ухудшило дѣло; герцогиня волновалась и требовала, чтобъ онъ не мѣшалъ ей разсказывать по своему. Нетерпѣніе обоихъ, въ концѣ концовъ, довело ихъ до полнаго непониманія другъ друга. Но герцогу удалось-таки высвободиться изъ рукъ жены, и послѣ этого онъ сталъ свободнѣе соображать.

— Нѣтъ, честное слово, это... это...—повторялъ онъ, шагая изъ угла въ уголъ,—честное слово!..—и вдругъ остановился передъ женой.— Такъ ты говоришь, она дочь Маріотта Дальримпля?

— И внучка лорда Лэкинтона,—добавила герцогиня, тяжело дыша отъ волненія.—Надо было быть слѣпымъ, чтобы не замѣтить этого сразу, уже по одному сходству.

— Какъ будто мы въ правѣ выводить подобныя заключенія изъ одного только сходства,—сердито возразилъ герцогъ.—Право, Эвелина, ты говоришь иногда непозволительныя вещи. Твоя mademoiselle Ле-Бретонъ, кажется, уже успѣла испортить тебя. Все, что ты мнѣ разсказывала, предположивъ, что это правда,—о! я знаю, что ты вѣришь этому безусловно,—только укрѣпляетъ во мнѣ—онъ надменно выпрямился,—только укрѣпляетъ во мнѣ рѣшимость прервать всякія сношенія между ней и тобою. Женщина такого происхожденія неподходящая подруга для моей жены—уже независимо отъ того, что она сама по себѣ, какъ видно, интриганка и, вообще, такая особа, которой слѣдуетъ остерегаться.

— Чѣмъ же она виновата въ своемъ происхожденіи.

— Я не говорю, что она виновата. Но разъ уже фактъ налицо, ей тѣмъ болѣе слѣдовало бы жить скромно и тихо, не выставляясь на первый планъ и не выступая въ роли соперницы леди Генри! Это такая нелѣпость, такое... неприличіе! Въ жизнь свою не слыхалъ ничего подобнаго. Это совсѣмъ не нужно съ ея стороны, а что касается тебя, то я глубоко сожалѣю, что ты впуталась въ такую некрасивую исторію.

— Берти!—Герцогиня залилась неудержимымъ полуистерическимъ смѣхомъ.

Но этотъ смѣхъ только уязвилъ герцога, и онъ надулся пуще прежняго. «Господи!» въ отчаяніи думала маленькая женщина. «Онъ становится совсѣмъ такимъ, какъ его мать». Ея belle-mére, строгая ревнительница евангелической церкви, жившая вмѣстѣ съ сыномъ все время, пока онъ былъ холостымъ, была бичомъ герцогини въ первые годы ея замужества; и хотя она ради Берти поплакала немного надъ гробомъ свекрови, когда та полтора года тому назадъ умерла, эти слезы, какъ нашелъ тогда герцогъ, высохли слишкомъ скоро.

Безспорно, герцогъ, читая ей наставленія, становился до противности похожъ на свою мать.

— Боюсь, что твое воспитаніе, Эвелина, пріучило тебя относиться къ такимъ вещамъ легче, чѣмъ слѣдуетъ. У меня старомодные взгляды. Незаконность рожденія, въ моихъ глазахъ, безусловно накладываетъ пятно на человѣка, и грѣхи отцовъ вымещаются на дѣтяхъ. Во всякомъ случаѣ, мы, занимая выдающееся положеніе въ обществѣ, не имѣемъ права своими поступками подавать примѣръ другимъ относиться легко къ Божьему закону. Мнѣ очень жаль, Эвелина, но я долженъ объясниться на чистоту. Я увѣренъ, что тебѣ это не понравится, но ты, по крайней мѣрѣ, знаешь, что я говорю совершенно искренно.

Герцогъ не безъ достоинства повернулся къ женѣ. Съ самаго дѣт-

ства онъ былъ человѣкъ безукоризненной нравственности, серьезный и религіозный, по мѣрѣ своего разумѣнія, добрый сынъ, добрый мужъ и отецъ. Жена смотрѣла на него съ самыми противоположными чувствами.

— Я знаю только,—сказала она, гнѣвно постукивая ножкой по ковру,—что, судя по разсказамъ, полковникъ Деланей былъ такой человѣкъ, отъ котораго можно было только убѣжать!

Герцогъ пожалъ плечами.

— Ты не думаешь, конечно, что меня могутъ очень тронуть подобныя соображенія? Что касается этой леди, твой разсказъ ни мало не расположилъ меня въ ея пользу. Она получила образованіе; лордъ Лэкинтонъ даетъ ей 100 фунтовъ въ годъ. Если она порядочная, уважающая себя женщина, она сама съумѣетъ устроиться. У меня нѣтъ никакого желанія видѣть ее здѣсь, и я прошу тебя не приглашать ея. Два-три дня, пожалуй,—это я допускаю. Но не дольше.

— О! ты можешь быть увѣренъ, что она сама не останется здѣсь, если ты не будешь съ ней особенно милъ и любезенъ! Есть множество людей, которые будутъ рады, счастливы видѣть ее у себя. Это-то мнѣ все-равно; мнѣ нужно другое,—герцогиня спокойно и смѣло смотрѣла ему въ глаза,—чтобы ты далъ ей домъ, гдѣ жить.

Герцогъ остановился посрединѣ комнаты, въ изумленіи глядя на жену.

— Эвелина! да ты совсѣмъ съ ума сошла!

— Ничуть не бывало. У тебя столько домовъ, что ты не знаешь, что съ ними дѣлать, и гораздо-гораздо больше денегъ, чѣмъ слѣдовало бы имѣть одному человѣку! Если въ Гайдъ-Паркѣ когда-нибудь поставятъ гильотину, мы сложимъ на ней наши головы одними изъ первыхъ, и это будетъ совершенно справедливо.

— Къ чему говорить такой вздоръ, Эвелина?—сказалъ герцогъ, еще разъ посмотрѣвъ на часы.—Вернемся къ дѣлу... Мы говорили о письмѣ къ леди Генри...

Герцогиня вскочила съ дивана.

— Это вовсе не вздоръ! У тебя масса домовъ, съ которыми ты не знаешь, что дѣлать, и въ особенности одинъ, маленькій, въ концѣ Кьюретонъ-стритъ, гдѣ столько лѣтъ жила кузина Мэри Лейстеръ. Я знаю, этотъ домикъ не сданъ,—ты мнѣ говорилъ на прошлой недѣлѣ; кузина Мэри оставила тебѣ всю мебель, какъ будто у насъ мало своей!.. Этотъ домикъ самый подходящій для Жюли, если только ты согласишься предоставить его въ ея распоряженіе, пока она устроится.

Герцогиня смѣло смотрѣла въ глаза своему супругу и повелителю, опершись руками на кресло, стоявшее позади нея; вся ея маленькая фигурка дышала оживленіемъ и женской рѣшимостью добиться своего во что бы то ни стало.

— Въ Кьюретонъ-стритъ,—повторилъ герцогъ, чувствуя, что исто-

щихъ всѣ средства убѣжденія.—Какъ ты полагаешь, чѣмъ же она будетъ жить, эта молодая особа, въ Кьюретонъ-стритѣ или гдѣ бы то ни было?

— Она думаетъ писать. Д-ръ Мередитъ предложилъ ей работу.

— Чистое безуміе! Черезъ полгода тебѣ придется самой платить по всѣмъ счетамъ.

— Желала бы я видѣть человѣка, который осмѣлился бы предложить Жюли заплатить по ея счетамъ!—съ негодованіемъ вскричала герцогиня.—Видишь ли, Берта, дѣло въ томъ, что ты совершенно не знаешь ея,—и это очень жаль... Но давай говорить о домѣ. Вѣдь онъ, кажется, передѣланъ изъ конюшни, да? Въ немъ шесть комнатъ, я знаю—три спальни наверху, 2 гостиныхъ и кухня внизу. Жюли можетъ устроиться тамъ очень удобно. Съ нея достаточно будетъ одной хорошей служанки и мальчика. Она будетъ зарабатывать 400 ф. въ годъ, д-ръ Мередитъ обѣщалъ ей, да 100 ф. у нея есть своихъ, за квартиру она, разумѣется, платить не будетъ, у нея, бѣдняжки, только-только хватитъ на то, чтобъ прожить да иногда собрать у себя своихъ старыхъ друзей. Чашка чаю и ея очаровательная бесѣда, большаго они и не требуютъ!

— Продолжай, продолжай!—сказалъ герцогъ, обезсиленный, падая въ кресло.—Ты такъ непринужденно распоряжаешься моей собственностью въ интересахъ молодой женщины, которая причинила мнѣ страшную непріятность и поссорила насъ съ близкой родственницей, которую я глубоко уважаю. Своихъ друзей! Ты хочешь сказать, друзей леди Генри? Бѣдная леди Генри пишетъ мнѣ, что ея кружокъ совершенно распался. Эта злая женщина въ три года разрушила то, что леди Генри устраивалавъ теченіе тридцати лѣтъ. Слушай, Эвелина,—герцогъ перемѣнилъ позу и хлопнулъ себя по колѣну,—относительно дома въ Кьюретонъ-стритѣ это ты оставь. Этого я не позволю. Можешь продержать у себя миссъ Ле-Бретонъ два-три дня—я на это время, по всей вѣроятности, уѣду въ деревню и, конечно, я ничего не имѣю противъ того, чтобы ты помогла ей найти другое мѣсто...

— Другое мѣсто!—воскликнула герцогиня внѣ себя отъ негодованія.—Берти, ты положительно невозможенъ! Пойми ты, что я смотрю на Жюли Ле-Бретонъ, какъ на свою родственницу, что бы ты тамъ ни говорилъ, что я нѣжно люблю ее, что я знаю двадцать человѣкъ, и богатыхъ, и вліятельныхъ, которые съ радостью помогутъ ей, если ты не захочешь, потому что она одна изъ самыхъ очаровательныхъ и выдающихся женщинъ въ нашемъ лондонскомъ обществѣ, что тебѣ слѣдовало бы гордиться возможностью оказать ей услугу, что я хочу, чтобы эта честь принадлежала тебѣ, понимаешь! И если ты не хочешь сдѣлать мнѣ такого маленькаго одолженія, когда я прошу и молю тебя объ этомъ,—хорошо же! Ты это долго будешь помнить, можешь быть увѣренъ!

И жена повернулась къ нему лицомъ, гнѣвная, какъ богиня войны; бѣлокурые волосы ея разсыпались по ушамъ, глаза былали гнѣвомъ.

Герцогъ въ безмолвной ярости всталъ и началъ собирать письма, лежавшія на каминѣ, разсовывая ихъ по карманамъ.

— Тебя лучше оставить одну—можетъ быть, ты скорѣе придешь въ себя. Изъ такихъ споровъ ничего добраго не можетъ выйти.

Герцогиня ничего не сказала. Кусая губки, она, не отрываясь, смотрѣла въ окно. Это молчаніе сослужило ей лучшую службу, чѣмъ всѣ разговоры. Герцогъ неожиданно обернулся, помедлилъ, швырнулъ книгу, которую онъ держалъ въ рукахъ, подошелъ къ ней и заключилъ ее въ свои объятія.

— Ты глупенькая дѣвочка и ничего больше,—говорилъ онъ, удерживая её силой и осушая ея слезы поцѣлуями.— Заставляешь меня выходить изъ себя и тратить время по пустякамъ.

— Это вовсе не пустяки!—возразила рыдающая герцогиня, стараясь вырваться и пряча отъ него свое милое раскраснѣвшееся личико.— Ты не понимаешь, или не хочешь понять! Я... я очень любила дядю Джорджа. Онъ, навѣрное, помогъ бы Жюли, еслибъ онъ былъ живъ. А ты... ты крестникъ лорда Лэкинтона, и всегда восхваляешь его заслуги—и что онъ сдѣлалъ для арміи—и чѣмъ ему обязана страна... и... и...

— Онъ знаетъ?—прервалъ её вопросомъ герцогъ, дивясь непослѣдовательности рѣчей своей жены.

— Ни-ни... ничего! Въ Лондонѣ знаютъ только шесть человѣкъ—тетя Флора, серъ Уильфридъ Бёри,—у герцога вырвалось удивленное восклицаніе, м-ръ Монтрезоръ, Джэкобъ и я.

— Джэкобъ? Онъ-то тутъ причемъ?

Герцогинѣ неожиданно открылся новый шансъ, и она поспѣшила ухватиться за него.

— При томъ, что онъ любитъ её до безумія—только, и мнѣ навѣрное извѣстно, что она дважды отказала ему, въ прошломъ году и теперь. Конечно, если ты не хочешь ничего для нея сдѣлать—она, можетъ быть, и выйдетъ за него, чтобы пристроиться. Это будетъ вполнѣ естественно.

— Нѣтъ, этакой исторіи!—Герцогъ отъ изумленія даже выпустилъ жену. Герцогиня не безъ волненія слѣдила за нимъ. Не успѣлъ онъ отвѣтить, какъ въ передней послышался чей-то голосъ. Мужъ и жена быстро отскочили другъ отъ друга. Дверь распахнулась, и лакей доложилъ:—миссъ Ле-Бретонъ!

Жюли Ле-Бретонъ вошла и остановилась на порогѣ, глядя не въ смущеніи, но какъ бы въ нерѣшимости на супруговъ, бесѣда которыхъ была прервана ея появленіемъ. Она была блѣдна послѣ безсонной ночи; лицо у нея было грустное и усталое, но это не мѣшало ей быть очень элегантной и вполнѣ владѣть собою. Черное суконное платье, плотно облегавшее ея фигуру; ея странно выразительное лицо

подъ большой шляпой, очень простой, но надѣтой такъ, какъ ее умѣютъ носить только свѣтскія женщины, удивительная, но въ то же время чрезвычайно граціозная тонкость ея стана; нѣжныя руки; врожденное достоинство въ каждомъ движеніи,—все это не сразу произвело сильное, хотя и смѣшанное впечатлѣніе на человѣка, только что называвшаго её интриганкой. Онъ поклонился съ невольной почтительностью, которой онъ вовсе не собирался выказывать ослушной компаньонкѣ леди Генри и, нахмурившись, остался на мѣстѣ.

Но герцогиня, не обращая вниманія на мужа, кинулась на шею пріятельницѣ.

— Жюли, голубушка! покажитесь, осталось ли отъ васъ хоть что-нибудь? Я почти не спала—все думала о васъ. Что эта старая— о! я забыла! вы знакомы съ моимъ мужемъ? Берти, это мой большой другъ, миссъ Ле-Бретонъ.

Герцогъ снова молча поклонился. Жюли посмотрѣла на него и, не выпуская руки герцогини, подошла къ нему, устремивъ на него свои прекрасные умоляющіе глаза.

— Вы, вѣроятно, уже получили письмо отъ леди Генри? Въ запискѣ, которую она мнѣ прислала сегодня утромъ, она говоритъ, что писала вамъ. Я не могла не придти сегодня—Эвелина была такъ добра. Но вы—желаете ли вы, чтобъ я бывала у васъ?

При имени своей жены герцогъ поморщился, хотя оно сорвалось съ языка Жюли совершенно случайно. Сходство съ лордомъ Лэкинтономъ, несомнѣнно, было поразительное. Герцогу вспомнились давно прошедшія времена, вспомнилось, какъ лордъ Лэкинтонъ гостилъ у нихъ въ домѣ со своими двумя дочерьми, Розой и Бланшъ. Онъ, герцогъ, учился тогда въ школѣ, но пріѣхалъ домой на каникулы. Дѣвочки, изъ которыхъ одна была лѣтъ на пять на шесть старше другой, были душой общества. Онъ вспомнилъ, какъ онъ охотился вмѣстѣ съ леди Розой...

Надо же, однако, совладать съ собой; онъ сдѣлалъ усиліе.

— Я буду радъ, если моя жена найдетъ возможность быть вамъ полезной, миссъ Ле-Бретонъ,—сказалъ онъ холодно;—но съ моей стороны было бы нечестно скрывать свое мнѣніе: насколько я могъ себѣ уяснить, леди Генри имѣетъ серьезныя причины быть недовольной, и жалобы ея вполнѣ основательны.

— Вы совершенно правы, совершенно правы!—горячо сказала Жюли.—Она, дѣйствительно, могла обидѣться.

Герцогъ былъ захваченъ врасплохъ неожиданностью. При всемъ его высокомѣріи и подчасъ мелкомъ тщеславіи, котораго такъ трудно избѣжать балованнымъ дѣтямъ свѣта, онъ колебался, не находилъ словъ...

Между тѣмъ, герцогиня тащила гостью къ дивану.

— Да сядьте же—у васъ такой усталый видъ.

Но Жюли все не сводила глазъ съ герцога, удерживая Эвелину, которая хотѣла усадить её, и тотъ овладѣлъ собой. Онъ принесъ кресло, и Жюли сѣла.

— Я глубоко, глубоко огорчена за леди Генри,—выговорила она тихо, и голосъ ея, противъ воли герцога, проникъ ему въ душу.—Я не оправдываюсь—о нѣтъ! —я не защищаю вчерашняго вечера. Но только мое положеніе было очень затруднительное... мнѣ такъ хотѣлось видѣть герцогиню... и развѣ не естественно, что старые друзья пожелали лично справиться о здоровьи леди Генри? Но, конечно, они засидѣлись слишкомъ долго... это моя вина—мнѣ слѣдовало предупредить это...

Она запнулась. Въ строгомъ лицѣ человѣка, стоявшаго у камина, смотря на нее, хоть онъ и былъ филистеромъ, читались прямота и безпристрастіе, нѣсколько смущавшія ее. Она искренно предпочла бы сказать ему правду. Но развѣ это было возможно? Она сдѣлала, что могла, и ея разсказъ, конечно, былъ не болѣе неправдивъ, чѣмъ десятки и сотни повѣствованій о разныхъ общественныхъ событіяхъ, ежедневно исходящихъ изъ устъ самыхъ почтенныхъ и правдивыхъ людей. Герцогинѣ онъ показался верхомъ прямодушія и благородства. Единственное, чего она, быть можетъ, желала бы въ глубинѣ души,—это, чтобъ она не застала Жюли одну съ Гарри Уорквортомъ. Но она была вѣрнымъ другомъ и скорѣе пошла бы на муки, чѣмъ обвинить или выдать пріятельницу.

Между тѣмъ, герцогъ, слушая Жюли, переходилъ отъ одного настроенія къ другому. Больше всего, пожалуй, на [illegible] независимый тонъ; она говорила съ нимъ, какъ равная съ равнымъ. Глядя на нее и слушая ее, онъ не могъ забыть, что это близкая родственница его жены, внучка старшаго и близкаго друга ихъ дома, дочь человѣка, имя котораго нѣкогда гремѣло по всей Европѣ, и потомка знатнаго рода—все это ярко сказывалось въ ея тонѣ, въ ея обращеніи. Но Боже мой, неужели же можно ставить незаконное рожденіе наряду съ законнымъ такъ, чтобъ оно не пятнало и не влекло за собой кары? Признать порокъ добродѣтелью, или равноцѣннымъ ей? Герцогъ упорствовалъ.

— Это въ высшей степени непріятная исторія,—сказалъ онъ, помолчавъ, когда Жюли довела свой разсказъ до конца, и суше прибавилъ:—во всякомъ случаѣ я долженъ буду извиниться за участіе въ ней моей жены.

— Леди Генри недолго будетъ гнѣваться на герцогиню. А я,—голосъ Жюли дрогнулъ,—мое сегодняшнее письмо она мнѣ вернула нераспечатаннымъ.

Наступило неловкое молчаніе; затѣмъ Жюли продолжала, уже другимъ тономъ:

— Собственно мнѣ хотѣлось бы, главнымъ образомъ, обсудить, какъ намъ оберечь леди Генри отъ дальнѣйшихъ непріятностей и огорченій. Она какъ-то въ гнѣвѣ сказала мнѣ, что если мы разстанемся съ ней въ ссорѣ и кто-либо изъ ея старыхъ друзей станетъ на мою сторону, она раззнакомится съ нимъ...

— Я это знаю,—сухо сказалъ герцогъ.—Ея салонъ погибъ. Она сама предвидитъ это.

— Но зачѣмъ же? зачѣмъ?—воскликнула Жюли съ непритворнымъ огорченіемъ.—Это надо какъ-нибудь предупредить. Къ несчастью, я должна жить въ Лондонѣ. Мнѣ предлагаютъ работать въ газетѣ; такой работы не увезешь съ собой въ деревню или за границу. Но я рада бы сдѣлать все, чтобъ оберечь леди Генри...

— Интересно, какъ поступитъ м-ръ Монтрезоръ,—перебилъ ее герцогъ.—Монтрезоръ уже нѣсколько поколѣній былъ Шатобріаномъ этой новой madame Рекамье.

Жюли быстро обернулась къ нему.

— Я получила отъ м-ра Монтрезора письмо сегодня утромъ, за завтракомъ. Онъ проситъ меня отъ своего имени и отъ имени м-рсъ Монтрезоръ погостить у нихъ, пока опредѣлятся мои планы. Онъ... онъ такъ добръ, что увѣряетъ, будто чувствуетъ себя отчасти отвѣтственнымъ за вчерашній вечеръ.

— И вы ему отвѣтили?—Герцогъ пристально смотрѣлъ на нее.

Жюли вздохнула и опустила глаза.

— Я попросила его не думать обо мнѣ и написать сейчасъ же леди Генри. Надѣюсь, что онъ такъ и сдѣлалъ.

— [illegible] простите за вопросъ— вы отказались?

По высоко поднятымъ и сдвинутымъ бровямъ герцога видно было, что онъ озадаченъ.

— Конечно!—Жюли посмотрѣла на него съ удивленіемъ.—Леди Генри никогда не простила бы этого. Объ этомъ нечего было и думать. Лордъ Лэкингтонъ также...

— Да?—сдѣлала герцогиня, присѣвшая на скамеечку у ногъ Жюли и глядѣвшая ей въ глаза.

— Отъ него я тоже получила письмо. Онъ хочетъ помочь мнѣ. Но я не могу этого допустить.

Послѣднія слова она договорила шепотомъ, откинулась на спинку кресла и закрыла платкомъ глаза. Это было сдѣлано очень просто и очень трогательно. Герцогиня бросила мужу молніеносный взглядъ и, завладѣвъ одной изъ рукъ Жюли, принялась цѣловать ее и что-то шептать надъ ней.

«Видано ли когда-либо подобное положеніе?» думалъ герцогъ, сильно взволнованный. «И, если вѣрить Эвелинѣ, ей представлялся шансъ—да нѣтъ, какое! Полная практическая возможность сдѣлаться герцогиней Чѣдлей—и она отказалась!»

Такого рода великодушіе онъ ставилъ очень высоко. По части подобныхъ жертвъ онъ былъ требовательнѣе къ другимъ, чѣмъ къ себѣ самому, но и въ другихъ онъ умѣлъ ихъ цѣнить.

Пройдясь нѣсколько разъ взадъ и впередъ по комнатѣ, онъ подошелъ къ обѣимъ женщинамъ.

— Миссъ Ле-Бретонъ,—заговорилъ онъ съ необычной для него торопливостью,—я не могу одобрить, и Эвелинѣ не слѣдовало бы одобрять многаго, что произошло между вами и леди Генри. Но я понимаю, что ваша жизнь у нея въ домѣ была не изъ легкихъ, и сознаюсь, что теперь вы выказали большую кротость. Эвелина очень разстроена всѣмъ этимъ. Разъ вы обѣщаете сдѣлать все возможное, чтобы смягчить разрывъ для леди Генри, я буду радъ, если вы позволите мнѣ отчасти придти вамъ на помощь...

Лицо Жюли приняло серьезное выраженіе; она сдвинула брови. Герцогъ, невольно краснѣя, продолжалъ:

— У меня есть тутъ по близости небольшой домикъ, меблированный—Эвелина вамъ объяснитъ. Сейчасъ въ немъ никто че живетъ. Если вы согласитесь поселиться въ немъ—скажемъ, на полгода,—герцогиня нахмурилась,—вы доставите мнѣ удовольствіе Я самъ объясню это леди Генри и попытаюсь смягчить ее.

Онъ остановился. Лицо миссъ Ле-Бретонъ выражало признательность, съ оттѣнкомъ волненія, но вмѣстѣ и большую нерѣшительность.

— Вы очень добры! Но у меня нѣтъ на васъ никакихъ правъ... И я могу прожить одна.

Въ ея тонѣ былъ оттѣнокъ надменности. Она, не спѣша, поднялась съ кресла. «Слава Богу, что я не предложилъ ей денегъ!» подумалъ герцогъ, странно смущенный.

— Жюли! милая Жюли!—умоляла герцогиня.—Это такой хорошенькій домикъ... и онъ совсѣмъ заглохъ отъ того, что въ немъ никто не живетъ. Вотъ ужъ два года, какъ въ него никто не входилъ, кромѣ сторожа, оставленнаго при квартирѣ. Вы положительно окажете намъ услугу, если станете жить тамъ,—не правда ли, Берти? Тамъ все осталось, какъ было, вся обстановка, вплоть до мѣховъ и щипцовъ. Еслибъ вы только захотѣли взять на себя трудъ присмотрѣть за всѣмъ этимъ! Берти не хотѣлось продавать этихъ вещей; все это старое, фамильное, и онъ очень любилъ кузину Мэри Лейстеръ... Жюли, милая, скажите, что вы согласны. Я велю протопить комнаты, пошлю туда простынь и все, что нужно, и вы сразу почувствуете себя, какъ будто вѣкъ тамъ жили. Согласитесь, Жюли.

Жюли покачала головой.

— Я пришла сюда,—выговорила она нетвердымъ голосомъ,—просить совѣта, не милости. Но все-таки вы очень добры...

И она дрожащими пальцами стала опускать вуалетку.

— Жюли! Куда вы? Вы остаетесь у насъ.

— У васъ!—Жюли круто повернулась.—Неужели вы думаете, что я соглашусь быть въ тягость вамъ или кому бы то ни было?

— Но, Жюли, вы же сказали Джэкобу, что вы придете.

— Я и пришла. Я нуждалась въ вашемъ сочувствіи и совѣтѣ. Мнѣ хотѣлось также поговорить по душѣ съ герцогомъ и указать ему, какъ можно облегчить положеніе леди Генри.

Ея грустный тонъ, полный раскаянія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и достоинства, довершилъ пораженіе—временное пораженіе герцога.

— Миссъ Ле-Бретонъ,—началъ онъ неожиданно, подойдя къ ней совсѣмъ близко,—я помню вашу мать...

Глаза Жюли наполнились слезами. Рука ея медлила завязать вуалетку.

— Я былъ мальчикомъ-школьникомъ, когда она гостила у насъ. Она была красавица. Она брала меня съ собой на охоту. Она была очень добра ко мнѣ, и мнѣ она представлялась какимъ-то божествомъ. Когда я впервые услышалъ о ея судьбѣ—много лѣтъ спустя, я былъ страшно потрясенъ. Ради нея примите мое предложеніе. Не будемъ говорить о томъ, какъ поступила ваша мать. Я не легко смотрю на такія вещи—о, нѣтъ! Но я не могу вынести мысли, что ея дочь въ Лондонѣ одна и безъ друзей.

Странное дѣло! говоря это, онъ какъ будто слушалъ кого-то другого. Онъ самъ не понималъ, какія чувства овладѣли имъ, съ какой силой внезапно нахлынули на него воспоминанія о леди Розѣ.

Она положила руки на каминную доску и уронила на нихъ голову; лица ея не было видно—она стояла спиной, но супруги видѣли, что она тихонько плакала.

Герцогиня подкралась къ ней и обвила руками ея станъ.

— Вы согласны, Жюли? Вы согласны? Леди Генри выставила васъ безъ всякаго предупрежденія, и въ значительной степени по моей винѣ. Вы должны позволить намъ помочь вамъ.

Жюли не отвѣчала, но, освободивъ одну руку и не глядя на герцога, протянула ему эту руку.

Онъ пожалъ ее такъ сердечно, что даже самъ удивился.

— Ну, вотъ и хорошо! Вотъ и отлично! Ну-съ, Эвелина, дальнѣйшее я предоставляю вамъ. Устраивайтесь сами. Ключи будутъ здѣсь послѣ обѣда. Миссъ Ле-Бретонъ, конечно, пока останется у насъ. А мнѣ давно пора на засѣданіе. Еще одно, миссъ Ле-Бретонъ.

— Да?

— Я думаю, вамъ слѣдуетъ открыться лорду Лэкинтону.

Это было сказано очень серьезно. Жюли содрогнулась.

— Вы мнѣ позволите самой выбрать для этого время?—былъ ея умоляющій отвѣтъ.

— Конечно, конечно! Мы еще поговоримъ объ этомъ.

И герцогъ поспѣшно вышелъ, спускаясь съ лѣстницы, онъ самъ дивился тому, что сдѣлалъ, и спрашивалъ себя:

— Какъ только я объясню это леди Генри?

И, катя въ Сити въ собственномъ кэбѣ, онъ мучился сознаніемъ своей вины. Что могло побудить его поступить такъ дико и странно? Романтизмъ положенія?—нелѣпаго и безнравственнаго? Или просто-напросто фактъ, что эта женщина отказала Джэкобу Делафильду?

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

# ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ЖЮЛЯ СИМОНА.

Въ коротенькомъ предисловіи къ своимъ воспоминаніямъ, изданнымъ уже послѣ его смерти сыновьями, Жюль Симонъ говоритъ, что передъ его глазами прошли три фазы соціальной жизни Франціи. Онъ видѣлъ возвращеніе аристократіи къ власти, онъ присутствовалъ при борьбѣ и торжествѣ буржуазіи и первыхъ шагахъ и неудачахъ демократіи. Первое уже отошло въ область воспоминаній, что же касается буржуазіи, то она, повидимому, готовится сойти со сцены и наступаетъ царство демократіи. «Что оно принесетъ намъ — это пока никому неизвѣстно», говоритъ Жюль Симонъ. Но въ своихъ воспоминаніяхъ онъ не высказываетъ ни своихъ взглядовъ, ни опасеній, а остается исключительно въ роли свидѣтеля, разсказывая только то, что видѣлъ и пережилъ самъ.

«Ничего не можетъ быть печальнѣе слѣдующаго дня послѣ государственнаго переворота, въ особенности, когда находишься среди побѣжденныхъ!» говоритъ онъ, вспоминая переворотъ 2-го декабря 1852 г., когда Людовикъ-Наполеонъ провозглашенъ былъ императоромъ французовъ подъ именемъ Наполеона III.

«Утромъ, 2-го декабря, наша единственная служанка разбудила насъ раньше положеннаго часа.

«— Madame! Madame! кричала она.—Всѣхъ арестовали!»

«Всѣхъ»,—это значило тѣхъ, кого она знала.

«— Кто вамъ сказалъ? Откуда вы это знаете»?—спросили мы ее.

«— Это напечатано,—отвѣчала она.—Листки продаютъ на улицахъ. По стѣнамъ расклеены рѣчи».

Служанка говорила правду. Сбѣжавъ съ пятаго этажа, гдѣ находилась его квартира, Жюль Симонъ бросился къ своимъ друзьямъ и никого не нашелъ. Всѣ исчезли, уѣхали или были арестованы! Осталось на свободѣ два - три человѣка, вмѣстѣ съ Жюлемъ Симономъ, да и тѣ удивлялись, что ихъ не постигла та же участь. Бѣгая цѣлые дни по городу, чтобы собрать свѣдѣнія о пропавшихъ друзьяхъ, Жюль Симонъ столкнулся однажды рано утромъ съ Людовикомъ-Наполеономъ. Вотъ какъ онъ разсказываетъ объ этой встрѣчѣ.

«Я замѣтилъ двухъ человѣкъ, которые бродили по набережной и,

какъ мнѣ показалось, измѣряли павильонъ Флоры. Было восемь часовъ утра. На улицахъ не было никого. Однако это не были рабочіе. Подойдя ближе, я увидалъ, что это былъ Луи-Наполеонъ, бесѣдовавшій съ однимъ изъ своихъ приближенныхъ о перемѣнахъ, которыя онъ намѣревался сдѣлать въ домѣ нашихъ королей, ставшемъ теперь его домомъ. Встрѣча эта необыкновенно поразила меня. Не знаю, придовалъ ли онъ такое большое значеніе всѣми этимъ мелкимъ подробностямъ или онѣ служили для него отдохновеніемъ отъ болѣе серьезныхъ занятій, но извѣстно только, что, поселившись въ Тюльери, онъ немедленно же отдалъ приказаніе засыпать рвы на площади Согласія и измѣнить ея устройство. Можно было бы сказать, пожалуй, что и переворотъ онъ совершилъ лишь для того, чтобы произвести эту переборку въ концѣ сада. Мы даже спрашивали себя, не скрывается ли тутъ какой-нибудь стратегическій планъ».

«Въ тотъ же день я встрѣтилъ на площади согласія одного изъ моихъ бывшихъ учителей,—продолжаетъ Жюль Симонъ.—Еще недавно я былъ его коллегой въ Сорбоннѣ. Чувствуя потребность излить вѣрному человѣку свое негодованіе и свою печаль, я набросился на него и спросилъ:

«— Что вы думаете обо всемъ этомъ?

«Онъ посмотрѣлъ на меня задумчивымъ взоромъ и отвѣтилъ: «Надо подождать конца».

«Ждать конца! Это преступленіе могло, слѣдовательно, превратиться въ подвигъ, если оно окажется удачнымъ. И это говорилъ философъ! Я бросился бѣжать отъ него, какъ будто бы меня укусила змѣя. Въ теченіи многихъ лѣтъ потомъ я избѣгалъ встрѣчаться съ нимъ, но послѣ его смерти, я долженъ былъ сознаться, что онъ былъ порядочнымъ человѣкомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Какъ глубоко несчастны люди! Даже въ вопросахъ нравственности мы лишены возможности видѣть далѣе кончика своего носа».

Между тѣмъ, въ то время, какъ побѣжденные скрежетали зубами въ безсильной ярости, побѣдитель давалъ балъ «дамамъ парижскаго рынка» (dames de la Halle). Очевидно, онъ помнилъ правило древнихъ цезарей: «panem et circenses». Спорили о томъ, пойдутъ или не пойдутъ парижескія торговки на этотъ балъ. Онѣ пошли! И цезарь тоже явился на этотъ балъ и даже, какъ говорятъ, былъ удивленъ, что такъ много хорошенькихъ дѣвушекъ среди рыночныхъ торговокъ. А онѣ привѣтствовали его...

Онъ устраивалъ празднества также и въ своемъ новомъ дворцѣ для своихъ приближенныхъ. «Слезы должны всегда смѣшиваться со смѣхомъ», говоритъ Жюль Симонъ и припоминаетъ по этому поводу разсказъ о разговорѣ папы Пія VII съ Наполеономъ I. Папа произнесъ только два слова во время этого разговора. Диктаторъ началъ съ угрозъ. «Разбойникъ», промолвилъ Папа вполголоса. Такъ какъ угрозы

не подѣйствовали, то Наполеонъ перешелъ къ обѣщаніямъ и хорошимъ словамъ. «Комедіантъ» проговорилъ Пій VII. «Въ этихъ двухъ словахъ заключается вся философія исторіи,—прибавляетъ Жюль Симонъ. Трагедіи и комедіи имѣютъ гораздо болѣе точекъ соприкосновеніе, нежели это принято думать, и часто переходятъ одна въ другую».

Жюль Симонъ занималъ и тогда ту же самую квартиру въ пятомъ этажѣ, на площади Маделенъ. Подъ нимъ жилъ одинъ изъ новыхъ важныхъ государственныхъ чиновниковъ, только наканунѣ вышедшій изъ ничтожества. На лѣстницѣ, гдѣ находилась и квартира Жюля Симона, постоянно толпились всевозможные агенты, оффиціальные и неоффиціальные, которые всегда кишмя кишатъ послѣ всякаго переворота. Жена Жюля Симона жила, поэтому, въ постоянномъ страхѣ, и такъ какъ аресты обыкновенно производилось по ночамъ, то она ждала посѣщенія каждую ночь. Однажды, когда весь домъ уже спалъ, раздался сильный звонокъ. Увѣренный, что пришелъ его чередъ, Жюль Симонъ вскочилъ съ постели. Неистовый звонъ не прекращался и, кромѣ того, въ дверь стучали кулаками. Наскоро одѣвшись, Жюль Симонъ отворилъ двери и... увидалъ передъ собою даму въ бальномъ туалетѣ, въ брилліантахъ и перьяхъ, которая, при видѣ Жюля Симона, страшно перепугалась и принялась кричать, очевидно вообразивъ, что это мошенникъ. Оказалось, что это была его сосѣдка, возвращавшаяся съ бала изъ тюльерійскаго дворца и въ темнотѣ ошибшаяся этажомъ, въ то время, когда ея мужъ расплачивался внизу съ кучеромъ. Дѣло объяснилось, и Жюль Симонъ проводилъ ее со свѣчкой въ ея квартиру, но бѣдная дама была больна нѣсколько дней отъ испуга.

Настроеніе побѣжденныхъ въ первые годы послѣ переворота было самое ужасное. «Вы не можете составить себѣ понятія о томъ гнѣвѣ, который бушевалъ въ нашей душѣ,—говоритъ Жюль Симонъ.—Мы попались въ ловушку, что было не особенно лестно для нашего самолюбія, мы были разбиты на голову, да еще къ тому же должны были терпѣть безпримѣрно суровое обращеніе. Мы готовы были мириться съ увольненіемъ отъ должности, и даже заключеніемъ въ тюрьму и съ ссылкой, лишь бы все это носило характеръ временный и не сопровождалось другими жестокостями. Но въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ мы постоянно только и слышали, что о тайныхъ казняхъ. Я думаю, что это была неправда. Но абсолютное уничтоженіе свободы печати всегда имѣетъ своимъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ распространеніе клеветы. Одно было вѣрно, что многія лица, даже довольно значительныя, исчезали безслѣдно и никто не зналъ, гдѣ они находились. Въ «Moniteur» печатались списки временныхъ изгнанниковъ и ссыльныхъ, но, кромѣ этихъ лицъ, пользовавшихся извѣстностью и, поэтому, удостоенныхъ оффиціальнаго упоминанія, было много такихъ, которыхъ забирала полиція во время своихъ набѣговъ и имена которыхъ нигдѣ не упоминались. Ихъ заковывали въ цѣпи и, какъ въ прежнія времена,

отправляли пѣшкомъ, въ сопровожденіи солдатъ, на пристань и тамъ сажали на суда и отправляли далѣе, въ Алжиръ или Кайенну... Мы все это видѣли, но да избавитъ Богъ нашихъ дѣтей отъ такого зрѣлища! Изгнанники въ Лондонѣ, въ Брюсселѣ страшно бѣдствовали. Мы же, изгнанники внутри страны, какъ мы себя называли, не могли ни говорить, ни писать. Насъ лишали нашихъ должностей, намъ не позволяли писать въ газетахъ. Кліенты не смѣли обращаться къ намъ, если нуждались въ адвокатѣ, и мы жили въ постоянномъ страхѣ быть арестованными полиціей или препровожденными на границу. Плохое это было время, дѣти мои! Я родился въ 1814 г., я пережилъ 1852 и 1871 года. Я принадлежу, слѣдовательно, къ трижды проклятому поколѣнію!»

Въ эпоху государственнаго переворота Жюлю Симону было 37 лѣтъ. Онъ былъ депутатомъ и государственнымъ совѣтникомъ и въ то же время профессоромъ философіи въ Сорбоннѣ, зарабатывая въ общемъ около трехсотъ франковъ въ мѣсяцъ. Лекціи въ Сорбоннѣ начались по обыкновенію въ ноябрѣ, но Жюль Симонъ опоздалъ. Деканъ попросилъ его начать чтеніе своихъ лекцій, и Жюль Симонъ помѣстилъ объявленіе о своей лекціи наканунѣ плебисцита 10-го декабря. Аудиторія была переполнена, когда онъ явился, и толпа тѣснилась даже во дворѣ Сорбонны. «Это было естественно,—замѣчаетъ Жюль Симонъ,—вѣдь мнѣ первому предстояло заговорить среди этой толпы, осужденной на безмолвіе въ теченіе всей недѣли».

Очевидно, и толпа была заинтересована тѣмъ, что онъ скажетъ. Жюль Симонъ съ трудомъ проложилъ себѣ дорогу къ каѳедрѣ и, взойдя на нее, сказалъ:

«Господа! Я здѣсь состою профессоромъ нравственности, моя обязанность преподавать вамъ ее и подкрѣплять свои слова примѣромъ. Я скажу вамъ: право публично попирается тѣмъ, кто долженъ былъ бы его защищать, и завтра Франція должна будетъ высказать свое рѣшеніе, оправдываетъ ли она это нарушеніе права, или осуждаетъ его. Но если въ урнахъ будетъ только одинъ бюллетень для осужденія этого акта, то я заранѣе требую его для себя; этотъ бюллетень будетъ отъ меня!»

Эта фраза, сказанная дрожащимъ голосомъ, произвела глубокое впечатлѣніе на слушателей. Жюль Симонъ не могъ говорить дальше, голосъ его заглушали аплодисменты. Наконецъ, когда энтузіазмъ нѣсколько поулегся, онъ сказалъ:

«Я принимаю ваши аплодисменты, какъ клятву. Если когда-либо вы поддадитесь позорной слабости, вспомните объ этой минутѣ и скажите себѣ, что вы—клятвопреступники!»

Слова эти вызвали новый взрывъ энтузіазма. Молодежь повскакивала на скамья, неистово аплодируя. Друзья Жюля Симона, воспользовавшись минутой, поскорѣе увели его, и черезъ полчаса онъ уже сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, а въ это время полиція искала его во всѣхъ

закоулкахъ Сорбонны. На другой день, на первой страницѣ «Moniteur» красовалось слѣдующее объявленіе: «Г. Жюль Симонъ, профессоръ нормальной школы и словеснаго факультета, отрѣшается отъ должности на нѣкоторое время».

Однако, отставка не заставила себя ждать. Черезъ три дня директоръ нормальной школы Мишель принесъ Жюлю Симону формулу присяги, тотъ отказался подписать ее... «Въ такомъ случаѣ у меня есть приказаніе вычеркнуть ваше имя изъ списка профессоровъ»,—сказалъ Мишель. «Я ждалъ этого», отвѣтилъ Жюль Симонъ.

Жюль Симонъ остался буквально на улицѣ. Вопросъ о хлѣбѣ насущномъ принималъ для него особенно острую форму, такъ какъ у него не было ничего, кромѣ небольшого дохода его жены. Пришлось искать заработка. Спустя нѣсколько дней Жюль Симонъ пристроился у Гашета, основателя огромной книготорговли, который поручилъ ему чтеніе и правку рукописей.

Но положеніе изгнанниковъ заграницей было въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще хуже. Имъ трудно было найти заработокъ и они подчасъ страшно бѣдствовали. Однако, ихъ не забывали во Франціи. Нашелся человѣкъ, имени котораго Жюль Симонъ не называетъ, который рѣшилъ организовать правильный сборъ среди республиканцевъ въ пользу ихъ товарищей, бѣжавшихъ за границу. Онъ самъ былъ сборщикомъ и не останавливался ни передъ чѣмъ, поднимаясь въ пятые этажи и спускаясь въ подвалы. Одинъ только вопросъ смущалъ его, можно ли принимать деньги отъ недостойнаго? Однажды префектъ сенскаго департамента прислалъ ему 1.000 фр. въ пользу ссыльныхъ. Это привело его въ сильное смущеніе, тѣмъ болѣе, что мнѣнія его друзей раздѣлились въ этомъ вопросѣ.

«Это былъ Гудшо,—говоритъ Жюль Симонъ. Ему еще не поставили статуи во Франціи, но онъ былъ однимъ изъ отцовъ республики; онъ содѣйствовалъ ея основанію, а послѣдніе годы своей жизни онъ посвятилъ на то, чтобы помогать и облегчать участь республиканцевъ. Политическіе дѣятели, которые еще въ прошломъ году были предводителями партіи, теперь умирали съ голода, вмѣстѣ со своею семьей, на какомъ-нибудь чердакѣ, гдѣ-нибудь въ Бельгіи, и Гудшо являлся къ нимъ на помощь со своими деньгами. Но бѣдствующихъ было много и среди оставшихся во Франціи. Бывшіе депутаты поступали сторожами на желѣзную дорогу или носильщиками. Одинъ изъ депутатовъ, бывшій префектъ въ одномъ изъ департаментовъ юга, продавалъ на улицахъ овощи, которыя онъ развозилъ въ телѣжкѣ, запряженной собакой».

Подобные факты только возбуждали гнѣвъ Жюля Симона и его друзей и не давали заглохнуть раздраженію и негодованію. Цѣлыхъ четыре года продолжалось такое настроеніе, и Жюль Симонъ справедливо замѣчаетъ, что такъ долго чувствовать гнѣвъ тяжело, пожалуй



даже тяжелѣе, чѣмъ терпѣть бѣдствія въ изгнаніи. Къ тому же на сторонѣ изгнанниковъ было общее сочувствіе и сожалѣніе, на сторонѣ же оставшихся—ничего!

Нѣкоторымъ отвлеченіемъ служили для оставшихся разсказы о побѣгахъ арестованныхъ единомышленниковъ. Они прибѣгали ко всевозможнымъ хитростямъ, гриммировались, переодѣвались и т. д. Одинъ изъ нихъ приложилъ себѣ къ лицу горсть крупной соли и сильно прижалъ ее компрессомъ, операція была очень болѣзненная, но и результаты вышли поразительные: все лицо у него было словно источено оспой, да и оспа, кажется, не могли бы сдѣлать лицо болѣе неузнаваемымъ. Даже родные и друзья не узнавали его и онъ долженъ былъ говорить имъ свою фамилію. Онъ думалъ, что это пройдетъ, какъ только онъ пріѣдетъ въ Бельгію и займется возстановленіемъ своей наружности, но не тутъ-то было, слѣды оставались долгіе мѣсяцы и онъ уже началъ пугаться, что навѣки останется уродомъ.

Про другого изъ друзей Жюля Симона разсказывали, что онъ бѣжалъ, переодѣтый священникомъ. Это былъ красивый юноша, съ тонкими чертами лица, изящными манерами и музыкальнымъ голосомъ. Вѣроятно, костюмъ священника былъ очень ему къ лицу. Пріятель его священникъ, одолжившій ему свою рясу, воротникъ и треуголку, прибавилъ къ этому еще и рекомендательное письмо къ настоятелю одного бенедиктинскаго монастыря, находящагося въ пограничномъ городѣ. Тамъ его приняли со всевозможными почестями и окружили вниманіемъ и заботами. Его помѣстили въ лучшую комнату, гдѣ онъ нашелъ все необходимое, чтобы привести въ порядокъ свой туалетъ. Въ семь часовъ прозвонилъ колоколъ къ трапезѣ. Мнимый священникъ очень обрадовался; онъ былъ страшно голоденъ, такъ какъ не рѣшался выходить на желѣзнодорожныя станціи и закусывать въ буфетѣ. Монахи пришли за нимъ. «Пожалуйте, г. аббатъ, отецъ настоятель ждетъ васъ», сказали они.

Его повели въ трапезную. Тамъ уже собрались монахи вокругъ стола, накрытаго тонкою, бѣлоснѣжною скатертью и уставленнаго серебромъ. Его окружили, спрашивали о здоровьи, о путешествіи. Настоятель усадилъ его на почетномъ мѣстѣ. Наконецъ всѣ размѣстились, но никто не садился и всѣ стояли около стола. Мнимый аббатъ съ недоумѣніемъ поглядывалъ кругомъ. Неужели всѣ будутъ такъ стоять все время? Онъ видѣлъ, что всѣ взоры обращены на него, и недоумѣвалъ, что это значитъ. Наконецъ, настоятель обратился къ нему: «Мы ждемъ г. аббатъ,—сказалъ онъ, чтобы вы произнесли «Benedicite».— «Benedicite»! Въ самомъ дѣлѣ, я объ этомъ не подумалъ. Но, мой отецъ, это вы должны произнести молитву. Я не смѣю...»—«О нѣтъ. Я не могу».

Такія настаиванія съ той и другой стороны продолжались нѣсколько минутъ. Бѣдный аббатъ находился въ очень затруднитель-

номъ положеніи. Онъ зналъ эту молитву только по имени. Ему пришло было въ голову сказать, что онъ далъ обѣтъ никогда не произносить этой молитвы. Но подобный обѣтъ показался бы слишкомъ необыкновеннымъ. Наконецъ, онъ рѣшился и, отозвавъ настоятеля въ сторону, сказалъ ему:

— Видите ли, мой отецъ, во время пути... Однимъ словомъ, я не достоенъ произносить эту молитву и умоляю васъ, мой отецъ, по крайней мѣрѣ, сегодня вечеромъ благословить нашу трапезу.

Настоятель согласился, и несчастный аббатъ, наконецъ, вздохнулъ свободно. Во время трапезы онъ велъ назидательную бесѣду и настолько удачно, что удалился, сопровождаемый всеобщими похвалами и благословеніями. Онъ рѣшилъ ѣхать дальше съ поѣздомъ въ пять часовъ утра, но одинъ изъ монаховъ, у котораго было дѣло въ Брюсселѣ, тоже поѣхалъ съ нимъ, для того, чтобы подольше пользоваться его пріятнымъ обществомъ. Они вмѣстѣ проѣхали черезъ границу и всѣ таможенные служащіе, какъ бельгійцы, такъ и французы, любезно привѣтствовали ихъ.

— Гдѣ вы остановитесь въ Брюсселѣ, г. аббатъ? — спросилъ монахъ.

— Я не остановлюсь нигдѣ, а проѣду прямо въ Малинъ.

— Къ его высокопреосвященству? Передайте же ему мое нижайшее почтеніе.

— Хорошо, мой отецъ.

Такъ кончилась благополучно эта исторія, о которой долго толковали въ Парижѣ.

Ни одинъ французъ - республиканецъ не могъ себя чувствовать въ безопасности тогда. Лишь очень немногіе избѣгли тюрьмы, изгнанія, ссылки. Жюль Симонъ принадлежалъ къ числу этихъ счастливцевъ и разсказываетъ, что былъ очень сконфуженъ, когда однажды, три года спустя, въ Гентѣ губернаторъ спросилъ его: «Сколько времени, mon cher monsieur, вы сидѣли въ тюрьмѣ?» Такой вопросъ, адресованный французскому республиканцу, являлся вполнѣ естественнымъ, и Жюль Симонъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ долженъ былъ сознаться, что онъ не былъ ни арестованъ, ни въ ссылкѣ. Бургомистръ, очевидно подмѣтившій его смущеніе, весьма любезно возразилъ ему, что «это не его вина».

Французскіе изгнанники за границей, особенно тѣ, которыя не имѣли состоянія, очень бѣдствовали. Найти работу въ чужой странѣ было не такъ-то легко. Тѣ, которые оставались во Франціи, находились, по крайней мѣрѣ, въ родной странѣ. Но и ихъ положеніе часто бывало не лучше; они тоже попали въ разрядъ иностранцевъ, да при томъ еще находящихся на дурномъ счету. Всѣ тѣ, которые занимали какія-либо должности, были уволены. Обыкновенно это совершалось очень просто:

— Вы будете присягать?

— Нѣтъ.

— Ну такъ убирайтесь вонъ.

И тѣмъ дѣло кончалось. Всѣ искренніе и честные люди очутились такимъ образомъ на улицѣ. Счастливы были тѣ, у которыхъ оказались хоть какіе-нибудь запасы; у большинства же ничего не было. Всѣ эти люди, выброшенные за бортъ новымъ правительствомъ, составили въ Парижѣ особую колонію, совершенно такую же, какъ и ихъ соотечественники въ Брюсселѣ или Лондонѣ. Но тамъ они были пришельцами, а здѣсь республиканцы чувствовали себя чужими среди своихъ. Они отлично понимали, что еслибъ имъ нужно было прибѣгнуть къ защитѣ закона или администраціи, то и тотъ и другой обратились бы противъ нихъ. Они жили, имѣя передъ собою въ перспективѣ Кайенну; буржуа, даже тѣ, которые въ глубинѣ души не одобряли переворота, избѣгали съ ними сношеній, какъ съ зачумленными.

Жюль Симонъ съ особенною теплотою отзывается о республиканцахъ 48 года, о ихъ примѣрномъ безкорыстіи и традиціяхъ, которымъ вѣрно служили всѣ тѣ, кто былъ представителемъ республики во времена имперіи и кто основалъ ее при Тьерѣ.

«Всѣмъ извѣстна исторія послѣднихъ лѣтъ Ламартина,—говоритъ онъ. — Нѣкоторые возмущаются ими, но я считаю, что они составляютъ его славу. Вѣдь Ламартинъ разорился не для того, чтобы наслаждаться жизнью, а раздавая другимъ. Теперь это уже выяснилось. Онъ истощалъ свои силы, работая, словно ремесленникъ, до самой своей смерти, чтобы платить. Гдѣ же тутъ позоръ? Имя Ламартина напоминаетъ мнѣ другое—Виктора Гюго, который былъ богатъ. Но нельзя бросать ему въ лицо, какъ упрекъ, его богатство: ни одинъ грошъ его состоянія не былъ полученъ изъ государственной казны. Великій, безсмертный Араго оставилъ дѣтямъ только свое имя. Въ моментъ же изгнанія всѣ республиканцы, не имѣвшіе наслѣдственнаго состоянія, очутились въ нуждѣ. Луи Бланъ, Эскиросъ нашли средства къ жизни въ своемъ литературномъ талантѣ. Флоконъ умеръ съ голода, а семья Марра едва въ состояніи была заплатить за его погребеніе».

«Никто изъ нашихъ великихъ людей не обогатился,—говоритъ далѣе Жюль Симонъ.—Наше счетоводство было самое фантастическое. Никто ничего не подписывалъ на расходъ по выборамъ. На столѣ, въ салонѣ Гарнье-Пажеса стояла деревянная копилка. Кто желалъ, тотъ клалъ въ нее, сколько хотѣлъ. Никто не благодарилъ, никто не записывалъ и никто не считалъ. Одинъ изъ секретарей заявлялъ, напримѣръ: «Принесли счетъ». Гарнье-Пажесъ отвѣчалъ на это: «Возьмите въ копилкѣ». Случалось, что секретарь замѣчалъ: «Тамъ недостаточно». Тогда Гарнье-Пажесъ обращался къ окружающимъ: «Господа, поищемъ у себя». Эти деньги шли на общую пропаганду, такъ какъ расходы на кандидатуру несли сами же кандидаты. Какъ бы тамъ ни было,

но честность основателей второй республики остается внѣ сомнѣній, а это уже не мало».

Со времени лекціи въ Сорбоннѣ, прочитанной имъ наканунѣ плебисцита и своего отказа присягнуть, Жюль Симонъ превратился въ политическаго дѣятеля, насколько это было возможно въ ту эпоху, когда всѣ общественныя поприща, журналистика, чтеніе лекцій и т. д. были закрыты для него и для его единомышленниковъ. Жюль Симонъ принадлежалъ къ небольшой группѣ республиканцевъ, главою которыхъ былъ генералъ Кавеньякъ и самыми авторитетными членами которой были Гудшо, Гарнье-Пажесъ, Карно, Ландренъ, Дюклеркъ, Лоранъ Пишо. Вся эта компанія собиралась вмѣстѣ ежемѣсячно на обѣдъ, который назывался «обѣдомъ мертвецовъ». Чаще всего на этомъ обѣдѣ предсѣдательствовалъ Кавеньякъ, иногда Марра или генералъ Ламорисьеръ, который всегда умѣлъ всѣхъ воодушевить. Всѣ они вмѣстѣ составляли первый кружокъ непримиримыхъ, но Жюль Симонъ сознается, что политика ихъ была никуда негодной. Въ самомъ дѣлѣ, она состояла исключительно въ томъ, что они воздерживались отъ участія въ общественной работѣ, увѣренные, что правительство не удержится, такъ какъ около него нѣтъ людей, которые могли бы поддержать его. Но Жюль Симонъ и его друзья упускали изъ виду необыкновенную силу, которую придавала этому правительству наполеоновская легенда и въ особенности боязнь соціализма, вслѣдъ за которымъ, какъ думали тогда, долженъ былъ слѣдовать терроръ.

Посѣщеніе этихъ ежемѣсячныхъ собраній все-таки было сопряжено съ нѣкоторыми опасностями, такъ какъ по новымъ законамъ такія собранія составляли уже преступленіе, подлежащее карѣ, такъ что участвовавшихъ въ нихъ могли арестовать и выслать или сослать въ Кайенну безъ всякаго судебнаго разбирательства. Жюль Симонъ полагаетъ, что они были допущены лишь потому, что полиція извлекала изъ нихъ свою выгоду. Среди союзниковъ измѣнниковъ не было, но на каждое такое засѣданіе являлись неизвѣстные. Многихъ едва знали по имени и Ландренъ говорилъ по этому поводу Гарнье-Пажесу: «Вѣдь если не будешь рисковать, то ничего не сдѣлаешь». Гарнье-Пажесъ только смѣялся на это и пожималъ плечами.

Общее мнѣніе всѣхъ присутствовавшихъ на этихъ «обѣдахъ мертвецовъ» было, что «такъ продолжаться не можетъ!» Франція сдѣлалась жертвою неожиданности; она была захвачена врасплохъ, а теперь она воспрянетъ, встряхнется. Орлеанисты, заключившіе договоръ съ Луи-Наполеономъ, теперь отдѣлились отъ него. Чѣмъ больше они его превозносили раньше и чѣмъ больше служили ему, тѣмъ больше они ненавидѣли его теперь. Кто же оставался возлѣ него? Горсть бонапартистовъ, всѣми осмѣянныхъ и презираемыхъ. Надо только предоставить ихъ самимъ себѣ и, конечно, тогда Франція скоро отъ нихъ избавится.



Такъ думали Жюль Симонъ и его друзья, утѣшавшіе себя надеждой, что чиновники, служившіе Луи-Наполеону, готовы оставить его при первомъ же удобномъ случаѣ, что они обратятся противъ него, и онъ останется одинъ. За границей изгнанники тѣшили себя подобными же надеждами и нѣкоторые въ своемъ оптимизмѣ доходили даже до того, что не распаковывали своихъ чемодановъ, ожидая, что скоро наступить моментъ возвращенія во Францію. «На этотъ разъ они уже не съ королемъ Луи-Филипомъ будутъ имѣть дѣло,—говорили они, съ наслажденіемъ предвкушая свое будущее торжество надъ Луи-Наполеономъ.— Ужъ ему не позволятъ уѣхать въ Америку!»

Только одинъ Карно не раздѣлялъ общихъ надеждъ.

Когда были объявлены первые выборы, то мнѣнія раздѣлились. Одни говорили: «Надо подавать голоса и постараться попасть въ парламентъ. Побѣжденные, хотя бы только на время, должны пользоваться всякимъ оружіемъ, которое у нихъ имѣется подъ руками». Но другіе возставали противъ такого мнѣнія. «Пусть они остаются изолированными,—говорили они.—Вы увидите, какъ ихъ мало».

Но большинство все-таки рѣшило, что надо выставить кандидатовъ въ такихъ округахъ, гдѣ успѣхъ представлялся возможнымъ, несмотря на давленіе администраціи. Кандидаты же, если они будутъ избраны, должны будутъ отказаться отъ принесенія присяги.

Жюль Симону поручено было написать Карно, который принялъ кандидатуру на предложенныхъ ему условіяхъ и отвѣтилъ, что, конечно, онъ не могъ бы принести присягу тотчасъ же послѣ того, какъ произведена была революція, поправшая право. Но онъ высказалъ предположеніе, что, можетъ быть, было бы лучше избрать никому неизвѣстныхъ и новыхъ кандидатовъ, которые, попавъ въ палату, могли бы образовать тамъ ядро будущей оппозиціи.

Карно былъ избранъ и изъ Брюсселя прислалъ очень благородное письмо, въ которомъ отказывался принести присягу. Другой избранникъ Хенонъ, поступилъ точно также. Вообще, рѣшено было отворачиваться отъ всѣхъ, кто будетъ присягать или какъ депутатъ, или какъ чиновникъ. Бездѣйствіе въ данномъ случаѣ считалось лучше, нежели дѣятельность. Однако, пятеро вошли все-таки въ составъ законодательнаго собранія. На нихъ сначала негодовали, отъ нихъ отворачивались, но они проявили такую энергію, что вскорѣ уже вся партія стояла за ними и даже «старые бонзы» (такъ называли пережившихъ революцію 1848 г.) кончили тѣмъ, что были увлечены общимъ теченіемъ. Эти пятеро были: Жюль Фавръ, Эрнестъ Пикаръ, Эмиль Олливье, Хенонъ и Даримонъ. Вся Франція апплодировала мужеству Жюля Фавра, Эрнеста Пикара и Эмиля Олливье, такъ какъ народъ восхищался ими и было ясно, что имперія ихъ боится. Когда наступили общіе выборы въ 1863 году, то вопроса о присягѣ никто уже не поднималъ, такъ какъ всѣ были согласны съ тѣмъ, что необходимо дать помощниковъ пяти депутатамъ

оппозиціи. Раскола уже болѣе не существовало въ партіи относительно этого вопроса, тѣмъ болѣе, что положеніе измѣнилось. Появился новый императорскій законъ, требовавшій принесенія присяги не только отъ избраннаго депутата, но и отъ кандидата. Съ такой системой партія лишена была возможности ставить свои кандидатуры только для того, чтобы позондировать общественное мнѣніе и раздѣлить голоса. Приходилось сразу совершить безповоротный шагъ и эта необходимость уничтожила послѣднія колебанія партіи: отказываясь выставлять своихъ кандидатовъ, партія отказывалась, слѣдовательно, отъ политики. Въ рукахъ врага находилась уже армія и администрація, и, продолжая свою тактику, партія уступала ему совершенно какъ законодательный, такъ и избирательный корпусъ. «Намъ бы не оставалось ничего больше, какъ только плакать!» восклицаетъ Жюль Симонъ, оправдывая дѣйствія партіи, рѣшавшейся на компромиссъ.

Но Жюль Симонъ, твердо рѣшившій поддерживать всѣхъ кандидатовъ партіи, сначала никакъ не могъ примириться съ мыслью, что и ему придется принести предварительную присягу. Онъ былъ внесенъ въ списокъ кандидатовъ, о чемъ его извѣстилъ Жюль Фавръ. Но онъ долго колебался, хотя и старался убѣдить себя, что «иное дѣло присягать для того, чтобы сохранить свою должность, а иное — совершать этотъ актъ по требованію своихъ же единомышленниковъ, для того, чтобы имѣть возможность воспользоваться своими гражданскими правами».

Одинъ изъ его товарищей сказалъ ему:—Вѣдь вы же оправдываете тѣхъ, кто будетъ приносить присягу. Значитъ вы сами жертвуете общими интересами своимъ личнымъ удобствамъ.

Все это приводило Жюль Симона въ большое смущеніе, и онъ не зналъ, какъ ему быть. Наконецъ, онъ рѣшился написать Жюлю Фавру, что отказывается отъ кандидатуры, и въ отвѣтъ получилъ записку, требующую, чтобы онъ онъ немедленно явился на собраніе.

«Нечего раздумывать, — писалъ ему Жюль Фавръ,— Гавенъ уже напечаталъ списокъ, который появится въ вечернихъ газетахъ».

Друзья окружили Жюля Симона и проводили его къ выходу, гдѣ уже ожидала карета Жюля Фавра. Его посадили туда и повезли.

— Куда мы ѣдемъ?—спросилъ онъ.

— Въ «Hotel de Ville», — отвѣтилъ Жюль Фавръ и всю дорогу ласково и настойчиво убѣждалъ его не противиться, такъ что когда карета остановилась, то Жюль Симонъ былъ уже совершенно убѣжденъ въ правотѣ дѣла. Жюль Фавръ, смѣясь, сказалъ ему:

— Я похожъ на священника, который ведетъ осужденнаго на эшафотъ.

Въ «Hotel de Ville» все произошло необыкновенно просто. Всѣ по очереди проходили въ конецъ галлереи, какъ это дѣлается въ кассѣ для полученія билета и вписывали свою фамилію и профессію въ спи-

сокъ. Жюль Симонъ написалъ просто «Jules Simon, rentier», такъ какъ не хотѣлъ, какъ онъ говоритъ, компрометировать института, членомъ котораго состоялъ, хотя называться рантье онъ едва ли имѣлъ право, не получая ни откуда никакихъ доходовъ. Ему выдали росписку, какъ и всѣмъ другимъ, и Жюль Фавръ довезъ его до дверей его дома.

«Взбираясь въ свой пятый этажъ, — говоритъ Жюль Симонъ,—я только утѣшалъ себя мыслью, что моя жена одобритъ мое поведеніе».

Но другіе не одобряли его. Непримиримые республиканцы обрушились на Жюля Симона, и ихъ органы печати осыпали его оскорбленіями. Онъ получилъ даже оскорбительныя письма и многіе изъ республиканцевъ перестали бывать у него. Съ этимъ, однако, приходилось мириться. Впрочемъ, горячка борьбы скоро захватила Жюля Симона, и онъ пересталъ обращать вниманіе на эти мелочи, тѣмъ болѣе, что всѣ кандидаты прошли, и парламентскую партію можно было считать организованной. Пятеро прежнихъ борцовъ, вернувшихся на свои мѣста послѣ выборовъ, конечно, должны были смотрѣть на вновь прибывшихъ какъ на рекрутовъ, призванныхъ сражаться подъ ихъ руководствомъ. Такъ это и было въ дѣйствительности, и по словамъ Жюля Симона, онъ и его товарищи были воодушевлены самою горячею преданностью къ своимъ предводителямъ. «Наши преемники не могутъ составить себѣ никакого понятія,—говоритъ Жюль Симонъ,—о томъ энтузіазмѣ, который вызывало всякое свободное слово въ странѣ, во мгновеніе ока перешедшей отъ самой необузданной распущенности къ самому суровому деспотизму. Въ 1848 году не щадили ничего: законы, конституціи, принципы, основы соціальнаго порядка, отдѣльныя личности—все подвергалось нападкамъ. Вдругъ Луи-Наполеонъ всталъ и объявилъ, что будетъ говорить только онъ и его друзья. Чтобы издавать газету, надо было получить его дозволеніе. Но даже когда газета была основана, ей всегда грозила опасность быть конфискованной безъ дальнихъ околичностей, въ случаѣ, если она не угодитъ правительству, не говоря уже о наказаніяхъ, которыя ожидали ея редакторовъ за это. Мы узнавали о томъ, что дѣлается у насъ только изъ брюссельской газеты «Indépendance Belge», да и то она подвергалась просмотру на границѣ. Впрочемъ, газета эта принимала предосторожность и часто говорила иносказательно о французскихъ дѣлахъ. Не разъ случалось все-таки, что ее не пропускали во Францію, и тогда мы оставались въ полной неизвѣстности о томъ, что дѣлается у насъ за стѣной. Какая радость охватила насъ, когда въ этомъ безмолвіи раздался внушительный и звучный голосъ Жюля Фавра, страстныя рѣчи Олливье и ѣдкіе сарказмы Эрнеста Пикара. Казалось, въ этихъ людяхъ сосредоточилась вся жизнь страны въ то время!»

Всемогущее правительство, подчинявшее себѣ печать и выборы, конечно, пустило въ ходъ всѣ свои средства, хитрость и насилія, чтобы

не допустить выбора пяти непріятныхъ ему людей. Но ничто не помогло. Цѣлая группа прошла на выборахъ и вмѣсто пяти оказалось двѣнадцать. Жюль Симонъ и его товарищи были опьянены своею побѣдой, но въ то же время ихъ пугала предстоящая имъ отвѣтственность.

Новые депутаты, вступивъ въ парламентъ, нашли тамъ большія перемѣны. Даже прежняя мебель исчезла и, главное — была уничтожена трибуна. Луи-Наполеонъ лично приказалъ снять ее. По разсказамъ библіотекаря палаты Лорана, принцъ-президентъ доставилъ себѣ удовольствіе, черезъ нѣсколько дней послѣ государственнаго переворота, лично присутствовать при разрушеніи залы, въ которой нѣкогда засѣдали учредительное и законодательное собранія. Мраморъ и золоченыя пано, украшавшіе трибуну, были свалены въ кучу на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она возвышалась. Луи-Наполеонъ взобрался на эти обломки и топталъ ихъ ногами, вспоминая, должно быть, о тѣхъ оскорбленіяхъ, которыя не разъ оттуда раздавались по его адресу, но за которыя онъ, впрочемъ, отомстилъ теперь болѣе дѣйствительнымъ образомъ.

Черезъ нѣсколько недѣль, когда, наконецъ, было открыто законодательное собраніе, то трибуны уже не было. Вмѣсто нея возвышалась небольшая платформа, на которой находилось пять или шесть ораторовъ, служившихъ представителями правительства. Депутаты, сидѣвшіе противъ нихъ, вынуждены были отвѣчать имъ со своего мѣста.

Жюль Симонъ сравниваетъ палату въ ея новомъ видѣ съ классомъ учениковъ, занимающихся подъ наблюденіемъ пяти надзирателей и одного главнаго наставника, который возсѣдалъ на возвышеніи, надъ скамьею правительственныхъ комиссаровъ. Это былъ герцогъ Морни.

Луи-Наполеонъ обращалъ вниманіе на всѣ мелочи. Даже вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли давать депутату, намѣревавшемуся долго говорить, стаканъ воды, послужилъ предметомъ весьма продолжительныхъ споровъ. Луи-Наполеонъ былъ противъ этого, опасаясь, что это будетъ «поощреніемъ болтовни». Но герцогъ Морни возражалъ ему, что нельзя отказывать въ стаканѣ воды старику. Въ парламентскихъ салонахъ этотъ пустяшный вопросъ возбудилъ серьезное волненіе. Наконецъ, послѣ долгихъ разговоровъ, Морни настоялъ на своемъ, только нужно было заранѣе обращаться къ нему за разрѣшеніемъ получить стаканъ воды. Конечно, онъ никогда не отказывалъ въ этомъ разрѣшеніи, но всегда говорилъ улыбаясь: «Пожалуйста, только не говорите слишкомъ долго». Морни вообще былъ очень любезенъ съ депутатами и, повидимому, желалъ, расточая имъ знаки вниманія, заставить ихъ нѣсколько забыть бремя деспотизма.

Жюль Симонъ говоритъ, что депутаты никакъ не могли примириться съ отсутствіемъ трибуны. Ораторамъ было пріятнѣе говорить

съ возвышенія, доминируя надъ собраніемъ, и, поэтому, радость была велика, когда, наконецъ, спустя нѣкоторое время разрѣшено было снова выстроить трибуну. Въ особенности обрадовались этому адвокаты, которымъ было трудно обходиться безъ трибуны. Депутаты оппозиціи праздновали возстановленіе трибуны, какъ свою первую побѣду.

«Трибуна служила трамплиномъ для нашего тщеславія», пишетъ Жюль Симонъ. Въ залѣ «Pas perdus» у депутатовъ оппозиціи были свои повѣренные. Тамъ постоянно слышались такіе разговоры между депутатами и журналистами: «Распространите этотъ слухъ». — «Атакуйте этого человѣка». — «Напечатайте такое резюме этой рѣчи» и т. д., и т. д. Тутъ было царство оппозиціи. Ей доставалось въ палатѣ отъ Ругэ, но зато здѣсь она мстила ему.

«Въ 1864 г.,—говоритъ Жюль Симонъ,—въ парламентѣ появился молодой человѣкъ, котораго мало-по-малу всѣ привыкли видѣть ежедневно. Онъ былъ такъ же аккуратенъ какъ и оппозиція, которая являлась первая и уходила всегда послѣдняя. У него больше не спрашивали карточки при входѣ, такъ какъ его знали лучше всѣхъ депутатовъ. Онъ также зналъ по имени всѣхъ сторожей и приставовъ. Когда въ дверяхъ происходила давка, то они являлись къ нему на помощь и становились впереди него, чтобы проложить ему дорогу въ толпѣ. Онъ былъ очень расторопенъ, несмотря на свою молодость. У него было излюбленное мѣсто въ правомъ углу, въ концѣ залы, у окна, выходящаго въ садъ и если какой-нибудь неучъ раньше его забирался туда, то пристава всегда находили способъ выпроводить его оттуда.

«Его не нужно было видѣть, чтобы знать, что онъ находится въ залѣ. Какъ только онъ входилъ въ залу, то его голосъ уже покрывалъ всѣ разговоры. Онъ начиналъ смѣяться во все горло, какъ только показывался на порогѣ, и всѣ смѣялись вмѣстѣ съ нимъ, и спѣшили пожать ему руку и проводить его на его мѣсто. Усѣвшись, онъ принимался разсказывать. У него былъ большой запасъ разныхъ исторій и при томъ очень пикантныхъ. Онъ не прочь былъ позлословить насчетъ своего ближняго и сорвать покровы. Впрочемъ, дамъ вѣдь тутъ не было; онѣ, конечно, не искали разговора съ нимъ въ этомъ мѣстѣ, и находили его въ другихъ мѣстахъ. Никто не умѣлъ разсказывать съ такимъ шикомъ какую-нибудь исторійку, какъ онъ. Онъ былъ, кромѣ того прекраснымъ мимикомъ, какъ и всякій хорошій разсказчикъ. Онъ превосходно подражалъ голосу и стилю ораторовъ, и, закрывъ глаза, можно было вообразить, что это говоритъ Жюль-Фавръ или Олливье. Онъ могъ импровизировать рѣчь Жюля Фавра, которая была бы столь же краснорѣчива и торжественна, какъ та, которую Жюль Фавръ произносилъ какъ разъ въ это время за дверями, въ залѣ палаты. Онъ часто доставлялъ себѣ это удовольствіе и говорилъ:

«— Не безпокойтесь, господа; я скажу вамъ, что онъ говоритъ». И онъ дѣйствительно говорилъ. Подражая Пикару, онъ говорилъ, если не тѣ же самыя, то, во всякомъ случаѣ, столь же остроумныя словечки. Всѣ хохотали, апплодировали ему и были довольны. Кто бы могъ сердиться на него за это? Ни у кого не было столько живости, добродушной веселости, столько остроумія и столько идей! Невѣжды утверждали также, что никто не былъ такъ свѣдущъ какъ онъ. Это вѣрно. Онъ никогда не учился, но обо всемъ догадывался. Веселость у него была удивительная, также какъ и способность ассимиляціи, какой я не встрѣчалъ ни у кого. Онъ говорилъ иногда такъ громко, что его слышно было въ залѣ засѣданій. Всѣмъ намъ приходила въ голову одна и та же мысль: какой бы изъ него вышелъ депутатъ! Но въ то же время мы думали: что тогда будетъ съ залой «Pas perdus». Правда, онъ былъ очень краснорѣчивъ, но и очень забавенъ.

«Онъ проводилъ съ нами пять часовъ безвыходно и, по разсказамъ, какъ только кончалось засѣданіе, онъ бѣгомъ отправлялся въ кафэ Мадридъ, гдѣ и сообщалъ все, что происходило. Журналисты записывали за нимъ. Онъ одновременно говорилъ имъ факты, выводы и идеи. Все это сообщалось имъ въ нѣсколько безсвязной формѣ, но всегда отличалось блескомъ и мощью. Онъ говорилъ почти всегда одинъ. Жизнь его представляла не что иное, какъ монологъ, но никто не упрекалъ его за его болтливость, потому что онъ былъ веселъ и забавлялъ всѣхъ. Впрочемъ, онъ отличался добродушіемъ. Онъ подхватывалъ каждое остроумное слово, сказанное другимъ, смѣялся, повторялъ его, преувеличивалъ и прославлялъ чужое остроуміе. Хитрецы видѣли за этой добродушною веселостью кое-что другое. Дѣйствительно, у него была личная цѣль и была своя политическая страсть. Онъ могъ, конечно, измѣнить свой методъ, но не измѣнилъ бы своей цѣли. Онъ былъ беззаботнымъ только для потѣхи публики, но игралъ серьезную партію. Онъ не считалъ нужнымъ выказывать совѣстливость, потому что чувствовалъ потребность выдавать себя за очень сильнаго, отлично зная, что казаться сильнымъ—это значитъ уже наполовину быть имъ. Онъ умѣлъ льстить, когда хотѣлъ, и былъ и царедворцемъ или наносилъ удары, смотря по желанію. Онъ брался за человѣка съ обѣихъ сторонъ. Его друзья говорили о немъ не иначе, какъ гиперболами, но даже его враги находили, что онъ былъ—«нѣкто»! Это былъ Гамбетта...»

Очень скоро въ парижскомъ обществѣ выдвинулись три человѣка, которые стали властвовать: Бертенъ, царившій надъ салономъ и образованнымъ обществомъ посредствомъ своей газеты «Débats», Эмиль де-Жирарденъ, державшій въ рукахъ, при помощи своей газеты «Presse», разныхъ инженеровъ, политиковъ, финансистовъ, и Гавенъ, который руководилъ непримиримою буржуазіей при помощи «Siécle». Разумѣется, эти господа должны были имѣть вліяніе на кандидатовъ оппозиціи,

такъ какъ невозможно было ждать никакого успѣха безъ ихъ коллективной поддержки.

Республиканскіе депутаты, вступая въ палату, должны были въ то же время вступить volens nolens и въ сношенія съ императорскимъ дворомъ. Имперія, какъ выражается Жюль Симонъ, были всепоглощающимъ режимомъ. Она вынуждала, во что бы то ни стало, вступать въ національную гвардію, заставляла всѣхъ чиновниковъ присягать въ вѣрности и, не довольствуясь присягою депутата, требовала еще присяги отъ кандидата на это званіе. Но сдѣлавшись депутатомъ, приходилось исполнять различныя обязанности въ отношеніи двора; надо было присутствовать при торжественномъ открытіи, въ залѣ штатовъ, гдѣ императоръ произносилъ рѣчь; надо было, по жребію, отправляться съ депутаціей, которая должна была передать императору какое-нибудь посланіе. Сдѣлавшись же членомъ бюро, депутатъ невольно становился чѣмъ-то вродѣ habitué императорскаго дома.

Низаръ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что для придворныхъ считалось униженіемъ вступать въ какія бы то ни было отношенія съ депутатами оппозиціонной партіи. На справедливость депутаты также никогда не могли разсчитывать. Дворъ выражалъ въ безчисленномъ множествѣ мелочныхъ придирокъ свою досаду, но тѣмъ не менѣе депутатовъ оппозиціи всегда приглашали на придворные обѣды и балы, такъ какъ Луи Наполеонъ не хотѣлъ подчеркивать ихъ значеніе, исключая ихъ изъ пригласительнаго списка. Нѣкоторые изъ депутатовъ отвѣчали отказомъ, мотивируя его своими политическими убѣжденіями. Тогда ихъ переставали приглашать, но если приглашеніе отклонялось въ болѣе вѣжливой формѣ, подъ предлогомъ невозможности быть въ этотъ день при дворѣ, то, хотя для всѣхъ было ясно, почему приглашеніе не было принято, депутатъ все-таки продолжалъ получать приглашенія, несмотря на то, что онъ ни разу не появлялся при дворѣ. По словамъ Жюля Симона, ни онъ, ни его товарищи, ни разу не были ни на одномъ тюльерійскомъ празднествѣ; всѣ одинаково считали нужнымъ отказываться отъ приглашеній и расходились только во взглядахъ относительно формы отказа.

Жюль Симонъ однажды получилъ отдѣльное приглашеніе явиться къ императрицѣ, которая пожелала его видѣть послѣ рѣчи, произнесенной имъ по поводу положенія дѣтей, заключенныхъ въ тюрьму «La Petite Rocquette». Рѣчь эта растрогала императрицу, и она говорила о ней императору, который и поручилъ ей выработать проектъ закона и организовать внѣпарламентскую коммиссію подъ своимъ предсѣдательствомъ. Жюля Симона спросили, будетъ ли онъ согласенъ, внѣ всякой политики, присутствовать на засѣданіяхъ этой коммиссіи. Но Жюль Симонъ не рѣшился на это. Его избиратели, конечно, могли бы увидѣть въ такомъ поступкѣ начало измѣны. Вообще, ни о какомъ

примиренія и ни о какихъ сношеніяхъ между правительствомъ и оппозиціей не могло быть и рѣчи, тѣмъ болѣе, что правительство не отступало ни передъ чѣмъ, чтобы только не допустить выбора кандидатовъ оппозиціи. Къ тому же воспоминаніе о кровавыхъ декабрьскихъ дняхъ и о ссылкахъ постоянно стояли между ними. Во всякомъ случаѣ, положеніе тѣхъ, которые шли на компромиссъ и принимали участіе въ депутаціяхъ, всегда бывало очень непріятное. Благонамѣренные депутаты смотрѣли на нихъ подозрительно и даже съ неудовольствіемъ, словно хотѣли дать понять, что имъ тутъ не мѣсто среди лойяльныхъ подданныхъ императора. Если ихъ переносили въ палатѣ, потому что это было неизбѣжно, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что ихъ могли допустить въ общество избранной аристократіи. Это еще болѣе убѣждало Жюля Симона, что не слѣдуетъ дѣйствовать наполовину, что надо или прямо соглашаться, или же отказывать, такъ какъ иначе депутатъ всегда ставитъ себя въ нѣсколько ложное положеніе.

Въ Парижѣ, какъ и въ прежнія времена, существовало нѣсколько салоновъ во время имперіи, гдѣ собирались члены оппозиціи. Были салоны наполовину свѣтскіе и наполовину политическіе, но туда допускались лишь избранные, да и то они являлись туда всегда въ парадномъ туалетѣ. Часто политическимъ салономъ была только квартира Жюля Симона и Карно, гдѣ члены оппозиціи чувствовали себя, какъ дома. Но у Карно требовался все-таки нѣкоторый этикетъ, такъ какъ это былъ богатый и въ высшей степени корректный домъ, тогда какъ въ квартиру Жюля Симона, находившуюся въ пятомъ этажѣ, могъ входить всякій, безъ лишнихъ церемоній, поэтому по четвергамъ, въ пріемный день Жюля Симона, тамъ всегда толпился народъ. Такъ какъ Жюль Симонъ сначала велѣлъ впускать всѣхъ, безъ всякихъ ограниченій, то къ нему часто являлись люди, которыхъ онъ совсѣмъ не зналъ и никогда раньше не видалъ. Это было тѣмъ болѣе неудобно что, какъ онъ говоритъ, «нельзя было заставить Гамбетту, Ферри и Флоке говорить вполголоса», и когда имъ апплодировали, то Жюль Симонъ часто думалъ, что они такимъ образомъ выдаютъ полиціи всѣ тайны оппозиціи.

Вообще число посѣтителей Жюля Симона постоянно возрастало, такъ что онъ, наконецъ, началъ этимъ тяготиться, но въ особенности ему не давали покоя съ тѣхъ поръ, какъ умеръ дядя его жены и какая то газета помѣстила по этому поводу извѣщеніе, что этотъ дядя оставилъ ему милліонъ, но Жюль Симонъ не хотѣлъ имъ воспользоваться и рѣшилъ раздать его своимъ прежнимъ избирателямъ. Все это было вымышлено, такъ какъ дядя Жюля Симона не оставилъ послѣ себя милліона, а оставилъ лишь нѣсколько человѣкъ дѣтей. Однако, Жюлю Симону положительно не было житья отъ посѣтителей, являвшихся требовать своей доли наслѣдства, и онъ вынужденъ былъ бы спасаться бѣгствомъ, еслибъ остроумный Пьеръ Верронъ не выру-

чилъ его, напечатавъ въ газетахъ слѣдующее объявленіе: «Газета «Nain Jaune» извѣстила о наслѣдствѣ и т. д. Все это вѣрно, но такъ какъ у г. Жюля Симона не хватаетъ времени на распредѣленіе и раздачу, то онъ отдалъ остатки милліона въ бюро «Nain Jaune», куда и адресуетъ всѣхъ заинтересованныхъ лицъ, которыя могутъ являться въ бюро ежедневно съ 10 до 12 часовъ».

Гудшо, исполнявшій весьма щекотливую и непріятную обязанность сборщика, постоянно ѣздилъ изъ Парижа въ Брюссель и обратно. Когда онъ появлялся въ квартирѣ Жюль Симона, его осаждали разспросами про изгнанниковъ. Большею частью онъ говорилъ, что имъ живется плохо.

Квартира Жюля Симона была такимъ образомъ сборнымъ пунктомъ всѣхъ недовольныхъ въ Парижѣ. Полиція, очевидно, знала объ этомъ, но не вмѣшивалась потому, какъ думалъ Жюль Симонъ, что она не хотѣла увеличивать число дѣлъ и безъ того имѣвшихся у нея на рукахъ. Въ салонѣ Жюль Симона читались стихи, памфлеты, сочиненные на правительство, разныя запрещенныя изданія и т. д. Всѣ съ жадностью читали письма, полученныя отъ кого нибудь изъ изгнанниковъ или сатиры, осмѣивавшія часто въ довольно грубой формѣ существующій режимъ, но все это дѣлалось тайкомъ, съ оглядкой; Жюль Симонъ выражаетъ удивленіе по поводу того, какъ скоро страна приспособилась къ новому режиму послѣ столькихъ лѣтъ почти абсолютной свободы.

Такъ шли дѣла до наступленія кризиса. 4-го Сентября 1871 г. палата была изгнана и объявлена республика. «Все это произошло помимо насъ, говоритъ Жюль Симонъ. Мысль образовать правительство изъ парижскихъ депутатовъ имѣла успѣхъ. Правительство, для того чтобы опредѣлить точныя свои права и цѣли, стало называться «правительствомъ національной обороны».

«Когда мы усѣлись вокругъ стола 4-го Сентября, разсказываетъ Жюль Симонъ,—принявъ на себя трудную обязанность поддерживать порядокъ въ Парижѣ и во всей Франціи и продолжать ужасную войну, то первое затрудненіе, съ которымъ намъ пришлось имѣть дѣло, былъ споръ между Гамбеттой и Пикаромъ. И тотъ, и другой добивались, съ одинаковымъ жаромъ, портфеля министра иностранныхъ дѣлъ. Гамбетта побѣдилъ, и Пикаръ хотѣлъ уходить изъ правительства, но мнѣ пришло въ голову предложить ему министерство финансовъ. Жюль Фавръ и я съ трудомъ уговорили его принять. Пикаръ выказалъ много умѣнья и осторожности, руководя финансами въ такія трудныя времена. Ему приходилось, кромѣ того, постоянно заботиться объ отысканіи и сохраненіи съѣстныхъ припасовъ въ осажденномъ городѣ».

Правительство держалось, несмотря на всѣ старанія его враговъ свалить его. Но времена дѣйствительно были трудныя. Жюль Симонъ, которому былъ предложенъ портфель министра просвѣщенія въ новомъ правительствѣ, долго заставилъ себя просить, такъ какъ ему казалось

мелѣпымъ занимать эту должность въ осажденномъ городѣ. Дѣйствительно, какъ только онъ вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей, то первое извѣстіе, полученное имъ, было, что студенты не будутъ посѣщать лекцій, а гимназисты покидаютъ коллегіи. Онъ получалъ прекрасныя письма отъ пятнадцатилѣтнихъ мальчиковъ, объявлявшихъ ему, что они хотятъ сражаться за отечество, и то же самое писали и ихъ учителя. Съ большимъ трудомъ удалось ему задержать учителей въ Парижѣ, но едва покончивъ классы, они уже бѣжали къ укрѣпленіямъ.

Кромѣ своего министерства, Жюль Симонъ еще долженъ былъ предсѣдательствовать въ комиссіи по изысканію пропитанія. Это была очень трудная обязанность въ осажденномъ городѣ. Изъ этой комиссіи онъ отправлялся въ министерство и, такимъ образомъ, переходилъ отъ заботъ о пропитаніи къ заботамъ о войнѣ. 31-го октября, какъ обыкновенно, Жюль Симонъ отправлялся на засѣданія въ «Hôtel de Ville». Вотъ какъ онъ разсказываетъ объ этомъ знаменательномъ днѣ:

«Я оставался въ «Hôtel de Ville», не пивши и не ѣвши, съ 10 часовъ утра 31-го октября до 4 часовъ утра слѣдующаго дня. Это составляетъ 18 часовъ и какихъ часовъ!

Въ то время, когда я находился въ продовольственной комиссіи, меня нѣсколько разъ являлись предупреждать, что въ предмѣстьяхъ начинаются волненія. Какъ министръ просвѣщенія я не могъ вмѣшиваться или отдавать по этому поводу какія-либо приказанія; это было дѣло парижскаго губернатора и др. Мы жили все время въ постоянной тревогѣ; увы! нашимъ самымъ опаснымъ врагомъ въ это время не былъ нашъ непріятель!

Совѣтъ министерства собрался въ полдень. Онъ засѣдалъ въ огромной залѣ, въ углу перваго этажа. Мы выслушали докладъ префекта полиціи, не носившій очень тревожнаго характера, но даже спустя нѣсколько часовъ послѣ того, какъ вспыхнуло возмущеніе въ Парижѣ, префектъ полиціи все-таки продолжалъ увѣрять своихъ сосѣдей: «Это просто движеніе общественнаго мнѣнія, ничего больше!» Безъ сомнѣнія, это было такъ, но это движеніе все же угрожало нашей жизни и могло повлечь за собою взятіе Парижа. Но префектъ былъ стойкій человѣкъ, и я думаю, что еслибъ ему предложили выбрать: смерть или стрѣлять въ народъ,—то онъ скорѣе согласился бы умереть.

Депутаціи стали являться одна за другой въ залу совѣта. Клубы, легіоны національной гвардіи, корпораціи, газеты—всѣ посылали своихъ делегатовъ, которые являлись или съ совѣтами, или съ угрозами. Пришлось, наконецъ, закрыть двери и рѣшетки «Hotel de Ville». Площадь и набережныя чернѣли народомъ. Губернаторъ отправилъ генералу Тамизье, командовавшему національною гвардіей, приказаніе собрать ее и привести сюда. Оставаясь въ «Hotel de Ville» мы были беззащитны, такъ какъ ясно, что мы не въ состояніи были бы вы-

держать осаду или же постоянно держать армію на площади или на набережныхъ.

Народъ находился всецѣло подъ вліяніемъ слѣдующихъ представленій: онъ думалъ, что основаніе республики и притомъ республики демократической и соціальной представляетъ гораздо болѣе важное и неотложное дѣло, нежели борьба съ прусскою арміей. Это была первая идея, подъ вліяніемъ которой народъ дѣйствовалъ.

Вторая идея: народъ былъ увѣренъ, что французская армія сразитъ германскую армію, столкнувшись съ нею въ правильной битвѣ. Отчего произошла седанская катастрофа? Единственно только оттого, что тамъ находился императоръ.

Третья идея, еще болѣе странная: народъ вѣрилъ, что если бъ даже армія была разбита, вопреки всякимъ вѣроятіямъ, то стоило только народу подняться массой, чтобы покончить съ милліономъ или двумя варваровъ.

Съ одной стороны, правительство отказывалось воевать съ попами и собственниками, а съ другой—распространился слухъ, что французская армія раздавлена подъ Мёцомъ, и такъ какъ это пораженіе нельзя было приписать императору, который находился въ плѣну, то его поставили на счетъ измѣны правительства. Объ этомъ говорилось въ дешевыхъ газетахъ и въ безчисленныхъ афишахъ. У націи оставалось только одно средство, но зато такое, которое не могло обмануть; это—массовое возстаніе. Народъ долженъ былъ потоками обрушиться на врага.

Феликсъ Піа слѣдующимъ образомъ резюмировалъ положеніе: «Ясно, что если народъ возстанетъ массой, то онъ раздавитъ пруссаковъ, и, слѣдовательно, если правительство не хочетъ этого, то оно измѣняетъ!» Но распространился еще болѣе удивительный слухъ: говорили, что правительство предлагаетъ перемиріе. Что такое перемиріе? Никто этого не зналъ хорошенько, но думали, вѣроятно, что это начало капитуляціи. Въ дѣйствительности же пруссаки предлагали перемиріе, но съ сохраненіемъ осады, тогда какъ правительство соглашалось принять его на томъ лишь условіи, чтобы было облегчено продовольствіе города. Народъ не зналъ въ чемъ дѣло, а правительство не было единодушнымъ въ своихъ рѣшеніяхъ. Граждане, наполнявшіе «Hotel de Ville», площадь и набережныя 31-го октября, кричали: «Всеобщее возстаніе! Никакого перемирія!»

Генералъ Трошю, отличавшійся мужествомъ, не говоря ни кому ни слова, одинъ, стоя на ступеняхъ главной лѣстницы «Hotel de Ville», уговаривалъ толпу, стараясь разъяснить ей, что правительство не заключитъ перемирія иначе, какъ подъ условіемъ продовольствія города, а продовольствіе станетъ абсолютною необходимостью еще черезъ нѣсколько дней. Его голосъ покрывался шумомъ и мы всѣ узнали, что ...лся внизъ, въ толпу, и что ему грозила опасность.

Я сейчасъ же поспѣшилъ къ нему на помощь.

— Вы поступаете, какъ короли,—кричали мнѣ изъ толпы,—вы управляете декретами, не объясняя намъ, зачѣмъ вы это дѣлаете.

— Но,—возразилъ я,—я и пришелъ сюда затѣмъ, чтобы разсказать вамъ.

— Вы находитесь среди вашихъ друзей, національная гвардія васъ защищаетъ. Вы не посмѣете, какъ прежде, явиться въ народъ!

— Я иду туда. Дайте мнѣ дорогу.

Меня пропустили, и въ мгновеніе ока эта компактная толпа, въ которой, казалось, невозможно было сдѣлать ни одного движенія, разступилась и я очутился въ центрѣ площади. Я попросилъ стулъ, и онъ моментально былъ поданъ мнѣ черезъ головы толпы. Я взобрался на стулъ. Меня окружала толпа по крайней мѣрѣ въ 50.000 человѣкъ. Всюду, куда я обращалъ свои взоры, я видѣлъ манифестантовъ, тѣсно прижатыхъ другъ къ другу. Земля исчезала въ этомъ скопищѣ людей и во всѣхъ домахъ, включая ««Hotel de Ville», всѣ окна были заняты людьми.

Я чувствовалъ, что самый воздухъ наполненъ народною ненавистью и на одно мгновеніе мнѣ представилось, что я могу сдѣлаться искупительною жертвой за измѣну Базена. Я потребовалъ тишины, употребивъ на этотъ возгласъ всю силу моихъ легкихъ, но было очевидно, что всѣ эти люди хотѣли только смотрѣть на меня, но никто не хотѣлъ меня слушать. Вокругъ меня кричали хоромъ: «Не надо перемирія! Не надо перемирія!» Но въ эту критическую минуту я замѣтилъ, что нѣкоторые вмѣсто «armistice» произносили «amnistie». Въ сущности никто изъ этихъ безчисленныхъ манифестантовъ не зналъ хорошенько, что онъ говоритъ, но всѣ отлично знали, чего хотятъ. Они хотѣли свергнуть правительство и на его мѣсто водворить Бланки, Делеклюза и Флуранса.

Я не знаю, чѣмъ бы все это кончилось, если бы нѣсколько храбрыхъ людей не взяли меня подъ свою защиту. «Дайте ему говорить! Вѣдь вы же просили его сказать вамъ!» Маленькая группа моихъ защитниковъ увеличилась людьми, которые кричали: «Онъ работалъ для школъ!» Мнѣ казалось, что толпа начала смягчаться понемногу. Но когда я снова захотѣлъ возвысить голосъ, то мои же друзья сказали мнѣ: «Нечего и думать объ этомъ. Надо бѣжать поскорѣе. Вамъ дадутъ дорогу. Васъ любятъ; не любятъ только правительство». И меня двигали къ улицѣ Риволи. Я сказалъ, что хочу вернуться въ «Hôtel de Ville».—«Это безуміе!» «Но я не покину своихъ товарищей!» Это было понято.—«Онъ не хочетъ покинуть своихъ товарищей!» Меня пропустили, какъ это было обѣщано. Когда мы подошли къ дверямъ, то ихъ не хотѣли отворить, и когда, наконецъ, согласились, то я внезапно попалъ изъ одной толпы въ другую.

Но странное дѣло! Эта осажденная толпа оказалась болѣе враж-

дебно настроенной ко мнѣ, нежели толпа осаждающая. Тѣ, которые скрывались за массивною дверью ничего не видѣли изъ того, что происходило на площади. Они воображали, что я отправился капитулировать къ толпѣ. Одинъ изъ командировъ національной гвардіи кричалъ во все горло, что меня надо арестовать. Къ счастью для меня, тѣ, которые стояли у оконъ и которые видѣли, какъ я вошелъ, спустились ко мнѣ навстрѣчу, чтобы поздравить меня, и, благодаря этому волненіе улеглось. Совѣтъ снова собрался и попробовалъ было устроить засѣданіе, но дворецъ до такой степени былъ переполненъ толпой самаго разнообразнаго характера, что она проникла даже въ залу засѣданія несмотря на закрытыя двери.

Вдругъ раздались крики въ залѣ: «Тамизье! Тамизье!» Мы бросились къ окошкамъ и увидѣли Тамизье, который шелъ одинъ по срединѣ улицы, въ цилиндрѣ и держа пальто подъ мышкой. Національная гвардія въ порядкѣ шествовала за нимъ и впереди шли барабанщики. Кричали: «Да здравствуетъ Тамизье! Да здравствуетъ національная гвардія!» Мы скоро узнали, что гвардія шла за Тамизье, но перестала уже повиноваться ему, и часть ея вскорѣ смѣшалась съ толпой, Тамизье вошелъ въ Hotel de Ville только съ немногими, которые оказались ему вѣрными.

Въ этотъ моментъ члены правительства и министры еще засѣдали за столомъ совѣта, но они уже были окружены и стѣснены громадною толпой, на которую напирала другая толпа, прибывающая со всѣхъ сторонъ и грозившая задушить и раздавить ихъ своею тяжестью. Нѣсколько офицеровъ проложили себѣ дорогу къ столу, крича и отчаянно отбиваясь отъ тѣхъ, кто запрудилъ проходъ.

«Генералъ! Генералъ!» Это были взбунтовавшіеся офицеры, которые однако продолжали обращаться къ генералу Трошю, какъ къ своему высшему начальнику. Въ этотъ роковой день никто не зналъ кому повиноваться и кому приказывать, «Генералъ! «Мстители Флуранса» и бретонскіе мобили находятся въ залѣ секретаріата и грозятъ другъ друга перерѣзать». Манифестанты, кричавшіе во все горло, даже не слышали, что имъ говорилось, но члены правительства слышали это и тотчасъ же поняли, каковы могутъ быть послѣдствія этой начинающейся битвы. Мы этого боялись уже давно. Со всѣхъ сторонъ кричали:

— Надо послать офицера! Генерала!

— Нѣтъ, нѣтъ,—крикнулъ Гарнье-Пажесъ.—Надо, чтобъ пошелъ членъ правительства. Я иду туда.

Онъ поднялся.

— Нѣтъ, я пойду туда,—возразилъ Лефло,—вѣдь это солдаты, это меня касается.

Инсургенты, окружавшіе его и понявшіе, наконецъ, что случилось, очистили ему дорогу, и онъ исчезъ на нашихъ глазахъ, какъ бы по волшебству.

— Его убьютъ,—сказалъ я губернатору.

— И мы всѣ будемъ перебиты черезъ десять минутъ,—отвѣчалъ онъ,—если ему не удастся.

Мы прислушивались изо всѣхъ силъ, не зная даже, можно ли будетъ въ этомъ страшномъ шумѣ услышать выстрѣлы. Но минутъ черезъ двадцать мы поняли по тому движенію, которое происходило въ толпѣ, что произошло что-то новое.

Я зналъ, какимъ образомъ появились здѣсь «мстители» Флуранса. Онъ самъ привелъ ихъ около двухъ часовъ пополудни и вошелъ съ ними въ залу совѣта. Тамъ онъ произнесъ рѣчь, въ которой грозилъ намъ народною местью, если мы завтра же не устроимъ стремительной вылазки, которая должна будетъ уничтожить прусскую армію. Послѣ этого онъ исчезъ, вмѣстѣ со своими храбрецами. Его полкъ или батальонъ разсѣялся въ толпѣ. Ружья виднѣлись со всѣхъ сторонъ. Отряды національной гвардіи, приведенные Тамизье и смѣшавшіеся съ толпой, циркулировали въ ней, держа свои ружья, и только у нѣкоторыхъ блузники отняли ихъ.

Нѣсколько мстителей, вмѣстѣ со своими горнистами, трубившими атаку, пробѣгали по заламъ дворца «Hotele de Ville» и въ концѣ концовъ, сгустились въ обширной залѣ секретаріата, гдѣ они повстрѣчали бретонскихъ мобилей. Откуда взялись эти послѣдніе—я такъ и не могъ узнать. Ихъ никто не призывалъ въ «Hotel de Ville». Я видѣлъ другихъ бретонскихъ солдатъ, которые бродили въ толпѣ, но мнѣ кажется, что это были только любопытные, сами не знавшіе въ чемъ дѣло. Тѣ же, которые явились въ залу секретаріата, гдѣ они столкнулись съ мстителями, имѣли свои ранцы за плечами ими командовалъ сержантъ. Генералъ Лефло сразу увидѣлъ, что ихъ было двадцать противъ восьмидесяти и что если начать стрѣлять, то ни одинъ изъ нихъ не спасется.

Но съ чего началась между ними ссора? Генералъ Лефло, явившійся чтобы прекратить ее, не зналъ о ней ровно ничего. Бретонцы не имѣли понятія о мстителяхъ, а мстители не знали бретонцевъ. Среди мстителей находился офицеръ, расшитый галунами и съ султаномъ.

— Поручикъ, велите выстроиться вашему отряду, крикнулъ ему Лефло.

— Генералъ?

— Вы меня не узнаете? Я военный министръ.

— Я узнаю васъ и повинуюсь вамъ, но скажу вамъ потихоньку, что если я отдамъ приказъ моимъ людямъ выйти отсюда раньше бретонцевъ, то все равно они меня не послушаются.

— Все равно, велите имъ выстроиться, чтобы мы могли ихъ увидѣть и чтобы они насъ увидѣли. Тутъ масса людей, не принимавшихъ участія въ ссорѣ, которые очутятся между двухъ огней. Я хочу предупредить ихъ объ опасности.

Мстители охотно согласились выстроиться, тѣмъ болѣе, что ихъ

численное превосходство выступало тогда яснѣе Министръ началъ упрашивать ихъ разойтись.

— Они не станутъ стрѣлять въ насъ; мы безоружны.

— Не полагайтесь на это.

— Это грязные бретонцы виноваты во всемъ. Они не имѣютъ право находиться здѣсь. Пусть убираются вонъ вмѣстѣ со своими попами.

Генералъ обратился къ сержанту бретонцевъ.

— Выстройте своихъ людей.

Тотъ не двинулся.

— Это бунтъ!—сказалъ Лефло.

Обратившись къ адъютанту, послѣдовавшему за нимъ, онъ прибавилъ:

— Обнажите шпагу. Командуйте движеніе. Заставьте ихъ продефилировать черезъ дверь въ глубинѣ залы.

Затѣмъ, обратившись къ бретонцамъ, Лефло въ нѣсколькихъ словахъ напомнилъ имъ о патріотизмѣ и о чувствѣ долга, но они сохраняли свою неподвижность и свой прежній видъ абсолютнаго равнодушія къ словамъ, который хорошо извѣстенъ всѣмъ, имѣвшимъ дѣло съ непокорными бретонцами.

— Однако, я не могу выйти отсюда безъ нихъ,—говорилъ себѣ генералъ,—и не могу предоставить имъ перерѣзать другъ другу горло.

Онъ поочередно смотрѣлъ то на бретонцевъ, то на истителей, чувствуя, что приказаніе его не будетъ исполнено и что формальное неповиновеніе съ ихъ стороны можетъ послужить сигналомъ къ битвѣ.

— Ни одинъ изъ насъ не выйдетъ отсюда живымъ,—сказалъ генералъ своему адъютанту.

— Помилуй Богъ!—воскликнулъ тотъ, вынимая шпагу.

Онъ только что собирался произнести слова команды, какъ вдругъ генералъ остановилъ его за руку.

— Подождите,—сказалъ онъ и, обратившись къ бретонцамъ, повторилъ имъ то же самое, что говорилъ раньше, но на этотъ разъ на чисто бретонскомъ нарѣчіи. Эффектъ былъ необыкновенный. Выраженіе лицъ тотчасъ же измѣнилось.

— Кто это? Кто это?

— Это Лефло.

— Да, ребята,—сказалъ генералъ,—развѣ вы не хотите, чтобы я сдѣлалъ вамъ смотръ?

— Да здравствуетъ генералъ!

— Направо! Стройся!

— Да здравствуетъ генералъ!

Бретонцы выстроились, и генералъ тотчасъ же началъ смотръ.

— Ты откуда?—спрашивалъ онъ.

— Изъ Лангоа.



— Позволь. Я тебя видѣлъ въ Перрозѣ?

— Вы видѣли моего брата! Онъ въ Парижѣ съ нами. Онъ—капралъ.

— А ты?

— Я изъ Лангоа, изъ Белль-Иль-анмеръ.

— Ты сынъ моего фермера?

— Да, генералъ.

— Генералъ, мы пойдемъ за вами всюду, куда вы насъ поведете!—раздались крики.

— Хорошо, ребята.

— Да здравствуетъ религія!

— Да, ребята, да здравствуетъ религія и да здравствуетъ Франція!

— Да здравствуетъ генералъ!

Они дали бы убить себя за него, всѣ до единаго!

— Гдѣ ваша квартира?

— Въ Бабилонѣ.

— Мы вернемся туда вмѣстѣ. Вы будете моимъ эскортомъ. Я хочу пожать руку вашимъ офицерамъ.

— Вотъ этотъ! Вотъ тотъ!—кричали они, называя своихъ офицеровъ.

— Въ путь!

Адъютантъ скомандовалъ, и вся банда продефилировала, хотя и не въ большомъ порядкѣ, но съ большимъ энтузіазмомъ, позабывъ о мстителяхъ, какъ будто ихъ тутъ и не было совсѣмъ, и слѣдуя за Лефло, который вышелъ такимъ образомъ изъ «Hotel de Ville», въ сопровожденіи своей арміи, состоящей изъ двадцати крестьянъ и оказывавшей ему военныя почести.

Мы узнали всю эту исторію въ общихъ чертахъ въ залѣ, гдѣ мы были плѣнниками, и очень обрадовались. Между прочимъ, мы были въ восторгѣ, что Лефло вышелъ. Мы думали, что онъ, быть можетъ, въ состояніи будетъ призвать въ Парижъ который-нибудь изъ полковъ арміи Дюкро, находившейся на аванпостахъ, или же собрать легіоны національной гвардіи, болѣе вѣрные и лучше освѣдомленные, чѣмъ тѣ, которыхъ привелъ съ собою Тамизье. Я же, какъ личный другъ генерала Лефло, радовался въ особенности тому, что онъ избѣжалъ величайшей опасности и въ то же время оказалъ огромную услугу.

Но радость моя по этому поводу продолжалась не долго. Я находился вмѣстѣ съ Жюлемъ Фавромъ подъ надзоромъ мстителей Флуранса, какъ вдругъ, къ величайшему своему изумленію, увидѣлъ возлѣ себя генерала Лефло.

— Вы здѣсь, генералъ? Я думалъ вы въ безопасности!

— Да,—отвѣчалъ онъ.—Я вышелъ и дошелъ до министерства. Я отправилъ повсюду приказанія и въ особенности настоятельныя приказанія отправилъ къ Дюкро. Надѣюсь, что завтра утромъ онъ будетъ здѣсь. Національная гвардія разсѣялась. Нѣсколько человѣкъ



осталось у мерій, но сформировать легіонъ будетъ трудно. Пикаръ и Ферри заботятся объ этомъ. Видите ли,—прибавилъ онъ, понижая голосъ,—находятся такіе генералы, которые думаютъ, что если васъ погубятъ, то это не будетъ большою потерей, вы понимаете? Что же касается національной гвардіи, то она раскололась на двѣ половины: одна не вѣритъ въ существованіе бунта, другая же участвуетъ въ немъ. Это не особенно пріятно. Видя, что лично я ничего не въ состояніи сдѣлать, я не могъ оставаться въ безопасности, зная, что вамъ здѣсь угрожаетъ смерть каждую минуту. Но, вѣрите ли, сколько труда мнѣ стоило попасть сюда! Меня не хотѣли выпу кать тамъ, а здѣсь меня не хотѣли впускать. Однако, я тутъ, съ вами. Мнѣ можетъ еще представиться случай дѣйствовать, какъ сегодня утромъ.

Мы снова заняли свои мѣста вокругъ стола совѣта, такъ какъ генералъ Трошю, подъ вліяніемъ античныхъ воспоминаній, настоялъ на томъ, чтобы мы сидѣли на своихъ курульныхъ креслахъ въ этотъ моментъ опасности. Самъ онъ потихоньку снялъ свои эполеты и спряталъ ихъ въ карманъ.

— Я теперь спокоенъ,—сказалъ онъ.—Если даже мнѣ придется подвергнуться какимъ-либо насиліямъ, то все же знаки командованія не могутъ быть оскорблены при этомъ.

Однако, нѣкоторымъ изъ нашихъ друзей удалось уйти и въ томъ числѣ генералу Трошю. Говорятъ, что онъ не былъ узнанъ, но я думаю, что это неправда и что тѣ, кто узналъ его, просто не захотѣли препятствовать его уходу. Толпа считала себя побѣдительницей и, увѣренная въ своей власти, не чувствовала склонности къ насилію. Правительства не существовало больше, и ни одинъ изъ насъ не былъ достаточно вліятельнымъ лицомъ и, поэтому, не внушалъ страха. Впрочемъ, побѣдители соперничали между собой. Въ толпѣ циркулировали списки и намъ раздавали ихъ, какъ и всѣмъ другимъ. Нѣсколько совершенно неизвѣстныхъ имъ лицъ спрашивали у меня дружескаго совѣта, кого выбрать: Бланки или Делеклюза?

Въ этотъ моментъ зала напоминала клубъ, но клубъ, находящійся въ состояніи сильнѣйшаго возбужденія и не имѣющій президента. Нѣсколько ораторовъ повлѣзали на стулья и говорили заразъ, обращаясь къ толпѣ. Каждый изъ нихъ держалъ въ рукѣ собственный списокъ. Какой-то старикъ, обитатель предмѣстья, напяливъ кэпи на голову, захватилъ барабанъ и выбивалъ на немъ дробь всякій разъ, когда какой-нибудь любимый ораторъ начиналъ рѣчь или же когда онъ слышалъ мнѣніе, которое ему нравилось. Это мнѣ напомнило драмы въ театрѣ «Ambigu», гдѣ тиранъ не говорилъ иначе, какъ подъ музыку.

Мнѣ разсказывали, что въ тотъ моментъ, когда Флурансъ поднимался по главной лѣстницѣ, одинъ изъ «мстителей» сказалъ ему, что распространяются списки членовъ правительства.

— А я тамъ нахожусь?

Его не было въ этомъ спискѣ, но онъ былъ въ другихъ. Будетъ происходить баллотировка поднятіемъ рукъ или дѣло дойдетъ до рукопашной,—этого никто не могъ предвидѣть въ данную минуту. Флурансъ пробился въ залу совѣта и его тотчасъ же окружили «мстители» его полка. Онъ жестикулировалъ и бранился. Наконецъ, къ моему величайшему изумленію, онъ вскочилъ на столъ и началъ прогуливаться по немъ въ сильномъ возбужденіи. Онъ былъ въ большихъ сапогахъ со шпорами и отъ каждаго его шага чернильницы прыгали на столѣ, чернила разливались потоками по скатерти и орошали присутствующихъ. Онъ отдавалъ приказанія и мало-по-малу приказанія эти были выслушаны и имъ повиновались. Во всякомъ случаѣ, въ этой залѣ онъ былъ диктаторомъ въ теченіе пяти минутъ.

Въ этотъ именно періодъ своего непродолжительнаго царствованія онъ велѣлъ насъ арестовать, меня и Жюли Фавра. Какъ мнѣ кажется, онъ это сдѣлалъ не столько для того, чтобы избавиться отъ насъ, сколько ради нашей собственной безопасности. Онъ спрыгнулъ со стола и самъ отвелъ насъ въ амбразуру окна, выходившаго на набережную. Амбразуры оконъ были громадны и представляли нѣчто вродѣ кабинета. Онъ приказалъ насъ посадить тутъ и позаботился о томъ, чтобы намъ принесли кресла, затѣмъ поставилъ около насъ кордонъ изъ своихъ людей и отдалъ имъ слѣдующее приказаніе:

— Рекомендую вамъ оказывать глубочайшее уваженіе этимъ двумъ господамъ. Если же ихъ захотятъ освободить отсюда, то вы ихъ застрѣлите.

— Такъ точно, командиръ!

Но власти его наступалъ конецъ. Явился Бланки и какъ только онъ показался, то стало ясно, что онъ былъ господинъ. Онъ, впрочемъ, самъ не сомнѣвался въ этомъ. Въ противоположность Флурансу, который вѣчно кипятился, Бланки отдавалъ свои приказанія спокойно и съ авторитетомъ. Всѣ умолкали, какъ только онъ возвышалъ голосъ. Мнѣ показалось, что Делеклюзъ былъ скорѣе его офицеромъ, нежели конкурентомъ. Впрочемъ, роль Делеклюза мнѣ была не совсѣмъ ясна.

Вечеромъ началось сильное движеніе. Произошло что-то новое. Мы спросили нашихъ сторожей, что случилось, и они сообщили намъ, что національная гвардія окружила дворецъ, во главѣ съ Ферри. Одинъ изъ сторожей замѣтилъ мнѣ съ добродушною ироніей.

— Вы наши плѣнники, а мы—плѣнники Ферри. Я ужъ не знаю, какъ мы всѣ выйдемъ отсюда!

И мы этого не знали. Намъ казалось невозможнымъ, чтобы дѣло обошлось безъ какого-нибудь побоища.

— Если какой-нибудь пьяница или безумецъ выстрѣлитъ,—сказалъ мнѣ Жюль Фавръ,—то произойдетъ бойня.

Зданіе «Hotel de Ville» было переполнено народомъ, вплоть до антресолей и подваловъ. У насъ были друзья тутъ, но партія Бланки была гораздо сильнѣе внутри зданія; зато снаружи находилась армія. Выводъ изъ этого былъ простъ: Жюль Фавръ и я, мы, вѣроятно, погибли, но Бланки и другіе—навѣрное!

Произошелъ слѣдующій инцидентъ: наши побѣдители, обратившіеся въ побѣжденныхъ, послѣ того, какъ зданіе было окружено, искали способовъ изверн_ться. Мы были ихъ единственною надеждой. Они могли превратить насъ въ уполномоченныхъ вести переговоры, если мы этого захотимъ, или въ заложниковъ. Вопросъ обсуждался въ нашемъ присутствіи. Флурансъ хотѣлъ поручить намъ вести переговоры.

— Они дадутъ намъ слово вернуться сюда въ случаѣ неуспѣха.

Большинству казалось, что другого исхода нѣтъ. Одинъ изъ предводителей сказалъ намъ:

— Вы слышите, господа; вы даете намъ слово вернуться въ случаѣ неудачи переговоровъ. Ступайте, путь свободенъ.

Мы встали и вышли уже на середину залы, когда вдругъ Бланки заговорилъ:

— Я не сомнѣваюсь въ сл)вѣ этихъ господъ. Это честные люди. Если они потерпятъ неудачу, то они вернутся, чтобы раздѣлить съ нами нашу участь. Но вы забыли одну вещь—спросить у нихъ, что они скажутъ своимъ друзьямъ? Они имъ скажутъ, чтобы они не выпускали насъ. Конечно, ни тотъ, ни другой не станутъ опровергать мои слова—прибавилъ онъ, глядя на полъ—и я заключаю, что, такъ какъ они наши заложники, то лучше оставить ихъ здѣсь.

Мы ничего не отвѣчали. Во время всей этой сцены мы не раскрывали рта и также молча вернулись на свои мѣста.

Нечего и говорить, что время тянулось для насъ очень медленно, несмотря на странность положенія и жгучій интересъ, который представляло все, что происходило на нашихъ глазахъ. Въ теченіе дня наши друзья, узнавъ, что мы находимся въ плѣну въ залѣ совѣта, входили туда, чтобы насъ видѣть и выразить намъ сочувствіе. Но, разумѣется они могли это дѣлать только при помощи жестовъ, такъ какъ люди Флуранса сообщали имъ о его приказаніи. Нѣкоторые изъ нихъ предлагали намъ вина и сандвичи и наши сторожа убѣждали насъ принять.

— Берите же, граждане; вѣдь вы должны умирать съ голоду.

Жюль Фавръ принялъ предложенное и съѣлъ съ большимъ аппетитомъ. Я не послѣдовалъ его примѣру. Я вспомнилъ Людовика XVI, который съ аппетитомъ ѣлъ цыпленка въ ложѣ лагографа, откуда онъ смотрѣлъ на свое низверженіе. Его враги поставили ему это въ преступленіе. Я смѣясь напомнилъ объ этомъ Жюлю Фавра, и онъ также смѣясь отвѣчалъ мнѣ, что теперь, когда онъ поѣлъ, онъ болѣе подготовленъ къ роли мученика.



Почетный эскортъ, данный намъ Флурансомъ имѣлъ начальника, который оказался моимъ знакомымъ. Онъ не преминулъ напомнить мнѣ объ этомъ, съ большою любезностью, прибавивъ, «что онъ былъ весь къ моимъ услугамъ, за исключеніемъ того, въ чемъ онъ былъ обязанъ повиновеніемъ своему командиру». Онъ сѣлъ возли меня и вступилъ со мною въ философскій споръ. Я сначала охотно отвѣчалъ ему, такъ какъ это было забавно, принимая во вниманія мѣсто и окружающую обстановку, но потомъ мнѣ это наскучило и я далъ ему понять. Онъ немного обидѣлся. Съ наступленіемъ ночи я впалъ въ какое-то состояніе оцѣпенѣнія, которое къ несчастью не было сномъ и я вполнѣ сознавалъ наше положеніе.

Извѣстно, что все это приключеніе кончилось, какъ какая-нибудь мелодрама. Невидимая до того времени дверь открылась въ стѣнѣ; изъ нея вышелъ Ферри, а заниммъ по пятомъ слѣдовали солдаты національной гвардіи. Было ясно, то мы были освобождены, а Бланки, со своимъ приверженцами былъ взятъ. Найденъ былъ подземный ходъ, который велъ отъ сосѣдней казармы къ этому мѣсту. Ферри пустился первый по этому пути и явился передъ нами словно ангелъ истребитель.

— Ступайте,—сказалъ онъ толпѣ.—Я не хочу пролитія крови. Вы можете удалиться, но не думайте, что вы свободны, когда выйдете изъ «Hotel de ville». Я васъ держу въ своихъ рукахъ и даю вамъ слово, что первая выходка такого же рода и вы пропали! Не говоря уже о томъ, что національная гвардія, теперь предупрежденная, въ двадцать разъ сильнѣе васъ, вы увидите съ разсвѣтомъ еще армію Дюкро, которая уже идетъ сюда.

Почувствовавъ себя наконецъ на свободѣ, мы испытали чувство величайшаго облегченія. Мы были рады также, что удалось избѣжать ужасной бойни, которая могла бы произойти въ этихъ залахъ, переполненныхъ народомъ, стекавшимся сюда изъ всѣхъ выходовъ. Шумная толпа, тѣснившаяся въ Hotel de ville имѣла очень смѣшанный характеръ, но мы все-таки были въ большинствѣ и коммунары это чувствовали. Пока Ферри говорилъ, они уже начали удирать, такъ скоро, какъ только это можно было въ такой компактной толпѣ. Они исчезли въ одинъ мигъ. Мы однако не теряли времени на взаимныя поздравленія. Ферри долженъ былъ отвести свою армію, мы же, считавшіе себя въ теченіи стольких часовъ на краю гибели, думали только о своихъ семействахъ, гдѣ насъ ждали или, быть можетъ, уже не ждали! Что касается меня, то я право не знаю, какъ я еще держался на ногахъ, пробывъ тамъ 18 часовъ подрядъ. Было четыре часа ночи. Я принялся отыскивать свое пальто. Какое ребячество! Генералъ Лефло, мой пріятель, не захотѣлъ оставить меня въ моихъ поискахъ. Черезъ двадцать минутъ мы остались одни въ этомъ залѣ, величина которой только теперь поразила меня. Наконецъ, мы прекратили поиски и рѣшили вернуться домой пѣшкомъ, безъ верхней одежды и въ страш-

ный холодъ. Нечего было и надѣяться встрѣтить экипажъ. Когда я спускался по опустѣвшей лѣстницы, то вдругъ кто-то набросился на меня и обнялъ. Это было Фульдъ.

— Что вы тутъ дѣлаете?

— Мнѣ сказали, что васъ не видѣли выходящимъ и я пошелъ васъ искать.

Онъ проводилъ меня до улицы Гренелль. Не стану и говорить какія слезы и поцѣлуй ожидали меня дома. Меня считали погибшимъ. Я пробовалъ поѣсть чего-нибудь но не могъ. Я скорѣе повалился на кровать, нежели легъ. Пробило пять часовъ. Сонъ не приходилъ. Я испытывалъ такое ощущеніе какъ на морѣ, какъ будто моя кроватъ качалось на волнахъ. Разсвѣтало, когда я наконецъ заснулъ. Вѣроятно я бы проспалъ какъ убитый полдня, но черезъ десять минутъ меня разбудили: дверь съ шумомъ отворилась и вмѣстѣ съ лучемъ свѣта кто-то ворвался въ мою комнату.—«Делегатъ! Дѣло, не терпящее отлагательства!»—послышались слова. Должно быть, подумалъ я, дѣло плохо, если со мною обращаются такъ безжалостно! Ужъ не начался ли штурмъ города? Или бунтовщики перешли въ наступленіе? Я соскочилъ съ кровати и увидѣлъ передъ собою делегата.

Это былъ премилый юноша, кроткаго вида и очень любезный, съ которымъ мнѣ приходилось изрѣдка вступать въ сношенія, но сношенія эти были всегда дружескія. Его фамилія была Адереръ. Отецъ его былъ выдающійся журналистъ, очень любимый своими собратьями по профессіи, онъ же самъ былъ профессоромъ въ лицеѣ Карла Великаго и теперь профессора выбрали его делегатомъ, чтобы требовать немедленной уплаты имъ вознагражденія.

Онъ заговорилъ со мною свысока:

— Такъ какъ вы со всѣмъ своимъ штабомъ получаете большое содержаніе...

Вотъ какъ разговаривали съ министромъ тогда! Я прервалъ его:

— Почему вы явились въ этотъ часъ?

— Я обѣщалъ доставить вашъ отвѣтъ до начала утреннихъ классовъ.

— Вы знаете, что было вчера?

— Я знаю, что было начало бунта, который скоро былъ прекращенъ.

Вотъ что онъ зналъ. Всѣ въ Парижѣ, кто не принадлежалъ ни къ коммунѣ, ни къ полкамъ, извлекшимъ насъ изъ ея рукъ, знали не больше его.

Я пробовалъ снова заснуть. Но черезъ часъ за мною пришли, чтобы звать меня на совѣтъ правительства. Онъ долженъ былъ очень пожалѣть «о своей делегаціи», этотъ бѣдняга Адереръ, когда узналъ обо всемъ, что я сдѣлалъ и выстрадалъ въ этотъ роковой день!

Эти четыре мѣсяца осады были длинной агоніей, у меня былъ только одинъ рессурсъ, чтобы спастись отъ угнетающей тоски—упор-

ный, ожесточенный трудъ. И я могу сказать, что потрудился въ это время. Надѣюсь, что не безполезно».

День 31-го октября, описанный Жюлемъ Симономъ, былъ единственнымъ высокодраматическимъ эпизодомъ въ его жизни, больше ему никогда не приходилось переживать такія минуты. Волненія, которыя онъ испытывалъ въ теченіе своей остальной дѣятельности, ограничивались ареною парламентской борьбы. Несмотря на то, что онъ достигъ высокаго и вполнѣ обезпеченнаго положенія въ матеріальномъ отношеніи, Жюль Симонъ продолжалъ жить въ своей прежней квартирѣ, въ пятомъ этажѣ. «Я прожилъ въ ней пятьдесятъ лѣтъ,—говорилъ онъ,—съ высоты своего балкона я видѣлъ всѣ правительства и всѣ процессіи. Я видѣлъ Луи-Филиппа, дѣлающаго смотръ войскамъ національной гвардіи; я видѣлъ Луи Блана, котораго народъ несъ на своихъ плечахъ; я видѣлъ Луи-Наполеона, стоящаго въ коляскѣ и заставляющаго духовенство кадить себѣ. Правда, мнѣ стало тѣсно здѣсь, съ семьей моего старшаго сына, моя библіотека тутъ совсѣмъ задавлена. Но меня удерживаютъ воспоминанія. Почти все, что есть знаменитаго въ Европѣ, перебывало на моемъ пятомъ этажѣ; Тьеръ, Викторъ Гюго, Кастеляръ, кардиналъ Лавижери, Гамбетта, вплоть до... приглашенныхъ моего пріятеля Андрэ (лакея)».

Послѣдніе годы Жюля Симона были омрачены тѣмъ, что зрѣніе у него ослабѣло. У него сдѣлалась катаракта, которая, однако, была успѣшно оперирована, несмотря на его преклонный возрастъ (81 годъ). Но тѣмъ не менѣе зрѣніе не могло вполнѣ возстановиться. Онъ могъ различать предметы и даже писать, но читалъ съ большимъ трудомъ, и иногда его глаза застилалъ такой туманъ, что онъ переставалъ видѣть. Это съ нимъ случилось, когда онъ читалъ въ засѣданіи «Académie des sciences morales et politiques» свою замѣтку о Викторѣ Дюрюи. Онъ едва перевернулъ первыя страницы, какъ въ глазахъ его появился туманъ, и его окружила тьма. Однако, онъ не смутился ни на минуту и продолжалъ, не останавливаясь, импровизировать свою рѣчь. Никто не замѣтилъ, что случилось, и Жюль Симонъ въ этотъ день одержалъ одинъ изъ своихъ самыхъ блестящихъ ораторскихъ успѣховъ. Онъ переворачивалъ листы, не читая...

По окончаніи засѣданія, когда истина разгласилась, то удивленію не было предѣловъ.

Этотъ успѣхъ поднялъ его духъ, его вѣру въ то, что человѣкъ можетъ восторжествовать надъ своими немощами, и онъ снова принялся за работу. Онъ работалъ почти до послѣдней минуты, и его статья въ «Petite Gironde» была напечатана въ самый день его смерти. Онъ умеръ 82-хъ лѣтъ.

Э. Пименова.

---



# ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

## Марксъ.

(*Окончаніе*) *).

### IV.

Мы видѣли, что несмотря на свою удивительную способность къ анализу, Марксъ мало сдѣлалъ въ области чисто теоретической, абстрактной политической экономіи. Его теорія цѣнности, вмѣстѣ со всѣми своими выводами, въ цѣломъ, несостоятельна и больше повредила, чѣмъ содѣйствовала развитію научной мысли. Сила Маркса не въ экономической теоріи—въ этой области онъ далеко уступаетъ Рикардо, а также Родбертусу; широкія соціальныя обобщенія, схватывающія краткой, но выразительной формулой запутанную сѣть перекрещивающихся моментовъ, изъ которыхъ слагается историческая жизнь человѣчества — вотъ та сфера, гдѣ геній Маркса обнаруживается во всей своей мощи. Поэтому, несмотря на внутреннія противорѣчія экономической теоріи «Капитала» и на слабость ея фундамента—теоріи абсолютной трудовой цѣнности,—мы должны признать Маркса однимъ изъ величайшихъ соціальныхъ мыслителей новаго времени, быть можетъ, непосредственно слѣдующимъ за геніальнымъ Сенъ-Симономъ. Творецъ «Промышленной системы» и «Новаго христіанства» превосходилъ Маркса оригинальностью своей вдохновенной, ослѣпительной, молніеносной мысли, озарявшей совершенно новымъ свѣтомъ все, чего касался этотъ поразительный умъ. Но, кромѣ Сенъ-Симона, трудно указать другого мыслителя, такъ много давшаго для философіи исторіи вообще и для философіи современной исторіи въ частности, какъ авторъ «Капитала».

Мы уже знакомы съ его общей философіей исторіи; перейдемъ теперь къ чрезвычайно полно и систематически разработанной Марксомъ теоріи развитія современнаго соціальнаго строя—капитализма.

Прежде всего, устранимъ одно недоразумѣніе. Многіе думаютъ, что соціальныя требованія Маркса логически связаны съ теоріей приба-

---

*) См. «Міръ Божій», № 9, сентябрь, 1902 г.

вочной цѣнности. Противъ этой ошибки, и съ полнымъ основаніемъ—ибо это дѣйствительно ошибка—протестовалъ Энгельсъ. Не на теоріи прибавочной цѣнности, а на теоріи развитія капиталистическаго строя, представляющей собой обобщеніе реальныхъ историческихъ фактовъ нашего времени, покоится система практической политики марксизма, столь могущественно повліявшая на современное рабочее движеніе.

Въ предисловіи къ I тому «Капитала» Марксъ говоритъ, что его главной задачей является открытіе «экономическаго закона движенія современнаго общества». По своему соціальному идеалу, творецъ «Капитала» былъ послѣдователемъ великихъ утопистовъ. Утописты не только создали этотъ идеалъ, но и подвергнули острой и смѣлой критикѣ господствующій соціальный строй—капиталистическое хозяйство. Тѣмъ не менѣе, путь, ведущій отъ общества нашего времени къ обществу будущаго, оставался туманнымъ и неяснымъ. Міръ будущаго являлся въ изображеніи утопистовъ такимъ глубокимъ контрастомъ сравнительно съ міромъ настоящаго, что казалось непонятнымъ, какъ переберется человѣчество черезъ страшную бездну, отдѣляющую оба эти міра. Кто выведетъ человѣчество изъ «дома сумасшедшихъ», въ который оно заключено теперь, по словамъ Оуэна? Фурье далъ поразительно яркую картину «пороковъ цивилизаціи»; но гдѣ же найти въ цивилизованномъ обществѣ силы, способныя разсѣчь «порочный кругъ» цивилизаціи, какъ желѣзными тисками сковывающій общественную жизнь и общественное развитіе? Утописты черпали свое вдохновеніе въ противопоставленіи свѣтлаго, лучезарнаго, гармоничнаго будущаго темному и мрачному настоящему. Однако, въ практической политикѣ приходилось исходить изъ того самаго классоваго общества, изъ того самаго «сумасшедшаго дома», всѣ ужасы котораго такъ геніально изобразили утописты. Нужно было указать въ капиталистическомъ обществѣ элементы и силы, способные осуществить великое соціальное преобразованіе, къ которому съ такимъ энтузіазмомъ утописты призывали человѣчество.

Для рѣшенія этой задачи требовалось открыть «законъ движенія современнаго общества», къ чему и стремился Марксъ. Путемъ обобщенія реальныхъ фактовъ историческаго развитія, Марксъ попытался выяснить, въ какомъ направленіи идетъ это развитіе, какія новыя общественныя формы съ желѣзной необходимостью вырастаютъ изъ нѣдръ стараго общества. При этомъ Марксъ естественно исходилъ изъ своей философіи исторіи—изъ доктрины соціальнаго матеріализма, признающей основнымъ и рѣшающимъ моментомъ соціальнаго прогресса развитіе матеріальныхъ условій хозяйственнаго труда. Если хозяйственное развитіе опредѣляетъ собой все остальное, то нарожденіе новаго общественнаго строя должно быть результатомъ закономѣрной эволюціи формы хозяйства, господствующей въ настоящее время. Таковой является капитализмъ. Отсюда получался выводъ, что движущія силы грядущаго

соціальнаго преобразованія создаются развитіемъ капиталистическаго хозяйства.

Такимъ образомъ, проблема осуществленія новаго общественнаго строя была сведена соціальнымъ матеріализмомъ къ открытію закона развитія капиталистическаго способа производства. Въ наличности такого развитія нельзя было сомнѣваться. Уже самое поверхностное наблюденіе новѣйшей хозяйственной исторіи обнаруживало глубокія послѣдовательныя измѣненія, которыя претерпѣваетъ капиталистическое хозяйство. Въ сочиненіяхъ утопистовъ (особенно у Фурье) было разбросано множество отдѣльныхъ указаній на общее направленіе капиталистическаго развитія. Но заслуга созданія законченной и систематической теоріи развитія современнаго хозяйственнаго строя, несомнѣнно, принадлежитъ Марксу.

Капиталистическій способъ производства отмѣчаетъ собой новѣйшій фазисъ въ прогрессивномъ развитіи человѣчества. Капиталистическому производству предшествовало мелкое самостоятельное производство, съ одной стороны, и привудительное производство, основывавшееся на крѣпостныхъ отношеніяхъ — съ другой. Обѣ эти формы производства, съ чисто технической стороны, стоятъ несравненно ниже капитализма. Буржуазія сыграла въ высшей степени прогрессивную роль въ исторіи человѣчества. «Буржуазія, гдѣ она достигла господства, разрушила всѣ феодальныя, патріархальныя, идиллическія отношенія. Она безжалостно порвала разнообразныя феодальныя узы, которыя связывали человѣка съ человѣкомъ, и не оставила между людьми никакой иной связи, кромѣ голаго интереса, кромѣ безчувственной «уплаты наличностью»... «Буржуазія втеченіе своего менѣе, чѣмъ столѣтняго классоваго господства, создала болѣе всеобъемлющія и колоссальныя производительныя силы, чѣмъ всѣ предшествующія поколѣнія въ совокупности. Подчиненіе силъ природы, введеніе машинъ, примѣненіе химіи къ промышленности и земледѣлію, паровое судоходство, желѣзныя дороги, электрическій телеграфъ, подчиненіе культурѣ цѣлыхъ частей свѣта, улучшеніе рѣкъ, внезапно выросшіе изъ земли цѣлые народы—какой изъ предшествующихъ вѣковъ могъ предчувствовать, что такія огромныя производительныя силы таятся въ нѣдрахъ общественнаго труда!» («Манифестъ»).

Но эти изумительные успѣхи были куплены дорогой цѣной—цѣной разоренія и пролетаризаціи огромныхъ массъ населенія. Развитіе капиталистическаго способа производства равносильно уничтоженію мелкаго производства. Мелкое производство было господствующей формой промышленности въ докапиталистическое время. Капитализмъ экспропріировалъ мелкаго производителя, лишилъ его орудій производства и сдѣлалъ изъ прежняго самостоятельнаго ремесленника, крестьянина, кустаря наемнаго слугу капитала.

Однако, чѣмъ шире развивается капиталистическое производство,

чѣмъ полнѣе оно охватываетъ всѣ роды общественнаго труда, тѣмъ ярче выступаетъ коренное противорѣчіе, заложенное въ самомъ существѣ капиталистической формы хозяйства. При господствѣ мелкаго производства форма присвоенія, форма собственности была въ полной гармоніи со способомъ производства. Собственность была индивидуальной и такимъ же индивидуальнымъ было и производство. Напротивъ, въ капиталистическомъ хозяйствѣ производство принимаетъ все болѣе общественный характеръ, а собственность остается, по прежнему, индивидуальной. Никто изъ отдѣльныхъ рабочихъ, занятыхъ на фабрикѣ не можетъ сказать: «это мой продуктъ, я его сдѣлалъ», ибо всякій продуктъ, создаваемый фабрикой, есть результатъ коллективной работы многихъ лицъ. Но этотъ коллективный продуктъ многихъ поступаетъ въ частную собственность одного — капиталиста. Таково неустранимое противорѣчіе капиталистическаго способа производства. И «чѣмъ больше новый способъ производства подчиняетъ своей власти различныя отрасли промышленности, чѣмъ больше онъ низводитъ до жалкихъ остатковъ прошлаго прежнее единоличное производство, тѣмъ ярче выступаетъ внаружу несовмѣстимость общественнаго производства съ капиталистическимъ присвоеніемъ» (Anti-Dühring, 290).

Въ то же время, въ предѣлахъ самой капиталистической промышленности происходитъ чрезвычайно многозначительная эволюція. Законы капиталистической конкуренціи (благодаря большей производительности крупнаго производства), требуютъ постояннаго расширенія оборотовъ капиталистическаго предпріятія. Средствомъ для этого служитъ капитализація большей или меньшей доли прибыли. Такимъ образомъ происходитъ то, что Марксъ называетъ *концентраціей* средствъ производства—увеличеніе размѣра капиталистическаго предпріятія путемъ накопленія капитала. Отъ концентраціи средствъ производства слѣдуетъ отличать ихъ *централизацію*—сліяніе нѣсколькихъ или многихъ капиталовъ въ одинъ капиталъ. Въ первомъ случаѣ каждый капиталъ растетъ собственными средствами,—одинъ капиталъ не поглощаетъ другого. Во второмъ случаѣ происходитъ уничтоженіе индивидуальной самостоятельности капиталовъ—«превращеніе многихъ мелкихъ капиталовъ въ небольшое число крупныхъ. Этотъ процессъ тѣмъ отличается отъ перваго, что онъ предполагаетъ лишь измѣненіе въ распредѣленіи имѣющихся уже и функціонирующихъ капиталовъ, и что его поле дѣйствія не ограничено, слѣдовательно, абсолютнымъ ростомъ общественнаго богатства или абсолютными границами накопленія. Капиталъ наростаетъ въ однихъ рукахъ *здѣсь*, потому что *тамъ* онъ исчезъ изъ многихъ рукъ» («Капиталъ», I, 526).

Централизація капиталовъ вызывается конкуренціей капиталистическихъ предпріятій между собой. Капиталистическій міръ не знаетъ мира — въ немъ кипитъ неустанная ожесточенная борьба, въ которой сильный экспропріируетъ слабаго, и капиталъ побѣжденнаго стано-

*

вится прекраснѣйшимъ побѣднымъ трофеемъ побѣдителя. «Независимо отъ этого, съ развитіемъ капиталистическаго производства создается новая сила — кредитъ, который вначалѣ робко прокрадывается въ видѣ скромнаго пособника накопленія, невидимыми нитями стягиваетъ въ руки индивидуальныхъ капиталистовъ или ассоціацій капиталистовъ денежныя средства, разсѣянныя на поверхности общества въ большихъ или меньшихъ массахъ; но вскорѣ становится новымъ и страшнымъ орудіемъ въ конкуренціи, наконецъ, превращается въ громадный соціальный механизмъ для централизаціи капиталовъ».

Конкуренція капиталовъ и кредитъ являются двумя могущественнѣйшими рычагами централизаціи. «Централизація довершаетъ дѣло накопленія, давая возможность промышленнымъ капиталистамъ расширять размѣры своихъ операцій. Будетъ ли этотъ послѣдній результатъ слѣдствіемъ накопленія или централизаціи, произойдетъ ли централизація насильственнымъ путемъ присоединенія, при которомъ нѣкоторые капиталы становятся такими сильными центрами притяженія для другихъ, что побѣждаютъ ихъ индивидуальное сцѣпленіе и притягиваютъ къ себѣ ихъ разрозненные куски, или же сліяніе массы уже образовавшихся или еще образующихся капиталовъ произойдетъ болѣе гладкимъ путемъ, посредствомъ образованія акціонерныхъ обществъ,— экономическое дѣйствіе отъ этого не измѣнится».

Безъ помощи централизаціи образованіе очень крупныхъ капиталистическихъ предпріятій было бы почти невозможно. «Міръ оставался бы еще и до сихъ поръ безъ желѣзныхъ дорогъ, если бы ему пришлось ждать, пока накопленіе поставитъ отдѣльные капиталы въ возможность построить желѣзную дорогу. Централизація же, напротивъ, произвела это сразу посредствомъ акціонерныхъ компаній».

Концентрація и централизація средствъ производства чрезвычайно повышаютъ производительность общественнаго труда. Но чѣмъ могущественнѣе производительныя силы капитала, тѣмъ большее значеніе въ жизни капиталистическаго общества пріобрѣтаетъ другое основное противорѣчіе капиталистическаго способа производства— «противорѣчіе между организованностью производства въ отдѣльной фабрикѣ и анархіей производства во всемъ обществѣ» (Anti-Dühring, 294). На почвѣ обоихъ указанныхъ противорѣчій капитализма возникаютъ періодическіе промышленные кризисы, отъ которыхъ такъ жестоко страдаетъ капиталистическое хозяйство. «Въ кризисахъ противорѣчіе между общественнымъ характеромъ производства и капиталистическимъ присвоеніемъ насильственно прорывается внаружу. Товарный обмѣнъ какъ бы уничтожается; орудіе обращенія—деньги,—становится препятствіемъ обращенію; всѣ законы производства и обращенія товаровъ превращаются въ свою противоположность .Экономическая коллизія достигаетъ своего апогея: способъ производства возстаетъ противъ способа обмѣна, про-

изводительныя силы возстають противъ способа обмѣна, который онѣ переросли» (Anti-Dühring, 297).

Капиталистическая промышленность принуждена съ роковой неизбѣжностью повторять одинъ и тотъ же циклъ развитія: за спокойнымъ состояніемъ идетъ оживленіе промышленности, затѣмъ слѣдуетъ промышленная горячка, неизбѣжно заканчивающаяся крахомъ и кризисомъ, послѣ котораго та же исторія начинается сызнова.

«Какъ небесныя тѣла, будучи разъ приведены въ извѣстное движеніе, неизмѣнно повторяютъ его, такъ и общественное производство, разъ оно брошено въ это движеніе попеременнаго расширенія и сокращенія, также постоянно повторяетъ его... До настоящаго времени періодъ этихъ цикловъ составляетъ 10—11 лѣтъ, но нѣтъ никакого основанія считать эту величину постоянной. Наоборотъ, на основаніи законовъ капиталистическаго производства, слѣдуетъ предположить, что она измѣняется и что продолжительность цикловъ будетъ постепенно сокращаться» («Капиталъ», I, 532—533).

Такимъ образомъ, Марксу рисуется въ будущемъ хроническій кризисъ, который совершенно остановитъ движеніе капиталистическаго производства и этимъ нанесетъ смертельный ударъ всему капиталистическому строю. «Тотъ фактъ, что общественная организація производства въ предѣлахъ фабрики должна достигнуть пункта, на которомъ она становится несоединимой съ сопутствующей ей анархіей производства въ цѣломъ общества—этотъ фактъ обнаруживается самимъ капиталистамъ въ насильственной концентраціи капиталовъ, совершающейся во время кризисовъ путемъ разоренія многихъ крупныхъ, а еще болѣе мелкихъ капиталистовъ. Весь совокупный механизмъ капиталистическаго способа производства отказывается работать подъ давленіемъ созданныхъ имъ самимъ производительныхъ силъ. Онъ не можетъ превратить въ капиталъ всю эту массу средствъ производства; они остаются безъ употребленія... Такимъ образомъ, капиталистическій способъ производства приводится, съ одной стороны, къ сознанію собственной неспособности къ дальнѣйшему руководительству производительными силами общества. Съ другой же стороны, эти самыя производительныя силы стремятся съ наростающей силой къ разрѣшенію этого противорѣчія, къ своему освобожденію отъ капиталистической оболочки, къ фактическому признанію за ними ихъ характера общественныхъ производительныхъ силъ» (Anti—Dühring, 297—298).

«Современное буржуазное общество, создавшее такія могущественныя средства производства и сообщенія, походитъ на волшебника, который не можетъ совладать съ подземными силами, вызванными имъ самимъ. Уже въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ исторія промышленности и торговли есть исторія возмущенія современныхъ производительныхъ силъ противъ современныхъ отношеній производства, противъ современныхъ отношеній собственности, которыя суть условія жизни и

господства буржуазіи... Производительныя силы, которыя находятся въ распоряженіи общества, не могутъ болѣе содѣйствовать развитію буржуазныхъ отношеній собственности; наоборотъ, онѣ становятся слишкомъ могущественными для этихъ отношеній, онѣ связываются послѣдними; преодолѣвая эти узы, производительныя силы приводятъ въ разстройство все буржуазное общество, подвергаютъ опасности самое существованіе буржуазной собственности. Буржуазныя отношенія становятся слишкомъ узкими, чтобы охватить создаваемое ими богатство. Какимъ путемъ преодолѣваетъ буржуазія кризисы? Съ одной стороны, путемъ насильственнаго уничтоженія массы производительныхъ силъ; съ другой же стороны, путемъ захвата новыхъ рынковъ, и болѣе глубокаго использованія старыхъ. Другими словами, путемъ приготовленія новыхъ и болѣе могущественныхъ кризисовъ и путемъ сокращенія средствъ борьбы съ этими кризисами. Такимъ образомъ, оружіе, которымъ буржуазія повергла въ прахъ феодализмъ, обращается теперь противъ самой буржуазіи».

Итакъ, чисто экономическія силы, заложенныя въ капиталистической организаціи общественнаго хозяйства, влекутъ ее съ роковой необходимостью къ превращенію въ высшую хозяйственную форму *). Рядомъ

*) Въ III томѣ «Капитала» Марксъ дополняетъ свою теорію развитія капиталистическаго хозяйства «закономъ тенденціи процента прибыли къ паденію». Сущность этого закона заключается въ слѣдующемъ. Благодаря растущему употребленію машинъ, доля капитала, идущая на средства производства (постоянный капиталъ), должна возрастать, а доля капитала, состоящая изъ заработной платы (перемѣнный капиталъ),—падать. Такъ какъ по теоріи прибавочной цѣнности прибыль создается только перемѣнной частью капитала, то относительное паденіе перемѣннаго капитала должно сопровождаться, по мнѣнію Маркса, и пониженіемъ процента прибыли. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ («Научное Обозрѣніе», 1899, V «Основная ошибка абстрактной теоріи капитализма Маркса»; см. также мои д вѣйшія работы—«Трудовая цѣнность и прибыль» въ томъ же журналѣ за 1900 г., статью о томъ же вопросѣ въ «Сборникѣ въ пользу голодающихъ евреевъ» и мою книгу «Studien zur Theorie und Geschichte der Handelskrisen») я постарался показать, что названный «законъ» не только противорѣчитъ фактамъ, но и не вытекаетъ изъ собственной теоріи цѣнности Маркса. Дѣло въ томъ, что Марксъ исходитъ, при выводѣ своего закона, изъ предположенія неизмѣнности уровня прибавочнаго труда. Но замѣщеніе рабочихъ машинами неизбѣжно приводитъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, т.-е. въ томъ числѣ и при равенствѣ реальной платы рабочаго, *къ повышенію общественнаго уровня прибавочнаго труда*, благодаря тому, что машинный трудъ производительнѣе ручного, и рабочій, получая прежнюю реальную плату, получаетъ, послѣ введенія машины, меньшую трудовую стоимость, чѣмъ до введенія машины. Поэтому, несмотря на сокращеніе трудовой стоимости прибыли въ силу сокращенія перемѣннаго капитала, процентъ прибыли не имѣетъ въ данномъ случаѣ никакой тенденціи понижаться; повышеніе уровня прибавочнаго труда, а также и другіе моменты, на которыхъ я здѣсь останавливаться не могу, вполнѣ компенсируютъ относительное сокращеніе перемѣннаго капитала. Меньшей трудовой стоимости прибыли соотвѣтствуетъ и меньшая трудовая стоимость капитала, на который начисляется эта прибыль. Мои доводы встрѣтили много

съ этими слѣпыми, стихійными силами хозяйственной эволюціи дѣйствуютъ въ томъ же направленіи и сознательныя, соціальныя силы, порождаемыя тѣмъ же процессомъ капиталистической эволюціи. Капитализмъ не только приходитъ къ экономическому конфликту, неразрѣшимому на почвѣ существующей организаціи хозяйства, но тотъ же капитализмъ создаетъ и общественный классъ. Этимъ классомъ является пролетаріатъ.

Огромную историческую заслугу капитализма составляетъ вызванный новымъ способомъ производства гигантскій подъемъ производительности общественнаго труда. Но чѣмъ выше подымается общественное богатство, тѣмъ ниже падаетъ тотъ, кто создаетъ это богатство—рабочій!

---

возраженій, исходившихъ, главнымъ образомъ, изъ лагеря ортодоксальныхъ марксистовъ. Новѣйшая критика этого рода принадлежитъ самому выдающемуся и авторитетному представителю современнаго марксизма—Карлу Каутскому. Разбирая въ нѣсколькихъ статьяхъ («Neue Zeit», 1902, April—Mai, статьи подъ общимъ заглавіемъ «Die Krisentheorien») мою книгу о кризисахъ, Каутскій посвящаетъ одну статью критикѣ моихъ взглядовъ на «законъ паденія процента прибыли». Къ сожалѣнію, критику Каутскаго я долженъ признать столь же мало убѣдительной, какъ и возраженія моихъ русскихъ оппонентовъ. Каутскій, несомнѣнно, человѣкъ очень умный, но, въ данномъ случаѣ, онъ обнаружилъ удивительное непониманіе критикуемыхъ имъ взглядовъ. Достаточно привести слѣдующій примѣръ такого непониманія. Я исхожу въ своемъ анализѣ закона паденія процента прибыли изъ предположенія неизмѣнности реальной заработной платы, ибо мнѣ нужно изслѣдовать вліяніе на процентъ прибыли не измѣненія заработной платы, а замѣщенія рабочихъ машинами. Таковое замѣщеніе имѣетъ, само по себѣ, тенденцію не повышать, а понижать реальную плату; поэтому, предполагая реальную плату неизмѣнной, я дѣлаю предположеніе наименѣе благопріятное для доказываемаго мною тезиса—если принять пониженіе заработной платы, то невозможность пониженія процента прибыли отъ вытѣсненія рабочихъ машинами станетъ еще очевиднѣе. Но, само собою разумѣется, я не могу исходить изъ предположенія повышенія заработной платы, ибо вытѣсненіе рабочихъ машиной никакой тенденціи къ повышенію заработной платы въ себѣ не заключаетъ. Между тѣмъ, однимъ изъ главныхъ возраженій Каутскаго мнѣ является ссылка на фактическое повышеніе заработной платы, повсемѣстно наблюдающееся въ новѣйшее время и имѣющее тенденцію понижать прибыль. Такое возраженіе я не могу не считать полнымъ признаніемъ справедливости моей точки зрѣнія, ибо мнѣ и въ голову не приходило отрицать факта повышенія заработной платы, а также и связанной съ этимъ повышеніемъ тенденціи къ паденію процента прибыли. Я утверждалъ лишь, что эта послѣдняя тенденція никоимъ образомъ не вызывается замѣщеніемъ рабочихъ машинами. Если же, для объясненія паденія процента прибыли, Каутскій считаетъ нужнымъ сослаться на повышеніе реальной платы рабочихъ—значитъ, онъ самъ признаетъ что не замѣщеніе рабочихъ машинами вызываетъ паденіе процента, значитъ онъ отказывается отъ всего пресловутаго закона паденія прибыли, какъ этотъ законъ понимался Марксомъ. Поэтому въ критикѣ Каутскаго я вижу лишь безсознательное для самаго критика признаніе правильности моихъ взглядовъ. Очевидно, *даже Каутскій* не въ силахъ защитить мнимаго закона Маркса, закона, представляющаго собой, какъ я показалъ въ вышеуказанныхъ работахъ, простую логическую ошибку Маркса.

Ухудшеніе положенія рабочаго есть необходимое слѣдствіе основного закона капиталистическаго накопленія,—того, что по мѣрѣ успѣховъ техники все меньшая доля капитала превращается въ заработную плату, и все большая—къ средства производства. Перемѣнный капиталъ образуетъ все меньшую долю всего общественнаго капитала, а такъ какъ спросъ на рабочія руки создается лишь перемѣннымъ капиталомъ, то, слѣдовательно, и спросъ на рабочія руки, по отношенію ко всему общественному капиталу, долженъ падать (абсолютно онъ возрастаетъ, но возрастаетъ, согласно сказанному, гораздо медленнѣе роста общественнаго капитала и общественнаго богатства). «Капиталистическое накопленіе постоянно создаетъ, пропорціонально своей энергіи и своимъ размѣрамъ, относительно, т.-е. для потребностей капитала въ самовозрастаніи, излишнее или добавочное рабочее населеніе» («Капиталъ», I, 529).

«Крѣпостной, несмотря на господство крѣпостного права, достигъ того, что сталъ членомъ общины, подобно тому, какъ мелкій буржуа сталъ крупнымъ буржуа, несмотря на иго феодальнаго абсолютизма. Напротивъ, современный рабочій, вмѣсто того, чтобы подыматься съ успѣхами промышленности, падаетъ все ниже условій существованія своего собственнаго класса. Рабочій становится пауперомъ и пауперизмъ растетъ быстрѣе населенія и богатства. Все болѣе становится очевиднымъ, что буржуазія неспособна оставаться господствующимъ классомъ въ обществѣ, такъ какъ она неспособна обезпечить существованіе своему рабу въ предѣлахъ его собственнаго рабства, такъ какъ она не имѣетъ возможности воспрепятствовать такому паденію этого раба, при которомъ онъ самъ поступаетъ на содержаніе буржуазіи, вмѣсто того, чтобы содержать ее».

«Накопленіе богатства на одномъ полюсѣ есть въ то же время накопленіе нищеты, мукъ труда, рабства, невѣжества, одичанія и нравственнаго паденія на противоположномъ полюсѣ, т.-е. на сторонѣ класса, производящаго свой собственный продуктъ въ видѣ капитала» («Капиталъ», I, 544). Законы капиталистическаго производства вызываютъ образованіе избыточнаго населенія, которое, какъ свинцовая гиря, все глубже и глубже затягиваетъ рабочаго въ безвыходную трясину пауперизма. «Рабочее населеніе, вмѣстѣ съ производимымъ имъ же самимъ накопленіемъ капитала, создаетъ въ возрастающихъ размѣрахъ средства, дѣлающія часть его избыточною. Это есть законъ народонаселенія, характерный для капиталистическаго способа производства: вообще, всякому особенному историческому способу производства свойственны особые законы народонаселенія, имѣющіе историческое значеніе. Абстрактный законъ народонаселенія существуетъ только для растеній и животныхъ до тѣхъ поръ, пока они не подвергаются историческому вліянію человѣка» («Капиталъ», I, 530—531).

Въ чемъ же заключается законъ народонаселенія капиталистиче-

скаго способа производства? Въ томъ, что этотъ способъ производства по неизмѣннымъ экономическимъ, соціальнымъ (но не естественнымъ, физіологическимъ) законамъ порождаетъ избыточное населеніе, для котораго нѣтъ мѣста ни въ общественномъ трудѣ, ни въ общественномъ потребленіи, совершенно независимо отъ того, какимъ темпомъ идетъ размноженіе населенія. Это избыточное населеніе образуетъ промышленную резервную армію капитализма, безъ которой капиталистическій способъ производства, со свойственными ему періодическими сокращеніями и расширеніями производства, не могъ бы существовать. Всякое сокращеніе производства неизбѣжно выталкиваетъ на мостовую тысячи рабочихъ, которыя опять возвращаются къ активной службѣ капиталу при оживленіи промышленности, предшествующемъ кризису. Капиталъ поперемѣнно то притягиваетъ, то отталкиваетъ рабочихъ. Безъ промышленной резервной арміи капиталистическая промышленность не могла бы быстро расширять производство при оживленіи рынка, что является, въ свою очередь, условіемъ существованія капиталистической промышленности любой страны, конкурирующей на міровомъ рынкѣ. Поэтому, промышленный резервъ столь же необходимъ капиталу, какъ необходимъ военный резервъ государству, охраняющему силою оружія свои интересы. «Характерный жизненный путь современной промышленности... покоится на постоянномъ образованіи, большемъ или меньшемъ поглощеніи и новомъ образованіи промышленной резервной арміи. Въ свою очередь, превратности промышленнаго цикла создаютъ человѣческій матеріалъ для перенаселенія и служатъ однимъ изъ самыхъ энергичныхъ факторовъ его воспроизведенія» («Капиталъ», I, 532).

Но кромѣ этого перенаселенія, находящагося въ связи съ фазисами промышленнаго цикла, капитализмъ создаетъ и иныя формы избыточнаго населенія. Марксъ указываетъ три такія формы—текучее, скрытое и стаціонарное перенаселеніе. *Текучее* перенаселеніе вызывается неодинаковостью спроса, предъявляемаго капиталистическимъ производствомъ на различныя возрастныя группы рабочихъ. Наибольшимъ спросомъ со стороны капиталистической промышленности пользуется несовершеннолѣтній трудъ, благодаря чему массы рабочихъ теряютъ работу по достиженіи совершеннолѣтія и входятъ въ составъ текучаго избыточнаго населенія; изъ нихъ вербуется главная армія эмигрантовъ. Далѣе, капиталъ чрезвычайно быстро потребляетъ рабочую силу человѣка. Рабочій, приближающійся къ старости, болѣе не нуженъ капиталу, и также становится элементомъ текучаго перенаселенія.

Существованіе *скрытаго* перенаселенія въ капиталистическомъ обществѣ всего ярче обнаруживается постояннымъ притокомъ рабочихъ изъ деревни въ городъ. Этотъ притокъ не могъ бы имѣть мѣста, если бы въ деревнѣ не имѣлся постоянный контингентъ скрытаго

избыточнаго населенія,—рабочихъ, не находящихъ себѣ занятія въ деревнѣ и ожидающихъ только благопріятнаго момента, чтобы покинуть родную деревню, не обезпечивающую заработка, и перейти въ городъ.

Третью, *стаціонарную* форму перенаселенія образуетъ собой многочисленная группа хроническихъ безработныхъ, или же рабочихъ, работающихъ крайне нерегулярно, изрѣдка и случайно. Изъ этой группы вербуются рабочіе въ домашней промышленности, въ предѣлахъ которой капиталистическая эксплуатація достигаетъ своихъ крайнихъ предѣловъ. Сюда же входитъ и низшій слой современнаго общества—бродяги, преступники, проститутки, пауперы. «Пауперизмъ представляетъ собой инвалидный домъ активной рабочей арміи и балластъ промышленной резервной арміи... Чѣмъ больше общественное богатство, чѣмъ значительнѣе функціонирующій капиталъ, размѣры и энергія его возрастанія, а слѣдовательно, чѣмъ больше и абсолютная величина пролетаріата и производительная сила труда, тѣмъ больше промышленная резервная армія. Рабочая сила, готовая къ услугамъ капитала, развивается вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, что и сила расширенія капитала. Относительная величина промышленной резервной арміи возрастаетъ, слѣдовательно, вмѣстѣ съ силами общественнаго богатства. Но чѣмъ больше эта резервная армія въ сравненіи съ активной рабочей арміей, тѣмъ больше стаціонарное перенаселеніе, а нужда его жертвъ обратно пропорціональна мукамъ ихъ труда. Наконецъ, чѣмъ больше инвалидовъ и пр.—этихъ Лазарей рабочаго населенія—и вообще чѣмъ значительнѣе вся промышленная резервная армія, тѣмъ больше оффиціальный пауперизмъ. *Это абсолютный всеобщій законъ капиталистическаго накопленія*». («Капиталъ», I, 542).

Къ чему же должно привести это накопленіе нищеты, сопутствующее росту богатства, этотъ ростъ пролетаріата, все болѣе погружающагося въ пауперизмъ, по мѣрѣ того, какъ сокращающаяся группа капиталистовъ сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ все болѣе колоссальныя средства производства? Капиталистическому способу производства предшествовало мелкое производство, достигшее наибольшаго процвѣтанія «только тамъ, гдѣ рабочій является свободнымъ частнымъ собственникомъ своихъ условій труда, которыя онъ самъ пускаетъ въ ходъ, крестьянинъ—собственникомъ земли, которую онъ обрабатываетъ, ремесленникъ—собственникомъ орудій, съ которыми онъ справляется, какъ виртуозъ—съ инструментомъ. Этотъ способъ производства предполагаетъ раздробленіе земли и другихъ средствъ производства. Онъ исключаетъ, какъ концентрацію послѣднихъ, такъ и кооперацію, т.-е. онъ не допускаетъ раздѣленія труда внутри одного и того же процесса производства, общественнаго господства надъ природой и управленія ея силами, свободнаго развитія общественныхъ производительныхъ силъ. Онъ совмѣстимъ только съ очень узкими, стихійными рам-

ками производства и общества. Увѣковѣчить его значило бы... декретировать всеобщую посредственность. На извѣстной ступени своего развитія онъ самъ порождаетъ матеріальныя средства своего уничтоженія... Его уничтоженіе, превращеніе индивидуальныхъ и разрозненныхъ средствъ производства въ концентрированныя и общественныя, т.-е. мелкой собственности многихъ въ крупную собственность немногихъ, отнятіе средствъ существованія и орудій труда у народныхъ массъ, эта ужасная и трудная эксплуатація народной массы составляетъ до-историческій періодъ въ жизни капитала» («Капиталъ», I, 644—645).

Но экспропріировавъ мелкихъ производителей, капиталъ еще не завершаетъ своей эволюціи. За экспропріаціей рабочаго слѣдуетъ экспропріація самого капиталиста капиталистомъ же. «Одинъ капиталистъ побиваетъ многихъ». Средства производства концентрируются въ рукахъ все меньшей и меньшей группы капиталистовъ. «Вмѣстѣ съ постояннымъ уменьшеніемъ числа капиталистовъ — магнатовъ... увеличивается масса нищеты»...

«Капиталистическій способъ производства... есть первое отрицаніе индивидуальной частной собственности, основанной на собственномъ трудѣ. Но капиталистическое производство создаетъ съ необходимостью естественнаго процесса свое собственное отрицаніе. Это отрицаніе отрицанія. Оно возстановляетъ не частную собственность, но индивидуальную собственность на основѣ всѣхъ пріобрѣтеній капиталистической эры, на основѣ коопераціи и общественнаго владѣнія землей и средствами производства».

Резюмируя все сказанное, мы можемъ свести теорію развитія капиталистическаго строя, представленную Марксомъ и, отчасти, Энгельсомъ, къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) Ростъ капиталистическаго производства непосредственно вызываетъ уничтоженіе мелкаго самостоятельнаго производства. Прежніе мелкіе самостоятельные производители становятся наемными рабочими капиталистовъ и пополняютъ собой ряды пролетаріата;

2) Соотвѣтственно этому производство принимаетъ все болѣе общественный характеръ и все ярче выступаетъ наружу несовмѣстимость общественнаго производства съ капиталистическимъ присвоеніемъ;

3) Въ средѣ капиталистическаго производства происходитъ концентрація и централизація средствъ производства. Общественное богатство все болѣе сосредоточивается въ рукахъ сокращающейся кучки капиталистовъ—магнатовъ;

4) Періодическіе промышленные кризисы съ возрастающей силой приводятъ въ разстройство капиталистическое хозяйство. Въ кризисахъ обнаруживается неспособность капитализма руководить общественнымъ процессомъ производства;

5) Параллельно росту общественнаго богатства, растетъ, при капи-



талистическомъ способѣ производства, и нищета рабочаго класса. Капиталистическій способъ производства порождаетъ избыточное населеніе, принимающее различныя формы. Промышленная резервная армія является условіемъ существованія капиталистическаго производства;

6) Увеличеніе нищеты и страданій численно все возрастающаго пролетаріата сопровождается ростомъ организаціи рабочаго класса, подъ вліяніемъ условій самого капиталистическаго производства;

7) Такимъ образомъ, капитализмъ, съ одной стороны, становится тормазомъ дальнѣйшаго развитія производительныхъ общественныхъ силъ; съ другой же стороны, капитализмъ организуетъ и общественный классъ, непосредственно заинтересованный въ фактическомъ признаніи за общественными производительными силами ихъ общественнаго характера.

Въ противоположность утопистамъ, Марксъ не придавалъ никакого значенія выработкѣ плановъ будущаго соціальнаго устройства. Будущій соціальный строй явится естественнымъ результатомъ экономической эволюціи современнаго строя. Общій характеръ общественнаго строя будущаго уже и теперь ясенъ, ибо законы развитія капиталистическаго хозяйства открыты. Что же касается до деталей, то онѣ пока еще непредвидимы и опредѣлятся конкретной экономической и соціальной обстановкой того историческаго момента, когда совершится ликвидація капиталистическаго способа производства.

Практическая программа марксизма (лежащая въ основаніи практической дѣятельности германской рабочей партіи) сводится, почти исключительно, къ политической организаціи рабочаго класса и къ практической политической борьбѣ за его интересы. Правда, Марксъ неоднократно выражалъ свое сочувствіе и профессіональной организаціи рабочихъ. Но сочувствіе это было совершенно особаго рода. Марксъ не придавалъ большаго значенія рабочимъ союзамъ, какъ средству поднятія заработной платы и вообще улучшенія положенія рабочаго класса, и если онъ признавалъ желательнымъ распространеніе такого рода организацій среди рабочаго класса, то это лишь потому, что онъ видѣлъ въ нихъ могущественое средство классоваго объединенія рабочихъ. Рабочіе союзы превращаютъ борьбу отдѣльнаго рабочаго съ отдѣльнымъ капиталистомъ въ классовую борьбу рабочаго класса съ классомъ капиталистовъ. Они могутъ служить опорными пунктами для политической организаціи рабочаго класса—и только поэтому Марксъ считалъ нужнымъ ихъ поддерживать.

Съ гораздо меньшимъ сочувствіемъ Марксъ относился къ кооперативному движенію въ его господствующей формѣ—потребительныхъ обществъ.

Женевскій конгрессъ «Интернаціонали» принялъ, согласно предложенію Маркса, слѣдующую резолюцію по вопросу о кооперативномъ движеніи среди рабочихъ:

«Мы совѣтуемъ рабочимъ обратить гораздо большее вниманіе на кооперативное производство (производительныя ассоціаціи. *М. Т.-Б.*), чѣмъ на кооперативныя лавки (потребительныя общества *М. Т.-Б.*). Что касается до послѣднихъ, то онѣ лишь поверхностно затрогиваютъ современный хозяйственный строй, между тѣмъ какъ первыя захватываютъ самое его основаніе».

Въ III-мъ томѣ «Капитала» имѣется слѣдующее любопытное замѣчаніе о производительныхъ ассоціаціяхъ. «Кооперативныя фабрики— пишетъ Марксъ—представляютъ собой, въ предѣлахъ старой формы, первое измѣненіе этой формы, хотя, онѣ, естественно, воспроизводятъ и должны воспроизводить, въ своей фактической организаціи, всѣ недостатки существующей системы. Но въ нихъ уничтожается антагонизмъ капитала и труда. Онѣ показываютъ, какъ на извѣстной ступени развитія матеріальныхъ производительныхъ силъ и соотвѣтствующихъ послѣднимъ общественныхъ формъ производства естественно развивается и организуется изъ одного способа производства новый способъ производства. Безъ фабричной системы, созданной капиталистическимъ способомъ производства, также какъ и безъ системы кредита, вытекающей изъ того же способа производства, не могла бы развиться кооперативная фабрика. Кредитъ, являясь основой постепеннаго превращенія частныхъ капиталистическихъ предпріятій въ капиталистическія акціонерныя общества, даетъ въ то же время средства для постепеннаго распространенія кооперативныхъ предпріятій въ болѣе или менѣе національномъ масштабѣ. Капиталистическія акціонерныя предпріятія, также какъ и кооперативныя фабрики, являются переходными формами изъ капиталистическаго способа производства въ товарищеское («Kapital» III I 427—428).

Такимъ образомъ, Марксъ придавалъ производительнымъ ассоціаціямъ извѣстное значеніе, въ качествѣ первыхъ зачатковъ новыхъ, товарищескихъ формъ хозяйства,и не придавалъ въ этомъ смыслѣ почти никакого значенія потребительнымъ обществамъ. Не смотря, однако, на это частичное признаніе со стороны Маркса важности кооперацій, кооперативное движеніе не играетъ въ практической программѣ марксизма почти никакой роли. Объясняется это тѣмъ, что та форма кооперацій, которая встрѣтила сочувствіе Маркса—производительныя ассоціаціи—на практикѣ не получила и не можетъ получить, при условіяхъ капиталистическаго хозяйства, сколько нибудь значительнаго развитія и распространенія, между тѣмъ какъ потребительныя общества, къ которымъ Марксъ относился болѣе, чѣмъ холодно, сдѣлали гигантскіе успѣхи.

Переходя къ критикѣ изложенной теоріи развитія капиталистическаго строя, мы прежде всего остановимся на входящей въ ея составъ «теоріи обнищанія» (Verelendungstheorie—этотъ терминъ не принадлежитъ самому Марксу, но онъ очень удачно характеризуетъ суть

дѣла). Приведенныя цитаты изъ «Манифеста» и «Капитала» не оставляютъ никакого сомнѣнія, что Марксъ смотрѣлъ крайне пессимистически на возможность улучшенія положенія рабочаго класса въ предѣлахъ капиталистическаго хозяйства *). Онъ не только не вѣрилъ въ эту возможность, но утверждалъ даже обратное— что благосостояніе рабочаго класса, по мѣрѣ развитія капиталистическаго производства падаетъ, рабочій глубже и глубже погружается въ нищету.

Утвержденіе это находится въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ фактами послѣднихъ десятилѣтій. Сознавая это, многіе правовѣрные марксисты нашего времени пытались и пытаются измѣнить смыслъ «теоріи обнищанія» и придать ей болѣе невинный видъ. Съ особеннымъ искусствомъ это дѣлаетъ Каупкій въ своей извѣстной книгѣ противъ Бернштейна. По толкованію этого остроумнѣйшаго представителя современнаго марксизма, теорію «обнищанія» нужно понимать лишь какъ выраженіе *тенденціи*, а не положительнаго факта, и притомъ тенденціи не къ абсолютному пониженію уровня экономическаго благосостоянія рабочаго класса, а лишь къ *относительному* ухудшенію положенія рабочихъ сравнительно съ положеніемъ капиталистовъ. Нищета, по объясненію Каудкаго, можетъ быть понимаема въ двоякомъ смыслѣ—физіологическомъ, по отношенію къ удовлетворенію человѣкомъ своихъ физіологическихъ потребностей—и въ соціальномъ,—по отношенію къ несоотвѣтствію между запросами, потребностями человѣка и возможностью ихъ удовлетворенія. Фактъ увеличенія нищеты въ этомъ послѣднемъ смыслѣ кажется Каудкому безспорнымъ, ибо «сами буржуа признаютъ ростъ нищеты въ соціальномъ смыслѣ, давая ему лишь другое названіе—требовательности рабочихъ. Но дѣло не въ названіи. Дѣло въ томъ, что несоотвѣтствіе между потребностями рабочаго и возможностью удовлетворенія этихъ потребностей при помощи получаемой рабочимъ заработной платы, постоянно возрастаетъ... Соціальное обнищаніе растетъ, выражаясь въ болѣе медленномъ повышеніи уровня жизни пролетаріата, сравнительно съ подъемомъ жизни буржуазіи... Возрастаетъ, и постоянно, не физическая, а соціальная нищета, а именно противорѣчіе между культурными потребностями рабочаго и имѣющимися у него средствами для удовлетворенія этихъ потребностей; иными словами, масса продуктовъ, приходящаяся на одного рабочаго, можетъ становиться больше, но *доля* рабочаго въ создаваемомъ имъ продуктѣ становится меньше» («Gegen Bernstein», 120, 127, 128).

---

*) Правда, Марксъ былъ горячимъ сторонникомъ фабричнаго законодательства и видѣлъ въ законодательномъ ограниченіи рабочаго дня одну изъ важныхъ цѣлей рабочаго движенія; онъ привѣтствовалъ англійскій билль о десятичасовомъ рабочемъ днѣ, какъ великую побѣду англійскаго рабочаго класса. Но это лишь одна изъ многихъ непослѣдовательностей Маркса—одинъ изъ многихъ примѣровъ несогласованности *теоріи* и *практики* марксизма.



Это можетъ быть вѣрно или невѣрно, но, во всякомъ случаѣ, это не теорія Маркса. Нищета, о которой говоритъ Марксъ, отнюдь не есть «требовательность» рабочихъ, какъ толкуетъ теорію обнищанія Каутскій, и ростъ нищеты, въ смыслѣ Маркса, далеко не равносиленъ росту потребностей рабочаго класса. Ни о какомъ повышеніи потребностей рабочаго класса, съ точки зрѣнія авторовъ «Манифеста», не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ рабочій «становится пауперомъ и пауперизмъ растетъ быстрѣе населенія».

Ростъ капиталистическаго богатства признается въ «Капиталѣ» равносильнымъ «накопленію нищеты, мукъ труда, рабства, невѣжества, одичанія и нравственнаго паденія» рабочаго класса. Языкъ Маркса во всѣхъ этихъ случаяхъ такъ ясенъ и выразителенъ, что никакихъ кривотолковъ не допускаетъ. Авторъ «Капитала» говоритъ не о тенденціяхъ, которыя могутъ и не осуществляться въ дѣйствительности, а о конкретныхъ законахъ капиталистическаго развитія, выражающихся въ реальныхъ историческихъ фактахъ. Марксъ категорически утверждаетъ, что чѣмъ могущественнѣе производительныя силы капитализма, тѣмъ хуже удовлетворяются насущныя, физіологическія потребности рабочаго; болѣе того—рабочій не только низводится капиталистическимъ развитіемъ до положенія паупера, но онъ регрессируетъ въ физическомъ, умственномъ и моральномъ отношеніяхъ, онъ «вырождается», все болѣе погружается въ невѣжество и нравственное одичаніе.

Такова истинная доктрина Маркса—и если эту доктрину не рѣшается въ настоящее время поддерживать даже Каутскій, то это лишь доказываетъ ея полную несовмѣстимость съ новѣйшими фактами исторіи рабочаго класса. Всѣ основныя соціальныя воззрѣнія Маркса сложились въ эпоху 40-хъ годовъ—въ періодъ пониженія заработной платы, хронической безработицы и огромнаго роста нищеты и пауперизма. Выражая свое убѣжденіе въ невозможности существеннаго и прочнаго улучшенія положенія рабочаго класса въ предѣлахъ капиталистическаго хозяйства, Марксъ стоялъ на почвѣ современныхъ ему историческихъ фактовъ и высказывалъ взглядъ, общій всѣмъ серьезнымъ экономистамъ того времени. Рикардо и Мальтусъ смотрѣли на положеніе и будущность рабочихъ классовъ не менѣе пессимистически. Но послѣдующіе историческіе факты лишили обнищаніе всякаго значенія и привели къ тому, что даже самые горячіе сторонники марксизма должны, какъ мы видѣли, отказаться отъ нея, замаскировывая свой отказъ отъ теоріи Маркса искаженіемъ ея смысла.

Въ своемъ первоначальномъ видѣ, теорія эта, очевидно, не можетъ быть поддерживаема ни однимъ серьезнымъ экономистомъ. Даже Кауцкій долженъ признать, что «нельзя констатировать общаго увеличенія физической нищеты въ передовыхъ капиталистическихъ странахъ; всѣ факты скорѣе говорятъ въ пользу того, что физическая ни-



щета въ этихъ странахъ уменьшается, хотя крайне медленно и не повсемѣстно. Уровень жизни работающихъ классовъ въ настоящее время выше, чѣмъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ» («Gegen Bernstein», 116). Дѣйствительно, врядъ ли даже самый правовѣрный марксистъ рѣшился бы отстаивать теорію обнищанія, въ томъ видѣ, какъ она изложена въ «Манифестѣ» и «Капиталѣ»; врядъ ли, напримѣръ, можетъ встрѣтить сочувствіе въ настоящее время съ чьей бы то ни было стороны (кромѣ развѣ крайнихъ реакціонеровъ) мнѣніе Маркса о растущемъ невѣжествѣ, нравственномъ одичаніи и вырожденіи рабочаго класса. Рабочая партія всего менѣе можетъ защищать этотъ тезисъ, ибо эта защита была бы для нея самоубійственной и равносильной признанію безнадежности своего собственнаго дѣла: побѣда въ общественной борьбѣ не можетъ принадлежать классу, регрессирующему въ умственномъ, моральномъ и экономическомъ отношеніяхъ. Сильнѣйшаго вѣнчаетъ побѣда, но не численно сильнѣйшаго, а сильнѣйшаго мужествомъ, энергіей, знаніемъ, самопожертвованіемъ, героизмомъ, преданностью общимъ интересамъ. Вырождающіеся, одичавшіе, невѣжественныя рабы, каковыми Марксъ рисуетъ рабочихъ, какъ бы многочисленны они ни были, никогда не нашли бы въ себѣ мужества для самоосвобожденія. Если бы теорія вырожденія рабочаго класса была сколько-нибудь обоснована, то мрачныя соціальныя фантазіи иныхъ соціологовъ и романистовъ, предвидящихъ распаденіе человѣческаго общества на два вида, двѣ породы—господъ, владѣющихъ волей и знаніемъ, и рабовъ, превратившихся въ тупыхъ и покорныхъ домашнихъ животныхъ, были бы самой вѣроятной картиной соціальнаго будущаго. Но, къ счастью, вся эта безнадежная теорія вырожденія большей части человѣчества есть фантазія и ложь, опровергнутыя фактомъ несомнѣннаго экономическаго, моральнаго и интеллектуальнаго подъема рабочаго класса въ новѣйшее время.

Итакъ, теорію обнищанія мы должны, въ цѣломъ, рѣшительно отвергнуть. Отсюда, однако, не слѣдуетъ, что мы должны также отрицательно отнестись ко всѣмъ частнымъ ученіямъ Маркса, которыя въ «Капиталѣ» приведены въ связь съ теоріей обнищанія, но которыя по существу, независимы отъ нея. Такъ, ученіе о капиталистическомъ перенаселеніи и промышленномъ резервѣ капитализма мы считаемъ однимъ изъ наиболѣе сильныхъ отдѣловъ «Капитала». Безъ сомнѣнія, и тутъ краски наложены слишкомъ густо, но, несмотря на всѣ преувеличенія, въ самомъ существенномъ здѣсь Марксъ близокъ къ истинѣ. Проблема безработицы есть одна изъ наиболѣе трудныхъ проблемъ капиталистическаго хозяйства. Ее можно даже признать неразрѣшимой,—безработица въ различныхъ ея формахъ есть необходимое порожденіе капиталистическаго способа производства и можетъ исчезнуть лишь тогда, когда стихійное народное хозяйство нашего времени будетъ замѣнено планомѣрной организаціей производства. Средства

борьбы съ безработицей (рабочіе союзы, государственное страхованіе рабочихъ отъ безработицы и пр.) могутъ лишь уменьшить, но не уничтожить зло безработицы.

Промышленная исторія новѣйшаго времени отнюдь не указываетъ на уменьшеніе безработицы. Капитализмъ не можетъ существовать безъ промышленнаго резерва, періодическое образованіе котораго неизбѣжно сопутствуетъ промышленному циклу—періодической смѣнѣ оживленія и застоя промышленности,—циклу, такъ сказать, прирожденному капиталистическому способу производства. Промышленные кризисы повторяются въ настоящее время съ такой же правильной періодичностью, какъ и прежде. Мы переживаемъ теперь одинъ изъ этихъ періодическихъ кризисовъ, охватившій собой почти весь капиталистическій міръ; только Соединенные Штаты остались пока незатронутыми кризисомъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что въ ближайшемъ будущемъ кризисъ распространится и на Америку. И мы видимъ, что современный капитализмъ обнаруживаетъ такую же безпомощность передъ грозной проблемой безработицы, какъ и капитализмъ прежняго времени.

Итакъ, ученіе Маркса по данному пункту мы должны признать весьма близкимъ къ истинѣ. Дѣйствительно, безработица неизбѣжно сопутствуетъ колоссальному подъему производительности труда, созданному капитализмомъ. Капитализмъ безсиленъ разрѣшить проблему безработицы, ибо безработица и кризисы вытекаютъ изъ самого существа капиталистическаго способа производства — изъ неорганизованности, анархіи общественнаго производства. Но несмотря на хроническую и періодическую безработицу части рабочаго населенія, остальная масса рабочаго класса, несомнѣнно, идетъ во всѣхъ отношеніяхъ впередъ.

Мы можемъ согласиться съ Каутскимъ, что нижеприводимая характеристика измѣненія положенія рабочаго класса въ Англіи примѣнима и къ другимъ капиталистическимъ странамъ. «Значительная часть рабочаго класса,—говоритъ Сидней Веббъ въ своей брошюрѣ «Labour n the longest reign»,—сдѣлала со времени 1837 г. большіе успѣхи, другіе же слои рабочихъ сдѣлали меньшіе успѣхи или даже совсѣмъ не приняли участія въ общемъ прогрессѣ цивилизаціи и богатства. Если мы возьмемъ различныя условія жизни и работы и установимъ уровень, ниже котораго невозможно сносное существованіе, то мы увидимъ, что по отношенію къ заработной платѣ, рабочему времени, жилищамъ и общей культурѣ процентъ живущихъ ниже этого уровня теперь меньше, чѣмъ былъ въ 1837 г. Но мы также найдемъ, что самый низшій уровень теперь такъ же низокъ, какъ и раньше, и что общее число тѣхъ, кто живетъ ниже установленнаго нами уровня, въ настоящее время, вѣроятно, выше, по своей абсолютной величинѣ, чѣмъ въ 1837 г.».

Теорія экономическаго крушенія капиталистическаго хозяйства не была детально разработана Марксомъ и лишь намѣчена имъ въ общихъ чертахъ. Такъ, въ I-мъ томѣ «Капитала» Марксъ выражаетъ предпо-

ложеніе, что промежутки между кризисами въ будущемъ сократятся, и кризисы съ возрастающей силой будутъ приводить въ разстройство капиталистическое хозяйство. Въ III-мъ томѣ «Капитала» обосновывается «законъ тенденціи процента прибыли къ паденію», устанавливающій какъ бы механическую необходимость прекращенія въ будущемъ капиталистическаго способа производства, благодаря паденію процента прибыли. Въ книгѣ Энгельса противъ Дюринга также выражена мысль, что чисто экономическія условія дѣлаютъ невозможнымъ продолженіе капиталистическаго хозяйства. Въ марксистской литературѣ теорія экономическаго крушенія капитализма играетъ очень большую роль—къ сторонникамъ ея принадлежитъ, между прочимъ, и Каутскій.

Несмотря, однако, на это широкое распространеніе, разсматриваемая теорія не только никѣмъ не доказана, но даже никѣмъ и не формулирована сколько-нибудь въ законченной формѣ.

Мы уже указывали (въ примѣчаніи на стр. 278), что «законъ» паденія процента прибыли есть не объективный законъ, а субъективная логическая ошибка Маркса. Шаткость этого закона, по видимому, чувствовалась и самимъ авторомъ, также какъ и Энгельсомъ, совсѣмъ обходящемся безъ названнаго закона въ своей собственной попыткѣ обосновать теорію экономическаго крушенія капитализма (въ книгѣ противъ Дюринга). Но и у Энгельса теорія эта лишь намѣчена, а не развита и тѣмъ болѣе не доказана.

Каутскій попытался привести въ связь теорію экономическаго крушенія капитализма съ необходимостью внѣшнихъ рынковъ для капиталистическаго способа производства. Когда капиталистическій способъ производства охватитъ всѣ страны міра, тогда, по мнѣнію Каутскаго, дальнѣйшее развитіе капиталистической промышленности станетъ невозможнымъ, благодаря отсутствію новыхъ рынковъ. Воззрѣнія Каутскаго были разсмотрѣны нами въ книгѣ «Studien zur Theorie und Geschichte des Handelskrisen», гдѣ мы и постарались показать ихъ несостоятельность, зависящую отъ ложности теоріи рынковъ, которую принимаетъ Каутскій и которой положилъ начало еще Сисмонди. Каутскій, какъ и большинство современныхъ экономистовъ (особенно въ Германіи—въ Англіи традиціи классической школы еще не забыты, и лучшіе англійскіе экономисты—какъ, напр., Джевонсъ—стоятъ на почвѣ правильной теоріи рынковъ, но уже Гобсонъ повторяетъ старыя ошибки Сисмонди, дополняя ихъ новыми своего собственнаго изобрѣтенія) совершенно не понимаетъ законовъ реализаціи товаровъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ, не понимаетъ того, что единственной границей расширенія рынка въ капиталистическомъ хозяйствѣ является трудность пропорціональнаго распредѣленія общественнаго производства. Трудность эта велика, но не непреодолима, ибо, какъ мы видимъ, капитализмъ преодолѣваетъ ее, въ общемъ, очень успѣшно, хотя и не

безъ періодическихъ потрясеній — кризисовъ,—являющихся выраженіемъ этой трудности. Несмотря на кризисы, капиталистическое производство, однако, въ цѣломъ, быстро расширяется, и мы не можемъ указать никакой границы этому расширенію. Вообще, правильная теорія рынковъ убѣждаетъ насъ, что ни о какомъ экономическомъ крушеніи капиталистическаго способа производства ни теперь, ни въ будущемъ не можетъ быть и рѣчи.

Правда, экономическая эволюція приводитъ къ тому, что капиталистическая организація общественнаго хозяйства становится для него стѣснительной. Капиталистическій способъ производства, по самому своему существу, не допускаетъ полнаго использованія средствъ производства, которыми располагаетъ общество. Выраженіемъ этой неспособности являются промышленные кризисы—застой промышленности, вытекающій изъ обилія средствъ производства, находящихся въ распоряженіи общества. Капитализмъ борется съ кризисами ограниченіемъ производства, т.-е. уничтоженіемъ богатства. Задача же хозяйства заключается именно въ умноженіи богатства, котораго все еще приходится такъ ничтожно мало на долю огромнаго большинства человѣчества. Чѣмъ могущественнѣе средства производства въ распоряженіи общества, тѣмъ труднѣе использованіе ихъ капиталистическимъ способомъ, тѣмъ больше опасность перепроизводства, тѣмъ болѣе строгія мѣры ограниченія общественнаго производства долженъ принимать капитализмъ, а слѣдовательно, и тѣмъ очевиднѣе нецѣлесообразность и неразумность капиталистическаго способа производства съ точки зрѣнія даже чисто экономическихъ интересовъ всего общества, какъ цѣлаго, съ точки зрѣнія наибольшаго развитія общественныхъ силъ и наибольшаго подъема производительности общественнаго труда.

Поэтому, мы отнюдь не отрицаемъ, что интересы общественнаго хозяйства требуютъ преобразованія капиталистическаго способа производства въ высшую форму хозяйства, но мы не можемъ себѣ представить такого положенія вещей, при которомъ капиталистическій способъ производства былъ бы экономически невозможенъ. Промышленные кризисы продолжаютъ повторятся съ правильной періодичностью, но промежутки между ними не сокращаются, и кризисы не препятствуютъ быстрому росту и развитію капиталистическаго хозяйства. Никакихъ признаковъ предстоящаго экономическаго крушенія капиталистическаго хозяйства мы не видимъ и никакія теоретическія соображенія не указываютъ намъ на вѣроятность или даже хотя бы возможность такого крушенія. Стихійная экономическая эволюція не въ силахъ сама по себѣ, нанести смертельный ударъ капитализму...

Впрочемъ, представленіе объ экономическомъ крушеніи капитализма не есть необходимая составная часть марксистской доктрины. Марксизмъ можетъ отказаться отъ этого представленія, не переставая быть марксизмомъ. Центральной идеей марксизма, какъ теоріи совре-

меннаго общественнаго развитія, слѣдуетъ, скорѣе всего, признать ученіе о концентраціи и централизаціи средствъ производства. Согласно этому ученію, капиталистическій способъ производства экспропріируетъ мелкихъ производителей, а въ предѣлахъ самой капиталистической промышленности крупный капиталъ поглощаетъ мелкій. Благодаря этому, средства производства, какъ бы подъ вліяніемъ взаимнаго притяженія, сливаются во все болѣе и болѣе обширные скопленія и конгломераты, планомѣрно организованные и объединенные изнутри но разъединенные и не организованные въ своихъ внѣшнихъ отношеніяхъ. Общество все рѣзче раскалывается на растущую массу пролетаріевъ внизу, и на сокращающуюся группу капиталистовъ вверху, уменьшающуюся по своей численности, но растущую по своему богатству и экономическому могуществу. Процессъ концентраціи и централизаціи средствъ производства одновременно создаетъ почву для новаго ассоціированнаго производства, ибо благодаря ему производство становится все болѣе крупнымъ, все болѣе общественнымъ, каждое отдѣльное предпріятіе захватываетъ все большую долю всего общественнаго производства, и, въ то же время, этотъ процессъ усиливаетъ общетвенные элементы, заинтересованные въ преобразованіи капиталистическаго способа производства, а также численно ослабляетъ элементы, враждебные такому преобразованію. Растущая концентрація и централизація общественнаго производства легче всего объясняетъ, какимъ образомъ капиталистическій хозяйственный строй превратится въ свою противоположность, какимъ образомъ изъ безпощадной борьбы, угнетенія, эксплуатаціи и ненависти, царящихъ нынѣ, выраститъ, съ необходимостью естественнаго процесса, сѣмя мирной, свободной и равноправной ассоціаціи будущаго. Капитализмъ является, при такомъ пониманіи условій развитія новаго соціальнаго строя, суровой, но необходимой школой человѣчества, въ которой человѣчество дисциплинируется и накопляетъ силы для того, чтобы взять въ свои руки руководительство общественнымъ производствомъ и замѣнить господствующую нынѣ неорганизованность общественнаго хозяйства планомѣрной, сознательной организацией его.

Мы сказали, что это ученіе является центральной и—теперь мы можемъ прибавить—самой сильной идеей марксизма. Исторія промышленности всѣхъ капиталистическихъ странъ, несомнѣнно, свидѣтельствуетъ о растущей концентраціи средствъ производства. Правда, мелкое производство въ большинствѣ случаевъ почти не уменьшается по своимъ абсолютнымъ размѣрамъ. Но по своему относительному значенію въ народномъ хозяйствѣ оно быстро падаетъ. Крупное производство растетъ повсемѣстно гораздо энергичнѣе мелкаго. Этотъ ростъ совершается частью на счетъ мелкаго производства, представители котораго разоряются и опускаются въ ряды пролетаріата. Частью же ростъ крупной промышленности не препятствуетъ одновременному существо-

ванію мелкой промышленность. И, наконецъ, въ нѣкоторыхъ своихъ отдѣлахъ, крупное производство, развиваясь и расширяя свои операціи, непосредственно содѣйствуетъ и росту мелкой промышленности, поставляя послѣдней новые матеріалы для обработки или удешевляя старые, создавая запросъ на продукты мелкой промышленности, предъявляя требованія на разныя работы, исполняемыя мелкими производителями, вызывая новые промыслы и т. д., и т. д. Въ результатѣ получается, какъ свидѣтельствуетъ промышленная статистика всѣхъ капиталистическихъ государствъ, быстрый ростъ крупнаго производства и значительно болѣе медленный ростъ, а иногда и упадокъ, мелкаго производства, которое въ однихъ отрасляхъ промышленности уничтожается крупнымъ, а въ другихъ, куда еще не проникла машина растетъ и развивается. Фабрика и заводъ энергично и неудержимо подвигаются впередъ, захватываютъ одну отрасль промышленности за другой, но такъ какъ одновременно съ этимъ для мелкой промышленности открываются новыя отрасли производства, то болѣе быстрый ростъ фабрично-заводской промышленности иногда не препятствуетъ, во всякомъ случаѣ, гораздо болѣе медленному, росту мелкаго производства.

Въ общемъ, концентрація общественнаго производства идетъ быстрыми шагами. Особенно могущественнымъ орудіемъ централизаціи капиталовъ являются въ новѣйшее время разнаго рода союзы капиталистовъ—трёсты, синдикаты, картели и пр., которыхъ еще почти не существовало въ эпоху Маркса. Они созданы нашимъ временемъ и чрезвычайно энергично двинули впередъ централизацію средства производства. То, что Марксъ указываетъ, какъ крайній предѣлъ централизаціи, «соединеніе всѣхъ капиталовъ, помѣщенныхъ въ данной отрасли промышленности въ одинъ единичный капиталъ» уже теперь стало во многихъ случаяхъ дѣйствительностью. Вотъ, напр., нѣкоторыя данныя о централизаціи американской промышленности. «Стальной трёстъ» (Unitde States Steel Corporation) обладаетъ капиталомъ въ 1.297 милліоновъ долларовъ (т.-е. болѣе 2 милліардовъ рублей на наши деньги) и производитъ около 70% всей стали, выдѣлываемой въ Америкѣ; капиталъ «табачнаго трёста» (Consolidated Tabacco Company) равняется 187 мил. долл., а производство охватываетъ также 79% всего американскаго производства; капиталъ «керосиннаго, трёста» (Standard Oil Company) равенъ 110 милл. долларовъ, производство — 82% всего американскаго производства; капиталъ ««сахарнаго трёста (American Sugar Refining Company)=75 милл. долл., производство=90% національнаго производства; «антрацитный трёстъ» (Pittsburg Coal Company) владѣетъ капиталомъ въ 64 милл. долларовъ и всѣмъ національнымъ производствомъ антрацита и т. д., и т. д. (см. интересную статью N. W. Macrosty. «Die Trusts in Amerika». «Archiv f. soziale Gesetzgebung». XVII Heft III — IV). Несмотря на борьбу законодательныхъ собраній большинства штатовъ съ трёстами и огра-

личительные законы противъ нихъ, трёсты все растутъ и растутъ. Образуются трёсты трёстовъ (какъ напр., стальной трёстъ), и эти чудовищныя скопленія капитала, не довольствуясь монополизированіемъ національнаго производства, перекидываются черезъ океанъ, захватываютъ въ свои цѣпкія лапы цѣлыя отрасли промышленности въ чужихъ странахъ, скупаютъ по всему міру крупнѣйшія промышленныя предпріятія, связываютъ въ одинъ гигантскій клубокъ всю международную торговлю. Еще недавно весь міръ былъ пораженъ внезапнымъ американскимъ захватомъ англійскихъ и отчасти германскихъ пароходныхъ линій. Мелкому фабриканту трёсты представляются въ видѣ сказочнаго, исполинскаго чудовища, передъ непреодолимымъ натискомъ котораго не можетъ устоять никакая земная сила. Нѣчто въ родѣ паническаго ужаса овладѣваетъ населеніемъ передъ этимъ нашествіемъ крупнаго капитала, сливающагося все въ большія и большія массы и все подчиняющаго своей власти.

Въ виду этихъ фактовъ было бы просто смѣшно отрицать концентрацію и централизацію промышленнаго капитала. Нельзя не признать, что по отношенію къ промышленности прогнозъ Маркса оправдался въ полной мѣрѣ. Впрочемъ, было бы несправедливо приписывать честь этого блестящаго прогноза всецѣло Марксу. Какъ мы уже указывали выше, авторъ «Капитала» заимствовалъ этотъ прогнозъ у своихъ великихъ предшественниковъ, особенно у Фурье (ср. нашъ очеркъ о Фурье).

Но если по отношенію къ промышленности теорія Маркса вполнѣ подтверждается новѣйшими фактами, то этого отнюдь нельзя сказать про земледѣліе. Г. Слонимскій былъ совершенно правъ, отмѣчая, что вся теоретическая концепція марксизма сложилась на почвѣ изученія промышленности, но отнюдь не земледѣлія. Съ условіями крестьянскаго хозяйства Марксъ былъ мало знакомъ, и потому неудивительно, что онъ конструировалъ законы развитія земледѣлія по образцу законовъ промышленнаго развитія. Въ промышленности крупное производство вытѣсняетъ мелкое, въ промышленности капиталистическое хозяйство экспропріируетъ и пролетаризируетъ самостоятельнаго производителя—то же самое Марксъ утверждалъ и относительно сельскаго хозяйства. Но, какъ показало болѣе близкое изученіе аграрныхъ отношеній, аграрная эволюція не имѣетъ ничего общаго съ промышленной. Причины этого различія очень сложны. Благодаря разнообразнымъ техническимъ и экономическимъ условіямъ (большей зависимости сельскохозяйственнаго производства отъ природы, меньшей примѣнимости къ нему машины и раздѣленія труда, большаго значенія въ области сельской промышленности натуральнаго хозяйства и пр., и пр.), крупное сельскохозяйственное производство отнюдь не представляетъ такихъ экономическихъ преимуществъ сравнительно съ мелкимъ, какъ крупное промышленное производство. Къ этому присоединяются различнаго рода соціальныя

препятствія, съ которыми приходится бороться крупному сельскому хозяйству (достаточно упомянуть хотя бы о своеобразномъ «рабочемъ вопросѣ» крупнаго земледѣлія—недостаткѣ сельскихъ рабочихъ, бѣгущихъ изъ деревни въ городъ) и которыхъ не существуетъ для мелкой сельскохозяйственной промышленности. Въ силу всѣхъ этихъ причинъ, останавливаться надъ которыми мы не можемъ, въ сельскомъ хозяйствѣ не наблюдается ничего подобнаго концентраціи и централизаціи производства, которыя такъ характерны для эволюціи промышленности. Крестьянское хозяйство не только не уничтожается крупнымъ капиталистическимъ земледѣліемъ, но даже растетъ, въ большинствѣ случаевъ, на счетъ этого послѣдняго.

Даже такіе горячія послѣдователи Маркса, какъ Каутскій, не могутъ отрицать этого факта. «Ожиданія, выраженныя Марксомъ при открытіи «Интернаціонали»,—пишетъ Каутскій,—не сбылись; упрощенія аграрнаго вопроса путемъ концентраціи всей земельной площади въ немногихъ рукахъ не произошло... Мы никогда не достигнемъ въ сельскомъ хозяйствѣ той простоты и той ясности отношеній, которыя характерны для промышленности. Безчисленныя вліянія въ томъ и другомъ направленіи перекрещиваются въ сельскомъ хозяйствѣ и взаимно уничтожаютъ дѣйствіе другъ друга, классовыя отношенія остаются колеблющимися, въ особенности тамъ, гдѣ мало развита арендная система, гдѣ масса предпринимателей, а часто также и сельскихъ рабочихъ, еще владѣетъ землей. Смѣна временъ года нерѣдко приводитъ и къ перемѣнѣ классовыхъ отношеній. Одинъ мѣсяцъ тотъ же деревенскій житель можетъ быть предпринимателемъ, другой мѣсяцъ—наемнымъ рабочимъ» («Gegen Bernstein», 78).

Статистика показываетъ, что напр., въ Германіи энергичнѣе всего развивается зажиточное крестьянское хозяйство. Точно также въ Англіи среднее и мелкое земледѣліе растетъ насчетъ крупнаго (и отчасти очень мелкаго). Ничего подобнаго систематическому поглощенію мелкаго земледѣлія крупнымъ мы не можемъ констатировать въ настоящее время ни въ одной странѣ.

Такимъ образомъ, къ земледѣлію схема Маркса совершенно неприложима. Но это только ослабляетъ, а не уничтожаетъ значенія этой схемы по отношенію ко всему общественному хозяйству въ совокупности. Въ своей интересной и содержательной книгѣ «Die Agrarfrage» Каутскій рисуетъ яркими чертами необходимый и наблюдаемый во всѣхъ капиталистическихъ странахъ процессъ подчиненія земледѣлія промышленности; промышленность завоевываетъ все болѣе господствующее положеніе въ народномъ хозяйствѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, промышленное населеніе быстро растетъ насчетъ земледѣльческаго. Сельское хозяйство повсемѣстно даетъ занятіе все меньшей и меньшей долѣ населенія. Опытъ всѣхъ странъ указываетъ на неизбѣжность этого процесса, приводящаго къ тому, что условія существованія и развитія промышлен-

ности въ возрастающей степени опредѣляютъ направленіе развитія всего общественнаго хозяйства. Благодаря этому, особенности земледѣльческой эволюціи могутъ совершенно поглощаться доминирующимъ характеромъ промышленнаго развитія. Несмотря на раздробленіе земледѣльческаго производства, все общественное производство, въ цѣломъ, концентрируется; несмотря на ростъ крестьянскаго хозяйства, общая численность пролетаріата быстро растетъ, а число самостоятельныхъ производителей относительно падаетъ; несмотря на упадокъ капиталистическаго земледѣлія, капиталистическій способъ производства все болѣе подчиняетъ себѣ общественное хозяйство.

До сихъ поръ мы говорили о марксизмѣ, какъ о научной системѣ, какъ объ опредѣленномъ пониманіи причинныхъ законовъ соціальнаго строя; но марксизмъ есть не только объективная научная система. Марксизмъ есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и система практической политики; именно въ этомъ тѣсномъ соединеніи объективной науки съ политикой заключается самая характерная особенность и, вмѣстѣ, причина исключительнаго общественнаго вліянія марксизма, сравнительно со всѣми другими соціологическими системами. Мы не будемъ останавливаться надъ разсмотрѣніемъ и оцѣнкой практической программы марксизма; замѣтимъ только, что стремленіе марксизма свести все рабочее движеніе къ политической борьбѣ рабочаго класса за свои классовые интересы представляется намъ плохой и не достигающей своей цѣли политикой. Профессіональныя организаціи рабочихъ, равно какъ и кооперативныя учрежденія въ своей господствующей формѣ — потребительныхъ обществъ — являются не менѣе существенными факторами соціальной мощи рабочаго класса, чѣмъ и представительство рабочей партіи въ парламентѣ. Но, повторяемъ, критика практической программы марксизма не можетъ быть предметомъ нашего разсмотрѣнія. Мы остановимся лишь на общемъ принципіальномъ вопросѣ—возможно ли построеніе какой бы то ни было практической программы общественной дѣятельности всецѣло на научной почвѣ—на почвѣ познанія объективныхъ законовъ историческаго развитія?

Марксисты очень гордятся тѣмъ, что они освободились отъ утопизма. У Энгельса есть брошюра, заглавіе которой — «Die Entwickelung des Sozialismus von der Utopie zur Wissenschaft»—стало излюбленнѣйшимъ трафаретомъ марксистской популярной литературы. Марксъ превратилъ утопію въ науку—такъ утверждаютъ его послѣдователи. Поэтому, многіе изъ нихъ считаютъ себя въ правѣ относиться съ большимъ пренебреженіемъ ко всякаго рода соціальному идеализму, ибо сами они, по ихъ мнѣнію, не нуждаются въ соціальномъ идеалѣ— соціальный идеалъ замѣняется для нихъ пониманіемъ законовъ историческаго развитія. Стоя на почвѣ матеріалистическаго пониманія исторіи, марксисты полагаютъ, что новый соціальный строй долженъ съ неизбѣжностью естественнаго процесса вырости изъ нѣдръ капитали-

сеическаго строя, въ силу законовъ экономической эволюціи, передъ которыми не только воля отдѣльныхъ лицъ, но даже и цѣлыхъ общественныхъ классовъ безсильна. «Природа возьметъ свое. Кто будетъ съ нею бороться, кто будетъ дѣлать напрасныя попытки противодѣйствовать естественному ходу развитія и ввести послѣднее въ свои собственныя узкія рамки, того она безжалостно раздавитъ. Потокъ экономическихъ явленій нашего времени вздымается, согласно неизмѣннымъ законамъ, какъ соціальная сила природы. Подчинись этому потоку, о человѣкъ, со всѣмъ своимъ устройствомъ и приспособленіями, которыя ты соорудилъ! Плотина, которая могла совладать съ небольшимъ ручьемъ, безсильна передъ могучей рѣкой—право, которое регулировало мелкое ремесленное производство, не въ силахъ управлять общественнымъ хозяйствомъ, не въ силахъ быть руководящей нормой постоянно растущихъ и все могущественнѣе развертывающихся экономическихъ феноменовъ крупнаго производства... Старое право устарѣло. Оно падаетъ не вслѣдствіе своей моральной несостоятельности — оно должно сойти со сцены лишь потому, что этого повелительно требуетъ общественное хозяйство. Оно находится въ непримиримомъ противорѣчіи съ экономическими явленіями нашего времени, развитіе которыхъ оно стѣсняетъ. Эти явленія, только они, и требуютъ, чтобы старое право умерло. Поэтому, оно должно погибнуть, и оно погибнетъ— говоритъ марксистъ» (Stammler. «Wirtschaft und Recht», 51).

Правда, марксисты рѣдко проводятъ свою основную точку зрѣнія, съ такой неумолимой послѣдовательностью, какъ это изображено Штаммлеромъ. Но, несомнѣнно, тенденція къ именно такому обоснованію программы практической дѣятельности имѣется у Маркса, такъ и у его послѣдователей. Желѣзные законы экономическаго развитія управляютъ соціальнымъ прогрессомъ—училъ Марксъ. Вѣрованія, мнѣнія людей, чувства наука и религія—все подчиняется этимъ законамъ. Теперь эти законы открыты—анализъ экономической эволюціи нашего времени показалъ, что она неминуемо должна привести къ ликвидаціи капиталистическаго строя... Результатъ этотъ неизбѣженъ и бороться съ нимъ такъ же нелѣпо, какъ нелѣпо бороться съ подъемомъ морской волны, когда властные законы лунваго притяженія вызываютъ морской приливъ. Какое практическое значеніе можетъ имѣть вопросъ о справедливости или несправедливости того или иного соціальнаго института, связаннаго съ соціальнымъ строемъ, обреченнымъ на неизбѣжную гибель? Вѣдь этотъ строй и этотъ институтъ погибаютъ не вслѣдствіе своей несправедливости, до которой законамъ экономической эволюціи нѣтъ никакого дѣла! Какой интересъ представляетъ обсужденіе цѣлесообразности новаго общественнаго устройства, долженствующаго замѣнить старое, когда это новое возникаетъ не благодаря нашимъ мнѣніямъ о его желательности или полезности, а благодаря тѣмъ же неустранимымъ экономическимъ процессамъ, надъ которыми мы не властны?

Такъ, въ предисловіи къ нѣмецкому изданію «Das Elend der Philosophie» Энгельсъ говоритъ, что соціальныя требованія Маркса вытекаютъ отнюдь не изъ признанія капиталистическаго и землевладѣльческаго дохода несправедливой и нежелательной формой дохода, а изъ пониманія неизбѣжности крушенія капиталистическаго строя. «Согласно законамъ буржуазнаго хозяйства,—пишетъ Энгельсъ,—большая часть продукта, произведеннаго рабочимъ, принадлежитъ не ему. Если мы говоримъ—это несправедливо, этого не должно быть, то до всего этого хозяйству нѣтъ никакого дѣла. Мы выражаемъ лишь то, что данный экономическій фактъ противорѣчитъ нашему нравственному чувству. Марксъ основывалъ свои соціальныя требованія не на этомъ, а на необходимости крушенія капиталистическаго строя, которое съ возрастающей силой происходитъ на нашихъ глазахъ» *) (Vorwort, X).

Итакъ, Марксъ, по словамъ Энгельса, основываетъ свои соціальныя требованія на законахъ соціальной необходимости. Конечно, все на свѣтѣ необходимо и подчинено закону причинности, не знающему никакихъ исключеній. Соціальный матеріализмъ приписываетъ рѣшающую роль въ процессѣ историческаго развитія экономической необходимости. Съ этимъ можно соглашаться или нѣтъ, но, во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать, что законъ причинности безусловно господствуетъ въ исторіи человѣчества, какъ и вообще въ природѣ, и что соціальное будущее такъ же детерминировано, необходимо, какъ и соціальное прошлое.

Но Марксъ объясняетъ экономической эволюціей не только исторію—онъ исходитъ изъ того же и въ своихъ соціальныхъ требованіяхъ. Онъ пробуетъ построить систему практической политики на основѣ познанія законовъ историческаго развитія. Онъ пытается поставить на мѣсто *соціальнаго идеала—соціальное предвидѣніе.*

Но, какъ правильно указываетъ Штаммлеръ, вся наша сознательная дѣятельность неразрывно связана съ психологическимъ убѣжденіемъ въ возможности измѣнить будущее, повліяетъ на него, придать ему желательный для насъ видъ. Если бы мы рисовали себѣ соціальное будущее, въ его конкретномъ видѣ, какъ нѣчто неизмѣнное и необходимое, а еслибы картина будущаго была намъ ясна во всѣхъ своихъ подробностяхъ, то рѣшимость слѣдовать закону соціальнаго развитія была бы совершенно равносильна «твердому рѣшенію вращаться вмѣстѣ съ землей вокругъ солнца. При рѣшеніяхъ подобнаго рода смѣшиваются два различныхъ и взаимно-исключающихъ класса

---

*) Въ своей книгѣ противъ Бернштейна Каутскій говоритъ, что у Маркса и Энгельса не существуетъ особой «теоріи крушенія» (Zusammenbruchstheorie) капиталистическаго строя и что самый терминъ изобрѣтенъ Бернштейномъ («Gegen Bernstein», 42). Однако, въ цитированномъ мѣстѣ Энгельсъ говоритъ именно о «крушеніи» капитализма: Marx begründet... seine kommunistischen Forderungen... auf den... *Zusammenbruch* der kapitalistischen Productionsweise».



нашихъ представленій. Или я *познаю* явленія и движенія въ ихъ законосообразной необходимости и предвижу опредѣленный результатъ, какъ причинно неизбѣжный—и тогда для воли и для рѣшеній относительно этого результата не остается мѣста. Или же я имѣю твердое *рѣшеніе* и *волю* что-либо осуществить—и тогда это послѣднее не познано мною, какъ несомнѣнно долженствующее быть въ силу необходимыхъ законовъ природы».

«Кто позналъ, что извѣстный результатъ неизбѣжно произойдетъ по законамъ природы, тотъ не можетъ содѣйствовать достиженію этого результата. Въ представленіи содѣйствія, помощи чему-либо заключено признаніе, что то, чему помогаютъ или содѣйствуютъ, еще не познано, какъ необходимо имѣющее быть. Эта альтернатива не допускаетъ никакого уклоненія: если научно познано, что извѣстное событіе необходимо наступитъ опредѣленнымъ способомъ, то нѣтъ никакого смысла содѣйствовать именно этому опредѣленному способу его наступленія. При каждой дѣятельной помощи съ нашей стороны, при каждомъ содѣйствіи, облегченіи, поощреніи какого-либо процесса то, къ чему направлена эта дѣятельность, ея непосредственный результатъ не *познается*, какъ необходимо долженствующее быть, но *желается*. Каждый содѣйствующій предвидимому имъ въ общихъ чертахъ или хотя бы лишь вѣроятному ходу развитія долженъ дать себѣ отчетъ, почему онъ желаетъ оказывать такое содѣйствіе. И, очевидно, онъ не можетъ дать такого отвѣта, потому—что событіе, которому оказывается содѣйствіе, все равно неминуемо произойдетъ. Ибо поскольку событіе зависитъ отъ нашего содѣйствія, постольку событіе можетъ не произойти, постольку оно не познано нами, какъ причинно необходимое событіе: было бы совершенной безсмыслицей содѣйствовать тому, что мы сами признаемъ неизбѣжно долженствующимъ наступить по неизмѣннымъ законамъ причинности» («Wirtschaft und Recht», 432, 433).

На это можно возразить, что, согласно матеріалистическому пониманію исторіи, необходимость извѣстнаго хода общественнаго развитія обусловливается именно тѣмъ, что наша дѣятельность неизбѣжно принимаетъ то или иное направленіе. Даннаго событія совсѣмъ могло бы не наступить, если бы мы его не желали или не оказывали ему содѣйствія; но такъ какъ мы необходимо *должны* по неизмѣннымъ законамъ причинности, желать этого событія и оказывать ему содѣйствіе, то мы и предвидимъ его заранѣе, какъ причинно-необходимое. Соціальная необходимость дѣйствуетъ не помимо насъ, а черезъ насъ: мы и наша воля только орудія въ рукахъ этой необходимости, которая управляетъ нами черезъ насъ же самихъ.

Возраженіе это имѣетъ очень убѣдительный видъ, что не мѣшаетъ ему быть совершенно несостоятельнымъ. Вопросъ заключается въ данномъ случаѣ не въ томъ, существуетъ ли соціальная необходимость

или нѣтъ, подчиненъ ли историческій процессъ закону причинности или не подчиненъ. Этотъ вопросъ уже давно рѣшенъ философской и научной мыслью въ утвердительномъ смыслѣ. Передъ нами проблема совершенно иного рода—совмѣстна ли свобода нашей воли съ психологическимъ сознаніемъ необходимости того, на что наша воля направлена. И, опять-таки, дѣло идетъ не о свободѣ воли въ философскомъ смыслѣ. Достаточно того, что *психологически* мы сознаемъ себя свободными (хотя бы это сознаніе было и ошибочнымъ). Могу ли я *хотѣть*, могу ли я напрягать свои силы для достиженія того, что я сознаю, какъ необходимо долженствующее произойти? Вотъ въ чемъ вопросъ.

И мы должны на него отвѣтить категорическимъ—нѣтъ! Я не могу помогать неизбѣжному, тому, что неизмѣримо сильнѣе меня самого. Психологическая неувѣренность въ будущемъ есть необходимое предварительное условіе волеваго акта. Я *опасаюсь*, что моя бездѣятельность повредитъ близкимъ мнѣ интересамъ, и я *надѣюсь*, что мои дѣйствія помогутъ послѣднимъ. Эти опасенія и эти надежды указываютъ на незнаніе того, что именно произойдетъ, ибо извѣстное будущее могло бы вызывать лишь вполнѣ опредѣленное отношеніе съ моей стороны отношеніе радости или грусти, но не вмѣстѣ.

Поэтому, хотя будущее такъ же подчинено закону причинности, какъ и прошедшее, хотя будущія событія съ такой же роковой необходимостью вытекаютъ изъ настоящихъ, какъ настоящія изъ прошедшихъ, все же психологическая неувѣренность въ будущемъ навсегда останется основаніемъ нашей дѣятельности. А, слѣдовательно, и соціальное предвидѣніе не только не можетъ замѣнить, въ качествѣ стимула въ общественной дѣятельности, соціальнаго идеала, но, наоборотъ, соціальное предвидѣніе, если бы оно было полнымъ, означало бы собой прекращеніе всякой сознательной дѣятельности. Познаніе, доведенное до своего крайняго предѣла, было бы равносильно уничтоженію воли.

По справедливому замѣчанію Штаммлера, «матеріалистическое пониманіе исторіи, въ своемъ практическомъ примѣненіи, дѣлаетъ характерную ошибку, пытаясь уклониться отъ неумолимой альтернативы между причиннымъ *познаваніемъ* и ставящей сознательныя цѣли *волей*: оно постулировало необходимость хода соціальнаго развитія, но въ то же время признало возможнымъ содѣйствіе этому развитію, поощреніе его, облегченіе сопутствующихъ ему страданій. Какое жестокое quid pro quo!» («Wirtschaft und Recht», 432). Такъ, въ предисловіи къ первому тому «Капитала» Марксъ говоритъ, что «общество не можетъ ни перескочить естественные фазисы своего развитія, ни устранить ихъ посредствомъ декретовъ. Но оно можетъ сократить и уменьшить муки родовъ». Однако, «естественный законъ движенія общества», къ открытію котораго стремился Марксъ, объемлетъ собой—въ числѣ прочаго—также и «муки родовъ», которыя не менѣе необходимы и причинно обусловлены, чѣмъ и все остальное. Поэтому, призывъ Маркса сокра-

тить «муки родовъ» есть не что иное, какъ признаніе невозможности соціальнаго предвидѣнія въ данной области, признаніе того, что «муки родовъ» не могутъ быть познаны, какъ причинно необходимое событіе будущаго. И именно на этой неизвѣстности будущаго основывается возможность практической дѣятельности, къ которой призываетъ Марксъ. Вопреки своему горделивому замыслу, основать практическую програму общественной дѣятельности на соціальномъ предвидѣніи, Марксъ фактически основываетъ ее именно на недостаткѣ соціальнаго предвидѣнія.

Такими непослѣдовательностями изобилуютъ разсужденія Маркса и Энгельса (не говоря уже объ ихъ ученикахъ).

«Представители соціальнаго матеріализма,—пишетъ Штаммлеръ,—желаютъ принимать практическое участіе въ жизни людей, агитировать, работать, основывать партіи и руководить ими, словомъ преслѣдовать опредѣленныя *цѣли*; и вотъ, для этого, они создали рядомъ съ параднымъ облаченіемъ матеріализма костюмъ второго сорта для черной работы практической политики. Разъ познанъ естественный ходъ экономическихъ явленій—заявляютъ соціальные матеріалисты—то можно этими явленіями, равно какъ и вытекающими изъ нихъ идеями и представленіями, руководить и управлять ради тѣхъ или иныхъ цѣлей. Но это не есть ученіе послѣдовательнаго соціальнаго матеріализма». («Wirtschaft und Recht», 445).

Соціальное предвидѣніе, конечно, чрезвычайно важно для успѣшности общественной работы. Сознательная дѣятельность предполагаетъ познаніе — и чѣмъ глубже познаніе, тѣмъ плодотворнѣе работа. Все это—труизмы, которыхъ никому не придетъ въ голову отрицать. И, тѣмъ не менѣе, Штаммлеръ глубоко правъ, утверждая, что полное и абсолютное познаніе будущаго лишило бы всякаго смысла нашу дѣятельность, и потому въ корнѣ убило бы нашу волю. Такое полное предвидѣніе, однако, безусловно недостижимо для нашей познавательной способности, заключенной въ рамкахъ опыта. Наше познаніе будущаго навсегда обречено быть частичнымъ, оставляя, такимъ образомъ, широкій просторъ для нашей воли.

Но мало хотѣть—нужно *умѣть* достигать желаемаго. Чѣмъ обширнѣе наше предвидѣніе, тѣмъ цѣлесообразнѣе направляются наши усилія, тѣмъ менѣе сталкиваются они съ естественнымъ и необходимымъ ходомъ вещей, тѣмъ болѣе шансовъ на побѣду. Вотъ почему возможно полное предвидѣніе будущаго есть лучшее оружіе въ борьбѣ—за соціальный идеалъ!

Только небольшая доля нашихъ усилій достигаетъ цѣли, вся же остальная наша дѣятельность погибаетъ безплодно благодаря тому, что сталкивается съ естественными законами природы. Чѣмъ лучше намъ извѣстны эти законы, тѣмъ цѣлесообразнѣе мы направляемъ нашу дѣятельность. Чѣмъ обширнѣе наше познаніе соціальнаго будущаго, тѣмъ болѣе сосредоточивается соціальная работа на объективно

достижимомъ—и тѣмъ значительнѣе ея результаты. Такъ, потокъ вздымается тѣмъ выше и бѣжитъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ уже предоставленное ему русло, чѣмъ болѣе стѣсненъ берегами его бѣгъ. Но если бы берега совсѣмъ сомкнулись если бы наше предвидѣніе будущаго стало абсолютнымъ—то и бѣгъ потока долженъ бы былъ прекратиться наша дѣятельность должна была бы остановиться по отсутствію цѣли. Тотъ же самый результатъ получился бы и въ противоположномъ случаѣ, если бы берега потока такъ широко раздвинулись, что вода перестала бы течь—если бы наше познаніе будущаго оказалось слишкомъ ничтожнымъ для какой бы то ни было сознательной дѣятельности. Абсолютное незнаніе, какъ и абсолютное познаніе не оставляютъ мѣста для цѣлесообразной работы. Нельзя работать, нельзя ставить себѣ сознательныя цѣли, если мы ничего не знаемъ о средствахъ и способахъ достиженія этихъ цѣлей, но и нельзя работать, нельзя ставить себѣ сознательныя цѣли, если мы заранѣе знаемъ, что̀ будетъ завтра, черезъ годъ, черезъ десятки лѣтъ, если мы читаемъ въ будущемъ, какъ въ раскрытой книгѣ. Наша дѣятельность заключена въ этихъ предѣлахъ—относительнаго и ограниченнаго знанія—и она тѣмъ плодотворнѣе, чѣмъ это относительное знаніе полнѣе.

Итакъ, не соціальное предвидѣніе, а соціальный идеалъ является верховнымъ вождемъ въ соціальной борьбѣ. Познаніе есть только вѣрный слуга, выполняющій приказанія своего владыки. Но этотъ сверхъопытный владыка—соціальный идеалъ, не создается руками своего слуги.

Прекрасно, если предвидимое нами направленіе историческаго развитія совпадаетъ съ нашимъ идеаломъ. Тогда въ нашемъ соціальномъ міровоззрѣніи нѣтъ никакихъ диссонансовъ и оно все проникнуто здоровымъ оптимизмомъ. Но если картина будущаго, раскрывающаяся передъ нашимъ умственнымъ взоромъ идетъ грубо въ разрѣзъ съ тѣмъ, что мы считаемъ святымъ и высокимъ, если мы не видимъ впереди приближенія къ нашему идеалу, то рѣшимся ли мы измѣнить нашъ идеалъ, чтобы привести его въ согласіе съ дѣйствительностью? Исторія сохранила намъ примѣры благородныхъ людей, идеалы которыхъ оказались въ непримиримомъ противорѣчіи съ современной имъ дѣйствительностью, благодаря тому, что эти люди были выше своего времени. Подчиняли ли эти люди свое нравственное сознаніе какимъ бы то ни было требованіямъ текущей жизни? Нѣтъ и нѣтъ! Чѣмъ глубже была окутывавшая ихъ ночь, тѣмъ дороже становился имъ единственный могучій лучъ свѣта, прорѣзывавшій тьму и исходившій изъ нихъ самихъ, изъ ихъ собственнаго внутренняго міра, изъ ихъ непобѣдимаго идеала. Ни для чего въ мірѣ не согласится человѣкъ съ нравственно развитымъ сознаніемъ поступиться своимъ идеаломъ, который есть единственное верховное, чистѣйшее и прекраснѣйшее благо, единственная абсолютная цѣнность, нѣчто безконечно и безусловно обязательное, то, ради чего всѣмъ и

всѣмъ можно пожертвовать, но что само никогда, ни для кого и ни для чего не можетъ быть предметомъ жертвы.

Ничего не можетъ быть несправедливѣе презрительнаго отношенія многихъ марксистовъ къ соціальному идеализму вообще, и къ идеализму великихъ утопистовъ въ частности. Отъ утопистовъ Марксъ получилъ (не говоря уже объ остальномъ) самое важное и цѣнное—соціальный идеалъ. И лишь при свѣтѣ этого идеала Марксъ могъ выработать свое замѣчательное ученіе объ объективныхъ законахъ капиталистическаго развитія. Даже доктрина соціальнаго матеріализма, столь враждебная всякому идеализму, сложилась подъ непосредственнымъ вліяніемъ практической борьбы за опредѣленные общественные идеалы... Пренебреженіе къ соціальному идеализму, которое такъ характерно для марксизма, не только теоретически несостоятельно, но и практически вредно. Теоретически несостоятельно потому, что въ своей практической работѣ марксизмъ столь же мало можетъ обойтись безъ соціальнаго идеала, какъ и другія историческія общественныя движенія. Практически же вредно потому, что великая борьба требуетъ и великаго напряженія силъ личности. Откуда же человѣческая личность можетъ взять эти силы, какъ не изъ преданности идеалу? Безъ энтузіазма, безъ безкорыстнаго, религіознаго подчиненія себя, своей личности, всѣхъ интересовъ, всей своей жизни чему-то болѣе высокому, чѣмъ мы сами, нельзя достигнуть великихъ соціальныхъ цѣлей. А только идеалъ—прекраснѣйшее достояніе нашего духа—можетъ порождать энтузіазмъ.

Борьба съ идеализмомъ ведетъ къ равнодушію къ широкимъ общественнымъ задачамъ, требующимъ самоотверженной работы и самопожертвованія личности. Эгоистическій интересъ не можетъ не занять въ нашей душѣ пустого мѣста, остающагося послѣ исчезновенія идеала. И если марксизмъ, на практикѣ, не утратилъ энтузіазма, то это лишь потому, что, вопреки всякой теоріи, марксистское движеніе осталось проникнутымъ могучей струей соціальнаго идеализма. Сѣрая теорія оказалась не въ силахъ заглушить прекрасный ростъ золотаго дерева жизни. Но этотъ результатъ былъ достигнутъ лишь пожертвованіемъ логической стройностью марксизма. Въ настоящее время все теоретическое зданіе, воздвигнутое геніальнымъ авторомъ «Капитала», даетъ трещины, разрушается и, видимо, клонится къ паденію. И все заставляетъ думать, что новая соціальная доктрина, которая замѣнитъ ветшающій марксизмъ, съумѣетъ сочетать, въ общей гармонической концепціи, практическій идеализмъ—съ теоретическимъ идеализмомъ.

М. Туганъ-Барановскій.

---



# ИЗЪ В. ГЮГО.

Моя душа! Ища себѣ пріюта
Въ безоблачной лазури, свой полетъ
Ты ложною дорогой направляешь.
Вернемся въ долгъ. Долгъ—это жизнь. Зоветъ
Онъ насъ къ себѣ. Да, возвратимся снова
Мы къ очагу печальному людей,
Начнемъ носить порабощенныхъ цѣпи,
И ты, о дочь сіяющихъ лучей,
Въ юдоли тьмы стань у нея слугою;
Пусть будетъ желчь напиткомъ нашимъ; вновь
Подъемлемъ трудъ святыхъ освобожденій;
Жить будемъ тамъ, гдѣ слезы, трауръ, кровь...
Спѣши, спѣши на землю опуститься,
Чтобъ, все свершивъ, на небо возвратиться.

**Петръ Вейнбергъ.**

# КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«Вопросы жизни въ современной литературѣ» г. Николаева.—Непонятная увѣренность автора въ побѣдѣ стараго надъ новымъ.—«Въ сумеркахъ литературы и жизни» г. Новополина.—Пессимизмъ автора.—Невѣрное освѣщеніе литературной дѣятельности Гаршина, Надсона, Короленко, Чехова.—Смерть Эмиля Золя.

Большой интересъ и не малое поученіе представляютъ обзоры литературныхъ теченій и настроеній, дѣлаемые за нѣсколько лѣтъ назадъ. Въ нихъ то, что представлялось еще недавно такимъ жгучимъ и злободневнымъ, выступаетъ теперь въ иномъ свѣтѣ, кажется предметомъ большаго или меньшаго значенія, такъ сказать въ исторической перспективѣ, безъ личнаго задора или личнаго къ нимъ отношенія, отъ чего такъ трудно,—да и не зачѣмъ,—удержаться въ свое время, когда каждое болѣе или менѣе живое произведеніе вызываетъ острый отзвукъ въ тебѣ самомъ и соотвѣтственное субъективное отношеніе. Читая теперь «Вопросы жизни въ современной литературѣ» г. Николаева, испытываешь чувство спокойнаго зрителя, присутствующаго хотя и при интересномъ спектаклѣ, но довольно далекомъ отъ текущаго дня. И въ душѣ возникаетъ помимо воли сомнѣніе, стоитъ ли такъ волноваться, кипѣть, негодовать и раздражаться, если нѣсколько лѣтъ спустя все это представится въ иномъ свѣтѣ, какъ тихо догорающій костеръ гдѣ-нибудь въ степи на разсвѣтѣ. Но нельзя не волноваться—и въ этомъ вся сила.

Но ретроспективный взглядъ, тѣмъ не менѣе, интересенъ и поучителенъ, и два таких обзора недавняго прошлаго мы имѣемъ одновременно. Первый принадлежитъ г. Николаеву, собравшему свои журнальныя замѣтки за 90-ые годы и выпустившему ихъ въ свѣтъ съ небольшимъ, но знаменательнымъ для опредѣленной литературной группы послѣсловіемъ. Второй—неизвѣстному намъ автору, г. Новополину, выпустившему цѣлую книгу, «Въ сумеркахъ литературы и жизни», посвященную обзору литературныхъ теченій и настроеній за два послѣднія десятилѣтія. Оба автора довольно близки другъ къ другу по взглядамъ, но весьма далеки по настроенію. Насколько г. Новополинъ «сумраченъ», настолько же г Николаевъ настроенъ побѣдно. Напрасно только почтенный авторъ «Вопросовъ жизни» какъ бы оправдывается въ своей «смѣлости», что собралъ и издалъ свои литературные обзоры. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о самостоятельной цѣнности подобныхъ произведеній, всегда по необходимости бѣглыхъ и отрывочныхъ даже у такихъ корифеевъ журналистики, какъ г. Михай-

ловскій или Шелгуновъ, на которыхъ, между прочимъ, указываетъ г. Николаевъ, читатель на этихъ обзорахъ можетъ провѣрить самого себя и сравнить то, что есть, съ тѣмъ, что еще недавно его волновало. Именно въ этой возможности обозрѣть рядъ вопросовъ и произведеній, имѣвшихъ свое значеніе прежде, съ извѣстной точки зрѣнія и заключается цѣнность книги г. Николаева. Самъ авторъ думаетъ нѣсколько иначе, и въ послѣсловіи отчасти какъ бы защищается отъ возможныхъ упрековъ, отчасти пытается выдвинуть значеніе той точки зрѣнія, съ которой онъ разсматривалъ вопросы жизни въ современной журналистикѣ. Признавая скромность своихъ замѣтокъ, авторъ видитъ особое «обстоятельство», дающее имъ право на вниманіе. Въ чемъ же дѣло?

«Авторъ—простой и скромный рядовой той фаланги «стариковъ»—увы, теперь уже небольшой—которые пережили и дѣйствительно, обливаясь кровью, перестрадали краткую, но тяжелую эпоху «смуты» умовъ, пережитую нашей интеллигенціей и печатью въ 80-хъ и 90-хъ годахъ и переживаемую отчасти еще и теперь. Въ этой фалангѣ не было недостатка въ блестящихъ бойцахъ, вспомнимъ тутъ хотя о г. Михайловскомъ и о Шелгуновѣ. Но въ ней были и скромные рядовые, люди безъ имени, не имѣющіе никакихъ притязаній ни на литературную, ни на общественную извѣстность. Къ числу такихъ рядовыхъ принадлежалъ и авторъ. Однако, вождей и рядовыхъ связывало одно настроеніе, одна надежда и одна идея. Всѣ они ни на одну минуту не усомнились въ томъ, что время «смуты» пройдетъ, и пройдетъ скоро, что Игнатовичи и Шемадуровы (герои произведеній гг. Чирикова и Боборыкина) не доживутъ еще до лысины и до сѣдыхъ волосъ и уже *сами* убѣдятся въ ошибочности своихъ взглядовъ—убѣдятся, конечно, не подъ вліяніемъ убѣжденій и полемики съ ними насъ, стариковъ, а подъ вліяніемъ болѣе могущественнымъ, подъ вліяніемъ самой жизни и жизненныхъ явленій—что, однимъ словомъ, и интеллигенція, и ея дѣтище, литература, вернутся къ тому идейному багажу, который мы, старики, всю жизнь и словомъ, и дѣломъ несли на своихъ плечахъ. Авторъ, не претендуя на какую-либо иную роль, кромѣ роли простого рядового этой маленькой фаланги, ни на одну минуту—буквально ни на одну не утрачивалъ ни такой надежды—ни такого настроенія. О чемъ-бы онъ ни писалъ, по поводу какого бы то ни было, самаго незначительнаго литературнаго явленія онъ ни бесѣдовалъ со своимъ читателемъ, онъ пытался всегда указать ему, что въ нашей общественности и для нашей общественности существуетъ только одинъ кардинальный и основной вопросъ: вопросъ о необходимости всесторонняго *развитія личности*, о необходимости *гарантій ея неотъемлемыхъ и неотчуждаемыхъ правъ*, о необходимости *активности общества для достиженія этой цѣли* (курсивъ г. Николаевъ). Всегда и во всѣхъ его писаніяхъ эти основныя идеи руководили его перомъ... И вотъ теперь, когда имѣются всѣ основанія полагать, что печальная «смута умовъ», такъ сильно измучившая автора и его единомышленниковъ и соратниковъ въ борьбѣ, заканчивается, когда «фаланга» имѣетъ всѣ основанія снова надѣяться и, пожалуй, торжествовать побѣду—не свою, а своей идеи,—авторъ подумалъ, то и его замѣтки будутъ не совсѣмъ лишними, что и для нихъ найдется

благосклонный читатель, который будетъ не прочь пережить съ авторомъ его прошлыя боли».

Таковы причины, побудившія почтеннаго автора выпустить въ свѣтъ свои скромныя замѣтки: желаніе подчеркнуть свои надежды, а пожалуй, и побѣду. Желаніе законное въ каждомъ борцѣ, ибо каждому изъ борющихся свойственно думать, что побѣда на его сторонѣ, по крайней мѣрѣ, должна быть. Намъ только не приходилось слышать такого яснаго и откровеннаго заявленія, что «смута умовъ» прошла или проходитъ и что «побѣда» на сторонѣ «фаланги стариковъ». Надъ такимъ заявленіемъ невольно останавливаешься и цѣлый рядъ недоумѣній возникаетъ въ душѣ.

«Смута умовъ», столь измучившая бѣднаго г. Николаева, для насъ явленіе новое и неожиданное. Мы помнимъ рядъ коренныхъ разногласій въ пониманіи дѣйствительности между народниками и ихъ противниками, но «смуты» именно и не было. Умирающее народничество, пожалуй, смущало еще молодое поколѣніе видимостью своего существованія, какъ истлѣвшее внутри дерево, сохранившее еще наружную оболочку, которая его поддерживаетъ и придаетъ ему видъ жизни. Но стоило къ нему прикоснуться, и оно распалось. Правда, пыли было при этомъ, какъ водится, достаточно, но никого она не смущала, кромѣ, конечно, самихъ народниковъ, не ожидавшихъ, что отъ стройнаго нѣкогда ученія не осталось ничего... кромѣ пыли. Мы отнюдь не думаемъ вдаваться въ подробности этой борьбы, слишкомъ еще памятной и свѣжей. Насъ удивляетъ только торжествующій тонъ заявленія г. Николаева относительно побѣды, и мы хотѣли бы подвести итогъ результатамъ этой странной побѣды, послѣ которой у побѣдителей не осталось объекта для торжества.

Коренной вопросъ спора былъ о томъ, капиталистическая ли страна Россія, или она идетъ особымъ, ей только одной свойственнымъ путемъ. Намъ казалось и кажется теперь, что вопросъ рѣшенъ въ первомъ смыслѣ. По крайней мѣрѣ, мы не можемъ указать ни одного изъ «фаланги» единомышленниковъ г. Николаева, который теперь доказывалъ бы противное, возлагая свои упованія на знаменитые «устои» деревни со всѣмъ ихъ народническимъ антуражемъ. Расслоеніе деревенскаго міра въ предѣлахъ общины всѣми признанный фактъ, также какъ и все большая опредѣленность интересовъ каждаго класса. Ростъ городовъ со всѣми его сопровождающими явленіями тоже всѣми признанный фактъ, достаточно убѣдительный, чтобы оставить упованія на особые пути развитія для нашей страны. Напомнимъ кстати и объ утопизмѣ, противъ котораго такъ рѣшительно выступали противники «фаланги» и отъ котораго ничего не осталось въ настоящее время, такъ какъ едва ли кто защищаетъ теперь утопію «просвѣтительную», утопію «обмірщенія» и прочія, въ свое время высоко цѣнимыя и проповѣдуемыя на разные лады. Такова въ грубыхъ чертахъ экономическая сторона спора. Соціологическая болѣе сложна, но если оставить крайности, до которыхъ договорились противники «фаланги» въ пылу спора, то и здѣсь мы не видимъ, въ чемъ побѣда? «Всестороннее развитіе личности» и прочее никогда не отрицалось противниками «фаланги», только они искали иной почвы для него, доказывая, что безъ извѣстнаго измѣненія матеріальныхъ усло-



вій жизни нельзя достигнуть ни гарантій, ни активности, ни прочихъ благъ общественнаго существованія. И намъ кажется, что однимъ изъ самыхъ блестящихъ результатовъ спора явилось полное почти согласіе между спорящими сторонами въ этомъ вопросѣ. Врядъ ли теперь кто станетъ настаивать на рѣшающемъ значеніи «критически мыслящей личности» въ исторіи, какъ едва ли кто станетъ отрицать значеніе личности вообще. То же самое и относительно «активности», которую противники «фаланги» не только никогда не отрицали на словахъ, но и всячески проводили въ жизнь на дѣлѣ, что, конечно, извѣстно и г. Николаеву. Остается еще пресловутый споръ о «субъективномъ методѣ въ соціологіи», но... да будетъ «ему легка земля»—вотъ единственное пожеланіе, какое мы отъ души высказываемъ этому спору, въ концѣ концовъ, кажется, надоѣвшему обѣимъ сторонамъ.

Итакъ, гдѣ же трофеи побѣды? Мы вовсе не стоимъ за то, чтобы приписывать противникамъ «фаланги» полное торжество на всѣхъ пунктахъ, гдѣ велась борьба. Охотно отмѣчаемъ крайности, въ которыя они впадали въ пылу спора не разъ и не два. Но въ конечномъ итогѣ не можемъ не отмѣтить, что говорить о побѣдѣ «фаланги» довольно-таки мудрено, и, несмотря на свое торжественное заявленіе, г. Николаевъ и самъ не вѣритъ въ то, что говоритъ. Эту его неувѣренность выдаетъ одна незначительная, но крайне характерная черточка,—именно упоминаніе въ столь торжественномъ заявленіи «urbi et orbi» о побѣдѣ, между прочимъ, и о «Инвалидахъ» г. Чирикова. Мало кому изъ дѣятелей «смуты умовъ» влетѣло столько отъ разъяренной «фаланги», какъ злополучному г. Чирикову, который окрестилъ всю «фалангу» этимъ, показавшимся ей невыносимо обиднымъ, словомъ—«Инвалиды». И вотъ торжествующій г. Николаевъ все же не можетъ забыть этого, поистинѣ, мѣткаго словечка, выразившаго, хотя и грубо, сущность «фаланги». Это воспоминаніе о непріятномъ инцидентѣ отравляетъ ему радость «побѣды» смутнымъ и тревожнымъ сомнѣніемъ,—полно, о побѣдѣ ли можетъ быть рѣчь?

Но пусть «побѣда»: меньше, чѣмъ кто-либо, желаемъ мы отравлять торжество побѣдителей. Охотно уступая почтенной «фалангѣ» эту честь, мы удовольствуемся сознаніемъ, что отъ народническаго тумана теперь не осталось и слѣда «подъ вліяніемъ болѣе могущественнымъ, подъ вліяніемъ самой жизни и жизненныхъ явленій», «сущность которыхъ,—какъ было сказано въ нашемъ журналѣ годъ тому назадъ *),—сводится къ утвержденію тожества въ общихъ чертахъ экономическаго и соціальнаго развитія Россіи и другихъ странъ европейской культуры, къ соціально-экономическому западничеству, не только не исключающему, но, наоборотъ, подкрѣпляющему и незыблемо утверждающему западничество во всѣхъ областяхъ жизни». Благодаря именно «смутѣ умовъ», почтенная «фаланга» отступила отъ старыхъ народническихъ тенденцій и традицій настолько, что, пожалуй, въ ней немного отъ нихъ и осталось,—и это самый блестящій результатъ «смуты», «столь измучившей автора и его единомышленниковъ». За эти муки мы охотно готовы пожалѣть «фалангу», но не

*) См. іюнь, стр. 20, отд. II



можемъ признать смуту «печальной». Если бы даже она никакого другого результата не дала, то и тогда да будетъ благословенна подобная смута, разсѣявшая туманы и прояснившая путь молодому поколѣнію въ его трудныхъ исканіяхъ истины.

Была ли, однако, «смута», т.-е. смущенное, безцѣльное метаніе изъ стороны въ сторону, какъ это бываетъ, когда люди потеряютъ дорогу или заблудятся въ темнотѣ?

Здѣсь мы оставимъ г. Николаева и обратимся къ другому автору, который выступилъ съ цѣлой книгой, убѣждающей читателя, будто мы безнадежно погружены «Въ сумеркахъ литературы и жизни». Такъ называется трудъ г. Гр. Новополина, который, въ противоположность сіяющему и торжествующему, хотя и измученному г-ну Николаеву,—весь скорбь, плачъ и уныніе. Онъ нѣсколько напоминаетъ траурнаго факельщика, сопровождающаго колесницу, и на каждой страницѣ выводитъ гробовымъ голосомъ «De profundis»...

Кого же хоронитъ г. Новополинъ и что онъ оплакиваетъ? Начинаетъ онъ со стараго, какъ міръ, мотива—съ «жалобъ на наше время», на «то общее оскудѣніе и ту общую пришибленность, которыя около двухъ десятилѣтій царятъ въ нашей общественной жизни и леденятъ нашу мысль, чувство и волю». Въ дальнѣйшемъ развитіи этого основного мотива своей книги авторъ почти не отдѣляетъ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ, не видя между ними никакой разницы, почему и приходится брать его «жалобную пѣснь» какъ общую характеристику двухъ послѣднихъ десятилѣтій. Тѣмъ болѣе, что свою жалобу онъ то и дѣло силится подтвердить ссылками на такіе авторитеты, какъ г. Михайловскій, приводя цитаты изъ ихъ писаній послѣдняго времени, или выдержками изъ произведеній новыхъ писателей, о которыхъ въ 80-ые годы еще не было слышно, напр., изъ М. Горькаго. Это смѣшеніе 80-ыхъ и 90-ыхъ годовъ, какъ увидимъ, очень характерно для нашего автора, почему и отмѣчаемъ это прежде всего.

Указавъ на жалобы, какъ общій и всѣми признанный фактъ, г. Новополинъ переходитъ къ «упадку литературы», какъ главному показателю «оскудѣнія и пришибленности». Нѣтъ больше «могучихъ идейныхъ теченій, игравшихъ такую громадную роль въ исторіи нашего общественнаго развитія», они «стушевались подъ напоромъ безпринципности и индифферентизма, проникнувшихъ и въ нашу жизнь, и въ нашу литературу». Правда, есть молодые писатели, но они—ничто въ сравненіи съ прежними великанами. «Нѣтъ въ нихъ той широты міросозерцанія, той силы мысли, чувства и воли, которыми окрашивались произведенія нашихъ старыхъ литературныхъ дѣятелей и которыя вызвали такой страстный анализъ нашей дѣйствительности, что мы даже удивили старую Европу». Въ произведеніяхъ молодыхъ писателей нѣтъ идеаловъ, нѣтъ вѣры въ принципы, нѣтъ и самихъ принциповъ. Они размѣнялись на мелочи, разбились на узенькія, маленькія картинки сѣренькой, дешевенькой обыденности. «Это отсутствіе идеаловъ и индифферентное отношеніе къ жизни черной нитью проходитъ черезъ рядъ произведеній цѣлой группы писателей и связано тѣснымъ образомъ съ органическимъ слѣдствіемъ безпринципности

и съ самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ паденія нашей литературы— съ отсутствіемъ литературной критики и литературныхъ критиковъ среди молодыхъ писателей». Причины этого паденія авторъ видитъ въ «болѣзненномъ настроеніи», охватившемъ наше время, не только у насъ, но и на Западѣ. Литература ударилась въ мистицизмъ, въ магизмъ или въ голый натурализмъ, забывъ о великихъ задачахъ стараго времени. У насъ она порвала связь съ идеями шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ и тоже цѣликомъ ушла въ мелочи. На Западѣ были для этого свои причины, у насъ же—«мы были просто захвачены гнетущимъ потокомъ жизни и измолоты имъ, и наивная вѣра молодого поколѣнія, будто новыя настроенія, въ ней царящія, признаки возрожденія идеальнаго,—одинъ изъ симптомовъ этой молодости и новое доказательство болѣзненности процесса, съ которымъ мы вступили и въ двадцатый вѣкъ». Все это приводитъ автора къ выводу, что «нельзя остаться равнодушнымъ зрителемъ того отупѣнія, которое охватываетъ нашу молодежь. И надо же, наконецъ, положить конецъ самообману и указать всю лживость нашихъ кумировъ и болѣзненность нашихъ настроеній».

Далѣе г. Новополинъ начинаетъ анализъ литературныхъ теченій, приведшихъ къ «самообману». Впереди идетъ «періодъ скорби за идеалъ и слезъ о свободѣ», представителями котораго онъ считаетъ Гаршина и Надсона. За нимъ слѣдуетъ періодъ «скорбнаго раздумья», въ лицѣ г. Короленко, періодъ «культуртрегерства и апологіи средняго человѣка», въ лицѣ г. Потапенки, потомъ «толстовство», дальше «ницшеанство», какъ результатъ его—«равнодушіе къ добру и злу», «равнодушіе къ дѣйствительности» и—«какъ довершающій картину общаго распада всего прекраснаго и цѣльнаго—марксизмъ». Общую картину гибели и паденія добраго стараго времени завершаетъ «походъ противъ 60-хъ и 70-хъ годовъ», въ которомъ авторъ усматриваетъ результатъ столкновенія современной безыдейности и безпринципности съ величіемъ идеаловъ прежняго времени. «Шестидесятые и семидесятые годы съ ихъ восторженнымъ отношеніемъ къ народу, страстной вѣрой въ личность, въ интеллигенцію, съ ихъ требованіемъ отъ исторіи отчета за кровь и слезы, пролитыя человѣчествомъ, съ ихъ лозунгомъ—«все для народа и черезъ народъ», съ ихъ вѣрой въ возможность цѣлесообразнаго вмѣшательства человѣка въ жизнь и т. д. и т. д.,—порожденіе необычайнаго подъема умственныхъ и нравственныхъ силъ русскаго общества. Культуртрегерство и апологія средняго человѣка, теорія личнаго усовершенствованія, непротивленіе злу, ницшеанство, марксизмъ девяностыхъ годовъ—порожденіе, вызванное условіями дѣйствительности, пришибленности воли, мысли и чувства. Эти исключающія другъ друга теченія должны были столкнуться. И они столкнулись и вызвали съ одной стороны скорбное чувство, а съ другой—походъ противъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ».

Обвинительный актъ г. Новополина противъ нашего времени такъ обширенъ, что трудно возразить на него, если не прибѣгать къ столь же широкимъ обобщеніямъ. Авторъ кропотливо собралъ всѣ обвиненія, разсѣянныя на протяженіи двадцати лѣтъ, и все помѣстилъ за одну скобку: все, что было

до 80-хъ годовъ, добро и благо; все, что было потомъ до нашихъ дней включительно, зло и мерзость запустѣнія. Такая односторонняя рѣшительность въ сужденіи сама убиваетъ его схему, въ которой общая черная окраска вызываетъ, прежде всего, глубокое недовѣріе, какъ и всѣ огульныя осужденія. Возражать на его обвинительный актъ «по пунктамъ, по цитатамъ»—значило бы переворошить всю литературу за послѣднія два десятилѣтія,—трудъ непосильный и неблагодарный. Поэтому, лучше ограничиться разборомъ болѣе яркихъ его обвиненій по отдѣльнымъ поводамъ, въ которыхъ яснѣе видно его рѣшительное пристрастіе къ доброму, старому времени въ ущербъ всему, что не укладывается въ старыя рамки.

Удивляетъ больше всего похоронный тонъ его рѣчей именно теперь, когда еще не успѣли смолкнуть ярые споры, свидѣтелями которыхъ мы еще были такъ недавно. Если можно охарактеризовать время, слѣдовавшее непосредственно за концомъ 70-хъ годовъ, какъ періодъ реакціи и застоя въ литературѣ,—да и то съ большими оговорками,—то подвести подъ общую рубрику съ нимъ и вторую половину 90-хъ представляется для сколько-нибудь вдумчиваго читателя просто невозможнымъ. Нужно обладать особыми шорами на глазахъ, чтобы не видѣть, какъ велика разница въ настроеніи литературы и жизни между двумя этими періодами. Нудный, ноющій тонъ всей книги г. Новополина удивительно какъ гармонируетъ съ общимъ настроеніемъ восьмидесятыхъ годовъ, когда всѣ какъ-то сразу заныли и заохали, и было понятно отчего, такъ какъ время было дѣйствительно скучное и скудное, что въ особенности становилось яркимъ при сопоставленіи съ только что пережитымъ періодомъ. Но уже и тогда не одно культуртрегерство и непротивленіе злу проявляло себя. Правда, все это было очень характерно по тому времени, какъ естественная реакція уставшаго и потерявшаго на время способность къ широкимъ планамъ общественнаго организма. Присущее, однако, человѣку стремленіе идти впередъ не исчезло, и если не выразилось въ сильныхъ и яркихъ явленіяхъ, подобныхъ только что пережитымъ, зато оно проявилось въ исканіи новыхъ путей, въ критической провѣркѣ блестящихъ положеній только что пережитаго времени, что въ сравнительно короткій періодъ времени и обнаружилось въ литературѣ въ видѣ новаго теченія. Уже съ начала 90-хъ годовъ стала пробиваться новая освѣжающая струйка въ литературѣ, вылившаяся очень опредѣленно въ столько нашумѣвшихъ въ 94 г. «Критическихъ замѣткахъ къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи». И эти «Замѣтки» не были первой ласточкой, такъ какъ вмѣстѣ съ ними шло цѣлое движеніе, которое г. Новополинъ, благодаря своимъ траурнымъ шорамъ, не то что проглядѣлъ, а окрасилъ въ тотъ же черный сплошной цвѣтъ. «Грустное тоскливое чувство вызоветъ въ будущемъ историкѣ обозрѣніе переживаемой нами мертвой полосы общественной жизни. Но какъ ни грустно это зрѣлище,—говоритъ онъ,—какъ ни печаленъ этотъ постепенный упадокъ мысли и чувства, есть и заслуга, хотя и печальная, въ своеобразныхъ теченіяхъ, вызванныхъ переживаемымъ безвременіемъ. Отреченіе отъ «наслѣдства», проповѣдь непротивленія злу, бѣгство въ скиты и отреченіе (?) отъ борьбы съ общественной неправ-

дой вызвали энергичный протестъ уставшихъ было могиканъ освободительной эпохи. Опасность выстраданной идеи вызвала ихъ вновь на жизненную арену, и потухшее было пламя самосознанія вновь разгорѣлось. Можно быть различнаго мнѣнія о русскомъ марксизмѣ, но за нимъ нельзя не признать нѣкоторыхъ заслугъ. Своимъ рѣзкимъ отношеніемъ къ идеаламъ давно прошедшаго, обвѣяннаго грезами юности и тепломъ чистой любви, онъ вызвалъ энергичный протестъ со стороны старыхъ дѣятелей. Закипѣвшій споръ вызвалъ движеніе, составляющее единственную живую струю на мутномъ и сѣромъ фонѣ общественной жизни».

Такимъ образомъ, единственная заслуга цѣлаго движенія заключается для г. Новополина въ томъ, что «старые дѣятели» получили толчокъ, который разбудилъ въ нихъ «самосознаніе». Признаемся, выводъ столь же неожиданный, сколько и обидный для почтенныхъ дѣятелей прежняго времени. Такое отношеніе къ цѣлому движенію, мы можемъ объяснить развѣ тѣмъ, что г. Новополинъ самъ не переживалъ его, а какъ-то ухитрился проспать четверть вѣка и, проснувшись теперь, не можетъ оріентироваться. Онъ слышетъ отголоски споровъ о роли личности, о ницшеанствѣ, марксизмѣ, символизмѣ и проч., а такъ какъ все это цѣликомъ ему чуждо, чуждо тому настроенію, въ какомъ онъ заснулъ, то, не будучи въ силахъ разобраться среди такого наплыва новыхъ фактовъ и теченій, онъ, безъ долгихъ размышленій, относитъ все, не отвѣчающее 70-мъ годамъ, къ отрицательнымъ явленіямъ. Иначе думать онъ и не можетъ, не будучи въ силахъ представить себѣ, что пока онъ спалъ, жизнь не стояла на мѣстѣ, люди такъ или иначе дѣлали свое дѣло, вдумывались въ то, что переживали, волнуясь и спѣша, старались выяснить себѣ задачи времени, провѣряя то, что еще недавно казалось незыблемой истиной, а на дѣлѣ не оправдалось. Дикимъ и страннымъ кажется ему, что могло возникнуть цѣлое движеніе, по существу вовсе не враждебное 70-мъ, тѣмъ болѣе 60-мъ годамъ, шедшее въ томъ же направленіи, хотя и иными путями, болѣе сложными, быть можетъ, но отнюдь не назадъ, не *противъ* того, что было *идеаломъ* шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ.

Съ просонья г. Новополинъ обрушивается на все, что имѣло несчастіе появиться въ то время, когда онъ спалъ, и въ мрачно-кладбищенскомъ настроеніи разноситъ и «толстовство», и ницшеанство, и Горькаго, и Короленко, и Чехова. Только Гаршину и Надсону онъ даетъ разрѣшеніе въ ихъ грѣхахъ и признаетъ за ними право на существованіе. Гаршина онъ даже возноситъ за то, что «по своему духовному облику Гаршинъ, прежде всего, человѣкъ шестидесятыхъ годовъ»—открытіе, для многихъ неожиданное и во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательное. Шестидесятые годы—время необычайнаго, единственнаго до сихъ поръ въ исторіи русской общественности подъема духа, и Гаршинъ—весь одна до болѣзненности доведенная рефлексія,—сопоставленіе прямо-таки удивительное. Но дѣло въ томъ, что основой движенія шестидесятыхъ годовъ, по г. Новополину, была гуманность, а у Гаршина основой его чуткой души была также гуманность,—значитъ его духовный обликъ того времени. Смущаетъ г. Новополина «невѣріе» Гаршина «въ добрыя и честныя стремленія, которыя разбивá-

ются жизнью», но это невѣріе «навѣяно безвременіемъ конца семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ годовъ». Можно бы замѣтить, что молодое поколѣніе, пережившее восьмидесятые годы, имѣло еще больше основаній для своего «невѣрія», съ какимъ оно отнеслось ко многимъ «добрымъ и честнымъ стремленіямъ», и не безъ основанія подвергло ихъ критикѣ въ 90-е годы,—и потому заслуживаетъ не меньше Гаршина оправданія въ томъ, что стало искать для своихъ «добрыхъ и честныхъ стремленій» иной основы, а для проведенія ихъ въ жизнь—иной почвы.

Надсонъ, второй прощенный г. Новополинымъ сынъ «безвременія», по его характеристикѣ, тоже пѣвецъ «скорби и слезъ за свободу». «Тайна глубокаго впечатлѣнія, производимаго его стихотвореніями, часто даже незрѣлыми по мысли, не въ дѣйствіи сосредоточенной лирической силы, не въ звучномъ музыкальномъ стихѣ и не въ трагическихъ обстоятельствахъ, оборвавшихъ его жизнь. Вмѣстѣ со своимъ поколѣніемъ онъ былъ захваченъ волной безвременія, и поэзія Надсона—чистое зеркало, отразившее треволненія, вызванныя въ обществѣ разрушительной работой». Съуживая до такой степени значеніе Надсона, чѣмъ г. Новополинъ объясняетъ себѣ ту популярность, которою пользуются стихотворенія Надсона и до сихъ поръ, и притомъ среди юной молодежи, весьма далекой отъ «безвременія» первой половины восьмидесятыхъ годовъ? Мы думаемъ, что обаяніе Надсона для только что начинающей жить молодежи вовсе не въ «зеркалѣ безвременія», до котораго ей очень мало дѣла, а въ томъ чувствѣ идеальныхъ, хотя и смутныхъ порывовъ къ свободѣ, любви, къ человѣчеству, къ самопожертвованію и героизму, которое хорошо отразилъ Надсонъ въ своей поэзіи. Безспорно, на Надсона не осталось безъ вліянія и его время, но онъ былъ слишкомъ поэтъ, чтобы быть только «зеркаломъ», отражающимъ «безвременіе».

Послѣ Гаршина и Надсона для нашего кладбищенскаго критика наиболѣе симпатичной въ литературѣ фигурой является Короленко, но... есть одно обстоятельство, страшно смущающее г. Новополина. Короленко принадлежитъ «къ извѣстному лагерю», къ опредѣленной группѣ писателей, которая всегда встрѣчала тоже вполнѣ опредѣленное отношеніе со стороны реакціонной печати. «И что поразительно,—удивляется г. Новополинъ,—эта клика, облаивавшая всякій талантъ, не служившій мраку ихъ тенденцій, поносившая все, что появлялось въ противоположномъ лагерѣ, привѣтствуетъ съ восторгомъ талантъ Короленки. Этотъ поразительный въ исторіи русской литературы фактъ недостаточно объяснить однимъ недоразумѣніемъ или великодушіемъ. Реакціонная печать имѣетъ за собой многолѣтній опытъ и не щадила самыхъ крупныхъ талантовъ. Есть, вѣроятно, въ произведеніи Короленки черта, которая миритъ съ нимъ реакціонную печать, несмотря на его принадлежность къ враждебному лагерю». Таковъ «поразительный фактъ», открытый г. Новополинымъ, на которомъ онъ и строитъ свой разборъ произведеній г. Короленко. Исходная точка для критики, во всякомъ случаѣ, оригинальная. Замѣтимъ вскользь, что если исключить тонкій и вѣрный во многомъ разборъ Говорухи-Отрока произведеній Короленки, то мы не припомнимъ, чтобы этотъ авторъ удостоился вообще особаго благоволенія со

стороны реакціонной печати. Но допустимъ, что г. Новополинъ правъ. Как же выводы дѣлаетъ онъ изъ своего «поразительнаго факта»? «Если мы будемъ искать основную идею въ произведеніяхъ Короленки, если попробуемъ подвести итогъ общимъ впечатлѣніямъ, то онъ выразится... въ существованіи во всѣхъ сферахъ и закоулкахъ жизни вѣчныхъ диссонансовъ и противорѣчій, отравляющихъ человѣчеству жизнь, въ противоположность вѣчной гармоніи и вѣчной красотѣ природы...» «И не естественно ли было бы ожидать со стороны Короленки энергичнаго протеста противъ дѣйствительности, опутавшей личность тысячью тяжелыхъ цѣпей и ставшей на дорогѣ къ ея развитію? Но здѣсь мы и встрѣчаемся съ чертой, характерной для Короленки и для того настроенія, которое смѣнило періодъ боли за идеалъ и слезы о свободѣ. Тотъ душный склепъ, какимъ представляется дѣйствительность въ произведеніяхъ Короленки, вызываетъ въ немъ не чувство активной борьбы и не крикъ за идеалъ, и не споры о свободѣ, и не мрачный пессимизмъ. Для Короленки нѣтъ виноватыхъ... Отсюда тихая грусть, чувство свѣтлой жалости—господствующее настроеніе въ произведеніяхъ Короленки. Онъ не взываетъ къ борьбѣ или къ отчаянію, но заражаетъ читателя какимъ-то смутнымъ, раздумчивымъ, преисполненнымъ грусти настроеніемъ, примиряющимъ его съ печальною дѣйствительностью. Въ той же чертѣ причина того восторженнаго отношенія, съ какимъ отнеслись къ произведеніямъ Короленки гасители русской общественной жизни. ...Печальную роль въ творчествѣ Короленки сыграли критики, отмѣтившіе наиболѣе оригинальную и наиболѣе грустную черту его произведеній, какъ признакъ философской глубины мысли и какъ переходную ступень къ высшему строю нравственнаго міра».

Только человѣкъ, дѣйствительно проспавшій непробуднымъ сномъ цѣлую четверть вѣка, можетъ сдѣлать такую характеристику произведеній Короленки, сдѣлать такой выводъ, что «для общества, которое признало въ Короленкѣ особенно близкаго себѣ по духу художника, это только печальный признакъ вялости мысли и воли». Мы отказываемся понимать, какими глазами надо читать такія, напр., произведенія Корленки, какъ «Сонъ Макара», «Въ дурномъ обществѣ», «Лѣсъ шумитъ», «Слѣпой музыкантъ», «Сказаніе про царя Агриппу» и проч., и проч., чтобы придти къ выводу о примиряющемъ съ дѣйствительностью вліяніи Короленки. Правда, этотъ писатель, какъ истинный художникъ, предоставляетъ образамъ говорить за него, избѣгая нарочитыхъ подчеркиваній, не допуская, чтобы тенденція разсказа торчала, какъ шестъ, но вѣдь въ этомъ-то и заключается великое достоинство настоящаго художественнаго произведенія. Короленку упрекали подчасъ въ тенденціозности, понимая въ этомъ случаѣ то, что въ каждомъ его произведеніи вполнѣ ясно, на чьей сторонѣ симпатіи автора. Если это и тенденціозность, то вполнѣ законная, характеризующая манеру автора — и только. Но упрекъ въ настроеніи, «примиряющемъ съ печальной дѣйствительностью» могъ вырваться только у г. Новополина, страдающаго, какъ мы видѣли, особымъ дальтонизмомъ, скрывающимъ отъ него чуть не всѣ цвѣта жизни, вслѣдствіе чего все для него окрашивается въ сплошной черный цвѣтъ.

Произведенія такихъ писателей, какъ Короленко, нельзя уложить въ упро-

щенную схему, въ родѣ призыва отдать долгъ народу или скорбь за идеалъ и т. п., потому что они и шире, и уже такого прокрустова ложа. И критика à la г. Новополинъ негодуетъ за такую непокладливость этихъ писателей. Для г. Новополина идеальнымъ авторомъ долженъ бы быть, напр., покойный Ивановичъ-Свѣденцовъ, человѣкъ идеальной души и примитивнаго авторскаго темперамента. Вотъ у кого г. Новополинъ нашелъ бы и призывъ, и проповѣдь долга, и скорбь, и прочій антуражъ истиннаго писателя-народника во вкусѣ семидесятыхъ годовъ. Бѣдному Ивановичу-Свѣденцову пришлось работать не во-время, и его произведенія прошли незамѣченными, ибо въ то время, когда онъ писалъ (восьмидесятые и девяностые годы), русское общество, изверившись въ упрощенныя формулы, вмѣстѣ съ Короленкой работало, вдумчиво и глубоко, надъ многообразными явленіями жизни, стараясь проникнуть въ ихъ сущность, которая оказалась гораздо сложнѣе, чѣмъ думали и думаютъ гг. Новополины.

Для послѣднихъ и культурничество, и проповѣдь малыхъ дѣлъ, и толстовство, и ницшеанство—все это явленія одного порядка, различныя по титуламъ, но родственныя по существу. Такъ какъ они не отвѣчаютъ настроенію семидесятыхъ годовъ, то, стало быть, всѣмъ имъ одна цѣна, — это реакціонныя настроенія, и писатели, выразившія ихъ въ своихъ произведеніяхъ, только содѣйствовали усиленію реакціи, переживаемой обществомъ и нынѣ. На первомъ планѣ — г. Чеховъ, котораго нашъ критикъ, увы! столь поздно явившійся, характеризуетъ такъ: «Чеховъ не жертва, а герой безвременія, выдвинувшаго его талантъ». «Чеховъ оригиналенъ не достоинствами своего таланта, а его изъянами, и притомъ изъянами не внѣшняго, а внутренняго характера». «Отсутствіе нравственныхъ императивовъ и пребываніе «по ту сторону добра и зла»—первый крупный изъянъ въ талантѣ г. Чехова». «Отсутствіе общей идеи»—второй изъянъ. «Этими двумя изъянами въ талантѣ г. Чехова—отсутствіемъ общей идеи и нравственныхъ императивовъ—объясняются всѣ особенности его творчества и тѣ необычайныя симпатіи, которыя вызывали его произведенія и дѣлали его общепризнаннымъ любимцемъ публики». Если за послѣдній періодъ г. Чеховъ и дѣлаетъ попытки внести идею въ свои произведенія, то крайне неудачно, о чемъ свидѣтельствуютъ «Мужики» и «Новая дача». «И въ самомъ дѣлѣ, «деревнѣ» выносится страшный приговоръ: поральное идіотство, безсмысленное звѣрство, и этотъ приговоръ выносится... половымъ, очистившимся отъ «мужицкаго» звѣрства и идіотства въ московскихъ трактирахъ. Но если выбросить изъ разсказа это рабское существо, остается нѣсколько разрозненныхъ картинъ, ничѣмъ между собой не связанныхъ, и общая идея улетучивается». «Словомъ, попытки г. Чехова стать на почву обобщенія только рѣзче оттѣняютъ всѣ особенности его таланта — созерцать отдѣльныя картины жизни во всей ихъ бытовой и психологической обстановкѣ и художественно воспроизводить ихъ. Но обобщать жизненныя явленія или «реагировать на раздраженіе, на боль отвѣчать крикомъ и слезами, на подлость—негодованіемъ, на мерзость—отвращеніемъ»—это сфера не его таланта, который выросъ въ тотъ періодъ, когда жизненныя условія изолировали общественную мысль и чувство отъ общественной жизни и выработали атмосферу

равнодушія къ дѣйствительности и безразличнаго отношенія къ добру и злу. Г. Чеховъ—одинъ изъ яркихъ типовъ, выработанныхъ этой атмосферой и въ этомъ смыслѣ онъ не жертва, а герой безвременія».

Довольно, однако и этихъ выписокъ, которыя мы привели, чтобы показать критическую манеру г. Новополина и его неумѣніе разбираться въ сложныхъ явленіяхъ литературы и жизни. Тутъ ужъ не траурныя шоры виноваты, а полная отсталость автора отъ духа времени, если онъ не понялъ значенія такого огромнаго литературнаго явленія, какъ Чеховъ. Критика добраго стараго времени дѣйствительно пріучила гг. Новополиныхъ требовать отъ художниковъ, чтобы они всякій разъ подчеркивали свое отношеніе, и писатель, предоставляющій самому читателю дѣлать выводы изъ данной имъ картины, для нихъ прямо не понятенъ. Литература представляется имъ чѣмъ-то въ родѣ дореформеннаго учителя съ указкой въ рукѣ, которою она руководитъ читателя въ прямомъ смыслѣ слова, и первый вопросъ, съ которымъ они обязательно обращаются къ писателю, «како вѣруешь?» Правдива ли данная имъ картина, это вопросъ второстепенный, и потому такой огромный писатель, какъ Чеховъ, давшій такую поразительную по пестротѣ и многообразію жизни картину, но не позаботившійся расписаться, какъ онъ самъ къ ней относится, конечно, человѣкъ безыдейный и къ добру и злу постыдно равнодушный. Что каждое художественное произведеніе, разъ оно дѣйствительно художественно, т.-е. не только правдиво, какъ жизнь, но и обобщаетъ явленіе, т.-е. вскрываетъ его скрытую для насъ сущность, есть уже само-по-себѣ добро, и тотъ, кто его творитъ, не можетъ быть человѣкомъ равнодушнымъ,—этого гг. Новополины никогда не поймутъ именно потому, что сами они глубоко равнодушны ко всему, что лежитъ за предѣлами ихъ узенькаго, какъ лезвіе ножа, пониманія жизни. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, тѣ же «Мужики» Чехова, несомнѣнно, сыграли огромную роль въ нашемъ отношеніи къ деревнѣ, роль благотворную и высоко гуманную, хотя самъ авторъ не говоритъ никакой слащавой отсебятины, чтобы разжалобить читателя. И правильно дѣлаетъ, такъ какъ читатель, на котораго нарисованная Чеховымъ картина не окажетъ сама-по-себѣ никакого дѣйствія, настолько обросъ толстой кожей, что ее и пушками не прошибешь. Типичнымъ образцомъ такого читателя и является г. Новополинъ, усмотрѣвшій въ этомъ произведеніи только «приговоръ, вынесенный деревнѣ половымъ». Поистинѣ, это критика своего рода «полового».

Съ той же точки зрѣнія оцѣниваетъ онъ и всю литературную работу Чехова, не усматривая въ ней ничего, кромѣ «области происшествій, граничащей съ анекдотомъ». И все это потому, что Чеховъ—не тенденціозный писатель, что въ его произведеніяхъ нѣтъ этикетокъ съ ясными обозначеніями нравственныхъ качествъ его героевъ и съ поясненіями автора, какъ къ нимъ слѣдуетъ относиться. Отсюда обвиненіе Чехова въ «признаніи, а не въ отрицаніи дѣйствительности», въ неспособности «разбираться въ ней», хотя Чеховъ, какъ художникъ, ничего не признаетъ и ничего не отрицаетъ. Выясняя намъ смыслъ жизни, онъ предоставляетъ намъ полную свободу самимъ дѣлать тѣ или иные выводы. Такъ, относительно тѣхъ же «Мужиковъ», на ряду съ выводомъ

г. Новополина, въ литературѣ есть и такой выводъ: «Въ картинѣ г. Чехова, какъ и въ самой народной жизни, достаточно ясными, но недостаточно рѣзкими чертами, вырисовывается человѣческая личность, какъ необходимый продуктъ опредѣленнаго хода развитія формъ жизни. Въ развитіи человѣческой личности и въ признаніи ея правъ заключается главный выводъ и, если хотите, мораль произведенія Чехова. Не существенно, думалъ ли самъ авторъ объ этой морали, и намъ кажется, что онъ о ней не думалъ. Но онъ воплотилъ ее въ образахъ. Большаго отъ художника невозможно и не слѣдуетъ требовать» («На разныя темы», стр. 131—132).

На объясненіи г. Новополина значенія Горькаго, мы не будемъ останавливаться: здѣсь собраны всѣ банальности, въ свое время сказанныя правовѣрными противниками всего новаго въ литературѣ.

Въ чемъ же, въ концѣ концовъ, усматриваетъ авторъ признаки смуты умовъ, характеризующей «безвременіе», «сумерки въ литературѣ и жизни»? Въ томъ, что появились въ теченіе двухъ послѣднихъ десятилѣтій критика 70-хъ годовъ и исканіе новыхъ путей. Если дѣйствительно признать, что въ ту блаженную эпоху люди додумались до *всей* истины, тогда уклоненіе отъ этой истины есть несомнѣнная смута. Но врядъ ли и самъ г. Новополинъ, несмотря на свои шоры, мѣшающія ему видѣть что-либо, кромѣ 70-хъ годовъ, признаетъ, что тогда была дана вся истина. Если же допустить, что жизнь не останавливается и требуетъ новыхъ путей и новыхъ исканій, то и «безвременіе» представится далеко не въ такомъ темномъ свѣтѣ. Все время мы видимъ неустанную работу духа, начиная съ невѣрія и сомнѣній Гаршина, вплоть до нашихъ дней, когда эта работа особенно оживилась. Вдумчивая работа такихъ первоклассныхъ художниковъ, какъ Короленко, Чеховъ, Горькій и цѣлой плеяды молодыхъ писателей во всѣхъ отрасляхъ литературы, огромное движеніе мысли, начатое Толстымъ, заставили общество пересмотрѣть многое изъ того, что дали 60-е и 70-е года, и если эта работа еще не закончилась синтезомъ, то это вовсе не признакъ смуты или «безвременія». Вѣдь и эпоха великихъ реформъ явилась синтезомъ почти вѣковой работы мысли и воли. «Смутой» и сплошнымъ «безвременіемъ» мы бы признали конецъ истекшаго вѣка, если бы онъ не принесъ ничего новаго, а лишь въ безсиліи повторялъ зады, пережевывая «наслѣдство» и не внося въ него ничего своего. Безвременіе характеризуется безсиліемъ творчества и застоемъ мысли, а время, давшее рядъ первоклассныхъ художниковъ и отличающееся, пожалуй, чрезмѣрно быстрой смѣной настроеній и теченій мысли, едва ли можетъ быть названо цѣликомъ —періодомъ «пришибленности, мысли, воли и чувства».

Вотъ почему мрачный, кладбищенскій тонъ книги г. Новополина свидѣтельствуетъ только, что авторъ самъ безнадежно погруженъ въ «сумерки» мысли и воли, но не литература и еще меньше—жизнь. И ликующій тонъ г. Николаева намъ болѣе пріятенъ, хотя мы и не раздѣляемъ его увѣренности въ полной «побѣдѣ» почтенной «фаланги».

А. Б.

---



P. S. Неожиданная смерть Эмиля Зола, въ полной силѣ таланта, въ разгарѣ общественной дѣятельности, вызываетъ искреннее и глубокое сожалѣніе. Съ нимъ уходитъ какъ бы цѣлая историческая полоса французской, да, пожалуй, и общеевропейской литературы. Натурализмъ, или «золаизмъ», теперь уже пройденный «штандпунктъ» въ исторіи литературы, и самъ Зола въ послѣдніе годы своей дѣятельности далеко уклонился въ сторону отъ прежней программы «научнаго» романа, которую онъ проповѣдывалъ въ своихъ критическихъ статьяхъ и пытался проводить въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ, въ знаменитой серіи «Ругонъ-Маккаровъ», составившей основу его славы.

Въ двадцати романахъ этой серіи Зола далъ блестящую эпопею французской буржуазіи второй имперіи, изобразивъ мастерски всѣ отрицательныя стороны эпохи, начиная съ первыхъ дней имперіи («La Fortune des Rougon») и кончая «Разгромомъ» ея. Эта сторона его ругонъ-маккаровской эпопеи вписана навсегда въ исторію французской литературы и составляетъ ея справедливую гордость наряду съ романами Бальзака, описывающими эпоху Орлеановъ. Вторая сторона той же серіи—исторія наслѣдственности семьи Ругонъ-Маккаровъ, которой самъ Зола придавалъ главное значеніе,—не удалась автору, не съумѣвшему обосновать свою теорію наслѣдственности на различныхъ представителяхъ описываемаго имъ рода. И это понятно, если вспомнить, что сама по себѣ теорія наслѣдственности еще не настолько разработана, чтобы послужить канвой для художника. Увлекаясь научной стороной своей работы, Зола впадалъ въ преувеличенія и создалъ нынѣ уже не имѣющій защитниковъ и послѣдователей «экспериментальный романъ». Романистъ, по его теоріи, долженъ быть безстрастнымъ, какъ ученый изслѣдователь, строго держась фактовъ изученія природы. Личность его исчезаетъ за изображеніемъ дѣйствительности во всей ея наготѣ. Ничто не должно его отталкивать, какъ ничто не должно его привлекать; пороки и добродѣтели—равно для него лишь объекты изученія. Исходя изъ такихъ положеній, Зола далъ рядъ описаній «натуралистическихъ» въ полномъ смыслѣ слова, называя вещи ихъ именами, за что и вызвалъ противъ себя обвиненія въ цинизмѣ, порнографіи и безнравственности. Въ настоящее время едва ли кто раздѣляетъ эти обвиненія, такъ какъ художника можно скорѣе обвинить въ нарушеніи художественной цѣльности его описаній, благодаря протокольности ихъ, чѣмъ въ безнравственности; поскольку дѣйствительность бываетъ грязна, постольку это и отразилось въ его описаніяхъ. Недостатокъ Зола заключается въ томъ, что онъ слишкомъ выдвигалъ подробности, расплывался въ ихъ описаніи, теряя необходимую для художника точку зрѣнія на главное и посредственное. Благодаря ненужнымъ безчисленнымъ подробностямъ, на которыя достаточно намекнуть, ускользала отъ вниманія читателей сущность явленія. Лучше всего удавались Зола массовыя движенія, широкія общественныя картины, коллективныя учрежденія—описанія въ родѣ картинъ большихъ магазиновъ, биржи, рабочихъ массъ, войны. Психологія личности у него блѣдна, отрывочна и поверхностна, большей частью не мотивирована или же объясняется очень ужъ примитивно, подчасъ до наивности просто.

Послѣ завершенія ругонъ-маккаровской эпопеи направленіе Зола, какъ художника, рѣзко мѣняется. Онъ, отрицавшій прежде всякую попытку художника вмѣшаться въ наблюдаемую жизнь, становится проповѣдникомъ и, наконецъ, политическимъ агитаторомъ, со всѣмъ пыломъ страсти вмѣшавшимся въ дѣло Дрейфуса и въ борьбу за интеллектуальный подъемъ своей родины.

Сначала въ трилогіи «Лурдъ», «Римъ», «Парижъ», затѣмъ въ послѣдней предпринятой имъ недавно—«Плодовитость», «Трудъ», «Истина»—Зола задался цѣлью показать сомнѣнія и колебанія, охватившія лучшую часть французской интеллигенціи, ея исканія Бога и отвѣта на жгучіе соціальные запросы дня. Въ художественномъ отношеніи обѣ трилогіи значительно уступаютъ лучшимъ произведеніямъ перваго періода его дѣятельности, но онѣ значительны и полны глубокаго общественнаго интереса, какъ попытки дать освѣщеніе и посильное рѣшеніе многихъ сторонъ современной общественной жизни.

Невольное уваженіе охватываетъ васъ при видѣ огромной работы, выполненной Зола на протяженіи его сорокалѣтней дѣятельности, при видѣ его неустанной, кипучей мысли, предъ этимъ упорнымъ трудомъ, «не покладаючи рукъ». Франція въ правѣ гордиться имъ, какъ однимъ изъ доблестнѣйшихъ своихъ борцовъ, не знавшихъ сдѣлокъ съ совѣстью, искренно и пытливо добивавшихся правды, безстрашно ставя на карту свое имя и личныя выгоды, когда этого требуетъ долгъ, какъ было въ дѣлѣ Дрейфуса.

Личность Зола и его работа слишкомъ велики, что бы мы могли ограничиться нѣсколькими бѣглыми замѣчаніями, и въ ближайшихъ книгахъ нашего журнала мы постараемся дать читателямъ болѣе или менѣе обстоятельный очеркъ его жизни и литературнаго значенія.

А. Б.

---



# РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

---

## На родинѣ.

**У Л. Н. Толстого.** 28-го августа Льву Николаевичу исполнилось 74 года. Въ этотъ день въ Ясную Поляну, кромѣ членовъ семьи, съѣхались и нѣкоторые друзья великаго писателя. Несмотря на утомленіе, которое всегда испытываетъ Левъ Николаевичъ, послѣ всего, что носитъ праздничный характеръ, онъ на другой же день принялся за работу.

«Окончанія этихъ рабочихъ часовъ, которые тянутся обыкновенно до 3-хъ часовъ, я,—разсказываетъ сотрудникъ «Нов. Дня»,—и дожидался въ библіотекѣ. Но вотъ въ передней послышались голоса, и въ комнату быстрыми и легкими шагами вошелъ старикъ въ темно-сѣрой блузѣ, подпоясанной ремнемъ, въ высокихъ сапогахъ, съ яснымъ, привѣтливымъ лицомъ. Это и былъ Толстой. Послѣ первыхъ привѣтствій, когда онъ сѣлъ противъ меня, лицомъ къ свѣту, я сталъ жадно вглядываться въ это удивительное лицо. На этомъ лицѣ, несмотря на замѣтное утомленіе, лежалъ отпечатокъ удивительной одаренности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно было такъ просто и такъ привѣтливо.

На видъ Толстой теперь свѣжѣе и бодрѣе, чѣмъ до болѣзни. Поражаютъ его глаза. Насколько могу припомнить, всѣ, описывающіе наружность Толстого, говорятъ о его проницательныхъ сѣрыхъ глазахъ. Между тѣмъ, у него глаза такого ярко-голубого цвѣта, какой бываетъ лишь у дѣтей. Волосы на сильно облысѣвшей головѣ еще не совсѣмъ посѣдѣли, бѣла только борода да на подбородкѣ сѣдина приняла старческій желтоватый оттѣнокъ.

Но рѣчь его льется свободно и живо, движенія быстры и легки, и отъ всей его удивительно привѣтливой манеры вѣетъ обаяніемъ поразительной умственной и нравственной бодрости и свѣжести.

Меня очень занимала новая работа Льва Николаевича. Я слышалъ уже, что онъ ею страстно увлеченъ, что онъ въ ней возвращается къ своей старой манерѣ и опять безконечное число разъ переписываетъ и передѣлываетъ каждую страничку.

— Да это все глупости, побасенки,—сказалъ Левъ Николаевичъ, когда я заговорилъ объ этомъ.—Просто, хочу отдохнуть, побаловаться послѣ болѣзни. Притомъ я недавно окончилъ большую и трудную серьезную работу. Ну, я

для отдыха и затѣялъ это баловство. Пишу такъ, для собственнаго удовольствія, и ни за что печатать не буду.

На выраженное мною удивленіе по этому поводу Левъ Николаевичъ пояснилъ:

— Потому что все это глупости, побасенки. Даже совѣстно, дожпвъ до 74-хъ лѣтъ, начать выдумывать и описывать ощущеніе какой-то дамы, которой никогда не было, и разговоръ съ ней господина, котораго также никогда не было—ни разговора, ни господина. Я, помню, объ этомъ какъ-то покойному Лѣскову говорилъ. Во всякомъ случаѣ я при жизни ни за что этого не напечатаю. Послѣ моей смерти пусть дѣлаютъ, что хотятъ. А главное, отъ этихъ глупостей и вредъ бываетъ. Вотъ въ семьѣ N,—и Левъ Николаевичъ назвалъ свою знакомую семью,—барышни-подростки прочли «Войну и миръ» и стали бредить балами и выѣздами.

— Я теперь, послѣ болѣзни, особенно ясно сознаю, въ чемъ единственный и главный смыслъ жизни. И это надо бы прямо высказывать, а не сочинять побасенки. Смыслъ жизни—въ любви. Живи для другихъ,—и все остальное приложится.

И Левъ Николаевичъ увлекся своей любимой темой, обнаруживая тонкое знакомство съ разнообразными теченіями современной мысли.

Не желая утомлять Льва Николаевича спорами и возраженіями, я заговорилъ о 50-лѣтіи со времени напечатанія «Дѣтства» и начала литературной дѣятельности Льва Николаевича.

— Да, пятьдесятъ лѣтъ!—проговорилъ Левъ Николаевичъ, какъ мнѣ показалось—не безъ грустной ноты въ головѣ.—Васъ еще тогда и на свѣтѣ не было.

— А вы не помните, Левъ Николаевичъ, какого числа вышла въ 1852 году сентябрьская книжка «Современника»?

— Не помню и объ юбилеѣ думать не хочу. Ничего болѣе несноснаго и тягостнаго не могу себѣ представить. Сначала я боялся, что вздумаютъ что-нибудь затѣвать, хотѣлъ даже чрезъ газеты обратиться съ просьбой ничего не устраивать. А теперь я успокоился. Кажется, все тихо. Тѣмъ болѣе, что даже день неизвѣстенъ. Тамъ жена и дѣти этимъ интересовались, хотѣли узнать, а я не интересуюсь.

Позже я изъ разговора съ графиней Софьей Андреевной узналъ, что они считаютъ днемъ пятидесятилѣтія не 31-е августа, какъ было сообщено въ газетахъ, а 6-е сентября, такъ какъ существуетъ письмо Некрасова, помѣченное 5-мъ сентября 1852 года, въ которомъ Некрасовъ сообщаетъ, что «завтра» выйдетъ сентябрьская книжка «Современника».

— У насъ,—сказала Софья Андреевна,—этой книжки «Современника» не оказывается, и мнѣ ее найти не удалось.

Но это я узналъ уже послѣ, у площадки для лаунъ-тенниса, гдѣ собралась вся семья, кто—въ качествѣ участника въ игрѣ, кто—въ качествѣ зрителя.

Съ Львомъ Николаевичемъ же бесѣда продолжалась, задѣвая попутно самыя разнообразныя темы...

Когда Левъ Николаевичъ вышелъ на крыльцо, чтобы совершить свою предъобѣденную прогулку, на немъ оказалась удивительно некрасивая, вязанная изъ желтой шерсти, накидка, что-то въ родѣ дамской кофты.

Льва Николаевича сопровождала графиня Софья Андреевна, съ корзинкой въ рукахъ.

Противъ крыльца подъ знаменитымъ «деревомъ бѣдныхъ» стояла высокая пожилая крестьянка и при видѣ графа и графини бросилась на колѣна.

Льва Николаевича передернуло, нижняя челюсть задрожала, точно онъ что-то усиленно прожевывалъ, сѣдая борода нервно тряслась.

— Встаньте, встаньте скорѣе,—заговорилъ онъ.—Что нужно?

Крестьянка стала разсказывать, что она погорѣла и чуть не сгорѣла вмѣстѣ со своимъ пріемышемъ.

Слова о пріемышѣ очень заинтересовали Льва Николаевича, и онъ сталъ разспрашивать крестьянку дѣловымъ и серьезнымъ тономъ.

Оказалось, по ея словамъ, что погорѣли еще подъ Ильинъ день, и погорѣла не она одна, а сгорѣло шесть избъ, между которыми были и кирпичныя.

— Какъ же подъ Ильинъ день погорѣла и только теперь пришла сказать?— удивился Левъ Николаевичъ.

— Послѣ пожара больна была, встать не могла,—пояснила баба.

— Надо разузнать про всѣхъ,—сказалъ Левъ Николаевичъ.—Шестеро погорѣли, а одна заявляетъ,—и онъ тутъ же распорядился, чтобы все подробно разузнали. Покончивъ съ бабой, Левъ Николаевичъ отправился къ площадкѣ для лаунъ-тенниса и съ живымъ интересомъ сталъ слѣдить за игрой. У зеленой скамьи сидѣла часть молодежи, не участвовавшая въ игрѣ. Сюда же подошла и графиня Софья Андреевна.

Зашла рѣчь о портретахъ Льва Николаевича.

— Не могу понять, какимъ образомъ въ эстампныхъ магазинахъ продаются снимки съ моихъ собственныхъ негативовъ?—возмущалась Софья Андреевна.— Вотъ пріѣдетъ Горькій, онъ тоже жаловался. Онъ сказалъ, что мнѣ укажетъ присяжнаго повѣреннаго, который возьмется за это дѣло и выяснитъ его.

Кстати, о портретахъ.

Ни одинъ изъ нихъ, конечно, не передаетъ той мягкости и одухотворенности которыми дышетъ столь невыразимо прекрасное некрасивое лицо Льва Николаевича.

На прощанье, видя живой спортивный интересъ, съ которымъ Левъ Николаевичъ слѣдилъ за своей любимой игрой, я спросилъ:

— А вы сами не играете?

И вовсе не казалось бы страннымъ, если бы этотъ старикъ, которому пошелъ 75-й годъ, сталъ подкидывать мячъ ловкимъ и сильнымъ движеніемъ.

— Нѣтъ, уже ноги не тѣ,—отвѣтилъ Левъ Николаевичъ.—Только одно баловство и осталось—побасеньки писать.

— Побольше бы такого баловства вашего, Левъ Николаевичъ.

— Все равно, печатать не буду...

---



«На днѣ». Въ Москвѣ, въ помѣщеніи Общества любителей искусства и литературы состоялся 6 го сентября, по словамъ московскихъ газетъ, интересный литературный вечеръ. М. Горькій, прибывшій на короткое время въ Москву изъ Н.-Новгорода, читалъ свою новую пьесу «На днѣ». Дѣйствіе пьесы происходитъ въ ночлежномъ домѣ нѣкоего Костылева. Изъ ряда характерныхъ діалоговъ мы знакомимся съ обитателями этой ночлежки. Здѣсь живетъ пропившійся актеръ, не утратившій представленія о прежней жизни, но погрязшій на днѣ разврата и пьянства. Слабая надежда бросить сгубившее его вино не оставила этого человѣка. Онъ все мечтаетъ попасть въ лечебницу для алкоголиковъ и вернуться на прежнюю дорогу. Другой обитатель ночлежки—нѣкій Сатинъ. Прошлое его неизвѣстно. Онъ самъ не говоритъ о немъ. Не говоритъ и о причинахъ пятилѣтняго пребыванія въ тюрьмѣ. Его протестъ противъ дѣйствительности выражается въ отвращеніи къ «обыкновеннымъ словамъ». Среди гробового молчанія онъ вдругъ выкрикнетъ «трансцедентный», не давая никакихъ дальнѣйшихъ объясненій и лишь объявляя слушателямъ, что существуетъ и другое хорошее слово—«фатаморгана». Здѣсь же живетъ воръ-профессіоналъ Васька Пепелъ, который находится въ связи съ хозяйкой ночлежнаго дома. Связью этой онъ тяготится и открыто заявляетъ о томъ своей возлюбленной. Та тоже не прочь порвать съ нимъ и даже готова женить его на своей сестрѣ, если онъ согласится избавить ее отъ мужа. Но Васька на эти условія не идетъ. «Ты,—говоритъ онъ,—хочешь отдѣлаться отъ мужа, а любовника на каторгу сослать! Нѣтъ матушка, шалишь». Но въ дальнѣйшемъ ходѣ драмы какъ-то случается такъ, что въ дракѣ, завязавшейся по самому пустому поводу, Васька-Пепелъ ударяетъ хозяина ночлежки «въ високъ» и тотъ умираетъ.

Изъ остальныхъ обитателей ночлежки слѣдуетъ назвать слесаря Клеща съ женой. Жена—несчастное, забитое существо, медленно умирающее въ теченіе двухъ первыхъ актовъ пьесы. Затѣмъ выведенъ еще цѣлый рядъ типичныхъ представителей «бывшихъ людей», разсказывать о характерныхъ особенностяхъ которыхъ было бы слишкомъ долго.

Надъ всѣмъ этимъ своеобразнымъ міромъ царитъ городовой Медвѣдевъ, къ которому всѣ относятся со страхомъ и уваженіемъ, называя его «дядей». Онъ вноситъ въ это общество извѣстный, хотя и несложный порядокъ, о которомъ одинъ изъ обитателей ночлежки отзывается: «Здѣсь для порядка въ морду бьютъ». Среди этихъ людей совершенно неожидано появляется странникъ Лука. Его никто не знаетъ. Городовой Медвѣдевъ удивлено спрашиваетъ его: кто онъ и почему онъ, Медвѣдевъ, его не знаетъ?

— А развѣ вы всѣхъ людей на свѣтѣ знаете?—лукаво спрашиваетъ странникъ.

— Въ своемъ участкѣ всѣхъ въ лицо долженъ знать,—отвѣчаетъ блюститель порядка.

Странникъ Лука вноситъ въ среду ночлежниковъ новыя мысли и желанія. Въ формѣ сказокъ и прибаутокъ развиваетъ онъ свои идеи. Въ каждомъ изъ «опустившихся на дно» странникъ пробуждаетъ душу живую. Онъ доказы-

*

ваетъ, что за стѣнами ночлежки—иной міръ, и какое-то неясное и неопредѣленное броженіе подымается въ этомъ прогнившемъ болотѣ.

Для умирающей жены слесаря онъ находитъ слово утѣшенія, уговариваетъ ее съ радостью уйти изъ этого міра, который не далъ ей ничего, кромѣ униженій и болѣзней. Въ третьемъ актѣ проповѣдь странника достигаетъ апогея, а вмѣстѣ съ тѣмъ разыгрывается и драча, во время которой Васька Пепелъ случайно убиваетъ хозяина ночлежки. Является полиція, а странникъ исчезаетъ такъ же таинственно, какъ и появился.

Послѣдній актъ рисуетъ ту же ночлежку, уже затихшею послѣ пережитыхъ броженій. Хозяйка вышла замужъ за городового Медвѣдева, который сразу утратилъ весь свой былой престижъ въ глазахъ обитателей ночлежнаго дома. Даже для своего племянника онъ обращается изъ дядей въ «теткинаго мужа». Пьяная безпросвѣтная жизнь тянетъ «на дно» расходившихся было обитателей ночлежки и актеръ-алкоголикъ не видитъ уже надежды на лучшее будущее. Безстрастенъ и нравственно чистъ въ этой пестрой толпѣ одинъ только татаринъ. Онъ, какъ всегда, въ урочный часъ совершаетъ свои молитвы и убѣжденно протестуетъ противъ шума и крика. Актеръ, какъ къ послѣднему прибѣжищу, обращается къ нему, прося его помолиться.

— А что же ты не молишься, каждый самъ за себя долженъ молиться,— отвѣчаетъ татаринъ.

Изъ рукъ утопающаго выскальзываетъ послѣдняя соломенка. Выпивъ стаканъ водки, актеръ уходитъ и вѣшается. Оставшіеся «на днѣ» не пытаются уже подняться, не обнаруживаютъ никакихъ стремленій. Безжалостныя волны житейскаго моря захлестнули тѣхъ, кого подняли было рѣчи странника Луки, и «на днѣ» снова тишина и муть.

---

**Голосъ подписчиковъ.** Въ февралѣ этого года редакція «Самарской Газеты» разослала своимъ подписчикамъ вопросные листки, съ цѣлью выяснить отношеніе читателей къ газетѣ и, сообразно съ этимъ, намѣтить и произвести въ ней возможныя улучшенія. 20-го марта эта интересная анкета была закончена, и итоги ея, подведенные Д. Д. Протопоповымъ, опубликованы недавно въ трехъ фельетонахъ газеты.

Всѣхъ отвѣтовъ получено (до 20-го марта) 404, причемъ въ этотъ счетъ не вошло 14 отвѣтовъ, имѣющихъ характеръ пошлыхъ выходокъ.

На поставленный въ опросномъ листѣ вопросъ, доволенъ ли подписчикъ газетой, большинство (77 процентовъ) отвѣтило утвердительно. Однако, отчетъ отмѣчаетъ при этомъ очень частыя «но», выражающія пожеланія отвѣчающихъ и ихъ требованія къ «Самарск. Газетѣ». Желанія сводятся, во-первыхъ—къ увеличенію отдѣла мѣстныхъ корреспонденцій (напр., 14 отвѣтовъ изъ 41 иногороднихъ землевладѣльцевъ), затѣмъ отдѣла вѣстей изъ столицъ, изъ-за границы и отдѣла мѣстной хроники. Рѣже требуютъ: руководящихъ передовыхъ, злободневныхъ фельетоновъ, введенія отдѣла библіографіи, обозрѣній научныхъ, литературныхъ и иностранной жизни.

Здѣсь царитъ, конечно, полное разнообразіе: лица, получающія или читаю-

щія столичныя газеты, хотятъ видѣть въ «Самарской Газетѣ органъ лишь мѣстный; лица, не выписывающія другихъ газетъ, требуютъ отъ мѣстной газеты полной универсальности, едва ли достижимой; это обстоятельство и нѣкоторая рознь интересовъ горожанъ и иногородныхъ наводитъ на мысль о томъ, что приближается то время, когда Самарская губернія настоятельно будетъ требовать для себя нѣсколькихъ органовъ: и общегубернской газеты, и городского листка, и дешеваго популярнаго журнала, и сельскохозяйственнаго журнала. Жизнь дифференцируется на нашихъ глазахъ; однородное постоянно распадается на разнородное, начинающее жить по своему.

Желаніе увеличить отдѣлъ корреспенденцій выражается у одного довольно извѣстнаго землевладѣльца, у одного духовнаго лица и у одного иногородняго служащаго въ торговомъ складѣ въ совѣтахъ посылать на мѣста особыхъ корреспондентовъ, которые объѣзжали бы уѣзды.

«Нужно,—пишетъ служащій,—чтобы редакція время отъ времени посылала вполнѣ толковыхъ людей на фабрики, заводы, промыслы и пр., гдѣ (путемъ легальнымъ, конечно) и справляться о трудѣ рабочихъ, уплатѣ за этотъ трудъ, о содержаніи рабочихъ, а также о санитарномъ положеніи, и врачебной помощи».

Личнаго сближенія съ тѣмъ классомъ, къ которому отвѣчающій самъ принадлежитъ, желаетъ самарскій хлѣботорговецъ: «Мой совѣтъ: побольше вращаться въ торговомъ обществѣ, нашъ торговый людъ, люди энергичныя, сведующіе... по каждой отрасли въ торговомъ дѣлѣ. Къ стати и вы узнали бы ихъ поближе, и невѣрно изменили бы свой взглятъ на торговцевъ...» (Нѣкоторымъ диссонансомъ звучитъ послѣ этого неожиданный заключительный аккордъ: «если бы я былъ не малограмотенъ, я много могъ бы добавлять разной ерунды въ вашей газете»).

«Освѣщеніе мѣстной жизни,—пишетъ одинъ бывшій земецъ, а теперь чиновникъ:—въ возможной широтѣ должно стоять въ газетѣ на первомъ планѣ. Зла въ нѣдрахъ обслуживаемаго газетой района такъ много, что всѣми силами надо стараться увеличить число дѣльныхъ сотрудниковъ корреспондентовъ, не брезгуя никакими слоями общества». Другой чиновникъ желалъ бы большаго освѣщенія, путемъ корреспонденцій, жизни деревни, не только жизни экономической, «а всей, какъ она есть, со всѣми ея нуждами. «Считаю нужнымъ—пишетъ сельскій учитель,—отводить больше мѣста мѣстной хроникѣ и корреспонденціямъ. Столичныя и заграничныя вѣсти я читаю въ другихъ газетахъ».

Почти то же слышимъ мы отъ чиновника, живущаго въ уѣздномъ городѣ. «Желательно больше корреспонденцій: онѣ пробуждаютъ большой интересъ къ газетѣ; онѣ вызываютъ чуткое вниманіе къ ихъ смыслу, а фельетонъ и вообще вѣсти не мѣстныя, если онѣ не отличаются особой сенсанціоностью, читаются поверхностно или вовсе не читаются... Это не свой голосъ, а голосъ публики, давно мной наблюдаемой».

Противъ фельетона возстаетъ и одинъ степной крестьянинъ, сельскій адвокатъ; «фельетоны газеты читаются только на темы злободневныя вообще...

никто здѣсь не читаетъ фельетоновъ: заводятся понемногу книги. Корреспонденціи же читаются съ большимъ интересомъ...»

Довольный газетой самарскій ремесленникъ скорбитъ, однако, о томъ, что редакція не удѣляетъ достаточно мѣста положенію ремесленниковъ, «что они слишкомъ тяжелый несутъ трудъ, работая самое меньшее по 12 часовъ въ сутки и получая гроши; пишутъ о всѣхъ, что тяжело—чиновникамъ, приказчикамъ, учителямъ, но ремесленникъ какъ бы и не существуетъ». Сапожникъ находитъ полезнымъ давать картины «быта и условій труда», такія, которыя «были бы полны живого интереса для рабочихъ и ремесленниковъ».

Зато другой рабочій очень доволенъ помѣщеніемъ корреспонденціи объ ушковской каменоломнѣ. Желѣзнодорожный рабочій проситъ больше обличеній желѣзнодорожныхъ порядковъ, а одинъ столяръ изъ глубины души молитъ: «Нельзя ли поменьше нащотъ Гоголя?» Въ этомъ отношеніи корреспондентъ вполнѣ сходится съ другими, желающими болѣе мѣстнаго, злободневнаго, близкаго къ жизни направленія.

Vis major не существуетъ для одного землевладѣльца, который обращается съ такимъ упрекомъ: «Забытъ институтъ земскихъ начальниковъ, а много есть интереснаго въ дѣятельности многихъ изъ нихъ». Другой недоволенъ молчаніемъ газеты объ общественныхъ работахъ въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая. Зато многіе другіе отвѣчающіе заявляютъ, что они понимаютъ наличность независящихъ обстоятельствъ, на которыя падаетъ отвѣтственность за неполноту газеты. «Я знаю, что вы во многомъ неповинны,—пишетъ одинъ завѣдующій столярной мастерской, заканчивающій словами:—Работайте тихо, скромно, честно, а главнымъ образомъ научайте людей «быть людьми», прививайте къ нимъ все хорошее, клеймите все плохое, насколько это для васъ доступно, и мы, ваши читатели, скажемъ вамъ большое спасибо». Самарскій конторщикъ благодаренъ газетѣ за то, «что удѣляете статьи по сектантству, но желательно слышать болѣе о вѣротерпимости». Сельскій адвокатъ признаетъ, что «газетой нельзя быть довольнымъ по той причинѣ, что ей мало, что позволяется говорить».

Что касается лицъ, выразившихъ недовольство газетой, то однимъ изъ самыхъ распространенныхъ пунктовъ обвиненія является обиліе объявленій, вытѣсняющихъ текстъ—грѣхъ, въ которомъ, дѣйствительно, «Самарская Газета» повинна. Затѣмъ идутъ жалобы на бесодержательность телеграммъ.

Корреспондентъ № 11, какъ и раньше упоминавшійся корреспондентъ, желалъ бы сближенія редакціи «съ торговымъ людомъ, какъ преобладающимъ элементомъ населенія». Плодомъ такого сближенія была бы, по его мнѣнію, перемѣна во взглядахъ редакціи на купечество, такъ какъ «круговоръ торговца, его опытность, разносторонность знаній и практичность далеко превосходятъ таковыя же чиновника и др. профессоровъ». Кстати, столь высокое самомнѣніе самарскаго Маякина уживается съ весьма фантастической орфографіей.

Самарскій учитель признаетъ, что́ «вообще современной газетой, всякой и провинціальной, и столичной, едва ли можно быть довольнымъ». Главнѣйшимъ ихъ недостаткомъ это лицо считаетъ «отсутствіе направленія».

То же самое заявляетъ и служащій на желѣзной дорогѣ: «Газета носитъ крайне неопредѣленный характеръ. Поправить дѣло возможно не растяженіемъ того или другого необходимаго отдѣла, а приданіемъ наибольшей гармоніи всему, что пишется въ газетѣ... Я далекъ отъ обвиненія газеты въ идейномъ сознательномъ хамелеонствѣ, но впечатлѣніе хамелеонства получается отъ идейной неопредѣленности».

Поводомъ къ недовольству у другого отвѣчающаго является отсутствіе въ газетѣ разработки «вопросовъ юридической и гражданской безпомощности коренного русскаго населенія—крестьянъ». Уѣздный адвокатъ говоритъ почти о томъ же: онъ недоволенъ недостаточнымъ освѣщеніемъ нуждъ деревни.

По мнѣнію лица, опредѣляющаго свою профессію словами «ученые труды, литература даютъ мнѣ средства къ жизни»—газета «слишкомъ ужъ либеральнаго направленія». А одинъ землевладѣлецъ заявляетъ: «крайне и крайне недоволенъ: газета слишкомъ консервативна».

Систематизируя отвѣты подписчиковъ «Самарск. Газеты» на предложенный имъ вопросъ, выписываютъ ли они другія періодическія изданія, г. Протопоповъ дѣлаетъ одно довольно любопытное сопоставленіе. Онъ беретъ двѣ болѣе численныя группы подписчиковъ-землевладѣльцевъ (45 чел.) и представителей торг.-промышлен. класса гор. Самары (ихъ—безъ служащихъ—61 чел.) и подсчитываетъ, сколько и какіе газеты и журналы выписываются этими 2 группами.

Не выписывающихъ никакихъ газетъ, кромѣ «Самарской», имѣется:

Среди землевладѣльцевъ . . . . . 3
Среди самарскаго купечества . . . . 10

Но отношеніе землевладѣльцевъ къ купцамъ есть почти 3/4 и потому не получающихъ иныхъ газетъ самарскихъ купцовъ больше въ 4 раза, чѣмъ не получающихъ землевладѣльцевъ.

Если перейдемъ къ періодическимъ изданіямъ, выписываемыхъ двумя упомянутыми группами, то видимъ, что первая группа выписываетъ 128 изданій общаго характера, а вторая 119.

Кромѣ того, первая группа выписываетъ спеціальныхъ органовъ 57, вторая—2.

Провинціальныя изданія выписываются:

Первая группа—6, вторая—6.

А всего выписываетъ первая *191* изданіе, вторая—*127* изданій.

Принимая же во вниманіе сравнительную численность обѣихъ группъ—45 и 61, приходимъ къ тому выводу, что землевладѣльцы и управляющіе выписываютъ період. изданій въ 1,8 раза (т.-е. почти вдвое) больше, чѣмъ самарскіе купцы и промышленники.

Словомъ, на 1 лицо первой группы приходится 4 экз., а на 1 лицо второй—2,09.

При этомъ первая группа отличается большимъ разнообразіемъ выписываемыхъ изданій, а также выпиской спеціальныхъ органовъ (56 противъ 2).

Это послѣднее различіе характерно, подтверждая лишній разъ, что интересы

техники и производства еще далеки большинства нашихъ представителей торговли и промышленности, занимающихся торговлей и кредитными операціями. Даже «Торгово-Промышл. Газету» отвѣчавшіе самарскіе комерсанты выписываютъ всего въ числѣ 2 экз., тогда какъ землевладѣльцы и управляющіе ее получаютъ въ 5 экз.

Возьмемъ теперь тѣ же данныя, но въ иной комбинаціи: мы выясняли, *какія* період. изданія (кромѣ «Самарской Газеты») получаютъ землевладѣльцы и управляющіе и представители торг.-промышл. класса; теперь вычислимъ, *сколько* такихъ изданій получаетъ каждый представитель обѣихъ группъ и затѣмъ сдѣлаемъ сопоставленія внутри каждой группы.

Въ результатѣ получаются въ предѣлахъ каждой группы, слѣдующіе выводы:

*Землевладѣльцы и управляющіе*:

| | |
|---|---|
| Не получающ. ни одного изданія около . . . . | 7% |
| Получающихъ 1 изд. . . . . . . . . . . . . . | 10% |
| Получающихъ болѣе 3 изд. . . . . . . . . . | 58% |
| » болѣе 10 изд. . . . . . . . . . | 12% |

*Представители торг.-промышл. класса.*

| | |
|---|---|
| Не получающ. ни одного изданія около . . . | 17% |
| Получающихъ 1 изд.. . . . . . . . . . . . | 36% |
| Получающихъ болѣе 3 изд. . . . . . . . . . | 12% |
| » болѣе 10 изд. . . . . . . . . | 0% |

Итакъ, городской торгово-промышлен. классъ гораздо скупѣе подписывается на період. изданія, чѣмъ землевладѣльцы и управляющіе. Гораздо большій ихъ % вовсе воздерживается отъ подписки; среди купцовъ почти вчетверо больше тѣхъ, кто получаетъ лишь одно изданіе; почти впятеро меньше лицъ, получающихъ болѣе 3 изданій; болѣе 10 изданій среди представителей второй группы не получаетъ никто. Довольно характерные показатели культурной обстановки нашей «буржуазіи»!

---

Безъ званія. «Человѣкомъ безъ званія» оказался, по словамъ «Восточнаго Обозрѣнія», одинъ изъ сельскихъ учителей. Прослужилъ онъ въ школѣ, ни много, ни мало, двѣнадцать лѣтъ, и захотѣлось ему съѣздить за границу, во Францію, уму-разуму поучиться... Подалъ, какъ водится, въ отставку, получилъ нужные документы и, не теряя времени, явился куда слѣдуетъ, за полученіемъ заграничнаго паспорта... Противъ выдачи паспорта препятствій никакихъ не имѣлось. Все шло хорошо, но графа о званіи неожиданно явилась камнемъ преткновенія...

Между лицомъ, выдающимъ паспортъ, и лицомъ, его получающимъ, завязывается слѣдующій діалогъ:

— Ваше званіе?



— Бывшій учитель...

— Такого званія не существуетъ!

— Я—изъ крестьянъ.

— Но вы исключены изъ крестьянскаго сословія при поступленія на службу, т.-е. уже 12 лѣтъ назадъ?

— Прослуживъ столько лѣтъ, я имѣю право на полученіе перваго чина...

— Да, но вы его не получили... Какое же ваше званіе?

— Гм... гм... Не знаю...

— И я тоже не знаю. Обратитесь къ своему бывшему начальству и достаньте удостовѣреніе о вашемъ званіи. Безъ этого я выдать вамъ заграничнаго паспорта не могу.

«Человѣкъ безъ званія» летитъ стрѣлою къ своему бывшему начальству и разсказываетъ о своемъ горѣ. Начальникъ въ большомъ недоумѣніи.

— Да... Въ самомъ дѣлѣ, какое же теперь у васъ званіе? Имѣете право на чинъ коллежскаго регистратора, но вы—не коллежскій регистраторъ.. За выслугою 12-ти лѣтъ учителемъ могли быть пожалованы званіемъ почетнаго гражданина, но вы—не почетный гражданинъ...

Въ крестьянскомъ сословіи не состоите уже 12 лѣтъ... Что же вы теперь изъ себя представляете?..

«Человѣкъ безъ званія» выходитъ отъ начальника совсѣмъ уничтоженнымъ...

— Придется, пожалуй, вмѣсто Парижа-то плестись ни съ чѣмъ во-свояси, если въ какое-нибудь званіе не произведутъ,—высказывалъ онъ свои опасенія при встрѣчѣ со мною въ тотъ же день.—Вотъ, братецъ, положеніе-то хуже губернаторскаго, какъ говорится. А главное—нервы взвинчены до послѣдней степени. Столько хлопотъ, томительныхъ ожиданій и вдругъ—неудача, да еще изъ-за чего? Изъ-за какой-то формалистики...

Черезъ день я снова встрѣтилъ его, и по сіяющей физіономіи сразу заключилъ, что заграничнаго паспорта онъ все-таки добился...

— Ну, а какое званіе?—спрашиваю съ живѣйшимъ любопытсвомъ.

— Пейзанъ,—иронически отвѣчаетъ онъ, разводя руками:—снова въ податномъ сословіи обрѣтаюсь.

— Какъ? А двѣнадцать лѣтъ службы?

— Похерили. Ну, да Богъ съ ними. Спасибо, что хотя паспортъ-то выходилъ.

---

**Не свое дѣло.** Сотрудникъ «Пермскаго Края» г. Саватѣевъ, вспомнивъ о нашумѣвшей въ свое время и много обѣщавшей поѣздкѣ по Уралу коммиссіи проф. Менделѣева, противопоставляетъ ей нынѣшнюю поѣздку по Уралу же другой коммиссіи, состоящей изъ начальника горнаго департамента Іоссы и другихъ особъ горнаго вѣдомства. Ея дѣйствія не носятъ такого безмятежно-теоретическаго характера, какъ дѣйствія той коммиссіи. Тамъ, гдѣ проѣдетъ она, закупориваютъ доменныя печи и сокращаютъ производство. На каждомъ заводѣ между членами ея происходятъ долгія совѣщанія чисто-практическаго характера,

а результатомъ этихъ совѣщаній съ наибольшимъ страхомъ ждутъ возчики руды и углежоги, тѣ, которымъ сокращеніе работъ грозитъ голодовкой. Чугунъ, стоющій въ продажѣ 40 коп. пудъ, *на мѣстѣ* стоитъ 45—50 коп., и его не только не везутъ въ Англію, какъ предсказывалъ проф. Менделѣевъ, но даже не берутъ въ Нижнемъ. Перепроизводство!.. И коммиссія принимаетъ мѣры противъ паденія цѣнъ тѣмъ, что временно сокращаетъ производство и сулитъ впереди какія-то обязательныя реформы.

Г. Саватѣевъ присматривался къ нѣкоторымъ частнымъ заводскимъ предпріятіямъ и въ нихъ его поражала крайняя простота производства и приспособленность къ мельчайшимъ мѣстнымъ условіямъ. Люди работали, ни мало не жалуясь на убытки; даже нынѣшній «чугунный кризисъ» не коснулся ихъ. А между тѣмъ, казенные заводы, при лучшихъ, казалось бы, условіяхъ, должны прекращать работу. Когда авторъ выразилъ свое крайнее изумленіе этому, ему отвѣчали: «Ну, да вѣдь тамъ—инженеры! Они сегодня тамъ, а завтра—ихъ и перевели на высшій окладъ. А мы всѣ одному дѣлу работаемъ».

Эти простыя слова заставляютъ сильно и много думать. Въ самомъ дѣлѣ не отъ того ли мы такъ бѣдны людьми, что у насъ люди въ большинствѣ случаевъ не имѣютъ своего дѣла. Имѣть окладъ и даже, стараясь его сохранить, расширять свою дѣятельность—это вовсе не значитъ сростись со своимъ дѣломъ и безраздѣльно ему отдаться. Вотъ во времена обязательнаго крѣпостного труда, какъ ни грустно подобное сопоставленіе, были люди, которые какъ будто жили одною жизнью съ заводомъ и составляли часть его организма. Всякая заминка въ производствѣ, равно какъ и всякая отщепина въ прокатномъ желѣзѣ причиняла имъ боль. И главный управляющій, и простой катальщикъ сроднялись со своимъ заводомъ. Да достаточно вспомнить кипучую дѣятельность первыхъ Демидовыхъ! А нынче? Не угодно ли послушать, что говорятъ въ Тагилѣ:

«... Антиреццы-то, значитъ, у Павла Иринарховича измѣнились, вотъ онъ сказалъ въ Петербургѣ: тагильскіе рельсы, говоритъ, совсѣмъ не годны. Желѣзо, слышь тагильское—нехорошо! Вотъ заказъ для его дороги и свалили весь на южные заводы. А у насъ нынче, въ верхней Салдѣ, выстроили, какъ нарочно рельсо-прокатный заводъ; при емъ еще начали, три меліонта, слышно, вѣталъ. Бо-ольшую механику онъ Тагилу подвелъ».

Затѣмъ авторъ вспоминаетъ еще одинъ характерный фактъ. Въ 1899 или 1900 году управитель Горы-Благодати г-нъ А—нъ распорядился, чтобы какъ съ поденьщиковъ, такъ и съ работающихъ сдѣльно дѣлались процентныя отчисленія въ пользу проектируемой горно-ремесленной школы. «Башкиришки», которые не понимали процентныхъ отчисленій и пользы горно-ремесленной школы, знали только одно: что имъ «не додали». Они послали ходоковъ къ управителю, и когда тотъ сослался на распоряженіе свыше, ходоки сказали ему: «Золотая гробъ дѣлать хочешь... Въ курманъ кладешь!..»

Или вотъ еще: нужно было устроить мойку для благодатской руды. Дадимъ опять слово «единицѣ массовой энергіи».

«Что теперь и будетъ у нихъ съ этой мойкой—просто сказать ничего невозможно! Перво—ее поставили у часовенки, на берегу пруда. Ну, земскій на-

чальникъ, дай ему Богъ здоровья, крѣпко за народъ стоитъ. Я, гритъ, не допущу, чтобы у меня народъ отравленную воду пилъ. Ну и убрали мойку, даромъ что она десять тысячъ встала. Теперь устроили ее далеко въ болотѣ, все какъ слѣдуетъ, лерьсы къ ей проложили, стали по трубамъ воду изъ пруда вести. А только Кузнецовъ, заводскій управитель, воды не даетъ: у меня, говоритъ, свой заводъ встанетъ. И губернаторъ, слышно было, такъ похвалилъ: «молодецъ, говоритъ, Кузнецовъ!» Который ужъ теперь десятокъ тысячъ совсѣмъ зря въ землю закапываютъ! А еще—ученые!..»

Странно въ самомъ дѣлѣ, какъ это инженеръ-теоретикъ не предвидѣлъ самыхъ простыхъ вещей. И право, кажется, это происходитъ отъ того, что для него горное дѣло не является кровнымъ, своимъ дѣломъ.

---

Наше книжное дѣло. «Русскія Вѣдомости» сообщаютъ нѣкоторыя данныя о петербургскомъ книжномъ дѣлѣ. За время съ 1-го января по 1-е іюля текущаго года петербургскій гражданскій цензурный комитетъ, не считая періодическихъ изданій, выпустилъ напечатанныхъ въ петербургскихъ типографіяхъ книгъ 1.808 названій въ 8.919.970 экземплярахъ.

Изъ этой суммы наибольше количество приходится на долю Гоголя. Различными фирмами различныхъ сочиненій Гоголя выпущено 1.004.000 экземпляровъ. Первое мѣсто среди его издателей занимаетъ петербургское общество грамотности, выпустившее Гоголя въ 300.000 экземплярахъ; за нимъ идутъ: общество «Народная польза» (255.000 экземп ), «Павленковъ» (122.000), Суворинъ (95.000), Берманъ (90 000), Холмушинъ, издатель лубочныхъ книгъ (45.000), городская дума (30.000), Аскархановъ (20.000), журналъ «Родина» (10.000), Пономаревъ (10.000), журн. «Русск. Нач. Учитель» (6.000), журн. «Самокатъ» (5.0000) и безъ указанія издательскихъ фирмъ вышло 16.000 экземпляровъ. Почти всѣ эти изданія выпущены по цѣнѣ отъ одной копѣйки за отдѣльную книжку съ отдѣльнымъ разсказомъ или повѣстью. Въ числѣ отдѣльныхъ дешевыхъ изданій совсѣмъ нѣтъ «Переписки съ друзьями».

Второе послѣ Гоголя мѣсто по числу выпущенныхъ съ типографскаго станка экземпляровъ книгъ занимаетъ Н. Я. Некрасовъ, выпустившій въ 340,000 экз. (13-мъ изданіемъ) свой «Практическій курсъ правописанія». Затѣмъ идутъ: А. Барановъ, авторъ и издатель букварей и другихъ пособій для начальныхъ училищъ. Имъ выпущено книгъ 298.000 экземпляровъ, Вольнеръ—авторъ школьныхъ руководствъ; его отдѣльныя изданія печатались до 70.000 экз., а всего выпущено 213,000 экз. По 100.000 экземпляровъ выпустили свои книги: Гольденбергъ (задачникъ ариѳметическій), Евтушевскій (то же) и Соколовъ («Ручная ковка лошадей». Очевидно, изданіе для народа; печаталось въ типографіи министерства внутреннихъ дѣлъ). Восьмое мѣсто занимаетъ Жуковскій, сочиненія котораго выпущены въ количествѣ 95.000 экземпляровъ Затѣмъ идетъ цѣлый рядъ различныхъ школьныхъ книгъ, прописей, хрестоматій и проч. Между прочимъ, въ 50.000 экземпляровъ вышло сто шестое изданіе «Родного слова» Ушинскаго. Изъ современныхъ писателей наиболѣе крупный типографскій тиражъ имѣлъ Вересаевъ—его «Записки врача» выпущены въ

40.000 экземпляровъ, и Горькій—его «Мѣщане» вышли въ 30.500 экз. Различныхъ сочиненій Пушкина напечатано было 33.000 экземпляровъ.

Лубочное издательство въ Петербургѣ сосредоточено почти исключительно въ однѣхъ рукахъ. Имъ занимается г. Холмушинъ, выпустившій 285.000 экземпляровъ различныхъ названій. Преобладающій элементъ его книгъ—пѣсенники (8 названій), выходящіе подъ различными вычурными (напримѣръ: «Что за пѣсни, что за пѣсни распѣваетъ наша Русь!») или бросающимися въ глаза названіями («Чуркинъ», Кинь грусть» и т. п.); затѣмъ идутъ разбойничьи романы (6 названій съ такими, напримѣръ, заглавіями: «Атаманъ Васька-Усъ», «Егорка Башлотъ—Желѣзныя лапы») и т. п.; третье мѣсто занимаютъ писатели общіе: Гоголь (45.000 экз.), Левъ Толстой («Кавказскій плѣнникъ»—10.000 экз.) и Вальтеръ-Скоттъ (передѣлка «Пертской красавицы»—15.000 экз.); затѣмъ идутъ сказки (два названія 20.000 экз.) и «Событіе въ церкви Леушинскаго подворья» съ очеркомъ жизни о. І. Кроншт. (20.000 экз.). Ученое издательство въ Петербургѣ, довольно значительное по числу названій, имѣетъ совершенно ничтожный спросъ. Ученыя записки и подобные имъ труды печатаются отъ 200 экз., самое большее, если 600. Исключеніе представляютъ словари: настольные и энциклопедическіе; обычный типографскій тиражъ ихъ держится около 20.000 экз. «Словарь русск. языка» академіи наукъ печатается въ 6.000 экз. Въ одномъ количествв съ учеными трудами и записками выходитъ большая часть сценическихъ произведеній и художественныхъ изданій. «Картины лондонской національной галлереи» печатаются въ количествѣ всего 300 экземпляровъ.

---

За мѣсяцъ. Просматривая отчеты о засѣданіяхъ мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, нельзя не замѣтить рѣзкой и существенной разницы въ характерѣ работъ комитетовъ, организованныхъ въ земскихъ губерніяхъ, съ одной стороны, и въ не-земскихъ—съ другой. Тогда какъ земскіе дѣятели переносятъ центръ тяжести сельскохозяйственныхъ потребностей въ область мѣропріятій широкаго общественнаго значенія, подкрѣпляя свои мнѣнія весьма обстоятельной и убѣдительной аргументаціей, комитеты, открытые въ не-земскихъ губерніяхъ, расходуютъ энергію своихъ членовъ въ большинствѣ случаевъ на разработку такихъ частныхъ и спеціальныхъ вопросовъ, изъ которыхъ одни давнымъ-давно уже разрѣшены въ томъ или иномъ смыслѣ земской практикой, а другіе требуютъ простой технической справки, какую въ любое время можетъ дать всякій знающій свое дѣло спеціалистъ. Неудивительно, поэтому, что нѣкоторые комитеты (каневскій, липовецкій, звенигородскій, таращанскій—Кіевской губерніи), въ сознаніи своей полной безпомощности предъ поставленной на ихъ разрѣшеніе задачей, пришли къ убѣжденію, что въ хозяйственной жизни мѣстнаго края на первую очередь долженъ быть поставленъ вопросъ о введеніи земства съ выборными управами, такъ какъ только земство и можетъ проводить въ жизнь мѣропріятія, направленныя къ поднятію сельскохозяйственнаго промысла.

Что же касается самихъ земскихъ дѣятелей, то отношеніе ихъ или, по



крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ нихъ, къ положенію, созданному особымъ совѣщаніемъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, въ послѣднее время значительно измѣнилось. Въ происходившемъ недавно въ Москвѣ, подъ предсѣдательствомъ Д. Н. Шипова, совѣщаніи предсѣдателей земскихъ управъ Московской губерніи обсуждался вопросъ объ участіи земскихъ дѣятелей въ разработкѣ поставленной особымъ совѣщаніемъ задачи. Какъ передаютъ «Русскія Вѣдомости», совѣщаніе пришло къ заключенію, что въ мѣстныхъ комитетахъ земцы не должны уклоняться отъ участія въ рѣшеніи частныхъ вопросовъ по содѣйствію сельскому хозяйству, но нужно стараться всѣ такіе частные вопросы сводить къ общимъ вопросамъ, затронутымъ въ запискахъ, подаваемыхъ въ комитетъ. Совѣщаніе единогласно признало желательнымъ, чтобы записка, которая будетъ внесена земцами въ губернскій комитетъ, заключала въ себѣ указанія лишь на общія условія, тормозящія правильное и успѣшное развитіе сельскаго хозяйства. Затѣмъ предсѣдатель внесъ на обсужденіе совѣщанія программу, составленную во время происходившихъ въ Москвѣ въ маѣ мѣсяцѣ бесѣдъ земскихъ дѣятелей изъ 25-ти губерній и разосланную для свѣдѣнія всѣмъ предсѣдателямъ уѣздныхъ управъ Московской губ. Такъ какъ первые три пункта этой программы уже выполнены подачею въ губернскій комитетъ, въ засѣданіи 18-го іюня, соотвѣтствующей записки, то Д. Н. Шиповъ предложилъ перейти къ обсужденію 4-го пункта, въ которомъ указывается на необходимость привлеченія представителей земскихъ собраній въ составъ особаго совѣщанія по вопросу о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. При этомъ предсѣдатель сообщилъ, что, по мнѣнію его и нѣсколькихъ предсѣдателей губернскихъ управъ, съ которыми ему удалось видѣться послѣ его бесѣдъ съ министрами внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, не слѣдовало бы въ запискахъ касаться вовсе вопроса, намѣченнаго въ 4-мъ пунктѣ. Практическаго значенія указаніе на необходимость пополненія состава особаго совѣщанія выборными земскими представителями имѣть не будетъ, такъ какъ это пожеланіе земцевъ правительство не удовлетворитъ. Между тѣмъ, какъ это выяснилось изъ его бесѣды съ компетентными лицами, подобныя заявленія земства разсматриваются, какъ домогательство участія выборныхъ земскихъ представителей въ высшемъ управленіи, и возбужденіе земскими людьми такого рода вопросовъ вредно для ближайшихъ интересовъ земскаго дѣла, поддерживая недовѣріе къ нему въ сферахъ, относящихся вообще отрицательно къ принципу мѣстнаго самоуправленія.

Большинствомъ противъ одного голоса совѣщаніе рѣшило исключить 4-й пунктъ изъ программы записки. Далѣе совѣщаніе признало нужнымъ исключить также пунктъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія изъ резолютивной части записки, оставивъ его въ текстѣ. Затѣмъ постановлено отмѣтить ненормальность требованія отъ обществъ увольнительнаго приговора для поступленія крестьянина въ среднее или высшее учебное заведеніе, а также указать на необходимость предоставленія обществу бо̀льшаго участія въ веденіи школьнаго дѣла и на желательность, въ цѣляхъ закрѣпленія въ народѣ пріобрѣтаемыхъ въ школѣ знаній и въ цѣляхъ организаціи взаимодѣйствія между правительствомъ и земствомъ, передачи ввѣренныхъ комитетамъ трезвости дѣлъ и

средствъ въ вѣдѣніе земскихъ учрежденій. Остальные пункты програмы приняты совѣщаніемъ безъ измѣненій. Совѣщаніе поручило губернской управѣ составить записку по выработанной програмѣ. При обсужденіи вопроса объ участіи предсѣдателей и членовъ уѣздныхъ управъ въ уѣздныхъ комитетахъ, предсѣдатель подольской управы высказался за то, чтобы вся програма, только что принятая совѣщаніемъ, цѣликомъ прошла чрезъ уѣздные комитеты, причемъ отдѣльныя положенія ея могутъ быть подкрѣплены мѣстными данными. Совѣщаніе единогласно признало желательнымъ, чтобы предсѣдатели и члены уѣздныхъ управъ внесли въ мѣстные уѣздные комитеты записки, составленныя по выработанной въ настоящемъ засѣданіи програмѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, принимая во вниманіе, что всѣ положенія этой програмы будутъ подробно мотивированы въ запискѣ, подаваемой въ губернскій комитетъ, совѣщаніе нашло, что нѣтъ необходимости въ составленіи подробныхъ записокъ для уѣздныхъ комитетовъ и что представляется достаточнымъ привести въ уѣздныхъ запискахъ основныя положенія, иллюстрируя ихъ мѣстными данными. Это послѣднее высказанное московскимъ совѣщаніемъ пожеланіе нѣкоторыми предсѣдателями управъ Московской губерніи уже осуществлено; такъ, рускимъ комитетомъ «съ глубокой благодарностью» выслушанъ и почти цѣликомъ принятъ интересный докладъ предсѣдателя мѣстной земской уѣздной управы А. И. Цыбульскаго.

По мнѣнію докладчика, всѣ отдѣльныя мѣропріятія къ поднятію сельскохозяйственной промышленности можно свести къ тремъ основнымъ категоріямъ: 1) вопросы правовые, 2) экономическіе и 3) техническіе.

Вопросы правовые должны быть поставлены во главу угла, потому что какія бы мѣропріятія для поднятія сельскаго хозяйства ни принимались, какія бы жертвы ни дѣлало государство въ интересахъ этой коренной отрасли народнаго труда, всѣ эти мѣропріятія не принесутъ надлежащихъ результатовъ до тѣхъ поръ, пока не предоставлено будетъ отдѣльнымъ лицамъ и общественнымъ группамъ права свободнаго развитія самодѣятельности. Въ этихъ цѣляхъ является крайне желательнымъ не умаленіе правъ земства, а ихъ расширеніе въ законадательномъ порядкѣ.

Вопросъ сельскохозяйственный тѣсно связанъ съ вопросомъ крестьянскимъ, такъ какъ 4/5 всего населенія Европейской Россіи составляютъ крестьяне, производящіе болѣе 2/3 всего хлѣба, собираемаго въ Россіи. Между тѣмъ, ненормальность современнаго правового положенія крестьянъ отмѣчена самимъ правительствомъ, такъ какъ имъ призвана къ жизни и уже приступила къ занятіямъ коммиссія по пересмотру Положенія 19-го февраля 1861 года. Являлось бы крайне желательнымъ и въ интересахъ дѣла наиболѣе цѣлесообразнымъ, чтобы заключенія названной коммиссіи предварительно были заслушаны въ земскихъ собраніяхъ, такъ какъ земство все же является единственнымъ представителемъ того населенія, въ интересахъ котораго образована эта коммиссія. Въ интересахъ сельскохозяйственной промышленности необходимо полное уравненіе крестьянъ въ правахъ съ другими сословіями.

Переходя къ вопросамъ экономическимъ, докладчикъ между, прочимъ, гово-

ритъ, что страна, огражденная цѣлою серіей запретительныхъ пошлинъ, переплачиваетъ огромные деньги. Такъ, въ 1901 году сельскимъ хозяевамъ пришлось переплатить до $1^1/_2$ милл. рублей одной только пошлины на сельскохозяйственныя машины и орудія. По мнѣнію докладчика, нельзя класть въ основу составленія государственнаго бюджета систему косвенныхъ налоговъ, облагая въ пользу фиска предметы первой необходимости. Если обратимся къ государственной росписи доходовъ, то увидимъ, что косвенные налоги во много разъ превышаютъ прямые. Такое направленіе финансовой политики разоряетъ крестьянъ, особенно нуждающихся въ государственной помощи. Матеріальная необезпеченность послѣднихъ особенно выступитъ рельефно, если обратимся къ размѣрамъ ихъ земельнаго владѣнія.

Надѣленіе землей крестьянъ Рузскаго уѣзда въ 1861 г. было сдѣлано, считая по $3^1/_2$ дес. на каждую ревизскую душу. Въ настоящее же время, по даннымъ послѣдней переписи 1897 г., приходится на каждую наличную мужскую душу по 1,6 дес. Если признать, что $^6/_{10}$ дес. находится подъ усадьбами, огородами и выгонами, то полевое хозяйство приходится вести на одной десятинѣ. Можно ли серьезно говорить объ измѣненіи системы полеводства, съ переходомъ отъ традиціоннаго трехполья къ многолѣтнимъ сѣвооборотамъ, если всю систему приходится вводить на одной десятинѣ?

Финансовая политика Россіи должна придти на помощь тому населенію — въ интересахъ поднятія его сельскохозяйственной промышленности,—на которомъ лежитъ главная тяжесть податного бремени. Въ этихъ цѣляхъ является безусловно необходимымъ произвести дополнительную нарѣзку земли путемъ обязательнаго государственнаго выкупа. Эту задачу могъ бы выполнить крестьянскій банкъ. Крайне полезно было бы, чтобы нормы дополнительныхъ надѣловъ передъ утвержденіемъ ихъ въ законодательномъ порядкѣ передавались на заключенія земскихъ собраній, такъ какъ лишь земства, близко стоя къ населенію, имѣя въ своемъ распоряженіи достаточную экономическую организацію въ лицѣ своихъ сельскохозяйственныхъ совѣтовъ, статистическихъ бюро и проч., могутъ дать болѣе справедливый совѣтъ на поставленный вопросъ.

Что же касается улучшенія самой техники сельскаго хозяйства, то мѣры въ этой области могутъ оказаться, по мнѣнію докладчика, тогда лишь благотворными вообще и въ частности для Рузскаго уѣзда, если главный производитель русскаго хлѣба—крестьянинъ—будетъ въ достаточной мѣрѣ способенъ воспріять благодѣтельные результаты такого улучшенія. А такъ какъ послѣднее находится въ неразрывной связи съ образованіемъ населенія, то для практическаго примѣненія улучшенныхъ пріемовъ техники сельскаго хозяйства необходимо введеніе всеобщаго начальнаго обученія пока хотя путемъ его общедоступности. Задача эта въ большинствѣ случаевъ непосильна земствамъ, а потому необходимо, чтобы правительство поспѣшило придти на помощь земству въ его дѣятельности на этомъ поприщѣ.

Въ заключеніе докладчикъ говоритъ:

«Какія бы мѣропріятія ни были выработаны правительствомъ для поднятія сельскаго хозяйства, тогда лишь эти мѣропріятія будутъ имѣть свое прак-



тическое примѣненіе, если установлена будетъ прочная связь между правительствомъ и его отвѣтственнымъ органомъ по сельскому хозяйству—министерствомъ земледѣлія—и земствомъ, закономъ облеченнымъ заботиться о благосостояніи мѣстнаго населенія»...»

— Въ пользу школы Виктора Петровича Острогорскаго въ г. Валдаѣ поступила въ редакцію черезъ г-жу Е. Воскресенскую—часть сбора съ литературно-музыкальнаго благотворительнаго вечера, устроеннаго ею 6-го августа въ кумысо-лѣчебномъ заведеніи вблизи Самары, въ размѣрѣ 100 р. (Остальная выручка ассигнована на Самарскій дѣтскій садъ и передана сполна г-ну судебному слѣдователю Якову Львовичу Тейтелю).

---

## Изъ русскихъ журналовъ.

(Русская Старина—іюль; Историческій Вѣстникъ—августъ. Русская Мысль—іюль. Русское Богатство—іюль и августъ. Образованіе—іюль—августъ).

Двадцать третьяго іюля нынѣшняго года исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со дня смерти извѣстнаго въ свое время романиста Михаила Николаевича Загоскина. Авторъ «Юрія Милославскаго», «Рославлева» и другихъ скучно-патріотическихъ произведеній, конечно, не принадлежитъ къ числу такихъ писателей, каждая подробность біографіи которыхъ представляетъ болѣе или менѣе значительную историко-литературную цѣнность, и потому, касайся напечатанное въ іюльской книжкѣ «Русской Старины» сообщеніе А. И. Бычкова, озаглавленное «Изъ переписки М. Н. Загоскина», только личности послѣдняго, оно имѣло бы интересъ лишь для однихъ спеціалистовъ. Но въ данномъ случаѣ это не такъ, ибо въ названной перепискѣ или, вѣрнѣе, въ полученныхъ Загоскинымъ отъ разныхъ лицъ письмахъ, подлинники которыхъ хранятся въ Императорской публичной библіотекѣ, разсыпано не мало весьма цѣнныхъ черточекъ, характеризующихъ положеніе русской литературы въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, и въ этомъ смыслѣ переписка Загоскина представляетъ несомнѣнный интересъ. Такъ, графъ Бенкендорфъ пишетъ Загоскину:

«Шефъ жандармовъ, командующій Императорскою главною квартирою, генералъ-адъютантъ, графъ Бенкендорфъ, свидѣтельствуя совершенное почтеніе его высокородію Михаилу Николаевичу, покорнѣйше проситъ его, какъ очевидца сегодняшняго шествія его величества государя императора въ Успенскій соборъ, потрудиться написать о семъ статью, которую и доставить къ нему, генералъ-адъютанту Бенкендорфу, завтрашняго числа къ 12-ти часамъ утра, для помѣщенія оной въ газетѣ «Сѣверная Пчела».

Статья была, разумѣется, доставлена и помѣщена въ прибавленіи къ № 191 «Сѣверной Пчелы», отъ 21-го августа 1836 г. Онъ же пишетъ ему:

«Милостивый государь Михаилъ Николаевичъ! Издатель альманаха «Утренняя Заря», В. А. Владиславлевъ, котораго изданіе, ежегодно улучшаясь, пріобрѣло общее расположеніе отечественной публики и выгодные отзывы иностранныхъ журналовъ, какъ по литературному достоинству помѣщаемыхъ въономъ

статей, такъ и по изяществу гравюръ и по типографской роскоши, возобновляетъ альманахъ свой на будущій 1840 годъ въ роскошнѣйшемъ видѣ въ пользу с.-петербургской дѣтской больницы. По званію предсѣдателя означенной больницы, принимая съ признательностью столь благотворительное приношеніе г. Владиславлева и желая, съ своей стороны, по возможности содѣйствовать его предпріятію, я пріемлю честь покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, не угодно ли будетъ вамъ удостоить участіемъ вашимъ сіе изданіе на будущій 1840 годъ, присовокупляя притомъ, что всякое приношеніе ваше въ альманахъ принято будетъ мною съ искреннею благодарностью. Съ совершеннымъ уваженіемъ и преданностью имѣю честь быть вашимъ милостивый государь, покорнѣйшій слуга графъ Бенкендорфъ».

И въ «Утренней Зарѣ» за 1840 годъ появился разсказъ Загоскина «Нескучное».

Весьма интересны также въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ письма къ Загоскину Ф. Ф. Вигеля, занимавшаго должность директора департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій.

Въ 1836 году Загоскинъ выпустилъ въ свѣтъ свою комедію «Недовольные» и послалъ ее съ авторскою надписью Вигелю. Это-то обстоятельство и послужило поводомъ для длиннаго письма Вигеля къ Загоскину, въ которомъ тотъ писалъ между прочимъ:

«Бѣшеная рецензія «Московскаго Наблюдателя» на вашу славную комедію еще здѣсь читается, вы подъ проклятіемъ враговъ порядка, Руси, православія; торжествуйте, не слабѣйте, продолжайте. Я знаю духъ издателей и сотрудниковъ сказаннаго журнала: непокорность къ властямъ, безмѣрное честолюбіе, германская туманная философія и желаніе чего-то, чего они сами объяснить не умѣютъ, вотъ изъ чего составляется сей духъ. По моему, это якобинство новаго изданія; оно прикрывается какою-то полухристіанскою кротостью и вѣжливостью формъ; по моему, это волки въ овечьей шкурѣ: ваша комедія, разумѣется, должна была жестоко оскорбить ихъ. У нихъ есть политическая вѣра, космополитизмъ, которая распространяется парижской пропагандой». Виновницей всѣхъ золъ въ человѣчествѣ, по мнѣнію Вигеля, не дожившаго до нашихъ дней и потому не имѣвшаго основаній писать восторженныхъ панегириковъ «франко-русскому альянсу», является, конечно, «злодѣйка и развратница» Франція. «Мало ей, старой кокеткѣ,—писалъ Вигель,—пороками, коими она исполнена, коими она кипитъ, привлекать юные, сильные народы; она научаетъ злодѣяніямъ, представляя ихъ торжествующими въ романахъ и драматическихъ произведеніяхъ и облекая ихъ всею прелестью слога; наконецъ, накостница сія пріучаетъ читателей и зрителей безъ отвращенія глядѣть на все то, что въ человѣческой природѣ есть мерзѣйшаго... И это называется духомъ времени: случается послѣ полуночи въ петербургскихъ улицахъ чувствовать духъ того времени, но тогда затыкаешь носъ; этотъ же духъ, который проводитъ одна страна, коей жители отъ безнравственности сгнили и провоняли, другіе народы съ восторгомъ въ себя вдыхаютъ. Какой-то будетъ съ этимъ конецъ?»

Вигель утѣшаетъ Загоскина въ тяготѣющемъ надъ нимъ «проклятіи» со стороны русскихъ «якобинцевъ» тѣмъ, что «всѣ умные и истинно просвѣщенные люди хвалятъ комедію». Среди нихъ находятся министры Блудовъ, Дашковъ и Уваровъ.

Возвращаясь въ слѣдующемъ письмѣ къ Загоскину къ той же комедіи «Недовольные», Вигель противопоставляетъ ее гоголевскому «Ревизору», о которомъ отзывается такъ:

«Читали ли вы сію комедію? видѣли ли вы ее? Я ни то, ни другое, но столько о ней слышалъ, что могу сказать, что издали она мнѣ воняла. Авторъ выдумалъ какую-то Россію и въ ней какой-то городокъ, въ который свалилъ онъ всѣ мерзости, которыя изрѣдка на поверхности настоящей Россіи находишь: сколько накопилъ онъ плутней, подлостей, невѣжества! Я, который жилъ и служилъ въ провинціяхъ, смѣло называю это клеветой въ пяти дѣйствіяхъ. А наша то чернь хохочетъ, а нашимъ-то боярамъ и любо; всѣ эти праздные трутни, которые далѣе Петербурга и Москвы Россіи не знаютъ, которые готовы смѣшивать съ грязью и насъ, мелкихъ дворянъ, и чиновниковъ, и всю нашу администрацію, они въ восторгѣ отъ того, что пріобрѣтаютъ новое право презирать свое отечество и, указывая на сцену, говорятъ: вотъ ваша Росія! Безумцы! Я знаю г. автора—*это юная Россія, во всей ея наглости и цинизмѣ*. Онъ подъ покровительствомъ Жуковскаго, но вѣдь это Жуковскій не прежній. Посудите, нынѣшнею зимою онъ по субботамъ собираетъ у себя литераторовъ и я иногда являлся туда, какъ въ непріятельскій станъ. Первостепенные тамъ князья Вяземскій и Одоевскій и г. Гоголь...» Этому обществу Вигель противопоставляетъ собирающееся разъ въ недѣлю у него самого общество. Тутъ бывали цѣлыхъ три губернатора: «Курскій вашъ тёска, — честь и слава имени русскаго (Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, впослѣдствіи графъ и виленскій генералъ-губернаторъ), тверской (графъ Александръ Петровичъ Толстой, бывшій потомъ оберъ-прокуроромъ св. синода), единственный аристократъ, патріотъ и саратовскій (Александръ Петровичъ Степановъ), довольно пріятный человѣкъ и пріятный писатель, авторъ «Постоялаго двора». Характерно также и окончаніе цитируемаго письма Вигеля.

«Разсудокъ велитъ мнѣ просить васъ о сожженіи писемъ моихъ, ибо слишкомъ смѣло выражаюсь въ нихъ насчетъ нѣкоторыхъ лицъ, коихъ могу сдѣлать себѣ врагами, а самолюбіе заставляетъ меня желать, чтобы вы ихъ сохранили, потому что въ нихъ есть мимоходныя идеи, коихъ бы мнѣ жаль было невозвратной потери».

Между этимъ и слѣдующимъ изъ помѣщенныхъ въ «Русской Старинѣ» письмами прошло почти пятнадцать лѣтъ. За это время Вигель и Загоскинъ, видимо, стали очень близки, ибо въ ихъ письмахъ холодное «вы» смѣнилось тепленькимъ «ты». Письмо Вигеля, помѣченное маемъ 1850 года, заслуживаетъ того, чтобы изъ него сдѣлать болѣе длинную выписку.

«Милый другъ и братъ Михаилъ Николаевичъ! Какъ давно не видалъ я тебя, какъ давно не писалъ къ тебѣ, страшно подумать: неужели мы вовсе сдѣлались чужды другъ другу? Правда, я бѣглецъ изъ Москвы, ты упрямый

житель сего города, котораго оболочка мнѣ такъ обворожительна, но котораго начинка мнѣ такъ противна. Зато сколько есть пунктовъ, на которыхъ мы сходимся душой и сердцемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ Москву, въ цѣлой Европѣ разразилась революція, которую мы съ тобой такъ ожидали и такъ страшились. Ну что? Каковъ образецъ, учитель нашъ Западъ? Признаюсь въ невѣжествѣ своемъ: когда въ 1844 году воротился я изъ-за границы, то въ Москвѣ изъ устъ твоихъ въ первый разъ съ нѣкоторымъ вниманіемъ услышалъ я слово коммунизмъ, а онъ, подкравшись вслѣдъ за сенсимонизмомъ, фуріеризмомъ и всѣми нѣмецкими безсмысленными богоотступными сектами, стоялъ уже выше всѣхъ этихъ стѣнобитныхъ орудій, готовыхъ сокрушить общественное зданіе. Имена Шеллинга и Гегеля, которыми такъ оглушали меня у васъ имѣющіе претензіи на ученость, въ Германіи едва доходили до слуха моего, нѣмцы считали путешествующихъ сѣверныхъ невѣждъ неспособными еще постигать высокихъ истинъ сихъ ге іевъ. Въ Парижѣ разъ только одинъ землякъ завезъ меня въ общество фаланстеріанцевъ; мнѣ любопытно было послушать ихъ бредни, но они были скромны и разсуждали только о художествахъ. Вообще вездѣ замѣтно было волненіе умовъ, но ничего не возвѣщало близости революціоннаго взрыва. Нынѣ же соціализмъ, выскочивъ прямо изъ ада и пройдя черезъ Бэдламъ и Шарантонъ *), распространился между людей. Что-то объ этомъ толкуютъ наши дуры, оксинданталистки, западницы, или западни, какъ я ихъ называю? Между прочимъ, весьма немногоумная, но многоумствующая Ховрина. Меня увѣряли, что въ Пензѣ Блохина рѣшительно бѣснуется; не худо бы тебѣ посовѣтовать пріятелю своему архіерею и зятю своему губернатору, чтобы ее отчитывать».

---

Іюльскія книжки «Русской Мысли» и «Русскаго Богатства» содержатъ въ себѣ статьи, посвященныя такъ называемому сіонизму. Авторы этихъ статей стоятъ на діаметрально противоположныхъ точкахъ зрѣнія. Тогда какъ д-ръ Г. И. Гордонъ (авторъ статьи въ «Русской Мысли» подъ заглавіемъ «Сіонизмъ и христіане») является не только убѣжденнымъ сіонистомъ, но и однимъ изъ активныхъ дѣятелей, стремящихся воплотить сіонизмъ въ жизнь, г. І. Бикерманъ (авторъ статьи въ «Русскомъ Богатствѣ» подъ заглавіемъ «О сіонизмѣ и по поводу сіонизма») считаетъ самую идею сіонизма въ философскихъ ея обоснованіяхъ весьма близкой къ «философіи» антисемитизма и приходитъ къ убѣжденію, что сіонизмъ представляетъ собою не болѣе, какъ ублюдокъ изъ антисемитизма и національнзма, «помѣсь человѣческой злобы и человѣческой ограниченности». Д-ръ Гордонъ, слѣдуя примѣру нѣкоего Эмиля Кроненберга, издавшаго года два тому назадъ въ Берлинѣ книгу («Zionisten und Christen») съ мнѣніями о сіонизмѣ европейскихъ государственныхъ дѣятелей, ученыхъ, писателей и т. д., задумалъ собрать мнѣніе о томъ же предметѣ многихъ русскихъ писателей и публицистовъ. Полученные отвѣты на свои запросы съ

*) Извѣстныя лечебныя заведенія для сумасшедшихъ: Бэдламъ близъ Лондона, и Шарантонъ—недалеко отъ Парижа.



критикой авторомъ статьи каждаго изъ этихъ мнѣній въ отдѣльности и составляютъ содержаніе статьи г. Гордона въ «Русской Мысли». Вопреки рѣшительному осужденію г. Бикерманомъ идеи сіонизма, почти всѣ запрошенные г. Гордономъ русскіе писатели высказались о сіонизмѣ съ большимъ сочувствіемъ и разошлись между собою лишь въ большей или меньшей степени вѣры въ практическую осуществимость данной идеи. Г. Мордовцевъ прямо пишетъ, что «за великіе духовные дары, которыми еврейскій народъ обогатилъ весь цивилизованный міръ, этотъ міръ обязанъ, рано или поздно, заплатить свой неоплатный долгъ народу, духовная мощь котораго не изсякла въ теченіе тысячелѣтій, возвратить ему утраченную имъ родину, безбожно ограбленную насиліемъ». И г. Мордовцевъ глубоко убѣжденъ, что идея сіонизма осуществится въ дѣйствительности и что, «получивъ обратно въ свое владѣніе Палестину, еврейскій народъ, при его необычайной даровитости и поразительной энергіи духа, создастъ могущественное и богатое государство тамъ, гдѣ когда-то кипѣла дѣловая жизнь финикіянъ». Г. Милюковъ пишетъ такъ: «Принципіально я вполнѣ сочувствую смѣлой идеѣ сіонизма и могу лишь пожелать ему выйти побѣдителемъ изъ тѣхъ серьезныхъ затрудненій и противорѣчій, которыя возникаютъ на его пути при всякой попыткѣ идти впередъ, а не возвращаться назадъ. Самыя эти внутреннія противорѣчія между національно-политическимъ и національно-религіознымъ, культурнымъ и традиціоннымъ элементами вопроса только доказываютъ мнѣ, что даже, независимо отъ своей практической задачи, онъ можетъ имѣть сильное и плодотворное вліяніе на подъемъ культурнаго уровня еврейской массы. Если, несмотря на все это, я готовъ прибавить къ сказанному нѣкоторое «но», то лишь потому, что не вижу въ сіонизмѣ полнаго и окончательнаго рѣшенія еврейскаго вопроса». Сдѣлавъ критическое замѣчаніе относительно нѣкоторыхъ практическихъ пріемовъ въ сіонистическомъ движеніи, г. Милюковъ тутъ же прибавляетъ, что, по его мнѣнію, все-таки «для очень значительной массы путь къ національному самосознанію и гражданскому правосознанію идетъ до извѣстнаго пункта въ одномъ и томъ же направленіи. Это обстоятельство даетъ возможность и даже налагаетъ обязанность горячо привѣтствовать сіонизмъ даже и со стороны тѣхъ, которые разойдутся съ нимъ въ своихъ конечныхъ цѣляхъ и средствахъ». Г. Короленко также прямо заявляетъ, что «конечно, нельзя не сочувствовать стремленію гонимаго народа устроить собственное отечество въ той странѣ, куда и теперь безпрестанно направляются его чувства», но что здѣсь весь вопросъ въ практической осуществимости даннаго предпріятія. Указавъ на трудность препятствій, съ которыми пришлось бы считаться при этомъ евреямъ, г. Короленко прибавляетъ: «Представляются ли эти препятствія совершено неодолимыми,—мнѣ неясно, такъ какъ съ этимъ вопросомъ я знакомъ недостаточно». Г. Туганъ-Барановскій пишетъ: «Я отъ всей души сочувствую сіонистскому движенію, какъ протесту противъ того глубоко-возмутительнаго отношенія къ евреямъ, которое господствуетъ въ современномъ обществѣ. Сіонистское движеніе вызываетъ симпатію съ моей стороны также и потому, что я вижу въ немъ проявленіе высокаго идеализма. Правда, ни-

одно историческое государство не возникало такимъ образомъ, какъ хотятъ возстановить древнее еврейское царство сіонисты. Но прошлое не указъ для будущаго; образованіе еврейскаго государства было бы одною изъ величайшихъ побѣдъ человѣческаго духа, какія только извѣстны исторіи». Тою же губокою симпатіею къ сіонизму проникнуто и письмо г. Максима Горькаго, который писалъ по этому поводу д-ру Гордону такія строки: «Мнѣ глубоко симпатиченъ великій въ своихъ страданіяхъ еврейскій народъ; я преклоняюсь передъ силой его измученной вѣками тяжкихъ несправедливостей души, измученной, но горячо и смѣло мечтающей о свободѣ. Хорошая, огненная кровь течетъ въ жилахъ вашего народа! Мнѣ говорятъ, что сіонизмъ—утопія: не знаю, можетъ быть. Но поскольку въ этой утопіи я вижу непобѣдимую, страстную жажду свободы, для меня—это реальность, для меня—это великое дѣло жизни. Всей душой моей я желаю еврейскому народу, какъ и другимъ людямъ, вложить всѣ силы духа въ эту мечту, облечь ее въ плоть и, напитавъ горячею кровью, неустанно бороться за нее, чтобы побѣдить все несправедливое, грубое, пошлое». Г. Михайловскій усматриваетъ противъ сіонизма два довода: «Мнѣ кажется,—пишетъ онъ,—что осуществленіе сіонистской задачи потребовало бы такихъ огромныхъ матеріальныхъ средствъ, какихъ никогда не окажется въ наличности; мнѣ кажется далѣе, что было бы очень прискорбно, если бы Европа лишилась такого энергичнаго и способнаго элемента, какъ еврейство». Съ симпатіей къ сіонизму отнеслись и многіе другіе русскіе писатели.

Рѣзко противоположнаго взгляда держится, какъ сказано, на это явленіе г. Бикерманъ. Онъ нападаетъ на сіонизмъ съ разныхъ сторонъ, вездѣ и всюду стремясь доказать его несостоятельность; въ качествѣ резюме своей статьи онъ говоритъ слѣдующее: «Задача сіонизма создать еврейское государство—химера. Задача сіонизма не только не выполнима, но не можетъ быть и выполняема. Не только нѣтъ достаточныхъ силъ, чтобы ее выполнить, но вовсе нѣтъ и не можетъ быть такихъ силъ, которыя направились бы на ея выполненіе. Задачи сіонизма въ дѣйствительности не существуетъ; существуютъ лишь разговоры объ этой задачѣ. Этой призрачности своей, чисто словесной своей природѣ, сіонизмъ, между прочимъ, обязанъ своимъ относительнымъ успѣхомъ. Сіонизмъ и еврейскій націонализмъ, порожденные реакціей, суть сами явленія реакціонныя. Сіонизмъ, по основному догмату своему о неизбѣжности и вѣчности вражды не-евреевъ къ евреямъ, есть антисемизмъ, возведенный въ принципъ. Націоналистически-сіонистская пропаганда имѣетъ чисто охранительную тенденцію и потому необходимо реакціонна». Вотъ сколько грѣховъ видитъ въ сіонизмѣ г. Бикерманъ. Выходъ изъ того невыносимо-тяжелаго положенія, въ которомъ находится масса еврейскаго народа, долженъ лежать, по мнѣнію г. Бикермана, тамъ же, гдѣ лежитъ онъ и для всякаго другого народа,—въ устраненіи *на мѣстѣ* условій, препятствующихъ его благоденствію и счастью. Выходъ этотъ, безъ сомнѣнія, имѣли въ виду и всѣ тѣ русскіе писатели, которые отнеслись къ сіонизму иначе, нежели г. Бикерманъ, и это, на нашъ взглядъ, вполнѣ понятно. Намъ кажется, что если сіонисты являются чрезмѣрными раціоналистами, и слишкомъ ужъ вѣрятъ въ силу разума и воли въ процессѣ

соціальнаго творчества, то г. Бикерманъ впадаетъ въ противоположную крайность; развѣ ужъ такъ-таки не существуетъ никакихъ объективныхъ условій, заставляющихъ массу еврейскаго народа *безсознательно* стремиться къ тому, чтобы сдѣлаться такимъ же народомъ, какъ и другіе, т. е. получить государственное бытіе. А если это такъ, то вліяніе «раціоналистическаго» элемента на подобную почву едва ли можетъ быть признано вполнѣ безплоднымъ и по результатамъ своимъ «химеричнымъ». Евреи отличаются отъ многихъ другихъ народовъ тѣмъ, что они утратили не только самостоятельное государственное бытіе, но и самую территорію, на которой оно нѣкогда протекало, но существуютъ народы (армяне, напр.), утратившіе лишь первое изъ этихъ условій и сохранившіе второе, — примѣнимы ли и къ нимъ выводы г. Бикермана? Слѣдуетъ ли смотрѣть и на ихъ стремленія къ разрѣшенію многихъ политическихъ и соціальныхъ задачъ на *національной*, а не интернаціональной почвѣ, какъ на «химеру?» Само собою разумѣется, что стремленіе къ созданію самостоятельнаго государства, въ качествѣ цѣли самой себѣ довлѣющей, не рѣшаетъ еще «еврейскаго вопроса», какъ не рѣшаетъ оно вопросовъ армянскаго и другихъ, но въ томъ-то и дѣло, что сіонизмъ, кажется, вовсе и не мечтаетъ почить на лаврахъ, какъ только поставленная имъ себѣ задача будетъ достигнута. Самостоятельное еврейское государство, какъ и всякое другое, должно будетъ подлежать развитію, совершенствованію. Въ немъ найдется, конечно, достаточно точекъ приложенія для воспріятія самыхъ широкихъ реформъ, какія только будутъ подсказаны потребностями времени. Но если бы (что конечно, гораздо вѣроятнѣй) задуманнаго сіонистами дѣла и не удалось довести до конца, то все же вызываемое имъ въ средѣ еврейскаго народа движеніе можетъ сыграть весьма значительную культурно-просвѣтительную роль. Исходя изъ этихъ основаній, нельзя не согласиться, вопреки всѣмъ доводамъ г. Бикермана, со словами г. Милюкова, что «для очень значительной массы (евреевъ) путь къ національному самосознанію и гражданскому правосознанію идетъ до извѣстнаго пункта въ одномъ и томъ же направленіи».

---

Въ рядѣ помѣщенныхъ въ «Русскомъ Богатствѣ» статей, подъ заглавіемъ «Народъ и книга», г. С. А. Ан—скій приводитъ многочисленныя свои наблюденія надъ несоотвѣтствіемъ между потребностями народа въ духовной пищѣ и обращающимися въ его средѣ для удовлетворенія этой потребности книгами. При чтеніи этихъ статей читателемъ не разъ овладѣваетъ тяжелое чувство, хотя наблюденія г. Ан—скаго и отличаются широтою, разнообразіемъ, искренностью. Не совсѣмъ ясны для насъ, однако, нѣкоторыя мысли автора статей въ его «заключеніи» («Русское Богатство»—августъ). «Народъ, можно смѣло сказать,—говоритъ г. Ан—скій,—*жадно ищетъ хорошую книгу* (курсивъ подлинника), которой онъ готовъ поставить самые серьезные запросы соціальнаго и моральнаго характера. Ему надо отъ книги не «развлеченія», не сентиментально-елейныхъ поученій грошевой морали, а серьезнаго отвѣта на грозный вопросъ: «какъ жить?» Какъ справиться съ тѣми до невѣроятности сложными условіями, которыя охватываютъ живымъ кольцомъ его жизнь, душатъ



его мысль, истощають его силы, убивають его энергію? На эти «вопросы жизни» онъ мучительно ищетъ отвѣта и въ фантастическихъ легендахъ, и въ сектантствѣ, и въ религіозной книгѣ. Онъ искалъ бы его и въ свѣтской книгѣ, если бы она сдѣлала хоть шагъ навстрѣчу этимъ серьезнымъ запросамъ?

«Что было сдѣлано *въ этомъ* отношеніи?

«Въ теченіе послѣднихъ 40 лѣтъ наши дѣятели по народной литературѣ потратили массу силъ, энергіи и средствъ на то, чтобы передать народу интеллигентную литературу, хотя бы отрывки изъ произведеній великихъ писателей, *причемъ совершенно упускалось изъ виду, что не литература создаетъ культуру, а наоборотъ* (курсивъ нашъ). И всѣ попытки не дали почти никакихъ результатовъ. Онѣ, одна за другой, разбивались объ «упорство» народа, который ни за что не желалъ и не желаетъ принимать этихъ, хотя и геніальныхъ, крохъ съ богатаго стола нашей литературы. Онъ остается совершенно равнодушнымъ ко всѣмъ перламъ художественнаго творчества, которые предлагались ему чуть не даромъ. Ему, измученному и тѣломъ, и душой, голодному и матеріально, и духовно, не этого надо. Ему «не до соусовъ», не до тонкой эстетики. Нужна ему книга *житейская* въ прямомъ смыслѣ этого слова, книга, которая отвѣчала бы на запросы его настроенія.

«Кто дастъ ему эту книгу?

«И мнѣ припоминаются слова великаго писателя земли русской:

«Милліоны русскихъ грамотныхъ стоятъ предъ нами, какъ голодные галчата, съ раскрытыми ртами, и говорятъ намъ: господа родные писатели бросьте намъ въ эти рты достойной васъ и насъ умственной пищи; пишите для насъ, жаждущихъ живого литературнаго слова».

«Пора бы «роднымъ писателямъ» откликнуться на этотъ призывъ...»

Повторяемъ, мысли автора намъ неясны. Неужели же вся вина въ обрисованномъ г. Ан—скимъ положеніи вещей должна ложиться на однихъ лишь «родныхъ писателей», не внимающихъ обращаемымъ къ нимъ призывамъ? Неужели тутъ все дѣло въ нежеланіи писателей дать народу ту «житейскую» книгу, которая «отвѣчала бы на запросы его настроенія», а ни въ чемъ-нибудь другомъ? Авторъ утверждаетъ, бросая кому-то упрекъ «въ совершенномъ упусканіи этого изъ вида», что «не литература создаетъ культуру, а наоборотъ». Пусть такъ, да вѣдь и весь вопросъ въ томъ, какими же средствами создать эту «культуру». Литературой ее не создать, говоритъ нашъ авторъ, ибо литература не мать, а дочь культуры, а вмѣстѣ съ тѣмъ призываетъ создать для народа нужную ему литературу. Придавая, разумѣется, огромное значеніе литературѣ въ дѣлѣ культурнаго развитія страны, мы, однако, думаемъ, что упрочить культуру можно лишь измѣненіемъ условій, среди которыхъ живетъ народъ. Какихъ же именно условій? Ну, хотя бы только тѣхъ, о которыхъ такъ единодушно заявляютъ знакомые съ жизнью деревни лица, работающія въ уѣздныхъ комитетахъ и земскихъ собраніяхъ. Тогда и книга найдетъ себѣ болѣе разумный, нежели нынѣ, пріемъ въ народной средѣ. А обвинять однихъ «родныхъ писателей», которые это-де совершенно упускаютъ изъ вида, а на это не хотятъ откликнуться,—не значитъ ли слишкомъ ужъ просто рѣшать очень сложный вопросъ?..

Жизнь въ деревнѣ становится, несомнѣнно, все сложнѣе и сложнѣе и не мало прорывается въ ней наружу накопившихся въ теченіе даннаго времени внутреннихъ противорѣчій. Явленія живой дѣйствительности и изображенія деревни, выступающія подъ перомъ талантливыхъ писателей, одинаково громко свидѣтельствуютъ объ этомъ фактѣ. Предъ нами помѣщенная въ іюль-августовской книжкѣ журнала «Образованіе» статья извѣстнаго земскаго статистика и писателя г. Бѣлоконскаго подъ заглавіемъ «Деревенскія впечатлѣнія. Это очень живой и интересный разсказъ объ обнаруживающихся въ послѣдніе годы въ деревенскихъ захолустьяхъ разнаго рода «настроеніяхъ». По должности завѣдующаго статистическимъ бюро въ одной изъ губерній, г. Бѣлоконскій пріѣхалъ въ деревню, носящую, по прихоти когда-то владѣвшаго ею помѣщика, оскорбительное названіе «Большіе дураки». Когда авторъ разсказа подъѣзжалъ къ этой деревнѣ, то къ нему въ телѣгу подсѣлъ мѣстный дьяконъ, повѣдавшій ему свое большое горе: его сынъ, Зосима, только что окончившій семинарію своимъ поведеніемъ разбиваетъ всѣ такъ долго лелѣявшіеся его родителями относительно его планы: не желаетъ жениться на дочери мѣстнаго священника, не хочетъ и слышать вообще о духовной карьерѣ и стремится проложить себѣ дорогу въ университетъ, хотя бы и томскій.

Дьяконъ приглашаетъ своего случайнаго спутника остановиться у него и занять комнатку Зосимы, котораго все равно по цѣлымъ днямъ нѣтъ дома. Тутъ авторъ узнаетъ, что мѣстный земскій начальникъ скоро уѣзжаетъ изъ села и потому надо было спѣшить повидаться съ нимъ, дабы исполнить кой-какія формальности относительно предстоявшихъ г. Бѣлоконскому статистическихъ работъ. Въ домѣ земскаго начальника и обнаруживаются нѣкоторые штрихи изъ современныхъ деревенскихъ настроеній. Въ ожиданіи свиданія съ «земскимъ» г. Бѣлоконскій находился въ сосѣдней комнатѣ, куда явственно доносилась громкая бесѣда земскаго съ старостой.

— Кто тебѣ это дознаніе писалъ?—предлагался вопросъ громкимъ властнымъ голосомъ.

— Сынишкѣ я сказывалъ, а онъ, значитъ, писалъ,—слышался робкій отвѣтъ.

— Гдѣ онъ учился?

— Да въ школѣ, что въ сторожкѣ при церкви.

— Грамотѣй, нечего сказать.

— Я ему сказываю: «ты пиши, какъ я тебѣ говорю, а самъ пунты проставь и «намирацію», какъ вы изволили сказывать, и «знаки».

— Дур-ракъ! Чтобы ты мнѣ больше такихъ писаній не приносилъ! Слышишь?

— Слушаю, ваше вскородіе!

— Самъ чортъ не разберетъ, что тутъ написано, особенно благодаря твоимъ «пунтамъ», намираціямъ» и «знакамъ». Да когда же я тебѣ говорилъ объ этомъ? Что ты врешь?

— Да вы изволили сказывать.

— Ну довольно... Разскажи на словахъ.

Идетъ разсказъ, изъ котораго обнаруживается, что вышло нѣкоторое недоразумѣніе, въ результатѣ котораго земскій спрашиваетъ:

— Значитъ надо было арестовать Андрея, а взять Василій?

— Точно такъ, ваше вскородіе.

Раздался рѣзкій звонокъ, и появился, видимо, письмоводитель.

— Вы кого вчера приказали арестовать?—послышался вопросъ.

— Какъ вы изволили приказать: сына Матрены Лаптевой.

— А вы знаете, что у нея двое сыновей?

— Нѣтъ.

— То-то же «нѣтъ»!

— Вы не изволили объяснить.

— А, чортъ бы васъ всѣхъ побралъ!.. Никакой сообразительности!.. Второй годъ вы служите, а никакого понятія не имѣете ни о чемъ! Напишите приказъ объ арестѣ Андрея Захарова, сына Матрены отъ перваго мужа.

— Да его нѣтути,—послышалось робкое сообщеніе.

— Какъ «нѣтути»? А гдѣ же онъ?

— Богъ его знаетъ, гдѣ онъ: сказывали ушелъ.

— Я знать ничего не хочу! Чтобы ты его доставилъ мнѣ сегодня же понимаешь?! Се-годня же! Вонъ! А вы немедленно составьте бумагу и покажите мнѣ...

Земскій вышелъ затѣмъ къ г. Бѣлоконскому, извинился, что забылъ было о немъ, такъ какъ, сказалъ онъ, «вы не можете себѣ представить, какая масса дѣла у нашего брата, какъ запуталась деревенская жизнь». Попросивъ своего собесѣдника перейти въ кабинетъ, земскій приказалъ принести то «донесеніе», о которомъ только что шла рѣчь.

— Вы никогда не были свидѣтелемъ землетрясенія?—началъ со страннаго вопроса Даніилъ Семеновичъ («земскій»).

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я.

— Я тоже не имѣлъ удовольствія испытать настоящее землетрясеніе, но полагаю, что ощущеніе его то же самое, что испытываетъ теперь каждый искренній патріотъ, вникнувъ въ жизненный процессъ современной деревни.

Между тѣмъ, принесли «донесеніе», чрезвычайно безграмотное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и чрезвычайно любопытное.

Вотъ что гласилъ этотъ дословно воспроизводимый г. Бѣлоконскимъ документъ:

«Согласно личному приказу Вашаво Высокоблагородія того числа произвели дознанія чему слѣдуютъ пунты: 1) у дома матрены Лаптевой диствительно былъ наротъ! 2) Матрена сказываетъ што: знать не знаю, ведать не ведаю но то, что она брешетъ. 3) акулька слыхала сама законъ, а што то обозначаетъ говорить не знаю. 4) Гараска пастухъ слихалъ законъ сказывалъ сынъ Матрены. 5) Патаму на другой день ввечери подашелъ я потихонку и вижу вокне огонь и наротъ: матрена, сидоръ; кузнецъ: никита суседъ; а сынъ за столомъ сидитъ и подперъ морду руками. 6) я въ хожу говорю? добрый вечѣръ отвечаютъ же поклономъ а онъ молчитъ и вносе ковыряетъ. 7) я говорю о чѣмъ балакаете, а онъ всерцахъ говоритъ тибе какое дѣло а я говорю; чего наротъ мутите а я говоритъ не мучу. 8) а я говорю какъ дамъ тебѣ

вморду не будишь мутить а онъ говоритъ попробуй 9) я сказываю барину пожалусь онъ тибе пропишетъ а онъ всырцахъ говорить не боюсь сказывають твоиво барина и на иво законъ ѣстъ 10) и еще сказываить и на твоиво бабарина судъ есть а я говорю иди къ барину а онъ говорить пускай повестку повестку присылаетъ зачемъ я ему ежели законъ поиду а ежели закона нетути нипоиду? я говорю ну попомнишь сиби о чемъ имею честь донести вашему высокому благородію кусматренню сильской староста растапиринъ сило болшия дурака двадцат пятово маія».

— Любопытный документъ,—сказалъ я.

— Правда?

— Да.

— Вотъ не угодно ли вамъ возиться съ такими идіотами!..

Тутъ Даніилъ Семеновичъ неожиданно перешелъ къ вопросамъ важности государственной, заперевъ изъ предосторожности всѣ двери и понизивъ голосъ.

— Я полагаю, что мнѣ удастся убѣдить васъ и относительно полной невозможности производить съ настоящій моментъ описаніе Большихъ Дураковъ.

— Я, знаете ли, скептически отношусь къ такимъ опасеніямъ; вотъ уже болѣе десяти лѣтъ я занимаюсь статистикою, постоянно слышу подобныя вашимъ опасенія, но ни разу ничего не было...

— Ну, знаете ли, все это дѣлается постепенно, что ни говорите, а свободный безпрепятственный доступъ города въ деревню заражаетъ послѣднюю и она разлагается на глазахъ. Но я буду совершенно корректенъ и настаиваю лишь относительно Большихъ Дураковъ. Я вамъ рекомендую описать сейчасъ волость К—скую, Т—скую, затѣмъ Р—скую и тогда прибыть сюда; къ этому времени все будетъ выяснено...

— Позвольте васъ спросить: это предложеніе ваше или требованіе?

— Я бы васъ убѣдительно просилъ сейчасъ не трогать Большихъ Дураковъ.

— А если я «трону»?

— Вамъ не удастся собрать сходъ.

— Вы не позволите?

— Д-да, пожалуй.

Пришлось, конечно, разстаться какъ съ Даніиломъ Семеновичемъ, такъ и подождать произвести описаніе Большихъ Дураковъ. Проходя черезъ село, Бѣлоконскій увидѣлъ большое оживленіе. По приказу земскаго, искали Андрюшку Захарова.

— Да кто же это Андрюшка Захаровъ?—спросилъ г. Бѣлоконскій прохожую дѣвушку.

— Мастеровой изъ города.

— Что же онъ здѣсь дѣлалъ?

— На гармоніи игралъ. Пѣсни городскія научилъ насъ пѣть.

— А почему же его ищутъ?

— Онъ спуску никому не давалъ и насъ въ обиду не допускалъ. Соберемся, бывало, вотъ здѣсь у криницы: онъ играетъ, а мы поемъ; придетъ

староста или урядникъ, или десятскій и ну гнать, а онъ какъ крикнетъ: «По какому праву?» Развѣ нельзя народу пѣсни пѣть?! И никто ничего съ нимъ подѣлать не могъ.

У дьяконовской квартиры г. Бѣлоконскаго уже ждала толпа крестьянъ, желавшая принести какую-то жалобу. Изъ толпы слышались возгласы по адресу отсутствующихъ обидчиковъ: «Ты бить не смѣй!» «Такихъ правовъ нѣтъ!» «А то гляди какъ бы самому не влетѣло».

Не малаго труда стоило г. Бѣлоконскому убѣдить крестьянъ, что никакихъ жалобъ онъ принимать не имѣетъ права.

Между тѣмъ, авторъ встрѣтился съ Зосимой, который убѣдительно просилъ его дать ему мѣсто статистика. Дѣло можно было бы устроить, но затрудненіе состояло въ томъ, утвердитъ ли губернаторъ.

Когда г. Бѣлоконскій отправился изъ Большихъ Дураковъ и отъѣхалъ нѣсколько верстъ, то его возница обратился къ нему съ такой просьбой:

— Господинъ, не позволите ли человѣка одного подвезти?

— Пожалуйста. А гдѣ же этотъ человѣкъ?

— Немножко подальше, должно быть.

Возница сталъ во весь ростъ на телѣгу, осматривая мѣстность, поросшую мелкимъ кустарникомъ, и, немного спустя, тихо свистнулъ.

Въ отвѣтъ на это послышался тоже свистъ и не вдалекѣ показался человѣкъ городского типа: въ картузѣ, пиджакѣ, въ брюкахъ на выпускъ и съ гармоніей подъ мышкою.

Не трудно было догадаться, что это былъ Андрюшка. Онъ нерѣшительно подошелъ къ телѣгѣ...

— Садитесь,—сказалъ я ему, замѣтивъ его нерѣшительность.

Онъ переглянулся съ возницею, а послѣдній, потупивъ глаза, нерѣшительно заговорилъ со мною.

— Не позволите ли, господинъ, на станціи отскочить? Мы отъ нея будемъ проѣзжать верстахъ въ пяти...

— Если вамъ такъ нужно, что же могу я сказать?..

— Благодарю васъ, господинъ!

По дорогѣ Андрюшка (это, конечно, былъ онъ) спросилъ у г. Бѣлоконскаго, нѣтъ ли у него въ городѣ знакомыхъ адвокатовъ, и, когда послѣдній назвалъ нѣсколькихъ извѣстныхъ ему присяжныхъ повѣренныхъ, разговорился, «сталъ разносить деревенскіе порядки, каковые и заставили его, Андрея, бѣжать въ городъ, посовѣтоваться съ адвокатомъ и кромѣ того лично принести жалобу губернатору. Между прочимъ онъ сообщилъ мнѣ, что земскій начальникъ приказалъ волостному старшинѣ, чтобы тотъ добился приговора тѣлеснаго наказанія его, Андрея, а онъ, земскій начальникъ, утвердитъ этотъ приговоръ. «Тогда,—сказалъ начальникъ,—онъ броситъ свою фанаберію». Наконецъ, изъ разговоровъ выяснилось, что возница мой—солдатъ въ запасѣ и познакомился онъ съ Андреемъ еще въ городѣ».

Около станціи Андрей оставилъ автора разсказа.

Черезъ нѣкоторое время Зосима, къ великой его радости, былъ утвержденъ

губернаторомъ въ должности статистика, но радость его продолжалась недолго. Какъ-то разъ г. Бѣлоконскій и Зосима («работавшій, какъ волъ») были вмѣстѣ на изслѣдованіи. Во время совмѣстнаго переѣзда изъ одной деревни въ другую, «насъ нагналъ становой приставъ, предъявившій бумагу отъ губернатора, въ которой требовалось, чтобы статистическія изслѣдованія были немедленно прекращены и статистики составили уѣздъ.

«Зосима чуть не расплакался при этомъ извѣстіи, но это не помогло горю, и мы должны были съ нимъ разстаться причемъ я пообѣщалъ ему, въ случаѣ, если возобновятся работы, опять пригласить его, а быть можетъ зачислить въ постоянный составъ бюро, если все будетъ обстоять благополучно. Но, пріѣхавъ въ городъ, я узналъ, что статистическое бюро закрыто «впредь по выясненіи «дѣла», возникшаго при описаніи N—скаго уѣзда».

Такова эта интересная страничка изъ лѣтописи современнаго житья-бытья въ деревнѣ.

---

## За границей.

**Англійская общественная жизнь.** Король Эдуардъ, тотчасъ же по своемъ восшествіи на англійскій престолъ, выказалъ намѣреніе измѣнить вѣками установленный обычай соблюденія воскреснаго дня въ Лондонѣ. Онъ пожелалъ ввести въ Лондонѣ обычай всѣхъ остальныхъ европейскихъ столицъ въ этомъ отношеніи, и это вызвало цѣлый переворотъ въ жизни лондонскаго общества. Лондонскій Вестъ-эндъ сталъ неузнаваемъ по воскресеньямъ, и на улицахъ этой части города господствуетъ по воскреснымъ днямъ такое же точно оживленіе, какое обыкновенно наблюдается только въ будни. Подъ вечеръ по улицамъ тянутся ряды экипажей, между тѣмъ какъ прежде считалось непозволительнымъ запрягать въ воскресенье. Многіе считали даже грѣхомъ ѣздить на извозчикѣ; теперь же извозчики встрѣчаются на каждомъ шагу, и лондонское населеніе уже привыкло къ этому и не бросаетъ болѣе негодующихъ взоровъ, заслышавъ въ воскресенье звуки военнаго оркестра. Король и принцесы часто по воскресеньямъ выѣзжаютъ на смотры и парады, чего никогда не бывало при королевѣ Викторіи. Но англиканское духовенство продолжаетъ въ ужасѣ спрашивать себя: что будетъ дальше? и съ негодованіемъ смотритъ на такое нарушеніе обычаевъ страны.

Въ прежнія времена лондонское общество обыкновенно покидало Лондонъ въ концѣ недѣли, убѣгая отъ скучнаго воскресенья; теперь уже въ этомъ нѣтъ надобности, и Лондонъ не пустѣетъ больше по воскресеньямъ. Митинги также часто устраиваются по воскресеньямъ. Въ одно изъ воскресеній происходилъ также митингъ, устроенный членами общества Рёскина съ цѣлью поставить коллегію Рёскина въ Оксфордѣ на болѣе солидныя и прочныя основанія. Коллегія имени Рёскина, открытая для рабочихъ при оксфордскомъ университетѣ, существуетъ уже болѣе трехъ лѣтъ и дѣятельность ея все болѣе расширяется. Особенно возрастаетъ число корреспондентовъ, достигающее въ настоящее время 3.000 человѣкъ, разбросанныхъ по всѣмъ британскимъ островамъ. На митингѣ;



который отличался многолюдствомъ, директоръ коллегіи Рёскина въ краткихъ словахъ изложилъ цѣли этого учрежденія и обрисовалъ его дѣятельность. Коллегія Рёскина не находится въ связи ни съ какимъ университетомъ и не стремится давать спеціальное классическое, коммерческое, техническое или артистическое образованіе. Какую же цѣль преслѣдуетъ коллегія? Она старается дать гражданское воспитаніе, обучить гражданскимъ обязанностямъ. Основатели коллегіи Рёскина, исходя изъ того убѣжденія, что гражданское воспитаніе находится въ Англіи въ нѣкоторомъ пренебреженіи, рѣшили на первомъ планѣ поставить обученіе гражданскимъ обязанностямъ. Рабочій гораздо болѣе извлечетъ для себя пользы изъ знанія конституціоннаго устройства и исторіи своей страны и политической экономіи нежели изъ того, что ему будутъ извѣстны названія всѣхъ островахъ Полинезіи. Но коллегія не преслѣдуетъ никакихъ практическихъ цѣлей и не имѣетъ въ виду обучать практическимъ знаніямъ и прикладнымъ наукамъ, которыя давали бы возможность человѣку зарабатывать средства къ жизни. Все, къ чему стремится коллегія—это сдѣлать человѣка хорошимъ и разумнымъ гражданиномъ, понимающимъ свои права и обязанности. Поэтому, въ коллегіи, прежде всего, обращается вниманіе на исторію учрежденій и идей въ лицѣ главныхъ ихъ представителей и дѣятелей. Въ заключеніе ораторъ выразилъ увѣренность, что коллегія Рёскина сыграетъ важную роль въ интеллектуальномъ пробужденіи страны.

Финансовое положеніе коллегіи, однако, оказывается не вполнѣ обезпеченнымъ и потому на митингѣ была принята резолюція о необходимости обратиться къ англійской публикѣ. Сочувствіе англійскаго общества, впрочемъ, находится на сторонѣ коллегіи и потому не можетъ быть сомнѣнія, что финансовая поддержка будетъ ей оказана. Тотчасъ же послѣ того, какъ состоялся митингъ, дирекція получила отъ двухъ джентельменовъ по 1.000 фунтовъ въ пользу коллегіи. Многія промышленныя общества также обѣщали свою поддержку.

Въ лондонскихъ газетахъ много шума возбудилъ инцидентъ, который произошелъ недавно въ одномъ изъ самыхъ фешенебельныхъ дамскихъ клубовъ. Одна изъ дамъ на засѣданіи высказала мнѣніе, что клубъ напоминаетъ зоологическій садъ, такъ какъ въ немъ собраны, какъ на выставку, различные болѣе или менѣе непріятные женскіе типы, которые въ обществѣ не бросаются въ глаза. Такое нелюбезное заявленіе произвело сильнѣйшій скандалъ, и даму немедленно исключили изъ клуба. Но возбужденіе не улеглось, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ дамъ объявили, что онѣ не могутъ не признать мужества своего бывшаго сотоварища, не побоявшагося откровенно и серьезно высказать свой взглядъ. Этотъ самъ по себѣ незначительный инцидентъ, однако, далъ поводъ къ тому, что во многихъ другихъ обществахъ былъ возбужденъ вопросъ объ искренности и о томъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ высказывать свои взгляды? Больше всего этотъ вопросъ занимаетъ женскія ассоціаціи, и уже во многихъ собраніяхъ этихъ ассоціацій была вотирована резолюція, выражающая одобреніе каждому свободно выраженному мнѣнію, и только нѣкоторыя резолюціи требуютъ все-таки, чтобы при этомъ были соблюдены извѣстныя формы обиходной вѣжливости.



Въ этомъ году былъ скромно отпразднованъ въ Лондонѣ столѣтній юбилей закона покровительства рабочимъ, вотированнаго англійскимъ парламентомъ въ 1802 году. Это былъ законъ Пиля объ охраненіи здоровья и нравственности учениковъ и другихъ рабочихъ, работающихъ на бумагопрядильныхъ и другихъ фабрикахъ, послужившій введеніемъ къ весьма обширному рабочему законодательству XIX-го вѣка. Законопроектъ Пиля заключалъ въ себѣ лишь самыя элементарныя предписанія относительно соблюденія чистоты, провѣтриванія мастерскихъ и т. п. и относится только къ шерстянымъ и хлопчатобумажнымъ фабрикамъ и къ находившимся на этихъ фабрикахъ дѣвочкамъ-ученицамъ. Эти дѣвочки были дѣти бѣдныхъ родителей, и община, бравшая ихъ на свое попеченіе, отдавала ихъ на продолжительный срокъ фабриканту, у котораго онѣ оставались обыкновенно до 21 года, какъ настоящія рабыни, работая отъ 12-ти до 16-ти часовъ въ сутки. Несчастныя дѣти раздѣлялись на дневную и ночную смѣну, такъ что они обыкновенно съ фабрики отправлялись въ постель, а съ постели на фабрику. Тѣ на которыхъ падало подозрѣніе, что онѣ хотятъ бѣжать, заковывались въ цѣпи. Главнымъ поводомъ къ введенію закона Пиля, была боязнь имущихъ классовъ, что эпидеміи, возникшія на фабрикахъ, вслѣдствіе такихъ невозможныхъ условій труда, получатъ распространеніе, и здоровье другихъ классовъ подвергнется опасности. Такимъ образомъ были введены первыя санитарныя мѣропріятія на фабрикахъ, и сдѣланъ первый шагъ къ введенію рабочаго законодательства, которое получило теперь такое широкое развитіе.

Въ Ирландіи положеніе дѣлъ не улучшается. Выселенія фермеровъ продолжаются и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ произошли столкновенія между фермерами и властью. Въ парламентѣ, какъ только вопросъ коснется Ирландіи, также постоянно происходятъ словесныя стычки между депутатами. Недавно во время дебатированія вопроса о содержаніи статсъ-секретаря Ирландіи ирландскіе депутаты тотчасъ же завели рѣчь объ ирландской полиціи и ея злоупотребленіяхъ, напомнивъ объ исторіи полицейскаго Шеридана, оказавшагося агентомъ провокаторомъ. По словамъ одного ирландскаго депутата, дѣло Шеридана вызвало въ Ирландіи, Шотландіи, Австраліи и Канадѣ такую же сенсацію, какъ и дѣло Дрейфуса во Франціи. Между тѣмъ, Шериданъ, хотя и былъ уволенъ отъ службы, но, тѣмъ не менѣе, не былъ подвергнутъ судебному преслѣдованію за свои поступки. Статсъ-секретарь Ирландіи Виндгэмъ оправдывался тѣмъ, что когда Шериданъ находился въ Ирландіи, то противъ него существовало только подозрѣніе и не было никакихъ доказательствъ его вины, такъ что къ нему нельзя было примѣнить строгость закона; теперь же онъ ускользнулъ изъ подъ власти этихъ законовъ. Конечно, такое оправданіе не удовлетворило ирландскихъ депутатовъ и, какъ всегда, послужило поводомъ къ очень горячимъ дебатамъ, во время которыхъ съ обѣихъ сторонъ были высказаны разныя непріятныя истины.

---

**Дѣла въ Японіи.** Маленькая Японія, съумѣвшая въ короткое время занять выдающееся мѣсто въ концертѣ европейскихъ державъ въ восточной Азіи, об-

ращаетъ на себя вниманіе Европы своимъ быстрымъ развитіемъ, въ особенности со времени своего вступленія въ союзъ съ европейскимъ государствомъ, Англіей, которой Японія старается во многомъ подражать. То, что въ японскомъ народѣ, привыкшемъ въ теченіе тысячелѣтій къ азіатскому деспотизму, такъ быстро пробудился интересъ къ государственнымъ дѣламъ и потребность принимать въ нихъ участіе и расширить свои права, въ самомъ дѣлѣ представляетъ любопытное и даже исключительное явленіе. Японія подвигается впередъ гигантскими шагами и народъ уже теперь начинаетъ принимать участіе въ управленіи страной. Стремленіе къ самоуправленію стало развиваться въ Японіи, начиная уже съ 1859 года, какъ только страна была открыта для иностранцевъ и японцы получили возможность ближе ознакомиться съ европейскими обычаями. Микадо пошелъ на встрѣчу желаніямъ общества и ежегодно созывалъ въ Токіо губернаторовъ провинцій, для совмѣстнаго обсужденія нуждъ и желаній народа. Между тѣмъ, въ народѣ стали образовываться небольшія политическія ассоціаціи, имѣвшія цѣлью вызвать движеніе въ пользу конституціоннаго управленія и введенія реформъ въ Японіи. Либеральное правительство не препятствовало развиваться этимъ политическимъ группамъ и мало-по-малу всѣ эти группы слились въ одну большую либиральную партію въ 1860 г., подъ руководствомъ Уягаки. Вскорѣ, однако, въ этой, партіи произошелъ расколъ, и наиболѣе передовые элементы вышли изъ нея и образовали партію прогрессистовъ съ графомъ Окума во главѣ. Обѣ партіи до сихъ поръ, вмѣстѣ съ феодальною партіей, остаются руководителями японской политики. Еще одна партія, націоналъ уніонисты, образовавшаяся одновременно съ либеральною партіей, просуществовала, впрочемъ, очень недолго и вскорѣ распалась. Такое усиленіе прогрессистскаго движенія вынудило Микадо созвать въ 1889 году коммиссію изъ юристовъ и государственныхъ ученыхъ и предложить имъ выработать проектъ конституціи. Народу было обѣщано введеніе конституціи въ 1890 г., но на самомъ дѣлѣ оно состоялось раньше, и въ 1889 году наступленіе конституціональной эры было отпраздновано, какъ національный праздникъ. Дополнительное постановленіе 1900 года внесло нѣкоторые перемѣны въ избирательномъ правѣ въ томъ отношеніи, что право голоса получили всѣ 25-ти-лѣтніе граждане, уплачивающіе хотя бы минимальный налогъ. Такъ какъ въ Японіи даже небольшой доходъ рабочаго или ремесленника подлежитъ обложенію налогомъ, то, слѣдовательно, въ выборахъ не принимаетъ активнаго участія только пролетаріатъ, совершенно лишенный всякихъ опредѣленныхъ средствъ къ жизни.

Японскій парламентъ состоитъ изъ верхней и нижней палаты, и всякій законъ, для того, чтобы получить силу, долженъ предварительно получить одобреніе обѣихъ палатъ и затѣмъ уже онъ подлежитъ санкціи микадо. Такимъ же точно образомъ утверждается и государственный бюджетъ. Однако, Микадо управлялъ страной безъ парламента въ теченіе 8-ми лѣтъ по изданіи конституціи. Это было возможно благодаря слѣдующему параграфу японской конституціи: «Въ случаѣ войны или національныхъ волненій, монархъ управляетъ страной, не неся отвѣтственности передъ націей». Японскіе министры отвѣтственны только

передъ монархомъ согласно 55-й статьѣ конституціи, хотя они и должны скрѣплять своею подписью его рескрипты. Что же касается парламента, то они не обязаны даже давать ему никакихъ объясненій относительно своей политики и японскому министру вполнѣ предоставляется право отвѣчать или нѣтъ на запросъ, предложенный ему въ палатѣ, такъ какъ онъ не обязанъ входить ни въ какія объясненія. Кромѣ того, микадо обладаетъ неограниченными правами распускать парламентъ, и, благодаря этому праву, еще ни одинъ японскій парламентъ не дотянулъ до своего срока. Въ настоящее время въ Японіи существуетъ довольно сильное движеніе въ пользу пересмотра конституціи и измѣненія нѣкоторыхъ ея параграфовъ, съ цѣлью расширенія прерогативъ парламента.

Недавно обнародованная статистика труда въ Японіи указываетъ, что число работницъ на японскихъ фабрикахъ достигаетъ 35,000. Высшая заработная плата для женщинъ около 50 коп., низшая—25 коп. Женщины, работающія на фабрикахъ, раздѣляются на ночныя и дневныя смѣны, и каждая смѣна работаетъ 11 часовъ. Въ началѣ каждаго новаго года имъ дается недѣля отдыха и въ теченіе года еще 5 или шесть дней. Затѣмъ онѣ получаютъ отдыхъ каждую недѣлю въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, въ то время, когда, осматриваются и исправляются машины на фабрикахъ. Въ послѣдніе годы замѣчается движеніе въ пользу улучшенія быта работницъ, устраиваются для нихъ сберегательныя кассы, дешевыя помѣщенія со столомъ и даже школы. При многихъ фабрикахъ находятся также доктора, хотя въ большинствѣ случаевъ на ихъ долю приходится мало работы, потому что, въ общемъ, здоровье фабричныхъ работницъ въ Японіи довольно хорошее. Такъ, напримѣръ, на одной бумагопрядильной фабрикѣ въ Токіо, на которой работаютъ 1.700 дѣвушекъ, въ отчетномъ году было констатировано только четыре случая заболѣваній, да и то не особенно серьезнаго характера.

Дѣвушки получаютъ занятіе на фабрикѣ черезъ агентовъ, которые служатъ поручителями за нихъ передъ хозяиномъ фабрики, т.-е. ручаются за ихъ характеръ и способность къ работѣ. Конечно, агентъ получаетъ за это извѣстную мзду со своихъ кліентовъ при поступленіи ихъ на фабрику и въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ. На фабрикахъ въ Токіо можно встрѣтить работницъ, которыя больше 20 лѣтъ работаютъ въ одной и той же мастерской.

---

**Въ Австріи.** Служащія въ вѣнскомъ почтовомъ и телеграфномъ вѣдомствѣ женщины отпраздновали недавно юбилей вступленія женщинъ въ Австріи на государственную службу. Тридцать лѣтъ тому назадъ министръ торговли возбудилъ вопросъ «о пригодности женщинъ для общественной и отвѣтственной службы». Вопросъ этотъ вызвалъ довольно оживленныя пренія въ парламентѣ, и, въ концѣ концовъ, было рѣшено въ видѣ опыта принять на службу на государственный телеграфъ сорокъ женщинъ и положить имъ двадцать гульденовъ въ мѣсяцъ содержанія за двѣнадцать часовъ работы въ сутки. Эти сорокъ піонерокъ женскаго движенія выдержали испытаніе блестящимъ образомъ, и, благодаря имъ, число женщинъ, находящихся на государственной службѣ,

возросло теперь съ 40 до 3.000, такъ что уже многіе называютъ почтовую и телеграфную службу «монополіей женскаго труда».

Австрійскій министръ, принимая женщинъ на государственную службу, руководствовался, главнымъ образомъ, экономическими соображеніями. Женщинамъ было назначено крайне ничтожное жалованье за очень большой и утомительный трудъ, и, благодаря этому, министръ могъ сократить бюджетъ. Однако, достаточно было пріотворить двери женщинамъ, чтобы онѣ постепенно распахнули ихъ настежъ, и всѣ аргументы противниковъ женскаго труда рушились сами собой. Прогрессивная австрійская печать посвятила самыя сочувственныя статьи этому юбилею, указывая на его значеніе въ соціальномъ отношеніи и выражая желаніе, чтобы число этихъ работающихъ женщинъ продолжало увеличиваться и чтобы положеніе ихъ было уравнено съ положеніемъ мужчинъ, такъ какъ до сихъ поръ еще продолжаетъ существовать убѣжденіе, что работу женщины слѣдуетъ оплачивать меньше работы мужчины, хотя бы она и была одинакова въ качественномъ и количественномъ отношеніи.

Женское движеніе въ Австріи сдѣлало еще шагъ впередъ, благодаря учрежденію женскаго союза, который долженъ служить умственнымъ центромъ всѣхъ австрійскихъ женскихъ ассоціацій. Три года тому назадъ, г-жа Маріанна Гайнишъ, одна изъ выдающихся дѣятельницъ австрійскаго женскаго движенія, начала свою пропаганду въ пользу учрежденія такого общеавстрійскаго женскаго союза и, наконецъ, ей удалось достигнуть своей цѣли. На учредительномъ собраніи она объявила, что 19 женскихъ ассоціацій, преимущественно въ Вѣнѣ, Брюннѣ и Прагѣ, выразили согласіе вступить въ союзъ. Очень было трудно, конечно, объединить столько отдѣльныхъ ассоціацій, преслѣдующихъ часто совершенно различныя цѣли и зачастую расходящихся въ своихъ воззрѣніяхъ. Многія изъ женскихъ національныхъ ассоціацій, которымъ было послано приглашеніе присоединиться къ союзу, даже не сочли нужнымъ отвѣтить на это приглашеніе. У многихъ и теперь существуетъ опасеніе, что союзъ составитъ конкуренцію отдѣльнымъ ассоціаціямъ, но примѣръ Германіи, гдѣ общегерманскій женскій союзъ существуетъ съ 1894 года, указываетъ неосновательность подобнаго опасенія.

Въ своей рѣчи на учредительномъ собраніи союза г-жа Гайнишъ сказала «Мы всѣ, въ этомъ союзѣ, такъ и въ отдѣльныхъ ферейнахъ, преслѣдуемъ возвышенные цѣли и планы. Моя цѣль вамъ также извѣстна: это—равноправность женщины и мужчины. Тѣмъ не менѣе я бы не стала совѣтовать союзу—хотя я вамъ и покажусь ретроградной—теперь же вступить на этотъ путь. Натискъ мы можемъ совершить отдѣльно, союзъ же долженъ дѣйствовать въ согласіи со всѣми ферейнами, изъ которыхъ онъ состоитъ и медленно и осторожно подвигаться къ своей цѣли. Вы спросите меня: что же въ такомъ случаѣ долженъ дѣлать союзъ? Онъ долженъ пробуждать женщинъ. Женщины въ Австріи работаютъ очень много для семьи, но очень мало для соціальныхъ проблемъ. Зачастую можно услышать такія слова: «Меня это не касается». Но это очень неправильная точка зрѣнія. Напримѣръ: какъ обстоитъ дѣло въ госпиталяхъ въ Австріи? Тамъ ощущается недостатокъ въ женскомъ попеченіи

и заботливости. То же самое и въ сиротскихъ пріютахъ—дитя не находитъ тамъ любви. Въ тюрьмахъ и въ области общественной нравственности мы не встрѣчаемъ слѣдовъ дѣятельности женщинъ. Мы должны постепенно раскрыть женщинамъ глаза и въ этомъ наша задача!»

Въ связи съ этою точкою зрѣнія, была вотирована программа союза, устанавливающая на первомъ планѣ благотворительную и соціальную дѣятельность союза, но область женскаго вопроса, согласно предложенію г-жи Гайнишъ, пока еще не включена въ эту программу, для того, чтобы союзу не былъ сразу приданъ боевой характеръ.

Въ вѣнскомъ женскомъ клубѣ г-жа Милена Владимірская прочитала свой докладъ объ отношеніи женщинъ къ вопросу мира. Обостреніе борьбы за существованіе пробудило женщину; оно заставило ее выйти изъ той пассивной роли, которую она играла еще въ прошломъ столѣтіи, и принять активное участіе въ событіяхъ общественной жизни. Въ настоящее время вопросъ мира уже тѣсно связанъ съ женскимъ вопросомъ, въ виду этого г-жа Владимірская предложила организовать международную патріотическую лигу, которая включила бы въ свою программу всѣ три вопроса, находящіеся между собою въ тѣсной связи: вопросъ мира, женскій и соціальный вопросъ.

Баронесса Зуттнеръ, извѣстная дѣятельница движенія въ пользу всеобщаго мира, возразила, что среди женщинъ, къ сожалѣнію, находится не мало такихъ, которыя любятъ и прославляютъ войну и военныя доблести, и поэтому, было бы опасно отожествлять женское движеніе съ движеніемъ мира, такъ какъ это послужило бы препятствіемъ къ его успѣшному развитію. Нельзя также требовать отъ политиковъ, чтобы они всегда были поборниками женской равноправности. Конечно, для дѣла мира было бы очень полезно, если бы женщины также имѣли политическую власть, но теперь еще рано настаивать на этомъ. Тѣмъ не менѣе, и въ этомъ направленіи уже многое достигнуто. Въ Норвегіи изданъ законъ, который распространяетъ и на женщинъ избирательное право. Кромѣ того, правительство внесло законопроектъ, открывающій женщинамъ доступъ на государственную службу. Все это факты огромной важности, значеніе которыхъ опредѣлится впослѣдствіи. «Я предвижу день,—прибавила г-жа Зуттнеръ, улыбаясь, — когда во главѣ перваго министерства мира будетъ стоять женщина!..»

Эти заключительныя слова рѣчи разумѣется вызвали громъ апплодисментовъ, и затѣмъ начались пренія, главнымъ образомъ, по вопросу о гаагской конференціи и ея значеніи, причемъ г-жа Зуттнеръ защищала гаагскій третейскій судъ и высказалась противъ учрежденія предложенной г-жею Владимірской международной патріотической лиги.

Борьба національностей въ Австріи настолько обострилась въ послѣднее время, что теперь націоналистскій вопросъ премируетъ надъ всѣми прочими. Въ сущности, въ Австріи нѣтъ австрійцевъ, а есть чехи, поляки, словены, кроаты, сербы, румыны, итальянцы, нѣмцы да еще сюда слѣдуетъ причислить тирольцевъ, штирійцевъ, цыганъ и т. д. Вначалѣ борьба велась изъ-за первоначальныхъ школъ; затѣмъ различныя національности стали добиваться соб-

ственныхъ среднихъ школъ, гимназій и лицеевъ, но только однимъ чехамъ удалось при министерствѣ Шаафе добиться учрежденія чешскаго университета рядомъ съ нѣмецкимъ университетомъ. Въ настоящее же время университетскій вопросъ выдвигается на первый планъ. Итальянцы требуютъ открытія въ Тріестѣ итальянскаго университета, и министръ просвѣщенія почти обѣщалъ имъ это. Теперь словены также начинаютъ волноваться и требовать учрежденія словенскаго университета въ Лайбахѣ, а руссины — руссинскаго университета въ Лембергѣ (Львовѣ), католики, въ свою очередь, требуютъ основанія католическаго университета въ Зальцбургѣ, а чехи находятъ, что спасеніе ихъ національности зависитъ отъ того, будетъ или нѣтъ открытъ второй чешскій университетъ въ нѣмецкомъ городѣ Брюннѣ. Три года тому назадъ, при министерствѣ Туна, въ этомъ городѣ была основана вторая католическая школа—чешская, несмотря на протесты нѣмецкихъ жителей и муниципальнаго совѣта. Но самое любопытное, что во всемъ этомъ движеніи никто, повидимому, не интересуется вопросомъ, откуда возьмутся деньги и профессора для этихъ новыхъ университетовъ. Устраиваются митинги, вотируются резолюціи и австрійскій рейхсратъ до такой степени заваливается требованіями и запросами по этому поводу, что депутаты совсѣмъ теряютъ голову. Во всякомъ случаѣ, вопросъ объ учрежденіи національныхъ университетовъ въ Австріи до сихъ поръ остается открытымъ.

Въ Темешварѣ образовалось оригинальное учрежденіе «Бѣлаго Креста» — дѣтскій рынокъ, устроенный съ цѣлью завязать непосредственныя сношенія между несчастными покинутыми дѣтьми или сиротами и бездѣтными людьми, желающими взять на свое попеченіе какого-нибудь ребенка. Конечно, на этомъ «рынкѣ» нѣтъ и рѣчи о куплѣ и продажѣ и все дѣло заключается въ передачѣ питомцевъ воспитательныхъ домовъ въ частныя руки. Въ этомъ году состоялась первая «дѣтская ярмарка» подобнаго рода. Въ девяти часамъ утра на рынокъ явились бездѣтные супруги изъ Темешвара и другихъ мѣстъ и имъ было представлено около 30 дѣтей, въ возрастѣ отъ одного года до девяти лѣтъ, не имѣющихъ никого на свѣтѣ. Четырнадцать дѣвочекъ и пять мальчиковъ нашли желающихъ усыновить ихъ. Среди этихъ желающихъ было нѣсколько ремесленниковъ; одна молодая жена каменьщика выразила даже желаніе взять сразу двоихъ дѣтей. Многіе, пришедшіе позже, не нашли подходящихъ для себя дѣтей изъ тѣхъ, которые остались, и ушли съ пустыми руками. Когда состоится слѣдующая ярмарка—еще не рѣшено, но полагаютъ, что она будетъ происходить ежегодно.

---

**Новая французская школа.** Школьный инспекторъ д-ръ Газицкій, командированный городомъ Берлиномъ на парижскую выставку, напечаталъ теперь свой докладъ о новой французской народной школѣ, въ которой обученіе нравственности замѣнило религіозное обученіе. Учитель новой народной школы не старается замѣнить ни священника, ни отца, но соединяетъ свои усилія съ ихъ усиліями, для того, чтобы сдѣлать изъ ребенка человѣка. Поэтому, онъ въ особенности настаиваетъ на человѣческихъ обязанностяхъ, которыя сбли-

*



жають между собою людей, а не на догматахъ, которые ихъ раздѣляютъ. Преподаваніе нравственности не носитъ, такимъ образомъ, атеистическаго или религіозно-враждебнаго характера. Церковные догматы и конфессіональныя разногласія исключены изъ программы народной школы, которая опирается на тотъ принципъ, что каковы бы ни были религіозныя разногласія, которыя впослѣдствіи могутъ раздѣлять людей, въ школѣ ученики должны быть всѣ равны и считать другъ друга братьями.

Классъ этики начинается чѣмъ-то въ родѣ утренней молитвы, пѣніемъ и обсужденіемъ какого-нибудь нравственнаго правила. Обязанность учителя пріучить дѣтей уважать законъ и не относиться легко къ вопросамъ религіи и нравственности. Въ этомъ смыслѣ преподаваніе нравственныхъ началъ въ свѣтской французской школѣ мало отличается отъ религіознаго преподаванія въ католической школѣ. Гораздо характернѣе въ данномъ случаѣ политическое ученіе, которое находится въ связи съ нравственнымъ обученіемъ во французской народной школѣ. Божество, неограниченно господствующее въ этой области, зовется «отечествомъ». Храмомъ этого божества служатъ всѣ общественныя зданія, на которыхъ красуется девизъ: «свобода, равенство и братство», и каждый молодой французъ научается поклоняться этому божеству и считать величайшею честью умереть за славу своего отечества. Но главною характерною чертою патріотизма, преподаваемаго во французскихъ школахъ, является воинственность и идея реванша, которая отражается во всѣхъ французскихъ руководствахъ нравственности. Однако, одинъ изъ французскихъ народныхъ учителей сказалъ по этому поводу Гирецкому: «Этотъ шовинизмъ существуетъ гораздо болѣе въ книгахъ, нежели въ головахъ и сердцахъ учителей». Какъ бы то ни было, но шовинистскіе взгляды преподаются все-таки въ школѣ, наравнѣ съ республиканскою идеей, которую учитель старается внушить своимъ ученикамъ.

Но наряду съ этимъ ученики народной школы получаютъ также весьма много положительныхъ познаній относительно конституціи и управленія страной, такъ что въ этомъ отношеніи французская народная школа стоитъ впереди всѣхъ другихъ школъ и, дѣйствительно, приготовляетъ сознательныхъ гражданъ и избирателей. Совершенно особое мѣсто между нравственностью и политикой занимаютъ въ этой школѣ экономическіе вопросы. Цѣль жизни каждаго француза сдѣлаться рантье, и, поэтому, школа поощряетъ дѣтей къ бережливости, устраивая школьныя сберегательныя кассы. Вообще французская народная школа, какъ это признаетъ и нѣмецкій школьный инспекторъ, выпускаетъ учениковъ съ цѣлымъ запасомъ практическихъ свѣдѣній и жизненныхъ правилъ, изъ которыхъ онъ можетъ извлечь потомъ пользу въ дальнѣйшей своей дѣятельности. «Нѣтъ сомнѣнія,—говоритъ д-ръ Газицкій,—что воспитаніе, получаемое подростающимъ поколѣніемъ въ новой французской народной школѣ, должно будетъ выразиться въ скоромъ времени повышеніемъ нравственнаго уровня націи и школьные ученики внесутъ въ семьи новыя понятія о нравственности и косвеннымъ образомъ будутъ оказывать морализующее вліяніе на родителей. «L'enfant deviendra le moralisateur de la famille».



Французская печать много волнуется по поводу письма одного деревенскаго священника, Георга Руссака, который обратился къ епископу Орлеанскому съ прошеніемъ объ увольненіи отъ должности. Руссакъ объявляетъ, что онъ покидаетъ французскую церковь на томъ основаніи, что въ ней царитъ «политическая нетерпимость». Церковь эта стремится подчинить каждаго священника клерикальному господству и обратить его въ избирательнаго агента. Свои слова и объясненія Руссакъ подкрѣпляетъ доказательствами и фактами и говоритъ о притѣсненіяхъ, которыя ему приходится выносить, благодаря тому, что онъ отказался выступить противъ республиканцевъ, какъ того требуютъ французскіе клерикалы. При такихъ условіяхъ онъ считаетъ невозможнымъ примиреніе и сближеніе между церковью и современными идеями, и такъ какъ духовенство стремится замѣнить свой прежній религіозный апостолатъ свѣтскою властью, то онъ не находитъ возможнымъ долѣе оставаться въ рядахъ церкви, «превратившейся въ воинствующаго политическаго фактора».

Это письмо въ особенности вызвало бурю въ рядахъ «присоединившихся» клерикаловъ и клерикальной буржуазіи и, конечно, еще долго будетъ служить пищей для полемики, появившись въ самый разгаръ клерикальной борьбы во Франціи.

---

**Школа тропической медицины.** Въ 1899 году въ Лондонѣ была основана школа тропической медицины по идеѣ Чэмберлена, обратившагося съ воззваніемъ къ директорамъ морского госпиталя въ Гринвичѣ и просившаго ихъ содѣйствія въ дѣлѣ распространенія этой идеи въ публикѣ. Колоніальное управленіе пожертвовало 3.500 фунтовъ на учрежденіе этой школы, индійское правительство—1.000, а на общественномъ банкетѣ, на которомъ предсѣдательствовалъ Чэмберленъ, была подписана огромная сумма въ 16.000 фунтовъ. Такимъ образомъ, открытіе школы было обезпечено, и съ момента открытія недостатка въ студентахъ ни разу не ощущалось. Курсъ тропической медицины—трехмѣсячный, но къ слушанію его допускаются лишь люди, обладающіе соотвѣтствующими познаніями въ медицинѣ и нуждающіеся только въ дополненіи этихъ познаній тѣми, которыя необходимы для медицинской практики въ тропикахъ. Въ началѣ предполагалось принимать въ школу не больше 12-ти человѣкъ заразъ, но пришлось увеличить это число вдвое, въ виду огромнаго наплыва желающихъ. Школа командировала двухъ человѣкъ въ римскую Кампанью для изученія маляріи и средствъ борьбы съ нею. Другіе двое командированы въ Бразилію для изслѣдованія причинъ желтой лихорадки. Къ несчастью, оба заболѣли, и одинъ умеръ, но другой выздоровѣлъ и продолжалъ свои изслѣдованія. Благодаря бо̀льшему знакомству европейцевъ съ характеромъ тропическихъ болѣзней и особенностями тропическаго климата, многія мѣстности, гдѣ пребываніе считалось для европейцевъ крайне опаснымъ, теперь стали доступными европейской колонизаціи. Еще сравнительно недавно жизнь въ Калькуттѣ была сопряжена съ большою опасностью для здоровья европейцевъ, но теперь, благодаря санитарнымъ мѣропріятіямъ, положеніе измѣнилось, и европейцы могутъ, соблюдая извѣстныя мѣры предосторожности, жить въ Калькуттѣ, не подвергая

серьезной опасности свое здоровье. Островъ Барбадосъ, какъ извѣстно, пользуется очень дурной репутаціей, благодаря тому, что жители этого острова подвержены очень непріятной и неизлечимой накожной болѣзни, которая называется «элефантіазисомъ» ((Elephantiasis), но теперь, когда открыто паразитное происхожденіе этой болѣзни, д-ръ Патрикъ Мансонъ въ своемъ докладѣ въ обществѣ колоніальной медицины объявилъ, что болѣзнь эта можетъ быть совершенно уничтожена на островѣ въ теченіе одного только поколѣнія, если будутъ приняты извѣстныя мѣры противъ ея распространенія.

Д-ръ Патрикъ Мансонъ указываетъ въ своемъ докладѣ на огромную пользу, которую можетъ принести человѣчеству знаніе тропической медицины. Неопытный врачъ, отправляющійся въ тропики, въ концѣ концовъ пріобрѣтаетъ необходимую опытность въ обращеніи съ тропическими болѣзнями, но такое знаніе достается ему не легко и притомъ всегда бываетъ поверхностнымъ. Между тѣмъ, вслѣдствіе незнакомства европейскихъ врачей съ тропическими болѣзнями, смертность отъ этихъ болѣзней всегда бываетъ очень велика. Европейскій врачъ часто не умѣетъ распознать тропической болѣзни или замѣтить своевременно опасность. Д-ръ Патрикъ Мансонъ разсказалъ случай, когда призванный къ больному врачъ поставилъ діагнозъ простой лихорадки и не предвидѣлъ никакой опасности, между тѣмъ больной черезъ нѣсколько часовъ умеръ. У него была одна изъ тѣхъ безчисленныхъ тропическихъ болѣзней, симптомы которой могутъ быть не распознаны даже хорошимъ врачомъ, если только онъ не обладаетъ спеціальными познаніями въ области тропической медицины. Въ настоящее время эти познанія могутъ быть получены въ лондонской школѣ тропической медицины, но такъ какъ для успѣшнаго хода дѣла необходимы командировки въ тропическія страны и организація научныхъ изслѣдованій на болѣе или менѣе широкихъ основаніяхъ, то средства, которыми располагаетъ медицинская школа, оказываются недостаточными. Англійская печать, впрочемъ, старается возбудить своими статьями интересъ англійской публики къ этому учрежденію, и уже начинаютъ притекать пожертвованія для увеличенія средствъ лондонской школы. Кромѣ того, сэръ Фрэнсисъ Ловелль отправился путешествовать въ различныя тропическія страны, со спеціальною цѣлью заинтересовать тамошнихъ богачей въ этомъ дѣлѣ и побудить ихъ оказать финансовую поддержку лондонской школѣ. Въ Лондонѣ твердо увѣрены, что миссія сэра Фрэнсиса Ловелля увѣнчается полнымъ успѣхомъ, тѣмъ болѣе, что лондонская школа тропической медицины представляетъ единственное въ своемъ родѣ учрежденіе въ цѣломъ мірѣ.

---

**Туземный вопросъ въ Южной Африкѣ.** Корреспонденты иностранныхъ газетъ въ Южной Африкѣ обращаютъ вниманіе на то, что въ настоящее время отношеніе южно-африканскихъ туземцевъ къ бѣлымъ сильно измѣнилось. Отчасти въ этомъ виновна трансваальская война, отчасти же пропаганда американской эфіопской миссіи, всего годъ тому назадъ начавшей свою дѣятельность, но уже получившей большое распространеніе среди туземцевъ. Миссія ставитъ своимъ девизомъ: «Африка для туземцевъ», и этотъ девизъ имѣетъ такое



вліяніе на туземныхъ учителей, что тысячи изъ нихъ выражаютъ полную готовность дѣлать правильные взносы въ кассу миссіи съ цѣлью «избавленія отъ ига бѣлыхъ». Одинъ изъ англійскихъ корреспондентовъ говоритъ, что если спросить любого туземца, что онъ понимаетъ подъ словами «иго бѣлыхъ», то онъ отвѣтитъ цѣлыми цитатами изъ Ветхаго завѣта. Туземные миссіонеры проповѣдуютъ «независимую туземную южно-африканскую церковь», и это движеніе представляетъ много привлекательныхъ сторонъ для туземцевъ объединяя ихъ подъ покровомъ религіи и ради общей цѣли. До настоящаго времени не существовало никакой объединяющей идеи, да и достигнуть подобнаго единенія было трудно уже потому, что туземцы раздѣлялись на безчисленныя племена, большею частью враждовавшія между собой. Но именно въ этой враждѣ и заключалась безопасность бѣлыхъ жителей Южной Африки. Въ сущности городскіе жители въ Южной Африкѣ почти совсѣмъ не знакомы съ образомъ мыслей туземцевъ и, поэтому, совершенно не замѣчаютъ надвигающейся опасности, которая, по мнѣнію англійскихъ корреспондентовъ, можетъ явиться для нихъ такою же неожиданностью, какъ нѣкогда ультиматумъ Крюгера. Въ южно-африканской печати ничего не говорится объ этомъ движеніи, и это объясняется тѣмъ, что большинство южно-африканскихъ журналистовъ пріѣзжаютъ изъ Англіи и совершенно незнакомы ни съ туземною жизнью, ни съ характеромъ туземныхъ жителей. Фермеры же, понимающіе дѣло, не пишутъ въ газетахъ и отъ этого газеты молчатъ о такомъ важномъ фактѣ, какъ туземное движеніе. Впрочемъ, годъ тому назадъ одна вліятельная газета высказала предостереженіе, но никто ни обратилъ вниманіе на это, и съ тѣхъ поръ мѣстная печать больше не затрогивала этого вопроса. Между тѣмъ, въ Южной Африкѣ, несомнѣнно, назрѣваетъ туземный вопросъ, который можетъ принять неожиданно для европейцевъ весьма опасный характеръ.

---

Изъ американской жизни. Нѣсколько времени тому назадъ въ Итакѣ, маленькомъ городкѣ съ 15.000 жителей, расположенномъ на берегу хорошенькаго озера въ западной части штата Нью-Іорка и обязанномъ своею извѣстностью корнелльскому университету, находящемуся въ этомъ городѣ, состоялся интересный ораторскій турниръ. На сценѣ театра Итаки, декорированной университетскими знаменами и звѣздными американскими флагами, собралось двѣнадцать студентовъ, одѣтыхъ во фраки и бѣлые галстухи. Они заняли мѣста по три человѣка за столами, находящимися другъ противъ друга, и на каждомъ столѣ поставленъ былъ кувшинъ съ ледяной водой и стаканъ. Зрительная зала, начиная отъ партера до галлерей, была переполнена публикой, состоящей изъ студентовъ, студентокъ, городскихъ обитателей съ семействами и профессоровъ. Вся эта публика, державшаяся очень корректно, несмотря на возбужденное состояніе, въ которомъ она находилась въ ту минуту, явилась въ театръ, чтобы присутствовать на ораторскомъ состязаніи или на «университетскихъ дебатахъ», какъ говорятъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Съ одной стороны находились представители университета Колумбія (штатъ Нь-Іоркъ), съ другой—ораторы университета Корнелля въ Итакѣ. Предметомъ дебатовъ служила доктрина Монроё. Поставленъ былъ вопросъ: «Слѣдуетъ ли Соединен-

нымъ Штатамъ воспротивиться силой, если къ тому представится надобность, колонизаціи Южной Америки какою-либо европейскою державой?» Университетъ Колумбія доказывалъ, что доктрина Монроё должна быть проведена безъ всякихъ колебаній и компромиссовъ вездѣ, корнелльскій университетъ настаивалъ на томъ, что необходимо въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ обсудить всѣ обстоятельства дѣла и положенія вещей и дѣйствовать осмотрительно и съ должною умѣренностью. Каждая партія имѣла своего оратора, который и долженъ былъ развивать и поддерживать ея точку зрѣнія. Этотъ ораторъ выходилъ на авансцену, кланялся президенту собранія и затѣмъ обращался къ публикѣ, развивая свою аргументацію. Онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи только десять минутъ, ни секунды болѣе. По прошествіи десяти минутъ колокольчикъ прерывалъ оратора, и ораторъ другой партіи занималъ его мѣсто. Публика съ большимъ интересомъ и безпристрастіемъ выслушивала каждаго оратора, апплодируя и выказывая свое одобреніе въ удачныхъ мѣстахъ, совершенно независимо отъ развиваемой ораторомъ точки зрѣнія.

Когда были произнесены всѣ шесть первыхъ рѣчей, то наступила очередь возраженій, которыя дѣлались на основаніи аргументовъ и взглядовъ, навѣянныхъ рѣчами ораторовъ и наскоро набросанныхъ во время этихъ рѣчей. Но на возраженія полагалось не болѣе пяти минутъ и именно тутъ то предоставлялось каждому выказать свою находчивость и свой импровизаторскій талантъ. Возражать, конечно, было труднѣе, чѣмъ произносить рѣчь, такъ какъ рѣчи обыкновенно составлялись заранѣе, и каждая группа распредѣляла между своими членами различные пункты аргументація, заранѣе уже установленной обѣими сторонами и только относительно возраженій предоставлялась полная свобода. Удачное возраженіе вызывало въ публикѣ восторгъ и поощреніе. Ораторъ, съумѣвшій краснорѣчивымъ образомъ развить свою точку зрѣнія, вложить пылкость въ своя рѣчи, выказать остроуміе, могъ разсчитывать на большой успѣхъ. Удачно сказанная эпиграмма или кстати приведенный анекдотъ, неизмѣнно приводили въ восторгъ всю аудиторію, но больше всего публика цѣнила звучность голоса и плавность рѣчи.

На происходившемъ турнирѣ наибольшій успѣхъ выпалъ на долю представителя корнелльскаго университета. Онъ очень остроумно построилъ свою рѣчь. Безъ сомнѣнія, въ пользу доктрины Монроё можно привести множество крайне серьезныхъ историческихъ доводовъ, сказалъ онъ, но изъ-за того, что она существуетъ 79 лѣтъ, еще не слѣдуетъ, что американская дипломатія должна вѣчно вращаться въ ея предѣлахъ. Прецедентъ остается прецедентомъ, но онъ не можетъ служить основаніемъ для дальнѣйшаго образа дѣйствій. Притомъ же никогда доктрина Монроё не примѣнялась съ такою непримиримою строгостью и въ дѣйствительности колонизація въ Южной Америкѣ совершалась безъ особенно сильнаго сопротивленія со стороны Соединенныхъ Штатовъ. Самъ авторъ доктрины Монроё, президентъ Адамсъ, находилъ, что необходимо изслѣдовать каждый случай отдѣльно, а не примѣнять во всѣхъ случаяхъ неизмѣнное и абсолютное правило, не взирая ни на какія обстоятельства и особенныя условія.



Развиваемый ораторомъ тезисъ имѣлъ успѣхъ, тѣмъ болѣе, что и другіе ораторы, поддерживавшіе его, оказались на высотѣ своего призванія. Трое изъ судей—три иностранныхъ профессора, находившіеся въ соперничествующихъ университетахъ, пришли къ заключенію, что ораторы корнелльскаго университета съ большимъ талантомъ, какъ относительно аргументаціи, такъ и относительно формы, развивали свою точку зрѣнія. Результаты приговора жюри были объявлены публикѣ при громѣ апплодисментовъ, въ то время, какъ побѣдители, такъ и побѣжденные крѣпко, «по-американски», жали другъ другу руки, какъ это бывало «во время оно» послѣ рыцарскихъ турнировъ. За дебатами слѣдовалъ банкетъ, соединившій противниковъ и служившій новымъ предлогомъ для рѣчей, исключительно уже являвшихся продуктомъ застольной импровизаціи.

Такого рода ораторскіе турниры устраиваются въ Америкѣ довольно часто, такъ какъ нигдѣ «искусство говорить», не имѣетъ такого значенія, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Американцы убѣждены, что никто не родится ораторомъ, и у нихъ ораторское искусство преподается систематически и сообразно извѣстному методу, какъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ.

Однако такъ называемые дебатирующія общества вовсе не составляютъ американскаго продукта; они народились въ Англіи, гдѣ и до сихъ поръ еще пользуются большимъ успѣхомъ, и оттуда уже завезены были въ Америку. Въ Оксфордѣ и Кэмбриджѣ, а затѣмъ и въ другихъ университетскихъ или школьныхъ мѣстностяхъ они служили настоящимъ разсадникомъ англійскихъ ораторовъ. Недавно одна англійская газета обратилась къ различнымъ англійскимъ государственнымъ дѣятелямъ съ вопросомъ объ ихъ отношеніяхъ къ этимъ существомъ. За малыми лишь исключеніями, почти всѣ изъ этихъ дѣятелей признали, что они обязаны очень многимъ названнымъ обществамъ. Чэмберленъ, напримѣръ, которому никакъ нельзя отказать въ ораторскомъ талантѣ, откровенно заявилъ, что онъ обязанъ развитіемъ своего краснорѣчія одному изъ провинціальныхъ дебатирующихъ обществъ.

Занесенныя въ Америку, дебатирующія общества пріобрѣли тамъ небывалое развитіе. Не только въ каждомъ университетѣ существуютъ ораторскіе клубы, но даже въ каждой деревенской школѣ устраиваются упражненія въ ораторскомъ искусствѣ. Филантропическія общества въ большихъ городахъ, маленькіе народные университеты, христіанскіе союзы молодежи, сиротскіе пріюты, школьныя попечительства и т. п. учрежденія имѣютъ каждое свою отдѣльную политическую организацію. Члены этой организаціи собираются разъ въ недѣлю, выбираютъ бюро, которое и вырабатываетъ темы для публичныхъ обсужденій. Каждый университетъ, кромѣ того, учреждаетъ премію, которая и выдается побѣдителю на ораторскомъ турнирѣ.

Въ теченіе года, въ различные періоды, молодые люди должны бываютъ произносить рѣчи передъ многочисленною аудиторіей и именно на этихъ конкурсахъ обнаруживаются будущіе ораторы и вожди партій. Вебстеръ дебютировалъ на одномъ изъ этихъ конкурсовъ, Брайянъ, считающійся лучшимъ ораторомъ въ Америкѣ, точно также проявилъ впервые свой ораторскій талантъ на такомъ же конкурсѣ. Онъ получилъ въ университетской коллегіи первый призъ

за рѣчи, произнесенныя о трудѣ и объ индивидуальной власти. Букеръ Вашингтонъ также разсказываетъ въ своей автобіографіи, что его любимымъ развлеченіемъ было посѣщеніе «debating society», когда онъ былъ въ негритянской школѣ въ Гэмптонѣ и впослѣдствіи, когда онъ сдѣлался учителемъ въ одной негритянской деревнѣ, то онъ тамъ устроилъ такое общество, въ которомъ дебатировались различные вопросы политической и литературной жизни.

Однако, подготовка къ ораторской дѣятельности получается въ Америкѣ не въ однѣхъ только дебатирующихъ обществахъ. Въ большинствѣ американскихъ университетовъ учреждены каѳедры краснорѣчія. Въ корнелльскомъ университетѣ курсы ораторскаго искусства посѣщаются сотнями студентовъ, которые обучаются посредствомъ упражненій, устраиваемыхъ три раза въ недѣлю, какъ надо держаться оратору передъ публикой. Но, разумѣется, въ данномъ случаѣ главное значеніе имѣетъ способность импровизація, которая развивается постепенно, но всегда при этомъ молодые люди тщательно обдумываютъ предложенный имъ тезисъ и собираютъ документы, которые могли бы поддержать ихъ точку зрѣнія. Упражненія въ ораторскомъ искусствѣ обыкновенно состоятъ въ слѣдующемъ: сначала просто заучиваются наизусть отрывки изъ лучшихъ рѣчей, а затѣмъ предлагается уже самому составить коротенькую рѣчь на какую-нибудь современную тему. Ораторъ долженъ съумѣть въ наивозможно сжатой формѣ представить всѣ аргументы за и противъ дебатируемаго вопроса, напр., за или противъ законовъ о китайской иммиграціи или присоединенія Филиппинъ, за и противъ трёстовъ и т. д.

Заставляя, такимъ образомъ, молодыхъ людей обдумывать политическіе вопросы, подыскивать аргументы, цифры и документы, американцы не только приготовляютъ изъ нихъ ораторовъ, но и гражданъ, хорошо освѣдомленныхъ въ политическихъ дѣлахъ, внимательно наблюдающихъ за развитіемъ политической жизни и желающихъ играть въ ней активную роль. Корреспондентъ французской газеты «Temps», присутствовавшій на такихъ университетскихъ дебатахъ, гдѣ обсуждался филиппинскій вопросъ и негритянская проблема, былъ пораженъ солидностью аргументовъ и глубиною мыслей молодыхъ ораторовъ. Произнесенныя ими рѣчи сдѣлали бы честь любому политическому собранію.

Въ послѣднее время печать Соединенныхъ Штатовъ посвящаетъ особенное вниманіе вопросу о совмѣстномъ воспитаніи мальчиковъ и дѣвочекъ. «Co-education» имѣетъ много противниковъ въ восточныхъ штатахъ, но зато западные штаты горячо-защищаютъ систему совмѣстнаго воспитанія, доказывая, что именно этой системѣ западно-американскія дѣвушки обязаны своимъ высокимъ умственнымъ развитіемъ. Приглашенный изъ Германіи въ гарвардскій университетъ профессоръ Гуго Мюнстербергъ высказалъ недавно опасеніе, что молодыя дѣвушки, вслѣдствіе преобладанія у нихъ умственныхъ интересовъ и умственной дѣятельности, перестанутъ чувствовать склонность къ семейной жизни. На это американскія газеты возражаютъ, что получившія университетское воспитаніе «western girls» (западныя дѣвушки) выходятъ замужъ также охотно, какъ и дѣвушки другихъ штатовъ. Возможность читать въ оригиналѣ Аристофана и разсуждать о проблемахъ политической экономіи и экспериментальной физикѣ

нисколько не мѣшаетъ имъ быть хорошими хозяйками дома, женами и матерьми. Что же касается опасностей, говорятъ американскія газеты, которыя чудятся противникамъ «co-education», то имъ стоитъ только присмотрѣться къ жизни въ такого рода воспитательныхъ учрежденіяхъ, чтобы убѣдиться въ неосновательности своихъ страховъ. Фешенебельные женскіе пансіоны восточныхъ штатовъ и Стараго Свѣта представляютъ гораздо болѣе благопріятныя условія для развитія опасной мечтательности и вредныхъ наклонностей у молодыхъ дѣвушекъ, нежели вполнѣ здоровыя и нормальныя товарищескія отношенія, которыя устанавливаются между молодыми людьми обоего пола, когда они находятся въ одной коллегіи. Молодыя дѣвушки часто опережаютъ въ занятіяхъ своихъ товарищей, да и вообще тѣ не имѣютъ никакихъ основаній считать себя выше ихъ, и между ними легко устанавливаются добрыя товарищескія отношенія.

Въ послѣднее время, впрочемъ, идея совмѣстнаго воспитанія начинаетъ мало-по-малу завоевывать мѣсто и въ восточныхъ штатахъ, хотя система «co-education» и подвергается нѣкоторымъ притѣсненіямъ въ этихъ штатахъ, въ виду того, что процентное содержаніе «college boys» и «college girls» одинаковое въ западныхъ штатахъ, далеко не такое въ восточныхъ штатахъ. Во всякомъ случаѣ система эта уже не пугаетъ теперь, какъ прежде и опытъ доказалъ, что она не только не оказываетъ вреднаго вліянія на нравственность учащейся молодежи, но, даже наоборотъ, повышаетъ ее.

Канцлеръ сиракузскаго университета въ сѣверо-западной области штата Нью-Іорка, Джемсъ Дэй, большой защитникъ системы «co-education», введенной, между прочимъ, и въ этомъ университетѣ, въ своемъ докладѣ говоритъ, что, дѣйствительно, число браковъ между студентами и студентками увеличилось со времени введенія этой системы, но, по его мнѣнію, это ни въ какомъ случаѣ нельзя поставить въ упрекъ университету, потому что, по его, канцлера, наблюденіямъ, такого рода браки между товарищами по школьной скамьѣ большею частью бываютъ счастливы. Между молодыми людьми существуетъ полная умственная гармонія и взаимное пониманіе, составляющія, конечно, одно изъ главныхъ условій для счастливой совмѣстной жизни.

---

## Изъ иностранныхъ журналовъ.

Психологія будущихъ сраженій.—Воззрѣнія на смерть у различныхъ народовъ.—Современный поэтъ Индіи: Байрами Малабари.—Вопросы воспитанія въ Соединенныхъ Штатахъ.

Въ военныхъ кружкахъ Франціи много вниманія возбуждаетъ статья «Revue des deux Mondes», авторъ которой подробно обсуждаетъ переворотъ, вызванный современною военною техникой въ тактикѣ военнаго искусства. Говоря о будущихъ сраженіяхъ, авторъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на ихъ психическомъ вліяніи. «Продолжительность сраженій при современныхъ условіяхъ,—говоритъ онъ,—должна вести за собою значительное физическое изнуреніе, которое выражается сильнѣйшимъ нервнымъ напряженіемъ. Этимъ

объясняется то, что такъ часто люди падаютъ въ обморокъ послѣ битвы, все-равно одержали ли они побѣду или пораженіе, и совершенно не въ состояніи бываютъ преслѣдовать врага къ концу сраженія. И прежде такъ бывало, но теперь нервное напряженіе достигаетъ еще большей силы, особенно потому, что врагъ невидимъ. Невозможность видѣть непріятеля непосредственно дѣйствуетъ на нравственное состояніе человѣка, на его энергію и мужество. Воинъ, не видящій врага передъ собою, вынужденъ искать его въ разныхъ мѣстахъ и невольно ожидаетъ вездѣ увидѣть его. Отъ этого сознанія постоянной невидимой опасности до чувства страха—одинъ только шагъ. Кромѣ того, подобное сознаніе дѣйствуетъ угнетающимъ образомъ на состояніе духа сражающихся и въ южно-африканской войнѣ можно было часто наблюдать такое настроеніе войска. Такъ, напримѣръ, при Маджерсфонтейнѣ, Коленѕо, Паардергѣ и др. мѣстахъ войска находились на далекомъ разстояніи отъ непріятеля, но дѣйствіе ружейнаго огня оказывало на нихъ такое вліяніе, что совершенно лишало ихъ бодрости и они не могли двинуться съ мѣста. Затѣмъ въ сраженіяхъ на близкомъ разстояніи командиръ совершенно не можетъ оказывать никакого вліянія на ряды, находящіеся въ огнѣ. Даже дѣятельность офицеровъ, марширующихъ съ этими рядами, очень ограничена, такъ какъ не распространяется далѣе двухъ-трехъ человѣкъ, идущихъ рядомъ съ ними. Такимъ образомъ, каждый воинъ сражается самъ за себя и никогда индивидуальное значеніе солдата не играло такой роли какъ въ настоящее время. Каковы бы ни были стратегическія комбинаціи главнокомандующаго, превосходство численности и искусство стягивать свои силы,—все-таки побѣда не будетъ на его сторонѣ, если только его солдаты не умѣли дѣйствовать самостоятельно, безъ того, чтобы кто-нибудь наблюдалъ за ними, и если они не были лично воодушевлены твердымъ рѣшеніемъ либо побѣдить, либо умереть. Солдату приходится затрачивать теперь гораздо большую сумму энергіи, чѣмъ прежде, и притомъ ничто не приводитъ его теперь въ такое возбужденное состояніе, въ какое приводила его массовая аттака, дѣйствовавшая на него опьяняющимъ образомъ и поддерживавшая въ немъ энергію, благодаря этому возбужденію. Но при нынѣшнемъ оружіи каждый солдатъ дѣйствуетъ индивидуально и вполнѣ независимо; ему предоставлено самому заботиться о томъ, чтобы попасть въ непріятеля и уничтожить его Однако, утонченная цивилизація, связанная со скептическимъ настроеніемъ и склонностью презирать военное ремесло и избѣгать исполненія своего военнаго долга, привела къ тому, что значительная часть образованныхъ классовъ оказывается неспособной къ выполненію тѣхъ требованій, которыя предъявляются теперь современною войной. Китай обязанъ своимъ паденіемъ распространенію такого настроенія среди образованныхъ классовъ. Онъ не могъ устоять противъ горсти европейцевъ, несмотря на свое громадное войско и превосходное вооруженіе. Можно ли считать китайцевъ трусами? Ничуть не бывало. Они не боятся пассивной смерти и умѣютъ смотрѣть ей прямо въ глаза, безъ страха и стенаній. Но китаецъ не можетъ идти ей на встрѣчу, если для этого ему надо маршировать. Тогда у него слабѣютъ ноги и онъ перестаетъ соображать. Бывали случаи, когда солдаты убивали себя, чтобы не идти

въ сраженіе. Страхъ—это болѣзнь, такая же, какъ и всѣ другія, и профилактикой этой болѣзни является методическое воспитаніе физическихъ силъ, воли и энергіи у ребенка и юноши. Объ этомъ должны заботиться матери и школьные учителя, такъ какъ эти качества не могутъ развиться въ полку. Но духъ самоотверженія не пріобрѣтается посредствомъ теоретическаго комнатнаго преподаванія; онъ развивается въ юношахъ, дѣлающихся солдатами и получающихъ техническое образованіе, лишь въ томъ случаѣ, если офицеры, подъ предлогомъ дисциплины, не будутъ подавлять индивидуальность солдата. Какъ бы ни было великолѣпно оружіе и какъ бы ни было многочисленно войско, но побѣда не останется за нимъ, если на его сторонѣ нѣтъ нравственной силы. Стрѣльба съ бездымнымъ порохомъ и невидимый врагъ—это факторы, оказывающіе деморализующее вліяніе. Чтобы бороться съ этимъ вліяніемъ надо обладать силою воли и энергіей, и поэтому, теперь въ особенности, надо заботиться о воспитаніи и развитіи нравственныхъ силъ націи, о развитіи индивидуальности, а не подавленія ея дисциплиной, какъ практикуется вездѣ, такъ какъ только тогда войско въ состояніи будетъ выдержать трудное испытаніе, которымъ является современное сраженіе, гдѣ смерть исходитъ отъ «невидимаго и неслышимаго» врага.

---

Въ «Revue de Paris» помѣщена статья Ле-Браца о воззрѣніяхъ на смерть у различныхъ народовъ. Онъ разсматриваетъ эти воззрѣнія съ точки зрѣнія фольклёра. Кельты, говоритъ онъ, съ незапамятныхъ временъ вѣрили въ будущую жизнь и свыклись съ мыслью о смерти. Въ южной же Европѣ, наоборотъ, смерть внушала ужасъ и отвращеніе. Римляне изумлялись тому спокойствію, съ которымъ сѣверные, побѣжденные ими народы, смотрѣли въ глаза смерти. У галловъ было божество смерти и многіе изъ нихъ вѣрили, что все человѣчество произошло отъ этого божества. Древніе кельты вѣрили, что царство смерти лежитъ за морями и что оно дѣйствительно существуетъ. Въ древнѣйшемъ британскомъ фольклорѣ историки наталкиваются на слѣды этихъ воззрѣній, такъ какъ зачастую встрѣчаютъ разсказы объ опечаленныхъ вдовахъ, отправляющихся въ море съ твердымъ упованіемъ достигнуть «того берега», т.-е. царства смерти и отыскать тамъ своего супруга.

О привидѣніяхъ и призракахъ или духахъ мертвыхъ, которые возвращаются на землю, у кельтскихъ народовъ упоминается не раньше X-го столѣтія, но затѣмъ уже духи начинаютъ играть выдающуюся роль въ кельтской литературѣ и какъ въ Ирландіи, такъ и въ Бретани постоянно упоминается о духахъ, появленіе которыхъ предсказываетъ несчастье.

Бретань сохраняетъ до сихъ поръ свой средневѣковый характеръ и это въ особенности сказывается въ томъ болѣзненномъ интересѣ, который ея жители проявляютъ по отношенію къ смерти. Во многихъ бретонскихъ деревняхъ церковь до сихъ поръ называется «домомъ мертвыхъ», а не «домомъ Божіимъ», какъ вездѣ. Очень часто въ деревняхъ, кромѣ приходской церкви, есть еще часовня, посвященная культу мертвыхъ. Вокругъ этихъ часовенъ встрѣчаются надписи на латинскомъ, французскомъ и даже на кельтскомъ языкѣ, обращен-

ныя къ прохожимъ, которымъ онѣ напоминаютъ о смертномъ часѣ, и ежегодно, по всей Бретани, совершаются въ извѣстный день паломничества въ эти часовни. Въ послѣдніе годы муниципальныя власти попытались было перенести кладбища подальше отъ деревень, но благочестивые бретонцы возстали противъ этого, видя въ этомъ профанацію, такъ какъ, по ихъ мнѣніямъ, идеальная бретонская деревня должна быть построена вокругъ кладбища. Они считаютъ хорошимъ предзнаменованіемъ для новорожденнаго, если дорога къ церкви, куда его несутъ крестить, пролегаетъ черезъ кладбище; кладбище же является излюбленнымъ мѣстомъ свиданія влюбленныхъ. Вообще бретонцы съ трогательною заботливостью и вниманіемъ относятся къ своимъ кладбищамъ и украшаютъ могилы. Когда же бретонскій крестьянинъ пріѣзжаетъ въ Парижъ; то онъ любитъ проводить свободные часы и праздники на какомъ-нибудь парижскомъ кладбищѣ, такъ какъ тамъ онъ чувствуетъ себя болѣе дома, нежели на шумныхъ улицахъ столицы.

---

Е. Тиссо сообщаетъ въ «Bibliothèque Universelle» не лишенныя интереса свѣдѣнія о личности современнаго индусскаго поэта и общественнаго дѣятеля Байрама Малабари. Этотъ поэтъ, родомъ парсъ, происходитъ изъ очень бѣдной семьи и въ дѣтствѣ отличался весьма дурнымъ поведеніемъ, его гоняли изъ школы въ школу и вездѣ онъ навлекалъ на себя большія нареканія. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока не умерла его мать. Смерть эта такъ на него подѣйствовала, что характеръ его сразу измѣнился, и онъ началъ прилежно учиться и работать. Сдѣлавшись студентомъ въ Бомбеѣ, онъ съ жаромъ принялся изучать науки, но это давалось ему не легко и въ особенности много труда доставляла ему математика. Но зато онъ чувствовалъ неудержимое влеченіе къ поэзіи и, покончивъ съ ученіемъ въ Бомбеѣ, напечаталъ два тома стиховъ. Онъ женился, не имѣя ни гроша въ карманѣ, на своей хорошенькой сосѣдкѣ, надѣясь на то, что ему удастся заработать средства къ жизни литературой. Эта надежда не обманула его, хотя вначалѣ ему и пришлось очень круто. Вмѣстѣ съ тремя другими молодыми людьми, своими товарищами, онъ основалъ газету, которая, однако, не имѣла подписчиковъ, и, ему пришлось превратиться въ репортера другихъ газетъ и странствовать по разнымъ мѣстамъ, чтобы заработать что-нибудь. Наконецъ, счастье улыбнулось ему, и тогда онъ снова вернулся къ своей прежней газетѣ которая сдѣлалась вскорѣ одною изъ самыхъ распространенныхъ газетъ въ Индіи. Въ настоящее время онъ издаетъ, кромѣ того, ежемѣсячный журналъ «East and West», имѣющій цѣлью пробужденіе Востока посредствомъ западной цивилизаціи и ознакомленіе Запада съ Востокомъ. Съ самаго начала своей журнальной дѣятельности онъ мечталъ объ этомъ и проповѣдовалъ эту идею въ своихъ политическихъ статьяхъ. Съ этою же цѣлью онъ переводилъ для своихъ соотечественниковъ и произведенія извѣстнаго оріенталиста Максъ Мюллера.

Главною характерною чертою Малабари является его гуманное отношеніе къ человѣчеству. Но онъ, прежде всего, человѣкъ дѣла и стремится активнымъ образомъ выразить свою любовь къ человѣчеству и свою любовь къ оте-

честву—Индія, раны которой онъ стремится залечить. Онъ сдѣлалъ своимъ девизомъ изрѣченіе: «Motion is the paetry of life» (Движеніе—это поэзія жизни). Малабари ни на минуту не остается въ покоѣ. Въ редактируемыхъ имъ органахъ онъ преслѣдуетъ и изобличаетъ различныя злоупотребленія и соціальныя несправедливости; онъ беретъ подъ свою защиту угнетенныхъ и несчастныхъ и горячо возвышаетъ свой голосъ въ ихъ пользу. Въ настоящее время онъ больше всего занимается положеніемъ и участью женщинъ въ Индіи. «Это положеніе,—какъ онъ говоритъ,—составляетъ величайшую язву въ тѣлѣ Индіи, величайшее зло, съ которымъ необходимо вести неустанную и постоянную борьбу. До тѣхъ поръ, пока не будетъ измѣнено положеніе женщины, Индія не въ состояніи правильно развиваться, и доля этихъ несчастныхъ будетъ тормозить прогрессъ страны».

---

Въ послѣднее время въ Соединенныхъ Штатахъ учительницы, по словамъ «Educational Review», начинаютъ вытѣснять учителей изъ школъ. Число учительницъ постоянно возрастаетъ сравнительно съ числомъ учителей, и то же самое явленіе наблюдается и въ муниципальныхъ школьныхъ совѣтахъ, гдѣ женщины мало-по-малу вытѣсняютъ мужчинъ. Въ настоящее время, въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ Америки, напримѣръ, въ Миннеаполисѣ, нѣтъ ни одного мужчины среди учебнаго персонала первоначальныхъ школъ. То же самое наблюдается въ Сан-Луи и почти на всемъ американскомъ Западѣ, и если такъ будетъ продолжаться дальше, то все первоначальное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ будетъ находиться въ рукахъ женщинъ.

Въ томъ же номерѣ «Educational Review» помѣщена статья Ридера объ исторической эволюціи книги для чтенія. Авторъ изслѣдуетъ педагогическое прошлое Соединенныхъ Штатовъ и прогрессъ элементарной книги для чтенія. Въ самомъ дѣлѣ, красивыя иллюстрированныя изданія, представляющія первоначальную библіотеку для чтенія, въ настоящее время далеко оставляютъ позади свой прототипъ XVII-го вѣка. Деревянная или картонная дощечка, съ наклеенными на ней листомъ бумаги, на которомъ были напечатаны буквы азбуки, затѣмъ фразы, представляющія нравственныя изреченія и молитвы—вотъ что было первоначальною книгою для чтенія въ тѣ времена и вмѣстѣ съ Библіей составляло школьную библіотеку. Оригинальная школьная литература и стремленіе придать школьному чтенію болѣе свѣтскій характеръ появились только послѣ войны за независимость, и съ той поры американская педагогическая литература стала быстро развиваться и постепенно теряла свой исключительно религіозный и нравственный характеръ; школьныя книги становились болѣе энциклопедическими, по мѣрѣ того, какъ расширялась программа первоначальныхъ школъ. Однако, теперь въ педагогической литературѣ первоначальной школы замѣчается новое движеніе: книга для первоначальнаго чтенія нѣсколько теряетъ свой энциклопедическій характеръ и становится сборникомъ избранныхъ мѣстъ.

Въ американской средней школѣ замѣчается также стремленіе къ упрощенію программъ; предметы распредѣляются по степени своей важности. Начиная

съ 1889 г., число учениковъ въ среднихъ американскихъ школахъ удвоилось. Въ университетахъ число слушателей также увеличивается. За послѣдній зимній семестръ (1901—1902 г.) университеты посѣщало 40.000 студентовъ. По многолюдности первое мѣсто принадлежитъ Гарвардскому университету (5.576 студентовъ).

Въ настоящее время американская печать очень интересуется вопросами объ учрежденіи въ Вашингтонѣ національнаго университета. Идея такого университета возникла уже съ первыхъ шаговъ американской независимости, но теперь этотъ вопросъ поставленъ на очередь и избранъ уже комитетъ для реализаціи этого проекта. Комитетъ этотъ долженъ рѣшить вопросъ, имѣетъ ли право федеральный конгрессъ отчислять часть государственныхъ доходовъ на учрежденіе и содержаніе національнаго университета Соединенныхъ Штатовъ и не будетъ ли это противорѣчить постановленіямъ великой американской конституціи? Говорятъ, что комитетъ пришелъ къ заключенію, что учрежденіе національнаго университета вполнѣ возможно.

---

# НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

---

## Психо-физіологія червей.

Дарвинъ первый выступилъ съ утвержденіемъ о томъ, что черви надѣлены различными и очень высокими психическими способностями: умомъ, памятью и волей.

Въ доказательство этого знаменитый ученый приводитъ цѣлый рядъ явленій изъ жизнедѣятельности земляного червя, свидѣтельствующихъ о поразительной наблюдательности геніальнаго натуралиста, съ одной стороны, а съ другой—не менѣе поразительнаго антропоморфизма въ объясненіи этихъ явленій. Послѣ Дарвина появился длинный рядъ статей и замѣтокъ, подтверждавшихъ справедливость ихъ воззрѣній.

Вслѣдъ за этимъ только начинаются физіологическія изслѣдованія нервной системы червей, въ которыхъ авторы, по аналогіи съ высшими животными, открываютъ субстратъ этихъ умственныхъ способностей.

*Февръ* *) утверждаетъ, что сравнительная физіологія будто бы даетъ намъ право разсматривать гангліозную цѣпь насѣкомыхъ, какъ образованіе, аналогичное спинному мозгу высшихъ животныхъ. Мы, по утвержденію этого ученаго, находимъ у червей, какъ и въ мозгу позвоночныхъ животныхъ, двигательные и чувствительные элементы, съ тою разницею, что онѣ расположены въ обратномъ порядкѣ относительно тѣла животнаго. Февръ полагаетъ далѣе, что надглоточный узелъ соотвѣтствуетъ головному мозгу болѣе совершенныхъ животныхъ; что нижняя поверхность этого ганглія представляетъ центръ чувствительности, а верхняя возбуждаемости, и т. д.

*Гофмейстеръ* **) открываетъ, что лишь головной конецъ дождевого червя способенъ воспринимать свѣтовыя впечатлѣнія и т. д.

*Паркеръ* ***) по поводу Polygordius пишетъ, что, «по всей вѣроятности,

---

*) *Ernest Faivre*. Recherches experimentales sur la distinction de la sensibilité dans les diverses parties du systeme nerveux d'un insecte, le Dytiscus marginalis.

**) *Hoffmeister*. Die bis jezt bekannten Arten aus der Familie der Regenwürmer Braunschweig. 1845.

***) Т. Паркеръ. Лекціи по элементарной Біологіи. Переводъ В. Н. Львова. 1898 г.

вся центральная нервная система у Polygordius способна вызывать автоматическія движенія. Напомнимъ, говоритъ онъ, всѣмъ хорошо знакомый фактъ, что если тѣло дождевого червя разрѣзать на нѣсколько кусковъ, каждый изъ нихъ совершаетъ самостоятельныя движенія. Другими словами, все тѣло не парализуется въ движеніи съ удаленіемъ головного мозга, какъ у высшихъ животныхъ. Однако, нельзя сомнѣваться въ томъ, что совершенная координація, т.-е. регулированіе различныхъ движеній для общей цѣли, теряются съ потерей головного мозга».

Таковы соображенія общаго характера о психической роли нервной системы червей. Посмотримъ теперь, чѣмъ и какъ эти соображенія аргументируются.

Удаливъ часть нервной брюшной цѣпочки въ восьми или десяти гангліяхъ земляного червя Дарвинъ замѣтилъ, что сдѣланная операція не нарушила координаціи между передними и задними частями тѣла животнаго: когда передняя часть начинала ползать, задняя также дѣлала соподчиненныя движенія.

Когда онъ разрѣзалъ червя пополамъ и сшилъ его части, полная координація сшитыхъ частей сохранилась; именно: каждое волнообразное движеніе передней части вызывало соотвѣтствующее движеніе задней.

*Фридландеръ* также производилъ опыты надъ земляными червями; результаты его изслѣдованій въ главнѣйшихъ чертахъ слѣдующіе.

Послѣ удаленія надглоточнаго ганглія животныя оставались живыми; мало того: операція не вызывала значительныхъ измѣненій въ послѣдующихъ дѣйствіяхъ червей. Они ѣли, вползали въ свои ходы и жили какъ нормальныя особи. Оперированныя особи казались только безпокойнѣе и при ползаніи имѣли положеніе передней части тѣла нѣсколько иное, чѣмъ нормальныя. Удаленіе подглоточныхъ и двухъ-трехъ ближайшихъ къ нимъ гангліевъ вызывало болѣе замѣтныя послѣдствія. Такіе черви, послѣ операціи, не вползали въ свои норы. Фридландеръ доказалъ, наконецъ, что перерѣзка нервной цѣпочки червей не влечетъ за собой потери способности къ сложнымъ координированнымъ движеніямъ.

*Лёбъ* предпринимаетъ цѣлый рядъ опытовъ надъ аннелидами, планаріями и другими червями, съ цѣлью выяснить психическую роль головного мозга этихъ животныхъ.

Вотъ результаты его изслѣдованій. Двѣ половины, на которыя онъ рѣзалъ червей, проявляли неодинаковую дѣятельность: та, которая обладала головой, рѣзко и характерно отличалась отъ другой, лишенной этого органа. Далѣе: родъ и сумма этихъ различій оказываются постоянными для каждаго даннаго вида и различными у различныхъ видовъ. Обезглавленные экземпляры *Thysanozoan Brachii*, напримѣръ, не проявляли произвольныхъ движеній, тогда какъ родственный имъ видъ, *Planaria torna*, послѣ той же операціи, обнаруживалъ таковыя движенія каждымъ кускомъ тѣла достаточной величины. Обезглавленные экземпляры *Cerebratulus* не зарывались въ землю; съ другой стороны, даже незначительный отрѣзокъ тѣла съ головою быстро закапывался въ песокъ. Изъ частей, на которыя разрѣзался Nereis, только передняя часть, снабженная головою, дѣлала произвольныя движенія и зарывалась въ песокъ.

У піявокъ, которыхъ онъ разрѣзалъ пополамъ, передняя и задняя части части тѣла, безъ замѣтнаго внѣшняго раздраженія, двигались; но разница между ихъ дѣятельностью была вполнѣ очевидна. Достаточно было малѣйшаго раздраженія, чтобы вызвать въ задней части плавательныя движенія, тогда какъ головной конецъ можно было принудить къ плаванію только посредствомъ очень частыхъ раздраженій. Незначительное раздраженіе задней присоски заставляло ее плотно присасываться; такое раздраженіе передней присоски не всегда вызывало аналогичную реакцію и часто даже совсѣмъ ее не вызывало. Когда перерѣзалась только брюшная нервная цѣпь, и связь между передней и задней частью тѣла удерживалась, то координированныя движенія при ползаніи удерживались, хотя иногда въ задней части тѣла проявлялась наклонность плавать, въ то время, какъ передній конецъ ползъ или плотно присасывался къ предмету.

Изъ этихъ опытовъ Лёбъ выводитъ слѣдующее заключеніе: *передняя часть тѣла червей, содержащая въ себѣ головной мозгъ, опредѣляетъ біологическій и психическій характеръ вида.*

*Максвеля* *), такая общая форма заключенія не удовлетворила; онъ пошелъ дальше по намѣченному Лёбомъ пути и рѣшилъ опредѣлить участіе каждаго отдѣльнаго гангліа головного мозга. Свою задачу онъ опредѣляетъ слѣдующимъ вопросомъ: существуетъ или не существуетъ аналогія между функціями различныхъ частей мозга высшихъ животныхъ и различныхъ гангліевъ червей? Свои изслѣдованія Максвель дѣлалъ надъ дождевыми червями, піявками, морскими кольчатыми червями и особенно подробно изслѣдовалъ *Nereis*, на которыхъ мы и остановимся по преимуществу. Авторъ удалялъ одинъ или нѣсколько ганглій брюшной цѣпочки у Nereis, послѣ чего черви эти, при ползаніи, ясно обнаруживали потерю координаціи между обѣими частями тѣла. Случалось, что задняя часть пассивно тащилась въ то время, какъ передняя ползала или плавала. Иногда передняя часть плавала, въ то время какъ задняя ползала, иногда обратно. Наконецъ, иногда задняя часть, подъ вліяніемъ внезапнаго внѣшняго раздраженія; переползала черезъ не потревоженую переднюю половину тѣла, посколько, разумѣется, это допускала уцѣлѣвшая между ними связь. Нормальный червь Nereis, помѣщенный въ акваріи съ морскою водою и пескомъ на его днѣ, тотчасъ же начинаетъ зарываться; движенія, которыя онъ при этомъ дѣлаетъ, продолжаются до тѣхъ поръ, пока все животное не погружается въ песокъ, за исключеніемъ небольшого числа хвостовыхъ сегментовъ. Послѣ этого червь долго лежитъ спокойно. Оперированный червь, подобно нормальному, начинаетъ зарываться, но задняя часть его тѣла не участвуетъ въ производимыхъ переднею половиной движеніяхъ. Когда червь углубится въ песокъ до того мѣста, на которомъ сдѣланъ перерѣзъ нервной цѣпочки, то зарывшаяся часть успокаивается, и червь цѣлыми часами лежитъ неподвижно, въ то время какъ его хвостовая половина остается на пескѣ незарытой. Изъ этихъ фактовъ авторъ заключаетъ, что импульсы, вызывающіе координиро-

*) *S. Maxwell.* Beiträge zur Gehirnphysiologie der Anneliden. Archiv f. d. g. Physiologie Dr. Pflüger. 1897 г.



ванныя движенія у нереидъ передаются отъ сегмента къ сегменту посредствомъ коммисуръ брюшной цѣпочки. Способность къ координированнымъ движеніямъ у оперированныхъ такимъ образомъ червей исчезаетъ, однако, не сполна. Къ сожалѣнію, опыты, доказывающіе это, описаны Максвелемъ недостаточно полно. Авторъ ограничивается по ихъ поводу слѣдующимъ заявленіемъ: «Родъ и сумма такихъ координированныхъ движеній, во всякомъ случаѣ сильно отличались отъ того, что констатировано Фридлендеромъ для дождевыхъ червей». Наблюдая Nereis послѣ того, какъ у червя былъ удаленъ одинъ или нѣсколько ганглій въ брюшной цѣпочкѣ, авторъ замѣтилъ, что при покойномъ положеніи червя сегменты тѣла, лежащіе спереди раны ближе къ головѣ, имѣютъ болѣе глубокіе перехваты, тогда какъ между хвостовыми сегментами эти перетяжки менѣе явственны, вслѣдствіе чего сегменты этой части тѣла кажутся болѣе шираквими и плоскими, чѣмъ сегменты передней части тѣла. Авторъ полагаетъ, что явленіе объясняется тѣмъ, что мускулы задней части тѣла теряютъ свое нормальное напряженіе, послѣ того какъ связь между ними и переднею частью тѣла прерывается. Онъ далѣе, что напряженіе это, все болѣе и болѣе ослабѣвая, въ концѣ-концовъ, можетъ вовсе исчезнуть. Послѣдняго факта онъ не наблюдалъ, потому что оперированные черви жили у него не болѣе 4—5 дней. Максвель присоединяетъ къ сказанному, что у обезглавленныхъ червей, повидимому, замѣчается подробное же ослабленіе. Черви безъ подглоточнаго ганглія, по утвержденію автора, проявляютъ гораздо менѣе произвольныхъ движеній, чѣмъ нормальные. Они лежатъ спокойно на поверхности песка въ акваріи, и если ползаютъ, то почти исключительно по краямъ сосуда. Кромѣ того, они не зарываются въ землю даже спустя три недѣли послѣ операціи, когда рана, повидимому, совершенно зажила и всѣ части червя казались совсѣмъ здоровыми. Вообще черви, лишенные подглоточнаго ганглія, представляютъ *картину полнаго спокойствія и сытаго довольства*». Спокойствіе это, присовокупляетъ авторъ, подобно тому, которое наблюдалъ Гольцъ въ его опытахъ надъ собаками. Ученый этотъ нашелъ, утверждаетъ Максвель, что собаки, у которыхъ обѣ затылочныя доли были разрушены держатъ себя спокойно и мирно; если даже онѣ были раздражены передъ операціей, то послѣ нея онѣ дѣлались добродушными и двигались мало. Онѣ представляютъ полную противоположнесть съ тѣми, у которыхъ были удалены лобныя доли (Stirnlappen). Нереиды, у которыхъ вырѣзанъ подглоточный ганглій, не принимаютъ пищи, и даже не обращаютъ на нее никакого вниманія. Ослабленіе напряженія сказанныхъ мышцъ напоминаетъ аналогичное явленіе въ сегментахъ тѣла, лежащихъ позади вырѣзки нѣсколькихъ ганглій брюшной нервной цѣпочки. Черезъ нѣсколько недѣль глотка становится менѣе ослабленной и вытянутой впередъ и въ ней появляются даже небольшія движенія. Послѣ удаленія надглоточнаго ганглія произвольныя движенія у нереидъ увеличиваются. Животныя обнаруживаютъ постоянное безпокойство, которое представляетъ полный контрастъ съ покоемъ и бездѣйствіемъ особей, лишенныхъ подглоточнаго ганглія. Такъ, они ползаютъ въ сосудѣ больше, чѣмъ нормальные черви и такіе, у которыхъ удаленъ подглоточный ганглій, и не да-

ютъ засыпать себя пескомъ, подобно тому, какъ позволяютъ съ собою дѣлать эти послѣдніе. Явленіе это авторъ ставитъ въ параллель съ дѣйствіями лягушекъ, у которыхъ удаленъ мозгъ. Шредеръ, дѣлавшій изслѣдованія надъ этими животными, утверждаетъ, по словамъ Максвеля, что оперированныя такимъ образомъ лягушки чувствуютъ непреодолимое стремленіе ползти впередъ даже тогда, когда имъ попадаются на дорогѣ значительныя препятствія. Предоставленныя самимъ себѣ онѣ только тогда успокаиваются, когда попадаютъ головою въ уголъ и дальше идти не могутъ. Подобные же результаты, по мнѣнію Максвеля, получилъ и Гольцъ изслѣдуя собакъ, которымъ онъ вырѣзалъ переднія полушарія большого мозга. Эти собаки, будто бы, проявляли такое же безпокойство и такое же стремленіе двигаться впередъ.

Лишенные надглоточнаго ганглія черви не принимаютъ пищи; они повидимому теряютъ способность проявлять специфическія реакціи на химическое раздраженіе, получаемое отъ пищи.

Послѣ удаленія обоихъ ганглієвъ головного мозга у животныхъ наблюдаются тѣ же дѣйствія, какъ и у червей, у которыхъ былъ вырѣзанъ только одинъ подглоточный ганглій. Они спокойны, не зарываются, и не ѣдятъ. «Я осторожно покрылъ нѣкоторыя экземпляры пескомъ, они два дня оставались въ такой искусственной ямѣ»,—говоритъ Максвель.

---

Прежде чѣмъ подвести итоги сдѣланнымъ наблюденіямъ и подвергнуть оцѣнкѣ устанавливаемыя на ихъ основаніи заключенія, я скажу нѣсколько словъ о своихъ изслѣдованіяхъ надъ піявками.

Изслѣдованія эти были мною предприняты для выясненія психо-физіологической роли головного мозга этихъ червей.

Я производилъ свои изслѣдованія надъ піявками: *Nephelis vulgaris* (сем. *gnathobdellidae*) и *Clepsina complanata* (сем. *Rhynchobdellidae*). Ихъ образъ жизни и дѣятельность въ нормальныхъ условіяхъ очень однообразны и сводятся къ слѣдующему.

Въ покойномъ состояніи онѣ сидятъ въ водовмѣстилищѣ, укрѣпившись присосками обоихъ концовъ тѣла, причемъ конская піявка Nephelis большею частью лежитъ безъ движенія, Clepsina же совершаетъ неправильныя волнообразныя движенія всѣмъ тѣломъ,—движенія, имѣющія своимъ назначеніемъ служить постоянному обмѣну окружающей ее воды. Перемѣщаются онѣ съ мѣста на мѣсто, либо плавая и изгибая извѣстнымъ образомъ свое тѣло, либо ползая, при помощи присосокъ: сначала заднюю придвигаютъ къ головѣ, потомъ головную отодвигаютъ какъ можно далѣе, потомъ снова придвигаютъ къ головѣ заднюю присоску, и т. д. Конская охотно плаваетъ, Clepsina, наоборотъ, чаще ползаетъ. Въ случаѣ опасности Nephelis или пытается защищаться, придвигая къ раздражающему ее предмету свою голову, либо уходитъ. Clepsina въ аналогичныхъ условіяхъ большею частью съеживаетъ свое тѣло и свертывается въ спираль съ головою въ центрѣ. Въ извѣстное время у піявокъ—у молодыхъ чаще, у старыхъ рѣже—сбрасывается кожица: онѣ линяютъ. Живутъ

піявки вообще довольно долго и безъ пищи могутъ оставаться отъ полу-до полутора года; зависитъ это отъ того, что піявка заразъ принимаетъ много пищи, которую перевариваетъ крайне медленно. Чѣмъ большимъ будетъ такой запасъ, тѣмъ долѣе, очевидно, будетъ продолжаться и жизнь животнаго безъ пищи.

Какое же значеніе имѣетъ для этого несложнаго образа жизни животнаго его голова?

Для рѣшенія вопроса нельзя просто отрѣзать голову піявкѣ, такъ какъ, съ одной стороны, ея внутренніе органы выступятъ въ отверстіе раны, а съ другой—вода, проникнувъ въ полость тѣла, вызоветъ патологическіе процессы, которые совершенно исказятъ картину явленій. Я перевязывалъ голову съ нѣсколькими ближайшими къ ней сегментами тѣла шелковою нитью настолько сильно, чтобы отдѣленныя другъ отъ друга части тѣла теряли другъ съ другомъ всякую связь. Такая операція устраняла сказанные недостатки простого перерѣзыванія тѣла животнаго. По прошествіи нѣкотораго, довольно продолжительнаго, времени отдѣленный нитью головной отрѣзокъ отваливался отъ тѣла, и на мѣстѣ перевязки, рана оказывалась, затянутой соотвѣтствующими тканями и зажившей. По вопросу, который насъ здѣсь интересуетъ, я ограничусь моими изслѣдованіями, главнымъ образомъ, надъ Clepsina Complanata.

Отмѣчу, прежде всего, что у піявокъ удаленіе подглоточнаго ганглія не влечетъ за собой потери ни одной реакціи. Максвель, вслѣдствіе этого, функцію подглоточнаго узла у этихъ червей приравниваетъ функціи всякаго другого ганглія брюшной цѣпи, изъ чего слѣдуетъ, что изслѣдованія вполнѣ обезглавленныхъ особей совершенно безошибочно выясняютъ намъ роль *именно головного мозга* для жизни животнаго, что особенно важно.

1-го августа наложеніемъ лигатуры мною была отдѣлена голова съ 6—7-ю, ближайшими къ ней, сегментами тѣла у Clepsina. Тотчасъ же послѣ операціи, піявка поднесла заднюю присоску къ головному концу, безпокойно водила около него нѣкоторое время; потомъ присосалась къ стѣнкѣ банки съ водой, куда была помѣщена, и безпорядочно изгибала свое тѣло, какъ бы стараясь избавиться отъ того, что ее безпокоило въ переднемъ концѣ тѣла. Съ теченіемъ времени движенія животнаго становились все покойнѣе и покойнѣе, а черезъ $1^1/_2$ часа піявка, придавъ своему тѣлу обычную плоскую форму, и присосавшись заднею присоской къ стѣнкѣ банки, совершенно правильно производила свои обычныя волнообразныя, ритмическія движенія, имѣющія цѣлью, какъ это уже было сказано, обновленіе воды для ея дыханія. То же дѣлала и посаженная съ нею въ одно помѣщеніе для контроля наблюденій здоровая особь. Стоило взять банку въ руки, какъ обѣ піявки, и здоровая, и обезглавленная, очевидно, почувствовавъ безпокойство, прекращали свои волнообразныя движенія, какъ бы выжидая, что будетъ дальше, и слѣдуетъ ли принимать дальнѣйшія мѣры предосторожности въ виду того, что нарушило ихъ покой. Какъ только банка ставилась на мѣсто, движенія піявокъ возобновлялись. Если, напротивъ, безпокойство продолжалось, то онѣ сначала съеживаются, а потомъ нормальная—закручивается въ спираль, а обезглавленная—въ *первый день послѣ операціи не дѣлаетъ этого*, а образуетъ изъ своего тѣла

родъ небольшой дуги. Она не закручивается даже и въ такомъ случаѣ, если ее силою сдвинуть съ того мѣста, къ которому онаприсосалась. Я ни разу не видалъ, чтобы она плавала, какъ не видалъ, чтобы она плавала и въ нормальныхъ условіяхъ. Этимъ объясняется, между прочимъ, почему колебательныя движенія у Clepsina при дыханіи никогда не переходятъ въ плавательныя. На другой день (2-го августа) жизнь піявокъ шла обычнымъ порядкомъ, но обнаружилось и нѣчто новое. Безпокоя обезглавленную піявку, я замѣтилъ, что она сгибаетъ свое тѣло гораздо больше, чѣмъ наканунѣ. Оно при раздраженіи образовывало уже не дугу, а цѣлый кругъ. Очевидно, стало быть, что, лишившись той части тѣла, *съ которой обыкновенно начинается закручиваніе* (т.-е. головного конца), піявка не могла *сразу* оріентироваться въ новомъ положеніи, но съ теченіемъ времени какъ бы освоилась и *научилась этому*. 3-го августа ея искусство закручиваться въ спираль подвинулось такъ далеко впередъ, и совершалось такъ скоро въ отвѣтъ на раздраженіе, что заставило меня предположить существованіе какой-либо причины, обусловливающей такую практику животнаго. Не трудно было обнаружить, что такою причиною являлась сидѣвшая въ той же банкѣ маленькая рыбка, которая, проплывая мимо піявки, иногда хватала ея отдѣленный ниткою и безпорядочно торчавшій головной конецъ тѣла. Постоянно скручиваясь отъ такого нападенія піявка очень скоро и поразительно совершенно успѣла въ этомъ дѣлѣ. Пересадивъ рыбку въ другое помѣщеніе, я продолжалъ свои наблюденія надъ піявкой.

9-го августа перевязанный конецъ тѣла піявки (головной) отпалъ; мѣсто перевязки со стороны тѣла, очевидно, затянулось тканями, такъ какъ раны не образовалось, и животное продолжало жить попрежнему. Головной же конецъ былъ мертвъ и уже начиналъ разрушаться. 10-го августа имѣло мѣсто новое очень интересное явленіе. Все время, до 10-го августа, піявка сидѣла на днѣ банки. Здѣсь иногда ее безпокоила личинка поденки (ephemera vulgaris), садясь на нее; я не удалялъ насѣкомаго, такъ какъ вреда піявкѣ оно принести не могло. Но постоянное безпокойство, которое оно причиняло Clepsin'ѣ, очевидно, «надоѣло» ей, и она, наконецъ, всплыла со дна банки кверху и здѣсь помѣстилась среди водорослей. Такимъ образомъ, піявка не только приняла мѣры къ устраненію безпокойства, но и рѣшила свою задачу какъ нельзя болѣе цѣлесообразно: она помѣстилась тамъ, гдѣ поденка, плавающая, главнымъ образомъ, либо вдоль стѣнокъ банки, либо по ея дну, всего менѣе ее тревожила. Здѣсь, закрѣпившись присоской, она продолжала совершать свои обычныя волнообразныя движенія, какъ и контрольная особь. 13-го сентября я впервые замѣтилъ, что обезглавленная піявка начала линять, сбрасывая по частямъ свою кожу. Дальнѣйшая жизнь ея не представляла ничего замѣчательнаго, и мнѣ остается добавить, что одна изъ піявокъ этого вида прожила у меня въ банкѣ безъ головы съ небольшимъ 8 мѣсяцевъ, и погибла совершенно случайно.

Всѣ эти факты даютъ мнѣ право утверждать, что обезглавленіе піявокъ не влечетъ за собою не только потери способностей къ спонтаннымъ движеніямъ, которыя остаются такими же, какъ и у нормальной особи, кромѣ непосредственно связанныхъ съ передней присоской, но не лишаетъ ихъ даже спо-

собности совершать *чрезвычайно сложныя* и цѣлесообразные *инстинктивные акты*. А изъ этого уже самъ собою слѣдуетъ выводъ, которымъ категорически опровергается утвержденіе авторовъ о томъ, что головной мозгъ червей будто бы опредѣляетъ психику вида. Психика эта опредѣляется каждымъ гангліемъ животнаго, какъ носителемъ самостоятельныхъ психическихъ функцій (обстоятельство, скажу кстати, съ особенной ясностью выступающее у нѣкоторыхъ насѣкомыхъ).

Максвеля о томъ, что головной мозгъ опредѣляетъ психику вида, опровергается фактами, ими самими добытыми. Факты эти, какъ въ этомъ не трудно убѣдиться, стоятъ въ открытомъ противорѣчіи съ устанавливаемымъ ими тезисомъ; и спеціальныя толкованія, къ которымъ прибѣгаютъ авторы, чтобы устранить это противорѣчіе, представляются весьма мало убѣдительными.

Вотъ эти факты и объясненія.

Лёбъ дѣлалъ надъ Lumbricus слѣдующіе опыты. Онъ помѣщалъ нормальныхъ и обезглавленныхъ червей въ сосуды, дно которыхъ на одной половинѣ покрывалось чистой пропускной бумагой, а на другой—веществами, обыкновенно встрѣчающимися въ нормальныхъ условіяхъ жизни червей. Оказалось, что обезглавленныя особи, какъ и нормальныя, собирались на землѣ, а съ пропускной бумаги уходили. Изъ этого опыта, очевидно, возможенъ только одинъ выводъ, а именно: что головной мозгъ у червей *не играетъ* роли, при исполненіи ими данныхъ инстинктивныхъ дѣйствій, весьма сложныхъ и важныхъ для жизни вида.

Другого вывода, казалось, бы сдѣлать невозможно. Но такъ какъ, допустивъ его, мы съ этимъ вмѣстѣ обязывались бы признать аналогію между мозгомъ высшихъ животныхъ и червей невозможною, то и Лёбъ, и Максвель, и многіе другіе авторы предпочитаютъ отрицать въ описанномъ явленіи наличность всякаго психическаго элемента, чѣмъ допускать, что обезглавленныя животныя могутъ производить сложные психическіе акты. *Здѣсь, говорятъ они, не психологія, не инстинктъ* (такъ какъ съ устраненіемъ головного мозга не можетъ быть мозговыхъ функцій), *а простая физіологія*. Черви зарываются въ землю вслѣдствіе прямой реакціи организма на раздраженіе и вліянія свѣта.

Но вѣдь съ точки зрѣнія такой аргументаціи можно съ одинаковымъ основаніемъ утверждать, напримѣръ, что человѣкъ уставшій и сѣвшій на скамейку, чтобы отдохнуть, совершилъ актъ, который только потому можетъ быть названъ психофизіологическимъ, что человѣкъ этотъ былъ въ то время въ сапогахъ и въ шапкѣ. Если же на немъ не было бы этихъ частей туалета, то актъ его былъ бы ни психо-физіологическимъ ни инстинктивнымъ, а просто физіологическимъ отправленіемъ... Для того, чтобы утверждать это, необходимо было бы, прежде всего, и съ не подлежащей оспариванію точностью доказать, что психическіе и инстинктивные акты стоятъ въ непремѣнной зависимости отъ того: надѣты ли сапоги и шапка на свои мѣста, или нѣтъ. Лёбу и Максвелю для доказательства своего утвержденія, въ такой же степени и по той же причинѣ, было необходимо доказать, что психическіе и инстинктивные акты возможны лишь при наличности головного мозга, а потомъ уже утверждать,

что такъ какъ головной мозгъ у даннаго животнаго удаленъ то психическіе акты для него болѣе невозможны. Но этого-то именно авторами не только не доказано, но, какъ разъ наоборотъ, ими же добытыми фактами совершенно наглядно опровергается.

Самъ Максвель, желая доказать, что черви, лишенные подглоточного ганглія, теряютъ способность зарываться въ землю не потому, чтобы имъ мѣшала это дѣлать причиненная во время операціи рана, установилъ, фактъ что раздраженіе раны не мѣшаетъ червю зарываться, если у него подглоточный ганглій сохраненъ. Но если это такъ, то ясно, что раздраженіе, даже очень сильное, само по себѣ не можетъ ни вызвать, ни устранить и такого, сравнительно говоря, простого движенія, какъ зарываніе въ землю. Еще того менѣе способно оно, стало быть, вызвать такое движеніе, въ основѣ котораго лежитъ *выборъ*, хотя бы и инстинктивно производящійся. А отсюда уже само собою слѣдуетъ, что если зарываніе въ землю есть актъ психическій (по автору), то и выборъ мѣста червемъ, хотя бы и обезглавленнымъ, есть тоже актъ психическій; другими словами, головной мозгъ червей отнюдь не можотъ считатся центромъ психической дѣятельности этихъ животныхъ и психическаго характера вида опредѣлять не можетъ.

Авторы, исходящіе изъ идеи о соотвѣтствіи головнаго мозга червей головному мозгу высшихъ позвоночныхъ животныхъ, въ смыслѣ психическаго значенія этихъ орановъ нервной системы, конечно, не останавливаясь на одной только огульной аналогіи цѣлаго, и старались доказать справедливость своей идеи изслѣдованіями частей, розыскивая въ нихъ данныя, подтверждающія ихъ основное положеніе. Головной мозгъ червей въ своемъ цѣломъ, соотвѣтствуя, по ихъ мнѣнію, головному мозгу высшихъ позвоночныхъ животныхъ, соотвѣтствуетъ ему и въ своихъ частяхъ, а именно: надглоточные гангліи соотвѣтствуютъ большимъ, а подглоточные малымъ полушаріямъ головного мозга позвоночныхъ.

Доказавъ несправедливость первой половины этого положенія, т.-е. аналогію цѣлаго, мы могли бы обойти вторую, т.-е. аналогію частей совершеннымъ молчаніемъ: ея неосновательность вытекаетъ изъ сказаннаго само собой. Я приведу, однако, нѣкоторыя данныя удостовѣряющія неосновательность этого тезиса и независимо отъ перваго.

Начать съ того, что функціи надъ и подглоточнаго гангліевъ у червей, въ предѣлахъ даже родственныхъ группъ могутъ быть различными. Послѣ удаленія поглоточнаго ганглія у піявки передняя присоска у нея *не дѣйствуетъ*; однако, по прошествіи 2—3 недѣль послѣ операціи, піявка получаетъ возможность не только присасываться къ лягушкѣ, но и производить своими челюстями пораненіе и сосать кровь. У другихъ аннелидъ мы этого не наблюдаемъ: послѣ удаленія подглоточнаго узла они пищи уже болѣе не принимаютъ. Причина явленія, какъ этого и слѣдовало ожидать, заключается въ томъ что у піявокъ челюсти и большая часть присоски инервируются не подглоточнымъ, а надглоточнымъ ганглiемъ.

Стоя на этой единственно справедливой точки зрѣнія, какъ мы въ этомъ убѣдимся изъ совокупности очень большого числа данныхъ, мы получаемъ пол-

ное право утверждать, что въ различіи органовъ, иннервируемыхъ тѣмъ или другимъ гангліемъ нервной системы червей (и суставчатоногихъ) и заключается главное и основное ихъ различіе между собою. Во всемъ остальномъ, т.-е. въ способности быть центромъ простыхъ или сложныхъ рефлексовъ, а также и инстинктивныхъ дѣйствій принципіальнаго различія между ними нѣтъ. Такъ, ганглій, который у Nereis находится на комиссурѣ, соединяющей надглоточный узелъ съ подглоточнымъ, даетъ вѣтвь, тутъ же подраздѣляющуюся на двѣ, идущія къ одному изъ брюшныхъ щупалецъ. Если надглоточный ганглій удалить, то раздраженіе щупальца вызываетъ соотвѣтствующія реакціи въ тѣлѣ животнаго; если же удалить и подглоточный ганглій, то эти реакціи прекращаются, но способность къ рефлекторнымъ движеніямъ самихъ щупалецъ не исчезаетъ. Ближайшія изслѣдованія доказываютъ, что центромъ этихъ послѣднихъ движеній является именно тотъ ганглій на комиссурѣ, о которомъ упомянуто выше. Интересно, что послѣ удаленія обоихъ головныхъ узловъ, раздраженіе щупальца не только влечетъ за собою опредѣленнаго отвѣтнаго движенія этого щупальца (оно прижимается къ тѣлу), но вызываетъ сверхъ этого движеніе и другого щупальца, которое иннервируется вѣтвями нерва, отходящаго отъ того ганглія комиссуры, которымъ иннервируется раздраженное щупальце. То же оказывается справедливымъ и для рефлекторныхъ движеній спинныхъ щупалецъ Nereis, которыхъ центры лежатъ на нервахъ соотвѣтствующихъ гангліевъ. То же, наконецъ, является справедливымъ и для параподій Nereis, какъ это доказалъ Максвель. Центры движеній этихъ органовъ находятся въ спеціальныхъ параподіальныхъ гангліяхъ, которые лежатъ близко у ихъ основанія на большихъ нервахъ, попарно выходящихъ въ каждомъ сегментѣ изъ брюшной цѣпи. Весьма вѣроятно, существованіе подобныхъ центровъ и для железъ.

Все дѣло въ вопросѣ о головныхъ и другихъ гангліяхъ нервной системы этихъ животныхъ сводится такимъ образомъ только къ тому, какіе органы интервируетъ данный центръ системы въ чемъ заключается его дѣятельность и велико ли значеніе даннаго органа. Сообразно съ этимъ она можетъ быть рефлекторной или инстинктивной. Принципіальнаго различія между функціями надъ и подглоточнаго гангліевъ, такого различія, которое мы замѣчаемъ между большими и малыми полушаріями головного мозга высшихъ позвоночныхъ, нѣтъ; то же слѣдуетъ и изъ прямыхъ наблюденій надъ этими органами нервной системы. Наблюденія эти, между прочимъ, доказываютъ, что удаленія подглоточнаго ганглія у піявокъ не влечетъ за собою потери ни одной функціи. Удаленіе подглоточнаго ганглія у Lumbricus влечетъ за собою потерю нѣкоторыхъ психическихъ способностей: онъ перестаетъ принимать пищу и не зарывается въ землю. Удаленіе надглоточныхъ ганглій у Lumbricus не лишаетъ его способности проявлять извѣстныя психическіе акты, а у Nereis та же операція способности эти уничтожаетъ. Такъ, Lumbricus, лишенный сказанныхъ частей нервной системы, зарывается въ землю, а Nereis не закрывается; Lumbricus послѣ операціи принимаетъ пищу, а Nereis—не принимаетъ и т. п.

Однихъ этихъ анатомо-физіологическихъ данныхъ достаточно для того, чтобы

удержаться отъ дѣлаемой многими авторами аналогіи психологическихъ функцій над- и подглоточныхъ гангліи головного мозга червей съ функціями соотвѣтствующихъ мозговыхъ полушарій головного мозга высшихъ позвоночныхъ животныхъ.

Но, кромѣ сказанныхъ, у насъ есть еще и другія основанія, для того, чтобы утверждать это. Черви, лишенныя надглоточнаго узла, читаемъ мы у Максвеля, становятся безпокойными и проявляютъ усиленную спотанную дѣятельность, какъ высшія позвоночныя животныя послѣ удаленія у нихъ большихъ полушарій мозга (опыты Гольца). Посмотримъ, поскольку факты даютъ основаніе настаивать на справедливости подобнаго рода апологій.

Прежде всего скажу, что ссылка Максвеля на изслѣдованія Гольца сдѣлана имъ и не полно и не точно. Аналогія, о которой идетъ рѣчь, кажется нѣсколько правдоподобной до тѣхъ поръ лишь, пока дѣлается въ самыхъ общихъ чертахъ; въ такой степени общихъ, что обширныя изслѣдованія Гольца сводятся къ 5—6 строкамъ, за которыми исчезаетъ весь смыслъ этихъ изслѣдованій. А между тѣмъ, они—эти изслѣдованія—заключаютъ въ себѣ и нѣчто иное, сверхъ указываемаго Максвелемъ. Извѣстно, что животныя, лишенныя мозговыхъ полушарій, но обладающія еще субкортикальными центрами, не теряютъ, за малыми исключеніями ни одной функціональной способности; они обходятъ поставленныя передъ ними препятствія; птицы, подброшенныя на воздухъ, держатся такимъ образомъ, какъ будто онѣ въ состояніи своимъ взглядомъ измѣрить разстояніе и направленіе того мѣста, куда онѣ возвращаются,—животныя пролѣзаютъ черезъ отверстіе въ поставленной передъ ними преградѣ; они поворачиваютъ глаза въ сторону, откуда раздается звукъ. Лягушка, лишенная передняго мозга и посаженная на ладонь, при поворачиваніи послѣдней книзу, шагъ за шагомъ, мѣняетъ свое положеніе и переходитъ на тыльную сторону руки и т. д. Факты эти были извѣстны задолго еще до изслѣдованій Гольца; онъ присоединилъ къ нимъ новые, почерпнутые имъ изъ наблюденій надъ собаками. Гольцъ доказалъ, что послѣ удаленія полушарій головного мозга, и при наличности *однихъ только субкортикальныхъ центровъ*, животныя эти по своей дѣятельности представляютъ собою обычную собаку, за вычетомъ: ума, соображенія и нравственныхъ качествъ. Такая собака принимаетъ кормъ, съ жадностью ѣстъ, когда голодна, различаетъ вкусное отъ невкуснаго, на раздраженіе отвѣчаетъ ворчаніемъ, кусаетъ сторожа, когда тотъ беретъ ее изъ клѣтки и т. д., и т. д.

Обо всѣхъ этихъ и другихъ аналогичныхъ данныхъ изслѣдованія Гольца, которыя дѣлаютъ аналогіи Максвеля болѣе чѣмъ рискованными, *авторъ этотъ умолчалъ*. Онъ взялъ изъ нихъ только одно указаніе, а именно, что собака, лишенная большихъ полушарій мозга, «двигалась даже больше, чѣмъ обыкновенная собака», да и его приводитъ неполнымъ: Максвель ничего не говоритъ о томъ, что движенія оперированной собаки отъ нормальной въ сущности отличаются только тѣмъ, что первымъ изъ нихъ не достаетъ цѣлесообразности, то-есть тогоже ума, который исчезаетъ съ удаленіемъ переднихъ долей головного мога. Такимъ образомъ, изслѣдованія Гольца вовсе не да

ютъ основаній для того, чтобы разыскивать въ дѣятельности червей, которымъ былъ удаленъ подглоточный ганглій, увеличенія спонтанныхъ движеній, съ цѣлью подкрѣпить аргументацію въ пользу аналогіи этихъ частей ихъ нервной системы съ большими полушаріями головного мозга: увеличеніе спонтанныхъ движеній не является характернымъ для высшихъ животныхъ послѣ сказанной операціи.

Но если бы это было и такъ, если бы дѣйствительно было доказано, что высшія позвоночныя животныя, послѣ удаленія у нихъ большихъ полушарій головного мозга, проявляли усиленную спонтанную дѣятельность то, какъ мы сейчасъ увидимъ, Максвель ничѣмъ не доказалъ этого для червей. Онъ замѣтилъ, прежде всего, что оперированные черви ползаютъ больше, чѣмъ нормальные. Фактъ этотъ отмѣченъ, разумѣется, вѣрно, но для вывода, который изъ него дѣлаетъ авторъ, фактъ этотъ рѣшительно ничего не даетъ так какъ причина, которою объясняется это большее ползаніе, лежитъ отнюдь не въ томъ, что удаленъ надглоточный ганглій, лишеніе котораго будто бы увеличиваетъ спонтанныя движенія, а въ томъ, что тѣ органы чувствъ, которые инервируются отъ надглоточнаго ганглія, не доставляютъ болѣе тѣхъ воздѣйствій, которыя необходимо получить животному, чтобы привести его въ покойное состояніе. А это вовсе не одно и тоже.

По заключенію Максвеля выходитъ, что надглоточный ганглій играетъ какую то активную роль, руководящую психикой животнаго, на самомъ же дѣлѣ онъ такой роли вовсе не играетъ и ничѣмъ по своему значенію въ этомъ смыслѣ отъ другихъ гангліевъ нервной цѣпи не отличается. Вся разница въ томъ лишь, что онъ инервируетъ важныя для инстинктивной дѣятельности органовъ чувствъ. Когда дѣятельность этихъ органовъ прекращена, то одинъ изъ руководящихъ инстинктивную дѣятельность червя факторовъ прекращаетъ работу и, глядя по тому, какая именно дѣятельность животнаго имъ вызывалась, наступаетъ или большій покой или большая подвижность. Въ разсматриваемомъ случаѣ мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ потерей органовъ, показанія которыхъ для даннаго положенія животнаго необходимо; а такъ какъ инстинкты животнаго у обезглавленныхъ червей сохраняются, то они и заставляютъ ихъ искать указаній, которыхъ съ потерей соотвѣтствующихъ органовъ чувствъ животныхъ не достаетъ болѣе. Поясню сказанное примѣромъ болѣе наглядно иллюстрирующимъ сказанное, чѣмъ тотъ, о которомъ шла рѣчь.

Послѣ обезглавленія Nephila vulgaris (наложеніемъ лигатуры на переднюю часть ея тѣла), піявка тотчасъ же закрѣпилась своею присоскою къ отшнурованному переднему концу ея тѣла и начала быстро крутиться, вращаясь по большому діаметру образовавшагося тѣломъ овала, разъ 20—30 подрядъ. Такой способъ освобождать свое тѣло, ущемленнаго какимъ-нибудь предметомъ, составляетъ обычный инстинктъ нормальной особи, въ данномъ случаѣ неизмѣнно сохранившійся. Физическія страданія у безпозвоночныхъ проходятъ, однако, очень быстро. Нѣсколько минутъ спустя послѣ операціи піявка успокаивается прекращаетъ свои вращательныя движенія и вытягивается на днѣ сосуда. Съ этого момента начинается нѣкоторое различіе въ поведеніи обезглавленной піявки

отъ поведенія нормальной, которая для контроля изслѣдованій сажалась въ тотъ же акварій. *Въ то время какъ послѣдняя остается покойно лежащей на днѣ сосуда, обезглавленная производитъ постоянныя волнообразныя движенія.*

Слѣдуя объясненію явленія Максвеля, мы имѣемъ передъ собою совершенно очевидный фактъ увеличенія спонтанныхъ движеній вслѣдъ за удаленіемъ надглоточнаго ганглія. На самомъ дѣлѣ этого нѣтъ, и дѣло объясняется совершенно иначе. Всматриваясь ближе и внимательнѣе въ движенія, которыя производитъ піявка, не трудно убѣдиться въ томъ, что онѣ представляютъ собою тѣ именно движенія, которыя она дѣлаетъ въ обычныхъ условіяхъ жизни, когда собирается коснуться передней присоской находящагося впереди предмета. Попытка оканчивается неудачей; животное повторяетъ свою попытку снова,— новая неудача, и новое движеніе, разъ-за-разомъ, десятки, сотни, тысячи разъ.

Фактъ этотъ весьма убѣдительно доказываетъ, съ какою осторожностью нужно дѣлать заключенія на основаніи явленій, наблюдаемыхъ въ дѣятельности безпозвоночныхъ животныхъ, и какъ легко могутъ они вводить въ заблужденіе, если изслѣдователь не будетъ держать себя на сторожѣ отъ природной склонности человѣка къ сужденіямъ по аналогіи, вѣрнѣе отъ склонности къ антропоморфизму.

Въ одномъ мѣстѣ Максвель сообщаетъ объ одномъ «*замѣчательномъ явленіи*», которое хотя и не стоитъ, по его мнѣнію въ противорѣчіи съ его основными воззрѣніями на нервные процессы червей, но которымъ онъ *объясненія не нашелъ*.

Вотъ это замѣчательное явленіе. Ученый пересадилъ нѣсколько Нереидъ, лишенныхъ надглоточнаго ганглія, изъ акварія съ закругленными углами въ четырехъугольный. На другой день онъ обнаружилъ во всѣхъ четырехъ углахъ вертикальные ходы, сдѣланные червями до дна акварія. Такой ходъ нѣкоторое время шелъ по дну, а потомъ опять поднимался кверху, и червякъ шелъ до угла, гдѣ снова углублялся, вертикально доходилъ до дна и т. д. «Произошло, такимъ образомъ,—выражаясь словами автора,—замѣчательное явленіе», котораго смыслъ для него остался темнымъ и которому объясненія поэтому, онъ не даетъ. Да и не можетъ дать, разумѣется, стоя на той точкѣ зрѣнія, которой держится въ своемъ взглядѣ на психическую роль головнаго мозга у червей. А между тѣмъ, дѣло совершенно просто, и самая правильность ходовъ представляетъ собою не загадку, а только строго опредѣленный отвѣтъ на вопросъ. Максвель, удаляя надглоточный ганглій, съ тѣмъ вмѣстѣ, какъ онъ самъ это заявляетъ, долженъ былъ разрушать глаза. Животныя, которыя, передвигаясь съ мѣста на мѣсто, руководятся органами зрѣнія, будучи лишены этихъ органовъ, либо теряютъ вовсе способность къ перемѣщенію, либо двигаются *только по прямому направленію*, не сворачивая ни вправо, ни влѣво. И такая прямолинейность является отнюдь не актомъ психическимъ, а физіологическимъ слѣдствіемъ утраты требуемаго органа чувствъ. До тѣхъ поръ пока черви помѣщаются въ сосудѣ съ закругленными углами, форма сосуда незамѣтно для нихъ руководитъ ихъ движеніемъ и они двигаются «всегда по его краю», отмѣчаетъ авторъ, но никогда не зарываются. Какъ только такой

сосудъ замѣняется четырехугольнымъ, такъ червь, какимъ бы путемъ онъ ни пошелъ, въ концѣ концовъ, неизбѣжно, разумѣется, попадетъ въ уголъ акварія, а изъ угла другого пути для движенія по прямому направленію (т.-е. по направленію, которымъ онъ шелъ), какъ либо поднявшись вверхъ, либо углубившись внизъ, очевидно, быть не можетъ. Дѣлали ли они попытку идти вверхъ авторъ не упоминаетъ; во всякомъ случаѣ, изъ такой попытки никакихъ послѣдствій произойти бы не могло, и черви углубились вертикально внизъ ко дну. Получился результатъ не только не странный, но *единственно возможный* и потому ничего замѣчательнаго въ себѣ не заключающій *).

Приведу здѣсь аналогичный примѣръ изъ моихъ изслѣдованій надъ Nephila vulgaris. При раздраженіи (напримѣръ, уколѣ) нормальная піявка обороняется, приближая къ мѣсту раздраженія голову; повтореніе раздраженія заставляетъ ее *уходить*, просасываясь то передней, то задней присоской (пядями). Если уколы въ большомъ числѣ и быстро слѣдуютъ другъ за другомъ, то лишь послѣ этого піявка, наконецъ, уплываетъ; обезглавленная же особь уплываетъ тотчасъ же послѣ второго-третьяго укола.

Максвель объяснилъ бы это явленіе усиленіемъ спонтанной дѣятельности, вслѣдствіе обезглавленія; на самомъ дѣлѣ причина явленій гораздо проще. Различное отношеніе къ раздраженію піявокъ заключается просто въ томъ, что обезглавленная *не можетъ* двигаться *пядями*, т.-е. смѣняя присоски, ибо головной у нея нѣтъ, а движеніе головнымъ концомъ и невозможность за этимъ движеніемъ принять обычнаго положенія сами собой вызывали движеніе плавательное. Никакихъ другихъ фактовъ усиленія спонтанной дѣятельности, кромѣ указанныхъ, мы у автора не находимъ, и потому я считаю себя въ правѣ утверждать, что авторомъ наличность усиленія спонтанной дѣятельности не доказана. Также не доказано Максвелемъ состояніе «сытаго довольства и покоя», будто бы наступающаго у червей послѣ удаленія подглоточныхъ ганглій.

Спокойствіе это, по автору, выражается въ томъ, что спонтанныя движенія хотя и производятся ими, «но немного»; далѣе: что въ землю они не зарываются и пищи не принимаютъ. Оказывается, однако, во 1-хъ, что Нереиды не принимаютъ пищи и не зарываются послѣ удаленія у нихъ какъ подглоточныхъ такъ, и *надглоточныхъ ганглій*, хотя, какъ оно и слѣдовало ожидать, не по тожественнымъ въ обоихъ случаяхъ причинамъ. Интересно, что, анализируя эти причины, авторъ, на этотъ разъ совершенно справедливо, видитъ ихъ въ органахъ чувствъ, утраченныхъ червями, вслѣдствіе операціи, а не въ потери самихъ гангліевъ, какъ центровъ различной психической природы.

*) Съ этимъ заключеніемъ, повидимому, стоитъ въ противорѣчіи тотъ фактъ, что черви, достигнувъ дна и, по сказанной же выше причинѣ, двигаясь далѣе впередъ по дну акварія, не доходили до противоположной стѣнки, какъ бы этого слѣдовало ожидать, а поднимались кверху; но это противорѣчіе объясняется другимъ обстоятельствомъ, отмѣчаемымъ самимъ же Максвелемъ: большей раздражительностью червей, лишенныхъ подглоточнаго ганглія; обстоятельствомъ, которое лишало Максвеля возможности засыпать ихъ землей,—опытъ, легко удававшійся съ нормальными не оперированными особями.



Червякъ, лишенный подглоточныхъ узловъ, пишетъ авторъ, не принимаетъ пищи, потому что имъ утрачены органы чувства, которые давали ему возможность различенія годнаго для пищи отъ негоднаго; червякъ, лишенный подглоточныхъ ганглій не принимаетъ пищи потому, что глотка вслѣдствіе операціи, приходитъ въ паралитичное состояніе. Остается вопросъ о меньшемъ количествѣ спонтанныхъ движеній, послѣ удаленія подглоточнаго узелка. Нѣтъ надобности распространяться о томъ, что это явленіе представляетъ собою простое слѣдствіе утраты тѣхъ органовъ чувствъ, которые побуждаютъ червя производить требуемыя движенія, а не того, что подглоточные ганглія являются центромъ соотвѣтствующей психической дѣятельности, устраненіе которыхъ, какъ таковыхъ, влекло бы за собой особенности поведенія. Мы видимъ здѣсь явленіе, хотя и противоположное тому, которое наблюдается послѣ удаленія надглоточныхъ ганглій, но сущность нервныхъ процессовъ и тамъ, и тутъ одна и та же, вслѣдствіе чего я не считаю нужнымъ останавливаться на объясненіи описываемаго явленія. Въ заключеніе отмѣчу еще одно обстоятельство.

Максвель, вообще очень подробно отмѣчающій результатъ своихъ изслѣдованій надъ червями, *ни разу и нигдѣ не говоритъ ни слова о томъ: усиливается ли раздражительность ихъ послѣ удаленія подглоточнаго ганглія*. Трудно допустить, чтобы онъ не дѣлалъ надъ оперированными такимъ образомъ червями того опыта, который производилъ надъ ними, изслѣдуя послѣдствія удаленія надглоточнаго ганглія. Трудно потому, что всѣ остальные опыты производятся имъ всегда параллельно, съ цѣлью выяснить различіе между функціями, над- и подглоточныхъ гангліевъ. Фактъ таковъ, что раздражительность у червей, лишенныхъ подглоточнаго ганглія также увеличивается (и также увеличеніе это на самомъ дѣлѣ только кажущееся). Авторъ не упомянулъ о результатахъ своихъ изслѣдованій въ этомъ направленіи, вѣроятно, просто потому, что не могъ ихъ себѣ объяснить; а сдѣлать этого онъ не могъ, потому, что результаты эти стоятъ въ противорѣчіи съ его заключеніемъ объ усиленіи спонтанныхъ движеній у червей, лишенныхъ надглоточнаго ганглія, и не находятъ себѣ въ его воззрѣніяхъ никакого объясненія въ томъ случаѣ, когда рѣчь идетъ объ аналогіи подглоточнаго ганглія малымъ полушаріямъ головного мозга позвоночныхъ. Этимъ я и закончу изложеніе данныхъ, устанавливаемыхъ физіологическимъ методомъ изслѣдованія нервной системы червей, поскольку эти данныя имѣютъ отношеніе къ сравнительной психологіи.

Ближайшими выводами изъ сдѣланнаго очерка являются слѣдующіе.

1. Ходъ нервнаго процесса у червей, повидимому, отличается отъ того, что мы видимъ у позвоночныхъ животныхъ, тѣмъ, между прочимъ, что у червей, послѣ перерѣзки брюшной цѣпи, раздраженія одной половины тѣла не только передаются на другую, но даже вызываютъ въ отвѣтъ на такое раздраженіе координированныя движенія. Мало того: мы можемъ получить такія отвѣтныя движенія одной половины и послѣ того, какъ животное перерѣзывается пополамъ, а потомъ сшивается (опыты Дарвина, Фридлендера и Лёба).

2. Ближайшія послѣдствія обезглавленія у червей выражаются только

въ непродолжительномъ возбужденномъ состояніи; иногда, какъ у Clepsina com., возбужденіе это слабо и скоро переходяще.

3. Вліяніе массы нервной ткани на ея тонусъ удостовѣряется тѣмъ фактомъ, что если сдѣлать перерѣзку коммиссуръ брюшной цѣпи червямъ, у которыхъ раздраженіе отъ сегмента къ сегменту передается только этими коммиссурами, то пониженіе тонуса бываетъ тѣмъ значительнѣе и продолжительнѣе, чѣмъ меньше отдѣленная отъ головного конца часть. Отдѣленіе только одной головы влечетъ за собою или очень незначительное и непродолжительное пониженіе тонуса, или вовсе его не вызываетъ, какъ это удостовѣряютъ изслѣдованія надъ піявками.

4. Обезглавленные анелиды не теряютъ способности къ спонтаннымъ движеніямъ, за исключеніемъ тѣхъ лишь, которыя стоятъ въ прямой зависимости и связи съ органами чувствъ головы. Nereis, Hirudo и Clepsina, руководясь въ своемъ перемѣщеніи глазами, съ потерею этихъ органовъ чувствъ двигаются впередъ только по прямому направленію. У Lumbricus удаленіе надглоточнаго ганглія не влечетъ за собой почти никакихъ измѣненій въ ихъ жизнедѣятельности; они вползаютъ въ свои входы и т. п.

5. Обезглавленные черви удерживаютъ свои *инстинктивныя* дѣйствія, даже тѣ, въ которыхъ голова принимаетъ прямое участіе. Такъ послѣ удаленія головного мозга мы наблюдаемъ у нихъ. A) *Инстинкты питанія.* Lumbricus питается, какъ нормальное животное. B) *Инстинкты обычной жизнедѣятельности.* Обезглавленные Lumbricus, будучи посажены въ помѣщеніе, котораго половина дна покрыта пропускной бумагой, а другая землею—собираются на этомъ послѣдней. C) *Инстинктъ самосохраненія.* Слабое колебаніе воды въ акваріи заставляетъ обезглавленную піявку (Clepsina) насторожиться, какъ и нормальную, онѣ прерываютъ дыхательныя движенія. D) *Инстинкты самообороны* производятся обезглавленными, какъ и нормальными особями: Nephila приближаетъ къ раздражающему предмету мѣсто, на которомъ находилась голова, чтобы защищаться и нападать, хотя органа нападенія и защиты уже не существуетъ. E) *Половой инстинктъ.* Lumbricus, по удаленіи надглоточнаго узла, спариваются.

6. Инстинкты, стоящіе въ полной зависимости отъ органовъ чувствъ головы, съ удаленіемъ головного мозга не проявляются, но причина явленія заключается отнюдь не въ задерживающихъ центрахъ головного мозга, а просто въ исчезновеніи тѣхъ органовъ чувствъ, съ которыми они связаны. Такъ, Clepsina перестаетъ нѣкоторое время закручиваться въ спираль, потому что *начинающій* этотъ актъ органъ—голова—отсутствуетъ. Lumbricus послѣ удаленія подглоточнаго узла, инервирующаго органы, руководящіе животнымъ при его ползаніи,—перестаетъ вползать въ норы, а Nereis зарываться въ песокъ. Нереиды, по удаленіи подглоточнаго ганглія, перестаютъ принимать пищу и не обращаютъ на нее вниманія: органы чувствъ, которые руководятъ червями въ этомъ случаѣ, прекращаютъ свою функцію, и такъ какъ у этихъ животныхъ (равно и у суставчатоногихъ) ни одинъ органъ для каждаго даннаго акта не можетъ замѣнять функцій другого

(зрѣніе—обонянія, напримѣръ, или наоборотъ), то животное не обращаетъ уже болѣе вниманія на пищу.

7. Роль головы въ процессахъ физіологическихъ: *дыханія*, *сердцебіенія и пищеваренія*, судя по продолжительной жизни обезглавленныхъ особей, совершенно ничтожна, если только вообще существуетъ.

8. Обезглавленіе червей влечетъ за собой пониженія у нихъ *нервнаго тона*, того постояннаго возбужденія, источникомъ котораго является живая сила раздражителей. Такъ какъ у червей головные органы (особенно у піявокъ и Lumbricus) играютъ въ смыслѣ прихода этой живой энергіи роль очень не важную, то у нихъ этотъ тонъ, если и понижается, то на степень трудно опредѣлимую. У Nereis дѣло обстоитъ нѣсколько иначе: за перерѣзкою коммиссуръ посерединѣ тѣла—отрѣзокъ по ту сторону отъ головы имѣетъ плоскую форму и дряблый видъ, тогда какъ въ головномъ концѣ онъ подобранъ и нормально напряженъ.

9. Роль головы для продолжительности жизни равна почти нулю: животное безъ головы можетъ, повидимому, жить столько, сколько можетъ жить безъ пищи.

10. Конечнымъ заключеніемъ изъ всего, что было сказано по поводу психофизіологіи червей, будетъ слѣдующее: данныя опыта и наблюденія не даютъ намъ ни малѣйшаго основанія для отожествленія функцій нервной системы червей съ таковою высшихъ позвоночныхъ животныхъ, и служатъ лишь новымъ аргументомъ для того, чтобы утверждать, что *измѣреніе психики червей масштабомъ психики человѣка невозможно.*

**Владиміръ Вагнеръ.**

---

# НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Кометы 1902 года.—Оживленіе сердца.—† *Вирховъ.*

**Кометы 1902 года.** Первая комета въ текущемъ году была открыта 2-го апрѣля *Бруксомъ* въ Женевѣ близъ Нью-Іорка. Она явилась туманностью діаметромъ въ 3 минуты и имѣла небольшой хвостъ, который не достигалъ и 1/2 градуса. Комета приближалась къ солнцу къ которому и подошла 24-го апрѣля на разстояніе, составляющее 0,45 разстоянія земли отъ солнца, т.-е. около 67.700.000 километровъ; несмотря на это никакихъ интересныхъ явленій въ данной кометѣ не наблюдалось вслѣдствіе невыгоднаго расположенія ея орбиты относительно земли. Комета скоро перешла въ южное полушаріе и, постепенно ослабѣвая въ яркости, удалилась на большое разстояніе.

Гораздо выгоднѣе для насъ расположилась орбита второй кометы, открытой астрономомъ *Перрине* на обсерваторіи Лика 19-го августа и независимо отъ него 20-го августа астрономомъ *Боррелли* на парижской обсерваторіи. Комету увидали еще очень далеко отъ солнца. Вычисленные по первымъ наблюденіямъ элементы ея движенія показали, что она приближается къ нашему дневному свѣтилу, огибая землю. При этомъ она быстрымъ маршемъ проходитъ по всему

видимому теперь небу. Открыта комета въ созвѣздіи Персея, ниже извѣстной перемѣнной звѣзды Альголя. Нѣсколько уклоняясь направо, комета эта быстро поднималась къ созвѣздію Кассіопеи. Потомъ склоненіе начинаетъ измѣняться медленнѣе, комета перемѣщается, главнымъ образомъ по прямому восхожденію на западъ черезъ созвѣздія: Кассіопею, Дракона, Лебедя, Лиру и Геркулеса.

Въ зависимости отъ уменьшенія разстоянія кометы отъ солнца и, главнымъ образомъ, отъ земли, яркость ея быстро увеличивается. Въ моментъ открытія комета представляла слабую туманность съ звѣздоподобнымъ ядромъ 9-ой величины, а черезъ двѣ недѣли яркость ея уже въ три раза больше, черезъ мѣсяцъ—въ 20 разъ; между 21-мъ и 25-мъ сентября, когда комета находится въ наиболѣе близкомъ разстояніи отъ земли (равномъ 0,37 разстоянія земли отъ солнца, т.-е. 55 милліоновъ километровъ) яркость ея по теоретическому разсчету должна быть въ 28—29 разъ больше яркости при открытіи кометы. Затѣмъ комета Перрине начинаетъ удаляться отъ земли, видимо спускаясь все ниже и ниже къ экватору и 10-го ноября подойдетъ къ солнцу на разстоянія 0,4 разстояніе земли отъ солнца и выйдетъ изъ его лучей уже вѣроятно, недоступной или мало доступной наблюденіямъ на сѣверныхъ обсерваторіяхъ.

Подъ именемъ третьей кометы 1902 года въ списки занесена комета открытая *Грегомъ* на Новой-Зеландіи 9-го іюля. Она наблюдалась до конца іюля однимъ только лицомъ, открывшимъ ее.

Въ ноябрѣ астрономы ждутъ еще комету, движеніе которой впередъ извѣстно. Эта такъ называемая періодическая комета Темпеля-Свифта, которая обращается около солнца, какъ членъ нашей солнечной системы, по эллипсу, съ временемъ обращенія въ $5^1/_2$ лѣтъ. Впрочемъ, наблюдается она не при всякомъ приближеніи къ солнцу, а черезъ разъ, когда она находится между землей и солнцемъ, такъ что разстояніе ея отъ земли оказывается сравнительно невелико, около 16 милліоновъ километровъ. При другомъ приближеніи кометы къ солнцу, земля оказывается въ противоположной части своей орбиты на разстояніи уже около 300 милліоновъ и комету мы тогда не видимъ. Открыта эта комета въ первый разъ Темпелемъ въ 1869 году, потомъ въ 1880 году нашелъ ее Свифтъ. Она наблюдалась и еще въ 1891 году. Комета незначительной яркости, вполнѣ телескопическая, но, тѣмъ не менѣе, она весьма интересуетъ астрономовъ. Она принадлежитъ къ группѣ періодическихъ кометъ съ короткимъ временемъ вращенія, которыя подходятъ близко къ Юпитеру и претерпѣваютъ отъ него большія возмущенія. Астрономовъ интригуетъ вопросъ, не игралъ ли какой роли могучій Юпитеръ въ закрѣпленіи кометы въ предѣлахъ нашей солнечной системы, не могъ ли онъ своимъ вліяніемъ первоначально разомкнутую параболическую орбиту превратить въ замкнутую, эллиптическую. Возможно и, пожалуй, даже болѣе вѣроятно, что комета эта представляетъ собой часть, отдѣлившуюся подъ дѣйствіемъ внутреннихъ силъ отъ другой большой кометы, давно ушедшей въ безконечное пространство. Комета-родоначальница могла продолжать свое движеніе по параболѣ, отдѣлившаяся часть вслѣдствіе толчка, должна была идти по другому пути, который можетъ быть

и эллипсъ весьма небольшихъ размѣровъ. Въ этомъ отношеніи является особенно интереснымъ подобіе элементовъ кометы Темпеля-Свифта съ элементами нѣкоторыхъ другихъ періодическихъ кометъ. Возникаетъ вопросъ о взаимной связи всѣхъ этихъ кометъ, ихъ общемъ происхожденіи. Будетъ ли непремѣнно найдена комета нынѣшней осенью, конечно, поручиться нельзя.

*К. Покровскій.*

---

**Оживленіе сердца.** Давно уже извѣстно, что смерть организма—процессъ далеко не моментальный, онъ растягивается нерѣдко на многіе часы. Даже у теплокровнаго животнаго, не говоря уже о холоднокровныхъ, не всѣ ткани и органы прекращаютъ свою жизнедѣятельность одновременно. Со времени знаменитаго опыта Гальвани извѣстно, какъ долго сохраняютъ свою жизненность мышцы и нервы лапокъ лягушки, у теплокровныхъ же животныхъ и у человѣка давно наблюдалось, что, напр., клѣточки мерцательнаго эпителія дыхательнаго горла продолжаютъ мерцать своими рѣсничками много времени спустя послѣ видимой смерти организма и послѣ окончательной остановки кровообращенія.

У холоднокровныхъ животныхъ наравнѣ съ мышцами конечностей отличается большою живучестью также сердце, представляющее изъ себя въ сущности не что иное, какъ своеобразно измѣненный комплексъ мышцъ. Лягушачье сердце, вырѣзанное изъ животнаго и помѣщенное въ подходящія условія влажности и температуры, можетъ сокращаться втеченіе почти цѣлой недѣли, а сердце черепахи даже 10—12 дней.

Сердце теплокровныхъ животныхъ до послѣдняго времени считалось значительно менѣе живучимъ, однако, и по отношенію къ нимъ и даже по отношенію къ человѣку давно уже существовали нѣкоторыя наблюденія, говорившія за то, что сердце не утрачиваетъ вполнѣ способности сокращаться одновременно съ видимою смертью организма. Такъ. Чермакъ и Піотровскій въ 1857 году нашли, что у кролика послѣ обезглавленія сердце можетъ сокращаться еще впродолженіе 36 минутъ, а въ среднемъ (изъ 60 наблюденій) сокращается 11 минутъ 46 секундъ. Руссо наблюдалъ у гильотинированной женщины сокращеніе сердца черезъ 29 часовъ послѣ казни, а Вульпіанъ замѣтилъ у собаки сокращеніе праваго предсердія черезъ 93½ часа послѣ смерти. Броунъ-Секаръ наблюдалъ подобныя же сокращенія у собаки черезъ 53, у кролика—черезъ 34 и у морской свинки черезъ 13 часовъ послѣ смерти. Въ большинствѣ случаевъ, однако всѣ эти указанія имѣютъ въ виду лишь незначительныя, крайне слабыя и едва замѣтныя сокращенія сердца въ области праваго предсердія и полой вены. Валлеру и Райду удалось, впрочемъ, констатировать и настоящія сердечныя сокращенія на сердцѣ собаки—черезъ 2 часа и на сердцѣ кошки—черезъ 23 минуты послѣ смерти.

Имѣя въ виду такія наблюденія, свидѣтельствующія о живучести сердца, вполнѣ естественно было попытаться оживить сердце погибшаго организма, создавъ для его дѣятельности условія, наиболѣе подходящія къ естественнымъ Такія попытки и дѣлались различными изслѣдователями (Арно, Гэдонъ и Жиля, Лангендорффъ и др.),—они впрыскивали лишенную фибрина кровь или дру-

гія подходящія по составу жидкости въ сердце уже мертваго животнаго (въ одномъ случаѣ—даже обезглавленнаго человѣка) и получали на короткое время энергичныя сокращенія сердца.

Однако, лишь въ прошломъ 1901 году удалось выработать достаточно надежный и по своимъ результатамъ прямо блестящій методъ оживленія сердца. Честь этого открытія принадлежитъ англійскому физіологу *д-ру Локу*, но разработанъ методъ, открытый этимъ ученымъ, нашимъ соотечественникомъ *А. А. Кулябко*, предварительное сообщеніе котораго *) и легло въ основаніе этой замѣтки. Основываясь на точныхъ анализахъ крови, Локъ составилъ искусственную смѣсь, по своимъ свойствамъ наиболѣе подходящую къ плазмѣ крови. Составъ этой жидкости слѣдующій:

| | |
|---|---|
| Хлористаго кальція | 0,02% |
| Хлористаго калія | 0,02% |
| Углекислаго натра | 0,02% |
| Хлористаго натра | 0,9% |
| Винограднаго сахара | 0,1% |
| Воды | 98,94% |

Жидкость нагрѣвается приблизительно до температуры тѣла, насыщается кислородомъ и въ такомъ состояніи пропускается чрезъ вырѣзанное сердце,—черезъ нѣкоторое время сердце начинаетъ энергично сокращаться.

Постановка опыта до крайности простая. На стеклянной трубкѣ съ краномъ виситъ привязанное мертвое сердце кролика или кошки. Экспериментаторъ поворачиваетъ кранъ, пускаетъ токъ жидкости и черезъ минуту сердце начинаетъ сокращаться, сперва слабо, потомъ все сильнѣе и сильнѣе, наконецъ, начинаетъ работать во всю, какъ при сильномъ сердцебіеніи. Поворачивая краны, регулирующіе притокъ жидкости и насыщающаго кислорода, экспериментаторъ по желанію заставляетъ сердце биться то сильнѣе, то слабѣе, регулируетъ его дѣятельность, какъ работу какого-нибудь часового механизма. Мы видимъ передъ собою сердце, настоящее живое сердце, несмотря на то, что оно было только что мертвымъ, неподвижнымъ! Оно ожило въ рукахъ человѣка и подчиняется его волѣ.

Работа сердца можетъ продолжаться безъ перерыва нѣсколько часовъ. Она можетъ быть пріостановлена путемъ прекращенія притока жидкости, затѣмъ снова возобновиться безъ всякой помѣхи. Простота постановки опыта позволяетъ изслѣдовать сокращенія сердца во всѣхъ деталяхъ, записывать на вращающемся барабанѣ движенія различныхъ частей его, видоизмѣнять различныя внѣшнія условія. Подробное изслѣдованіе оживленнаго сердца въ этомъ направленіи показало, что дѣятельность его ничѣмъ не отличается отъ дѣятельности внутри организма: на вырѣзанномъ сердцѣ удалось воспроизвести всѣ основные опыты относительно вліянія температуры, электрическаго и механическаго раздраженія и пр. и воспроизвести съ гораздо большей легкостью и простотою, чѣмъ при оперированіи на сердцѣ внутри организма.

---

*) «Опыты оживленія сердца». «Изв. Акад. Наукъ», 1902 г. № 3.



Большой интересъ представлялъ процессъ умиранія сердца, наблюдавшійся при прекращеніи притока жидкости. Кривая, вычерчиваемая сердцемъ, съ несомнѣнностью указывала на то, что разстройство въ дѣятельности праваго и лѣваго желудочка происходитъ не въ одинаковой степени: лѣвый желудочекъ обладаетъ большею массою мышцъ, и потому недостатокъ питательнаго матеріала и кислорода, доставляемаго жидкостью, сказывается ранѣе и сильнѣе на его дѣятельности, онъ начинаетъ работать слабѣе, въ то время когда правый, нуждающійся въ меньшемъ количествѣ пищи, еще сокращается довольно энергично.

Рядъ интересныхъ явленій наблюдался также при оживаніи сердца послѣ возобновленія притока жидкости.

Очень важно было рѣшить, сколько времени можетъ длиться перерывъ въ дѣятельности сердца безъ окончательнаго нарушенія его жизнеспособности,—иными словами, послѣ какого промежутка полнаго угасанія дѣятельности сердца, какъ бы полнаго вымиранія ея, возможно еще оживленіе сердца.

Въ этомъ отношеніи наблюденія А. А. Кулябко поразительны: оказалось, что не только перерывъ въ питаніи сердца и охлажденіе его на 20—25 минутъ не убиваютъ этого органа, но даже *послѣ пребыванія вырѣзаннаго сердца на льду въ теченіе 18 и 24 часовъ удается еще возобновить его сокращенія путемъ циркуляціи той же жидкости Лока*. Самымъ удивительнымъ опытомъ въ этомъ отношеніи было оживленіе сердца, взятаго изъ труппа кролика, *пролежавшаго на льду 44 часа*!

До сихъ поръ опыты оживленія сердца производились исключительно надъ млекопитающими и птицами, но не подлежитъ сомнѣнію, что также оживлено можетъ быть и сердце человѣка *). У каждаго рождается невольно вопросъ,—не могутъ ли получить эти опыты какого-либо практическаго примѣненія и не возможно ли оживлять сердце, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ прекращенія сердечной дѣятельности?

Къ сожалѣнію, пока отвѣтъ долженъ быть отрицательный: техническія трудности въ данномъ случаѣ слишкомъ велики, чтобы можно было возлагать большія надежды на примѣненіе этого метода оживленія сердца въ медицинской практикѣ! Значеніе этого метода очень велико въ другомъ отношеніи,—онъ позволяетъ испытывать непосредственно на самомъ сердцѣ и изучать во всѣхъ подробностяхъ вліяніе на сердечную дѣятельность различныхъ веществъ, между прочимъ и тѣхъ, которые примѣняются или могутъ быть примѣнены къ леченію болѣзней сердца. Токсикологіи и фармакологіи этотъ новый методъ окажетъ, несомнѣнно, неоцѣнимыя услуги. Едва ли еще не важнѣе, однако, эти опыты въ теоретическомъ отношеніи—они показываютъ, что ткани сердца обладаютъ большой живучестью и при наличности условій, приближающихся къ нормальнымъ, могутъ возстановить свою уже совсѣмъ прекратившуюся дѣятельность.

*) Данная статья была уже набрана, когда мы узнали, что 16-го сентября г. Кулябко дѣлалъ докладъ о новыхъ своихъ опытахъ, при которыхъ ему удалось совершенно также «оживить» и сердце человѣка. *Ред.*



Возможно, что въ той или другой мѣрѣ это окажется впослѣдствіи справедливымъ и по отношенію къ другимъ тканямъ организма.

*П. Ю. Шмидтъ.*

---

† Рудольфъ Вирховъ. 5-го сентября въ Берлинѣ скончался Рудольфъ Вирховъ. Не прошло и года, какъ весь образованный міръ праздновалъ его восьмидесятилѣтнюю годовщину *), праздновалъ и радостно удивлялся необыкновенной бодрости и энергіи маститаго старца.

Вирхова не стало, но онъ выковалъ себѣ безсмертіе. Рѣдко кто совмѣщалъ такое упорное исканіе научной истины съ такою дѣятельною любовью къ справедливости; рѣдко кто передъ смертью могъ обозрѣть прожитую жизнь съ такимъ чувствомъ удовлетворенія, какъ Вирховъ.

Пройдутъ вѣка, разсыпятся многіе изъ современныхъ памятниковъ, но имя великаго создателя научной медицины и борца «за воздухъ, свѣтъ, здоровое жилище, образованіе и свободу для всѣхъ» останется навѣки въ лѣтописяхъ человѣчества **).

*В. Аг.*

---

*) См. «М. Б.», 1901, ноябрь, «Научная Хроника».

**) Біографію и характеристику научной и общественной дѣятельности Вирхова см. «М. Б.», 1898, «Рудольфъ Вирховъ», ст. Ю. Малисъ.



# БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ
## ЖУРНАЛА
# „МІРЪ БОЖІЙ“.

Октябрь 1902 г.

*Содержаніе*: Беллетристика.—Публицистика.—Исторія литературы и критики.—Исторія всеобщая и русская.—Соціологія.—Исторія культуры.—Естествознаніе.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.—Новости иностранной литературы.

## *БЕЛЛЕТРИСТИКА.*

*Метерлинкъ.* «Жизнь пчелъ».—«Книга разсказовъ и стихотвореній».

**Жизнь пчелъ. Мориса Метерлинка. Переводъ съ французскаго. Изд. товарищества «Общественная Польза» Спб. 1902.** Настоящая книга знаменуетъ нѣкоторый поворотъ въ настроеніи и образѣ мыслей бельгійскаго поэта, который, обратившись къ непосредственнымъ наблюденіямъ жизни природы,—вмѣсто прежняго «умаленія» человѣка, представляемаго въ масштабѣ «кукольнаго театра», въ подчеркнутомъ ничтожествѣ разума и сознанія людей передъ тайнами невѣдомыхъ силъ и глубиной безсознательнаго, теперь изслѣдуетъ разумъ даже въ низшихъ созданіяхъ, готовъ преувеличить его объемъ и, во всякомъ случаѣ, несказанно радъ его открытію. «Находя реальный слѣдъ разума внѣ насъ,—пишетъ теперь Метерлинкъ,—мы испытываемъ чувство, похожее на волненіе Робинзона, увидѣвшаго отпечатокъ человѣческой ноги на отмели своего острова. Намъ кажется, что мы менѣе одиноки на землѣ. чѣмъ думали». И тутъ же слѣдомъ авторъ распространяется о «чудной способности» разума «видоизмѣнять слѣпую необходимость, организовать, улучшать и увеличивать жизнь, давать отпоръ, задерживая силу смерти, великій безразсудный потокъ которой увлекаетъ почти все существующее въ вѣчную безсознательность» (136). Мы далеки отъ настроенія драмы «Слѣпые» того же автора, служившей символомъ безпросвѣтной тьмы, въ которой суждено блуждать всему человѣчеству; мы вмѣстѣ съ Метерлинкомъ словно «открываемъ» оплотъ противъ таинственной силы рока, находимъ нѣкоторое утѣшеніе противъ угнетающей, при постоянномъ напоминаніи объ ней, мысли о смерти («Смерть Тинтажиля», «Втируша», «Глубина души»), о неисповѣдимости судебъ, мистическаго преклоненія передъ тайнами безсознательнаго и непостижимаго, которые тщетно было бы испытывать слишкомъ ничтожному человѣческому разуму, подавленному необъятностью того, что лежитъ за предѣлами его пониманія. Метерлинкъ, конечно, не отрицаетъ и теперь этихъ предѣловъ: «Сознаніе предѣловъ человѣческаго пониманія—это, вѣроятно, все, чему человѣкъ можетъ научиться въ этомъ мірѣ» (4). Однако, такое «непониманіе», которое является въ результатѣ усилій раскрыть тайны природы, кажется теперь Метерлинку лучшимъ, «чѣмъ безотчетное самодовольное невѣдѣніе нашей собственной жизни». А главное, что присутствіе тайны не должно парализовать стремленія къ дѣятельности, и если истина намъ недоступна, то все же «самое прекрасное и интересное въ жизни есть стремленіе человѣка найти эту истину».

Что надо жить, хотя бы мы не знали цѣли жизни, надо работать и дѣйствовать, хотя бы мы не знали, къ чему приведутъ наши усилія, надо прислушиваться къ внушеніямъ разума, хотя ему недоступно многое,—этотъ урокъ бодрящей философіи, въ противоположность подавленному настроенію прежняго пессимизма Метерлинка, нашъ авторъ позаимствовалъ у маленькихъ «золотыхъ пчелокъ», послѣ многолѣтнихъ наблюденій надъ ихъ жизнью, организаціей ихъ общины, нравовъ и обычаевъ, излагая теперь результаты своихъ наблюденій. Авторъ отнюдь не выдаетъ свое произведеніе за научный трактатъ о пчелахъ; онъ имѣетъ сообщить лишь общеизвѣстные факты, провѣренные, правда, личнымъ опытомъ. Послѣднему онъ придаетъ большое значеніе и кстати высказываетъ замѣчаніе, по поводу работъ Бюхнера, что во многихъ научныхъ изслѣдованіяхъ чувствуется недостатокъ живого опыта; въ нихъ слишкомъ много предвзятыхъ заключеній, и «научный аппаратъ» этихъ трудовъ состоитъ изъ множества сомнительныхъ анекдотовъ, собранныхъ изъ разныхъ источниковъ *).

---

*) Отмѣтимъ странное недоразумѣніе въ переводѣ порусски даннаго мѣста. Въ русскомъ текстѣ напечатано: «наше сочиненіе скажетъ собственно о пчелахъ мало», и это заявленіе представляется по меньшей мѣрѣ удивительнымъ въ книгѣ, посвященной описанію жизни пчелъ. Дальше: «Но вѣдь и многія научныя изслѣдованія *по этому предмету* страдаютъ тѣми же недостатками» (5) и т. д. Все это мѣсто совершенно искажено въ переводѣ. Дѣло въ томъ, что Метерлинкъ, представляя оцѣнку труда Бюхнера, ставитъ ему въ укоръ чрезмѣрную «книжность» и замѣчаетъ по его поводу: «Cela ne sent ni le miel, ni l'abeille», т.-е. трудъ Бюхнера «не пахнетъ ни медомъ, ни пчелами», потому что авторъ, по предположенію Метерлинка, не наблюдалъ непосредственно природы, а черпалъ свой матеріалъ изъ книжекъ. «Этотъ недостатокъ (т.-е. чрезмѣрная «книжность») присущъ,—продолжаетъ Метерлинкъ,—многимъ научнымъ сочиненіямъ, въ которыхъ часто излагаются предвзятыя заключенія» и т. д. Такимъ образомъ, приписанное Метерлинку заявленіе, что въ его книгѣ о пчелахъ и въ другихъ научныхъ изслѣдованіяхъ «по этому предмету» говорится «мало собственно о пчелахъ», есть личная фантазія переводчика. Подобнаго рода недоразумѣній, къ сожалѣнію, не мало въ русскомъ переводѣ, который мы обозначили въ заголовкѣ этой замѣтки. Вотъ еще нѣсколько примѣровъ. Въ гл. VII-ой первой книги Метерлинкъ отмѣчаетъ чрезвычайно развитое у пчелъ чувство общественности; уединеніе ихъ губитъ, тогда какъ «жизнь скопомъ (l'accumulation), община представляютъ невидимое, но столь же необходимое, какъ медъ, условіе существованія. Необходимо имѣть въ виду эту потребность [пчелъ къ совмѣстной жизни] для того, чтобы установить «духъ законовъ», управляющихъ жизнью улья. Индивидуумъ ничего не значитъ въ ульѣ; онъ существуетъ только условно, представляется безразличнымъ моментомъ (въ цѣломъ), крылатымъ органомъ вида». Русскій переводчикъ отнесъ къ улью все то, что говорится о роли индивидуума въ ульѣ: «Улей, повидимому, не представляетъ ничего особеннаго (?); онъ существуетъ лишь условно (?); онъ (т.-е. улей) безличный, хотя и окрыленный органъ вида» (стр. 24). Все это не даетъ никакого смысла. Крайне темной представляется слѣдующая фраза въ русскомъ переводѣ, стр. 70: «И, говоря это мимоходомъ, если бы мы, вообще, остерегались *ставить наше восхищеніе въ зависимость отъ остальныхъ обстоятельствъ, связанныхъ происхожденіемъ, и съ мѣстомъ, гдѣ его испытывалъ*, мы, навѣрно, гораздо чаще находили бы случай къ удивленію, открывая на явленія въ природѣ наши глаза, и нѣтъ ничего плодотворнѣе, какъ открывать ихъ такимъ образомъ». Это до нельзя запутанное предложеніе должно передать простую и просто выраженную мысль Метерлинка, что не слѣдуетъ портить впечатлѣніе величественныхъ (и въ маломъ раіонѣ) картинъ природы чрезмѣрнымъ анализомъ: «Если бы мы остерегались подчинять наше восхищеніе (при созерцаніи чудесъ природы) столькимъ соображеніямъ о мѣстѣ и происхожденіи (даннаго явленія), то мы меньше теряли бы случаевъ удивляться тому, что у насъ передъ глазами; въ высшей степени полезно смотрѣть просто на вещи». Въ главѣ VIII-ой второй книги переводчикъ высказываетъ, по поводу пчелиной общины, слѣдующія замѣчанія: «Много труда пришлось бы употребить, чтобы отыскать на нашей планетѣ республику, намѣренія которой обнимали бы столько серьезныхъ желаній («намѣренія» «обнимаютъ желанія»?); демократія или независимость являются болѣе совершенной и разумной формой (чѣмъ республика?), зато подчиненность—болѣе распространенной и болѣе прочной (?). Но намъ не найти ни одной общины, въ которой жертвы были бы такъ жестоки и деспотичны,

Какъ бы то ни было, точка зрѣнія Метерлинка иная, и его произведеніе, по живости изображенія и яркости красокъ, можетъ быть названо и романомъ, и поэмой, по интенсивности лирическаго настроенія автора, и философскимъ разсужденіемъ, по стремленію автора доискаться разрѣшенія высшихъ проблемъ человѣческой жизни, исходя изъ наблюденій надъ жизнью природы. Схема изложенія строго придерживается послѣдовательныхъ фазисовъ исторіи улья; она прелестна и сама по себѣ: въ умѣлой градаціи описывается сперва внѣшняя обстановка жизни пчелинаго роя, его организація, взаимоотношеніе членовъ общины, молодыя царицы; кульминаціоннымъ пунктомъ разсказа является описаніе «брачнаго полета», достигающее наибольшей поэтичности; но, увлекшись именно, какъ поэтъ, захватывающей картиной лучезарнаго брака, въ которомъ мгновеніе любви сопровождается неминуемой смертью «крылатаго любовника» и вѣчнымъ заточеньемъ царицы-матки, которая только одинъ разъ въ жизни уносится въ лазурь, грѣется въ лучахъ солнца и любви, и потомъ порождаетъ милліоны жизней, сама будучи навсегда отрѣшена отъ общенія съ внѣшнимъ міромъ, Метерлинкъ затѣмъ самъ ставитъ вопросъ объ отношеніи поэзіи и дѣйствительности, раскрывая намъ обстоятельства описанной картины уже не въ лирической окраскѣ субъективныхъ ощущеній поэта-созерцателя, а въ непосредственной передачѣ натуралиста, изслѣдователя природы. Обѣ точки зрѣнія авторъ пытается примирить въ разсказѣ «о трехъ правдахъ», открытыхъ его другомъ.—За праздничной картиной «брачнаго полета» слѣдуетъ мрачный финалъ: умерщвленіе трутней, ставшихъ безполезными послѣ оплодотворенія царицы. Въ заключеніе авторъ приводитъ нѣсколько данныхъ и соображеній по «эволюціи пчелъ», отстаивая теорію трансформизма, доказывая, что и пчелиное царство отнюдь не неподвижно въ своей организаціи, что пчелы проявляютъ разумъ и сознаніе, и заканчиваетъ общимъ гимномъ разуму.

Аналогія, проводимая между человѣческимъ обществомъ и жизнью такихъ насѣкомыхъ, которые создаютъ подобіе общественной организаціи, конечно, не нова. Муравьи и пчелы особенно часто давали поводъ къ такимъ сравненіямъ. Разнообразятся лишь точки зрѣнія авторовъ, ихъ отношеніе къ предмету, а также тѣ «поученія», которыя они выносятъ изъ сравненія. Въ этомъ смыслѣ не безинтересно припомнить разсужденіе о «пчелахъ» Д. И. Писарева («Соч.», т. II),

---

какъ здѣсь» (91). Въ оригинальномъ текстѣ совсѣмъ не то: «Трудно найти,—замѣчаетъ Метерлинкъ, человѣческое государство, въ задачи котораго входило бы (выполненіе) такого значительнаго числа желаній, присущихъ нашей планетѣ; (трудно найти) демократію, въ которой независимость (отдѣльныхъ членовъ) была бы одновременно болѣе совершенной и болѣе осмысленной, а подчиненіе (личности обществу) болѣе полнымъ и болѣе продуманнымъ». *Однако*, по мнѣнію Метерлинка, не найти въ человѣческихъ организаціяхъ и такого общественнаго устроенія, въ которомъ индивидуумы приносились бы въ жертву съ такой жестокостью и такъ всецѣло какъ у пчелъ. Ограничиваемся нѣсколькими указанными примѣрами неточности перевода. Конечно, стиль Метерлинка далеко не изъ легкихъ для точной передачи, но врядъ ли допустимо такое полное искаженіе смысла оригинала, какъ въ приведенныхъ цитатахъ. Есть недурныя страницы въ переводѣ и тѣмъ настоятельнѣе представляется необходимость внимательно его пересмотрѣть и исправить. Къ числу такихъ недосмотровъ, повидимому, принадлежитъ и упоминаніе о «концѣ природы» (вмѣсто «цѣли природы», стр. 253), и заявленіе, что *«эволюція* защищаетъ трудолюбиваго раба въ мощной общинѣ, предоставляя *его* какъ не имѣющаго опредѣленнаго долга (!), «въ жертву враждебнымъ силамъ» (320) (рѣчь идетъ о томъ, что *природа* ограждаетъ живущихъ въ общинѣ, тогда какъ «праздные прохожіе» (le passant sans devoirs dans l'association précaire) предоставлены всѣмъ превратностямъ различныхъ случайностей и т. п. Приводя, удобства ради, въ нашей замѣткѣ ссылки по русскому изданію, мы должны были всякій разъ свѣрять ихъ съ подлинникомъ и вносить кое какія поправки. Досадливыя погрѣшности русскаго переводаа, конечно, не мало затрудняютъ пониманіе текста и должны въ значительной мѣрѣ ослабить у читателя впечатлѣніе изящной простоты изложенія французскаго автора.

который также извлекъ нѣкотораго рода «поученіе» и для людей, изъ наблюденій надъ жизнью маленькаго насѣкомаго. Хотя Писаревъ, также какъ Метерлинкъ, начиналъ тоже съ выходки противъ «доктринеровъ», которые «комментирують и критикують, не добираясь до самой жизни и принимая свои слова и понятія за существующія явленія», хотя и онъ ищетъ истину не въ «буквахъ, словахъ и фразахъ», а въ непосредственномъ наблюденіи *дѣйствительной* жизни, нечего и говорить, что его отношеніе къ предмету иное уже потому, что онъ ограничился прочтеніемъ двухъ, трехъ книжекъ о пчелахъ и пользуется готовымъ матеріаломъ, не всегда хорошо освѣдомленный въ деталяхъ, для чисто публицистическихъ цѣлей. Разсужденіе Писарева—остроумный памфлетъ и сохраняетъ свое значеніе, хотя бы вовсе не было пчелъ, къ дѣйствительной жизни которыхъ авторъ довольно равнодушенъ. Устанавливая различныя «касты» пчелинаго царства, распространяясь объ участи рабочихъ пчелокъ—«пролетаріевъ, задавленныхъ существующимъ порядкомъ вещей», сѣтуя о горькой участи этихъ добровольныхъ дѣвственницъ—«кастратовъ», и описывая жизнь «себѣ въ сласть» трутней-тунеядцевъ, Писаревъ не входитъ въ разсмотрѣніе того, что, такъ сказать, съ «пчелиной точки зрѣнія», участь пчелы-работницы, хотя и обреченной на дѣвственность, быть можетъ, ничуть не хуже участи царицы-матки, такъ какъ, обратно его мнѣнію о «необузданныхъ порывахъ чувственности» царицы и «пикникахъ пчелинаго королевства», брачный полетъ царицы, какъ мы знаемъ, совершается только одинъ разъ. Пчела-работница пользуется жизнью, хотя и краткою, въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ оплодотворенная матка, которая исключительно занята своими «безконечными родами», всякій разъ «съ легкими спазмами», въ вѣчномъ заточеніи. А изъ «лордовъ трутней»—вѣдь только одинъ, самый сильный, самый развитой, достигаетъ на одно мгновеніе улетающую въ высь еще дѣвственную царицу, и «какъ только единеніе совершилось, желудокъ самца-трутня пріоткрывается... Крылья опускаются, и онъ, какъ бы сожженный брачной грозой, мертвымъ падаетъ на землю» (Метерлинкъ, о. с., 235). Итакъ, трутень, исполняя свое назначеніе,—ибо безъ этого, хотя и мгновеннаго единенія родъ пчелъ бы навсегда прекратился,—летитъ на вѣрную смерть. Остальные 300—400 трутней въ роѣ, оставшіеся такими же дѣвственниками, какъ пчелы-работницы, но не имѣя другихъ обязанностей, подвергаются, какъ указано, общему избіенію: «терпѣніе пчелъ не похоже на терпѣніе людей», замѣчаетъ Метерлинкъ, и «разжирѣвшіе лѣнтяи», воспитываемые, такъ сказать «про запасъ», до брачнаго полета, послѣ него погибаютъ почти безъ сопротивленія, по приговору жестокихъ, въ совершеніи акта справедливости, неутомимыхъ пчелъ-работницъ. Такимъ образомъ помилованіе трутней королевою, о которомъ писалъ Писаревъ, въ пчелиномъ царствѣ никогда не имѣетъ мѣсто. На его упреки и обличенія пчелокъ «въ глупости, тупоумія» и т. п. можно было бы отвѣтить словами Метерлинка: «Напрасно хотятъ сдѣлать логичными и очеловѣчить до крайнихъ предѣловъ всѣ чувства этихъ маленькихъ существъ, столь отличныхъ отъ людей... Тѣ, которые считаютъ болѣе интереснымъ признавать пчелъ похожими на насъ, тѣ не имѣютъ еще достаточно яснаго представленія о томъ, что именно должно пробуждать интересъ въ искреннихъ умахъ» (244). Конечно, вопросъ не въ *искренности*, а въ отношеніи къ предмету: для одного писателя пчелки оказались лишь удобной фабулой для изложенія собственныхъ соображеній по вопросамъ общественности; для другого, заинтересовавшагося предметомъ по существу, въ качествѣ поэта, натуралиста и мыслителя, «поученія» вытекаютъ изъ самой сущности изучаемыхъ явленій, и его выводы пріобрѣтаютъ значеніе въ неразрывной связи съ болѣе или менѣе проникновеннымъ пониманіемъ самого предмета. И за всѣмъ тѣмъ оказывается, что «философія» обоихъ писателей не такъ уже расходится: Метерлинкъ, правда,

находитъ возможнымъ заступаться за «пчелиный мiръ»; онъ искренно благоговѣетъ передъ самопожертвованiемъ этихъ маленькихъ существъ въ цѣляхъ сохраненiя рода; онъ указываетъ, что прогрессъ требуетъ ограниченiя эгоистичныхъ интересовъ; въ оправданiе несовершенствъ, съ точки зрѣнiя чистаго разума, замѣчаемыхъ и въ жизни пчелъ, онъ предлагаетъ сравнить ошибки улья съ таковыми же нашего общества. «Если бы мы сами были пчелами и наблюдали за людьми, то удивленiе наше было бы велико при изученiи, напримѣръ, нелогичнаго и неправильнаго распредѣленiя труда въ средѣ существъ, которыя, однако-жъ, казались бы намъ въ другихъ отношенiяхъ одаренными значительнымъ разумомъ...» (319). И отвѣтственность людей несравненно бóльшая, ибо, замѣчаетъ Метерлинкъ въ другомъ мѣстѣ,—«человѣкъ имѣетъ способность не подчиняться законамъ природы» (25). Кореннымъ вопросомъ морали представляется вопросъ—нужно ли и въ какой мѣрѣ пользоваться этой способностью человѣку. Однако, Метерлинкъ признаетъ въ высшей степени интереснымъ «постараться уловить цѣль природы въ какомъ-нибудь другомъ, отличномъ отъ человѣка мiрѣ». И вернувшись отъ теорiй крайняго индивидуализма къ «естественному праву», Метерлинкъ усмотрѣлъ, что, хотя бы конечныя цѣли природы оставались для насъ окутанными непроницаемой завѣсой, наглядными и непререкаемыми, ближайшими цѣлями всякой общественной организацiи являются стремленiя къ «общему долгу», направленному къ осуществленiю блага будущаго, какъ бы это будущее ни отдалялось отъ насъ въ непроницаемой загадкѣ». Человѣкъ отдѣляетъ нравственный порядокъ отъ умственнаго, «признавая въ первомъ лишь то, что выше и прекраснѣе раньше созданнаго. И если его можно осудить за такое раздѣленiе, то потому, что люди поступаютъ въ жизни хуже, чѣмъ думаютъ» (241). У пчелокъ нѣтъ этой раздвоенности, и если у человѣка выше представленiе объ идеальномъ, или «нравственномъ» порядкѣ, то пчелы имѣютъ то преимущество, что онѣ въ высшей степени дѣятельны; къ тому же всѣ члены пчелиной общины существуютъ настолько, насколько они нужны для общаго дѣла; они подчиняются и своей царицѣ-маткѣ «не лично, но той миссiи, которую она выполняетъ, и тѣмъ судьбамъ улья, которыя она воплощаетъ» («царица въ сущности есть не что иное, какъ символъ», замѣчаетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ, стр. 69); безплодная матка, какъ и молодыя царицы, не нужныя для улья, какъ и трутни, ставшiе безполезными послѣ выбора одного самца (ихъ множество и совершенство типа сравнительно съ пчелами-работницами вызываетъ замѣчанiе автора: «Природа всегда щедра, когда дѣло идетъ объ обязанностяхъ и преимуществахъ любви. Она урѣзываетъ лишь органы и орудiя работы. Она особенно строга ко всему тому, что люди назвали добродѣтелью...» (228),—все это подвергается безпощадному уничтоженiю. Нельзя не задуматься, какъ это дѣлаетъ и Метерлинкъ, надъ глубокой разницей нравственныхъ идеаловъ человѣка и тѣмъ, что въ явленiяхъ природы можетъ быть названо «моралью рода» (подробнѣе о ней авторъ высказывается въ другомъ своемъ трудѣ: «Le temple enseveli»). Метерлинкъ, повидимому, раздѣляетъ вѣру, что, выражаясь принятыми у насъ терминами, въ концѣ концовъ правда-справедливость и правда-истина сольются. Пока онъ слѣдитъ съ усиленнымъ вниманiемъ за зарожденiемъ чувства солидарности у маленькихъ насѣкомыхъ. «Словно и природа полагаетъ, какъ Периклъ у Ѳукидида, что индивидуумы счастливѣе въ нѣдрахъ города, когда онъ процвѣтаетъ, хотя бы отдѣльныя личности въ немъ испытывали и страданiя, чѣмъ если бы единицы пользовались всѣми благами въ ущербъ государству». «При своемъ зарожденiи идея братства, или альтруизмъ, принимаетъ еще вполнѣ матерiальную оболочку, пишетъ Метерлинкъ.—Она выражается въ заботахъ объ огражденiя отъ холода, отъ голода, отъ страха—и все это еще не принимаетъ опредѣлённой формы самостоятельной идеи». «Но и всякая новая мысль пробиваетъ себѣ путь лишь

ощупью среди мрака, окутывающаго все, что зарождается на землѣ» (фр. т., 284). Достаточно, однако, чтобы мысль проникла въ сознаніе и ее не удержать никакими запорами, особенно тогда, когда, какъ у пчелокъ, нѣтъ вышеуказанной раздвоенности между мыслью и дѣломъ. *Ѳ. Бат—овъ.*

**Книга разсказовъ и стихотвореній. Изд. С. Курнина. Москва. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.** «Книга разсказовъ и стихотвореній»—сборникъ, куда вошли безъ какой-либо системы или подбора разсказы и стихотворенія самыхъ различныхъ авторовъ. Здѣсь наряду съ гг. Андреевымъ и Горькимъ взяты произведенія и старшихъ писателей, какъ Златовратскій и Маминъ-Сибирякъ, вмѣстѣ со стихотвореніями г. Бунина и стихи г. Бѣлоусова, произведенія гг. Семенова и Митропольскаго,—словомъ, предъ нами нѣчто въ родѣ хрестоматіи, составленной не изъ классическихъ, какъ раньше, произведеній, а изъ самыхъ современныхъ или, во всякомъ случаѣ, послѣдняго времени. Всѣ эти произведенія уже были напечатаны раньше, такъ что новизны въ сборникѣ тоже нѣтъ. Невольно возникаетъ вопросъ, какую цѣль имѣли въ виду составители подобнаго сборника? Можно бы подумать, что редакція—буде таковая была—желала составить сборникъ изъ перловъ новѣйшей художественной литературы и выбрала лучшія, безспорно всѣми признанныя образцовыми произведенія послѣдняго времени, не взирая на имена. Такая задача была бы сама по себѣ интересна, и сборникъ можно было бы рекомендовать, какъ хорошее чтеніе, знакомящее съ лучшими новѣйшими художественными произведеніями. Но именно такого критическаго отношенія къ помѣщеннымъ въ сборникѣ произведеніямъ нѣтъ и слѣда. Тутъ все, что называется, свалено въ кучу, гдѣ дѣйствительно хорошія вещи валяются рядомъ съ никуда негоднымъ хламомъ, зачѣмъ-то вытащеннымъ на свѣтъ Божій изъ никому невѣдомыхъ дебрей. Хорошія, изящныя произведенія, какъ, напр., «Кусака» г. Андреева, «Гекторъ» г. Елпатьевскаго или «Дознаніе» г. Куприна и друг. тонутъ въ этомъ хаосѣ бездарныхъ и скучныхъ твореній, не давая въ то же время сколько-нибудь яснаго и яркаго представленія о самихъ авторахъ, такъ какъ названныя вещи, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, все же далеко не лучшія и не самыя характерныя изъ произведеній этихъ авторовъ, къ тому же это и не новыя, а давно напечатанныя въ такихъ распространенныхъ изданіяхъ, какъ «Журналъ для всѣхъ» или «Русское Богатство».

Такимъ образомъ, сборникъ г. Курнина не имѣетъ никакого литературнаго значенія и представляетъ просто издательскую аферу, разсчитанную на простодушіе читателя, который, соблазнившись именами, скушаетъ и все остальное. Что г. Курнинъ можетъ еще съ десятокъ такихъ сборниковъ выпустить себѣ на пользу, это его право. Но господамъ авторамъ врядъ ли слѣдуетъ идти на такія издательскія предпріятія, которыя не дадутъ имъ ни чести, ни славы, да едва ли и денегъ, такъ какъ все это вещи уже напечатанныя и, слѣдовательно, не могутъ быть очень высоко оплачены вновь. *А. Б.*

---

## *ПУБЛИЦИСТИКА.*

*П. Струве.* «На разныя темы». Сборникъ статей.

**Петръ Струве. На разныя темы (1893—1901 гг.). Сборникъ статей. Спб. 1902. 555 стр. ц. 3 руб.** Лежащій передъ нами изящно изданный сборникъ статей г. Струве представляетъ, помимо своего крупнаго научнаго и публицистическаго интереса, не менѣе крупный психологическій интересъ. По статьямъ вошедшимъ въ него можно прослѣдить біографію мятущагося въ поискахъ правды ума. Болѣе раннія статьи этого сборника проникнуты радостнымъ и

увѣреннымъ чувствомъ человѣка, нашедшаго эту правду, освѣтившую ему прошлое, настоящее и будущее человѣчества. Статьи эти продиктованы молодымъ, бодрымъ настроеніемъ, когда автору ихъ еще были новы всѣ впечатлѣнія марксистскаго бытія. Правда, уже и въ этихъ раннихъ статьяхъ, точно также какъ и въ своей нашумѣвшей книгѣ «Критическія замѣтки etc.», авторъ, выступая защитникомъ доктрины Маркса, не проповѣдывалъ, однако, этой доктрины во всей ея исторической неприкосновенности, не превращалъ идеи Маркса въ консервы, герметически закупоренные отъ всякаго сторонняго вліянія, онъ пытался уже тогда ассимилировать марксизму новыя философскія (критическая философія) и экономическія (брентанизмъ) идеи; онъ уже тогда заявилъ, что ортодоксіей онъ не зараженъ...

Но всѣ эти реформатскія идеи высказывались лишь вскользь, не получая дальнѣйшей обосновки, и всѣ силы уходили, съ одной стороны на оборонительную борьбу отстаиванія марксизма отъ нападенія на него русскихъ литературныхъ старѣйшинъ, а съ другой, наступательную борьбу съ ученіями народничества во всѣхъ его видахъ и развѣтвленіяхъ. Этою живою и здоровою атмосферою борьбы за марксизмъ проникнуты раннія статьи г. Струве.

Но вотъ марксизмъ изъ гонимаго теченія русской передовой журналистики становится теченіемъ господствующимъ, народническое направленіе начинаетъ обнаруживать рѣшительные признаки старческой слабости, и періоды бури и натиски начинаютъ смѣняться для марксизма періодомъ пересмотра своихъ собственныхъ основъ, періодъ борьбы съ «внѣшнимъ врагомъ» начинаетъ смѣняться для нашего автора періодомъ борьбы съ внутреннимъ врагомъ, т.-е. съ тѣмъ направленіемъ марксизма, который отстаиваетъ міровоззрѣніе Маркса во всей его исторической неприкосновенности.

Теоретическое міросозерцаніе Струве начинаетъ переживать жестокій кризисъ, который для своего утоленія поѣдаетъ одинъ за другимъ элементы марксистскаго міровоззрѣнія и сначала въ туманной дали вырисовываетъ основы новаго міропониманія, насквозь проникнутаго вліяніемъ идеалистически-метафизической философіи. Это новое міровоззрѣніе начинаетъ постепенно кристализоваться въ систему въ новѣйшихъ статьяхъ г. Струве и получаетъ наконецъ болѣе или менѣе законченный видъ въ статьѣ «Die Marx'sche Theorie der socialen Entwickelung», напечатанной въ архивѣ Брауна, и въ предисловіи къ книгѣ Бердяева. Это предисловіе и указанная статья, къ сожалѣнію, не вошли въ лежащій передъ нами сборникъ, который оставляетъ мысль его автора еще тревожно блуждающей въ поискахъ за твердой точкой зрѣнія.

Однако, уже и тѣхъ послѣднихъ статей, которыя вошли въ этотъ сборникъ, совершенно достаточно для того, чтобы отмѣтить весьма сильную перемѣну въ воззрѣніяхъ нашего автора. Эта перемена навлекла на него одновременно яростныя нападки и со стороны его былыхъ критиковъ, и со стороны его былыхъ единомышленниковъ, причемъ по нашей русской привычкѣ здѣсь не обошлось безъ того психологическаго «чтенія въ душѣ» и приписыванія автору измѣненій взглядовъ на практическіе вопросы, противъ которыхъ такъ справедливо и горячо протестуетъ г. Струве въ одной изъ своихъ статей. Всякій, кому знакомъ литературный обликъ автора, ни на минуту не усумнится въ томъ, что такой человѣкъ, какъ бы ни были велики его теоретическія заблужденія, никогда не будетъ способенъ на *измѣну своимъ убѣжденіямъ*, онъ пришелъ лишь *къ измѣненію своихъ убѣжденій*, причемъ только слѣпые или временно ослѣпленные могутъ не видѣть тотъ огонь практическаго идеализма, который неугасаемо горитъ во главѣ угла всего міросозерцанія нашего автора.

Въ статьѣ «Противъ ортодоксальной нетерпимости» авторъ произноситъ pro doma sua слѣдующія прекрасныя слова: «Практическая нетерпимость въ особенности нужна и прямо незамѣнима въ эпохи, когда—по слову поэта—граж-

данина Ив. Аксакова—«сплошного зла стоитъ твердыня, царитъ безсмысленная ложь», когда она острыми зубьями впивается въ молодую развивающуюся жизнь и, не имѣя силъ побороть ее, наноситъ ей нестерпимую боль, плодя лицемѣріе, трусость и отступничество.

«Но практическая нетерпимость ко злу будетъ тѣмъ чаще и сильнѣе, чѣмъ полнѣе и живѣе она будетъ соединяться съ широкой терпимостью въ области теоретическихъ разногласій, разногласій не о томъ, что должно быть по нравственному закону, а о томъ, что было, есть и будетъ въ силу естественной необходимости.

«Именно, какъ жизненное и живое начало, практическая нетерпимость не должна связываться съ догматической, безжизненно сухой, мелко подозрительной нетерпимостью къ чужимъ взглядамъ. Не надо забывать, что тотъ путь, который ведетъ къ познанію практической правды, гораздо прямѣе и яснѣе извилистой и темной дороги къ теоретической истинѣ»... (293 стр.).

Мы бы готовы были подписаться подъ этими прекрасными словами, если бы только они не затемняли необходимость для всякаго убѣжденнаго писателя выставить яркую и не колеблющуюся «точку зрѣнія» и затѣмъ отстаивать эту точку соками нервовъ своихъ и кровью сердца своего. Если эта точка зрѣнія не только продумана, но и выстрадана писателемъ, если она выражаетъ цѣлую общественную программу, если она осмысливаетъ практическую дѣятельность, свѣтитъ ей, показывая кратчайшую и надежнѣйшую дорогу къ лучшему будущему, къ идеалу, то я спрашиваю, возможна ли, да и нужна ли при этомъ «терпимость»? Не слѣдуетъ только смѣшивать отсутствіе терпимости, которая по отношенію къ извѣстнымъ проблемамъ означаетъ отсутствіе всякаго писательскаго темперамента, съ нерѣдкимъ у насъ учиненіемъ обыска въ душѣ писателя, съ цѣлью удостовѣриться въ его благонадежности въ томъ или иномъ отношеніи, или съ полемикой съ представителями другой точки зрѣнія съ помощью «аргументовъ», заимствованныхъ у царевны изъ «Потока-Богатыря» А. Толстого...

Во всякомъ случаѣ, читатель въ правѣ предъявить къ писателю-публицисту требованіе выставить свою ясную точку зрѣнія, и, въ сущности говоря, публицистическая совѣсть обязуетъ каждаго писателя выработать у себя эту непоколебимую точку зрѣнія, разрѣшая ему лишь затѣмъ браться за перо.

И вотъ намъ кажется, что односторонній протестъ противъ «ортодоксіи» выразился мѣстами у Струве, въ сущности говоря, въ протестъ противъ выработки непоколебимой и не колеблющейся точки зрѣнія, и критицизмъ нашего автора, пока что, сопровождается именно отсутствіемъ подобной точки зрѣнія и неизбѣжно изъ этого вытекающимъ присутствіемъ цѣлаго ряда непослѣдовательностей.

Самою крупною непослѣдовательностью мы считаемъ странную, на нашъ взглядъ, претензію Струве продолжать называть себя марксистомъ, отрицая теорію трудовой цѣнности, проповѣдуя метафизическій идеализмъ, отрицая обостреніе соціальныхъ противорѣчій и т. д., и т. д. Въ упомянутой уже своей нѣмецкой статьѣ, подвергнувъ тонкой и рѣшительной критикѣ ученіе Маркса о соціальной эволюціи, Струве, однако, признаетъ себя марксистомъ и сторонникомъ экономическаго матеріализма. Но что же общаго съ этимъ матеріализмомъ имѣютъ его метафизическія паренія, его отстаиваніе самочинности этическихъ началъ или вотъ напр., такія его заявленія: «Проблема либерализма... шире и глубже проблемы демократіи». Исторически невѣрна, по мнѣнію Струве, «весьма популярная доктрина», согласно которой либерализмъ возникъ, какъ политическая система буржуазіи въ ея матеріальныхъ интересахъ. По мнѣнію же автора, «либерализмъ—общенароднаго (!) и идеальнаго происхожденія. Онъ возникъ въ отвѣтъ на запросы религіознаго (!) сознанія». Мнѣ такъ думается,

что подобная историческая философія ближе, пожалуй, къ Карлейлю, чѣмъ къ Марксу.

Позволю себѣ въ заключеніе маленькое замѣчаніе Pro doma sua—въ одномъ мѣстѣ г. Струве дѣлаетъ замѣчаніе, что пишущій эти строки, «кажется», больше сочувствуетъ ортодоксіи, чѣмъ критикѣ. Позволю себѣ замѣтить, что отъ выраженія сочувствія устойчивости и выработанности точки зрѣнія, каковыми качествами, какъ никакъ отличается и «ортодоксія», до сочувствія догматической ортодоксіи еще далеко. Я только думалъ и теперь думаю, что критика плодотворна только тогда, когда она исходитъ изъ опредѣленной и ясной точки зрѣнія, иначе она вырождается въ безплодный скептицизмъ. Да и въ безпардонномъ скептицизмѣ при желаніи можно отыскать элементы ортодоксіи—вѣдь, какъ уже было замѣчено, утверждая, что совсѣмъ нѣтъ достовѣрныхъ истинъ, скептицизмъ въ то же время признаетъ существованіе хотя одной достовѣрной истины, той именно, что на свѣтѣ нѣтъ достовѣрныхъ истинъ. Такимъ образомъ, и для самаго непримиримаго скептицизма нужна извѣстная «ортодоксія», или, попросту говоря, точка зрѣнія. Безъ присутствія этой точки зрѣнія, т.-е. безъ точки опоры, всякая критика будетъ безплодна, какъ евангельская смоковница, и всякій изслѣдователь оказывается въ положеніи барона Мюнхгаузена съ его попыткой вытащить самого себя изъ болота за собственную косу.

И недаромъ же про благороднаго философа Фихте, къ которому въ своемъ критическомъ настроеніи зоветъ теперь вернуться г. Струве, Шлегель шутливо писалъ:

«Zweifle an der Sonne Klarheit,
Zweifle an der Sterne Licht,
Leser, nur an meiner Wahrheit
Und an deiner Dummheit nicht» *).

Читателю могутъ показаться излишними подобнаго рода разсужденія по адресу такого писателя, какъ Струве, но, къ сожалѣнію,—мы повторяемъ это,— критическій періодъ литературной дѣятельности этого замѣчательнаго писателя и его односторонняя полемика съ ортодоксальнымъ марксизмомъ сопровождается именно этимъ отсутствіемъ яркой и не колеблющейся точки зрѣнія, а нѣкоторые изъ малыхъ сихъ «критическаго» направленія сдѣлались очень даже ортодоксальными послѣдователями отсутствія единой и объединяющей точки зрѣнія.

Въ предисловіи къ своей книгѣ авторъ отвѣчаетъ на подобныя обвиненія. Онъ пишетъ здѣсь:

«Въ 1894 г., когда авторъ опубликовалъ книгу «Критическія замѣтки etc.», онъ былъ въ философіи критическимъ позитивистомъ, въ соціологіи и политической экономіи рѣшительнымъ, хотя и вовсе не правовѣрнымъ марксистомъ. Съ тѣхъ поръ и позитивизмъ, и опирающійся на него марксизмъ перестали для автора быть всей истиной, перестали всецѣло опредѣлять и окрашивать его міровоззрѣніе. Ему пришлось на свой страхъ искать и вырабатывать себѣ новый строй идей. Злобствующій догматизмъ, не только опровергающій несогласно мыслящихъ, но и производящій надъ ними морально-психологическій сыскъ, видитъ въ такой работѣ только «эпикурейское порханіе мысли». Онъ не способенъ понять, что право критики само по себѣ есть одно изъ драгоцѣннѣйшихъ правъ живой мыслящей личности. Отъ этого права авторъ не намѣренъ отказываться, хотя бы ему и угрожало постоянно находиться подъ обвиненіемъ въ неустойчивости».

Мы меньше всего склонны посягать на право критики, являющееся, по

*) Сомнѣвайся въ блескѣ солнца, сомнѣвайся въ блескѣ звѣздъ, читатель,—только не въ моей мудрости и въ твоей глупости.



справедливому замѣчанію Струве, однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ правъ живой, мыслящей личности. Но неужели же мы, читатели, не въ правѣ ждать отъ писателя, трогающаго больные вопросы, чтобы онъ, пользуясь своимъ писательскимъ правомъ критики, не отнималъ и нашего читательскаго права требовать устойчивой точки зрѣнія? Увы, иные крицитисты, повидимому, склонны лишить читателя этого, тоже въ своемъ родѣ драгоцѣннѣйшаго права, и если г. Струве въ своемъ соч. «Критическія замѣтки etc.» писалъ, что «ортодоксіей я не зараженъ, если только подъ ортодоксіей не разумѣть стремленія къ послѣдовательному мышленію», то они пошли дальше и освободились отъ ортодоксіи, даже если подъ ортодоксіей подразумѣвать «стремленіе къ послѣдовательному мышленію»...

Въ книгѣ г. Струве всякій вдумчивый читатель получитъ обильную пищу для своего ума. Всѣ статьи этой книги были написаны вдумчивымъ, умнымъ наблюдателемъ, который «hat durchaus studirt Medicin, Philosophie und leider auch... Methaphysik», человѣкомъ съ благородною фаустовскою душою или точнѣе съ тѣми двумя фаустовскими душами, которыя стремятся одна отъ другой отдѣлиться. Эта «бурь душевныхъ красота» даетъ читателю рядъ сильныхъ и глубокихъ переживаній, заставляя его вмѣстѣ съ авторомъ напряженно искать истину.

Мы не дѣлаемъ разбора отдѣльныхъ статей, вошедшихъ въ сборникъ, въ виду того, что значительная часть статей, особенно второго періода въ развитіи идей г. Струве, напечатана въ журналѣ «Міръ Божій», и наши читатели имѣютъ о немъ, какъ писателѣ, достаточно яркое представленіе по такимъ его статьямъ, какъ: «Марксъ о Гёте» («М. Б.», 1898, янв.), «Ф. Лассаль» («М. Б.», 1900, ноябрь), «Еще о Лассалѣ» («М. Б.», 1901 г., мартъ, «На разныя темы»), «Замѣтки о Гауптманѣ и Ницше» (1901 г., янв.), «Противъ ортодоксальной нетерпимости», «Памяти Шелгунова» (1901 г., іюнь), «Памяти Вл. Соловьева» (1900 г., сент.), «Изъ лѣтнихъ наблюденій» (1900 г., сент.), «Къ вопросу о морали» (1901 г., окт.), «Историческое и систематическое мѣсто русской кустарной промышленности» (1898 г., апр.), «Основные моменты въ развитіи крѣпостного хозяйства» (1899 г., окт., ноябрь, дек.), «Основные вопросы политической экономіи» (1896 г., дек.), «Любопытный обывательскій протестъ противъ классицизма въ XVIII в.» (1901 г., іюль) и др.

*П. Берлинъ.*

---

## *КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.*

*Брюнгесъ* «Рёскинъ и Библія».—*Паульсенъ.* «Шопенгауэръ, Гамлетъ. Мефистофель».—*Брагинскій* «Указатель переводной беллетристики въ журналахъ за 1897—1901 гг.

**Г. І. Брюнгесъ. Рескинъ и Библія. Къ исторія одной мысли. Переводъ съ французскаго А. П. Никифорова. Изданіе «Посредника» для интеллигентныхъ читателей. Москва. 1902 г., стр. 157. Цѣна 90 коп.** Эта книга является довольно типичнымъ образчикомъ любопытной (и рѣдкой) отрасли литературы—категоріи добросовѣстно написанныхъ и совершенно безполезныхъ книгъ. Русское общество, подобно остальной континентальной читающей публикѣ, заинтересовалось Рёскиномъ, собственно, только со времени его кончины (онъ умеръ 22-го января 1900 года); до той поры широко-популярно имя этого мыслителя было лишь на его родинѣ. Не рискуя впасть въ ошибку, мы утверждаемъ, что у насъ прежде всего и больше всего заинтересовались соціальными взглядами Рёскина, благороднымъ, искреннимъ, не вычитаннымъ изъ книжекъ, а самостоятельно вызрѣвшимъ въ душѣ негодованіемъ его про-

тивъ несправедливостей и непрнглядностей общественнаго строя; заинтересовались также гармоническимъ соединеніемъ въ этой щедро одаренной индивидуальности своеобразнѣйшихъ эстетическихъ теорій съ вѣрою въ соціально-реформаторскую мощь эстетики и художественной красоты.

На русскомъ языкѣ появились и оригинальные очерки, и переводныя книги о Рескинѣ. Одна изъ этихъ монографій (которую даже англійскіе органы ставятъ чуть не во главѣ литературы предмета)—именно, французская книга Р. Сизеранна «Рёскинъ и религія красоты» — появилась даже въ двухъ переводахъ (Л. П. Никифорова, М., 1900) и Т. А. Богдановичъ (въ нашемъ журналѣ). Но въ наше кипуче-быстро летящее время, въ нашу эпоху беспрерывной смѣны и обновленія идей, перегоняющихъ другъ друга событій, преимущественный и детальный интересъ къ Джону Рёскину, и интересъ длящійся, былъ бы полнымъ анахронизмомъ. Имѣющаяся на русскомъ языкѣ литература о Рёскинѣ и, въ частности, указанная книга Сизеранна освѣтили весьма выпукло и разносторонне всѣ важнѣйшія стороны творчества эстетика-реформатора. Теперь фирма «Посредникъ» сочла необходимымъ для русскаго общества ознакомить его съ вліяніемъ Библіи на Рёскина. Вопросъ интересный, но настолько ли, чтобы послѣ всего, что уже знаетъ объ этомъ русскій читатель изъ вышеупомянутой общей литературы, посвящать подобному сюжету цѣлую книгу? Кому и зачѣмъ, кромѣ спеціалистовъ - «рёскинологовъ», можетъ быть интересна исчерпывающе-детальная разработка такой темы въ цѣломъ трактатѣ? Далѣе Г. І. Брюнгесъ долгомъ своимъ считаетъ вести свое повѣствованіе въ необыкновенно елейномъ тонѣ, отнюдь не способствующемъ украшенію его книги. Какъ умѣлъ передать всю поэзію Библіи—Гюйо! Какъ онъ ее тонко чувствовалъ! Съ какимъ восторгомъ онъ, *категорически невѣровавшій человѣкъ*, называлъ ея писателей «великими лирическими поэтами!» Невольно вспомнили мы безвременно умершаго автора «Искусства съ соціологической точки зрѣнія» и проникновенныя его страницы о поэтическомъ вліяніи Востока и Библіи: вспомнили по ассоціаціи діаметральныхъ противоположностей, ибо благочестивоскучныя разглагольствія Брюнгеса меньше всего на свѣтѣ близки къ картинному, мастерскому изложенію Гюйо. Брюнгесъ много потрудился, откапывая всѣ безчисленныя цитаты изъ Библіи, поминаемыя у Рёскина, сличая взгляды Рёскина съ мыслями библіи, собирая всѣ (впрочемъ, уже извѣстныя) свѣдѣнія о чтеніи этой книги Рёскиномъ и его матерью; все это онъ, повидимому, сдѣлалъ добросовѣстно, но насколько подобный детальнѣйшій трудъ необходимъ и насколько не терпѣлось въ настоящій моментъ русской интеллигенціи узнать, гдѣ и какія строчки Рёскина сходятся со строчками Библіи — объ этомъ у насъ свѣдѣній не имѣется. Вѣроятно, они были у переводчика и издателей.

И что за несчастная способность у иныхъ слишкомъ благоговѣйныхъ біографовъ, malgré eux, ставить своихъ героевъ въ неловкое положеніе, нехотя представлять ихъ въ невыгодномъ освѣщеніи! У Рёскина много умныхъ и оригинальныхъ мыслей, но есть и неудачныя, слабыя. Но зачѣмъ же такъ старательно отрывать ихъ и съ восторгомъ выносить на свѣтъ Божій? Зачѣмъ съ упоеніемъ и гордостью обрисовывать Рёскина какимъ-то Кифою Мокіевичемъ или г-номъ Меньшиковымъ, кротко-задумчивымъ нововременцемъ, словоистекающимъ каждое воскресенье съ правильностью законовъ природы? Къ чему принижать большую фигуру благороднаго и высокоталантливаго англичанина? Зачѣмъ, напр., приводить съ глубокомысліемъ такую цитату о «травкѣ»: «Мнѣ кажется, что Спаситель не безъ особеннаго намѣренія въ моментъ совершенія того чуда, которое произвело на толпу наиболѣе сильное впечатлѣніе, — въ моментъ чуда съ пятью хлѣбами, повелѣлъ разсадить народъ «на зеленой травѣ». Онъ роздалъ имъ зерна травы и повелѣлъ имъ сѣсть на траву: трава,

этотъ неоцѣнимый даръ, наиболѣе согласовалась съ ихъ радостью и покоемъ, какъ и плодъ ея былъ самою подходящею пищею. Христосъ этимъ единымъ велѣніемъ и чудомъ, если правильно ихъ понимать, навсегда указывалъ на то, что Творецъ ввѣрилъ отраду, утѣшеніе, питаніе человѣка самой простой и презираемой семьѣ растительнаго царства на землѣ. И она честно выполняетъ свое назначеніе. Разсмотрите все, чѣмъ вы обязаны луговой травѣ, въ изумрудномъ величія покрывающей мрачную землю полей своими тонкими, безчисленными, мирными былинками». И такихъ разсужденій, вовсе не характерныхъ для Рёскина, собрано для массы написанныхъ Рёскиномъ книгъ *очень мало*, но для 157-ми-страничной работы Брюнгеса — *слишкомъ много*; трагичнѣе всего тутъ то, что ни одинъ изъ извѣстныхъ намъ біографовъ Рёскина не усердствуетъ такъ, какъ Брюнгесъ, надъ возвеличеніемъ своего героя... Такимъ образомъ, несмотря на всю добросовѣстность въ исполненіи своей спеціальной задачи, автору не особенно посчастливилось въ характеристикѣ Рёскина; можетъ быть, эта неудача и обусловливается нѣкоторою искусственностью въ самой постановкѣ темы: вѣдь кто-кто, а Рёскинъ имѣетъ право повторить о себѣ гордыя слова ибсеновскаго персонажа: «я—самъ!» То, что онъ оставилъ важнаго и долговѣчнаго, сдѣлано и сказано было имъ *по преимуществу оригинально*, и въ этомъ важномъ и долговѣчномъ, наиболѣе самостоятельно разработанномъ его мыслью,—*по преимуществу трудно* обнаружить ссылками и сличеніями вліяніе Библіи или какого-либо литературнаго источника. Такъ оно и должно было быть по природѣ вещей, такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ.

Сводъ библейскихъ ссылокъ у Брюнгеса обиленъ и, можетъ быть, даже исчерпывающе-полонъ (хотя ручаться возможно было бы, только продѣлавъ вторично работу Брюнгеса); но онъ безполезенъ для пониманія идейнаго творчества Рёскина и былъ бы годенъ развѣ лишь спеціалистамъ для справокъ; переводъ книги читается легко, изданіе хорошее, цѣна доступная, и тѣмъ болѣе жаль подтвердить полную ненужность этого литературнаго явленія.

*Е. Т.*

**Фридрихъ Паульсенъ. Шопенгауэръ, Гамлетъ, Мефистофель. Три очерка изъ исторіи пессимизма. Переводъ съ нѣмецкаго С. Н. Зелинской. Кіевъ. 1902 г. Стр. III+163. Ц. 1 р.** Въ этой книжкѣ, вышедшей на нѣмецкомъ языкѣ въ началѣ 1900 г., проф. Паульсенъ соединилъ 3 очерка, напечатанные имъ первоначально въ видѣ журнальныхъ статей въ 1882, 1889 и 1899 гг. Въ предисловіи самъ авторъ указываетъ общую мысль, связывающую всѣ 3 статьи, и пользу, которую онъ отъ нихъ ожидаетъ. Онъ вооружается противъ того духа отрицанія, злобы и унынія, которымъ такъ сильно заражено современное поколѣніе, вслѣдствіе увлеченія великими пессимистами—этими геніальными клеветниками человѣчества. Онъ хочетъ разрушить очарованіе пессимизма, раскрывъ его низменную нравственную подкладку. Конечно, Паульсенъ не дѣлаетъ общаго вывода, что всякій пессимизмъ дуренъ съ нравственной точки зрѣнія. Но онъ произноситъ безусловное осужденіе надъ тремя выбранными имъ пессимистами. Пессимизмъ Шопенгауэра, Гамлета и Мефистофеля есть, по существу своему—злорадство. Вотъ основная мысль Паульсена.

Съ очеркомъ о Шопенгауэрѣ читатели знакомы по переводу, помѣщенному въ №№ 1 и 2 «Міра Божія» за 1902 г. Въ личности Гамлета Паульсенъ находитъ тѣ же основныя черты, что и въ Шопенгауэрѣ. И Гамлета онъ считаетъ человѣкомъ ненормальнымъ въ моральномъ отношеніи, хотя отнюдь не душевно-больнымъ. И Гамлетъ представляется ему эгоистомъ, лишеннымъ всякаго благородства и живой любви къ людямъ. И въ міросозерцаніи Гамлета рѣшающую роль играетъ злая наклонность ухватываться съ радостью за все порочное, низменное и отвратительное, «чтобы подъ благовиднымъ предлогомъ вытянуть его на свѣтъ и затѣмъ дать волю широкому остроумію или патетическому краснорѣчію. Но отно-

сительно Гамлета Паульсенъ высказывается не такъ рѣшительно, какъ относительно Шопенгауэра. Его смущаетъ легіонъ разнорѣчивыхъ толкователей Шекспира. Онъ допускаетъ, что могутъ быть и другія толкованія Гамлета. Онъ выражаетъ только скромное желаніе—не надѣясь, впрочемъ, на его осуществленіе—чтобы не очень долго продолжалъ храниться «обычай среди толкователей Гамлета считать другъ друга дураками».

Менѣе опредѣленное впечатлѣніе оставляетъ третій очеркъ—о Мефистофелѣ. Въ первыхъ двухъ очеркахъ Паульсенъ имѣетъ предъ собой прекрасную задачу—разрушить очарованіе дурного пессимизма. Но въ Мефистофелѣ, какимъ его рисуетъ Паульсенъ, очень мало пессимизма и еще меньше очаровательности. Поэтому роль автора порою сводится къ роли добраго пастора, въ доброй проповѣди ратующаго противъ злого дьявола. По словамъ самого Паульсена, Мефистофель чувствуетъ себя очень уютно въ компаніи пьяныхъ пошляковъ и восхитительно—въ чаду развратной оргіи. Онъ любитъ грубыя и низкія наслажденія, и если въ своихъ издѣвательствахъ надъ людьми ставитъ себя выше человѣческихъ слабостей, то это превосходство скорѣе всего напоминаетъ превосходство пресытившагося жуира надъ чувственнымъ юношей (ср. стр. 134), и, въ концѣ концовъ, прекрасно мирится съ стремленіемъ использовать силы разума для рафинированія чувственныхъ удовольствій (стр. 146). Нѣтъ, этотъ Мефистофель—не компанія Шопенгауэру и Гамлету. У Шопенгауэра насъ очаровываетъ глубина мысли, у Гамлета—глубина страданій. Въ Мефистофелѣ же нѣтъ ничего глубокаго. Гёте былъ слишкомъ холоднымъ оптимистомъ, чтобы его Мефистофель могъ быть глубокимъ пессимистомъ. Мефистофель Гёте—порожденіе оптимизма—если не пасторски-простодушнаго, то папски-величаваго, такъ что третья статья Паульсена съ гораздо бо́льшимъ основаніемъ могла бы быть названа очеркомъ «изъ исторіи оптимизма», чѣмъ «изъ исторіи пессимизма». И тотъ родъ оптимизма, который обнаруживаетъ при этомъ самъ Паульсенъ, давая характеристику оптимизма Гёте, долженъ, намъ кажется, только ослабить впечатлѣніе отъ критики дурного, хотя и соблазнительнаго пессимизма Шопенгауэра и Гамлета. Какой скукой вѣетъ отъ настойчивыхъ разъясненій профессора, что, дескать, зло необходимо для вящаго торжества добра, подобно тому, какъ Мефистофель необходимъ для торжества Фауста и Гретхенъ, что безъ борьбы со зломъ добродѣтель заснула бы въ бездѣятельности, или, напр., отъ такихъ афоризмовъ: «Безъ борьбы... всякое духовное содержаніе становится блѣднымъ и бездѣятельнымъ. Истины, пользующіяся всеобщимъ признаніемъ, скучны» (стр. 153). Нѣтъ, наоборотъ: всякая борьба безъ стремленія къ совершенному уничтоженію зла, становится блѣдной и бездѣятельной; всякій нѣмецкій профессоръ, не ставящій своей цѣлью всеобщее признаніе признаваемой имъ истины, становится скучнымъ. И самую интересную и лучшую часть книги Паульсена составляютъ тѣ мѣста, гдѣ онъ безпощадно разоблачаетъ ядовитыя чары шопенгауэровскаго и гамлетовскаго пессимизма, не пытаясь оправдывать ихъ съ точки зрѣнія «метафизической необходимости зла». *А. Р—въ.*

**Библіографическій указатель переводной беллетристики въ русскихъ журналахъ за пять лѣтъ, 1897—1901 гг. Составилъ и издалъ Д. Брагинскій. 68 стр. въ 2 столбца. Спб. 1902 г. Цѣна 60 коп. Складъ изданія: Литейный просп., д. № 15 кв. 8.** Эта весьма полезная справочная книжка не вполнѣ точно озаглавлена: ея содержаніе шире ея заглавія, такъ какъ въ ней указаны не только переводныя беллетристическія произведенія, напечатанныя за послѣднія 5 лѣтъ въ нашихъ журналахъ, но во второй ея части помѣщенъ еще перечень отдѣльно изданныхъ переводныхъ книгъ по беллетристикѣ.

Настоящая работа составлена г. Д. Брагинскимъ не очень тщательно, и, внимательно просматривая его книжку, мы замѣтили не одинъ пропускъ: пропущенъ, напр., переводъ разсказа талантливой нѣмецкой беллетристки Елены

Белау «На сортировочной станціи». Этотъ переводъ былъ напечатанъ въ журналѣ «Русское Богатство» за 1897 г. Вибихъ называется то Фибихъ, то Вибихъ. Также, напр., Жебаръ именуется въ другомъ мѣстѣ Гебгартомъ. Включенъ рядъ переводовъ научныхъ книгъ, къ беллетристикѣ не имѣющихъ отношенія; напр., Дріо, «Исторія Европы въ концѣ XIX в.». Жюссеранъ «Исторія англійскаго народа въ его литературѣ», Лихтенберже, «Пессимизмъ Ибсена». Матушевскій, «Дьяволъ въ поэзіи», и т. п.

Было бы очень желательно имѣть и указатель всѣхъ переводныхъ стихотвореній за послѣдніе годы. А еще лучше было бы, хотя это труднѣе, издать указатель переводныхъ стихотвореній, беллетристическихъ произведеній, помѣщенныхъ въ нашихъ журналахъ за послѣднее полустолѣтіе, 1851—1900 гг.

*Д. П. С.*

---

## *ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ И РУССКАЯ.*

*Н. Карѣевъ.* «Политическая исторія Франціи въ XIX в.».—*Н. Оглоблинъ.* «Къ характеристикѣ русскаго общества въ 1812 г. *Г.—Аванасьевъ.* «Мирабо».—*К. Елпатьевскій.* «Историческая хрестоматія».

**Н. И. Карѣевъ. Политическая исторія Франціи въ XIX вѣкѣ. Изданіе акціонернаго общества «Брокгаузъ Евронъ». Ц. 1 р. Спб. 1902 г.** Представить картину соціальной и политической эволюціи Франціи за истекшее столѣтіе, въ сжатой формѣ, доступной широкому кругу читаталей,—задача и своевременная, и трудная. За ея исполненіе могъ взяться именно человѣкъ, какимъ является въ данномъ случаѣ проф. Н. И. Карѣевъ, не только глубоко владѣющій своимъ предметомъ, но и отлично умѣющій отдѣлить существенныя явленія исторіи отъ несущественныхъ. Однако, несмотря на свое внимательное и серьезное отношеніе къ предмету, и проф. Карѣевъ не могъ иногда избѣгнуть общаго недостатка сжатыхъ изложеній, а именно слишкомъ широкихъ обобщеній, въ которыхъ точность часто жертвуется краткости. Такъ напр., на стр. 75 мы читаемъ: «Извѣстіе о высадкѣ Наполеона, переполошившее правительство Людовика XVIII, было принято буржуазіей со страхомъ и негодованіемъ, такъ какъ буржуазія за возвращеніемъ Наполеона предвидѣла возобновленіе войны, хотя сама же раньше, недовольная Людовикомъ XVIII, не прочь была бы, чтобы Наполеонъ вернулся». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что французская буржуазія не могла быть особенно довольна Людовикомъ XVIII, несмотря на его такъ называемую сенъ-уэнскую декларацію (объ этомъ характерномъ документѣ г. Карѣевъ забылъ упомянуть), въ которой король обѣщалъ не посягать на *пріобрѣтенныя права*, другими словами, не отнимать у буржуазіи пріобрѣтенныя ею во время революціоннаго періода дворянскія имущества. Несмотря на это, повторяемъ, буржуазія не могла питать большого довѣрія къ новому режиму, но было бы очень рискованно заключать отсюда, что этотъ новый режимъ примирилъ ее съ Наполеономъ и что она «не прочь была бы, чтобы Наполеонъ вернулся». Первая реставрація, т.-е. промежутокъ съ возвращенія Бурбоновъ на французскій престолъ до высадки Наполеона съ острова Эльбы, охватываетъ нѣсколько мѣсяцевъ—періодъ слишкомъ ничтожный для такой крупной перемѣны въ классовой психологіи. Буржуазія, торжественно встрѣтившая союзныя войска, не могла такъ скоро забыть накопившуюся годами антипатію противъ военнаго режима Наполеона.

Книга проф. Карѣева имѣетъ въ виду главнымъ, образомъ, политическую исторію Франціи и тѣ явленія изъ ея соціальной и духовной жизни, которыя имѣли непосредственное отношеніе къ политикѣ. Поэтому, авторъ, между про-

чимъ, даетъ и сжатый очеркъ—по эпохамъ различныхъ соціальныхъ доктринъ. Въ этомъ направленіи онъ долженъ былъ бы пойти дальше и упомянуть въ очень общихъ чертахъ, конечно, и о рабочемъ законодательствѣ. Это тѣмъ болѣе необходимо, что, излагая исторію второй имперіи, онъ приводитъ законъ 1864 г., давшій французскимъ рабочимъ право коалицій и стачекъ (стр. 239). Но логическимъ дополненіемъ этой мѣры явился законъ, изданный при третьей республикѣ въ 1884 г., обезпечившій свободу рабочихъ синдикатовъ. Мы не говоримъ уже о декретѣ и законахъ 1848 года (декреты временнаго республиканскаго правительства), 1872, 1893 и, наконецъ, законъ Колльяръ-Милльерана 1899 года, регулирующій трудъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей на фабрикахъ и заводахъ. Всѣ эти законы, повторяемъ, тѣсно связаны съ политической исторіей Франціи за прошлое столѣтіе, и о нихъ слѣдовало бы упомянуть.

Отмѣтимъ мимоходомъ нѣкоторыя фактическія ошибки, вкравшіяся въ книгу г. Карѣева. Всеобщая амнистія по политическимъ преступленіямъ была дана не въ 1857 году, какъ утверждаетъ авторъ, а въ 1859 г., во время итальянской компаніи. Жюль Греви требовалъ въ 1848 г. не «уничтоженія поста президента» (279), а лишь того, чтобы президентъ былъ выбираемъ парламентомъ, какъ это практикуется теперь. Наконецъ, знаменитая фраза: «клерикализмъ—вотъ врагъ», которая въ событіяхъ Франціи нашихъ дней получаетъ такое серьезное приложеніе, не принадлежитъ Гамбеттѣ, какъ утверждаетъ вмѣстѣ съ другими историками г. Карѣевъ, а депутату Пейро, редактору газеты «Avenir National». Гамбетта ее себѣ присвоилъ, но указалъ въ своей, если не ошибаемся, лилльской рѣчи, кому она принадлежитъ.

Нельзя не выразить сожалѣнія, что г. Карѣевъ кончилъ свою книгу Парижской выставкой, а не дошелъ до самыхъ послѣднихъ дней, тѣмъ болѣе, что еще до выхода его книги, во Франціи произошли событія, представляющія глубокій историческій и соціологическій интересъ. Мы имѣемъ въ виду дѣятельность министерства Вальдека Руссо, о которомъ упоминается въ книгѣ г. Карѣева, лишь какъ о только что сформировавшемся. Правда, г. Карѣевъ имѣетъ въ виду только XIX столѣтіе, но дѣятельность министерства Вальдека Руссо могла быть использована для характеристики переходнаго времени конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія.

Нельзя не пожалѣть также о томъ, что авторъ, придерживающійся въ объясненіи французской исторіи единственно вѣрной точки зрѣнія классовой борьбы, не вышелъ изъ роли исторіографа, который только *объясняетъ*, и не показалъ, *чему насъ учитъ исторія* Всѣ согласны, что истекшее столѣтіе ознаменовалось еще далеко не законченнымъ торжествомъ демократіи, какъ творческой общественной силы. Но среди этой демократіи есть элементы, которые по своему экономическому и общественному положенію являются самыми передовыми. Еще сенъ-симонисты развивали теорію особой исторической миссіи пролетаріата—теорію, которую вся послѣдующая исторія еще болѣе подтвердила и утвердила.

Къ книгѣ г. Карѣева приложено нѣсколько картъ, облегчающихъ читателю ознакомленіе съ историческими событіями, и «Указатель книгъ и статей на русскомъ языкѣ къ исторіи Франціи въ XIX вѣкѣ». Хотя «Указатель» и не исчерпываетъ всего, что вышло въ Россіи по этому предмету, о чемъ заявляетъ и самъ проф. Карѣевъ, но онъ чрезвычайно полезенъ не только для широкой публики, но даже и для спеціалистовъ. *Х. Г. Инсаровъ.*

**К. Елпатьевскій. Разсказы и стихотворенія изъ русской исторіи. Историческая хрестоматія для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1902 г. in 8—00. Стр. 398. Ц. 1 руб. 40 к.** Новыми программами преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ введена въ курсъ I-го и II-го классовъ отечественная исторія. Хотя новыя программы отличаются пока вре-

меннымъ характеромъ, а самый вопросъ о возможности преподаванія какой-либо исторіи дѣтямъ въ возрастѣ указанныхъ классовъ рѣшается въ отрицательную сторону, тѣмъ не менѣе нашлись предприниматели, которые выпустили на книжный рынокъ соотвѣтственныя пособія. Въ числѣ этихъ предпринимателей выступилъ и г. Елпатьевскій. Его пособіе носитъ отвѣтственное названіе «*исторической хрестоматіи*» и по своему внутреннему содержанію совершенно не удовлетворяетъ послѣднему; въ немъ отсутствуетъ опредѣленная педагогическая задача, а подборъ отрывковъ сдѣланъ по устарѣвшему нынѣ хронологическому шаблону, при чемъ и въ рамкахъ кругозора составителя явственно выступаетъ неумѣнье критически отнестись къ наличной литературѣ. Составитель, взявшись за соблазнительное предпріятіе, не уяснилъ себѣ ни самаго понятія *исторіи* въ маленькихъ классахъ, ни, повидимому, тѣхъ возможныхъ пріемовъ, съ помощью которыхъ *исторія* превратилась бы въ допустимый для преподаванія въ маленькихъ классахъ предметъ. Составитель не считался въ своемъ пособіи ни съ возрастомъ учащихся, ни съ ихъ психологіей, ни съ тѣми цѣлями, какія вообще преслѣдуетъ или должна преслѣдовать въ данномъ случаѣ общеобразовательная средняя школа. Составитель болѣе чѣмъ некритиченъ, онъ *рѣзко тенденціозенъ*, что совсѣмъ не приличествуетъ для роли какого бы то ни было предпринимателя въ области учебныхъ изданій. Многіе отрывки говорятъ за то, что составитель приносилъ себя въ жертву какому-то неизвѣстному намъ идолу. Мы очень хорошо знаемъ тотъ коммерческій духъ, который свилъ себѣ удивительно прочное гнѣздо въ русской учебной литературѣ, но мы давно уже живемъ въ сладкой увѣренности, что грубая тенденціозность, буквоѣдство, томительная скука и ни зерна науки вотъ-вотъ отойдутъ въ область преданія. Увы! Мы все еще продолжаемъ встрѣчаться въ литературѣ съ этими старыми, но дорогими нашимъ предпринимателямъ чертами. Поэтому мы отнюдь *не* привѣтствуемъ появленія въ свѣтъ пособія г. Елпатьевскаго, которое послѣ работъ П. Г. Виноградова, П. Н. Милюкова, Р. Ю. Виппера, Н. А. Рожкова и В. О. Ключевскаго (если имѣть въ виду его «Краткое пособіе по русской исторіи) представляетъ собою сотню шаговъ назадъ.

Карамзинъ, Соловьевъ (исключая подъ № 62), Забѣлинъ и Костомаровъ составителемъ игнорируются вовсе, но въ хрестоматіи приведены выдержки изъ сочиненій такихъ писателей по русской исторіи, о которыхъ до сихъ поръ никто не слыхивалъ: на первый планъ выдвинуты лубочники, одобренія составителя удостоились статьи въ стилѣ Апраксина рынка и Никольской улицы или же выдержки изъ «народныхъ чтеній», предназначенныхъ для прочтенія вслухъ неграмотному деревенскому мужику. Есть въ хрестоматіи также стихотворенія, чуть ли не ради легкости чтенія напечатанныя прозою; быть можетъ, впрочемъ, и для того, чтобы ухо читателя не замѣчало нѣкоторой нескладицы въ стихосложеніи неопытнаго поэта: на стр. 320 напечатано стихотвореніе «*Громъ побѣды раздавайся! Веселися храбрый Россъ!*», а затѣмъ слѣдуютъ произведенія «классиковъ» русской поэзіи гг. Степанова, Яхонтова, Матова, Навроцкаго etc., etc. Если обратиться непосредственно къ содержанію выдержекъ, то на первомъ планѣ война, битва, погромъ, кровь, герои, слава, блескъ, величіе, фантастика... Словомъ, все то, что давно перестало быть исключительно предметомъ историческаго изученія, но что съ особеннымъ удобствомъ поддается въ корнѣ фальшивому изображенію.

Вообще, хрестоматія г. Елпатьевскаго менѣе всего можетъ быть названа историческою, мы бы окрестили ее фантастической хрестоматіей для безграмотной деревенщины, а самого предпринимателя человѣкомъ историческимъ. Неужели дѣти ходятъ въ школу для того, чтобы изучать творенія лубочниковъ? Неужели наука русской исторіи настолько ничтожна въ данную минуту, чтобы въ книгѣ, предназначенной для школьнаго употребленія, выписывались

тирады изъ казенныхъ брошюръ для публичныхъ народныхъ чтеній, которыя даже для народа единодушно признаны негодными? Неужели въ младшихъ классахъ позволительно вмѣсто элементарной науки предлагать какую-то грубую фальсификацію отечественной исторіи? Всѣ эти вопросы остаются безъ отвѣта со стороны г. Елпатьевскаго. *В. Николаевъ.*

**Н. Н. Оглоблинъ. Къ характеристикѣ русскаго общества въ 1812 году. Кіевъ. 1902 г. in 8-го. Стр. 2 нен. 84. Ц.** не озн. Брошюра г. Оглоблина, не представляя изъ себя изслѣдованія въ собственномъ смыслѣ этого слова, полагаетъ собою удачное начало для документальнаго изученія русскаго общества въ 1812 году. До сихъ поръ это общество изображалось въ литературѣ тенденціозно и фальшиво: его рисовали чуть ли не сплошь состоящимъ изъ героевъ, чуть ли не въ каждой дикой выходкѣ видѣли патріотическій подвигъ... Авторъ склоненъ думать, что подобныя искаженія суть частью результатъ традиціи, частью естественное слѣдствіе того, что у насъ все еще сильны поклонники «историковъ извѣстнаго пошиба, изучающихъ исторію больше *по усердію*, чѣмъ по разуму». Матеріаломъ для работы г. Оглоблина послужили сборники документовъ о 1812 годѣ П. И. Щукина; авторъ оговариваетъ, что приступая къ выполненію своей задачи и желая избѣжать всякихъ упрековъ въ односторонности и предвзятости своихъ поисковъ, онъ «ревностно искалъ на пространствѣ тысячи страницъ сборника П. Щукина малѣйшихъ признаковъ высокаго подъема духа въ русскомъ обществѣ 1812 года». «Къ сожалѣнію, рѣшительно утверждаетъ г. Оглоблинъ, — мои поиски привели къ очень плачевнымъ результатамъ... Правда, *патріотическихъ фразъ* встрѣчалась масса: Наполеона и французовъ съ ихъ союзниками русскіе не иначе величали, какъ *злобнымъ врагомъ*, варварами, *всесвѣтными злодѣями*, неистовымъ врагомъ, *басурманами*, зловреднымъ непріятелемъ и т. п.», причемъ ругательства встрѣчаются даже въ оффиціальныхъ бумагахъ. Едва на пяти страницахъ говоритъ авторъ о свѣтлыхъ явленіяхъ 1812 года и свыше семи десятковъ страницъ своей работы посвящаетъ явленіямъ темнымъ. На этихъ послѣднихъ страницахъ встрѣчаются прелюбопытныя вещи, которыя ждутъ талантливаго пера критически настроеннаго историка, чтобы быть сопоставленными съ прелюбопытною грудою фактовъ изъ эпохи севастопольской компаніи и послѣдней восточной войны. Особенно цѣнны детали, которыя собираются въ брошюрѣ г. Оглоблина относительно подвиговъ Растопчина: это нѣчто невѣроятное, нѣчто миѳическое. Нисколько не пытаясь пошатнуть основательность выводовъ г. Оглоблина, мы должны ради интересовъ высшей научной справедливости сдѣлать два замѣчанія. Во-первыхъ, подборъ матеріала въ сборникахъ П. И. Щукина случаенъ и требуетъ значительныхъ пополненій; особенно цѣнной является въ немъ *частная* переписка изъ эпохи 1812 года и такого то рода матеріалъ какъ разъ долженъ подвергнуться наиболѣе значительному опубликованію, чтобы возможно было сдѣлать строго научный выводъ. Во-вторыхъ, посвящая не мало вниманія разсказу о грабежахъ войска и народа, авторъ нѣсколько грѣшитъ односторонностью, игнорируя психологію некультурной толпы среди чрезвычайныхъ обстоятельствъ. Нельзя удивляться, что «грабили тогда въ Москвѣ не одно войско, но и народъ...» (стр. 29). Народъ нельзя и не слѣдуетъ историку идеализировать: грѣхи этого народа ничто по сравненію съ подвигами Растопчина и т. п. Съ этихъ послѣднихъ и надо прежде всего начинать отрицательныя характеристики общественныхъ типовъ 1812 года. Что же касается собственно народа, то трудъ историка будетъ плодотворнѣе, если онъ обратитъ преимущественное вниманіе на то, какъ сладко жилось этому народу въ началѣ XIX го вѣка и въ какомъ положеніи онъ очутился въ 1812 году (особенно въ той части, которую зовутъ войскомъ). Прекрасный трудъ г. Оглоблина, выпущенный въ свѣтъ отдѣльною брошюрой, первоначально появился въ XVI-ой книгѣ «Чтеній историче-

скаго общества Нестора лѣтописца»; на него необходимо обратить вниманіе большой публики. *В. Сторожевъ.*

**Г. Е. Аѳанасьевъ. Мирабо. Публичныя лекціи. Цѣна 95 коп. Одесса.** Еще не такъ давно съ именемъ Мирабо соединялось—и не у однихъ только школьниковъ—чуть не исключительно воспоминаніе о смѣлыхъ словахъ: «Подите и скажите вашему господину, что мы находимся здѣсь по волѣ народа и что мы выйдемъ отсюда лишь уступая силѣ штыковъ!» Исходя изъ этой фразы, можно сказать, дедуктивнымъ путемъ строили характеристику Мирабо, какъ народнаго трибуна, пламеннаго заступника правъ націй и національнаго собранія. Мирабо какъ будто бы только и появлялся, чтобы напугать этой страшной фразой злополучнаго де-Брезе; потомъ онъ какъ-то исчезалъ со страницъ исторіи. Въ старыхъ исторіяхъ революціи дѣло обстояло почти буквально такимъ образомъ. Потомъ выплыла на свѣтъ науки исторія пресловутой шкатулки Людовика XVI, въ которой нашли будто бы доказательства измѣны Мирабо. Отъ шкатулки, какъ и отъ фразы пошли снова общія точки зрѣнія: Мирабо—измѣнникъ, онъ предалъ революцію, онъ продался королю. Но шкатулка оказала Мирабо ту услугу, что такъ или иначе обратила вниманіе на его позднѣйшую дѣятельность.

Теперь, когда рядъ монографій былъ посвященъ выясненію истиннаго характера различныхъ фактовъ жизни Мирабо, вся его дѣятельность получаетъ нѣсколько иной видъ. Фраза, обращенная къ королевскому церемоніймейстеру въ устахъ Мирабо звучала не такъ, а была гораздо болѣе почтительна; исторія со шкатулкой потеряла значеніе, когда выяснилось, что Мирабо никогда не переставалъ быть монархистомъ. Біографы Мирабо, оцѣнивая его роль въ исторіи революціи, обращаютъ вниманіе на общій фактъ, покрывающій собою всѣ анекдотическіе или полуанекдотическіе эпизоды, выплывавшіе раньше на поверхность историческаго повѣствованія.

Среди дѣятелей учредительнаго собранія фигура Мирабо, несомнѣнно, является наиболѣе видной. Его внѣшность, которую всякій легко воспроизводилъ по самымъ общимъ описаніямъ, одна выдѣляла изъ толпы прочихъ членовъ собранія. Огромная голова въ напудренномъ парикѣ, лицо изрытое оспою, безобразное, почти ужасное, но обладающее благодаря горящимъ глазамъ какой-то страшной притягательной силой, крупная фигура въ щегольскомъ костюмѣ, величественныя манеры—внѣшность гиганта. У Мирабо были всѣ данныя чтобы увлекать, заражать настроеніемъ, и національное собраніе не разъ испытало на себѣ чары его волшебнаго слова. Но по настоящему Мирабо никогда не пользовался тѣмъ вліяніемъ, какимъ пользовались болѣе скромные собратья его: Сійесъ, Бальи, Мунье и др. Сорель прекрасно характеризуетъ отношеніе Мирабо къ чинамъ національнаго собранія: «Онъ увлекалъ ихъ, когда обращался къ ихъ страстямъ, но онъ былъ безсиленъ ихъ умѣрить, когда обращался къ ихъ разсудку... Его мысль проходила надъ ними, не проникая въ нихъ, его рѣчь волновала ихъ, не убѣждая». Гдѣ нужна была рѣшимость и гдѣ у другихъ ея не оказывалось, выступалъ Мирабо, и собраніе шло за нимъ, но почти ни разу Мирабо не удалось заставить собраніе пойти за собою въ важномъ принципіальномъ вопросѣ. Если мы спросимъ о причинахъ такого страннаго на первый взглядъ явленія, то тутъ-то и начнетъ выясняться тотъ капитальный фактъ біографіи Мирабо, о которомъ мы говорили выше.

Мирабо былъ политикъ-практикъ; онъ почти совершенно не былъ затронутъ идейнымъ движеніемъ, предшествовавшимъ революціи; въ этомъ отношеніи онъ кореннымъ образомъ отличался отъ большинства національнаго собранія. Онъ былъ чуть не единственнымъ человѣкомъ въ собраніи, котораго не приводила въ энтузіазмъ декларація правъ человѣка и гражданина; наоборотъ, онъ изо всѣхъ силъ старался охладить восторги передъ нею своихъ товарищей

и побуждалъ ихъ поскорѣе покончить съ декларацiей и перейти къ конституціи. Ему казалось гораздо болѣе важнымъ установить руководящія начала общественнаго строя Франціи, чѣмъ трактовать о новой деклараціи правъ, «примѣнимой ко всѣмъ широтамъ земного шара, нравственнымъ и географическимъ». Въ собраніи идеологовъ, какимъ была конституанта, Мирабо не заглядывалъ такъ далеко, какъ большинство, но онъ видѣлъ дальше, чѣмъ кто бы ни было изъ нихъ. Онъ былъ убѣжденнымъ противникомъ деспотизма и боролся съ нимъ въ первыхъ рядахъ, но онъ не хотѣлъ уничтоженія королевской власти, разъ ей поставлены границы; онъ опасался, что аристократія выродится въ олигархію, а демократія приведетъ къ цезаризму; онъ видѣлъ вредъ и несправедливость феодальныхъ правъ, но ночь 4-го августа (онъ не присутствовалъ на засѣданіи) не только не вызвала въ немъ энтузіазма, а еще подвергалась его критикѣ; онъ—быть можетъ, этотъ человѣкъ безъ предразсудковъ не былъ чуждъ кастоваго эгоизма—утверждалъ, что далеко не всѣ права могли быть уничтожены безъ выкупа. Когда онъ увидѣлъ, что собраніе противъ абсолютнаго вето короля и парламентскаго министерства, двухъ принциповъ, осуществленіе которыхъ онъ считалъ необходимымъ условіемъ правильнаго теченія дѣлъ, и убѣдился, что ему закрыта возможность сдѣлаться министромъ, онъ тайно поступилъ на службу ко двору и дѣятельно помогалъ ему совѣтами, ни на іоту въ то же время не измѣняя своимъ убѣжденіямъ. Но положеніе его дѣлалось все болѣе и болѣе тягостнымъ, ибо его секретныя сношенія со дворомъ были открыты и вызывали совершенно неправильное толкованіе. Смерть избавила его отъ осложненій.

Такова въ общихъ чертахъ судьба того замѣчательнаго человѣка, которому посвящена книга проф. В. Е. Аѳанасьева. Книга составилась изъ публичныхъ лекцій, и это обстоятельство наложило нѣкоторый отпечатокъ на изложеніе. За исключеніемъ первыхъ страницъ, она читается съ неослабнымъ интересомъ; этому, конечно, не мало способствуетъ самая тема. Едва ли въ огромной галлереѣ дѣятелей міровой исторіи найдется много такихъ, жизнь которыхъ была бы такъ же богата романическими эпизодами, какъ жизнь Мирабо. Біографу представляется въ высшей степени благодарная задача; единственное затрудненіе заключается въ томъ, что матеріалъ чрезчуръ великъ, и въ выборѣ фактовъ частно-біографическаго характера приходится быть осмотрительнымъ. Г. Аѳанасьевъ съумѣлъ удержаться отъ искушенія и не загромождаетъ книги подробностями жизни Мирабо до его выступленія на политическое поприще. Общественная дѣятельность его изложена въ рамкахъ исторіи революціи, что единственно позволяетъ дать біографическимъ фактамъ надлежащее освѣщеніе. Не упускаетъ изъ виду авторъ и литературной дѣятельности Мирабо. Только первыя страницы книги, гдѣ г. Аѳанасьевъ дѣлаетъ попытку дать очеркъ подготовки революціи, вышли не совсѣмъ удачны; авторъ захотѣлъ сказать слишкомъ много; но онъ все-таки многое упустилъ изъ виду; а то, что сказалъ, вышло сухо. Это главный недостатокъ книги. Въ общемъ же она вполнѣ достигаетъ цѣли и даетъ вѣрную, хотя и нѣсколько прикрашенную характеристику знаменитаго политическаго дѣятеля. Въ приложеніи напечатанъ переводъ второй рѣчи Мирабо, по вопросу о правѣ объявленія войны (22-го мая 1790), гдѣ онъ, побѣдоносно полемизируя съ Барнавомъ, отстаивалъ принадлежность этого права королю.

*А. Дживелеговъ.*

---

## СОЦІОЛОГІЯ.

*Тардъ.* «Общественное мнѣніе и толпа».—*Сеньебосъ.* «Историческій методъ въ примѣненіи къ соціальнымъ наукамъ».

**Г. Тардъ. Общественное мнѣніе и толпа. Переводъ съ французскаго подъ редакціей П. С. Когана. М. 1902 г. Стр. IV+200. Ц. 1 р.** Часть этой книжки, состоящей изъ нѣсколькихъ самостоятельныхъ статей, уже была переведена на русскій языкъ и появилась въ другомъ сборникѣ статей французскаго соціолога, вышедшемъ подъ заглавіемъ «Соціальные этюды». Изъ отзыва посвященнаго «Соціальнымъ этюдамъ» въ № 8 «Міра Божія», читатели могли составить себѣ нѣкоторое представленіе объ общемъ характерѣ произведеній Г. Тарда. Названная новая книжка даетъ удобный поводъ сказать нѣсколько словъ о причинахъ широкой популярности писателя, котораго недостатки ясно бросаются въ глаза при самомъ первомъ знакомствѣ, и объ опасности этого рода популярности.

Есть читатели, которые изъ всѣхъ отдѣловъ въ газетахъ и журналахъ больше всего любятъ и уважаютъ, если не исключительно читаютъ, отдѣлъ, носящій скромныя названія: «Смѣсь» и «Мелочи». Есть газеты и журналы, которые, льстя празднословію и пустомыслію своихъ читателей—готовы всѣ отдѣлы и политическій, и экономическій, и литературный, и общественный превратить въ «Мелочи» и «Смѣсь». Есть, къ сожалѣнію, въ популярной, такъ называемой «научной» литературѣ цѣлыя направленія, которыя ту же любовь и вѣру въ мелочи распространяютъ подъ видомъ глубокомысленныхъ и серьезныхъ изслѣдованій. Яркимъ образчикомъ подобныхъ направленій можетъ служить «соціологія» Тарда.

Въ основѣ этихъ успѣховъ «мелочной» литературы лежитъ вовсе не одна только невинная любовь къ забавной шуткѣ, смѣшному анекдоту, къ ловкимъ фокусамъ и рѣдкостнымъ диковинкамъ и «играмъ природы». Развлеченіе и забава необходимы въ жизни, а слѣдовательно, и въ литературѣ. Но у обывателя, пробавляющагося «Мелочами», есть кромѣ того, инстинктивное стремленіе возвеличить мелочи насчетъ всего дѣйствительно важнаго и великаго. Ему мало время отъ времени посмѣяться надъ анекдотомъ, ему хотѣлось бы превратить въ анекдотъ всю человѣческую исторію. Трусливо отступая передъ серьезной работой мысли, чувствуя позорное безсиліе передъ основными вопросами жизни, онъ съ мелочной завистью относится ко всему великому въ исторіи. Онъ радъ услышать, что великій полководецъ проигралъ историческое сраженіе изъ-за насморка, что великій народный трибунъ измѣнилъ своему дѣлу изъ-за пустыхъ интригъ своей любовницы, что случайный дождикъ помѣшалъ великому государственному перевороту. Рабъ мелочей и пустяковъ, онъ въ то же время поклонникъ судьбы и слѣпого случая. Его любимая философія цѣликомъ выражается въ короткомъ полувопросѣ—«а вдругъ?..» «А вдругъ я выиграю сто тысячъ?..» и обыватель откладываетъ подальше прискучившую работу, напоминающую объ обязанности трудиться въ потѣ лица. «А вдругъ всѣ великіе люди—просто больные, сумасшедшія и всѣ великія идеи—просто галлюцинаціи?..» И обыватель глушитъ въ себѣ назойливые вопросы о добрѣ и злѣ и еще спокойнѣй, чѣмъ прежде, прощаетъ себѣ маленькіе грѣшки и большія прегрѣшенія.

Какъ нельзя болѣе подходятъ къ этимъ инстинктамъ нѣкоторыя направленія новѣйшей «такъ называемой» соціологіи. Ибо есть соціологія серьезная и есть соціологія, которую только и можно назвать «такъ называемой». Видя крушеніе самыхъ чистыхъ и возвышенныхъ замысловъ, наблюдая противорѣчіе и противоположность стремленій самыхъ благородныхъ личностей, многіе

мыслители отчаялись найти разгадку историческихъ вопросовъ въ сознательной человѣческой дѣятельности и обратились къ изученію безсознательной или вѣрнѣе несознательной стороны жизни человѣческихъ обществъ. Но увлекшись областью безсознательности, нѣкоторые поверхностные изслѣдователи стали совершенно забывать о великомъ значеніи нравственныхъ (въ широкомъ смыслѣ слова) вопросовъ, волнующихъ человѣческое сознаніе, вопросовъ, которые сами же и возбудили первоначально интересъ въ области безсознательнаго и которые въ дѣйствительности только одни и могутъ дать смыслъ и цѣну изысканіямъ въ этой области. И когда уваженіе къ серьезности нравственныхъ вопросовъ исчезло, міръ соціальныхъ явленій разсыпался передъ изслѣдователемъ въ безпорядочную смѣсь, въ кучу мелочей, которыя можно собирать въ причудливыя и забавныя комбинаціи, но для которыхъ нельзя найти никакого прочнаго порядка и закономѣрности. Въ самомъ дѣлѣ, если пренебречь оцѣнкой, примѣняемой къ поступкамъ и явленіямъ творческимъ общественнымъ сознаніемъ, то какъ отличить важное отъ неважнаго, мелочное отъ великаго? Почему различія въ чувствахъ симпатіи важнѣе чѣмъ различіе въ походкахъ или почеркахъ? Почему столкновеніе противоположныхъ религіозныхъ міросозерцаній серьезнѣе, чѣмъ споръ о выѣденномъ яйцѣ? До сихъ поръ люди все видѣли смыслъ исторіи въ такихъ вещахъ, какъ чувства симпатіи, религіозныя системы. А можетъ быть, самый-то настоящій смыслъ совсѣмъ въ другомъ лежитъ? «А вдругъ» вся разгадка великихъ событій въ различіяхъ походки или почерка?.. «А вдругъ» весь ключь исторіи въ спорахъ о выѣденномъ яйцѣ?.. «Я не утверждаю», можетъ сказать скромный изслѣдователь-соціологъ, «что мои изслѣдованія относительно споровъ о выѣденномъ яйцѣ прольютъ полный свѣтъ на прошлое и будущее человѣчества, и вообще приведутъ къ какимъ-нибудь результатамъ, я попытаюсь, я буду работать, собирать факты, я сдѣлаю все отъ меня зависящее; а если не получу окончательныхъ результатовъ, то быть можетъ, новое поколѣніе болѣе талантливыхъ ученыхъ посвятитъ свои силы также спорамъ о выѣденномъ яйцѣ и вырветъ, наконецъ, у природы ея тайну. А пока мы должны быть терпѣливы и довольствоваться скромнымъ «можетъ быть?..»

Противъ этого «можетъ быть» безсильны какіе бы то ни были аргументы, также какъ и противъ обывательскаго «а вдругъ». Докажите обывателю, что онъ не выиграетъ ста тысячъ! А если онъ можетъ выиграть, то почему же ему не отложить срочной работы въ надеждѣ на выигрышъ? И точно также, какъ доказать «соціологу», что его изученіе древнихъ и новыхъ споровъ о выѣденномъ яйцѣ не стоютъ выѣденнаго яйца? Вѣдь онъ «вѣритъ въ науку и только въ науку», а наука пока еще ничего не сказала и слѣдовательно можетъ еще все сказать.

Да не подумаетъ читатель, что сочиненія Г. Тарда не стоятъ выѣденнаго яйца! Напротивъ, вообще говоря, онъ писатель очень талантливый и свѣдущій. Его произведенія часто поражаютъ изяществомъ мысли, блескомъ остроумныхъ предположеній, тонкостью анализа и характеристики. Но тѣмъ досаднѣе, что все это богатство соединяется съ совершенно несерьезнымъ отношеніемъ къ самымъ серьезнымъ и важнымъ вещамъ. Строя догадку за догадкой, Тардъ, такъ сказать, ставитъ на карту будущность народовъ и человѣчества и ждетъ рѣшенія отъ какихъ-нибудь случайныхъ, ничтожныхъ, мелочныхъ явленій. И эта вѣра въ случайную, ничтожную сторону жизни дѣлаетъ Тарда столь доступнымъ и въ то же время столь опаснымъ для обывательскаго міросозерцанія, построеннаго на наивной и неопредѣленной надеждѣ «а вдругъ?..» Тардъ обыкновенно выхватываетъ изъ кучи «соціальныхъ явленій» какой-нибудь интересный фактъ, разсматриваетъ его отдѣльно отъ всѣхъ другихъ сторонъ жизни, превращая его тѣмъ самымъ въ какую-то вновь открытую историческую ди-

ковинку, и съ помощью своего талантливаго краснорѣчія раздуваетъ его значеніе до такихъ размѣровъ, что все остальное какъ бы исчезаетъ и случайно выхваченный фактъ дѣлается средоточіемъ или двигателемъ міровой исторіи. Затѣмъ выхватывается какой-нибудь другой фактъ, другая сторона жизни и опять возвеличивается до невѣроятности и т. д. Глава слѣдуетъ за главой. Книга пишется за книгой. И всюду принижается роль сознательнаго руководительства жизнью и возвеличивается царство случая, не поддающееся разумному контролю.

Въ лежащей передъ нами книжкѣ говорится о различіяхъ между толпой и публикой, объ общественномъ мнѣніи и разговорѣ, о преступныхъ толкахъ и сектахъ.

«Публика»—какъ ее понимаетъ Тардъ—создана новѣйшимъ развитіемъ печатнаго слова. Она—порожденіе типографскаго станка, желѣзныхъ дорогъ и телеграфа. И вотъ начинается возвеличеніе силы станка, телеграфа и желѣзныхъ дорогъ надъ силою тѣхъ общечеловѣческихъ свойствъ, которыя остаются неизмѣнными, дѣйствуетъ ли человѣкъ въ одиночку, или какъ участникъ толпы, или какъ читатель газетъ. Яркими красками расписываются громадныя перемѣны, которыя повлекло за собой «возникновеніе» публики. Вотъ, для примѣра, одинъ мазокъ изъ этой яркой картины: «Такимъ образомъ, благодаря превращенію всѣхъ соціальныхъ группъ въ разные виды публики, міръ идетъ по пути интеллектуализаціи» (стр. 33). Міръ идетъ по пути интеллектуализаціи! т.-е. въ будущемъ сократится роль чувства! Какая великая перемѣна! А какъ мало Тардъ задумался надъ доказательствомъ ея неизбѣжности: онъ основывается на томъ положеніи, что роль чувства въ «публикѣ» меньше, чѣмъ въ «толпѣ»,—замѣтьте: въ толпѣ, а не во всѣхъ вообще «соціальныхъ группахъ», и изъ спеціальнаго различія между публикой и толпой прямо заключаетъ къ общему значенію «публики» въ исторіи. Но совершенно ясно, что мы могли бы такъ заключать только въ томъ случаѣ, если бы всѣ соціальныя дѣйствія опредѣлялись въ прежнее время свойствами толпы, а теперь—свойствами «публики», Или вотъ большая статья, спеціально посвященная изслѣдованію «разговора». Подъ разговоромъ авторъ подразумѣваетъ «всякій діалогъ, не имѣющій прямой и непосредственной пользы, когда говорятъ больше для того, чтобы говорить, для удовольствія, для развлеченія, для вѣжливости» (74). Итакъ, рѣчь идетъ о разговорѣ для разговора, о болтовнѣ... Кажется достаточно мелкая сторона жизни, чтобы не выдѣлять ее въ особый могущественный факторъ съ особымъ *самостоятельнымъ* вліяніемъ на развитіе человѣчества. Но именно на такія-то мелочи и изливается вся любовь, весь научный паѳосъ и усердіе нашего автора. Разговору приписывается громадное вліяніе на всѣ стороны жизни. «Религіи,—говоритъ, напр., Тардъ,—утверждаются и ослабляются не столько благодаря проповѣдямъ, сколько благодаря разговорамъ. Съ точки зрѣнія политической, разговоръ до прессы является единственной уздой для правительствъ»... и т. д. (стр. 113). Для изученія разговора, Тардъ желалъ бы создать цѣлую особую науку: «Если бы всѣ трудности, которыя представляетъ этотъ вопросъ, удалось побѣдить съ помощью коллективной работы многочисленныхъ ученыхъ, то нѣтъ сомнѣнія, что изъ сопоставленія фактовъ, полученныхъ по этому вопросу у самыхъ различныхъ между собою народовъ, выдѣлился бы большой запасъ идей, которыя позволили бы сдѣлать изъ *сравнительнаго разговора* настоящую науку, немного уступающую сравнительной религіи, сравнительному искусству и даже сравнительной промышленности, иначе говоря политической экономіи» (Предисловіе, стр. IV). Если же мы обратимся къ тѣмъ доказательствамъ, которыми Тардъ хочетъ насъ убѣдить въ великой роли разговора, то увидимъ, что сплошь и рядомъ понятіе разговора въ вышеописанномъ смыслѣ замѣняется безконечно болѣе

широкимъ понятіемъ всякой вообще человѣческой рѣчи. Такъ, говоря о политическомъ значеніи разговора, онъ приглашаетъ читателя подумать, что сталось бы съ политическими выборами, если бы граждане осуждены были на полное молчаніе: «Вообразите французскихъ гражданъ, запертыхъ въ одиночныя тюрьмы и предоставленныхъ собственнымъ размышленіямъ безъ малѣйшаго взаимнаго вліянія, и послѣ этого идущихъ вотировать... Но они не могли бы вотировать!» (стр. 122). Точно также разсуждая о вліяніи разговора на экономическую жизнь, Тардъ совершенно ясно даетъ понять, что разговоръ только тогда и не вліяетъ на товарный обмѣнъ, когда обмѣнъ происходитъ въ полномъ молчаніи (стр. 123); тутъ, слѣдовательно, Тардъ уже забываетъ, что предметъ своего изслѣдованія онъ опредѣлилъ, какъ «діалогъ, не имѣющій прямой и непосредственной пользы». Путемъ такого свободнаго обращенія съ терминами и опредѣленіями не трудно раздуть до фантастическихъ размѣровъ соціальное значеніе любого факта, любой стороны жизни.

Противорѣчій, подобныхъ только что указаннымъ, очень много въ книжкѣ Тарда. Но самое опасное въ ней не эти противорѣчія сами по себѣ, а та несерьезность, о которой говорилось выше, несерьезность, которая позволяетъ ради красивыхъ, но необоснованныхъ догадокъ относительно всякихъ мелкихъ фактовъ переворачивать то въ ту, то въ другую сторону то всю политику, то всю религію, то всю будущность народовъ и человѣчества. Этихъ несерьезностей не могутъ искупить ни внѣшнія достоинства изложенія, ни даже обиліе интереснаго фактическаго матеріала, которымъ французскій соціологъ всегда умѣетъ искусно пріукрасить свои рискованныя обобщенія.

Переводъ нельзя назвать вполнѣ удовлетворительнымъ. Иногда переводчикъ обнаруживаетъ не только небрежность, но, повидимому, и непониманіе французскаго построенія фразы. Приведемъ два примѣра: «Эпоха реставраціи... выработала свою романтическую поэтику, *не менѣе деспотическую для того, чтобы быть анонимной...*» (стр. 131). «Изъ этой же ошибки вытекаетъ вѣра въ судъ присяжныхъ, постоянно обманывающая и постоянно вновь возрождающаяся. Въ дѣйствительности *это* не просто собранія лицъ; *это* скорѣе корпораціи, въ родѣ большихъ религіозныхъ орденовъ или гражданскихъ, или военныхъ ополченій, *которыя* иногда отвѣчали потребностямъ народовъ» (стр. 146). Конечно, Тардъ вовсе не хотѣлъ сказать, что судъ присяжныхъ—корпорація, а не собраніе. Онъ хотѣлъ сказать, что народнымъ потребностямъ удовлетворяли скорѣе корпораціи, чѣмъ собранія.

Кстати, какъ характеренъ для Тарда этотъ мимоходомъ брошенный пренебрежительный отзывъ о судѣ присяжныхъ! Безъ всякихъ серьезныхъ доказательствъ, безъ оговорокъ, безъ разсмотрѣнія дѣла по существу, на основаніи одного попавшагося подъ руку, весьма и весьма тривіальнаго соображенія,—что, дескать, десять умовъ, собравшихся вмѣстѣ, не болѣе способны рѣшить сложный вопросъ, чѣмъ одинъ,—высказывается въ отрывочной небрежной фразѣ недовѣріе къ вѣковому общеевропейскому учрежденію, имѣвшему и имѣющему громадное политическое и нравственное значеніе. И это не изъ увлеченія какой-нибудь любимой идеей, а только изъ слабости къ быстрымъ обобщеніямъ и красивымъ аналогіямъ! *А. Рыкачевъ.*

**Ш. Сеньобосъ. Историческій методъ въ примѣненіи къ соціальнымъ наукамъ. Переводъ подъ редакціею Когана. М. 1902 г. Ц. 1 р.** Если и существуютъ науки, предметъ и методъ которыхъ установлены вполнѣ ясно и опредѣленно, то къ таковымъ, во всякомъ случаѣ, не принадлежитъ соціальная наука. Зародившись слишкомъ недавно, она не чувствуетъ подъ собою твердой почвы: среди ученыхъ и изслѣдователей споръ объ ея предметѣ и методѣ до сихъ поръ еще не прекращается. Этому же вопросу о предметѣ и методѣ соціальныхъ наукъ посвящена и вышеозначенная книжка Сеньобоса.

Методъ всякой науки зависитъ отъ характера ея объекта и исключительно опредѣляется его особенностями, поэтому первый вопросъ, который надлежитъ намъ рѣшить при оцѣнкѣ работы Сеньобоса,—вопросъ о томъ, насколько правильно и точно онъ установилъ объектъ соціальной науки.

Объектомъ соціальной науки авторъ считаетъ не всю совокупность соціальныхъ фактовъ, а талько часть ихъ, именно факты экономическіе и демографическіе, на томъ основаніи, что остальныя общественныя явленія въ ходѣ историческаго развитія постепенно подпали въ область особыхъ историческихъ дисциплинъ. Первая несообразность, бросающаяся въ глаза въ этомъ опредѣленіи, есть произвольное выдѣленіе въ качествѣ объекта соціальныхъ наукъ лишь части общественныхъ явленій, между тѣмъ, нѣтъ сомнѣнія, что всѣ они тѣсно связаны другъ съ другомъ и внѣ взаимной связи не поддаются никакому изученію. Поэтому-то и самъ авторъ въ ходѣ своего изслѣдованія неизбѣжно пришелъ къ необходимости расширить объектъ соціальной науки—вплоть до изученія всѣхъ безъ исключенія соціальныхъ фактовъ. Однако, если и ввести такую фактическую поправку, то дѣло отъ этого немного выиграетъ, ибо у автора остается вполнѣ невыясненнымъ основное понятіе «соціальнаго» факта. Вмѣсто его опредѣленія онъ перечисляетъ различные виды соціальныхъ фактовъ, что въ лучшемъ случаѣ можетъ дать туманное представленіе о соціальномъ феноменѣ, но никакъ не точную отчетливую идею о немъ. И въ дѣйствительности у автора на протяженіи всей работы фигурируетъ весьма смутное представленіе о соціальномъ фактѣ, ибо чѣмъ инымъ, какъ не смутнымъ представленіемъ, можно объяснить то обстоятельство, что онъ видитъ особенный характеръ соціальныхъ явленій въ ихъ субъективности. Всякій фактъ, изъ какой бы области мы его ни взяли, всегда и субъективенъ, и объективенъ; онъ субъективенъ постольку, поскольку является представленіемъ субъекта, объективенъ,—поскольку онъ есть представленіе о «предметѣ», явленіе «предмета». Вполнѣ субъективною можно назвать развѣ только саму являемость предмета субъекту; но она—не явленіе и не можетъ стать предметомъ изученія какой-либо науки. Поэтому, если и можно говорить о субъективномъ характерѣ явленій, то только въ относительномъ смыслѣ, именно въ смыслѣ противоположенія ихъ другимъ явленіямъ, познаннымъ уже вполнѣ; съ этой точки зрѣнія ,можно называть феномены любой науки, въ томъ числѣ и соціальной, субъективными, но,—во всякомъ случаѣ, субъективность отнюдь не можетъ быть специфическою особенностью соціальныхъ фактовъ. Поэтому, если мы хотимъ за даннымъ смутнымъ представленіемъ признать какой-либо смыслъ, то намъ остается одинъ выходъ отожествить понятіе «субъективный» съ понятіемъ «психическій», т.-е. допустить, что авторъ соціальные факты считаетъ фактами психическими. Однако, и при такомъ допущеніи опредѣленіе у автора премета соціальной науки не выигрываетъ ни въ точности, ни въ правильности: оно не выигрываетъ въ точности потому, что здѣсь нѣтъ яснаго разграниченія соціальныхъ фактовъ отъ другихъ психическихъ явленій; оно не выигрываетъ въ правильности потому, что соціальныя явленія, вслѣдствіе своего внѣшняго для индивидуума характера, не могутъ относиться къ разряду психическихъ феноменовъ.

Однако, отвлекаясь отъ неточнаго установленія авторомъ объекта соціальныхъ наукъ, постараемся разсмотрѣть его послѣдующую работу при условіи пониманія соціальныхъ фактовъ, какъ психическихъ; мы постараемся показать, насколько правильна его попытка ввести въ соціальныя науки новый историческій методъ, не имѣющій ничего общаго съ объективнымъ методомъ естественныхъ наукъ.

Психическій характеръ соціальныхъ феноменовъ обусловливаетъ, по мнѣнію Сеньобоса, невозможность пользоваться въ общественныхъ наукахъ объектив-

нымъ методомъ, ибо онъ уничтожаетъ совершенно специфическую особенность соціальныхъ фактовъ. И при описаніи соціальныхъ явленій, и при ихъ пониманіи неизбѣжно приходится, поэтому, прибѣгать къ субъективно-психологическому методу, историческому методу, который представляетъ изъ себя способъ вопросовъ. Для описанія какого-либо историческаго періода, изслѣдователю нужно заранѣе опредѣлить родъ необходимымъ для него фактовъ и порядокъ. въ которомъ онъ долженъ ихъ расположить. Выполненіе этой задачи достигается, по мнѣнію автора, единственно посредствомъ списка вопросовъ, который изслѣдователь можетъ составить, только исходя изъ своего собственнаго понятія о явленіяхъ, аналогичныхъ тѣмъ, которыя будутъ предметомъ его настоящаго изслѣдованія: кто ничего не зналъ бы о синдикатѣ, тотъ не могъ бы составить систему вопросовъ для изученія синдиката. Для пониманія соціальныхъ фактовъ и ихъ эволюцій, необходимо найти ихъ причины. Причинами же соціальныхъ фактовъ, какъ фактовъ психическихъ, могутъ служить внутреннія состоянія людей и ихъ побужденія. Поэтому, когда измѣнился какой-нибудь соціальный фактъ по количеству или по формѣ, изслѣдователю необходимо предложить себѣ вопросъ, какое произошло измѣненіе въ побудительныхъ причинахъ поступковъ. Для точной же формулировки вопросовъ необходимо предварительно опять-таки установить полную систему вопросовъ, исчерпывающихъ всѣ возможныя измѣненія: измѣненія расы, среды, духовныхъ, матеріальныхъ и экономическихъ привычекъ, соціальныхъ и политическихъ учрежденій и т. д., которыя могутъ быть причинами какого-либо преобразованія.

Однако психическій характеръ соціальныхъ явленій отнюдь еще не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ выдѣленія ихъ въ самостоятельную область явленій, которыя должны изучаться особеннымъ методомъ, отличнымъ отъ метода естественныхъ наукъ. Скорѣе такое выдѣленіе вполнѣ необоснованно, такъ какъ оно противорѣчитъ основному условію науки—монизму опыта, необходимости понимать всѣ явленія въ одномъ контекстѣ научнаго опыта. Для констатированія фактовъ какъ психическихъ, такъ и физическихъ, для описанія ихъ, а тѣмъ болѣе для пониманія необходимо объективное ихъ опредѣленіе во времени, что достижимо лишь по отношенію къ единому временному порядку, лежащему въ основаніи всѣхъ объективныхъ происшествій. Это же единство объективнаго временнаго порядка устанавливается черезъ единство каузальной связи явленій, субстратъ которой долженъ необходимо лежать въ природѣ. Послѣднее непосредственно слѣдуетъ изъ того, что такимъ субстратомъ должно быть нѣчто постоянное, это же и представляетъ изъ себя матерія. Такимъ образомъ, методъ для изученія всѣхъ явленій, въ томъ числѣ и психическихъ, поскольку, по крайней мѣрѣ, рѣчь идетъ объ ихъ познаніи, долженъ быть одинъ—методъ естественныхъ наукъ—причинное пониманіе всѣхъ явленій въ зависимости отъ измѣненія матеріи. Всякій же иной методъ, а, слѣдовательно, также и субъективно-психологическій, не можетъ доставить истиннаго познанія явленій. Цѣль субъективно-психологическаго метода (метода вопросовъ) дать возможность изслѣдователю, съ одной стороны, описывать соціальные факты, съ другой—объяснять ихъ. Въ первомъ случаѣ способъ вопросовъ предполагаетъ уже, какъ познанныя какимъ-то другимъ способомъ, по крайней мѣрѣ, въ основныхъ чертахъ, тѣ отношенія, на основаніи которыхъ построяется сама система вопросовъ. Во второмъ случаѣ онъ, какъ сознается и самъ авторъ, даетъ лишь гипотетическія объясненія: онъ позволяетъ найти лишь вѣроятную причину соціальнаго измѣненія, не не можетъ доказать, что другой причины не существовало. Поэтому, самъ Сеньобосъ соглашается, что для достиженія научнаго познанія соціальныхъ феноменовъ необходимъ иной методъ, индуктивный, методъ сравненія эволюцій фактовъ. Слѣдовательно, субъективно-психологическій методъ не достигаетъ своей цѣли: пользуясь имъ,

соціальная наука не въ силахъ выполнить свои задачи, для рѣшенія которыхъ она неизбѣжно должна возвратиться къ игнорируемому ею раньше объективному методу.

Итакъ, какъ при установленіи объекта соціальныхъ наукъ, такъ и при выводѣ ихъ метода, Сеньобосъ оказался не на высотѣ своего положенія,—даже болѣе—въ ходѣ изслѣдованія онъ самъ пришелъ къ полному отрицанію своихъ первоначальныхъ тезисовъ. Ограничивъ вначалѣ объектъ соціальной науки экономическими и демографическими фактами, онъ, въ концѣ-концовъ, неизбѣжно расширяетъ область соціальныхъ наукъ, введя въ нее всѣ безъ исключенія соціальные факты; установивъ для общественныхъ наукъ особый историческій методъ, онъ, въ концѣ-концовъ, принужденъ допустить необходимость для нихъ естественно-научнаго метода.

Единственно цѣнною въ книгѣ Сеньобоса остается, по нашему мнѣнію, та часть его труда, гдѣ онъ въ деталяхъ выясняетъ основныя условія установленія соціальныхъ феноменовъ и показываетъ, какъ осторожно и при соблюденіи какихъ правилъ должно пользоваться историческими документами. Но и здѣсь мы не можемъ согласиться вполнѣ съ его преувеличеннымъ мнѣніемъ относительно трудности установленія соціальныхъ феноменовъ. Авторъ забываетъ, что всякое соціальное явленіе, поскольку, по крайней мѣрѣ, оно цѣнно для изслѣдованія, есть явленіе массовое, а потому находитъ свое отраженіе во многихъ документахъ. Благодаря этому, значительно облегчается задача установленія соціальныхъ, ибо сравненіе документовъ уже позволяетъ въ большей или меньшей степени вѣрно установить ихъ истинный характеръ. Но если бы даже документъ и не гарантировалъ намъ надежнаго знанія о соціальномъ фактѣ, то и въ этомъ случаѣ не было большого ущерба для точности выводовъ соціальныхъ наукъ: никакой фактъ въ началѣ научной работы не устанавливается, какъ вполнѣ объективный, своей полной объектировки онъ достигаетъ только въ связи съ изученіемъ другихъ фактовъ, въ концѣ научнаго изслѣдованія. *N. N.*

---

## *ИСТОРІЯ КУЛЬТУРЫ.*

### *Д. Кудрявскій.* «Какъ жили люди въ старину».

**Проф. Д. Кудрявскій. Какъ жили люди въ старину. Очерки первобытной культуры. Изданіе 2-ое Юрьевъ. 1902 г. 94 стр. Ц. 40 коп.**

Авторъ этой небольшой книжечки задался цѣлью дать въ очень сжатомъ видѣ общій очеркъ жизни первобытнаго человѣка. Выяснивъ въ веденіи, что такое первобытный человѣкъ и первобытная культура, онъ въ трехъ главахъ излагаетъ вполнѣ общедоступно главнѣйшіе выводы современной науки относительно матеріальной жизни, возникновенія и различныхъ формъ общественной жизни и, наконецъ, относительно важнѣйшихъ проявленій умственной жизни первобытнаго человѣка. Поскольку вообще предметы столь общаго и захватывающаго интереса поддаются краткому изложенію—задача выполнена авторомъ вполнѣ удовлетворительно,—имъ выбрано, дѣйствительно, все, что наиболѣе важно и интересно, и изложеніе его не лишено живости. Должно, однако, замѣтить, что изложеніе въ то же время чрезвычайно конспективно, и книга способна заинтересовать неподготовленнаго читателя, но, несомнѣнно, оставитъ многіе, возникающіе у него при чтеніи, вопросы нерѣшенными. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ конспективность заходитъ даже слишкомъ, на нашъ взглядъ, далеко, такъ, напр., по вопросу о происхожденіи денегъ говорится всего лишь на 5 строчкахъ буквально слѣдующее: «Вскорѣ научились легко измѣрять цѣну всѣхъ другихъ товаровъ на вѣсъ золота и серебра, а потомъ стали и чеканить золотыя и серебряныя монеты опредѣленнаго вѣса. Такимъ образомъ произошли

деньги, которыя и до сихъ поръ ходятъ по всему свѣту» (стр. 72). При этомъ авторъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ о промежуточныхъ стадіяхъ, когда мѣновой единицей служили скотъ, мѣха, кожаныя деньги и слитки благородныхъ металловъ, а это, безусловно, заслуживаетъ упоминанія, тѣмъ болѣе, что въ глухихъ уголкахъ нашего отечества и по сіе время всѣ разсчеты ведутся на «соболя», а въ центральномъ Китаѣ отрубаются ланы отъ серебрянаго прута. Авторъ довольно часто приводитъ примѣры изъ быта и исторіи племенъ, населяющихъ Россію, но намъ кажется, что число этихъ примѣровъ могло бы быть и еще болѣе увеличено, такъ, напр., прямо странно, почему при упоминаніи о культѣ животныхъ (стр. 89) авторъ не приводитъ столь блестящаго примѣра, какъ культъ медвѣдя и медвѣжьи праздники гиляковъ и айновъ? Увеличеніе примѣровъ изъ отечественной этнографіи значительно бы повысило интересъ этой, во всякомъ случаѣ, полезной книжечки. Кстати, въ виду того, что она только будитъ интересъ неподготовленнаго читателя (для котораго, очевидно, и предназначается), но не даетъ ему полнаго удовлетворенія, мы бы рекомендовали автору при слѣдующемъ изданіи приложить списокъ тѣхъ сочиненій (на русскомъ языкѣ) по первобытной культурѣ, которыя могутъ быть рекомендованы для болѣе близкаго ознакомленія съ этимъ предметомъ. Это было бы тѣмъ болѣе желательно, что за послѣднее время, наряду съ дѣйствительно хорошими сочиненіями, наша популярная литература наводнилась и большимъ количествомъ никуда негоднаго хлама. *П. Ю. Шмидтъ.*

---

## *ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.*

*К. Покровскій.* «Успѣхи астрономіи въ XIX в».—*Д. Моргаузъ.* «Хаосъ міровъ».

**Успѣхи астрономіи въ XIX столѣтіи. Общедоступные очерки К. Д. Покровскаго, астронома-наблюдателя юрьевскаго университета. Спб. Изд. журн. «Образованіе». 274 стр. 94 рис. Ц. 1 р. 20 к.** Книга К. Д. Покровскаго пополнитъ существенный пробѣлъ нашей популярной литературѣ, до сихъ поръ исторіи астрономіи XIX-го столѣтія у насъ еще не было.

Авторъ указываетъ въ предисловіи, что стремится «отмѣтить лишь главнѣйшіе моменты въ исторіи астрономіи за XIX-ое столѣтіе», и потому книга не претендуетъ «на полноту въ количественномъ отношеніи».

Да развѣ нужна и даже достижима такая полнота въ какомъ-либо изданіи, кромѣ энциклопедическаго словаря?! Наоборотъ, намъ кажется даже, что авторъ мѣстами вдается въ излишнія для популярной книги детали, особенно при описаніи инструментовъ. Вообще, мы не назвали бы этихъ очерковъ вполнѣ «общедоступными». Для чтенія ихъ необходимо предварительное знакомство и съ астрономіей и съ физикой; мы сказали бы необходимо «среднее образованіе», если бы не боялись, что читатель подумаетъ при этомъ о нашихъ гимназіяхъ.

Г. Покровскій ведетъ свой разсказъ, конечно, не хронологически, а разбиваетъ тему на части. Охарактеризовавъ намъ въ краткихъ чертахъ «астрономическое наслѣдіе конца XVIII-го вѣка» и развитіе, какъ количественное, такъ и качественное, наблюдательныхъ средствъ въ XIX-мъ вѣкѣ, авторъ переходитъ, прежде всего, къ успѣхамъ непосредственнаго астрономическаго наблюденія (визуальныя наблюденія), затѣмъ къ астрофотографіи, астрофотометріи и спектрографіи и заканчиваетъ большой главой, посвященной теоретической астрономіи.

Изложеніе автора всегда точно и ясно, но нѣсколько отрывочно, эпизодично. Читатель знакомится съ результатами эволюціи науки, но не чувствуетъ ея хода, ея соціальныхъ и психологическихъ путей—этого дивнаго сплетенія необходимости и свободы. Каждое открытіе г. Покровскій связываетъ съ именемъ его автора. Исторія науки такого типа часто напоминаетъ нѣсколько собраніе

формулярныхъ списковъ чиновниковъ какого-нибудь департамента. Много именъ, но ни одной личности. Г. К. Покровскій страдаетъ этимъ недостаткомъ еще меньше другихъ авторовъ различныхъ «обзоровъ XIX-го вѣка». И лучше уклониться въ эту сторону, чѣмъ подъ видомъ общихъ, философскихъ обобщеній преподносить читателямъ собственныя фантазіи и искаженные факты.

Поэтому, указанную нами отрывочность и эпизодичность положенія г. Покровскаго, съ обычной точки зрѣнія, нельзя даже считать недостаткомъ. Мы не могли только не отмѣтить, что отъ автора—извѣстнаго спеціалиста и въ то же время прекраснаго популяризатора—мы ждали иной точки зрѣнія на взятую имъ на себя задачу. Но взгляды — вещь субъективная, а хорошая популярная книга, какой, безспорно, являются очерки г. Покровскаго, большая рѣдкость. *В. Агафоновъ.*

**Д. Моргаузъ. Хаосъ міровъ (Кругооборотъ жизни звѣздъ). Переводъ съ англійскаго. Библіотека современныхъ знаній. Спб. Изданіе А. Большакова и Д. Голова. 258 стр. Ц. 75 к.** Книга задумана превосходно: дать въ формѣ сжатой, но не сухой и доступной всякому грамотному человѣку, картину міровой эволюціи, начиная съ туманнаго пятна и метеорной пыли вплоть до развитія современной научной мысли.

«Способствовать возбужденію всеобщаго интереса къ новѣйшимъ завоеваніямъ науки», показать толпѣ мощь науки въ дѣлѣ выработки міросозерцанія—задача почтенная и важная, особенно въ тѣ странныя, смутныя времена, когда о «банкротствѣ», безсиліи науки начинаютъ проповѣдывать не только беллетристы, философы и критики, но и патентованные естествоиспытатели. У автора были нѣкоторыя данныя, чтобы выполнить эту задачу болѣе или менѣе удовлетворительно: онъ умѣетъ выбрать главное и пишетъ живо, но эти достоинства тонутъ въ массѣ недостатковъ. Главный изъ нихъ—слишкомъ незначительный и недоброкачественный научный багажъ. Черпалъ свои свѣдѣнія г. Моргаузъ, видимо, изъ десятыхъ рукъ; немудрено, что многое переврано, спутано и неясно; несмотря на это, скромностью авторъ не отличается и сплеча дѣлаетъ такія обобщенія и выводы, что только диву даешься. Такъ, напр., авторъ утверждаетъ, что «Венера по всѣмъ вѣроятіямъ обитаема» (стр. 72), равно какъ и Марсъ и спутникъ Сатурна, что «между высшимъ человѣкомъ, какимъ-нибудь Дарвиномъ, Гексли или Геккелемъ, и австралійскимъ дикаремъ лежитъ пропасть больше, чѣмъ между низшимъ дикаремъ и высшей обезьяной» (стр. 186), что «всѣмъ другимъ расамъ (кромѣ арійской) предстоитъ погибнуть въ борьбѣ засуществованіе», что, «образуя отдѣльный организмъ, клѣточка развивается умственно, въ чемъ мы можемъ убѣдиться при помощи микроскопа» (стр. 230) и т. д., и т. д.

Въ лучшемъ случаѣ приводимыя авторомъ обобщенія спорны и гипотетичны, а онъ выдаетъ ихъ за общепризнанныя. Такъ, на стр. 140-й г. Моргаузъ пишетъ: «Первое возбужденіе молекулъ мозговыхъ клѣточекъ образуетъ замѣтку въ памяти, а послѣдующія впечатлѣнія усиливаютъ ее, пока она не пріобрѣтетъ преувеличеннаго относительнаго значенія, тогда человѣкъ становится предубѣжденнымъ въ этомъ направленіи. Такія впечатлѣнія могутъ сдѣлаться сильнѣе впечатлѣній, производимыхъ внѣшними предметами чрезъ посредство зрѣнія или слуха и, когда это случается, они могутъ быть для индивидуума такой же силы, какъ объективныя впечатлѣнія, или даже сильнѣе, и могутъ такимъ образомъ вызывать галлюцинаціи, или же, не доводя до галлюцинацій, мыслительныя привычки могутъ устанавливаться и увѣковѣчиваться по законамъ наслѣдственности точно такъ же, какъ передаются привычки къ нѣкоторымъ дѣйствіямъ» (стр. 140).

Въ созданіи этого перла автору, конечно, помогъ и переводчикъ, вообще вполнѣ достойный г. Моргауза.

Хороши также экскурсіи автора въ область наслѣдственности и психо-фи-

зіологіи; онъ увѣряетъ бѣднаго читателя, что «болѣзни легкихъ, печени и душевныя болѣзни, особенности, подобныя гордости, честолюбію, опредѣленныя идеи (!) и вѣрованія (!) подлежатъ законамъ наслѣдственности» (стр. 150).

«Если,—утверждаетъ американскій энциклопедистъ, одна сторона мозга дѣйствуетъ на мгновеніе быстрѣе другой, то мы не имѣемъ средствъ судить о продолжительности времени, протекающаго между обоими дѣйствіями, и, вслѣдствіе двойственности впечатлѣнія, намъ приходитъ мысль, что мы уже видѣли то же самое раньше, можетъ быть, на нѣсколько лѣтъ раньше. Отсюда произошли нѣкоторыя суевѣрія».

Не знаешь, чему больше удивляться, невѣжеству автора и сумбуру, царящему въ его головѣ, или его поистинѣ американской смѣлости. Дѣйствительно «хаосъ», но не міровъ, а понятій! Подобныя натуръ-философскія измышленія пересыпаны въ книгѣ г. Моргауза прямыми фактическими невѣрностями, въ родѣ того, что молекула въ *тысячу разъ* меньше маленькаго зернышка, что геологическихъ эръ—5 и послѣдняя изъ нихъ четвертичная, что палеозойская эра называется также Силурійскимъ періодомъ, что въ этотъ періодъ жило «нѣсколько (?!) видовъ моллюсковъ, заключенныхъ въ раковинѣ», что «протоплазма есть однородное, слизистое, студенистое бѣлковое вещество; въ простѣйшей его формѣ даже самый сильный микроскопъ не обнаруживаетъ въ немъ никакой структуры» и т. д., и т. д.

Если можно говорить вообще о философскихъ воззрѣніяхъ автора, то вѣрнѣе всего назвать его матеріалистомъ, но это не мѣшаетъ ему употреблять терминъ «жизненная сила», питать слабость къ антропоморфизму и къ сентиментально-поэтическимъ изліяніямъ. «Возможно,—говоритъ онъ въ одномъ изъ такихъ мѣстъ (стр. 142),—что муравьи смотрятъ снизу вверхъ на насъ, большихъ людей, какъ на божественныя существа, создателей громадныхъ полей, которыя имъ случалось переходить, и маленькаго солнца и луны. Будемъ же справедливы и милосердны къ нимъ». Хотя сіе и невозможно, г-нъ Моргаузъ, но все же воевать съ муравьями намъ не зачѣмъ.

Не можемъ также не выписать слѣдующаго мѣста, характернаго для самовлюбленности и наивности автора. Онъ убѣжденъ, что кладезь премудрости, заключенный въ его «Хаосѣ», отвѣтитъ и на этическіе запросы читателя, внушивъ, напр., отвращеніе къ войнѣ. «Представьте себѣ всю нелѣпость такого зрѣлища,—восклицаетъ авторъ:—собраніе нѣсколькихъ атомовъ, преимущественно углерода и водорода, заключенное въ человѣческую кожу изъ того же матеріала, свирѣпо воюетъ съ другимъ такимъ же собраніемъ химическихъ продуктовъ въ кожной оболочкѣ изъ-за какой-нибудь эфемерной, ничтожной крошки. Таковъ результатъ людского самолюбія и честолюбія» и, прибавимъ мы отъ себя, умственнаго хаоса и верхоглядства.

Кажется, довольно курьезовъ; ими полна разбираемая книга.

Несчастный русскій читатель! Какой только макулатуры не преподносятъ ему подъ видомъ популяризаціи и «послѣднихъ словъ» науки, благо бумага все терпитъ, а читательская волна, идущая изъ нѣдръ Россіи, все поглотитъ.

Мы уже упоминали, что переводъ достоинъ оригинала. Тутъ и «проблески подавляющаго факта», и «спектральный анализъ Гюйгене», и уплотненіе паровъ «до твердаго шарообразнаго состоянія» и кремневое оружіе, найденное «въ булыжникѣ», и «выборъ товарища при спариваньи животныхъ», и тысячи другихъ перловъ почти на каждой страницѣ.

Непонятно, почему при такой удивительной изобрѣтательности переводчикъ не пытался перевести какъ-нибудь по своему латинскихъ названій и даже такое слово, какъ algae (водоросли), оставилъ безъ перевода.

*В. Агафоновъ.*

---



# НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(отъ 15-го августа по 15-ое сентября 1902 г.),

**Историческій обзоръ** дѣятельности Комитета Министровъ. Въ 2 том. Спб. 1902 г.

**П. Морозовъ.** Минувшій вѣкъ. Изд. журн. «Образованіе». Спб. 1902 г. Ц. 2 р.

**Л. Е. Оболенскій.** Научныя основы красоты и искусства. Изд. Гершунина. Спб. Ц. 75 к.

**Д. Кайгородовъ.** Изъ родной природы. Хрестоматія для школъ. Спб. Изд. Суворина. Ц. 1 р. 30 к.

**П. Николаевъ.** Вопросы жизни въ современной литературѣ. Мск. Изд. Ефимова. Ц. 2 р.

**А. Ачкасовъ.** Пѣсни русскихъ писателей о волѣ. Мск. Изд. Ефимова.

**Н. Г. Помяловскій.** Полное собраніе сочиненій. Спб. 1902 г. Ц. 2 р, 75 к.

**Книга разсказовъ и стихотвореній.** Изд. С. Курнина. Мск. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

**В. Желѣзновъ.** Очерки политической экономіи. Мск. 1902 г. Ц. 3 р. 50 к.

**П. Гальстремъ.** Пустая трагедія. Перев. со шведск. Адамовъ. Юрьевъ. 1902 г. Ц. 25.

**В. Львовъ.** Въ полѣ и въ лѣсу. Мск. Сабашникова. 1902 г. Ц. 40 к.

**В. Михеевъ.** Фрося и Пестрянка. Изд. Курнина. Мск. 1902 г. Ц. 25 к.

**Н. Телешовъ.** Бѣлая цапля. Изд. Курнина. Мск. 1902 г. Ц. 25 к.

**Н. Телешовъ.** Елка Митрича. Изд. Курнина. Мск. 1902 г. Ц. 25 к.

**И. Раковичъ.** Графъ Аранда. Изд. Суворина. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.

**Длусскій.** Генералъ Онагренко и друг. разск. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.

**П. Полевой.** Историческіе разсказы. Съ иллюстр. Спб. Маркса. 1902 г. Ц. 5 р. 50 к.

**В. Михеевъ.** Разсказы. Изд. Курнина. Мск.

**Altalena.** Министръ Гаммъ. (Кровь) Одесса. Изд. «Одесск. Новостей». Ц. 50 к.

**Забрежневъ.** Цѣна счастья. Спб. Арищенко. 1902 г. Ц. 70 к.

**Наживинъ.** Дешевые люди. Изд. Ефимова. Мск. 1902 г. Ц. 1 р.

**Любичъ - Кошуровъ.** Картинки современ. жизни. Изд. Тоже. Ц. 35 к.

**Любичъ-Кошуровъ.** На зарѣ. Сонъ въ руку. Изд. тоже. Ц. 20 к.

**Еврейскіе мотивы.** Сборникъ сіонистск. стихотв. Гродно. Изд. Вецалелъ Яффе. 1902 г.

**Бьеристенъ-Бьернсонъ.** Свыше нашей силы. Драма. Изд. Ефимова. Мск. Ц. 50 к.

**Г. Зудермана.** Да здравствуетъ жизнь. Драма. Изд. тоже. Ц. 60 к.

**В. Вересаевъ.** Въ степи. Изд. Раппъ и Потапова. Харьковъ. 1902 г. Ц. 3 к.

**Мельшинъ.** Ферганскій Орленокъ. Изд. то же. Ц. 6 к.

**Немировичъ - Данченко.** Плевна и шипка. Романъ 2 ч. Изд. Сойкина. Спб. 1902 г. Ц. 2 р. 50 к.

**Б. Алмазовъ.** Роландъ. Изд. Курнина. Мск. 1902 г.

**Потапенко.** Пьесы. Изд. Маркса. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

**Гр. де-Волланъ.** Полная чаша. Изд. Вольфа. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

**Загоскинъ.** Брынскій лѣсъ. Ц. 30 к.

**Его же.** Кузьма Рощинъ. Ц. 10 к.

**Его же.** Аскольдова могила. Ц. 30 к.

**Его же.** Вечеръ на Хопрѣ. Ц. 12 к.

**Его же.** Юрій Милославскій. Ц. 25.

**Его же.** Рославлевъ. Ц. 35 к. Изд. Суворина. Спб. 1902 г.

**Н. Рожковъ.** Городъ и деревня въ русской Исторіи. Спб. 1902 г. Ц. 40 к.

**Д. Максимовъ.** Учебно-показ. мастерскія. Спб. 1902 г.

**И. Тезяковъ.** Рынки найма на югѣ Россіи въ санитарномъ отношеніи. Вып. I. Спб. 1902 г.

**З. Рагозина.** Исторія Халдеи. Спб. Марксъ. 1902 г. Ц. 2 р. 50 к.

**Ѳ. Смирнова.** Передъ Некрасовскими днями. Яросл. 1902 г. Ц. 25 к.

**Г. Шершеневичъ.** Учебникъ русск. гражданск. права. Кзн. 1902 г. Ц. 5 р.

**Дюрингъ.** Высшее женское образованіе и университеты. Спб. «Образованіе». 1902. Ц. 40 к.

**Князьковъ.** Какъ начался расколъ русской церкви. Мск. Курнина. Ц. 35 к.

**С. Андреевскій.** Литературные очерки. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

**Руководство къ зоологическ. экскурсіямъ.** Сост. комиссіей для изслѣд. фауны подъ ред. Кожевникова. Изд. Тихомірова Мск. 1902 г. Ц. 1 р.

**Г. Ланге.** Сто животныхъ. Изд. то же. 1902 г. 50 к.

**Э. Пильцъ.** Задачи и вопросы. Изд. тоже. 1902 г. Ц. 50 к.

**Озеровъ.** Итоги экономическ. развитія въ XIX в. Спб. 1902 г.

**Треспе и Спасскій.** Краткое руководство къ уходу за комнатн. растеніями. Изд. Тихомірова. Мск. Ц. 1 р. 25 к. 1902 г.

**Ясевичъ-Бородаевская.** Сектантство въ Кіевской губ. Спб. 1902 г.

**М. Лисовскій.** Нѣмые страдальцы. Бесѣды о животныхъ. Спб. 1902 г.

**Д. Кудрявскій.** Какъ жили люди въ старину. Юрьевъ. 1902 г. Ц. 40 к.

**Очередные вопросы въ Царствѣ Польскомъ.** Очерки и изслѣдованія подъ ред. Спасовича и Пильца. Спб. Стасюлевичъ. 1902 г. Ц. 1 р.

**Ф. Гецъ.** Объ отношеніи В. Соловьева къ еврейскому вопросу. Мск. Кушнарева. Ц. 30 к.

**Лебедевъ.** Бѣлогородскіе архіереи и среда ихъ дѣятельности. Харьковъ. 1902 г. Ц. 2 р.

**Памяти Близнина.** Изд. Елисаветгр. земск. реальн. училища. 1902 г.

**Коваленскій.** Очерки всеобщей и русской исторіи. Мск. Карбасникова. 1902 г. Ц. 75 к.

**Чигаговъ.** Дневникъ пребыванія Царя-Освободителя въ Дунайской арміи въ 1877 г. Спб. 1902 г. Ц. 60 к.

**Моргулисъ.** Вопросы еврейской жизни. Спб. «Помощь». 1902 г. Ц. 1 р.

**Овсянико-Куликовскій.** Вопросы психологіи творчества. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

**Н. Карѣевъ.** Учебная книга новой исторіи. Спб. Стасюлевича. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

**А. Казариновъ.** Опытъ о природѣ человѣческаго мышленія. Спб. Карбасникова. 1902 г. Ц. 50 к.

**Новый типъ школы въ Россіи.** Мск. Кушнерева. 1902 г. Ц. 20 к.

**Павловская.** Борьба съ бугорчаткой въ Россіи. Отт. изъ газеты «Русскій Врачъ».

**Сакмина.** Солнце. Под. ред. Ивановскаго. Мск. Курнинъ. Ц. 10 к.

**Полторанова.** Самоѣды. Ред. Изд. то же.

**Анисимовъ.** Вѣчный снѣгъ и ледъ. То же.

**Добряковъ.** Остяки. То же.

**Ромодановская.** Якуты и ихъ страна. То же.

**Яньшинова.** Чукчи. То же.

**Пирамидова.** Прибалтійскій край. То же.

**Вульфсонъ.** Киргизы. То же.

**Катаевъ.** Вотяки. То же.

**Солодовниковъ.** Жители Кавказа. То же.

**Веселовская.** Буряты. То же.

**Веселовская.** Амурскій край и наши переселенцы. То же.

**Воробьевъ.** Великоруссы. Тоже.

**Бенуа.** Исторія живописи въ XIX вѣка. Спб. «Знаніе». 1902 г.

**Г. Риманъ.** Музыкальный словарь. Перев. съ 5-ю изд. Юргенсона. Вып. VII. Мск. Ц. за 12 вып. 6 рублей.

**М. Прухъ.** Скрипка и ея исторія. Орелъ. 1902 г. Ц. 75 к.

**Отчетъ** о-ва для распространенія Св. Писанія въ Россіи за 1901 годъ.

**Сборникъ** Статист по Яросл. губ., вып. II. 1902 г.

**Отчетъ.** О дѣятельности врачебнаго совѣта при Моск. Городск. Упр. за 1901 г.

**Отчетъ.** рязанск. о-ва народн. развлеченіе за 1901—1902 г.г. по народн. образованію.

**Отчетъ** одесской городской управы о народн. образованіи за 1901 г.

**Отчетъ** О-ва по устройству народныхъ чтеній въ Тамбовѣ за 1901 г.

**Памятная книжка** тенишевск. училища въ Спб. за 1900—1901 уч. г. Ц. 50 к.

**Арнольди.** Ясли. Спб. 1902 г.

---

# НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

*«Weltall und Menscheit» Geschichte der Erforschung der Natur und der Verwertung der Naturkräfte im Dienste der Völker. Herausgegeben von Hans Krämer. 100 Lieferungen. Berlin (Bong und C°). (Вселенная и человѣчество).* Вышли семь первыхъ выпусковъ этого широко задуманнаго изданія, задача котораго—изобразить послѣдовательное развитіе земли, растительнаго и животнаго царства, а также представить въ понятной формѣ, какъ постепенно человѣкъ знакомился съ силами природы и научился подчинять ихъ себѣ и извлекать изъ нихъ пользу. Изданіе прекрасно иллюстрировано. Первый отдѣлъ, изданный подъ редакціей профессора Сеппера, называется «Изслѣдованіе земной коры». Въ первой главѣ о происхожденіи и строеніи земли излагаются въ общихъ чертахъ различныя теоріи происхожденія нашей планеты въ связи съ происхожденіемъ вселенной, которыя существовали въ самыя древнія времена вплоть до современныхъ ученій.

(Berliner Tageblatt).

*«Kulturprobleme der Gegenwart» Herausgegeben von Leo Berg. Berlin (Johannes Räde). 1902 (Культурныя проблемы настоящаго времени).* На книжномъ рынкѣ за послѣдніе годы усилился спросъ на всевозможныя энциклопедіи и сборники статей по различнымъ отдѣламъ знанія. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ и названное изданіе, поставившее себѣ задачей обсужденіе культурныхъ проблемъ современной эпохи. Первые три тома посвящены вопросамъ современной соціальной политики.

(Berliner Tageblatt).

*«Die Völker der Erde» von D-r Kurt Lampert. Eine Schilderung der Lebensweise, der Sitten, Gebräuche, Feste und Ceremonien aller lebenden Völker. 35 Lieferungen, mit etwa 650 Abbildungen nach dem Leben (Deutsche Verlags Anstalt) Stuttgart und Leipzig (Народы земли).* Вышли три выпуска этого прекраснаго популярнаго изданія, имѣющаго цѣлью познакомить болѣе широкій кругъ читателей съ вопросами и проблемами современной этнографіи. Въ первыхъ выпускахъ изображены тихоокеанскія племена, полинезійцы, меланезійцы и др. обитатели острововъ, и третій выпускъ заканчивается характеристикой вымирающаго племени Маори въ Новой Зеландіи. Иллюстраціи превосходны.

(Frankfurt Zeit).

*«Littérature japonaise» par W. G. Aston. Traduit de l'Anglais par Henry D. Davray (Armand Collin) 5 fr. (Японская литература)* Авторъ этой исторіи японской литературы долгое время служилъ секретаремъ - переводчикомъ при британскомъ посольствѣ въ Токіо и изучилъ японскій языкъ и литературу самымъ основательнымъ образомъ. Его трудъ раздѣляется на семь отдѣловъ или періодовъ, и первый—«архаическій»—обнимаетъ древнюю эпоху (700 лѣтъ до Р. X.), послѣдній же доходитъ до нашихъ дней. Свою исторію японской литературы авторъ дополняетъ переводами избранныхъ мѣстъ изъ произведеній японскихъ писателей и чрезвычайно подробною библіографіей.

(Journal des Débats).

*«Phylosophy and Life» by I. H. Muirhead. London (Sonnenschenand C°) 6 s. (Философія и жизнь).* Очень интересный сборникъ статей и лекцій профессора Мюргэда, обсуждающихъ съ философской точки зрѣнія различныя проблемы современной жизни. Одна изъ статей сборника посвящена писателю Стивенсону и его философіи жизни. Профессоръ Мюиргэдъ посвятилъ также нѣсколько статей вопросамъ воспитанія и текущимъ политическимъ вопросамъ. Особенно заслуживаетъ вниманія его историческій очеркъ современнаго имперіализма.

(Daily News).

*«Les Boxeurs» par le baron d'Authouard (Plon). 1902 (Боксеры).* Авторъ описываетъ потрясающія событія боксерскаго возстанія въ Китаѣ и трагическое положеніе европейскихъ посольствъ въ Пекинѣ, а также испытанія, выпавшія на долю европейцевъ въ Тянь-Цзинѣ и др. мѣстахъ. Правдивый разсказъ автора, написанный просто и безъ всякой афектаціи, производитъ сильное впечатлѣніе и заставляетъ читателя переживать всѣ перипетіи драмы, разыгравшейся въ стѣнахъ столицы Небесной имперіи.

(Journal des Débats).

*«Bismark intime» par Jules Hoche (Iuven) (Бисмаркъ въ интимной жизни).* Авторъ этой интересной характеристики Бисмарка, касается не только его политической дѣятельности, но изучаетъ его, какъ человѣка на основаніи документовъ, воспоминаній, писемъ и т. п. стараясь быть безпристрастнымъ въ своихъ взглядахъ и сужденіяхъ о немъ. Онъ сообщаетъ много интересныхъ свѣдѣній, бросающихъ свѣтъ на этого человѣка характеръ. Онъ говоритъ, что со временъ Наполеона ни одинъ предводитель людей не презиралъ такъ человѣчество, какъ Бисмаркъ. «Онъ не только презиралъ людей, но испытывалъ какое-то жестокое наслажденіе, указывая имъ ихъ недостатки и стараясь ихъ за-

ставить почувствовать тщетность всѣхъ ихъ надеждъ и усилій. Бисмаркъ былъ въ своемъ родѣ юмористомъ; онъ обладалъ ѣдкимъ, парадоксальнымъ умомъ и умѣлъ сразить своею ироніей. Онъ насмѣхался надъ дипломатами, надъ государственными людьми, надъ журналистами и парламентскими дѣятелями. Но самою характерною чертой его цѣльной и высокомѣрной натуры было его презрѣніе къ слабымъ и идеалистамъ, къ гуманитарнымъ тенденціямъ. Онъ вѣрилъ только въ «силу дѣйствія и право сильныхъ». Обрисовывая такимъ образомъ Бисмарка, авторъ подтверждаетъ свою характеристику чертами интимной жизни Бисмарка, его корреспонденціей и его сношеніями съ людьми. (Temps).

*«The Confessions of a Carricaturist» by Harry Furniss. London (Fisher Unwin). (Исповѣдь каррикатуриста).* Въ двухъ томахъ своей «исповѣди» авторъ разсказываетъ много интересныхъ исторій о разныхъ болѣе или менѣе знаменитыхъ людяхъ и общественныхъ и политическихъ дѣятеляхъ, съ которыми ему приходилось имѣть столкновеніе по поводу своихъ каррикатуръ или по другимъ причинамъ. Въ его «Исповѣди» заключается также и исторія происхожденія многихъ его каррикатуръ.

(Daily News).

*«Die Praxis des Journalisten». Ein Lehr und Handbuch für Journalisten, Redacteure und Schriftsteller. Von Johannes Frizenschaf. Leipzig (Walter Frdler). Практика журналистовъ).* Книга эта преслѣдуетъ двойную цѣль: авторъ ея стремится лучше познакомить большую публику съ однимъ изъ важныхъ отдѣловъ общественной жизни, т.-е. съ журналистикой и затѣмъ онъ желаетъ облегчить, своимъ болѣе юнымъ коллегамъ первые шаги на трудномъ журнальномъ поприщѣ. Что касается первой задачи, то авторъ хорошо справился съ нею и читатель можетъ получить весьма полное представленіе о журнальномъ дѣлѣ, прочитавъ эту книгу. Что же касается второй цѣли книги—служить руководствомъ для вступающихъ на журнальное поприще, то хотя въ книгѣ и заключается много полезныхъ совѣтовъ и указаній, но врядъ ли они представляютъ нѣчто новое и неизвѣстное уже раньше тѣмъ, кто выбираетъ карьеру журналиста. (Berliner Tageblatt).

*«The Criminal Mind» by D-r Maurice de Fleury. London 3 s. 6 d. (Dowey and C°). (Преступная душа).* Авторъ предпослалъ своему крайне интересному и въ высшей степени цѣнному психологическому изслѣдованію очеркъ анатоміи и физіологіи мозга. Онъ указываетъ на громадное значеніе новѣйшихъ научныхъ изслѣдованій для криминалогіи и на настоятельную необходимость профилактическихъ методовъ и леченія. Хотя авторъ и отвергаетъ преувеличенные взгляды крайней итальянской школы, но въ то же время онъ соглашается съ тѣмъ, что преступленіе въ большинствѣ случаевъ должно быть разсматриваемо, какъ міровая болѣзнь и надѣется, что въ будущемъ, когда общее воспитаніе достигнетъ извѣстнаго прогресса, явится возможность относиться къ преступленію, какъ къ патологическому явленію и примѣнять къ нему соотвѣтствующіе методы лѣченія. Авторъ горячо вѣритъ въ значеніе воспитанія и среды и говоритъ, что дурная наслѣдственность, которая обыкновенно замѣчается у преступниковъ, въ свою очередь является продуктомъ дурного воспитанія и среды. Онъ настаиваетъ на важности борьбы со всякаго рода болѣзнями, указывая на тѣсную связь между болѣзнью и преступленіемъ. Но въ особенности важное значеніе авторъ придаетъ воспитанію, не только оказывающему морализующее вліяніе но пріучающему также мозгъ противодѣйствовать дурнымъ импульсамъ. Авторъ предлагаетъ различныя мѣры борьбы съ преступностью и обращаетъ главное вниманіе на лѣченіе въ дѣтствѣ эпилептиковъ, неврастеническихъ и истерическихъ субъектовъ, а также дѣтей съ отсталымъ умственнымъ развитіемъ и дурными наклонностями. Его книга представляетъ поэтому огромный интересъ нетолько для кримонологовъ, но и для всѣхъ тѣхъ, кто интересуется реформами воспитанія.

(Daily News).

*«Le charme de L'histoire». Etudes diverses,—par Eugène Marbeau. (A. Picard). (Привлекательность исторіи).* Въ книгѣ собраны различныя статьи и лекціи, прочитанныя авторомъ въ обществѣ историческихъ изслѣдованій на различныя историческія темы. Авторъ рисуетъ картину нравовъ, совершенно отличающихся отъ нашихъ современныхъ нравовъ по при этомъ изображаетъ аналогичныя положенія тѣмъ, которыя мы переживаемъ и сравнивая ихъ, старается показать намъ какимъ образомъ наши предки перенесли свои испытанія и какія качества и усилія помогли имъ снова подняться. «Изучая прошлое, говоритъ онъ, мы можемъ найти утѣшеніе въ тѣхъ испытаніяхъ, которыя выпадаютъ на нашу долю въ настоящемъ». (Journal des Débats).

*«Justice et Liberté» par E. Goblet, professeur à la Faculté des Lettres de l'Université de Caen (Felix Alcan). (Справедливость и свобода).* Въ этой превосходной маленькой книгѣ авторъ анализируетъ идею долга, въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ въ сознаніи каждой человѣческой личности, имѣя при этомъ въ виду впрочемъ, только современнаго представи-

теля бѣлой расы, цивилизованнаго человѣка.

(Journal des Dèbats).

«*The Romance of Religion*» *by Olive Vivian and Herbert Vivian with thirty two illustrations. London* (*Arthur Pearson*). *6 s.* (*Романическая сторона религіи*). Очень интересная книга, описывающая религіозные обычаи и церемоніи, являющіеся пережиткомъ болѣе раннихъ и болѣе вѣрующихъ эпохъ. Авторъ сообщаетъ чрезвычайно любопытныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ религіозныхъ ассоціаціяхъ и ихъ обрядахъ.

(Daily News).

«*Live of the Hunted*» *by Ernest Seton Thompson. London* (*David Nett*). (*Жизнь тѣхъ, за которыми охотятся*). Авторъ этой книги любитъ природу и животныхъ, и эта любовь говоритъ въ каждой строкѣ его произведенія. Онъ хорошо изучилъ жизнь животныхъ и описываетъ ее съ большою художественностью и юморомъ, являясь горячимъ противникомъ безжалостнаго истребленія дикихъ животныхъ и часто безцѣльной и жестокой охоты за ними. Его описанія жизни этихъ животныхъ и различныхъ охотничьихъ приключеній представляютъ очень занимательное чтеніе, могущее заинтересовать каждаго, кто любитъ природу и всѣ ея творенія.

(Daily News).

«*Quand les peuples se relèvent...*» *par Henri Mazel* (*Perrin et C°*) *3 fr. 50* (*Когда народы поднимаются...*) Авторъ «Synergie sociale» разбираетъ въ этомъ новомъ своемъ произведеніи недостатки, пробѣлы и противорѣчія современнаго общества. Его книга написана въ формѣ діалоговъ и не лишена юмора. Выводы, къ которымъ онъ приходитъ въ общемъ,—весьма благопріятны для французскаго народа.

(Journal des Débas).

«*Kulturgeschichte der Neuzeit*» *von Kurt Breysig. Alterthum und Mittelalter als Vorstufen der Neuzeit. Entstehung des Christenthums. — Jugend der Germanen. Berlin* (*Georg Bondi*). (*Исторія культуры новаго времени*). Вышелъ третій томъ этого широко задуманнаго труда, авторъ котораго поставилъ себѣ задачей изобразить сравнительную исторію развитія руководящихъ народовъ Европы. Въ этомъ томѣ авторъ даетъ прекрасную картину возникновенія и развитія христіанства и значенія этой новой религіи для человѣческой личности и исторіи.

(Berliner Tageblatt).

«*Le Socialisme et la question sociale*» *par Octave Noel, professeur d'économie politique à l'Ecole des Hautes Etudes commerciales* (*Pedone*) *1902* (*Соціализмъ и соціальный вопросъ*). Авторъ задался цѣлью изслѣдовать соціализмъ въ его различныхъ формахъ и проявленіяхъ и представить возраженія противъ нѣкоторыхъ сторонъ этого ученія и методовъ проповѣдуемыхъ нѣкоторыми соціалистскими сектами. Онъ старается угадать, какое дѣйствіе долженъ былъ бы оказать соціализмъ на главныя экономическія и соціальныя явленія, на организацію собственности, капитала, труда, на религіозный и семейный вопросы, на народное образованіе, армію, магистратуру, финансы. Во второй части своей книги авторъ говоритъ о средствахъ и разрѣшеніяхъ соціальнаго вопроса, защищая принципъ экономической свободы, авторъ высказывается впрочемъ въ пользу болѣе альтруистическихъ взглядовъ и говоритъ о необходимости проведенія ихъ въ экономическія отношенія.

(Journal des Débats).

«*Les Temps hèroiques*» *Etude préhistorique d'aprés les origines indo-européennes par A. de Paniagua, avec préface de Louis* Rousselet. (*E. Leroux, 1902* (*Героическія времена*). Въ этомъ значительномъ трудѣ, авторъ собирается передѣлать исторію первобытныхъ цивилизацій на совершенно новыхъ основаніяхъ. Пораженный, какъ и многіе другіе преподаватели, совпаденіемъ внѣшнихъ формъ первобытныхъ миѳовъ, авторъ принялся розыскивать ихъ общій источникъ происхожденія и, послѣ долгихъ и терпѣливыхъ изслѣдованій, пришелъ къ заключенію, что колыбелью всей человѣческой миѳологіи была Индія. Онъ старается доказать, что первая цивилизація явилась отъ Индіи и охватила въ теченіе перваго періода Западъ и что мало-по-малу въ понтійской области выросла новая цивилизація и послѣ многочисленной борьбы, измѣнившей условія власти, сыны эта цивилизаціи, арійцы, распространили ее на Западѣ и на Востокѣ. Авторъ высказываетъ въ своей книгѣ много смѣлыхъ и новыхъ взглядовъ, но всегда старается обосновать ихъ и опирается на чрезвычайно тщательныя изслѣдованія и историческіе документы.

(Journal der Débats).

---

Издательница М. К. Куприна-Давыдова. Редакторъ Ѳ. Д. Батюшковъ.

попадались роскошныя и особенно характерныя для глубоководной фауны морскія лиліи. Послѣднія, надо сказать, извѣстны на глубинахъ въ количествѣ 7 родовъ, которые отчасти близки къ вымершимъ уже формамъ. Наша экспедиція добыла, какъ мнѣ сообщаетъ проф. Дёдерлейнъ, 5 родовъ, представленныхъ 8 видами. Представителей новыхъ родовъ не было получено, но зато оказалось, что, за исключеніемъ одного единственнаго вида *(Rhizocrinus Rawsoni)*, описаннаго ранѣе, всѣ остальные новы. Изъ отсутствующихъ въ нашихъ сборахъ двухъ родовъ одинъ представленъ въ Вестъ-Индіи, другой—въ Тихоокеанскихъ водахъ.

Еще при описаніи самаго глубокаго изъ произведенныхъ нами уловъ въ антарктической области, вблизи земли Эндерби, мы указывали на то, что нами было получено два вида родовъ *Hyocrinus* и *Bathycrinus*; особенно богатой морскими лиліями оказалась, однако, впадина Ментавей, гдѣ мы нашли не менѣе 4 новыхъ видовъ. Изъ нихъ три оливково-зеленые вида принадлежатъ къ роду *Pentacrinus*, добытому у острова Сиберутъ, и три желтоватыхъ относятся къ роду *Metacrinus* (рис. 78), добыты въ Южно-Ніасскомъ проливѣ и представляютъ изъ себя едва ли не красивѣйшіе экземпляры нашей коллекціи. Всѣ эти виды не имѣютъ особаго зоогеографическаго интереса, такъ какъ найдены недалеко отъ извѣстныхъ уже ранѣе областей распространенія но зато очень существенно расширяетъ наши познанія о распространеніи новый видъ *Rhizocrinus*, добытый у Сомалійскаго берега на глубинѣ 1.644 и 1.668 метровъ. Это очень нѣжныя морскія лиліи, и, къ сожалѣнію, онѣ были нами добыты почти сплошь съ обломанными руками—онѣ стоятъ близко къ *Rhizocrinus Lofotensis*, открытому Михаиломъ Сарсомъ у Лофотскихъ острововъ, но отличаются и величиной, и строеніемъ.

Изъ морскихъ лилій, не имѣющихъ стебелька во взросломъ состояніи, также было добыто довольно значительное количество видовъ на различныхъ глубинахъ. Арктическихъ *Antedon prolixa* и атлантическихъ *Antedon phalangium* мы вылавливали огромное количество во впадинѣ Фарерскихъ острововъ и на банкѣ Жозефины. Изъ рода *Endiocrinus* мы нашли особенно красивые сѣрно-желтые виды у Сомалійскихъ береговъ на глубинѣ 1.289 метровъ.

Что касается до морскихъ звѣздъ, которыя, какъ извѣстно, дѣлятся на *настоящихъ морскихъ звѣздъ* и *офіуръ*, то слѣдующія данныя говорятъ сами за себя объ удивительномъ разнообразіи и богатствѣ формъ на глубинахъ. Изъ офіуръ экспедиція, по предварительному сообщенію Цурштрассена, добыла около 30 родовъ и 220 видовъ, между которыми многіе роды и виды новы. Изъ 115 улововъ, произведенныхъ нами траломъ, не менѣе 84 заключали офіуръ.

Самая замѣчательная форма была добыта нами на Агуласской банкѣ съ глубины 400—500 метровъ въ пяти экземплярахъ. У этой офіуры (рис. 79) первые 7 члениковъ лучей настолько расширены, что сталкиваются между собою и образуютъ почти прямую линію, усаженную зубчиками. По угламъ такого пятиугольника выдаются еще короткіе членики лучей, которые почти у всѣхъ экземпляровъ обломаны. Несмотря на это отклоненіе въ строеніи лучей, данный видъ выдѣляется по примитивности строенія нѣкоторыхъ частей своего скелета изъ всей группы офіуръ.

Настоящія морскія звѣзды были и ранѣе подробно изслѣдованы цѣлымъ рядомъ ученыхъ, потому особенно интересно узнать, въ ка-



Рис. 78. Морская лилія *Metacrinus* (съ глубины 470 метр.).

кой мѣрѣ экспедиція «Вальдивіи» расширила существовавшія свѣдѣнія. Привожу данныя, сообщенныя проф. Лудвигомъ, извѣстнымъ знатокомъ иглокожихъ.

Звѣзды, добытыя въ Атлантическомъ океанѣ, представляютъ мало интереса, такъ какъ большею частью мы получили здѣсь лишь уже извѣстныя формы, иногда, впрочемъ, въ видѣ чрезвычайно красивыхъ экземпляровъ. Впрочемъ, все же и здѣсь нами были добыты новые виды, относящіеся къ семейству *Porcelanasteridae*, характерному для большихъ глубинъ. Въ Гвинейскомъ теченіи, на глубинѣ 4.990 метровъ, мы добыли видъ *Hyphalaster*, названный въ честь нашего судна *Hyphalaster Valdiviae*.

Особенно характерны глубоководные представители того же семейства съ шипами на спинной сторонѣ лучей. Такая звѣзда *Styracaster* (стр. 250) была добыта самымъ глубокимъ изъ нашихъ траловъ съ 5.248 метровъ и другой антлантическій видъ былъ полученъ съ 2.492 метровъ, послѣ того, какъ мы оставили Камерунъ.


Рис. 79. Глубоководная офіура съ расширенными лучами (съ глубины 500 метр.).

Сборы морскихъ звѣздъ становятся интереснѣе съ посѣщенія Агуласской банки, столь любопытной въ зоогеографическомъ отношеніи. Здѣсь появилась огромная звѣзда *Dipsacaster Sladeni*, добытая «Инвестигаторомъ» у Андаманскихъ островов на незначительной глубинѣ, здѣсь же была получена красивая звѣзда *Gnathaster*, отличающаяся похожимъ на соты узоромъ спинной стороны, образованнымъ бугорками.

Съ точки зрѣнія зоогеографическаго распространенія морскихъ звѣздъ, особый интересъ представляли наши сборы у острова Бувэ. Найденныя тамъ антарктическія формы относятся къ 7 родамъ, и связь найденныхъ видовъ съ тѣмъ, что было ранѣе извѣстно изъ морскихъ звѣздъ антарктической области, послѣ болѣе подробнаго изученія представитъ несомнѣнный интересъ.

Со вступленіемъ въ Индійскій океанъ, мы добыли цѣлый рядъ формъ, извѣстныхъ уже по изслѣдованіямъ «Инвестигатора». Въ западной части, до островов Хагосъ, и въ особенности во впадинѣ Ментавей, на ряду съ извѣстными видами, мы нашли значительное количество новыхъ формъ изъ семейства *Brisingidae*. Къ нимъ присоединялись виды изъ родовъ *Pararchaster*, *Pentaster* и др.

Въ западной части Индійскаго океана, вдоль восточно-африканскаго побережья, нами былъ добытъ особенно обильный матеріалъ по морскимъ звѣздамъ. Повидимому, исключительно этой области свойственъ очень выдающійся по своей внѣшности и интересный новый родъ и видъ *Pectinidiscus Annae*, который большинствомъ своихъ признаковъ примыкаетъ къ роду *Ctenodiscus*, встрѣчающемуся лишь въ арктическихъ и антарктическихъ водахъ, но отличается отъ него очень существенно тѣмъ, что краевыя пластинки въ углахъ между лучами начи-

наются съ непарной пластинки. Тамъ же были найдены нами многочисленные представители семействъ *Archasteridae* и *Astropectinidae*. Особенно интересенъ *Pentagonaster excellens* (рис. 81) съ Сомалійскаго берега тѣмъ, что на его брюшной сторонѣ паразитируетъ большое количество брюхоногихъ моллюсковъ.

Къ наиболѣе хорошо извѣстнымъ глубоководнымъ иглокожимъ относятся морскіе ежи, которымъ Агассицъ посвятилъ цѣлый рядъ цѣн-

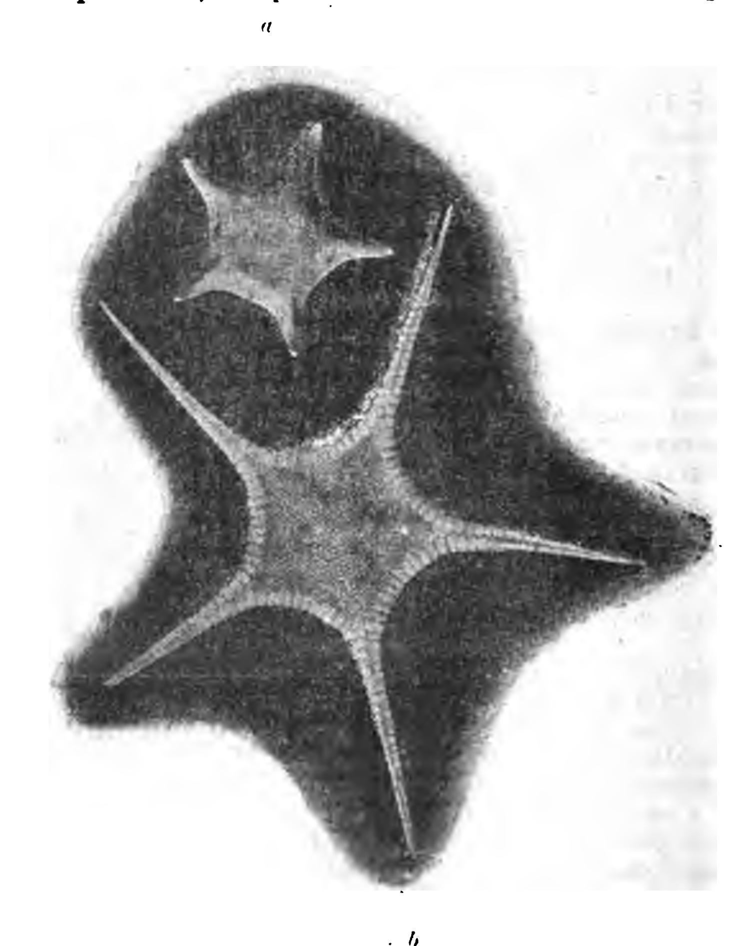



Рис. 80. Глубоководныя морскія звѣзды—*a*—*Pentagonaster abyssalis* (съ глубины 2255 метр.).—*b*—Nymphaster Alcocki (съ глубины 1469 метр.).

ныхъ монографій. Экспедиція добыла около 50 видовъ морскихъ ежей и между ними, по сообщенію проф. Дёдерлейна, около 12 новыхъ. Новые виды приходятся преимущественно на Индійскій океанъ; въ томъ числѣ находится одинъ новый родъ, который приближается къ роду *Eupatangus* и былъ названъ Дёдерлейномъ *Cymnopatangus*. Въ антарктической области былъ добытъ у острова Бувэ одинъ экземпляръ рода *Schizaster*.

Что касается до морскихъ ежей индійской области, то, какъ было замѣчено уже выше, они начинаются съ Агуласской банки, гдѣ встрѣчаются совмѣстно съ атлантическими и антарктическими видами. Лишь

немногія изъ найденныхъ нами были ранѣе извѣстны, большинство или новы, или представляютъ разновидности. Между замѣчательными представителями семейства *Echinoturidae* былъ найденъ родъ *Sphaerosoma*, открытый всего лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Атлантическомъ океанѣ,—нами онъ былъ найденъ у восточныхъ береговъ Африки; оттуда же происходитъ единственный добытый экземпляръ рода *Asthenosoma*, близкаго къ японскому виду *Asthenosoma longispinum*. Зато какъ во впадинѣ Ментавей, такъ и на восточно-африканскомъ берегу мы часто встрѣчали представителей рода *Phormosoma*, характернаго мягкою кожею, совершенно лишенною твердыхъ известковыхъ пластинокъ, и своими ядовитыми шипами. Особенно интересны многочисленные въ индійской области представители семейства цидаридъ. Бросается въ глаза признакъ, отличающій большинство относящихся сюда видовъ *Stereocidaris* и *Dorocidaris*, найденныхъ между Капландомъ и Суматрой,—именно присутствіе на шипахъ ихъ двухъ или трехъ продольныхъ реберъ, выдающихся листовидно, какъ это наблюдалось до сихъ поръ исключительно у *Dorocidaris Alcocki*.

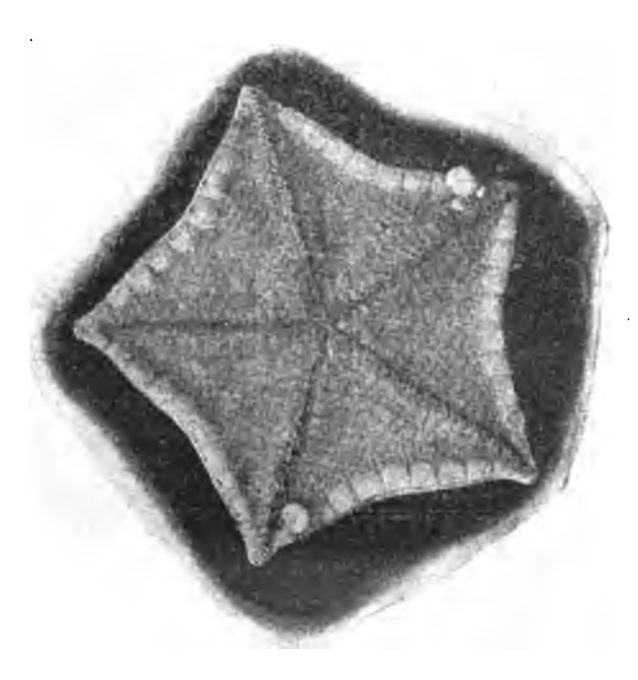


Рис. 81. Морская звѣзда *Pentagonaster excellens* (съ глубины 628 метр.).

Особенно заслуживаетъ вниманія нахожденіе въ индійской области двухъ родовъ діадемовыхъ морскихъ ежей *Aspidodiadema* и *Dermatodiadema*; первый родъ представленъ новымъ видомъ, который крупнѣе всѣхъ до сихъ поръ извѣстныхъ, послѣдній—двумя новыми видами.

Къ наиболѣе интереснымъ формамъ Индійскаго океана относится новый видъ рода *Palaeopneustes*,—онъ былъ нами во множествѣ добытъ въ Южномъ Ніасскомъ проливѣ. Бросается въ глаза, что по всей индійской области не было найдено замѣчательнаго рода *Pourtalesia*, столь широко распространеннаго въ Атлантическомъ океанѣ.

Я не говорю здѣсь о голотуріяхъ, хотя онѣ и попадались намъ довольно часто вплоть до самыхъ большихъ глубинъ, имѣя въ виду, что наиболѣе интересный представитель этой группы будетъ нами разсмотрѣнъ ниже.

Ракообразныя типичны для глубинъ не менѣе, чѣмъ иглокожія.

Останавливаясь, прежде всего, на крабахъ, долженъ сказать, что мы добыли почти всѣ болѣе интересные роды, которые были получены предыдущими экспедиціями. Въ индійской области бросается въ глаза,

прежде всего, огромное количество треугольныхъ крабовъ (*Oxyrhyncha*). Мы уже упоминали выше объ интересныхъ представителяхъ родовъ *Cyrtomaja* и *Platymaja*.

Къ наиболѣе интереснымъ открытіямъ на восточно африканскомъ берегу относится новый представитель семейства гомолидъ (рис. 82), отличающійся тѣмъ, что самая задняя пара ногъ его снабжена клешнями. По всей вѣроятности, этотъ крабъ носитъ своими клешнями различные посторонніе, защищающіе его, предметы, подобно тому, какъ это дѣлаютъ родственныя формы, водящіяся въ мелководной области. Мы добыли много экземпляровъ этого удивительнаго краба, окрашен-

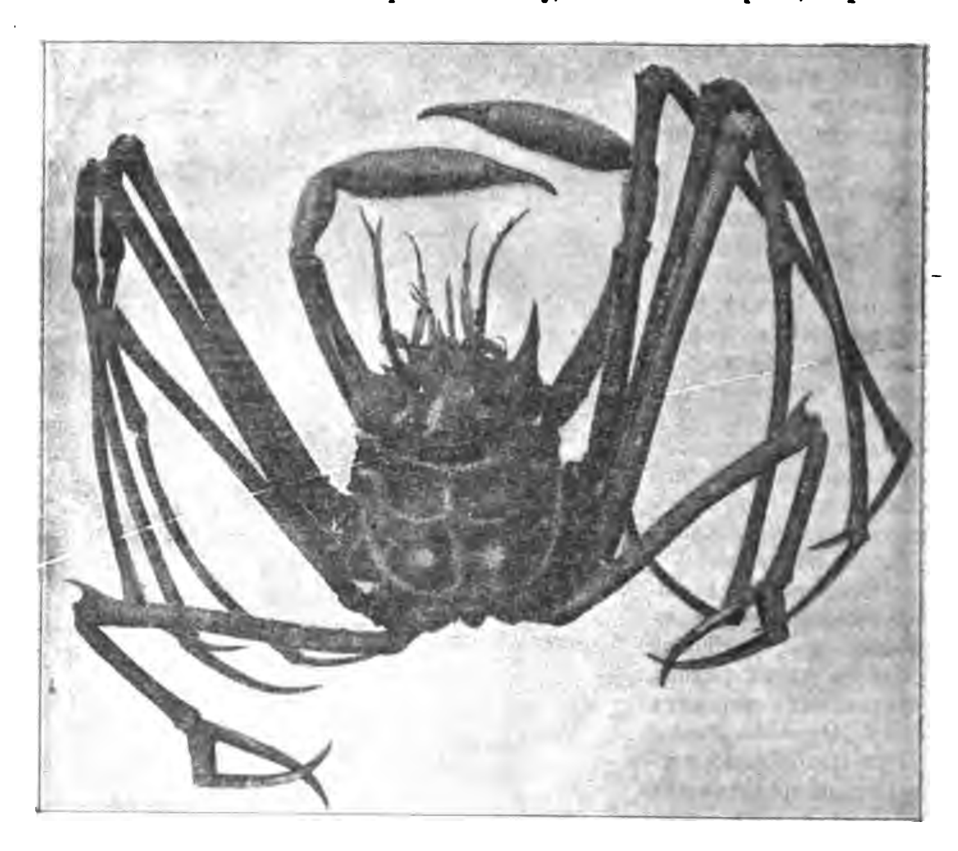


Рис. 82. Крабъ изъ семейства гомолидъ (съ глубины 977 метр.).

наго при жизни въ темно-розовый цвѣтъ, съ глубины въ 977 метровъ. Глубоководные крабы отличаются обыкновенно яркой окраской, преимущественно красныхъ тоновъ, въ рѣдкихъ случаяхъ они бѣловаты или желтоваты, примѣромъ чему можетъ служить гигантскій представитель рода *Geryon*, добытый на Сомалійскомъ берегу съ глубины 1.362 метровъ.

Бросается также въ глаза, какъ мнѣ сообщаетъ д-ръ Дофлейнъ, что у глубоководныхъ формъ икринки значительно крупнѣе, чѣмъ у мелководныхъ. По всей вѣроятности, личинки вылупляются на болѣе поздней стадіи развитія и не продѣлываютъ такого сложнаго превращенія, какъ у мелководныхъ.

Близко родственны къ крабамъ представители родовъ *Lithodes* и *Echinoplax*, характерные цѣлымъ лѣсомъ шиповъ на верхней сторонѣ тѣла. Во время отыскиванія въ тралѣ глубоководныхъ рыбъ нерѣдко приходилось сильно накалываться на ихъ шипы.

Въ особенномъ изобиліи были нами добыты во впадинѣ Ментавей и на Сомалійскомъ берегу раки-отшельники. Они, какъ извѣстно, имѣютъ обыкновеніе прятать свое мягкое, несимметрично изогнутое брюшко въ пустыя раковины моллюсковъ или полые куски дерева. Одинъ изъ такихъ видовъ отыскиваетъ себѣ крупныя раковины зубовика (*Dentalium*) и закрываетъ входъ сильно развитой клешней первой пары конечностей. Вмѣстѣ съ представителемъ другого рода *Xylopagurus*, этотъ отшельникъ обладаетъ не свернутымъ, а прямымъ брюшкомъ. *Xylopagurus* помѣщаетъ свое брюшко въ выдолбленные куски дерева и закрываетъ ихъ заднее отверстіе твердымъ и расширеннымъ въ видѣ крышки послѣднимъ членикомъ тѣла.

Подобно тому, какъ въ мелководной области, мы и на значительныхъ глубинахъ нерѣдко встрѣчаемъ отшельниковъ въ сожительствѣ съ актиніями изъ родовъ *Zoanthus* и *Adamsia*. Актиніи *Zoanthus* растворяютъ при этомъ известковую раковину, въ которой сидитъ ракъ, но зато защищаютъ послѣдняго тѣмъ, что пріобрѣтаютъ сами хрящеватую консистенцію и достигаютъ нерѣдко значительныхъ размѣровъ.

Близкія къ отшельникамъ галатеи представлены на глубинахъ родами *Munida* и *Munidopsis,* которые часто блещутъ необыкновенно яркими красками красныхъ тоновъ. На болѣе значительной глубинѣ интенсивный красный цвѣтъ переходитъ въ нѣжный мясо-красный и и при этомъ утрачивается пигментъ въ глазахъ.

Между длиннохвостыми раками должно упомянуть, прежде всего, попадавшихся всѣмъ глубоководнымъ экспедиціямъ представителей рода *Glyphocrangon*, являющихся, вѣроятно, чрезвычайно хорошо защищенными раками. Они снабжены чудовищно большими глазами, и панцырь ихъ усаженъ огромными шипами, притомъ задніе сегменты брюшка обладаютъ такимъ замыкающимся аппаратомъ, что могутъ дѣлаться несгибающимися и своими торчащими во всѣ стороны остріями великолѣпно защищаютъ рака отъ его враговъ.

Семейство астацидъ, къ которому относится и нашъ рѣчной ракъ, представлено на глубинахъ родомъ *Nephrops*, одинъ изъ видовъ котораго, именно *Nephrops andamanicus,* добытый «Инвестигаторомъ», мы нашли во впадинѣ Ментавей. Тамъ же поразило насъ появленіе другого вида, близкаго къ описанному Агассицемъ съ тихоокеанскаго побережья Америки *Nephropsis occidentalis*, который по внѣшности близко походитъ на рѣчного рака, обладаетъ коричневымъ тѣломъ, нѣжно-красновато окрашенными ногами и покрытъ густыми тонкими волосками (рис. 83). Въ качествѣ приспособленія къ жизни на глубинахъ, глаза его превратились въ маленькіе, лишенные пигмента, зачаточные органы.

Одной изъ знаменитѣйшихъ находокъ экспедиціи «Чэлленжера» можетъ считаться открытіе тѣхъ глубоководныхъ раковъ, которые до того были извѣстны намъ лишь въ видѣ прекрасно сохранившихся отпечатковъ въ литографскомъ сланцѣ Золенгофена. Эти ракообразныя, получившія названіе эріонидъ (*Eryonidae*), обитали, повидимому, въ юрскомъ періодѣ въ поверхностныхъ слояхъ моря, какъ это ясно изъ общаго характера золенгофенской фауны. Позднѣе они переселились на морскія глубины и при этомъ утратили совершенно свои глаза, такъ

что у нѣкоторыхъ видовъ даже не замѣтно глазныхъ полостей на панцырѣ. Относящіеся къ эріонидамъ роды *Pentacheles*, *Willemoesia* и *Polycheles* характерны для всевозможныхъ глубинъ,—намъ удалось достать у восточно-африканскаго побережья одного изъ представителей ихъ, покрытаго цѣлымъ лѣсомъ осязательныхъ щетинокъ и характернаго своей розовато-мѣловой окраской.

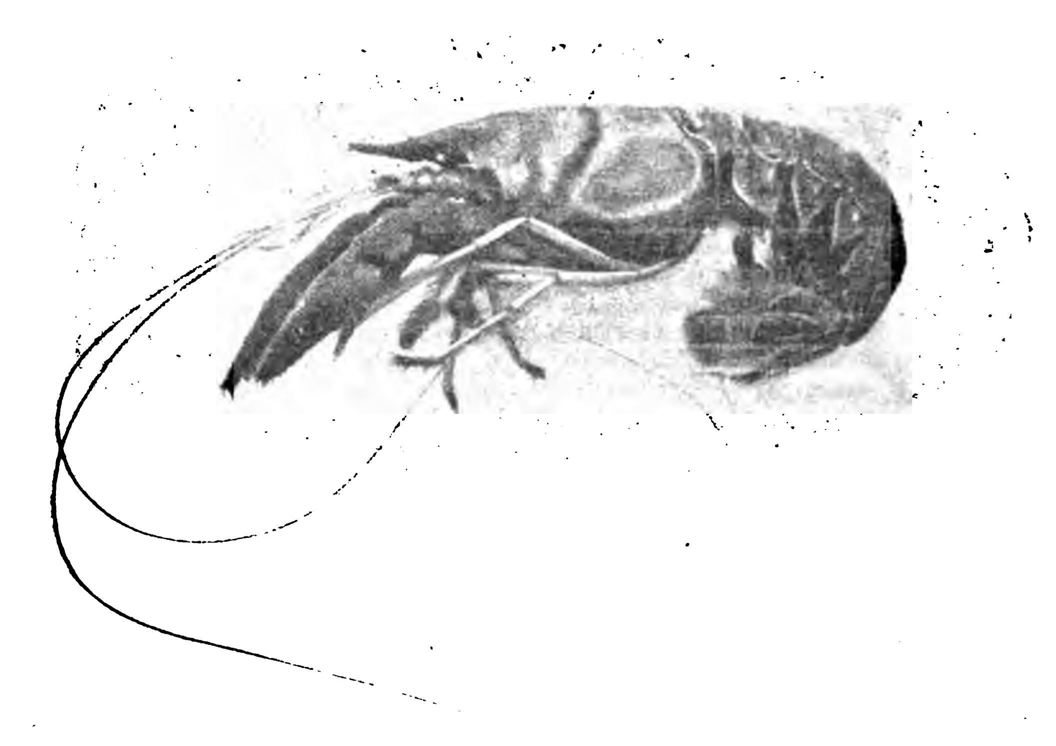


Рис. 83. Десятиногій ракъ *Nephropsis* съ зачаточными глазами (Ніасскій проливъ 614 метр.).

Нами было добыто также значительное количество креветокъ, обращающихъ на себя вниманіе своей ярко-красной окраской. Несмотря на то, что всѣ онѣ превосходные пловцы, все же нѣкоторое количество видовъ креветокъ держится, повидимому, у самаго дна. Всѣ они снабжены хорошо развитыми глазами и обращаютъ на себя вниманіе чудовищнымъ развитіемъ своихъ усиковъ. На Сомалійскомъ берегу мы нашли на глубинѣ 977 метровъ представителей рода *Aristaeopsis*, которые при длинѣ тѣла въ 28 сант. имѣли усики длиною почти въ полтора метра! Особенно своеобразное приспособленіе къ плаванію въ водныхъ слояхъ выказываютъ представители рода *Nematocarcinus*, у которыхъ всѣ 10 ногъ головогруди чудовищно вытянуты въ длину, какъ ноги паука, и оканчиваются пучками осязательныхъ щетинокъ. Притомъ у нихъ замѣчаются превосходные тона окраски и у одного изъ представителей, пойманнаго во впадинѣ Ментавей, красныя и бѣлыя полосы.

Глубоководныя креветки нерѣдко попадали въ такомъ количествѣ

въ наши тралы, что мы прямо не знали, откуда найти посуду, чтобы ихъ законсервировать. Въ двухъ уловахъ 25-го марта у Сомалійскаго берега, на глубинѣ 638 и 977 метрахъ, мы выловили тысячи экземпляровъ изъ родовъ *Heterocarpus* и *Plesionika.* Мы совершенно не могли одолѣть всей этой благодати, и потому часть была сварена и подана къ завтраку. Если подумать, во что обошелся Германіи этотъ нашъ вкусный завтракъ, то, пожалуй, и Лукуллъ бы покачалъ головою!

Изъ другихъ поселяющихся на глубинахъ раковъ мы остановимся лишь на усоногихъ. Они прикрѣпляются ко всему, что только можетъ дать имъ твердую опору, и потому ихъ приходится ловить не только на камняхъ и пустыхъ раковинахъ моллюсковъ, но и на шипахъ морскихъ ежей и на панцыряхъ крабовъ. Въ Южномъ Ніасскомъ проливѣ мы добыли съ глубины 470 метровъ изображенный здѣсь превосходный экземпляръ усоногаго, который является въ настоящее время наиболѣе крупнымъ представителемъ всей группы.

Наконецъ, должно упомянуть и о курьезныхъ морскихъ паукахъ или *пикногонахъ*,—животныхъ съ тѣломъ очень небольшимъ по сравненію съ чудовищно развитыми четырьмя парами ногъ, внутри которыхъ находятся отростки кишечника. У Кэргуэльскихъ острововъ мы нашли уже на незначительной глубинѣ въ 80 метровъ гигантскихъ кроваво-красныхъ представителей изъ рода *Colossendeis.* Въ Индійскомъ океанѣ пикногоны также не отсутствовали на большихъ глубинахъ.

Если мы не останавливаемся здѣсь подробнѣе на моллюскахъ глубоководной фауны, то это обусловливается, главнымъ образомъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что мы совершенно не были въ состояніи разобраться въ томъ огромномъ количествѣ брюхоногихъ моллюсковъ, пластинчатожаберныхъ и зубовиковъ, которыхъ приносили наши тралы. Можно лишь указать на то, что и нѣкоторыя изъ головоногихъ приспособились къ существованію на днѣ. На восточно-африканскомъ берегу мы добыли между 400 и 700 метровъ глубины необыкновенно крупные экземпляры рода *Rossia*, а также и рода *Cirrhoteuthis,* встрѣчающагося и во впадинѣ Ментавей; этотъ послѣдній родъ характеризуется округлымъ, плоскимъ, шоколадно-коричневымъ тѣломъ. Наиболѣе замѣчательной находкой было огромное свѣтло-фіолетовое головоногое съ 8-ю щупальцами, пойманное у Сомалійскаго берега на глубинѣ 749 метровъ. Отъ конца тѣла до края мантіи въ немъ 21 сант., и щупальца его снабжены лишь однимъ рядомъ присосокъ; самая длинная пара щупалецъ, спинная, въ сокращенномъ состояніи длиною въ 40 сант. Наиболѣе важный признакъ этого новаго рода—присутствіе широкой каймы въ видѣ плавательной перепонки на наружной поверхности щупалецъ. Послѣднія отгибаются обыкновенно на тѣло животнаго, такъ что головоногое прикрывается этими расширенными перепонками, какъ мантіей.

---

Что касается до придонныхъ рыбъ глубоководной области, то онѣ относятся, главнымъ образомъ, къ тѣмъ же семействамъ, которыя представлены и въ болѣе мелководной области. Мы добыли представителей большинства глубоководныхъ семействъ, но значительная часть ихъ уже извѣстна, и лишь нѣкоторое количество видовъ и родовъ новы. Рыбы вообще гораздо болѣе подвижны, чѣмъ другія глубоководныя формы, изъ которыхъ многія ведутъ сидячій образъ жизни, и этимъ объясняется, что мы въ еще неизслѣдованныхъ областяхъ Индійскаго океана нашли придонныхъ рыбъ, которыя до того были извѣстны либо

изъ Атлантическаго, либо изъ Тихаго океана. Лишь позднѣйшее болѣе внимательное изученіе нашихъ сборовъ покажетъ, свойственны ли дѣйствительно Индійскому океану извѣстные характерные для него одного типы или же нѣтъ. На первый взглядъ кажется, что свойственны.

Мы утомили бы читателя, если бы стали перечислять всѣ семейства рыбъ, водящихся на глубинахъ. Достаточно сказать, что тамъ представлены, помимо костистыхъ рыбъ, также круглоротыя (миноги) скаты, акулы и химеры. Въ особенности опять-таки восточно-африканское побережье дало намъ интересныя формы,—мы нашли тамъ, напримѣръ, небольшую новую глубоководную акулу черпаго цвѣта, съ расширенной головой и крупными зеленоватыми глазами, на глубинѣ 1.840 метровъ, тамъ же былъ добытъ съ 823 метровъ новый видъ чрезвычайно красиваго электрическаго ската (*Torpedo*). Между костистыми рыбами почти всегда присутствовали представители семейства макруридъ съ ихъ огромными головами и нерѣдко съ гигантскими глазами,—это наиболѣе обыкновенныя и встрѣчающіяся въ большомъ количествѣ видовъ глубоководныя рыбы. На ряду съ ними попадаются часто представители тресковыхъ, слизистыхъ (*Ophidiidae*), лапчатыхъ (*Pediculatae*), угревыхъ и, наконецъ, совершенно лишенныхъ чешуй алепоцефалидъ. Между ними иногда попадались гигантскія формы, являющіяся наиболѣе крупными въ данномъ семействѣ. Такъ, напримѣръ, во впадинѣ Ментавей мы добыли черную глубоководную рыбу, оказавшуюся наиболѣе крупной изъ алепоцефалидъ, и точно такъ же у Сомалійскаго берега была поймана на 1.289 метрахъ глубины черная рыба самой необычайной формы и 90 сант. въ длину, оказавшаяся новымъ родомъ изъ слизистыхъ (*Ophidiidae*). Этотъ огромный обитатель глубинъ близокъ къ индійскому роду (*Lamprogrammus*), но отличается отъ него отсутствіемъ боковой линіи. Настоящія глубоководныя рыбы характеризуются въ общемъ слабымъ развитіемъ брюшныхъ плавниковъ, длиннымъ заостреннымъ хвостомъ, ртомъ на брюшной сторонѣ, нерѣдко сплющеннымъ тѣломъ и плавниками, превращенными въ подпорки. Иногда къ этому присоединяется исчезновеніе глазъ и уменьшенія количества пигмента.

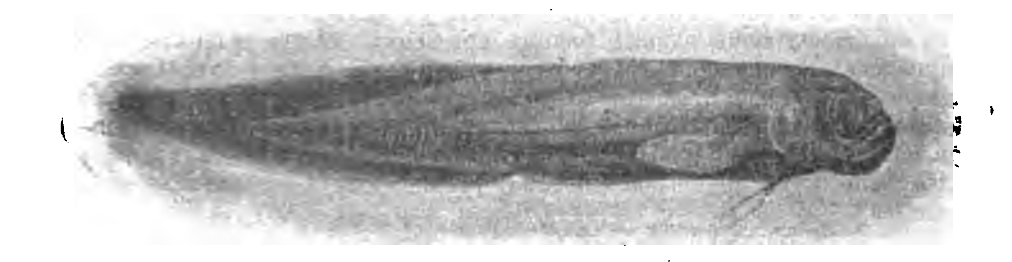


Рис. 84. Слѣпая рыба *Barathronus bicolor* съ глубины 1289 метровъ.

Такую слѣпую рыбу, извѣстную уже изъ Атлантическаго океана, гдѣ она была добыта судномъ «Блэкъ», мы изображаемъ здѣсь (рис. 84); она была поймана на 1.289 метрахъ глубины у Сомалійскаго берега. Скелетъ ея совершенно хрящеватый, кожа полупрозрачная, окрашенная въ нѣжно-розовый цвѣтъ, чрезъ нее просвѣчиваются крове-

носные сосуды и тончайшія развѣтвленія. Внутренности ея незамѣтны, такъ какъ полость тѣла выстлана темно-фіолетовымъ пигментомъ, благодаря чему ей и дали видовое названіе *Barathronus bicolor* (двуцвѣтный). Глаза ея совершенно недоразвиты и вмѣсто нихъ находятся параболическія вогнутыя зеркальныя поверхности, блестящія золотистымъ отблескомъ.

## 2. Пелагическая фауна глубинъ.

Мы указывали уже неоднократно на то, что мощные слои воды между поверхностью и дномъ не лишены жизни, а содержатъ обильную фауну организмовъ, изъ которыхъ одни соотвѣтствуютъ живущимъ у поверхности, другіе же чрезвычайно своеобразны. Наши ловы замыкающимися сѣтями, которыхъ мы произвели болѣе сотни, столь сильно убѣждаютъ въ этомъ, что врядъ ли можетъ еще теперь кто-нибудь сомнѣваться въ существованіи пелагической глубоководной фауны. Мы самымъ добросовѣстнымъ образомъ старались устранить всѣ источники ошибокъ и можемъ все же съ увѣренностью сказать, что ни въ одномъ изъ полученныхъ нами улововъ замыкающимися сѣтями не отсутствовали вполнѣ живые организмы. Что касается до количества живой органической матеріи, то весь водяной столбъ моря можетъ быть раздѣленъ на три этажа. Самый верхній этажъ спускается до 80 метровъ и характеризуется тѣмъ, что въ слояхъ его низшіе растительные организмы роскошно развиваются подъ вліяніемъ солнечнаго свѣта, который позволяетъ имъ усвоять (ассимилировать) неорганическія существа и расти за счетъ ассимилированныхъ веществъ. Второй этажъ простирается отъ 80 и приблизительно до 350 метровъ глубины. Онъ отличается тѣмъ, что тамъ находится относительно немного растительныхъ организмовъ, независимо отъ самыхъ различныхъ наблюдаемыхъ тамъ температуръ. Эта «тѣневая флора», какъ ее назвалъ профессоръ Шимперъ, составляется немногими родами діатомовыхъ и шарообразными водорослями рода *Halosphaera*. Ниже 350 метровъ и вплоть до дна простирается третій этажъ, гдѣ не могутъ уже существовать растительные организмы. Добытые оттуда организмы носятъ постоянно явственные слѣды разложенія, сказывающагося, прежде всего, въ ненормальномъ скопленіи ихъ хроматофоръ и крахмальныхъ зеренъ. Какъ мы пытались уже выяснить выше, растительные остатки съ болѣе или менѣе разлагающимся содержимымъ скопляются массами и опускаются внизъ, чѣмъ и обусловливается нахожденіе въ лежащихъ ниже темныхъ областяхъ богатой фауны животныхъ организмовъ. Однако, наши ловы замыкающимися сѣтями указываютъ на то, что начиная съ 800 метровъ идетъ уменьшеніе количества животныхъ организмовъ, возрастающее пропорціонально съ глубиною.

Одними изъ тѣхъ формъ, которыя не отсутствовали почти ни въ одномъ уловѣ замыкающими сѣтями, являются представители радіолярій изъ семействъ акантометридъ, фэодарій, чэлленжеридъ и тускароридъ, которыя по нашимъ изслѣдованіямъ являются типичными глубоководными формами. Точно также не отсутствовали вплоть до самыхъ значительныхъ глубинъ и ракообразныя изъ отрядовъ остракодъ и копеподъ. На среднихъ глубинахъ отъ 1.000 до 3.000 метровъ, къ нимъ присоединялись сагитты, личинки червей (*Pelagobia*) и кольчатые черви изъ семействъ *Tomopteridae* и *Typhloscolecidae*. Далѣе

почти постоянно находились живыя медузы, и именно трахомедузы, сифонофоры и изъ раковъ—представители амфиподъ и эвфаузій.

Нерѣдко мы наблюдали также моллюсковъ изъ класса крылоногихъ и маленькихъ, относящихся къ скопелидамъ рыбокъ (*Cyclothone*). Изо всѣхъ вышеназванныхъ отрядовъ мы находили одновременно и личинокъ, и насъ чрезвычайно поражало, что даже на самыхъ значительныхъ глубинахъ отъ 5.000 до 4.000 метровъ мы встрѣчали личинокъ рачковъ копеподъ, такъ называемыхъ науплiусовъ, которые, будучи подняты на поверхность, тѣмъ не менѣе двигались очень оживленно. Къ нимъ присоединялись личинки характерныхъ для болѣе значительныхъ глубинъ десятиногихъ раковъ изъ отряда сергестидъ. Упомянемъ при этомъ случаѣ, что въ послѣднемъ изъ нашихъ улововъ замыкающимися сѣтями, предпринятомъ у Расъ-Гафунъ между 5.000 и 4.000 метровъ былъ добытъ огромный кроваво-красный ракъ *Sergestes*, у котораго глаза оказались бѣловатыми, сильно уменьшенными и лишенными пигмента.

Мы всегда старались изслѣдовать содержимое уловов замыкающимися сѣтями сейчасъ же послѣ поднятія сѣти и немедленно отмѣчали тѣ формы, которыя были еще живыми или, по крайней мѣрѣ, съ хорошо сохранившимся тѣломъ и безъ признаковъ разложенія. Принимая во вниманіе, что въ этихъ изслѣдованіяхъ принимали участіе всѣ наши зоологи, вмѣстѣ съ ботаникомъ, и что результаты изслѣдованій въ виду высокаго біологическаго интереса тутъ же постоянно обсуждались, можно съ полнымъ убѣжденіемъ сказать, что нами прилагалась постоянно самая безпощадная критика къ добытому матеріалу и къ безупречности дѣйствія сѣтей.

Замыкающаяся сѣть, однако, какъ ясно уже изъ перечисленія вышеназванныхъ организмовъ, при своемъ короткомъ подъемѣ въ открытомъ состояніи (сѣти были устроены у насъ такъ, что по желанію могли проходить открытыми на разстояніи отъ 20 до 600 метровъ) и при своемъ маломъ діаметрѣ, добываетъ лишь болѣе мелкіе организмы.

Мы имѣли, однако, основаніе предполагать, что на большихъ глубинахъ водятся и крупныя формы, и это было доказано въ дѣйствительности при помощи ловов нашими огромными вертикальными сѣтями. Широкое примѣненіе этихъ сѣтей составляетъ совершенно оригинальную сторону нашей экспедиціи и привело къ тому, что мы можемъ не только внести поправки къ прежнимъ представленіямъ относительно образа жизни глубоководныхъ организмовъ, но и открыли цѣлый рядъ новыхъ формъ, которыя возбудили особый интересъ среди зоологовъ.

Мы можемъ далѣе утверждать, основываясь на сотняхъ произведенныхъ нами ловов вертикальными сѣтями на различныхъ глубинахъ, что наиболѣе интересные представители пелагической глубоководной фауны встрѣчаются лишь ниже 600—800 метровъ. Въ виду того, что вертикальная сѣть вылавливаетъ все водящееся какъ на глубинѣ, такъ и вблизи поверхности, мы предпринимали неоднократно на одномъ и томъ же мѣстѣ послѣдовательные ловы съ различныхъ глубинъ. При этомъ оказалось, что своеобразныя формы получаются лишь въ томъ случаѣ, когда сѣть опускается ниже 800 метровъ.

Прежде чѣмъ касаться біологическихъ особенностей нѣкоторыхъ изъ этихъ пелагическихъ глубоководныхъ формъ, мы познакомимъ читателя съ ними ближе.

Изъ низшихъ формъ, изъ простѣйшихъ, поражаетъ, прежде всего,

богатство радіоляріями. Геккель изобразилъ радіолярій экспедиціи «Чэлленжера» въ огромной монографіи, иллюстрированной 140 таблицами большого формата. Позволяю себѣ высказать увѣренность, что тому, кто будетъ обрабатывать добытыхъ нами радіолярій, придется написать не менѣе объемистый трудъ, если онъ задастся цѣлью охарактеризовать подробнѣе все то обиліе формъ, которое относится отчасти даже къ еще неизвѣстнымъ семействамъ. Мы пользовались для сохраненія мягкаго тѣла радіолярій новѣйшими методами консервированія и въ этомъ отношеніи обработка нашихъ сборовъ явится, по всей вѣроятности, желательнымъ дополненіемъ къ труду Геккеля.

Между медузами мы также натолкнулись на цѣлый рядъ формъ, которыя частью были добыты еще прежними экспедиціями, частью являются новыми. Д-ръ Фанъ Гоффентъ, занимавшійся во время пути спеціально медузами, сообщаетъ, что изъ крупныхъ сцифомедузъ добыто 14 родовъ, представленныхъ 21 видомъ, между ними три рода и 9 видовъ новы. Мы имѣемъ всѣ основанія, какъ предполагалъ уже Геккель, считать роды *Atolla* и *Periphylla*, характерные своей пурпуровой, фіолетовой или коричневатой окраской настоящими глубоководными медузами, тѣмъ болѣе, что мы добыли молодой экземпляръ *Periphylla regina* въ одномъ изъ улововъ замыкающеюся сѣтью съ глубины 1.500—1.000 метровъ. Болѣе крупные старые экземпляры *Atolla* держатся, повидимому, ближе къ дну, такъ какъ иногда намъ приходилось ихъ добывать въ огромномъ количествѣ траломъ. Эти красивыя медузы настолько же приковывали наше вниманіе, какъ и прозрачные или же красные или темнофіолетовые представители гидромедузъ, попадавшіеся нерѣдко въ наши сѣти.

Какъ доказалъ еще Штудеръ во время экспедиціи «Газели», и нѣкоторые изъ сифонофоръ—этихъ замѣчательныхъ плавающихъ колоніальныхъ полиповъ—являются также настоящими пелагическими глубоководными животными. Въ особенности таковыми оказываются ризофизы, которыя нерѣдко какъ во время прежнихъ экспедицій, такъ и при нашей работѣ запутывались на лотлинѣ и тросѣ служившемъ для драгированія и приносились съ большихъ глубинъ на поверхность. Стволъ ихъ можетъ вытягиваться удивительно длиннымъ: однажды мы измѣрили ризофизу въ 4 метра длины. Интересныхъ представителей ауронектидъ, добытыхъ «Чэлленжеромъ», намъ поймать не удалось, но зато мы нерѣдко встрѣчали новыя формы физофоръ, отличавшіяся темно-фіолетовымъ цвѣтомъ.

Пріятнымъ сюрпризомъ для насъ было нахожденіе также и гребневиковъ (ктенофоръ), характерныхъ для глубоководной области. Они являются первыми, полученными съ большихъ глубинъ, ктенофорами, и потому мы скажемъ о нихъ нѣсколько словъ. Какъ въ Атлантическомъ, такъ и въ Индійскомъ океанѣ мы нашли по одной мертензіи, сплюснутое тѣло которой шириною въ 4—5 сант. и бросается въ глаза своимъ бѣлымъ молочнымъ цвѣтомъ и черно-фіолетовымъ желудкомъ. Желудокъ оканчивается широкимъ ротовымъ отверстіемъ, темныя края губъ котораго то прижимаются одинъ къ другому, то широко раскрываются. Мы пробовали держать этихъ ктенофоръ въ охлажденной водѣ, но онѣ приходили на поверхность обыкновенно въ полуживомъ состояніи; плавательныя пластинки ихъ еще двигались, но своихъ нитевидныхъ щупалецъ онѣ не разворачивали. Однажды мы добыли къ сожалѣнію сильно пострадавшій экземпляръ кроваво красной цидипидды цилиндрической формы, съ желудкомъ густого чернаго цвѣта. Любопытно, что

у этихъ рѣдкихъ ктенофоръ также проявляются тѣ фіолетовые и черноватые тона, которые свойственны и глубоководнымъ медузамъ и совершенно отсутствуютъ, по крайней мѣрѣ, изъ ктенофоръ у формъ, водящихся на поверхности.

Однимъ изъ наиболѣе интересныхъ открытій находившейся подъ начальствомъ Агассица американской экспедиціи судна «Альбатросъ» было нахожденіе въ Тихомъ океанѣ у береговъ Америки свободно плавающаго иглокожаго изъ класса голотурій. Проф. Лудвигъ описалъ это животное на основаніи рисунковъ Агассица и очень несовершенно сохранившагося экземпляра подъ названіемъ *Pelagothuria*(рис. 85). Уже въ Атлан-

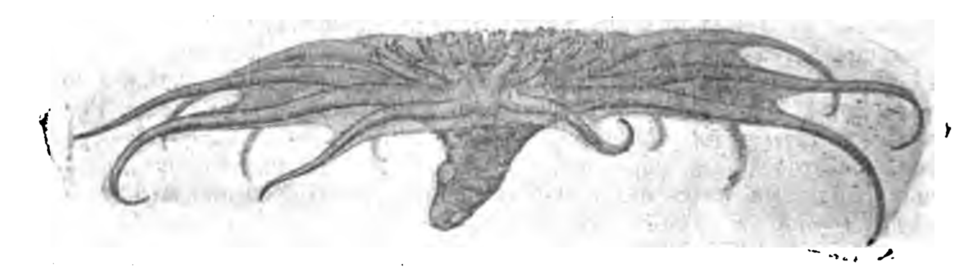


Рис. 85. Глубоководная пелагическая голотурія *Pelagothuria Ludwigi*. (Индійскій океанъ, 2000 метр.).

тическомъ океанѣ мы находили молодыя стадіи развитія этой голотуріи, а въ Индійскомъ океанѣ, именно во время поѣздки отъ Сейшелльскихъ острововъ къ восточно-африканскому берегу, намъ удалось получить и половозрѣлыхъ животныхъ. Врядъ ли имѣется между пелагическими глубоководными животными болѣе нѣжная и въ то же время болѣе нѣжная и въ то же время болѣе изящная форма, какъ это курьезное существо, напоминающее на первый взглядъ медузу или актинію. Студенистое тѣло, совершенно лишенное столь типичныхъ для иглокожихъ известковыхъ тѣлецъ, окрашено въ самый свѣтлый розовый цвѣтъ и лишь на заднемъ концѣ замѣчается болѣе темный фіолетовый оттѣнокъ. Что эта голотурія типичное глубоководное животное, которое можетъ, впрочемъ, приближаться и къ поверхности, показываетъ намъ нахожденіе ея въ уловѣ замыкающейся сѣтью между 1.000—800 метровъ. Въ виду того, что прежнія изображенія давали лишь очень несовершенное представленіе объ этомъ удивительномъ организмѣ, мы позволимъ себѣ воспроизвести здѣсь набросокъ, сдѣланный съ живого экземпляра, содержавшагося въ охлажденной водѣ. Въ поясненіе добавимъ, что наиболѣе замѣчательный признакъ этой голотуріи состоитъ въ превращеніи ея 12 щупалецъ, соединенныхъ между собою перепонкой въ огромную плавательную пластинку. Щупальца эти симметрично располагаются по отношенію къ срединной плоскости совпадающей съ вытянутымъ въ длину ротовымъ отверстіемъ. Боковыя щупальца нѣсколько длиннѣе остальныхъ и достигаютъ у наиболѣе крупныхъ экземпляровъ 8 сант. Внутри вѣнца щупалецъ, образующихъ плавательную пластинку, располагается второй вѣнецъ болѣе короткихъ и имѣющихъ на концѣ жаберныя вѣточки. Количество ихъ не соотвѣтствуетъ количеству большихъ, такъ какъ ихъ 14. Они также располагаются симметрично и соединены студенистой тканью съ ниж-

ними. Ротовой дискъ, окруженный этими двумя вѣнцами щупалецъ, несетъ кругловатое ротовое отверстіе, которое въ спокойномъ состояніи имѣетъ видъ щели. Передняя кишка переходитъ въ завернутую петлею среднюю кишку, за которой слѣдуетъ открывающаяся на заднемъ концѣ тѣла задняя кишка. Кишечникъ былъ постоянно наполненъ желтовато-коричневой массой, которая при микроскопическомъ изслѣдованіи оказалась скопленіемъ радіолярій, глобигеринъ и діатомовыхъ раковинокъ. На той сторонѣ тѣла, которую считаютъ обыкновенно спиною, просвѣчиваютъ двѣ половыя железы, открывающіяся, быть можетъ, вмѣстѣ каменистымъ каналомъ (отверстіемъ такъ называемой амбулакральной системы сосудовъ) на удлиненномъ сосочкѣ. У индійской формы вокругъ этого сосочка располагаются двѣ пары короткихъ щупалецъ, которыя напоминаютъ собою амбулакральныя ножки. Въ щупальцахъ замѣтны продольныя мышечныя волокна и нервы. Послѣдніе отходятъ отъ нервнаго кольца, окружающаго ротовой дискъ; нервы щупалецъ отходятъ симметрично отъ 4 радіальныхъ нервовъ задней головной области. При спокойномъ плаваніи ротъ направленъ обыкновенно вверхъ и плавательная пластинка, образованная 12 щупальцами и окаймляющей ихъ нѣжной студенистой перепонкой, развертывается то горизонтально, то отгибается внизъ и закрываетъ червеобразное тѣло. Движенія эти, впрочемъ, настолько медленны, что не вызываютъ, какъ у медузъ, перемѣщенія тѣла, что обусловливается также и нѣжностью мускулатуры.

Индійскій видъ представляетъ такія бросающіяся въ глаза отличія отъ тихоокеанскаго, что они не могутъ быть отнесены къ недостаточности наблюденій надъ послѣднимъ. Это, несомнѣнно, новый видъ, который я предлагаю назвать въ честь установившаго родъ *Pelagothuria Ludwigi.*

Изъ червей въ содержимомъ глубоководныхъ сѣтей никогда не было недостатка въ крупныхъ сагиттахъ съ желтоватымъ или красноватымъ кишечникомъ. Рѣже попадались красные и оранжевые *Typhloscolecidae,* въ антарктической же области почти въ каждомъ глубоководномъ уловѣ встрѣчались превосходные прозрачные *Tomopteridae*, почти въ палецъ длиною, съ розоватыми параподіями. Пріятнымъ сюрпризомъ для насъ было нахожденіе ведущей пелагическій образъ жизни немертины. Эта группа червей обитаетъ почти исключительно на морскомъ днѣ, но участникомъ экспедиціи «Чэлленжера» Мозели былъ описанъ по молодымъ экземплярамъ родъ *Pelagonemertes*, ведущій пелагическій образъ жизни. Намъ удалось добыть цѣлый рядъ хорошо сохранившихся экземпляровъ съ сильно развѣтвленнымъ краснымъ или оранжевымъ кишечникомъ и надо ожидать, что детальное изслѣдованіе ихъ дастъ много новыхъ интересныхъ выводовъ относительно этой своеобразной формы.

Цѣлыя полчища ракообразныхъ кишатъ въ глубокихъ слояхъ. Постоянно голодныя и съ жадностью набрасывающіяся на добычу, они стараются защититься отъ своихъ враговъ шипами и остріями различныхъ отростковъ, выискиваютъ добычу при помощи своихъ огромныхъ усиковъ и глазъ, иногда, впрочемъ, отсутствующихъ, привлекаютъ ее къ себѣ яркими фонарями и захватываютъ своими клешнями или ножками, превращенными нерѣдко въ настоящія копья.

Находятся ли между низшими ракообразными, главнымъ образомъ, копеподами, типичныя глубоководныя формы—это покажетъ болѣе подробное изслѣдованіе матеріала. Присутствіе и на самыхъ значительныхъ глубинахъ было доказано нашими замыкающимися сѣтями. Во

всякомъ случаѣ мы знаемъ, что между остракодами цѣлый отрядъ, именно *Halocypridae*, состоитъ изъ типичныхъ пелагическихъ обитателей глубинъ. Глаза у этихъ рачковъ атрофируются; при нормальныхъ условіяхъ они никогда не поднимаются на поверхность. Мы встрѣтили между ними настоящихъ гигантовъ, длиною болѣе одного сантиметра; прежде всего брасается въ глаза новый видъ съ шарообразной раковинкой, которая окрашена въ оранжевый цвѣтъ,—въ области головы на ней находятся блестящіе, какъ перламутръ, рефлекторы. Свѣченія этихъ оригинальныхъ образованій мы не замѣтили, и потому трудно сказать, какова ихъ роль въ дѣйствительности. Такіе рачки-великаны были найдены нами какъ въ Атлантическомъ, такъ и въ Индійскомъ океанѣ, вплоть до восточно-африканскаго берега.

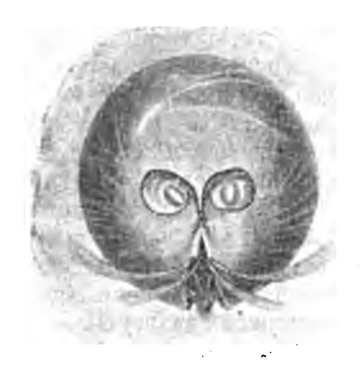


Рис. 86. Гигантскій глубоководный рачекъ изъ *Ostracoda* (Увел. 2 раза).

Должно упомянуть, что и цѣлый рядъ амфиподъ держится также на глубинахъ. Нерѣдко мы встрѣчали ярко-красныя или темно-коричневыя формы съ выродившимися глазами или же совсѣмъ безъ глазъ, и постоянно обращалъ на себя особое вниманіе удивительный прозрачный рачокъ изъ амфиподъ, открытый еще экспедиціей «Чэлленжера» и описанный подъ названіемъ *Thaumatops*. Иногда онъ попадался въ видѣ гигантскихъ экземпляровъ, фасеточные глаза которыхъ сходились на лбу и являлись положительно самыми крупными по своимъ размѣрамъ глазами членистоногихъ.

Наиболѣе типичнымъ отрядомъ глубоководныхъ ракообразныхъ являются расщепленогія (*Schizopoda*), между ними особенно замѣчательны представители родовъ *Nematoscelis и Stylocheiron*, встрѣчающіеся начиная съ 500 метровъ глубины въ огромныхъ количествахъ. Присутствіе ихъ между 1.000 и 2.000 метровъ было доказано неоднократно нашими замыкающимися сѣтями, и дѣйствительно эти хищники съ огромными ногами, оканчивающимися клешнями или стилетами, съ чудовищно удлиненными усиками и превосходными, раздѣленными на двѣ части, глазами, наконецъ, со спеціально развитыми органами свѣченія, являются самыми характерными изъ глубоководныхъ формъ.

Интересной находкой экспедиціи «Чэлленжера» были гигантскія формы расщепленогихъ, названныя *Gnathophausia*. Это кроваво-красные раки, о которыхъ слѣдовало бы сказать еще при характеристикѣ придонной фауны глубинъ. Если мы упоминаемъ о нихъ здѣсь, то, главнымъ образомъ, въ виду того обстоятельства, что намъ неоднократно приходилось ловить ихъ вертикальною сѣтью на 1.000 или 2.000 метровъ надъ морскимъ дномъ.

Очень характерными представителями пелагической глубоководной фауны являются десятиногіе раки изъ семейства сергестидъ. Они постоянно попадались въ вертикальныхъ сѣтяхъ при опусканіи послѣднихъ на значительныя глубины. Мы уже упоминали выше, что одинъ изъ представителей ихъ былъ найденъ въ уловѣ замыкающейся сѣти съ 5.000—4.000 метровъ. Глаза ихъ рѣдко недоразвиты, но притомъ сергестиды поражаютъ чудовищно-длинными усиками, которые

въ десять-двадцать разъ длиннѣе ихъ тѣла. Точно также должно причислить къ пелагической глубоководной фаунѣ нѣкоторыхъ изъ крупныхъ десятиногихъ раковъ, относящихся къ родамъ *Acanthepyra* и *Notostomus*. Цѣлый рядъ новыхъ видовъ этихъ красивѣйшихъ раковъ былъ выловленъ нашими сѣтями. Родъ *Notostomus* былъ открытъ первоначально экспедиціей «Альбатроса» и считался до сихъ поръ принадлежащимъ къ придонной фаунѣ. То же самое можно сказать и о нѣкоторыхъ представителяхъ эріонидъ: они относятся къ роду *Erycnicus* и отличаются отъ живущихъ на днѣ родственныхъ видовъ *Pentacheles* и *Willemoesia* тѣмъ, что тѣло ихъ красной и молочно-бѣлой окраски, приспособляясь къ свободно плавающему образу жизни, раздуто въ видѣ шара.

Моллюски, плавающіе на большихъ глубинахъ, представлены, главнымъ образомъ, крылоногими, обращающими на себя вниманіе какъ своимъ строеніемъ, такъ и величиною. Между прозрачными килеиогими моллюсками, также встрѣчавшимися намъ, отмѣтимъ здѣсь нахожденіе гигантской формы *Carinaria*, пойманной вертикальною сѣтью послѣ того, какъ мы вышли съ Цейлона. Моллюскъ этотъ достигаетъ 58 сант. и является наиболѣе крупнымъ изъ всѣхъ извѣстныхъ килеиогихъ.

Особенно обильно представлены въ нашихъ уловахъ головоногія, ведущія пелагическій образъ жизни,—они постоянно встрѣчались въ большомъ количествѣ, какъ только сѣть опускалась ниже 1.000 метровъ. Нѣкоторыя изъ этихъ чрезвычайно прозрачныхъ и нѣжныхъ формъ являются новыми. Мы скажемъ о нихъ подробнѣе ниже.

Пелагически живущимъ головоногимъ должно считаться также и то существо, которое является одною изъ наиболѣе цѣнныхъ находокъ экспедиціи—именно пойманная нами живою въ Южномъ Ніасскомъ проливѣ *Spirula* (рис. 87). Она оказалась висящей въ сѣти нашего трала, опущеннаго на 594 метра, но тралъ этотъ не достигъ, повидимому, дна и содержалъ, кромѣ *Spirula*, лишь медузу *Atolla* и одну пелагически живущую глубоководную рыбу. На нашемъ экземплярѣ ясно видна на заднемъ концѣ тѣла часть раковины, завернутой, какъ почтовый рогъ, и замѣтенъ придатокъ, удивительно похожій на присоску. Превосходный старинный наблюдатель Румфіусъ описалъ въ 1705 году въ своемъ сочиненіи «Камера раритетовъ Амбоины» первый сильно



Рис. 87. Головоногій моллюскъ *Spirula*.

разложившійся экземпляръ *Spirula* и высказалъ при этомъ предположеніе, что животное присасывается къ скаламъ. Позднѣйшіе наблюдатели также разсматриваютъ данное образованіе, какъ присоску. Строеніе его такъ мало, однако, напоминаетъ подобныя же образованія на щупальцахъ головоногихъ, что мнѣ кажется скорѣе можно считать придатокъ этотъ соотвѣтствующимъ тому, который извѣстенъ у ископаемыхъ головоногихъ подъ названіемъ «rostrum» и достигаетъ нерѣдко сильнаго развитія на ихъ раковинахъ.

Изъ типа оболочниковъ мы находили иногда въ замыкающихся

сѣтяхъ сальпъ и представителей рода *Doliolum*, но всѣ они относятся къ видамъ уже извѣстнымъ изъ поверхностныхъ слоевъ. Сомнительнымъ является также, представляютъ ли нѣкоторые изъ видовъ пирозомъ, столь замѣчательныхъ своимъ великолѣпнымъ свѣченіемъ, также исключительно обитателей глубинъ. Можно, однако, предполагать, что это такъ,—тралъ въ Индійскомъ океанѣ приносилъ иногда на поверхность прямо кашицу изъ розоватыхъ пирозомъ.

По отношенію къ классу оболочниковъ, которые живутъ исключительно пелагически, именно къ классу аппендикулярій, можно съ увѣренностью сказать что были добыты представители никогда не наблюдавшіеся на поверхности. Если принять во вниманіе, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ обыкновенно передъ собою очень мелкіе организмы, для изученія которыхъ приходится употреблять сильныя увеличенія, то можно себѣ представить наше изумленіе когда мы добыли двѣ совершенно прозрачныя и безцвѣтныя гигантскія аппендикуляріи въ 8,5 сант. длины, наиболѣе крупной изъ извѣстныхъ до сихъ поръ аппендикулярій была *Megalocercus abyssorum*, которую я добылъ прежде на глубинахъ Средиземнаго моря, но она является прямо карликомъ по сравненію съ этими великолѣпными формами, найденными въ двухъ экземплярахъ при приближеніи нашемъ къ Капланду въ вертикальной сѣти, опущенной до 2.000 метровъ. Въ виду того, что открытіе этихъ

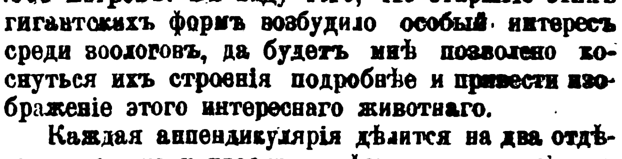

гигантскихъ формъ возбудило особый интересъ среди зоологовъ, да будетъ мнѣ позволено коснуться ихъ строенія подробнѣе и привести изображеніе этого интереснаго животнаго.



Рис. 88. Аппендикулярія *Bathochordaeus Charon* (Южн. Атлант. океанъ, 2500 метр., натур. вел.).

Каждая аппендикулярія дѣлится на два отдѣла—туловище и хвостъ; у формъ, водящихся на поверхности, туловище достигаетъ величины булавочной головки, а у представителей рода *Fritillaria* такъ мало, что не можетъ быть разсмотрѣно невооруженнымъ глазомъ. У нашихъ гигантскихъ формъ туловище величиною съ орѣхъ, именно имѣетъ 25 мм. въ длину и 19 мм. въ ширину и сплюснуто. На брюшной сторонѣ начинается хвостъ длиною въ 7 сант. и со своими окаймляющими его плавниками шириною въ 3 сант.

Изъ внутреннихъ органовъ легко разсмотрѣть простымъ глазомъ кишечникъ на всемъ его протяженіи (р. 88). Онъ состоитъ у всѣхъ аппендикулярій изъ дыхательнаго жабернаго отдѣла и пищеварительнаго. У нашего вида дыхательный отдѣлъ проявляетъ въ томъ отношеніи уклоненіе, что жаберная часть кишечника, снабженная двумя жаберными щелями, очень мала, тогда какъ слѣдующая за ней глотка развита сильно. Задняя кишка дѣлаетъ сильный заворотъ по направленію къ серединѣ брюшной поверхности и открывается наружу у основанія хвоста. Пищеводъ ведетъ въ желудокъ съ сильно развитымъ печеночнымъ придаткомъ, открывающимся въ желудокъ на лѣвой сторонѣ. Расположенный на спинной сторонѣ ротъ чрезвычайно малъ по сравненію съ обоими жаберными щелями, лежащими на брюшной сторонѣ. Щели эти открываются въ широкіе мѣшки, сообщающіеся съ глоткой.

Кромѣ того на брюшной сторонѣ глотки лежитъ мѣшочекъ, заключающій свойственный всѣмъ оболочникамъ эндостиль, который является центромъ аппарата, предназначеннаго для привлеченія пищи потокомъ воды. Отъ него проходятъ три полосы покрытыя мерцательными рѣсничками къ пищеводу и двѣ полосы къ ротовому отверстію. Щелевидныя отверстія жабръ также окаймлены мерцающими полосками.

Изъ остальныхъ органовъ отмѣтимъ лишь смѣщенный къ правой сторонѣ нервный ганглій съ прилежащей къ нему обонятельной ямкой и расположенное на брюшной сторонѣ сердце, быстрыя сокращенія котораго замѣтны уже простымъ глазомъ. Сильно развитая лопастная половая железа занимаетъ боковыя стороны туловища.

Въ хвостѣ замѣчается прежде всего свойственная и низшимъ позвоночнымъ спинная струна (*chorda dorsalis*), которая у этой аппендикуляріи такой же толщины, какъ у миноги, и приводится въ движеніе двумя толстыми мышечными тяжами.

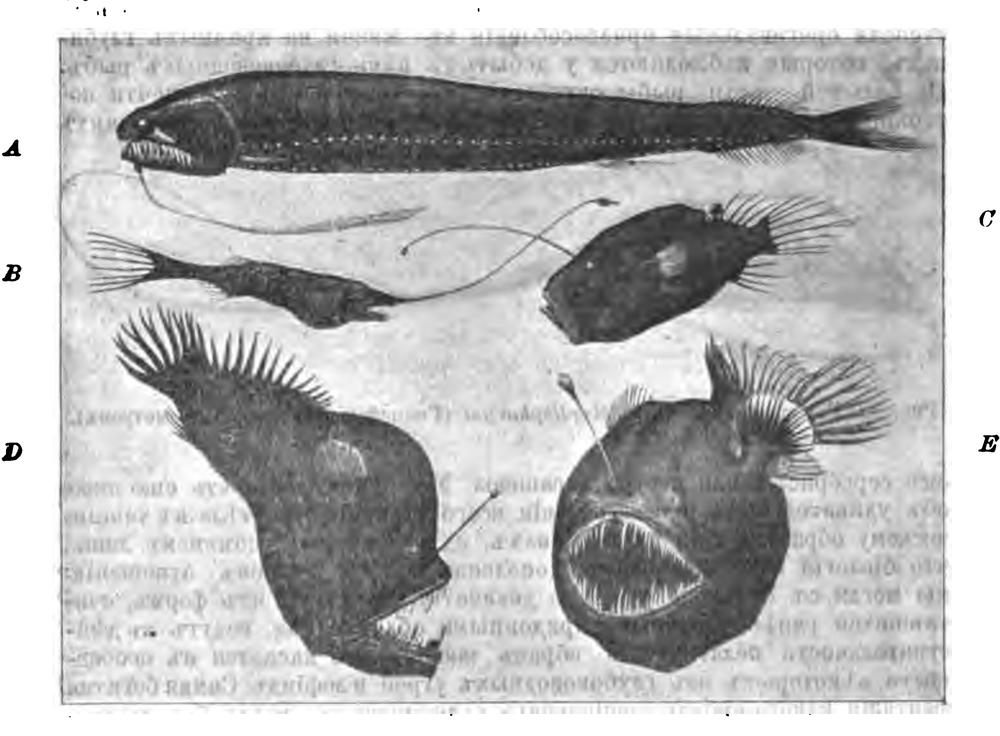



Рис. 89. Пелагическія глубоководныя рыбы.—*A.*—*Echiostoma sp.* (Индійскій океанъ, 1024 метр.).—*B.*—Рыба изъ семейства *Ceratiidae* (Индійскій океанъ, 1500 метр.).—*C.*—*Cryptopsaras sp.* (Аденскій заливъ, 1840 метр.).—*D* и *E.*—*Melanocoetus sp.* (Гвинейскій заливъ и Индійскій океанъ).

Аппендикуляріи выдѣляютъ студенистую оболочку, которую онѣ могутъ, однако, легко покидать. Разсмотрѣнная нами форма также обладаетъ, вѣроятно, такой оболочкою, такъ какъ передняя часть спинной поверхности тѣла обладаетъ железистой тканью, образующей около ротового отверстія 4 выступа похожихъ на усы. Студенистой оболочки мы не добыли, но, имѣя въ виду, что она обыкновенно значительно больше, по сравненію съ тѣломъ, надо думать, что въ данномъ случаѣ она не менѣе тыквы.

Если изображенная нами гигантская форма и представляетъ нѣкоторыя особенности, позволяющія отнести ее къ новому роду, то все же, съ другой стороны, ожиданіе наше, что она выяснитъ сколько нибудь ближе связь оболочниковъ съ позвоночными, не оправдалось. Она является во всѣхъ отношеніяхъ типичной аппендикуляріей и ни одинъ изъ органовъ ея не выходитъ изъ обычныхъ рамокъ.

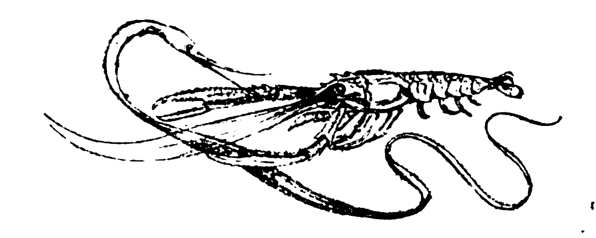
Что касается до пелагически живущихъ рыбъ, то врядъ ли можно будетъ насъ обвинить въ преувеличеніи, если мы скажемъ, что примѣненіе вертикальныхъ сѣтей открыло передъ нами цѣлый міръ новыхъ формъ. Обрабатывающій рыбъ д-ръ Брауеръ сообщаетъ, что онѣ принадлежатъ не менѣе какъ къ 180 видамъ, между которыми огромное количество не можетъ быть отожествлено съ уже извѣстными. Большая часть рыбъ принадлежитъ къ семействамъ скопелидъ, стоміатидъ, лофіидъ и угрей. Не столько, однако, большое количество новыхъ видовъ, родовъ и даже семействъ поражаетъ насъ здѣсь, сколько тѣ удивительныя, чудовищныя формы и иногда въ высшей степени оригинальныя приспособленія къ жизни на мрачныхъ глубинахъ, которыя наблюдаются у добытыхъ нами глубоководныхъ рыбъ. По большей части рыбы окрашены въ черный цвѣтъ и почти постоянно онѣ снабжены органами свѣченія; въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ

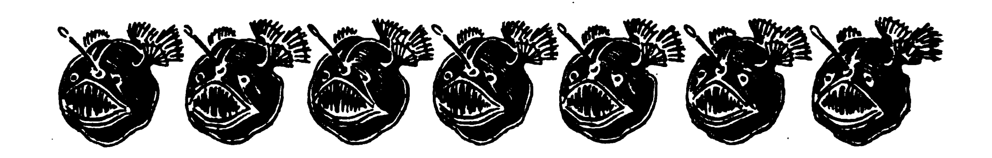


Рис. 90. Глубоководная рыба *Megdlopharynt* (Гвинейскій заливъ, 3500 метровъ).

онѣ серебристы или пестро окрашены. Мы будемъ говорить еще ниже объ удивительномъ приспособленіи всего строенія ихъ тѣла къ хищническому образу жизни на глубинахъ, здѣсь же мы упомянемъ лишь, что біологія ихъ была нами дополнена въ слѣдующемъ отношеніи: мы могли съ большою ясностью доказать, что многія изъ формъ, считавшихся ранѣе типичными придонными обитателями, ведутъ въ дѣйствительности пелагическій образъ жизни. Это касается въ особенности нѣкоторыхъ изъ глубоководныхъ угрей и лофіидъ. Самая богатая фантазія какого-нибудь геніальнаго художника не могла бы воспроизвести на полотнѣ столь чудовищныя формы, какъ тѣ, которыя были нами добыты. Представители рода *Melanocoetus*, найденные нами въ видѣ многихъ новыхъ видовъ, считались прежними изслѣдователями, и въ особенности извѣстнымъ ихтіологомъ Гюнтеромъ типичными обитателями глубоководнаго ила и даже въ популярныхъ книгахъ изображались обыкновенно зарывшимися въ илъ. Мы находили ихъ почти исключительно живущими пелагически и даже на много тысячъ метровъ надъ поверхностью дна. До какой глубины спускаются эти рыбы, сказать пока трудно. Онѣ не попадаютъ въ замыкающіяся сѣти или если и попадаютъ, то лишь наиболѣе обыкновенныя формы, напримѣръ представители рода *Cyclothone*, принадлежащаго къ скопелидамъ, попадались и въ нашихъ уловахъ замыкающимися сѣтями, на глуби-

нахъ 1.700—1.600 метровъ. Благодаря, быть можетъ, теченіямъ, идущимъ со дна или же какимъ-либо другимъ способомъ подобныя пелагическія глубоководныя формы могутъ увлекаться иногда и въ верхніе слои воды,—такъ, напримѣръ, одинъ изъ курьезнѣйшихъ представителей глубоководныхъ угрей *Saccopharynx ampulaceus* извѣстенъ до сихъ поръ лишь въ пяти экземплярахъ, которые были добыты на поверхности моря плавающими въ совершенно безпомощномъ состояніи. Чтобы познакомить читателей съ этими чудовищными по своей формѣ глубоководными угрями, обладающими огромной пастью и тонкимъ тѣломъ, мы приводимъ здѣсь изображеніе представителя новаго рода *Megalopharynx* добытаго нами въ Гвинейскомъ заливѣ вертикальною сѣтью, опущенною на 3.500 метровъ.





## ГЛАВА XXI.

### Біологическія особенности глубоководныхъ организмовъ.

Во время нашего пути мы захватили въ районъ нашихъ изслѣдованій четыре океаническія области, которыя по составу своей фауны выказываютъ извѣстныя особенности; это были: арктическая область, затронутая нами лишь въ своей южной части, именно въ Фарреро-Шетландской впадинѣ, затѣмъ атлантическая, антарктическая и индійская области.

Хорошо уже изслѣдованный Атлантическій океанъ далъ относительно небольшое количество новыхъ видовъ, поскольку дѣло касается придонныхъ формъ. Добытыя нами уже извѣстныя формы подтверждаютъ то представленіе, что придонная фауна Атлантическаго океана обладаетъ извѣстными характерными для нея чертами и представляетъ изъ себя одно цѣлое. Виды, которые были до сихъ поръ извѣстны лишь съ американскаго берега, выплыли здѣсь снова на поверхность у западно-африканскаго побережья.

Условія мѣняются со вступленіемъ въ антарктическую область. Поскольку дѣло касается глубоководной фауны, добытой у острова Буво, то сообщенія отдѣльныхъ спеціалистовъ, обрабатывающихъ коллекціи, сводятся къ тому, что этой области свойственно большое количество новыхъ формъ. Въ особенности представляются важными въ зоогеографическомъ отношеніи добытыя тамъ въ изобиліи кишечнополостныя, морскія звѣзды и раки.

Наконецъ, относительно Индійскаго океана мы указывали уже выше что впадина Ментавей, какъ можно было, впрочемъ, предсказать и заранѣе, проявила много общихъ чертъ съ изслѣдованнымъ «Инвестигаторомъ» Бенгальскимъ заливомъ. До нѣкоторой степени это можетъ быть сказано и относительно центральнаго Индійскаго океана, и относительно формъ, добытыхъ у восточно-африканскихъ береговъ. Но именно эта послѣдняя область дала намъ и необыкновенное множество новыхъ и въ высокой степени своеобразныхъ животныхъ.

Хотя и нельзя отрицать, что каждой изъ этихъ областей свойственно извѣстное количество типичныхъ для нея формъ, но, съ другой стороны, все же должно отмѣтить нахожденіе многочисленныхъ формъ, извѣстныхъ до сихъ поръ лишь изъ Атлантическаго океана въ Индійскомъ. Южная Африка никоимъ образомъ не представляетъ изъ себя непреодолимой преграды между обоими бассейнами. Мы имѣли уже случай выше обращать вниманіе читателя на замѣчательное смѣшеніе атлантическихъ, индійскихъ и антарктическихъ формъ на Агуласской

банкѣ. До обработки только что еще распредѣленнаго между специалистами матеріала было бы слишкомъ преждевременно разсматривать здѣсь подробнѣе вопросъ, насколько мы въ правѣ приписывать выше названнымъ четыремъ бассейнамъ самостоятельную, свойственную имъ только однимъ глубоководную фауну и возможно ли считать ихъ отдѣльными зоогеографическими глубоководными областями.

Точно также не можемъ мы еще пока касаться и столь жгучаго въ настоящее время вопроса о конвергенціи, т.-е. совпаденіи и внѣшнемъ сходствѣ арктической и антарктической фауны. Нельзя отрицать, что въ антарктической области появляются часто формы, представляющія поразительное сходтво съ арктическими. Это касается не только отдѣльныхъ видовъ, но и общаго характера фауны. Мы не знаемъ, однако, до сихъ поръ все же ни одного единственнаго вида, который встрѣчался бы на сѣверѣ и на югѣ въ совершенно тожественныхъ экземплярахъ. Можно ли сдѣлать такой же выводъ по собранному нами матеріалу, мы будемъ въ состояніи сказать лишь послѣ тщательнаго изслѣдованія и сравненія. Надо думать, что и въ данномъ случаѣ взгляды изслѣдователей будутъ расходиться—одни будутъ предполагать, что сходство обусловливается одинаковыми условіями существованія, другіе же будутъ считать это сходство за доказательство родственной связи обѣихъ фаунъ и будутъ разсматривать арктическія и антарктическія глубоководныя формы до нѣкоторой степени, какъ членовъ одной семьи, разъединенныхъ преградою, какою являются промежуточныя области. Если же окажется возможнымъ доказать, что въ обширныхъ, простирающихся на много градусовъ широты промежуточныхъ областяхъ сохранились все же еще отдѣльные остатки членовъ этой семьи на глубинахъ, то, несомнѣнно, сходство между арктическими и антарктическими видами будутъ считать также и результатомъ переселенія по глубинамъ. Если существованіе подобныхъ связующихъ членовъ не будетъ доказано, то придется принять теорію, защищаемую Мёрреемъ и Пфефферомъ, по которой морское дно было покрыто первоначально, до наступленія третичной эпохи, однообразной фауной, переселившейся съ измѣненіемъ условій существованія въ экваторіальныхъ и умѣренныхъ областяхъ къ обоимъ полюсамъ.

---

То, что мы сказали здѣсь относительно придонной фауны, не можетъ быть безъ оговорокъ перенесено всецѣло на пелагическую глубоководную фауну. Однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ результатовъ нашей экспедиціи является, прежде всего, доказательство, что именно пелагическая глубоководная фауна во всѣхъ областяхъ моря представляетъ въ высшей степени однородный характеръ. Такой удивительно большой процентъ пелагическихъ глубоководныхъ рыбъ былъ нами найденъ въ совершенно тожественныхъ формахъ какъ въ Атлантическомъ, такъ и въ Антарктическомъ и въ Индійскомъ океанахъ, что врядъ ли удалась бы попытка раздѣлить пелагическія глубины также на отдѣльныя зоогеографическія области. То же самое можно сказать и о пелагическихъ глубоководныхъ головоногихъ, ракообразныхъ, сагиттахъ, медузахъ и другихъ животныхъ. Мы не будемъ здѣсь приводить тому примѣры, но можемъ съ увѣренностью утверждать, что такихъ примѣровъ представляется множество. Если интересныя пелагическія глубоководныя формы и встрѣчались иногда лишь въ одной изъ этихъ областей, то обусловливается это, прежде всего, тѣмъ обстоятельствомъ, что мы имѣемъ

здѣсь дѣло вообще съ рѣдко встрѣчающимися организмами, которые попадали въ наши вертикальныя сѣти въ очень немногихъ экземплярахъ.

Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ пелагическими организмами поверхности и между ними, прежде всего, съ низшими растительными формами, привязанными къ освѣщеннымъ областямъ моря. Они чрезвычайно тонко реагируютъ на всѣ различныя условія существованія въ отдѣльныхъ областяхъ теченій,—на температуру, содержаніе соли и удѣльный вѣсъ воды, такъ что нерѣдко можно бываетъ съ микроскопомъ въ рукахъ доказать вступленіе въ новое теченіе лишь на основаніи измѣненія состава растительнаго планктона.

Многія и изъ животныхъ формъ, привязанныхъ къ поверхности, выказываютъ такую же чувствительность по отношенію къ измѣненіямъ внѣшнихъ условій и являются типичными для отдѣльныхъ теченій. Но, на ряду съ тѣмъ, имѣется и извѣстное количество организмовъ, періодически появляющихся на поверхности и мало чувствительныхъ къ измѣненіямъ температуры, освѣщенія и солености. Они появляются на поверхности въ совершенно опредѣленныя времена года съ поразительной правильностью, размножаются здѣсь нерѣдко въ такомъ количествѣ, что образуютъ громадныя скопленія и затѣмъ исчезаютъ такъ же быстро, какъ появились. Въ остальное время года тщетно приходится искать ихъ на поверхности, но зато изслѣдованіе болѣе глубокихъ слоевъ воды тонкими сѣтями показываетъ, что они не отмираютъ окончательно, а лишь переселяются въ болѣе прохладныя области. Объ этихъ перемѣщеніяхъ въ вертикальномъ направленіи экспедиція, перемѣняющая со дня на день свое мѣстопребываніе, не можетъ составить себѣ никакого понятія—это задача мѣстныхъ изслѣдователей, которые могутъ въ теченіе болѣе продолжительнаго періода наблюдать на одномъ и томъ же мѣстѣ за періодическими появленіями и исчезаніями пелагическихъ организмовъ поверхности.

Во всякомъ случаѣ, мы можемъ подтвердить то положеніе, что и въ открытомъ океанѣ наблюдается перемѣщеніе организмовъ въ вертикальномъ направленіи. Приведемъ тому нѣсколько примѣровъ. По вступленіи въ холодную область между Капштатомъ и островомъ Буве мы добыли при помощи замыкающейся сѣти съ глубины 1.600—1.100 метровъ одного изъ оболочниковъ, именно *Salpa fusiformis*, являющагося типичной формой поверхностныхъ слоевъ. Находкой этой всѣ такъ живо заинтересовались, что въ тотъ же самый день мы рѣшили опустить еще разъ замыкающуюся сѣть на ту же глубину, и снова нашли ту же самую форму въ содержимомъ улова сѣти. Другой подобный же примѣръ касается тѣхъ изящнѣйшихъ колоній свободно плавающихъ полиповъ сифонофоръ, которыя въ областяхъ теплыхъ теченій Атлантическаго океана покрываютъ поверхность во второй половинѣ зимы и весною. У Канарскихъ острововъ около этого времени колоніи агальмидъ и въ особенности рода *Crystallomia* встрѣчаются въ такомъ множествѣ, что являются наиболѣе обыкновенными пелагическими организмами. Тщетно стали бы мы ихъ, однако, искать лѣтомъ или осенью. Онѣ, впрочемъ, не отмираютъ совершенно, а лишь переселяются въ болѣе глубокіе слои воды,—въ области какъ Гвинейскаго, такъ и Южно-Экваторіальнаго теченія мы добывали ихъ вертикальными сѣтями въ то самое время, когда онѣ совершенно отсутствовали на поверхности.

Вертикальныя перемѣщенія, предпринимаемыя нѣкоторыми изъ организмовъ поверхности, объясняютъ намъ также, почему пелагическіе организмы, появляющіеся на поверхности періодически, получаютъ



почти всемірное распространеніе по всѣмъ океаническимъ областямъ. Если прежде мы склонны были считать теченія, сказывающіяся на югъ отъ Капланда барьеромъ, препятствующимъ проникновенію атлантическихъ формъ въ Индійскій океанъ, то теперь оказывается, что барьеръ этотъ является препятствіемъ лишь для тѣхъ обитателей поверхности, которые въ дѣйствительности никогда не спускаются въ глубже лежащіе слои. Если же они или въ видѣ личинокъ или въ видѣ взрослыхъ формъ примѣшиваются къ типичной пелагической глубоководной фаунѣ, то путемъ обмѣна глубокихъ слоевъ воды и смѣшенія они заносятся изъ одного океаническаго бассейна въ другой и распространяются, положительно, по всему свѣту.

Наконецъ, эти вертикальныя перемѣщенія даютъ намъ ключъ къ истолкованію тѣхъ явленій, о которыхъ мы говорили выше,—именно къ выясненію вопроса о сходствѣ арктическихъ и антарктическихъ организмовъ. Поверхностный пелагическій міръ холодныхъ областей совершенно отличенъ отъ міра, населяющаго области теплыхъ теченій. Ничто не поражаетъ такъ, какъ это внезапное, полное измѣненіе состава планктона поверхности при переходѣ изъ теплой воды въ холодную. Намъ удалось испытать такое измѣненіе, когда мы между мысомъ Доброй Надежды и областью Бувэ вступили изъ послѣднихъ вѣтвей Агуласскаго теченія въ районъ антарктической холодной воды. Съ того момента, какъ были замѣчены внезапные температурные скачки поверхностной воды, указывающіе на вліяніе холодной области, всѣ организмы, попадавшіеся намъ въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ, проведенныхъ въ теплыхъ областяхъ, сразу исчезли. На ихъ мѣсто появился новый органическій міръ, съ которымъ намъ пришлось имѣть дѣло до тѣхъ поръ, пока между Кергуэльскими островами и островомъ св. Павла мы не вступили снова въ область теплой воды Индійскаго океана.

Антарктическій планктонъ поразительно богатъ самыми различными формами, которыя сдѣлались точнѣе извѣстны лишь благодаря работамъ «Вальдивіи». Во всякомъ случаѣ нельзя отрицать, что общій характеръ его представляетъ извѣстное соотвѣтствіе съ арктическимъ планктономъ. Соотвѣтствіе это заходитъ такъ далеко, что въ обоихъ полярныхъ областяхъ встрѣчаются формы, совершенно отсутствующія въ той обширной полосѣ теплыхъ водъ, которая разграничиваетъ обѣ области. Одинъ изъ видовъ сагитты, напримѣръ, *Sagitta hamata*, распространенъ какъ въ арктическихъ, такъ и въ антарктическихъ холодныхъ водахъ, точно также,—чтобы привести новый примѣръ— извѣстная до сихъ поръ лишь изъ арктической области небольшая сифонофора *Diphyes arctica* встрѣчается и въ антарктическихъ водахъ.

Если бы мы удовольствовались лишь изученіемъ поверхностныхъ слоевъ воды, то подобное сходство являлось бы для насъ совершенно непонятнымъ. Оно находитъ, однако, вполнѣ естественное объясненіе въ томъ фактѣ, что обитатели холодной воды проникаютъ на глубины и находятъ возможнымъ существовать подъ относительно тонкими теплыми слоями воды умѣренныхъ и тропическихъ областей. Въ глубокихъ и холодныхъ водахъ тропической области, дѣйствительно, какъ показываютъ уловы замыкающимися сѣтями, происходитъ обмѣнъ между арктическими и антарктическими поверхностными формами.

---

Вполнѣ естественно, что глубоководные организмы и по своему внѣшнему строенію проявляютъ приспособленность къ своеобразнымъ

условіямъ существованія въ холодныхъ и лишенныхъ свѣта водахъ глубинъ! Прежде всего такое приспособленіе сказывается въ уменьшеніи и исчезновеніи глазъ. Между обитателями придонной фауны мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ формъ, у которыхъ находятся всѣ стадіи отъ начинающагося уменьшенія глазъ и до полнаго ихъ отсутствія. Нашъ матеріалъ, также какъ и матеріалъ предшествовавшихъ экспедицій, даетъ чрезвычайно поучительные примѣры въ этомъ смыслѣ,—въ особенности между рыбами и ракообразными. Нѣкоторыя ракообразныя, напримѣръ, эріониды становятся совершенно слѣпыми и утрачиваютъ всѣ слѣды глазныхъ стебельковъ и органовъ зрѣнія. Между придонными рыбами является типичнымъ примѣромъ хотя бы изображенный нами выше *Barathronus* съ полнымъ отсутствіемъ глазъ, вмѣсто которыхъ у него находятся два вогнутыхъ зеркала, имѣющихъ золотистый металлическій блескъ.

Однако, и въ тѣхъ случаяхъ, когда глаза, повидимому, хорошо сохранились и снаружи замѣтна лишь нѣкоторая бѣдность ихъ пигментомъ, анатомическое изслѣдованіе показываетъ нерѣдко глубокое вырожденіе этихъ органовъ зрѣнія. Это касается, напримѣръ, ракообразныхъ галатеидъ, сѣтчатая оболочка которыхъ такъ перерождается, что строеніе ихъ не можетъ быть признано болѣе нормальнымъ. Притомъ сохранившійся снаружи въ хорошемъ состояніи глазъ выполняется соединительной тканью, въ которой развѣтвляется на множество вѣтвей толстый нервъ.

Между пелагическими глубоководными формами атрофія глаза встрѣчается рѣже. Мы не знаемъ до сихъ поръ еще ни одной пелагической рыбы безъ глазъ или съ зачаточными глазами; у ракообразныхъ, наоборотъ, у многихъ замѣчается или полное исчезновеніе глазъ или сильное уменьшеніе ихъ, какое наблюдается, напримѣръ, у амфиподъ. Между десятиногими раками нѣкоторыя сергестиды обладаютъ сильно уменьшившимися глазами и, наконецъ, ведущіе пелагическій образъ жизни эріониды *(Eryonicus)* точно также лишены глазъ и глазныхъ стебельковъ, какъ и ихъ родственники, водящіеся на днѣ.

Нельзя отрицать, что все же у относительно небольшого количества глубоководныхъ животныхъ постоянное пребываніе на неосвѣщенныхъ глубинахъ вызываетъ утрату глазъ. По сравненію съ глубоководной фауной фауна пещеръ, напримѣръ, проявляетъ несравненно болѣе общую утрату органа зрѣнія. Присутствіе у рыбъ и ракообразныхъ, обитающихъ въ вѣчно темныхъ подводныхъ областяхъ, хорошо развитыхъ и даже нерѣдко чрезвычайно увеличенныхъ глазъ приводило въ немалое недоумѣніе біологовъ. Предполагали, что, быть можетъ, ультрафіолетовые лучи или лучи неизвѣстнаго еще намъ рода проникаютъ на глубины и обусловливаютъ развитіе зрительныхъ органовъ. До сихъ поръ, однако, физика не доказала намъ, чтобы ниже 600 метровъ могли проникать какіе-либо лучи, и пока это не будетъ доказано, намъ приходится искать другихъ источниковъ свѣта, которыми могли бы пользоваться глубоководные организмы. Чрезвычайно заманчивымъ является предположеніе, что свѣтъ, дѣйствительно, производится самими глубоководными животными и давно уже непосредственное наблюденіе сдѣлало фактъ этотъ не подлежащимъ сомнѣнію. Волшебное зрѣлище представляетъ изъ себя вертикальная сѣть или же тралъ, выходящій на поверхность ночью,—въ немъ шевелятся, блистая своими свѣтящимися органами и испуская яркій фосфорическій свѣтъ, пойманные глубоководные организмы. Иногда глубоководныя

животныя испускаютъ свѣтящуюся слизь, иногда свѣтится все ихъ тѣло или же способность свѣченія ограничивается лишь извѣстными органами. На вѣтвяхъ морскихъ перьевъ, которыя были добыты у Сомалійскаго берега, мелькали отъ полипа къ полипу яркіе огоньки. Простѣйшіе, черви, открытая Асбьернсономъ морская звѣзда *Brisinga*, многочисленныя ракообразныя глубокихъ водъ и, прежде всего, уже значительная часть глубоководныхъ рыбъ обладаютъ способностью свѣченія. У нѣкоторыхъ изъ рыбъ органы свѣченія окружаютъ боковыя части тѣла или брюшную поверхность въ видѣ фонарей, снабженныхъ вогнутыми зеркалами и выпуклыми чечевицами, тогда какъ другія рыбы, настоящіе Діогены морскихъ глубинъ, снабжены фонаремъ на головѣ или на нижней челюсти. Даже лучи плавниковъ, область передъ хвостовымъ плавникомъ и конецъ хвоста могутъ нести на себѣ органы свѣченія. Органы эти встрѣчаются какъ у рыбъ съ сильно развитыми зубами, такъ и у тѣхъ, у которыхъ зубы слабые, они могутъ развиваться у нѣкоторыхъ видовъ очень сильно и отсутствовать у ближайшихъ родственниковъ. Въ виду того, что эти органы свѣченія, считавшіеся прежде по своему сходству съ органами зрѣнія за добавочные глаза, снабжены нервами, надо предположить, что процессъ свѣченія зависитъ отъ воли животнаго.

Не должно, однако думать, что замѣчательное явленіе свѣченія глубоководныхъ организмовъ можетъ легко быть наблюдаемо. Большинство животныхъ приходитъ на поверхность мертвыми или же настолько ослабленными, что надо положительно считать за особое счастье, если удастся наблюдать несомнѣнное свѣченіе. Я обыкновенно, какъ только мы добывали какую-нибудь болѣе или менѣе замѣчательную глубоководную рыбу, отправлялся съ ней тотчасъ же въ темную камеру, чтобы посмотрѣть, не свѣтится ли она. Хотя и въ рѣдкихъ случаяхъ, но свѣченіе можно было констатировать. Наблюденія эти были тѣмъ болѣе важны, что всѣ свѣтящіеся органы легко замѣтны и имѣютъ общія черты въ строеніи, такъ что если удастся замѣтить свѣченіе одного изъ нихъ, то несомнѣнно, что и другія похожія на него образованія также представляютъ изъ себя органы свѣченія.

Чтобы пояснить сказанное примѣрами, укажу, прежде всего, на замѣчательную черную рыбу, являющуюся новымъ представителемъ рода *Echiostoma*. У нея замѣчалось превосходное голубоватое фосфорическое свѣченіе треугольнаго органа, расположеннаго на верхней челюсти, позади глазъ. Органъ этотъ прикрытъ прозрачной и выпуклой въ видѣ роговицы частью кожи и можетъ притомъ ворочаться при помощи мышцъ такъ, что свѣченіе то исчезаетъ, то снова появляется. Мы могли также замѣтить свѣченіе у многихъ представителей стоміатидъ и скопелидъ, но не могли доказать его у тѣхъ курьезныхъ глубоководныхъ рыбъ, которыя принадлежатъ къ семейству цератіидъ. У этихъ чудовищныхъ формъ, напр., у *Melanocoetus* (p. 89), на лбу между глазами или же на концѣ морды поднимается длинный придатокъ въ видѣ прута съ расширеніемъ на концѣ. Послѣднее снабжено органами, которые, по сообщенію д-ра Брауера, судя по ихъ строенію, являются органами свѣченія. Прежде эти удивительные придатки считались соотвѣтствующими первому лучу спинного плавника, сильно подвинутаго впередъ. Не говоря уже о томъ, что прикрѣпленіе этихъ придатковъ на концѣ морды трудно совмѣстимо съ такимъ объясненіемъ, мы не можемъ не указать также при этомъ случаѣ, что многія род-

ственныя придонныя рыбы изъ семейства *Pediculata* обладаютъ также весьма курьезными образованіями, несомнѣнно соотвѣтствующими этимъ прутьямъ рыбъ, ведущихъ пелагическій образъ жизни. На прилагаемомъ рисункѣ (рис. 91) мы воспроизводимъ нѣкоторыя изъ этихъ формъ, обладающія подобными органами.

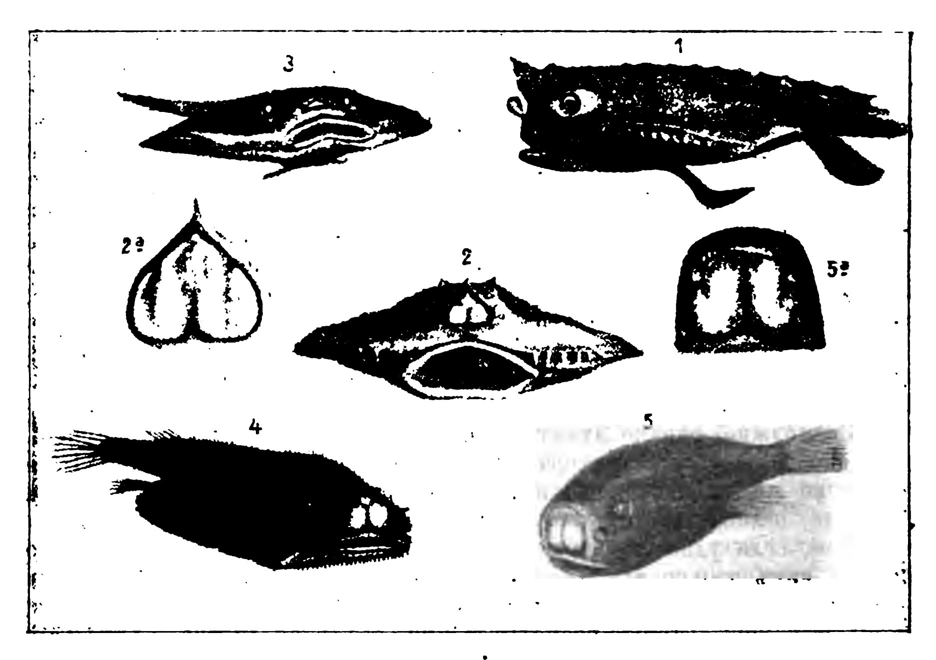



Рис. 91. Глубоководныя рыбы изъ сем. *Pediculata* съ загадочными органами на головѣ.—1.—*Malthopsis luteus*.—2.—*Halicmetus sp.*—2a.—Носовой органъ этой рыбы, увеличенный.—3.—*Halicmetus sp.*—4 и 5.—Рыбы изъ сем. *Onchocephalidae*.—5a.—Носовой органъ одной изъ нихъ.

У рода *Malthopsis* прутьевидный органъ *Melanocoetus*'а укоротился и превратился въ пуговку на стебелькѣ. У другихъ видовъ онъ все болѣе и болѣе втягивается въ полость, образовавшуюся у конца морды, и принимаетъ двулопастную форму, напоминая носовыя придатки вампировъ. Когда мы впервые выловили этихъ курьезныхъ рыбъ, относящихся къ семейству *Onchocephalida*, мы думали первоначально, что у нихъ повреждена передняя часть морды и выступаютъ огромныя обонятельныя дольки головного мозга. Болѣе подробное изслѣдованіе показало, однако, что рыбы эти не повреждены и что онѣ обладаютъ органами совершенно особаго рода, между которыми къ тому же замѣчаются всѣ переходы къ длиннымъ прутьеобразнымъ придаткамъ *Melanocoetus*'а и другихъ цератіидъ. Являются ли эти органы органами свѣченія, можно будетъ сказать лишь послѣ болѣе подробнаго анатомическаго изслѣдованія ихъ.

Чтобы привести кое-какія новыя наблюденія относительно свѣченія другихъ организмовъ, упомянемъ здѣсь о ракообразныхъ изъ рода *Gnathophausia*, принадлежащаго къ расщепленогимъ. У основанія второй пары нижнихъ челюстей его Вильмесъ Зумъ нашелъ ярко пигментированое вздутіе, которое онъ считалъ за добавочный глазъ. Обрабатывавшій расщепленогихъ экспедиціи «Чэлленжера» знаменитый

норвежскій изслѣдователь Г. Сарсъ не могъ признать строенія этого органа сходнымъ съ глазомъ и предполагалъ, что это органъ свѣченія. Въ этомъ предположеніи онъ и не ошибся, какъ мы убѣдились уже при началѣ нашего пути на пойманномъ экземплярѣ *Gnathophausia*. Ракъ выдѣляетъ изъ этого железистаго органа слизь, тянущуюся длинными нитями и испускающую очень яркій фосфоресцирующій свѣтъ.

Не могу не привести еще какъ примѣръ одного изъ свѣтящихся головоногихъ. Этотъ представитель рода *Enoploteuthis* обладаетъ 24 органами свѣченія, расположенными очень своеобразно. На каждомъ изъ двухъ длинныхъ щупалецъ располагается по два такихъ органа; у нижняго края глазъ ихъ по пяти, а остальные находятся на брюшной сторонѣ, распредѣляясь такъ, какъ это видно на рисункѣ. Окраска этихъ органовъ поразительно красива — положительно можно подумать, что тѣло окружено ожерельемъ блестящихъ драгоцѣнныхъ камней. Средній изъ глазныхъ органовъ синяго цвѣта, боковые имѣютъ блескъ перламутра, передніе органы брюшной стороны похожи на краски рубиновъ, тогда какъ задніе бѣлы, за исключеніемъ самаго средняго, который голубой. Эти органы свѣченія имѣли видъ ямокъ, наружная поверхность которыхъ выпукла въ видѣ чечевицы, внутренняя же выложена чернымъ или коричневымъ пигментомъ. При консервированіи въ темной комнатѣ онѣ испускали еще слабый свѣтъ. У цѣлаго ряда собранныхъ нами пелагическихъ глубоководныхъ головоногихъ подобные органы замѣчались въ области глаза. Повидимому, эти же органы наблюдались стариннымъ изслѣдователемъ Рюппелемъ у *Enoplotenthis margaritifera*, но наблюденія его были почти забыты.



Рис. 92. Глубоководный головоногій моллюскъ *Calliteuthis* съ органами свѣченія. (Индійскій океанъ, 1500 метровъ).

Подобные же, но нѣсколько меньшіе органы занимаютъ у рода *Calliteuthis* (рис. 92) всю поверхность тѣла, начиная со щупалецъ и до хвостовыхъ плавниковъ. Брюшная поверхность обильнѣе снабжена ими, чѣмъ спинная. Мы не видѣли ихъ, къ сожалѣнію, свѣтящимися, но надо думать, что зрѣлище представляемое этимъ животнымъ въ естественномъ видѣ, великолѣпно.

Трудно сказать, каково біологическое значеніе свѣтящихся органовъ. Величина и расположеніе ихъ настолько измѣнчивы у близко

родственныхъ формъ, что хотя они и могутъ служить хорошимъ систематическимъ признакомъ, но, съ другой стороны, представляютъ изъ себя для того, кто желаетъ опредѣлить въ данномъ случаѣ ихъ біологическое значеніе, настоящую загадку. Иногда органы эти лежатъ спереди на головѣ и позволяютъ животному распознавать находящіеся передъ нимъ предметы, что особенно важно для хищниковъ, иногда они располагаются по бокамъ, на брюхѣ или на хвостѣ, такъ что исходящій изъ нихъ свѣтъ не попадаетъ непосредственно въ глаза несущаго ихъ животнаго. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, быть можетъ, органы свѣченія служатъ для того, чтобы сдѣлать возможнымъ нахожденіе самцами самокъ, или же, чтобы облегчить особямъ одного вида держаться вмѣстѣ стаей. Врядъ ли, однако, можно предположить, какъ

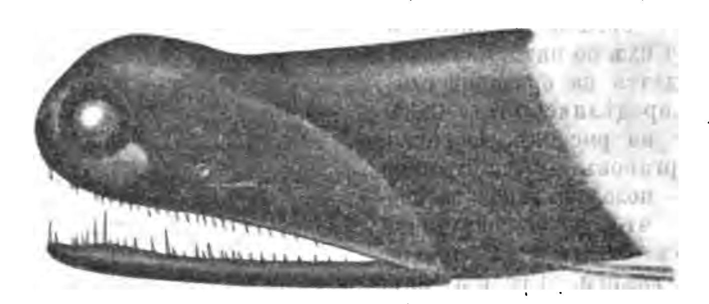


Рис. 93. Голова глубоководной рыбы *Malacosteus* съ двумя парами органовъ свѣченія.

это высказывалось неоднократно, что бы органы эти могли устрашать враговъ. Свѣтъ не только не устрашаетъ, но даже привлекаетъ пелагическихъ животныхъ, какъ въ этомъ можно убѣдиться, если опустить надъ поверхностью моря электрическую лампу,—около нея въ короткое время собирается огромное количество пелагическихъ организмовъ. Такимъ образомъ, скорѣе можно считать органы свѣченія средствомъ для привлеченія добычи, идущей въ пищу носителю этихъ органовъ. Свѣтятся также и многія прикрѣпленныя къ морскому дну или слабо двигающіяся животныя, напримѣръ, мягкіе морскіе кораллы и морскія звѣзды, и надо думать, что этимъ свѣченіемъ они также привлекаютъ къ себѣ подвижныхъ пелагическихъ животныхъ, становящихся ихъ добычею.

Итакъ, существованіе органовъ свѣченія у обитателей глубинъ, какъ мы говорили уже выше, объясняетъ то обстоятельство, что у многихъ глубоководныхъ формъ имѣются хорошо развитые и часто даже чудовищно огромные глаза.

Между ведущими пелагическій образъ жизни глубоководными формами встрѣчаются такія, у которыхъ глаза утратили свою шарообразную форму и приняли видъ телескоповъ. Прежде всего подобное преобразованіе глазъ стало намъ извѣстнымъ у ракообразныхъ изъ амфиподъ и расщепленогихъ. У нихъ часть простыхъ глазковъ, составляющихъ сложный фасеточный глазъ, вытянулась такъ сильно, что глазъ раздѣлился на два—на передній и на боковой. Мы еще ранѣе, на основаніи физіологическихъ изслѣдованій Экснера, пытались доказать, что передніе глаза съ ихъ чудовищно удлиненными простыми глазками являются особенно пригодными для того, чтобы улавливать предметы, находящіеся въ движеніи, тогда какъ боковые глаза приспособлены

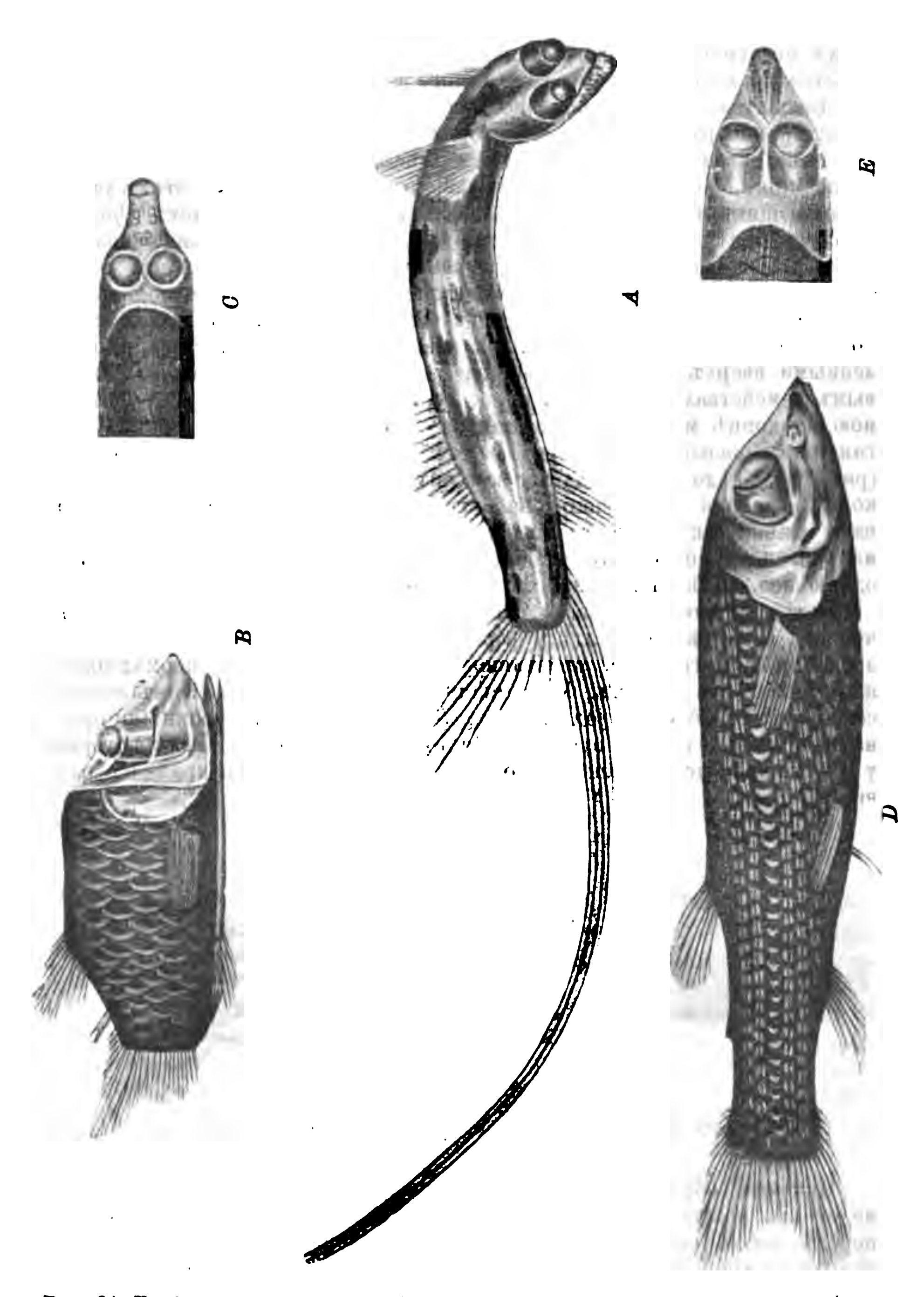



Рис. 94. Глубоководныя пелагическія рыбы съ телескопическими глазами. *A.*— Глубоководная рыба новаго семейства съ телескопическими глазами, направленными впередъ (Гвинейскій заливъ, 2500 метр.).—*B.C.*—*Opisthoproctus soleatus* съ глазами направленными вверхъ и ея голова сверху. (Гвинейскій заливъ, 4000 метр.).— *D,E.*—Рыба, принадлежащая къ новому семейству съ глазами направленными впередъ (Гвинейскій заливъ. 1200 метр.).

для воспріятія деталей картины. У нѣкоторыхъ ракообразныхъ, ведущихъ пелагическій образъ жизни, боковые глаза совершенно исчезли и остались лишь передніе, удлиненные въ видѣ телескоповъ.

Доказательство, что подобное видоизмѣненіе глазъ свойственно не только ракообразнымъ, но и нѣкоторымъ пелагическимъ рыбамъ и головоногимъ, является однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ результатовъ нашей экспедиціи. Мы даемъ здѣсь изображенія нѣкоторыхъ изъ этихъ рыбъ, обладающихъ телескопическими глазами. Лишь одна изъ нихъ *Opisthoproctus* была добыта французскими изслѣдователями въ видѣ молодой формы, причемъ, однако, наиболѣе замѣчательный признакъ ея, именно, превращеніе глазъ въ цилиндры, направленные кверху, не упоминается въ описаніи. Какъ видно изъ рисунковъ, подобные глаза являются то горизонтальными и направленными впередъ, то вертикальными, направленными вверхъ. Двѣ изъ изображенныхъ рыбъ принадлежатъ къ новымъ семействамъ, изъ нихъ одна, густого чернаго цвѣта, съ прозрачною на концѣ мордою, приближается къ скопелидамъ, тогда какъ другая не выказываетъ родства ни съ одною изъ извѣстныхъ формъ (рис. 94). Тѣло ея обладаетъ замѣчательнымъ металлическимъ блескомъ, огромная пасть снабжена острыми зубами, нижніе лучи хвостоваго плавника курьезно удлинены и, наконецъ, лежащіе горизонтально, направленные впередъ телескопическіе глаза дѣлаютъ ее, положительно, одною изъ замѣчательнѣйшихъ глубоководныхъ рыбъ.

Болѣе тщательное изслѣдованіе строенія покажетъ, надо думать, что всѣ изображенныя здѣсь формы глазъ являются лишь конечными звеньями цѣлаго рядъ превращеній, претерпѣваемыхъ нормальнымъ шарообразнымъ глазомъ. Уже теперь мы находимъ на глазномъ яблокѣ серебристой рыбы изъ рода *Argyropelecus*, снабженной огромными органами свѣченія, начало превращенія въ телескопическій глазъ, который у другихъ представителей этого рода достигаетъ своего крайняго развитія.

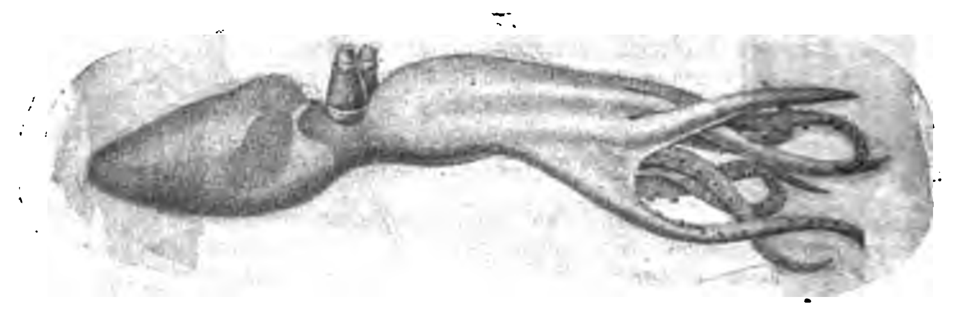


Рис. 95. Головоногій моллюскъ съ телескопическими глазами.

Никоимъ образомъ формы, обладающія телескопическими глазами не стоятъ между собою въ ближайшемъ родствѣ. Мы имѣемъ здѣсь передъ собою скорѣе явленія совпаденія (конвергенціи) въ строеніи самыхъ различныхъ пелагическихъ глубоководныхъ формъ. Что подобное явленіе свойственно и головоногимъ, показываетъ прилагаемое изображеніе (рис. 95), осьминога, добытаго нами въ Агуласскомъ теченіи: животное это со своими вертикально стоящими глазными цилиндрами производитъ чрезвычайно курьезное впечатлѣніе.

Лишь болѣе подробное изученіе этихъ формъ глаза позволитъ вы-

яснить ихъ физіологическое значеніе; пока мы предполагаемъ,—но это не болѣе, какъ гипотеза,—что такіе глаза особенно хорошо приспособлены для воспріятія движеній.

Какое значеніе имѣетъ то обстоятельство, что у многихъ молодыхъ формъ рыбъ (рис. 96), добытыхъ нами частью въ антарктической области, частью въ Индійскомъ океанѣ, глаза сидятъ на длинныхъ стебелькахъ, удлиненныхъ къ тому же часто до чудовищныхъ размѣровъ, также трудно пока рѣшить. Если предположить, что благодаря подобному способу прикрѣпленія органовъ зрѣнія животное можетъ обо-

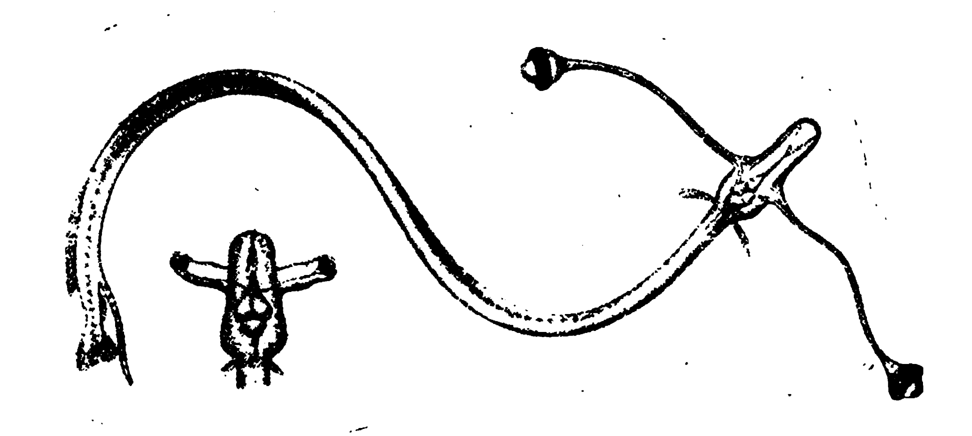


Рис. 96. Молодая рыба со стебельчатыми глазами. (Индійскій океанъ, 2000 метровъ). Слѣва голова другой рыбы съ болѣе короткими стебельками глазъ.

зрѣвать болѣе значительный районъ, то это, въ сущности, будетъ не болѣе, какъ пересказъ наблюдаемаго явленія другими словами. Можно лишь замѣтить, что чрезъ этотъ стебелекъ проходитъ не только глазной нервъ, но и шесть превратившихся въ тонкіе тяжи глазныхъ мышцъ.

Въ виду того, что мы остановились теперь на различныхъ замѣчательныхъ превращеніяхъ глаза, скажемъ уже кстати, что у нѣкоторыхъ скопелидъ на темени головы наблюдается прозрачное образованіе, покрытое выпуклой роговицей—оно соотвѣтствуетъ такъ называемому темянному (паріетальному) глазу нѣкоторыхъ пресмыкающихся Дѣйствуетъ ли это образованіе у глубоководныхъ рыбъ, какъ глазъ, покажетъ впослѣдствіи болѣе подробное анатомическое изслѣдованіе.

Вѣчный голодъ налагаетъ особый отпечатокъ на глубоководные организмы, которымъ съ такимъ трудомъ достается пища. Нерѣдко даже во время подъема сѣти въ прикрѣпленномъ къ ней концевомъ сосудѣ разгоралась сильнѣйшая борьба за существованіе, и намъ порою приходилось сожалѣть, что какая-нибудь глубоководная рыба проглотила по дорогѣ другіе интересные пелагическіе организмы или же со своей стороны была перекусана и растерзана клешнями какого-нибудь крупнаго рака.

Вся организація у формъ, ведущихъ хищническій образъ жизни, проявляетъ нерѣдко удивительнѣйшее приспособленіе къ добыванію

трудно достижимой пищи. У ракообразныхъ конечности превращаются часто въ органы нападенія, вооруженные либо шипами, либо клешнями, либо настоящими копьями или стилетами. Пасть у нѣкоторыхъ пелагическихъ глубоководныхъ рыбъ достигаетъ такого чудовищнаго развитія, что составляетъ болѣе трехъ четвертей длины тѣла; вся рыба какъ бы превращается въ одну сплошную пасть, вооруженную чудовищно развитыми зубами, которые не позволяютъ уйти добычѣ, превращаясь либо въ рѣшето, либо въ крючья, захватывающіе ее. Нѣкоторые изъ представителей рода *Labichthys* (рис. 97), выказываютъ замѣчатель-

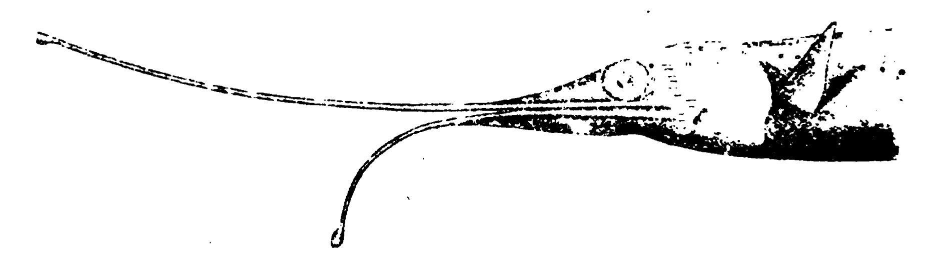


Рис. 97. Голова рыбы *Labichthys elongatus*. (Восточно-африкан. берегъ 1668 метр.).

нѣйшее превращеніе своей челюсти, которая вытянута въ длинный придатокъ, въ родѣ прута, кончающійся расширеніемъ. Челюсть усажена мелкими зубами, и потому, надо полагать, особенно пригодна для того, чтобы въ ней запутывались пелагическіе организмы.

Нельзя отрицать, что существуетъ нѣкоторая связь и соотношеніе между развитіемъ глазъ и развитіемъ пасти, — именно, у нѣкоторыхъ рыбъ, обладающихъ самою чудовищною пастью, имѣются какъ разъ маленькіе глаза, тогда какъ у нѣкоторыхъ формъ съ поразительно малою пастью, глаза сильно развиты и превращены въ телескопическіе. Впрочемъ, иногда эти отношенія являются и обратными.

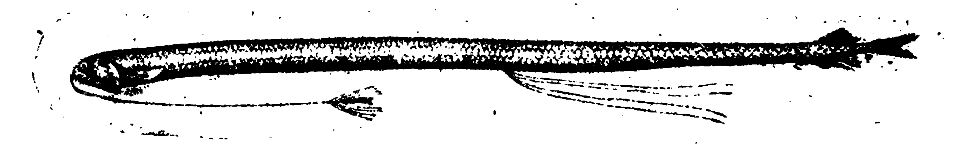


Рис. 98. Глубоководная рыба. *Stomias sp.* (Индійскій океанъ, 2000 метровъ). Черныя точки на брюхѣ и подъ глазомъ—органы свѣченія.

Повышеніе способности воспріятія аппаратовъ, служащихъ для познаванія окружающей среды, выражается еще въ необыкновенномъ развитіи усиковъ. У нѣкоторыхъ глубоководныхъ формъ, ведущихъ хищническій образъ жизни, они достигаютъ такого развитія, что превышаютъ длину тѣла въ 10—20 разъ. Это наблюдается въ особенности у ракообразныхъ—сергестидъ и глубоководныхъ креветокъ, у нѣкоторыхъ изъ нихъ мы находили усики въ полтора метра длины (*Aristaeus*). Здѣсь такіе усики соединяются съ хорошо развитыми органами зрѣнія, но у слѣпыхъ глубоководныхъ ракообразныхъ тѣло нерѣдко усѣяно цѣлымъ лѣсомъ чувствительныхъ волосковъ, какъ это особенно бро-

сается въ глаза у эріонидъ. Между глубоководными рыбами встрѣчаются также подобные чрезмѣрно развитые органы осязанія, въ видѣ сидящихъ на нижней челюсти усиковъ или необыкновенно удлиненныхъ лучей плавниковъ, которые иногда оканчиваются замѣчательными образованіями, имѣющими видъ пуговокъ.

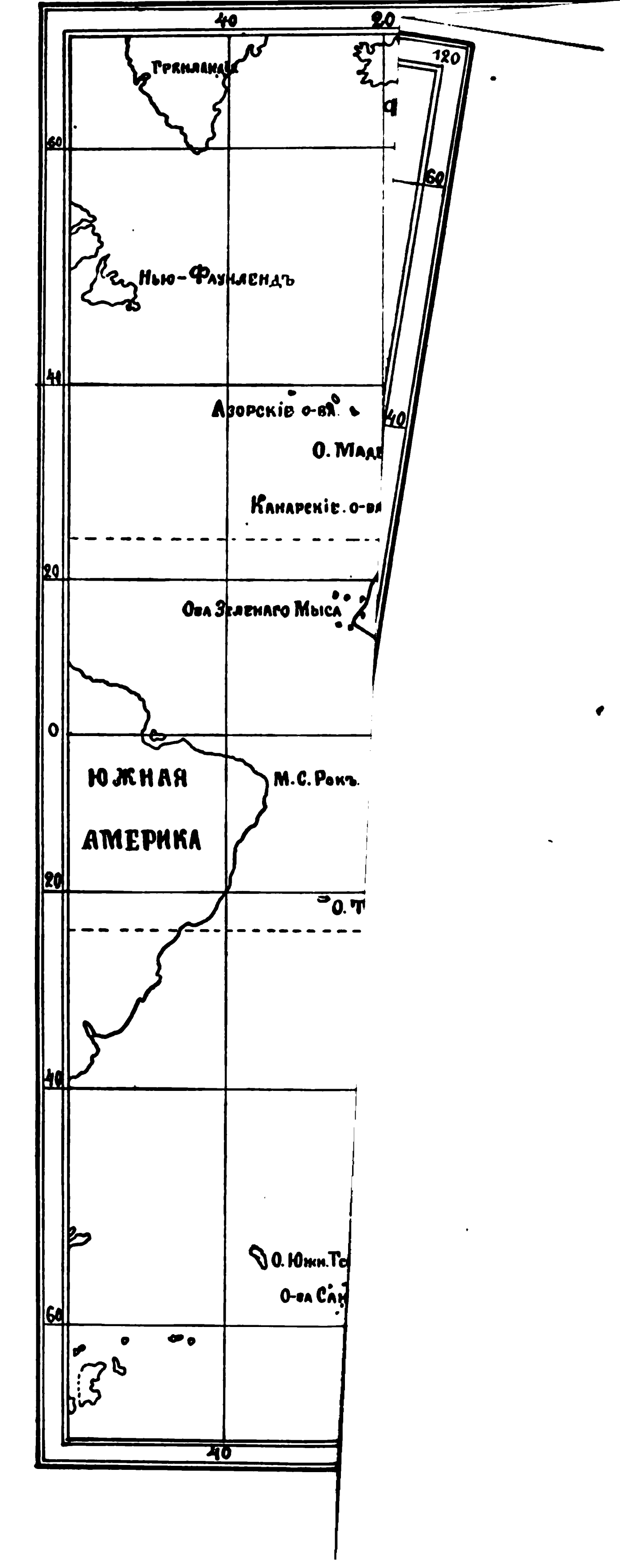
Если бы мы задались цѣлью выяснить всѣ своеобразные приспособленія глубоководныхъ животныхъ къ ихъ условіямъ существованія, то намъ не хватило бы ни силъ, ни мѣста. Каждый изъ обитателей глубинъ вызываетъ цѣлый рядъ соображеній о вліяніи внѣшнихъ условій на его организацію и притомъ не только на наружную, но и на внутреннюю, и даже на его развитіе. Если взять хотя бы глубоководную рыбу, то мы видимъ, прежде всего, что кожа ея усѣяна мельчайшими нервными окончаніями, которыя стоятъ въ связи или съ сильно развитой системой боковыхъ линій, или же съ органами свѣченія, иногда же представляетъ изъ себя совершенно неизвѣстныя намъ образованія, значеніе которыхъ трудно понять. Органы чувствъ также развиты чрезмѣрно: глаза обращаютъ на себя вниманіе не только своеобразною формою глазного яблока, но и внутреннимъ строеніемъ сѣтчатки, съ ея необычайно удлиненными зрительными палочками; у органовъ слуха части, служащія для сохраненія равновѣсія, именно полукруглые каналы, развиты такъ сильно, что центральная нервная система и отходящіе отъ нея головные нервы едва находятъ себѣ мѣсто,—наконецъ, органы осязанія развиты настолько многосторонне, что приходится лишь изумляться могущественной способности природы создавать такія своеобразныя формы. Если изслѣдовать затѣмъ нервную систему и связанный съ нею темянной органъ, то опять приходится встрѣтить особенности строенія, которыя не совмѣщаются съ тѣмъ, что намъ извѣстно по отношенію къ формамъ, обитающимъ на морской поверхности. Не менѣе своеобразно также расположеніе и микроскопическое строеніе мышечныхъ волоконъ и скелета. Послѣдній бѣденъ известью или же вообще у пелагическихъ глубоководныхъ рыбъ развитъ лишь въ видѣ хрящевого скелета и потому является такимъ же приспособленіемъ къ свободно плавающему образу жизни, какъ развивающаяся у многихъ другихъ глубоководныхъ формъ студенистая соединительная ткань. Мы не будемъ говорить здѣсь объ особенностяхъ въ строеніи органовъ питанія,—скажемъ лишь, что изученіе одной единственной глубоководной рыбы могло бы составить вполнѣ достойный объектъ для работы изслѣдователя въ теченіе всей жизни. Нѣкоторыя особенности въ строеніи, напримѣръ, строеніе глаза могутъ быть подвергнуты строгому физическому анализу, тогда какъ другія особенности представляютъ изъ себя задачу, гдѣ открывается обширное поле для всевозможныхъ гипотезъ и даже фантастическихъ построеній.

То, что мы сказали здѣсь о глубоководныхъ рыбахъ, приложимо и къ каждому изъ обитателей глубоководныхъ областей, не исключая даже наиболѣе просто организованныхъ существъ—простѣйшихъ. Кто можетъ охватить этотъ міръ чудесъ, водящійся на глубинахъ, со всѣми подробностями его существованія и кто рѣшится утверждать, что уже въ настоящее время исчерпано все, что въ немъ есть оригинальнаго и интереснаго? Все здѣсь чуждо для насъ, невиданно и поражаетъ насъ въ высокой степени. И, тѣмъ не менѣе, никогда не встрѣчаемъ мы здѣсь совершенно новыхъ условій организаціи, новыхъ типовъ, у которыхъ не было бы аналогіи на поверхности! Все вращается здѣсь постоянно

около приспособленія и видоизмѣненія тѣхъ же формъ, которыя въ своемъ построеніи подвластны тѣмъ же законамъ, какіе управляютъ всѣмъ остальнымъ органическимъ міромъ. Кажется, что слышишь старую, давно знакомую мелодію, которая здѣсь повторяется въ новыхъ, захватывающихъ, безконечныхъ варіаціяхъ!..

Конкцъ.





40
20
120
Гренландія
60
60
Нью-Фаундлендъ
40
Азорскіе о-ва
40
О. Мад
Канарскіе о-ва
20
Ова Зеленаго Мыса
0
ЮЖНАЯ
АМЕРИКА
М. С. Рокъ
20
40
О. Южн. Т
О-ва Са
60
40

